

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТИЕ.
ЧАСТЬ СССХХХХVIII.

1903.
ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1903.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

*данный на имя министра народного просвещенія, тайного советника
Зенгера.*

Григорій Эдуардовичъ. Въ Бозѣ почивающій Дѣдъ Мой Императоръ Александръ II въ 13-й день августа 1880 года Всемилостивѣйше повелѣть управлявшему министерствомъ народнаго просвѣщенія не возвращать на будущее время преподаванія Закона Божія римско-католическаго исповѣданія на природномъ языкѣ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ губерній Царства Польскаго, съ тѣмъ, чтобы сія мѣра не была распространяема на иѣкоторыя изъ заведеній, въ коихъ названное преподаваніе производилось дотолѣ на русскомъ языкѣ.

Признавъ нынѣ за благо, чтобы порядокъ, установленный Высочайшимъ повелѣніемъ 13-го августа 1880 года для большинства среднихъ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа, быть распространенъ и на тѣ шесть мужскихъ и два женскихъ среднихъ учебныхъ заведенія сего округа, относительно которыхъ допущено было вышеуказанное ограничение, Я поручаю вамъ озабочиться принятіемъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы съ начала будущаго учебнаго года преподаваніе Закона Божія римско-католическаго исповѣданія на природномъ языкѣ учащихся разрѣшалось во всѣхъ, безъ изъятія, среднихъ учебныхъ заведеніяхъ края, въ коихъ обучаются воспитанники и воспитанницы сего исповѣданія.

На подлинномъ Собственою Его Императорскаго Величества рукою написано:
„НИКОЛАЙ“.

Царское Село. 25-го мая 1903 г.

ІІ. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛЕННІЯ.

1. (18-го февраля 1903 года). *О правахъ по отбыванію воинской повинности учениковъ училища при римско-католической церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, о правахъ по отбыванію воинской повинности учениковъ училища при римско-католической церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ, Высочайше утвердить соизволить и повелѣть исполнить.

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представление министерства народного просвѣщенія о правахъ по отбыванію воинской повинности учениковъ училища при римско-католической церкви св. Екатерины въ Петербургѣ, мнѣніемъ положило:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:
С.-Петербургское училище при римско-католической церкви св. Екатерины причисляется, для окончившихъ въ немъ полный курсъ, ко второму разряду учебныхъ заведеній по отбыванію воинской повинности. Неокончившимъ полного курса въ семъ училищѣ, но прошедшими въ немъ не менѣе курса приготовительныхъ его классовъ, предоставляются права окончившихъ курсъ учебныхъ заведеній третьего разряда.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(*Собр. узак. и расп. прав.,* 3-го июня 1903 г., № 55. ст. 629).

2. (18-го февраля 1903 года). *Объ усиленіи инспекціи въ Бар-шавскомъ и Юрьевскомъ университетахъ и въ Казанскомъ и Харьковскомъ ветеринарныхъ институтахъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, объ усиленіи инспекціи въ

Варшавскомъ и Юрьевскомъ университетахъ и въ Казанскомъ и Харьковскомъ ветеринарныхъ институтахъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта *Михаилъ.*

Мѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, науки и торговли и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народного просвѣщенія объ усиленіи инспекціи въ Варшавскомъ и Юрьевскомъ университетахъ и въ Казанскомъ и Харьковскомъ ветеринарныхъ институтахъ, мнѣніе положило:

1. Дополнить Высочайше утвержденные, 8-го и 31-го мая 1873 г., штаты Харьковскаго и Казанскаго ветеринарныхъ институтовъ (П. С. З. № 52228 и 52325) учрежденіемъ въ нихъ по одной должности помощника инспектора, съ предоставлениемъ симъ должностямъ всѣхъ служебныхъ правъ и преимуществъ, присвоенныхъ другимъ подобнымъ должностямъ въ названныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

II. Предоставить министру народного просвѣщенія опредѣлять чи-
сло помощниковъ инспектора въ университетахъ Варшавскомъ и Юрьевскомъ, не выходя лишь изъ предѣловъ общей суммы, назначаемой на содержаніе инспекцій въ каждомъ изъ сихъ учебныхъ заведеній.

III. Отпускать изъ государственного казначейства съ 1903 года:
1) на покрытие расхода, вызываемаго указанной въ отдѣлѣ I мѣрою, по одной тысячѣ двѣсти рублей въ годъ, 2) на усиленіе въ Варшавскомъ и Юрьевскомъ университетахъ состава инспекції: въ первомъ—по шести тысячѣ, во второмъ—по девяти тысячѣ рублей въ годъ и 3) на наемъ лицъ изъ служителей инспекціи въ Юрьевскомъ университе-
тѣ и Харьковскомъ и Казанскомъ ветеринарныхъ институтахъ по
три тысячи триста девяносто рублей въ годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Собр. узак. и расп. прав., 3-го июня 1903 года, № 55, ст. 630).

3. (18-го февраля 1903 года). О преобразованіи Клинцовской
ремесленной училища въ среднее семиклассное техническое училище
съ низшою ремесленною при немъ школою.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, о преобразованіи Клинцовскаго

ремесленного училища въ среднее семиклассное техническое училище съ низшою ремесленною при немъ школою, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представление управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о преобразованіи Клинцовскаго ремесленного училища въ среднее семиклассное техническое училище, съ низшою ремесленною при немъ школою, мнѣніемъ положилъ:

I. Преобразовать, съ 1-го июля 1903 года, Клинцовское ремесленное училище въ среднее семиклассное техническое училище въ соединеніи съ низшою ремесленною школою на основаніи общихъ о промышленныхъ училищахъ правилъ.

II. Проектъ штата сего училища (отд. I) поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

III. Ассигновать изъ государственного казначейства на содержаніе преобразуемаго училища (отд. I) въ 1903 г. *двадцать три тысячи двадцать два рубля пятьдесятъ копѣекъ*, въ 1904 г.—*тридцать четыре тысячи девяноста пятьдесятъ два рубля пятьдесятъ копѣекъ*, въ 1905 г.—*тридцать три тысячи девяноста шестьдесятъ пять рублей*, въ 1906 г.—*тридцать три тысячи сто восемьдесятъ семь рублей пятьдесятъ копѣекъ* и, начиная съ 1907 г.,—*по тридцать четыре тысячи девяноста шестидесяти пяти рублей* въ годъ.

IV. На покрытіе предусмотрѣнныхъ въ отдѣлѣ III расходовъ производить пособіе государственному казначейству изъ средствъ Клинцовскаго посадскаго управления, Черниговскаго губернскаго и Суражскаго уѣзднаго земствъ: въ 1903 г. въ размѣрѣ *трехъ тысячъ шестисотъ двадцати пяти рублей* и, начиная съ 1904 г., въ размѣрѣ *шести тысячъ двухсотъ рублей* ежегодно.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственномъ Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Быть по сему“.

Въ С.-Петербургѣ.
18-го февраля 1903 года.

ШТАТЬ

Клиническаго средняго семикласснаго техническаго училища
съ низшою ремесленною школою.

Число лицъ.	Содержание въ годъ.			Классы и разряды.		
	Одному.		Всего.	По должности.	По штату на мундиръ.	По пенсии.
	Жалованья.	Столовыхъ.				
РУБЛЫ.						
Директору	1	1.300	1.300	2.600	V	V
Ему же добавочныхъ за завѣдываніе низшою ремесленной школою.		—	—	250		
Одному изъ преподавателей добавочныхъ за исполненіе обязанностей инспектора.		—	—	750	VI	VI
Законоучителю.	1	—	—	825		
Ему же добавочныхъ за преподаваніе Закона Божія въ низшей ремесленной школѣ.		—	—	150		
Учителямъ за уроки		—	—	12.870	VIII	VIII
Имъ же добавочныхъ за преподаваніе русскаго языка и арифметики въ низшей ремесленной школѣ.		—	—	150		
ПО УЧЕБНОЙ СЛУЖБѢ.						

Завѣдывающему учебными мастерскими	1	—	—	—	1.500	VIII	VIII		
Ему же добавочныхъ за общее руководство практическими занятиями въ низшей ремесленной школѣ	—	—	—	—	250				
Класснымъ наставникамъ пяти младшихъ классовъ..	5	—	—	—	800				
Ихъ помощникамъ.	2	300	—	—	600	X	X		
Мастеру-технику основного отдѣления	1	600	—	—	600				
Ему же за преподаваніе специальныхъ предметовъ и графическихъ искусствъ.	—	—	—	—	420				
Мастеру-технику второго отдѣления.	1	500	—	—	500				
Ему же за преподаваніе техники ремесла и графическихъ искусствъ	—	—	—	—	310				
Секретарю совѣта и библиотекарю.	—	—	—	—	240				
Врачу	1	300	—	—	300	VIII	VIII	по мед. службѣ.	
Письмоводителю	1	360	360	720	IX	IX	VII		
На приготовление опытовъ	—	—	—	—	240				
На учебныя пособія техническаго училища	—	—	—	—	840				
На учебныя пособія и хозяйственныя расходы въ низшей ремесленной школѣ.	—	—	—	—	150				
На материалы и инструменты техническаго училища	—	—	—	—	1.050				
На материалы и инструменты въ низшей ремесленной школѣ.	—	—	—	—	400				
На наемъ машиниста, кузнеца, подмастерьевъ и на лѣтнія занятія учениковъ	—	—	—	—	4.000				

За преподавание гимнастики и пѣснія	—	—	500		
На канцелярскіе расходы.	—	—	250		
На наемъ прислуги и содержаніе дома	—	—	3.000		
Итого	—	—	34.265		

Примѣчанія:

1) Директоръ пользуется пенсионными правами паравнѣ съ директорами среднихъ техническихъ училищъ по Высочайше утвержденнымъ, 26-го июня 1889 г., штатамъ промышленныхъ училищъ.

2) Преподаватели специальныхъ предметовъ пользуются всѣми правами, предоставленными преподавателямъ среднихъ техническихъ училищъ, а преподаватели общеобразовательныхъ предметовъ и помощники классныхъ наставниковъ приравниваются къ соответствующимъ должностнымъ лицамъ реальныхъ училищъ.

3) Завѣдывающій учебными мастерскими пользуется тѣми же правами, какія присвоены руководителямъ практическіхъ работъ въ среднихъ техническихъ училищахъ.

4) Директоръ, помощники классныхъ наставниковъ, письмоводитель, мастера-техники, мастера и подмастерья пользуются квартирами въ натурѣ.

Подпись: за предсѣдателя государственного совѣта графъ Сольскій.

(Собр. узак. и расп. прав., 20-го мая 1903 г., № 49, ст. 560).

4. (18-го февраля 1903 года). *Объ учрежденіи при Томскомъ ремесленномъ училищѣ дополнительного четвертаго класса.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, объ учрежденіи при Томскомъ ремесленномъ училищѣ дополнительного четвертаго класса, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣль исполнить.

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представление министерства народного просвѣщенія объ учрежденіи при Томскомъ ремесленномъ училищѣ дополнительного четвертаго класса, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить при Томскомъ ремесленномъ училищѣ, съ 1-го юля 1903 года, для усовершенствованія учащихся въ практическихъ работахъ, особый дополнительный четвертый классъ.

II. На содержаніе означенаго въ отдѣлѣ I класса ассигновать изъ государственного казначейства: въ 1903 году—семьсотъ тридцать два рубля пятьдесятъ копѣекъ, а начиная съ 1904 года—по одной тысяче четыреста шестидесяти пяти рублей въ годъ.

III. Отпустить изъ государственного казначейства на дополнительное оборудование Томского ремесленного училища три тысячи пятьсотъ рублей, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, подлежащихъ ассигнованию министерству народного просвѣщенія въ 1903 и послѣдующихъ годахъ на строительныя его надобности.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Собр. узак. и расп. прав., 6-го юля 1903 года, № 57, ст. 643).

5. (3-го марта 1903 года). *Объ утверждении штата терапевтической и нервной клиникъ Императорскаго Казанскаго университета.*

Его Императорское Величество воспостѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, по проекту штата терапевтической и нервной клиникъ Императорскаго Казанскаго университета, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣль исполнить.

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представление управляющаго министерствомъ народного просвѣщенія по проекту штата терапевтической и нервной клиникъ Императорскаго Казанскаго университета, мнѣніемъ положилъ:

I. Проектъ штата терапевтической и первої клиники Императорскаго Казанскаго университета представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утверждение, и по воспослѣдованіи оного—ввести въ дѣйствие съ 1-го июля 1903 года.

II. На содержаніе упомянутыхъ (отд. I) клиникъ отпускать изъ государственного казначейства съ 1904 года по пятнадцать тысячъ сто тридцати одному рублю ежегодно въ дополненіе къ ассигнуемымъ нынѣ на тотъ же предметъ средствамъ.

III. Погребный въ 1903 году на указанный (отд. II) предметъ дополнительный расходъ въ семь тысячъ пятьсотъ шестьдесятъ пять рублей покрыть изъ общихъ остатковъ по сметѣ министерства народнаго просвѣщенія того же года.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственномъ Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Быть по всему“.

Въ С.-Петербургѣ.
3-го марта 1903 года.

Ш Т А ТЪ

Терапевтической и первой клинике Императорскаго Казанскаго университета.

	Число лицъ.	Содержание въ годъ.				Классы и разряды.		
		О Д Н О М У.				По должностямъ.	По пятью на жунарь.	По пенсии.
		Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Всего.			
		R u b l i.						
<i>I. Личный составъ.</i>								
1. По учебной части.								
Ассистенты	2	480	480	240	2.400	VII	VII	
Ординаторы	2	300	300	vat.	1.200	VIII	VIII	
	2	320	320	160	1.600	VIII	VIII	
Лаборанты	2	400	400	—	1.600	VIII	VIII	По медично-ской аспибз.
2) По хозяйственной части.								
Фельдшера и фельдшерицы.	4	240	—	120	1.440			
Надзорительницы.	2	300	—	—	600			
Сидѣльки	18	150	—	—	2.700			

<i>II. Учебно-вспомогательные установления и хозяйственныя расходы.</i>						
Содержание кабинетовъ (учебныхъ пособій), медикаменты, перевозочные и дезинфекционные средства для приходящихъ больныхъ и другие хозяйственныя расходы	—	—	—	—	4.742	
Наемъ служителей.	—	—	—	—	4.000	
Содержание больныхъ.	—	—	—	—	9.625	
Итого	—	—	—	—	29.907	

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта *Михаилъ.*

(Собр. узак. и расп. прав., 20-го мая 1903 г., № 49, ст. 564).

6. (3-го марта 1903 года). Объ измѣненіи дѣйствующихъ узаконеній о пенсионной кассѣ народныхъ учителей и учительницъ и о дополнительномъ кредитѣ на содержаніе управления означенной кассы.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, объ измѣненіи дѣйствующихъ узаконеній о пенсионной кассѣ народныхъ учителей и учительницъ и о дополнительномъ кредитѣ на содержаніе управления означенной кассы. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представление управляющаго министерствомъ народного просвѣщенія объ измѣненіи дѣйствующихъ

уздаконеній о пенсіонній кассѣ народныхъ учителей и учительницъ и о дополнительномъ кредитѣ на содержаніе управліенія означенной кассы, мыніемъ положилъ:

I. Въ измѣненіе и дополненіе Высочайше утвержденного, 12-го іюня 1900 г., устава пенсіонній кассы народныхъ учителей и учительницъ (собр. узак. ст. 2017) и другихъ подлежащихъ уздаконеній постановить:

1. Обязательными участниками кассы считаются: 1) учителіи и учительницы начальныхъ училищъ всякаго наименованія, содержащихъ по смытѣ министерства народного просвѣщенія на средства государственного казначейства или съ пособіемъ отъ казны, или на счетъ доходовъ съ капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ къ специальнymъ средствамъ министерства, если служба такихъ учителей и учительницъ не сопряжена съ правомъ на пенсію изъ государственного казначейства или иныхъ источниковъ; 2) учителіи и учительницы начальныхъ училищъ, содержащихъ на средства другихъ вѣдомствъ, если этими послѣдними будетъ ассигнованъ кредитъ на уплату въ доходъ кассы установленного симъ уставомъ (ст. 11 устава) пособія; 3) учителіи и учительницы начальныхъ училищъ, содержащихъ земскими и городскими учрежденіями, а также сельскими или иными сословными обществами, если подлежащія учрежденія или общества обяжутся уплачивать за нихъ означенное въ п. 3 ст. 5 устава пособіе.

2. Учителіи и учительницы начальныхъ училищъ, упомянутыхъ въ п. 3 предыдущей (1) статьи сего (I) отдѣла, допускаются участниками кассы съ тѣмъ условіемъ, чтобы установленные уставомъ взносы въ кассу производились содержащими эти училища учрежденіями или обществами по числу всѣхъ учительскихъ мѣстъ, положенныхъ въ каждомъ изъ привлекаемыхъ къ участію въ кассѣ училищъ. Производство сихъ взносовъ прекращается, если земствомъ подлежащей губерніи будетъ открыта собственная пенсіонная касса. Въ такомъ случаѣ изъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ передаются въ земскую кассу всѣ суммы, стоящія на счетахъ участниковъ и ихъ женъ ко дню прекращенія участія ихъ въ первой кассѣ, а изъ сиротскаго фонда выдается сумма, соотвѣтствующая обязательствамъ кассы по отношенію къ дѣтямъ и сиротамъ участниковъ ея. Порядокъ и условія такой передачи устанавливаются по взаимному соглашенію министровъ: внутреннихъ дѣлъ и народного просвѣщенія.

3. Добровольными участниками пенсіонной кассы могутъ быть всѣ несостоящіе обязательными участниками учителіи и учительницы на-

чальныхъ училищъ, не исключая и содержимыхъ на средства частныхъ лицъ и учрежденій.

4. При переходѣ участниковъ пенсионной кассы изъ одной категории въ другую (ст. 4 устава) суммы, стоящія на ихъ счетахъ и счетахъ ихъ женъ, остаются полностью на этихъ счетахъ.

5. Вычеты съ обязательныхъ участниковъ кассы производятся въ слѣдующихъ размѣрахъ: 1) при первоначальномъ вступлении въ кассу въ размѣрѣ 6% годового содержания, получаемаго въ день вступления въ кассу, съ разсрочкой взноса на двѣнадцать мѣсяцевъ, и 2) ежемѣсячно въ размѣрѣ 6% мѣсячнаго содержания. При исчислении окладовъ содержания квартирнага, разъезднага и командировочныхъ деньги и пособія въ расчетѣ не принимаются.

6. За каждого обязательнаго участника вносится въ доходъ кассы ежегодно пособіе въ размѣрѣ 6% получаемаго участникомъ содержания. Пособіе это уплачивается изъ казны, или изъ специальныхъ капиталовъ или средствъ тѣхъ учрежденій и обществъ, коими училища содержатся. Пособія изъ средствъ земствъ и городскихъ обществъ показываются въ ихъ сметахъ въ числѣ расходовъ обязательныхъ.

7. Шестипроцентные вычеты изъ содержания участниковъ кассы (п. 2 ст. 10 устава) и пособіе за ихъ счетъ (ст. 11 устава) поступаютъ въ кассу въ началѣ года, за годъ впередъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда установленные совѣтомъ министра, согласно ст. 7 устава, сроки вступленія въ число участниковъ кассы не совпадутъ съ началомъ года, вычеты и пособіе кассѣ должны быть внесены въ кассу не позже 15 дней послѣ установленного совѣтомъ министра срока. Вступные взносы (п. 1 ст. 10 устава) поступаютъ въ кассу по мѣрѣ ихъ удержаній.

8. Когда означенныес въ 13 статьѣ устава ежемѣсячные взносы принимаетъ на себя лицо или учрежденіе, содержащее училище, взносы представляются въ первый годъ участія въ кассѣ не позже 15 дней со дня принятія учителей и учительницъ этихъ училищъ въ число участниковъ кассы, а въ послѣдующіе годы взносы представляются за годъ впередъ не позже 15 января. На взносы, поступающіе послѣ указанныхъ сроковъ, начисляется пена, по полупроценту въ мѣсяцъ, за все просроченное время. По истеченіи двухъ лѣтъ просрочки, счетъ участника закрывается, и участникъ признается выбывшимъ изъ кассы.

9. Капиталъ кассы принадлежитъ къ специальнымъ средствамъ министерства народнаго просвѣщенія и подраздѣляется на четыре

фонда: 1) фондъ участниковъ; 2) вдовий фондъ, обеспечивающій пенсіи женамъ и вдовамъ участниковъ и пенсионеровъ; 3) сиротскій фондъ, обеспечивающій пенсіи дѣтямъ участниковъ и пенсионеровъ, и 4) запасный фондъ, пред назначеній для покрытия могущаго образоваться дефицита, а также расходовъ, указанныхъ въ ст. ст. 26, 35, 50 и 53 устава.

10. Касса ищетъ и отвѣчаетъ на судѣ по правиламъ, постановленнымъ для казенныхъ управлений, при чёмъ повѣренными могутъ быть участники кассы.

11. На личные счета обязательныхъ участниковъ взносы ихъ поступаютъ полностью; изъ взносовъ же добровольныхъ участниковъ (ст. 13 устава) на ихъ личный счетъ зачисляется половина двѣнадцатипроцентныхъ удержаній и весь вступной взносъ.

12. Пособія, поступающія на счетъ обязательныхъ участниковъ, а также половина двѣнадцатипроцентныхъ взносовъ добровольныхъ участниковъ, распредѣляются въ слѣдующей послѣдовательности: 1) списывается сумма на пополненіе дефицита, если запасный фондъ окажется для покрытия его недостаточнымъ; 2) отчисляется въ сиротскій фондъ сумма, необходимая для того, чтобы онъ соотвѣтствовалъ современной стоимости обязательствъ кассы относительно дѣтей участниковъ и пенсионеровъ; 3) разносится по личнымъ счетамъ женъ участниковъ пропорціонально окладамъ содержанія ихъ мужей сумма, равная двумъ третямъ сдѣланныхъ въ теченіе года обязательныхъ шестипроцентныхъ вычетовъ съ женатыхъ участниковъ, а также одной трети внесенныхъ женатыми добровольными участниками двѣнадцатипроцентныхъ платежей, или весь остатокъ, если онъ не превышаетъ указанного размѣра, и 4) окончательный остатокъ распредѣляется по личнымъ счетамъ участниковъ, поровну между всѣми.

13. При всѣхъ расчетахъ по обязательствамъ кассы по отношенію къ участникамъ и ихъ семействамъ размѣръ годового роста капитала принимается въ четыре на сто.

14. Изъ доходовъ съ капитала кассы причисляется ежегодно къ фондамъ: участниковъ и вдовьему сумма, равная четыремъ процентамъ этихъ фондовъ.

15. На личный счетъ жены вступившаго въ бракъ участника кассы переводится изъ запаснаго фонда сумма, равная двумъ третямъ сдѣланныхъ участникомъ до вступленія въ бракъ обязательныхъ шестипроцентныхъ взносовъ (безъ процентовъ), если участникъ принадлежитъ къ категоріи обязательныхъ участниковъ, и равная одной трети

сдѣланныхъ до вступленія въ бракъ участникомъ двѣнадцатипроцентныхъ платежей (безъ процентовъ), если участникъ принадлежитъ къ числу добровольныхъ участниковъ. Сумма эта зачисляется какъ единовременный взносъ, поступившій на счетъ жены въ соотвѣтственномъ году службы мужа.

16. Участники кассы, оставившіе службу способными къ труду безъ права на пенсію, не пользуются никакими выдачами изъ кассы, если участвовали въ ней менѣе пяти лѣтъ. Если участіе ихъ въ кассѣ продолжалось болѣе пяти лѣтъ, то имъ предоставляется право получить обратно изъ ихъ взносовъ тѣ, которые поступили на ихъ личный счетъ. Лицамъ, участвовавшимъ въ кассѣ менѣе десяти лѣтъ, взносы эти возвращаются безъ процентовъ, а участвовавшимъ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ взносы выдаются со сложными процентами, по расчету изъ четырехъ годовыхъ.

17. Участники кассы, не выслужившіе пенсію, но оставившіе службу неспособными къ труду или вслѣдствіе упраздненія занимаемой ими должности, получаютъ обратно изъ ихъ взносовъ тѣ, которые поступили на ихъ личный счетъ, со сложными процентами по расчету изъ четырехъ годовыхъ.

18. Женѣ или вдовѣ лица, участвовавшаго въ кассѣ менѣе десяти лѣтъ, въ указанныхъ ст. 36 устава случаяхъ, выдаются суммы, стоящія на ея личномъ счету,

19. Пенсія, о назначеніи коей подана просьба въ теченіе года со времени открытия на нее права, назначается къ производству самимъ участникамъ кассы—со дня прекращенія производства содержанія.

20. По прекращеніи пенсіонеру, на основаніи п. 5 ст. 48 устава, усиленной пенсіи, ему назначается пенсія обыкновенная въ томъ размѣрѣ, который соотвѣтствовалъ стоимости правъ его во время оставленія имъ службы.

21. Присужденныя съ выбывшихъ участниковъ взысканія и утвержденные въ установленномъ порядкѣ начеты, при обращеніи на причитающіяся имъ изъ пенсионной кассы пенсіи или иная выдача, пополняются посредствомъ вычета, производимаго по правиламъ, постановленнымъ въ ст. 1086 уст. гражд. суд. т. XVI св. зак., ч. 1, изд. 1892 года.

22. Въ составъ комитета кассы входитъ, кромѣ лицъ, указанныхъ въ ст. 62 устава, юрисконсульть министерства народнаго просвѣщенія. Въ засѣданіяхъ комитета принимаютъ участіе съ правомъ совѣщатель-

наго голоса помощникъ управляющаго дѣлами пенсионной кассы и лица, приглашаемыя по усмотрѣнію предсѣдателя или по постановлѣнію комитета въ засѣданіе для разъясненія подлежащихъ разсмотрѣнію вопросовъ. Для дѣйствительности постановленій комитета требуется присутствіе въ засѣданіи его трехъ лицъ, имѣющихъ право рѣшающаго голоса.

23. Слѣдуемая въ капиталъ кассы, согласно ст. 10 и 11 устава, суммы изъ земскихъ и городскихъ смѣть, а также изъ общественныхъ сборовъ передаются въ этотъ капиталъ не позже 15-го января каждого года, за годъ впередъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда учителя и учительницы вступаютъ въ число участниковъ кассы среди года. Въ послѣднемъ случаѣ суммы эти должны быть внесены въ пенсионную книгу не позже 15 дней со дня принятія учителей и учительницъ въ число участниковъ кассы.

24. Прекращеніе производства содержанія, какъ обстоятельство, влияющее на опредѣленіе пенсій, удостовѣряется мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ.

25. Освидѣтельствованіе рода и свойства болѣзней и увѣчій лицъ, имѣющихъ право на пенсію, производится по просьбѣ ихъ или тѣхъ лицъ, у коихъ они находятся на попеченіи, директоромъ или инспекторомъ народныхъ училищъ по мѣсту жительства свидѣтельствуемаго, чрезъ приглашенныхъ учебнымъ начальствомъ экспертовъ, въ числѣ отъ одного до трехъ, и въ присутствіи не менѣе двухъ участниковъ кассы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда директоръ или инспекторъ народныхъ училищъ не имѣютъ возможности лично произвести освидѣтельствованіе, они поручаютъ таковое одному изъ подчиненныхъ имъ лицъ учебного вѣдомства.

26. Обязательнымъ и добровольнымъ участникамъ кассы (ст. 4 устава) засчитывается въ общій срокъ пенсионной выслуги время, проведенное ими на службѣ народныхъ учителей и учительницъ и до вступленія въ кассу.

27. При исчислѣніи пенсій и единовременныхъ выдачъ указанныхъ въ ст. 26 сего (I) отдѣла участникамъ кассы, поступленія на ихъ счетъ ко времени вступленія въ кассу принимаются равными нулю. Участникамъ этимъ предоставляется право для увеличенія размѣра пенсій, кои причтутся имъ и ихъ женамъ, произвести единовременные взносы въ кассу, размѣръ коихъ не долженъ превышать стоимости правъ, которая образовалась бы на счетъ участника, соотвѣтственно

его возрасту, числу лѣтъ службы ко времени вступленія въ кассу и окладамъ содержанія, которые онъ получалъ. Размѣръ взносовъ на счета женъ не долженъ быть менѣе $\frac{1}{5}$ и болѣе $\frac{2}{3}$ взносовъ, сдѣланныхъ на счета самихъ участниковъ.

28. Указанные въ предыдущей (27) статьѣ сего (I) отдѣла взносы дозволяется разсрочивать на время не свыше 10 лѣтъ, но пенсіи и единовременные выдачи изъ кассы участникамъ, имѣющимъ право на зачетъ ихъ службы, разсчитываются лишь по дѣйствительно поступившимъ взносамъ.

29. Участники кассы, а равно жены ихъ и вдовы, имѣющіе, на основаніи зачета службы, право на пенсіи, но не участвовавшіе въ кассѣ установленного для получения пенсіи числа лѣтъ, имѣютъ право взамѣнъ пенсіи получить всѣ суммы, стоящія на ихъ счетахъ.

30. Приобрѣтаемая зачетомъ службы права не распространяются на дѣтскія и сиротскія пенсіи, кои назначаются лишь за время дѣйствительнаго участія въ кассѣ.

31. При вступленіи въ бракъ участника кассы, коему сдѣланъ зачетъ службы по ст. 27 сего (I) отдѣла, на счетъ жены участника изъ запаснаго капитала кассы перечисляется сумма, соответствующая времени дѣйствительнаго его участія въ кассѣ.

II. Отпустить изъ государственного казначейства въ 1903 году, въ дополненіе къ ассигнуемымъ нынѣ суммамъ: 1) двѣ тысячи пятьсотъ шестьдесятъ рублей—на канцелярскія и хозяйственныя издержки и на наемъ помѣщенія для управления пенсионной кассы народныхъ учителей и учительницъ, и 2) девять тысячъ двѣсти рублей на усиленіе личнаго состава того же управліенія.

III. На покрытие означенныхъ въ отдѣлѣ II расходовъ обратить 6.960 р., условно внесенные для сего въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія 1903 года, и 4.800 р. изъ предвидимыхъ остатковъ по той же смѣтѣ.

IV. Распределеніе указанной въ пунктѣ 2 отдѣла II суммы (9.200 р.) предоставить министру народнаго просвѣщенія съ тѣмъ, чтобы назначаемое за счетъ ея содержаніе отдѣльнымъ лицамъ не превышало окладовъ, установленныхъ для соответствующихъ должностей дѣйствующимъ штатомъ департамента народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Собр. узак. и расп. прав., 6-го июня 1903 г., № 57, ст. 644).

7. (3-го марта 1903 года). *Объ отмѣнѣи статей 2640 и 2649 и измѣненіи статьи 2611 устава учебныхъ заведеній (св. зак., т. XI ч. 1).*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраниіи государственного совѣта, объ отмѣнѣи статей 2640 и 2649 и измѣненіи статьи 2611 устава учебныхъ заведеній (св. зак., т. XI ч. 1), Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣль исполнить.

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, науки и торговли и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представление управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ отмѣнѣи статей 2640 и 2649 и измѣненіи статьи 2611 устава учебныхъ заведеній (св. зак., т. XI ч. 1), мнѣніемъ положилъ:

Въ отмѣну статей 2640 и 2649 и въ измѣненіе статьи 2611 устава учебныхъ заведеній (св. зак., т. XI, ч. 1 изд. 1893 г.) постановить:

Преподаватели и надзиратели учительскихъ школъ: татарскихъ въ Казани и Симферополѣ, киргизской въ Оренбургѣ и инородческой въ Бирскѣ избираются инспекторами сихъ школъ преимущественно изъ лицъ, получившихъ образованіе въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, и утверждаются въ должности попечителями подлежащихъ учебныхъ округовъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, № 57, ст. 645).

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНаго ПРОСВѢЩЕНИЯ.

(2-го мая 1903 года, № 35). *Отдастся старшинство въ чинѣ статского советника ректору Императорского Варшавскаго университета, доктору сравнительного языковѣданія Ульяному—съ 10-го апрѣля 1901 года.*

По Киевскому учебному округу. *Производится за выслугу лѣть, со старшинствомъ, изъ титуллярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры: сверхштатный лаборантъ химической лабораторіи Император-*

скаго университета св. Владимира Михайленко — съ 10-го декабря 1897 года.

По Западно-Сибирскому учебному округу. Производятся: за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: учителя: Тобольской гимназіи, Шиллеревъ — съ 16-го августа 1902 г. и Тюменского Александровскаго реального училища, Перешиваловъ — съ 15-го ноября 1902 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ Тобольской губерніи Гуляевъ — съ 1-го марта 1902 г. и учитель Томскаго Алексѣевскаго реального училища Гоанзенъ — съ 1-го августа 1901 г.; изъ коллежскихъ асессоровъ въ надворные совѣтники: учителя: Тобольской гимназіи, Васильевъ — со 2-го июля 1901 г., Барнаульскаго реального училища Императора Николая II Антоновъ и Ереиновъ, оба — съ 1-го августа 1901 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе асессоры: врачъ Барнаульскаго реального училища Императора Николая II Заводовскій — съ 1-го августа 1900 г. и инспекторъ народныхъ училищъ Тобольской губерніи Соколовъ — съ 15-го ноября 1901 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники, помощникъ классныхъ наставниковъ Барнаульскаго реального училища Императора Николая II Давыдовъ — съ 1-го октября 1900 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари, письмоводитель Омской гимназіи Сартаковъ — съ 21-го ноября 1902 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: надворную совѣтника: преподаватели Томскаго технологического института Императора Николая II: Тихоновъ — съ 1-го августа 1900 г., Южаковъ — съ 1-го августа 1900 г., Сахарновъ — съ 1-го августа 1901 г., Гомелля — съ 1-го июля 1902 г., Некрасовъ — съ 1-го августа 1902 г., Кржижановскій — съ 1-го сентября 1902 г.; коллежскую асессора: бывшій преподаватель Томской духовной семинаріи, нынѣ помощникъ инспектора студентовъ Томскаго технологического института Императора Николая II Пальмовъ — съ 5-го марта 1897 г.; учитель Томской гимназіи Кирност — съ 23-го июля 1898 г. и старший лаборантъ при каѳедрѣ минералогіи Томскаго технологического института Императора Николая II коллежский секретарь Емельяновъ — съ 1-го августа 1902 г.; коллежскую сократаря, помощникъ классныхъ наставниковъ Семипалатинской мужской прогимназіи Мелкитьевъ — съ 12-го сентября 1898 года.

По Варшавскому учебному округу. Производятся: за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники:

инспекторъ Грубешовской мужской прогимназіи *Покровскій* — съ 1-го января 1903 г.; учителя: мужскихъ гимназій: Варшавской 4-й, *Владиславъ*—съ 3-го июля 1902 г., Варшавской 6-й, *Эрдель*—съ 17-го сентября 1902 г., Прагской, *Клини*—съ 1-го августа 1902 г., Петровской, *Сиротининъ*—съ 3-го сентября 1902 г., Люблинской, *Чижановъ*—съ 13-го августа 1902 г. и Замостской мужской прогимназіи, *Ярема*—съ 1-го августа 1902 г.; изъ надворныхъ въ коллажескіе со-
вѣтники: учителя гимназій: Варшавской 2-й мужской, *Дегю*—съ 15-го августа 1902 г., Калишской женской, *Поровскій* — съ 1-го августа 1891 г., мужскихъ: Сѣдлецкой, *Коровицкій*—съ 15-го ноября 1901 г., Кѣлецкой, *Краузе*—съ 4-го марта 1902 г., женскихъ: Варшавской 4-й, *Бляковскій*—съ 1-го августа 1902 г., Лодзинской, *Богдановъ*—съ 25-го октября 1902 г. и Варшавского ремесленного училища имени М. Конарского, *Дембницкій* — съ 1-го августа 1897 г.; изъ коллажескихъ ассессоровъ въ надворные со-
вѣтники: учителя: мужскихъ гимназій: Петровской, *Гурновъ*—съ 1-го августа 1902 г., Ченстоховской, *Коровьевичъ*—съ 9-го сентября 1900 г., Сѣдлецкой, *Соловьевъ*—съ 23-го сентября 1901 г., Сувалкской, *Долинскій*—съ 1-го сентября 1901 г., Прагской, *Добровольскій*—съ 1-го сентября 1900 г., Лодзинского ма-
нуфактурно-промышленного училища, *Архитевичъ* — съ 1-го января 1902 г., Радомской мужской гимназіи *Кримбергъ* — съ 21-го августа 1901 г., Пултуской мужской прогимназіи, *Бутусовъ*—съ 1-го августа 1902 г., учительскихъ семинарій: Холмской, *Пономаренко* — съ 16-го августа 1902 г. и Варшавской, *Кладиновъ*—съ 1-го сентября 1901 г.; сверхштатный учитель Лодзинского Александровскаго четырехкласснаго городскаго училища *Антосюкъ*—съ 1-го августа 1902 г. и помощ-
ники классныхъ наставниковъ мужскихъ гимназій: Варшавской 6-й, *Ящукъ*—съ 15-го сентября 1902 г. и Калишской, *Алексеевъ*—съ 17-го января 1902 г.; изъ титуляриыхъ совѣтниковъ въ коллажескіе ассессо-
ры: лаборантъ при каѳедрѣ медицинской химіи Императорскаго Вар-
шавскаго университета *Турецкій*—съ 8-го марта 1896 г.: учителя: Варшавской 5-й мужской гимназіи, *Окосновъ*—съ 1-го сентября 1902 г., реальныхъ училищъ: Варшавскаго, *Тупольсовъ*—съ 1-го ноября 1902 г., Ловичскаго, *Дмоховскій* — съ 6-го сентября 1902 г., Сосновицкаго, *Шмидтъ*—съ 1-го августа 1902 г., Плоцкой женской гимназіи *Ни-
колайскій*—съ 1-го октября 1902 г.; Варшавской 1-й мужской прогим-
назіи, *Чехъ*—съ 1-го октября 1902 г.; сверхштатный лаборантъ при каѳедрѣ общей патологіи Императорскаго Варшавскаго университета *Федоровичъ*—съ 1-го февраля 1900 г. и помощникъ классныхъ настав-

никовъ Петроковской мужской гимназіи *Михайловъ*—съ 13-го сентября 1902 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титуллярные советники: бывшій учитель Варшавской женской гимназіи, нынѣ исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ исторіи славянскихъ нарѣчій и литературы *Францевъ*—съ 21-го апреля 1895 г.; учителя: мужскихъ гимназій: Петроковской, *Зелинскій*—съ 1-го октября 1900 г., Лодзинской, *Огіевичъ*—съ 1-го сентября 1902 г., Калишской, *Волковъ*—съ 15-го августа 1900 г., Плоцкой, *Троцкій*—съ 1-го сентября 1902 г., Сосновицкаго реального училища, *Миллеръ*—съ 15-го ноября 1902 г., Вымыслинскай учительской семинаріи *Сенько*—съ 1-го сентября 1902 г.; сверхштатный лаборантъ при геолого-палеонтологическомъ кабинетѣ Императорскаго Варшавскаго университета *Скрипниковъ*—съ 24-го октября 1899 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Замостской мужской прогимназіи *Харламповичъ*—съ 11-го августа 1900 года, и учитель приготовительного класса Сандомирской мужской прогимназіи *Семеновъ*—съ 1-го октября 1902 года; изъ губернскихъ въ коллежские секретари: учителя: Лодзинской мужской гимназіи, *Петровъ*—съ 10-го октября 1901 года; Варшавскаго реального училища, *Михайловъ*—съ 1-го августа 1899 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ Сосновицкаго реального училища *Ръзанкинъ*—съ 1-го сентября 1902 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернские секретари, письмоводитель Замостской мужской прогимназіи *Ивановъ*—съ 1-го ноября 1902 г.; въ коллежские регистраторы, бухгалтеръ канцеляріи Кѣлецкой учебной дирекціи *Визиракинъ*—съ 26-го сентября 1902 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: коллежскаго ассесора: учителя: мужскихъ гимназій: Холмской, *Радзивиловскій*—съ 1-го октября 1898 г., Варшавской 2-й, *Августьевъ*—съ 1-го августа 1898 г. и Грубешовской мужской прогимназіи, *Конончуку*—съ 21-го октября 1898 г.; коллежскую секретаря: хранитель зоологического кабинета Императорскаго Варшавскаго университета *Синицынъ*—съ 1-го декабря 1897 г., по степени кандидата Императорскаго университета; штатный учитель 1-го Варшавскаго трехкласснаго городского училища *Фолинскій*—съ 1-го октября 1897 г. и помощники классныхъ наставниковъ мужскихъ гимназій: Лодзинской, *Гай*—съ 1-го октября 1898 г. и Плоцкой, *Рыжковскій*—съ 1-го сентября 1898 г.

(12-го мая 1903 г., № 37). *Назначаются:* экстраординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института, магистръ ветеринарныхъ наукъ, коллежский совѣтникъ *Поновъ*—сверхштатнымъ ординар-

нымъ профессоромъ того же института, по скотоводству и сельскому хозяйству; сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Барабашевъ* и адъюнкѣтъ-профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александрии,магистръ ботаники *Залѣсскій*—въ Императорскій Харьковскій университетъ: *Барабашевъ*—экстраординарнымъ профессоромъ, по каѳедрѣ офтальмологіи, а *Залѣсскій*—исправляющимъ должность экстраординарного профессора, по каѳедрѣ ботаники, изъ нихъ послѣдній съ 20-го апрѣля.

Уволыняется отъ службы директоръ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго реального училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Поповъ*, за выслугу срока, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

(15-го мая 1903 г., № 39). *Уволыняется* отъ службы, по болѣзни, профессоръ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Мочутковскій*.

Умершій исключается изъ списковъ, членъ Императорской археографической комиссіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Штепенданъ*, съ 8-го мая.

По Кавказскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Тифлисскаго реального училища *Бюлюновъ*—съ 1-го іюня 1897 г.; учитель Бакинской Маріинской женской гимназіи *Елибановъ*—съ 8-го августа 1900 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ Карской области *Дѣвицкій*—съ 15-го апрѣля 1897 г.; учитель-инспекторъ Александропольскаго трехкласснаго городскаго училища *Сухогъ*—съ 20-го августа 1899 г.; учитель Тифлисскаго реального училища *Заринъ*—съ 15-го октября 1901 г.; учитель-смотритель Михайловскаго двухкласснаго нормального училища *Прихия*—съ 1-го іюля 1899 г.; учитель-инспекторъ Ахалкалакскаго четырехкласснаго городскаго училища *Сорокинъ*—съ 1-го сентября 1901 г., учителя: Эриванскаго Пушкинскаго трехкласснаго городскаго училища *Бурчумадзе*—съ 1-го іюля 1899 г., Тифлисскаго при Александровскомъ учительскомъ институтѣ училища, *Колесниковъ*—съ 11-го мая 1902 г.; изъ титуллярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры: учитель-инспекторъ Сухумскаго городскаго училища *Говоровъ*—съ 17-го августа 1897 г.; учитель-смотритель Рачинскаго Михайловскаго двухкласснаго училища *Тутберидзе*—съ 5-го октября 1898 г.; бывшій

учитель Назрановской горской школы, нынѣ въ отставкѣ *Поликарповъ*—со 2-го апрѣля 1894 г.; учитель подготовительного класса Бакинской Императора Александра III мужской гимназіи *Дъдуловъ*—съ 15-го октября 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титуллярные советники*: бывшій инспекторъ Елисаветпольского Михайловскаго ремесленного училища *Зайцъ*—съ 10-го июня 1900 г.; дѣлопроизводитель IX класса канцеляріи попечителя *Сурнаковъ*—съ 22-го сентября 1898 г.; учителя: Грозненскаго Пушкинского городского училища, *Гридиневъ*—съ 22-го августа 1897 г., Тифлисскаго городского при Александровскомъ учительскомъ институтѣ училища, *Володъко*—съ 1-го сентября 1900 г.; учитель-надзиратель Грозненской горской школы *Эльдаргахановъ*—съ 1-го июля 1899 г.; учителя Тифлисскаго 2-го городского шестиklassnаго училища: *Кирничъ*—съ 1-го июля 1896 г. и сверхштатный, *Митрофановъ*—съ 1-го сентября 1899 г.; учитель Елисаветпольского городского шестиklassnаго училища *Аветиковъ* (онъ же Терь-Аветикянцъ)—съ 3-го октября 1899 г.; учитель-смотритель Джебрапльскаго нормального училища *Сафразбековъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учитель Майкопскаго низшаго механико-техническаго училища *Лобановскій*—съ 1-го июля 1901 г.; сверхштатный учитель Тифлисскаго 1-го городского училища *Храмеловъ*—съ 1-го июля 1895 г.; помощникъ учителя Горийскаго городского четырехklassnаго училища *Бабаловъ* (онъ же Бабалианцъ)—съ 1-го января 1893 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: дѣлопроизводитель IX класса канцеляріи попечителя *Троцкій*—съ 12-го мая 1902 г.; смотритель Назрановской горской школы *Гусевъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ Батумской Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича мужской гимназіи, нынѣ въ отставкѣ *Петровъ*—съ 25-го июля 1897 г.; бывшій помощникъ учителя, нынѣ учитель Телавскаго городского училища князь *Вачнадзе*—съ 17-го сентября 1895 г.; смотритель Барлетскаго нормального двухklassnаго училища *Микеладзе*—съ 1-го сентября 1894 г.; бывшіе помощники учителя, нынѣ учителя городскихъ училищъ: Эриванскаго Пушкинскаго, *Скворцовъ*—съ 1-го августа 1895 г., Елисаветпольского шестиklassnаго, *Джапаридзе*—съ 1-го июля 1896 г.; смотрители-учители: Елисаветпольского желѣзнодорожнаго двухklassnаго нормального училища, *Гикаловъ*—съ 9-го октября 1898 г., Дагкесаманскаго нормального училища, *Тумановъ*—съ 15-го июня 1889 г.; учитель Кахскаго нормального двухklassnаго

училища *Парадовъ*—съ 1-го октября 1901 г.; помощникъ учителя Тифлисскаго 1-го городскаго училища *Терз-Давидянцъ*—съ 15-го января 1897 г.; учитель Баралетскаго нормальнаго двухкласснаго училища *Гуриеновъ*—съ 12-го октября 1898 г.; помощникъ смотрителя Душетско-Тионетскаго двухкласснаго начальнаго училища *Гзелидзе*—съ 15-го июня 1893 г.; смотритель Чурукъ-Суйскаго нормальнаго училища *Абакаровъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; въ коллежскіе регистраторы: письмоводитель Эриванской учительской семинаріи *Касрадзе*—съ 9-го июня 1891 г.; учителя-завѣдующіе: Павлодольскимъ двухкласснымъ станичнымъ училищемъ, *Тишмаріевъ* (онъ же *Тишмаревъ*)—съ 1-го октября 1900 г., Нальчикскимъ слободскимъ мужскимъ училищемъ, *Сусниковъ*—съ 1-го октября 1901 г., Александрийскимъ 2 приходскимъ училищемъ Пятигорскаго отдѣла, *Брудский*—съ 1-го октября 1900 г., Хакуринвоскаго сельскаго нормальнаго училища, *Кирченко*—съ 17-го июня 1900 г.

Утверждаются въ чинахъ со старшинствомъ: коллежская секретаря, помощникъ воспитателя Ставропольской мужской гимназіи *Беневский*—съ 4-го января 1898 г.; коллежская регистратора, помощникъ учителя Кизлярскаго городскаго училища *Ананьевъ*—съ 9-го июля 1897 г.

(24-го мая 1903 г., № 42). Назначаются: приватъ-доценты Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго, лаборантъ того же университета, докторъ медицины *Завьяловъ* и Св. Владимира, докторъ медицины *Волковичъ*—экстраординарными профессорами означенныхъ университетовъ, по каѳедрамъ: первый—зоологія, сравнительной анатоміи и физіології, а второй—хирургической госпитальной клиники.

Переводятся на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: ординарный профессоръ Екатеринославскаго высшаго городскаго училища, докторъ чистой математики, статскій совѣтникъ *Синцовъ* и врачъ для командировокъ VII разряда при клиническомъ военному госпиталю, приватъ-доцентъ Императорской военно-медицинской академіи, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Георгіевскій*—профессорами Императорскаго Харьковскаго университета: первый ординарнымъ—по каѳедрѣ чистой математики, а второй—экстраординарнымъ, по каѳедрѣ частной патологіи и терапіи, изъ нихъ *Синцовъ*—съ 15-го мая.

Умершіе исключаются изъ списковъ: членъ совѣта министра, директоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологического института и членъ учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, тай-

ный советникъ *Кедровъ*, съ 1-го мая; директоръ С.-Петербургскаго частнаго реальнаго училища Богинскаго, дѣйствительный статскій советникъ *Богинскій*, съ 24-го апрѣля.

IV. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

(21-го мая 1903 года, № 41). По Императорскому клиническому институту Великой Княгини Елены Павловны. *Награждаются орденами: св. Анны 2-й степени*: исправляющій должность старшаго ассистента, коллежскій советникъ Генрихъ *Лузъ*; бухгалтеръ, надворный советникъ Владиславъ *Копоновичъ*.

Св. Станислава 2-й степени: исправляющій должность младшаго ассистента, надворный советникъ Алексѣй *Драницынъ*; сверхштатный ассистентъ, коллежскій асессоръ *Ксаверій Быковскій*.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать низкоименованныхъ лицъ, за отличное усердіе и особые труды по министерству народнаго просвѣщенія, орденами: *святаго Анны второй степени*—почетнаго члена попечительного совѣта Новочеркасскаго атаманскаго техническаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина Якова *Древицкаго* и *третьей степени*—попечителя Максимовскаго училища, Меленковскаго уѣзда, потомственнаго почетнаго гражданина Якова *Цаде* и *святою Станислава: второй степени*: учителя чистописанія Петергофской прогимназіи Императора Александра II, отставнаго статскаго советника Николая *Ваанова* и потомственныхъ почетныхъ гражданъ: члена-соревнователя попечительского совѣта Комисаровскаго техническаго училища Отто *Листа*, старосту церкви Ливенскаго реальнаго училища Феодота *Засьдателева*, почетнаго попечителя Рыбинскаго механико-техническаго имени дѣйствительного статскаго советника Комарова училища Константина *Лытикова* и почетнаго смотрителя Московскаго Рогожскаго четырехкласснаго городскаго училища Александра *Шамшина* и *третьей степени*: отставнаго подпоручика Ивана *Леймана*, дворянина Бориса *Поморского*, почетнаго блюстителя Горловскаго двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Батумскаго уѣзда, дворянина Александра *Янковскаго*; попечителей училищъ: Губинскаго начального народнаго, Можайскаго уѣзда, дворянина Николая *Одинцова*, Сумароковскаго

сельского начального народного, Вяземского уѣзда, дворянина Петра Граматина и сельскихъ, Донской области: Семеновскаго, дворянина Петра Арилова и Мачушанскаго, дворянина Петра Мордовинцева и исполняющаго обязанности лектора персидскаго языка въ Императорскомъ С.-Петербургскому университету, персидскаго подданиаго Мирзу-Пиру-Арслана-Хана.

Нижепоименованыя лица, за усердную и полезную ихъ дѣятельность по учрежденіямъ министерства народного просвѣщенія Всемилостивѣйше пожалованы медалями съ надписью „за усердіе“, для ношения на шею: золотыми на лентахъ: Андреевской: членъ попечительного совѣта Романово-Борисоглѣбской низшей ремесленной школы, потомственный почетный гражданинъ Егоръ Классенъ и первой гильдіи купцы: пожизненный членъ попечительного совѣта Одесскаго общественнаго еврейскаго училища съ ремесленнымъ отдѣленіемъ Исаакъ Инберъ и почетный смотритель Чистопольской школы ремесленныхъ учениковъ Петръ Шанинъ; Александровской:—почетный смотритель Городовецкаго городскаго двухкласснаго училища, второй гильдіи купецъ Михаилъ Сапожниковъ; Владимірской: почетный попечитель Омскаго Императора Александра III низшаго механико-техническаго училища, почетный блюститель Тюменскаго Никольскаго приходскаго городскаго училища, попечитель Луговскаго сельскаго начального училища и староста церкви Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища, второй гильдіи купецъ Александръ Россинныхъ; Аннинской: курьеръ департамента народного просвѣщенія личный почетный гражданинъ Михаилъ Синицынъ, староста церкви при Аккерманской мужской гимназіи, купецъ Георгій Спилюти, попечитель Садыковскаго начального народного училища, Тверскаго уѣзда, купецъ Семенъ Даниловъ, попечитель школы-приюта при общественной богадѣльнѣ въ гор. Вязьмѣ, братъевъ Строгоновыхъ, купецъ Иванъ Строгоновъ, членъ совѣта той же школы-приюта, купецъ Петръ Строгоновъ и строитель Булановской школы-церкви, Владимірскаго уѣзда, купецъ Владимиръ Тарасовъ и Станиславской: Мѣщанскаго мужскаго училища московскаго купеческаго общества учителя: студентъ духовной семинаріи Николай Соколовъ и потомственный почетный гражданинъ Навель Басовъ и классный надзиратель, потомственный почетный гражданинъ Николай Святославскій, потомственные почетные граждане, учителя училищъ: Верхне-Островскаго начального, Псковскаго уѣзда, Петръ Меньшиковъ и Сульжинскаго начального народного, Заславскаго уѣзда, Никандъръ Скалоузубъ; личные почетные граждане: завѣдывающіе двух-

классными сельскими училищами: Здолбуновскимъ желѣзнодорожнымъ, Острожского уѣзда, Антонъ *Масловскій* и Тухомическимъ министерства народнаго просвѣщенія, Холмскаго уѣзда, Илья *Мигайловъ*, учителя училищ: Псковскаго земскаго приходскаго мужскаго Михаиль *Алексѣевъ*, Демянскаго начальнаго, Исковскаго уѣзда, Яковъ *Алексѣевъ*, Галковскаго начальнаго народнаго, Роменскаго уѣзда, Митрофанъ *Саливонъ* и Чечельницкаго начальнаго народнаго, Ольгопольскаго уѣзда, Евдокимъ *Горновой*; начальныхъ Великолуцкаго уѣзда: Вязовскаго, изъ духовнаго званія, Тимоѳей *Истремскій* и Колюбакскаго, изъ духовнаго званія, Василій *Покровскій* и начальныхъ народныхъ: Ямкинского, Богородскаго уѣзда, изъ духовнаго званія, Василій *Добровольскій* и Бердянскаго уѣзда: Ново-Павловскаго 2-го, изъ духовнаго званія, Николай *Жевченко* и Вознесенскаго 2-го, изъ духовнаго званія, Николай *Голубевъ*, почетный блюститель Хотѣвскаго однокласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Ельнинскаго уѣзда, купецъ Павель *Аннитко* и почетный попечитель Петрозаводскаго женскаго двухкласснаго приходскаго училища, купецъ Моисей *Поспѣловъ* и *серебрянными на лентахъ*: *Аннинской*: начальница Весьегонской женской прогимназіи Анина *Вознесенская*, почетный блюститель Михайловскаго двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Мелитопольскаго уѣзда, второй гильдіи купецъ Иванъ *Рубцевъ*, попечитель Казанскаго шестого городскаго начальнаго училища, купецъ Захаръ *Журавлевъ* и служитель Орловскаго Александровскаго реального училища, отставной унтеръ-офицеръ Петръ *Меркуловъ* и *Станиславской*: попечители училищъ: Казанскаго второго начальнаго русско-татарскаго, изъ дворянъ Ибрагимъ *Яхинъ*, Старо-Дворскаго, временный купецъ Николай *Морозовъ* и Семеновскаго начальнаго народнаго, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, поселянинъ Иванъ *Шрейдеръ*, учитель-завѣдывающій Людиновскимъ двухкласснѣмъ сельскими министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Жиздринскаго уѣзда, изъ крестьянъ Александръ *Царьковъ*, завѣдывающій Чирскимъ однокласснѣмъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Исковскаго уѣзда, крестьянинъ Григорій *Горскій* и учителя училищъ: Покровскаго 1-го начальнаго народнаго, Бердянскаго уѣзда, изъ поселянъ Захарій *Мильчевскій*, Горско-Каменскаго начальнаго, Псковскаго уѣзда, изъ крестьянъ Павель *Смирновъ* и Людиновскаго сельскаго начальнаго, Жиздринскаго уѣзда, изъ крестьянъ Егоръ *Царьковъ* и *для нощенія на труде: золотыя, на лентахъ, Аннинской*: попечительницы женскихъ гимназій: Ярославской при Екатерининскомъ

домъ призрѣнія ближняго, Елизавета Штурмеръ и Ржевской, Наталія Корибутъ-Дашкевичъ, почетная попечительница Московской Петропавловской женской гимназіи Елизавета фонъ-Шліппе, членъ попечительного совѣта Московской женской гимназіи В. П. Гельбихъ Софія Кунчинская, начальницы женскихъ гимназій: Тульской второй Софія Дружинина, Ярославской при Екатерининскомъ домъ призрѣнія ближняго Надежда Докушигская, Ржевской Анточина Троцкая, Каравачевской Александра Земянкевичъ, Калужской Елизавета Сытина, имени В. И. фонъ-Дервізъ въ Москвѣ Вѣра Власьевская и Стеблинъ-Каменской въ С.-Петербургѣ Евгенія Стеблинъ-Каменской, надзиравательница и помощница начальницы Владимірской земской гимназіи Александра Ромейкова, учительницы женскихъ гимназій: частной Ю. П. Бессь въ Москвѣ: Вѣра де-Виттъ, Елизавета Зографъ и Варвара Херсонская, Нарской Елизавета Надпорожская, Ярославской при Екатерининскомъ домъ призрѣнія ближняго Зинаида Кравкова, Тульской второй Ольга Панова, частной В. П. Гельбигъ въ Москвѣ Эмilia Гельбигъ и Калужской Анастасія Флерова, воспитательницы Ярославской женской гимназіи при Екатерининскомъ домъ призрѣнія ближняго: Марія Рынчеткова и Елизавета Попова, воспитательницы пансиона Владимірской земской женской гимназіи: Вѣра Ромейкова и Анна Александрова, попечительницы сельскихъ училищъ Курмышского уѣзда: Медянского Лидія Рейнике, Княжегорского Елена Хотинская и Ново-Екатериновскаго Александра Таланцева, преподавательница начальной школы Петропавловской женской гимназіи Софія Спасская, надзиравательница и учительница рукодѣлія частной женской гимназіи В. П. Гельбигъ въ Москвѣ Марія Куликова, классная надзиравательница частной женской гимназіи М. Ф. Калайдовичъ въ Москвѣ Марія Гайдукъ, женщина-врачъ частной женской гимназіи Стеблинъ-Каменской въ С.-Петербургѣ Софія Барачъ-Минце, начальница Рославльской женской прогимназіи Марея Кенигъ, учительница Сапожковской женской прогимназіи Варвара Губина, почетная блюстительница Петровскаго однокласснаго начального училища Великолуцкаго уѣзда Любовь Богуславская, попечительницы училищъ: Слободо-Ильинскаго начального народнаго, Можайскаго уѣзда, Анна Моласъ и Алексинскаго сельскаго начального народнаго, Дорогобужскаго уѣзда, Марія Барышникова, учительницы училищъ: Вологодскаго Усманскаго женскаго приходскаго Раиса Кольненская и Черновскаго земскаго начального, Никольскаго уѣзда, Надежда Барклий, почетная попечительница Устюжской женской гимназіи, жена потомственнаго почетнаго гражданина Александра Коньльцова, главная

надзирательница Ровенской женской гимназии Анастасия фонъ-Фрейманъ, служителя Императорского Харьковского университета отставные унтеръ-офицеры Матвій Костинъ, и Адамъ Витоль, швейцарь при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ, запасный унтеръ-офицеръ Прокопій Познанскій, служитель Демидовскаго юридического лицея, отставной унтеръ-офицеръ Яковъ Смыльчиковъ, служитель городского училища при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ, отставной рядовой Егоръ Трусовъ, почетный блюститель Алексѣевскаго двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Бирюченскаго уѣзда, крестьянинъ Василій Бѣликовъ и попечитель Ново-Быковскаго училища, Владимірскаго уѣзда, крестьянинъ Михаиль Алексєевъ и Станиславской: учительницы Тульской второй женской гимназии: Александра Рамихъ и Анна Гуттъ, надзирательница Московской Петропавловской женской гимназии Софія Брунсь, начальница Сапожковской прогимназии Елизавета Талызина, преподавательница Смоленской второй женской гимназии Марія Лягницкая, надзирательница Тульской второй гимназии Варвара Шарапова, начальница Ливенской женской гимназии Елизавета Аматова, учительницы училищъ: Зарайскаго начального Екатерина Иванова и Жиздринскаго городского женскаго Александра Ивановской, преподавательница и надзирательница Владимірской земской женской гимназии Валентина Кудрявцева, учительница приготовительного класса Богородской трехклассной женской прогимназии Александра Скворцова, преподавательница Калужской женской гимназии Александра Архангельская, учительницы Ярославской женской гимназии при Екатерининскомъ домѣ призрѣнія ближняго: Надежда Мизерова, Вѣра Соколова и Капитолина Кукариня, учительница приготовительного класса Карабчевской женской гимназии Екатерина Позднѣева, воспитательницы Ярославской женской гимназии при Екатерининскомъ домѣ призрѣнія ближняго: Анна Троицкая, Марія Докучаевская и Александра Любимова, классная надзирательница Карабчевской женской гимназии Юлія Зилова, учительница Сомовскаго начального училища въ гор. Твери Елена Дмитриева, преподавательницы частной женской гимназіи: Ржевской Антонина Гайчманъ и Евламія Соловьевъ, учительницы женскихъ гимназій: Смоленской Маріинской Александра Степанова и частной Ю. П. Бессъ въ Москвѣ Марія Шилминъ, попечительница Воронежскаго второго Александровскаго двухкласснаго женскаго училища, вдова потомственаго почетнаго гражданина Елизавета Ключкова, учительницы училищъ: вачальныхъ, Псковскаго уѣзда, Скрыповскаго Евгенія Колосова

и Слободского Александра *Бѣльевская*, начальныхъ народныхъ: Прилуцкаго женскаго Александра *Щукина*, Покровскаго первого, Бердянскаго уѣзда Елена *Мильчевская* и Устьянскаго, Ольгопольскаго уѣзда Надежда *Горховская* и сельскихъ начальныхъ, Жиздринскаго уѣзда: Гусевскаго Марія *Дьяконова* и Кцынскаго Наталья *Зарыцкая*, писецъ департамента народнаго просвѣщенія, личный почетный гражданинъ Михаилъ *Николаевъ*, попечитель Калиновскихъ начальныхъ народныхъ училищъ, Бахмутскаго уѣзда, первой гильдіи купецъ Петръ *Васильевъ*, почетный смотритель Мамадышскаго городскаго трехкласснаго училища, второй гильдіи купецъ Козьма *Савиновъ*, почетные блюстители училищъ: Самозерскаго однокласснаго сельскаго, Петров заводскаго уѣзда, купецъ Иванъ *Ахимовъ* и Бешуйскаго татарскаго министерства народнаго просвѣщенія, Симферопольскаго уѣзда, сынъ купца Миронъ *Шугманъ*, начальница Московской Петропавловской женской гимназіи Эмма *Ретиенъ*, учительница той же гимназіи Стелла *Ретиенъ*, преподавательница частной женской гимназіи Ржевской Марія *Чехова*, классная надзирательница частной женской гимназіи М. Ф. Калайдовичъ въ Москвѣ Любовь *Сысоева*, попечительницы училищъ: начального женскаго въ гор. Дорогобужѣ жена купца Елизавета *Свягинкова* и Ильинскаго начального народнаго, Опочецкаго уѣзда, вдова купца Ольга *Крестовская*, учительницы женскихъ приходскихъ училищъ: Великолуцкаго Александра *Калинина* и Вологодскаго Успен скаго Екатерина *Швецова*, преподавательница и надзирательница Влад имирской земской женской гимназіи Анна *Мильковичъ*, преподавательница Смоленской Маринской женской гимназіи Лаура *Куричъ*; учительницы женскихъ гимназій: Нарвской Марія *Вальтеръ* и Орловской частной Гиттерманъ Юлія *Буддинъ*, преподавательницы женскихъ гимназій: Смоленской второй Лидія *Редигеръ* и частной Ржевской Елизавета *Изель*, преподавательницы и надзирательницы женскихъ гимназій: Владимірской земской: Климена *Вейснерберъ* и Елизавета *Волкова* и частной Ю. П. Бессъ въ Москвѣ Елизавета *Шмидтъ*, воспитательница и завѣдывающая библіотекой женской гимназіи имени В. П. фонъ-Дервизъ Магда *Бауэръ*, классная надзирательница и учительница чистописанія и рукодѣлія Нарвской женской гимназіи Юлія *Стромбергъ*, надзирательницы женскихъ гимназій: Московской Петров павловской: Адріенна *Перье*, Эмілія *Гарней* и Александра *Онто*, Смоленской Маринской Елизавета *Иванова*, Тульской второй Марія *Рахманова* и Орловской частной Гиттерманъ Юлія *Боркусъ*, попечитель Леонтьевскаго сельскаго начального народнаго училища, Вязем-

скаго уѣзда, временный купецъ Лука Ясенковъ, предсѣдатель попечительного совѣта Дмитровской женской прогимназіи, мѣщанинъ Александъ Поляниковъ, учитель пѣнія Нарвской женской гимназіи, запасный унтеръ-офицеръ Леонтий Лебедевъ, учительницы училищъ: приходскихъ: Псковскаго Александровскаго Петровско-Посадскаго Марія Строганова и Великолуцкаго женскаго Екатерины Горбунова, начальныхъ: Куховскаго, Островскаго уѣзда, Анна Зерцалова, Пажеревицкаго, Порховскаго уѣзда, Варвара Горбунова и Верхолинскаго, Псковскаго уѣзда, Анна Віерть и сельскихъ начальныхъ: Жиздринскаго уѣзда: Людиновскаго женскаго Ксенія Попова и Холмищенскаго Ольга Протасова, мастеръ столярнаго отдѣленія Тверской школы ремесленныхъ учениковъ, мѣщанинъ Арсений Бойдановъ, отставные рядовые: курьеръ департамента народнаго просвѣщенія Павель Болотинъ и служитель Астраханской гимназіи Семенъ Петровъ, учительницы училищъ: Псковскаго женскаго приходскаго Александра Чурова и Михайловскаго начальнаго, Великолуцкаго уѣзда, Параксека Поварова и Евдокія Кудрявцева и строитель Ульдышевскаго училища, крестьянинъ Семенъ Козловъ и серебряными на лентахъ: Аннинской: мастеръ слесарнаго отдѣленія Тверской школы ремесленныхъ учениковъ, потомственный почетный гражданинъ Владимиръ Арефьевъ, личные почетные граждане: учитель пѣнія Рыбинской Марининской женской гимназіи Андрей Грибушинъ, швейцарь при С.-Петербургскому второмъ реальному училищѣ Николай Кухановъ и служитель училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербурге Янъ-Ансь Звинне, попечитель Бахмутской талмудъ-торы, первой гильдіи купецъ Абрамъ Франциузовъ, почетный блюститель Курмышскаго приходскаго училища, второй гильдіи купецъ, Иванъ Мендель, попечитель Гридинскаго училища, Судогодскаго уѣзда, купецъ Иванъ Барковъ, служитель Императорскаго Харьковскаго университета, отставной фельдфебель Андрей Гноевой, запасные старшие писаря: временно-исполняющей обязанности помощника бухгалтера Харьковскаго технологического института Императора Александра III Мартинъ Христенко, писецъ канцеляріи попечителя Харьковскаго учебнаго округа Яковъ Павленко, писецъ канцеляріи Харьковскаго технологического института Императора Александра III Иванъ Лапуткинъ и писецъ канцеляріи Комисаровскаго техническаго училища Николай Козловъ, служитель Императорскаго Харьковскаго университета отставной старший унтеръ-офицеръ Михаилъ Сплюжковъ, запасные старшие унтеръ-офицеры: вахтеръ при С.-Петербургскому третьемъ реальному училищѣ Федоръ Федосьевъ,

швейцарь при томъ же училищѣ Александръ Кучинскій и служитель Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища Иванъ Кочановъ, наборщики типографіи Императорскаго Казанскаго университета цеховой Яковъ Муравьевъ и казанскій мѣщанинъ Степанъ Аничкинъ, фельдшеръ при лазаретѣ пансіона С.-Петербургскаго первого реальнаго училища, мѣщанинъ Леонидъ Козловъ, помощникъ швейцара при С.-Петербургскому первомъ реальному училищѣ, мѣщанинъ Александръ Авнасасьевъ, новомосковскій мѣщанинъ Дмитрий Бычукъ, отставные рядовые: курьеръ при канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа Иванъ Бузеровъ и служитель Орловскаго Александровскаго реальнаго училища Антонъ Харитоновъ, наборщикъ типографіи Императорскаго Казанскаго университета, крестьянинъ Гайфулла Музагаровъ, служитель Нарвской женской гимназіи, крестьянинъ Александръ Кузнецовъ, разсыльный при С.-Петербургскому первомъ реальному училищѣ, крестьянинъ Федоръ Заборскій, почетные блюстители училищъ: Путиновскаго двухкласснаго начальнаго, Шлиссельбургскаго уѣзда, крестьянинъ Петръ Бахваловъ и волостного однокласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Екатеринославскаго уѣзда, крестьянинъ Венедиктъ Каракашъ и попечители училищъ: Добринскаго, Владимірскаго уѣзда, крестьянинъ Артемій Красновъ, Пидемскаго и Великонивскаго земскихъ, Олонецкаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ Романовъ, Мачковскаго, Александровскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ Пущняковъ, Байнинскаго начальнаго народнаго, Старицкаго уѣзда, крестьянинъ Николай Вакинъ и Боровскаго сельскаго, Жиздринскаго уѣзда, крестьянинъ Иларіонъ Карпейкинъ и Станиславской запасный старшій унтер-офицеръ Герасимъ Прокопчукъ, служителя Императорскаго Харьковскаго университета отставной ефрейторъ Антонъ Курциновскій и отставной канониръ Василій Райко, служитель Демидовскаго юридическаго лицея, отставной ефрейторъ Максимъ Деньгинъ, служителя Комисаровскаго техническаго училища: отставной рядовой Иванъ Зиминъ и отставной денщикъ Василій Сидневъ, помощникъ вахтера того же училища, запасный рядовой Иванъ Семеновъ, служителя: Орловской гимназіи запасный рядовой Семенъ Балакинъ и отставной рядовой Захаръ Дьевъ и реальныхъ училищъ: Орловскаго отставной рядовой Егоръ Чикуновъ и Смоленскаго Александровскаго запасный рядовой Филиппъ Нестеренковъ, почетный блюститель Голубинскаго приходскаго училища, Донской области, казакъ Авксентій Голиковъ, служитель Рижскаго политехническаго института, изъ мѣщанъ Андрей Ронсъ, служитель канцеляріи Владимірской

гимназії, изъ мѣщанъ Николай Смирновъ, писецъ Симбирской чуваши-
ской учительской школы, мѣщанинъ Александръ Мельниковъ, почет-
ный блюститель Хрѣновскаго однокласснаго министерства народнаго
просвѣщенія училища, мѣщанинъ Михаилъ Скородумовъ, попечители
училищъ: начальныхъ: Федоровскаго, Екатеринославскаго уѣзда, мѣ-
щанинъ Иванъ Керберъ и Петровскаго, Ростовскаго уѣзда, мѣщанинъ
Дмитрій Кашикъ и начальныхъ народныхъ, Мариупольскаго уѣзда,
Старо-Керменчинскаго, поселянинъ Леонтій Йордановъ и Ново-Карап-
скаго, поселянинъ Савва Понжери, инородецъ Долганскаго рода, Ту-
руханскаго края Инокентій Лаптуковъ, исправляющей должность
секретаря предсѣдательницы общества школьнаго вакационныхъ ко-
лоній, крестьянинъ Михаилъ Талашъ, служитель Императорскаго
Казанскаго университета крестьянинъ Галіулла Габидуллинъ, швей-
царь при Орловской Николаевской женской гимназіи, крестьянинъ
Иванъ Федотовъ, служитель пансиона при той же гимназіи, крестьянинъ
Петръ Соловьевъ, буфетчикъ пансиона при Орловской гимназіи, кре-
стьянинъ Николай Лукъянчиковъ, служителя С.-Петербургскаго пер-
ваго реальнаго училища, крестьянинъ Степанъ Ивановъ, Московскаго
учительскаго института: крестьянинъ Егоръ Петровъ и крестьянинъ
Владимиръ Карньюевъ и Комисаровскаго техническаго училища, кре-
стьянинъ Кузьма Касаткинъ, почетный блюститель Паданскаго двух-
класснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Повѣнецкаго
уѣзда, крестьянинъ Иванъ Исаковъ, попечители училищъ: Алексинскаго,
Александровскаго уѣзда, крестьянинъ Павелъ Марасамовъ, Николо-
горскаго мужскаго, Вязниковскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ Про-
щенковъ, начальныхъ: Екатеринославскаго уѣзда, Августиновскаго,
крестьянинъ Николай Реневичъ и Довгалевскаго первого, крестьянинъ
Акимъ Руденко, Прилукскаго, крестьянинъ Яковъ Блиновъ и Боров-
скаго, Тульскаго уѣзда, крестьянинъ Федоръ Бурдаковъ, начальныхъ
народныхъ: Мануйловскаго, Ржевскаго уѣзда, крестьянинъ Петръ
Зайцевъ, Гуляйпольскаго, Верхне-Днѣпровскаго уѣзда, крестьянинъ
Антонъ Михайловъ, Знаменовскаго, Новомосковскаго уѣзда, крестья-
нинъ Фома Коверя и Ново-Бахмутскаго, Бахмутскаго уѣзда, крестья-
нинъ Терентій Мазницынъ, Ново-Мишенскаго сельскаго, Жиздринскаго
уѣзда, крестьянинъ Борисъ Драконовъ, Болховскаго сельскаго началь-
наго, Курмышскаго уѣзда, крестьянинъ Михаилъ Лягинъ и Пояниц-
каго земскаго, Повѣнецкаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ Бѣловъ и
крестьянинъ Владимирской губерніи, Гороховецкаго уѣзда, Иванъ Дры-
гина и крестьяне Мышкинского уѣзда: дер. Журавлево: Василій Ни-

жолаевъ и Сергѣй Николаевъ, дер. Усова Николай Гавриловъ и дер. Горохова Николай Сидоровъ.

Нижепоименованныя лица, согласно представлению министерства народного просвѣщенія, за труды ихъ по народному образованію, Всемилостивѣйше пожалованы серебряными медалями, съ надписью „за усердіе“, для ношения на груди, на Александровской лентѣ: по С.-Петербургскому учебному округу: учительницы начальныхъ народныхъ училищъ: Боровичского уѣзда, Десято-Пятницкаго Ольга Бѣлогорсова, Заозеринскаго Лидія Райкова, Бродскаго Евдокія Нечаева и Переучинскаго Евгенія Троицка; по Московскому учебному округу: завѣдывающій Катунскимъ двухкласснымъ сельскимъ министерства народного просвѣщенія училищемъ, Балахнинскаго уѣзда, Степанъ Карповъ, учителя училищъ: начального при фабрикѣ товарищества Прохоровской трехгорной мануфактуры въ гор. Москвѣ Иванъ Лебедевъ, сельскихъ начальныхъ народныхъ Спасо-Косицкаго, Верейскаго уѣзда, Ефимъ Федосовъ и Дмитровскаго уѣзда: Митропольского Николай Рогожковъ и Пересвѣтовскаго Василій Нѣмко; начальныхъ: Заозерскаго, Угличскаго уѣзда, Александъ Семеновскій, при Ярославской большой мануфактурѣ: Петръ Волковъ и Александръ Виртоузовъ, Ярославскаго уѣзда: Бурмакинскаго Владимира Замыцкій и Благовѣщенскаго Николай Моревъ, Разбугинскаго, Любимскаго уѣзда, Александръ Вышеслововъ и при Александровской учительской семинаріи въ гор. Рязани Илья Воробьевъ; Егорьевскаго уѣзда: Красновскаго сельскаго Дмитрій Ивановъ, Марьинскаго Яковъ Филипповъ, Шараловскаго Григорій Мухинъ и Воровскаго Семенъ Стариновъ и Касимовскаго уѣзда: Куземкинскаго Иванъ Жидковъ, Рязановскаго Петръ Шваревъ, Ибердусскаго Егоръ Полиповъ и Кононовскаго Василій Вересинъ и Дмитревскаго сельскаго начального народного, Варнавинскаго уѣзда, Александръ Виноградовъ, начальница Иваново-Вознесенской женской гимназіи Ольга Киселева, учительницы той же гимназіи: Ольга Береницкая и Надежда Миловидова, учительницы училищъ: Верейскаго городскаго начального Любовь Зспрева, сельскихъ начальныхъ народныхъ: Верейскаго уѣзда: Алексинскаго Анна Соколова и Благовѣщенскаго Марія Любимова и Дмитровскаго уѣзда: Ассуровскаго Вѣра Григорьевъ, Жуковскаго Васса Ломтева и Минѣевскаго Ольга Птицына, Наро-Фоминскаго двухкласснаго сельскаго министерства народного просвѣщенія, Верейскаго уѣзда, Вѣра Зенгеръ, начальныхъ народныхъ: Можайскаго уѣзда: Тропаревскаго Марія Остроумова, Горячкінскаго Марія Романова, Губинскаго Александра Балянова и

Ямско-Слободского Дарья Герасимова, Угличского мужского приходского Екатерина Смиранская, начальныхъ: Мышкинского уѣзда: Платуновскаго Ольга Грязнова, Воскресенскаго: первого Марія Сменчевская и втораго Варвара Фиолетова, Шестихинскаго Вѣра Покровская, Архангельскаго Юля Переметина, Нефедьевскаго Софья Шереметьевская, Прилукскаго Екатерина Розова, Рождественскаго Елизавета Зыкова, Сѣрскаго Марія Савинова, Усовскаго Марія Красавина и Васильковскаго первого Иранда Петровская, Ярославскаго Анина Александровича, Ярославскаго Духовскаго Юля Греймитъ, Ярославскихъ Вознесенскихъ: мужскаго Софья Алтухова и женскаго Елена Ростолова, Ярославскаго уѣзда: Норскосельскаго: Анастасія Крюкова и Елена Соколова, Спась-Ярыжницкаго Анна Ухтомская, Абакумцевскаго Софья Ловодорова, Прусовскаго Елизавета Троицкая, Великосельскаго женскаго Анна Нечаева, Шопшийскаго Надежда Всихсвятская, Курбскаго: Марія Сферина и Александра Сферина, Ильинскаго Клавдія Алексьева, Туношенскаго Александра Абиссова, Стотовинскаго Параскева Ландышева, Стогинскаго Агнія Троицкая и Творинскаго Лидія Виноградова, Круговскаго Пелагея Пунова, Егорьевскаго уѣзда: Середниковскаго Марія Крутичатова, Раменскаго Анна Иванова, Куплямскаго Марія Катающына, Никиткинскаго Анастасія Киструссока, Архангельскаго Надежда Фокина и Маливскаго Марія Карапина, Нопольновскаго, Сапожковскаго уѣзда, Анастасія Соловова, Насуровскаго, Рязанскаго уѣзда, Екатерина Урбанская и Бѣлинскаго, Касимовскаго уѣзда, Марія Тихомирова; по Казанскому учебному округу, учителя училищъ: приходскихъ: Симбирскихъ мужскихъ: пятаго двухкласснаго Николай Мальевъ и шестаго Михаилъ Юматовъ, Ардатовскаго первого Михаилъ Кожаевъ, Сызранскаго желѣзнодорожнаго однокласснаго Александъ Поддуевъ и Кузнецкаго городскаго четвертаго начального Иванъ Большаковъ и сельскихъ начальныхъ: Аликовскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Ядринскаго уѣзда, Викторъ Орловъ, Девлизеркинскаго однокласснаго инородческаго министерства народнаго просвѣщенія, Бугульминскаго уѣзда, Григорій Алексьевъ, Сызранскаго уѣзда, Старо-Костычевскаго Григорій Панинъ и Ново-Спасскаго Александъ Таратыновъ, Ардатовскаго уѣзда: Шугуровскаго Иванъ Сычевъ, Тазинскаго Александръ Архангельский, Резоватовскаго Александръ Ваинъ, Найманскаго Владимира Быстрицкій и Медаевскаго Евгений Апраксинъ, Теплостанскаго Курмышскаго уѣзда, Павелъ Грязновъ, Петровскаго уѣзда: Александро-Липовскаго земскаго Василій Косугинъ и Чунаковскаго Тихонъ

Меликова и Глазовского уѣзда: Понинского Николай Южаковъ, Уканского Германъ Острыганьевъ, Нововолковского Яковъ Корепановъ и Широковского Сидоръ Урасниковъ, бывшій учитель Филейского начальнико-училища, Вятского уѣзда, Василій Шубинъ, учительницы училищъ: Ардатовского женского начального Лидія Воронина; сельскихъ народныхъ: Ардатовского уѣзда: Рѣдкодубского Аполлинарія Разумова, Маресевского Евдокія Федорова, Майданского Екатерина Калмыкова и Горского Антонина Разумова; Курмышского уѣзда: Рыхловского Елизавета Манацина, Ратовского Александра Михайловой и Четаевского Елизавета Данилова; Орловского уѣзда: Боровицкого Александра Ихтинской, Камешницкаго Марія Мотрохина, Норинского Александра Зеленина, Тохтинского Лидія Рыщетова; Глазовского уѣзда: Костиченского Екатерина Новоселова, Зуринского Елизавета Кокорина и Пѣтуховского Лидія Корепанова и Нолинского уѣзда: Лудяно-Экономического Евгения Курочкина, Кырчанского Марія Денисова и Телятского Татьяна Кочергина и помощница учителя Ошланского начального училища, Нолинского уѣзда, Александра Шкляева; по Харьковскому учебному округу: учителя начальныхъ училищъ: Соколовского, Змievского уѣзда, Семень Синявинъ, Нехаевского, Валуйскаго уѣзда, Федоръ Кучистый, Землянского уѣзда: Рождественского Михаиль Подтынникова и Староольшанского Владимира Болговитинова; Воронежского уѣзда: Запрудского Федоръ Тютюнникова и Староживотинного Яковъ Суворинъ; Липецкаго уѣзда: Мало-Байгорского, Василій Ивановъ и Студенского Павель Антоновъ, Чащинского, Борисоглѣбского уѣзда, Степанъ Федотовъ, Пензенского 4-хъ класснаго городскаго мужскаго Николай Прокофьевъ; Инсарского уѣзда: Старосивильско-Майданского Павель Овчинникова, Кудышского Іовъ Бульсовъ, Теризморского Иванъ Семеновъ и Шимкѣевскаго Серaphимъ Ветчинкинъ, Коповского, Керенского уѣзда, Дмитрий Приковъ; Донской области: Алексѣевскаго двухкласснаго Григорій Дутовъ, Анинского приходскаго Василій Морозовъ, при станціи „Филоново“ юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ Тихонъ Клементьевъ, Успенского Николай Зубковъ, Верхне и Нижне-Ольховскаго приходскаго Григорій Болдыревъ, Сколиновскаго приходскаго Илья Гуревинъ, Чертовскаго Тимофѣй Остроумовъ, Сорокинскаго приходскаго Ефимъ Пльшаковъ, Покровскаго втораго Николай Федоровъ и Самбекскаго Василій Надумовъ, учительницы училищъ Воронежскихъ приходскихъ: пятаго: Марія Надеждина и Марія Шталева, шестаго Александра Ашиевской и восьмаго Марія Гринцевичъ; начальныхъ: Воронежскаго уѣзда: Би-

рючевского Марія Говорова, Макар'євського Марія Кириллова и Чижевського першого Ольга Болдирєва и Валуйського уезда: Ладомирівського Анна Волкова и Шевченківського Елісавета Гусакова, учительниць Тамбовської воскресної школи Пелагея Доброхотова, учительниць училищ: Краснослободського жіночого міського двокласного приходського Лідія Ломоносова, Інсарськихъ городскихъ: приходського Марія Орлова и начального жіночого Марія Соколова, Керенського міського жіночого начального Александра Яхонтова, сільськихъ начальнихъ: Саранського уезда: Соколовського Анна Никольська, Говоровського Анастасія Гіацинтова и Ямщицького Александра Кипарисова и Керенського уезда: Никольського Елену Іонова и Сергієво-Поліивановського Александра Сабуровська; по Одесскому навчальному округу: учителі завѣдуючій Пологовськимъ двокласнимъ міністерства народного просвѣщення училищемъ, Александровського уезда, Родіонъ Марченко, учителя талмудъ-торь: Екатеринославської общественій Миронъ Гольденбергъ и Новомосковської Феодоръ Дудкінъ, учителя училищ: начальнихъ народныхъ: Бердянського уезда: Николаївського Павель Шепченко и Гюневського Евфимій Назаренко и Дніпровського уезда: Келигейського Николай Соколовъ и Князь-Григорьевського Іванъ Дзыкъ и лютеранськихъ начальнихъ, Одесского уезда: Іоаннестальського Іоаннесъ Маухъ и Вормського Георгій Нагель, помочникъ учителя Елисаветградського 1-го єврейського начального училища Дувідъ Шлифштейнъ, учительница Йлтинської жіночої гімназії Варвара Васильевская, Бердянського другого начального народного Неонала Калениченко и Наталія Самсонова, Глодяновського двокласного сільського міністерства народного просвѣщення, Бѣлецького уезда, Марія Сильвестровичъ и Мирославського сільського, Оргїєвського уезда, Александра Кущъ; по Кіевскому навчальному округу: завѣдующе двокласними училищами: Серединобудськимъ сільскимъ, Новгородсьверскаго уезда, Трофимъ Батенко и Житомирськимъ єврейськимъ начальнимъ Михель Хандросъ, учителя начальнихъ народныхъ училищъ: Ровенського уезда: Немовичкого Єома Смородській и Межирічського Григорій Кулеша; Ольгопольського уезда: Соколовського Михаїль Журавський, Жабокричкого Михаїль Мышаковській и Войтовського Константинъ Ефимовъ, Богопольського, Балтського уезда, Петръ Томашевский, Переославського, Острожського уезда, Іустинъ Артеменко, Свінинського, Староконстантинівського уезда, Акимъ Савеленко, Броварського другого, Кременчугського уезда, Михаїль Степанченко, Панкосельського, Золотоношського уезда, Іванъ Билинській, Козелецького

уѣзда: Козарскаго Павель *Куборский* и Кобыжско-Савинскаго Иванъ *Крумевский* и Глуховскаго уѣзда: Баничскаго Феодоръ *Понырко*, Воронежскаго Василій *Шуцкій*, Дубовицкаго Феодоръ *Пущенко*, Дунаецкаго Спиридонъ *Дворецкій*, Литвиновскаго Андрей *Матвіевскій*, Улановскаго Александъ *Картофф*, Черторигскаго Николай *Мессонъ*, Шостенскаго Павель *Шермеровичъ* и Яновскаго Григорій *Сальниковъ*, завѣдывающіе сельскими училищами: двухклассными: Жадовскимъ, Новгородсѣверскаго уѣзда, Алексѣй *Мисяцъ* и Столыненскимъ, Сосницкаго уѣзда, Владіміръ *Помаскій* и Старогутскимъ однокласснымъ, Новгородсѣверскаго уѣзда, Ефимъ *Недбаевъ*; учительницы училищъ: начальныхъ народныхъ: Попелюхскаго, Ольгопольскаго уѣзда, Анна *Васильева*, Кременчугскаго уѣзда: Богомоловскаго Антонина *Степанченко*, Велико-Крынковскаго Антонина *Гординская*, Келебердянскаго Анна *Бѣменьская*, Липовскаго Екатерина *Якубенко* и Святиловскаго Матроны *Базилевичъ*, Золотоношскаго уѣзда: Богдановскаго Неонила Алексѣєва, Крестителевскаго Елена *Свояченко*, Матвіевскаго Лидія *Коропова*, Мельниковскаго Марія *Баланская* и Скородистикскаго Ксенія *Некрашенко*, Онушковскаго, Лубенскаго уѣзда, Марія *Клепачевская*; Новгородсѣверскаго уѣзда: Жиховскаго Марія *Шинкарева*, Лѣсномогскаго Елизавета *Элманская* и Чернацкаго Феодосія *Булла*, Глуховскаго женскаго Меланія *Неровня* и Глуховскаго уѣзда: Викторовскаго Марія *Лисовская*, Березовскаго Марія *Лаврентьева* Сопычскаго Целлагея *Мечкова* и Княжицкаго Анастасія *Сидюкова* и двухклассныхъ сельскихъ, Сосницкаго уѣзда: Столыненскаго Антона *Нечипоренко* и Перелюбскаго Надежда *Рѣзникова* и учитель Серединобудскаго двухкласснаго сельскаго училища, Новгородсѣверскаго уѣзда, Симеонъ *Мерлинъ*; по Западно-Сибирскому учебному округу: учитель Тобольскаго Андреевскаго мужскаго приходскаго училища Александръ *Разумовский* и по Иркутскому генераль-губернаторству: исп. об. учителя Ачинскаго городскаго трехкласснаго училища Георгій *Савинъ*, учитель-завѣдывающій Красноярскимъ двухкласснымъ ремесленнымъ Т. И. Щегловой училищемъ Иннокентій *Петровъ*, учители училищъ: одноклассныхъ: приходскихъ: Красноярскаго первого Іосифъ *Гульбе*, Минусинскаго уѣзда: Абакинско-Заводскаго Павель *Устюговъ* и Курагинскаго Иванъ *Павинъ* и Аницырскаго, Канскаго уѣзда, Николай *Киселевъ* и сельскихъ: Красноярскаго уѣзда: Дубровинскаго Викентій *Крейзбергъ* и Кекурскаго А. К. Матонина Дмитрій *Мациевъ* и Каратузскаго, Минусинскаго уѣзда, Семенъ *Лысякъ*.

V. ПРАВИЛА И ПОЛОЖЕНИЯ, УТВЕРЖДЕННЫЕ МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

1. (10-го марта 1903 года). *Положение о стипендияхъ имени статского советника Василия Феодосьевича Кучкова при Кишиневскомъ 2-мъ городскомъ трехклассномъ училище.*

(На основании Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющимъ министерствомъ народного просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основании Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Кишиневскомъ второмъ городскомъ трехклассномъ училищѣ учреждаются двѣ стипендіи имени статского советника Василия Феодосьевича Кучкова, на счетъ процентовъ съ по жертвованного имъ съ этою цѣлью капитала въ день тысячи руб.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ закладныхъ листахъ земскаго банка Херсонской губ., по 1.000 р. каждый, хранится въ Кишиневскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ вышеназваннаго училища, и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность училища.

§ 3. Въ случаѣ выхода въ тиражъ билетовъ, въ которыхъ заключается стипендіальный капиталъ, они должны быть замѣняемы государственными или гарантированными правительствомъ процентными бумагами соотвѣтственной цѣнности.

§ 4. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора по закону 20-го мая 1885 г., выдаются въ пособіе избраннымъ стипендіатамъ.

§ 5. Стипендіаты избираются изъ числа бѣднѣшихъ христіанскаго вѣроисповѣданія учениковъ училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, безъ различія сословія.

§ 6. Выборъ стипендіатовъ предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта Кишиневскаго 2-го городскаго трехкласснаго училища, который о своемъ постановлѣніи доводить до свѣдѣнія Василия Феодосьевича Кучкова или его сына, Павла Васильевича Кучкова.

§ 7. Педагогическому совѣту училища предоставляется право лишать стипендіата стипендіи въ случаѣ его малоуспѣшности или неодобрительного поведенія.

§ 8. Стипендіаты, оставленные въ какомъ-нибудь классѣ на второй годъ по причинамъ, признаннымъ педагогическимъ совѣтомъ училища уважительными, не лишаются стипендіи.

§ 9. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіального капитала остатки выдаются, по усмѣтрѣнію педагогическаго совѣта, оканчивающимъ курсъ ученія бѣднѣйшимъ ученикамъ, отличающимся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 10. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 11. Въ случаѣ преобразованія Кишиневскаго 2-го городскаго трехкласснаго училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ въ вѣдѣніе послѣдняго.

2. (11-го марта 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени поэта Александра Сергеевича Пушкина при С.-Петербургскому женскому медицинскому институту.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утвержденено, за управляющаго министерствомъ народного просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при С.-Петербургскому женскому медицинскому институтѣ учреждается одна стипендія имени поэта А. С. Пушкина, на счетъ процентовъ съ капитала въ *девять тысяч шестьсотъ* руб., пожертвованаго разными лицами по инициативѣ бывшаго изданія газеты „Петербургскій Листокъ“ Александра Алексѣевича Соколова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты на сумму 2.600 р., хранится въ числѣ специальнаго средствъ института, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ. Въ случаѣ выхода процентныхъ бумагъ въ тиражъ погашенія, они обмѣняиваются начальствомъ института на другія правительственные процентныя бумаги.

§ 3. Проценты съ означенаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора по закону 20-го мая 1885 г., выдаются избранной стипендіаткѣ.

§ 4. Право избранія стипендіатки принадлежитъ правленію института.

§ 5. Стипендіатка пользуется стипендіей до окончанія курса или выхода ея по какимъ-либо причинамъ изъ института, но во время пребыванія ея въ институтѣ можетъ быть въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности, по постановленію правленія института, лишена стипендіи.

§ 6. Пользование стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіального капитала остатки выдаются въ единовременное пособіе бѣднѣйшимъ изъ слушательницъ, не получающихъ никакой стипендіи, по усмотрѣнію правленія института.

3. (17-го марта 1903 года). Положеніе о стипендіяхъ Имени Ея Императорскаю Высочества въ Бозъ почившей Великой Княгини Ольги Феодоровны при С.-Петербургскому женскому медицинскому институту.

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народного просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 8-го марта 1903 г., при С.-Петербургскому женскому медицинскому институтѣ учреждаются двѣ стипендіи Имени въ Бозъ почившей Великой Княгини Ольги Феодоровны, на счетъ восьмисотъ сорока руб., назначенныхъ по постановлению Тифлисской городской думы къ ежегодному ассигнованію изъ городскихъ средствъ въ память незабвенного поученія почившей Великой Княгини о женскомъ образованіи въ Тифлісѣ.

§ 2. Стипендіальная сумма, въ размѣрѣ 840 р., по 420 р. на каждую стипендію, высылается въ институтъ пополугодио, къ 1-му сентября и 1-му января каждого года.

§ 3. Стипендіатки избираются Тифлисской городской думой, по представлениі училищной комиссіи кандидатокъ изъ уроженокъ г. Тифліса, окончившихъ курсъ въ Тифлисскихъ женскихъ гимназіяхъ Имени Ея Высочества Великой Княгини Ольги Феодоровны, безъ различія народностей и вѣроисповѣданія.

§ 4. Стипендіи выдаются стипендіаткамъ на руки за удержаніемъ платы за слушаніе лекцій и за содержаніе въ интернатѣ, если стипендіатки живутъ въ интернатѣ.

§ 5. Въ случаѣ неодобрительного поведенія или малоуспѣшности стипендіатки могутъ быть лишены стипендіи по постановлению правленія института.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

4. (18-го марта 1903 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени умершаго управляющаго Казанскою казенною палатою и предсѣдателя попечительного совѣта Казанской Маріинской женской гимназіи, дѣйствительного статскогосовѣтника Игнатія Феликсовича Гриневецкаго при означенной гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, т. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Казанской Маріинской женской гимназіи учреждаются двѣ стипендіи имени умершаго управляющаго Казанскою казенною палатою и предсѣдателя попечительного совѣта означенной гимназіи, дѣйствительного статскогосовѣтника Игнатія Феликсовича Гриневецкаго, на счетъ процентовъ съ капитала въ 2.974 р. 52 к., изъ коихъ 613 р. 20 к. пожертвованы дѣтьми покойнаго И. Ф. Гриневецкаго, Василіемъ и Екатериною Гриневецкими; 1.898 р. 15 к. служащими въ палатѣ, и 463 р. 17 к. служащими въ гимназіи.

§ 2. На первую стипендію отчисляются проценты съ капитала въ 1800 р., заключающагося въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, и стипендія эта дѣйствуетъ тотчасъ же по утвержденіи сего положенія.

§ 3. Вторая стипендія вступаетъ въ дѣйствіе лишь тогда, когда капиталъ также достигнетъ 1.800 р. Капиталъ этотъ долженъ образоваться: а) изъ 1.000 р., заключающихся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, б) изъ 174 р. 52 к. наличными деньгами, в) изъ процентовъ отъ означенныхъ суммъ; г) изъ остатковъ отъ первой стипендіи, если проценты съ капитала превысятъ плату за учение, и д) изъ иныхъ поступлений, на образование этой стипендіи, если таковыя будутъ.

§ 4. Стипендіальные капиталы, заключающіеся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранятся въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Казанской Маріинской женской гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, при чёмъ попечительному совѣту гимназіи предоставляется, въ случаѣ надобности, право превращать стипендіальный капиталъ въ другія какія-либо государственные или гарантированные правительствомъ процентныя бумаги.

§ 5. Не обращенные въ процентныя бумаги суммы, получаемыя отъ обмѣна на деньги купоновъ ренты, а также иные суммы, если таковыя будутъ, вносятся вкладомъ въ государственную кассу.

§ 6. Проценты, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., съ первого стипендіального капитала немедленно, а со второго, по достижениі имъ 1.800 р., обращаются на взносъ платы за учение двухъ ученицъ гимназіи обязательнымъ предметамъ и одному изъ иностранныхъ языковъ.

§ 7. Воспитанницы, обучающіяся на проценты со стипендіальныхъ капиталовъ, именуются стипендіатками дѣйствительного статского советника Игнатія Феликсовича Гриневецкаго.

§ 8. Въ первыя двадцать лѣтъ, по утвержденію сего положенія, стипендіатками имени И. Ф. Гриневецкаго назначаются попечительнымъ совѣтомъ, по рекомендациіи Казанской казеннай палаты, воспитанницы гимназій изъ числа дѣтей лицъ, служащихъ въ Казанской казеннай палатѣ и казначействахъ Казанской губерніи, а послѣ того времени изъ дѣтей тѣхъ же служащихъ, но всепрѣло по усмотрѣнію попечительного совѣта.

§ 9. Изъ могущихъ образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальныхъ капиталовъ остатковъ могутъ быть, по усмотрѣнію попечительного совѣта, выдаваемы пособія предпочтительно стипендіаткамъ имени И. Ф. Гриневецкаго, а въ случаѣ особой надобности, и другимъ ученицамъ гимназіи.

§ 10. Пользованіе означенными стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 11. Въ случаѣ преобразованія гимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе постѣдняго на тѣхъ же основаніяхъ.

5. (22-го марта 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго первой гильдіи купца Михаила Григорьевича Трегубова при Мариупольской Маринской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Мариупольской Маринской женской гимназіи учреждается стипендія имени умершаго первой гильдіи купца Михаила Григорьевича Трегубова, на счетъ процентовъ съ завѣщанаго имъ съ этою цѣлью капитала въ девять тысячъ руб.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ отдѣлении государственного банка, въ чистъ специальныхъ средствъ Мариупольской

Маріинской женской гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означенного капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну установленного государственного сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за учение избранной стипендіатки, а остатокъ выдается ей же на учебная пособія и одежду.

§ 4. Право выбора стипендіатки, а также и лишеніе ея стипенії, по представлению педагогического совѣта въ случаѣ ея малоуспѣшности или неодобрительного поведенія, принадлежитъ попечительному совѣту гимназіи.

§ 5. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣшихъ іудейского вѣроисповѣданія ученицъ гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукамъ.

§ 6. Пользованіе стипеніей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Мариупольской женской гимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго на тѣхъ же основаніяхъ.

6. (22-го марта 1903 года). Положеніе о стипеніи имени бывшаго учителя, завѣдывающаго 2-мъ Брянскимъ городскимъ, по положенію 1872 г., училищемъ Іосифа Козьмича Логгинова при названномъ училищѣ.

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Брянскомъ городскомъ училищѣ учреждается стипенія имени бывшаго учителя, завѣдывающаго названнымъ училищемъ, Іосифа Козьмича Логгинова, на счетъ процентовъ съ собранного съ этого цѣлью по подпiskѣ капитала въ сто дев'ятнадцать рублей.

§ 2. Стипеніальный капиталъ, по обращеніи въ государственные или гарантированные правительствомъ процентныя бумаги хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ 2-го Брянского городского, по положенію 1872 г., училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипеніального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора по закону 20-го мая 1885 г.,

выдаются одному изъ учениковъ на пріобрѣтеніе учебныхъ книгъ и пособій.

§ 4. Стипендія предоставляется бѣднѣйшимъ ученикамъ, отличающимся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Стипендія назначается педагогическимъ совѣтомъ 2-го Брянскаго городскаго училища съ утвержденія директора народныхъ училищъ.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіального капитала остатки прибавляются къ основному капиталу на увеличеніе размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ закрытія 2-го Брянскаго городскаго училища, стипендіальный капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ въ вѣдѣніе 1-го Брянскаго городскаго училища или того учебнаго заведенія, которое его замѣнитъ.

7. (22-го марта 1903 года). *Положеніе о капиталѣ имени умершаго отставнаго унтер-офицера Кондрата Корниловича Кадья при Кашинскомъ городекомъ трехклассномъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 г., при Кашинскомъ городскомъ 3-хклассномъ училищѣ учреждается капиталъ имени умершаго отставнаго унтер-офицера Кондрата Корниловича Кадья, на завѣщанные имъ съ этой цѣлью *дѣлти* руб.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ свидѣтельствѣ государственной 4% ренты въ 200 руб., хранится въ Кашинскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на выдачу пособія одному изъ учениковъ городскаго училища.

§ 4. Пособіе предоставляется бѣднѣйшему ученику православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія званія, но отличающемуся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Пособіе назначается по усмотрѣнію педагогическаго совѣта училища.

§ 6. Могущіе образоваться по казимъ-либо причинамъ отъ процентовъ съ капитала остатки присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра пособія.

§ 7. Пользованіе пособіемъ не налагаетъ на ученика никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Кашинскаго городскаго училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ въ вѣдѣніе послѣдняго.

8. (23-го марта 1903 года). *Положеніе о четырехъ стипендиальныхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Игнатія Ефимовича Ефруссі при Одесскомъ 6-ти классномъ городскомъ училищѣ „Ефруссі“.* (На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1878 года, утвержденено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Одесскомъ городскомъ шестиклассномъ училищѣ Ефруссі учреждаются четыре стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Игнатія Ефимовича Ефруссі на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго имъ съ этою цѣлью капитала въ шесть тысячъ руб.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи въ государственные или гарантированные правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ Одесской конторѣ государственного банка въ числѣ специальныхъ средствъ описаннаго училища и, составляя его неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора по закону 20-го мая 1885 г., выдаются на руки родителямъ стипендіатовъ, или лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто, въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ части на каждого стипендіата, на покупку книгъ, учебныхъ пособій и т. п.

§ 4. Стипендіи выдаются четыремъ бѣднѣшимъ, безъ различія въроисловѣданія и званія, ученикамъ, освобожденнымъ отъ платы за ученіе, отличающимся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, при чёмъ преимущественнымъ правомъ на получение стипендіи пользуются сироты.

§ 5. Выдача стипендій прекращается за выбитіемъ стипендіатовъ изъ училища или по другимъ причинамъ.

§ 6. Выборъ стипендіатовъ, а равно и лишеніе ихъ стипендій предоставляется педагогическому совѣту означенного училища.

§ 7. Стипендіаты во все время пользованія стипендіею именуются стипендіатами имени Игнатія Ефимовича Ефруссі.

§ 8. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіального капитала остатки присоединяются къ сему капиталу для увеличенія размѣра выдаваемыхъ стипендій.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 10. Въ случаѣ закрытия городского училища имени Ефруссі стипендіальный капиталъ передается въ другое, существующее въ г. Одесѣ городское учебное заведеніе, по выбору Одесской городской думы.

9. (27-го марта 1903 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени умершей вдовы маіора Marii Adamovны Пужацкой при Винницкомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народного просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Винницкомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ учреждаются четыре стипендіи имени умершей вдовы маіора Marii Adamovны Пужацкой на счетъ процентовъ съ завѣщанного еюъ此刻 this point of the text is incomplete, likely a continuation of the previous sentence.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи въ государственные или гарантированные правительствомъ процентные бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ означенаго училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на покупку избранныхъ стипендіатамъ или стипендіаткамъ платьевъ, обуви, книгъ и т. п., при чёмъ на каждую стипендію расходуется четвертая часть процентовъ.

§ 4. Стипендіи выдаются бѣдѣйшимъ, римско-католического вѣровѣданія, учащимся Винницкаго двухкласснаго городскаго училища, мужскаго или женскаго пола, преимущественно изъ уроженцевъ г. Винницы, отличающимся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ или стипендіатокъ зависитъ отъ усмо-

трѣнія педагогического совѣта училища, душеприкашниковъ умершей Пужацкой (пожизненно) и настоятеля мѣстного римско-католического костела.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіального капитала остатки выдаются, по усмотрѣнію педагогического совѣта училища, стипендіату или стипендіаткѣ, оканчивающимъ курсъ училища.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Винницкаго двухкласснаго городскаго училища въ другое какое-либо учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ въ вѣдѣніе послѣдняго.

10. (27-го марта 1903 года). *Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени Николая Васильевича Гоголя при Ставропольскомъ, Самарской губ., городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Ставропольскомъ городскомъ училищѣ учреждаются двѣ стипендіи имени Николая Васильевича Гоголя, на счетъ ежегодно ассигнуемыхъ городскою думою съ этой цѣлью десяти руб. изъ городскихъ средствъ, въ память пятидесятилѣтней годовщины содня его кончины.

§ 2. Стипендіальная сумма, вносимая ежегодно въ городскую смѣту, препровождается городской управой въ мѣстное казиачество-къ 1-му октября каждого года, гдѣ и хранится въ числѣ специальныхъ средствъ названнаго училища и употребляется на взносъ платы за обученіе избранныхъ стипендіатовъ, а также на покупку имъ книгъ и прочихъ учебныхъ пособий.

§ 3. Стипендіи предоставляются бѣдѣйшимъ ученикамъ училища, изъ дѣтей жителей г. Ставрополя, отличающимъся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 4. Выборъ стипендіатовъ предоставляется усмотрѣнію городской думы или управы, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 5. Стипендіаты могутъ быть лишаемы стипендій, въ случаѣ ихъ неодобрительного поведенія или малоуспѣшности въ наукахъ, порядкомъ, указаннымъ въ § 4.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ стипендиальной суммы остатки причисляются къ взносу слѣдующаго года, для увеличенія размѣра стипендиальной суммы.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендиатовъ никакихъ обязательствъ.

11. (1-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени умершей вдовы статскаго советника Маріи Феодоровны Ушаковой при Казанской Ксениинской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Казанской Ксениинской женской гимназіи учреждается стипендія имени умершей вдовы статскаго советника Маріи Феодоровны Ушаковой, на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго ею съ этой цѣлью капитала въ *девять тысяч четыреста руб.*

§ 2. Стипендиальный капиталъ, внесенный душеприказчиками умершей Маріи Феодоровны Ушаковой вѣчнымъ вкладомъ въ Казанское отдѣленіе государственного банка, подъ квитанцію № 1093, по замѣнѣ таковой $3\frac{1}{2}\%$ билетомъ государственной комиссіи погашенія долговъ, составляетъ неотъемлемую собственность Казанской Ксениинской женской гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендиального капитала употребляются на взносы платы за ученіе въ упомянутой гимназіи избранной стипендиатки.

§ 4. Стипендиатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ, сиротъ изъ дворянскаго сословія, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендиатки предоставляется попечительному совету Ксениинской гимназіи, коему предоставляется право лишать стипендиатку стипендіи, въ случаѣ ея малоуспѣшности или неодобрительного поведенія.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендиального капитала остатки присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендиатку никакихъ обязательствъ.

VI. ОТЪ УПРАВЛЕНИЯ ПЕНСІОННОЙ КАССЫ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ.

Къ 1-му мая 1903 года по отдѣлу XXX специальныхъ средствъ министерства народного просвѣщенія, „капиталь пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ“, состояло на лицо суммъ, поступившихъ по квитанціямъ главнаго казначейства:

Наличными деньгами	46.974 р. — "
% бумагами	1.522.550 „ — "
Изъ нихъ:	
3 ⁸ / ₁₀ % конверсіон. облигаций на.	34.050 „ — "
4% свид. государственной ренты.	25.000 „ — "
4 ¹ / ₂ % обліг. Московск. городск. кред. общ.	133.000 „ — "
облигаций С.-Пб. гор. кред. общества	87.000 „ — "
закл. лист. Московск. земельн. банка.	138.000 „ — "
Бессар.-Таврическ.	137.000 „ — "
Донского	137.000 „ — "
Полтавского	149.400 „ — "
Киевского	138.100 „ — "
Яросл.-Костромск.	143.900 „ — "
Виленского	125.300 „ — "
Нижег.-Самарского	149.600 „ — "
Земск. банка Херсонск. г.	125.200 „ — "
<hr/>	
Итого	1.522.550 р. — "

VII. ОПРЕДЕЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Определениями ученого комитета министерства народного просвещения, утвержденными г. товарищем министра, постановлено:

1. Допустить следующие книги:

a) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Берло, А. Учебникъ русской грамматики. Этимологія. Киевъ. 1903. Стр. III+103. Цѣна 40 коп.“ (для младшихъ классовъ).

— „Иннатовичъ, В. С. Концентрический учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ. Часть II (3-й классъ). Издание 16-е. С.-Пб. 1903. Стр. VIII+167. Цѣна 60 коп.“ (для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ не примѣняется натуральный методъ).

— „Киселевъ, А. 1) Систематический курсъ ариѳметики. Издание 14-е, В. В. Думнова. М. 1903. Стр. VI+ 244. Цѣна 75 коп. — 2) Элементарная геометрія. Издание 10-е, В. В. Думнова. М. 1903. Стр. VIII+ 306. Цѣна 1 руб. 10 коп. — 3) Элементарная алгебра. Издание 13-е. В. В. Думнова. М. 1903. Стр. VII+335. Цѣна 1 руб. 10 коп.“

— „Смирновъ, К. Курсъ педагогики. Часть I. Педагогика и общая дидактика. Издание 2-е, испр. и дополн., К. И. Тихомирова. М. 1903. Стр. VIII+114. Цѣна 60 коп.“ (для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается педагогика).

— „Соколовъ, А. Очеркъ методики и дидактики учебной географіи. Издание 4-е, испр. и дополн., В. В. Думнова. С.-Пб. 1903. Стр. VIII+196. Цѣна 1 р.“ (для учительскихъ институтовъ и семинарій и для VII педагогического класса женскихъ гимназій).

— „Соловьевъ, М. Элементарный учебникъ минералогіи и основанія геологии. 4-е изданіе, испр., К. Л. Риккера. С.-Пб. 1903. Стр. XI+132. Цѣна 80 коп.“ (для реальныхъ училищъ, женскихъ гимназій и учительскихъ институтовъ и семинарій).

Б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Böhm, Christian.* 1) Deutsches Lesebuch für die mittleren Lehranstalten. Neu herausgegeben von *Max Böhm*. II Teil. 4-te verbesserte Auflage. Verlag von Franz Kluge. Reval. 1902. Стр. XI+430. Цѣна 1 руб. — 2) Deutsch-russisches Vokabular nebst erklärenden Anmerkungen. Zusammengestellt von *Eugen v. Müller*. Verlag von Franz Kluge. Reval. 1902. Стр. 38. Цѣна 25 коп.“ (для высшихъ классовъ).

— „*Hauff, Wilhelm. Lichtenstein.* Сокращенный текстъ съ введеніемъ, сборникомъ словъ и оборотовъ, алфавитнымъ словаремъ и картою Вюртемберга. Обработалъ *K. P. Берентъ*. Издание С. А. Манштейна. (Избранныя произведения нѣмецкихъ и французскихъ писателей). С.-Пб. 1903. Стр. 146 (въ текстѣ) + 120 (въ приложенияхъ). Цѣна съ приложеніями 60 коп.“ (для среднихъ и старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также и къ приобрѣтенію въ ученическія библіотеки означеныхъ заведеній).

— „*Максимовъ, И. П.* Учебныя стѣнныя историческія карты: 1) Карта древняго Азіатскаго міра. Издание 3-е. Гомель. 1903.— 2) Карта древней Греціи. Издание 2-е. Гомель. 1901.— 3) Европа въ эпоху великаго переселенія народовъ. Издание 2-е. Гомель. 1900.— 4) Южная Европа въ эпоху Крестовыхъ походовъ. Издание 2-е. Гомель. 1902.“ (въ качествѣ классныхъ учебныхъ пособій).

— „*Рыбкинъ, Н.* 1) Собрание стереометрическихъ задачъ. Издание 6-е. М. 1902. Стр. IV+80. Цѣна 40 коп.— 2) Собрание тригонометрическихъ задачъ. Издание 3-е, магазина «Сотрудникъ школы». М. 1902. Стр. 79. Цѣна 40 коп.“

— „*Соколовъ, В.* Родная рѣчъ. Русская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Издание В. Думнова. М. 1903. Часть I (для низшихъ классовъ). Издание 9-е. Стр. XV+462. Цѣна 1 р.— Часть II (для среднихъ классовъ). Издание 6-е. Стр. VII+586. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Финиковъ, Н.* Латинская хрестоматія съ упражненіями. 3-е испр. издание, К. Л. Риккера. С.-Пб. 1903. Стр. VII+293. Цѣна 1 р. 25 коп.“

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Авенариусъ*, В. И. На Москву! Историческая повѣсть изъ временъ первого самозванца (III часть исторической трилогіи «За царевича»). Издание И. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. 391. Цѣна 1 р. 75 коп., въ папкѣ 2 р., въ перепл. 2 р. 50 коп.“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Адлеръ*, Б. Ф. Возникновеніе одежды. С.-Пб. 1903. Стр. 80. Цѣна 30 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Галузьевъ*, В. 1) На землѣ и подъ землей. Разсказы всесмѣрного путешественника. Издание 3-е. С.-Пб. 1902. Стр. 360. Цѣна 1 р. 25 коп., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленк. перепл. 2 р.—2) Тундра и Бѣломорскій край. С.-Пб. 1902. Стр. 39. Цѣна 10 коп.—3) Іеддо. С.-Пб. 1902. Стр. 47. Цѣна 15 коп.—4) Пекинъ и Гонконгъ. С.-Пб. 1902. Стр. 54. Цѣна 15 коп.—5) Эпизоды изъ путешествій по Африкѣ. С.-Пб. 1902. Стр. 30. Цѣна 10 коп. (Всѣ—издания И. В. Луковникова).“ (въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Горностаевъ*, Ф. 1) Насѣкомыя, вредящія огороднымъ растеніямъ, плодовымъ деревьямъ и ягоднымъ кустамъ. Стр. 61.—2) Пернатые друзья и враги сельского хозяина. Стр. 84. (Обѣ—изданія Т.ва И. Д. Сытина: «Библіотека сельского хозяина»). М. 1903. Цѣна каждой книжки 20 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Готье, Юдівъ*. Завоеванія рая. Переводъ съ франц. Ольги Трачевской. Подъ ред., съ введеніемъ и примѣч. А. Трачевской. Издание А. Ильина. (Рядъ историческихъ романовъ). С.-Пб. 1902. Стр. LII+328. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Диккенсъ, Чарльзъ*. Иллюстрированные романы въ сокращеніемъ переводъ Л. Шелуховой. Издание П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. 1) Мартинъ Чезльвітъ. Издание 2-е, испр. Стр. 111.—2) Оливерь Твистъ. Издание 3-е, испр. Стр. 107.—3) Два города. Издание 2-е,

испр. Стр. 102. Цѣна каждой книжки 40 коп., въ папкѣ 50 коп.“ (для младшаго и средняго возраста, а также и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „Загоскинъ, М. Н. Полное собрание сочиненій въ 2 томахъ. Издание В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1902. Томъ I. Стр. 1474 въ 2 столбца. Томъ II. Стр. 1498 въ 2 столбца. Цѣна за 2 тома 2 р. 25 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „Знойко, Николай. Краткіе очерки по культурной истории древняго Востока. Одесса. 1903. Стр. II+155. Цѣна 75 коп.“

— „Киплингъ, Редьярдъ. Смѣлые мореплаватели. Полный переводъ съ англійскаго А. Каррикъ. М. 1903. Стр. 192. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для средняго и старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Коропчевскій, Д. А. Пещерные люди. Издание 3-е, Н. А. Аскарханова. (Иллюстрированная естественно-научная библіотека). С.-Пб. 1902. Стр. 63. Цѣна 20 коп. въ папкѣ.“ (также и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „Кудрявский, Д. Какъ жили люди въ старину. Издание 2-е, испр. и доп. Юрьевъ. 1902. Стр. 94. Цѣна 40 коп.“

— „Ловцовъ, М. Умѣніе наслаждаться жизнью. Извлечено изъ сочиненій Дж. Миллера, С. Смайлса, Дж. Ресскина и др. С.-Пб. 1898. Стр. 45. Цѣна 15 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Мечъ, Серій. Италия. М. 1903. Стр. 88. Цѣна 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Миллеръ, Дж. Молодымъ дѣвушкамъ дружескіе совѣты. (Girls, faults and ideals). Переводъ съ англ. и добавленія по Дж. Ресскину М. Ловцовой. 2-е дополн. издание, В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1899. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Миллеръ, Дж. Нашимъ юношамъ дружескіе совѣты. (Young men; faults and ideals). Переводъ съ англ. и дополненія по разн. авторамъ М. Ловцовой. 2-е дополн. издание, В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1900. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Нелировичъ-Данченко, Вас. Разказы о Божьей правдѣ. Издание Д. П. Ефимова. М. 1902. Стр. 186+III. Цѣна 75 коп., въ папкѣ

1 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Носковъ, Н. Д.* Завоеватель міра (Александъ Македонскій). Издание П. П. Сойкина. С.-Пб. 1902. Стр. IV+144. Цѣна 1 р.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Первовъ, П. Д.* Проложеніе первого телеграфа черезъ океанъ. М. 1903. Стр. 92. Цѣна 35 коп.“ (для старшаго возрасла, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Смирский, А.* На родинѣ. Рассказы для дѣтей старшаго возрасла. Издание ред. журн. «Всходы». С.-Пб. 1902. Стр. 252. Цѣна 1 р. 20 коп.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Свирскій, А.* Четыредесятница и Страстная седмица. Сборникъ статей для издавательского чтенія. Издание П. А. Смирнова. Шашкъ. 1902. Стр. X+343. Цѣна 1 р.“

— „*Скоттъ, Вальтеръ.* Ламермурская невѣста. Полный переводъ. Приложеніе: сэръ Вальтеръ Скоттъ, его жизнь и литературные труды. Издание 2-е, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1902. Стр. XXVI+286+128. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Сысоевъ, В. М.* 1) Зѣбрь. Первая прогулка по зоологическому саду. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 10 коп.—2) Птицы. Вторая прогулка по зоологическому саду. М. 1903. Стр. 31. Цѣна 10 коп. (Обѣ—изданія А. Д. Ступина).“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

2. Допустить условно слѣдующую книгу:

въ качествѣ учебнаго пособія для средникъ учебныхъ заведеній:

— „*Nowakowska, Laure.* Cours spécial de pratique de langue fran-çaise d'apr s la méthode de l'enseignement à la simple vue. С.-Пб. 1903. Стр. XI+435. Цѣна съ прилож. альбома рисунковъ (XXXVI таблицъ) 2 р. 50 коп.“ (для приготовительного класса женскихъ гимназій и I и II классовъ какъ женскихъ, такъ и мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Гильбовскій, В. А. Древніе педагогические писатели въ биографіяхъ и образцахъ. С.-Пб. 1903. Стр. 144. Цѣна 75 коп.“—допустить въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, въ библиотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ ученическія библиотеки педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій.

— Журналъ: „Мирный трудъ. Повременное литературно-научное изданіе, выходящее 5 разъ въ годъ. Харьковъ. Издатель А. Ветуровъ. Редакторъ проф. А. Вязминъ. Подписная цѣна для городскихъ (харьковскихъ) подписчиковъ съ доставкою 5 р. въ годъ, для иного города съ пересылкой 6 руб. Отдельные книжки по 1 р. 50 коп.“—допустить, впредь до измѣненія его редакціи, къ пріобрѣтенію по предварительной подпискѣ въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе „Даль, Владимиrъ. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е, испр. и значит. дополн. изданіе, подъ ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Томъ I, выпускъ I. Стр. XI + 223. Цѣна 50 коп. (подписная цѣна на все изданіе 20 руб.)“—признать заслуживающимъ рекомендациіи со стороны министерства народнаго просвѣщенія, посредствомъ циркулярного распоряженія, особому вниманію педагогическихъ совѣтовъ подвѣдомственныхъ министерству гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ и семинарій на предметъ пріобрѣтенія, по предварительной подпискѣ, въ фундаментальныя и ученическія, старшаго возраста, библиотеки тѣхъ выпусковъ изданія, которые выйдутъ въ свѣтъ подъ редакціей проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ и будутъ напечатаны на такой же бумагѣ и такимъ же шрифтомъ, какъ и первый выпускъ изданія; а равно и допустить по предварительной подпискѣ, при соблюденіи вышеозначенныхъ условій, въ безплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Книгу: „С., Л. Мысли Бѣлинскаго о воспитаніи. С.-Пб. 1898. Стр. 34. Цѣна 25 коп.“—допустить въ учительскія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „С., Л. Основные вопросы воспитанія по сочиненіямъ Пирогова. С.-Пб. 1899. Стр. 32. Цѣна 25 коп.“—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Книгу: „Памяти Леонида Николаевича Майкова. С.-Пб. 1902.

Стр. LXIII+577. Цѣна не обозначена.“ — признать заслуживающею особой рекомендаций, посредствомъ циркуляриаго предложения министерства, вниманію педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также и учительскихъ институтовъ и семинарій, для пріобрѣтенія въ учительскія библіотеки названныхъ заведеній.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНИЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Говѣйко, П. Начатки русскаго правописанія. Сборникъ диктоворкъ. Издание Г. Я. Юревича. С.-Пб. 1901. Стр. 63. Цѣна 20 коп.“

— „Евстевъ, И. Е. Русскія прописи. Издание 2-е, В. В. Думнова. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 15 коп.“ (также и для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Книга для чтенія въ начальной школѣ. Составлена кружкомъ учительницъ подъ ред. В. А. Воскресенскаго. Издание 4-е. С.-Пб. 1902. Стр. VIII+224. Цѣна 50 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Корханиди, П. М. Живое слово. Элементарный учебникъ русскаго языка. Издание 2-е, Груз. Епарх. Учил. Совѣта. Тифлісъ. 1900. Вып. 1-й. Стр. 68. Цѣна 25 к.—Вып. 2-й. Стр. 127. Цѣна 35 коп.“

— „Кохановскій, Л. Молитвы и вѣроученіе евреевъ. Вып. 1-й. Вильна. 1900. Стр. X+427.—Вып. II-й. Вильна. 1902. Стр. IV+(428—637). Цѣна не обозначена.“ (для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается законъ еврейской вѣры).

— „Лубенецъ, Т. Родная нива. Задачи для самостоятельныхъ письменныхъ упражнений прямымъ почеркомъ. Часть I. Издание 4-е, из-

мѣи., Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 1903. Стр. 3+40. Цѣна 12 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Максимовъ, Я., и П. Гдушикъ. Родная пчелка. Книга для чтенія. Издание 2-е, Г. Я. Юрьевича. С.-Пб. 1902. Стр. 218. Цѣна 50 коп.“

— „Москвичъ, К. И. 1) Толкователь словъ ко II выпуску учебника „Русское слово“ Л. Григорьева и Б. Оленина. Издание К. Г. Зихмана. Рига. 1901. Стр. 74. Цѣна 20 коп.—2) То же къ III выпуску. Стр. 90. Цѣна въ перепл. 30 коп.“ (для тѣхъ учебныхъ заведений, въ коихъ дѣти при поступлениі не умѣютъ говорить по-русски).

— „Мюльманъ, Р. Азбука и первая послѣ азбуки книжка для чтенія, составленная по наглядному методу. Издание Б. Серенсена и К°. Рига. 1903. Стр. 61+4. Цѣна 20 коп.“ (для инородческихъ училищъ).

— „Сегаль, Б. Л. Краткая исторія евреевъ до заключенія талмуда съ переводомъ еврейского текста на русскій языкъ. 18-е изданіе. Одесса. 1903. Стр. 80. Цѣна не обозначена.“ (для еврейскихъ училищъ и тѣхъ общихъ учебныхъ заведений, где евреи обучаются закону своей вѣры).

— „Тулуповъ, Н. В. Проциси правописанія. Издание Т-ва И. Д. Сытина. М. 1903. Стр. 46. Цѣна 20 коп.“ (для начальныхъ школъ и младшихъ классовъ городскихъ, по положенію 1872 г., училищъ).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Анастасіевъ, А. Народная школа. Руководство для учащихъ въ начальныхъ училищахъ. Издание 4-е, знач. испр. и дополн., А. Л. Дубровина. Казань. 1903. Стр. X+568. Цѣна 3 р. 50 коп.“ (также въ библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ).

— „Гаринъ, Н. Дѣтство Тѣмы. Изъ семейной хроники. 4-е изданіе, Товарищества „Знаніе“. С.-Пб. 1903. Стр. 226. Цѣна 1 р.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Комарова, А. Графическая грамотность. Руководство для преподавателей и самообученія. С.-Пб. 1902. Стр. 44. Цѣна 30 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки учительскихъ семинарій и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Мезамедъ, И. А. Сеферъ шибте Исраэль, т.-е. Колѣна Из-

ранльскія. Историческое изслѣдованіе. Вильна. 1903. Стр. 161. Цѣна 1 р.“ (для еврейскихъ учебныхъ заведеній).

— „Миловидовъ, Г. Опытъ объяснительного чтенія, какъ живого слова въ преподаваніи родного языка. Издание 3-е, вновь пересмотр. и дополн. Орель. 1901. Стр. VI+214. Цѣна 1 руб.“

— „Мюлманъ, Р. Практическое руководство для первоначального обученія русскому языку въ инородческихъ училищахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ руководство къ азбукѣ того же автора. Издание Б. Серенсена и К°. Рига. 1903. Стр. 61+2. Цѣна 30 коп.“ (для инородческихъ училищъ).

— „Ушаковъ, А. 1) Изъ Евангелія. Стихотворенія. 1903. Стр. 69. Цѣна 20 коп.—2) Иоаннъ Креститель. Стихотворенія. 1903. Стр. 20. Цѣна 10 коп.—3) Стихотворенія на разныя религіознонравственныя темы. 1902. Стр. 53. Цѣна 15 коп.—4) Притчи евангельскія. Стихотворенія. 1902. Стр. 37. Цѣна не обозначена.—5) Христосъ воскресе! Стихотворенія. 1903. Стр. 22. Цѣна 10 коп. (Всѣ—изданія И. П. Крылова въ г. Сарницѣ).“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

— „Флоранъ, А. Какъ рисуютъ дѣти. Издание Товарищества М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 20. Цѣна 15 коп.“

— „Хитровъ, М. Евстаѳій Плакида. 5-е изданіе К. И. Тихомирова. М. 1903. Стр. 168. Цѣна 5 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

в) въ ученическихъ библиотекахъ низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Авенаріусъ, В. Улетѣла! Сказка. Издание А. Д. Ступина. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „Андерсенъ, Г. Гадкий утенокъ. Навозный жукъ. Дѣвѣ сказки. Переводъ Н. И. Перељинина. Издание М. В. Клюкина. (Добрая душа). М. 1903. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“ (для городскихъ училищъ, а также въ ученическия, младшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Позняковъ, Н. И. Поэтъ-пахарь (С. Д. Дрожжинъ). Издание А. Д. Ступина. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „Сирошевскій, Вацлавъ. Пустынnyй островъ. Рассказъ изъ жизни польскихъ дѣтей. Издание магазина „Книжное дѣло“. Отдѣль Н. М. Глаголева. С.-Пб. и М. 1902. Стр. 44. Цѣна 40 коп.“

г) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки:

— „*Архангельская, М. В.* Походъ во Святую землю. (Исторический разсказъ для дѣтей старшаго возраста). М. 1901. Стр. 161. Цѣна 60 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Галкинъ*. Оборона Севастополя 1854—1855 гг. и его военно-исторические памятники. Одесса. 1903. Стр. 41. Цѣна не обозначена.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Гикманъ и Марксъ*. Всеобщій географическій и статистическій карманный атласъ. Издание 2-е, испр. и дополн., А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1903. Стр. 74—64 №№ діаграммъ и картъ. Цѣна 2 р.“ (также и въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Деіеренъ*. Какъ лучше и выгоднѣе удобрять землю навозомъ. Переводъ съ франц. О. З. подъ ред. В. Кочеткова. (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Книжка 10-я). М. 1901. Стр. 32. Цѣна 2 коп.“

— „*Демольдеръ, Э.* Сердце бѣдныхъ. Разсказы для дѣтей и для юношества. Переводъ съ франц. Сергея Орловской. (Библіотека для дѣтей и для юношества подъ ред. И. Горбунова-Посадова). М. 1903. Стр. 165. Цѣна 60 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Кинглингъ, Р.* Смѣлые мореплаватели. Издание 2-е, редакціи журн. „Всходы“. С.-Пб. 1902. Стр. 204. Цѣна 50 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Лаврентьевъ, С. И.* Въ Колизеѣ. Рассказъ. (Общедоступная библіотека Ступина). М. 1903. Стр. 28. Цѣна 10 коп.“ (также и въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Мироносицкій, П.* Лепта. (Изъ школьныхъ очерковъ). Издание ред. журн. „Народное образованіе“. (Школьная библіотека, кн. 7). С.-Пб. 1903. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Митропольский, И. И.* Смоленскъ въ 1812 году. Издание

М. В. Клюкина. (Историческая библиотека, № 6). М. 1902. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „Перелыгинъ, Н. И. 1) Любящая душа. Передѣлано изъ малороссийской повѣсти. М. 1902. Стр. 48. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 30 коп.—2) Рыбакъ и его дочка. Рассказъ изъ итальянской жизни. М. 1902. Стр. 50. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 35 коп. (Обѣ—изданія Д. П. Ефимова).“

— „Р., К. Третій сборникъ стихотвореній. 1889—1899. С.-Пб. 1900. Стр. III+100. Цѣна не обозначена.“ (также и въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Радичъ, В. Богданъ Хмельницкій. Исторический очеркъ. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 171. Цѣна 50 коп., въ папкѣ 60 коп.“ (также и въ ученическія, средняго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Рубакинъ, Н. А. Народы и страны. Географическая библиотека. Изданіе П. П. Гершунина и К°. Вып. II. Въ невѣдомыя страны. С.-Пб. 1903. Стр. 186. Цѣна 50 коп.—Вып. III. На плывающихъ льдинахъ по Ледовитому океану. С.-Пб. 1903. Стр. 117. Цѣна 35 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Сазоновъ, И. Лѣсные пожары. Изданіе К. Тихомирова. М. 1901. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“

— „Спасскій, В. Н. Летучіе пески и ихъ укрѣпленіе облѣсеніемъ. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1901. Стр. 22. Цѣна 5 коп.“

— „Станюковичъ, К. Для дѣтей. Рассказы изъ морской жизни. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1902. Стр. 151. Цѣна 1 руб.“ (также и въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

д) въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки:

— „Баранцевичъ, К. С. Бабья воля. Рассказъ. (Дешевыя изданія Т-ва И. Д. Сытина). М. 1903. Стр. 36. Цѣна 3 коп.“

— „Баранцевичъ, К. С. Околдовала, или Ищи оброкъ на сторонѣ, а домъ люби по старинѣ. (Дешевыя изданія Т-ва И. Д. Сытина). М. 1903. Стр. 54. Цѣна 4 коп.“

— „Герасимовъ, П. Н. Грѣхъ и покаяніе Петра Безлицаго. 2-е изданіе К. И. Тихомирова (Библиотека народныхъ книгъ). М. 1903. Стр. 31. Цѣна 5 коп.“ (также и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „*Искуль, К.* Повѣсти и разсказы. Томъ I. М. 1903. Стр. 175. Цѣна не обозначена.“

— „Исторія русско-турецкой войны 1877 — 1878 г.г. въ Европейской Турціи. Издание ред. журн. «Досугъ и дѣло». С.-Пб. 1903. I. Причины войны и переходъ черезъ Дунай. Стр. 31. Цѣна 15 коп.—II. Взятие Никополя. Стр. 35. Цѣна 20 коп.—III. Паденіе Плевны. Стр. 98 + I карта. Цѣна 20 коп.—IV. Дѣйствія Рущукскаго отряда. Стр. 87 + I карта. Цѣна 25 коп. — V. Переходъ черезъ Балканы и бои подъ Шипкой. Стр. 192 + I карта. Цѣна 40 коп.—VI. Уничтоженіе арміи Сулейманъ-паша и конецъ войны. Стр. 51 + I карта. Цѣна 20 коп.“

— „*Наумовичъ, И.* О трудѣ земледѣльца и землѣ-кормилицѣ. Бесѣды съ крестьянами. С.-Пб. 1902. Стр. 159. Цѣна 20 коп.“ (также и въ учительскія библіотеки начальныхъ школъ, въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „Несчастные. Сборникъ разсказовъ. Издание магазина «Книжное дѣло». М. 1903. Стр. 70. Цѣна 30 коп.“

— „*Оржешко, Элиза.* Въ зимній вечеръ. Повѣсть. Издание М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1900. Стр. 44. Цѣна 10 коп.“

— „*Разимовъ, А.* Отгадайте? Сборникъ загадокъ для дѣтей. Издание Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1902. Стр. 16 + II. Цѣна 25 коп.“

— „*С., Р.* Старый курганъ. Разсказъ изъ народнаго быта. М. 1900. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Сизова, А. К.* Мать русскаго богатыря. Историческая повѣсть. (Библіотека для семьи и школы. Подъ ред. Д. И. Тихомирова). 2-е изданіе ред. журн. «Дѣтское чтеніе» и «Педагогический листокъ». М. 1902. Стр. 51. Цѣна 25 коп.“

— „*Тепловъ, К.* Иоаннъ Калита, собиратель земли русской. Издание М. В. Клюкина. (Историческая библіотека, № 7). М. 1902. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Тютчевъ, Ф. Ф.* Бѣглецъ. Романъ изъ пограничной жизни. Издание П. П. Сойкина. С.-Пб. 1902. Стр. II + 339. Цѣна 1 руб. 50 коп., въ перепл. 2 руб.“

— „*Фаусекъ, Вячеславъ.* Лѣшій. Святочный разсказъ. Издательскій Комитетъ Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. № 95. Харьковъ. 1902. Стр. 40. Цѣна не обозначена.“

— „*Чистяковъ, М.* Дитя. Новые повѣсти, сказки и разсказы.

Издание 4-е, Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1902. Стр. 144.
Цѣна 1 руб. 75 коп., въ перепл. 2 руб. 50 коп.“

2. Допустить условно слѣдующую книгу:

въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „Л., Е. Александръ II, Царь-Освободитель. Издание 6-е испр., К. И. Тихомирова. М. 1902. Стр. 64. Цѣна 10 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи портретъ Императора Александра II былъ исполненъ болѣе удовлетворительно).

Определеніями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги: 1) „Семеновъ, С. Вино. Разсказъ. М. 1901.“—2) „Его же. Не въ деньгахъ счастье. Разсказъ. М. 1901.“—3) „Яриевъ, А. Ф. Г. Волковъ (основатель русскаго театра). С.-Пб. 1891.“—4) „Немировичъ-Данченко, В. Живодеръ. Повѣсть. М. 1901.“—5) „Навроцкий, А. (Н. А. Вроцкій). Изъ Волжскихъ преданій. И. Коромыслова башня. И. Княжая могила. Нижній-Новгородъ. 1897.“—6) „Островский, А. Лѣсь.“—допустить для публичныхъ народныхъ чтений.

IX. ОПРЕДѢЛЕНИЯ ОТДѢЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ.

Определеніемъ отдѣления ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденнымъ его превосходительствомъ г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Книгу: „Краткій курсъ электротехники. Издание 2-е, переработанное 1901 года. Цѣна 2 руб. 75 коп. (съ чертежами)“,—одобрить въ качествѣ руководства для среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ.

ОТКРЫТИЕ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесеию начальства Рижского учебнаго округа въ текущемъ учебномъ году открыты въ округѣ 12 двухклассныхъ сельскихъ и одно одноклассное училища: а. Двухклассныя: 1) 16-го сентября Эртенъ-Самское, при 56 учащихся, Эстляндской губерніи; 2) 1-го октября Степенское-Цинтенгофское, при 87 учащихся, Лифляндской губерніи; 3) 2-го октября Кидаское, при 24 учащихся, Эстляндской губерніи; 4) 2-го октября Кендаское, при 18 учащихся, Эстляндской губерніи; 5) 15-го октября Вотиверское, при 30 учащихся, Лифляндской губерніи; 6) 23-го октября Вольтвеское, при 99 учащихся, Лифляндской губерніи; 7) 31-го октября Калетенское, при 105 учащихся, Курляндской губерніи; 8) 4-го ноября Ороское, при 22 учащихся, Эстляндской губерніи; 9) 19-го ноября Майзекюльское, при 37 учащихся, Лифляндской губерніи; 10) 12-го декабря Керстенское, при 88 учащихся, Лифляндской губерніи; 11) 15-го декабря Вастемойзское, при 52 учащихся, Лифляндской губерніи; 12) 17-го декабря Вольмаргофское, Лифляндской губерніи, и б. Порсковское одноклассное училище, Эстляндской губерніи.

— 10-го мая 1903 года открыто на ст. Чудово Николаевской железнай дороги одноклассное начальное училище на 40 учащихся обоего пола.

— Начальствомъ Московскаго учебнаго округа разрѣшено, съ 1-го июля сего года, открыть въ гор. Каширѣ четырехклассную женскую прогимназию.

РАЗНОГЛАСІЕ ВЪ ШКОЛЪ НОВАГО ЭМПІРИЗМА ПО ВОПРОСУ ОБЪ ИСТИНАХЪ САМООЧЕВИДНЫХЪ¹⁾.

3.

Выше мы видѣли, что по Спенсеру разъясненію принимаемаго имъ общаго закона соотвѣтствія внутреннихъ отношеній отношеніямъ виѣшнімъ соотвѣтствіе всѣхъ безъ исключенія степеней связи внутреннихъ состояній подобнымъ же степенямъ связи между виѣшними реальностями можетъ достигаться только по мѣрѣ развитія сознанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы замѣтили у Спенсера какъ бы иѣкоторое стремленіе поставить соотвѣтствіе высшихъ безусловныхъ ассоціативныхъ связей безусловнымъ законамъ реальностей въ особое исключительное положеніе. Онъ какъ будто расположень думать, что достижениe тѣми или другими ассоціаціями абсолютнаго характера не указываетъ только на тѣ ассоціаціи, которые на этой ступени развитія сознанія съ наибольшимъ правомъ могутъ претендовать на значеніе абсолютныхъ законовъ, а превращаетъ ихъ въ дѣйствительно безусловныи истины; а поэтому на явно обнаруживающемся на низшихъ формахъ психической жизни несоотвѣтствіе абсолютныхъ ассоціацій абсолютнымъ законамъ онъ, повидимому, смотрить какъ на особое исключеніе, возможное лишь тамъ, гдѣ психическая состоянія недостаточно обособились еще отъ физическихъ, не получили характера въ собственномъ смыслѣ психическихъ явлений.

Но теперь мы знаемъ, что Спенсеръ не можетъ не признавать,

¹⁾ Продолженіе. См. февральскую книжку *Журнала Министерства Народного Просвещенія* за 1903 годъ.

что абсолютные связи внутреннихъ состоянийъ могутъ оказываться несоответствующими абсолютнымъ связямъ реальностей не только въ тѣхъ случаяхъ, когда ассоциируемыя состоянія, какъ это предполагается при рефлексахъ и инстинктахъ, не достаточно обособились отъ состояній физическихъ, и не только у какихъ либо низшихъ одушевленныхъ существъ, но и въ такихъ случаяхъ, когда внутреннія состоянія явно выступаютъ какъ представлениія и во всѣхъ безъ исключенія видахъ животнаго царства. И такъ какъ этотъ фактъ въ философіи эволюціи можетъ объясняться только подъ условiemъ признанія ею, что точное соотвѣтствіе абсолютныхъ связей представленій абсолютнымъ связямъ реальностей фактически можетъ достигаться лишь по мѣрѣ развитія сознанія, то отсюда ясно, что и абсолютные связи представленій по Спенсеровій философіи не должны составлять исключенія изъ принимаемаго Спенсеромъ указаннаго выше общаго ограниченія познавательнаго значенія ассоціацій вообще.

Но признать, что точное соотвѣтствіе абсолютныхъ связей внутренніхъ состояній абсолютнымъ связямъ виѣшнихъ реальностей можетъ достигаться лишь по мѣрѣ эволюціи сознанія, это значитъ признать, что по крайней мѣрѣ вполнѣ обезпеченнымъ это соотвѣтствіе можетъ считаться только тогда, когда сознаніемъ будетъ достигнуто полное совершенство. И когда Спенсеръ разъясняетъ общее ограниченіе закона соотвѣтствія внутреннихъ отношеній виѣшнимъ, онъ хорошо видитъ эту послѣдовательность. Объ этомъ законѣ онъ говоритъ ¹⁾: „это есть законъ психической дѣятельности, рассматриваемой абстрактно, а не законъ именно нашей психической дѣятельности или какой нибудь психической дѣятельности, съ которой мы знакомы. Это есть законъ, съ которымъ психическая перемѣны сообразуются все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ психическое развитіе становится все выше и выше, по съ которымъ сообразоваться вполнѣ можетъ только вполнѣ совершенный интеллектъ“. Если же это такъ, то мысль о неразрывныхъ ассоціаціяхъ человѣческаго сознанія какъ о вполнѣ достовѣрномъ ручателствѣ истины была бы, конечно, прямымъ противорѣчіемъ устанавливаемому Спенсеромъ общему ограниченію закона сознанія.

На чёмъ же въ такомъ случаѣ могла бы опираться эта мысль? Спенсеръ ссылается на опытъ миллионовъ поколѣній, въ результатѣ котораго явились человѣческія неразрывныя ассоціаціи. Но вѣдь тоже

¹⁾ Princ. of Psych. I. 416, русск. пер. II. 133.

основаніе можно привести въ пользу безусловной истинности неразрывныхъ ассоціацій какихъ угодно видовъ животнаго царства, продолжающихъ существовать до нашего времени. Онъ предполагаетъ, конечно, что человѣкъ составляетъ высшую форму изъ всѣхъ непосредственно данныхъ въ нашемъ опыте одушевленныхъ существъ. И отсюда онъ могъ бы несомнѣнно на основаніи своей теоріи эволюціи сознанія съ правомъ заключать, что неразрывныя ассоціаціи человѣческаго сознанія должны точнѣе отвѣтывать абсолютнымъ законамъ реальности, чѣмъ ассоціаціи какого угодно изъ видовъ животнаго царства. Но вѣдь съ переходомъ въ человѣческую форму эволюціонирующее сознаніе не сдѣлалось вполнѣ совершеннымъ интеллектомъ ни фактически ни, конечно, по учению Спенсерса. Слѣдовательно точное соотвѣтствіе абсолютныхъ связей внутреннихъ состояній абсолютнымъ связямъ виѣшнихъ и здѣсь вполнѣ обеспеченными признать нельзя.

Съ другой стороны въ самой исторіи рода человѣческаго постоянно совершалось и совершается расширение и усложненіе знанія. Спенсеръ желаетъ въ исторіи интеллектуального развитія рода человѣческаго видѣть процессъ совершенно однородный съ процессами развитія всѣхъ живыхъ существъ, представляющими въ своей общей совокупности постепенную эволюцію сознанія; онъ рассматриваетъ первый какъ простое продолженіе послѣднихъ, находя только, что общий тамъ и здѣсь прогрессъ соотвѣтствій внутреннихъ отношеній виѣшнимъ въ пространствѣ, во времени, въ специальности, въ общности и въ сложности идетъ въ жизни человѣчества, особенно въ наукѣ, быстрѣ и энергичнѣе, чѣмъ въ дочеловѣческие періоды эволюціи сознанія¹⁾). Но пусть все это такъ и будетъ. И всеже и этого было бы совершенно достаточно для того, чтобы признать непослѣдовательнымъ провозглашеніе неразрывныхъ ассоціацій представленій въ человѣческомъ сознаніи за совершенно достовѣрное ручательство истины,— было бы достаточно даже и въ томъ случаѣ, если бы мы забыли о Спенсеровомъ ограниченіи его общаго закона соотвѣтствія внутреннихъ отношеній виѣшнимъ. Если несомнѣнно, что прогрессъ въ установкѣ соотвѣтствія внутреннихъ отношеній виѣшнимъ способенъ быть сопровождаться въ дочеловѣческие періоды эволюціи сознанія обнаружениемъ несостоятельности неразрывныхъ ассоціацій, то какое же право имѣли бы мы утверждать, что того же не можетъ послѣдовать

¹⁾ Princ. of Psych. I. 317, 318—319, 326—327, 339—341, 348—349, 362—366. 368—369, p. II. 27—28, 29—30, 37—38. 50—52. 60—61, 75—80, 82—83.

въ человѣческой исторіи, когда къ тому же признается, что этотъ прогрессъ идеть здѣсь еще быстрѣе и рѣшительнѣе? Сплавить въ одну философскую систему послѣдовательную теорію эволюціи знанія съ ученіемъ о его безусловной достовѣрности въ его высшихъ посылкахъ, очевидно, не такъ легко, какъ это можетъ показаться съ первого взгляда.

Устанавливая за неразрывными ассоціаціями человѣческаго сознанія значеніе совершенно надежнаго ручательства истины, могъ ли Спенсеръ считать себя по крайней мѣрѣ гарантированнымъ отъ столкновенія съ прямыми отрицательными инстанціями, т. е. съ такими фактами, которые прямо противорѣчили учению о безусловной надежности неразрывныхъ ассоціаций человѣческаго сознанія?

Съ этимъ вопросомъ Спенсеръ долженъ быть встрѣтиться при своей полемикѣ съ Миллемъ, который, отрицаю познавательное значеніе необходимо мыслимыхъ положеній, хотѣль, какъ мы знаемъ, доказывать ихъ недостовѣрность на случаахъ, когда ссылки на немыслимость оказывались несостоятельными. И Спенсеру какъ философу, который признавалъ необходимую мыслимость критеріемъ истины, конечно, было необходимо для защиты этого критерія поставить въ сомнѣнія, что необходимая мыслимость, на которую ссылались въ этихъ случаяхъ, не была на самомъ дѣлѣ необходимою мыслимостью, и только ошибочно принималась за нее.

Выше при критикѣ взглядовъ Милля было разъяснено, что всѣ факты, приводимые Миллемъ для доказательства того, что необходимо мыслимое можетъ позднѣе потерять для сознанія значеніе необходимо мыслимаго и даже быть признано за ложное, по его же другимъ разъясненіямъ оказывались такими случаями, гдѣ люди ошибочно принимали за немыслимое то, что было на самомъ дѣлѣ для нихъ только неимовѣрнымъ. Казалось бы, Спенсеръ могъ прямо опереться на эти разъясненія Милля. Однако онъ этого не дѣлаетъ. Онъ цитуетъ возраженіе Милля по такому мѣсту его логики, въ которомъ нѣть никакого намека на то, что отрицательные инстанціи толкуются самимъ Миллемъ какъ примѣры ссылокъ на мнимую, а не на дѣйствительную немыслимость. И онъ не только не дѣлаетъ никакихъ сопоставленій высказываемаго въ этомъ мѣстѣ Миллева взгляда съ взглядами, высказанными имъ въ другихъ мѣстахъ, но и совсѣмъ не говорить о существованіи у Милля мѣнѣнія о томъ, что неудачные ссылки на немыслимость были на самомъ дѣлѣ только ссылками на неимовѣрность. Можетъ быть, онъ не говоритъ обѣ этомъ потому, что самъ не дѣ-

заль подобныхъ сопоставлений мнѣній Милля, можетъ быть по какойнибудь другой причинѣ, это для насъ не важно. Но для насъ существенно важно указать на то, что ссылка Спенсера на мнѣніе Милля о характерѣ необходимой мыслимости въ приводимыхъ имъ отрицательныхъ инстанціяхъ была бы для Спенсера мало полезна. Она могла бы, правда, хорошо доказывать, что Миллевы критика познавательного значенія необходимой мыслимости не достигаетъ своей цѣли; но она не могла бы помочь Спенсеру въ установкѣ его собственного взгляда на отрицательныя инстанціи. Дѣло въ томъ, что послѣдовательность въ проведеніи эмпіристического взгляда на происхожденіе необходимой мыслимости повела у Спенсера къ тому, что понятіе о ней въ его философіи должно было сдѣлаться на столько шире, чѣмъ оно было у Милля, что подъ него могло подходить многое, что не могло подходить подъ тоже понятіе у Милля.

Сознавая необходимость предоставить широкое значеніе выводному процессу въ образованіи самыхъ неразрывныхъ ассоціацій, Спенсеръ не можетъ отъ того постояннаго совпаденія двухъ явлений въ восприятіи, которое по эмпіризму считается необходимымъ условиемъ образованія неразрывной ассоціаціи между ними, требовать, чтобы оба эти явленія постоянно были выражены въ терминахъ ощущеній, и долженъ допускать возможность образованія необходимой мыслимости и въ томъ случаѣ, когда изъ двухъ постоянно совпадающихъ въ восприятіи явлений одно бываетъ выражено въ формѣ простаго представлениія. А между тѣмъ по учению Милля ассоціація теряла свою безусловную неразрывность, какъ скоро появленіе одного изъ ассоціровавшихся явлений въ формѣ ощущенія не соединялось съ появленіемъ другого въ той же формѣ. И происходящее отсюда расширение объема понятія необходимой мыслимости у Спенсера было до того очевидно, что при самомъ своемъ разъясненіи отрицательныхъ инстанцій онъ долженъ былъ замѣтить, что онъ не всему тому отказывается въ необходимой мыслимости, чему отказывается въ ней Милль¹⁾.

Сверхъ того Спенсеръ, какъ мы видѣли при изложеніи его гносеологии, указывая на огромную роль ассоціацій при восприятіи частныхъ

¹⁾ *Princ. of Psych.* II, 409, р. п. IV, 107—108 примѣч. Здѣсь Спенсеръ отстаиваетъ противъ Милля необходимую мыслимость посредствующей среды при дѣйствіяхъ тѣль другъ на друга на разстояніи. Но онъ могъ бы также указать, напримѣръ, на законы причинности, неуничтожимости матеріи и пр., которые онъ признаетъ необходимыми мыслимыми, тогда какъ Милль отказывалъ имъ въ этой необходимой мыслимости.

фактовъ, послѣдовательно требовалъ и здѣсь отличенія абсолютныхъ сочетаній отъ сочетаній, не имѣющихъ абсолютнаго характера. Въ этомъ случаѣ абсолютность сочетанія получала такой смыслъ, какой вовсе не могъ имѣться въ виду у Милля при его полемикѣ противъ обыкновенныхъ ссылокъ на необходимую мыслимость. При абсолютности сочетаній опредѣленныхъ явлений въ извѣстномъ опредѣленномъ актѣ воспріятія дѣло шло уже не объ абсолютной связи двухъ явлений вообще въ сознаніи человѣка, а единственно о безусловной связи ихъ въ опредѣленномъ единичномъ актѣ воспріятія, т. е. предполагалось, что въ опредѣленномъ актѣ воспріятія могли абсолютно соединяться даже и такія явленія, которыхъ въ другіе моменты жизни сознанія, даже въ другихъ актахъ того же воспріятія могли встрѣчаться разъединенными другъ съ другомъ. Въ приводимыхъ Миллемъ примѣрахъ неудачныхъ ссылокъ на немыслимость имѣлась въ виду собственно связь явлений въ сознаніи вообще, а не въ опредѣленномъ актѣ воспріятія. Однако не нужно забывать, что въ основаніи считавшихся необходимыми мыслимыми положеній по эмпиристической гносеологии могли лежать только частные факты воспріятія, взятые въ томъ или другомъ ихъ истолкованіи. А поэтому вопросъ о томъ, была ли для древнихъ необходимая мыслимость того или другого положенія мнимой или дѣйствительной, легко могъ переходить въ другой вопросъ, были ли для нихъ эти частные факты воспріятія, взятые въ опредѣленномъ ихъ истолкованіи, сами абсолютными ассоціативными соединеніями или не были?

Наконецъ, Спенсеръ опять совершилъ послѣдовательно съ эмпиристической точки зрѣнія и выводы сводить къ ассоціативно образовавшимся необходимымъ мыслимостямъ, чего у Милля сколько нибудь опредѣленно развито не было. И это обстоятельство, какъ увидимъ, привело самаго Спенсера къ признанію недостовѣрности такихъ необходимыхъ мыслимостей, относительно которыхъ Милль совсѣмъ не имѣлъ повода высказываться, должны ли онъ считаться мнимыми или дѣйствительными.

Поэтому Спенсеру предстояло самому съ точки зрѣнія своей собственной системы попытаться поставить въ сомнѣнія необходимую для оправданія его критерія достовѣрности мысль, что сужденія, нѣкогда признававшіяся необходимымыми, а позднѣе не оказавшіяся такими и даже признанныя ложными, ошибочно считались за необходимымымыя. Вопросъ въ томъ: сдѣлалъ ли онъ это?

Объ этихъ сужденіяхъ Спенсеръ, ссылаясь на свое ученіе о сужде-

чіякъ простыхъ и сложныхъ, изложенное въ главѣ 10, II книги Основаній Психології, говоритъ: ¹⁾ испытаніе истинности положенія чрезъ сознаніе мыслимости или немыслимости его отрицанія „не можетъ быть законнымъ образомъ примѣнямо къ сложному сужденію, подлежащему и сказуемое котораго находятся не въ прямомъ отношеніи, но связанны между собою посредствомъ многихъ подразумѣвающихся предложенийъ. Слѣдовательно на это критическое возраженіе Милля мой отвѣтъ будетъ таковъ, что тѣ предложения, которыхъ ошибочно принимались за несомнѣнныя вслѣдствіе того, что они будто бы выдержали испытаніе посредствомъ принимаемаго мною критерія, были предложения сложныя, къ которымъ этотъ критерій не приложимъ, и что никакія заблужденія, возникшія отъ неправильного приложенія этого критерія, не могутъ считаться говорящими противъ правильнаго его приложенія“.

Убѣжденіе въ истинности сужденія, основаніе на его необходимой мыслимости, заключаетъ въ себѣ, конечно, два момента: во-первыхъ, признаніе сужденія необходимо мыслимымъ; во-вторыхъ, вѣру въ общее положеніе, что всякое необходимо мыслимое сужденіе истинно. Такъ какъ вѣра въ это общее положеніе должна раздѣляться самимъ Спенсеромъ, то приведенное сейчасъ его объясненіе ошибочнаго убѣжденія въ истинности сужденій, опирающихся на ихъ необходимую мыслимость, очевидно, направлено противъ первого момента въ этомъ убѣжденіи, противъ признанія этихъ сужденій необходимо мыслимыми т. е. касается того самого пункта, который существенно важенъ для его ученія о критеріи достовѣрности. Но Спенсеръ непосредственно старается доказать не ошибочность этого признанія, а только его незаконность.

Но незаконность установки необходимой мыслимости сужденія сама по себѣ еще не исключаетъ для сужденія возможности быть дѣйствительно необходимо мыслимымъ. О Спенсерѣ нельзя сказать, что онъ совсѣмъ отрицає даже и законность примѣненія критерія необходимой мыслимости при доказательствѣ сужденій сложныхъ, подлежащему и сказуемое которыхъ связаны другъ съ другомъ не непосредственно, а посредствомъ другихъ положеній. Не только сужденія непосредственно очевидныя, но и все выводы по его ученію основываются на необходимой мыслимости, а между тѣмъ выводное сужденіе отъ сужденія непосредственно очевиднаго тѣмъ и отличается, что необходимы-

¹⁾ Princ. of Psych. II. 109—110, р. пер. IV, 108.

мая мыслимость связи между его субъектомъ и предикатомъ предполагается не очевидно непосредственно, а устанавливаемо съ помощью другихъ посредствующихъ положений. Спенсеръ признаетъ, такимъ образомъ, незаконной установку необходимой мыслимости сложнаго суждения только въ томъ случаѣ, когда эта установка производится непосредственно на сложномъ суждении, т. е. когда посредствующія суждения только подразумѣваются, а отчетливо не ставятся сознаниемъ и критически не провѣряются каждое въ отдѣльности непосредственнымъ примѣненіемъ къ нимъ критерія. И тотчасъ послѣ выписанныхъ словъ ставя свою цѣлую точнѣе разъяснить, что онъ разумѣеть подъ правильнымъ примѣненіемъ своего критерія, для того, чтобы не оставалось „никакой возможности для неправильного пониманія“, онъ между прочимъ выражаетъ ту мысль ¹⁾), что „только простыя усмѣтрѣнія (percepts) и представлениія таковы, что ихъ отношенія могутъ быть удостовѣрены непосредственнымъ сознаниемъ, и... только посредствомъ разложенія на такія простыя усмѣтрѣнія и представлениія можетъ быть достигнуто истинное сужденіе касательно сложныхъ усмѣтрѣній и представлений“. И въ примѣрѣ сужденія, которое не можетъ быть установлено непосредственно, т. е. при помощи прямого сравненія двухъ состояній сознанія, приводится имъ здѣсь геометрическое положеніе, необходимая мыслимость котораго, несомнѣнно, и по его взгляду могла быть установлена, именно положеніе, что квадратъ гипотенузы прямоугольного треугольника равняется суммѣ квадратовъ остальныхъ его двухъ сторонъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что непосредственная установка необходимой мыслимости сложнаго суждения можетъ считаться имъ незаконной только потому, что при простомъ подразумѣваніи положений, на которыхъ основывается въ сложномъ суждении связь между подлежащимъ и сказуемымъ, то или другое изъ этихъ подразумѣвающихся положений можетъ въ дѣйствительности не достигать само полной необходимой мыслимости и все же сужденіе, предполагающее для своей необходимой мыслимости его необходимую мыслимость и связанное со всѣми подразумѣвающимися при немъ положеніями тѣсной ассоціативной связью, можетъ иллюзорно показаться сознанію необходимо мыслимымъ. Если же все это такъ, то Спенсеромъ никакъ не можетъ отрицаться, что среди сложныхъ суждений, которыхъ при непосредственномъ примѣненіи къ нимъ его критерія могутъ незаконно быть признаны необходимо мы-

¹⁾ Princ. of Psych. II. 411, p. IV. 110.

слимыми, могутъ существовать и такія, при которыхъ подразумѣвае-
мые сужденія всѣ могутъ быть дѣйствительно необходимо мыслимыми
для сознанія, въ которомъ совершается это незаконное примѣненіе
критерія. Конечно, это примѣненіе и въ этомъ случаѣ справедливо
должно считаться незаконнымъ, такъ какъ совершается безъ отчет-
ливой и сознательной провѣрки каждого изъ положеній, связующихъ
субъектъ и предикать подлежащаго испытанію сужденія. Тѣмъ не
менѣе необходимая мыслимость этого сужденія, хотя и устанавливаемая
при незаконныхъ условіяхъ, фактически будетъ, очевидно, въ
этомъ случаѣ не мнимой, а дѣйствительной, такъ какъ ассоціаціи,
которые производятъ сознаніе ея, будутъ таковы, что не только фак-
тически будутъ сопровождаться этимъ законно непровѣреннымъ со-
знаніемъ, но будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ способны при отчетливой и со-
знательной провѣркѣ ихъ оправдать сознававшуюся необходимую мысли-
мость принимаемаго подъ ихъ несознательнымъ вліяніемъ сужденія.

Поэтому если бы вышеупомянутымъ Спенсеровымъ объясненіемъ
и дѣйствительно доказывалась незаконность примѣненія критерія не-
мыслимости къ суждениамъ, ошибочно считавшимся истинными вслѣд-
ствие сознанія немыслимости ихъ отрицанія, то этого все же было
бы недостаточно для того, чтобы поставить въ всякомъ сомнѣнія
существенно важную для ученія Спенсера о критеріѣ достовѣрности
мысль, что необходимая мыслимость этихъ суждений была не дѣйстви-
тельною, а мнимою. Для этого, очевидно, Спенсеру было необходимо
вскрыть тѣ положенія, которые должны были подразумѣваться при
этихъ незаконныхъ ссылкахъ древнихъ писателей на немыслимость, и
указать на тѣ изъ этихъ подразумѣваній, которые съ точки зрѣнія
принимаемыхъ имъ условій образованія немыслимости не могли даже
и въ то время считаться необходимо мыслимыми.

Но дѣйствительно ли Спенсеромъ доказана даже и та мысль, ко-
торая прямо выражена въ его объясненіи, именно, что къ суждениамъ
ошибочно считавшимся истинными за свою необходимую мыслимость
незаконно быть примѣненъ критерій этой необходимой мыслимости?

Не будемъ разбирать общее положеніе, на которомъ основывается
у Спенсера эта мысль. Пусть къ сложнымъ суждениамъ непосредствен-
ное примѣненіе критерія немыслимости должно быть признано не-
законнымъ. Но мы спрашиваемъ: на какомъ основаніи Спенсеръ мо-
жетъ утверждать, что оказавшіяся ошибочными сужденія, признавав-
шіяся необходимо мыслимыми, были суждениами сложными для созна-
нія тѣхъ лицъ, которымъ примѣняли къ нимъ этотъ критерій?

Выводя незаконность примѣненія къ этимъ сужденіямъ критерія немыслимости, Спенсеръ подъ сложными сужденіями разумѣеть та-
кія, субъектъ и предикатъ которыхъ не связаны въ сознаніи прямо и
непосредственно другъ съ другомъ. Прямая связь между субъектомъ
и предикатомъ въ сознаніи по гносеологии Спенсера производится об-
разовавшейся ассоціаціей между ними, а связь необходимая—нераз-
рывной ассоціаціей. Для рѣшенія вопроса, были ли субъектъ и пре-
дикатъ этихъ сужденій связаны прямую связью въ сознаніи лицъ,
считавшихъ эти сужденія необходимо мыслимыми, Спенсеру всего
естественнѣе, повидимому, было обратиться къ косвенному признаку,
къ разъясненію того, достаточны ли были условія для образованія
этой прямой связи въ сознаніи этихъ лицъ. По его философіи пра-
мая неразрывная связь между субъектомъ и предикатомъ сужденія,
требующая непосредственной неразрывной ассоціаціи между ними,
должна получиться тогда, когда постоянно въ продолженіи долгихъ
періодовъ вліяли на сознаніе такія сочетанія явлений, которые укрѣ-
пляли ассоціацію между ними, и въ то же время опытъ не давалъ ни-
какихъ поводовъ къ образованію сочетаній, противорѣчящихъ ассо-
ціаціи. И Спенсеру для доказательства сложности сужденій, о кото-
рыхъ идетъ рѣчь, слѣдовало доказать, что не существовало этихъ
условій необходимыхъ для образованія неразрывной ассоціаціи между
субъектомъ и предикатомъ этихъ сужденій въ сознаніи лицъ, считав-
шихъ эти сужденія необходимо мыслимыми. Въ дѣйствительности у
Спенсера не находимъ ничего подобнаго. Онъ даже вовсе не пред-
ставляетъ никакого доказательства сложности этихъ сужденій. Она
просто утверждается имъ аподiktически какъ истина совершенно оче-
видная. Но если подъ сложностью сужденія разумѣть единственно и
исключительно только ту зависимость связи субъекта и предиката суж-
денія по ея достовѣрности для сознанія отъ другихъ сужденій, ко-
торая необходима Спенсеру для того, чтобы признать незаконность
непосредственного примѣненія къ сужденію критерія немыслимости,
тогда признать сужденіе сложнымъ на основаніи простой очевидности
можно бы было лишь въ томъ случаѣ, если бы связь между его субъ-
ектомъ и предикатомъ непосредственно сознавалась какъ не прямая, а за-
висящая отъ вѣры въ другія сужденія. Но что касается тѣхъ самыхъ
лицъ, объ основаніяхъ убѣжденія которыхъ въ подобныхъ сужденіяхъ
сталася вопросъ, то на сознаніе ини сложности этихъ сужденій Спенсеру, конечно, сослаться нельзя. Вѣдь лица, которыхъ признавали
сужденія, оказавшіяся позднѣе ошибочными, за необходимо мысли-

зыя, признавали это, какъ предполагается Спенсеромъ, вслѣдствіе непосредственнаго примѣненія къ этимъ сужденіямъ критерія не- мыслимости ихъ отрицанія. А этого не могло бы быть, если бы субъекты и предикаты этихъ сужденій представлялись для ихъ сознанія непосредственно не связанными другъ съ другомъ, а отнесенными другъ къ другу на основаніи другихъ сужденій. Признать то или другое сужденіе необходимо мыслимымъ съ помощью непосредственнаго примѣненія къ нему Спенсера критерія достовѣрности,—вѣдь это съ точки зрѣнія Спенсеровой гносеологии, я полагаю, и можетъ только значить—признать прямую неразрывную связь между субъектомъ и предикатомъ этого сужденія путемъ непосредственнаго сознанія ея неразрывности. Поэтому Спенсеръ, утверждая сложность сужденій, признававшихся необходимо мыслимыми и оказавшихся ложными, безъ всякихъ доказательствъ, какъ истину очевидную, могъ бы опираться лишь на болѣе развитое научно сознаніе новаго времени, для котораго эти сужденія уже не кажутся необходимо мыслимыми. Но въ такомъ случаѣ при его объясненіи отрицательныхъ инстанцій, очевидно, уже подразумѣвалось бы въ качествѣ неизбѣжной посылки, принятой на вѣру, та самая мысль, которую онъ именно и долженъ былъ защищать противъ отрицательныхъ инстанцій, именно та мысль, что ассоціації достигшія иѣкогда неразрывности въ исторіи человѣческаго сознанія, не могли потерять этой неразрывности въ наше время при расширеніи опыта. Понятно, что Спенсерово объясненіе потеряло бы при такомъ предположеніи всякое значеніе.

У Спенсера можно прослѣдить такую послѣдовательность мыслей, хотя выраженную и недостаточно отчетливо и опредѣленно, которая повидимому можетъ сдѣлать для насъ понятнымъ, почему онъ могъ, даже не допуская никакихъ предвзятыхъ предположеній, счесть себя въ правѣ безъ всякихъ доказательствъ, аподiktически отнести къ сужденіямъ сложнымъ сужденія, признававшіяся иѣкогда необходимо мыслимыми и оказавшіяся ложными.

О зависимости связи между подлежащимъ и сказуемымъ того или другого сужденія отъ другихъ положеній мы можемъ говорить не въ томъ только случаѣ, когда хотимъ опредѣлить условія достовѣрности сужденія или приписываемаго ему познавательного значенія, но и въ томъ, когда хотимъ просто разъяснить условія его первоначального образования. Сужденія, въ которыхъ утверждается такая связь субъекта съ предикатомъ, которая не могла возникнуть въ сознаніи иначе какъ черезъ посредство другихъ сужденій, наѣмъ ничто не препятствуетъ

называть, подобно сужденијамъ, зависиащимъ отъ другихъ положеній по своей достовѣрности, также сложными сужденијами. Въ такомъ случаѣ на эмпиристической точкѣ зрѣнія самыми простѣйшими сужденијами должны будуть называться такія, которыя выражали бы такую связь ощущеній, которая могла бы быть дана для самаго не развитаго, первоначального сознанія, т. е. которая для своей данности въ опредѣленномъ видѣ не нуждалась бы ни въ какихъ предварявшихъ ее познавательныхъ актахъ. Сужденија, выражающія огромное большинство обыкновенныхъ воспріятій нашего развитаго сознанія, должны были бы съ этой точки зрѣнія называться сложными, и даже никакъ не въ незначительной степени сложными сужденијами, уже потому, что въ нихъ ощущенія, при психологическомъ анализѣ, постоянно оказываются соединенными съ представленими о рабѣ бывшихъ ощущеніяхъ; а это предполагаетъ уже существовавшіе ранѣе въ сознаніи частные факты и притомъ въ такомъ количествѣ, что они успѣли образовать ассоціаціи, т. е. предполагаетъ цѣлый рядъ совершившихся уже познавательныхъ актовъ. А для психолога-ассоціониста, который производить всѣ пространственные отношенія, данныхъ въ воспріятіи, изъ непространственныхъ ощущеній, сужденија, выражающія наши обыкновенные воспріятія, должны представляться, конечно, еще болѣе сложными. Общія сужденија, на сколько они образуются подъ вліяніемъ значительного количества прошедшихъ черезъ сознаніе частныхъ фактovъ, имъ непосредственно соотвѣтствующихъ, должны, конечно, представлять по этому взгляду еще большую сложность, такъ какъ сверхъ познавательныхъ процессовъ, предполагаемыхъ въ развитомъ сознаніи воспріятіемъ частныхъ фактovъ, они предполагаютъ еще множество прошедшихъ черезъ сознаніе самыхъ этихъ фактovъ. Но общія положенія не всегда образуются чрезъ вліяніе на сознаніе фактovъ, имъ непосредственно соотвѣтствующихъ. Ихъ установка часто происходитъ косвеннымъ путемъ, путемъ вліянія на сознаніе разнообразныхъ сложныхъ комбинацій другихъ, ранѣе образовавшихся положеній. Возникнія такимъ косвеннымъ путемъ сужденија должны, очевидно, оказаться еще болѣе сложными, предполагающими огромное количество предшествующихъ познавательныхъ актовъ.

Понятно, что если различать сложныа сужденија отъ простыхъ со стороны условій образованія въ сознаніи той связи между субъектомъ и предикатомъ, которая утверждается въ суждениї, то не будетъ никакой нужды доказывать сложность тѣхъ суждений, которыя считались никогда необходимо мыслимыми и оказались ошибочными. Такая

сложность этихъ суждений будеть очевидна безъ всякаго доказательства.

Спенсеръ хочетъ отрицать законность непосредственнаго примѣнія къ этимъ сужденіямъ критерія немыслимости ихъ отрицанія. Это касалось условій достовѣрности сужденія, приписываемаго ему познавательного значенія и поэтому могло быть непосредственно поставлено въ связь только съ тою сложностю суждений, которая касалась условій ихъ достовѣрности, т. е. съ зависимостію ихъ отъ другихъ суждений со стороны этой достовѣрности. А поэтому оправдывать мысль о незаконности непосредственнаго примѣненія критерія къ тѣмъ или другимъ сужденіямъ сложностю ихъ по условіямъ ихъ образования можно бы было лишь въ томъ случаѣ, если бы имѣлось право на эту сложность сужденія по условіямъ его образования смотрѣть какъ на признакъ сложности сужденія по условіямъ его достовѣрности. Но подобный взглядъ, проведенный вполнѣ определенно и во всей его последовательности, стояль бы въ явию и рѣзкомъ противорѣчіи со всей гносеологіей Спенсера. Правда Спенсеръ учитъ, что сужденіе по самому существу своему есть актъ познаванія связи субъекта съ предикатомъ, вѣры въ эту связь. А поэтому условія образования сужденія суть условія этого познаванія, этой вѣры. Совершенно понятно поэтому, что познавательная цѣнность сужденія по учению Спенсера при самомъ его образованіи и вообще до тѣхъ поръ, пока условія образования сужденія остаются и единственными или по крайней мѣрѣ важнѣйшими условіями вѣры въ связь соединенныхъ въ немъ понятій, зависить отъ познавательной цѣнности этихъ условій или тѣхъ ассоціаций, подъ вліяніемъ которыхъ сужденіе образовалось. Такимъ образомъ зависимость сужденія отъ другихъ суждений по своему образованію въ указанныхъ предѣлахъ неизбѣжно должна совпадать по Спенсеру съ зависимостію его отъ нихъ и по своей достовѣрности. Но это совпаденіе, какъ сказано, можетъ, по учению Спенсера, продолжаться лишь до того времени, пока условія образования сужденія остаются и условіями вѣры въ него. Правда, нарушенію этого совпаденія можно здѣсь и не придавать существеннаго значенія въ томъ случаѣ, когда измѣненіе въ условіяхъ вѣры въ связь предиката съ субъектомъ будетъ состоять только въ томъ, что вмѣсто положеній, подъ вліяніемъ которыхъ эта вѣра возникла, она найдетъ для себя болѣе твердую опору въ другихъ положеніяхъ. Разсматривая сужденія какъ актъ познанія или вѣры, мы все же будемъ имѣть возможность и на эти новыя положенія смотрѣть ие

только какъ на условія достовѣрности сужденія, но и какъ на условія образованія той формы или той степени вѣры, которую теперь представляетъ сужденіе. Но мы знаемъ, что существенная черта гносеологіи Спенсера въ томъ и состоитъ, что ею предполагается, что подъ вліяніемъ опыта связь между субъектомъ и предикатомъ, которая первоначально образовывалась подъ вліяніемъ другихъ сужденій, можетъ укрѣпляться до той неразрывности или необходимой мыслимости, которая дѣлаетъ ее, со стороны ея достовѣрности или усвояемаго ей познавательного значенія, совершенно независимой отъ другихъ сужденій, т. е. превращаетъ сложное по условіямъ своей достовѣрности сужденіе въ сужденіе простое. А между тѣмъ, конечно, это никакъ не мѣшаетъ психологическому анализу констатировать сложность этого сужденія по его происхожденію ¹⁾). Такимъ образомъ сложное по условіямъ своего образованія сужденіе можетъ быть простымъ по условіямъ своей достовѣрности, и потому сложность по образованію не можетъ считаться признакомъ сложности по достовѣрности. Съ другой стороны счѣсть сложность сужденія по условіямъ его образованія признакомъ сложности сужденія по условіямъ его достовѣрности—это значитъ простыя по достовѣрности сужденія, которые не нуждаются въ другихъ сужденіяхъ для усмотрѣнія связи между ними, ограничить тѣми сужденіями, которымъ для своего образованія не нуждались ни въ какихъ другихъ сужденіяхъ. Для Спенсера это означало бы не только свести всѣ послѣднія посылки знанія къ тому же, къ чему въ существѣ дѣла сводятся онъ у Милля, т. е. къ воспріятіямъ отдѣльныхъ вещей, и не только требовать, подобно Миллю, сознательно методического обоснованія вся资料 положенія, идущаго далѣе констатированія данныхъ въ воспріятіи частностей; но это значило бы для него итти въ этомъ направленіи гораздо далѣе Милля и требовать даже сведения данныхъ непосред-

¹⁾ Конечно даже и въ томъ случаѣ, когда то или другое сужденіе, достовѣрность котораго подлежитъ изслѣдованию, само не кристаллизировалось съ помощью неразрывной ассоціаціи въ одинъ нераздѣльный актъ познаванія, могутъ или даже должны въ развитомъ сознаніи кристаллизироваться въ такой актъ тѣ или другія изъ ближайшихъ или болѣе отдаленныхъ его посылокъ, такъ что оценка познавательного его значенія все же не будетъ уже имѣть той сложности, какую она представляла бы при разложеніи его посылокъ на самые первоначальные элементы. Но и эту неточность совпаденія условій образованія сужденія съ условіями вѣры сознанія въ связь огого субъекта съ предикатомъ мы здѣсь не беремъ во вниманіе какъ не существенную въ нашемъ вопросѣ.

ствено въ восприятіи связей, какъ сложныхъ, къ первоначально даннѣмъ связямъ и не признавать достовѣрности ничего, что не было бы методически выведено изъ этихъ первоначально данныхъ связей. Отъ Спенсерова ученія о достовѣрности сужденій, субъектъ и предикатъ которыхъ связаны неразрывно, могло бы остаться въ такомъ случаѣ развѣ только требование испытывать достовѣрность этихъ первоначально данныхъ связей съ помошью критерія немыслимости. Но на дѣлѣ и этого не осталось бы. Признаніе законности непосредственаго примѣненія этого критерія исключительно къ такимъ первоначально даннѣмъ связямъ было бы равносильно полному отрицанію возможности какого бы то ни было непосредственного примѣненія его, а следовательно и возможности примѣненія его вообще. Дѣло въ томъ, что по Спенсерову анализу психической жизни постановка простѣйшаго ощущенія въ качествѣ точно определенного по своему содержанію ощущенія предполагаетъ уже раннѣе существовавшіе ряды ощущеній, чрезъ-бесознательное сличеніе съ которыми ощущеніе должно впервые получить для сознанія свою опредѣленность. Вслѣдствіе этого дѣйствительно первичные акты ощущеній могутъ быть восстановлены для сознанія лишь путемъ заключеній изъ налично данныхъ, всегда уже сложныхъ актовъ. А эти заключенія, если непосредственное примѣненіе критерія возможно только къ первоначально данному, могли бы законно совершаться только чрезъ посредственное примѣненіе критерія, которое невозможно безъ предварительной непосредственной установки посылокъ и следовательно не можетъ состояться безъ предварительной установки первоначально данныхъ ощущеній и связей между ними, которая сама не можетъ быть сдѣлана безъ этихъ заключеній. При томъ же первоначальная связь, по послѣдовательности Спенсерова ученія, сами даже и не могутъ быть необходимо мыслимыми сочетаніями, таъ какъ необходимая мыслимость связей по его ученію можетъ быть только результатомъ продолжительного опыта, постепенно развившейся неразрывной ассоціації.

Понятно, что вполнѣ опредѣленно и послѣдовательно разматривать сложность сужденій по ихъ образованію какъ несомнѣнныи признакъ сложности ихъ со стороны ихъ достовѣрности для Спенсера было невозможно. И тѣмъ не менѣе та послѣдовательность мыслей у Спенсера, которая, какъ мы сказали выше, дѣлаетъ повидимому понятнымъ оставленное имъ безъ всякаго доказательства утвержденіе сложности сужденій, считавшихся необходимо мыслимыми и оказавшихся ложными, представляетъ именно нечто въ родѣ попытки связать

сложность суждений по достовѣрности сть сложностю его по образованію, но только не съ сложностю по образованію вообще, а съ очень значительною сложностю по образованію,—и при томъ попытки, развитой совсѣмъ не опредѣленно, а, на оборотъ, очень спутанно.

Выше приводя подлинныя слова Спенсера о незаконности непосредственного примѣненія его критерія къ суждениямъ сложнымъ, я указывалъ на то, что онъ ссылается при этомъ на свои предшествующія разъясненія относительно суждений простыхъ и сложныхъ. Обращаясь теперь къ этимъ разъясненіямъ, мы прежде всего видимъ, что онъ здѣсь, устанавливая это дѣленіе суждений на простыя и сложныя, говоритъ ¹⁾: „строго говоря, на свѣтѣ вовсе не существуетъ такой вещи, какъ абсолютно простое предложеніе, не подразумѣвающее ничего, кроме одного подлежащаго и одного сказуемаго, познаваемыхъ въ иѣкоторомъ взаимномъ отношеніи“. Отсюда дѣление суждений на простыя и сложныя получаетъ слѣдующій смыслъ: „существуютъ предложенія, утверждающія безмолвно лишь очень немногимъ болѣе того, что они утверждаютъ открыто; и существуютъ другія предложенія, въ которыхъ то, что утверждается безмолвно, превосходитъ по своему количеству въ громадной степени то, что утверждается явно“. И это [заставляетъ насъ обратить вниманіе и на то обстоятельство, что хотя въ приведенныхъ ранѣе словахъ Спенсера, въ которыхъ утверждается незаконность непосредственного примѣненія критерія его къ суждениямъ сложнымъ, о простыхъ сужденияхъ говорится только какъ о такихъ, въ которыхъ субъектъ и предикатъ стоять въ прямомъ взаимномъ отношеніи, однако и здѣсь незабываема о иѣкоторой сложности и этихъ простыхъ суждений. О ней здѣсь косвенно намекается тѣмъ, что о сужденияхъ сложныхъ говорится какъ о такихъ, въ которыхъ субъектъ и предикатъ при непрямомъ отношеніи другъ къ другу соединены другъ съ другомъ (не просто черезъ подразумѣвающіяся положенія, а) чрезъ многія подразумѣвающіяся положенія. Очевидно суждениямъ, которыхъ субъектъ и предикатъ соединены черезъ немногія подразумѣвающіяся суждения, совсѣмъ не будетъ мѣста въ этой классификаціи, если не подразумѣвать ихъ, согласно сейчасъ переданному понятію Спенсера о сужденияхъ простыхъ и сложныхъ, подъ суждениями простыми.

Что же разумѣть подъ этими подразумѣвающими при каждомъ суждении, какъ простомъ такъ и сложномъ, положеніями, только по-

¹⁾ Princ. of. Psych., II. 395, p. n. IV, 93.

разумѣвающимися не въ одинаковомъ количествѣ, при сужденіяхъ простыхъ въ очень незначительномъ, при сложныхъ въ очень значительномъ? Разумѣть ли подъ ними положенія, отъ которыхъ зависитъ связь субъекта и предиката главнаго сужденія по ея достовѣрности для сознанія, или положенія, отъ которыхъ она зависитъ по своему образованію и отъ которыхъ она можетъ оставаться, но можетъ и не оставаться зависимой по своей достовѣрности?

Само собою понятно, что если мы подъ этими подразумѣвающи-
мыми при каждомъ суждениі положеніями будемъ разумѣть такія по-
ложенія, отъ которыхъ зависитъ достовѣрность для сознанія утверж-
даемой въ суждениі связи субъекта съ предикатомъ, тогда бездоказа-
тельный аподиктическій Спенсерова причисленія къ сложнымъ суж-
деніямъ всѣхъ суждений, считавшихся необходимо мыслимыми и ока-
завшихся ошибочными, для настѣ не станетъ понятнѣе. Если мы, въ
виду признанія этихъ суждений древними за сужденія необходимо
мыслимыя на основаніи свидѣтельства непосредственнаго сознанія, не
можемъ, не входя въ разборъ условій, при которыхъ могла обра-
зоваться эта немыслимость по учению о ней Спенсеровой философіи,
утверждать даже того, что эти сужденія не были для древнихъ непо-
средственно необходимо мыслимыми, а скрывали позади себя другія,
на которыхъ опирались со стороны своей достовѣрности, то еще ме-
нѣе, конечно, мы бы были въ правѣ безъ подобного же изслѣдованія
утверждать, что они скрывали позади себя очень много подобныхъ
положеній.

Но, по видимому, мы не можемъ предположить и того, чтобы Спенсеръ признавалъ подразумѣванія, существующія по его мнѣнію у всѣхъ сужденій, за такія положенія, отъ которыхъ зависитъ связь подлежащаго и сказуемаго по самой своей достовѣрности. Для него признать это значило бы признать, что совсѣмъ нѣтъ сужденій, къ которымъ его критерій могъ бы быть законно примѣненъ непосредственно. Вѣдь незаконнымъ непосредственное примѣненіе критерія немыслимости къ сложнымъ сужденіямъ потому именно и признается Спенсеромъ, что утверждаемая такимъ сужденіемъ связь между подлежащимъ и сказуемымъ не есть связь непосредственно принадлежащая имъ и поэтому могущая быть непосредственно изъ нихъ усматриваемой по своей познавательной цѣнности, а зависѣть отъ другихъ сужденій, познавательная цѣнность которыхъ остается не испытанной. Но какъ скоро мы связь между подлежащимъ и сказуемымъ въ сужденіи сдѣлаемъ зависимой по ея познавательному значенію отъ такого рода

подразумѣваній, которыя предполагаются при каждомъ суждениі, то мы, очевидно, это основаніе для признанія незаконности непосредственного примѣненія Спенсерова критерія къ сложнымъ суждениямъ перенесемъ на каждое сужденіе. А съ отрицаніемъ законности непосредственного примѣненія этого критерія къ какому бы то ни было суждению, будетъ, конечно, невозможно и посредственное его примѣненіе, которое предполагаетъ предварительную установку достовѣрности посылокъ чрезъ непосредственное примѣненіе критерія. И когда Спенсеръ, признавая подразумѣванія при каждомъ суждениі, тѣмъ не менѣе въ своемъ объясненіи Миллевыхъ отрицательныхъ инстанцій называетъ простыми сужденія, подлежащее и сказуемое которыхъ находятся въ прямомъ отношеніи другъ другу, то онъ этимъ самымъ, повидимому, совсѣмъ лишаетъ нась права смотрѣть на эти подразумѣванія, какъ на такія положенія, отъ которыхъ зависитъ достовѣрность простаго суждениа. Что другое въ этомъ случаѣ можетъ означать приписываемое субъекту и предикату простыхъ суждений прямое взаимное отношеніе кромѣ отношенія, независимаго по своему познавательному значенію отъ другихъ суждений, способнаго быть усмотрѣннымъ изъ нихъ самихъ?

У Спенсера есть и прямые указанія на то, что подразумѣванія, предполагаемыя по его взглѣду во всякомъ суждениі, суть такія положенія, отъ которыхъ сужденіе зависитъ по своему образованію. Когда онъ различаетъ простыя и сложныя сужденія по количеству подразумѣвающихся при нихъ другихъ положеній, въ образецъ простого суждениа онъ беретъ¹⁾ сужденіе, выражающее простѣйшее восприятіе (я чувствую боль), т. е. сужденіе, которое нуждается для самого своего образованія въ наименьшемъ количествѣ предшествующихъ познавательныхъ актовъ. Въ числѣ подразумѣваній этого суждениа онъ указываетъ и на такія, которые по какому угодно взглѣду не могутъ относиться къ положеніямъ, отъ которыхъ могло бы стоять въ развитомъ сознаніи въ зависимости признаніе достовѣрности этого суждениа: таковы напримѣръ отнесенные къ подразумѣваніямъ сходные акты прежде испытанныхъ болей, „съ которыми я и классифицирую эту боль какъ сходную съ ними по своей общей природѣ“. Въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ по поводу этого же дѣленія онъ между прочимъ выражаетъ даже ту мысль²⁾, что „каждое общее предложеніе, утвер-

¹⁾ Princ. of Psych. II, 395, p. II, 93.

²⁾ Princ. of Psych. II, 398, p. II, 96.

ждающее иѣчто о какомъ нибудь классѣ, есть въ высшей степени сложное предложеніе, потому что оно совокупляетъ въ себѣ множество предложенийъ, сдѣланныхъ порознь касательно индивидовъ этого класса"; а такое утвержденіе о *каждомъ общемъ положеніи*, при признаніи Спенсеромъ необходимой мыслимости многихъ изъ нихъ, могло бытъ сдѣлано лишь, когда дѣло идетъ о подразумѣваніяхъ, отъ которыхъ зависитъ сужденіе по своему образованію. Съ другой стороны на одномъ избранномъ имъ примѣрѣ сложнаго сужденія Спенсеръ хочетъ внушить читателю мысль о недостаточной достовѣрности именно сужденій сложныхъ, имѣющихъ очень много подразумѣваній, а также и о томъ, что связь субъекта и предиката въ этихъ именно сужденіяхъ оказывается недостаточно гарантированной отъ измѣненій¹⁾). И эти разъясненія можно толковать въ томъ смыслѣ, что въ нихъ выражается убѣжденіе Спенсера въ томъ, что меньшая сложность сужденій по ихъ образованію служить признакомъ простоты сужденія по условіямъ его достовѣрности, а наоборотъ большая сложность сужденія по образованію—признакомъ сложности его по условіямъ достовѣрности. Вслѣдствіе этого, повидимому, при разъясненіи Миллевыхъ отрицательныхъ инстанцій, простымъ сужденіямъ уже прямо приписывается прямая связь субъекта съ предиктомъ, а сложнымъ не прямая. Конечно, при этомъ толкованіи Спенсера взгляда бездоказательная аподиктичность утвержденія его, что сужденія, признававшіяся необходимо мыслимыми и оказавшіяся ложными, были суждениями сложными, была бы во всякомъ случаѣ болѣе понятна.

Но при этомъ нужно замѣтить, что Спенсеръ нигдѣ скольконибудь опредѣленно не выражаетъ своеї мысли въ формѣ приданного ей сейчасъ толкованія, нигдѣ прямо не говоритъ о подразумѣвающихся при всѣхъ сужденіяхъ положеніяхъ какъ о такихъ, которые относятся къ необходимымъ условіямъ его образованія и нигдѣ скольконибудь опредѣлено не различаетъ этой сложности сужденія отъ сложности его по его достовѣрности. Такимъ образомъ эта мысль въ сознаніи Спенсера, повидимому, не отличалась отчетливостью представлений въ нее входящихъ и не получила вполнѣ послѣдовательного развитія. Но все же мы должны разсмотрѣть, не могла ли она принести Спенсеру пользу въ его борьбѣ съ отрицательными инстанціями.

Отожествленіе сужденій, имѣющихъ очень мало подразумѣваній, предполагаемыхъ ихъ образованіемъ, съ суждениями простыми со сто-

¹⁾ Princ. of Psych. IV, 396—399, 400—402, р. п. IV, 94—97, 98—100.

роны своей достовѣрности, допускающими законное примѣненіе Спенсерова критерія, а суждений, имѣющихъ очень много такихъ подразумѣваній, съ сложными по своей достовѣрности, недопускающими законного примѣненія критерія, совершенно неудобно уже потому, что при немъ исчезаетъ опредѣленная грань между случаями законного и незаконного примѣненія критерія. Раздѣлить всѣ сужденія на два класса, принявъ за правило, что въ одномъ классѣ должны помѣщаться сужденія, имѣющія очень мало подразумѣваній, въ другомъ имѣющія ихъ очень много, конечно, нельзя. Спенсеръ повидимому предвидѣтъ недоразумѣніе, которое можетъ вызвать такое раздѣленіе; по крайней мѣрѣ онъ высказываетъ мысль, которая, повидимому, направлена на разрѣшеніе этого недоразумѣнія, хотя удовлетворительнымъ признать это разрѣшеніе нельзя. Устанавливая дѣленіе сужденій на простыя и сложныя, Спенсеръ говорить: „хотя самое простое предложеніе всегда соозначаетъ иѣкоторыя другія предложенія, тѣмъ не менѣе мы можемъ провести широкую демаркаціонную линію между нимъ и громадною массою предложеній, изъ которыхъ каждое дѣлаетъ множество утвержденій кромѣ того, которое оно дѣлаетъ явно“. Однако два эти класса предложеній, дѣйствительно, хорошо различались бы одинъ отъ другого, если бы наша задача состояла только въ томъ, чтобы въ одномъ изъ нихъ помѣстить положенія, заключающія въ себѣ ничтожное количество подразумѣваній, а въ другомъ положенія, заключающія въ себѣ значительное количество ихъ. Но едвали кто согласится, что демаркаціонная черта между двумя этими классами не будетъ вызывать никакихъ сомнѣній, когда отъ насъ потребовали бы, чтобы и всѣ положенія, которыя по количеству подразумѣваній должны занимать среднее мѣсто между этими классами, мы точно распредѣлили между ними же, руководясь тѣмъ же правиломъ, что въ одномъ изъ нихъ должны помѣщаться положенія, которыя имѣютъ очень мало подразумѣваній, а въ другомъ положенія, которыя имѣютъ ихъ очень много. При томъ же Спенсеру оказывается не очень труднымъ указывать положенія, которыя должны относиться къ простымъ, т. е. къ имѣющимъ очень малое количество подразумѣваній, только потому, что его понятіе объ этихъ подразумѣваніяхъ остается смутнымъ, колеблющимся между понятіемъ о такихъ положеніяхъ, отъ которыхъ зависитъ главное сужденіе по своей познавательной значимости, и такихъ, отъ которыхъ оно зависитъ по своему образованію. Сужденіе, которое выражаетъ воспріятіе наше бурыхъ пятеръ по бѣлому фону на тѣлѣ

стоящей предъ нами коровы безъ всякаго затрудненія разсматривается имъ какъ сужденіе простое, имѣющее немнога подразумѣваній. Но если для того, чтобы избѣгнуть вложенныхъ выше явныхъ противорѣчій отожествленія этихъ подразумѣваній съ положеніями, отъ которыхъ зависятъ сужденіе по своей достовѣрности, постѣдовательно провести мысль, что подъ ними разумѣются положеніи, служившія неизбѣжными условіями образованія сужденія, то подразумѣваній при сужденіи о пестрой коровѣ окажется чрезвычайно много по психологическимъ взглядамъ Спенсера. И чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить его теорію образованія представлений о пространственныхъ отношеніяхъ.

Еще важнѣе другая сторона дѣла. Отожествленіе сужденій простыхъ и сложныхъ по условіямъ достовѣрности не прямо съ сужденіями простыми и сложными по условіямъ своего образованія, а съ сужденіями менѣе сложными и болѣе сложными, правда, дѣлаетъ взглядъ Спенсера свободнымъ отъ нѣкоторыхъ противорѣчій, которыхъ соединены съ полнымъ смышеніемъ сложности сужденія по образованію съ сложностю по достовѣрности, но далеко не отъ всѣхъ. Обратимся прежде къ отожествленію простыхъ по достовѣрности сужденій съ сужденіями менѣе сложными по образованію. Здѣсь возникаетъ вопросъ: почему между сужденіями, имѣющими немнога подразумѣваній, не могло бы оказаться такихъ, которыхъ достовѣрность не достигла самостоятельности, а остается зависима отъ этихъ подразумѣваній? Почему между ними не могло бы оказаться такихъ, которыхъ кажутся необходибо мыслимыми, подобно Спенсеровыимъ сложнымъ сужденіямъ, не отъ образовавшейся неразрывной связи непосредственно между ихъ субъектами и предикатами, а вслѣдствіе несознательно дѣйствующихъ на мысль связей ихъ съ тѣми или другими изъ этихъ подразумѣваній? Доказательствъ невозможности этого Спенсеръ не представляеть, да ихъ и нельзя представить при его гносеологии. Возьмемъ въ примѣръ одну изъ довольно обычныхъ иллюзій сознанія, которую испыталъ и я самъ. Бывають случаи, что люди, которые въ первый разъ видятъ море и видятъ его издали, воспринимаютъ его какъ облако или тучу на горизонтѣ. Здѣсь происходитъ, очевидно, ошибочное пространственное распределеніе зрительныхъ ощущеній на зрительномъ полѣ: береговая морская линія принимается за линію горизонта; идущая отъ нея вдалъ морская поверхность въ зрительномъ образѣ загибается по направлению къ зрителю надъ берегомъ и покрываетъ часть неба, прилегающую къ

горизонту, такъ что та морская линія, которая при правильномъ восприятіи должна быть линіей горизонта, оказывается наоборотъ ближайшею по направленію къ зрителю линію облака. Я не думаю, чтобы Спенсеръ сталъ утверждать, что подобное расположение цветовыхъ ощущеній при этомъ восприятіи моря заключало въ себѣ подразумѣваній много болѣе, чѣмъ пространственное расположение бѣлыхъ и бурыхъ пятенъ при восприятіи коровы въ представляемомъ имъ примѣрѣ сужденія, которое считается имъ за простое. Однако сужденіе, что видимая мною синяя масса есть (не море, а) облако, есть ошибочное сужденіе, и при томъ передаваемая этимъ суждениемъ связь представлений точно также способна измѣниться въ продолженіи самого восприятія т. е. обнаружить свою не абсолютность, какъ это бываетъ, по разъясненію Спенсера, съ сложными сужденіями. Такимъ образомъ возведеніе всѣхъ суждений, имѣющихъ очень не много подразумѣваній, въ рангъ суждений простыхъ, которыхъ субъектъ и предикатъ стоять въ прямомъ взаимномъ отложеніи, совершенно произвольно. И поэтому не удивительно, что при выписаніи нами выше Спенсеровомъ объясненіи Миллевыхъ отрицательныхъ инстанцій, гдѣ приходится Спенсеру фактически примѣнить къ дѣлу запутанныя понятія о простыхъ и сложныхъ сужденіяхъ, въ понятіи простыхъ ярко выступаетъ единственно прямое взаимное отношеніе между ихъ субъектами и предикатами, а на существование и при нихъ подразумѣваній намекается лишь косвенно чрезъ прибавку къ подразумѣваніямъ, характеризующимъ сложный сужденія, слова „многихъ“. Правда, въ слѣдующемъ тотчасъ за этимъ объясненіемъ толкованій законности и незаконности непосредственного примѣненія къ какимъ бы то ни было сужденіямъ критерія немыслимости, Спенсеръ для законности этого примѣненія требуетъ ограниченія его предложеніями, которыя уже не могутъ быть разлагаемы далѣе. И этимъ онъ какъ будто опять намекаетъ, что всякое положеніе, слѣдовательно и простое можетъ разлагаться и слѣдовательно содержать подразумѣванія. Но въ такомъ случаѣ высказаннымъ требованіемъ примѣнить критерій только къ неразложимому отрицается законность непосредственного примѣненія критерія къ Спенсеровымъ простымъ сужденіямъ. Спенсеръ, очевидно, не взялъ во вниманіе, что, если здѣсь дѣло идетъ о разложеніи суждений на такія подразумѣванія, которыя предполагаются во всякомъ сужденіи, то при этомъ разложеніи и процессъ убѣжденія въ простыхъ предложеніяхъ превратится въ выводной процессъ, который долженъ бы быть считаться совсѣмъ

излишнимъ для сужденийъ, субъектъ и предикатъ которыхъ находятся въ прямомъ отношеніи; и при томъ этотъ процессъ, при существованіи у каждого сужденія подразумѣваній, долженъ оказаться неспособнымъ быть приведеннымъ къ концу. А если дѣло идетъ только о такихъ подразумѣваніяхъ, которые при сложныхъ сужденіяхъ удостовѣряютъ въ связи подлежащаго съ сказуемымъ, недостигшей непосредственной неразрывности, то это требование ограничія приложенийъ, къ которымъ законно примѣняется критерій, предложеніями, далѣе уже не разложимыми, будетъ излишнимъ тожесловіемъ; и разъяснять и доказывать Спенсеру нужно было не его, а то, что суждения, признававшіяся необходимы мыслимыми и оказавшіяся ложными, были для сознанія лицъ, признававшихъ ихъ необходимую мыслимость, такими положеніями, которыхъ субъектъ и предикатъ не были неразрывно связаны между собою прямою ассоціацією.

Что же касается до отожествленія сложныхъ по достовѣрности суждений съ сужденіями, имѣющими очень много подразумѣваній, то если подъ этими подразумѣваніями разумѣть положенія, обусловливающія образование сужденийъ, то противорѣчіе этого отожествленія гносеології Спенсера окажется очень рѣзкимъ. По этой гносеології сужденія, имѣющія какую угодно сложность по своему генезису, послѣ постоянного и продолжавшагося долгое время примѣненія своего въ сознаніи, могутъ вполне превращаться въ такія сужденія, у которыхъ связь субъекта съ предикатомъ окажется основаніемъ на непосредственной ассоціації между ними, способной достигать какой угодно неразрывности. И философія Спенсера признаетъ очень не мало суждений, которыхъ образование должно считаться очень сложнымъ, такими, которыхъ субъектъ и предикатъ стоять въ прямомъ и необходимо мыслимомъ отношеніи между собою, т. е. связанны непосредственно и при томъ неразрывно ассоціацією. Таковы аксіомы математики, самыя общія положенія естествознанія, которые должны считаться очень сложными по генезису уже вслѣдствіе того, что они общія положенія; такова мысль объ объективности предметовъ вышняго восприятія вслѣдствіе приписываемой ей Спенсеромъ чрезвычайно сложной косвенной установки.

Правда, Спенсеръ самъ, повидимому, указываетъ выходъ изъ этого наиболѣе яркаго противорѣчія. Уже послѣ всѣхъ этихъ разсужденій о простыхъ и сложныхъ положеніяхъ и объ отрицательныхъ инстанціяхъ, когда ему приходится говорить о положеніи, по его учению, наиболѣе сложномъ со стороны генезиса, именно о признаніі

реальности предметовъ виѣшняго воспріятія, онъ замѣчаетъ¹⁾: „какъ ни сложно было въ началѣ выраженіе такимъ образомъ познаніе, но оно сплавилось въ простое познаніе за долго до того времени, когда началось сознательное разсужденіе, и оно остается болѣе простымъ, чѣмъ какое бы то ни было изъ тѣхъ познаній, изъ которыхъ сложилось сознательное разсужденіе“. Отсюда, повидимому, мы можемъ заключать, что значительная сложность сужденія по генезису остается для Спенсера признакомъ сложности этого сужденія по условіямъ достовѣрности лишь до тѣхъ поръ, пока подразумѣвающіяся при немъ положенія не окажутся сплавившимися въ простое познаніе и при томъ въ періодъ жизни сознанія, предшествующій сознательному разсужденію. Но что означаетъ это сплавленіе сложного сужденія въ простое? Значить ли оно, что сознаніе дѣлается не способно доказывать подразумѣвавшіяся при извѣстномъ сужденіи положенія различить въ качествѣ условій его образованія, или значить, что оно не способно различить ихъ въ качествѣ условій его достовѣрности? Если слова Спенсера нужно понимать въ первомъ смыслѣ, то, хотя въ періодъ жизни сознанія, предшествующій размыщленію, положенія, составляющія условія образованія сложныхъ сужденій, признаются Спенсеромъ непосредственно необходимо мыслимыми, не различаются сознаніемъ въ качествѣ такихъ условій, но сознаніемъ несомнѣнно не различаются въ то время и положенія, бывшія условіями и очень многихъ такихъ сложныхъ сужденій, которая Спенсеръ не признаетъ непосредственно необходимо мыслимыми и изъ которыхъ многія могутъ быть даже ложными. А при развитіи сознательного разсужденія, какъ это доказывается самой философией Спенсера, очень хорошо могутъ различаться положенія, бывшія условіями образованія извѣстнаго сужденія, именно въ качествѣ такихъ условій, и это бываетъ никакъ не при сужденіяхъ только, не считающихся Спенсеромъ необходимо мыслимыми, но и при сужденіяхъ, признаваемыхъ имъ такими. Самъ Спенсеръ въ своихъ же Основаніяхъ психологіи устанавливаетъ цѣлый рядъ положеній, обусловливавшихъ даже убѣжденіе въ реальности виѣшнихъ предметовъ, по поводу которого онъ дѣлаетъ это разъясненіе. И следовательно этого рода различаемость никакъ не можетъ считаться Спенсеромъ признакомъ того, что сужденіе не отличается необходимою мыслимостью. Если же сплавленіе сложного сужденія въ сужденіе простое мы будемъ понимать въ смыслѣ неразличимости

¹⁾) *Princ. of Psych.*, II. 440., p. II, 188.

подразумѣвающихся при немъ положеній въ качествѣ положеній, служащихъ условіями приписываемой ему достовѣрности, то о неразличимости ихъ для сознанія въ періодѣ, предшествующій сознательному разсужденію, мы должны сказать, конечно, совершенно тоже, что сказали о нихъ какъ условіяхъ образованія сужденія. Но, конечно, подразумѣванія, понимаемыя въ этомъ смыслѣ, должны и позднѣе оставаться неразличимыми въ качествѣ условій достовѣрности при всѣхъ сужденіяхъ, которая достигли дѣйствительной непосредственной необходимой мыслимости, и, наоборотъ, они должны позднѣе оказаться способными различаться при сужденіяхъ, не достигшихъ непосредственной необходимой мыслимости. Но мы не должны забывать, что способность различать подразумѣвающіяся положенія какъ условія достовѣрности сужденій вѣдь только то и значитъ, что сужденіе въ дѣйствительности еще не стало для сознанія непосредственно необходимо мыслимымъ, а получаетъ свою достовѣрность, хотя и безъ отчетливо представлена субъекта, отъ этихъ посредствующихъ положеній. Указанное рѣзкое противорѣчіе Спенсера въ такомъ случаѣ, конечно, исчезаетъ: сужденія очень сложныя по образованію останется возможность считать простыми по достовѣрности, когда они достигнутъ необходимой мыслимости. Но противорѣчіе исчезаетъ лишь потому, что признакомъ сложности сужденія по условіямъ его достовѣрности перестаетъ въ такомъ случаѣ быть одна особая сложность его по условіямъ его образованія, а она дѣлается такимъ признакомъ лишь въ соединеніи съ неразличимостію подразумѣвающихся сужденій въ качествѣ условій его достовѣрности т. е. въ соединеніи съ самою же сложностію сужденія по достовѣрности. Но въ такомъ случаѣ все это запутанное введеніе сложности сужденія по условіямъ ихъ образованія, которое сулило намъ, повидимому, возможность объяснить бездоказательную апологічность Спенсерова признанія сложными по достовѣрности сужденій, признававшихся необходимо мыслимыми и оказавшихся ложными, становится совсѣмъ не пригоднымъ для этой цѣли, такъ какъ оказывается, что сложность сужденія по условіямъ образованія не можетъ стать признакомъ сложности его по условіямъ достовѣрности, если независимо отъ нея не установлена еще и самая эта сложность сужденія по достовѣрности.

Такимъ образомъ Спенсерово объясненіе отрицательныхъ инсталляцій противъ его критерія содержитъ много запутанностей въ представлениі, но на дѣлѣ ничего не объясняетъ. И онъ самъ, повидимому, не очень довѣряетъ его убѣдительности. Тотчасъ за этимъ разъясненіемъ,

онъ ставить своей задачей доказать ¹⁾, что Миллевы отрицательныя инстанціи не служили бы возраженіемъ противъ признанія немыслимости за критерій истины даже и въ томъ случаѣ, „если бы и не существовало того различія между простыми и сложными предложеніями, которое установлено... выше“. И онъ разъясняетъ здѣсь возможность ошибаться въ установкѣ необходимой мыслимости вслѣдствіе недостаточной способности къ наблюдению надъ своими представленіями, вслѣдствіе случайной небрежности въ совершенніи этого процесса самонаблюденія, наконецъ вслѣдствіе усвоенной многими привычки съ употребляемыми ими словами не соединять вполнѣ ясныхъ соотвѣтствующихъ этимъ словамъ состояній сознанія. Но о доказательствѣ того, что для древнихъ принимавшихъ ими необходимая мыслимость извѣстныхъ положеній должна была быть только мимою, а не дѣйствительною, и что, следовательно, должна была существовать у нихъ та ошибка, для которой онъ придумываетъ объясненія,— онъ не поднимаетъ рѣчи и здѣсь. Такимъ образомъ разрѣшеніе самой существенной стороны возраженія и здѣсь не доказывается, а предполагается безъ изслѣдованія, хотя здѣсь ни о какой очевидности существованія подобной ошибки у древнихъ говорить уже нельзя.

Но понятія даже въ смыслѣ гаданій о причинахъ гипотетически предположенной ошибки, эти объясненія Спенсера не достигаютъ цѣли, потому что произвольно ограничиваются тѣмъ случаи, которые Спенсеру нужно было объяснить.

Уже послѣ того, какъ Спенсеромъ были совсѣмъ закончены разсужденія по вопросу о Миллевыхъ отрицательныхъ инстанціяхъ и затѣмъ изъ принциповъ, предполагаемыхъ Миллевой индукціей, выведена была мысль объ особыхъ преимуществахъ необходимой мыслимости передъ этой индукціей, въ Основаніяхъ психологіи Спенсера является глава о критеріи относительной достовѣрности, где рѣщается вопросъ о томъ, какъ поступать въ томъ случаѣ, когда результаты разсужденій (т.-е. выводовъ) противорѣчатъ другъ другу или когда результатъ разсужденія противорѣчитъ сужденію, непосредственно опирающемуся на необходимую мыслимость. И такъ какъ разсужденіе по Спенсеру основывается на той же необходимой мыслимости, только примѣненной не непосредственно къ доказываемому сужденію, а поэтому и не однократно, а несолько разъ, при убѣждени въ каждой изъ посылокъ и при убѣждени въ связи ними и выводимымъ сужденіемъ, то въ этомъ

¹⁾ Princ. of Psych. II, 412—413. p. II, IV, 110—111.

столкновеніи результатовъ разсужденій и непосредственно очевидныхъ положеній, какъ это признаетъ и Спенсеръ, мы должны видѣть столкновеніе положеній, претендующихъ на необходимую мыслимость. Съ другой стороны, какъ изъ двухъ противорѣчащихъ одно другому сужденій одно необходимо должно быть ложно, то признаніе возможности такихъ коллизій въ мысли есть вмѣстѣ съ тѣмъ и признаніе возможности того, что убѣжденіе, претендующее на необходимую мыслимость, окажется ложнымъ. И это предположеніе о противорѣчіи другъ другу двухъ сужденій, одинаково оцирающихся на необходимую мыслимость, выступаетъ у Спенсера не только какъ общее предположеніе. Въ немъ, какъ и въ Спенсеровыхъ разясненіяхъ выхода изъ подобной коллизіи мысли, между прочимъ нуждается даже одно изъ важнѣйшихъ учений Спенсера, именно учение о реальности предметовъ виѣшняго воспріятія. Спенсеръ хочетъ рѣшить вопросъ объ этой реальности на основаніи необходимости для нась съ каждымъ актомъ этого воспріятія соединять мысль о виѣшнемъ нашему личному сознанію, независимомъ отъ него бытіи. Но относительно этого рода вопросовъ, сверхъ невольной тенденціи сознанія къ опредѣленному отвѣту на нихъ, исторія философской мысли представляетъ и другія рѣшенія, иногда противорѣчащія тому отвѣту на нихъ, который указывается этой тенденціей. И эти рѣшенія доказываются путемъ болѣе или менѣе сложныхъ разсужденій, претендующихъ на аподиктическую точность, слѣдовательно по Спенсеровой теоріи аппеллирующихъ также къ необходимой мыслимости. Спенсеръ, какъ мы знаемъ изъ сдѣланного выше изложенія его гносеологии, изъ стоящихъ въ подобномъ антагонизмѣ сужденій признаетъ ошибочными тѣ, которые требуютъ примѣненія критерія наибольшее количество разъ.

Такъ въ признаваемыхъ самимъ Спенсеромъ коллизіяхъ между положеніями, одинаково оцирающихся на необходимую мыслимость, мы явно имѣемъ дѣло съ отрицательными инстанціями противъ достовѣрности необходимо мыслимаго, на которыхъ Мілль, правда, указывать не могъ, но которыхъ для Спенсера, конечно, тѣмъ не менѣе должны были имѣть все значеніе фактически существующихъ отрицательныхъ инстанцій, которыхъ требовали объясненія съ его стороны. А между тѣмъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такими случаями необходимой мыслимости, оказывающейся несомнѣнно въ разногласіи съ дѣйствительностю, где положеніе, признаваемое Спенсеромъ ошибочнымъ, выступаетъ не съ скрытыми подразумѣваніями, которыхъ не провѣрялись бы сознательно

критическою мыслью въ своей мысленной необходимости, а прямо какъ выводъ, въ которомъ положенія, требующіяся для его доказательства, отчетливо формулировались и открывалась всякая возможность ихъ провѣрить и отчетливо указать всевозможные недочеты. Здѣсь, такимъ образомъ, простое отожествленіе сложности сужденія съ незаконностью примѣненія къ нему критерія, говорило бы уже слишкомъ мало. Но и изложенное сейчасъ второе объясненіе Спенсера служить здѣсь цѣли также едва ли можетъ. Говорить о недостаткѣ способности самонаблюденія, небрежности самонаблюденія, о дурной привычкѣ съ словами не соединять ясныхъ представленій едва ли было бы умѣстно, когда дѣло идетъ о такихъ коллизіяхъ мысли, которыя Спенсеръ самъ предлагаетъ рѣшать просто черезъ математическое расчисление количества ссылокъ на необходимую мыслимость при доказательствѣ каждого изъ взаимно противорѣчащихъ положеній. Собственно въ вопросѣ о реальности предметовъ вышеупомянутаго воспріятія Спенсеръ, правда, дѣлаетъ не мало возраженій противъ антиреалистическихъ системъ. Но общая мысль о возможности коллизій мысли, рѣшаемыхъ простымъ расчисленіемъ количества ссылокъ на немыслимость, остается въ силѣ; да и въ самомъ вопросѣ о вышеупомянутой реальности Спенсеръ считаетъ не излишнимъ въ концѣ концовъ сослаться на тоже самое расчисление.

Неудивительно поэтому, что вслѣдъ за изложенными двумя разъясненіями Спенсеръ указываетъ еще третій путь для устраненія значенія отрицательныхъ инстанцій. Сущность дѣла здѣсь сводится къ параллели между ошибками сужденій, основанныхъ на непосредственно сознаваемой необходимой, мыслимости, и ошибками выводныхъ сужденій. Спенсеръ, имѣя въ виду общую вѣру философовъ въ достовѣрность выводныхъ логическихъ формулъ, говоритъ ¹⁾, что обнаруживавшееся разногласіе людей касательно мыслимости или немыслимости иѣкоторыхъ положеній такъ же мало ведеть къ заключенію о недостовѣрности критерія немыслимости, какъ мало вытекаетъ негодность разсужденія вообще изъ того обстоятельства, что въ иѣкоторыхъ случаяхъ люди, отправляясь отъ однихъ и тѣхъ же данныхъ, приходили къ противоположнымъ заключеніямъ. Здѣсь действительно неудачныя ссылки на необходимую мыслимость характеризуются такъ обще, что характеристика могла бы подходить къ какому угодно изъ такихъ случаевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ за-

¹⁾ Princ. of Psych. II, 413—414, p. n. IV, 112.

щита достовѣрности неоходимо мыслимаго противъ возраженій, основанныхъ на этигъ ссылкахъ, здѣсь заключаетъ въ себѣ слишкомъ явное недоразумѣніе. Сопоставляя ошибки выводовъ съ ошибками при примѣненіи критерія немыслимости, Спенсеръ не взялъ во вниманіе, что при обнаруженіи несостоятельности выводного сужденія, конечно, въ тѣхъ случаяхъ когда выводъ былъ сдѣланъ по формулѣ, которой логика придаетъ безусловный характеръ, мы всегда можемъ самымъ точнымъ образомъ удостовѣриться, что ошибка произошла никакъ не отъ несостоятельности формулы, а отъ ошибочности какой либо изъ посылокъ или отъ недостаточнаго соответствія ихъ требованіямъ формулъ. А Спенсеръ вѣдь не сдѣлалъ даже и попытки на неудачныхъ ссылкахъ на необходимую мыслимость показать, что здѣсь дѣйствительной необходимой мыслимости въ томъ смыслѣ, какъ разъясняетъ ее его гносеология, не могло быть, а все тѣльо сводится къ ошибочному принятію за необходимо мыслимое того, что въ дѣйствительности не было такимъ для сознанія. Эта самая существенная для защиты его критерія мысль, такимъ образомъ, всюду оказывается у него простымъ голословнымъ предположеніемъ.

Но и этого сказать недостаточно. Нужно утверждать прямо, что она стоять въ противорѣчіи съ его же взглядами. Различая такъ называемыя имъ совершенныя качественныя разсужденія, въ которыхъ общая посылка представляеть по его учению необходимо мыслимое сужденіе, отъ несовершенныхъ, въ которомъ она представляеть простое индуктивное обобщеніе частныхъ фактovъ, и замѣчая, что послѣдніе выводы легко смѣшать съ первыми, Спенсеръ говоритъ¹⁾: „такъ напримѣръ отношеніе между видимыми и осозаемыми свойствами предметовъ таково, что послѣ восприятія зрительныхъ впечатлѣній, представляющихъ собою какой-либо сосѣдній предметъ, мы не можемъ удержаться отъ заключенія, что вблизи настъ существуетъ предметъ, который, если положимъ на него руку, доставить ей ощущеніе сопротивленія; а для тѣхъ людей, опытность которыхъ очень бѣдна, немыслимо въ этомъ случаѣ никакое другое заключеніе. Но наше знакомство съ зеркалами и зрительными иллюзіями освобождаетъ настъ отъ принудительности такого заключенія какъ разъ на столько, чтобы дать намъ возможность представить себѣ, что тамъ, гдѣ существуетъ нѣкоторая видимая внѣшность, можетъ и не существовать никакой соотвѣтствующей ей твердой сущности“. Въ этихъ словахъ совершенно

¹⁾ Princ. of Psych. II. 65, p. II, 67.

ясно выражено признаніе факта превращенія въ человѣческомъ сознаніи немыслимаго въ мыслимое вслѣдствіе расширения опыта. Правда, положеніе, которое по этимъ словамъ Спенсера перестаетъ быть при болѣе широкомъ опыте для человѣческаго сознанія необходимо мыслимымъ, не причисляется къ ложнымъ. Но въ своей защитѣ противъ Миллевыхъ отрицательныхъ инстанцій Спенсеръ хочетъ отстаивать не достовѣрность только, но и неизмѣняемость необходимо мыслимыхъ положеній. Одно безъ другого для него и невозможно. Ассоціація, потерявшая безусловный характеръ, конечно, перестаетъ быть съ его точки зрѣнія и вполнѣ достовѣрнымъ ручательствомъ истины.

И нельзя сказать, чтобы выразившееся въ цитованныхъ сейчасъ сло-вахъ признаніе Спенсеромъ факта превращенія въ человѣческомъ сознаніи немыслимаго въ мыслимое вслѣдствіе расширения опыта было случайной обмолвкой. Обмолвкой, конечно, можно его признать, но никакъ не случайной, такъ какъ оно составляетъ дѣйствительную по-слѣдовательность Спенсеровой теоріи эволюціи сознанія, такъ что съ точки зрѣнія этой теоріи правильнѣе случайнymъ назвать стремленіе Спенсера заражать признавать всякую неудачную ссылку на немыслимость ссылкой на минимую, а не на дѣйствительную немыслимость. Вѣдь по Спенсеровой теоріи эволюціи сознанія должно выходить, что когда факты, соотвѣтствующіе известному положенію постоянно въ продолже-ніи долгихъ periodовъ времени дѣйствовали на сознаніе, то они неизбѣжно должны были произвести въ немъ необходимую мыслимость этого положенія, если только въ опыте не встрѣчалось прямыхъ или косвен-ныхъ поводовъ къ образованію сочетанія съ нимъ несогласнаго; и, конечно, эта необходимая мыслимость должна существовать до тѣхъ поръ, пока не явятся эти поводы и съ теченіемъ времени не произведутъ соот-вѣтствующихъ измѣненій въ организаціи сознанія. Но развѣ выше-указанная ассоціація между зрителными и осзателными ощущеніями, какъ рисуется она у Спенсера, не должна была находиться въ этихъ именно условіяхъ, предполагающихъ достижениe ею неразрывности, вплоть до того времени, когда человѣческое сознаніе могло ознаком-иться съ случаями, при которыхъ явно для него зрителные свойства оказывались не соединенными съ осзателными.

Но даже и примѣръ, на которомъ выразилось невольное признаніе Спенсеромъ той мысли, которую онъ старается устранить, вовсе еще не представляетъ собою случая, который бы съ наибольшою очевидностью вызывалъ необходимость подобного признания.

Всѣ качественности нашего виѣшняго воспріятія несомнѣнно ста-
вятся сознаніемъ въ процессѣ самаго воспріятія какъ виѣшнія со-
знанію принадлежности виѣшнихъ предметовъ. И этотъ фактъ по-
вторяется ровно столько разъ, сколько разъ даны въ жизни сознанія
акты воспріятія. Онъ повторялся, конечно, и въ сознаніи всѣхъ жи-
выхъ существъ, способныхъ имѣть виѣшнее воспріятіе, такъ какъ
это воспріятіе тѣмъ и характеризуется какъ виѣшнее воспріятіе, что
здесь тѣ или другія качественности ставятся въ формѣ виѣшнихъ
сознанію реальностей. Съ другой стороны нельзя сомнѣваться въ томъ,
что нужно уже значительное развитіе человѣческаго сознанія просто
даже для того, чтобы въ противоположность этой невольной и рѣ-
шительной постановкѣ нашихъ собственныхъ ощущеній въ качествѣ
принадлежностей виѣшнихъ предметовъ могла возникнуть самая мысль
о возможности истолкованія ихъ не какъ виѣшнихъ сознанію реаль-
ностей, а какъ нашихъ собственныхъ ощущеній, состояній нашего соб-
ственного сознанія. На низшихъ ступеняхъ интеллектуальной жизни че-
ловѣка никто, конечно, не предположитъ возможности возникновенія
подобной мысли. Какая же еще болѣе благопріятныя условія для обра-
зованія самой высокой степени необходимой мыслимости могла бы пред-
ставить Спенсерова философія? Для Спенсера это принятие сознаніемъ
собственныхъ ощущеній за виѣшнія сознанію реальности на низшихъ
ступеняхъ умственного развитія человѣка должно считаться необходимо
мыслимымъ уже просто потому, что мысль о реальности предметовъ
виѣшняго воспріятія онъ считаетъ за одну изъ самыхъ неразрыв-
ныхъ ассоціацій; а между тѣмъ мысль о цвѣтахъ, звукахъ и проч.
какъ виѣшнихъ сознанію принадлежностяхъ этихъ предметовъ, не-
сомнѣнно, на низшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія совсѣмъ не
отличается отъ мысли о реальности этихъ предметовъ; на этихъ
ступеняхъ человѣкъ прямо звукамъ, цвѣтамъ и проч., и притомъ
даже не какъ такими качественостямиъ, которыя считались бы особыми
отъ самыхъ нашихъ ощущеній цвѣтовъ, звуковъ и проч. и на которыхъ
ощущенія только указывали бы, а самимъ этимъ ощущеніямъ, суще-
ствующимъ и, конечно, могущимъ существовать только въ сознанії, при-
писываетъ независимую отъ сознанія реальность. И если Спенсеръ при
всемъ своемъ довѣріи къ свидѣтельству виѣшняго воспріятія не считаетъ
самыхъ данныхъ въ воспріятіи цвѣтовъ, звуковъ и проч., за виѣшнія
сознанію свойства виѣшнихъ предметовъ и никакъ не отрицаетъ, что
они суть наши ощущенія, состоянія нашего сознанія, и даже считаетъ
ихъ несходными съ состояніями возбуждающаго ихъ въ насъ виѣш-

няго бытія, то съ какимъ же правомъ онъ могъ бы отстаивать достовѣрность всего необходимо мыслимаго въ человѣческомъ сознаніи?

Возьмемъ ученіе Спенсера о неразрывныхъ сочетаніяхъ явлений въ сознаніи во всей его послѣдовательности и будемъ подъ необходимою мыслимостью разумѣть не только ту необходимую мыслимость, которая относится къ общимъ сужденіямъ и которая требуетъ непредставимости противорѣчія сужденію въ представлѣніи вообще, но и ту, которая должна относиться по его взгляду къ частнымъ фактамъ воспріятія и которая требуетъ неспособности образовать противорѣчашее воспріятію представлѣніе при самомъ актѣ воспріятія. Въ такомъ случаѣ къ очевиднымъ примѣрамъ обнаружившайся несостоятельности существовавшихъ необходимыхъ мыслимостей мы должны будемъ причислить всѣ естественные постоянныя иллюзіи воспріятія до ихъ разоблаченія знаніемъ, напримѣръ, иллюзію неподвижнаго положенія земли. Въ возраженіи, направленномъ непосредственно противъ Спенсерова ученія о немыслимости, Милль едва ли не справедливо указывалъ¹⁾ на то, что даже изъ образованныхъ людей нашего времени многіе развѣ послѣ продолжительныхъ усилий оказались бы способными, смотря на восходъ или закатъ солнца, ввести въ самое воспріятіе правильное астрономическое представлѣніе. Но какимъ образомъ по теоріи Спенсера оказались бы способными сдѣлать это люди, у которыхъ по состоянію ихъ зналій и развитія, не могло бы возникнуть мысли о самой возможности этой фактически существующей иллюзіи воспріятія? Какимъ образомъ по этой теоріи воспріятіе покоя земли могло бы не имѣть у нихъ абсолютнаго характера, когда оно соотвѣтствовало постояннымъ и безчисленнымъ фактамъ воспріятій безчисленныхъ поколѣній, во всемъ опыта которыхъ не существовало ни прямого ни косвенного повода заподозрить здѣсь возможность какой либо иллюзіи или вызвать вообще мысль объ иномъ истолкованіи этого покоя? Указывая на такія черты воспріятія, которая по его мнѣнію должны имѣть абсолютный характеръ, Спенсеръ говоритъ²⁾: „если, обративъ глаза налько, я вижу какойнибудь предметъ, то сознаніе того, что онъ существуетъ въ этомъ отношеніи положенія ко мнѣ, продолжаетъ неизмѣнно существовать, пока я смотрю на него“. И я не понимаю, какимъ образомъ философъ, раз-

¹⁾ Syst. of Log. I, 305, р. п. I, 304.

²⁾ Princ. of Psych. II, 403, р. п. IV, 101.

суждающий таъ, могъ бы думать, что у человѣка, смотрящаго на землю и не имѣющаго никакого представлениія объ иллюзорномъ характерѣ воспріятія покоя земли, не существовало неизмѣнно въ продолженіи всего воспріятія мысли о ся покоѣ и объ обращеніи ея поверхности въ одну и ту же сторону вселенной? Нѣтъ нужды подробно объяснять, что если мы съ этой естественной иллюзіей соединимъ другую, такую же естественную и также постоянную, о паденіи всѣхъ тяжелыхъ тѣлъ, оставленныхъ безъ поддержки, также въ одну и ту же сторону вселенной, то съ точки зрѣнія Спенсеровской философіи окажется неизбѣжнымъ признать въ ранніе періоды развитія человѣческаго сознанія необходимую мыслимость, — будетъ ли то непосредственную или посредственную, это безразлично здѣсь, — и нѣкоторыхъ изъ приводимыхъ Миллемъ сужденій, признавшихся истинными за свою необходимую мыслимость.

Такъ устанавливается второе ограниченіе Спенсерова ученія о критеріи достовѣрности. И по дѣйствительной послѣдовательности Спенсерова ученія объ эволюції сознанія и по фактамъ исторіи знанія, если сопоставить ихъ съ Спенсеровымъ ученіемъ объ абсолютныхъ ассоціаціяхъ и объ условіяхъ ихъ образованія, Спенсеръ ни въ какомъ случаѣ не можетъ отрицать возможности для самыхъ неразрывныхъ ассоціацій человѣческаго сознанія измѣняться и оказываться несоответствующими дѣйствительности по мѣрѣ расширенія человѣческаго опыта и развитія человѣческаго сознанія.

М. Кариншкій.

ОБЪ УМЕНЬШИТЕЛЬНЫХЪ СУФФИКСАХЪ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ СО СТОРОНЫ ИХЪ ЗНАЧЕНИЯ.

(Къ исторіи поэтическаго стиля).

Такъ называемые уменьшительные суффиксы, въ тѣхъ значеніяхъ, въ какихъ они выступаютъ въ русскомъ языке, не составляютъ до-
стоянія всѣхъ языковъ. Между этими суффиксами усматривается
сходство лишь болѣе или менѣе близкое, во всякомъ случаѣ—непол-
ное, а весьма часто не замѣчается никакого соотвѣтствія. Такъ какъ
учеными захватывался сравнительно небольшой кругъ явленій и упу-
скался изъ виду разнообразный характеръ примѣненія уменьшитель-
ныхъ суффиксовъ въ различныхъ языкахъ, то и опредѣленіе дѣлалось
учеными односторонне. По Гrimmu, напримѣръ, выходитъ: „Deminution
besteht darin, dass dem Begriff an seiner vollen Kraft etwas benommen
wird“, что оправдывается по отношенію къ русскому языку (и мно-
гимъ другимъ) лишь отчасти; въ большинствѣ случаевъ съ уменьши-
тельными суффиксами соединяется нечто совершенно иное, даже про-
тивоположное. Опредѣленіе Гrimма далеко не обнимаетъ случаевъ
одного даже немецкаго языка, имѣющаго всего лишь уменьшительныхъ
chen и *lein*, которыми не всегда выражается нечто, о чёмъ вмѣстѣ
съ Гrimmomъ можно было бы сказать: „es soll gleichsam nur ein St ck
davon (о понятіи) ausgesagt sein“. Pott также съуживаетъ понятіе объ
уменьшительныхъ суффиксахъ, приписывая имъ свойство только умень-
шать представление о предметѣ или качествѣ ¹⁾). Такъ-же рѣшаеть
вопросъ и Brugmann ²⁾. Иначе, но тоже односторонне, опредѣляетъ

¹⁾ Etymolog. Forschungen, 2 изд. 1859. I Theil, стр. 185 pass.

²⁾ Grundriss d. Vergleich. Gr. II B. Erste H lfte, стр. 426 и 435.

значение уменьшительныхъ суффиксовъ, напримѣръ, авторъ грамматики испанскаго языка, Victorio Horovitz въ своемъ „Praktischer Lehrgang zur Erlern. d. Span. Spr. 1882, стр. 8—9“¹⁾: „Sie präzisieren schärfer die Begriffe u. drücken der Sprache einen graziöseren Stempel auf“; но примѣры, имъ же приведенные, не подтверждаютъ вѣрности опредѣленія; *senor*—*senorito* (молодой баринъ) и *chica* (дѣвочка)—*chiquilla* (миленькая дѣвочка), *pobre* (бѣднякъ)—*pobrecito* (симпатичный бѣднякъ), *plaza* (мѣсто)—*plazuelo* (= *Plätzchen*), *guerra* (война) *guerilla* (неправильная, мелкая война) не могутъ никакимъ образомъ быть подводами подъ одну категорію. Въ частности и русская грамматика (Буслаевъ, Истор. грам., § 63 и сл.; § 220) ограничиваетъ уменьшительные суффиксы способностью ихъ выражать уменьшеніе, уничтоженіе, ласку. Установленіе такой категоріи не оправдывается даже по отношенію къ языкамъ, которые, какъ, напримѣръ, латинскій, имѣть весьма мало суффиксовъ уменьшительныхъ, тѣмъ менѣе по отношенію, напримѣръ, къ румынскому языку, имѣющему ихъ множество, или къ финско-угрскимъ языкамъ.

Привожу на выдержку рядъ выражений, изъ которыхъ очевидно, что функция уменьшительныхъ суффиксовъ разнообразится весьма значительно, и часто такъ, что нѣть возможности установить связь представленій при переходѣ отъ одного значенія къ другому. „Чи ту, мамо, сватать, що дрібненъко ходить?“ спрашивается сынъ у своей матери; „Сватай, синку, й людей питай, чи ділечко робіть“. „Робіть вона діло, да все хорошенъко“²⁾). Здѣсь три предложения подрядъ, и въ каждомъ— вполнѣ своеобразное употребленіе уменьшительныхъ суффиксовъ: если въ „дрібненъко“ слышится отгѣнокъ ласкательности, то въ „ділечко“ нѣть и тѣни послѣдняго, такъ какъ слово это обозначаетъ „серьезное отношеніе къ дѣлу“, „настоящее дѣло“, а въ „хорошенъко“ ясно слышится „усиленіе“ качества, и всего ближе оно къ формѣ пре-восходной степени именъ прилагательныхъ. Въ слѣдующемъ отрывкѣ:

Вложите душу въ бѣлую грудь,
Въ рѣзвы ноженьки—жоженъице (или ходаныце).
Въ бѣлы рученъки—маханъице,
Въ язычокъ—товоренъице,
Во сердечушко—здыханъице³⁾....

¹⁾ Ср. O zdrobnělých slovech v česke řeči, Josef Jicha, 1897, 5.

²⁾ Труды этнogr. экспед. юго-западн. отд., собр. Чубинскимъ, т. IV, стр. 53.

³⁾ Причитанія сѣверного края. Барсова, 69. 71.

уменьшительный суффиксъ выражаетъ тотъ отг҃вонокъ субъективности, который ложится надъ общимъ значеніемъ и котораго нѣтъ въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ приведеннаго выше отрывка.

Совершенно другое слышится опять въ отрывкѣ:

Какъ не дай да того, Господи,
Безъ сердечныхъ жить родителей,
Въ раннемъ то сиротамъца,
Въ горечерькомъ покликаныца...¹⁾.

Сплошное состраданіе дастъ тонъ всему, и ничего общаго съ предидущими не замѣчается. Опять другое обнаруживается въ:

Да пустите... дѣтинутку скоморошанку...
Приходитъ дѣтинушка скоморошина...
Поднесите дѣтники....²⁾.

Уменьшительный суффиксъ *ушки* приложенъ къ слову съ увеличительнымъ суффиксомъ на *ина*, и получается выраженіе чего то внушильного, могучаго, въ особенности въ мѣстахъ, гдѣ „дѣтинушка“ служить замѣной богатыря (ср. „могутушку“ въ могучи его „мечушки“³⁾). Суффиксъ *ушки* измѣняетъ слово и въ другомъ направлении, напримѣръ:

„Казнили безъ счету народушку да черниди...“⁴⁾

гдѣ уменьшительный суффиксъ выражаетъ увеличенное количество людей. Совершенно иную категорію представляетъ суффиксъ въ слу чаяхъ, когда, напримѣръ, въ пѣсни (о грѣшной душѣ)⁵⁾ говорится:

Не напла пристанища,
Не ложечки воды, не капельки..

и опять иную, напримѣръ, въ белорусской:

„Будзець, хлопцы, лихенько вамъ“⁶⁾.

Аналогичное малороссійское „Ой ліхо мині з вами“ (Шевченко), и обычное „ой лышенько“ показываетъ, что „лихенько“ выражаетъ большое, усиленное горе, и т. д.

¹⁾ Рыбниковъ, IV, 128.

²⁾ Гильфердингъ, Онежск. был., I-ое изд.. 641.

³⁾ Барсовъ, Прич. сѣв. края, 29.

⁴⁾ Гильфердингъ, Он. был., I изд., 25.

⁵⁾ Варенцовъ, 143—144.

⁶⁾ Носовичъ, 90.

Въ предлагаемой статьѣ ямѣю въ виду намѣтить развитіе значенія такъ называемыхъ уменьшительныхъ суффиксовъ, какимъ представляется оно на основаніи изслѣдованія о различномъ ихъ употреблении въ русскомъ языкѣ. Со стороны формы уменьшительные суффиксы въ славянскихъ языкахъ изслѣдованы въ превосходной работѣ г. Ale-
xandr'a Beli 'a „Zur Entwicklungsgeschichte der slavischen Deminutiv— und Amplificativsuffixe“ ¹⁾; по отношенію къ формамъ уменьшительныхъ суффиксовъ въ румынскомъ языкѣ большая превосходная работа Sextil Pu cariu „Die rum nischen Diminutivsuffixe“ ²⁾; объ остальныхъ, болѣе мелкихъ, указывается особо.

I.

Чѣмъ въ большую древность восходимъ, тѣмъ такъ называемые уменьшительные суффиксы имѣютъ болѣе опредѣленное значеніе выраженія *малости* вещи,—объективно понимаемой. Позже суффиксы эти приобрѣтаютъ значеніе и переносное и характеръ субъективнаго отношенія къ предметамъ, вещамъ, лицамъ, при различныхъ оттѣнкахъ. Въ церковно-славянскомъ и древне-русскомъ уменьшительные суффиксы встрѣчаются вообще рѣдко, и стбить очень большого труда отыскывать ихъ. Сравнительно съ тѣмъ, что обнаруживается въ литературѣ болѣе позднаго времени и въ языке народномъ (всѣхъ нарѣчий русскихъ), произведенія письменныя даютъ весьма немнога фактовъ, хотя несомнѣнно, что уменьшительные суффиксы были въ ходу очень рано, что употребленіе ихъ растетъ, по мѣрѣ приближенія къ нашему времени. Приводимый списокъ словъ, который увеличить можно лишь въ небольшой мѣрѣ, заставляетъ прйтти къ заключенію, что уменьшительные суффиксы употреблялись при предметахъ вещественныхъ и при лицахъ—почти единственно: *листъкъ*, при листъ, въ значеніи *epistola*—листъкъ съписанъ (Mikl. Lex. pal. sl. 338 ³⁾); *котльцъ*—апте разбѣть—.... котльцъ (Буслаевъ, Истор. хр., 388); *копийце* (Востоковъ, сл. ц. яз.); *колибца* при колиба (Mikl. lex., 297); *кожица* при кожа (ib., 295); *книжница* (ib., 293); *рпчка* (Буслаевъ, Хр. 1060); *рпчка*

¹⁾ Archiv f. slav. Phil. Jagi 'a 1901. XXIII Band, 134—206 pp.

²⁾ Achter Jahresbericht des Instituts f r rum nische Sprache. Prof. Gustav Weigand, 1902. 86—232.

³⁾ Въ народной поэзіи встрѣчается съ такимъ же значеніемъ „письмечка“:

„Он якъ шле да шле части листонъки“ (Тр. Этнogr. Эксп., IV, 7).

(Mikl. lex., 812) при рѣка; *городокъ* при городъ: „Нѣціи сказоваху Россовъ ѿ городка Роси“ (Буслаевъ, Хр. 1162); *градъцъ* при градъ (Mikl. lex., 141); *клюбучъкъ, клюбучъцъ* (ib., 290) *камычъцъ* (ib., 282); *калачиковъ* (Буслаевъ, Хр. 1042)¹⁾; *маленко*—ночи не почиваль, маленко къ свѣту поутешился (ib., 1045)²⁾; *келийца* при велиа (Mikl. lex., 285) *стѣльпъцъ* при стѣльпъ (ib., 885); *ржчъка* при ржка въ значеніи и рагва тапис и части посуды: роучкою пришаиваль (Mikl. lex., 817); *голѣбъчикъ* (Ученые записки V, 26, Mikl. 135); *ребенъцъ* при гребень (lex., 142); *грифънъка* при грифьна (ib., 143); *грышицъ* при грѣхъ (ib., 148); *дніаченъ* при дніакъ (ib., 162); *дыштица, дѣсница, дышница, дышцица* (ib., 184) при дѣска; *дѣвка* при дѣва (ib., 186); *звѣдица, астерьскос, asteriscus* при звѣзда (lex., 221); *змийка, змейцъ* при змий (ib., 230); *златикъ* при злато (ib., 226) крайне исключительная форма уменьшениа, встрѣчающаяся лишь въ латинскомъ языке (см. ниже); *зрѣньце* при зрѣно (ib., 232); *ильтиницѣ* при имѣние (ib., 256); *каменьцъ* и *камычъцъ* (ib., 281 и 282); *кольчью* при кольце (ib., 299), при чемъ *кольчко* въ древней рукописи употребляется наравнѣ съ кольцо безразлично: „не въ которое времѧ то колѣчко Соломонова жена а китоврасова царица и' опозна его что то колѣчко ее обрученое и речѣ е' скажи кто ти да сие колцо“ (Буслаевъ, Хр. 719, 36—40); *флакика* (Буслаевъ, Хр. 1177); *рожекъ* табачный (Буслаевъ, Хр. 1214, 16—24); *рожъкъ, рожекъ* при рогъ (Mikl. lex., 803) и нѣкоторые другие въ такомъ же родѣ. Подборъ словъ, разумѣется, не преднаимѣренный, и наблюденія надъ ними показываютъ почти исключительное употребленіе уменьшительныхъ суффиксовъ при именахъ вещественныхъ; въ рядѣ приведенныхъ только *грышицъ*—отвлеченное.

Сказанное о славянскомъ языке примѣнено ко всѣмъ древнимъ языкамъ, насколько они извѣстны по памятникамъ: такъ въ арабскомъ, еврейскомъ³⁾, сирійскомъ языкахъ (ср. Barth, Die Nominalbildung in d. semitischen Sprachen; Gesenius-Kantysch, Hebräische gramm. § 86; Nöldeke, Kurzgefasste syrische Gram. §§ 131—134, 122, 112; указаніямъ частнымъ я обязанъ профессору Гельсингфорского университета К. Тальквиству, ассириологу). Въ греческомъ и латинскомъ язы-

¹⁾ Говорить женщина подъ вліяніемъ чувства ласки.

²⁾ Также рѣчь женщины въ моментъ печали.

³⁾ Въ библейскомъ языке не находится именъ заскатательныхъ собственныхъ; во въ „Мишне“ встрѣчаются отдельные случаи.

кахъ уменьшительные суффиксы выражаютъ ближайшимъ образомъ все малое, незначительное—о предметахъ, и все юное—о существахъ живыхъ (малость усиливается при помощи прилагательныхъ *parvus*, *brevis*, *tenuis*, *minutus*): *oppidulum*, городокъ; *risculus*, рыбка; *regulus* царекъ; *serculus*, юный рабъ; *sirculus*, молодая вѣточка и т. п. хотя и греческий и латинский съ давнихъ поръ знаютъ употребление уменьшительныхъ суффиксовъ въ значеніи ласкательномъ, такъ же въ I ст. послѣ Р. Хр. (*Chrysostomus* въ *Oratio VII Venator* § 67—70) и въ классическихъ времена знаютъ выраженія въ родѣ *σελήνιον*, (отъ *σελήνη*, мѣсяцъ), *λιγάριον* (отъ *λιγαρίου*, сѣть), *παιδάριον* (отъ *παιδίς*), *οινάριον* (отъ *οίνος*, вино) и т. п. Тоже замѣчается въ языкахъ и не арійского и не семитического племенъ; такъ въ монгольскомъ языке (по любезнымъ указаниемъ доктора Рамстедта, монголиста) уменьшительный суффиксъ *chan* прилагается къ именамъ вещественнымъ, хотя въ народной рѣчи значеніе этого суффикса измѣняется, напримѣръ, въ примѣненіи къ именамъ прилагательныхъ.

Необходимо установить различіе между актомъ непосредственнаго народнаго творчества, создающаго слово съ уменьшительнымъ суффиксомъ, и актомъ мысли, преднамѣренно строящей рѣчь, сознательно придумывающей формы для выраженія наблюденаго явленія. Различіе бываетъ при этомъ и количественное, т. е. по отношенію къ быстротѣ полученія результата, и качественное, т. е. по отношенію къ степени усиленія мысли. Слѣдуетъ признать, что въ языкахъ народа встрѣчается болѣе неожиданного, непредвидимаго, составляющаго неисчерпаемый источникъ красоты, гдѣ бывать ключемъ источникъ самобытности, тогда какъ языки отдельныхъ лицъ, писателей, идетъ по колеѣ, устанавливаемой законами грамматики, и лишь у писателя съ огромною силой таланта, притомъ выросшаго на народной почвѣ, замѣчается свободное проявленіе созиданія формъ выраженія. Нельзя вслѣдъ за Буслаевымъ утверждать, что „новѣшшая книжная рѣчь удалялась отъ такихъ словъ, по своей наивности не соотвѣтствующихъ строгому логическому теченію мысли (рѣчь идетъ у него о томъ, что народный языкъ придаетъ дружественный оттенокъ посредствомъ ласкательного окончанія, даже названіямъ животныхъ и предметовъ бездушныхъ и т. д.); и только писатели, желающіе сблизить языкъ книжный съ разговорнымъ, позволяютъ себѣ употреблять эти имена“ (Истор. Грам. русс. яз. § 220). Языкъ и логика другъ друга не покрываютъ, а тѣ только писатели и содѣствуютъ развитію языка, которые „позволяютъ себѣ“ употреблять слова изъ народной рѣчи—

въ этомъ ихъ важнѣйшая заслуга. Гете говорить: *Nicht die Sprache an und f眉r sich ist richtig, t眉chtig, zierlich, sondern der Geist ist es der sich darin verk脺pert.* Ниже будетъ рѣчь о томъ, какъ пользуются уменьшительнымъ суффиксомъ наши художники слова.

II.

Понятіе о малости предметовъ-вещей перенесено было съ новымъ значеніемъ на человѣка и особенно успѣло развиться вмѣстѣ съ развитіемъ сословныхъ, классовыхъ различий, рѣзко выдѣлившихъ понятіе о высшемъ и низшемъ. Въ письменности слѣды суффиксовъ уничижительныхъ обнаруживаются очень рано; подъ 1138 г. названы въ числѣ новгородцевъ, бѣжавшихъ къ Всеволоду Мстиславичу въ Псковъ *Тимошка Якнічъ*¹⁾, подъ 1270 приведено название *Иванко*²⁾; въ Псковской Лѣтописи: „Богъ воленъ да и ты своею отчиною и съ нами людичками своими“³⁾), и кстати замѣтить, въ противоположность къ словамъ съ суффиксами увеличительными; такъ относительно рязанцевъ лѣтопись выражается: „полоумные людица“⁴⁾; „Михалка съ Москвы поѣхъ“, „Михалку досгѣвающю“, „Михалко же побѣди полѣ— все это въ концѣ XII и самомъ началѣ XIII ст.⁵⁾ Съ этихъ поръ уменьшительные суффиксы являются чаще и идутъ crescendo вплоть до XVIII в.: *Пашко бортникъ, Юрко Машничъ, Голко Залѣскій* (грамота 1351)⁶⁾, *Васъко Кузьмичъ, Яшко писарь, Осташко, Галько, Костко* (купчая, 1366)⁷⁾; „А при томъ были и свѣдци: Панъ Ходъко Быбельскій... Костъко судья и много было добрыхъ при томъ (Судная гр. 1393)⁸⁾. Нужды иѣть, что въ послѣднихъ примѣрахъ отсутствуетъ прямое указаніе на уничиженіе,—оттѣночъ его все же замѣчается. „А грамоту писаль Сенка, дѣякъ троецкой (1447—56)⁹⁾; „А биль мя Михаила Скобельцінъ большой со своими людьми съ Куземъко да съ Иваишкомъ... Дмитроѣкъ, Федъкоѣкъ, Онанка и др. (Ду-

¹⁾ Ак. Шахматовъ, Общерусс. лѣтоп. журн. Мин. Нар. Пр. 1900, № 11, отд. 2, 182.

²⁾ Ib.

³⁾ Буслаевъ, Истор. Гр. II, 201, § 220.

⁴⁾ Шахматовъ, I. с., 154.

⁵⁾ Шахматовъ, I. с., 173.

⁶⁾ Сборникъ древ.-русс. памятниковъ, А. Смирновъ, стр. 60.

⁷⁾ Ib., 64.

⁸⁾ Ib., 72.

⁹⁾ Ib., 90.

ховная 1482) ¹⁾; „А купчию грамоту писаль язъ *Васюкъ Малаеевъ* (1559) ²⁾; „а кабалу писаль *Семенецъ Никоновъ* (1529) ³⁾; запись писаль... *Оеонка Андреевъ* (Акты Юрид. I, 406) и т. д., и чѣмъ ближе въ XVIII ст. тѣмъ чаще и больше встречаются случаи употребленія, переходящаго во всеобщій обычай, причемъ весьма часто уничижительное имя сопровождается эпитетомъ усиливющимъ (какъ бы erith. ornans) „холопъ твой... холопъ твой *Иванецъ* (*Ванецъ*) Шереметевъ, *Боиданко Сабуровъ*, *Данилецъ* и *Данилко Сабуровъ* (1564) ⁴⁾; „приведень онъ, *Боиданка* съ краденымъ медомъ“ (1677) ⁵⁾. Равнымъ образомъ и имена женскія: „*Матренку Ивашкову* жену... съ *Марькою*... съ *Овдотьицо*... ⁶⁾). При Петрѣ Великомъ въ письмахъ къ нему сплошь въ рядомъ: „падая лицомъ до земли, челомъ бью, должный твой работникъ *Юнка Фамендинъ*“ ⁷⁾; „*Івашко Ихевъ* челомъ беть“; „*Адамко Вейде* долж(н)о челомъ беть“ ⁸⁾; „По семъ писавы съ усердіемъ... желавый *Аеонка Пратасовъ*; *Якуника Борзой*, *Тимошка Чернецовъ*, *Панкраика Глѣбовскій*, *Сенка Макарьевъ* и т. д. ⁹⁾; „Твой рабъ *Івашко Оловениковъ*“ (ib. 500); „Холопъ вашъ *Андрюшка*“ (ib. 501); „рабъ твой *Федка Апраксинъ*“ ¹⁰⁾; „Богомольцы твои *Ганка* (Головкинъ) да *Ермолайко* челомъ беть“ ¹¹⁾; „Порадуй меня бѣднаго *Леека* (Л. Нарышкинъ) пать (sic) предъ ногами“ ¹²⁾; „О томъ покорнѣйше и рабской челомъ беть „*Андрюше* Бугеянантъ *Фонъ-Розенбушъ*“ ¹³⁾, и т. д.

Уничтоженіе выражается и въ уменьшительныхъ словахъ, обозначающихъ название народностей. Украинецъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы „выгнать *ляшківъ*—*панківъ* геть за Вислу“. По словамъ одной пѣсни отрубленная голова одного изъ Гайдамаковъ, на укоры:

Было бъ тебѣ *ляшківъ*—*панківъ* не бить

¹⁾ Ib., 99.

²⁾ Ib., 110.

³⁾ Ib., 113.

⁴⁾ *Потебня*, Извъ зап. III, 584 и слѣд. въ большомъ количествѣ привѣрвъ.

⁵⁾ Ib., 245.

⁶⁾ Ib., 584—585.

⁷⁾ Письма и бумаги Петра В. I, 494, № 24.

⁸⁾ Ib., № 26, стр. 495.

⁹⁾ Ib., 497.

¹⁰⁾ Ib., № 33, стр. 505.

¹¹⁾ Ib., № 37, стр. 508; № 42, стр. 513.

¹²⁾ Ib., № 40, стр. 511.

¹³⁾ Ib., № 42, стр. 513.

отвѣчаетъ:

А я того, вражі лахи, та и не забуду,
Ясь я била ляшківъ-панківъ, тамъ и бити буду ¹⁾).

или:

А што здесь о рубежахъ они сминали
Будто *Ляшенки* украину въ областяхъ держали ²⁾),

или:

Вражи сыны жыдыченъкъ тоді израдилы
Ясь ктытора Даныила на пали узрили ³⁾).

Такимъ же образомъ и донынѣ въ большомъ ходу *польчикъ*, *польчишка*, *жидокъ*, *пъмчикъ*, *французикъ* („французикъ“ изъ Бордо“ „Горе отъ Ума“) *французишкъ* и т. п. Во многихъ случаяхъ уничижительными изображаются и предметы, свойства, связанныя съ дѣйствующимъ лицомъ уничиженными. Послѣ того, какъ чумаки

Підвали бусурмана
На три списи (пикп) въ гору,

послышилась злая насмѣшка надъ окрававленнымъ трупомъ:

Дивись, дивись, бусурмане,
На нашу свободу!
Ой що наша свободонька
Ясь макъ процвітае,
Бусурманьска жъ *головонька*
Кровью окипае,

гдѣ очевидно *головонька* не представляетъ формы, употребляемой, какъ увидимъ, безсознательно — шаблонно, а въ противоположность къ дорогой „*свободонькѣ*“ ⁴⁾.

Съ категоріею именъ уменьшительныхъ, выражающихъ уничиженіе лицъ, стоять въ связи категорія названий, характеризующихъ человѣка съ отрицательной стороны. Присоединеніемъ къ нему уменьшительного суффикса придается оттѣнокъ презрѣнія: *пънчужка*, *воришка*, и т. п. (соответствуютъ по значенію литовскій суффиксъ *utis*, по выражению Куршата „*halb Demunitiv, halb Verächtlichkeitsbe-*

¹⁾ „Малороссія въ ея словесности“, *Вѣстникъ Европы*, 1870, Іюнь.

²⁾ *П. Жатецкий* „Мысли о Малор. думахъ“ стр. 111.

³⁾ Со сборника 1767 г. въ *Kiev. Стар.* 1886, Янв. ср. *Жатецкий*, I. с., 131.

⁴⁾ *Рудченко*, „Чумаки“ п. т. д. *Вѣстн. Евр.* 1872, Сентябрь, 678.

zeichnung: *paik-ūtis*, von geringem Verstande, *letūtis*, der Blödherzige ¹⁾. Кстати отмѣтить существование въ литовскомъ суффиксовъ со значениемъ презрѣнія—*elis*: *netikelis* Unband, Ungerathener; *susi-ve-elis*, Struwelpeter, и—*uklis*: *girl-uklis*, пьяничужка) ²⁾.

Въ душѣ запорожца просыпается мысль о покояніи:

„Дебъ то достать попа хоть ледащику,
Абы не пьянычу....
Бо я самъ того не люблю“ ³⁾.

Далѣе—естественная связь представлений между указанными категоріями и тѣми, въ которыхъ выражается преднаимѣренное желаніе представить предметъ-вещь въ видѣ малопѣнного, негодного, мелкаго и т. п. „По ся мѣсто я, холопъ твой, тѣмъ помѣстейцомъ не-владѣль и сестришка мои, государь, и людишка разбрелись... Здѣсь на Москвѣ живучи безъ помѣстышка, лошишки и служивую рухлядь проѣль... вели меня отпустить въ деревнишко чтобы сыскати сестришекъ своихъ и людичекъ и на... службу собраться запасишкомъ и со всякою служивою рухлядишкомъ“ (1614) ⁴⁾, очевидно, фактическое отношеніе говорящаго къ упоминаемымъ предметамъ иное, чѣмъ какое обнаруживается въ стремлениі изобразить ихъ.

Памва Берында говорить въ своей виршѣ (1616 г.) Епископу Львовскому Іеремію Писаровскому

„Пріими о архіерею великій, значный,
За коладоу и щодрый день книжечку тую“ ⁵⁾..

гдѣ чувствуется и сознается переходъ мысли отъ малаго къ ничтожному въ противоположность къ „великому, значному“. Вотъ еще образчикъ:

Даруй мені едынную рубашечку, або убраннячко,
На грішинее мое тило прикрыяннячко ⁶⁾,

т. е. хоть ничтожное, негодное, лишь бы что нибудь; и это ясно слышится во всемъ тонѣ просьбы („просьбуваннѣ“)

¹⁾Fr. Kurschat, Gram. d. litauisch. Sprache, стр. 105, § 349.

²⁾ Ib.

³⁾ Житецкій, I. с., 116.

⁴⁾ А. М. Г. 130.

⁵⁾ Житецкій, Мысли о народныхъ думахъ, 79.

⁶⁾ Ib., 161.

Сынъ едныи
Исусъ Христосъ правдыныи....
Прощу тебѣ, отець—маты,
Нызъкыи уклономъ
Покирныи словомъ...

и слѣдуетъ приведенное выше мѣсто.

„А симъ моимъ писанейцемъ за оное твое... писаніе со благодаренiemъ кланяюсь ¹⁾“.

Съ оттѣномъ пренебреженія (и примѣсью злобы въ данномъ случаѣ) уменьшительный суффиксъ выступаетъ въ случаяхъ, напримѣръ, подобныхъ:

Бодай тебе мій миленький попід серце стисло,
Бодай тебе мій миленький кривило, морило ²⁾...

Послѣдній примѣръ, впрочемъ, стоитъ на границѣ той категоріи, которая выражаетъ характеръ ироніи—доброй и злой. Подборъ образцовъ въ слѣдующемъ.

III.

Чувство ироніи примыкаетъ ближайшимъ образомъ къ чувству, вызываемому предметомъ, который возбуждаетъ къ себѣ пренебрежение, нелюбовь, злобу и т. д. Этимъ объясняется явленіе, что уменьшительные суффиксы именно способны выражать иронію. Пѣсня, напримѣръ изображаетъ уничтоженіе панцири:

Ой летила дика качка, сіла въ очереті,
Утікала панцирночка въ темны пущи, нетри....
Охъ да отрастутъ у меня, у ясна сокола
Да сизыя крыльшки,

Тогда...
Отсюю эту насмѣшечку ³⁾.
Я за то тебя, удалого, пожалую....
Я повѣшу тебѣ петельку шелковую ⁴⁾.

Плѣнная мать поетъ надъ колыбелью своего внука:

Люлю, люлю татарчатко
По доненьцы унучатко,

¹⁾ Письма и бумаги Петра Великаго, т. I, 627.

²⁾ Головацкій, II, 448,

³⁾ Соболевскій. Великорусская народная пѣсни I, 576.

⁴⁾ Ib., 41.

и въ злобѣ желаетъ:

Бодай стадо выздыхало,
Бодай дитя скаменило...

Ярко выступаетъ иронія, напримѣръ, въ слѣдующей исторической пѣснѣ, изображающей смерть Нечая:

Добравъ го ся Калыновскій зъ верха за чупрыну.
„А де-жъ, твои, *Нычаенку*, вороны кони?
„А де-жъ, твои, *Нычаенку*, кованы возы?

Злорадство — во всемъ тонѣ. Уменьшительное имя и придаетъ окраску чувству. Пѣсни говорить уже отъ себя, что *Нычаева* головынка точиться по рынку, и кончается она сочувственнымъ обращениемъ къ матери:

Но ты маты, не журыся.
Взавъ винъ соби дружыночку
Высокую могилочку¹⁾.

Интересенъ образчикъ, въ которомъ замѣчается нѣчто среднее между злою и добродушною ироніею (иногда ироніею безнадежности, если можно такъ выражаться); прежде всего изъ извѣстной пѣсни:

Ай и горе, *юреваньице*
А и въ горѣ жить—невручину быть...
Въ отопочкахъ горе въ лозовенькихъ
Въ оборочкиахъ горе въ мочальменькихъ....
Да еще молодецъ не кручиновать,
Запѣль онъ хорошую *нагѣвочку*...

гдѣ „нагѣвочкою“ обозначается пѣсенка несчастного молодца, исполненная горькой надѣи самимъ собою на смѣши.

Затѣмъ цѣлый рядъ пословицъ, поговорокъ, напримѣръ: „Дядюшка у племянничка укралъ долото, а племянничекъ у дядюшки пару же-ребчиковъ за то²⁾“, „рюмочки доведутъ до сумочки³⁾“; „ножки плутаютъ, душку шатаютъ⁴⁾“, „не тѣ денежки, что у бабушки, а тѣ денежки, что въ пазушкѣ⁵⁾“ и т. д. или: „Вербикъ завербиль“

¹⁾ Евешкій, Малор. истор. пѣсни и думы, 73.

²⁾ Сахаровъ, „Языкъ крестьянъ“ и т. д. 1. с., стр. 14.

³⁾ Ib., 37.

⁴⁾ Ib., 27.

⁵⁾ Ib.

(холодъ на вербной недѣли)¹⁾; „Хоть худенъкія (штаны), да съ пурпурками²⁾“. Нѣсколько иного рода иронія въ былинѣ, напримѣръ, когда она разсказываетъ о безобразіяхъ Василія Буслаевича:

„Сталь по улицамъ похаживать
Съ ребятами шуточки пошучивать³⁾“.

Чара въ полтора ведра называется чарочкой. Иронически называются палачи *палачиками*⁴⁾, а одна пѣсня также иронически относится къ другимъ должностямъ:

„Туть живеть да поживаетъ ключичекъ
Молодыя-то книгиви полюбовничекъ“⁵⁾

Такой же характеръ иронія оказывается, напримѣръ, въ тѣхъ же пѣсняхъ о кн. Волконскомъ:

„Жиль Волконскій князъ,
Не одинъ то онъ живъ, княжичекъ,—со своею княгиней⁶⁾“.

Въ другомъ родѣ слышится иронія, когда былина говоритъ:

Знаю я всѣ примѣты по женскому
Она по двору идеть будто уточка плыветь,
А по горенькѣ идеть частенько ступаетъ,
А на лавицу садится колычка жметъ,
А и ручки бѣленыки, пальчики тоненьки⁷⁾.

Бѣлорусская народная поэзія пользуется для выраженія ироніи, также уменьшительнымъ суффиксомъ по такому, напримѣръ, образцу: роженица захотѣла вина, и просить позвать мужа, а онъ, въ ожиданіи сына, спрашиваетъ, кого родила:

Коли сына, я мѣда добуду,
Коли дочушка, я и такъ обойдуся,
Коли сына, я и городъ поставлю.
Коли дочушка, съ кожушкаки отпраўлю⁸⁾.

Сынъ, желанный, не въ уменьшительной (ласкательной) формѣ, а

¹⁾ Ib., стр. 11.

²⁾ Ib., 44.

³⁾ Гильбердинъ, Онежскія былины 1 изд. 722.

⁴⁾ Ib., 728.

⁵⁾ Соболевский, Вар. II, 55.

⁶⁾ Соболевский, I. с. 77, во всѣхъ варіантахъ,—ихъ очень много—слышится иронія.

⁷⁾ Кирша, Др. ст., 88 стр.

⁸⁾ Шенкъ, Матер. для изуч. быта и т. д. Т. I, ч. 1, стр. 22.

въ ласкательную форму облекаются дочушка, кожушками,—иронически.

Этими данными ограничиваюсь; ихъ въ изобиліи можно найти и въ народныхъ произведеніяхъ, и въ новой нашей литературѣ даже про-записческой, напримѣръ, по слѣдующему образцу:

„Онъ такой скромненький, тихонький, объясняется все уменьши-тельными. Все у него миньонное, идейка капельная, подробности са-мыхъ крошечныхъ, сложокъ такой чистенький, наблюденіе такое ма-ленькое, чувства и страстицы, такія шыжненькия....“ Въ такихъ вы-раженіяхъ осмѣивается авторъ „Бѣдныхъ людей“ ¹⁾.

Въ другихъ языкахъ можно найти полную аналогию этому явлению; уменьшительные суффиксы употребляются писателями для выра-женія нѣкотораго пренебреженія, ироніи; такъ въ румынскомъ языкѣ *doctoras*—докторишка, лѣкаришка, *poelas*—поэтишка, причемъ слѣ-дуетъ замѣтить явленіе, обратное нашему: не знать этихъ выра-женій народный румынский языкъ ²⁾). Въ соотвѣтствіи съ нашими уменьшительными суффиксами, выражающими иронію, стоять и уменьши-тельные суффиксы въ латинскомъ языкѣ, но опять своеобразно—въ такихъ словахъ, которая не поддаются соединенію съ уменьшеніемъ въ русскомъ языкѣ, во всякомъ случаѣ переводятся описательно ³⁾: „*hius incredibile ratiunculas* suggerit—ganz artige Gründen, какъ бы: не-чего сказать, основанія! или хороши основанія! *judiciolum*, das schwa-che Urtheil; *lacrimula*, крокодиловы слезы Cicer. Att. 14, 20: Quintus filius ut scribis, Antonii est *dextella*, so ein Stückchen von rechter Hand, помощничекъ подумаешь! *Graeculi homines* (Cic. de or. 1, 11, 47) ⁴⁾. Въ иныхъ случаяхъ иронія переходитъ въ пренебреженіе, такъ у Го-ракія (Ep. 1, 7, 65): *tunicatus popellus*. И Гораций и Цицеронъ знаютъ *plebecula*, *librarioli* (писаки); *legiuncula* (несчастненъкій легіонъ) *ho-tunculus*, *muliercula*; *sarcinlae* (das Bisschen Vermögen); *mercedula* (несчастное жалованье) и т. д. ⁵⁾. Есть въ латинскомъ языкѣ умень-

¹⁾ Библиотека для чтенія, 1846, февраль, библіограф. замѣтка, не въ пользу Достоевскаго, въ подражаніе стиха послѣдняго. Срав. соч. Достоевскаго, I т. стр. 65. изд. 1883 г.

²⁾ Sextil Pușcariu, Achter Jahresber. d. Instit. für Rumän. Sprache, 91.

³⁾ Nägelsbach, Stilistik, 130.;

⁴⁾ Kessler, Die lateinischen Diminutiva, Einladung-Programm zu Hildburghausen, 1869, 2.

⁵⁾ Ib., стр. 2. Подчасъ встрѣчается накопленіе уменьшительныхъ, съ цѣлью придать всему отрывку характеръ ироніи, порицанія, при чмъ чувствуется и потреб-

шительныя и съ характеромъ ругани, въ родѣ нашего „пьяничужка“, „воришка“, „трусишка“, напримѣръ *furunculus*, *latrunculus*, *cinaedulus*.

И латышскій языкъ пользуется уменьшительнымъ суффиксомъ, какъ для обозначенія малости, такъ для выраженія ласки, любви съ одной, и презрѣнія, уничиженія съ другой стороны, смотря по смыслу слова въ рѣчи, при чемъ есть уменьшительный отъ имѣнъ, какихъ не знаетъ языкъ русскій, напримѣръ отъ *assin-s*, кровь, *assin-t-in-ech*.¹⁾). Въ народной поэзіи, притомъ въ пѣсняхъ женскихъ—чаще всего.

Иронія, выраженная въ формѣ уменьшительныхъ, не чужда и языку немецкому, хотя всегда въ соединеніи съ прилагательнымъ, составляющимъ собственно иронію: *Ein schönes Wörtchen*, хотя народный языкъ знаетъ иронію, выраженную и однимъ только уменьшительнымъ словомъ: „*Lieber zum Schmied, als Zum Schmiedle*“²⁾ (охотнѣе имѣть дѣло съ высшимъ, чѣмъ съ низшимъ — напоминаетъ чешское: *lepsi ran než panek*³⁾), или въ такомъ отрывкѣ, добродушно-насмѣшливомъ:

Gang mer net über mei Aeckerle,
Gang mer net über mei Wies.
Oder i hau di Wägerle,
Oder i hau di gwiss⁴⁾.

Сопоставленія имѣли цѣлью указать на особенности русскихъ уменьшительныхъ, которые выражаютъ гораздо разнообразнѣе другихъ языковъ всѣ оттѣнки отъ малости въ объективномъ ея значеніи до различныхъ проявленій субъективности отношенія къ предметамъ.

ность со стороны автора соавучія отрывка: преступленіе изображается какъ-бы пустакомъ (срав. Nägelebach, Stilistik, 131): *Arinem istum testum atque hospitem, Triari, tunum proficiscentum Romam negotium dedisse liberto, ut illi aniculae non ille quidem vim afferet, neque enim erat rectum patronae, sed collum digitulis duobos obluderet, resticula cingeret, ut illa perisse suspendio putaretur.* Превосходную иллюстрацію представляетъ 25 стихотвореніе Катула къ сластолюбцу Thallus: *Cinaede Thalle, mellior cuniculi capillo, vel anseris medullula, vel imula oricilla—ne laneum latusculum natusque mollicellas inusta turpiter tibi flagella conscribent;* еще образецъ у Плавта, Cas. 4, 4, 14—18: *meum corculum, melliculum, verculum!—corpusculum melliculum!—mea uxorcula!—Edepol papillam bellulam!—Obsecro, ut valentula est!—Hella bellatula!*

¹⁾ Подробности у Bielenstein, Lit. Gram. I, 307, § 238.

²⁾ A. Waag, Bedeutungsentwickelung unseres Wortschatzes, стр. 163.

³⁾ Jicha, o Zdrobel. v česk. и д. я., 11.

⁴⁾ Waag, I. c. 117.

IV.

Значеніе уменьшительнихъ суффиксовъ, какъ видно уже изъ сказанного, далеко вышло за предѣлы, которыми оно ограничивалось первоначально. Если, какъ мы видѣли, обозначеніе понятія о *малости* ближайшимъ образомъ перенесено было на обозначеніе субъективнаго отношенія къ предмету, преднаимѣреннаго уменія, уничиженія, презрѣнія, ироніи всякаго рода, то въ другую сторону субъективное отношеніе стало принимать характеръ чувства ласки. Понятія *малый*, *милый*, *юный* совпадаютъ; во всякомъ случаѣ трудно установить границу между ними. Сперва:

Я маленька дівочка
Якъ у полі квіточка¹)...

понимается буквально; затѣмъ братицѣ, сестричка стали обозначать субъективное къ нимъ отношеніе, милый, милая. — *Иванушка* — маленький Иванъ; онъ малъ, юнъ; а такъ какъ онъ малъ и юнъ, то и миль; психологически вполнѣ объяснима связь представлений о малости съ чувствомъ приятнаго отъ него, и отсюда съ ласкою къ малому и ко всему, что съ нимъ связано. Далѣе, понятіе обобщается, и уменьшительныя слова понимаются въ смыслѣ „не по хорошу миль, а по милу хорошъ“. Здѣсь источникъ преобладанія словъ съ уменьшительными суффиксами въ колыбельныхъ и дѣтскихъ пѣсняхъ. Въ большинствѣ случаевъ присутствіе уменьшительного суффикса чувствуется и сознается, хотя словъ при помощи ихъ создаются не всегда преднамѣренно:

„А я коточекъ
Заховався въ куточекъ,
Поймавъ собі мишку
Да зъївъ у затишку”^{2).}

По такому или подобному образцу уменьшительные суффиксы применяются или преднамѣренно, или безсознательно, по аналогии, и къ понятіямъ, не поддающимся собственно уменьшению, напримѣръ:

*Соньки-дримки въ колисоньку,
Росточки у кісточку.*

¹⁾ Чубинский, III, 435.

²⁾ Максимовичъ, Сборн. Укр. лѣс., ч. I, 105; срав. Труды этног.-стат. экспед. въ Зал. Русск. край. т. IV, стр. 26.

Въ роточекъ *юзорушки*,
А въ ноженьки *ходусеньки* и т. д.¹⁾.

Здѣсь никакого представлѣнія о малости не вносится. Чувства ласки пе-
реносится при помощи уменьшительного суффикса и на предметы,
случайно упоминаемые при обнаруживаніи чувства къ главному пред-
мету рѣчи. Когда мать кличетъ своего сына

Иди, сынъ до-домочку
Змю тобі *головочку*²⁾,

то „до домочку“ не могло быть вызвано никакою мыслью собственно
объ отношеніи къ дому, ни, тѣмъ менѣе, какимъ либо чувствомъ къ
дому; явилось уменьшительное это въ предчувствіи появленія ласка-
тельного „головочку“. Другой примѣръ:

Стали думать и гадать
Чимъ дітковъ годувать,
Чи кашею зъ молочкомъ,
Чи бубликомъ зъ медкомъ,
Чи солодкимъ яблучкомъ...³⁾

Представлѣнія о малости нѣтъ и въ этихъ случаяхъ; нѣтъ также
представлѣнія о части цѣлаго, выражаемой иногда въ рѣчи словами:
„дайте молочка, водицы“, напримѣръ:

У похмѣльного доброго молодца буйна голова болить
А вы, милы братцы....
Вы купите *вніца*, опохмѣльте молодца⁴⁾.

Объ этомъ, впрочемъ, ниже, а здѣсь необходимо сказать, что
весьма часто, въ случаяхъ, когда уменьшительные суффиксы наружутся
лишнимъ привѣскомъ, не имѣющимъ никакого значенія, наличность
чувства ласки, любви, привязанности, близости, сочувствія съ его
оттѣнками: опасенія, радости, горя, состраданія и т. п. несомнѣнна.

¹⁾ Труды и пр. 26.

²⁾ Рудченко. Чумака въ народ. пѣс.

³⁾ Труды и пр. 19.

⁴⁾ Кирша, 212. Въ примѣненіи къ отвлеченнымъ именамъ существительнымъ
уменьшительные суффиксы выражаютъ: въ нѣкоторой степени то, что обозначается
словомъ: *anitula* (tuae literae quae mili quiddam quasi anitulas restillarunt, Cic.
Att. 9, 7. См. Kessler, Die lat. demun. 1 *gloriola*, *specula*, *otiolum*; въ примѣненіи
къ существительнымъ вещественнымъ: часть нѣкоторое количество, *cariacula*, кусокъ
мяса, *jucunditas* немнога каша, *villum*, немнога вина, винца или также нѣчто дробное
agenula (тонкій песокъ) *furfuriculae* (тонкія отруби).

Необходимо только въ нѣкоторыхъ случаяхъ провѣрить, переживается ли событие, сообщаемое пѣснею, или оно передается традиціонно, безъ участія чувства со стороны разказчика, пѣвца. Привожу нѣсколько примѣровъ, когда, повидимому, труднѣе опредѣлить сознательность при передачѣ и присутствіе чувства, выражаемаго уменьшительными суффиксами:

Бхавъ козакъ съ украины...
Легъ на цѣлуу годзину.
Щасливая годзиночка!
Пришла къ нему дзѣвченочка *)...

Пріѣздъ казака выраженъ объективно; самое событие, появленіе дѣвушки, освѣщено извѣстнымъ чувствомъ, и „годзина“ превратилось въ „годзинушку“, когда она оказалась счастливою.

Ой далеко чуты козака.... що иде съ кобзыною,
На кобзоныци грае, ще краще спивае *)...

представляетъ подобный моментъ: появленіе казака представлено объективно; устанавливается фактъ; самая игра вызываетъ чувство довольства, и „кобзына“ превратилась въ „кобзоньду“. Еще примѣръ: въ одномъ причитаніи рѣчь идетъ о томъ, что душа по смерти продолжаетъ жить въ устроенному для нея „домовищѣ“; ввиду желанія добра близкому человѣку, причитывающая просить „плотничковъ“, чтобы они сдѣлали „косявчаты окошечки“, стекольныя; клали бы „неченьку“; уменьшительные формы ясно говорятъ здѣсь о чувствѣ просящаго (срав. чешское: *ten tichý domesek* — могила *) и „домовищечко“ въ

Приказаль онъ сдѣлать домовищечко,
Чтобы можно лежа лежать и т. д.) *)

Когда мать въ вышеприведенномъ отрывкѣ кличетъ сыну „змию тобі головочку“, то уменьшительный суффиксъ не случайно употребленъ, что ясно изъ отвѣта, который держится въ тонѣ строгомъ, въ которомъ слышится голосъ самосознующаго себя мужа:

Изии мати сама соби,

¹⁾ Записки Русс. Геогр. общ. т. V, Носовицъ Бѣлор. пѣсни, стр. 117.

²⁾ Головацкій, 272.

³⁾ Ohlasi rizni ceskych, 5 изд. 30, Jos. Jicha, 11.

⁴⁾ Гильбердинъ, Он. был. 194.

Або моїй рідній сестрі,
Мене змінюють дрібні дощі и т. д.¹⁾.

Переходъ изъ тона субъективнаго, окрашенаго чувствомъ ласки, слышится, напримѣръ, въ пѣснѣ, рисующей выѣздъ чумака

Ой у неділоньку ране по-раненько
Сонечко зіходить,
Ой уже синъ, синъ Гаврисенко
У дорогу выходить....

но дальше, по ходу пѣсни, проявленіе чувства не умѣстно болѣе; наступаетъ пора отправленія въ дорогу, и атаманъ обращается словами, въ которыхъ уменьшительности нѣть слѣда:

Ой ви хлопці, ви добри молодці
Та вставайте вози мажте...
Хлопці встали, вози щімазали и т. д.
Пішовъ чумакъ у дорогу... и т. д.

Еще одинъ послѣдній примѣръ изъ множества однородныхъ; его можно поставить на границѣ между указанными и слѣдующими, въ немъ заключаются и признаки первыхъ и признаки слѣдующихъ. Былина говоритъ:

Подъѣхалъ онъ (Илья) ко городу, ко Чернигову:
Приходять мужики къ нему, черниговцы,
Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ градъ,
И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говорить имъ Илья таковы слова:
„Ай-же мужики черниговцы!
Нѣду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою,
А скажите-ка мнѣ дорогу прямоѣзжую,
Прямоѣзжую дорогу въ стольно-Кievъ градъ“.

Всѣдѣ затѣмъ идеть отвѣтъ; въ немъ мы видимъ вмѣсто „мужики“ уменьшительное „мужички“, со значеніемъ вполнѣ равносильнымъ „мужикамъ“, а въ дальнѣйшемъ—всѣ тѣ существительныя, которыхъ при вопросѣ стояли безъ уменьшительного суффикса, принимаютъ его въ отвѣтѣ:

Говорили ему мужички черниговцы:
„Ай-же удаленький, дородный, молодецъ молодецъ,
Прямоѣзжую дорожкою въ Kievъ пятьсотъ верстъ,
Околою дорожкою цѣла тысяча.

¹⁾ Рудченко, І. с.

*Прямоѣзжая дороженка замодила
Замодила дорожка, замуравила¹⁾.*

Труднѣе бываетъ опредѣлить наличность субъективной окраски въ случаяхъ, когда по ходу мысли предположить ея нельзя. Мѣриломъ можетъ въ такихъ случаяхъ быть повторяемость уменьшительного слова; если уменьшительное слово является попеременно и безразлично, то можно съ увѣренностью сказать, что оно попало случайно, по привычкѣ, безсознательно, и не обнаруживаетъ присутствія чувства.

*Цекла рѣченка.
рѣчка быстрая....
А по тѣй рѣцѣ
Шувецъ вуточка....²⁾*

Здѣсь рѣка, рѣчка (съ забытымъ значеніемъ уменьшительного суффикса) и рѣченка употреблены безразлично; о какомъ либо чувствѣ не можетъ быть и рѣчи, если принять въ соображеніе все содержаніе пѣсни. Интересно, что въ другой мѣстности (Витебской губерніи,—а приведенная изъ Могилевской губерніи) та же пѣсня съ тѣмъ же содержаніемъ знаеть только *рыка, рыка быстрая... по той рапп³⁾*.

*Текла быстрая рѣчка Смородинка
Было на этой рѣкѣ на Смородинкѣ
Три три мосточки калиновы.... и т. д.⁴⁾*

и затѣмъ черезъ всю пѣсню и всѣ варіанты идетъ поперемѣнно чрезъ „Смородина“ и „Смородинка“, „рѣка“ и „рѣчка“, „рѣченка“⁵⁾ „рѣчушка“⁶⁾, „мостъ“, „мостики“.

*Брахъ себѣ ключничка плеть шелковую
Выходитъ нашъ ключникъ на широкій дворъ...⁷⁾
Тутъ ходила, гуляла душа красная дѣвица
И копала она коренья, зелье лютое,
Она мыла тѣ коренища въ синемъ морѣ,*

¹⁾ Рыбниковъ, I, 54.

²⁾ Шеинъ, Материалы для изуч. быта и языка рус. нас. т. I, ч. I, стр. 23.

³⁾ Ib., 23—24.

⁴⁾ Соболевскій, Вѣр. нар. п. 359—360.

⁵⁾ Ib., 362.

⁶⁾ Ib., 364.

⁷⁾ Ib., 52—53.

А сушила коренъица въ муравленой печи,
Растирала тѣ коренъя въ серебряномъ кубцѣ,
Разводила тѣ коренъица мѣды сладкими,
Разсыпала коренъя бѣлыми сахаромъ
И хотѣла извѣсти своего недруга ¹⁾...

или:

Выкатилося знамечко....
А знамя за знаменемъ идеть... ²⁾

все неперемѣнно, то съ уменьшительнымъ суффиксомъ, то безъ него, безразлично,—и это безразличіе обнаруживается во всемъ тонѣ разсказа.

Сидить соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ...
Воскричить онъ злодѣй по звѣриному,
Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
Что есть людышекъ, всѣ мертвы лежать....

а въ заключеніе былины:

Темны лѣсушки къ землѣ приклонилися
А что есть людей, то всѣ мертвы лежать... ³⁾

Тоже напримѣръ: „холодна вода“ ⁴⁾ и „холодна водиченка“ ⁵⁾; „черные „соболи“ и „черные „соболечки“ ⁶⁾ и т. д. и такихъ фактъвъ безконечно много. Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ вліяетъ размѣръ.

Въ одной литовской пѣсни поется о томъ, что „удались, уродились“ на горѣ—орѣхи, на полѣ—трилистникъ, рожь, пшеница, ячмень и прочіе посѣвы, и каждый разъ повторяется то же слово въ уменьшительной, и въ неуменьшительной формѣ и снова въ уменьшительной по такому образцу:

Ужмітіко уждерѣје
Кальне ріешутѣлеj
Кальне ріешутаj
Кальне ріешутелеj
(Удались, уродились
На горѣ орѣшки,

¹⁾ Кирша стр. 209..

²⁾ Ib., 223.

³⁾ Рыбниковъ, I, 54.

⁴⁾ Романовъ, Бр. С6. I, 150.

⁵⁾ Чубинскій V. 480

⁶⁾ Шеинъ, I. с. 19.

На горѣ орѣхи,
На горѣ орѣшки) ¹⁾.... и такъ каждый куплетъ;

или:

Унденеге бѣга, бѣга бѣ којелу ²⁾
(водица бѣжать, бѣжать безъ ногъ).

Если одинъ и тотъ же мотивъ называетъ одно и тоже слово по-очередно уменьшительнымъ, и безъ уменьшительного, то, кажется, безошибочно можно сказать, что въ основаніи нѣтъ опредѣленного отношенія къ изображаемому;—но смотря и по ходу изложенія, и по содержанію, дѣло мыняется, такъ какъ въ иныхъ случаяхъ участіе рассказыvающаго обнаруживается ясно и безъ всякихъ уменьшительныхъ, даже въ такихъ случаяхъ, когда эпическимъ языкомъ уменьшительные формы словъ какъ *рученъки*, *поженъки*, *головушку* и пр. вытѣснены, напр. въ стихѣ обь Аникѣ воинѣ:

Рѣзныи ноги подвижнулись,
Бѣлымъ руки опустились.
Ясныя очи помутились,
Буйная голова съ плеть повалилась ³⁾),

хотя необходимо замѣтить, что вообще духовные стихи очень рѣдко пользуются уменьшительными суффиксами—о чёмъ ниже.

Такимъ образомъ представляется возможнымъ опредѣлить, въ какихъ случаяхъ уменьшительный суффиксъ служитъ выраженіемъ чувства ласки, расположенія и т. п. Во-первыхъ, когда сознается связь между однимъ и другимъ по содержанію; во-вторыхъ, когда говорящій переживаетъ событие, выражаемое сочувствіемъ къ предмету размаза:

Радя *дѣточекъ*, радя *дробненъкихъ*
Состаруся, молода ⁴⁾)—

не вызываетъ, поэтому, сомнѣнія въ содержаніи, выражаемомъ уменьшительнымъ суффиксомъ, тогда какъ въ

Бздить Дюкъ...
И стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей
Перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ *уточекъ* ⁵⁾...

¹⁾ Юнкесича, Лит. нар. пѣсни, 14.

²⁾ Ib., 13.

³⁾ Воронцовъ, Сбор. русс. дух. стих., 113.

⁴⁾ Шеинъ, I. с., 21.

⁵⁾ Кирша Дан., 17.

уменьшительный суффикс не обусловливается ни одним изъ моментовъ ни предшествующаго, ни послѣдующаго, а потому представляеть форму безъ содержанія, какъ и цѣлый рядъ выраженій, перешедшихъ въ чистую форму: „поѣзодочка богатырская“, „сошка кленовенькая“, „столичекъ дубовенький“ „сѣдѣльшко черкасское“ „потничекъ на потничкѣ“ и т. п. безъ счета.

Не можетъ быть сомнѣнія, слѣдовательно, что, напримѣръ, въ категоріяхъ произведеній народной поэзіи, въ которыхъ обнаруживается чувство матери къ дѣтямъ съ необыкновеннымъ постоянствомъ, въ которыхъ лиризмъ очевиденъ, уменьшительные суффиксы служить выраженіемъ чувствъ,—причемъ и параллелизмъ сознается вполнѣ:

А нема цвitu найшовнишого надъ тую *макиечку*,
Да нема жъ роду найвирнѣшаго надъ тую *матиночку*¹⁾.

Сплошь и рядомъ мы встрѣчаемся съ подобными формами.

„Братійку родненській“,

говорить сестра, умоляя его посѣтить ее:

Черезъ луги тениные, высокіе, яснымы *соколенъкомъ* перелини,
Черезъ рѣки быстрыя, глубокія бѣлымъ *лебеденъкомъ* переплыви,
Черезъ стени широкія *малынь-невенъкимъ* перепеленъкомъ перебѣжи... ²⁾.

Въ приведенномъ примѣрѣ обнаруживается, что характеръ дѣйствій лица, пробудившаго чувство, вызываетъ то-же чувство, что и самое лицо; это отличительная черта и народной поэзіи и вообще народной рѣчи русской, но всего болѣе малорусской поэзіи, въ которой уменьшительные слова употребляются сознательнѣе, гармоничнѣе, цѣлесообразнѣе и поэтичнѣе, особенно, гдѣ силенъ лиризмъ. Среди малороссийскихъ „думъ“ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, одну, въ которой матери сообщается, что сынъ ея погибъ; пѣвецъ говорить объ этомъ въ образѣ сближенія смерти съ бракомъ, а могилы—съ женой, въ образѣ, весьма обычномъ въ народной поэзіи; но „дума“ говорить такъ:

Появъ соби *памянку*
У чистому поли *могылу*—*землянку*,
На *могылы* травы *зелененьки*,
И цвиты *бilenъки*³⁾....

¹⁾ Лисенко, Збірникъ, II, 33.

²⁾ Чубинскій. Труды, V, 928—29.

³⁾ Метлинский, Нар. Юж. р. пѣсня, 424.

Сравнивая это мѣсто съ варіантомъ великорусской поэзіи, легко убѣдиться въ особенности, обозначенной выше; въ великорусскомъ нѣть рѣчи ни о травѣ, ни о цвѣтахъ, и лиризмъ не сказывается вовсе, какъ въ версіи малороссийской. Вотъ еще: сообщается матери, что сына

. . . женившись
Та понявъ собі паняночку
Въ чистыхъ поля земляночку
Що куды витерь не вие,
А сонечко не грие,
Безъ виконецъ, безъ дверецъ....¹⁾.

Когда въ пѣснѣ встрѣчается „у скриночку грае“, „въ сопілочку грае“ и т. п., то отношеніе къ предмету не всегда опредѣляется: съ уменьшительнымъ суффиксомъ эти слова могутъ употребляться наравнѣ съ окончаніями устойчивыми, съ которыми не соединяется понятія объ уменьшительности (сравни эпитетъ „воску яраго“ при сальной свѣчѣ); но во многихъ случаяхъ представляется возможнымъ опредѣление настоящаго его характера, когда факты реальной жизни подтверждаютъ отношеніе къ лицу, предмету. Провѣрить послѣднее можно, если сравнить побольше варіантовъ одной и той же пѣсни изъ различныхъ мѣстностей (одной народности, напримѣръ, малорусской, великорусской, бѣлорусской). Примѣръ объяснить мою мысль: народъ окружаетъ чумака особымъ уваженіемъ, онъ о немъ вообще высокаго мнѣнія. Эпитетъ, которымъ въ пѣсняхъ награждаютъ чумака—„славный“. Дѣвушки относятся съ нѣжностью къ „славнимъ чумаченкамъ“; „чумаченки молодії, чорноброві“, при каждомъ случаѣ. Загорѣлое лицо его—„личко козаче“; „чумакъ на личеньку краинъ рожі“²⁾. Безконечное разнообразіе употребленія уменьшительныхъ объясняется легко, если принять въ соображеніе, что между „чумачкомъ“ и дѣвчиною недомолвокъ не существуетъ, что дѣвчина не таитъ ни своихъ мыслей, ни желаній, ни чувствъ³⁾.

Сватай мене чумаченку,
Рано й у неділю.
Буду просить у матінки...

Когда прилетаетъ зозуленька сивесенька — эта вѣщунья бѣды и

¹⁾ Чубинскій, Труды. 912.

²⁾ Рудченко, Чумакъ въ народной пѣснѣ. Вѣстникъ Европы 1872 г. сентябрь 221.

³⁾ Ів., 228.

печали,—и начинаетъ кукувать *жалібненько*, тогда сердце сжимается у дівчины отъ предчувствія разлуки, и она стала вздыхать *важенъко* (тяжело), мать спрашиваетъ:

Чего стала, моя доню
Важенъко взыхати...¹⁾.

Еще болѣе реальный фактъ: губительное вліяніе смерти тѣмъ болѣе разрушаетъ внутренній міръ бѣдного человѣка, чѣмъ ужаснѣе жертва смерти; понятно будетъ функция уменьшительного суффикса въ словѣ *смеретьшика*, если принять въ соображеніе, что человѣкъ готовъ вступить съ нею въ сдѣлку; онъ величаетъ ее ласковыми именами, предлагаетъ ей взамѣнъ любимаго существа, отнимаемаго ею, все, что ей угодно: скотину, коня, золотую казну²⁾). Съ другой стороны очевидно, форма „смеретьшика“ застыла, такъ сказать, не отвѣчая своему назначенію, когда она уже ушла безвозвратно, унесши свою жертву. Еще примѣръ: замыканіе ласкательными именами объясняетъ естественность функций уменьшительного суффикса, когда, напримѣръ, старики „царства сорочинскаго“ собираютъ сходку при появлении богатыря Саула Леванидовича:

Есть у насъ братцы, *полоненочекъ, затюремищечъ,*
Поплемъ мы его напротивъ силы.....
Ты гой еси, *затюремищечъ!..*³⁾.

Но иначе дѣло обстоитъ въ случаяхъ, когда уменьшительные имена принимаютъ характеръ общаго мѣста (ос. сом.), подобный слѣдующему:

Подходитъ (добрый молодецъ...).
Ко своему добруму коню во *буровъкъ,*
косматочкъ, троепѣтъчокъ,
Падаль ему въ правое *конытчеко*⁴⁾.

Повторяясь каждый разъ, когда заходить рѣчь о конѣ, отрывокъ получаетъ характеръ общаго мѣста, какими изобилуетъ народная поэзія, и не чувствуется болѣе никакой близости между конемъ и его владѣльцемъ.

Есть у меня да еще бурушка,

¹⁾ Ib., 225.

²⁾ Барсукъ, Прочит. Сѣв. Края. Стр. XI.

³⁾ Кирпьевский, Нѣски, III, 113—116.

⁴⁾ Кирилл Д. 38.

Есть у меня да каурушка,
Трехъ годовъ жеребушечка,
Маленький касматенький...
Копытечки по рѣшеточку ¹⁾...

могло бы еще выражать субъективное отношение къ коню, когда имъ хвастается герой (Ив. Гостинный сынъ); могло бы представить субъективное отношение и въ случаяхъ, когда герой кланяется своему коню „во правое копытечко“, прося его сослужить службу; но вполнѣстирается значение уменьшительного суффикса, когда оказывается, что онъ примѣненъ къ коню „косматому“, „старому“. Мы ниже увидимъ, до чѣго доходитъ несоответствіе между значеніемъ (содержаніемъ) и формою, а пока замѣтимъ, что все зависитъ отъ наличности пониманія разсказчикомъ того, что разсказывается; а что весьма часто разсказываемое не понимается — фактъ общеизвѣстный.

Ласка очевидна, когда заходить рѣчь обо всемъ, что имѣеть отношеніе къ любимому лицу:

Гдѣ мой миленький гудаль,
И слѣдоchenки скрываѣтъ
Оть слѣдоchenки скрываѣтъ ^{2).}

Употребленіе уменьшительныхъ суффиксовъ въ данномъ примѣрѣ показываетъ несомнѣнно и психологическую связь между „миленькимъ“ и „слѣдоchenками“, и повторяется въ однородныхъ случаяхъ — съ постоянствомъ.

То же можно сказать и относительно поэтическихъ параллелей, въ изобилии встрѣчающихся въ поэзіи, излюбленныхъ особенно малороссийской поэзіею. Полагаю, не будетъ ошибки, если при этомъ отмѣчу, что предметъ, съ которымъ изображаемый предметъ сравнивается, по психологической необходимости требуетъ уменьшительного, своего рода психологического согласованія по такому, напр., образцу:

Ой що вишенька, що черешенька
Вінімъ цвітомъ цвіла,
Наша Марусенька съ бабусею
Хорошенько жила ^{3).}

Но:

Виконаю храниченку въ степу, въ кремені,
Чи не приайде дівчинонъка по воду къ мані?

¹⁾ Кирьевский, III.

²⁾ Соболевский, Вѣр. п. I, 108.

³⁾ Труды экспедиції въ пр., IV, 14 стр.

Когда ожиданія возлюбленного не исполнилось, пѣсня поетъ:

Та вже съ тіі криниченьки орли воду пьуть,
Та вже мою дівчиноньку иѣшь шлюбу (вѣнецъ) ведутъ..

И здѣсь вопросъ сводится къ тому, насколько переживается образъ, насколько вносится въ произведение слова (въ цѣломъ, или отрывкѣ) лиризма субъективнаго, насколько оно не превратилось въ формулу, мертвую схему. Послѣднее возможно и вѣроятно въ только что приведенномъ второмъ образцѣ, такъ какъ утеряна связь представленій между испаніемъ воды изъ колодца и любовью, такое забвеніе замѣчается особенно рѣзко въ бѣлорусской поэзіи, отчасти въ великорусской.

Есть формы уменьшительныя, которыхъ кажутся вѣчно живыми, не способными окаменѣть. Это уменьшительныя формы глагольныя, которыхъ известны почти только русскому языку (малорусскому-бѣлорусскому) въ родѣ: *істонъки, спатонъки, питонъки, лежатонъки* и т. п. Считаю ихъ способными выражать всегда наличность ласки потому, что эти уменьшительныя глаголы употребляются *почти единственно* въ народной рѣчи въ примѣненіи къ дѣтямъ, къ милымъ, малымъ. Въ массѣ случаевъ съ такимъ значеніемъ я могъ найти лишь нѣсколько примѣровъ не такого соотвѣтствія:

Велю старцу у келенъції жити
Велю старцу істонъкі носити¹⁾...

или въ свадебной (когда „дружка“ ведеть „молодыхъ“ въ комору):

„Не хочу я істонъки да питонъки,
Бо вже тіло спатонъки схілко“²⁾.

Но обыкновенно какъ уже отмѣчено, указанныя формы употребляются, когда идетъ рѣчь о дѣтяхъ и дѣтинашахъ, по образцу;

„Дѣтънъки плачущъ, юсциньки хочущъ“³⁾

или:

Чаго-жъ ты юшечка, плачешь,
Ци пицьки, ци юсциньки хочешь...⁴⁾

Бываютъ случаи употребленія глагола въ уменьшительной формѣ,

¹⁾ Изъ сборника Метлинского, 359—360, запис. въ Гадачѣ, см. *Варенцовъ*, 247.

²⁾ Труды экспедиціи и пр., т. IV, 436.

³⁾ Зап. геогр. общ., V, 538.

⁴⁾ Ib., 306.

когда съ дѣйствиемъ связано представление о чмъ то радостномъ, счастливомъ:

Мои люби вечерниченьки
Вже ж бо по вас неходитонъки ¹⁾

По Биленштейну ²⁾ въ латышскомъ есть форма неопределеннаго наклоненія съ уменьшительнымъ суффиксомъ *t—in* или *in*, но встрѣчающаяся въ настоящее время рѣдко, при односложныхъ глаголахъ: *bes—in*, бѣжать, *sauz—in* звать, и нѣкот. др. и въ такомъ случаѣ они соотвѣтствуютъ нашимъ *зватонъки*, *блѣжатонъки*; *i—l—in* *ходитонъки* и т. п. ³⁾). Принимая во вниманіе изчезновеніе этихъ формъ въ латышскомъ языке и совершенное ихъ отсутствіе въ другихъ языкахъ, слѣдуетъ уменьшительную форму глагольную считать чисто русскою особенностью, русской народной только рѣчи, такъ какъ литературный языкъ не знаетъ этой формы вовсе. Оттѣнками значенія эта форма бѣдна, и все содержаніе сводится къ нѣкоторой степени ласки, нѣжности, вызываемыхъ большою частью не самимъ дѣйствиемъ, а лицомъ, къ которому дѣйствіе относится. Въ этомъ его отличие отъ имени, которое заключаетъ въ самомъ себѣ нѣчто вызывающее ласковое, нѣжное и т. п. Только въ чешскомъ еще весьма рѣдко слышатся формы, какъ *drimati—drimkati*, *hladiti—hladkati*, *du-pati—dupkati* и т. д. ⁴⁾)

О послѣднемъ мы уже говорили. Необходимо сказать еще нѣсколько словъ относительно именъ прилагательныхъ. Оригинальны въ русскомъ языке случаи:

Во-первыхъ, когда вмѣстъ съ предметомъ подвергается уменьшению и признакъ предмета, когда притомъ подобная уменьшенія не кажутся странными только потому, что къ нимъ ухо привыкло; само по себѣ это уменьшеніе составляеть nonsens:

На ножкахъ сапожки сафьяненъки...
На головушкѣ шапонъки пуховенъки... ⁵⁾.

И такимъ же образомъ: „братіку мій рідненъкии, голубоньку си-

¹⁾ Головацкий, II, 628.

²⁾ „Die lettische Sprache“, § 461.

³⁾ Ib., срав. § 235 и § 461.

⁴⁾ Jicha, o zdrobnѣlych и пр.

⁵⁾ Гильбердингъ, 1830.

венькии¹⁾, Марусенька молоденька²⁾ слізоньки дрібненъки, оченьки харенъкии³⁾, чарочка повненъка, горилочка солоденька⁴⁾ и т. д. Въ этихъ формахъ нѣть ничего, кроме формы, т. е. съ ними не связывается содержаніе, отличное отъ прилагательныхъ безъ уменьшительныхъ суффиксовъ; они рѣзко отличаются отъ другихъ, съ особымъ характеромъ, о которыхъ рѣчь ниже.

Во-вторыхъ, когда вместо предмета подвергается уменьшению одинъ изъ признаковъ его, большою частю наиболѣе выдающейся, преобладающій (съ точки зренія говорящаго), ставшій эпитетомъ:

Ой бо вже я иду...
Та вже лѣсомъ зелененъкимъ
Та й зъ турчиномъ молоденъкимъ⁵⁾
Есть у мене кінь вороненъкій
Перескочить той хмизъ зелененъкій⁶⁾

и т. д., гдѣ „вороненъкій“, „зелененъкій“ не то-же, что напр., „блѣленъкій“, „черненъкій“ въ смыслѣ „блѣловатый“, „черноватый“, и не тоже, что формы, какъ красненъкій, синенъкій и пр. въ соотвѣтствіи съ нѣмецкимъ „etwas weiss“, weisslich, франц.: *blanchatre, verdatre* и пр. или, напримѣръ:

Tantôs rouyé, tantôs palette
Cen cops tu cambiès de conlou...⁷⁾
(т. е. tantôt rouge tantôt pale,
Cent fois tu changeas de couleur)

или:

Et dé sa gorye enflayradette
Qué sort ūe pièle dé perpits,⁸⁾
(т. е. et de sa gorge embaumée sortent une foule d'agaceries).

Порусски переводимо „palette“—блѣднешенька,—но не перевести „enflayradette“.

¹⁾ Метлинскій, 356.

²⁾ Ib., 139.

³⁾ Ib., 163.

⁴⁾ Ib., 201.

⁵⁾ Головацкій, Народ. пѣс. гал. и угр. Россіи, I, 22.

⁶⁾ Потебня, Зап. изъ рус. Гр. III, 365.

Жіргужел!

Іўберерѣ!

«Коникъ, черногнѣденъкій!» см. Юшкевичъ, Литов. народ. п., стр. 9.

⁷⁾ Chansons et airs populaires du Béarn, par Fr. Rivarès, 1844, 23.

⁸⁾ Ib., 16.

Послѣдняя категорія прилагательныхъ связана съ извѣстнымъ содержаніемъ,—первая—пѣть, и образовалась очевидно единственно или по требованію ритма (и риѳмы) или по требованію привычки. Они напоминаютъ тѣ прилагательные въ латинскомъ языкѣ, которыя снабжены уменьшительными суффиксами, и которыхъ не всегда переводимы на русскій: *aureola oratiuncula*, *aureolus libelus*, *aureolus anellus*, *argenteola sicilicula*, *bellus pullulus rusticulus libellus*, *sordidulus servulus*¹⁾; золотенький еще иногда возможно, а „*argenteola*“, „*rusticulus*“ не передаваемы по русски.

По аналогіи съ уменьшительными ласкательными именъ прилагательныхъ, глаголовъ, существительныхъ, образуются и нарѣчія въ родѣ: *ничевошенько*, *каковенько* („каковенько“ поживаєте)²⁾ *такички*³⁾ *теперечки*⁴⁾, *стольчко*.

Напимъ „ничевошенько“, „таконько“ и пр. соотвѣтствуетъ употребленіе въ вѣмецкомъ просторѣчіи: *Guten Tägchen* (не то что „денекъ“), *Du-chen*, *Was-chen*; нашему „стольчко“—латинское *tantulus*, *quantulus* и др.⁵⁾. Въ соотвѣтствіи съ русскими уменьшительными нарѣчіями встречаются нарѣчія и въ латинскомъ языкѣ: *candidule*, *longule*, *pressule*, и двойнымъ уменьшительнымъ суффиксомъ *bellule* (у Плавта особенно, и у Теренція). Нечего говорить о нарѣчіяхъ, образующихся изъ именъ прилагательныхъ (сред. рода); *teliuscule* (у Цицерона) *zascricule* и др. Нарѣчій много и въ румынскомъ языкѣ, въ которомъ уменьшительный суффиксъ выражаетъ часто качество въ меньшей

¹⁾ Kessler, de dimin. lat. 4. Въ свою очередь употребляются уменьш. суф. существительныхъ ис поддающихся уменьшению въ русск. яз.: *aetatula* въ выражении (Cic. Fin. V, 20, 55): *Facile est hoc cernere in primis puerorum aetatulis*; Apul. Apol. p. 4 scilicet ut obtentu ejus actatulae ipse insimulationis falsae non plecteretur и т. п. (см. Aug. Mueller, De demin. 37) *praediolum*, *diversiolum*, *civitatula*, *ambulantiuncula* (I. c. 48, 49, 50) *aureolus* (Ib. 62). *Gloriola*—ein Bisschen Ruhm (Cic. Fam. 5, 12; Einladungsprogramm Hildburghausen, 1869), *specula* ein. Bisschen Hoffnung (I. c. 2, 16), *ottolum*, ein Bisschen Musse (I. c. 8, 3, см. Einlad. Hildburg. стр. 1). Еще болѣе замѣчательно употребление уменьшительныхъ напр. въ словахъ *accentiuncula*, (вѣкоторая степень удара) *audiunciula* (небольшая лекція), *commotiuncula* (ѣкоторое недомоганіе), *contestatiuncula* (небольшая рѣчь), *interrogatiuncula* (вопросительное предложеніе) и т. п. всего чаще у Цицерона (см. Kessler, I. c. 15); изъ подобныхъ словъ весьма немногіе поддаются переводу, такъ *sermunculus* передается лишь приблизительно русскимъ „бесѣдушка“ (собесѣданіе).

²⁾ Максимъ Горкій, 1901, т. III, 157, изд. „Знанія“.

³⁾ Труды и пр. IV, 54.

⁴⁾ Ib., 55.

⁵⁾ Чрезвычайно интересные случаи у Grimm's Deutsche Gram. 1831, III, 664—704.

Степени, т. е. „не совсѣмъ то, что выражено положительюю степенью, и соотвѣтствуетъ нашему прилагательному съ суффиксомъ, *вато, ато*: какъ *маловато caldut*, менѣе чѣмъ тепло, („тешенько“), а вмѣстѣ и ласку.¹⁾). Въ литовскомъ уменьшительнымъ на—*ókas* и—*intelis*: соотвѣтствуютъ нашимъ—*вато* со значеніемъ яѣмецкаго *ziemlich*:—*silpnokas*—слабовато (*silpnas*—слабо), *saldókas*, сладковато (*saldus*—сладко); *piln-intelis*—полненько (*ziemlich voll*)²⁾.

На сравненіе способовъ употребленія уменьшительныхъ суффиксовъ въ указанныхъ значеніяхъ просятся способы употребленія этихъ суффиксовъ въ другихъ языкахъ; всего болѣе они развиты въ румынскомъ языкѣ со значеніемъ ласки, какъ въ существительныхъ именахъ, такъ и въ прилагательныхъ: дѣвушка говорить своему милому *bădită*, ребенокъ своей матери—*mătîsa*,—и суффиксы *ită* и *ică* выражаютъ только любовь; въ „*si unde-i trase Ruminasul tîien tiganiul o sfîntă de bătaie*“ подъ „*Ruminas*“ никакимъ образомъ нельзя понимать маленькаго румына, а милаго, симпатичнаго разскажику человѣка“³⁾). Codreanu представляетъ въ народныхъ пѣсняхъ типъ ужаснаго разбойника, но народъ его любить за то что онъ грабить помѣщиковъ, угнетающихъ крестьянъ, и тамъ, где изображается борьба между Кодреану и полицейскимъ, первый представленъ красивымъ, огромнаго роста, а когда пуля поранила его, пѣсня говоритъ:

„*pe Codrenas mî-l gânca*“,

гдѣ уменьшительнымъ суффиксомъ выражено сочувствие къ нему съ стороны пѣсни⁴⁾); здѣсь значеніе не такое, какое въ русскихъ пѣсняхъ связывается съ формами: „райзбайничекъ“, „разбойнички“ и т. п. (о чёмъ см. ниже). Довольно распространенное явленіе въ румынскомъ языкѣ уменьшительного суффикса при именахъ прилагательныхъ: отъ *mic*, малый *mic-ut*, *mic-sor*, *mic-utel*, *mit-itel*, которое соотвѣтствуютъ нашему „маленький“, „махонький“, „малосенький“, значеніемъ ласкательнѣй, нѣмец. „*niedlich*“⁵⁾.

Народный эпосъ другихъ романскихъ народностей знаетъ подобныя же формы именъ существительныхъ, прилагательныхъ, даже мѣстоиме-

¹⁾ Puscariu, die rumän. dimin. 96, 97.

²⁾ Schleicher, Lehrb. d. lit. Sprache I, 132, § 56.

³⁾ Achter Jahresbericht d. Instituts für Rumän. Sprache, Prof. Gust. Weigand статья Sextil Puscariu, стр. 91.

⁴⁾ Ib.

⁵⁾ Ib., стр. 96.

ній (наше одиеншенькій). Привожу иѣсколько образцовъ изъ сборника, ставшаго библиографической рѣдкостью, очень цѣнного, ввиду бѣдности образцовъ въ литературѣ вопроса.

Si aquère *bergerette*
 Nou'm abé counsoulat,
 Quoan la troubéy *soulette*
 Moun sort ère acabat
 (Si cette bergère—Ne m'avait consolé,—Quand
 Je la trouvai seul,—Mon sort était terminé) ¹⁾.
 Adiù douncques, *pastourette*
 Ingrate, chens nade amou,
 Nou heyran plus sus *l'herbette*,
 Lou mé troupet dab lou tou

(дословно: adieu donc, berger, — ingrate, sans nul amour — On ne verra plus sur l'herbette—Mon troupeau avec le tien) ²⁾.

Berouyne, *charmantine*,
 Berouyne, lou mé sou
 Perqué'n as tu tan de rigou
 Douce *amourine*

(Belle, charmante,—Belle, mon soleil!—Pourquoi as-tu tant de rigueur—Douce amie...) ³⁾.

En broustan aquestes flous,
 You qué'p léchi *soulettes*.
 (Pendant que vous broutez ces fleurs
 Je vous laisse seules...)
 Nou bos yamey aüdi, *houlette*
 Lou lengatyé dé moun amou...
 (Ne veux-tu jamais entendre, petite folle
 le langage de mon amour) ⁴⁾,
 Tantôs rouyé, tantôs *pallette*
 Cen cope tu cambies de coniou
 Et puch, dé ta douce *manette*
 Reepoussales l'urous paston,

(Tantôt rouge, tantôt pale—Cent fois tu changeas de couleur;—Et puis, de ta douce main—Tu repoussais l'hereux pasteur) ⁵⁾.

¹⁾ Fr Rivarès, Chansons et aires populaires du Béarn, 1844, стр. 66.

²⁾ Ib., 12.

³⁾ Ib., 21.

⁴⁾ Ib., 23.

⁵⁾ Ib.

Ta bouts tendre et douette,
Urous rousiignouéti,
Nou charme plus Annette,
Despuch qui mey n'eü bet

(Ta voix tendre et douce, — Heureux rossignol, — Ne charme plus Annette, Depuis qu'elle ne le voit plus) ¹⁾.

Французские писатели въ исключительныхъ случаяхъ пользовались народной рѣчью въ указанномъ смыслѣ. Только Раблэ, заставляя рекомендовать красивыхъ дѣвушекъ, употребляетъ; „filles... saffretes, blondelettes, doulcettes...“

Изъ языковъ не индо-европейской семьи замѣчательнымъ богатствомъ уменьшительныхъ суффиксовъ въ формальномъ отношеніи отличаются языки зырянский и вотяцкій ²⁾. Въ первомъ:

1.—*gol*: *lęz-gol* (*lęz*—синий) = синенький = синеватый; *ul'-gol* (*ul'* сырой) = сыроватенький, etwas feucht.

2.—*gęm*: *kuz-gęm* (*kuz*—длинный) = длиненький, длинноватый.

3.—*ik*: *nebid'-ik* (*nebid*, мягкий) = мягенький; *šonidik* (*šonid* теплый)—теплененький.

4.—*ińik* (= *in + ik*): *jos-ińik* (*jos*, остріе, острый), остренький остроумненъкій, *łabiničik* (*łab*, слабый) слабенький, нѣжненъкій; *tom-ińik* (*tom*. молодой)—молодешенъкій.

5.—*indzi*: *koknińdzi* (*kokni*, легкій), легонький, *tom-ińdz*, молоденъкій.

6.—*ińęgi* (= *iń + ęgi*): *ai-ińęgi* (*ai*, отецъ), батюшка, *mam-ińęgi*, матушка.

7.—*anęgi* (= *an + ei*): съ тѣмъ же значеніемъ.

8.—*ka*: *aika*—(*ai*—отецъ), свекорекъ.

9.—*ok*, *ek*, *uk*: *bed-ök* (*bed'*, палка), палочка, *dod'-ok* (*dod'* сани) саночки—вѣроятно подъ вліяніемъ русск. *охъ*.

10.—*al* (*el*) *gępol* (*gęb*, яма), ямочка ³⁾. Иные изъ нихъ свойственны и вотяцкому языку.

I. Мандельштамъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Ib., 76.

²⁾ Любезному указанію д-ра Вихмана, доцента Гельсингфорского университета я обязанъ даннымиъ этими.

³⁾ Gram. d. Suryjanischen Spr. mit Berücksichtigung d. wotjakischen v. F. I. Wideman, Petersb. 1884.

ЭТЮДЫ О КАРЛЪ ВЕЛИКОМЪ¹⁾.

Церковно-патриархальные мотивы въ государствѣ Карла.

У насъ сохранилась масса посланий того времени, въ которыхъ рисуется идеальная жизнь, идеальные отношения въ монастырѣ. — Въ основании лежать общая любовь и „миръ“ (общая гармонія)²⁾. Сообразно съ этимъ тамъ нѣтъ властующихъ и подчиненныхъ, есть только „seniores“ и „iuniores“, „patres“ и ихъ возлюбленные „filii“; обязанности „seniores“ состоять въ „ammonitio“, „bona exemplia“ и, если нужно, въ „castigatio“; обязанности „filii“ обнимаются однимъ только требованиемъ — „послушаніемъ“³⁾.

Совершенный сколокъ съ этой монастырской жизни въ идеалѣ мы

¹⁾ Окончаніе. См. *Журналъ Министерства Народного Просвещенія*, 1903 годъ, май.

²⁾ Попученіе Алкуина монахамъ (Jaffé, VI, p. 797): concordia, pacis unanimitas, caritas. См. и слѣд. прим. Относительно этихъ же основныхъ элементовъ въ государствѣ см. ниже.

³⁾ Алкуинъ (Jaffé, VI, p. 262): caritas, oboedientia, humilitas; (p. 263): Vos vero seniores... iuniores vestros admonete, quia.... illorum eruditio vestra est remuneratio (salus)... Habete aduliscentes quasi filios; quatenus illi vos habeant ut patres. Exemplis bonis illos instruite, ammonete ut carissimos, castigate ut conservos. Quia haec est fraterna caritas, ut omnes quasi vosmet ipsos ad coronam supernae beatitudinis perducere studeatis (та же конечная цѣль и у государства, см. ниже). Ib., p. 341: pacem et concordiam ex intimo cordis affectu inter vos habete. Quia nihil sine pace Deo placet.... Seniores in spiritu mansuetudinis quasi filios admoneant adolescentes. Sed illi praecepta patrum quasi divinitus data... perficiant. То же Ib., p. 658: seniores — adulescentuli — patres — filii — docere — oboedire; p. 830: seniores — iuniores — filii — patres — oboedire — ammonere. Карлъ рекомендуетъ одному аббату — „paterna ammonitio“, „pastoralis baculus“. (Jaffé, IV, p. 370).

имѣемъ въ представленихъ того времени обѣ идеальной внутренней государственной жизни, причемъ особенно вѣско то обстоятельство, что представление это находитъ себѣ выраженіе не только въ письмахъ частныхъ лицъ, большую частью духовныхъ, но и въ письмахъ государей и даже въ офиціальныхъ бумагахъ. — Государство также распадается на „seniores“ и „iuniores“, на „patres“ и „filii“ ¹⁾). Каждый властъ имущій является въ качествѣ „pater“, „senior“ по отношеніи къ подвластнымъ, и общимъ „pater“ является, конечно, государь, такъ что это прозвище въ примѣненіи къ государю ²⁾) не просто риторическое украшеніе или комплиментъ. Обязанности „старшихъ“, властей, особенно высшей власти, мы уже разсмотрѣли ³⁾) и можемъ еще только отмѣтить, что они соответствуютъ обязанностямъ и общественныхъ и специальнно-монастырскихъ властей; что же касается обязанностей „младшихъ“, подвластныхъ, то онѣ, конечно, состоять въ „oboedientia“, въ любовномъ послушаніи и исполненіи приказаний „отцовъ“.

Таковы полу-церковныя, полу-патріархальныя воззрѣнія того времени. — Сдѣлаемъ еще нѣсколько добавленій къ только что полученному положенію.

¹⁾ Cap. miss. gen. 802, c. 25. (Bor. I, p. 96): Ut comites et centenarii ad omnem iustitiam conpellent et iuniores tales in ministeriis suis habent, ut.... Cap. miss. Aquisgr. 810 prim., c. 17 (Bor, I, p. 153): Ut unusquisque suos iuniores distingat, ut melius ac melius oboediant et consentiant mandatis et praeceptis imperialibus. Missi cuiusd. ammon. (Bor, I, pp. 239, 240): миссъ все время обращается къ присутствующимъ на его „placitum“—„fratres dilectissimi“. Письмо двухъ миссовъ къ графу (Jaffé, IV, p. 418): „tam vos ipsi quamque omnes iuniores seu pagenses vestri... Ажунинъ Арнову (Jaffé, VI, p. 513): Populo quoque... praedica instanter verbum Dei. Ostende illis viam salutis... Uni cuique secundum suae conditionis vel personae modum hortamenta ingere: potestatibus et iudicibus iustitiam et misericordiam, iunioribus oboedientiam, humilitatem et fidem in senioribus; omnibus aequitatem, caritatem Dei et proximi. Ажунинъ еп. Равенберг (Ib., pp. 732, 733): „vestri iuniores“—слуги въ житии его епархии. Theg. V. Hlud. с. 6. Карлъ поучаетъ Людовика: sacerdotes honorare ut patres, populum diligere ut filios...

²⁾ Дунгаль Карлу (Jaffé, VI, p. 401): optime domine, et non tantum optime domine, sed et piissime atque amantissime pater. Трактатъ Лейбрада (Ib., p. 412).. non tam imperiali quam paterna ammonitione. Стихотворное посвященіе Ільва Діакона:

Ampla mihi vestro est humili devotio servo
Praeceptis parere tuis, celleberrime regum
Quem dedit omnireans rector miseratus ab altis
Christicolum populis defensoremque patremque. (Jaffé, VI.p. 374 N).

³⁾ См. чай стр. 36 и слѣд.

При чисто церковномъ оттѣнкѣ власти, конечно, и многія проявленія этой власти должны носить болѣе или менѣе сакральный отпечатокъ. Нечего поэтому удивляться ¹⁾, что власть эта прибѣгаетъ иногда къ чрезвычайно страннымъ, на нашъ взглядъ, премамъ, напримѣрь, къ наложенію поста или эпитетія за разные проступки, особенно за несвоевременную явку при наборѣ ²⁾.

Легко объясняются эпитетіи, относящіяся къ набору и войнѣ. Война вѣдь, въ данномъ случаѣ, ведется съ язычниками, а подобныя войны были священными предприятиями, во славу Бога ³⁾, предприятиями, къ которымъ воины готовились постомъ и молитвой ⁴⁾, въ которыхъ нерѣдко, въ видѣ молельщиковъ, принимала участіе масса духовенства ⁵⁾ и для заступничества возились съ собой моши ⁶⁾. Борьба съ „невѣрными“ имѣла совершенно определенный смыслъ для того времени, это — борьба съ приспѣшниками дьявола, съ самимъ дьяволомъ, ненавистникомъ правой вѣры и правовѣрныхъ. Понятно поэтому, что неявка на подобное дѣло считалась нерадѣніемъ къ тѣрпѣ и какъ таковое наказывалось церковными карами; понятно также, что равнымъ образомъ карался и всякий неблаговидный поступокъ во время этого священнаго предприятия, оскорблявшій общее благочестивое настроеніе.

Но церковный отпечатокъ виденъ не только при такомъ, все-же специальному, случаѣ; его мы находимъ и въ болѣе общемъ и важномъ явленіи — въ тогдашнемъ взглядаѣ на сущность преступлений. Понятіе преступлений, правонарушенія усложнилось еще понятіемъ грѣха. Всякое преступленіе есть результатъ грѣха ⁷⁾, всякое преступ-

¹⁾ Waitz, IV, p. 583.

²⁾ Cap. Bonon, 811, c. 3. (Bor. I, p. 166): *Quicumque homo... in hostem bannitus fuerit et ad condicatum placitum non venerit, quod diebus post placitum condicatum venisse conprobatus fuerit, tot diebus abstineat a carna et vino*, с. 6..: *qui-
cunque in exercitu ebrini inventus fuerit, ita excommunicetur, ut in bibendo sola aqua
utatur, quo usque male fecisse cognoscatur.* Cap. de vill., c. 16. (Bor., I. p. 84): *Кто
изъ королевскихъ чиновниковъ, специально „iudex“, не исполнить приказанія короля
(или королевы), тотъ, „a potu vel carne se abstineat“ до оправданія или наказанія.*

³⁾ См. май стр. 79.

⁴⁾ Напримеръ, предъ Аварскимъ походомъ въ 791 г. Ann. Mett.; Ann. Fuld.

⁵⁾ При Саксонскихъ походахъ. V. Sturmii, с. 22.

⁶⁾ Mirac. s. Dionysii, I, с. 20. (Bouquet, V): *Карль велѣть аббату ити въ Сак-
сонскій походъ. „Hic (аббатъ) pignora beatorum martyrum secum ferri fecerat....
Кеттереръ, р. 90, упоминаетъ при подобномъ случаѣ „Reliquien der Heiligen“, но не
приводитъ ссылокъ.*

⁷⁾ См. Журн. Мих. Нар. Прес. 1902, декабрь, стр. 365, Трактать Лейдрада.

ление есть грѣхъ¹⁾ и, наоборотъ, всякий грѣхъ есть преступленіе, преступленіе уже потому, что можетъ навлечь гнѣвъ Божій на все государство²⁾.

Высшій законъ — Божій, внутренній законъ, которому всѣ христиане при всѣхъ вопросахъ и во всѣхъ положеніяхъ одинаково должны подчиниться. Въ составѣ каждого преступленія находятся по этому два элемента: нарушение Божіяго закона и закона государственного. Сообразно съ этимъ и наказаніе, преслѣдованіе такого преступленія тоже двоякое: епископъ долженъ увещевать преступника, представить ему всю *тѣхнность* его поступка, графъ — наказывать, показать всю *незаконность* его дѣянія³⁾. Сообразно съ этимъ пониманіемъ иногда прокрадывалась и соответствующая терминология: „наказаніе“ очень рельефно замѣнено вѣтхозавѣтнымъ „*ultio*“⁴⁾.

Остановимся на третьемъ, еще болѣе любопытномъ явленіи, ко-

¹⁾ Cap. miss. gen. 802, cc. 32, 33, 37. (Bog., I, pp. 97, 98). Только съ точки зѣнія преступленіе-грѣхъ объясняется то обстоятельство, что въ Cap. de part. Sax. c. 14. (Bog., I, p. 69.) человѣкъ, совершившій преступленіе (вногда очень тяжкое, какъ — убийство, ограбленіе, увозъ и т. п. см. cc. 2—13) наказуемое смертью, „si ad sacerdotem configerit et confessione data ageri poenitentiam voluerit, testimonio sacerdotis de morte excusatur.“

²⁾ Неплатежъ десятины — грѣхъ, но десятина имѣть еще чрезвычайно важное государственное значеніе, (см. *ямарь*, стр. 334, пр. 3), поэтому ея неплатежъ наказуется не только церковью, но и государствомъ. См. Cap. de reb. eccles, c. c. 3, 4. (Bog., I, p. 186), Cap. Mant. sec. c. 8. (Ib., p. 197). Этимъ соображеніемъ объясняется и смертная казнь за уклоненіе отъ поста въ новообращенной Саксоніи (Cap. de part. Sax. c. 4; Bog., I, p. 68). Саксонія вѣдь въ особомъ положеніи. Уклоненіе отъ поста — уклоненіе отъ христіанства, а это въ свою очередь — отпаденію, иатежу (см. ниже, стр. 82).

³⁾ Cap. cum epp. langob. delib. c. 8 (Bog., I, p. 189): *De homicidiis et periuriis sacrilegis et falsis testimoniis, et hoc quod nefandum et contrarium sacris canonis esse videtur: ut hoc pleniter per vestram (епископовъ) voluntatem et per iudicium comitis emendatum fiat.* Объ активной роли епископовъ на судѣ, а также въ предупрежденіи преступленій см. мой стр. 91, прим. 3.

⁴⁾ Cap. miss. gen. 802, c. 17, (Bog., I, p. 95): *Certo si amplius quid tale ad aures nostras pertineret, non solum in eos, sed etiam in ceteris, qui in talia consentiant, talem ultionem facimus, ut nullus christianus qui hoc audierit, nullatenus tale quid perpetrare amplius presumpserit.* c. 40:.. ubi autem aliquid *in ultim* esse credimus, sic ad emendandum omni studio et voluntate certamen habeamus... ad nostra eterna mercedem et omnium fidelium nostrorum. Катгульфъ въ своемъ посланіи къ Карлу (Jaffé, IV, p. 340): „minister Dei es in his omnibus (въ преступленіяхъ пороковъ и преступленій) et *vindex*. — Интересно и вѣдѣніе общихъ возвращай на вѣнчаную стопку, на изложеніе запрещеній и законовъ: напримѣръ, с. 4. Cap. miss. gen. 802. (Bog., I, p. 92) сильно напоминаетъ по формѣ X заповѣдь.

торое опять-таки представляетъ изъ себя борьбу за чистоту христіанства, т. е. борьбу противъ дьявола, какъ источника вслѣхъ золъ.—Главной мыслью Опроса 810—11 г. было, какъ мы видѣли, упорядоченіе и детальное выясненіе борьбы съ дьяволомъ и „всѣми дѣлами его“ съ точки зрѣнія чисто государственной пользы. Та же самая точка зрѣнія, какъ это ни странно на первый взглядъ, направляла всю пресловутую школьно-образовательную дѣятельность Карла. Этой, безусловно интересной, дѣятельности Карла посвящена подавляющая масса монографій и экскурсій, но нигдѣ съ такой ясностью не выступаютъ идеализація и модернизациія предмета, а также вырываніе одного явленія изъ общей суммы всѣхъ остальныхъ явленій. Въ изслѣдованіе такъ или иначе вносились посторонніе элементы, которыхъ приходилось насильно связывать и комбинировать съ краткими и подчасъ рѣзкими документальными фактами, и въ результатѣ получился цѣлый рядъ противорѣчій, недомолвокъ, натанутостей¹⁾.

А между тѣмъ „школьный вопросъ“ при Карлѣ имѣть вполнѣ опредѣленныя окраску и цѣль: онь тѣснѣйшимъ образомъ примыкаль тому всеобщему учительству, которое вмѣнялось въ обязанность каждому „христіанину“ по отношенію къ его „iuniores“ и „filii“.—Лю-

¹⁾ Warnkoenig et Gerard, I, pp. 358, 360 сильно идеализируютъ „les bienfaits de l'enseignement“, понимая подъ этимъ стремленіе къ всеобщему какъ-бы обученію, хотя р. 371 имъ и приходится сознаться въ исключительной церковности этого дѣла и исключительно религіозныхъ его цѣляхъ. Werner, pp. 34 sq., посвящаетъ отдельную главу заботамъ Карла „zur Hebung und Veralggemeinerung des Unterrichtswesens im frânsischen Reich“. Ranke, V, 2 pp. 168, 169: школы то для однихъ только духовныхъ, то — болѣе широкое значеніе. Specht, („Geschichte des Unterrichtswesens in Deutschland“ 1885) все время хочетъ доказать не только существованіе при Карлѣ мысли о всеобщемъ обученіи, но и реализацію этой мысли (но всѣ приводимые имъ рр. 18, 20, 21, 22, 25 прямѣръ показываютъ, что обученіе было только для клириковъ). Въ заключеніе (р. 30) ему приходится, наконецъ сознаться, что фактически ничего подобнаго не было — „doch muss die bedeutungsvolle Thatsache festgestellt werden, dass im Geiste (?) des grossen Kaisers bereits der Gedanke eines allgemeinen Volksunterrichts mit Schulzwang aufgetaucht war“. — Кроме того Шпехтъ все время безразлично оперируетъ терминами „Volksunterricht“ (въ современномъ смыслѣ слова) и „Kontniss der christlichen Lehre“. (pp. 23, 27, 28). Hauck, II, pp. 172, 174, 176 — подобныя же противорѣчія. — Соответственно чисто современному взгляду на „просвѣщеніе“ чрезъ всю литературу тянется мысль, что главной причиной и первымъ стимуломъ къ заботамъ Карла о „просвѣщеніи“ были его походы и путешествія въ „болѣе культурную“ Италию. — Энергичный отпоръ встрѣтило традиціонное представленіе у проф. А. Вазигина. Журналъ Министерства Народного Просвещенія 1901, ноябрь, p. 158.

бовь двоякая—къ Богу и людямъ; отсюда и двоякая обязанность—послушаніе и оказываніе добра¹⁾). Знаніе двояко—взлюбить Бога и оставить дьявола²⁾). Вотъ тѣ два положенія, какія необходимо имѣть въ виду при разсмотрѣніи „школьной политики“ Карла. Политика эта является, повторяю, частью всеобщаго учительства высшими и знающими низшими и незнающими, вытекающей изъ одного общаго основанія—дѣятельной любви къ ближнему, попеченія объ его духовно-нравственному состояніи, и имѣть вполнѣ опредѣленную цѣль—направить всѣхъ къ истинной любви Бога, къ стѣрому познанію „законовъ“ и требованій Бога. Цѣль школьнаго попеченій не въ „превращеніи франковъ въ аеніянъ“ или „римлянъ“³⁾, а въ превращеніи ихъ, особенно ихъ руководителей (преимущественно духовныхъ)⁴⁾ въ истинныхъ и богоугодныхъ христіанъ. Цѣль эта чисто практическая, утилитарная, и стбить только безъ предубѣжденія пересмотрѣть всѣ относящіяся сюда свѣдѣнія, какъ мы увидимъ, что тутъ нѣтъ мѣста никакой идеализаціи, что тутъ все основано на узко-практическомъ, грубоватомъ „do, ut des“, на желаніи исправить государство такъ, чтобы оно не только не было наказано, но напротивъ—превознесено.

Какова дѣйствительная цѣль Карла?—Въ самомъ знаменитомъ по „школьному“ вопросу капитуляріи самъ Карлъ совершило ясно опредѣляетъ свой чисто утилитарный взглядъ: лучше хорошо поступать, чѣмъ знать, но „все же“ сперва нужно знать, чтобы хорошо

¹⁾ Jaffé, VI, p. 262: *Caritas... duplex... Item oboedientia duplex esse debet: id est mala non facere quae prohibentur, et bona facere quae iubentur.*

²⁾ Ib., p. 823: *duae partes scientiae: una est diabolum relinquere, altera Deum diligere.*

³⁾ Mon. Sang., I, c. 2: „ut moderni Franci antiquis Romanis et Atheniensibus aequarantur“.—Specht, p. 15 въ серьезъ принимаетъ это замѣчаніе! „Новые Аеніны“ встречаются, какъ риторический оборотъ, и у Алкуина, но какъ разъ у Алкуина, душъ всего образовательного движенія при Карлѣ, мы и видимъ, что это—исключительно церковныхъ „Аеніны“.—Алкуинъ Карлу (Jaffé, VI, pp. 449, 450):... si, plurimi inclitum vestrae intentionis studium sequentibus, *forsan* (NB) Athenae nova perficeretur in Francia; immo multo excellentior. Quia haec, Christi domini nobilitata magisterio, omnem academicae exercitationis superat sapientiam. Illa, tantummodo Platonicis erudita disciplinis, septenis informata claruit artibus; haec, etiam, insuper septiformi sancti Spiritus plenitudine ditata, omnipotem saecularis sapientiae excellit dignitatem.

⁴⁾ См. письмо Карла къ какому-то архиепископу объ обученіи духовныхъ Jaffé, IV, ер. 16. (p. 370).

моступать¹⁾). Итакъ, прикладное знаніе, а не знаніе само по себѣ—вотъ главная цѣль. Но тотъ же документъ позволяетъ заглянуть еще глубже: не неграмотности, напримѣръ, боится Карлъ, говоря объ опасностяхъ незнанія, не невѣжества вообще, а непониманія, лже-толкованія, невѣжства въ Писаніи; неважны бы были „ошибки въ словахъ“, если бы изъ нихъ не проис текали опасныя „ошибки въ умахъ“²⁾.

„Mendacia“—не искаженія истины, а непониманіе христіанскаго ученія по авторитетному толкованію самого Карла, „veritas“—не „истина“, а Писаніе, истинная вѣра³⁾, наконецъ „ignorantia“ не „невѣжество“, а разномысліе въ вѣрѣ⁴⁾.

Нельзя, конечно, совершенно отрицать, что при увеличеніи числа мѣстъ для обученія, какихъ бы то ни было школъ вообще, не расширялся и вообще умственный кругозоръ, не проявились кое-гдѣ дѣйствительныя заботы объ обученіи⁵⁾, о наукахъ; но это были

¹⁾ Epist. de litt. col. (Bor., I, p. 79): *quamvis enim melius sit bene facere quam nosse, prius tamen esse nosse quam facere. Epist. gener. (Bor., I, p. 80): Quia curae nobis est, ut nostrarum ecclesiarum ad meliora semper proficiat status....ad per noscenda studia liberalium artium nostro etiam....invitavimus exemplo.*—Отсюда ясно, что Карлъ подразумѣвалъ подъ „studia liberalia“.

²⁾ Ep. de litt. col.: *factum est, ut timere inciperemus, ne forte, sicut minor erat in scribendo prudentia* (Карлъ получивъ рядъ безграмотныхъ писемъ), *ita quoque in multo minor esset quam recte esse debuisse in sanctarum scripturarum ad intelligendum sapientia. Et bene novimus omnes, quia, quamvis periculosi sint errores verborum, multo periculosiores sunt errores sensuum.*—*Quamobrem hartamus vos litterarum studia non solum non negligere, verum etiam humillima a Deo placa intentione ad hoc certatum discere, ut facilius et rectius divinarum scripturarum mysteria valeatis penetrare....Admon. gen. 789, c. 72. (Bor., I, p. 60): Ut scolae legentium puerorum fiant. Psalms, notas, cantus, compotum, grammaticam....et libros catholicos bene emendate; quia saepe, dum bene aliqui Deum rogare cipiunt, sed per inemendatos libros male rogan.*

³⁾ Ep. de litt. col.: *Nam cum omnibus hominibus vitanda sint mendacia, quando magis illi (т. е. кляврику)... qui ad hoc solummodo probantur electi, ut servire specialiter debeant veritati.*

⁴⁾ Аквинъ Карлу (Jaffé, VI, p. 345):... *ut diligentissime populum....corrigere studeas, et ignorantiae tenebris diu animas obcaecatas ad lumen verae fidei deducere coneris.*

⁵⁾ Напримѣръ, у Теодуляфа Ореалскаго, котораго всѣ исследователи и приводятъ въ примѣръ (см. Specht, p. 25, Hauck. II, p. 176), не оговаривая исключительность этого примѣра.—Отчасти, быть можетъ, и Лейбница, судя по некоторымъ мѣстамъ его отчета Карлу (Jaffé. IV, ep. 42, pp. 417 sq.).—Но зато совершенно неѣть оснований, въ виду одного или, въ лучшемъ случаѣ, двухъ примѣровъ говорить

только крошки съ богатаго стола теологическаго и катехизическаго просвѣщенія, такъ же далеко отстоявшія отъ проведения идеи „всеобщаго обученія“, какъ фантазируютъ иногда новѣйшіе изслѣдователи, какъ и отъ расцвѣта „всякихъ наукъ“, какъ идеализируютъ современники¹⁾.—Наука — служанка богословія²⁾), это примелькавшееся въ средніе вѣка отпредѣленіе совершенно ясно и просто опредѣляетъ отношеніе къ ией и при Карлѣ, когда даже ариетика понимается какъ пропедевтика къ богословію³⁾). Всѣ тѣ многочисленныя увѣщанія Алкуина „устраивать школы“ безъ исключенія имѣютъ виду только борьбу съ дьяволомъ, съ духовнымъ, невѣжествомъ подготовленіе пастырей, правильно толкующихъ Писаніе⁴⁾.

Съ этимъ специальнъмъ назначеніемъ школъ и „науки“ гармонируетъ и составъ учениковъ: всѣ эти школы церковныя, для духовныхъ лицъ и только для нихъ, въ чемъ съ большей или меньшей искренностью и пришло, въ концѣ концовъ, согласиться всѣмъ изслѣдователямъ, даже сторонникамъ абсурдной идеи о „всеобщемъ школьнномъ обученіи“ при Карлѣ⁵⁾.

Но все же попеченіе о школахъ не лишается своего общегосударственного значенія: добрые пастыри—добрье наставы, хорошие учителя—хорошее христіанство въ государствѣ, а это—залогъ всевозможныхъ милостей Бога. Забота о насажденіи богоугоднаго христіанства въ государствѣ, во всей массѣ подданныхъ,—вотъ причина открытия школъ для всякаго рода властей („seniores“), преимущественно духовныхъ, и недаромъ самъ Карль хвалился тѣмъ, что онъ на-

подобно Кеттереру (р. 204):... „Und wie Leidrad⁶⁾, so werden ohne Zweifel (?) auch die meisten (?) anderen Bischöfe des Reiches.... ihre Diözesen verwaltet haben.“

¹⁾ Walafridi Prologus:....regni a Deo sibi commissi nebulosam et ut ita dicam pene cecam latitudinem totuis scientiae nova irradiatione... luminosam reddidit. Poeta Saxo V vv. 231 sq. Ann. Laur. addit. a 787: Et dominus rex Carolus....ubi que studium liberarum expandere iussit.

²⁾ Ея пѣль—„dormientes animos excitare“. Алкуинъ (Jaffé, VI, p. 194, 200).

³⁾ Алкуинъ Карлу (Jaffé, VI, p. 417): Scis optime quam dulcis et in rationibus arithmeticis, quam necessaria ad cognoscendas scripturas divinas.

⁴⁾ Jaffé, VI, pp. 255, 263, 265, 335, 341, 345, 346, 367, 368, 375, 378, 575, 548, 690, 715, 716.

⁵⁾ См. выше стр. 71, пр. I. Интересно отмѣтить зато вполнѣ определенное выражение Линднера (Weltgesch. I, p. 343), что пѣль Карла—„Ausbildung einer tüchtigen Geistlichkeit, и что (р. 345) „der Plan, allgemeine Volksschulen zu errichten,...ihm jedoch nur irrtümlich zugeschrieben.“

садить настоящее христианство и въ Галліи, и въ Германіи, и въ Италии¹⁾.

Подданство и христианство.

Подданные должны быть хорошими христианами, иначе государство взыскивается цѣльмъ рядомъ гибельныхъ Божихъ карь²⁾,—вотъ положеніе, которое находить себѣ любопытное добавленіе и съ другой стороны.—До сихъ порь мы говорили о подданныхъ съ точки зрењія ихъ главной обязанности, въ качествѣ „*filii*“, именно послушанія, коснулись также мимоходомъ одного чрезвычайно важного проявленія этого послушанія—необходимаго и прележаго платежа десятины.—Чрезвычайно же любопытно поставить еще вопросъ: кто эти подданные, каково ихъ общее обозначеніе, помимо патріархально-біблейского термина „*filii*“?

И вотъ мы находимъ, что подданные франкскаго, христианскаго короля, какъ жители христианской страны, какъ, наконецъ, народъ избранный, одни пользуются тѣмъ названіемъ (*populus Dei*, *populus christianus*)³⁾, какимъ, обыкновенно, обнимается *все* христианство во-

¹⁾ *Libri Carol.* (отрывокъ у Jaffé VI, p. 224): „non solum omnium Galliarum provinciae, et Germania, sive Italia, sed etiam Saxones...per nos....ad verae fidei rudimenta conversae facere noscuntur.“

²⁾ См. *Журн. Мин. Нар.* Прос. 1902, декабрь, стр. 389 и часто.

³⁾ „*Populus christianus*“—подданные Карла. Jaffé, VI, pp. 449, 562, 602 (если тутъ иногда и можетъ казаться, что такъ названы *всѣ* христиане, а не только подданные Карла, то это не измѣняетъ дѣла, такъ какъ въ данныхъ мѣстахъ имѣется въ виду *универсально-христианское* государство Карла, которое должно обнять *всѣхъ* христиан вообще). „*christianus populus*“—подданные Карла (Jaffé, VI, p. 234). Послание двухъ миссовъ къ графу (Ib., p. 417): графъ долженъ точно исполнять свои обязанности „*ad christiani populi*“ („жители графства“) *salvationem vel custodiam*. Ann. Lauresh. a. 792: *Carolus....coadunavit conventum Francorum....ibique universus christianus populus qui cum rege aderant, iudicaverunt.* Походъ противъ аваровъ въ 791 г. былъ предпринятъ за ихъ набѣги на франкскую территорію, причемъ въ *жтощасъ* эта причина налагается такъ: „*propter nimiam malitiam et intolerabilem, quam fecerunt Avari contra... populum christianum;*“ Ann. Lauresh., Fragm. Chесn. („*propter multa mala... in populo Dei.*“ Ann. Ful). Cap. de part. Sax. c. 10 (Bor. I, p. 69): *Si quis cum paganis consilium adversus christianos inierit vel cum illis in adversitate christianorum perdurare voluerit, morte moriatur; et quicumque hoc idem fraude contra regem vel gentem christianorum consenserit, morte moriatur.*—Kenzler (Forsch. f. deutsch. Gesch. XII, p. 354 N 2) совершенно вѣрно указываетъ „*c. 10, wo unter den „christiani“ alle Angehöriigen des Fränkischen Reichs zu verstehen sind.*“ Дѣйствительно, весь параграфъ, очевидно, распадается на 2

обще, что они являются, такимъ образомъ, „христіанами“ *хат ёсоху*. Теперь понятно, почему, напримѣръ, Адріанъ I въ письмахъ къ Карлу могъ говорить про „народъ ввѣренный намъ и вамъ“ ¹⁾, понятно также, что „fides“ и „fidelis“ получаютъ двоякое значение—вѣры и вѣрности, правовѣриаго и вѣрноподданнаго, такъ что дѣйствительно можно было говорить про „Божихъ и королевскихъ подданныхъ“ ²⁾.

Можно итти и еще и дальше: только хороший христіанинъ можетъ явиться и хорошимъ подданнымъ ³⁾. Эта мысль лежала, какъ мы видѣли, въ основѣ Опроса 810/11 г., она же объясняетъ образовательныя стремленія Карла, она же, наконецъ, совершенно ясно выражается иногда подстановкой (даже въ официальныхъ документахъ) „христіанинъ“ вмѣсто „подданный“ ⁴⁾.

частіе первая трактуетъ о злоумышленіяхъ язычниковъ-саксонцевъ противъ христіанъ саксонцевъ, вторая о злоумышленіяхъ тѣхъ же язычниковъ противъ короля и франкскаго государства (*gens christiana*). Христіане-саксонцы, какъ *настоящіе* си. ниже, подданные Карла называны безъ всякаго дальнѣйшаго объясненія просто „christiani“. Epist. gener. Людовика и Лотара (Вор., II, р. 4, форма В): Богъ заказываетъ все государство, посыпая „тиранновъ“, „qui расеши *populi christiani et unitatem imperii...nituntur scindere*“.

¹⁾ Jaffé, VI, p. 247: „*populus nobis commissus*“; Ib., p. 284—„*christianus populus nobis a Deo commissus*“. Во второмъ случаѣ, „nobis“, которое издатели относили только къ папѣ, настолько непонятно, что противъ чтенія рукописей была внесена даже поправка—„*vobis*“.

²⁾ Карлъ Фастрадѣ (Jaffé, IV, p. 350): *Fideles Dei ac nostri, qui hoc egerunt, fuerint...* Обращение въ Div. regn. 806 (Вор., I, p. 126): „*Omnibus fidelibus sanctae Dei ecclesiae ac nostris*“ (то же въ Epist. gener. 828 г., Вор., II, р. 4). Въ граматахъ Карла: *cunctis fidelibus s. Dei ecclesiae et nostris* (Mabillon Yet. Anal. pp. 294, 295). Алкуинъ (Jaffé, VI, p. 519): *Lindgarda vero (королева), femina religiosa Deo fidelis et regi. Любопытна и смѣя „fidelis“ въ обоихъ значеніяхъ. Cap. Aquisgr. (Вор., I, р. 170): Karolus....cum episcopis, abbatibus, comitibus, ducibus omnibusque fidelibus christiana ecclesiae constituit ex lege Salica, Romana atque Lombarda capitula ista..., ut quisquisque fidelis iusticias ita faceret; qui et ipse manu propria firmavit capitula ista, ut omnes fideles manu robore studuisserint“.* Та же смѣя въ письмѣ Алкуина къ Карлу (Jaffé, VI, p. 698). „*Omnes fideles (вѣрюющіе и вѣрные) Franci*“—Адріанъ I (Jaffé, VI, pp. 232, 234). Подобные примѣры изъ эпохи послѣ Карла см. Fustel de Coulanges VI, p. 253.

³⁾ De hon. episoop.: „*nullo pacto agnoscerre possumus qualiter nobis fideles existere possunt, qui Deo infideles... apparuerint.* (Sirmondus „Conc. Gall.“, II, р. 231; Baluzius „Capp.“, I col. 437). Новѣйшие издатели не принимали этого капитулярия; въ защиту его подлинности Неселе, III, р. 740.

⁴⁾ См. выше, стр. 75, пр. 3. Cap. miss. gen. 802 с. 17 (Вор., I, р. 95): Карлъ грозить примѣрными наказаніемъ, „*ut nullus christianus qui hoc audierit, nullatenus tale quid perpetrare amplius presumpserit*“.—Отсюда можно заключить, что и

Итакъ и въ терминологии и въ тогдашнемъ толкованіи подданство и християнство тѣснѣйшимъ образомъ совпадаютъ: „христіанское“ государство оказывается дѣйствительно состоящимъ изъ однихъ христіанъ, христіанъ притомъ лучшихъ, избранныхъ, во главѣ которыхъ стоитъ избранный, Богомъ излюбленный, государь, котораго поэтому можно и нужно было титуловать „христіаннѣйшій“¹), „благочестивѣйшій“²).

с. 1 подъ „*homo christianus*“ подразумѣвается „подданный“, „франкъ“. — Алькуинъ Карлу (Jaffé, VI, p. 485): *parce populo tuo christiano*. — Поученіе Алькуина младому Пиппину (Ib., p. 600: *fac... iustitias et misericordias in populo christiano*, Одильбертъ Карлу (Jaffé, IV, p. 117): *fideles populi, vobis a Deo commissi*.

²⁾ *Пиппина*. Павель I передѣлываетъ псаломъ 19, 10 (Jaffé, IV, p. 117): *Salvum fac Domine christianissimum Pippinum regem*. Тотъ же Павель I прибавляетъ „christianissimus“ къ именамъ всѣхъ предшественниковъ Пиппина (Ib., p. 118). Папы: „christianissime fili“ (Ib., pp. 49, 53, 54, 93, 106, 111, 120, 126, 135, 145). Павель I: „christianitas tua“ (Ib., pp. 80, 82, 84, 87, 91, 101, 105, 112, 113, 114, 121, 124, 127, 128, 129, 132, 133, 137, 140, 142, 144, 145, 446); „christianissima eximetas vestra“ (Ib., p. 137); *excellentissime et reverae prae cunctis regibus christianissime atque orthodoxe regum* (Ib., p. 145); „christianissima excellentia tua“ (Ib., pp. 68, 95, 102, 109, 110); „christianissima benignitas“ (Ib., p. 70); „christianissimus rex“ (Ib., pp. 87, 98, 105, 124, 144, 145); „christianissimus compater“ (Ib., p. 90); „christiana gens vestra“ (Ib., p. 105); „christianissima regina“ (Ib., pp. 107, 129). Стефанъ III: „christianissime victor rex“ (Ib.; p. 62); Павель I (Ib., p. 72). Константина II: „christianissimus rex“ (Ib., p. 154); „christianissime et a Deo instituta(e) magne victoriosissime bone rex“ (Ib., p. 148). Римляне: „christianissime domine“, „christianissima benignitas“ (Ib., p. 70). *Пиппина и обоихъ принцевъ*. Стефанъ III: „o christianissimi“ (Ib., pp. 43, 46, 47). „Письмо ап. Петра“: „christianissimi reges“ (Ib., p. 57). *Карлу и Карломану* (принцамъ королемъ). Стефанъ III: „christianitas vestra“ (Ib., 35, 39); V. Stephani III (Duchesne I, p. 473)—„ipsi christianissimi reges“. Павель I: „christianitas vestra“ (Jaffé, p. 118); [estote] imitatores vestri christianissimi genitoris (Ib., pp. 123, 124). Стефанъ IV: „christianissimi magni reges“ (Ib., p. 156). *Карломану*. Стефанъ IV: „bone christianissime rex“ (Ib., p. 166); „christianitas tua“, „christianissima regina“ (Ib., p. 167). *Карлу Великому*. Стефанъ IV: christianissima (prae)excellentia tua (Ib., 164, 165, 178); „christianitas tua“ (Ib., 168). Адрианъ I: „christianissimus rex“ (Ib., p. 194, 197); „magne christianissime rex“ (Ib., p. 174); „christianissima excellentia tua“ (Ib., p. 172); christianitas tua (Ib., pp. 180, 183, 185, 186, 196); „vestra melliflua christianitas“ (Ib., p. 189). V. Hadriani I (Duchesne I, p. 494): *revera christianissimus Carolus... rex*. Алькуинъ: „christianissimus rex“ (Jaffé IV, p. 167); „christianissimus imperator“ (Ib., p. 639, два раза). V. Sturmi c. 22: *Rex... Carolus... cum ipse christianissimus esset...* Cap. miss. gen. 802., с. 1. (Bor., I, p. 91): *serenissimus et christianissimus... imperator...*

³⁾ *Пиппину*. Павель I: *bonae(e) orthodoxae(e) rex* (Jaffé IV, pp. 115, 116); *utere orthodoxe rex* (Ib., p. 124); *orthodoxe rex* (Ib., pp. 127, 138). Константина II: *magne orthodoxe rex* (Ib., p. 151). „Pius“—прозвище Пиппина Ademar I, с. 56, II, с. 1.

Но изъ полученныхъ только что определеній можно сдѣлать рядъ дальнѣйшихъ любопытныхъ выводовъ и разъясненій.—Прежде всего приходится остановиться на, можно сказать, избитомъ вопросѣ о христіанизаціи въ эпоху Карла и о ея связи съ покоренiemъ.

Покореніе и христіанизація.

Въ подавляющемъ большинствѣ извѣстій покореніе всегда упоминается въ связи съ христіанизаціей ¹⁾, почему и въ исторіографіи тѣсная связь обоихъ явленій всегда болѣе или менѣе ярко подчеркивается. Но однимъ констатированіемъ факта, конечно, нельзя было удовлетворяться, нужно его было еще объяснить. И вотъ въ видѣ объясненія этой связи обоихъ явленій выдвигается обыкновенно одна общая ихъ цѣль—культуртрегерство, ясное пониманіе, и со стороны государства и со стороны церкви, своей „культурной миссіи“ ²⁾,

Карлу. Адріанъ I: *vestra a Deo servata, orthodoxaque regalis excellentia* (Jaffé, IV, p. 247). Обращеніе *всѧхъ* писемъ Льва III: „*Domino piissimo*“ (Jaffé, IV, pp. 308. 311, 315, 317, 320, 322, 325, 329, 330, 332); конецъ *всѧхъ* писемъ: „*piissimum domini imperium*“ (Ib., pp. 311, 314, 317, 320, 322, 325, 327, 330, 332, 334); „*vestra piissima voluntas*“ (Ib., 312); „*vestra pietas*“ (Ib., pp. 313, 316, 334); „*vestris piis auribus*“ (Ib., 331); „*vestra pia serenitas*“ (Ib., p. 331); „*vestrum pium iudicium*“ (Ib., p. 331). Катувльфъ: „*piissimus rex*“. (Ib., p. 336). Алкунинъ: „*domino piissimo*“ (Jaffé, VI, pp. 344, 457, 533, 650, 676); „*piissima sapientia*“ (Ib., p. 428); „*piissimus tutor s. ecclesiae*“ (Ib., p. 755). Феликсъ Ургелитанскій: „*domino piissimo*“ (Ib., pp. 535, 536). „*Religiosissimus Carolus*“—частій эпитетъ Карла у Mon. Sang.

²⁾ Лѣтописныя указанія см. ниже стр. 81, пр. 2, 4 пр. Авары въ 796 г. предлагаютъ „*rah*“ и „*christianitas*“ (Jaffé, IV, p. 287). Послѣ побѣды надъ аварами Алкунинъ шлетъ Карлу поздравленіе, причемъ говорить не про расширение государства, а только про расширение христіанства („*christianitatis regnum atque agnitionem veri Dei.... dilatatio nominis Christi*“). Ib., p. 307). Общая причина вѣтъ войнъ Карла по мнѣнію Алкунина должна быть слѣд.: *Vestra clarissima potestas... in hoc omni laboret studio, ut Christi nomen clarificetur....* Совершенно сходно и самъ Карлъ въ письмѣ къ Льву III говорить, что сражается съ „язычниками“ (*ini-mici sancti nominis*), чтобы „*nomen domini nostri Jesu Christi toto clarificetur in orbe*“ (Jaffé, IV, p. 356). Христіанизацію, какъ главную цѣль Карла, выдвигали и папы, напримѣръ, Адріанъ I (Ib., pp. 226, 287). То же писалъ уже Павелъ I Шиппину (Ib., p. 136).

³⁾ Werner, pp. 1, 2, 4 говорить про „культурную миссію церкви“, которую Карлъ только „аксплуатируетъ“ для своихъ цѣлей. Но и „*Eroberungszüge*“ Карла тоже только преслѣдуютъ „*civilisatorische Zwecke*“ (p. 335). Ranke V, 2 p. 145: Завоеванія Карла—„*civilisatorische Mission*“. Еще раньше Warnkoenig et Gerard (I. p. 311): „*roi de Francs ...défenseur et propagateur de la civilisation* (этимъ объ-

причемъ, напримѣръ, католики-ислѣдователи склонны были переносить весь центръ тяжести на христіанізацию, другіе же изслѣдователи, особенно пангерманисты слишкомъ подчеркивали культурное объединеніе одиоплеменныхъ при помощи покоренія ¹⁾.

Но и въ это построеніе, мнѣ кажется, нужно внести нѣкоторыя существенные оговорки. Прежде всего дошедшій до насъ матеріаль не даетъ намъ права говорить о какой либо ясно сознаваемой *культурной миссії*, а кромѣ того и вообще связь между покореніемъ и христіанізацией не такъ проста и ясна, какъ это принято излагать. Оба явленія, правда, были одновременны, но это не значитъ еще что они оба проискали изъ одной причины, имѣли бы одну и ту же „культуртрегерскую“ цѣль.

При *покореніи* нельзя въ достаточной мѣрѣ подчеркивать чисто *политическую* цѣль, на которую, однако, вслѣдствіе постоянной документальной близости между покореніемъ и христіанізацией, не обращается достаточно вниманія. Ни Карль, ни особенно Пишнѣ, не преслѣдовали при этомъ ни чисто-культуртрегерскія, ни чисто-христіанізаторскія цѣли, и если у современниковъ и встрѣчается цѣлый рядъ подобныхъ указаний, то это отчасти написано *post factum* и является результатомъ собственныхъ домысловъ и объяснений, отчасти представлять изъ себя какъ бы извиненіе, идеализацию неприглядныхъ фактовъ высокую цѣлью, смышеніе дѣйствительныхъ фактовъ и теоретическихъ дезидератовъ. — Только достаточно оцѣнивъ *политическую* цѣли франкскихъ королей, можно говорить и объ обязанности ихъ, какъ христіанъ, вообще, и въ частности „христіанѣвшихъ“ королей, расширять царство Христово, и даже у Алкуина чувствуется, что на первомъ планѣ стоитъ защита отъ враговъ, а на второмъ только воинственное миссионерство ²⁾.

ясняется „необходимость“ завоеванія Саксоніи, хотя р. 294 это объяснялось „волнѣстvenностью“, стремлѣніемъ къ захвату и расширенію государства вообще); pp. 272, 382 религія, христіанізация—не цѣль, а средство къ „цивилизаціи“ варваровъ.

¹⁾ Ketterer, pp. 90, 219, 220, 221, 229, 230. Niehuis, p. 552. Но и у Ранке христіанізаторство совсѣмъ заслоняетъ идею политического завоеванія (V, 2, pp. 116, 126, 150, 161). Giesebeck I, p. 110: главная цѣль—уничтоженіе сепаратизма; намѣренію отброшена христіанізация, такъ что даже искается и авторизуется (р. 112) гѣтотипическое извѣстіе (Ann. Laur. mai. a. 777; относительно саксонской политики Карла въ 777 г. см. Simson, I, p. 267).

²⁾ Алкуинъ Карлу (Jaffé VI, p. 453; см. май, стр. 78, пр. 5): у короля 2 мечи—защищать церковь и христіанство (христіанское государство) распространять вѣру между „pagani“.

Не чисто культуртрегерская цѣль преслѣдовала и послѣдующая за покореніемъ христіанізациѣ. Христіанізациѣ непремѣнное слѣдствіе покоренія, всякое расширение государства сопровождается расширениемъ церкви въ томъ же объемѣ ¹⁾). Правильность и безысключительность этого явленія и породили объясненіе о единой цѣли (причинѣ) обоихъ фактъвъ, покоренія и христіанізациї.

Между тѣмъ причину этой правильности приходится искать въ болѣе общемъ и болѣе удовлетворительномъ объясненіи, чѣмъ „доктринерство“ ²⁾. Карла и указанія на то, что онъ считался отвѣтно предестинованнымъ къ апостольской дѣятельности ³⁾. Карль дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ не только какъ „апостолъ“ ⁴⁾ и вѣрный сынъ церкви, но и какъ государь. Даже болѣе: онъ не могъ иначе поступать, такъ какъ хорошимъ поданнымъ, какъ мы видѣли, могъ быть только христіанинъ, человѣкъ, совершенно отрекшійся отъ дьявола противъ которого боролся этотъ „христіанийши“ государь, а никакъ не язычникъ, приспѣшникъ дьявола, который eo ipso былъ принципиальнымъ врагомъ христіанъ и всего христіанского государства. Хри-

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ и нужно понимать нѣсколько изъ вышеприведенныхъ цитатъ (стр. 78, пр. 3), особенно поздравленіе Алкуина по поводу расширения „christianitatis regnum“. Въ хѣтическихъ источникахъ, правда, при разсказѣ о крещеніи всегда указывается только, что крестились „ingens, innumerabilis multitudo“, „multi“ и тому подобное, но отсюда нельзя выводить, что крещеніе совершалось ad libitum, не было обязательнымъ для всякихъ жителей новопокоренной территории. Во-первыхъ, хѣтичесецъ вѣдь указываетъ только *одинъ* изъ моментовъ крещенія, совершенного при *одномъ* опредѣленномъ случаѣ; во-вторыхъ, онъ вовсе не стремится точно указать *общее* число крещенныхъ, а только фактъ *массового* перехода въ христіанство; въ-третьихъ, и это главное, если принять *отрывочныя* извѣстія хѣтичесей въ видѣ частичнаго только крещенія, крещенія *желающихъ*, но непонятныхъ становятся такое важное свѣдѣніе какъ с. 8. Cap. de part. Sax. (текстъ см. ниже, стр. 81 пр. 3). Непонятно также и слѣдующее мѣсто хорошо освѣдомленнаго Алкуина: „antiqui Saxones et omnes Frisonum populi, instantie rege Karolo, alias premis et alias minis, ad fidem Christi conversi sunt (Jaffé, VI, p. 166).

²⁾ Выраженіе Wagtkoenig et Gerard, I, p. 325.

³⁾ См. *май* стр. 85, пр. 5.

⁴⁾ Болѣе всего подчеркиваетъ „апостольскую“ дѣятельность Карла Poeta Saxo. V, vv. 59, sq., vv. 103 sq.: Карль одинъ изъ великихъ „спасителей“ людей, спасший много тысячъ душъ, побѣдивший дьявола (ср. vv. 863 sq.). V, v. 677: Nullus apostolicis iure propinquior illo. Ut res ipsa docet..., (далѣе перечисление апостоловъ, и между ними и Карль, vv. 687, 688). Карль—Іоаннъ Креститель (Ann. Petav. a. 777... in postmodum Carolus rex merito gaudet cum Iohanne baptista...). Карль—„miles, athleta Christi, seminator, praedicator, propagator verbi Dei, fidei“. (Алкуинъ: Jaffé, VI, pp. 345, 420, 485, 546, 779; Теодульфъ: Jaffé, IV, p. 359),

стіанізація покоренной земли была поэтому прежде всего фактъмъ *политическими*, и у Эйнгарда эта мысль и проскальзываетъ въ томъ видѣ, что саксонцамъ предложили перейти въ христіанство и *тогда* составить одинъ народъ съ франками¹). Наконецъ, во всѣхъ лѣтописныхъ свѣдѣніяхъ, гдѣ только христіанизація отмѣчена особо, отречеіе отъ дьявола, отъ язычества недаромъ всегда *предшествуетъ* политической клятвѣ въ вѣрности²). Превращеніе покоренныхъ въ христіанъ понималось въ то время въ видѣ своеобразной гарантіи³). Наоборотъ, отпаденіе отъ христіанства являлось не только символомъ, синонимомъ отпаденія, но и первымъ шагомъ, первымъ актомъ возмущенія и отложенія, какъ это почти стереотипно и отмѣчаютъ всѣ лѣтописи⁴).

¹⁾ Einh. V. K. c. abieicto daemonum cultu et relictis patriis caerimoniis, christianaе fidei atque religionis sacramenta susciperent et Francis adunati unus cum eis populus efficerentur.

²⁾ Ann. Laur. mai. a. 776: Saxones... sponderunt se esse christianos et subdicioni... Caroli... subdiderunt; Ann. Einh.... eos qui se christianos fieri velle adfirmabant. baptizari fecisset... obsidibus quoque... receptis; также Ann. S. Amandi, Ann. Mosell., Ann. Lauresh.—гдѣ крещеніе вездѣ является предшествующимъ моментомъ. Ann. Laur. mai. a. 777: ut... conservarent... christianitatem vel fidelitatem... Caroli. Цѣлый рядъ анналъ (Ann. Einh., Ann. Fuld, Ann. Sith., Ann. Lobien., Ann. Quedlinb., Ann. Altah.) передаетъ *исторію о крещеніи* Видукинда и „жиготихъ“ саксонцевъ въ 785 г., а потомъ только о переходѣ въ подданство (вѣрность Карлу). Ann. Laur. mai. характерно пишутъ: et *tunc* (послѣ крещенія Видукинда и саксонцевъ) tota Saxonia subiugata est. Ann. Laur. mai. a. 794: christianos se et fideles domino regi promiserunt; Ann. Lauresh.: iterum promittentes christianitatem et iurantes; Ann. Mett: christianos se esse et fideles amodo regi esse promiserunt. Ann. Laur. mai. a. 795: Saxones... more solito promissionem suam... de habenda christianitate et fide... и т. п.

³⁾ Нехристіанинъ=врагъ, нехристіанинъ внутри государства=опасный внутренний врагъ, не обвязавшій себя (см. *Усманъ*, стр. 343, пр. 5), никакими клятвами. Этими соображеніями только и можно объяснить суровое предписаніе 8. Cap. de part. Sax. (Вор. I, р. 69): Si quis deinceps in gente Saxonorum inter eos latens non baptizatus se abscondere voluerit et ad baptismum venire contempserit paganusque permanere voluerit morte moriatur.

⁴⁾ Ann. Einh. a. 775: rex... consilium init, ut perfidam et foedifragam Saxonum gentem bello adgredieretur. Ann. Mosell. a. 791: caede peracta (саксонцы и фризы) rursum pagani effecti sunt; Ann. Laur. min.: Saxones iterum ad idolatriam revertuntur. Ann. Lauresh. a. 792: iterum relinquentes christianitatem... conali sunt in primis rebellare contra Deum, deinde contra regem et christianos; Ann. Petav: eodem anno Saxoness mentiti sunt fidem. quam polliciti fuerunt... domino regi... erraverunt, deviaverunt adeptique sunt tenebris; Ann. Xant.: et Saxones iterum a fide delapsi sunt. christianitatem

Отказываясь отъ язычества, покоренные тѣмъ самыемъ отказывались отъ дьявола и отъ всѣхъ гибельныхъ и антигосударственныхъ „дѣлъ“ его и произносили новую клятву въ вѣрности Богу, покровителю и устроителю „христіанскаго“ государства. Отреченіе и клятва произносились при крещеніи, и поэтому на этомъ актѣ и сосредоточивалось все вниманіе, такъ что настоящее миссіонерство, болѣе глубокая христіанизація, практиковались въ очень незначительныхъ размѣрахъ, насколько, по крайней мѣрѣ, можно судить по дошедшемъ до насъ свѣдѣніямъ¹⁾). Христіанизація въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ состояла въ одномъ только актѣ крещенія, добровольномъ или насильномъ²⁾), такъ какъ этому акту въ виду содерявшейся въ немъ клятвы въ вѣрности Богу, т. е. и всѣмъ Богомъ установленнымъ властямъ и порядкамъ, а также въ виду произносимаго при немъ отреченія отъ дьявола, приписывалось почти мистическое значеніе—онъ являлся достаточной гарантіей вѣрнаго и послушного подданнаго. Но кромѣ того, и это еще разъ нужно подчеркнуть, въ государствѣ съ исключительно христіанскимъ направленіемъ, съ исключительно христіанской окраской, подданный-нехристіанинъ являлся какой-то аномалией.

Такимъ образомъ, уравненіе „подданство=христіанству“ позволяетъ нѣсколько распутать трудный вопросъ о причинахъ такого важнаго явленія, какъ поголовная и обязательная христіанизація покоренныхъ.

relinquentes. Ann. Quedlinb. a. 793: Saxones.... iterum rebellaverunt, deficientes a fide. Ann. Laur. mai. a. 795: Saxones more solito promissionem suam, quam de habenda christianitate et fide regis tenenda fecerant, irritam fecissent; Annal. Saxon. Saxones fidem Christi relinquentes iterum rebellant... и т. п. Мы вправѣ ожидать что эта двоякая „infidelitas“ въ достаточной мѣрѣ должна быть указана въ такомъ предписаніи, какъ Cap. de part. Sax. Но тутъ мы находимъ только с. 11 (Бог. I, р. 69): *Si quis domino regi infidelis apparquerit, capitali sententia punietur*. А между тѣмъ этотъ капитулярій чрезвычайно детально рассматриваетъ всѣ отступления отъ истинной вѣры (противъ языческихъ обрядовъ—с.с. 6, 7, 9, 21, 22; противъ язычества вообще с.с. 8, 19), такъ что странно, что самое *главное* преступление, отпаденіе отъ христіанства, какъ-бы совсѣмъ опущено. Поэтому основываясь на совпаденіи „fidelitas Dei“ и „fidelitas regis“ (см. выше, стр. 76), и приходится допустить, что с. 11, относится не только къ политической измѣнѣ, но и къ вѣроотступничеству, какъ одного изъ выражений измѣны.

¹⁾ Исключение составляетъ поздняя аварская миссія, см. Журн. Мин. Нар. Проч. 1902, декабрь, стр. 381 и слѣд.

²⁾ См. выше, стр. 80, пр. 1.

Христіанское государство и его представители.

Это же положение позволяет намъ сдѣлать также и нѣсколько любопытныхъ наблюдений относительно, такъ сказать, внутренней структуры „христіанского“ государства, связи и взаимоотношения его частей.

Христіанская церковь состоитъ изъ отдѣльныхъ людей, соединенныхъ единой вѣрой подъ общей, единой высшей властью. Тѣ же признаки мы встречаемъ и въ „христіанскомъ“ государствѣ эпохи Карла. Государство это состоитъ изъ отдѣльныхъ единицъ, разобщенность и отдельность которыхъ яснѣ всего проявляется въ индивидуальности клятвъ, присягъ и различныхъ обязательствъ¹⁾. Элементомъ, соеди-

¹⁾ Клятва въ вѣрности, присяга, конечно, индивидуальна. *Dupl. leg. edict. c. 18* (Вор. I, p. 63); *Cap. miss. c. 2*, (Ib. p. 66); *Cap. miss gen. 802*, с.с. 2, sq., (Ib. pp. 92, 93); *Cap. miss. dupl.* (Ib. p. 101). См. *Fustel de Coulanges VI*, pp. 255, 256. Индивидуальная клятва, въ видѣ подписи или прикладыванія руки, при публикаціи законовъ-добавленій. *Cap. miss. 803*, с. 19 (Вор. I, p. 116): *Ut populus interrogetur de capitulis quae in lege noviter addita sunt; et postquam omnes consenserint, subscriptiones et manuſcritiones suas in ipsis capitulis faciant.* (*Seeliger „Capitularion“* pp. 42 sq. заподозрѣвается индивидуальное „рукоприложженіе“ всѣхъ людей, но лишь на основаніи общихъ соображеній). Поголовное клятвенное обязательство не скрывать преступлений и преступниковъ, помочь судьямъ. *Pipp. Cap. langob. 782/86* с. 8, (Вор. I, p. 192): *Iudex unusquisque per civitatem faciat iurare ad Dei iudicia homines credentes... ut... nemo concelet, cui ex ipsis (т. е. преступлений) cognitum fuerit.* *Waitz IV*, p. 439 такъ комментируетъ этотъ текстъ: *„Zuerst fürt Italien ist verordnet, dass der Richter glaubwürdige Männer eidlich verpflichtet... anzuseigen“*, т. е. онъ считаетъ, что приводились къ присягѣ только избранные люди, которые вносились въ Италию и назывались, какъ онъ указываетъ, „homines credentes“. Но данный текстъ указываетъ, что это относилось ко всѣмъ людямъ данной судебной округи, ко всѣмъ, которые боятся, „вѣрють въ Бога“, т. е. въ неизбѣжность мазды за преступление. Любопытно для иллюстраціи термина указать на с. 9, известнаго намъ Конспекта I, (Вор. I, p. 161): *„Quod ille bene in Deum non credit, qui precepta eius impune se contemnere putat“*. (*Cap. de caus. c. epp. tract*, с. 6 тоже говорить про „advocatus... non iustus ac Deum timens, sed...“ Вор. I, p. 163). Кроме того Вайцъ (p. 440) приводить еще два капитулария, которые однако какъ разъ подтверждаютъ, что это была общая клятва, а не приведеніе къ присягѣ отдѣльныхъ „достовѣрныхъ людей“. *Cap. Pap. („Ticin.“ у Вайца) 850*, с. 3 (Вор. II, p. 87): *Ubicunque... fama est tales (= latrones) habitare, inquisitio per sacramentum per omnes populum circumstantem fiat...* *Cap. miss. Silvac. 853* (864 у Вайца) с. 4, (Вор. II, p. 272): *„De latronibus autem commendaverunt, ut missi omnibus denuntient in illa fidelitate quam Deo („homines credentes!“) et regi uniusquisque debet... ut sine exceptione alicuius personae... ullus latronem celet, set illum missis... mani-*

няющимъ всѣ эти разрозненные составные части, является одна общая обязанность—*fides, fideitas* (= oboedentia) относительно Бога и государя.

Если внутреннимъ образомъ всѣ эти отдельныя единицы соединяются общей „вѣрої-вѣрностью“, то виѣшнимъ образомъ онѣ соединяются въ одно государство—королемъ. Даже болѣе—король *персонифицируетъ* собою государство, персонифицируетъ до такой степени, что отъ личныхъ его качествъ зависить благо или несчастіе народа, *возвышеніе* или гибель государства¹).

---

festet et ad accipiendum illum adiutorium quantum potuerit inquisisque praestet et per sacramentum hoc missi... firmare faciant, sicut tempore antecessorum illorum consuetudo fuit.—Есть, наконецъ, и изъ эпохи Карла указаніе, что всѣ люди были обязаны клятвой доносить обѣ извѣстномъ имъ преступлениі (кражи казеннаго ятса). Cap. miss. gen. 802, c. 39 (Бор. I, p. 98): *Si quis autem hoc sciente alicui perpetratum, in ea fidelitate quam nobis promiserant... nullus hoc celare audeat.* Но если единоличныя, индивидуальные клятвы часто и всюду примѣнялись, то клятвы колективныя, клятвы скопомъ, такъ сказать, были запрещены. Cap. Harist. 779, c. 16, (Бор. I, p. 51): „*De sacramentis per gildonia invicem coniurantibus, ut nemo facere praesumat*“ Тутъ дѣло не въ самихъ соединеніяхъ и ассоціаціяхъ, а только въ ихъ клятвенномъ скрѣпленіи, какъ видно и изъ дальнѣйшаго: „*Alio vero modo de illorum elemosinis aut de incendio aut de naufragio, quamvis conventias faciant, nemo in hoc iurare praesumat*“. Так же и въ Cap. Theod. 805, c. 10 (Бор. I, p. 124): всѣ центръ тяжести лежитъ въ запрещеній *клятвенными* сообществъ.—Алкунишь пишетъ (Jaffé, VI, p. 721) английскому архіепископу, чтобы онъ строго сѣдѣлъ, дабы у „populus christianus“ не были бы „conventus singulares, quos solent habere et dominant coniurationes... (quae) omnia Deo non placere... nec religioni christianae convenire. (Также и въ другомъ письмѣ, Ib. p. 720, упоминается о „conventicula in montanis locis“).

¹) Мнѣніе Катвульфа, см. *Журн. Мин. Нар. Прес.* 1902, декабрь, стр. 390, пр. 3. Испите всего въ пломѣ рядѣ писемъ Алкуниша. Королю Этельреду (Jaffé, VI, p. 188):... regis bonitas („богоугодность“) totius est gentis prosperitas, victoria exercitus, aeris temperies, terrae abundantia, filiorum benedictio, sanitas plebis...; английскому архіепископу (Ib. p. 373) *illud non minime pavendum est, quod... regale genus recessit, in quo fuit benedictio regni et exaltatio pervictoris et timor hostibus nostris;* Карлу (Ib., p. 209): *beatus populus tali rectore exaltatus;* (Ib., p. 449): *felicia christiano populo tempora in vestrae felicitatis exaltatione et salute certissime sciens;* (Ib., p. 586): „*Tu prosperitas regni, tu salus populi...* Поученіе Алкуниша Карлу, сыну императора (Ib., p. 790): *Hoc mihi maximum est gaudium quod bonos.... mores de vobis audiam.* Ноч enim Dei donum est, prosperitas regni, dominos populi christiani elegantissimis vivere moribus... *Inde benedictio caelestis genti et regno pervenire certissimum est.*—Совершенно реальный смыслъ поэтому получають сѣдующія слова (Ib., p. 613): *Beata gens, cui divina clementia tam pius et prudentem previdebat rectorem. Felix populus, qui sapiente et pio regitur principe.*

Но это высокое, единственное въ своемъ родѣ, положеніе короля налагаетъ на него и цѣлый рядъ обязанностей: король долженъ быть посредникомъ между Богомъ и людьми ¹⁾, долженъ сообразно съ данными ему чрезвычайными способностями узнавать, разгадывать и даже предугадывать волю Бога ²⁾. Но если онъ, такимъ образомъ, является какъ-бы намѣстникомъ, „замѣстителемъ“ Бога ³⁾, „божественнымъ“, какъ говорили при Римской имперіи, и какъ изрѣдка стали говорить и при Карлѣ ⁴⁾, то какъ таковой онъ и долженъ одинъ нести всю отвѣтственность: грѣхи подданныхъ взыскиваются на государя ⁵⁾. Ученіе о распределеніи части отвѣтственности короля на его совѣтниковъ, на министровъ, выработавшееся при слабомъ Людовикѣ ⁶⁾, совершенно, повидимому, отсутствуетъ при Карлѣ.

¹⁾ Алкунъ Этельреду (Jaffé, VI, p. 188): *Orationibus et vigiliis eo instantius ad Deum insistere debet* (король), quo non pro se solummodo, sed pro totius gentis prosperitate Deum deprecari debet; Карлу (Ib., p. 698): „*per vos in totius ecclesiae salutem Spiritus sanctus operetur*. Кроме того, король вѣдь какъ-бы іерей, епископъ (см. май, стр. 90 и слѣд.) и какъ такой долженъ „*inter Deum stare et homines*“ (Ib., p. 204). Павелъ I называетъ себя (Jaffé, IV, p. 76): „*mediator Dei et hominum*“, и какъ таковому ему надлежитъ забота о „*salus populi Dei*“ и о „*praeh cunctis gentibus*“. Та же забота и у „христіанійшаго“ короля см. ниже.

²⁾ См. Журн. Мин. Нар. Прес. 1902, декабрь, стр. 390 и слѣд.

³⁾ Послание Гатвульфа (Jaffé, IV, p. 337): „*Memor esto... semper, rex mihi. Dei regis tui cum timore et amore, quod tu es in vice illius...*“ Смаргадъ: *Via regia*“ с. 18: *Fac quidquid potes pro persona quam gestas, pro ministerio regali quod portas, pro nomine christiani quod habes. pro vice Christi qua fungeris.* Алкунъ (Jaffé VI, p. 323): Карль подобно Христу „*dominus messis*“, онъ такъ же „*sicut suus proprius protector et unicus amator Christus deus dixit discipulis suis „Ita, ecce ego mitto vos“.* — Алкунъ ученикамъ (Ib., p. 632): „*vos moribus et religiosa vita Deo placere et domino meo David*“.

⁴⁾ Странно, что какъ разъ *natus* стали употреблять этотъ терминъ.—Павелъ I (Jaffé, IV, p. 104): „*vestris Deo imitabilis vestigis*“; Адрианъ I (Ib., p. 204): „*vobis et Deo imitabilis filii*“ (*tertium comparationis—omnipotential!*). Смаргадъ: *Via regia*“ с. 8: *Imitare operibus, quem patrem clamas sermonibus.* — Алкунъ (Jaffé, VI, p. 352): чтобы бояться у кого либо „*veritas*“, „*misericordia*“ (а это должно быть у короля), тѣмъ болѣе достигается „*divinitatis imago*“.

⁵⁾ Алкунъ (Jaffé, VI, p. 815): *subiectorum peccata rectoribus inputantur. Admon. gener. Людовика* (Бор. I, p. 303): Король увѣщає епископовъ ревностно заняться своими обязанностями, чтобы онъ, король: *in iuditio non condemnari pro nostra et vestra negligentia*.

⁶⁾ Admon. gener. (Бор. I, p. 303): *Sed quamquam summa huius ministerii in nostra persona consistere videatur, tamen et divina auctoritate et humana ordinatione ita per partes divisum esse cognoscitur, ut unusquisque vestrum in suo loco et ordine partem nostri ministerii habere cognoscatur...*

Итакъ, король олицетворяетъ все „христіанское“ государство, онъ его отвѣтственный представитель—таковъ второй выводъ.

Универсальность христіанства и „христіанскаю“ государства.

Христіанство универсально. Въ силу своего состава изъ наиболѣе мелкихъ единицъ, изъ отдѣльныхъ „вѣрующихъ“, оно подвижно, эластично, не удерживается и не стѣсняется ни политическими ни естественными границами; для него, въ теоріи, не можетъ существовать непроницаемыхъ средъ. Христіанство, къ тому же, не прикрѣплено подобно древнимъ религіямъ, ни къ какимъ мѣстнымъ, соціальнымъ или имущественнымъ особенностямъ, и поэтому его эластичность и подвижность могли показаться въ полной мѣрѣ въ его стремлениі къ универсальности, къ всемірному господству.

То же стремлениѣ къ универсальности мы должны предположить и въ уменьшенномъ сколкѣ великой христіанской церкви, въ „христіанскомъ“ государствѣ. Чѣмъ опредѣлениѣ сознавалась универсальность христіанства и чѣмъ ярче „христіанское“ государство выступало какъ таковое, тѣмъ рѣзче должно было проявиться и его стремлениѣ къ универсальности, не только къ религіозному, но и къ тѣсно съ нимъ связанному политическому міровому господству.

Универсальность христіанства, его всемірная распространенность было троюзомъ въ эпоху Карла¹⁾). Понятно поэтому, что въ это же время и должно было выработатьсь представление объ универсальности, всемірности власти лучшаго представителя этого христіанства, „христіанийшаго“ короля, который, по иѣкоторымъ версіямъ, являлся даже Христовымъ замѣстителемъ на землѣ²⁾.

И, дѣйствительно, идея эта явилась. Прежде всего она выразилась въ довольно робкой формѣ, въ видѣ всемірного патронаата

¹⁾ Изъ подавляющаго количества свидѣтельствъ привожу только немногія. Пауль I, (Jaffé, IV, p. 126): „sancta universalis Dei Romana ecclesia“; безъ „Romana“. Ib., p. 136. Адрианъ I (Ib., p. 187): sancta universalis Dei ecclisia. Карлъ императоръ Михаилъ (Ib., p. 416): catholica eccllesia... quae toto orbe diffusa est; Илью III (Ib., p. 356), чтобы тотъ помогъ ему молитвами, „ut possem domini nostri Iesu Christi toto clarificetur in orbe“. Феликсъ (Jaffé, VI, pp. 536, 537): „universalis ecclesia, quae in toto mundo dilatata noscitur“. Азкуниъ (Ib., p. 656): Nunc euangelica veritas toto resplendet in mundo. Missi cuiusd. ammon. (Bor., p. 239): Излагаются основные догматы вѣры и между ними и „credere unam ecclesiam id est congregationem bonorum hominum per totum orbem terre“.

²⁾ См. выше, стр. 85.

франкского короля надъ всѣми христіанами, покровительства, которое одинаково признавали и пашы и дальниe іерусалимскіе монахи¹⁾. Но чувствуется и дальнѣйшій, необходимый шагъ— идея о всемирномъ господствѣ, о соединеніи всѣхъ въ единой вѣрѣ и единой имперіи, о соединеніи всѣго „populus christianus“ въ единое всемирное „христіанскоe государство“. Правда, эта идея выступаетъ недостаточно отчетливо. Съ теоретической стороны, собственно, эта идея была превосходно подготовлена, и въ доктринѣ универсальная монархія Карла была почти аксиомой²⁾. Зато мы имѣемъ только нѣсколько слабыхъ

¹⁾ Павелъ I указываетъ Пипину (Jaffé, IV, p. 102), что апостоль Петъ избралъ его въ качествѣ „propugnator“, „liberator“ всѣхъ христіанъ (populi christiani); Ib., p. 141: „per te redemptor noster Dei hominumque mediator, ecclesiae suae et universo populo christiano... pacem tribuit“. Письмо іерусалимскихъ монаховъ. Ib., p. 384. (см. Жур. Мих. Нар. Пресв. 1902, декабрь стр. 368). Самъ Карлъ говорить (Ib., p. 356), что признаѧ повсюду (ubique) защищать общество вѣрующихъ извѣтъ и внутри. Алькуний (Jaffé, VI, p. 209): подъ „сѣнью“ Карла „superba quiete populus requiescit christianus; Karay (Ib., p. 586): tu protectio omnium fidelium Christi; Ib., p. 779:... in universalis ecclesia, quae sub excellentissimo dominationis vestrae imperio conservatur, universis Dei cultoribus pax est et quies. Einh. V. K. c. 27: „Circa pauperes sustentandos et gratuitam liberalitatem, quam Greci eleemosinam vocant, devotissimus, ut qui non in patria solum et in suo regno id facere curavit, verum trans maria in Syriam et Aegiptum atque Africam, Hierosolimis, Alexandria atque Carthagini, ubi christianos in paupertate vivere compererat, penuriae illorum compatiens, pecuniam mittere solebat; ob hoc maxime transmarinorum regum amicitias expetens, ut christianis sub eorum dominatu degentibus refrigerium aliquod et relevatio proveniret. Въ пѣвѣстномъ „Planctus Karoli“ поэзъ и заставляетъ оплакивать Карла „cuncti creduli“, „omnes fideles et creduli“, „cuncti orbis christianus populus“. — Специальная задача „христіанскаго“ короля состояла еще въ наблюденіи, чтобы „христіане“ не продавались бы въ рабство „невѣрныхъ“. Письменіе Катгульфа (Jaffé, IV, p. 338): Et christianum vendere, numquam in pagam gentem dimittere. Vae, vae, Christi membrum coniungere membro diaboli, animam perdere.... Смаргадъ „Via regia“ c. 30 (Migne CII, col. 967): Prohibe ergo clementissime rex, ne in regno tuo captivitas fiat. (Ebert, II, p. 112) интерпретируетъ это мѣсто какъ попытка запрещенія всякаго рабства вообще!. Cap. Harist, 779, c. 19 (Бог. I, p. 51): De mancipia quae vendunt, ut in praesentia episcopi, vel comitis sit... et foris шага пето mancipium vendat. Папа, очевидно, вполнѣ признаетъ контроль Карла въ этомъ дѣлѣ по крайней мѣрѣ Адрианъ I, посылаетъ разъяснительное письмо на запросъ Карла, какъ смѣли продавать христіанъ въ рабство „некріянъ“ (продажа называется все время „scelus“, фактомъ „contra Deum et animas eorum“) Jaffé, IV, p. 206 (см. факсим. стр. 333, прим. 4).

²⁾ Всестороннія пожеланія о распространеніи власти франкскихъ королей на „cunctae“, „omnes nationes“, см. жай, стр. 76, прим. 1. Адрианъ I Кару (Jaffé, IV, p. 227): Deus... dilatans... in toto orbe terrarum vestrum splendissimum regnum; Ib., p. 287: „Procul dubio scimus vestram regalem potentiam... omnipotem gentem

указаний на попытки къ фактическому осуществлению этой монархіи, если не считать покоренія „варварскихъ народовъ“. Карль подходилъ къ этому вопросу съ надлежащей стороны: онъ хотѣлъ уготовить почву для всемирной христіанской имперіи объединеніемъ всѣхъ христіанскихъ земель въ вѣрѣ. Вотъ почему онъ и съ королемъ Оффой вступаетъ въ союзъ на почвѣ *веры*¹⁾ и съ Византіей ищетъ соединиться на томъ же основаніи, хлопоча объ установлениі единой всесвѣтной церкви²⁾.

---

divulgata (выпаденіе изъ конструкції!), *sine tenuis... exaltata* шанебіт. Посланіе Катвульфа (Ів., р. 337): *Memor esto... Dei regis tui, quod tu es in illius, super omnia membra eius custodire et regere.* (р. 336, Катвульфъ называетъ государство Карла „*regnum Christi*“). Алкуинъ (Jafé, VI, р. 464): „*rector populi christiani*“ (всѣхъ христіан); Ів., р. 601: „*rector et imperator populi christiani*“; Ів., р. 672: *terror potentiae vestrae super omnes undique gentes*; Ів., р. 775: Карлу дана власть „*non ad solum mundi regimen sed maxime ad ecclesiae praesidium*. Теодульфъ (VII сarm. 25): Карль призванъ владѣть міромъ и подчинить себѣ „*всѣ народы*“.

¹⁾ Карль Оффо (Jafé, VI, р. 287): *ut foedus* (непосредственно черезъ тѣнь Карла говориаъ про „*antiquus pactus*“, такъ что и „*foedus*“ тутъ не просто стилистический оборотъ) *in radice fidei firmatum floreret in fructu caritatis*. Съ характеромъ этого союза сообразуется и личность одного изъ частыхъ пословъ Карла къ Оффо; требовалось послать не искуснаго дипломата и не выдающагося книжника, а среднего человѣка, крѣпкаго въ вѣрѣ церковника-практика. *Gesta abb. Fontan.* с. 16: „*multis vicibus ipse (Gervoldus)... iussione invictissimi regis Caroli ad... regem Offam legationibus functus est...* Erat enim praefatus Gervoldus, quaquam aliarum literarum non nimium gnarus, cantilenae tamen artis peritus.

²⁾ Карль Никифору (Jafé, IV, р. 395): *ad constituendam nobiscum pacem et federanda atque adiunenda* („*соединеніе*“) *haec duo (тоба государства) in Christi caritate.... desiderium nostrum* (т. е. „*соединеніе*“), *quod ut confidimus ipsius (Dei) inspiratione concipimus.* Карль Михаилъ въ 813 г. (Ів., pp. 415, 416): „*Benedicimus dominum Iesum Christum... ut in diebus nostris diu quiescam et semper desideratam pacem inter orientale atque occidentale imperium stabilire et ecclesiam suam catholicam sanctam et immaculatam, quae toto orbe diffusa est, iuxta cotidianas ipsius postulationes sicut semper regere et protegere, ita etiam nunc idem in nostro tempore adiunare atque pacificare dignatus est.* Quod ideo tanquam peractum dicimus, quia, quicquid de hoc ex nostra parte faciendum fuit, fecimus, vosque similiter de *vѣstra* parte facere velle non dubitavimus. Итакъ „*ратъ*“ между имперіями призналъ видъ „*соединенія*“ церквей. Вотъ почему, можетъ быть, въ 813 г. послами были исключительно духовныя лица—Амалий Трарскій и Петръ, аббатъ Нонантулы (цитаты см. Simson, II, р. 498, N 4) Замѣчу мимоходомъ, что чтеніе одной грамоты, приводимой Симсономъ (изъ Tiraboschi „*Storia di Nonantula*“ II, р. 38) приходится нѣсколько измѣнить. Нужно читать: „*quia eodem tempore praefatus abbas Petrus pro iussione domini imperatoris Caroli pacis tenore* (не „*tempore*“, какъ дано) *Constantinopolim directus est.* („*pacis tempore*“ произошло повидимому вслѣдствіе предшествующаго „*eodem tempore*“).—Въ специальной монографіи Гарнака „*Das karolingische und das byzantinische Reich in*

„Христіанская імперія“.

Какое же отношение имѣло такъ называемое „Возстановленіе імперіи“ къ идеѣ обѣ універсальности Карловой монархіи, не есть ли это именно осуществление его цѣли,—вотъ вопросъ, который требуетъ наиболѣе тщательного разслѣдованія. Остановлюсь только на одной сторонѣ этого вопроса, такъ какъ опредѣленіе значенія коронаціи и востановленія імперіи выходитъ за намѣченныя нами рамки и, по своей сложности, по великой массѣ скрещивающихся вопросовъ традиції, теоріи и политической практики, требуетъ особаго этюда.—Рассмотримъ ближе, какое опредѣленіе получило „*regnum*“ въ тогдашней политической теоріи, и не было ли въ немъ сходныхъ чертъ съ послѣдующей „имперіей“, такихъ элементовъ, которые подготовили почву для этого „*imperium*“.

Въ исторіографіи существуетъ вполнѣ опредѣленное мнѣніе, что „имперія“ была и признавалась задолго до коронаціи ¹⁾, и это мнѣніе, аргументированное, къ сожалѣнію, слишкомъ слабо и лишь мимоходомъ ²⁾, уже само по себѣ должно вызывать на размышеніе.

---

ihrer wechselseitigen politischen Beziehungen“ 1880) церковность этого „мира“ („рах“ означать таки и тутъ скорѣѣ значить „гармонія“ см. май, стр. 70) совсѣмъ не отмѣчена, да и вообще даются только факты политической исторіи и исторіи дипломатическихъ спонсій безъ выясненія руководящихъ причинъ (только, р. 45, Гарнакъ выставляетъ весьма спорное положеніе о стремлениі Карла къ „*Herrschaft im Osten*“)

¹⁾ Особенно ясно у Warnkoenig et Gerard, I, p. 319, Niehüs, p. 571, Weyl p. 21, Dahn, III, p. 1074, et passim.

²⁾ Въ основѣ этого утвержденія лежать цитаты (но только „избранныя“ изъ ти-
туляціи и терминологіи писемъ Алкуніна: Lorentz, p. 236—ер. 205; Waitz III, p. 170—
ер. 205; Döllinger, pp. 344 sq.—ер. 205; Ranke V, 1 p. 184—ерр. 78, 205; Dahn III, p.
1074—ер. 78; Weyl p. 23—ерр. 99, 110, 112, 205.—Вотъ полная сводка мыѣтъ, где упо-
минается обѣ „имперіи“ до коронаціи. ер. 79 (Jaffé, IV, p. 346) 796—97: „ut plurimos...
ad decorum *imperialis regni ventri* erudiam. ер. 99 (Ib., p. 420) 798: Карль долженъ
попробовать, чтобы „haec impia heresia... extinguitur, antequam latius spargatur per
orbem christiani imperii, quod divina pietas tibi tuisque filiis comisit regendum atque
gubernandum. ер. 110 (Ib., p. 448), 799: det tibi Deus decus imperii. ер. 112 (Ib.,
p. 459) 799: Floreat aeternis tecum sapientia donis. Ut tibi permaneat laus honor
imperium. ер. 118, (Ib., p. 483, 799: per vestram prosperitatem, *christianum* tueatur
imperium. ер. 119, (Ib., p. 485) 799: Богъ въ награду за заботы Карла о христіанствѣ,
далъ ему 2 „шилага“—„terrena felicitatis imperium, spiritualis sapientiae latitudo“.
При этомъ Алкунинъ опредѣляетъ „quales esse debuissent [imperatores] стихомъ
„parcere subiectis et debellare superbos“, взятыми имъ изъ De Civ. Dei I, с. 6.—
ер. 125 (Ib., p. 506; Ариону) 799: умерли два графа „qui terminos custodierunt

Но, на мой взглядъ, не менѣе важно еще и стѣдующее указаніе, которое, насколько мнѣ известно, не было еще сдѣлано: не только до коронаціи существовало „imperium“, но и послѣ коронаціи продолжало существовать „regnum“. Дѣйствительно, какъ разъ наиболѣе освѣдомленные современники и послѣ 800 г. одинаково упоминаютъ про державу Карла, какъ про „regnum“, самого же его называютъ то „rex“, то „imperator“, причемъ оба титула иногда чередуются въ одномъ и томъ же письмѣ¹⁾.

etiam et dilataverunt christiani imperii. ep. 140 (Ib., p. 538: Лейденду) июнь 800: тѣ земли, которыхъ раньше занимало „Rowanum imperium“, вимаетъ теперь „christianum imperium“. ep. 142 (Ib., p. 546: Карлу) июнь 800: *vestra sancta voluntas... fidem ubique defendat; ac veluti armis imperium christianum fortiter dilatare laborat, ita et... fidei veritatem defendere docere et propagare studiat.... Omnipotens Deus... ad christiani imperii pacem et profectum vestram... potentiam... conservare dignetur.* ep. 205 (Ib., p. 697) невѣрно отнесенное издателями ко времени послѣ 800 г. вслѣдствіе: „splendor imperialis potentiae vestrae“. Аоріанъ I Карлу (Jaffé, IV, p. 199) 799:... ecce novus christianissimus Dei Constantinus *imperator his temporibus surrexit.*

¹⁾ Алкуинъ графу Роттарю (Jaffé, VI, p. 605) 801: Карль—„imperator“, государство его „regnum“; англійскому архіепископу (Ib., p. 617) 801: два раза Карль названъ *rex*; въ письмахъ Карлу послѣ 800 г. часто встречается „David rex“ (Ib., pp. 620, 676, 684, 697, 756). Обращеніе это не останавливало бы на себѣ вниманіе и можно бы было согласиться съ объясненіемъ издателя (Ib., p. 676, N 1): *regum nomen tribuit Alchuinus imperatori, quia David eum nominat*, если бы мы не имѣли „David imperator“ (Ib., p. 613). Алкуинъ Арпону (Ib., p. 657) 802: *De bona voluntate domini imperatoris valde certus sum, quod omnia ad rectitudinis normam in regno sibi a Deo dato disponi desiderat.* Алкуинъ Карлу (Ib., p. 674) 802: *O rex augusto clarissime dignus honore. Et dux, et doctor et decus imperii* (изъ предыдущаго видно что „imperium“—государство Карла); Ib., p. 775: *Rege regum deo Christo donante, Corolo regi imperiori augusto, optimo maximo;* Ib., p. 779 (801—804): „*Sacra serenissime Auguste, christianorum turba, quae sub gloriosissimo vestrae dominationis imperio est constituta, pro vobis et pro totius regni vestiti statu, divinae etiam protectioni vestrum commendans imperium, omnipotenti Domino, qui vestri est regni gubernator, vota persolvit: immensas etiam eo agendo gratias pro eo, quod in universalis ecclesia, quae sub excellentissimo dominationis vestrae imperio couversatur, universis Dei cultoribus pax est et quies. Non solum enim ab impetu gentilium et omnium christiani nominis inimicorum, quos... vestra sublimitas terret atque prosternit, sunt protecti, sed per vestri imperii et sapientiae axcellentiam, adductis ab idolorum cultu innumerabilibus populis ad fidei catholicae... agnitionem quotidie in Christo credentibus propagatur numerus et dominus Dei in cunctis regni vestri terminis... exultat;* Ib., p. 780: „*serenissime Auguste... vestra regalis benignitas. Теодульфъ въ стихотворномъ посвященіи своего труда „De Spirito sancto“ пишетъ въ 809 г. „rex inclite“, (см. Жур. Мин. Нар. Пр., 1902, декабрь, стр. 368, № 5). Самъ Карлъ Сар. miss. gen. 802, c. 2 (Bor. I, p. 92) пишетъ: „imperator“ а*

Какъ себѣ объяснить подобное безразличное употребление „гех“ и „imperator“, „regnum“ и „imperium“? Съ одной стороны есть ясныя указанія, что на Западѣ недостаточно понимали значеніе этихъ терминовъ, мало дѣлали различія между ними, называя древнюю Римскую имперію то „regnum“, то „imperium“¹⁾, не признавали особенно за „императоромъ“ болѣе высокаго положенія чѣмъ за франкскімъ „гех“²⁾, а, напротивъ, даже возвышали „короля“ надъ „им-

---

затѣмъ „regnum suum“ (см. цитату *Журн. Мин. Нар. Цр.*, 1902, октябрь, стр. 379, пр. 1); также въ формулѣ присяги—Capit. miss spec. 802 (Ib., p. 101), см. тамъ же, пр. 2). Эйнгардъ въ биографіи говорить про „regnum“ Карла (cc. 21, 30). Особенно любопытно с. 30: Карлъ дѣлаетъ Людовика „consortem totius regni et imperialis nominis heredem... nam divinitus ei propter regni utilitatem videbatur inspiratum.— Отсюда Ранке (V, p. 240) и, независимо отъ него, Дань (III, p. 1141) дѣлали вѣрный и чрезвычайно важный выводъ, что до 813 г. „до коронаціи Людовика Карлъ считалъ императорство личнымъ своимъ достояніемъ (personlicher Besitz). Неудачно противъ этого выступила Weyl „Nachträge“ zu p. 27.

¹⁾ Алкуинъ (Jaffé, IV, p. 485): „imperatores regni Romani“: Ib., p. 538 — „Romanum imperium.— Вместо болѣе краткаго „imperium Romanum“ (=Византія) Алкуинъ (см. стр. 92, прим. 1) пишетъ — „secundae Romae saecularis potentia“. Эйнгардъ почти что не знаетъ „римскихъ“ или „византійскихъ“ императоровъ, а пишетъ „imperatores Constantinopolitanus“ (cc. 15, 16): Карлъ становится тоже не императоромъ, а только получаетъ „посланіе imperatoris“ (cc. 16, 28, 29, 30). Самъ Карлъ въ рѣдко употребленномъ имъ пышномъ титулѣ называетъ себя: Capit. Ital. 801 (Вог., I, p. 204). „divino nutu coronatus, Romanum regens imperium, serenissimus augustus ...Anno ab incarnatione consulatus autem nostri primo.“

²⁾ Особенно характерно, что самъ Карлъ въ *Libri Carolini* довольно безразлично употребляетъ, относительно византійскихъ императоровъ, то „гех“, то „imperator“. Напримеръ, въ первомъ же Предисловіи (Migne, LXXXVIII, col. 1002): Inflammavit ventos ac arrogantiae inflata ambitio et vanas laudis insolentissimus appetitus quosdam orientalium partium non solum reges sed etiam sacerdotes. Далѣе: quod rex eorum Constantinus eos ab idolis liberasset. *Hauck*, разбирая (II, pp. 285, 286) это „гех“, считаетъ его „тенденціознымъ“ (также и проф. Визигинъ: *Журн. Мин. Народного Просвѣщенія* ноябрь, 1901, p. 150), намѣреніемъ уменьшить, желаніемъ „поставить его на одинъ уровень съ собой“. Послѣднее замѣчаніе вѣрно уже потому, что чрезъ всѣ *Libri Carolini* красною ниткою тянется идея равенства между покорителями франковъ и грековъ-римлянъ („Ebenbürtigkeit“ отмѣчаетъ и Гаукъ, p. 287). Зато первое замѣчаніе наврядъ ли вѣрно. Невѣрно оно уже потому, что этотъ умалляющій лжебы титулъ сохранился далеко не вездѣ: III, c. 15 — „imperialis effigies“; IV, c. 20 — „imperatores eorum“; а кроме того не совсѣмъ правдоподобно, чтобы Карлъ хотѣлъ бы своимъ собственнымъ титуломъ уменьшить византійского императора, тѣмъ болѣе, что понятіе, „гех“, какъ мы сейчастъ увидимъ (см. слѣд. прим.), никакъ не ниже, по даже выше понятія „императоръ второго Рима“. (Если уже искать „тенденціознаго“ уменьшія, то унибудь было бы остановиться на обозначевшемъ Константина V и Ирины какъ „принцессы“; III, c. 19).

ператоромъ¹⁾). Съ другой стороны, необходимо допустить, что положеніе *после* 800 г. имѣло много общаго съ положеніемъ *до* 800 г. Но это объясняетъ только, почему и *после* 800 г. Карла могли титуловать „rex“.

Почему же его и *до* 800 г. многократно называли „imperator“, его государство и его власть „imperium“? Коронація, очевидно, тутъ не причемъ, и приходится допустить, что и *до* 800 г. существовало нечто, что единодушно обозначалось словомъ „imperium“.

Это „imperium“, какъ *власть*, является высшей христіанской властью, притомъ властью, такъ сказать, не отъ міра сего, не грубо материальной, не чисто политической, которая является не только

¹⁾ Алькинъ Карлу 799 г. (Jaffé, IV, p. 464): „Nam tres personae in mundo altissime(ae) huc usque fuerunt. Id est, apostolica sublimitas.... Alia est imperialis dignitas et secundae Romae saecularis potentia.... Tertia est regalis dignitas, in qua vos domini nostri Iesu Christi dispensatio rectorem populi christiani dispositus, ceteris praesatis dignitatibus potentia excellentiorem, sapientia clariorem, regni dignitate sublimorem. Ecce in te solo tota salus ecclesiarum Christi inclinata recumbit. Tu vindex scelerum, tu rector errantium, tu consolator maereuntium, tu exaltatio bonorum. Это знаменитое письмо вызвало массу невѣрныхъ толкований, которые сводятся къ тому, что королевская власть, какъ третья по счету стоять *ниже* двухъ первыхъ. Döllinger, p. 354 (потому что „regia potestas“ на третьемъ месте). Niehüls, p. 568: Alcuin selbst... stellte das oströmische Kaiserthum über das Königthum seines Herrn (вывод, непонятный уже потому, что самъ Niehüls, pp. 560, 561 даетъ вѣрный переводъ всей тирады). Fustel de Coulanges, VI, p. 310: Alcuin écrivait à Charlemagne, en 799, que le nom d'empereur était plus grand que celui de roi*. Мнѣніе это, очевидно, тоже основано на *расположеніи*, такъ какъ въ примѣчаніи Фюстель цитируетъ это письмо такъ: „tres personae in mundo altissimae... Apostolica sublimitas... Imperialis dignitas.... Tertia est regalis dignitas, in qua vos“.. Такимъ образомъ совершенно опущены столь важный конецъ, а также не отмѣчено, что Алькинъ вовсе не говоритъ объ „императорскомъ санѣ“ вообще, а специально о *византійскомъ императорствѣ*. Ketterer p. 78 поступаетъ уже совсѣмъ ненаучно, чтобы не сказать болѣе, ставя въ кавычки то, что Алькинъ никогда и не думалъ писать. Вотъ его передача: „Alcuin in einem seiner Briefe... dass nämlich die Würde eines Frankenkönigs erst die dritte der christlichen Welt, und dass das Kaiserthum, welches ihr vorhergehe, nun einmal seit Jahrhunderten (?) rechtmässig (?) an das zweite Rom geknüpft sei“. — Непонятно также, какъ Кеттереръ въ примѣчаніи могъ сослаться на Mühlbacher „Deutsch. Gesch.“ I р., 204, гдѣ данъ вѣрий и точный переводъ (за исключениемъ „die dritter Stelle высто—„die dritte Gewalt“). Проф. Вазинъ (Журналъ Министерства Народного Просвѣщенія, 1901, ноябрь р. 166) даетъ замѣтительно точный переводъ, но и онъ переводить „на третьемъ“ *значеть* стоять санѣ *нарсії**, хотя дальше пишетъ: „санъ это стоять *выше* остальныхъ...“.

господствовать надъ міромъ¹⁾, но главнымъ образомъ защищать христианство, оградить церковь Христову извѣтъ отъ враговъ, внутри отъ грѣховъ, не столько силой, сколько „мудростью“²⁾.

Это „imperium“, какъ „государство“, является специфически христианскимъ государствомъ³⁾, воинствующей и побѣждающей Божіей общиной, которая распространится по всему свѣту⁴⁾, которая къ тому же опредѣляется не материально, не границами или вообще территориальными или этнографическими опредѣленіями, а какъ единеніе (*unitas*) всѣхъ людей, исповѣдующихъ единую христианскую вѣру, преисполненныхъ „рах“ и „*unanimitas*“⁵⁾. Какъ видно, это „imperium“ въ точности воспроизводитъ земную, „странствующую“ часть „civitas Dei“ Августина, измѣнившая только название, сообразно съ измѣнившимися политическими условіями.

¹⁾ Хотя въ такомъ грубомъ видѣ понимаетъ императорскую власть Левъ III въ стереотипномъ окончаніи своихъ писемъ — „*piissimum domini imperium... gratia superna custadiat, eique omnipotum gentium colla substernat.*“ (Jaffé IV, pp. 311, 314, 317, 320, 322, 325, 327, 36, 332, 37).

²⁾ Алькуинъ Карлу (Jaffé, IV, p. 775): *Unde* (изъ письма Карла, предложившаго нѣсколько „euangelicas quaestiones“) *patenter agnosci poterit, non tantum imperatoriam vestrae prudentiae potestatem a Deo ad solum mundi regimen sed maxime ad ecclesiae præsidium et capientiae decorem conlatam.* — Ib., pp. 671, 672. см. стр. 94, прим. 4.—Алькуинъ высказываетъ (Ib., p. 459) слѣдующія пожеланія:

*Floreat aeterris tecum sapientia donis,
Ut tibi permaneat laus, honor, imperium.*

(о важной роли „мудрости“ короля см. Жур. Мин. Нар. Пр. 1902 декабрь, стр. 391). Ib., p. 757: „*sacratissimi gubernacula imperii*“. Чрезвычайно любопытно посланіе Алькуинна къ Константому „народу“. Обращеніе (Ib., p. 369): *Nobilissime genti et populo laudabili et regno imperiali Cantuariorum*“. Далѣе (p. 370): „*a vobis imperii potestas* prima processit et fidei catholicae origo exorta est“⁶⁾. Оказывается что Кантакское государство потому названо „*regnum imperiale*“ и „*imperi potestas*“, что въ немъ особенно сильны христианская и христианизующій элементы.

³⁾ Относительно „christianum imperium“ см. выше стр. 89, прим. Алькуинъ (Jaffé, IV, p. 307): „*regnum christianitatis*“; (Ib., p. 756) *cunctum christianitatis imperium*; (Ib., p. 779) „*sacra christianorum turba, quae sub... vestrae dominatiovis imperio est constituta*“.

⁴⁾ См. стр. 94, пр. 4; см. и слѣд. пр.

⁵⁾ Алькуинъ Карлу (Jaffé, IV, p. 674): „*universorum fidelium (=christiani) opertandum est, ut in omnem gloriam vestrum extendatur imperium: ut scilicet catholica fides... veraciter in una confessione cunctorum cordibus infligatur; quatenus summi regis donante pietate, eadem sanctae pacis et perfectae caritatis omnes ubique regat et custodiat unitas.*“ — Недаромъ поэтому Карла при коронаціи привѣтствовалъ „*pacificus imperator*“ (см. скржк. жтѣль Simson, II, p. 236).

Каковъ же „imperator“, повелитель этого „imperium Dei“? Онъ не только заступникъ всѣхъ христіанъ¹⁾, какъ опредѣляютъ и нѣкоторые изслѣдователи²⁾, онъ дѣйствительно властитель, государь всѣхъ христіанъ, „христіанскаго народа“³⁾. Власть получаетъ онъ отъ Бога, и Богъ же даетъ ему средства для управления—могущество и мудрость, для успѣшной внѣшней и внутренней политики⁴⁾. Отсюда вытекаютъ и двѣ главныя обязанности: не только защита своихъ подданныхъ, т. е. всѣхъ христіанъ, всего христіанства, но и расширение предѣловъ этого христіанства, вербовка новыхъ членовъ, борьба съ дьяволомъ; мудрость же дана ему для исправленія духовно-нравственнаго состоянія своихъ подданныхъ, для укорененія ихъ въ вѣрѣ и богоугодной жизни, для отвращенія ихъ отъ дьявола и дѣлъ его. Опять, такимъ образомъ, видно, какъ идеалъ христіанскаго императора, выставленный въ эпоху Карла, совершенно совпадаетъ съ соответствующимъ идеаломъ Августина⁵⁾. Но опять замѣтна и терминологическая разница. Высшей политической властью Августинъ считалъ императора. Западъ же въ VIII вѣкѣ забылъ этотъ титулъ, рѣдко сталкиваясь съ его византійскими носителями, имѣя, кромѣ того, у себя равнозначащей по значенію и величинѣ титулъ—„король“. Поэтому во главѣ идеального христіанскаго „imperium“ VIII вѣка стоитъ не „imperator“, а „король“, могущественный король франковъ, который, въ отличие отъ другихъ королей, и называется „summus“,

¹⁾ Chron. Moiss. 801: Карла просятъ принять титулъ „imperator“ между прочими потому, „ne pagani insultarent christianis, si imperatoris nonen apud christianos cessasset“. Не менѣе любопытна передача и другой рукописи (Pertz ея не даетъ, только Bouquet „Recueil“, V): quia Deus omnipotens has omnes sedes (Италия, Галлія, Германия) potestate eius concessit et ne pagani insultarent christianis.

²⁾ По почину Döllinger'a, p. 354.

³⁾ Алкуинъ про Карла (Jaffé, VI, p. 601): „rector et imperator populi christiani“.

⁴⁾ Алкуинъ (Jaffé, VI, pp. 671, 672) 802 г.: Karolo imperatori augustissimo atque christianissimo... Dum dignitas imperialis, a Deo ordiuita, ad nil aliud exaltata esse videtur, nisi populo praeesse et prodesse, proinde datur a Deo electis potestas et sapientia: potestas, ut superbos opprimat, et defendat ab improbis humiles; sapientia, ut regat et doceat pia sollicitudine subiectos. His duobus, sancte imperator, muneribus divina vestram incomparabiliter sublimitatem... honoravit, terrem potentiae vestrae super omnes undique gentes immittens, ut voluntaria subiectione ad vos veniant...

⁵⁾ См. жай, стр. 72 и слѣд.

„magnus“ rex и „королемъ по преимуществу“ ¹⁾). Послѣ 800 г. титулъ „великий король“ замѣняется титуломъ „imperator“, хотя и прежній титулъ „rex“ примѣняется довольно часто ²⁾.

Воть какая „имперія“ существовала до 800 г. Она возникла на чисто теократической основѣ и во многихъ отношеніяхъ, особенно въ своихъ притязаніяхъ на универсальность, представляла скорѣе идеальъ, чѣмъ фактъ. Ясно потому, что она несомнѣмѣра съ той „имперіей“, которая устанавливалась коронаціей: теократическая, идеальная имперія и возстановленная въ 800 г. политическая имперія—понятія сильно разнородныя ³⁾, и нельзя поэтому сказать, что идеальная имперія осуществилась въ имперіи 800 г. Событие 800 г. должно было замѣтно измѣнить утопическую „христіанскую“ имперію, практика должна была отрезвить и корректировать теорію. Но съ другой стороны и политическая теорія, идея „христіанской“ имперіи не осталась безъ вліянія на практическую политику: перенесенъ быль въ видѣ руководящихъ принциповъ цѣлый рядъ понятій, которыхъ придали своеобразную окраску не только стремленіямъ и притязаніямъ, но и дѣйствіямъ правительства, создали ту специфическую

¹⁾ Павелъ I Ниппину (Jaffé, IV, p. 81): „magnus et praecepsius rex“; (p. 118): „a Deo institutus magnus rex“. Константина II Ниппину (Ib., p. 148): „christianissime.... magne rex“; (Ib., p. 151): „magne orthodoxe rex“. Андріанъ I про Ниппина (Ib., p. 232): „summus rex“. Стефанъ IV Карлу и Карадону (Ib., p. 156): christianissimi magni reges. Адріанъ I Карду (Ib., p. 174): „magne christianissime rex“; (Ib., pp. 180, 186, 195): a Deo institute magne rex; (Ib., p. 183) magne a Deo illustrare rex; (Ib., p. 225): summa regalis potentia. — V. Hadriani I (Duchesne I, p. 494): „a Deo protecto Carolo magno rege“. Ann. Laur. mai. cc. 783: „magnus rex“. Fragm. Bern., Vindob. a. 781: „magnus rex“. У Ранке есть специальная глава „Der geistliche Charakter des fränkischen Grosskönigthums“, (V, 2, pp. 164, sq.) но у него исходнымъ и опредѣленнымъ моментомъ служить (p. 164) „das Zusammenspiel des Papstthums mit dem Königthum“, что и лежало по его мнѣнію, въ основаніи этого „Grosskönigthum“. Ранке утверждаетъ (p. 165), увлекаясь представлениемъ о слишкомъ большомъ вліяніи папы, что „im Namen des heiligen Petrus wurde des Krieg gegen die Sachsen geführt“ (сказано, очевидно, на основаніи письма папы, Jaffé, IV, p. 246, хотя оно и не цитовано). Кроме того Ранке, выставляя терминъ „Grosskönigthum“ (впервые pp. 162, 163) не приводить ни одного документальнаго доказательства, а кроме того невѣрно (см. выше примѣры) указание, что „Grosskönigthum“ возникло въ промежутокъ 772—791 гг.

²⁾ См. выше, стр. 90.

³⁾ Напримеръ, Алькуинъ въ одномъ изъ писемъ къ Лейдраду (Jaffé, VI, p. 538), желая отмѣтить разницу между прошедшимъ и настоящимъ, дать какоенибудь определение двухъ разныхъ эпохъ не находить болѣе мѣткаго определенія, какъ „Roma-num imperium“ и „christianum imperium“.

смѣсь возвышенной теоріи и низменной, будничной практики, кото-
рая такъ характерна для всѣхъ среднихъ вѣковъ.

Основные принципы „христіанской имперіи“.

Дѣйствительно, разсмотримъ ближе тѣ принципы, которыми руко-
водились „великие короли“, Пипинъ и особенно Карлъ, а также ту
общую цѣль, которую они преслѣдовали при своемъ управлениі.
„Unanimitas“ (concordia), „iustitia“, „caritas“, „ Pax“—вотъ принципы,
проводимые Карломъ ¹⁾ при внутренней политикѣ, безчисленное коли-
чество разъ, горячо рекомендуемые и имъ въ это указахъ, и его со-
временниками въ ихъ письмахъ и посланіяхъ ²⁾. Всѣ эти принципы

¹⁾ См. также А. С. Вязгинъ Журн. Мин. Нар. Просв. 1901, ноябрь, р. 119.

²⁾ Admon. gener. a. 789. (Bor. I, p. 56) с. 62: „Ut pax sit et concordia et
unanimitas cum omni populo christiano inter episcopos, abbates, comites iudices et
omnes ubique seu maiores seu minores personas, quia nihil Deo sine pace placet.
(Нѣсколько ѿже Алкуинъ въ англійскомъ письмѣ, Jaffé, VI, p. 207: „Vel quis cum
Deo pacem habebit, si praedicataribus sue salutis non obtemperat). Ann. Lauresh.
a. 801: Первымъ дѣломъ Карла послѣ коронаціи,—установление „ Pax et concordia in
sancta ecclesia Romana. Cap. miss. den. 802. (Bor. I, 92) с. 1: Sed omnes omnino
secundum Dei praeceptum iusta viverent rationem iusto iudicio, et unusquisque in
suo proposito vel professione unanimiter permanere amonesteg... omnem in invicem
in caritate et pace perfecte viverent. Cap. 803. (Bor., I, p. 118) с. 8: Миссы посы-
паются „ad iusticias faciendas“ (ср. Ann. Lauresh. a. 802). Chron. Moiss. a. 807:
Karolus imperator perrexit ad Ingalaicum palatum et ibi habuit conventum suum cum
episcopis et comitibus et aliis fidelibus; et mandavit eis, ut iusticias facerent in
regno eius. Postea dedit eis licentiam ad propria remeare et quietos sedere, et ut
Deo gratias agerent ad pax et concordia ipsorum. Относительно „ Pax“ etc между
запятками см. ниже, стр. 98, пр. 7. Здѣсь отмѣчу только Cap. e canon. excerpta
813 (Bor., I, p. 174) с. 9: Ut pax sit et concordia inter episcopos et comites et
reliquos clericos et monachos et laicos. Уже Павелъ I писалъ Ниппину (Jaffé, IV,
p. 141), что Христос чрезъ Ниппина вѣтъ даетъ „ Pax“. Алкуинъ (Jaffé, IV,
p. 173) указываетъ аббату Корбейскому главную его обязанность: „Pacis cuius se-
minatores simus inter populos christianos“. Ib. p. 798: Вѣтъ людямъ необходимы
„concordiae bonum et pacis unanimitas“. Теодульфъ (Migne, CV, col. 221) такъ очер-
чиваетъ принципы государственной дѣятельности Карла: omnes generaliter ad pru-
dentiam, iustitiam, fortitudinem, temperantiam atque concordiam [exerceat]. Admonitio
Людовика (Bor. I, pp. 303, 304) с. 2: optamus, ut tria specialiter... in huius regni
administratione specialiter conservantur: id est defensio et exaltatio vel honor s.
Dei ecclæsiae... et pax et iustitia in omni generalitate populi nostri; с. 13: omnibus
etiam generaliter dicimus, ut caritatem et pacem ad invicem habeatis; с. 14: графы
и епископы должны доносить другъ о другѣ, чтобы „amborum relatu de aliorum
fidelium in suis ministeriis consistentium [люди ихъ окружонъ] aquitate et pace at-

тѣснѣйшимъ образомъ связаны другъ съ другомъ и одинаково важны для хорошаго христіанскаго государства, таъ что между ними нельзя указать ни главныхъ, ни производныхъ. Ясно только одно: общебязательность и необходимость этихъ принциповъ вытекаетъ изъ ихъ божественнаго происхожденія, ибо они—повелѣніе Божье, точно указанное Божиимъ откровеніемъ — Писаніемъ. Знать Писаніе значитъ имѣть *правильное сужденіе* обо всемъ, «*recte iudicare*», а отсюда уже вытекаютъ „*рахъ*“ и „*concordia*“ и все остальное¹⁾.

Кто же призванъ проводить въ жизнь эти принципы? Прежде всего, конечно, власти (такъ какъ вся масса простыхъ подданныхъ является только въ видѣ мягкой глины въ ихъ рукахъ), но не всѣ власти въ одинаковой степени, а главнымъ образомъ тѣ, которые имѣютъ наиболѣе полное и лучшее пониманіе Божиихъ законовъ и Писанія. Первое иѣсто, поэтому, занимаетъ государь, этотъ „муд-

que *concordia cognoscere*. Парижскій соборъ 829 г. (Bor., II, p. 47) рисуетъ такой идеалъ государя: „*Regale ministerium specialiter est populum Dei gubernare et regere cum aequitate et iustitia et ut pacem et concordiam habeant studere.*—Въ виду этой обязанности короля и объясняются некоторые эпитеты въ родѣ: „*vestra praerectissima excellentia*“, „*praerectissime fili*“, „*a Deo promota praerectissima regalis excellentia*“ (Адріанъ I, Jaffé, IV, pp. 228, 254, 238); „*vestrum pium ac legale iudicium*“ (Левъ III, Ів. р. 331) и т. п.

¹⁾ Послание Катвульфа Карлу (Jaffé, IV, p. 338): читай Писаніе („*legem Dei tui scriptum*“), и тогда будешь „*recte indicare*“. Cap. miss. gen. 802 (Bor., I, p. 94). c. 14: „*Ut episcopi, abbates atque abbatissae comitesque unanimi invicem sint, consentientes legem ad iudicium iustum terminandum cum omni caritate et concordia pacis, et ut fideliter vivant secundum voluntate Dei, ut semper ubique et propter illos et inter illos iustum iudicium*“ (конечно, не „судъ“, а „сужденіе“ — „взаимное пониманіе“) ibique perficiatur. Ib. c. 1 (p. 92)... опять оштрафо *secundum Dei praescriptum* iusta viverent rationem iusto iudicio... это и есть то, что иѣсколько раньше было обозначено чрезъ „*secundum rectam legem vivere*“. „*Lex*“ тутъ — Божій законъ, „*secundum rectam legem vivere*“ — „жить по-божьи“. Видно это уже изъ того, что государственный законъ описывается чрезъ „*prescripta lex*“, причемъ указывается на его несовершенность, на необходимость исправлять его сообразно съ Божиимъ закономъ („*Ubi autem aliter quam recte et iuste in lege aliquid esse constitutum, hoc... exquirere et sibi innotescere, quod ipse [Карль] donante Deo meliorare cupit*“). Такъ же понимается „*lex*“ (= Божій законъ) и Катвульфъ въ своемъ Послании. Онъ поучаетъ Карла: „*ut legem exaltetis*“, „*totius christianitatis lex continet per Dei mandatum* (въ Писаніи)... „*habeas enchyridion... legem Dei tui scriptum*“ (= Писаніе) *in manibus tuis*.... Вотъ почему епископы на судѣ должны напоминать о Божиемъ законѣ. Майнцскій соборъ 813 г. (Mansi XIV p. 96): „*episcopus.... de verbo Dei iudices admoneat*“.

рѣйшій¹⁾, „христіанійшій²⁾ „учитель“³⁾). За нимъ слѣдуютъ духовныя лица, преимущественно епископы, какъ знатоки „замона“ и Писанія. Вотъ почему епископовъ и нужно особенно уважать, вотъ почему равнозначущія имъ свѣтскія власти, графы, должны уступить имъ первенство⁴⁾. На судѣ графа присутствуетъ и епископъ, чтобы— напомнить „verbum Dei“⁵⁾, его же увѣщаніямъ, какъ мы видѣли⁶⁾, приписывается великая исправительная сила. Таковы лица, главнымъ образомъ заботящіяся о проведеніи въ государствѣ великихъ и важныхъ христіанскихъ принциповъ. Но проводить эти принципы можно только тогда, когда сами проводящіе являются „добрьмъ примѣромъ“ въ этомъ отношеніи. Вотъ почему забота о добрыхъ отношеніяхъ, о гармонії („рах“) между властями, особенно между епископами и графами⁷⁾, проходитъ красной нитью по всѣмъ указамъ Карла. Карль въ данномъ случаѣ не только стремится предупредить и изгладить распри между двумя властями одной и той же территории, но и истребить соблазнъ, гибельный примѣръ, установить „рах“, ту гармонію взаимныхъ интересовъ, при наличности которой и между властями

¹⁾ См. Жур. Мин. Нар. Пр., 1902, декабрь, стр. 391.

²⁾ См. выше, стр. 77.

³⁾ См. май, стр. 88.

⁴⁾ Особенно сильно выражено въ одномъ изъ англійскихъ писемъ Алкуина (Jaffé, VI, p. 183): „Estote rectores populi, non raptiores; pastores, non praedatores. Deo dante, honores accepistis. Adtendite observationem mandatorum eius.... Oboedite sacerdotibus Dei. Illi enim habent rationem reddere Deo, quomodo vos ammoneant; et vos, quomodo oboediatis illis. Sit una pax et caritas inter vos. Illi intercessores pro vobis, vos defensores pro illis“. Объ особенностяхъ англійскихъ писемъ Алкуина см. ниже, стр. 102 и слѣд.

⁵⁾ См. стр. 97, пр. 1.

⁶⁾ См. май, стр. 91.

⁷⁾ Admon. gen. 789, c. 62, (см. выше, стр. 96, пр. 2). Cap. miss. gen. 802, c. 14, (см. выше, стр. 97, пр. 1). Pippini cap. ital. c. 5. (Bor., I, p. 209): „Volumus, ut episcopi et comites concordiam et dilectionem inter se habeant.... Cap. Baiuv. 4. (Ib., p. 158): Ut episcopi cum comitibus stent et comites cum episcopis. Cap. e canon. excerpta. (Ib., p. 174), c. 9: Ut pax sit et concordia et unanimitas cum omni populo christiano inter episcopos, abbates, comites, judices.... (см. соборъ въ Ахенѣ 813 г., Hefele, III, p. 766). Специальная обязанность миссовъ слѣдить за этими добрыми отношеніями. Cap. miss. spec. (Bor., I, p. 101). c. 18: Ut diligenter inquirant (missi) inter episcopos, abbatis sive comites... qualam concordiam et ami citiam ad invicem habeant per singula ministeria, an si aliqua discordia inter ipsos esse videtur. Fragm. (Bor., I, p. 214): Scire debent missi dominici, qualiter epis copus atque comes inter se habent conversationem et quonodo sunt consentientes legem atque iustitiam vel pacem.

и между всѣми остальными подданными только и могутъ процвѣтать гражданско-христіанскія добродѣтели— „iustitia“, „caritas“, „amicitia“.

Таковы основные принципы, на которыхъ должно покояться все внутреннее управление, вообще всѣ отношенія въ государствѣ. Какова же конечная цѣль этого управления, состоитъ ли она только въ возможно полномъ осуществлѣніи этихъ принциповъ, или идеть еще дальше?

Цѣль христіанскаго управления.

Цѣль эта—общее „благо“ („salus“). Но опасно впадать здѣсь въ модернизацию: „salus“ эпохи Карла не есть, какъ это ни заманчиво, „salut publice“, какъ говорили много вѣковъ спустя.

Въ эпоху Карла „salus“ имѣло вполнѣ опредѣленное значеніе: высшимъ „благомъ“ было спасеніе души, и сообразно съ этимъ подъ „salus“ и подразумѣвается спасеніе души подданныхъ или государя¹⁾.

¹⁾ Cap. miss. gen. 802. (Bor., I, 95), c. 17: примѣръ духовныхъ, особенно монаховъ— „maxima spes salutis omnibus christianis“ („christiani“ въ этомъ канонѣ здѣсь съ сильнымъ оттенкомъ „подданныхъ“). Заглавіе Конспекта II. (Ib., p. 162): Brevis capitulorum, quibus fideles nostros.... alloqui volumus et communere de communione nostrorum utilitate (= salute“, такъ какъ с. 1, объясняетъ, что главной темой будетъ служить духовно-правственное исправлѣніе). Missi cuiusd. амп. (Ib. pp. 239, 240): миссъ излагаетъ цѣлый рядъ правилъ въ видѣ поученія „per quam salvi eritis (= „спасетесь“).—Алкуинъ бывшій королевъ нортумбрійскій. (Jaffé, IV, p. 275): Scire debent praelati („пачальствующіе“), quod, quanto plus laborant in salute subiectorum suorum, tanto maiorem accepturi erunt gloriam“ (на небесахъ). Алкуинъ Карлу (Ib., p. 651): Deus... in salutem populi christiani... [vobis] prosperitatem perdonare dignetur; Ib., p. c. 74: „Multa est omnibus fidelibus, in vestra pie-tate gloriandi facultas dum clementiae vestrae sollicitudo sacerdotalem, ut decet, habet in praedicatione verbi Dei vigorem, et perfectam in catholica fide scientiam et sanctis. siam pro omnium salute devotionem. Одильбертъ Карлу (Jaffé, IV, p. 404): In vestra tranquillitate salutem omnium nostrorum adesse cognoscimus.—Государь вѣдь олицетворяетъ собою государство, и отъ состоянія государя зависить и состояніе всего государства (см. выше, стр. 84; тамъ же пр. 1 и нѣсколько любопытныхъ мѣстъ о „salus“). Съ этой точки зреінія очень интересны Notitia 817 г. (Bor., I, p. 350), съ точнымъ перечисленіемъ трехъ группъ монастырей, которые 1-хъ militiam facere debent, 2-хъ dona tantum dare debent, 3-хъ quae.... solas orationes pro salute imperatoris [dare debent]. Категоризация эта уже показываетъ, что всѣ три повинности являются государственными повинностями, что съ точки зреінія „salus“ государя = „salus“ государства и вполнѣ понятно. Важно для выясненія значенія „salus“ и посланіе архиепископа Рикульфа къ епископу Эгіону (Jaffé, IV, p. 393): Notum sit fraternitati tuae quia dominus imperator nos admonuit.... ut.... Dei .... misericordiam de precare debeat

О „*salus*“ заботится государь, почему онъ иногда и называется даже „спасителемъ“ ¹⁾). Разъ это благо осуществляется въ государствѣ, то (какъ, напримѣръ, при Карлѣ) начинаются „счастливыя времена“ ²⁾). И опять-таки и этотъ терминъ имѣть вполнѣ опредѣленное содержаніе: это—время всеобщаго спасенія душъ въ государствѣ, время господства „*salus*“, эпоха „христіанѣшаго“ короля, попеченіями котораго истинное христіанство восторжествовало ³⁾). „Счастливыя времена“, это — время господства „*salus*“, спасенія, и недаромъ „несчастный“ — синонимъ язычника, нехристіанина ⁴⁾.

ius pro communi salute, quandocumque necessitas compellit“. „*Salus*“ тутъ — спасеніе отъ несчастій, голода и мора, но вѣдь эти несчастія связаны съ грѣховностью потерпѣвшихъ, какъ указывается и въ самомъ посланіи („*tribulationes.... pro reccatis nostris*“). Такимъ образомъ, на этомъ примѣрѣ видно, какъ „*salus*“ материальное (= благополучіе) тѣсно связано съ „*salus*“ духовнымъ (= спасеніе). — Таково же и мысль двухъ миссовыхъ графу (Бог., I, p. 184): „*hanc direximus epistolam..., ut de omni re, quantum ad ministerium vestrum pertinet, quamquam ex his quae ad domini nostri servitium seu ad christiani populi salvationem vel custodiam pertinet totis viribus agere studeatis*“. Итакъ, графамъ надлежитъ одинаково заботиться и о материальномъ благополучіи (безопасности, защищенности) и о душевномъ спасеніи вѣренныхъ ихъ начальству людей. Алкуинъ (Jaffé, VI, p. 604): „*haec est plena et perfecta dilectio, ut.... fratrum salutis quemog.... admonere eos non cessat*“ („*Аллюнитіо*“ также важная обязанность *властей*. См. *май*, стр. 90, 91). Любопытно также привлеченіе одного мѣста Августина. Civ. Dei XIX с. 19.... „*non amandus est honor in hac vita sive patentia.... sed opus ipsum, quod per eundem honorem vel potentiam fit, id est, ut valeat ad salutem subditorum, quae secundum Deum est*“.

¹⁾ Poeta Saxo, V. v. 69:

Et tales semper dederas ab origine mundi
Apti salvandis qui fuerant aliis.

V. 103.

Mille modis tua magna, Deus, clementia gentes
Salvat per sanctos egregiosque viros“.

Все время при этомъ имѣется въ виду *Карлъ*.

²⁾ „*vestris felicissimis temporibus*“.... Адрианъ I Карлу (Jaffé, IV, pp. 173, 175, 197); Одильбертъ (Ib., p. 404); „*in his vestris felicissimis temporibus atque nostris*“ Адрианъ I (Ib., p. 199); „*vestrum felicissimum regnum*“ Адрианъ I (Ib., p. 233) и т. п.

³⁾ Алкуинъ королю Эадрульфу (Jaffé, VI, p. 305): „*meliora tempora*“ = *corrēctio patriae, subiectorum*. Алкуинъ Карлу (Ib., p. 449): *felicia christiano populo tempora in vestrae felicitatis exaltatione et salute certissime sciens*. (Опять „*salus*“ государя = „*salus populi*“!). Ib., p. 613: *Felix populus, qui sapiente et pio regitur principe*.

⁴⁾ Алкуинъ Карлу (Jaffé, VI, p. 307): *Ecce quanta devotione et benignitate pro dilatatione nominis Christi duritiam infelicitis populi Saxoni per veras salutis consilium emollire laborasti*!. „*Infelix*“ здесь можетъ значить только „*невѣрующій*“, а не

Но такова только земная цѣль хорошаго управления. Есть еще высшая цѣль, къ которой земныя „счастіе“ и „*salus*“ служить только предвѣремъ, подготавлиющімъ моментомъ: это — вѣчное небесное „счастіе“. Цѣль эта всегда и всегда должна быть предъ глазами правителей, всякихъ властей вообще, она должна быть ихъ высшей и, поэтому, единственной цѣлью ¹⁾). Поэтому, какъ ни подчеркивать трезвость и положительность политическихъ взглядовъ Карла, все же приходится удѣлить серьезное вниманіе взгляду мистическихъ элементовъ въ его міросозерцаніи — увѣренности, что конечной цѣлью управления должно быть царство небесное и государя и подданныхъ. Это было одновременно и цѣлью и наградой.

„несчастный“, „угнетенный“ (вѣдь это письмо къ *Карлу*). Въ томъ же смыслѣ Алкуинъ Армону (Ib., p. 327): *miseris gens Saxonum*. Алкуинъ англійскому архиепископу (Ib., p. 796): *sis salus miseris*, т. е. „просвѣщай заблудшихъ“ (невѣрующихихъ).

) Admon. gener. 789. Вступление (Вор. I, p. 53): Карлъ хочетъ своихъ подданныхъ „ad pacem vitae aeternae ducere (aeternae felicitatis)“, и для этого онъ и посыпаетъ миссовъ, „qui ex nostris nominis auctoritate... corrigit que corrigenda sint“. Cap. miss. gen. 802, с. 40 (Ib., p. 99): все нужно исправить, всякую немножко изгнать „ad nostra eterna mercedem et omnium fidelium nostrum“. Миссъ, въ дочедшей до насъ „Ammonitio“ (Ib., pp. 239, 240) все время говорить о „regnum Dei“, какъ о конечной цѣли, и о стремленіе устроить все такъ, „ut ista vita prospera et futura cum sanctis in eternum“. Посланіе двухъ миссовъ къ графу (Ib., pp. 183, 184): поступай такъ, „ut exinde et apud Deum mercedem et apud dominum nostrum bonam recipias retributionem. Алкуинъ бывшемъ королевѣ вортумбрской (см. выше, стр. 99, примѣч. 1): „gloria“ правителя поясняется тѣмъ, что Господь въ день суда скажетъ „такимъ“ (то-есть, хорошимъ) правителямъ: „хорошо, добрый и верный рабъ и т. д.“ (отъ Матея, 25, 21). Алкуинъ королю Эардунифу (Jaffé, VI, p. 305): ...ex correctione subiectorum ...firmetur regnum et futuri regni gloria aeternaliter concedatur. Алкуинъ казначею Мегенфриду (Ib., p. 323): „Illi (Карла) est laus et gloria et merces aeterna, ut bene ordinentur (поданные) et regantur“. Алкуинъ Карлу (Ib., p. 483): „Et utinam, ut quandocumque divina gratia vobis concedit libertatem a populo nefando Saxonum, iter agere, regna gubernare, singulis personis ac dignitatibus iusta decernere, leges statuere, peregrinos consolari et omnibus ubique aequitatis et caelstis vitae viam ostendere. Адрианъ I Карлу (Jaffé, IV, p. 193): Tunc (при энергической помощи церкви) et, qui in presenti vita regni gubernacula tenes et in futuro saeculo cum Christo regnans caelstis praemiorum gaudia adipisci merearis. Да и вообще: „Quid est... vita hominis in hoc mundo, nisi ut serviat Deo et ex huius operis effectu eternam sibi prosperitatem promereri contendat (Алкуинъ, Jaffé, VI, p. 731). Интересна и следующая ссылка на Августина (Civ. Dei, V, с. 24): благочестивый (*felix*) государь при всѣхъ своихъ дѣятствіяхъ имѣть въ виду „non... ardorem inanis gloriae, sed... caritatem felicitatis aeternae“.

Роль исторической церкви въ государствѣ-церкви.

Христіанское государство есть церковь, общество вѣрующихъ; во главѣ его стоитъ всевластный „великій“ король. Каково же положеніе церкви реальной, исторической, въ этомъ государствѣ, каковы отношенія между церковной іерархией и государственной теократической властью?

Разсмотримъ сперва этотъ вопросъ въ теоретическомъ построеніи того времени, а потомъ коснемся выратцѣ и практическаго его разрешенія.

Многіе изслѣдователи, особенно защитники папскаго суверенитета или вообще гегемоніи церкви, для подкрайленія своихъ возврѣній относительно эпохи Карла часто ссылались на письма Алкуина, при чёмъ утилизировали далеко не всѣ его письма, а только письма *англійскія*¹⁾. Но какъ разъ англійскія письма вовсе не являются общей нормой взглядовъ Алкуина, такъ что при выясненіи вопроса объ отношеніи церкви къ государству у *франковъ*, да еще при *Карль*, они не могутъ играть никакой рѣшающей роли.

Дѣйствительно, въ *англійскихъ* письмахъ Алкуинъ выставляетъ слѣдующія положенія: церковь и государство раздѣлены; первая, „обладающая ключемъ“ къ истинной жизни, дѣйствующая при помощи „небеснаго“ увѣщанія, куда выше и лучшіе государства, имѣющаго только „мечъ“, то-есть, грубую силу, принужденіе и кару за преступленія; отсюда выводъ—князья должны слушаться лучшихъ и болѣе полновластныхъ властей, церковныхъ іерарховъ²⁾. Совсѣмъ иную,

¹⁾ Напримеръ, Кеттереръ, см. *Жур. Мин. Нар. Просв. ноябрь*, стр. 108, пр. 1.

²⁾ Алкуинъ королю Этельреду и его „оптиматамъ“ (Jaffé, VI, p. 183): *Oboedite sacerdotibus Dei. Illi enim habent rationem reddere Deo, quomodo vos ammoneant; et vos, quomodo oboediatis illis. Sit una pax et caritas inter vos. Illi intercessores pro vobis, vos defensores pro illis. Архиепископу португальскому (Ib., p. 203): Quid times hominem propter gladium, qui clavem regni accepisti a Christo? (относительно полученныхъ „ключей“ еще pp. 206, 355)... (p. 204): locus tuus est inter Deum stare et homines ... Speculator quoque est in excelsissimo positus loco: unde et episcopus dicitur, quasi superspeculator, qui omni exercitu Christi (=всѣ жители христіанской страны см. май, стр. 70) prudeuti consilio praevidere debet, quid cavendum sit quidve agendum... (207): Divisa est potestas saecularis et potestas spiritualis; illa portat gladium in manu, haec clavem vitae in lingua. Архиепископу константийскому (Ib., p. 670): „Divisa est sacerdotalis atque regalis potentia. Illa portat clavem in lingua caelestis regni, iste gladium ad vindictam reorum. Sed multo praestantior potestas quae vivifcat, quam illa quae occidit“.*

какъ бы противоположную, точку зре́ния Алкуинъ высказываетъ въ своихъ франкскихъ посланіяхъ. Карль, по мнѣнію Алкуина, обладаетъ двумя „мечами“: духовнымъ—для внутреннихъ враговъ и очищенія церкви, материальнымъ—для защиты и расширения церкви¹⁾). Спасеніе („salus“) церкви „всесцѣло въ одиомъ только Карль“²⁾; всѣ положительные явленія въ церкви зависятъ отъ него, такъ какъ Карль имѣеть „власть и распорядительство надъ церковью“³⁾, онъ ея „защитникъ“, „rector“ и „corrector“⁴⁾). Какъ видно, это совсѣмъ иной языкъ, чѣмъ въ англійскихъ письмахъ. Но можно ли отсюда заключить, что Алкуинъ имѣть два мнѣнія⁵⁾, что онъ былъ царедворцемъ, лукавымъ и лѣстивымъ? Мнѣ кажется, что такое предположеніе, очень заманчивое само по себѣ и не совсѣмъ невѣрное при другихъ слу-чаяхъ, на этотъ разъ все же слишкомъ поспѣшио; дѣло въ томъ, что Алкуинъ и въ англійскихъ и во франкскихъ посланіяхъ одина-

¹⁾ Алкуинъ Карлу (Jaffé, VI, p. 453): *Hoc mirabile et speciale in te pietatis Dei donum praedicamus: quod tanta devotione ecclesias Christi a perfidorum doctrinis intrinsecus purgare tuerique niteris, quanta forinsecus a vastatione paganorum defendere vel propagare ponaris. His duobus gladiis vestram venerandam excellentiam dextra leuaque divina armavit potestas: in quibus victor laudabilis et triumphator gloriosus existis.* Тутъ совершенно ясно, что средневѣковое ученіе о двухъ мечахъ, принадлежащихъ церкви и государству, сконцентрировано въ одиомъ лицѣ, въ лицѣ „великаго“, христіанѣйшаго короля (иначе Wartkoenig et Gerard, I, p. 325, которые и для эпохи Карла приводятъ возврѣтие о мечѣ папы и мечѣ короля). У Алкуина есть и еще любопытное объясненіе символа „двухъ мечей“, высказанное имъ по поводу вопроса Карла (см. Жур. Нар. Проб. декабрь, стр. 378 пр. 2). *Diximus, duos gladios corpus et animam significare. Quae ambo per unam fidem operari debent; ut fides, quae in anima latet foras per corpus ostendatur in opere... Possunt quoque non inconvenienter duo gladii fides et opus intelligi; illa in corde latens, istud in facto in palam procedens* (Jaffé, VI, p. 762). Итакъ, „два меча“ должны быть и у всякихъ людей, тѣмъ болѣе, стало быть, у властей.

²⁾ Алкуинъ Карлу (Jaffé, VI, p. 464): *In te solo tota salus ecclesiarum Christi.*

³⁾ Алкуинъ Мегенфриду (Ib., p. 323): *Ipsius (Карла) est potestas et dispensatio vineae Christi, id est ecclesiae Dei.*

⁴⁾ Алкуинъ Карлу (Ib., p. 584): *longeva prosperitate feliciter vivas valeas et regnes ad correctionem ex exaltationem sanctae... ecclesiae; Ib., p. 763: „dilectissime et honorande ecclesiarum Christi defensor et rector, tuae sanctissimae sapientiae venerabile studium alios ammonendo exhortetur, alios corrigando corrigat, alios... erudiat; Ib., p. 779: universalis ecclesia, quae sub ...dominationis vestrae imperi conversatur.*

⁵⁾ Такъ Кеттереръ, р. 178, который, несмотря на все свое уваженіе къ великому „свѣточну церкви“, все же не могъ достаточно замаскировать упрекъ въ двоязычії. Отчасти и Наиск, II, р. 111.

ково считается съ фактическимъ положенiemъ¹⁾. Въ Англіи въ то время шла борьба и вражда между королями и архіепископами²⁾, и самъ Алкуинъ опредѣляетъ, что короли „превратились въ тирановъ“³⁾. Въ государствѣ франковъ дѣло обстояло совсѣмъ иначе, и Алкуинъ считается съ этимъ особымъ положенiemъ, что видно уже изъ того, что Алкуинъ во всѣхъ франкскихъ посланіяхъ говорить объ отношеніи государства къ церкви не вообще, не въ теоріи, а съ не-премѣннымъ указанiemъ на *настоящее положеніе*, такъ какъ онъ говоритъ только о положеніи церкви при *Карлѣ* и объ отношеніи *Карла* къ церкви. Положеніе же *Карла* было совсѣмъ экстраординарное: какъ „великій“ король, глава исто-христіанскаго государства, онъ долженъ быть имѣть и имѣть всю власть и всѣ обязанности перво-священника⁴⁾, занимать, такимъ образомъ, то мѣсто, которое въ Англіи занимали архіепископы и которое тамъ не могли занимать короли—гонители и недруги церкви.

Но таково было обоснованное мнѣніе не одного Алкуина. Болѣе всего такое первосвятительство Карла должно было, конечно, касаться папы, и вотъ еще болѣе драгоцѣнны для насъ должно быть подобное же свидѣтельство нѣсколькихъ папъ. Конечно, отъ папъ нельзя ожидать столь ясно выраженной формулы, но все же и они считаютъ Карла „*custos'omъ*“ церкви въ томъ смыслѣ, что онъ дѣятельно долженъ заботиться о хорошемъ ея управлении, такъ что епископы, напримѣръ, могутъ хорошо управлять только подъ защитой Карла и въ виду „струха передъ нимъ“⁵⁾. Признаютъ папы также

¹⁾ Про „*Reflexe der thatsachlichen Lage*“ у Алкуина упоминаетъ и Hauck, II, р. 112, во онъ касается только франкскихъ писемъ, притомъ безъ достаточныхъ ссылокъ. Между тѣмъ эти „*Reflexe*“ выступаютъ какъ разъ наиболѣе ярко при сооп-ставлении разнородныхъ типовъ писемъ на одну и ту же тему.

²⁾ Jaffé, VI, epp. 174, 175.

³⁾ Алкуинъ (Ів., р. 737): „*quia reges vobiscum* („у васъ“) *tyranni facti sunt, non rectores*. Ср. Алкуинъ Эаддульфъ и его сановникамъ (Ів., р. 183): „*Estote rectores... non raptiores, pastores non praedatores*.

⁴⁾ См. май, стр. 92.

⁵⁾ Адрианъ I (Jaffé, IV, p. 272): *per vestrum regale robustissimum praesidium. Левъ III* (Ів., р. 330): *Ad hoc omnipotens et invisibilis Deus noster vestram a Deo protectam imperiale potentiam sanctae suae ecclesiae fecit esse custodem, ut ubique gubernatione laudabili ad augmentum gloriae vestrae vigilantior existeret. Левъ III* (Ів., р. 322): *Et hoc vestrae serenitati curavimus de prefato Fortunato* (енакъ градскій): *ut, sicut semper pro illius honore temporale laboratis, ita et de anima eius curam ponatis, ut per vestrum pavorem suum ministerium melius expleat...*

цѣликомъ распорядительство Карла въ дѣлахъ церкви и даже вѣры, а также его прерогативу ставить и отрѣшать отъ должности епископовъ¹). Насколько папа былъ внутренне увѣренъ въ *правь* Карла распоряжаться *всѣми* безъ *исключения* дѣлами церкви, видно уже изъ слѣдующаго характернаго эпизода: папа серьозно встревоженъ сплетней о намѣреніи Карла свергнуть его и посадить на апостольскій престолъ одного изъ своихъ франковъ, причемъ изъ всего тена письма видно, что папа не ужасается предъ самимъ поступкомъ, а предъ его—безпричинностью²).

Есть и еще цѣлый рядъ другихъ извѣстій, что Карль былъ все-принятымъ автономнымъ распорядителемъ церкви. Знаменитый и простѣшилій епископъ Теодульфъ не только называетъ Карла „administratorомъ“ церкви³), но и представляетъ въ поэтическомъ видѣ, что самъ св. Петръ передалъ Карлу ключи церкви⁴); простягъ-монахъ Катгульфъ ставить Карла выше папы, но въ то же время указываетъ ему управлять церковью вмѣстѣ съ епископами, за которыми, впрочемъ, нуженъ строгій надзоръ⁵); аббать благодаритъ Карла за

¹) Еще Павелъ I просить Пиппина (Ib., p. 102) „повелѣть“ (*iubere, disponere*) посвятить пресвитера Марина на „какую нибудь“ епископскую каѳедру. См. и предшествующее примѣчаніе относительно епископа Фортуната: „pavor“ = угроза отрѣшенія отъ должности.

²) Адрианъ I (Ib., p. 280): *quod idem Offa tobis suggereret, ut per suam vide-licet adhortationem atque suasionem nos a sede sancta dignitatis nostrae—quod absit—eicere deberemini et alium ibidem de gente nostra institueremini...* (только въ самомъ концѣ письма, р. 282, папа робко, какъ бы въ скобкахъ, указываетъ на то, что „не люди избрали его, а Христосъ“). Заго у Карла быда дѣйствительно идеи о национализациѣ франкской церкви, такъ какъ Августъ (V. Hlud., с. 3) отмѣчаетъ его ясную тенденцію назначать епископами франковъ.

³) Теодульфъ Магни (Migne CV, col. 224): *ille virorum optimus (Карль) ...admirabili in rerum ecclesiasticarum sive civilium administratione...*

⁴) Carm. 32, vv. 31 sq.:

Caeli habet hic (Petrus) claves, proprias te iussit habere,
Tu regis ecclesiae, nam regit ille poli.
Tu regis eius opes, clerum populumque gubernas,
Hic te caelicolas ducet ad usque choros.

⁵) Jaffé, IV, pp. 337, 338: *Memor esto... semper... Dei regis tui... quod tu es in vice illius... Et episcopus (римскій епископъ!) est in secundo loco, in vice Christi tantum est... p. 338: Monachorum vitam et canonicorum cum episcopis tuis... rege... p. 339 (испорченное место) ...pecuniae, sed tecum omnia disponentes in timore Dei secundum legem: quia non sunt omnes episcopi qui dicuntur episcopi (смысль—„смотри за епископами“).*

предполагаемую имъ, королемъ, реформу монастырской жизни ¹⁾).

Важно, наконецъ, что и самъ Карль имѣлъ совершение ясное представление о своемъ правѣ управлять церковью и въ этомъ отношении не допускалъ никакихъ иллюзій, твердо и ясно опредѣляя свое право: государь, по назначению Бога, протекторъ и защитникъ церкви ²⁾, монастыри и епископіи даны Богомъ въ управление государямъ ³⁾).

Какова же роль папы? И въ этомъ отношеніи ясное изложеніе Карла не позволяетъ имѣть двухъ мнѣній. Въ письмѣ къ Льву III Карль опредѣляетъ обязанности высшей свѣтской и духовной власти слѣдующимъ образомъ: обязанность государя—активная защита церкви и православія виѣ и внутри государства, обязанность папы только пас-сияная—молитва за успѣшность государевыхъ предприятій въ этомъ отношеніи ⁴⁾.

Такова теорія.—Ясное, недвусмысленное опредѣленіе теоріи творцомъ практики, Карломъ, уже указываетъ, что и практика должна была точноѣшимъ образомъ соотвѣтствовать этой теоріи. Не станемъ поэтому детально рассматривать вопроса объ отношеніи Карла къ папамъ: вышеупомянутый эпизодъ о возможности лишенія папы сана,

¹⁾ Jaffé, IV, p. 359. И впослѣдствії Карла признавали единогласно реформаторомъ церкви. См. Döllinger, p. 333. Людовикъ также признавался „повелителемъ“ церкви. Письмо Амадея Мецскаго (Migne CV, col. 987): „Cum sciamus vos rectorem esse totius christianaе religionis, quantum ad homines pertinet. Агобаръ Людовику „De insolentia Judaeorum“ (Bouquet, Recueil VI, p. 365): ...ecclesiae Galliarum et rectores eorum tam reges quam episcopi. Смаргадъ (еще въ молодости Людовика) Via regia c. 18: „Si quid forte perversum in ecclesia videris Christi, satage corrigere et emendare non cesses.

²⁾ Cap. miss. gen. 802, c. 5 (Bor., I, p. 93): Ut sanctis ecclesiis Dei neque vi- duis neque orphanis... aliquid iniuriae quis facere praesumat, quia ipse dominus im- perator, post Domini et sanctis eius, eorum et protector et defensor esse constitutus est. Ib., c. 40 (p. 98) эта защита названа „mundeburdium“. Fustel de Coulanges, VI, p. 527: Ce qu'on appellait défense ou 'maindour était un véritable contrat qui entraînait inévitablement la dépendance du protégé...

³⁾ Epist. de litt. col. (Cap., I p. 79):... ut episcopia et monasteria nobis Christo propitio ad gubernandum commissa.. Прелюдіи къ I книжѣ Libri Carolini (Migne LXXXVIII): „in huius seculi procellosis fluctibus ecclesia enim principibus ad regendum commissa est. Поученіе Карла при коронаціи Людовика въ передачѣ Террана (V. Hlud., c. 6): ammonens eum inprimis... Deum diligere... aecclias Dei gu- bernare et defendere a pravis hominibus...

⁴⁾ Jaffé, IV, p. 856: Nostrum est secundum auxilium divinae pietatis sanctam ubique Christi ecclesiam ab incursu paganorum et ab infidelium devastatione armis defendere foris, et intus catholicae fidei agnitione munire. Vestrum est, sanctissime pater,—elevatis ad Deum cum Moyse manibus nostram adiuvare militum...

высказанный притомъ высокоавторитетными устами самого папы ¹⁾, а также и право Карла „увѣщевать“ папу, дать новоизбранному на-мѣстнику Христа желательную и обязательную программу дѣйствій ²⁾, оба эти факта слишкомъ вѣски и уже достаточно характерно рисуютъ общія очертанія отношенія Карла къ папамъ. Не станемъ также входить въ подробности общепризнанного теперь факта о назначеніи Карломъ епископовъ и аббатовъ ³⁾, которое одинъ изъ авторовъ кратко и колоритно называетъ „покореніемъ“ духовенства ⁴⁾ и которое, повидимому, произвело громадное впечатлѣніе на народъ, какъ видно изъ массы чрезвычайно прямолинейныхъ и грубоватыхъ анекдотовъ о „расправѣ“ Карла съ епископами у Сангальского монаха ⁵⁾. Укажемъ также только мимоходомъ на различные происки и интриги ⁶⁾.

¹⁾ См. выше, стр. 105.

²⁾ См. *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1902, декабрь, стр. 376.

³⁾ См. примѣры и литературу: Waitz III pp. 420 sc., Hauck., II, p. 186. Вотъ нѣсколько добавленій. Jaff , IV, p. 379 (Карлъ Гарibalду): *Ghaerbaldo episcopo cum universis tibi omnipotente Dei et nostre ordinatione commissis.* Ib., p. 419 (Лей-драдъ Карлу): *Olim me... ad regimen ecclesiae Lugdunensis destinare voluistis. Acta epp. Cenom (Mabill. „Vet. Anal.“, p. 290) c. 18: Tunc... dominus Carolus... praeceperit quendam sacerdotem... episcopum ordinari.* (Тутъ Карлъ называется епископомъ „se-nior suus“)... *Dominus Carolus... alterum episcopatum tribuit et ibi cum episcopatum esse constituit.* c. 19: *Gloriosus Carolus... nullum inveniebat, cui ipsum episcopatum... dare aut commendare potuisset.* c. 21: *a domino Carolo episcopatum... ad regendum commissum est.*—V. Willehadi c. 8: *servum Dei Willehadum consecrari fecit episcopum...* constituitque eum pastorem et rectorem super Wigmodiam et Laras et...—*Gesta abb. Fontanell.* c. 16: *Ebroicinæ civitatis sedes... a domino regi Carolo eidem [Gervoldo] attributa est.*

⁴⁾ Анонимъ V. Hlud. c. 3: *Carolus... episcopus quidam modo quo oportuit sibi devinxit.*

⁵⁾ Mon. Sang., I, c. c. 4, 5, 6, 12, 17, 18.

⁶⁾ Всѣми силами, напр., старались добиться заступничества и рекомендации влиятельныхъ лицъ, особенно королевы. Casus S. Galli, c. 3: *Augenses... quendam senem... sibi elegerunt abbatem cum consilio Hildigardae reginae... Gasta abb. Fontanell.. c. 16: Hic [Gervoldus]... ad palatium perductus, Bertradae reginae capellanus efficitur.* Сий изъ *obtentu Ebroicinæ civitatis sedes... a domino rege Carolo eidem attributa est.* Mon. Sang. I, c. 4: За смертью епископа освобождается епископская каѳедра. „*Audientes itaque palatini* (дворцовые клирики) *recessum episcopi, semper casibus aut certe mortibus aliorum insidiante, per familiares imperatori personas* noniusquisque morarum impatiens, et alter alteri invidentes sibimet acquirere satagebant... Jaff , IV. epp. 47, 48, 49, 52—рядъ просительныхъ писемъ Дунгала, желавшаго заручиться благоволіемъ влиятельныхъ особъ для получения какого нибудь имѣства при дворѣ.—Сенская община хлопочетъ объ утвержденіи памѣченаго ей епископа, почему и пишетъ письма (въ 828 г.) къ Эйтгарду, къ какому то влиятельному

которые являлись естественнымъ результатомъ такого способа единичнаго назначенія.

Остановимся зато нѣсколько на томъ любопытномъ явленіи, что духовныя лица, будь то и высшяя, совершенно не пользовались при Карлѣ какимъ либо отличнымъ положеніемъ въ сравненіи съ свѣтскими властями и мірянами вообще: они—такіе же „fideles“ и „homines nostri“ ¹⁾). Если они въ вопросахъ религіозно-нравственныхъ и получаютъ нѣсколько большее значеніе, чѣмъ міряне ²⁾), то причина опять таки утилитарна: они лучшіе другихъ знакомы съ этимъ дѣломъ, лучше другихъ могутъ помочь въ проведеніи „lex Dei“, которая вѣдь совпадаетъ съ преднареченіями „великаго“ короля ³⁾). Въ чисто церковныхъ вопросахъ духовныя власти также являются только исполнителями воли государя, главы церкви; этимъ объясняется и присутствие и активное участіе Карла на соборахъ ⁴⁾), и редактированіе имъ ⁵⁾ соборныхъ постановленій.

Еще поучительнѣе разсмотрѣть положеніе вышаго духовенства въ качествѣ властей вообще. Какъ и всѣ власти, они также должны были проводить тѣ принципы, на которыхъ поконилось христіанское государ-

Гильдунну, а также къ императрицѣ Юдифи. (Bonnet „Recueil“, VI, pp. 392, 393 № 16, 15, 17).

¹⁾ Cap. primum (Bor., I, p. 45) c. 2: Apostolicae sedis hortatu, omniumque fidelium nostrorum et maxime episcoporum et reliquorum sacerdotum consultu.—Карлъ Фастрадѣ (Jaffé, IV, p. 350): Fideles Dei ac nostri, qui hoc egerunt, fuerunt ille episcopus, ille dux... Карлъ Гарibalду (Ib., p. 379): „nos cum fidelibus nostris tam spiritualibus quam saecularibus tractantes... Resp. missa data (Bor., I, p. 145) c. 5.. „referebatur de episcopis, abbatibus vel ceteris, nostris hominibus... Cap. Aquisigr. (Bor., I, p. 170): Karolus... cum episcopis, abbatibus, comitibus, ducibus omnibusque fidelibus christiana ecclesiae constituit... (даче: ut omnes fideles manu roboretur studiuissent“ прежде всего, конечно, собиравшіеся).

²⁾ Karoli epist. in Ital. (Bor., I, p. 203): invenimus, ut nullus quilibet ex fidelibus nostris, a minimo usque ad maximum, in his quac ad Deum pertinent, episcopo suo ineboedienti parere audeat (а также въ случаѣхъ „ad illorum ministerium pertinentibus“). Письмо миссіи къ графу (Jaffé, IV, p. 418): Primo... episcopo vestro... regi omnia quantum ad eum ministerium pertinet, oboedientes sitis.

³⁾ Письмо двухъ миссій (Ib., p. 417): они де посланы, „ut ad Dei et suam (короля) voluntatem peragendam decertando laboremus. Cap. miss. Nium. dat. 806. (Bor., I., p. 131), c. 1: Ut unusquisque in suo missatiko maximam habeat curam ad praevidentum et ordinandum ac disponendum secundum Dei voluntatem et secundum iussionem nostram.

⁴⁾ Относительно Карла это общепрѣвѣтно, но и въ Актынъ созваніе собора зависѣло отъ короля (Jaffé, VI, p. 673).

⁵⁾ См. Hefelc, III, p. 758.

ство, также должны были поучать, увещевать, исправлять¹⁾). Но кроме того они являются и настоящими чиновниками, агентами правительства, съ поручениями, которые иногда не совсѣмъ подходятъ къ ихъ духовному сану, какъ то: наблюденіе за наборомъ войска, личное доставленіе своего контингента къ мѣсту общаго сбора²⁾, комманданство городомъ³⁾, хожденіе на войну вообще⁴⁾, заключеніе заложниковъ⁵⁾, сборъ попылки⁶⁾ и т. п.

¹⁾ См. май, стр. 90 и слѣд.

²⁾ Waitz IV, p. 601 N. приводить двѣ любопытныя грамоты Пипина, сына Карла: 1) hostem vero hominibus suis non requirant, nisi quando utilitate regum necessitas fuerit, simul cum suo episcopo pergant; 2) ut....nullus in hostem perget nisi ipsa cum episcopo ipsius ecclesiae vel secundum suam ordinatiōem remaneat (такъ епископъ выбиралъ разныхъ людей). Вліяніе епископа на наборъ объясняетъ чрезвычайно инструктивное мѣсто Cap. de reb. exercit (Bог., I, p. 165) с. 3: „Discunt etiam, quod quicunque proprium suum episcopo, abbatи vel comiti aut iudici vel centenario dare noluerit, occasiones quaerunt super illum pararet, quomodo eum condempnare possint et illum semper in hostem faciant ire, usque dum pauper factus volens nolens suum proprium tradat aut vendat...“. Извѣстно письмо Карла къ аббату Фульраду (Bог., I, p. 163) относительно набора и своевременной доставки контингента. Важно изъ эпохи послѣ Карла письмо Гетти архіепископа Трирскаго къ епископу Фротару (Bouquet „Recueil“, VI, p. 395): terrible imperium ad nos pervenit domini imperatoris, ut omnibus notum faceremus... quatensis universi se praeparent....ad bellum in Italiam....Propterea tibi mandamus....ut solerti sagacitate studeas cum summa festinatione omnibus abbatibus, abbatissis, comitibus...quisbus convenit militiam regiae potestati exhibere, indicare, quatenus omnes praeparati sint.—Flodoard „Hist. Rem. eccles“ III, с. 18: Domino Hincmare (около половины XI вѣка) rex...de populo in hostem convocando, ut ipse hoc ageret, mandare solebat et ipse, accepto regis mandato, tam episcopo, quam comites convocare solitus erat.

³⁾ V. Sturmi, c. 24: Karolus...venerandum Sturmen...in Heresburg ad tuendam urbem cum sociis suis sedere iussit.

⁴⁾ Кроме совершенно яснаго указа Фульраду еще и слѣдующія указания. Алькуинъ епископу Рикульфу (Jaffé, VI, p. 48): Valde sollicitus sum de itinere tuae profectionis in hostem (въ Саксонию).—При походѣ въ Саксонію много духовенства, см. V. Sturmi c. 22.—При походѣ противъ аваровъ тоже (см. выше, стр. 108. пр. 1; Карлъ Фастратъ). Capit. Aquisgr. (Bог., I, p. 171) с. 10: Ut regis spensa („принасы“) in carra ducatur, simul episcoporum, comitum, abbatum et optimatum regis....Et unusquisque hostiliter sit paratus, et omnia utensilia sufficienter habeant.—Характеренъ и более поздній разсказъ Ann. Bert.: „ad comprimendam Frisonium inoboedientiam strenui abbates ac comites directi sunt.

⁵⁾ Ann. Laur. mai. a. 781: баварскіе заложники отдаются епископу Сиберту. Flodoard „Hist. Rem. eccles.“ II, с. 18: Cui (ep. Vulfario) valde credidisse Carolus imperator....ex eo probatur, quod illustres Saxonum obsides XV, quos adduxit de Saxonia, ipsius fidei custodios commisit“. Сохранился и списокъ заложниковъ, отданныхъ на сохраненіе епископамъ, аббатамъ и графамъ (Bог., I, pp. 233, 234).

⁶⁾ Gesta abb. Fontanell, c. 16: Hic nempe Gervoldus super regni negocia pro-

Итакъ, занятія высшихъ духовныхъ лицъ часто секуляризуются въ угоду государства, и понятно поэтому, что „должность“ епископа, напримѣрь, нерѣдко ставится на одну доску съ должностю графа¹⁾. Епископы такъ же, какъ и графы, или даже еще въ большей мѣрѣ²⁾, должны служить передаточной инстанціей, распространять указы центрального правительства³⁾. Въ отсутствіе графа графскія функции переходятъ къ епископу⁴⁾). Вообще обѣ „должности“ часто смѣшиваются и переплетаются, взаимно дополняя и поддерживая другъ друга⁵⁾: графъ помогаетъ епископу даже и въ такомъ дѣлѣ, какъ искорененіе язычества⁶⁾, а епископъ графу въ чисто свѣтскихъ дѣлахъ⁷⁾; у графа есть церковныя обязанности, у епископа свѣтскія,

---

curator constituitur per multos annos, per diversos portus ac civitates exigens tributa atque vectigalia, maxime in Quintawich, c. 17: Praeterea....etiam [Ангеласій] exactor operum regalium in Aquisgrani palatio regio....a domino rege (Карлѣ) constitutus est....

¹⁾ Cap. Baiow. (Bor., I, p. 158) c. 4: *Ut episcopi cum comitibus stent et comites cum episcopis, ut uterque pleniter suum ministerium peragere possint.—Walafr. Strabo „De exordiis rer. eccles.“ c. 32; Quod comites vel praefecti in saeculo, hoc episcopi in ecclesia (но и также „in saeculo“!) explent.*

²⁾ См. выше, стр. 109, пр. 2—письмо архіепископа Гетти.

³⁾ Cap. per ep. et com. nota fac. (Bor., I, p. 141) c. 1: *Capitula quae volumus, ut episcopi abbates et comites qui modo ad casam redeunt per singula loca eorum nota faciant....Да и вообще указы распространялись частными, такъ сказать, обращеніями. Cap. per miss. cogn. fac. (Bor., I, p. 157) c. 6: *Quicumque ista capitula habet ad alios missos ea transmittat qui non habent, ut nulla excusatio de ignorantia fiat.**

⁴⁾ Cap. per ep. et com. nota fac. (Bor., I, p. 141) c. 5: *De latronibus et malefactoribus habeant providentiam quantum melius possunt una cum missis illorum, qui in exercitu sunt.* Выраженія неясны, но изъ контекста приходится объяснять такъ: епископы принимаютъ въ отсутствіе графа (онъ—„in exercitu“) вмѣстѣ съ графскимъ викаріемъ заботу о наказаніи преступниковъ.

⁵⁾ См. выше. Cap. Baiow. c. 4.—Pippini cap. ital. (Bor., I, p. 209) c. 5: *ut episcopus suo comiti, ubi ei necessitas poposcit, adiutor et exortator existat, qualiter suum ministerium explore possit; similiter et comis faciat contra suum episcopum, ut in omnibus illi adiutor sit, qualiter infra suam parochiam canonicum possit adimplere ministerium.*

⁶⁾ Cap. primum (Bor., I, p. 45), c. 6: *Decrevimus ut....unusquisque episcopus in sua parrochia sollicitudinem adhibeat, adiuvante grafione... ut populus Dei paginas non faciat* (==Cap. Карломана 742 г. c. 5; Bor., I, p. 25). Также Cap. Bor. I, p. 257, c. 2: *ut comites....adiuvant episcopis, si gratiam nostram velint habere.* Верочемъ, „paginas“ касаются графа, какъ представителя государства въ виду фразы поданіство—христіанству см. выше, стр. 81, и слѣдующія.

⁷⁾ Смотри выше, пр. 5, 6. *Admonitio Людовика (Bor., I, p. 304): 11: Episcopis, albatis et vassis nostris omnibus...dicimus, ut comitibus ad iusticias fa-*

правда, въ извѣстныхъ предѣлахъ¹⁾). Обѣ власти, наконецъ, должны стѣдить и контролировать другъ друга и доносить о замѣченныхъ неправильностяхъ²⁾), обѣ власти, наконецъ, обязаны отчетностью королю³⁾.

Какъ видно, обязанности епископа, какъ администратора, правительственно-го чиновника, такъ же важны и не менѣе разнообразны, чѣмъ его обязанности въ качествѣ церковнаго владыки. Въ виду массы свѣтскихъ дѣлъ сильно стушевывается чисто церковное положеніе епископа, такъ же, какъ и чисто свѣтскія задачи графовъ сильно стушевываются общимъ требованіемъ эпохи Карла, предъявляемымъ ко всѣмъ властямъ вообще, куда входило не только „administratio“ но и „ammonitio“, „correctio“, „ultio“.

„Civitas Dei“ и государство Карла.

Каково же отношеніе реальнаго „христіанскаго“ государства Карла къ идеальной „civitas Dei“ Августина, точно ли можно тутъ видѣть полнѣйшее совпаденіе? Обыкновенно указывается, что эпоха Карла дѣйствительно осуществила идеальную схему Августина, что это дѣйствительно было рѣдкимъ примѣромъ широкой попытки осуществленія утопіи. Но въ это пониманіе приходится внести существенную оговорку: если тутъ и допустить осуществленіе утопіи Августина, то во всякомъ случаѣ она осуществлялась не въ духѣ Августина. Переображенъ быть центръ тяжести всего строенія, перемѣщенъ притомъ

ciendas adiutores sitis, c. 12: Episcopi vero vel comites....ad sua ministeria peragenda vicissim sibi adiutoriorum faciant.

¹⁾ Конспектъ I, c. 5 (Bor., I, p. 161):...discutiendum est atque interveniendum in quantum se episcopus aut abbas rebus secularibus debeat inserere vel in quantum comes vel alter laicus in ecclesiastica negocia.

²⁾ Cap. de part. Sax. (Bor., I, p. 70) c. 34: Interdiximus, ut omnes Saxones generaliter conventus...faciant; sed unusquisque comes in suo ministerio placita et iusticias faciant. Et hoc a sacerdotibus consideretur, ne aliter faciat. Въ пѣтую систему возвѣль Людовикъ обоюдное соглдатайство. Admon. c. 14 (Bor., I, p. 304): volumus studere... aut per missos nostros... et per commune testimonium, id est episcoporum de comitibus, comitum de episcopis, compere, qualiter scilicet comites iustitiam diligent et faciant et quam religiose episcopi conversentur et praedicent....

³⁾ Любопытнымъ отчетомъ является письмо Лейбрада къ Карлу (Jaffé, IV, p. 419).—Acta epp. Cenom. (Mabillon „Vet. Anal. p. 290) c. 17: тоже отчетъ (епископа, повидимому) Карлу.

такъ рѣшительно, что съ точки зреінія Августина, такое осуществленіе могло бы казаться искаженіемъ.

Іерархія и автономность церкви были принесены въ жертву, правители церкви были безусловно подчинены, окончательно сброшены съ позицій высшей свѣтской властью, узурпировавшей у нихъ и власть и пріемы управления. Августинъ хотѣлъ предначертать идеаль въ видѣ церкви-государства, эпоха Карла осуществила этотъ идеаль въ видѣ государства-церкви.

Секуляризация чисто церковной схемы Августина была полная: все было взято изъ нея, все было ей пропорционально, но мичто не было равно ей, такъ какъ главная идея, доминирующее положеніе духовной власти надъ свѣтской, была превращена какъ разъ въ обратное—въ господство свѣтской власти надъ духовной, въ деградацію духовныхъ властей и ихъ авторитета и въ бенемѣрное возвышеніе власти свѣтской, путемъ снабженія ея всѣми атрибутами властей духовныхъ.

Полнѣйшее слияніе духовного и свѣтского, церковного и государственного, отразилось прежде всего на опредѣленіи государя, какъ царя-святителя, безусловного владыки государства и церкви, отразилось также и на пониманіи государства, которое въ одинаковой мѣрѣ представляется и союзомъ политическимъ и союзомъ религіознымъ, гдѣ подданство и христіанство, политическая и религіозно-нравственная требованія совпадаютъ.

Однимъ словомъ, если съ одной стороны, какъ это въ достаточной мѣрѣ отмѣчено и даже преувеличено въ исторіографіи, чрезвычайно сильно выступаетъ оцеркленіе государства, то съ другой нельзя забывать и о томъ, что параллельно съ этимъ шло не менѣе сильное огосударствленіе церкви, церковныхъ обрядовъ и даже самой религіи. Іерархи-чиновники, крещеніе и христіанизація въ качествѣ важныхъ политическихъ фактовъ, церковная десятина и общественные молитвы въ видѣ политическихъ гарантій — вотъ характерные моменты, придающие „христіанскому“ государству Карла такую специфическую окраску, которая не позволяетъ видѣть въ этомъ государствѣ осуществленіе Града Гишонійского епископа, а сильное видоизмѣненіе и рѣшительное приспособленіе этого Града въ цѣляхъ чисто политическихъ.

Д. Егоровъ.

КНИГИ ЗАПИСНЫЯ ВОТЧИННЫЯ ПОМЪСТНАГО ПРИКАЗА.

(Посвящается памяти Василия Ивановича Холмогорова).

Благодаря любезности покойного товарища предсѣдателя археографической комиссии Московского археологического общества В. И. Холмогорова, мнѣ удалось познакомиться съ любопытными во многихъ отношенияхъ документами, хранящимися въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи и известными подъ названіемъ „книги записныхъ вотчинныхъ“. Документы эти принадлежать къ числу дѣлъ бывшаго вотчинного архива и на переплетахъ носятъ совершенно другое название, ни мало не соответствующее ихъ содержанію: они названы книгами „записными дѣлами о бѣглыхъ крестьянахъ и о завладѣніи землею“. Это название есть не что иное, какъ плодъ позднейшаго канцелярскаго измышенія, а въ самомъ текстѣ изученныхъ мною книги именуются „книгами записными вотчинными“¹⁾. Всѣхъ книгъ тридцать девять ($\text{№№ } \frac{5989}{1} — \frac{6000}{22}$). Две изъ этихъ книгъ ($\text{№№ } \frac{5989}{21} \text{ и } \frac{5990}{22}$), относящіяся къ 7150—7152 гг., т. е. къ 1642—44 гг., попали въ эту коллекцію случайно: это уже не записныя вотчинныя книги, а помѣстныя дачи, что явствуетъ изъ помѣщенного въ первой изъ нихъ заглавія: „дачи костромские 150-го году“²⁾ и изъ самаго содержанія обѣихъ книгъ, заключающихъ въ себѣ справки помѣстій за закон-

¹⁾ См., напр., книгу № $\frac{5975}{7}$, дѣло № 58, заглавіе: „книги записныя вотчинныя 139 году“.

²⁾ См. книгу № $\frac{5989}{21}$, дѣло № 15.

ными наследниками умершихъ помѣщиковъ, получавшими помѣстья каждый разъ, конечно, по особому пожалованью. Но остальная 30 книгъ всѣ одного типа и содержать въ себѣ производившуюся въ Помѣстномъ приказѣ запись вотчинъ при переходѣ ихъ къ другимъ лицамъ по разнымъ документамъ,—завѣщаніямъ, данинымъ, грамотамъ, купчимъ, закладнымъ, ряднымъ записямъ. Книги обнимаютъ периодъ времени отъ 1625 г.¹⁾ до 1651, при чмъ первыя 6 книгъ относятся къ двадцатымъ годамъ XVIII вѣка, 7-я, 8-я, отчасти 9-я, вся 12, 13, 14, 15, 18, 19, 23 къ тридцатымъ, часть 9-й книги и цѣликомъ книги 16-я, 17-я, 20-я, 24-я, 25-я, 26-я, 27-я, 28-я, 29-я и въ бльшей свое части 30-я и 31-я охватываютъ сороковые годы XVII столѣтія, а къ 50-мъ относятся части 30-й и 31-й книгъ и вся 32-я.

Книги записныя вотчинныя являются документами объ укрѣпленіи недвижимой собственности, представляютъ собою любопытный и до сихъ поръ остававшійся неизвѣстнымъ памятникъ московскаго приказного дѣлоизводства и даютъ матеріалъ для рѣшенія цѣлаго ряда важныхъ историческихъ вопросовъ. Но прежде чмъ перейти къ разсмотрѣнію этой стороны дѣла, я желалъ бы дать понятіе о обычномъ составѣ этихъ книгъ, о типическихъ чертахъ ихъ, о томъ-порядкѣ, въ какомъ въ нихъ заносились различные документы и вообще данныя по дѣлу.

Каждое дѣло, внесенное въ любую записную вотчинную книгу, начинается или прямо текстомъ челобитной, заключающей въ себѣ просьбу о записи за извѣстнымъ лицомъ вотчины на основаніи представляемыхъ документовъ, или указаниемъ, что такого-то года, мѣсяца и числа въ Помѣстномъ приказѣ такія-то лица подали челобитныя и та же-то документы, и что съ документовъ снята копія, а подлинники отданы по принадлежности; затѣмъ уже слѣдуетъ текстъ челобитныхъ. Всегдѣ за челобитными въ книги вносились копіи документовъ, представленныхъ въ приказъ челобитчиками въ подтвержденіе ихъ правъ на ту землю, о записи которой за собою они просили. Потомъ помѣщалась выпись изъ писцовыхъ книгъ по передаваемому имѣнію. Затѣмъ слѣдовало изложеніе содержанія названной выше челобитной и, наконецъ, помѣста дѣяка о рѣшеніи дѣла и полученіи пошлинъ. Книга обыкновенно подписывалась лицомъ, за которымъ вотчина была записана. Таковъ простѣйший и типичнѣйший, чаще всего встрѣчающійся образецъ записной вотчинной книги. Въ отдѣльныхъ случаяхъ

¹⁾ Самая ранняя запись въ книгу № $\frac{5972}{4}$, дѣло № 41: 9-го мая 7133 г.

встрѣчаются нѣкоторыя видоизмѣненія и дополненія: такъ, когда вотчина передавалась по завѣщанію, челобитчикъ подавалъ не челобитную, а память изъ Патріаршаго разряда; когда вотчина была утверждена за челобитчикомъ по суду, то присыпалъ память одинъ изъ судныхъ приказовъ; иногда послѣ записи вотчины въ книги вотчинникъ ходатайствовалъ о сложеніи съ него причитающихся пошлинь, и тогда производился докладъ государю, рѣшеніе котораго также заносилось въ записныя вотчинныя книги ¹⁾.

Самый характеръ записныхъ вотчинныхъ книгъ и мѣсто, где они составлялись, показываютъ, что, какъ исторический источникъ, они важны прежде всего постольку, поскольку отвѣчаютъ на вопросы о вѣдомствѣ, составѣ и дѣлопроизводствѣ Помѣстнаго приказа XVII вѣка.

Итакъ прежде всего: что новаго даетъ нашъ источникъ для ознакомленія съ вѣдомствомъ Помѣстнаго приказа? Въ нашей исторической литературѣ существуетъ два различныхъ мнѣнія по вопросу о дѣятельности Помѣстнаго приказа. По одному изъ этихъ мнѣній, судебная дѣятельность этого приказа не была особенно замѣтной, поземельные тяжбы разбирались здѣсь лишь по специальному порученію Боярской думы ²⁾. По другому взгляду, по крайней мѣрѣ въ послѣдней четверти XVII вѣка судебныя дѣла занимали первое, главное мѣсто въ вѣдомствѣ Помѣстнаго приказа и начинались въ немъ очень часто не по специальному порученію думы, а непосредственно по челобитнымъ тяжущихся старонѣ ³⁾. Это второе мнѣніе основано на изученіи неизданнаго источника, — такъ называемыхъ „книгъ записныхъ приговорамъ“, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи. Въ пользу первого взгляда говорить, повидимому, другіе известныя намъ источники. Такъ Маржереть свидѣтельствуетъ, что „Помѣстный приказъ, раздавая земли, за каждую запись взыскиваетъ 2, 3 или 4 рубля, по величинѣ отводимаго участка, и собираетъ доходы съ помѣстій, принадлежавшихъ опальнымъ, доколѣ государь не отдастъ оныхъ кому-либо другому“ ⁴⁾. По Котошихину, въ Помѣстномъ при-

¹⁾ Въ приложении печатаемъ типическую записную вотчинную книгу Помѣстнаго приказа.

²⁾ Ключевскій, Боярская дума древней Руси, изд. 2, М., 1883, стр. 406.

³⁾ Н. Ардашевъ, Книги записныя приговорамъ бывшаго Вотчиннаго архива, въ „Описавіи документовъ и бумагъ, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи“, книга VIII, М., 1891, стр. 62.

⁴⁾ Устриловъ, Сказанія современниковъ о Дмитріи самозванцѣ, т. III, С.-Пб 1832, стр. 46.

казъ „въдома вся земля въ Московскомъ государствѣ, и что кому дано помѣстя и вотчинъ, или кто у кого вотчину купить и кому вновь что дадутъ, указъ и записныя книги въ томъ приказъ“¹⁾). Въ этихъ свидѣтельствахъ нѣть ни слова о судебнѣй дѣятельности приказа. Намъ кажется, что „книги записныя вотчинныя“ бросаютъ иѣ-который свѣтъ на этотъ спорный вопросъ, даютъ путеводную нить, выводящую насть здѣсь на правильную дорогу. Изучая характеръ дѣлъ, занесенныхъ въ наши „книги“, мы замѣчаемъ, что здѣсь, хотя и довольно рѣдко, попадаются поземельные тяжбы, разбираемыхъ при-томъ приказомъ не по специальному порученію Боярской думы, а по челобитью сторонъ. Ограничимся однимъ примѣромъ, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ иѣсколько параллельныхъ случаевъ²⁾). Въ 1627 года кня-гиня Марья Лобанова-Ростовская подала въ Помѣстный приказъ челобитную, въ которой просила записать за ней выслуженную яро-славскую вотчину ея покойного мужа, отказавшаго ее своей вдовѣ. Туда-же подалъ челобитную родственникъ покойного Иванъ Дол-гово-Сабуровъ, ссылаясь на извѣстный указъ о ненаслѣдованіи без-дѣтными вдовами выслуженныхъ ихъ мужьями вотчинъ. На томъ же основаніи вотчинникъ другой половины того же села про-силъ себѣ половину, завѣщанную княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ своей женѣ. Позднѣе поданъ былъ рядъ подобныхъ челобитныхъ еще иѣсколькими лицами: князьями Иваномъ и Дмитриемъ Ростов-скими, Иваномъ Самариномъ, Наумовымъ, Окинфовымъ, Стрешневымъ. Нѣть такимъ образомъ сомнѣнія, что передъ нами спорное дѣло, поземельная тяжба. И однако оно вершилось не въ судныхъ прика-захъ, какъ то было обыкновенно, а въ приказѣ Помѣстномъ³⁾). Очевидно, самая административно-судебная практика приводила къ тому, что поземельные тяжбы стягивались мало по малу въ Помѣстный при-казъ, и, надо думать, специальная порученія государя и думы сы-грали тутъ немаловажную направляющую роль. Но этого мало: въ нашемъ источнике встрѣчается прямое указаніе на то, что и въ законодательство проникла уже въ первой половинѣ XVII вѣка идея о Помѣстномъ приказѣ какъ судебномъ учрежденіи, разбирающемъ

¹⁾ О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, С.-Пб., 1859, стр. 78.

²⁾ Параллельные случаи см. книги записныя вотчинныя, $\frac{5972}{4}$ (дѣло № 54), $\frac{5975}{7}$ (дѣло № 45), $\frac{5976}{8}$ (№ 20), $\frac{5977}{9}$ (№ 85), $\frac{5978}{10}$ (№ 42), $\frac{5982}{14}$ (№ 27). и др.

³⁾ Книга записная вотчинная $\frac{5971}{7}$, дѣло № 19.

поземельные споры. Въ 1636 года князь Юрій Буйносовъ-Ростовскій подалъ въ Помѣстный приказъ челобитную сдѣдующаго содержанія: въ 1622 году Михаилъ Ордынцевъ заложилъ ему, князю Буйносову, свою вотчину въ Московскомъ уѣздѣ, пустошь Густоѣдово съ пустошами; у Ордынцева изъ-за этой вотчины былъ судъ съ Колычевыми, и судное дѣло до сихъ порь, т. е. до 1636 года, еще не вершено, но Колычевы уже давно не били челомъ; по челобитной его, князя Буйносова, то дѣло раньше вѣльно было вѣдать въ приказѣ Большого прихода, „а нынѣча, государь, твой государевъ указъ, что такие судные вотчинные дѣла ведат въ Помѣстномъ приказе твоему государеву думному дьяку Михаилу Данилову съ товарыщи“; на этомъ основаніи князь Буйносовъ просилъ послать „по то дѣло“ память изъ Помѣстного приказа въ Большой приходъ. Что ссылка на указъ и ея мотивировка были совершенно правильны и не возбуждали сомнѣній,—это доказывается слѣдующей помѣтой на челобитной думного дьяка Михаила Данилова: „144 г. марта въ 16 д. послат памят, велѣт прислат дѣло въ Помѣстной приказъ“. Если бы у думного дьяка возникли какія-либо сомнѣнія, онъ непремѣнно сдѣлалъ бы докладъ государю, чего въ данномъ случаѣ не было. Притомъ-же и Большой приходъ безъ всякаго доклада прислалъ дѣло въ Помѣстный приказъ¹⁾). Итакъ едва-ли подлежитъ спору, что челобитчикъ правильно понялъ цитируемый имъ указъ о расширеніи вѣдомства Помѣстного приказа: не даромъ два приказа безусловно согласились съ его пониманіемъ. Остается установить, какія-же это „такія судныя вотчинныя дѣла“ сталь въ то время вѣдать Помѣстный приказъ? Тщетно стали бы мы искать цитованный княземъ Буйносовымъ указъ въ „Указной книжѣ Помѣстного приказа“: его тамъ нѣть, онъ, очевидно, сгорѣлъ въ знаменитомъ московскомъ пожарѣ 3-го мая 1626 года и не былъ восстановленъ, какъ другіе указы, попавшіе въ „Указную книгу“, составленную, какъ извѣстно, послѣ пожара²⁾). Необходимо, значитъ, сдѣлать выводъ на основаніи текста челобитной и изложенія самой тяжбы Колычевыхъ съ Ордынцевымъ, а потомъ княземъ Буйносовымъ, находящагося въ „Записной вотчинной книжѣ“. Судя по изложенію, это была обыкновенная поземельная тяжба, заключавшаяся въ томъ, что Колычевы оспаривали право Ордынцева владѣть спорной вотчиной. Тяжба началась, по общему правилу, тогда господствовав-

¹⁾ Книга записная вотчинная ^{5.992}—дѣло № 2.

²⁾ Указная книга Помѣстного приказа, М., 1889,—начало книги.

шему, во Владимирскомъ судномъ приказѣ и была перенесена отсюда именнымъ указомъ государя въ Большой приходъ, по челобитью князя Буйносова-Ростовскаго, указывавшаго, что первый судья Владимирскаго судного приказа, князь Процкій,— „ближній“ Колычевымъ и не можетъ быть поэтому беспристрастнымъ вершителемъ дѣла. Въ Большомъ приходѣ дѣло вершено не было по той причинѣ, что члены колычевы умерли, а ихъ потомство и Ордынцевъ перестали ходить по дѣлу¹⁾). Итакъ данное дѣло имѣть только одинъ признакъ, отличающій его отъ другихъ поземельныхъ тяжбъ: оно не было рѣшено за нехожденіемъ по дѣлу истцовъ. Слѣдовательно, въ 1636 г. состоялся указъ, въ силу которого спорныя поземельныя дѣла, не решенные за нехожденіемъ истцовъ, должны были переходить изъ судныхъ приказовъ въ вѣдомство Помѣстнаго приказа. На нашъ взглядъ, это одно изъ важнѣйшихъ новыхъ данныхъ, доставляемыхъ вновь найденнымъ источникомъ.

Книги записныя вотчинныя даютъ далѣе важный матеріалъ для изученія состава Помѣстнаго приказа и особенно его дѣлопроизводства за тѣ годы, къ которымъ книги относятся. Что касается до состава, то мы не будемъ долго останавливаться на немъ; замѣтимъ только, что, руководясь записными вотчинными книгами, легко составить полный списокъ судей и дьяковъ Помѣстнаго приказа за періодъ времени съ 1625 по 1651 годъ. Списокъ этотъ можетъ послужить дополненіемъ къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ извѣстной статью о московскихъ приказахъ, напечатанной въ 20-й части „Древней Российской Библіоѳеки“. Но особенно интересными мы считаемъ данные записныхъ вотчинныхъ книгъ о дѣлопроизводствѣ Помѣстнаго приказа. Извѣстно, что изслѣдователи сильно расходятся между собою въ вопросѣ о томъ, какъ производились и решались дѣла въ московскихъ приказахъ. Уже давно высказана г. Леонтовичемъ мысль, что московскіе приказы—не что иное, какъ „точные коціи монгольскихъ дивановъ“. Затѣмъ г. Лихачевъ въ своей книжѣ „Разрядные дьяки XVI вѣка“ настаивалъ на господствѣ въ приказахъ товарищескаго, коллегіального начала. Наконецъ г. Н. Ардашевъ, авторъ цитованнаго уже нами весьма интереснаго описанія „книгъ записныхъ приговоровъ Помѣстнаго приказа“, опираясь на эти книги, представилъ такую любопытную и внушающую довѣріе картину приказнаго дѣлопроизвод-

¹⁾) Книга записная вотчинная $\frac{5992}{74}$. дѣло № 2.

ства конца XVII вѣка: „присутствіе Помѣстнаго приказа не было односоставно“; въ немъ существовали два отдѣленія: а) судейскій столъ, т. е. столъ главнаго судьи приказа, его начальника, и б) столъ у дьяковъ, изъ которыхъ въ первомъ слушались и вершились спорныя дѣла, во второмъ слушались и помѣчаемы были неспорныя дѣла“; при этомъ „дѣла не слушались всѣмъ отдѣленіемъ, а слушались какъ главнымъ судьей, такъ и всѣми его товарищами отдѣльно, отдѣльно и каждымъ изъ дьяковъ“; оба стола — судейскій и дьячій — работали одновременно и помѣщались въ особыхъ казен-кахъ¹⁾). Такой порядокъ дѣлопроизводства, по наблюденіямъ г. Ардашева, окончательно установился въ 1682 году, но въ значительной своей части онъ существовалъ уже въ 70-хъ годахъ, какъ видно изъ слѣдующей надписи одной записной книги 7185 г.: „книга записная вершеннымъ дѣламъ, которыхъ дѣль слушаль бояринъ князъ Иванъ Борисовичъ Рѣлинъ сть таварыщи, и которые дѣла помѣчены въ столѣ у дьяковъ“²⁾). „Здѣсь прямо названы оба отдѣленія присутствія, оба стола“³⁾.

Эти любопытныя заключенія г. Ардашева подтверждаются изучаемыми нами источниками въ томъ смыслѣ, что книги записныхъ вотчинныхъ даютъ возможность прослѣдить зарожденіе тѣхъ порядковъ, которые оказываются сложившимися въ концѣ XVII вѣка. Начиная съ сороковыхъ годовъ членитныя по неспорнымъ земельнымъ дѣламъ довольно часто подаются не начальнику, не первому судью Помѣстнаго приказа, какимъ въ это время былъ дьякъ (впослѣдствіи думный дьякъ, затѣмъ думный дворянинъ) Федоръ Елизаровъ, а другимъ помѣстнымъ дьякамъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ юнѣ 1643 года по одному неспорному дѣлу — о запискѣ вотчины по купчей — членитныя были поданы дьякамъ А. Строеву и А. Кузовлеву⁴⁾. Имъ же по другому подобному дѣлу были поданы членитныя въ ноябрѣ того же 1643 года⁵⁾. Въ январѣ 1645 года также на имя

¹⁾ Книги записные приговоры бывшаго Вотчинного архива, въ „Описания до-кументовъ и бумагъ, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи“, книга VII, стр. 348, и книга VIII, стр. 66.

²⁾ Книга записная приговоры № 415.

³⁾ Книги записные приговоры, — въ „Опис. док. и бумагъ, хранящихся въ арх. мин. юст.“, книга VII, стр. 349.

⁴⁾ Книга записная вотчинная № 14.

⁵⁾ Тамъ же, дѣло № 23.

дьяковъ Строева и Кузовлева поступили челобитныя Репьева и Арбузова о запискѣ за первымъ вотчини второго¹⁾). Эти и имъ подобные факты нельзя объяснить иначе, какъ тѣмъ, что въ приказной практикѣ сороковыхъ годовъ XVII вѣка стать утверждаться постепенно обычай рѣшенія неспорныхъ дѣлъ одними дьяками, безъ участія главнаго суды Помѣстнаго приказа; иными словами, уже тогда подготавлилось поздѣйшее раздѣленіе этого приказа на два стола—судейскій для спорныхъ дѣлъ и дьячій для дѣлъ неспорныхъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что, начиная съ сороковыхъ годовъ, все чаще и чаще помѣты по неспорнымъ дѣламъ дѣлаются не думнымъ дьякомъ и вообще не дьякомъ, стоявшимъ во главѣ Помѣстнаго приказа, а простыми дьяками, ему подчиненными²⁾, между тѣмъ какъ раньше всѣ дѣла обыкновенно помѣчались думнымъ дьякомъ, начальникомъ приказа. Сопоставляя эти наблюденія съ полученнымъ нами раньше выводомъ, что спорныя дѣла или, что тоже, поземельныя тяжбы стали проникать въ вѣдомство Помѣстнаго приказа уже въ двадцатыхъ и особенно въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія, мы не удивимся, что въ слѣдовавшее затѣмъ десятилѣтіе ясно сказалась потребность въ измѣненіи порядковъ дѣлопроизводства, вызванная расширениемъ дѣятельности приказа. Думаемъ, что и перемѣны въ дѣлопроизводствѣ, какъ и въ вѣдомствѣ, были созданы по преимуществу, если не исключительно, самой приказной практикой, а не какими-либо специальными распоряженіями правительства.

Чтобы закончить обзоръ того, что нового даютъ Записныя вотчинныя книги для организаціи помѣстнаго приказа остается указать на время, когда впервые, по извѣстнымъ намъ до сихъ поръ источникамъ, упоминается одинъ изъ столовъ, на которые дѣлилась въ XVII в. канцелярія приказа. По даннымъ г. Ардашева, съ начала 70-хъ годовъ до конца столѣтія канцелярія Помѣстнаго приказа дѣлилась на четыре территоріальныхъ стола,—Московскій, Псковскій, Владимірскій и Рязанскій³⁾). Въ „Указной книгѣ Помѣстнаго приказа“,

¹⁾ Книга записная вотчинная $\frac{5995}{27}$, дѣло № 50.

²⁾ См., напримѣръ, книги записные вотчинные $\frac{5998}{30}$, дѣла №№ 2, 3, 5, 8, 9, 11, 14, 16, 18, 19, 21, 22, 23, 28, 29, 30; $\frac{5999}{31}$, дѣла №№ 27, 31, 32, 37, 39, 40, 42, 45, 46, 47, 49, 54, 55, 56, 59, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 69, 70, 73, 73 bis и т. д.

³⁾ Книги записные приговоры—въ „Опис. док. и бумагъ, хран. въ Арх. мин. юст.“, книга VII, стр. 338.

изданной В. Н. Сторожевымъ, Псковской столь упоминается уже въ 1631 г.¹⁾, а Рязанский въ 1648²⁾). Кромѣ того въ 1626 г. тамъ указанъ еще одинъ столь, не встрѣчающійся въ концѣ XVII вѣка,—именно Ярославскій³⁾). Этотъ же Ярославскій столь упоминается и въ нашемъ источникѣ подъ 1631 годомъ⁴⁾), но кромѣ того—и это имѣть большее значеніе—книги записныя вотчинныя отмѣчаются въ томъ же 1631 г. существованіе Московскаго стола Помѣстнаго приказа⁵⁾). Это—древнѣйшее до сихъ поръ извѣстное свидѣтельство о Московскомъ столѣ.

Доставляя такимъ образомъ рядъ важныхъ фактовъ, относящихся къ исторіи Помѣстнаго приказа, записныя вотчинныя книги вмѣстѣ съ тѣмъ позволяютъ намъ пополнить нѣкоторыми данными и наши знанія о другихъ сторонахъ исторической жизни Россіи XVII вѣка.

Большое значеніе имѣютъ онѣ прежде всего для изученія дѣятельности высшихъ правительственныеыхъ учрежденій,—самого государя и боярской думы: онѣ показываютъ, какія дѣла и почему восходили изъ Помѣстнаго приказа до верховной власти и какія вершились непосредственно въ приказѣ, который въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ уже какъ учрежденіе совершенно самостоятельное. Другими словами, записныя вотчинныя книги, наряду съ иными источниками, бросаютъ яркій свѣтъ на вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ выдѣлились въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка сферы управления верховнаго, съ одной стороны, и подчиненнаго, съ другой. Я долженъ однако въ настоящее время отказаться отъ подробнаго анализа записныхъ вотчинныхъ книгъ съ этой точки зрѣнія какъ по той причинѣ, что это потребовало бы привлеченія большаго и разнообразнаго матеріала, а слѣдовательно и слишкомъ значительной затраты времени и мѣста, такъ и потому, что этотъ вопросъ, я намѣренъ подробнѣ изслѣдоватъ впослѣдствіи въ особомъ труде.

Изучаемый источникъ даетъ—далѣе—нѣсколько фактовъ, относящихся къ соціальной исторіи, характеризующихъ положеніе сословій. Извѣстно, какъ въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка правительство, разверстывая между отдѣльными сословіями различныя государственные обязанности, снабжало вмѣстѣ съ тѣмъ каждое изъ сосло-

¹⁾ Указная книга Помѣстнаго приказа, стр. 104.

²⁾ Тамъ же, стр. 136.

³⁾ Тамъ же, стр. 87.

⁴⁾ Книга записная вотчинная $\frac{5976}{8}$, дѣло № 20.

⁵⁾ Тамъ же.

вий специальными, ему одному свойственными правами, обеспечивавшими исполнение обязанностей. Такъ, напримѣръ, довольно настороживо проводили уже въ то время принципъ, что землей должно было владѣть одно только служилое сословіе, обязанное военной службой. Кромѣ служилыхъ земель существовали въ то время еще земли государевы—черныя и дворцовые,—владѣнія церковныхъ учрежденій—церквей, монастырей и архіерейскихъ каѳедръ—и въ небольшомъ количествѣ земли посадскихъ людей, прислѣгавшія къ городамъ и лишь въ рѣдкихъ, даже совершенно исключительныхъ случаяхъ находившіяся и въ уѣздахъ. Вообще поземельная владѣнія посадскихъ людей въ уѣздѣ въ XVII вѣкѣ были исключительнымъ явлениемъ. Число такихъ исключений пополняется еще однимъ, свидѣтельствованнымъ одной изъ записныхъ вотчинныхъ книгъ: оказывается, что въ 1627 году въ Муромскомъ уѣздѣ существовали еще вотчины посадскихъ людей ¹⁾). Любопытенъ также другой фактъ, касающійся соціального строя: въ 1632 году стольникъ князь Никита Черкасскій принялъ въ закладъ у Ильи Кафтырева вотчину его въ Костромскомъ уѣздѣ „опричъ крестьянъ и крестьянскихъ животовъ“ ²⁾). Такъ какъ залогъ земли сопровождался немедленной передачей ея въ пользованіе залогопринимателю, и, слѣдовательно, исключение изъ залога крестьянъ предполагало переводъ ихъ въ другую вотчину или въ помѣстье залогодателя, то приведенный фактъ свидѣтельствуетъ объ утвержденіи мысли о личной, а не поземельной крѣпости крестьянъ землевладѣльцу, такъ какъ послѣдній свободно отлучалъ крестьянъ отъ ихъ земельныхъ участковъ, а крѣпостное право къ 30-мъ годамъ XVII столѣтія, несомнѣнно, уже утвердилось фактически, отчасти и юридически,—въ частныхъ договорахъ крестьянъ съ землевладѣльцами, порядныхъ и ссудныхъ записяхъ или грамотахъ.

Затѣмъ подъ 1633 годомъ находимъ въ записныхъ вотчинныхъ книгахъ указанія на областное дѣленіе, существовавшее въ Галицкомъ уѣздѣ и, если не ошибаемся, неизвѣстныя еще въ литературѣ по отношенію къ данной мѣстности: именно, Галицкій уѣздъ дѣлился на „осады“, изъ которыхъ упомянута Чухломская осада ³⁾.

¹⁾ Книга записная вотчинная $\frac{5971}{3}$, дѣло № 15.

²⁾ Книга записная вотчинная $\frac{5977}{9}$, дѣло № 52.

³⁾ Книга записная вотчинная $\frac{5980}{12}$, дѣло № 42. Впрочемъ въ городскихъ наказахъ комиссіи депутатовъ 1667 г. встрѣчается Чухломская осада.

Наконецъ заслуживаетъ вниманія одно свидѣтельство, важное для исторіи народнаго хозяйства. Въ 1630 году иѣкто Иванъ Кайсаровъ владѣль въ Ярославскомъ уѣздѣ вотчиной, состоявшей изъ деревень Лапиной и Труфановой, и „в той вотчине пашню рослашивал и сѣно роскашивал и лѣс чистил и дворы ставил і всякое дворовое строеніе строил и дѣловцовъ помѣсечно и понедѣльно и поденоно наймовал“¹⁾. Подчеркнутыя слова указываютъ на примѣненіе наемнаго труда въ землемѣльческомъ хозяйствѣ служилыхъ вотчинниковъ, чѣмъ подтверждается фактъ развитія денежнаго хозяйства въ Московской Руси XVII вѣка.

Таковы главныя свѣдѣнія, какія можно извлечь изъ вновь открытаго источника. При всемъ томъ онъ не даетъ намъ однако матеріала по двумъ вопросамъ, отвѣта на которые невольно ищешь, раскрывая записныя вотчинныя книги. Первый вопросъ это вопросъ о томъ, не дастъ ли новый источникъ текста новыхъ не дошедшихъ до насъ въ указанной книгѣ Помѣстнаго приказа и другихъ документахъ указовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ приходится дать отрицательный, если исключить цитованное выше упоминаніе о государевѣ указѣ, расширившемъ вѣдомство Помѣстнаго приказа²⁾. Второй вопросъ заключается въ томъ, не могутъ ли служить записныя вотчинныя книги матеріаломъ для исторіи мобилизациіи служилыхъ вотчинъ? И здѣсь надо отвѣтить отрицательно, такъ какъ, къ сожалѣнію, мы не можемъ признать, что записныя вотчинныя книги дошли до насъ отъ каждого года въ надлежащей полнотѣ. Къ тому же запись переходившихъ въ другія руки вотчинъ не всегда производились аккуратно. Такимъ образомъ въ вопросѣ о мобилизациіи земельной собственности писцовыхъ и переписныхъ книгъ остаются первостепеннымъ источникомъ, и самое большое, чтѣ могутъ въ этомъ отношеніи дать записныя вотчинныя книги, заключается въ отдельныхъ дополненіяхъ и поправкахъ, какими онѣ могутъ снабдить въ частныхъ случаяхъ изслѣдователя, руководящагося книгами писцовыми и переписными.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о времени, къ которому слѣдуетъ отнести начало записныхъ вотчинныхъ книгъ Помѣстнаго приказа. Въ дошедшихъ до насъ этихъ книгахъ встрѣчается указаніе, что онѣ велись и въ XVI вѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ самомъ

¹⁾ Книга записная вотчинная $\frac{5975}{7}$, дѣло № 41.

²⁾ Книга записная вотчинная $\frac{5992}{24}$, дѣло № 2.

ионцѣ его, именно въ 1600 году¹⁾). Еще Неволинъ отмѣтилъ свидѣтельство 1558 года, не оставляющее сомнѣнія въ веденіи записныхъ вотчинныхъ книгъ въ то время: въ указѣ 11-го января этого года сказано: „купити вотчина, сыскивая и въ тѣхъ книгахъ разсмотря, гдѣ вотчинныя купли и закладныя у которыхъ діаковъ въ книгахъ записаны“²⁾). Такимъ образомъ начало записи переходящихъ въ другія руки вотчинъ въ особы книги въ Помѣстномъ приказѣ надо отнести къ половинѣ XVI вѣка. Но отодвигать далѣе въ глубь времени происхожденія этой записи едва ли можно: во-первыхъ, первое достовѣрное извѣстіе о самомъ Помѣстномъ приказѣ не восходитъ дальше 1555—1556 г.г.³⁾; во-вторыхъ, до этого времени обычнымъ способомъ укрѣпленія правъ собственности на землю была не запись въ книги, а выдача жалованной грамоты, какъ то справедливо указано было Энгельманомъ⁴⁾ и вслѣдъ за нимъ Дмитрѣвымъ⁵⁾; начинаясь въ-третьихъ, въ купчихъ грамотахъ лишь во второй половинѣ XVI вѣка, большую частью съ 80-хъ годовъ, становится стереотипнымъ обязательство продавца записать за покупателемъ вотчину въ Помѣстномъ приказѣ⁶⁾,—обязательство, прежде совершенно отсутствовавшее въ этого рода актахъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Записная вотчинная книга 1642 года (№ $\frac{5964}{16}$, дѣло № 11).

„150 г. февраля въ 3 д. въ Помѣстномъ приказѣ диакомъ думному Михаилу Данилову да Ивану Переносову да Ондрею Строеву князь Василей княж Семенов сынъ Елецкой до дмитровецъ Илья Иванов

¹⁾ Книга записная вотчинная $\frac{5992}{24}$, дѣло № 2.

²⁾ Акты историческіе, т. I, № 154, IX, стр. 262; Неволинъ, Полное собраніе сочиненій, т. IV, С.-Пб., 1857, стр. 54.

³⁾ Платоновъ, Какъ возникли чети?—въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1892 г., май, стр. 164.

⁴⁾ Энгельманъ, О приобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву, стр. 28—29.

⁵⁾ Сочиненія Ф. М. Дмитріева, т. II, М., 1900, стр. 265—266.

⁶⁾ См. въ многочисленныхъ купчихъ, закладныхъ, данныхъ и пр. въ грамотахъ коллекціи экономіи, хранящихся въ Моск. архивѣ мин. юст., напримѣръ, грам. кол. экз. Переясл.-Залѣсск. у., №№ 9015, 9021, 9024; Владим. у., №№ 1858, 1862 и т. д.

сынъ Кирѣвской подали челобитные, да князь Василей же Елецкой явил на вотчину даную, какову ему дал Илья Кирѣвской на вотчину 150-го году и съ той даные взят у него список слово въ слово, а подлинная даная, справя съ спискомъ, отдана ему, а въ списку съ даные і въ челобитныхъ пишет.

Црю гдю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Русиі бьет челомъ холопъ твой Васка княж Семеновъ сынъ Елецкой: въ прошломъ, гдъ, въ 149-мъ году женился я холопъ твой у Ильи Иванова сына Кирѣвскаго, и дал онъ за дочерью своею приданую вотчинку жены своей въ Дмитровскомъ уѣзде въ Троецкомъ стану и въ Кузмодемянскомъ и на той, гдъ, вотчину дал мнѣ даную. Млрдый гдъ царь і великий князь Михайло Федоровичъ всеа Русиі, пожалуй меня холопа своею, вели, гдъ, той приданую вотчину жены моей справит за мною холопомъ твоимъ и дат свою гдру грамоту, почему мнѣ вперед владѣть. Црь гдъ, смилийся, пожалуй!

Црю гдю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Русиі бьет челомъ холопъ твой дмитровецъ Илейка Ивановъ сынъ Кирѣвской. Твое царское жалованье вотчинка приданая въ Дмитровскомъ уѣзде въ Троецкомъ стану і въ Кузмодемянскомъ. Млрдый гдъ царь і великии князь Михайло Федоровичъ всеа Русиі, пожалуй меня холопа своею, вели, гдъ, ту мою приданую вотчинку записат за зятемъ моимъ за княземъ Васильемъ князь Семеновымъ сыномъ Елецкого селца Андрѣйково з деревнями и с пустошью, тритцат пят чети. Црь гдъ, смилийся, пожалуй!

А на челобитной ево написано:

К сей челобитной Михайло Кирѣвской руку приложил въ Ильинъ мѣсто Кирѣвскаго, потому что онъ грамоте не умѣет.

Списокъ з данной записи слово въ слово:

Се аз Илья Ивановъ сынъ Кирѣвской дал есми зятю своему князю Василью княж Семенову сыну Елецкому по рядной записи въ приданые за дочерью своею за Ориною приданую жъ вотчину матери еѣ, а своей жены, Неонили, что дала теща моя вдовы Анна Гавrilовская жена Дьякова въ Дмитровскомъ уѣзде въ Троецкомъ стану пустошь, что была Косова, на Заволношкомъ озере, да къ той пустоши доля въ озере Заволножскомъ, Василево тож, да въ Кузмодемянскомъ стану приданая жъ вотчина селца Ондрѣйково, а въ немъ дворъ вотчинниковъ, да дрвню Морозову, а въ ней крестьянъ Гавrilko Ивановъ сынъ Чертенокъ з женой и з детми съ Сергушко да съ Левкою, да Ивашко Михайловъ з женой и з детми съ Миляфоркомъ да съ Титкомъ да Софронкомъ да съ Івашкомъ да

с Федкою; да дрвню Палкино, а в нем во дворѣ крестьянин Аeonка Суворов съ детми с сыном с Никонком да с Якушком да с Іавашком, да Мишка Ильинъ сынъ Чертенок. А в той моей приданой вотчине в Троицком і в Кузмодемянском станѣ четвертные пашни тритцат пят чети в поле, а в дву потомуж, с лесы и с сенными покосы и со всѣми угоды, как к той моей вотчине исстари ходит соха и коса и топор, по старым межам. Да к той же дрвне Морозова отхожей луг под пустошью Ножевнею пятнадцат копен, лѣсу непашенного десет десятин. И в той вотчине зят мой княз Василей и жена ево, а моя doch, Орина и ихъ дѣти, ково им Богъ дасть, а моя вотчина у меня Ильи оприч зятя моего и дочери моей иному никому не дана и не заложена ни у ково ни в чёмъ и по душѣ ни по юм ни в крой мирь и в приданые ни за кѣмъ не отдана и в иных ни в каких крепостях ни у ково ни в чём не укреплена, и тобъ вотчину мнѣ Илье въ Помѣсномъ приказе за зятем своим за князем Васильемъ записат. А на то послух Иван Федоров. А даную писал Ивановские площиади подьячей Богданко Карнаухов. Лѣта 7000 стопятьдесятоого году єевраля во вторыи день. Назади у подлинной данной записи написано:

К сей данной Федор Иванов сын Кирѣевской, вмѣсто брата своеово Ильи, по ево велѣнию руку приложил.

Послух Іавапко руку приложил.

И по сему списку з даные 150-го году написано:

Илья Иванов сынъ Кирѣевской дал онъ зятю своему князю Василью княж Семенову сыну Елецкому по рядной записи в приданые за дочерью своею за Ориною приданую ж вотчину матери еѣ, а своей жены, Неонили, что дала ему теща ево вдова Анна Гавриловская жена Дьякова, въ Дмитровском уѣзде въ Троецком стану пустошь, что была деревня, Косова на Заволнужском озере да к той же пустоши доля в озере Заволножском — Василево тож,—да в Кузмодемянскомъ стану приданая ж вотчина селцо Ондрѣйково да деревню Морозово да деревню Палкино, а въ той ево приданой вотчине в Троецком и в Кузмодемянском стану четвертные пашни тритцат пят чети в поле, а в дву потомуж; да і в Помѣсном приказе та ему вотчина за зятем своим за князем Васильем за Елецким в записные вотчинные книги записат.

А что за Илью Кирѣевским вотчины, и о чёмъ гдрю прю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа-Руси княз Василій Елецкой бывет челом:

І в дмитровских книгах писма и мѣры Ондрѣя Загряжского да подьячего Гаврила Володимерова 136-го и 137-го году в Троецкомъ стану в вотчинах написано: за дмитровцом Ильею Ивановым сыном Кирѣевским, что ему дала в приданое за дочерью своею теща ево вдова Анна Гавриловская жена Дьякова во 129-м году пустошь, что была деревня, Косова на Заволнож озере, а в ней пашни перелогомъ и лѣсом поросло худые земли двадцат чети в поле, а в дву потомуж, да ему ж доля въ озере Заволножском — Василево тож— с ынными помѣщики вончѣ.

Да въ Кузмодемянском стану селцо Ондрѣйково, дрвня Морозово, дрвня Палкино, а в них пашни паханые и перелогу и лѣсом поросло худые земли пятнадцат чети в поле, а в дву потомуж.

І всего за Ильею Кирѣевскимъ приданые вотчины в дву станѣх тринадцать пят чети.

И гдрю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси князь Василей княж Семенов сынъ Елецкой бьет челомъ: в прошлом де во 149-м женился он у Ильи Иванова сына Кирѣевскаго, и дал он за дочерью своею, а за ево женою, приданую вотчину жены своей в Дмитровском уѣзде в Троецком да в Кузмодемянскомъ стану селцо Ондрѣйково з дрвнями, тринадцат пят чети, и на ту де вотчину данную ему дал. И гд҃ь бы ево пожаловал, ту приданую вотчину по данной велѣль записать в записные вотчинные книги за ним за князем Васильемъ.

А дмитровецъ Илья Иванов сын Кирѣевской гдрю о том бьет же челомъ, чтоб гд҃ь ево пожаловал, ту ево вотчину по данной велѣль записат в записные в вотчинные книги за зятем ево за князем Васильемъ княж Семеновым сыном Елецким.

А на дѣле помѣта думного дьяка Михаила Данилова: 150 г. ѿвраля въ 10 д. записат та вотчина в книги за князем Васильемъ Елецким, а пошлины взят по указу.

К сѣмъ записные вотчинныя книгамъ в Ільиню мѣста Кирѣевскаго, что он дал в приданые за дочерью своею вотчину в Дмитрове, Семен Кирѣевской по его велѣнию, что он грамоте не умѣет, руку приложил¹⁾.

Н. Рожновъ.

---

¹⁾ Эта послѣдняя подпись идетъ по листамъ въ видѣ скрѣпы.

ТЕЛЬСИНГФОРСКАЯ ШКОЛА ФИЛОЛОГОВЪ И ЛИНГВИСТОВЪ¹⁾.

Тридцатые годы истекшаго столѣтія ознаменовались живой идеиной работой. Въ западной Европѣ это было время, когда совершившееся въ началѣ вѣка возрожденіе мелкихъ національностей начало приносить свои плоды въ видѣ политического устройства новыхъ государствъ, появленія крупныхъ идеиныхъ ученыхъ трудовъ, усерднаго собиранія произведеній народнаго творчества и т. п. Въ большихъ государствахъ шла интенсивная умственная работа: Франція была полна вопросами соціальной нравственности и увлекалась идеями О. Конта, въ Германіи назрѣвало естественно-историческое направлѣніе, выдвинувшее Вирхова, и возбуждали энтузіазмъ лекціи Шеллинга. Россія не отставала отъ своихъ культурныхъ собратій: смѣлыя обличительныя сатиры Гоголя, философское міропониманіе славянофиловъ, страстная проповѣдь Бѣлинскаго показывали, что и въ ней подъ покровомъ бюрократическаго безразличія кипѣтъ живая духовная жизнь.

Въ эту знаменательную пору на обитателей „хладныхъ финскихъ скалъ“ выпало рѣдкое счастье. Молодой врачъ Ленротъ, уже давно занимавшійся записываніемъ финскихъ народныхъ пѣсень, наткнулся среди кареловъ на такія старыя и длинныя эпическія пѣсни, которыхъ являлись, повидимому, отрывками одного большого эпоса; соопоставивъ эти пѣсни и приладивъ ихъ одну къ другой, Ленротъ получилъ обширную поэму съ единствомъ содержанія и цикломъ богатырей, страна

¹⁾ Неизбѣжная бібліографическая неполнота этого очерка вызываетъ прежде всего вышними условіями его обработки въ провинціальномъ городѣ, бібліотека которого по части финно-угорской представляетъ настоящую пустыню, такъ что я былъ почти исключительно предоставленъ средствами своей собственной бібліотеки.

которыхъ прекрасная Калевала и дала заглавіе возсозданному такимъ путемъ народному богатырскому эпосу. Врядъ ли кому изъ нашихъ ученыхъ этнографовъ придется въ голову подобрать былины о русскихъ богатыряхъ такъ, чтобы изъ нихъ получилась одна поэма. Это было бы вовсе не обогащениемъ нашего национального міровоззрѣнія, да и въ смыслѣ художественномъ едва ли могло бы удовлетворить самыхъ непріязнительныхъ читателей; прежде всего, это было бы никому и ни для чего не нужно¹). Иное дѣло—Финляндія 30-ыхъ годовъ. Здѣсь вопросъ шелъ о самомъ существованіи национальной литературы, о самыхъ правахъ туземнаго населения думать и писать по-фински. Литературно образованные люди находились подъ сильнейшимъ вліяніемъ шведской образованности, которое едва было надломлено на пользу финской письменности (какъ это признавалъ Кастренъ) только присоединеніемъ Финляндіи къ Россіи.

Вотъ почему появление Калевалы въ 1835 году было событиемъ величайшей важности не только въ умственной, но и въ политической жизни финского народа, эрой, съ которой началось и то ученое движение, которому посвящено мое сообщеніе. Одинъ изъ юныхъ студентовъ Гельсингфорсскаго университета такъ воодушевился этой поэмой, что рѣшилъ всю свою жизнь посвятить на изученіе языка и быта финскихъ и родственныхъ имъ племенъ. Это былъ знаменитый Кастренъ, объѣздившій сѣверъ Европы, степи и пустыни Азіи, исходившій лѣса Приволжья и Прикамья, проникнутый одной идеей изучить разрозненныхъ сыновей одной раскинутой семьи, понять ихъ единство и твердо поставить науку финно-угорской филологии. Что же видѣлъ Кастренъ въ Калевалѣ? Вотъ что онъ говорить въ одной изъ своихъ газетныхъ статей уже въ 1836 году (M. A. Castren's Kleinere Schriften 1862, стр. 1—2): „Если народъ съ любовью изучаетъ свое прошлое и свое историческое развитіе, то это служить вѣрнымъ признакомъ, что у него здоровый духъ, и что онъ обладаетъ однимъ изъ главныхъ условій для дальнѣйшаго совершенствованія (Veredlung). Этимъ онъ съ благодарностью признаеть наслѣдіе, полученное отъ предковъ, наслѣдіе, которое онъ, не растративъ, но

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ, напр., эстонская поэма „Kalcviroeig“ представляетъ иѣчто очень слабое въ сравненіи съ Калевалой; ея искусственность бросается въ глаза, что бы ни говорили защитники ея подлинности. Въ подлинности отдельныхъ частей, кажется, дѣйствительно нельзя сомнѣваться, но, чтобы это было частями одного цѣлаго, это вичемъ въ сущности не доказано.

еще пріумноживъ, передасть грядущимъ поколѣніямъ; онъ показываетъ сознательное отношение къ себѣ и пути, которымъ онъ будетъ идти впередъ... И у насъ появился на свѣтъ одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ народа. Во всѣхъ отношеніяхъ высоко знаменательно появление „Калевала“, этой поэмы бывшъ вѣковъ, въ которой все такъ знакомо и мило намъ, которая все-таки постоянно напоминаетъ намъ о далекомъ прошломъ, въ которой выступаютъ исконныя черты національного характера финновъ вмѣстѣ съ ихъ древнѣйшими религіозными представлѣніями. Можно ли было положить будущей финской литературѣ болѣе надежныхъ, прекрасныхъ и достойныхъ основы? И въ чемъ больше оказывается чуткое пониманіе благодороднаго и великаго, что скрыто во мракѣ прошлаго нашей отчизны, какъ не въ спасеніи памятниковъ такого рода, какъ „Калевала“? Если вы хотите предсказывать Финляндію будущее, когда ея сыны, воодушевившись истиннымъ патріотизмомъ и отрекшись отъ чуждой культуры, будутъ признавать правдой лишь то, что возникло изъ ихъ собственной жизни и дѣятельности, — тогда ищите именно въ „Калевалѣ“ опоры вашимъ надеждамъ“.

Кастренъ и Ленротъ, благородные геніальные энтузіасты, появившіеся въ то счастливое время, когда на энтузіастовъ идеи быть еще спросять, — два имени, которыхъ останутся навсегда дороги финнамъ, имена, которыми можетъ гордиться человѣчество. Кастренъ сдѣлался первымъ профессоромъ финскихъ языковъ въ Гельсингфорскомъ университѣтѣ; правда онъ успѣлъ прочесть всего иѣсколько курсовъ, но эти послѣдніе имѣли такой фундаментальный характеръ (о миѳологіи финскихъ племенъ, этнографія урало-алтайскихъ народовъ), что послѣ смерти Кастрена финнологія стояла уже крѣпко на своихъ ногахъ. Этотъ человѣкъ, скончавшійся не достигнувъ 40 лѣтъ (7 мая 1852 года), оставилъ такъ много крупныхъ, основныхъ трудовъ, что только силою идей, вдохновлявшей его, можно объяснить такую необычайную энергию, напоминающую трудоспособность Шафарика, Гrimма, людей, которыми не была бѣдна тогдашняя эпоха. Ленротъ по своимъ склонностямъ, пожалуй, еще болѣе напоминаетъ Гrimма, чѣмъ Кастренъ: это своего рода Вукъ Караджичъ финского народа, но безъ непрѣятныхъ особенностей личнаго характера, которыми отличался даровитый дѣятель сербскаго возрожденія. Ленротъ былъ неутомимымъ собирателемъ умственнаго богатства своего народа: ему Финляндія обязана собраниемъ пѣсенъ, громаднымъ словаремъ, Калевалой; національное воодушевленіе, питавшее соки молодой, основанной Кастреномъ, на-

уки, примыкаетъ именно къ названной дѣятельности Ленрота. Скажу даже больше: уже виѣшнимъ путемъ, уже самыми генеалогическими узами дальнѣйшій ростъ финнологіи соединенъ съ именемъ творца Калевалы. На дочери Ленрота было женатъ проф. Юліусъ Кронъ, а ученикомъ Кастрена былъ Альквистъ.

Это второе поколѣніе финскихъ ученыхъ. Если первое было занято, по преимуществу, выясненіемъ духовнаго достоянія финно-угорскихъ племенъ, то второе приступило къ его обозрѣнію; Ленротъ и Кастренъ составили, такъ сказать, инвентарь, расположили свои коллекціи въ извѣстной системѣ; на причинную связь того множества явлений, которое установили эти ученые, обратили самое серьезное вниманіе этнографъ Кронъ и лингвистъ Альквистъ. И здѣсь уже вполне обрисовался тотъ широкій, обобщающій характеръ, какой прияли труды Гельсингфорской школы; начали опредѣляться и ея методологіческія особенности. Послѣднія находились въ тѣсной связи съ могучимъ национальнымъ движениемъ, которое охватило финскій народъ, сознавшій свое я и пожелавшій отдать себѣ научный отчетъ въ своихъ духовныхъ средствахъ. Началось въ обширнѣйшихъ размѣрахъ собирание фольклора, которое находитъ себѣ аналогію въ этнографическихъ интересахъ другихъ мелкихъ этническихъ группъ Россійской имперіи, эстовъ и латышей. У первыхъ собирание произведеній народнаго творчества ведется по обдуманному плану цѣлымъ кружкомъ преданныхъ дѣлу лицъ, а число ихъ съ 1888 года по 1896 достигло 860 человѣкъ; это только корреспонденты пастора Гурта, въ рукахъ котораго сосредоточено теперь болѣе 40 тысячъ пѣсенъ, болѣе 8 тысячъ сказокъ, 45 тысячъ пословицъ и пр. въ этомъ же родѣ. У другого собирателя эстонскаго фольклора, пастора Эйзена, материалы также громадны: 23125 записей сувѣрій и мифологическихъ представлений, 10314 прозаическихъ разсказовъ и т. д.¹⁾. Этнографія латышей за послѣднее десятилѣтіе сдѣлала также огромные успѣхи: если и раньше латыши могли похвальиться хорошими сборниками пѣсенъ и сказокъ, то все сдѣланное ими въ области записей пѣсенного творчества отходить на задний планъ передъ новымъ, на половину уже осуществленнымъ предпріятіемъ: изданіемъ „Латышскихъ пѣсенъ“ Барона и Виссендорфа, въ которомъ принято во вниманіе болѣе 30 тысячъ вариантовъ.

¹⁾ Подробности въ статьѣ O. Kallas'a „Uebersicht über das Sammeln estnischer Runen“ (Finnisch. Ugrische Forschungen. т. II, стр. 8—40).

При такомъ систематическомъ изслѣдованіи своей родины не остается пропущеннымъ ни одинъ приходъ, ни одна мыза. Эта роскошь, къ сожалѣнію, совсѣмъ не вѣдомая намъ, у которыхъ нива необыкновенно велика, а тружениковъ несмовѣрно мало,—эта роскошь позволяетъ изслѣдователю примѣнять въ своихъ работахъ, такъ называемый, „географический методъ“, впервые, насколько мнѣ известно, выдвинутый именно проф. Юл. Крономъ въ его книгѣ о Калевальѣ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ руками точныхъ цифровыхъ данныхъ относительно размѣровъ пѣсенныхъ собраній Гельсингфорса, но, если мнѣ не измѣняетъ память, оно достигаетъ весьма солидной цифры въ 200 тысячъ варіантовъ. Кому случалось видѣть изданія финскихъ народныхъ сказокъ, тотъ помнить, вѣроятно, какъ роскошно они обставлены въ смыслѣ варіантовъ.

Итакъ, финнологія обратилась, во-первыхъ, къ изученію финской этнографіи и діалектологіи (много описаній говоровъ въ журналѣ *Suomi*), во-вторыхъ, къ изслѣдованію родственныхъ языковъ и филологическому ихъ анализу. Въ послѣдней области весьма крупныя заслуги принадлежать Альквиству, который составилъ грамматику мордовскаго языка, изучалъ вогульскій и остяцкій языки, представилъ культурную исторію финно-мордовского племени, написалъ замѣчательный опытъ научной грамматики: „Строеніе финскаго языка“ и т. д.

Ю. Кронъ, вѣрный хранитель традицій своего тестя Ленрота, оказался патріархомъ современной финнологіи, третьего поколѣнія ученыхъ. Его сынъ, профессоръ финского и сравнительного народовѣдѣнія въ Гельсингфорсѣ, обратился по преимуществу къ народовѣдѣнію, а изъ его дочерей, сестерь молодого профессора, одна замужемъ за главой школы, проф. Э. Н. Сетэлэ (E. N. Setälä), а другая за первымъ въ Петербургѣ приват-доцентомъ финскаго языка, О. М. Калласомъ. Такимъ образомъ, генеалогическая связь съ основателемъ школы, Ленротомъ, не прервана, и кружокъ молодыхъ даровитыхъ ученыхъ, объединенный не только общностью интересовъ, но и родствомъ, энергично трудится надъ разработкой вопросовъ финно-угорского языкознанія и народовѣдѣнія. Къ нему примкнула рядъ замѣчательныхъ изслѣдователей, которые все вмѣстѣ и составляютъ то, что я называлъ Гельсингфорской школой этнографовъ и филологовъ. Въ наше время идейного оскудѣнія, глубокой пропасти между обществомъ и учеными, чрезвычайно отрадно перенестись мыслию въ живую научную дѣятельность Гельсингфорса, гдѣ общество видѣть въ своихъ ученыхъ „соль земли“, и гдѣ сами уче-

ные видять въ своей работѣ служеніе народу. Они увѣрены, что въ появлениі Ленрота сказалось „Божье пророчество, которое отечески печется и о маленькихъ и прѣзрѣнныхъ народахъ, что въ немъ проявилось не обреченіе финского народа на гибель, но его назначение жить и работать для всего человѣчества. Проникшись этимъ твердымъ убѣждениемъ и принявъ за образецъ Эліаса Ленрота, и финскіе изслѣдователи могутъ работать бодро и энергично“ ¹⁾.

Выступленіе этихъ людей на ученую арену относится къ началу 80-хъ годовъ. Оно почти совпало съ другимъ важнымъ событиемъ, основаніемъ Финно-угорскаго общества, которое предалось самому широкому изученію финно-угорскаго міра. Органомъ его на первыхъ порахъ служили два изданія: *Journal de la Société Finno-Ougtienne* (21 томъ), где помещаются труды по финнологіи, и *Mémoires de la Société Finno-Ougtienne* (15 томовъ), посвященные по преимуществу другимъ урало-алтайскимъ народамъ. Съ 80-хъ же годовъ чрезвычайно расширило свою дѣятельность и старое, основанное еще въ сороковыхъ годахъ, Финское Литературное общество, которое выпустило два тома „Финскихъ сказокъ“ (I. Сказки о животныхъ. 1886. II. Миенческія сказки. 1893), два тома „Суевѣрныхъ обычаевъ финскаго народа“ (I. Суевѣрія охотническія. 1891. II. Суевѣрія рыболовческія. 1892), три тома „Народныхъ мелодій“ (1886—1896), Варианты къ „Калевалѣ“ (1888) и много очень крупныхъ изслѣдований по финскому народовѣдѣнію и языкоznанію, перечислять которыхъ было бы здѣсь утомительно.

Такимъ образомъ закипѣла работа, душой которой надо, кажется, считать профессора финского языка и литературы въ Гельсингфорсѣ Сетэлэ, одного изъ тѣхъ ученыхъ, которые прокладываютъ въ наукѣ пути и создаютъ школу. Сетэлэ—основатель научной сравнительной разработки финно-угорскихъ языковъ. Если уже Кастренъ, потомъ Альквистъ (изъ числа финскихъ ученыхъ) много сдѣлали для разъясненія отдельныхъ явлений финно-угорскихъ языковъ, а кроме нихъ ими энергично занимались венгерские ученые, Буденцъ, Шимони, Синней, Мункачи и др. и гельсингфорской санскритистъ, тюркистъ и финнологъ Доннеръ, авторъ „Сравнительного словаря финно-угорскихъ языковъ“, наконецъ петербургскій академикъ Видеманъ, а раньше вѣнскій ученый Боллеръ, и др., то все же въ смыслѣ метода финно-

¹⁾ *Kaarle Kron.* Dem Andenken Elias Lönnrot's. (*Fin.-Ugrische Forschungen*, т. II, стр. 7).

логія требовала еще весьма многаго. Дѣло въ томъ, что только венгерскій языкъ можетъ похвальиться сравнительно древней исторіей, остальные же финскіе языки становятся извѣстны очень поздно, лишь съ того времени, когда протестантскіе проповѣдники обратились къ народнымъ языкамъ, т. е. съ 16 вѣка. Что касается русскихъ финновъ, мордвы, черемисъ, зырянъ, то грамматики ихъ появляются лишь въ самомъ концѣ 18 вѣка (черемисская), а по большей части не раньше 19-го столѣтія. Слѣдовательно историческая грамматика финно-угорскихъ языковъ, которая дала бы ключь къ установлению древней фонетики ихъ, вещь невозможна. Приходится обращаться къ другимъ источникамъ познанія древняго состава финскихъ языковъ, искать иныхъ методовъ. Наука рано обратила вниманіе (и этимъ она обязана замѣчательнымъ изслѣдованіямъ датскаго ученаго В. Томсена) на обиліе заимствованныхъ словъ въ финскихъ языкахъ: въ нихъ огромное количество словъ, взятыхъ изъ иранскихъ (особенно осетинскаго) нарѣчій¹⁾, очень много въ западно-финскихъ языкахъ словъ древне-германскаго и литовскаго происхожденія. Отсюда прямой выводъ, что для того, чтобы прийти къ какимъ-нибудь надежнымъ результатамъ относительно исторіи финскихъ звуковъ, надо прежде сего изслѣдовывать ихъ передачу иностранныхъ звуковъ въ заимствованныхъ словахъ. Стоя на этой твердой почвѣ, проф. Сетэлъ написалъ свою книгу: „Yhteissuomalainen äännehistoria“ (Обще-финская исторія звуковъ. I. Взрывные. II. Сширанты, носовые, плавные, полугласные. 1891). Надо замѣтить, что подъ финскимъ здѣсь разумѣется лишь группа западно-финскихъ нарѣчій (ливы, эсты, сумь, водь, вепсы, карелы, олончане), что материалъ изъ восточно-финскихъ языковъ привлекается сравнительно рѣдко, что, наконецъ пока оставлена въ сторонѣ такая гибкая часть языка, какъ гласные. Тѣмъ не менѣе названная книга Сетэлъ составила эпоху: она впервые разработала во всей его совокупности діалектическій материалъ; точность ея метода сдѣлала невозможностью появление снова неметодическихъ работъ по финскому языкознанію; въ ней много цѣнныхъ замѣчаній общаго характера, а также соображеній по морфологіи, которыя, основываясь на строгомъ изслѣдованіи фонетики говоровъ, иногда совсѣмъ измѣнили

¹⁾ Этому вопросу посвящена обширная литература, въ которой принялъ участіе и русскіе иранисты (г. Штакельбергъ). Въ настоящее время она изложена въ новой книжѣ Б. Муякачи „Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben“. Budapest. 1901, которой я надѣюсь въ ближайшемъ будущемъ посвятить отдельную статью.

прежніе взгляды (см. напр. исторію *k* и *t* въ концѣ слова). Чтобы показать, къ какимъ выводамъ приходитъ проф. Сетэлэ путемъ изученія заимствованныхъ словъ, въ чемъ очень ярко сказывается методъ Гельсингфорской школы, я приведу одно мѣсто изъ его „*Yhteissuomalainen äännehistoria*“, посвященное „Обзору исторіи звука *š*“ (стр. 320—323). Сдѣлавъ обзоръ материала, г. Сетэлэ замѣчаетъ: „изъ вышеизложенаго мы убѣдились, что тотъ сибилинть, изъ котораго въ большинствѣ случаевъ возникло *h*, долженъ быть отличаться отъ *s*, также какъ первоначальное *s* въ этихъ случаяхъ не подвергалось перемѣнамъ. То обстоятельство, что въ родственныхъ языкахъ звуку изъ котораго впослѣдствіи развилось *h*, соответствуетъ *š*, *ž*, даетъ само по себѣ основаніе думать, что этотъ звукъ былъ съ ними тожественъ. Такъ какъ, кромѣ того, литовскія *š*, *ž*, дали въ позднѣйшую эпоху общезападно-финскаго языка тоже *h*, то не остается никакого сомнѣнія, что они, проникнувъ въ заимствованныхъ словахъ въ общезападно-финскій языкъ, получивъ ту же звуковую окраску, какую имѣлъ общезападно-финскій звукъ, изъ котораго впослѣдствіи развилось *h*, и что слѣдовательно онъ долженъ быть или совпадать, или очень приближаться къ литовскимъ *š*, *ž*. Что этотъ звукъ былъ глухимъ, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться; на это указываетъ уже самое развитіе его въ *h*. Вѣроятно, какъ предполагаетъ Томсенъ, это было извѣстнаго рода *š*. Нѣкоторыя изъ указанныхъ литовскихъ словъ проникли черезъ посредство финскаго языка въ лапландскій, напр. *Suoidne*-сѣно (лит. *ženäas*), *suoldne*-роса (лит. *šalnà*), *luossa*-лосось (лит. *lāšis*) и др. Если оставить въ сторонѣ лаш. R. *kaiča*-чашка (лит. *káušas*) и очень неясное *šiötjä*-гусь (лит. *žansis*), то замѣчательно, что въ этихъ словахъ общезападно-финскому сибилинту соответствуетъ *s*, а не *š*, за исключеніемъ слова *dusše*-ничего (лит. *lūšcas*), гдѣ *š*, могло возникнуть подъ вліяніемъ слѣдующаго *j* (фин. *tyhjä*, ср. *asjë* = об. зап. фин. *asia* и др.). Вѣроятно, этотъ общезападно-финскій сибилинть не былъ вполнѣ сходенъ съ лапландскимъ *š*, если лапланецъ слышалъ въ немъ *s*.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы могли изслѣдоватъ наиболѣе древніе оригиналныя элементы языка и заимствованные слова, мы видѣли, что фин. *h* возникло изъ *š*, или изъ *s*, отчасти также изъ *k* (въ группѣ *kt*). Это даетъ основаніе утверждать, что нѣкогда общезападно-финскій языкъ совсѣмъ не имѣлъ звука *h*. Весьма вѣроятно, какъ предполагаетъ Томсенъ, что это положеніе вѣщей еще сохранилось, когда началось германское вліяніе на общезападно-финскій

языкъ; такъ думать заставляетъ уже тотъ фактъ, что въ древнѣйшихъ германскихъ заимствованіяхъ германскому *h* соотвѣтствуетъ фин. *k*, а не *h*, которое было бы здѣсь умѣстно, хотя германское *h* и имѣло звуковую окраску *x*; напр. *kallio*=др. сканд. *hella* (гот. *hallyō*), *kalla*=др. сканд. *halla*, *kana*=гот. *hana*, др. сканд. *hani* и др. Правда, этому *k* изъ *h* соотвѣтствуютъ финскіе рефлексы *t* и *r* германскихъ спирантовъ *r* и *f*, но появленіе *k* на мѣстѣ *h* зависитъ отъ той же причины, отчего вмѣсто *r* и *f* появились *t* и *r*: въ обще-финскомъ языкѣ не было спирантовъ *r* и *f*, не было и спирали *h*. Однако существуетъ нѣсколько очень древнихъ германскихъ заимствованій, гдѣ германскому *h* соотвѣтствуетъ и фин. *h*: напр. *harras*=др.-сканд. *hardr*, гот. *hardus* и др. Поэтому мы можемъ согласно съ Томсеномъ думать, что *h* развилось въ періодъ древнѣйшаго германскаго вліянія. Такимъ образомъ, на основаніи хронологическихъ соображеній можно сказать, что переходъ *š* въ *h* завершился въ началѣ нашей эры.

Славянское вліяніе на финскія народчи началось, вообще говоря, позже, когда уже возникло *h*, а звука, похожаго на *š*, существовавшаго въ общезападно-финскомъ языкѣ, уже не было. Поэтому естественно, что славянское *š*, *ž* перешло въ *s*, и не приняло участіе въ развитіи *h* изъ *š*. Но такъ какъ существуетъ нѣсколько словъ, вѣроятно, славянского происхожденія, которая въ этомъ случаѣ подверглись указанному процессу развитія, то отсюда явствуетъ, что кое-какія славянскія слова проникли въ общезападно-финский языкъ уже значительно раньше, нежели начались болѣе живыя сношенія между славянами и финнами (къ числу такихъ словъ относятся фин. *hukora* изъ *шуба*, *hirsī* изъ *жърдь* и др. см. стр. 304—305¹⁾). Произошло ли это прямо или, вѣрѣю, при посредствѣ другихъ народовъ, объ этомъ я пока не хочу высказывать своего мнѣнія.

Трудно рѣшить, въ какомъ хронологическомъ отношеніи находится переходъ *š* въ *h* къ переходу *s* въ *h*, который совершился между гласными послѣ слога безъ ударенія. Выше мы пришли къ убѣждѣнію, что переходъ *s* въ *h* начался очень рано (стр. 261) и, навѣрно, уже въ началѣ германскаго вліянія. Точно также мы видѣли (стр. 246), что упомянутый переходъ *s* въ *h* не происходилъ, если предшествовавшій слогъ начинался съ *h*. Какъ въ общезападно-финскую эпоху

¹⁾ Надо отмѣтить, что въ недавнее время высказано сомнѣніе относительно русскаго происхожденія названныхъ словъ. *H. Raasonen. Die sogenannten Karataj-Mordwinen oder Karatajen.* (XXI т. Journ. de la Soc. Fin.-ougri. 1902, стр. 47—49).

говорилось *puraħasen* изъ *puraħesen, *puraħesen, такъ говорилось и *vihasen изъ *viħasen, *veħeħesen* изъ *veħeħesen. Отсюда слѣдуетъ, что *ħ* должно было измѣниться или измѣнилось въ *ħ* въ то время, когда совершился переходъ *s* въ *ħ* послѣ безударного слога. Ибо, если бы *ħ* въ только что указанныхъ случаяхъ не перешло въ *ħ* въ то время, когда совершался переходъ *s* въ *ħ*, то *s* слѣдующаго слога не задержало бы перехода въ *ħ*, и тогда возникли бы формы *vīħaħen, *veħeħeħen. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что переходъ *ħ* въ *ħ* совершился одновременно или даже раньше, чѣмъ переходъ *s* въ *ħ* послѣ безударного слога". (Далѣе идутъ звукофизиологическая разъясненія).

Такъ осторожно и послѣдовательно, шагъ за шагомъ, подвигается въ своихъ изслѣдованіяхъ проф. Сетэлэ, который, владѣя всѣмъ соответствующимъ материаломъ, умѣеть создавать остроумныя и очень вѣроятныя комбинаціи его. Если мы сравнимъ первую часть „Общефинской исторіи звуковъ“ со второй, то мы увидимъ, какъ расширялся ученый горизонтъ ея автора по мѣрѣ созданія этого выдающагося труда, ибо во второй части родственнымъ финно-угорскимъ языкамъ удѣлено гораздо больше мѣста и вниманія, чѣмъ въ первой, и выводы проф. Сетэлэ принимаютъ все болѣе обобщающій характеръ, касаясь всей семьи финно-угорскихъ языковъ. Когда же авторъ принялъся за обработку третьей части, имѣющей въ виду исторію гласныхъ звуковъ, то онъ уже прямо исходилъ изъ всего финно-угорского материала и пришелъ къ выводу, имѣющему первостепенное значеніе и для нась не финнологовъ—изслѣдователей индоевропейскихъ языковъ. Именно, въ статьѣ „О смынѣ количествъ въ финно-угорскихъ языкахъ“¹⁾, разсмотрѣвъ вопросъ о „до-финскомъ вокализмѣ“, проф. Сетэлэ не только рѣшительно высказался въ пользу существовавшаго въ финно-угорскомъ пра-языкѣ чередованія гласныхъ, но даже представилъ систему этого явленія въ различныхъ языкахъ. Новѣйшія изслѣдованія венгерскаго ученаго Шимоки подтверждаютъ взглядъ Сетэлэ и дѣлаютъ его достояніемъ науки такъ же, какъ другое предположеніе гельсингфорскаго ученаго, что въ финно-угорскомъ пра-языкѣ удареніе не было неподвижнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сторонники теоріи родства индоевропейскихъ языковъ съ финскими пріобрѣтаютъ въ свою пользу очень важный фактъ, если принять возрѣнія Сетэлэ и Шимони; въ этомъ случаѣ постоянное удареніе нѣкоторыхъ индоевропейскихъ языковъ

¹⁾ Ueber Quantit tswechsel in Finno-Ugrischem. Vorl ufige Mitteilung. Journal de la Soci t  Finno-Ougrienne, XIV т. 1896.

(жельтского, германского, итальянского) должно объясняться такъ же, какъ постоянное ударение въ некоторыхъ финно-угорскихъ языковъ (зырянскій не знаетъ его), т. е. развитіемъ побочного ударенія, которое позже выступило на первый планъ¹⁾). Къ счастью, въ настоящее время все болѣе сторонниковъ названного родства языковъ, и я надѣюсь коснуться этого вопроса въ скоромъ времени въ специальному изслѣдованіи.

Неутомимый изслѣдователь финскихъ языковъ и древностей, редакторъ одной народной газеты и ученаго журнала „Finnisch—Ugrische Forschungen“, проф. Setälä постоянно печатаетъ работы по языкоznанию²⁾, много трудится надъ установлениемъ финского литературиаго языка³⁾; пишетъ учебныя грамматики, выдерживающія по многу изданій (1880); наконецъ ему принадлежать замѣчательныя изслѣдованія о культурѣ финскаго племени. Одно изъ нихъ было вызвано просьбой нашей Академіи Наукъ написать отчетъ о трудахъ И. Н. Смирнова (Черемисы. 1899. Мордва. 1895. Вотяки. 1890. Пермяки. 1891), представленныхъ на соисканіе Уваровской преміи. Въ своей рецензіи Сетэлэ подробно разсмотрѣлъ филологическія сопоставленія проф. Смирнова и даль собственную попытку возстановить общефинскую и финно-угорскую культуру по даннымъ языка. Въ иѣсколько распространенному видѣ названная рецензія появилась на иѣмепкомъ языкѣ въ журнале „Finnisch—угор.“ Общ. (т. XVII) подъ названіемъ „I. N. Smirnov's Untersuchungen über die Ostfinnen“. Здѣсь заслуживаетъ особаго вниманія одно изъ вновь внесенныхъ примѣчаній, въ которомъ г. Сетэлэ отмѣчаетъ рядъ такихъ древнѣйшихъ заимствованій въ финно-угорскихъ языкахъ, которыхъ могли быть сѣланы только изъ какого нибудь индоевропейскаго языка съ вокализмомъ о и e, и которыя ближайшимъ образомъ напоминаютъ греческія

¹⁾ Ср. книгу Гирта „Indogermanischer Akzent“, стр. 44—45.

²⁾ Изъ нихъ назову еще: „Zur Geschichte der Tempus—und Modusstammbildung in den finnisch—ugrischen Sprachen“ (Jour. de la Soc. т. II); „Ueber ein muilliertes s im finnisch—ugrischen“ (Journ. XVI), „Ueber die Bildungselemente des finnischen suffixes—ise (inen)“ (Journ. III); „Om de finsk — ugriska språken“. Upsala. 1888; *Monumenta lingulae fennicae I Manuale et missale episcopii Michaelis Agricolae.* 1893; *Lisiä suomalais—ugrilaisen kielentutkimuksen Historiaan.* 1892. *Nykyaikuisen kielentutkimuksen periaatteista.* 1893. *Sur Etymologie von Sampo (Finnisch—Ugrische Forsch. т. II. стр. 141—164).*

³⁾ *Oikeakielisydestä suomen kielen käytäntöön katsoen.* 1894 (О правильности стиля въ приложении къ финской рѣчи). „Kielellisiä virvatulia ihmisajatuksen tiellä“, 1897 (Языковые блуждающие огни на путяхъ человѣческой мысли).

и тому подобные слова. Чрезвычайно важная этнологическая проблема выставленная рецензентомъ, можетъ быть только отчасти разъяснена гипотезой єракійского вліянія на финские языки, которую допускаеть Сеталэ. Рядомъ съ этимъ стоитъ другой замѣчательный фактъ: какъ это отмѣчено съ полной вѣроятностью Мункачи ¹⁾, оригиналъ иѣ-которыхъ финно-угорскихъ словъ являются такія арійскія слова, которые по своему звуковому составу (напр. сохраненію s) указываютъ на болѣе древнюю стадію иранскихъ языковъ, чѣмъ та, которая намъ извѣстна по клинообразнымъ надписямъ, книгамъ Авесты, новымъ иранскимъ языкамъ. Будущее должно показать, въ какой сторонѣ лежить истина, но начатое изслѣдованіе кавказскихъ элементовъ въ финно-угорскихъ языкахъ ²⁾, навѣрное, прольетъ много свѣта на историческую связь древнихъ народовъ Восточной Европы. Поэтому указаніе проф. Сеталэ тѣмъ болѣе драгоцѣнно, что оно исходитъ отъ ученаго, полная научная объективность которого стоитъ вѣтъ всякаго сомнѣнія.

При такой широкой, разносторонней дѣятельности вполнѣ естественно, что проф. Сеталэ удалось сгруппировать вокругъ себя рядъ даровитыхъ ученыхъ, которые специализировались на различныхъ финно-угорскихъ народахъ, которые изучаются ими въ высшей степени детально, на мѣстахъ ихъ жительствъ. Значительная стипендія на путешествія, которыми обладаетъ Финское Литературное Общество, позволяютъ имъ оставаться по цѣлымъ годамъ среди изучаемыхъ ими народностей. Вотъ, напримѣръ, краткий обзоръ ученой дѣятельности одного изъ выдающихся знатоковъ восточно-финскихъ и татарскихъ нар҃ечий, д-ра Г. Пасонена (H. Paasonen). Въ 1893 году появилась его докторская диссертациія: „Mordvinische Lautlehre. Akademische Abhandlung“, обстоятельная монографія, посвященная фонетикѣ мордовского языка по обоимъ его диалектамъ. Всѣдѣ затѣмъ мы находимъ г. Пасонена въ предѣлахъ мордовской осѣдлости, въ обстановкѣ, о которой онъ съ большими юморомъ разсказываетъ въ своемъ отчетѣ о путешествіи ³⁾. Пріобрѣтя полную довѣренность мордовцевъ, благодаря простому и доступному обращенію съ ними и совершенной не-

¹⁾) Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn. т. IV (1895), стр. 196 — 197. Ср. E. Kuhn. Zeitschrift fr vergleichende Sprachforschung. т. 35, стр. 313—314.

²⁾) Munkacsy. Kaukasischer Einfluss in den finn.—magyarischen Sprachen. Журналъ Revue Orientale (Keleti Szemle) за 1900 годъ. Теперь въ выше названной книгѣ Мункачи, которая состоитъ изъ обширного введенія и изслѣдованія вопроса.

³⁾) Kertomus Seuran mordvalaisten stipendiattien keräysmatkain tuloksista (Journal de la Soc. Fin.—Ougr. т. XVIII).

прихотливости въ требованіяхъ комфорта, д-ръ Пасоненъ могъ собрать обширный и вообще трудно добываемый материалъ, изъ котораго онъ вскорѣ обнародовалъ эрзянскую часть ¹⁾, а вслѣдъ затѣмъ мы застаемъ его у черемисъ, остыаковъ, чувашей. Въ своихъ путешествіяхъ г. Пасоненъ провелъ четыре года, изъ которыхъ 26 мѣсяцевъ прошло, по его вычислению, на собираніе материаловъ, при чемъ около 9 мѣсяцевъ этуто ученый изслѣдовалъ морду, 3 мѣсяца — черемисъ, 10 мѣсяцевъ — остыаковъ, три мѣсяца — чувашей и одинъ провелъ среди татаръ. Не довольствуясь личнымъ собираніемъ, г. Пасоненъ подготвилъ съ разрѣшенія Финно-угорскаго общества нѣсколькихъ мѣстныхъ уроженцевъ (6 мордовцевъ и одного чуваша) вести записи на мѣстѣ; наконецъ, и народные учителя мордовскаго происхожденія ревностно помогаютъ названому обществу собирать коллекціи произведеній народнаго творчества ²⁾. Такимъ образомъ, являясь первоственнымъ знатокомъ какъ восточнофинскихъ, такъ и нѣкоторыхъ тюркскихъ нарѣчій, д-ръ Пасоненъ призванъ больше, чѣмъ кто либо, къ ихъ сравнительному изученію. Въ этой области мы уже имѣемъ два обстоятельныя труда его: „Тюркскія заимствованія въ мордовскомъ языке“ и „О тюркскихъ словахъ въ остыакскомъ“ ³⁾, а знакомство съ метрикой морды и остыаковъ позволило ему и въ этой области высказать очень цѣнныя соображенія ⁴⁾. Наконецъ, мы обязаны д-ру Пасонену очень цѣннымъ дополненіемъ къ извѣстной книгѣ покойнаго Альквиста: „Культурныя слова западныхъ финновъ“, дополненіемъ, которое появилось въ серіи „Мелкихъ сочиненій, издаваемыхъ Финскимъ Литературнымъ обществомъ“ (№ 24, 1896 г.) подъ названіемъ: „Лингвистическихъ материаловъ для изученія культурной истории финновъ“ (Kielelisiä lisiä suomalaisen sivistyshistoriaan). Въ свое время я посвятилъ этой книжкѣ довольно обширную статью, гдѣ изложилъ

¹⁾ Proben der mordwinischen Volkslitteratur. I, 1. Erzjanische Lieder. I, 2. Erzjanische Zaubersprüche, Opfergebete, Räthsel und Märchen (Journ. de la Soc. Finno-Ougr. t. IX и XII). Die sogenannten Karakat-Mordwiuen oder Karakajen. 1902.

²⁾ Отчетъ см. въ журнале Finnoisch-Ugrische t. II, кн. 2.

³⁾ „Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen“. Journ. de la Soc. Finno-Ougr. XV. „Ueber die türkischen Lehnwörter im Ostjakischen“. Fin.-Ugr. Forsch. II 81—136

⁴⁾ Runomittaisia loitiuja ja rukouksia mordvalaisilla. (Размыѣ заговоръ и молитвъ у мордовцевъ). Journal de la Soc. Fin.-Ougr. XV. Itäsuomalaisen kansain gümoudesta. (О поэзіи восточно-финскихъ народовъ). 1897. См. мой разборъ этой статьи въ извѣстіяхъ отд. Рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ. Т. V (стр. 351—358). 1900 г.

почти все существенные выводы ея автора, а потому теперь не считаю нужнымъ останавливаться на ней, отсылая читателей къ своей статьѣ (Журналъ Министерства Народного Просвещенія. 1897. № 6, стр. 421—445). Такимъ образомъ, Пасоненъ далъ цѣнныя работы въ области фольклора и языка общефинского периода (ср. еще его „Замѣтки въ области глагола и союза“—Lauseopillisä havaintoja verbinja konjunktonein alalta. Мелкія сочиненія № 5), языка мордвы, остяковъ. Въ недавнее время появились и кое какіе результаты его этнографическихъ поѣздаокъ къ черемисамъ, во время которыхъ г. Пасоненъ, вообще умѣющій внушать полное довѣріе изучаемому имъ населенію, присутствовалъ при самыхъ важныхъ жертвоприношеніяхъ черемисовъ. Поэтому, его статьи о „Религіи и культѣ черемисовъ“¹⁾ заслуживаютъ особаго вниманія знатоковъ. Къ сожалѣнію, цѣльнаго и крупнаго труда о языкахъ мордовцевъ авторъ досель не далъ, а между тѣмъ его „Мордовская фонетика“ давно уже вышла изъ продажи. Новое изданіе ея, снабженное нѣкоторыми прибавленіями, какъ слышно, должно скоро выйтіи въ свѣтъ, но не уничтожить, мнѣ кажется, настойтельной необходимости въ новой грамматикѣ мордовскаго языка, потому что существующія грамматики этого языка Альквиста, Видемана и Буденца и неполны и не стоять на уровне современного языкознанія.

Если д-ръ Пасоненъ обратилъ преимущественное вниманіе на восточныхъ финновъ, то сѣверные (зыряне и вотяки) сдѣлялись предметомъ долголѣтнихъ изслѣдований д-ра Юрия Вихмана. Уже въ 1893 году была напечатана первая часть его материаловъ по вотяцкому фольклору, обнимавшая пѣсни, молитвы и заговоры; только восемь лѣтъ спустя, въ 1901 году, къ ней присоединилась вторая часть заключающая въ себѣ сказки, легенды, загадки и пословицы²⁾. Здѣсь, какъ это принято въ подобнаго рода изданіяхъ, печатающихся въ органѣ Финно-угорского Общества, вотяцкій текстъ снабженъ подстрочнымъ нѣмецкимъ переводомъ, вслѣдствіе чего важные материалы, собираемые этнографами, не пропадаютъ для ученыхъ, не владѣющихъ финскими языками. Въ указанныхъ сборникахъ д-ра Вихмана осо-

¹⁾ Beiträge zur Kenntniss der Religion und des Cultus der Tschcheremissen въ журнале „Keleti Szemle“ за 1901 годъ. Ср. по Фольклору татаръ его сборникъ Tatarische Lieder (Jour. de la Soc. F.—Ougr. XIX) и статьи въ Keleti Szemle. III. (1902).

²⁾ Wotjakische Sprachproben. I. Lieder, Gebete und Zaubersprüche II. Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. Journal de la Soc. Finno-Ougr. XI и XIX.

бенно богато обставлена именно наиболѣе интересная сторона быта, т. е. религіозная жизнь вотяковъ съ ихъ обрядами, взываніями къ Удмурту, символическими жертвоприношеніями быковъ и черныхъ курь. Среди пѣсень попадаются весьма интересныя: я наткнулся, напр., на одну пѣсню, настолько поражающую изяществомъ выраженіемъ чисто гамлетовскаго настроенія, что какъ то странно встрѣтить ее среди обращеній къ самовару и т. п., которая такъ обычна въ поэзіи вотяковъ. И въ области языка вотяковъ Вихману принадлежитъ обстоятельное и методическое изслѣдованіе, посвященное вокализму первого слога въ вотяцкомъ и зырянскомъ языкахъ¹⁾. Для насъ важенъ одинъ изъ выводовъ автора, примыкающій къ изслѣдованію проф. Сетолэ о чредованіи гласныхъ въ финноугорскихъ языкахъ; по мнѣнію г. Вихмана, въ древній періодъ пермскаго языка удареніе было свободно, и между смѣной ударенія и смѣной гласного существовала непосредственная связь. Культурная исторія вотяковъ также интересуетъ этого вытлываго наблюдателя народнаго быта. Его очеркъ вотяцкой мифологии²⁾ образецъ трезвой и строгой научной системы изложенія религіозныхъ воззрѣній и обрядовъ некультурной народности; множество замѣчаній о сравнительной мифологіи финскихъ племенъ дѣлаетъ особенно цѣнной названную работу, появление которой на русскомъ языкѣ было бы очень желательно. Въ другой небольшой статьѣ, напечатанной сначала по-фински въ журнале Virittäjä № 2, 1897 г., а потомъ по-немецки въ „Журналѣ Финно-угорского Общества“ (т. 16)³⁾, г. Вихманъ указалъ на заимствованіе названія серебра, совершенного осетинами (древними сарматами) у пермскихъ народовъ. Это наблюденіе г. Вихмана, которое можно считать доказаннымъ, не смотря на возраженія Мункачи и Аберкромби⁴⁾, тѣмъ болѣе важно, что финскихъ словъ въ иранскихъ языкахъ очень мало, тогда какъ обратное явленіе настолько обычно, что Мункачи въ 1895 году всѣми правдами и неправдами старался связать осет. *arzeste* (серебро) съ зенд.

¹⁾ Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische. Helsingfors. 1897.

²⁾ Tietoja Vatjakkien Mytologijasta. (Vähäisä kirjelmä № 17). Helsingissä. 1892.

³⁾ Die Verwandten des finn. *vaski* (*kupfer*) in den permischen Sprachen (syrjanischen und wotjakischen). Эта статья переведена мною въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1897 г. № 6.

⁴⁾ Mincacci, Kaukasischer Einfluss in den finn.-maggar. Sprachen (kalite szemle I 43). Аберкромби видѣть въ вотяц. *aziz* араб. пер. тюр. *aziz* (драгоценная); по моему, это очень сомнительно (Abercramby, The pre-and post. historia finns 1898 I. 206).

ayakhchusta, новоперс. *ayokshust*, что значить вообще *металъ*¹⁾. Сопоставление финского ученого одно изъ тѣхъ, что проливаютъ много свѣта на бытовую исторію древности. Въ настоящее время д-ръ Вихманъ вернулся изъ своего путешествія въ Зырянский край, привезя съ собой пять большихъ и три меньшихъ діалектическихъ словаря, записавъ значительный этнографический матеріалъ, который будетъ напечатанъ въ 21 томѣ органа Финно-угорского Общества. И ему удалось привлечь къ дѣлу собирания произведений народного творчества народныхъ учителей. Такъ энергично и успѣшно работаетъ Гельсингфорская школа.

Въ журналѣ „Finnisch-Ugrische Forschungen“ (т. II) Вихманъ по-мѣстѣль нѣсколько интересныхъ замѣтокъ этимологического характера; изъ нихъ особенно интересенъ анализъ вотяцкаго названія Казани *Kigon*, сущность которого сводится къ тому, что вотяки заимствовали свое слово отъ чувашъ, а не отъ татаръ; по мнѣнію Вихмана, этотъ фактъ указываетъ на существованіе Казани до появленія татаръ и является сильнымъ подтвержденіемъ теоріи, что населеніе болгарскаго царства говорило на языке, продолженіемъ котораго оказывается современное чувашское нарѣчіе. Число иранскихъ элементовъ въ сѣверофинскихъ языкахъ умножено сопоставленіемъ Вихмана зырянского *neböö* (книга, бумага) съ пехлев. *nîrek* (*schrift*). Наконецъ финно-угорскому образованію сравнительной степени съ суф. *mr посвящена замѣтка г. Вихмана; „Die syrjänische Bildung auf—*öb*,—*ör* und Komparativ im Finnisch-Ugrischen“. (I, 189—193).

Остяки, повидимому, особенно интересуютъ гельсингфорскую школу въ послѣднее время. Среди нихъ провелъ четыре года недавно вернувшись въ Гельсингфорсъ магистръ филологъ К. Ф. Karjalainen, изъ печатныхъ работъ котораго я знаю только очень живо и интересно составленное описание его путешествія въ остяцкій край. Въ этомъ описаніи²⁾ много тонкихъ психологическихъ наблюденій, прекрасныхъ картинъ природы; его изящный, легкій слогъ то дышитъ свѣжимъ юморомъ, то впадаетъ въ грусть, навѣваемую мрачными пейзажами съвера и долгой разлукой съ культурнымъ міромъ. Въ русской художественно-этнографической литературѣ послѣднихъ годовъ ближе всего напоминаютъ описанія г. Карьялайнена интересныя статьи г. Ончукова (въ „Живой

¹⁾ Prähistorisches in den Magyarischen Metallnamen. Ethnolog. Mitteil. aus Ungarn., т. IV, стр. 47.

²⁾ Ostjakkeja oppimassa I—IV. (Journal de la Soc. Fin.-Ougr. томы 17 и 19).

Старинѣ") и рассказы Тана. Какъ я сказаъ уже, въ настоящее время г. Карьялайненъ вернулся въ Гельсингфорсъ, привезя 16 словарей изъ разныхъ мѣстъ края, образцы живой рѣчи, замѣтки о религіозныхъ воззрѣніяхъ осяковъ, записанные на граммофонѣ мелодіи, множество фотографій, копіи съ написанныхъ по осякамъ рукописей изъ различныхъ мѣстностей и обширный матеріалъ для статистики населенія, который онъ собираетъ на мѣстѣ въ церковныхъ архивахъ. Кромѣ того, г. Карьялайненъ, какъ сообщается въ отчетѣ объ его путешествіи, подробно изучалъ отдѣльные экономические вопросы, о которыхъ онъ разсказывалъ отчасти въ описаніяхъ своего странствованія, отчасти въ статьѣ о рыбной ловлѣ у осяковъ, напечатанной въ Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ¹).

Обилиемъ результатовъ отличается поѣзда въ другого, молодого финского ученаго, маг. фил. Артура Канисто, которой избралъ своей специальностью изученіе вогуловъ. Я не могу сказать съ точностью, сколько времени г. Канисто употребилъ на свое путешествіе; во всякомъ случаѣ онъ провелъ въ лѣсахъ Тобольской и Пермской губерніи, кочуя изъ одной вогульской деревни въ другую, не менѣе года, записывая словари говоровъ, пѣсни о медвѣдяхъ, таѣ характерныя для поэзіи осяковъ и вогуловъ, сказки и сувѣтія. Между прочимъ г. Канисто сдѣлалъ чрезвычайно любопытную находку. Въ деревнѣ Верхъ-Пелымскѣ путешественникъ наткнулся на двѣ вогульскія рукописи, написанныя въ началѣ прошлаго вѣка, какъ онъ полагаетъ, до 1819 года. Эти рукописи „сокращенный катехизисъ“ и „Библейская исторія“ съ русскимъ и вогульскимъ текстомъ, до 60 мелкоисписанныхъ страницъ²). Кто могъ бы быть авторомъ этого миссіонерскаго труда?

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ другимъ ученикамъ проф. Сетэлѣ, я остановлюсь на трудахъ двухъ другихъ ученыхъ, которые по своему направленію и методамъ должны быть, мнѣ кажется, также причислены къ Гельсингфорской школѣ. Первый изъ нихъ Арвидъ-

¹) Къ вопросу о нуждахъ рыбопромышленности Тобольского сѣвера въ мѣрахъ къ улучшенію ея.

²) Отчетъ о путешествіи г. Канисто, такъ же какъ о поѣздахъ маг. Карьялайнена, доцентовъ Насонена и Вихмана, напечатанъ въ послѣднемъ номерѣ журнала „Finnisch-Ugrische Forschungen“ (т. II, вып. 2), который вообще внимательно слѣдить за научнымъ ростомъ финнологіи, помѣщая на своихъ страницахъ отчеты о читаемыхъ курсахъ по финнологіи, давъ полную библіографію этой науки за 1900 годъ и т. д.

Генетцъ, весьма много потрудившійся въ дѣлѣ изученія финскаго и родственныхъ языковъ. Онъ значительно старше проф. Сетэлэ и весьма часто не соглашень съ его научными выводами: въ то время, какъ этотъ послѣдній сдѣлялся доцентомъ финно-угорскаго языкознанія только въ 1887 году, Генецъ уже въ 1877 году исполнилъ въ отсутствіи Альквиста обязанности профессора финскаго языка и литературы. Затѣмъ на время онъ покинулъ университетъ, и только съ 1891 года мы находимъ его ordinariумъ профессоромъ финскаго языка въ Гельсингфорскомъ университете. Однако финнолгія разроссталось такъ быстро, что одного лица не хватало, и уже въ слѣдующемъ 1892 году произошло раздѣленіе этой каѳедры на два отдѣла: финно-угорскую часть, представителемъ которой былъ назначенъ Арв. Генетцъ, и собственно финскую, которую занялъ проф. Сетэлэ. Проф. Генетцъ одинъ изъ первыхъ гельсингфорскихъ ученыхъ, послѣ Кастрена и Альквиста, совершившій этнографическую поѣздку къ родственнымъ народамъ. Ему принадлежать очень цѣнныя записи текстовъ черемисскихъ и восточно-пермяцкихъ, издание черемисскихъ текстовъ, залианныхъ другими изслѣдователями ¹⁾, начонецъ цѣнныя работы по финно-угорскому языкознанію и лапландскому языку, усердно изучасомому Гельсингфорской школой. Генетцъ одинъ изъ первыхъ началъ изучать финские звуки съ физиологической точки зрѣнія, изученіе, которое поставлено теперь такъ высоко Пиппингомъ ²⁾. Онъ издать словарь кольского говора лапландскаго языка ³⁾. По фонетикѣ финно-угорскихъ языковъ названному ученому принадлежать изслѣдованія въ области консонантизма („Финно-угор. s и ё въ началѣ словъ“, „Финно-угорское đ между гласными въ первомъ и второмъ слогѣ“) и въ области вокализма („Гласные первого слога въ двухъ и многосложныхъ словахъ финскаго, лапландскаго и мордовскаго языка“).

¹⁾ Ost-tscheremissische Sprachstudien. I Sprachproben mit deutscher Uebersetzung. Journal de la Soc. F.-Ougr. VII (1889); Ost-permische Sprachstudien. Wörterverzeichniss: Sprachproben mit Uebersetzung. Grammatikalisches. Jour. XV. Volumi Porkka's tscheremissische Texte mit Uebersetzung. Journal. XIII.

²⁾ A. Genetz. Lautphysiologische Einführung in das Studium der westfinnischen Sprachen mit besonderer Berücksichtigung des karelischen. Akad. Abhandl. Helsingfors; 1877. H. Pipping. Zur Phonetik der finnischen Sprachen. Untersuchungen mit Hensen's Sprachzeichner. Mémoires de la Soc. Fin.-Ougr. t. XIV. О значеніи работы Пиппинга см. статью Н. С. Усова „Экспериментальная фонетика“ (Изв. Отд. Рус. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ. 1897 г.).

³⁾ Kuollan Lapin murtedeiden sanakirja ynnä kielenäytteitä. (Bidrag til kändedom af Finlands natur och folk. N. 50). Helsingfors. 1891.

ковъ" и др.)¹⁾. Въ статьѣ о гласныхъ Генетцъ отрицааетъ связь между ударениемъ и чередованіемъ гласныхъ звуковъ по принципу "регрессивной диссимиляціи", въ статьѣ о ф онъ допускаетъ для финно-угорской эпохи существованіе особеннаго звука, который передается въ различныхъ языкахъ то какъ *d*, то какъ *r*, то какъ *l*. Это предположеніе, которое, какъ мнѣ кажется, подтверждается материаломъ, доставляемымъ родственными финно-угорскими языками, имѣть большое значеніе и для настъ. Какъ я постараюсь показать подробнѣе въ другомъ мѣстѣ, слово *серебро* (гот. *silubr*, лат. *sidrabs*), по крайней мѣрѣ, первая часть его, заимствовано отъ финновъ, которые внесли свое название серебра и въ осетинскій языкъ. Отношеніе формъ *sil-*, *sid-*, *sir-* можетъ быть объяснено именно заимствованіемъ слога съ такимъ неяснымъ звукомъ (ср. осет. *sel-rox*, *sel-ox*), какой предполагается Генетцемъ.

Другой финнологъ, котораго я также рѣшаюсь причислить къ Гельсингфорской школѣ, хотя по своему положенію доцента въ Упсалѣ онъ ей чуждъ, который однако по своимъ трудамъ стоитъ ближе къ названной школѣ, чѣмъ Генетцъ, составляющій въ извѣстномъ смыслѣ оппозицію проф. Сетэлѣ,—*Карло Виклундъ*, одинъ изъ первостепенныхъ знатоковъ лапландскаго языка. Я не буду перечислять всѣхъ его многочисленныхъ трудовъ, посвященныхъ этому послѣднему и напечатанныхъ въ органахъ Финно-угорского общества. Остановлюсь только на его крупномъ трудѣ: „*Entwurf einer urlappischen Lautlehre. I. Einleitung. Quantittsgesetze. Accent. Geschichte der hauptbetonten Vokale*“. Helsingfors. 1896. Въ введеніи авторъ затрагиваетъ столько важныхъ вопросовъ этнологического характера (о распространеніи лапландцевъ въ Олонецкой губ.; о времени, когда они заняли Кольский полуостровъ и т. п.), что не мѣшало бы и русскимъ ученымъ, интересующимся вопросами доисторической этинологіи, быть знакомыми съ книгой Виклунда, тѣмъ болѣе, что она написана по-немецки. Отмѣчу лишь одинъ фактъ: древнѣйший лапландскій языкъ совпадаетъ съ той стадіей финскаго языка, которую надо предположить для конца первого тысячелѣтія нашей эры; около 700 года лапландцы должны уже были занять Кольский полуостровъ, при чемъ въ ихъ языке

¹⁾ „*Suomalais-ugrilaiset & ja s sauojen aluss. Journal de la Soc. Fin.-ougri. XVI°. Suomalais-ugrilainen & eusim isen ja toisen tavaun takaalien v aliss . Ensi tavaun tokaalit solum, lapin ja mordvau kaksi-ja useampitavuisissa sanoissa.*“ (Меркія сочиненія, издаваемыя Финскимъ литературнымъ обществомъ. № 23. 1896)

уже существовали заимствованныя финнами славянскія слова. Слѣд. эти послѣднія должны восходить, по крайней мѣрѣ, къ 7 вѣку.

Вернемся къ школѣ Сеталѣ. Главныхъ дѣятелей ея мы уже назвали. Остается упомянуть только объ извѣстномъ Гельсингфорскомъ славистѣ, проф. Микколѣ, книга которого объ отношеніяхъ западно-финскихъ языковъ къ славянскимъ¹⁾ положила предѣль фантастическому грезамъ въ духѣ Веске. На почвѣ несомнѣннаго материала Миккола установилъ опредѣленныя звуковыя отношенія въ передачѣ славянскихъ словъ финскими устами, констатировалъ позднее сравнительно съ германскимъ и литовскимъ вліяніями времія славянскаго вліянія на финскіе языки; наконецъ, внесъ не мало любопытныхъ соображеній относительно хронологіи въ исторіи русскихъ звуковъ (напр. о носовыхъ стр. 48—50, о русскомъ полногласіи—стр. 45—47 и т. д.), обнаружилъ отличное знакомство съ русской филологической литературой. Древній характеръ того русскаго языка, изъ котораго сдѣланы финскія заимствованія съ ихъ *n*=ъ, *i*=ъ, носовыми гласными и т. п., выступаетъ очень отчетливо въ изслѣдованіи I. I. Микколы. Изъ славянскихъ нарѣчій его вниманіе обратили на себя по преимуществу западные говоры: онъ посвятилъ нѣсколько специальныхъ статей кашубскому языку, но онъ такъ же, какъ многочисленныя этимологическія замѣтки Микколы, стоять виѣ рамокъ моего обзора. По финнологіи этотъ ученый пишетъ въ журналахъ „Finnisch-Ugrische Forschungen“ и *Virittajä*, гдѣ помѣстилъ любопытную замѣтку о венгерскомъ словѣ *könyv* (книга), *konov* (бумага), которые заимствованы, по его мнѣнію, изъ того же самого источника, что и слав. *книга*. Авторъ этой замѣтки совершенно справедливо указываетъ на ту важность для исторіи какъ славянскихъ, такъ и финно-угорскихъ племенъ, какую имѣло бы открытие источника этихъ словъ (I. 112—115). Въ другомъ мѣстѣ онъ даетъ понять, что такимъ источникомъ могло бы служить какое нибудь ассирийское слово, въ родѣ *kinimki* (печать) или *kingi* (*sceau*, *cachet*) (II. 77—78). Если прежде г. Миккола былъ склоненъ относить начало славянскаго вліянія на финскій языкъ къ сравнительно позднему времени, и при этомъ имѣть въ виду лишь русское нарѣчіе, то теперь онъ, повидимому, нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ и охотно ищетъ въ славянскомъ словарѣ влі-

¹⁾ Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. I. Slavische Lehnwörter in den westfinnischen Sprachen. Helsingfors. 1894 (=Mémoires de la Soc. fin.-ougri. VIII).

яние финского и наоборотъ: такъ, по его мнѣнію, фин. *ativo* могло быть заимствовано изъ обще-слав., сохранившагося только въ серб. словѣ *odiva* (что однако крайне невѣроятно, ибо *odiva* происхожденіе тюркскаго, какъ мнѣ сообщилъ акад. Ягичъ); подобно этому, слав. *dolga, сохранившееся въ чешскомъ *dlaha*, *dláha*, заимствовано финнами въ формѣ *talka*; обратно, пол. *kobieta* проф. Микколы считается заимствованіемъ изъ фин. *kate*, эстон. *kabe* (gen. *kabeda*). Въ такой молодой наукѣ, какъ финнологія, трудно идти вполнѣ вѣрнымъ путемъ; гипотезы смыняютъ одна другую, рискованныя догадки и сопоставленія дѣло неизбѣжное, но такія указанія г. Микколы, какъ отмѣченное имъ присутствіе король въ Бѣлоруссіи или производство имени *Rусь* отъ фин. *ruotsi*, заслуживаютъ вниманія славистовъ (II, 72 — 76). Вообще во всѣхъ работахъ г. Микколы виденъ знатокъ финскихъ нарѣчій, что придаетъ имъ большую оригинальность и часто раскрываетъ новые горизонты.

Я не надѣюсь перечислить всѣхъ представителей школы проф. Сетэлэ; я знаю рядъ имёнъ, о трудахъ которыхъ не могъ бы сказать ничего своего, но я думаю, что я отмѣтилъ наиболѣе крупныхъ представителей ея, и во всякомъ случаѣ тотъ бодрый духъ, которымъ воодушевлена эта школа, я думаю, обрисовался достаточно ярко въ обзорѣ трудовъ, совершенныхъ зачастую въ самыхъ неприглядныхъ обстоятельствахъ, за тысячу верстъ отъ культуры, среди полудикаго населенія и дѣвственныхъ лѣсовъ. Только большая любовь къ наукѣ и крѣпкая увѣренность въ своемъ служеніи родинѣ могутъ преодолѣть всѣ эти препятствія, весьма существенные для культурнаго человѣка.

Той же бодростью и энергией отмѣчена и другая сторона дѣятельности Гельсингфорской школы, ея этнографовъ, главой которыхъ въ настоящее время стѣдуетъ считать профессора Карла Крона, внука Ленрота. Онъ извѣстенъ и какъ издатель превосходного двухъ-томнаго изданія финскихъ сказокъ, и какъ самостоятельный изслѣдователь животнаго эпоса финновъ, и какъ критикъ. Въ 1887 году вышли въ свѣтъ его „Изслѣдованія о финскихъ народныхъ сказкахъ“¹⁾, посвященные сказкамъ о звѣряхъ. Эта книга распадается на двѣ части: очень подробный критический обзоръ литературы о животномъ эпосѣ и самостоятельное изслѣдованіе объ одной серии сказокъ, гдѣ дѣйствующими лицами являются медвѣдь и лисица (или человѣкъ).

¹⁾ Tutkimuksia suomalaisten kausansatujen alalta. I. 1887.

Эта часть появилась въ 1889 году въ нѣмецкомъ переводѣ¹⁾). Противникъ миѳологического метода толкованія фольклора, К. Кронъ пришелъ въ этой статьѣ къ очень оригинальному пониманію извѣстной серіи сказокъ, гдѣ медвѣдь съ лисой или человѣкомъ строятъ домокъ, стаютъ хлѣбъ и т. п. Онъ утверждаетъ, что сѣверный циклъ сказокъ независимъ отъ южнаго и хранить память о столкновеніи двухъ культуръ. „Борьба медвѣдя съ лисой“, замѣчаетъ К. Кронъ (стр. 113), „можетъ быть, сводится косвеннымъ образомъ къ культурно-исторической борьбѣ между болѣе древней эпохой камня и бронзы и болѣе новой эпохой желѣзныхъ издѣлій“. Медвѣдь (иногда чортъ) зачастую оказывается въ самомъ смѣшномъ положеніи; онъ жалокъ, малокультуренъ: его постройки эфемерны, съ земледѣлемъ онъ еще не освоился, какъ слѣдуетъ, тогда какъ лиса (или человѣкъ) является постоянно обладательницей высшей культуры, съ прочной постройкой, хорошими орудіями производства, земледѣлемъ. Я не считаю себя достаточно компетентнымъ, чтобы высказать свой взглядъ о книгѣ Крона, но, я думаю, ему нельзя отказать въ большомъ остроуміи, и, если можно говорить объ историческомъ субстратѣ народныхъ сказокъ, то въ теоріи названнаго ученаго, пожалуй, и кроется доля исторической истины, воспоминаніе о какой то борьбѣ культуръ, когда болѣе приспособленный къ борьбѣ за существование побѣжалъ силою ума и цивилизациіи старыхъ некультурныхъ обитателей страны. Но если въ этой гипотезѣ кое-что и представляется произвольнымъ, то вообще въ своихъ изслѣдованіяхъ К. Кронъ совершенно чуждъ увлеченій и строго объективенъ; я сказалъ бы, что иногда, опасаясь рискованныхъ объясненій, онъ даже слишкомъ остороженъ. Таковы его замѣчательные статьи о магическихъ пѣсняхъ финновъ²⁾). Въ первой главѣ авторъ ставитъ вопросъ, возможно ли возводить уже къ финно-угорской эпохѣ какіе нибуль заговоры финскихъ племенъ, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно: „заговоры вотяковъ, черемисъ, мордвы и чувашей заимствованы отъ великоруссовъ, и притомъ въ очень позднее время“. Вторая глава, названная „Finnisch-mordwinische Zeit“, рассматриваетъ въ качествѣ пѣсни, которой приписывается глубокая древность, пѣсню о хмѣльѣ, которая

¹⁾ Bär (Wolf) und Fuchs. Eine nordische Tiereichenkette. Journal de la Société Finno-Ougrienne. VI, 1—132.

²⁾ Wo und wann entstanden die finnischen Zauberlieder. I.—III. (Fin.-Ugr. Forsch. I. 52—72). IV (Fin.-Ugr. Forsch. I. 147—180).

въ финской поэзіи является почти варіантомъ къ мордовской. И здѣсь выводъ исследователя только отрицательный: „значительная часть мордовскихъ пѣсень несомнѣнно русского происхожденія; въ этомъ случаѣ можетъ быть то же, такъ какъ у русскихъ есть пѣсня о хмѣльѣ, который въ монологической формѣ хвалится своей сплошной, хотя у меня и нѣтъ подъ рукой вполнѣ доказательныхъ параллелей, гдѣ хмѣль ведеть разговоръ съ ячменемъ. Такимъ образомъ, наша пѣсня могла бы быть славяно-литовской—не необходимо въ смыслѣ древнѣйшаго общаго достоянія, но пожалуй и въ качествѣ заимствованнаго приобрѣтенія—и проникнуть съ одной стороны отъ русскихъ къ мордвѣ, а съ другой отъ латышей къ эстамъ, а отъ этихъ къ финнамъ, во всякомъ случаѣ въ довольно позднюю пору, когда всѣ эти народы уже занимали свои теперешннія мѣстожительства“. Это заключеніе К. Крона, къ сожалѣнію, производить на меня впечатлѣніе нѣсколько предвзятаго мнѣнія: во-первыхъ, если финская и мордовская пѣсня варіанты, то и русскій и латышскій оригиналъ ихъ должны быть варіантами, чего мы на самомъ дѣлѣ не видимъ; но допустимъ, что этого до сихъ поръ еще только не нашли, что, дѣйствительно, въ народѣ живутъ или жили пѣсни о хмѣльѣ, совсѣмъ одинаковыя у русскихъ и латышей, но что же это значило бы? Я думаю, это указывало бы на то, что у русскихъ, мордвы, западныхъ финновъ и латышей была одинаковая пѣсня о хмѣльѣ, которая вышла изъ среды одного изъ этихъ народовъ или имѣла иноземное происхожденіе. Почему же не начать съ другого конца, не думать, что у финновъ, пожалуй, еще въ финно-мордовскую эпоху, возникла или была ими заимствована пѣсня о хмѣльѣ, которая вмѣстѣ съ распространениемъ загадочнаго названія этого растенія (чего, мнѣ кажется, не слѣдуетъ упускать изъ виду) переходила отъ одного народа Восточной Европы къ другому. Если мы сравнимъ начало финской и мордовской пѣсни, гдѣ описывается хмѣль, то мы увидимъ, что въ мордовской сохранилось еще нѣсколько другое отношеніе къ нему, чѣмъ въ финской. Вотъ начало мордовской ¹⁾): „гдѣ родился хмѣль, ставшій царемъ растеній? На той сторонѣ Волги, на берегу рѣки Суры, въ долинѣ, въ низкомъ мѣстѣ, на лугу между ивнякомъ. Тамъ онъ выросъ красавцемъ, высоко обвившись вокругъ ивы, выросъ рубашкою

¹⁾ За неимѣніемъ 9 тома „Журнала Финно-угор. Общ.“, гдѣ помѣщена эта пѣсня съ именемъ переводомъ, цитирую ее по финскому переводу, напечатанному г. Пасоненомъ въ его книжкѣ „Itäsuomalaisen kansain runondesta“. 1897.

ивѣ, стебли, какъ ожерелья, шишки, какъ золотыя пуговицы, листья, точно прекрасныя пряжки, блестящія, серебряныя". Иначе звучить начало финской пѣсни: „Oluen synty“, помѣщенной въ сборникѣ финскихъ народныхъ пѣсень: „Kanteletar“ (3-е изд. 1887, стр. 38): „Я знаю о началѣ пива, о началѣ хмѣльного пива. Хмѣль, сынъ Ремуна, маленькомъ пробрался на землю, ядовитымъ быть закопанъ въ землю; возмужаль, какъ врагъ ¹⁾, на обрывѣ поля Осмо, на краю ручья Калевы. Тамъ онъ цускаеть ростки, даетъ зеленую вѣтку, на обрывѣ поля Осмо, на краю ручья Калевы; онъ поднялся на маленькое деревцо, взобрался до вершины“.

Я думаю, что приведенное сравненіе говорить скорѣе всего въ пользу того, что мордовская пѣсня отраженіе болѣе серьезнаго отношенія къ хмѣлю, чѣмъ финская; въ первомъ случаѣ онъ называется царемъ растеній, его наружность описывается въ самыхъ лестныхъ чертахъ, тогда какъ во второмъ его клеймятъ кличкой ядовитаго (*kuivii*), врага (*viholainen*) и т. под. Я обращаю вниманіе на эту разницу, не приводя пока объясненія ей; въ скоромъ времени я надѣюсь посвятить отдѣльную статью вопросу о происхожденіи какъ названія хмѣля, такъ и пѣсень о немъ; одно отъ другого, по моему мнѣнію, отдѣлять нельзя.

Изъ указаннаго видно, какъ трезво относится К. Кронъ къ произведеніямъ народнаго творчества; его главная опора географическій методъ, возможный только тамъ, где почти изъ каждой мѣстности есть запись, т. е. у латышей, эстонцевъ, финновъ. Сущность его заключается въ слѣдующемъ: представьте себѣ, что передъ вами стѣндающая схема распространенія пѣсни, где цифры указываютъ на число вариантовъ, записанныхъ въ мѣстности—квадратикѣ ²⁾.

4	0	3	1	
0	37	12	5	
Латышская граница.				8

¹⁾ Эти три строчки представляли для меня некоторую трудность при переводѣ; вотъ оригиналъ: Pienlä maahan pistettihin, Kyinä maahan kynnettihin, Viholaisua viskottihin.

²⁾ Fin.-Ugr. Forsch. I т., вып. 2, стр. 33.

Отсюда дѣлается выводъ, что пѣсня возникла близъ латышской границы, а это даетъ указание на ея происхожденіе изъ латышского фольклора. Я думаю, что взятый въ массѣ наблюдений этотъ методъ можетъ привести, дѣйствительно, къ совершенно точнымъ выводамъ. Самъ К. Кронъ формулируетъ его слѣдующимъ образомъ въ сочиненіи „Мужикъ и лисица“ (Helsingfors. 1891), которое я, къ большому моему сожалѣнію, знаю только по извлечению, сдѣланному г. Калласомъ въ его книгѣ, о которой сейчасъ будеть рѣчь ¹⁾). Если мы хотимъ восстановить первоначальную форму сказки, замѣчаетъ г. Кронъ, мы должны привлечь къ разсмотрѣнію всѣ ея варіанты, какъ литературные, такъ и сохранившіеся въ консервативной памяти народа. Но въ любомъ направлении сравнивать варіанты между собой нельзя. Два варіанта, отдѣленные другъ отъ друга временемъ и пространствомъ, бываютъ, обыкновенно, слишкомъ различны для того, чтобы показать ходъ развитія безъ посредствующихъ формъ. Они должны быть расположены въ географическомъ порядкѣ, а также, поскольку это позволяютъ старые литературные источники, въ историческомъ. Дѣло въ томъ, что, какъ оказалось, общее происхожденіе народовъ вліяетъ весьма мало на сходство сказокъ; зато самое существенное вліяніе оказываетъ ихъ географическая близость и взаимные сношения. Такъ какъ праформа отдельного приключенія, обыкновенно, нигдѣ не сохраняется вполнѣ въ чистомъ видѣ, то прежде всего его надо разложить на его составные элементы. Этими послѣдними являются дѣйствующія лица, объекты, средства, подвиги и т. под., и для восстановленія первоначальной формы каждого элемента нужно прослѣдить цѣлый рядъ его варіантовъ въ географическомъ порядкѣ. При этомъ нужно обращать вниманіе не столько на разноголосицу варіантовъ, которая можетъ быть и ошибочной, сколько на пути распространенія и, наконецъ, на естественность ²⁾.

Съ помощью этого метода, впервые указанного покойнымъ Юліусомъ Крономъ и развитаго его сыномъ, К. Крономъ, современные финскіе этнографы приступили къ объясненію пѣсень. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытна уже упомянутая книга О. М. Калласа, первого въ Петербургскомъ университѣтѣ приват-доцента фин-

¹⁾ „Die Wiederholungslieder der estnischen Volkspoesie“ (Helsingfors. 1901).

²⁾ Въ другой работѣ: „Die geographische Verbreitung der estnischen Lieder“ Helsingfors. 1892. К. Кронъ показалъ, какъ эстонскія пѣсни проникли въ Ингерманландію, а оттуда въ Карелию, где нашли мѣсто въ Калевалѣ.

скаго языка. Онъ выбралъ своимъ сюжетомъ извѣстную группу пѣсень съ повтореніемъ (на вопросъ: *отчего ты плачешь?* дается отвѣтъ, въ которомъ повторяется весь предыдущій разсказъ). Калласъ привлекъ къ своей темѣ огромный эстонскій матеріалъ и по отношенію къ иѣкоторымъ пѣснямъ пришелъ къ положительнымъ результатамъ, опредѣливъ ихъ происхожденіе¹⁾; однако и онъ въ иѣкоторыхъ слушаяхъ долженъ былъ отказаться отъ опредѣленія путей пѣсни до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ лучше знакомы съ законами распространенія пѣсень (стр. 336). Хорошій знатокъ народной жизни, г. Калласъ старается опредѣлить способъ распространенія пѣсень. Онъ переходитъ изъ устъ въ уста во время работы, въ праздничное время, при собираніи ягодъ, вачаніи на качеляхъ и т. п. При этомъ специалисты по пѣнію, наличность которыхъ г. Калласъ отмѣтилъ во время своихъ поѣздокъ къ лисковскимъ эстамъ, или вообще тотъ, „кому Богъ далъ пѣсню“, поютъ, а молодежь слушаетъ и учится. „Кругъ слушающихъ и учащихся, отмѣчается наблюдатель, бываль, обыкновенно, очень узокъ: собственная деревня, родной приходъ. На свадьбахъ могло случиться, что прїѣзжали гости изъ далека, но и здѣсь приходъ, лежащий за предѣлами сосѣдняго, бываль, по большей части, *terra incognita*. Пѣніе являлось по премуществу дѣломъ женщинъ, а эти послѣднія вели еще болѣе сидячій образъ жизни, чѣмъ ихъ мужья; во время своихъ поѣздокъ по пѣсни я встрѣчалъ пѣвицъ, которая за всю жизнь не заходили дальше, чѣмъ до своей це кви“ (стр. 41).

Съ этой стороны все обстоитъ отлично: обиліе матеріала допускаетъ географическое изученіе варіантовъ, записи его вѣрны и точны, знакомство съ распространеніемъ пѣсни не книжное, не кабинетное, но живое и непосредственное. Но, мнѣ представляется, что въ методѣ К. Крона, Калласа и ихъ учениковъ есть одинъ слабый пунктъ—естественность. „Основнымъ принципомъ критики, утверждаетъ г. Калласъ, является предположеніе, что лучше, наиболѣе логические варіанты въ то же время и первоначальные. Нельзя думать, что поэтъ произвелъ на свѣтъ безмыслицу, которая на своемъ дальнѣйшемъ пути была исправлена. Конечно, какъ среди современныхъ, такъ и

¹⁾ Такъ, пѣсня о похищенномъ украшеніи ведеть происхожденіе изъ мѣстечка Іегшев; простой эпизодъ съ доразвился до трагического разсказа о смерти дѣвы Ка-хевала (стр. 278); другая пѣсня „Потерянные гуси“ возникла въ Феллинскомъ округѣ и затѣмъ двинулась по направлению къ востоку; финны придумали для нея новое вступленіе (стр. 242).

среди старыхъ поэтовъ бывали плохіе, мало даровитые, но ихъ пѣсни находили мало сочувствія и не пользовались большимъ распространеніемъ" (стр. 43). Въ другомъ мѣстѣ авторъ прибавляетъ: "мѣстность, которая даетъ лучшіе варианты, я считаю родиной, мѣстомъ возникновенія пѣсни" (стр. 44). Нѣтъ ли опасности въ такой постановкѣ вопроса, не является ли опредѣленіе самаго логичнаго, лучшаго въ исторіи пѣсни субъективнымъ дѣломъ изслѣдователя? Если *нѣть*, то путь, которымъ идетъ Гельсингфорская школа, вполнѣ надеженъ, иначе а если да?

Тѣмъ не менѣе, изученіе пѣсни отъ строчки до строчки, которымъ характеризуются работы современныхъ финскихъ этнографовъ¹⁾, является и новостью въ этнографической литературѣ, и обѣщаетъ дѣйствительно познакомить наскъ съ законами распространенія народныхъ пѣсенъ. Кроме названной книги, г. Калласу принадлежатъ работы о витебскихъ люцинскихъ эстахъ, описание ихъ быта и сборникъ ихъ сказокъ²⁾.

Я не знаю, имѣю ли право причислить къ Гельсингфорской школѣ двухъ энергичныхъ и извѣстныхъ этнографовъ, изъ которыхъ послѣдній, благодаря тому, что пишетъ по-немецки, пользуется почетной славой и у насъ. Я имѣю въ виду доцента финской литературы и народной поэзіи, Августа Ніеми (съ 1899 года), автора книги о „Составѣ Калевалы“³⁾ и издателя „Эпическихъ элементовъ старой Калевалы“⁴⁾, и О. Гейкеля (Heikel). Поетѣдній—изслѣдователь вещественныхъ памятниковъ финно-угорской старинѣ, построекъ, орнаментовъ, археологическихъ находокъ. Въ 1888 году вышла его большая ра-

¹⁾ Назову еще книгу, которую знаю, къ сожалѣнію, только по критической статьѣ К. Кроны: *K. A. Fransilla. Kansauruuden tutkimuksia*. I. Iso tammi lütteinäin. Helsingfors. 1900. Она посвящена широку распространенной на эстонской и финской почвѣ легенде о большомъ дубѣ, который выросла дѣвушка, и изъ которого ей сдѣлали свадебный сундучикъ. Авторъ изучилъ строка за строкою 230 вариантовъ этой пѣсни.

²⁾ „Lutsi maatahoas“. 1894 (Очеркъ быта люцинскихъ эстовъ), „80 Mährchen der Ljutziner Esten“ (Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, т. 20. 1900 г., стр. 79—100). Передъ сказками помѣщена очеркъ быта люцинскихъ эстовъ, дающіе изложеніе содержанія и отчасти переводъ сказокъ, напечатанныхъ только по-эстонски; впрочемъ, некоторые сказки переведены цѣлкомъ. О статьѣ г. Калласа „Uebersicht über das Sammeln estnischer Runen“ (Finnisch-Ugrische Forschungen, т. II. 1902 г. стр. 8—10) я уже упоминаль.

³⁾ *Kalevalan kokoopraha*. I. Runokokous Väinämöisestä.

⁴⁾ *Vanhan Kalevalan epililset ainekset*. 1898.

бота: „Die Gebäude der Ceremissen, Mordwinen, Esten und Finnen“ (Journ. de la Soc. Fin.-Ougr. IV), которой предшествовала въ 1886 году статья о мордовскомъ „кудѣ“ ¹), основномъ видѣ финно-угорского жилища; въ 1894 году Heikel напечатать книгу: „Antiquités de la Sibérie occidentale conservées dans les musées de Tomsk, de Tobolsk, de Tumén, d'Ékatérinebourg, de Moscou et d'Helsingfors“ (Mém. de la Soc. Fin.-Ougr. VI), а въ настоящее время выходитъ роскошное издание Финно-угорского общества, книга и атласъ Гейкеля „Одежды и узоры мордовцевъ“ ²).

Такимъ образомъ на двухъ концахъ финно-угорского міра, въ Бу-
дапештѣ, центрѣ мадьярской науки, и въ Гельсингфорсѣ, идетъ самая
энергичная работа по изученію финскихъ племенъ въ Россіи, отчасти
вымирающихъ, отчасти подвергающихся (какъ мордва, зыряне) силь-
ному обрусенію. Теперь самая пора спасти остатки того драгоцѣн-
наго материала, на который нѣкогда обращала вниманіе и наша Ака-
демія Наукъ, теперь, повидимому, совершившая потерявшая интересъ
къ этимъ вопросамъ. Между тѣмъ въ Гельсингфорсѣ работа идетъ
настолько интенсивно, что уже въ 1900 году среди изучаемой нами
школы возникла мысль объединить специалистовъ разныхъ странъ,
интересующихся финнологіей въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова,
подъ знаменемъ одного журнала, выходящаго на пѣменскомъ языке.
Такъ возникъ журналъ „Finnisch-Ugrische Forschungen“, въ которомъ
приняли участіе какъ финские, такъ и венгерские ученые (Синеи, Ши-
мони); изъ русскихъ единственнымъ представителемъ оказался пока
авторъ этихъ строкъ, но, вѣроятно, онъ будетъ не послѣднимъ ³).

Свою вступительную лекцію въ курсъ финского языка прив.-доц.
Калласть закончилъ въ январѣ минувшаго (1902) года слѣдующей
мыслью: если и маленькия народности нужны человѣчеству, то ихъ за-
слуга передъ нимъ заключается въ томъ, что достоянія культурной
мысли разливаются здѣсь шире, становятся пріобрѣтеніемъ не однихъ
высшихъ классовъ, но всего народа. Гельсингфорская школа фило-
логовъ и лингвистовъ, прибавлю я, дѣйствительно, проникнута вѣрой въ

¹) Mordvalainen „kud“. Journ. de la Soc. fin.-oug. I. Ср. И. Н. Смирнова „Мордва“ (Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университѣтѣ. т. XI. 1893, стр. 435—442).

²) Mordvalaisten pukuja ja kuoseja. 60 мар. (около 20 руб.).

³) Пользуюсь случаемъ отмѣнить, что въ венгерскомъ журнале „Keleti Szemlѣ“ участвуютъ И. Н. Смирновъ, г. Наткаловъ.

то, что она служить своему народу, что она поднимаетъ его нравственный и умственный уровень, и изъ народа выходять все новые и новые силы, чтобы поддержать эту культурную работу. Оттого такъ и производительны труды финскихъ ученыхъ, что у нихъ есть вѣра въ пользу своего дѣла.

А. Погодинъ.

НАКАЗЫ ТРЕТЬЯГО СОСЛОВІЯ ВО ФРАНЦІІ ВЪ 1789 ГОДУ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ^{1).}

Первичные наказы.

VIII.

При разборѣ обстановки составленія первичныхъ наказовъ необходимо считаться съ однимъ второстепеннымъ, повидимому, обстоятельствомъ, которое неблагопріятнымъ образомъ отразилось на ихъ содержаніи. Успѣху выборовъ 1789 г. много помѣшала чрезмѣрная спѣшность избирательныхъ дѣйствій, въ особенности первичныхъ.

Произошло это по винѣ безтолковаго и недостаточно предусмотрительного центрального правительства, хотя и безъ всякаго злого умысла съ его стороны.

Созваніе генеральныхъ штатовъ было возвѣщено Франціі еще 19 ноября 1787 г. устами хранителя печати на торжественномъ засѣданіи парижскаго парламента, въ присутствії самого короля ^{2).} Затѣмъ въ постановлѣніи государственного совѣта (*arrêt du conseil d'état du roi*) отъ 5-го июня 1788 г. правительство признало себя не въ силахъ самому выработать надлежащимъ образомъ основанія созыва народныхъ представителей, а потому привлекло къ историческимъ изысканіямъ всю мыслящую Францію, начиная отъ администраціи и кончая всѣми „учеными и образованными лицами королев-

¹⁾ Продолженіе. См. Журналъ Министерства Народнаго Просвещенія, за июль 1902 года.

²⁾ Archives Parlementaires, I, 265—269.

ства¹⁾). Далѣе постановленіемъ совѣта отъ 8-го августа 1788 г. созваніе генеральныхъ штатовъ было уже прямо обѣщано къ 1 Мая 1789 г.²⁾, и срокъ этотъ былъ перенесенъ затѣмъ (23 сентября) на январь мѣсяцъ³⁾. 5-го октября 1788 г. было созвано „второе собраніе нотаблей“ для совѣщанія о „самомъ правильномъ и приличномъ способѣ“ устройства генеральныхъ штатовъ⁴⁾, а 27-го декабря 1788 г. обнародованъ „r  sultat du conseil“, т. е. объявлены главныя основанія обѣщанного представительства⁵⁾. Такимъ образомъ созваніе генеральныхъ штатовъ не явилось неожиданностью, ни для правительства, ни для образованнаго общества. Тѣмъ не менѣе всѣ эти правительственные сообщенія и приглашенія были во многихъ отношеніяхъ толпленіемъ на одномъ мѣстѣ.

Послѣ столькихъ приготовленій и предупрежденій неровная и безсильная администрація Людовика XVI не сумѣла избѣгнуть суматохи, когда наконецъ пробилъ часъ торжественно возвѣщенаго созыва представителей французскаго народа. Въ самую послѣднюю минуту, когда не все еще было готово, власть вдругъ стала торопиться и суетливо торопить избирательныя дѣйствія въ ущербъ ихъ внутренней успѣшности, такъ что послѣдній актъ великаго общественнаго событія оказался до нѣкоторой степени скомканымъ. Неизбѣжная послѣдствія отъ такой спѣшки сознавались многими людьми, близкими къ жизни. Одинъ изъ нихъ предлагалъ министру нѣсколько продлить еще назначенные сроки отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ, чтобы дать сельскимъ обществамъ больше времени для составленія избирательныхъ собраній, „избѣжать путаницы, которую необходимо принесетъ спѣшка“; это позволило бы сельскимъ обществамъ „заранѣе обдумать свой выборъ и поработать надъ своими наказами“, а все избирательное дѣло совершилось бы методично и спокойно (avec m  thode et tranquillit  ⁶⁾). Увы! правительству Людовика XVI, при всѣхъ его добрыхъ намѣреніяхъ, недоставало въ эту важную историческую минуту прежде всего такой послѣдовательности (метода) и спокойной увѣренности въ своихъ силахъ.

¹⁾ *Brette*, I. 19—23.

²⁾ *Ibidem*, 23—25.

³⁾ *Ibid.*, 25—28.

⁴⁾ *Archives Parlementaires*, I. 390—182.

⁵⁾ *Brette*, I. 37.

⁶⁾ Archiv. Nat. B. 2 3 1 D № 118 письмо изъ Версаля за подпись D'Orgeneral 19 февраля 1789 г.

Правда, жизнь оказалась въ данномъ случаѣ сильнѣе распоряженій власти и въ значительной степени свела ихъ на нѣть. Такъ лейтенанты, балы и сенешалы, въ рукахъ которыхъ было сосредоточено дѣйствительное руководство выборами, не поддались увѣщаніямъ министерскихъ канцелярій, говорившихъ отъ имени короля. Они продолжали работу окружныхъ собраній далеко за указанные имъ сроки¹⁾. Правда и то, что само правительство, какъ бы сознавая свою ошибку, отнеслось почти одобрительно къ такому повсемѣстному уклоненію мѣстныхъ властей отъ его предписаній. Къ сожалѣнію, эта поправка, внесенная самою жизнью, почти не коснулась первоначальной избирательной работы первичныхъ собраній, гдѣ вырабатывались первичные наказы.

Если окружныя собранія, по ініціативѣ своихъ руководителей, спокойно игнорировали назначенные имъ сроки, то первичная собранія состоялись повсюду болѣе или менѣе въ попыхахъ. Это объясняется относительно большей безпомощностью избирателей первой степени, особенно деревенскихъ. Они не смѣли преступать вельній близкайшаго начальства, которое тоже суетилось, организуя выборы въ каждомъ округѣ. Кроме того надо имѣть въ виду естественный страхъ членовъ первичныхъ собраній—опасеніе опоздать къ сроку, по большей части весьма краткому, остававшемуся въ ихъ распоряженіи для представлений наказовъ и прибытія депутатовъ въ округъ. Въ противномъ случаѣ они рисковали тѣмъ, что ихъ желанія не будутъ приняты во вниманіе при сводѣ воедино наказовъ отъ всѣхъ приходовъ округа и что голоса ихъ не повліяютъ на избраніе того или другого представителя отъ округа на генеральные штаты. Такимъ образомъ нельзя было медлить. Между тѣмъ первичная избирательная дѣятельность были очень сложной работой, едва посильной для мало развитыхъ избирателей, предоставленныхъ самимъ себѣ. Надо было составить наказъ! Импровизація, составленіе наказа безъ всякаго предварительного обдумыванія и подготовки было совершенно немыслимо. Не повѣримъ же мы на слово тѣмъ историкамъ, которые въ своемъ увлеченіи головно признаютъ оригиналъныя наказы дѣломъ импровизаціи (*improm-*

¹⁾ Archiv. Nat. B. III, 48, 457, 461 (Caen secondaire de Caux). B. III, 45, 11, 13 (Charolles). B. III, 50, 447—450 (Comminges et Nebouzan). B. III 60, 91—95 supplément (Dijon). B. III. 73-bis, 344 (Brives secondaire de Tulle). B. III. 158, 52. (Sainte Menehould secondaire de Vitry). Proust. Archives de l'Ouest, I, 148 (Poitou). Babot, 408—409. (Saint Pierre le Montier).

visés) сельскихъ сходовъ¹⁾). Напротивъ всякий, кто мало-мальски прѣбѣгалъ эти писанія, согласится съ существеннымъ замѣчаніемъ Тэнара—издателя наказовъ Версальского округа: „если ссылаться на протоколы приходскихъ собраній, то мы рискуемъ впасть въ заблужденіе; ни одинъ наказъ, хотя бы самого скромнаго сельскаго общества, не былъ написанъ въ засѣданіи, на которомъ, по протоколу (буквально), онъ былъ составленъ. Печалующіеся избиратели не имѣли бы времени обсудить, говориться и совмѣстно разобрать различные пункты своихъ пожеланій. Наказъ былъ изготовленъ (заранѣе), готовъ къ принятію подписей, а, можетъ быть, и къ внесенію какихънибудь добавленій или исправленій“²⁾.

Дѣйствительно, изъ дошедшихъ до настъ свѣдѣній касательно обстановки первичныхъ собраній выясняется такая предположительная картина составленія наказовъ при наиболѣе лучшихъ условіяхъ: избиратели сначала сходятся только для предварительного ознакомленія съ предстоящимъ имъ дѣломъ, при чёмъ уже намѣщается, быть можетъ, редакторъ, добровольно избираемый безъ особаго голосованія или навязанный избирателямъ. Въ лучшемъ случаѣ на первой избирательной сходкѣ редактору даются кое-какія указанія на счетъ желательнаго содержанія наказа. Затѣмъ собрание отсрочивается на нѣсколько дней, пока редакторъ не приведетъ къ концу заданную ему далеко не легкую работу. Тамъ, где не было редактора, склоннаго или способнаго къ личному творчеству, синдикъ или другое довѣренное лицо отправлялись въ поиски за наказомъ въ городъ, въ сосѣднюю деревню или къ какому нибудь лицу, пользующемуся довѣріемъ въ краѣ. Тутъ много времени шло уже не на обдумываніе, а на разѣзы, переговоры, совѣщанія и проч. Наконецъ проектъ наказа былъ составленъ или привезенъ. Тогда назначалось окончательное собраніе, на которомъ избиратели, успѣвшіе за это время сами пораздумать и говориться между собою, окончательно обсуждали и утверждали наказъ—въ качествѣ выраженія желаній даннаго поселка.

¹⁾) *Cahiers de doléances en 1789. Extrait du bulletin de la société bivernaise des lettres, sciences et arts. (Nevers 1896) 13. 14.* Авторъ предисловія обнаруживаетъ вообще отсутствие исторической критики. Такъ онъ снисходительно выслушиваетъ наиболѣе цѣпные изъ наказовъ Неверского округа, изданныхъ въ этой брошюрѣ. Наказъ *Biches* содержитъ, по его мнѣнію, пререканія (*récriminations*) частнаго и юстиціаго характера, къ числу которыхъ авторъ относитъ, напримѣръ, жалобу на захватъ общинныхъ угодій. (13. 37—41).

²⁾) *Thénard, Bailliages de Versailles et de Meudon, (предисловіе 24).*

Ясно, что на вѣтъ эти приготовленія нужно было довольно продолжительное время. Между тѣмъ очень часто, по обнародованію въ приходѣ королевскихъ грамотъ, оставалось до начала окружного собрания всего нѣсколько дней.

Такое случайное (повидимому) обстоятельство, какъ спѣшка, оказалось огромное влияние на самое коренное содержаніе работы первичныхъ собраний, обрекая жителей на простое списываніе или заимствованіе изъ образцовъ, на принятіе наскоро составленныхъ и заранѣе заготовленныхъ судейскими текстовъ, вместо вдумчиваго составленія самостоятельныхъ наказовъ, на что потребовалось бы слишкомъ много времени.

Недаромъ со всѣхъ концовъ Франціі раздавались жалобы на вынужденную спѣшность, съ которой поневолѣ должны были заканчиваться приходскія собрания.

Въ самой столицѣ избиратели первичныхъ собраний по участкамъ (*district*) громко жаловались на ограниченность срока, данного имъ для обдумыванія и составленія наказовъ. „Въ виду краткости времени, избиратели бессильны составить свои наказы со всей требуемой обдуманностью“, заявляетъ участокъ *Notre-Dame* и многие другіе ¹⁾). И это въ Парижѣ, гдѣ, не говоря уже о сравнительно высокомъ уровнѣ образования, выборы состоялись очень поздно, позднѣѣ всей Франціі, гдѣ слѣдовательно выборы никого не застали врасплохъ. Въ столичномъ округѣ „*hors murs*“ жители *Chevrefeu* объявляютъ, что не могли составить „лучшаго наказа“ во вниманіе къ краткости срока ²⁾); жители *Chapelle Saint-Denis* объясняютъ, что между обнародованіемъ регламента въ приходѣ и самыми выборами оставалось только 3 дня, почему они „не могутъ распространяться о всѣхъ предметахъ, касающихся общаго блага“ ³⁾). Шассенъ, изучившій приходскіе наказы парижскаго округа, замѣчаетъ, что распространенные въ этой мѣстности образцы („*Cahier de l'agriculture*“ Бонсерфа и „*Instructions de Chevannes*“ Дюпонъ-де-Немура) значительно облегчили слишкомъ спѣшное составленіе сельскихъ наказовъ ⁴⁾). Но подобное „облегченіе“ сводилось иногда къ слѣпому слѣдованію указкъ и, каково бы ни было высокое достоинство того или другого образца, влияние его шло

¹⁾ *Chassin*, *Génie de la Révolution*. I, 276.

²⁾ *Archives Parlementaires*, IV, 433, en regard à la briéveté du temps.

³⁾ *Ibid.*, IV, 631.

⁴⁾ *Chassin*, *Elections et cahiers de Paris*. IV, 63—73.

очень часто въ ущербъ непосредственности выраженія народныхъ желаній.

Мэнскія деревни наперерывъ жаловались на недостатокъ времени, данного имъ для завершенія первичныхъ собраний: жители Deux-Evailles заявляютъ, что „торопливость“, съ которой имъ приходится писать, не даетъ возможности хорошенько раскрыть всѣ одолѣвающія ихъ неустройства, жители Saint Julien du Terroux—что поздно получили созывныя грамоты, жители Landivy—что были „созваны спѣшино и экстренно“, такъ какъ только 6-го марта, въ день приходскаго собранія, получили оповѣщеніе отъ судебнаго пристава; жители Montourtier также жалуются на спѣшность составленія наказа, а въ Souvigné-sur-Même объясняютъ, что эта спѣшка не позволила имъ распространиться, какъ бы хотѣлось, на счетъ злоупотребленій, связанныхъ съ привилегіями¹⁾.

Въ Анжу деревня La Romagne заявляетъ, что кромѣ изложенныхъ въ наказѣ жалобъ, имѣть еще много другихъ, „но мы застигнуты врасплохъ, не имѣя достаточнаго времени для обсужденія“²⁾. Въ Ангумуа подобную же жалобу высказываетъ наказъ Champniel³⁾. Приходъ Raches (округа Douai) мотивируетъ позднѣйшее добавленіе, сдѣланное къ наказу, тѣмъ, что по краткости срока, оставшагося между обнародованіемъ королевскаго указа и собраниемъ сельскаго схода, они „не могли зрею обдумать все, чего могли бы пожелать“⁴⁾. Деревня Mirabeau (округъ Aix) также заявляетъ, что „спѣшность, съ которой принуждены приступить къ составленію наказа“, позволяетъ имъ коснуться только въ общихъ чертахъ (*sommairement*) неустройствъ, отъ которыхъ они стонутъ⁵⁾.

На избирательномъ собраниі города Cusset мѣстный адвокатъ держалъ такую рѣчь: „Что же, господа! прошло всего 2 или 3 дня, что регламентъ его величества окончательно обнародованъ, а вѣсть уже сейчасъ собираются на спѣхъ и въ беспорядкѣ⁶⁾“.

¹⁾ *Bellée et Duchemin*, II, 253, 501, 509 (заявление Landivy: *l'assemblée à la hâte à l'extraordinaire, cejour'd'hui 6 mars 1789, pour satisfaire et obéir à l'assignation qui leur a été donnée aujourd'hui par l'huissier royal*). III, 144, IV, 147.

²⁾ *Port, Vendée Angevine*, I, 44. Nous en aurions bien d'autres! mais nous sommes pris à l'improviste, sans délai suffisant à délibérer.

³⁾ *H. H. Карпесъ*, 366. *Santhonax. Les cahiers des paroisses de l'Angoumois („Révolution Française“ t. XV, 1888).* 461—469.

⁴⁾ *Archives Parlementaires*, III, 194.

⁵⁾ *Archives Parlementaires*, VI, 351.

⁶⁾ *Archiv. Nat.*, B. III, 138, 541—585 протоколъ.

Въ Лотарингіи, въ Rehaincourt (округъ Chatel-sur-Moselle) жители жалуются въ наказъ на недостаточность времени, которымъ они располагали для обсужденія¹⁾. Это заявленіе косвенно подтверждается протестомъ Бузонвильскихъ священниковъ, возстававшихъ противъ „крайней спѣшности“ (*extrême précipitation, délai beaucoup trop bref*), съ какой пришлось закончить первичныя собранія, начавшіяся вечеромъ 6-го или 7-го марта, между тѣмъ, какъ большинство депутатовъ должно было уже двигаться въ путь (въ округъ) къ полудню 10-го марта²⁾. „Изъ глубины Вогезъ“ на имя короля присланы были жалобы, что за недостаткомъ времени и руководства, наказъ ихъ весьма недостаточно изображаетъ ихъ желанія³⁾.

Впрочемъ лучше всякихъ словъ и жалобъ говорить за себя то обстоятельство, что представители отъ приходовъ являлись въ округъ нерѣдко со значительнымъ запозданіемъ, въ самый разгаръ засѣданій окружныхъ собраній, а то и послѣ ихъ окончанія. Конечно, запозданіе было не въ интересахъ избирателей и ихъ руководителей, среди которыхъ столько лицъ попадало въ депутаты.

О томъ, какъ избирателей беспокоилъ страхъ не успѣть къ сроку въ округъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій случай: въ Saint Jean de Losne (*secondaire de Dijon*), при открытии засѣданій окружного собранія, отъ деревень Saint Usage, Aubigny, Chartey явились нарочные съ извѣщеніемъ, что составленіе наказовъ у нихъ еще не закончено, а потому деревни просить отсрочки еще на цѣлую недѣлю⁴⁾. Послѣдній эпизодъ заслуживаетъ того, чтобы на немъ еще иѣсколько остановиться. Въ данномъ случаѣ сами избиратели заявляютъ, что ранѣе недѣли не могутъ, какъ слѣдуетъ, закончить уже начатое составленіе наказовъ. Замѣтимъ, что само правительство также повидимому считало недѣльный срокъ нормой для завершенія первичныхъ избирательныхъ дѣйствій. По крайней мѣрѣ ст. 22 регламента гласитъ, что обнародованіе грамотъ о созывѣ народныхъ представителей должно состояться въ каждомъ приходѣ послѣ обѣдни въ церкви (т. е. въ праздничный день), а затѣмъ (ст. 24) не позднѣе недѣли (*huitaine*

¹⁾ *Chevreux*, II, 54.

²⁾ Archiv. Nat., B. III, 133, 839—850. *Protestation de M. M. les curés 26 марта.*

³⁾ Archiv. Nat. B.^a 8 l. 201. Просшеніе королю („du fond des Vosges“) „ils n'ont pas eu assez de temps, ils n'ont pas été assez instruits de ce qu'il fallait qu'ils fissent. Leur cahier ne contient qu' imparfaitement le sujet de leurs plaintes“.

⁴⁾ Archiv. Nat. B.^a 37 l. 77. 2°. B. III, 60, 242 (протоколь), 258—260. (письмо лieutenant civil отъ 11 марта).

au plus tard) должно быть создано первичное собрание для составления наказа и выбора депутатовъ. Такимъ образомъ на размыщленіе избирателямъ давалась цѣлая недѣля, а затѣмъ повидимому предполагалось, что первичное собрание окончится въ одинъ день. Какъ же провело населеніе эту достопамятную для каждого прихода недѣлю¹⁾ въ тѣхъ мѣстностяхъ, где практика не разошлась съ намѣреніями законодателя?

Прежде всего можно думать, что послѣ прочтенія въ церкви созывныхъ грамотъ сельскій сходъ очень часто не расходился, а тотчасъ принимался за дѣло: при этомъ намѣчались, можетъ быть, въ общихъ чертахъ вопросы, подлежащіе обсужденію, лица, которыхъ брались составить или доставить наказъ, и наконецъ возможные кандидаты въ депутаты прихода. Затѣмъ въ теченіе недѣли, остававшейся до офиціального первичнаго собранія, населеніе занималось конечно своими обычными дѣлами: земледѣльцы готовились къ сѣву, купцы торговали, ремесленники работали на заказчиковъ и т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ это время составлялись нерѣдко оживленныя группы людей, обсуждавшихъ предстоявшіе выборы. Хотя невѣроятно, чтобы все населеніе ежедневно собиралось на сходъ, но зато несомнѣнно, что въ теченіе этой недѣли въ народѣ шли особенно усиленные толки, подготовлявшіе избирателей къ предстоявшей имъ политической дѣятельности. Надо помнить, что Франція повсемѣстно кипѣла въ ту пору надеждами и радужными мечтами о лучшемъ будущемъ. Естественно, что наиболѣе развитые люди сходились для обмѣна мыслями въ свободное между дѣломъ времена, особенно по вечерамъ. Во всякомъ случаѣ въ теченіе этой недѣли, какъ явствуетъ прямо или косвенно изъ многихъ свидѣтельствъ, представители руководящихъ слоевъ общества не сидѣли, сложа руки: образованные люди составляли проекты наказовъ для своихъ односельчанъ или согражданъ (въ приходскихъ собраніяхъ нерѣдко обсуждалось иѣсколько проектовъ), синдики и разныя довѣренныя лицаѣздили за совѣтами, указаніями и проектами наказовъ къ сосѣдямъ, а то и въ большиѳ города. Наконецъ назначалось окончательное первичное собраніе. Если въ немъ дѣйствительно обсуждались желанія и нужды избирателей, то утвержденіе наказа, не говоря уже о выборахъ, не могло

¹⁾ Надо помнить, что эта недѣля приходилась въ различныхъ округахъ на разные сроки, такъ какъ выборы растянулись отъ послѣднихъ чиселъ февраля до начала мая.

кончиться въ одинъ день. Такимъ образомъ, если точно слѣдовать регламенту, исполняя не только его букву, но и самый духъ этого благожелательнаго, но не все предусмотрѣвшаго законодательнаго акта, то на первичныя избирательныя дѣйствія нужно было по крайней мѣрѣ недѣли 1^{1/2}.

Однако къ дѣйствительности вышло совсѣмъ не такъ.

Шассенъ, пересмотрѣвши множество матеріаловъ по выборамъ 1789 г., пришелъ къ заключенію, что первичныя избирательныя дѣйствія длились не болѣе одного дня или двухъ! ¹⁾

Конечно это заявленіе слишкомъ смѣло, обобщая исключительные и волющіе въ этомъ отношеніи случаи. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что во множествѣ приходовъ избиратели не располагали и одной недѣлей на размыщеніе, составленіе наказовъ и выборъ депутатовъ.

Въ Le Mas d'Agenois муниципальная власти созвали 4 прихода ихъ юрисдикціи афишами 26-го февраля къ слѣдующему дню въ полдень. Тутъ адвокату было поручено составить наказъ опять къ заутрашнему дню послѣ полудня, при чемъ въ тотъ же день этотъ наказъ быть „одобренъ и подписанъ“, а на слѣдующій день депутатъ отъ мѣстечка поѣхалъ уже въ округъ (Nérac). Такимъ образомъ со дня объявленія жителямъ о созывѣ генеральныхъ штатовъ до полнаго окончанія первичныхъ выборовъ прошло всего 3 дня ²⁾.

Въ Alassac (округъ Uzerche) первичное собраніе состоялось въ четвергъ 26-го февраля, но въ виду заявленія избирателей, „что имъ нужна нѣкоторая отсрочка“ для составленія наказа, засѣданіе было перенесено на пятницу 27-го февраля, а затѣмъ еще отсрочено до воскресенья 1-го марта, когда наказъ быть представленъ и утвержденъ ³⁾.

Въ Domfront-en-Champagne (Maine) королевскія грамоты были прочтены въ церкви 1-го марта дважды (до и послѣ обѣдни), затѣмъ

¹⁾) *Chassin*, Génie de la Révolution, I, 242.

²⁾) Archiv. Nat., Ba. 2 l. A. № 31. Это показаніе хѣстнаго адвоката особенно важно тѣмъ, что онъ совсѣмъ и не жалуется на краткость срока, ибо вниманіе его сосредоточено главнымъ образомъ около выборовъ. Правда на этой запискѣ сдѣлана въ канцеляріи надпись, что это—дonoсы разного рода со стороны адвоката, у котораго повидимому голова не на мѣстѣ. Но историкъ не смутился подобной оцѣнкой чиновника конца XVIII вѣка. Показаніе адвоката весьма точное.

³⁾) *Niugues*, Cahiers des plaintes et doléances des paroisses du Bas-Limousin. (Tulle 1892). 8—11. Протоколъ первичнаго собранія.

снова прочтены при открытии первичного собрания, работа которого была завершена послѣ всенощной 8-го марта ¹⁾.

Лейтенанты, баллы и сенешалы, которые въ одинъ голосъ жаловались на недостаточность официальныхъ сроковъ, назначенныхъ для избирательныхъ дѣйствий, очень часто указывали именно на вредное вліяніе, какое могла оказать эта спѣшка въ первичныхъ собраніяхъ. На востокѣ лейтенантъ изъ Saint Diez сообщалъ министру о ропотѣ деревенскихъ представителей на недостатокъ времени и ссылался на это обстоятельство для оправданія своего вмѣшательства въ первичныя избирательныя дѣйствія посредствомъ „совѣтовъ и указаний“ ²⁾). Коллега его изъ Carignan, на крайнемъ западѣ, (въ Бретани) высказывалъ опасеніе, что за недостаткомъ времени жители деревень не будуть въ состояніи составить „наказы съ желательной ясностью и опредѣленностью“ ³⁾). На сѣверѣ, въ Beaumont le Roger лейтенантъ подобнымъ образомъ думалъ, что, по этой же причинѣ, деревенскіе жители, предоставленные самимъ себѣ, не скажутъ ничего путнаго ⁴⁾.

Бабо, историкъ выборовъ въ округѣ Troyes, находилъ, что одна недѣля (отъ 11 до 18 марта) „была весьма короткимъ срокомъ“ для составленія приходскихъ наказовъ ⁵⁾). Но что сказать послѣ этого о тѣхъ первичныхъ выборахъ, для которыхъ не имѣлось въ распоряженіи даже и одной недѣли! Н. И. Карьевъ приписываетъ этой торопливости очень неблагопріятное значеніе для внутренней успѣшности первичныхъ выборовъ: по этой именно причинѣ нѣкоторые приходы вовсе не представили наказовъ, „или представили такіе, которые не имѣютъ почти ровно никакого значенія по своей краткости и общности“ ⁶⁾.

Съ этими сужденіями нельзя не согласиться. Недостатокъ времени явился соблазномъ для избирателей, побуждая ихъ представлять текстъ наказа неограниченому усмотрѣнію редактора или

¹⁾ *Bellée et Duchemin*, II, 139—153.

²⁾ Archiv. Nat. B. III, 89, 945—946. 6-го марта.

³⁾ B. III, 141, 279, 289. Письмо министру отъ 27-го февраля, см. также заявление лейтенанта изъ Sens, что время, ему данное для окончанія выборовъ, „trop serré“. (Ba. 79, l. 188. 3°. B. III, 143).

⁴⁾ См. выше. B. III, 65, 197. Письмо 15-го февраля. Il est à craindre qu'en un si bref délai les paroisses de campagnes ne puissent former leurs mémoires.

⁵⁾ Babeau, *Histoire de Troyes pendant la Révolution*. I, 110. „c'était un délai bien court“.

⁶⁾ Н. И. Карьевъ, 364—367.

слѣдѣо одобрять занесенные извѣ образцы, вмѣсто того, чтобы дать себѣ трудъ самимъ обсудить свои нужды. Спѣшка стѣсняла и наиболѣе добросовѣстныхъ редакторовъ, желавшихъ, можетъ быть, вложить въ дѣло всю свою душу и все свое разумѣніе, но вынужденныхъ иногда ухватиться за готовые отвѣты и готовую редакцію послѣдней брошюры, попавшейся имъ подъ руку: это было легче и скорѣе.

IX.

Другое, еще гораздо болѣе важное условіе, неблагопріятнымъ образомъ повліявшее на составленіе первичныхъ наказовъ, заключалось въ своеобразномъ пониманіи редакторами выпавшей на ихъ долю задачи.

Въ теоріи, редакторъ являлся передаточнымъ звеномъ между избирателями каждого поселка и составителями окружныхъ наказовъ, а черезъ нихъ и съ генеральными штатами. Редакторъ первичного наказа долженъ былъ изложить не свои мысли, а мысли и желанія населения, отъ имени которого онъ составлялъ наказъ. Для этого нужно было, само собою разумѣется, прежде всего выслушать этихъ людей или по крайней мѣрѣ прислушаться къ ходившимъ въ народѣ толкамъ, къ его жалобамъ, во всей ихъ пестротѣ, наивности и пожалуй мелочности на взглядъ поверхностнаго наблюдателя.

Затѣмъ, со свойственной образованному человѣку способностью къ обобщенію, редакторъ могъ формулировать высказанныя желанія и надежды въ иѣсколькихъ общихъ положеніяхъ. Такимъ путемъ сложились бы истинно-народныя произведенія, ядро и основное содержаніе которыхъ принадлежало бы подлиннымъ французскимъ крестьянамъ XVIII вѣка, а способъ выраженія и выводы были бы дѣломъ интеллигентіи.

Но такъ ли понимала свое призваніе сама интеллигентія?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ самое содержаніе многаго множества первичныхъ наказовъ, представляющихъ сплошь политическія разсужденія, проникнутыя и цѣликомъ поглощаemыя міросозерцаніемъ либеральной интеллигентіи, а не крестьянъ. Наказы этой категоріи не касаются потребностей деревенского обихода, или упоминаютъ о нихъ только мимоходомъ, вскользь, приписывая общенароднымъ экономическимъ и соціальнымъ нуждамъ мѣстное и частное значеніе, какъ будто передъ Франціей стоялъ въ 1789 году только одинъ общій вопросъ—о политической реформѣ. Вѣдь крестьянскому вопросу, какъ выяснилъ

Н. И. Карьеевъ, публицистика конца XVIII вѣка не удѣлила подобающаго ему мѣста, наряду съ назрѣвшей потребностью въ ограничении произвола.

Кромѣ того во всѣхъ вообще первичныхъ наказахъ, даже въ наиболѣе непосредственныхъ, разбросаны отдельныя требования политического характера, народный источникъ которыхъ болѣе, чѣмъ сомнителенъ.

Число требованій буржуазнаго или книжнаго происхожденія такъ велико не только въ окружныхъ, но именно въ первичныхъ наказахъ, и обстоятельство это такъ рѣзко бросается въ глаза даже поверхностнымъ наблюдателямъ, что въ подтвержденіе этого положенія пѣтъ надобности нагромождать безчисленныхъ выдержекъ и ссылокъ. Было бы, конечно, весьма важно разобрать статистически соотношеніе того и другого элемента (народной стихіи и желаній, принадлежащихъ интеллигенції). Но эту работу можно будетъ произвести только тогда, когда будутъ приведены въ извѣстность всѣ упѣлѣвшіе наказы: иначе можетъ оказаться, что, по открытію новыхъ матеріаловъ, выведенныя цифры этого соотношенія потеряютъ всякое значеніе. А до тѣхъ поръ всякая точная статистика этого рода будетъ только напрасной работой времени. Достаточно сослаться на многочисленные сборники наказовъ (съ предметными указателями въ иѣкоторыхъ изданіяхъ) и на сдѣланнія уже многими историками попытки классификаціи требованій первичныхъ собраній. Въ настоящей главѣ, имѣющей прежде всего методологическое значеніе, главная задача заключается не въ описаніи этого матеріала, а въ его толкованіи и надлежащемъ освѣщеніи предмета.

Необходимо различать при этомъ 2 случая. Иногда весь наказъ сплошь не доступенъ для пониманія простого народа, какъ по содержанию предъявляемыхъ имъ требованій, такъ и по самому ихъ изложению. Въ другихъ наказахъ проявляется извѣстная двойственность— наряду съ требованіями самихъ избирателей попадаются отдельныя статьи такъ сказать иноснаго происхожденія, привнесенные представителями интеллигенціи.

Въ первомъ случаѣ наказъ можетъ быть драгоценнымъ свидѣтельствомъ о настроеніи и запросахъ образованныхъ людей того времени, но никакъ не достовѣрнымъ выраженіемъ народныхъ желаній.

Во второмъ случаѣ надо признать недостовѣрными, въ смыслѣ изложенія народныхъ желаній, только иѣкоторыя статьи, недоступныя пониманію простого народа.

Многіе первичные наказы представляютъ зре́ло-обдуманные политические трактаты съ цѣлой программой реформъ, изложенныхъ иногда въ десяткахъ длиннѣйшихъ статей, разбитыхъ на главы и подраздѣленія. Самый слогъ такихъ писаній, то дѣловой и ученый, то приторно реторический, носить ясные слѣды своего не народного происхожденія. Иногда наказъ мелкаго мѣстечка, составленный влиятельнымъ лицомъ, до того ярко выражаетъ потребности буржуазіи, задававшей тонъ въ окружныхъ собраніяхъ, что разсужденія ничтожной деревушки почти дословно повторяются въ окружномъ наказѣ или во всякомъ случаѣ оставляются на немъ весьма замѣтные слѣды.

Таковъ длинный и растянутый наказъ Miramont, повторяемый въ Аженской сенешалесѣ. Разгадка заключается очевидно не въ политической зрѣлости населения этого глухаго мѣстечка (всего 59 дымовъ), а въ томъ, что наказъ былъ составленъ влиятельнымъ адвокатомъ Milhet de Belisle, попавшимъ даже въ депутаты на генеральные штаты. Не удивительно, что его наказъ требуетъ созыва народныхъ представителей черезъ каждыя 5 лѣтъ, указываетъ мѣры для погашенія государственного долга, требуетъ уничтоженія военныхъ училищъ и проч.¹⁾.

Окружный наказъ Clermont en-Beauvoisis составленъ подобнымъ же образомъ на основаніи первичныхъ наказовъ главнаго города и мѣстечка Monsures (всего 60 дымовъ), гдѣ редакторомъ былъ нотаріусъ Lesquien²⁾.

Нѣкоторые первичные наказы такъ фразисты и реторичны, что простонародье, которому ихъ прочитывали (о народномъ ихъ происхожденіи не можетъ быть и рѣчи), конечно не могло понять въ нихъ ни одного слова. Даже если редакторъ или руководитель объяснялъ собравшемуся народу общій смыслъ этихъ разсужденій, то все-таки избирателямъ оставалось только одно—вѣрить на слово, что прочтенный имъ наказъ содержитъ именно тѣ требования, которыхъ распѣковалъ имъ образованный руководитель.

Возьмемъ для примѣра округъ Laon. Въ наказѣ Etréaupont рѣчь идетъ о „ликвидациіи государственныхъ долговъ“, территоріальномъ налогѣ, провинціальныхъ собраніяхъ, и т. д. Все это облекается въ форму, столь вычурную, что даже историку (не только безграмотному мужику въ 1789 г.) трудно ускользнуть за мыслию. Что значить, напримѣръ, такая фраза: „écartons du trone d'avidit  d'un tas de voraces

¹⁾ Mondenard. 421, 422.

²⁾ Déjardins, 544.

dans les mains desquels une pluie abondante ne peut tomber sans у empreindre une énorme fraîcheur¹? Почва этой провинции сравнивается съ „частью съверной полосы Сибири, если откинуть честность, иравственность и населенность“... „Жители носятъ имя французовъ, но ки-коимъ образомъ не наслаждаются французской свободой“... „Надо возвысить голосъ... зачѣмъ предаваться преступному молчанию?“ Столъ же краснорѣчивы неодиократныя воззванія къ благороднымъ французамъ, или фамильярное обращеніе къ Генриху, отцу, другу, по-кровителю, любви французского народа, Сюлли, чьи заслуги и слава проживутъ до самыхъ отдаленныхъ вѣковъ: „Людовикъ и Неккерь вамъ будуть подражать, вы были ихъ образцомъ“. Въ томъ же духѣ ораторствуетъ наказъ Vivaise или Morgny en-Thibrache, проповѣдующій введеніе налога на роскошь, „на подобіе Римлянъ“. Гораздо содер-жательнѣе, но не многимъ болѣе понятенъ для народа былъ книж-ный, хотя дѣльный наказъ Jumigny, гдѣ длинныя разсужденія сведены затѣмъ къ краткимъ и яснымъ 17 пунктамъ, изъ которыхъ 9 первыхъ посвящены исключительно общимъ политическимъ вопросамъ²).

Весьма книжная и высокопарная разсужденія можно найти въ нормандскихъ наказахъ, напримѣръ, Saint-Vaast, Livarot, Lisores, Fervacques, Courfonne-la-Meurdrac, Broglie, Notre-Dame d'Auney, Saint-Nicolas, Lieugey, Gacé, Sap, Pin, Loisail²) и т. д.

Самое содержаніе многихъ политическихъ требованій, выставляемыхъ первичными наказами, громко говорить не въ пользу народнаго ихъ происхожденія. Конституція, періодичность штатовъ и другія требования, клонившіяся въ конечномъ итогѣ къ ограниченію абсолютизма, выставлялись не только всѣми большими и средними городами Франціи, но и множествомъ мелкихъ городовъ и сель. Возьмемъ на выдержку первичные наказы, изданные въ Archives Parlementaires. Въ нихъ организаціи генеральныхъ штатовъ посвящены отдѣльныя статьи почти всѣхъ первичныхъ наказовъ. Даже не совсѣмъ удовле-творительный и не полный предметный указатель Лорана и Мавидаля указываетъ въ этомъ отношеніи на 9 приходовъ округа Douai, 180—въ парижскомъ округѣ, 43—въ Aix. Отвѣтственности министровъ тре-буютъ деревенскіе наказы: 61—парижского округа, 35—Aix; въ пользу правомѣрной свободы печати высказываются: 36—парижского округа,

¹⁾ *Fleury*, 145—153, 205—215, 220—221, 231.

²⁾ *Hippocrate*, Cahiers de 1789, en Normandie. (Paris 1869). I, 127—128. 353—364, 454—514 и. т. д. Впрочемъ это не мѣшаетъ наказу Livarot (454—463) быть очень интереснымъ по вопросу о дорожныхъ хлѣба и голодныхъ бунтахъ.

20—Aix; неограниченной свободы печати желаютъ 3 наказа парижского округа, 9—Aix, затѣмъ приходъ Vicherau и проч. Въ парижскомъ округѣ 31 наказъ, а въ Aix—7 наказовъ требуютъ соблюденія тайны переписки, хотя подавляющее большинство малограмотныхъ избирателей никогда и ни съ кѣмъ не переписывалось. Въ парижскомъ округѣ 71 наказъ, а въ Aix—26 протестуютъ противъ „lettres de cachet“, хотя большинство населенія подвергалось тѣмъ же злоключеніямъ (и еще худшимъ) безъ всякихъ „lettres de cachet“, а просто по приказанію начальства ¹⁾.

Изъ первичныхъ наказовъ Ланского округа 33 торжественно заявляютъ о необходимости сохранить наслѣдственную монархію, но 9—предоставляютъ генеральнымъ штатамъ право избрать короля, въ случаѣ прекращенія мужской линіи, 46—требуютъ періодического созванія генеральныхъ штатовъ, 9—поголовной подачи голосовъ, 19—равнаго права на должности и отличія, 23—провинціальныхъ штатовъ, 26—срочнаго установленія налоговъ генеральными штатами, 28—права всѣхъ французовъ на занятіе офицерскихъ должностей, 4—отмѣны „lettres de cachet“; всѣ наказы болѣе или менѣе подробно представляютъ планы преобразованія податнаго обложенія. Если вдуматься въ содержаніе тѣхъ 578 вопросовъ, на которые разбились эти наказы Combier; составившій имъ предметный указатель, то придется признать, что по крайней мѣрѣ ²⁾ этихъ вопросы не могли быть внесены въ наказы по иниціативѣ крестьянъ и половина была едва ли доступна имъ пониманію, даже послѣ разъясненій редакторовъ наказовъ и руководителей первичныхъ собраній ³⁾.

Въ округѣ Epernay (Шампань) большая часть изданныхъ наказовъ такъ или иначе касается организаціи періодически созываемыхъ генеральныхъ штатовъ ³⁾.

¹⁾ *Archives Parlementaires*, passim III (Douai), IV, V (Paris) VI supplément (Aix). Замѣтимъ при этомъ, что первичные наказы упомянутыхъ округовъ весьма содержательны и по большей части принадлежать къ типу, который мы назвали двойственнымъ, т. е. содержать какъ требования интеллигентіи, такъ и желанія крестьянъ. Особенно любопытны въ смыслѣ конкретности (изъкоторые наказы Douai, но почти все они (изданы ихъ 36) толкуютъ о генеральныхъ штатахъ (хотя въ предметномъ указателѣ приведены только 9 изъ нихъ).

²⁾ *Combier*, Cahiers du tiers état du bailliage de Laon en 1789. (Senlis 1889). 98—132, 143—144. Самъ авторъ этого вывода не дѣлаетъ, но это вытекаетъ логически изъ его разбора.

³⁾ *Pellicer*, Cahiers des doléances des communes du bailliage d'Epernay. (Châlons-sur-Marne 1900) passim.

Въ наказахъ Шампани Бабо находитъ слишкомъ много развитія и образованія для избирателей той эпохи. Н. И. Карбевъ¹⁾ вполнѣ присоединяется къ этому замѣчанію, а также къ скептическимъ отзывамъ Шассена и Dugast-Matifeux. Русскій историкъ прямо говоритъ, что содержаніе политическихъ требованій первичныхъ наказовъ зависитъ отъ личности и общественнаго положенія редакторовъ, „подъ диктовку“ которыхъ они высказываются.

Въ округахъ Арраса и Булони наказы мелкихъ деревень и городовъ толкуютъ о генеральныхъ штатахъ и обь отвѣтственности министровъ. При этомъ жители Guarbecque „въ качествѣ французовъ заявляютъ“, что (ст. 1) хотятъ сохранить корону наѣви за царствующимъ домомъ, а въ случаѣ царствованія несовершеннолѣтняго, нація будетъ созвана для учрежденія регентства. Жители Gomptescourt повторяютъ дословно тоже заявленіе (ст. 1), предъявляя рядъ требованій, то въ качествѣ французовъ, то въ качествѣ артезіанцевъ, обнаруживають глубокія историческая познанія, ссылаясь на воинскія доблести Fabert, Roses, Digier, Dugai—Trouw, Jean Bart (ст. 20,) и требуя отмѣны запрещенія производить въ офицеры людей низшаго званія, т. е. недавно изданнаго закона, сильно раздражавшаго буржуазію, но для простого народа совершенно безразличнаго. Нагнес требуетъ (ст. 2) отмѣны унізительного обычая, по которому депутаты третьаго сословія стоятъ передъ королемъ на колѣньяхъ, въ отличіе отъ прочихъ сословій. Жители Havrincourt не забываютъ даже заступиться за негровъ (ст. 43), для которыхъ просить права приобрѣтать собственность и брать плантациі въ аренду²⁾.

Въ двухъ округахъ Лотарингіи (Epinal, Châtel), наказы которыхъ приведены въ извѣстность, деревенскіе избиратели предъявляютъ, напряду съ очень конкретными заявленіями о мѣстныхъ нуждахъ, требованія политического характера: обь организаціи и компетенції генеральныхъ штатовъ, обь отвѣтственности министровъ, отмѣнѣ „lettres de cachet“, заключенія въ Бастиліи (Verrières d'Onzaines), о дефиците (Vomécourt) и т. д. При этомъ самая редакція этихъ требованій въ разныхъ наказахъ тождественна или почти тождественна, что свидѣтельствуетъ о руководящемъ вліяніи со стороны. Таковы наказы:

¹⁾ Н. И. Карбевъ, 368, 369, см. также выше.

²⁾ Loriguet, Cahiers de doléances de 1789 dans le Pas-de-Calais (Arras 1891) I, 305—308, 319—320, 335—339, 344—351, II. предметный указатель *passim*. Etats généraux de 1789. Assemblées du Boulonnais, (предсловіе Farjon). Boulogne-sur-Mer. 1889, 4º. Тексты первичныхъ наказовъ 188—582.

(Epinal) Bult, Dignonville, Jeuxey, Longchamp, Pallegney-sur-Durbion, Sainte Hélène, Saint Gorgon, Vaxoncourt, Vomécourt, Zincourt; (Chatel) Badménil, Lebeuville, Verrières d'Onzaines, Villacourt¹). Наказъ Padoux, составленный совершенно самостоятельно, носить на себѣ явные признаки не народнаго происхожденія и, хотя онъ былъ прочтены жителями 8-го марта, но съ увѣренностью можно сказать, что большинство ничего не поняло, если при утверждении наказа дѣйствительно присутствовалъ простой народъ. Во вступлениі этого фразистаго писанія объясняется, что третье сословіе никогда не упорствовало и не сопротивлялось, когда дѣло шло объ удовлетвореніи нуждъ государства, а потому жители не сомнѣваются, что король, руководимый „своей мудростью и своимъ умомъ“ употребить всѣ средства къ доставленію мира и спокойствія королевству. Объяснивъ затѣмъ, что земледѣльцы—корнильцы страны, наказъ рассматриваетъ прерогативы дворянства и ссылается... на примѣръ Китая, Японіи и всѣхъ индійскихъ странъ. „La noblesse dans la Chine, dans le Japponois et dans tous les pays des Indes ne jouit des exemptions attachées à sa qualité qu'autant qu'elle est fidèle serviteur de l'Empereur, et la noblesse ne se transmet du père au fils qu'autant qu'il démontre beaucoup d'empressement pour le service du Prince; manquant de qualités exigées, il retombe dans la classe du Tiers“. При всей справедливости многихъ суждений наказа Padoux²) въ Лотарингіи, мы никакъ не можемъ считать его выражениемъ мыслей и желаній мѣстнаго населенія.

Въ Аміенскомъ бальажѣ наблюдается то же самое. Значительная часть первичныхъ наказовъ по самому своему изложению не могла быть предметомъ обсужденія со стороны большинства населенія, которое не могло настоящимъ образомъ даже понять реторическія или дѣльныя, но слишкомъ широко задуманныя произведенія интеллигентіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно будетъ взглянуть на наказы Berteaucourt-les-Dames, Bus, Domart-les-Ponthieu, Epécamps, Harponville, Havernas, Herissart, Raincheval, Fay-les-Hornoy, Fricamps, Clairy-Saulchois, въ особенности же La Chaussée-Trancourt, Croissy³). Да-

¹) *Cheveux*, Cahiers de doleances du tiers état des villes et villages vosgiens. I, (Epinal 1889). Bailliage d'Epinal. 15, 23, 43, 47, 54, 72, 75. II. (Epinal 1890). Bailliage de Chatel. 3, 31, 69, 77. Мы перечисляемъ попменно название деревень, когда въ сборникѣ не имѣется толковаго указателя, по которому легко было бы проверить правильность того или другого вывода.

²) *Cheveux*, II, 45—49.

³) *Documents pour servir à l'histoire de la Révolution dans la Somme*. I.

лье, но самому существу своему, требование, касавшіяся организаціи генеральнихъ штатовъ, свободы печати, отвѣтственности министровъ, доступности высшихъ воинскихъ чиновъ лицамъ всѣхъ сословій, отмѣны *lettres de cachet*, не были требованиею простого народа, а представляли программу интелигентціи. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ указать еще, кромѣ перечисленныхъ наказовъ, на Acheux, Allonville, Arquèves, Senlis-Hédeauville, Talmas, Toutencourt, Villers-Bocage, Dury et Amilly, въ особенности же Beaucourt-Saint-Eloy, Belloy-sur-Somme¹⁾). Наказъ Vignacourt представляетъ собою цѣлый политический трактатъ съ тремя основными подраздѣленіями: „maximes fondamentales, rÈgles constitutionnelles, plaintes, remontrances et doléances“; наказъ Boves требуетъ не только отмѣны „lettres de cachet“, свободы печати, доступности офицерскихъ должностей, единства мѣръ и вѣсовъ, но даже ограниченія примѣненія смертной казни²⁾). Жители Bergneuil проявляютъ необыкновенную ученость и сокрушительную діалектику, если дѣйствительно наказъ составленъ съ ихъ словъ. Особенно достается духовенству за нарушеніе евангельского начала нестяжательности: „вѣрить ли оно добросовѣстно въ будущую жизнь, или не вѣрить? Въ первомъ случаѣ оно не можетъ, ни приобрѣсть, ни принимать, громадныя богатства, которыми оно владѣеть, а слѣдовательно должно оставить себѣ необходимое и отдать избытокъ, во второмъ случаѣ оно преступно передъ отечествомъ за недобросовѣстность и нарушенія проповѣдуемой имъ заповѣди; за это справедливо отобрать у него имущество и вернуть къ исполненію долга.... въ началѣ монархіи (десятина) была налогомъ, платимымъ государству или совѣтъ не существовала, ибо, ни Галлы, ни первые французы не были христианами“. Жителямъ Bergneuil известенъ даже Базельскій соборъ, отмѣнившій аннаты (ст. 17)³⁾). Удивительна также смѣлость наказовъ Амiensкихъ деревень въ политическихъ вопросахъ. Статья 1 наказа Belloy-sur-Somme (а также наказа Yzeux) гласитъ: „нужеподписавшіе заявляютъ, что признаютъ короля въ качествѣ высшаго главы націи“, а потому покорнѣйше просить его объявить не нарушимыми до слѣдующаго созванія штатовъ „тѣ общіе и частные за-

(Amiens 1888) 69—78, 85—89, 101—105, 108—111, 136—138, 139—146, 147—156, 203—216, 367—376, 409—425, 313—316, 157—175, 326—339.

¹⁾ Ibidem, 6, 12, 21, 44, 93, 230, 237, 250—253. (Въ Toutencours первая же статья наказа трактуетъ о „lettres de cachet“), 268—272, 344—349, 32—42, 44—49.

²⁾ Ibidem. 260—267, 293—302.

³⁾ Ibidem, 55—67.

коны, которые будуть договорены (*convenus*) и установлены между нимъ и націей на нынѣшихъ генеральныхъ штатахъ". Затѣмъ въ статьѣ 2-ой наказъ Belloy (а за нимъ наказы Bethencourt, Cavillon, слившие обѣ статьи воедино) предусматриваетъ возможность изданія частныхъ законовъ въ промежуткѣ между генеральными штатами, на которыхъ состоятся „договоры (*convention*) между королемъ и націей". Это въ сущности переходъ къ ограниченной монархіи. Жители Fourdrinoy объявляютъ, что „депутаты сохранять королевскую власть въ царствующемъ домѣ; они будутъ уважать права престола, не нарушая однако правъ націи". Жители Fricamps подробно излагаютъ и ревниво отоваривають компетенцію генеральныхъ штатовъ въ изданіи новыхъ законовъ и установлениіи налоговъ, а „для того, чтобы созывъ (генеральныхъ штатовъ) не могъ быть отсроченъ ни подъ какимъ предлогомъ", желаютъ „соображенія (*concerté*) совмѣстно съ королемъ закона, обнародованного самимъ торжественнымъ образомъ, которымъ все нынѣ существующіе налоги были бы отмѣнены и установлены". Жители Flers-sur-Noye тоже не довѣряютъ намѣреніямъ правительства: они требуютъ, чтобы, въ случаѣ перемѣны царствованія, генеральные штаты были по праву созываемы чрезвычайнымъ образомъ; боясь вѣроятно поддѣлки, они хотятъ учрежденія національного архива для храненія подлинныхъ постановленій генеральныхъ штатовъ подъ охраной лицъ, отвѣтственныхъ только передъ представителями націи. Наоборотъ деревня Coisy „держится существующаго образа правленія" (*s'en tient à la constitution existante*): (ст. 1). „Она объявляеть, что считаетъ всѣ проекты управлениія, всякое требование новой конституції за идеи проходящія, новыя, противныя принципамъ, основамъ, законамъ и конституціи монархіи, она твердо вѣритъ, что эта конституція существуетъ" (ст. 2). Она всегда будетъ держаться неизмѣнного принципа, что король въ качествѣ короля, есть высшій законодатель королевства (ст. 3). Она думаетъ, что король—единственный, кто въ королевствѣ стоитъ необходимо выше всякаго частнаго интереса и отъ которого можетъ исходить воля, сообразная общему интересу; въ этомъ то смыслъ понимается старое изреченіе: что хочетъ король, того хочетъ законъ. „Тѣмъ не менѣе деревня Coisy, ссылается на майскій указъ 1788 года, признаетъ установленнымъ, что нація не можетъ облагаться налогомъ безъ ея согласія. Такимъ образомъ этотъ наказъ тоже сводится къ ограниченной монархіи¹⁾,

¹⁾ Ibidem. 78—82, 96—100, 276—279, 309—313, 378—393, 399—405, 409—425.

хотя и принялъ подъ свое покровительство старыя учрежденія Франціи.

Все это весьма замѣчательно, какъ подлинное свидѣтельство настроенія французской интелигенціи наканунѣ революціи. Но это конечно совсѣмъ не свидѣтельство настроенія большинства населенія—простого народа, который неоднократно возставалъ въ эту эпоху (напримѣръ, въ Провансѣ и многихъ другихъ мѣстахъ) противъ господъ, какъ дворянъ (помѣщиковъ), такъ и буржуа (откупщиковъ и скучающихъ хлѣбъ), но всегда возставалъ во имя абсолютнаго короля, желавшаго будто бы всеобщаго уравненія сословій и классовъ. Вотъ, когда первичные наказы во множествѣ восклицаютъ: „Oh si le Roi savait“ (охъ кабы король да всю правду нашу вѣдалъ)—тогда это было дѣйствительно голосомъ простого народа!

Возьмемъ глухой округъ Autun. Изъ числа 63 изданныхъ его наказовъ 20 распространяются обѣ организаціи генеральныхъ штатовъ, 11 въ неопределѣленныхъ выраженіяхъ говорятъ о „constitution“, 21—о поголовной подачѣ голосовъ, 6—о двойномъ представительствѣ третьяго сословія на генеральныхъ штатахъ, 11—о государственномъ долгѣ, 3—о территоріальномъ налогѣ, 15—о правѣ наци на самообложеніе, 6—о „lettres de cachet“, 6—обѣ индивидуальной свободѣ, 5—обѣ уменьшеніи или отмѣнѣ пенсій, 3—обѣ отвѣтственности министровъ¹⁾. Изъ 140 наказовъ округа Auxerre 51 касается поголовной подачи голосовъ, 40—двойного представительства третьяго сословія, 30—периодического созванія генеральныхъ штатовъ, 36—провинціальныхъ штатовъ, 8—государственного долга, 43—территоріального налога, 32—единаго налога, 5—dime royale (королевская десятина Бобана), 10—„lettres de cachet“, 4—отвѣтственности министровъ, 13—продажности должностей²⁾.

Въ глухой, бѣдной и безграмотной сенешоссѣ Uzerche почти всѣ 38 изданныхъ наказовъ (въ особенности Concѣze, Pierrefitte, Tregignac, Vigeois) касаются главнымъ образомъ генеральныхъ и провинціальныхъ штатовъ, гарантій личной свободы и проч. Издатель этихъ наказовъ самъ не даетъ себѣ отчета, какимъ приговоромъ звучить его замѣчаніе, что редакторы главнымъ образомъ заняты общими во-

¹⁾) *Charmasse, Cahiers des paroisses et communautés du bailliage d'Autun.* Тексты наказовъ съ обстоятельными введеніемъ, составленными Montarlot, (95 страницъ) и предметнымъ указателемъ.

²⁾) *Demay, Cahiers des paroisses du bailliage d'Auxerre.* Тексты наказовъ и предметный указатель.

просами (questions générales), хотя въ наказахъ можно найти наряду съ этимъ намеки (allusions) на состояніе земледѣлія и податное обложеніе того или другого прихода. Если жизненные вопросы тогдашней деревни введены были въ наказы только въ качествѣ намековъ, то злачить недаромъ лейтенантъ этого округа столь усердно занялся избирательной пропагандой. Пусть историкъ вдумается въ обстановку составленія наказа мѣстечка Affieux, гдѣ на 140 дымовъ (разбросанныхъ по 19 мелкимъ деревушкамъ и хуторамъ) въ первичномъ собраніи было только 18 человѣкъ, силошь безграмотныхъ съ безграмотнымъ синдикомъ; они избрали двухъ безграмотныхъ депутатовъ, но зато представили весьма дѣльный наказъ, скрѣпленный предсѣдателемъ—королевскимъ нотариусомъ, расписавшимся за все сельское общество. Неужели можно приписывать самому населенію, поголовно не умѣвшему, ни читать, ни писать, толковое разсужденіе о дефиците (d茅ficit), который надо покрыть посредствомъ обложения высшихъ сословій, наиболѣе нуждающихся въ покровительствѣ короля, такъ какъ владѣютъ наибольшими богатствами: „вѣдь налогъ предоставленъ (accord茅) монарху только для того, чтобы дать ему возможность удовлетворить потребностямъ государства, въ числѣ которыхъ заключается содержаніе арміи для общей защиты¹⁾“.

Въ безграмотныхъ захолустьяхъ Лиможскаго округа населеніе также предъявляло политическія требования образованнаго общества. Такъ жители городка Chalus, выслушавъ 27-го февраля длинную, дѣловую, но весьма ученую рѣчь своего образованнаго руководителя, утвердили въ качествѣ наказа извлеченіе изъ этой рѣчи въ 7 пунктахъ съ слѣдующими требованиями: (ст. 1) равнотѣрности податного обложения, (ст. 2, 3, 4) преобразованія судоустройства, (ст. 5) „чтобы вопросъ“ о *lettres de cachet* „быть мудро обсужденъ на собраніи націи“, которая свела бы „это опасное орудіе управления“ къ формамъ менѣе произвольнымъ и болѣе приспособленнымъ къ свободѣ и общественному спокойствію, (ст. 6) периодическаго созыва генеральныхъ штатовъ съ широкой компетенціей въ установлениі налоговъ, (ст. 7) гла-венства государства надъ церковью, какъ основной принципъ, глубоко запечатлѣнныи въ сердцахъ жителей этого прихода и всѣхъ добрыхъ

¹⁾ *Hugues, Cahiers des plaintes et dol茅ances des paroisses du Bas-Limousin*. Введеніе (стр. VIII) 1—7. (Протоколъ и наказъ Affieux). 53—60, 130—133, 196—204, 215—224.

французовъ¹⁾. Приходъ Miallet (ст. 10) строго предписываетъ представителямъ народа не принимать никакого участія въ дѣятельности генеральныхъ штатовъ, „пока не добываются (obtenu) отъ его величества подачи голосовъ поголовно, а не по сословіямъ²⁾“. Городъ Rochechouart представилъ цѣлый политический трактатъ, въ которомъ предусматривается отвѣтственность министровъ (отмѣна „lettres de cachet“ и т. д.)³⁾. Въ омъ же родѣ наказъ Saint Leonard-de-Noblac. Что же касается деревушки Uzurat (8 дымовъ), то, хотя всѣ жители, въ томъ числѣ и оба депутата, трижды заявили о своей безграмотности, тѣмъ не менѣе половина наказа (скрѣпленного судьей) посвящена организаціи генеральныхъ штатовъ и другимъ политическимъ вопросамъ⁴⁾. Очень забавно передаетъ протоколъ 1-го марта способъ составленія этого наказа: „nous ont déclaré qu'ils allaient d'abord s'occuper de la rédaction de leur cahier de doléances, plaintes et remontrances, et en effet, y ayant vaqué, ils nous ont représenté le dit cahier, qu'ils ont déclaré ne savoir signer, de ce interpellés, et nous l'avons signé“—т. е. жители составили наказъ, но заявили, что не умѣютъ его подписать! Croisille требуетъ поголовного счета голосовъ на генеральныхъ штатахъ, а Saint—Ménin—созыва народныхъ представителей черезъ каждые 6 лѣтъ, отвѣтственности министровъ передъ генеральными штатами, провинціальныхъ штатовъ, безусловной свободы печати съ тѣмъ, чтобы авторы обозначали свое имя⁵⁾.

Въ Перигорѣ огромное большинство наказовъ требуетъ созванія генеральныхъ штатовъ черезъ каждыя 5 лѣтъ, а иѣкоторые наказы черезъ 3, 4, 6, 10, даже 20 лѣтъ; 10 мелкихъ деревушекъ желаютъ устройства провинціальныхъ штатовъ на подобіе Дофинейскихъ, наказы требуютъ двойного представительства третьаго сословія, поголовной подачи голосовъ и проч. Особенно радикаленъ наказъ города Domme-et-Cénac: 21 статья первого отдѣла этого блестящаго по изложенію писанія представляютъ зрело обдуманную и отчетливо выраженную программу ограниченія королевской власти и въ ст. 20 предусматри-

¹⁾ *Archives révolutionnaires de la Haute Vienne. I. (Limoges 1889). Doléances paroissiales (Leroux). 1—30.*

²⁾ Ibidem. 43—49.

³⁾ Ibidem. 59—76.

⁴⁾ Ibidem. 78—82, 83—87. Въ томъ же родѣ всѣ изданные въ этомъ сборникѣ наказы или черновики наказовъ.

⁵⁾ *Fray-Fournier, Cahiers de doléances, (Société des archives historiques du Limousin. 2 série. Archives Révolutionnaires IV). Limoges 1893. 11—13, 19—26.*

ваютъ возможность раскола между сословіями, въ какомъ случаѣ третье сословіе „comme formant évidemment la nation“ будеть продолжать работу, „tout seul“. Эти слова, которыми 1-го марта 1789 г. заранѣе предусмотрѣна основная сущность послѣдующихъ бурныхъ со-бытій, очевидно не могли выражать мыслей большинства населенія, а были внушены извѣстнымъ публицистомъ Jacques de Maleville, попавшимъ въ комиссары по окружному наказу и поднявшимъ дѣ-лую бурю въ окружномъ собраниі при обсужденіи предложенія вручить законодательную власть королю совмѣстно съ генераль-ными штатами. Даже буржуазія Перигора нашла теоріи Maleville „слишкомъ либеральными и философскими“. Не менѣе рѣзко вы-сказался наказъ деревушки Thénac, требовавшій (ст. 18) всеобщей подачи голосовъ въ генеральныхъ и провинціальныхъ штатахъ, чтобы не утратились „истинные элементы общей воли и народнаго согласія“, а также патріотизмъ и достоинство гражданина. Въ томъ же наказѣ (ст. 19) предусматривается расколъ между сословіями и необходимость, въ такомъ случаѣ, соединиться „подъ крыломъ монарха“ для завер-шенія великаго дѣла, но не расходиться (ст. 20), пока не будуть удовлетворены требования наказовъ. Деревня Jaugé высказываетъ по-добное же требование съ слѣдующей ядовитой мотивировкой: „Эти предосторожности были бы ненужны, если бы мы были увѣрены, что Вышнее существо даруетъ нашему добруму королю физическое без-смертие. Но такъ какъ желанія и молитвы его подданныхъ не могутъ, увы, оградить его отъ общаго закона и среди королей могутъ оказаться люди“, то „необходимо твердо установить основныя истины, на которыхъ основывается спокойствіе государства“ ¹⁾). Приведенное замѣчаніе иржмо противорѣчило міросозерцанію простого народа, вѣ-ровавшаго въ христіянскаго Бога, а не въ „Être Suprême“ действъ, и искавшаго въ королѣ опоры противъ господь, а не додумавшагося до ограничения королевской власти при участіі этихъ самыхъ господъ!

Въ Анжу наказы требуютъ периодическаго созыва генеральныхъ штатовъ (10 наказовъ), отмѣны „lettres de cachet“ (4 наказа), неогра-ниченной свободы печати (1), отвѣтственности министровъ (10) и т. д. ²⁾.

¹⁾) *Bussière. Études historiques sur la révolution en Périgord*, II, 67—83, 221—222. Авторъ приводить выдержки изъ наказовъ, удивляется ихъ смѣшности, но не замѣчаетъ, что эта смѣшность къ большинству избирателей ни въ коемъ случаѣ не от-носится.

²⁾) *Port, La Vendée Angevine*, I, 12—79. Очеркъ обстановки составленія и со-держания 70 первичныхъ наказовъ.

Въ Ангумуа многіе наказы имѣютъ тотъ же характеръ¹⁾, при чмъ 34 прихода требуютъ отвѣтственности министровъ, а 11 — свободы печати.

Въ Кастрскомъ округѣ иѣкоторые наказы являются простымъ „эхомъ преобразовательныхъ идей, вышедшихъ изъ Парижа и формулированныхъ въ многочисленныхъ писаніяхъ публицистовъ“: такъ *Briatexte* толкуетъ о дефицитѣ и объ отвѣтственности министровъ передъ генеральными штатами, ибо не всегда будутъ такие министры, какъ Сюлли и Неккеръ, *Graulhet* представилъ требованія общаго характера, попавшія въ окружной наказъ, *Laboutarié* желаетъ преобразованія штатовъ Лангдока, а *Lapelissarié* предъявляетъ цѣлый рядъ смѣыхъ требованій—отвѣтственности министровъ, установленія смыть министерствъ, вмѣшательства генеральныхъ штатовъ въ назначеніе духовныхъ лицъ²⁾ и т. д.

Въ Бигоррѣ только немногія деревни (*Aubarède*, *Esquièze*, *Sargiac*) признавали, что „люди этого края слишкомъ просты (*rustique*), чтобы указывать соображенія о государственномъ управлениі“. Зато большая часть первичныхъ наказовъ разсуждаетъ о периодическомъ созваніи генеральныхъ штатовъ и о поголовной подачѣ голосовъ. „Что помѣшало во всѣ времена Франціи стать цвѣтующимъ государствомъ, такъ это прекращеніе этихъ прекрасныхъ национальныхъ собраній, единственного лекарства отъ нашихъ недуговъ“. Такое сужденіе прихода *Saint Ré*, о вредныхъ послѣдствіяхъ уничтоженія земско-сословнаго представительства старой Франціи бюрократическимъ абсолютизмомъ, вполнѣ справедливо, но мы никакъ не можемъ считать это—мѣніемъ простого народа, т.-е. большинства, которому исторія Франціи была слишкомъ мало извѣстна. Аббать Рико, изслѣдовавшій наказы Бигорры, скептически относится къ требованію свободы печати, высказанному тремя изъ нихъ. „Надо сознаться, что не нашимъ крестьянамъ, т.-е. подавляющему большинству членовъ третьаго сословія Бигорры, чувствовать потребность въ свободѣ печати“. Съ недоумѣніемъ также останавливается Рико передъ требованіемъ отмѣны привилегій Индійской кампаніи, какъ противорѣчащихъ успѣхамъ торговли, мануфактуры и мореходства. „Мы поняли бы, если Бордо, Марсель, Руанъ

¹⁾ *Chancier, L'Angoumois en l'Année 1789. (Angoulême 1847)*, 406—522, анализъ первичныхъ наказовъ по предметамъ (*matières*), *Proust, Archives de l'Ouest*, II. 11—13.

²⁾ *La Jonquière, Les cahiers de 1789 dans la sénéchaussée de Castres (Paris 1867)*. Введеніе (IX). Краткія выдержки изъ 45 наказовъ, 1—39, (6, 15, 16, 20—22)–

или какой-нибудь фабричный городъ предъявилъ бы подобныя пожеланія. Но Castelbajac! Право, этотъ наказъ вѣро дѣло какого-нибудь недоучки, вернувшагося, потерявъ свое равновѣсіе, изъ путешествія въ Индію или Бордо¹⁾.

Другой аббать, просмотрѣвши неизданные наказы Жиронды, Allain утверждаетъ, что иѣкоторые изъ нихъ важно разматривать вопросы высшаго образования, конечно мало интересные и недоступные крестьянамъ, а потому находиль ихъ лишенными значенія²⁾.

При обозрѣніи многихъ требованій наказовъ отъ деревень парижскаго округа, у Рея вырвалось невольное восклицаніе: „Это не дѣло деревень!“ Никто не станетъ удивляться, если первичныя собранія по участкамъ города Парижа представляютъ зрѣлыя политическія разсужденія³⁾, но зато понятно смущеніе Рея, если многіе наказы окрестностей столицы „слишкомъ красивы“. Изъ мелкихъ деревушекъ или городковъ вродѣ Drancy, Boulogne, Ballainvilliers, Herblay, Argenteuil, Vernouillet, Ecouen, Saint Gratien, выходятъ цѣлые диссертациі, полныя претензій и торжественнаго паѳоса съ ссылками на философовъ, экономистовъ, на Монтескіе, Солона, Ликурга, Анахарсиса. „Можно подумать, говоритъ Рей, что еще ранѣе клятвы „Jeu de paume“ простые деревенскіе обыватели поклялись не расходиться, пока не дадутъ Франції конституцію“. Рей справедливо называетъ требование объ изданіи хартій основныхъ законовъ диссонансомъ въ устахъ темныхъ деревенскихъ избирателей, которые очевидно давали полную волю творчеству редактора, явившагося не передатчикомъ (*interprète*) ихъ желаній, а просто ихъ замѣстителемъ (*remplaçant*). Въ подобныхъ наказахъ „показанія избирателей не существуетъ“, какъ свидѣтельства. Въ наказѣ Herblay имѣются отдѣльныя рубрики, озаглавленныя: національная конституція, организація генеральныхъ штатовъ, способы достижения благосостоянія государства, воспитаніе и нравы, законы вообще; затѣмъ, въ отдѣль частныхъ требованій, избиратели неожиданно перескакиваютъ къ просьбѣ о разрѣшеніи имъ звонить въ колокола во время грозъ, „во вниманіе къ мнѣнію жителей, приписывающихъ колокольному звону способность отвратить грозы, могущія повредить урожаю“. Осторожный Рей не можетъ удержаться отъ восклицанія:

¹⁾ Ricaud, *La Bigorre et les Hautes Pyrénées pendant la révolution*. (Tarbes 1894), 24, 25, 27—29, 154—155.

²⁾ Allain, *La question de l'enseignement en 1789, d'après les cahiers*. (Paris 1886) 4.

³⁾ Chassin, *Génie de révolution*, I, 276.

„странный скачокъ“ отъ конституціи къ звону, разгоняющему гроуз. Рей разбралъ цѣлый рядъ наказовъ, которые называется работой изъ вторыхъ рукъ (*travail de seconde main*) и отрицаеть, чтобы эти планы, программы и книжныя теоріи могли почитаться свидѣтельствомъ (*témoignage*) желаній населенія¹⁾.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что цѣлый рядъ первичныхъ наказовъ и цѣлый разрядъ требованій, попадающихъ во всѣхъ почти наказахъ не только городовъ, но и мѣстечекъ, подлежить оставленію „въ сильнѣйшемъ подозрѣніи“. Мысль эта до сихъ порь не получила права гражданства, такъ какъ одни историки не рѣшаются ее обоб-щать, а другіе закрываютъ глаза на очевидность.

Mireur, въ предисловіи къ изданію 50 первичныхъ наказовъ Драгуинянской сенешоссеи, находитъ, что по этимъ наказамъ можно выяснить мнѣніе деревенской и народной Франціи о старомъ порядкѣ, сущность разговоровъ въ деревняхъ во время длинныхъ вечеровъ или подъ сѣнью большого дерева на базарной площади. Прежде всего деревни единодушно требуютъ кореннаго преобразованія политическихъ, финансовыхъ, судебныхъ, религіозныхъ и соціальныхъ учрежденій: конституціонная монархія, свобода для всѣхъ, равенство въ правахъ и обязанностяхъ и т. д. Mireur съ особеннымъ удовольствіемъ приводить коллекцію наивныхъ заявлений деревенскихъ публицистовъ. Его забавляютъ требования: учредить *missi dominici*, какъ при Карлѣ Великомъ, ввести прогрессивный налогъ на холостяковъ, возстановить *lex sacra* (261 года post urbem conditam), и т. д.²⁾. Между тѣмъ всѣ эти курьезы доказываютъ лишній разъ только то, какъ мало участія принимали крестьяне, т.-е. большинство населенія, въ составленіи многихъ, хотя бы и наивныхъ требованій первичныхъ наказовъ. Вѣдь наивность наивности рознь. Если крестьяне и были безнадежно наивны въ некоторыхъ общихъ вопросахъ (но не въ вопросѣ о податяхъ, феодальныхъ правахъ, сервитутахъ, малоземельѣ, всяческомъ произволѣ), то это совсѣмъ не была наивность тѣхъ недоучекъ, которые схватывали на лету свѣдѣнія о законодательствѣ Солона и Ликурга, о „*lex sacra*“ на счетъ неприкосновенности народныхъ трибуновъ... Такъ въ

¹⁾ Rey, *Les cahiers de Saint-Prix*. 264. Ce ne sont pas là les affaires de la campagne, 19—21, 25—27. Наказъ Jagou, въ противность Herblay, требуетъ уничтоженія колокольного звона, потрясающаго воздухъ, (*commotion de l'air*), всѣдѣствие чего „прорываются“ облака со всѣмъ имъ содержимымъ.

²⁾ Mireur, *Cahiers des doléances des communautés de la sénéchaussée de Draguignan*. (Draguignan 1889). Introduction VI—IX, XIII—XVII.

приходѣ Salernes въ пользу „rétablissement des Missi dominici“ заговорилъ самъ господинъ мэръ и не видно, какъ отнеслись къ нему мужички, хотя это и попало въ наказъ¹⁾). Во всякомъ случаѣ, если наказы Драгиньянской семешоссеи почти единогласно говорятъ о конституціи, объ организаціи генеральныхъ и провинціальныхъ штатовъ, о „lettres de cachet“, если 5 наказовъ требуютъ отвѣтственности министровъ, а 18—отмѣны или сокращенія пенсій, то простой народъ тутъ не причемъ. Онъ былъ только декорацией.. Первичные наказы названнаго округа были въ значительной мѣрѣ прямымъ и непосредственнымъ выражениемъ мыслей мѣстной интелигенціи, которая Migeot, увлекшись наивностью нѣкоторыхъ деревенскихъ умниковъ, не отличилась отъ потребностей народной массы.

Такой недостатокъ критики присущъ очень многимъ историкамъ, Онъ не даетъ развернуться тому скептицизму, который пробивается у нихъ въ наиболѣе рѣзкихъ случаяхъ, когда истина прямо бросается въ глаза.

Старому историку Déjardins по понравицца наказъ Airion (Clermont-en-Beauvoisis); по его словамъ, наказъ этотъ „заслуживаетъ приведенія цѣликомъ. Продуктовый крестьянами, безъ содѣйствія судейскаго чина, онъ рисуетъ непосредственно (au naturel) чувства жителей деревни“. Но такъ ли это? Наказъ начинается съ заявленія, что народъ—нервная (sic) вѣтвь (cette branche nerveuse), которая наиболѣе содѣйствуетъ оживленію тѣла націи. Затѣмъ идутъ разсужденія въ пасторальномъ тонѣ: „бездѣліе, отдыхъ, роскошь, изнѣженность, удовольствія, развлечения чужды и неизвѣстны среди насть. Жизнь въ поляхъ (champêtre), дѣятельная, трудолюбивая и бѣдная изгоняетъ эти удобства изъ нашего общества“ и т. д. Кончается тирада фразой: „Qu'on ne nous appelle pas Francs, mais esclaves et portefaix du royaume!“ Далѣе идутъ требованія конкретнаго характера, касающіяся дѣйствительныхъ злобъ деревенскаго обихода (taille, gibier, maltote, tabac, sel, corvée), хотя и не безъ реторическихъ украшеній, вродѣ желанія (ст. 5) внести факель мудрости въ святилище законовъ“. Въ заключеніе (ст. 7) наказъ, возражая противъ привилегій, говорить не о тѣхъ привилегіяхъ, съ которыми приходилось сталкиваться крестьянамъ: ему обидно, что на генеральныхъ штатахъ представители двухъ первыхъ сословій должны обращаться къ

¹⁾ *Mircur*, 419—125 (421). Наказъ этого прихода составленъ въ видѣ протокола, гдѣ изложены въ сыромъ видѣ всѣ высказанныя сужденія. Но зато въ *Le Luc* (283—299) требование missi dominici красуется въ ст. 20 (стр. 294).

его величеству стоя, а предсѣдатели „нашего бѣднаго сословія становятся (становились?) на колѣни и говорятъ (говорили!) распостершись“. Неужели крестьяне такъ-таки продиктовали это требование, вполнѣ естественное впрочемъ въ устахъ образованнаго буржуа, но вычитанную изъ книги (которыхъ мужики не читали), ибо въ послѣдній разъ буржуа становились на колѣни въ 1614 году¹⁾!

Одинъ изъ лучшихъ провинціальныхъ изслѣдователей, издатель первичныхъ наказовъ Оверни, Mège хорошо и подробно изучилъ политическая требования первичныхъ наказовъ Оверни, но въ послѣднюю минуту остановился на поль-пути, не рѣшившись сдѣлать логический выводъ изъ накопленныхъ имъ данныхъ. Онъ пораженъ (*surgit*) тѣмъ значительнымъ мѣстомъ, какое занимаютъ въ наказахъ Оверни политические вопросы: тутъ и конституція, и отвѣтственность министровъ, и периодическій созывъ штатовъ, какъ генеральныхъ, такъ и провинціальныхъ, тутъ свобода печати, „lettres de cachet“ и прочее. Mège признаетъ, что это не могло быть вполнѣ непосредственнымъ выражениемъ (*manifestation spontanée*) мнѣнія избирателей. Онъ готовъ еще допустить, что въ городкахъ, какъ Ambert, Besse, Billom, Brioude, Issoire, Vic-le-comte, политическое воспитаніе населенія сильно подвинулось впередъ, но онъ сознается, что съ крайнимъ удивленіемъ (*grandement étonné*) находить подобный требования въ мелкихъ деревушкахъ съ безграмотнымъ населеніемъ. Очевидно, что простонародье очень затруднилось бы объяснить, что такое конституція, о которой такъ распространялись первичные наказы! Нашему историку оставалось послѣ этого только сдѣлать простой выводъ и сказать, что нѣкоторые наказы и нѣкоторыя статьи другихъ наказовъ представляли мысли и желанія интеллигентіи, но не народа. Къ сожалѣнію Mège отдался отъ отвѣта при помощи игры словъ: „надо думать, говорить онъ, что деревенскіе жители, по природѣ недовѣрчивые, захотѣли понять точный смыслъ этихъ предложенийъ, столь чуждыхъ имъ и столь далекихъ отъ ихъ обычныхъ возврѣній, прежде, чѣмъ ихъ подписывать“. Поэтому, если политическая требования деревенскихъ наказовъ не являются произведениями самой почвы (*produits du cru*), то они становятся таковыми вслѣдствіе признания ихъ (*adoption*) населеніемъ. Играя словами, и пользуясь тѣмъ, что слово „adoption“ значить также—усыновленіе, Mège утѣшаешь насъ тѣмъ, что усыновленіе можетъ замѣнить при

¹⁾ *Déjardins*, 545—550.

случаѣ дѣйствительное происхожденіе (*paternit  effective*)! Намъ нечего распространяться о томъ, какъ слабо это разсужденіе: стоить только отмѣтить на частномъ примѣрѣ, какъ мало оно примѣнено къ дѣлу. M ge обратилъ вниманіе на наказъ деревни Champs, откуда извлекъ слѣдующее замѣчаніе: „какъ грустно для бѣдныхъ земледѣльцевъ, живущихъ въ бесплодной деревнѣ, что они могутъ прийти въ общеніе съ государемъ, которому благоугодно увѣрять ихъ въ созывныхъ грамотахъ о своей любви къ нимъ, только съ того мига, когда состояніе финансово становится угрожающимъ для государей и для подданныхъ“. Если вдуматься въ эти поразительныя слова бѣдного сельского наказа, скрыпленного 8-го марта 1789 г. нотаріусомъ Magabat, то тутъ высказанъ страшной глубины и безжалостный приговоръ исторіи надъ старой французской бюрократіей, обратившейся къ содѣйствію общества и народа только тогда, когда запутала себя и покорную ей Францію въ безвыходное положеніе. M ge признаетъ, что это сказано „не безъ ироніи“, а затѣмъ весьма удачно группируетъ нѣсколько другихъ выдержекъ изъ наказовъ Оверни въ томъ же направленіи¹⁾). Но если это такъ, если усыновленіе можетъ замѣнить подлинное происхожденіе, то значитъ крестьяне Оверни не довѣрили искренности намѣреній короля Людовика XVI? Мы знаемъ, что беспрестанныя народныя движенія этой эпохи ясно говорятъ противное. Недовѣріе простого народа было обращено противъ господъ и богатыхъ буржуа, а на короля были обращены взоры, полные надежды. Напротивъ того интеллигенція искала гарантій противъ возможныхъ колебаній правительства направо. Народъ же думалъ²⁾, что король желаетъ равенства, а нѣкоторые господа скрываютъ его высочайшую волю.

Такимъ образомъ политическія требованія, которымъ въ первичныхъ наказахъ удѣлено гораздо больше мѣста, чѣмъ принято думать³⁾,

¹⁾ M ge, Cahiers des paroisses d'Auvergne en 1789. (Clermont-Ferrand 1899) 1—160. См. особенно стр. 24—27. 15 (иллюстрація большого процента безграмотныхъ). 191—197, наказъ Champs. Нѣбогодно, что въ концѣ наказа помѣщены рѣзкій протестъ противъ вѣротерпимости съ требованіемъ отмены эдикта 1787 г. о вѣротерпимости. Это показываетъ, что авторъ наказа не—„философъ“, а средній—полу-образованный обыватель или священникъ. Въ томъ и другомъ случаѣ упомянутый отзывъ о королѣ пріобрѣтаетъ болѣе зловѣщее значеніе, что онъ принадлежитъ не радикальному публицисту, а среднему человѣку.

²⁾ Не всѣ господа были въ подозрѣніи у народа: это показываютъ до известной степени выборы 1789 г.

³⁾ Незнаніе этого обстоятельства идетъ такъ далеко, что Emile Faguet категори-

должны быть совершенно выдѣлены изъ требований простого народа. Политическая требование эти сами по себѣ въ высшей степени важны, какъ вполнѣ достовѣрное выраженіе настроения руководившей событиями интелигенціи, но пусть только не приписываютъ этой политической программы народу, настроение которого отразилось болѣе или менѣе ясно въ другомъ рядѣ требований тѣхъ же первичныхъ наказовъ съ соціально-экономическимъ оттенкомъ.

Историку приходится постоянно считаться съ этой двойственностью въ первичныхъ наказахъ. Жаль только, что политическое течение получало такое преобладающее значеніе, очень часто совершенно вытесняя изложеніе требований того дѣйствительного крестьянского большинства, отъ имени которого составлены наказы.

Въ чѣмъ же причина этого явленія? Первичные наказы 1789 г. были, по своему основному назначению, всеобщимъ опросомъ цѣлаго народа о накопившихся его боляхъ, нуждахъ и чаяніяхъ. Однако, ни правительство, ни передовые люди, ни средніе обыватели конца XVIII в. не проявились сознаніемъ той громадной трудности, какую представляетъ подобный опросъ самъ по себѣ, если не относиться къ нему формально. Даже историки нашихъ дней повидимому не даютъ себѣ ясного отчета въ томъ, какъ затруднительно было, при подобномъ опросѣ, положеніе опрашиваемаго темнаго люда и какъ щекотлива задача опрашивающихъ (т. е. составителей наказовъ), когда они дѣйствительно ставили себѣ цѣлью вѣрно и точно передать желаніе и нужды своихъ довѣрителей.

Такой опросъ имѣлъ бы огромную цѣнность, будь онъ произведенъ систематически, статистическимъ методомъ, по опредѣленнымъ, заранѣе выработаннымъ вопросамъ пункта мъ. Однако ничего подобнаго не могло быть устроено въ 1789 г. при первобытномъ, младенческомъ состояніи общественной науки вообще и такихъ ея отраслей, какъ статистика, этнографія, фольклоръ. Тѣмъ не менѣе, въ XVIII в. былъ вполнѣ возможенъ массовый опросъ, хотя бы и случайный, хотя бы и не систематический, не строго научный. Это могло дать всетаки богатѣйший матеріалъ для изученія настроенія и состоянія опрашиваемаго народа. Наконецъ можно было обойтись и безъ всякаго опроса, но подъ тѣмъ условиемъ, чтобы редакторы внимательно вслушались

рически заявлять, будто понятіе политической свободы и парламентскаго режима совсѣмъ не существуетъ въ первичныхъ наказахъ. Mège (стр. 147) рѣзко и справедливо возсталъ противъ этого смѣлаго заявленія.

шались въ народныя рѣчи и толки, а затѣмъ составили наказы на основаніи этихъ взглядовъ и дѣйствительно высказанныхъ жалобъ, прибавивъ отъ себя въ крайнемъ случаѣ лишь дальнѣйшія обобщенія и выводы изъ подлинныхъ народныхъ печалованій, въ качествѣ сырого материала.

Задача добросовѣстнаго редактора заключалась тутъ не въ пропагандѣ политическихъ теорій, какъ бы онѣ справедливы ни были, не въ проведеніи своихъ взглядовъ въ наказѣ отъ имени народа, а въ переводѣ безсвязныхъ, но весьма опредѣленныхъ желаній малограмотнаго и темнаго люда на литературный языкъ, т. е. въ изложеніи дѣйствительныхъ народныхъ требованій въ болѣе или менѣе связномъ видѣ. На дѣлѣ же въ 1789 г. выходило очень часто совсѣмъ другое. Образованные люди приходили на первичные собранія съ тѣмъ, чтобы учить избирателей политической наукѣ, а не для того, чтобы учиться у нихъ подлиннымъ народнымъ желаніямъ, прислушавшись къ народнымъ толкамъ. Для того, чтобы первичные наказы дѣйствительно выражали мысли и желанія большинства, необходимо было соблюденіе трехъ моментовъ: первичное собраніе должно было обсудить свои требованія, затѣмъ редакторъ—составилъ бы проектъ наказа на основаніи всего выслушаннаго наконецъ, сельскій сходъ выслушалъ бы въ свою очередь и обсудилъ бы писаніе редактора. Но обстановка первичныхъ собраній представляется совсѣмъ иною, если, отрѣшившись отъ такой отвлеченной схемы, созданной идеаломъ, вникнуть въ картину, которую можно возстановить по разбросаннымъ въ архивныхъ связкахъ данимъ. Не говоря уже о томъ, къ чему сводились наказы въ случаяхъ давленія¹⁾, обыкновенная картина первичныхъ собраній представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Редакторъ являлся на собраніе съ готовымъ, заранѣе составленнымъ проектомъ, при чёмъ прочитывалъ, толковалъ и защищалъ его содержаніе передъ избирателями. Затѣмъ шло обсужденіе, плодомъ которого являлись иногда какія-нибудь болѣе или менѣе значительныя измѣненія въ текстѣ. Иной разъ шла борьба между нѣсколькими проектами, но все это не могло замѣнить предварительного опроса избирателей для составленія наказа на основаніи такого опроса.

Очень типична въ этомъ отношеніи жалоба священника изъ Saint Denis-les-Rebais (округъ Марсія). Жители этого прихода собрались 5-го марта, но передъ тѣмъ нотабли устроили „предварительное со-

¹⁾ Этому посвящена глава II настоящей книги.

вѣщаніе", гдѣ установили планъ требованій и поручили составленіе наказа „общему другу“, который не ограничился изображеніемъ мѣстныхъ нуждъ, а коснулся общихъ вопросовъ въ духѣ, предуказаннымъ Неккериомъ. „Напрасно возразить, что это писаніе было недоступно пониманію жителей, отъ имени которыхъ оно представлялось. Эти жители, послѣ предварительныхъ разъясненій (*éclairés d'avance*), прекрасно поняли каждую статью, всѣ онѣ были свободно разобраны и за исключениемъ 2-хъ статей, которыхъ рѣшено было зачеркнуть, остальное содержаніе было въ общемъ одобрено и такимъ образомъ стало наказомъ всего прихода“. Тѣмъ не менѣе синдикъ и избранные депутаты отправились къ ешевену города Rebais en Brie за совѣтомъ и по его наущенію замѣнили наказъ другимъ, при чёмъ дали его подписать „всѣмъ жителямъ, которыхъ они могли найти въ разныхъ кабакахъ или въ другихъ мѣстахъ“. Недовольный священникъ настаиваетъ, что въ приходѣ „состоялось только одно публичное собраніе“, то, на которомъ одобренъ первый проектъ, содержащий общія требованія въ духѣ Неккера. Такимъ образомъ, любезный священику и нотаблямъ, но отвергнутый затѣмъ наказъ былъ первоначально утвержденъ въ одинъ присѣть, а тотъ наказъ, которымъ его замѣнили, былъ составленъ не на мѣстѣ, человѣкомъ, не бывшимъ на собраніи прихода, и подписанъ въ одиночку, безъ созыва новаго собранія¹⁾: въ томъ и другомъ случаѣ редакторы не понимали сущности资料 of its own kind. Its purpose was to collect information and ideas from various sources and to present them in a clear and organized way. It was used by the government to keep track of what was happening in the country and to make decisions based on that information. The journal also served as a platform for political debate and discussion. The editor, Nekker, was responsible for the content of the journal and for making sure that it reflected the views of the government. He was also responsible for ensuring that the journal was accessible to the public and that it was not censored. The journal was published weekly and was widely read across France. It played a significant role in the development of French politics and society during the early 19th century.

Рядъ прямыхъ и косвенныхъ свидѣтельствъ показываетъ, что редакторы слишкомъ часто шли въ первичныя собранія не для выслушиванія жалобъ и объясненій большинства населенія (прежде всего крестьянъ), а для того, чтобы провести отъ ихъ имени известныя требованія, болѣе или менѣе пріуроченные къ общимъ жалобамъ народа на свое тяжелое положеніе. Разъясненная смыслъ и содержаніе предлагаемаго избирателямъ проекта общедоступнымъ образомъ, редакторъ или руководитель собранія являлся тутъ прямымъ учителемъ народа. Конечно было чему учить темныхъ крестьянъ, толпившихся на первичныхъ собраніяхъ: прежде всего тому, что беспорядокъ, безначаліе, неурядица и произволъ, тяготѣвшіе надъ французской деревней, были явленіемъ не случайнымъ, зависящимъ отъ

¹⁾ Archiv. Nat., B. III, 83, 588 — 594, письмо священника Неккера отъ 29-го марта.

того или другого состава начальствующихъ лицъ, а прямымъ и незибжнымъ порожденiemъ всего старого порядка, требовавшаго по этому не частичныхъ исправленій, а полнаго и кореннаго обновленія посредствомъ политическихъ реформъ. Въ этомъ отношеніи намѣчался периодическій созывъ генеральныхъ штатовъ съ широкой компетенціей и широкимъ представительствомъ третьяго сословія, а также учрежденіе провинціальныхъ штатовъ. Тутъ можно было безо всякой настажки связать отрывочные и не обобщенные жалобы крестьянъ на единичныя и безчисленныя въ своемъ многообразіи конкретныя проявленія мелкаго деревенскаго произвола съ политическими требованиями интеллигенціи. Въдь послѣднія клонились къ установлению такого порядка вещей, при которомъ произволъ въ грубыхъ его проявленіяхъ быль бы невозможенъ. Такимъ образомъ образованные редакторы сдѣлали бы только логическій выводъ изъ сырого материала, даннаго мелочными жалобами избирателей на свои частныя злоключенія, и получались бы наказы, въ которыхъ самому народу принадлежали бы всѣ слагаемыя, а редакторы сдѣлали бы только общій выводъ. Этимъ путемъ образованные люди подвели бы итогъ народнымъ желаніямъ и связали бы ихъ со своими стремленіями на благо страны. Еще лучше было бы для редакторовъ ограничиться изложеніемъ, систематизаціей и обоснованіемъ подлинныхъ желаній простонародья, предоставивъ сдѣлать изъ нихъ широкія обобщенія и политические выводы окружнымъ собраніямъ, гдѣ засѣдали образованные буржуа. Отъ этого первичные наказы выиграли бы конечно въ смыслѣ непосредственности, достовѣрности и единства.

Впрочемъ мы не станемъ, по примѣру Тена¹⁾, осуждать тѣхъ образованныхъ и беспокойныхъ господъ, которые воспользовались первичными собраніями для того, чтобы лишній разъ высказать при народѣ и отъ его имени свои политические взгляды на надежды. Зато нельзя не упрекнуть составителей наказовъ и руководителей собраній въ томъ, что, увлекаясь учительствомъ, они упускали изъ виду, сколь многому имъ слѣдовало при этомъ самимъ поучиться у нѣвѣжественнаго народа. Образованные французы XVIII в. узнали бы тогда, чѣмъ особенно тяготилось крестьянство и восполнили бы существенный изъянъ своей преобразовательной программы. Если бы редакторы являлись на приходскія собранія не только для того, чтобы учить, а также чтобы учиться, то они бы научились той истинѣ, что отмѣна феодальныхъ повинно-

¹⁾) *Taine, Ancien régime*, 519, 521.

стей и вообще урегулированіе земельныхъ отношеній не терпить отлагательства, какъ это показали черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдующія события, освѣтившія вопросъ совершенно неожиданнымъ свѣтомъ—пыланіемъ феодальныхъ архивовъ и отчасти самыи замковъ около 4-го августа 1789 г.

Какъ бы то ни было деревенскіе наказы 1789 г. далеко не вполнѣ отражаютъ господствующее настроеніе крестьянства Франціи за 5 мѣсяцевъ до взрыва стихійного и повсемѣстнаго народнаго движения. Намъ уже приходилось упоминать¹⁾ о замѣчательно любопытныхъ наблюденіяхъ умнаго охранителя, субделегата аврильского: „plusieurs personnes et communautés assignées... sont venues me demander sur quels sujets elles feroient tomber leurs doléances; ma réponse a été prompte: tâtez vous, on ne demande pas, où est le mal, quand on le sent; je les ai vus fort embarrassés à proposer quelque chose de plausible; elles se sont jettées sur les lieux communs“.

Правда, эти, по мнѣнию субделегата, „общія мѣста“, навѣянныя „стонущей“ прессой, были полны глубокаго содержанія, такъ какъ выражали, хотя бы и высокопарнымъ стилемъ того времени, опредѣленную и строго обдуманную программу образованыхъ людей XVIII вѣка. Но злая критика субделегата мѣтко затронула самое слабое мѣсто въ составленіи первичныхъ наказовъ 1789 года. Прежде всего, что были эти лица, обратившіяся за совѣтомъ къ могущественному въ околоткѣ администратору? Очевидно, мелкія деревенскія власти или люди, которымъ было поручено составить наказы. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ редакторы искали руководства на сторонѣ вмѣсто того, чтобы черпать источникъ своего вдохновенія въ жалобахъ самихъ избирателей. Еще любопытнѣе тѣ доводы, которыми субделегатъ обосновывалъ свой отказъ внушать требование для предъявленія ихъ отъ имени народа. Разсужденіе этого человѣка свидѣтельствуетъ о типичномъ для людей того времени непониманіи сущности задачи, предстоявшей редакторамъ наказовъ. Конечно, „не спрашиваются, гдѣ боль, когда ее чувствуютъ“, но между *ощущеніемъ боли и описаніемъ болѣзни*—цѣлая бездна. Для описанія болѣзни необходимо сначала распросить самого больного... Этимъ слишкомъ ча-

¹⁾ В. a G. I. 1. письмо 6-го апрѣля 1789 г. (см. выше). Впрочемъ необходимо оговориться, что и въ разсужденіяхъ самого субделегата аврильского заключалось много общихъ мѣстъ (такъ бѣдность онъ объясняетъ пьянствомъ и ростомъ потребностей), но невѣрность многихъ его обобщеній не лишаетъ силы и свѣжести ядовитое замѣчаніе на счетъ составленія наказовъ.

сто пренебрегали редакторы наказовъ 1789 года. Да же между ощущениемъ боли и выяснениемъ ея причинъ опять-таки огромная разница. Ощущение боли выражалось въ тогдашнемъ крестьянствѣ всеобщимъ недовольствомъ и жалобами на бѣдность, малоземелье, беспорядокъ, необеспеченность, неопределенность правъ, запутанность земельныхъ отношеній, всяческое угнетеніе. Для того, чтобы передать на бумагѣ это ощущеніе боли, нуженъ былъ грамотный человѣкъ, способный распросить больного (т. е. избирателей), а затѣмъ описать, если не объяснить его болѣзнь. Судеблять, не давшій себѣ яснаго отчета въ сущности этой задачи, очень вѣрно подмѣтилъ, однако, несостоятельность тѣхъ врачей, которые брались опредѣлять и описывать болѣзнь, не распросивъ достаточно внимательно самого больного. Редактору наказа не нужно было даже явиться мудрымъ врачомъ въ собственномъ смыслѣ. Достаточно было стать добросовѣстнымъ стенографомъ, который хотя бы и безсвязно, но точно передалъ бы безсвязныя жалобы самого больного, сть тѣмъ, чтобы эти жалобы перешли потомъ въ комиссию (окружное собраніе), а оттуда стеклись къ главному врачу и исцѣлителю—королю, обѣщавшему добровольно исполнять желанія земли, представленной на генеральныхъ штатахъ... Къ этому идеалу непосредственности приближаются нѣкоторые наказы, гдѣ излагается, какъ бы въ протоколѣ, въ сырому, необработанномъ видѣ все то, что высказывалось на первичномъ собраниіи разными лицами „имя рекъ“. Къ сожалѣнію такихъ наказовъ попадается мало.

Образованные люди того вѣка не понимали первостепенной важности, цѣнности и главной прелести народнаго творчества—въ его свѣжести, непосредственности и свободѣ отъ книжныхъ влияний, поскольку послѣднія не отражались непосредственно въ умахъ простонародья. Уваженіе къ сырому, необработанному тексту, къ грубому, но мѣткому словечку было вообще чуждо людямъ той эпохи. На все наводился лакъ, какъ на живыхъ людей накладывались въ свое время напудренные парики. Даже поль-вѣка спустя мемуары извѣстныхъ историческихъ лицъ издавались сть разными украшеніями, искаженіями, вставками, сокращеніями и прикрасами по вкусу издателей. Совершенно также поступали образованные редакторы наказовъ 1789 г., сочинявшие отъ имени безграмотныхъ мужиковъ фразистыя политическія посланія.

Лейтенантъ округа Ezy-Nonancourt являлся вѣрнымъ показателемъ отношенія образованныхъ своихъ современниковъ къ невѣжественной

массѣ, когда выражать министру (въ февралѣ мѣсяцѣ) опасеніе, что, за недостаткомъ должностныхъ лицъ для руководства выборами, постановленія избирателей будутъ „не по формѣ или составлены на слишкомъ деревенскій ладъ“ ¹⁾). Какъ жаль для историка, что далеко не все наказы французскихъ деревень составлены на такой, слишкомъ деревенскій ладъ! Только въ этомъ случаѣ и только подъ этимъ условиемъ можно было бы разобрать, что думалъ и чувствовалъ французскій простолюдинъ наканунѣ той страшной общественной бури, которая унесла съ собою старый порядокъ, утопивъ его въ потокахъ крови.

Всякій, кто сколько нибудь внимательно и безъ заранѣе сложившагося взгляда просматривалъ первичные наказы, выносить впечатлѣніе, что только въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ редакторы ясно понимали свое призваніе быть прежде всего передаточнымъ звеномъ, въ качествѣ истолкователей и систематизаторовъ того, что въ действительности было высказано средними французскими обывателями на первичныхъ собраніяхъ до самыхъ глухихъ деревень въ 1789 году.

Съ своей стороны большинство избирателей первичныхъ собраній (т. е. простой народъ и главнымъ образомъ крестьянство) не могло предъявить редакторамъ твердо очерченной и ясно опредѣленной народной программы. Конечно накопившіяся жалобы, смутныя чаянія и накипѣвшія желанія не могли не проникнуть въ наказы въ большей или меньшей степени. Но даже при лучшихъ желаніяхъ совсѣмъ не такъ просто решить, чего желали избиратели каждого данного поселка? Населеніе Франціи уже разошлось въ ту пору на нѣсколько классовъ, не говоря уже о профессіяхъ. Самое крестьянство было уже далеко не однородно по своему составу: зажиточный и независимый „laboureur“, кабатчикъ (cabaretier) или фермеръ (fermier), быть очень далекъ отъ половника (m tayer), батрака (manouvrier), чиншевика (censitaire), мелкаго ремесленника или скунщика ²⁾.

Какъ объединить сталкивающіяся ихъ желанія въ одномъ наказѣ каждого данного поселка? Вѣдь интересы разныхъ слоевъ народа были

¹⁾) Archiv. Nat. B III 65, 376. (*Bois de Charente*, 14); „dѣlibrations informes ou remplies d'une teneur trop rustique“.

²⁾) Больше всего по этому вопросу разъяснено русскими учеными. Особенно важны въ этомъ отношеніи работы проф. Лучицкаго. И. В. Лучицкій, Крестьянское землевладѣніе во Франціи наканунѣ революціи (преимущественно въ Лимузенѣ). Кіевъ 1900.

во многихъ отношеніяхъ противорѣчивы¹⁾, а умственное развитіе простонародья не охватывало достаточно широко для того, чтобы создать самостоятельную общенародную программу. Поэтому образованный человѣкъ, явившійся въ первичное собраніе съ готовыми отвѣтами навѣянными публицистикой XVIII вѣка, заслонялъ своей личностью и своимъ міросозерцаніемъ неясныя мысли крестьянъ, а также опредѣленныя, но робко еще выражавшіяся народныя чувства, волнамъ которыхъ суждено было черезъ нѣсколько мѣсяцевъ разыграться въ грозную бурю.

Міросозерцаніе либерального дворянства и собиравшейся стать „всѣмъ“ буржуазіи налагало неизгладимый отпечатокъ на такъ называемые крестьянскіе наказы. Очень часто насущныя требованія крестьянской массы отдвигались на второй планъ, если не замалчивались. При этомъ истинно народное содержаніе обезцвѣчивалось, попадало въ наказы въ видѣ частныхъ жалобъ, не обобщаясь въ широкія и ясныя формулы, въ то время, какъ программа интеллигентіи XVIII вѣка выражалась въ высшей степени ясно и выпукло не только въ окружныхъ, но и во многихъ первичныхъ наказахъ.

Тамъ гдѣ наказы, хоть нѣсколько приближались къ идеалу (въ смыслѣ достовѣрности), можно доискаться до основнаго народнаго зерна, подъ чуждыми наслоеніями и виѣшией скорлупой—литературной формы, привнесенной господиномъ редакторомъ. Въ другихъ наказахъ нельзя найти ни малѣйшаго народнаго осадка. Во всякомъ случаѣ личность и профессія редактора оставляла неизгладимые слѣды, если не совсѣмъ поглощала содержаніе каждого отдельнаго наказа. Если вчитаться въ приходскіе наказы, то очень часто можно различить званіе составителя той или другой человѣтной. Иногда это прямо бросается въ глаза, настолько отличается подчасть творчество судейскаго отъ писаній священника. Однако всѣ наказы, составленные образованными людьми, проникнуты все-таки однимъ общимъ настроениемъ, обусловленнымъ не только общими условіями тогдашней жизни, но и тѣмъ, что принято называть „духомъ времени“, т. е. совокупностью душевныхъ настроений и вѣяній, которыя, сознательно или автоматически (путемъ подражанія) объединили всѣ мыслящіе слои общества.

Огромное вліяніе, оказанное публицистикой XVIII вѣка на требованія, выставленные приходскими наказами, не подлежитъ никакому

¹⁾ Особенно ярко разъяснено это въ работѣ Н. И. Карцева.

сомнѣнію. Вопросъ этотъ уже достаточно разъясненъ въ исторической литературѣ. Особенно важны въ этомъ отношеніи работы Н. И. Карьея и М. М. Ковалевскаго, показавшаго, что это вліяніе не ограничивалось политическими требованіями: оно проникало во всѣ сферы хозяйственныхъ вопросовъ и отношеній, т. с. коснулось и практическихъ требованій крестьянскаго обихода¹⁾. Наказы высказываются за долгосрочную аренду подъ вліяніемъ физіократовъ и противъ крупныхъ арендъ, вопреки физіократіи, но согласно господствовавшему въ публицистикѣ воззрѣнію. Та же связь подмѣчается и въ стремленіи къ раздробленію собственности, къ отмѣнѣ маіоратовъ и проч. По вопросу о налогахъ наказы повторяютъ теоріи публицистовъ: одни единогласно требуютъ равномѣрности въ обложкѣ, которой также въ одинъ голосъ домогались публицисты, но въ отношеніи способа взиманія податей наказы отразили то разногласіе, которое царило по этому предмету среди тогдашнихъ экономистовъ. Одни высказывались за единый поземельный налогъ (*impôt territorial et unique*) заодно съ физіократами, у которыхъ некоторые наказы заимствовали даже терминъ „*produit net*“, или вслѣдъ за Вобаномъ съ его королевской десятиной (*dime royale*). Другіе наказы, заодно съ Неккеромъ, высказываются противъ подобнаго объединенія налога. Зато наказы единодушно требуютъ, вмѣстѣ съ публицистами, отмѣны таліи, десятины, габели, „*aides*“ и проч. Только въ одномъ вопросѣ первичные наказы „отстали на 200 лѣтъ“ отъ либеральныхъ брошюръ—это относительно вѣротерпимости, и свободы совѣсти, которой отводится тамъ мало места²⁾. Но это объясняется не слабостью книжныхъ вѣяній, а тѣмъ, что по этому предмету вліятельная часть образованного слоя—католическое духовенство имѣло свое особое воззрѣніе и „просвѣтительному“ теченію противодѣйствовало въ данномъ случаѣ католическое.

При разборѣ степени и способовъ отраженія литературныхъ течений на содержаніи первичныхъ наказовъ трудно найти черту, где кончалось дѣйствіе вліянія, сознательного подражанія и где начинался пассивный автоматизмъ. Конечно, некоторые слова и мысли разносились струстной молвой даже въ самыя глухія трущобы безграмотной французской деревни. Конечно, руководителямъ народа

¹⁾ М. М. Ковалевский, Происхожденіе современной демократіи, I, 464—468, 502—540. Н. И. Карьеъ, Крестьянъ и крестьянскій вопросъ. 182, 183. *Fleury*, 120. И. Ивановъ, Политическая роль французского театра въ связи съ философіей XVIII вѣка. (Москва 1895). 30—37, см. особенно у Шассена и т. д.

²⁾ *Chassin. Génie de la Révolution*, I, 140, 141. *Roucins.* 139—141.

удавалось подчасъ растолковать избирателямъ тѣ или другія изъ послѣднихъ словъ брошюрной литературы, далеко не чуждой интересамъ менышаго брата и смыло гремѣвшей противъ наболѣвшихъ язвъ тогдашняго строя. Неравномѣрность обложенія, таліл, габель — все это было слишкомъ понятно для народа, на своихъ плечахъ познавшаго справедливость критики этихъ бичей старого порядка. Но требованіе свободы печати, высказываемое отъ имени безграмотнаго крестьянинна, вызываетъ невольное недоумѣніе. Невѣроятно даже, чтобы простолюдинъ постигъ смыслъ этого сложнаго понятія, тѣмъ болѣе, что печать во Франціи была въ самые послѣдніе годы старого порядка достаточно свободна для обсужденія всѣхъ потребностей того времени. Пусть образованные французы находили недостаточнымъ зависѣть въ этомъ отношеніи отъ попустительства власти, такъ какъ старый политическій строй Франціи основанъ быть на произволѣ и благодушіе слабаго правительства Людовика XVI могло смыннуться гоненіемъ на общественную мысль: вѣдь право высказываться свободно не было установлено. Но люди, умѣвшіе въ лучшемъ случаѣ только читать по складамъ, не могли испытывать этой потребности, какъ не могли они понять многое множество требованій иѣкоторыхъ наказовъ, напрасно именуемыхъ крестьянскими. Въ концѣ концовъ многіе изъ нихъ являлись блѣдией копіей, полнившисъ оттискомъ, потускнѣвшимъ отпечаткомъ современныхъ брошюръ, при чемъ требованія образованныхъ слоевъ общества часто механически пристегивались и пріурочивались къ избирателямъ, не умѣвшимъ даже подписать своего имени. Тутъ уже невозможно говорить о вліяніи. Тутъ было простое списываніе, простая поддѣлка, простой провозъ контрабанды и дѣло ничуть не мѣняется отъ того, что въ этомъ не было никакой корыстной цѣли, а напротивъ редакторы наказовъ часто горѣли искреннимъ желаніемъ вывести французскій народъ изъ того непролазнаго исторического болота, въ которое его вогналъ дряхлый строй дoreформенной Франціи.

Въ другихъ случаяхъ редакторы иначе смотрѣли на свою задачу. Среди нихъ находились добросовѣстные и толковые люди, успѣвшіе въ теченіе своего жизненнаго пути пасмотрѣться на народную нужду и прислушаться до извѣстной степени къ голосу и жалобамъ крестьянъ. Не надо забывать, что простой народъ былъ тогда въ большой модѣ. Кроме того улучшеніе народнаго быта было въ ту пору всеми созданной неотложною необходимости для самого государства. Наконецъ экономические интересы всѣхъ сословій были связаны съ необхо-

димостью оздоровленія французской деревни: представители землевладѣнія, промышленности и торговли прекрасно это понимали, какъ видно изъ настойчивыхъ жалобъ на обѣденіе народа. Намъ не приходится разрѣшать здѣсь вопросъ, было ли это обѣденіе дѣйствительнымъ или кажущимся явленіемъ. Для историка въ данномъ случаѣ важно не столько объективное существование, сколько субъективное сознаніе этой бѣдности современниками. Жалобы на бѣдность были основнымъ двигателемъ тогдашней общественной жизни, объединяя правительство и всѣ общественные классы въ признаніи настоящей необходимости принять рѣшительныя, а не частичныя мѣры противъ оскудѣнія деревни.

При такихъ условіяхъ публицисты XVIII вѣка являлись глашатаями многихъ желаній простого народа еще до начала первичныхъ собраний 1789 года. Даже феодальная права, оставленная въ тѣни во время выборовъ, были все-таки порою предметомъ обсуждения со стороны физіократовъ и вопросъ этотъ связанъ съ именами такихъ людей, какъ Тюрго и Бонсерфъ. Однимъ словомъ влиятельная часть французской интеллигентіи XVIII вѣка, полная народолюбія и чуткая къ запросамъ жизни, шла во многихъ отношеніяхъ на встрѣчу дѣйствительнымъ желаніямъ народа и это не могло не отразиться на составленіи наказовъ.

Тѣмъ не менѣе эти народолюбцы не съумѣли или не захотѣли стать въ рѣшающую историческую минуту созыва первичныхъ собраний простой чувствительной пластинкой, отражающей въ наказахъ, какъ въ зеркалѣ, ту многозначительную внутреннюю работу, которая совершилась тогда въ головахъ и сердцахъ многотысячной толпы народной. Это возбужденіе и эти надежды проходили въ первичныхъ наказахъ 1789 г. сквозь призму міросозерцанія (а также иногда и интересовъ) редакторовъ и преломлялись въ нихъ такъ, что подчасъ невозможно распознать подъ политической фразеологіей того вѣка настоящія мысли и подлинныя чувства тѣхъ самыхъ избирателей, отъ имени которыхъ наказы составлены. Если наказы выиграли отъ этого въ смыслѣ политической зрѣлости, то они проиграли въ отношеніи исторической достовѣрности и цѣнности. Вотъ почему приходится искать народныя черты въ наказахъ, какъ золотой песокъ среди постороннихъ примѣсей. Въ иѣкоторыхъ наказахъ, какъ въ бѣдныхъ мѣсторожденіяхъ, золотаго песку можно добыть лишь едва уловимыя крупинки. Въ другихъ — содержаніе золота гораздо болѣе, въ третьихъ—совсѣмъ нѣтъ золота, какъ ни промывай.

Х.

Если въ редакціи наказовъ трудно бываеть отличить, гдѣ кончается мнѣніе редактора и гдѣ начинается изложеніе дѣйствительныхъ желаній избирателей (когда послѣднія вообще излагаются), то еще труднѣе произвести это различеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда наказы не являются плодомъ личного творчества, а слѣдуютъ извѣа принесеному образцу и болѣе или менѣе буквально повторяютъ его, какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Въ очень многихъ случаяхъ наказы представляютъ простой сколокъ, можно сказать рабскую копію съ какого-нибудь „modèle de doléances“. Случается, что термины или цѣлые фразы образца передаются въ совершенно искаженномъ видѣ добросовѣстнымъ, но безграмотнымъ переписчикомъ, а избиратели слѣпо одобряютъ эти непонятныя для нихъ са-мыхъ разсужденія.

Наряду съ этимъ, при переписываніи чужихъ наказовъ или образцовъ, нерѣдко наблюдаются и проблески сознательной работы. Очень часто наказъ заимствуется не цѣлкомъ, а только частью, при чёмъ опускаются иѣкоторые статьи образца или наоборотъ присоединяются къ нимъ новыя добавленія и дополненія. Такимъ образомъ избиратели (или ихъ руководители) сознательно выставляютъ новые требованія, иногда весьма существенныя, а также устраиваютъ такія требованія образцовъ, которыхъ имъ не понравились. Въ такихъ случаяхъ говорить о рабскомъ подражаніи уже не приходится. Вѣдь заимствованія могли явиться послѣдствиемъ вполнѣ естественнаго желанія говориться, обмыняться взглядами, воспользоваться удачной формулировкой общихъ желаній. „Насъ увѣряютъ, что въ большинствѣ приходовъ вы также затрудняетесь (на счетъ составленія наказовъ), какъ и мы“—такъ объясняетъ свое появление брошюра, распространенная въ Анжу: „Doléances, voeux et petitions rédigés par un laboureur, un syndic et un bailli“¹⁾.

Далѣе, если сосѣдніе между собою поселки представляли въ округа тожественные наказы, то это могло быть плодомъ сознательнаго между ними уговора или совмѣстнаго обсужденія наказа. Сходство мѣстныхъ

¹⁾ Port, Vendée Angevine, I, 44. Этотъ образецъ является въ свою очередь развитиемъ содержания печатной брошюры: „Plaintes et désirs des communes tant de ville que de campagne“.

условій могло побудить жителей одной деревни присоединиться къ требованиеіямъ сосѣдей, съ которыми они всегда поддерживали тѣсныя сношенія¹⁾). Тутъ было пожалуй проще переписать чужой наказъ, чѣмъ составлять свой собственный, повторяя тѣ же самыя требованиеія въ другихъ выраженіяхъ. Даѣтъ мелкія деревушки естественно слѣдуютъ наказу того мѣстечка, къ которому онѣ тяготѣютъ въ торговомъ, судебномъ или административномъ отношеніи. Такъ деревни Boussat, Laborie, Le Mont et Verneuge, принадлежавшія къ приходу Saint Diery (Овернь), добыли себѣ официально засвидѣтельствованную копію съ наказа этого прихода, „чтобы служить имъ наказомъ, согласно протоколу“²⁾.

Въ Версальскомъ округѣ жители Villepreux во многихъ статьяхъ повторяютъ наказъ сосѣдняго Rennemoulin; этимъ сосѣдствомъ объясняетъ Тенаръ сходство ихъ наказовъ: людей сближала общность неустройствъ, отъ которыхъ они страдали, а потому избиратели того и другого мѣстечка могли сообщить другъ другу содержаніе своихъ наказовъ³⁾.

Деревня Neuville en Chalois, выселокъ (*dépendance*) Louvois (округа Epernay), воспроизводить наказъ этого мѣстечка за исключеніемъ двухъ статей, въ которыхъ изображается податное обложеніе (*charges*) и доходы (*produits*) деревни.

Въ Парижскомъ округѣ нѣсколько деревень, зависѣвшихъ въ судебномъ отношеніи отъ мѣстечка Néauphle-le-Château, поступили еще проще: избиратели не считали даже нужнымъ переписывать отъ своего имени наказъ упомянутаго мѣстечка, а просто оговаривали въ протоколѣ, что присоединяются къ высказаннымъ тамъ требованиеіямъ. При этомъ собрание Saulx-Marchaix ограничилось одобреніемъ этихъ требованиеій послѣ прочтенія ихъ на сходѣ, далѣе въ Vicq избиратели присоединили отъ себя добавочное требование относительно

¹⁾ Н. И. Карлсъ, 369.

²⁾ *Mege, Cahiers des paroisses d'Auvergne en 1789.* (Clermont-Fretand. 1899) 266. Мы уже знаемъ, что въ 1789 г. созывались не только „праходы“ (*paroisse*) въ собственномъ смыслѣ, а всѣ поселки, имѣвшіе отдельный окладной листъ. Поэтому напоминаемъ еще разъ, что название первичныхъ наказовъ приходскими не точно, хотя и получило право гражданства по своей употребительности въ исторической литературѣ.

³⁾ *Thénard, Cahiers de Versailles et de Meudon*, 94.

⁴⁾ *Péllicer, Cahiers des doléances des communes du bailliage d'Epernay.* (Châlons sur Marne. 1900), 132—134.

вознагражденія за убытки, причиняемые градобитіемъ, жители же Coignères (а за ними Maurepas) потребовали прежде всего сохраненія пастващаго сервитута, права уничтоженія голубей и упраздненія сеньєріальныxъ голубятень, „въ осталномъ же присоединяются“ къ наказу названнаго мѣстечка¹⁾.

Жители деревни Norville (того же округа) прямо указываютъ на мотивъ, руководившій избирателями при подобныхъ ссылкахъ на чужіе наказы: они жалуются на тягость налоговъ и судебныхъ издережекъ, а затѣмъ, „чтобы избѣжать повторенія“ присоединяются къ желаніямъ, высказанными приходами: Boissy, Arroinville, Cheptainville, Guiberville, Lenville, Ledeville, Saint-Vrain, Lardy, Bretigny, Arpajon, Saint-Germain et autres²⁾.

Избиратели Millay (округъ Autun) послѣ торжественнаго вступленія и требованія двойного представительства третьяго сословія, заявляютъ, что, „ознакомившись съ содержаніемъ 11 требованій жителей Saint-Léger-sous-Beuvray, выражаютъ тѣ же пожеланія и жалобы и присоединяются къ таковымъ“³⁾.

Въ указанныхъ случаяхъ жители открыто присоединяются къ известныxъ имъ (или ихъ руководителямъ) наказамъ мѣстностей, съ которыми они связаны общностью хозяйственныхъ интересовъ, географическихъ условій, простымъ сосѣдствомъ, или общей зависимости отъ одного судьи. Но обыкновенно избиратели, не прибегаютъ къ подобнымъ ссылкамъ на чужіе наказы, а переписываютъ послѣдніе безъ всякихъ оговорокъ съ болѣе или менѣе значительными измѣненіями въ текстѣ.

Рей⁴⁾, тщательно изучившій наказы одного уголка въ окрестностяхъ Парижа, сгруппировалъ нѣкоторые наказы по общимъ типамъ, къ которымъ примыкали разные приходы, замѣствуя содержаніе образца цѣликомъ или частью, съ болѣе или менѣе сознательнымъ отношеніемъ къ его тексту. Такъ наказъ мѣстечка Andilly воспроизводится 16 другими наказами, изъ которыхъ ни одинъ, впрочемъ, не представляетъ буквальной копіи съ образца и только два наказа повторяютъ всѣ 6 его статей, съ добавленіями отъ себя. Далѣе Рей вы-

¹⁾) *Archives Parlementaires*, IV, 449. Coignières, 694. Maurepas, 718—756. Néauphle-le-Château, V, 112. Saulx-Marchais, 187. Vicq.

²⁾) *Archives Parlementaires*, IV, 773: „pour éviter la répétition“.

³⁾) *Charmasse*, 137—138.

⁴⁾) *Rey, Cahiers de Saint-Prix*, 23—25, 88, 89.

дѣлять въ одну группу наказы: Champs-sur-Marne, Collégien, Gournaï-sur-Marne, La Queue-en-Brie, Lognes, Noisiel, Pontault, Torcy, Emerainville, затѣмъ, Groslay, Montmorency, Eragny, Conflant-Sainte-Honorine, наконецъ, Chartres, Liverdy, Marles, Presles, Tournai и т. д.

Подобное же замѣчаніе сдѣлано аббатомъ Рико относительно наказовъ Бигорры. Изъ нихъ болѣе половины можетъ быть распредѣлена по 'иѣсколькимъ типамъ, при чемъ „каждый уголокъ Бигорры имѣть вообще свой типъ“; такъ 9 приходовъ примыкаютъ къ образцу долины Barèges, 18—къ Argèles, 13—къ типу окрестностей Тарба, Barty, Benas, Hibarette напоминаютъ наказы Lanne, Louey, Layrisse, 8 наказовъ слѣдуютъ наказу Vic, 11—Tournay; 18 радикальныхъ наказовъ Rustain составлены однимъ человѣкомъ, вѣроятно, нотаріусомъ Dossat, (предсѣдательствовавшимъ на первичныхъ собраний 15 приходовъ между 28-мъ и 31-мъ мартомъ); наконецъ 22 наказа отражаютъ на себѣ вліяніе общей руководящей формулы со стороны ¹⁾.

Въ материалахъ по выборамъ 1789 г. сохранились указанія на источники возникновенія подобныхъ „cahiers-types“. Не всегда они являются плодомъ воздействиія извнѣ, т.-е. пропаганды изъ столицы, изъ округа, изъ большого города. Иногда все это происходитъ на мѣстѣ, не выходя изъ предѣловъ данного околотка.

Вліятельное въ своемъ околоткѣ лицо составляло наказъ по просьбѣ населенія ближайшаго къ нему мѣстечка, а затѣмъ этотъ текстъ принимался, въ качествѣ наказа, жителямисосѣднихъ деревень и мѣстечекъ. Таковъ наказъ деревни Vicheray, скрѣпленный мѣстными священникомъ и подписанный извѣстнымъ писателемъ и публицистомъ (позднѣе министромъ) François-de-Neufchâteau: въ напечатаніиомъ текстъ этого документа значится, что наказъ былъ принятъ (adopté) во-семью деревнями ²⁾. Въ мѣстечкѣ Fa (Languedoc) адвокатъ составилъ приходской наказъ, къ которому присоединились многіясосѣднія сельскія общества ³⁾. Наказъ мѣстечка Saint-Aubin du Pavoir составленъ былъ иѣкимъ Esnault de la Gaulterie, по собственному его заявлению,

¹⁾) Ricaud (abbé), La Bigorre et les Hautes-Pyrénées pendant la Révolution (Tarbes. 1894), 17—20.

²⁾) Bibliothèque Nationale. Le²⁴ 195. Cahier du bourg de Vicheray. Archives Parlementaires, VI, 28—27.

³⁾) Archiv Nat. B. III, 168, 261—330. Письмо адвоката Coirot къ Неккеру отъ 18-го апреля и его наказъ.

а затѣмъ „переписанъ“ (copié) нѣсколькимисосѣдними поселками¹). Балы сеніерія Belleuse (Clermont en Beauvoisis) составилъ общій на-казъ для приходовъ Belleuse, Fleury, а 2 другихъ прихода (Contre, Tremontier) присоединились къ тѣмъ же требованіямъ²).

Еще чаще образцы заносились издалека, попадая въ глухія дере-вушки совершенно случайно или наоборотъ составляя предметъ орга-низованиій пропаганды, все равно была ли она полуофиціальной (исходя отъ мѣстнаго начальства) или совершенно независимой, ино-гда даже подпольной: вѣдь отъ этого дѣло въ сущности не мѣнялось и все различіе сводилось только къ разницѣ въ оттѣнкахъ.

Въ округѣ Chatillon-sur-Marne распространены были присланные изъ Парижа образцы, которые содержали требования, казавшіяся сель-скому священнику изъ Cuchery опасными посягательствомъ на королевскую власть (*attentatoires à l'autorité royale*). Зная, насколько фран-цузы, наканунѣ революції, были преданы монархической власти, мы не повѣримъ этому заявлению на слово: вѣроятно образцы наказовъ посыгали не на королевскую власть, а на неограниченную власть чинов-никовъ и на административный произволъ. Но зато трудно не вѣрить сообщенію того же священника, что около 80 приходовъ внесли эти требования въ свои наказы, при чемъ $\frac{7}{8}$ подписавшихся избирателей не понимали ясно сущности того, что они подписывали³).

Въ округѣ Baillons муниципальный совѣтъ города Bergues жало-вался на распространеніе образцовъ, которымъ слѣдовали, по словамъ думцевъ, почти всѣ деревни округа, при чемъ „крестьяне, которые не знали и не могли ничего знать относительно наказа 3-го сословія (главнаго) города, настойчиво требовали исполненія его пожеланій“⁴).

Въ мѣстностяхъ, гдѣ шла особенно ожесточенная борьба партій, соперники обвиняли другъ друга въ подтасовкѣ и поддѣлкѣ народ-ныхъ требованій посредствомъ разсылки образцовъ. Мы уже знаемъ, что такъ было во время партійной борьбы въ Перпіньянѣ, Прадѣ, Ликсгеймѣ и т. д. Изъ этихъ взаимныхъ обвиненій съ несомнѣнно-

¹) Archiv. Nat. B. III, 7, 624—631. Письмо редактора къ министру юстиції отъ 29-го марта.

²) *Déjardins*, 552. Наказъ имѣлъ конкретный характеръ, касался такихъ нуждъ деревни, какъ налоги, судоустройство, орошеніе полей и размѣщеніе личи.

³) Archiv. Nat. B. III, 144, 385—390. Gaillard, curé de Cuchery Hekkerу 21-го марта (secondaire de Sézanne).

⁴) B. a. 18, 1, 21, 10°. B. III, 20, 483, печатный „m moire pour les officiers municipaux“ 28-го марта.

стью вытекало только одно заключение, согласное съ отзывомъ Лик-стеймскаго самодура (лейтенанта Рикатта) о дѣятельности его соперника, нотариуса Миллера: послѣдній разъѣзжалъ изъ деревни въ деревню для распространенія своихъ наказовъ, при чёмъ „это ему удалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, до того, что многіе наказы оказались составленными по одному образцу и кто прочитывалъ одинъ изъ нихъ, зналъ уже содержаніе другихъ“ ¹⁾.

Слѣдованіе образцамъ охватывало иногда цѣлые сплошные районы. Таковы Этампскій округъ ²⁾, Булонне ³⁾ и т. д., главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, где процвѣтала официальная пропаганда.

Кромѣ того въ наказахъ любого округа можно насчитать не мало заимствованій, прямо бросающихся въ глаза даже при самомъ быстромъ ихъ прочтении.

Въ округѣ Clermont-en-Beauvoisis наказы Bulles, Essuiles, Franières, Gournay-sur-Aronde составлены по одному образцу, наказы Sommereux, Halloy, Sempruis тожественны между собою, а наказъ Uny-Saint-Georges повторяетъ Rantigny ⁴⁾.

Въ Кастрскомъ округѣ наказы нѣкоторыхъ приходовъ тожественны между собой и написаны даже однимъ почеркомъ (Fréjairoles съ Fauch, Lamartinié съ Brousse; затѣмъ La Bastide повторяетъ Giroussens, Mandoul переписываетъ Lamartinié, Moulayrèt тожественъ съ Missècle, Rayssac—съ Moncouyoul, наказъ Lacabarède очень похожъ на Кастрскій, но присоединяетъ къ нему мѣстное требование относительно лѣснаго сервитута) ⁵⁾.

Въ Осерскомъ округѣ наказъ Saint Maurice-le-Viel представляетъ дословное повтореніе первыхъ 14 статей наказа Poilly, наказы Saint-puits, а также Dampierre тожественны съ Arquian, далѣе Lain повторяетъ наказъ Fouronne съ присоединеніемъ нѣсколькихъ новыхъ требованій, Moldme сходенъ съ предыдущимъ, за исключеніемъ статьи 3-й, Mouffy слѣдуетъ тому же образцу за исключеніемъ ст. 8 и 9; наказъ Villotte, подписанный 15-го марта на собраніи, где предсѣдательствовалъ прокуроръ Bachelet, былъ дословнымъ повтореніемъ

¹⁾ Archiv. Nat. B. III, 134, 908—938 письмо лейтенанта министру отъ 30-го июня.

²⁾ Legrand et Marquis, Les trois états du bailliage d'Etampes. 2 vol.

³⁾ Assemblées du Boulonnais. Предисловіе Farjon (Boulogne-sur-Mer. 1889. 4°). Изданіе въ этомъ сборникѣ наказы чрезвычайно похожи одинъ на другой.

⁴⁾ Déjardins, 553. 561.

⁵⁾ La Jonqui re, Les cahiers de 1789 dans la s n chauss e de Castres. (Paris 1867), 14. 16. 19. 23. 25. 29.

знаменитаго наказа Chevannes (Немурскаго округа), составленаго известнымъ экономистомъ Dupont de Nemours и послужившаго образцомъ для множества наказовъ въ разныхъ частяхъ Франціи; избиратели того же мѣстечка Villotte, собравшись затѣмъ во второй разъ 22-го марта подъ предсѣдательствомъ другого лица—бывшаго прокурора превотства (Ruynear), одобрили уже совсѣмъ другой наказъ¹⁾.

Въ округѣ Autun наказъ Voudenay-le-Château дословно воспроизводить наказъ Igornay, а наказъ Manlay присоединяеть къ тому-же образцу особую статью: „état de la communauté“; далѣе 2 другихъ прихода (Saint-Forgeot, Etang) повторяютъ наказъ Dracy-Saint-Loup, при чёмъ первый изъ нихъ присоединяеть къ заимствованному тексту очеркъ положенія деревни, а послѣдній добавляетъ съ своей стороны еще 4 статьи²⁾.

Въ Амiensкомъ округѣ Floxicourt, Bougainville, Bovelles представляли наказы, тожественные съ Saint-Ouen, мѣстечко Poulaingville—съ Coisy, Rainneville повторяетъ тотъ же образецъ, за исключениемъ ст. 14 и 17, Rubempré слѣдуетъ тексту Herissart съ присоединенiemъ одной статьи, Saint Ouen—наказу Bergneuil, прибавивъ отъ себя большую вставку; первыя 2 статьи наказа Saint-Léger-les-Domart повторяютъ требование Domart; наказу отъ Belloy-sur-Somme слѣдуютъ: Saint-Sauveur (съ прибавлениемъ одной статьи), Saint-Vast, Vaux les Amiens (съ присоединенiemъ 4 статей); Vaquerie повторяетъ наказъ Berneuil, опустивъ одну статью (о правѣ franc-fief) и замѣнивъ ее другою (о военной службѣ); Berny тожественъ съ Baconel за исключениемъ немногихъ статей; Cottency повторяетъ 30 статей изъ 51 статьи наказа Boves³⁾.

Въ Алансонскомъ округѣ Saint Lhomar буквально воспроизводить наказъ Menil—Guyon, наказъ Valframbert представляетъ копію съ Hauterive, наказъ Fay повторяетъ, съ иѣкоторыми варіантами, Carnettes и присоединяеть отъ себя важную статью о феодальныхъ правахъ, Tallonnay слѣдуетъ тому же образцу, за исключениемъ статей

¹⁾ *Demay, Cahiers des paroisses du bailliage d'Auxerre.* 182. 266. 273. 327. 339. 399. 407. См. также *Cahiers de doléances en 1789. Extrait du bulletin de la société nivernaise des lettres, sciences et arts.* (Nevers 1896). 11. Наказы Оксерского округа, по словамъ этого изслѣдователя, „sont tous dressés dans un m me esprit, que j'appellerais régional; plusieurs sont identiques en la forme et au fond“.

²⁾ *Charmasse,* 81. 105. 124. 179. 244.

³⁾ *Documents pour servir à l'histoire de la Révolution dans la Somme,* I. 202. 218. 221. 225. 229. 230. 234. 238. 291. 292. 293. 317. 394.

15—20, Tellières-le-Plessis заимствовалъ первыя 4 статьи въ наказъ Bures¹⁾.

Въ Шампани (Epernay) деревня Le Baizil дословно повторяетъ наказъ Mareuil-en-Brie съ незначительными добавлениями, Grauves слѣдуетъ тому же образцу до середины наказа, Mansy дословно повторяетъ требование Monthelon до ст. 14 включительно, а затѣмъ продолжаетъ уже отъ себя²⁾.

Въ Неверскомъ округѣ деревни Dompierre, Saint-Germain-sur-l'Aubois дословно повторяютъ фразистый и цвѣтистый наказъ, составленный для мѣстечка Marseilles-les-Aubigny, гдѣ однако только 2 человѣка могли подписать свое имя³⁾.

Въ Лотарингіи (округъ Epinal) наказъ Saint-Gorgon тожественъ съ Sainte-Hélène⁴⁾.

Какъ же понимать такія заимствованія и какой выводъ можно сдѣлать изъ этого обстоятельства по отношенію къ достовѣрности наказовъ, какъ выразителей дѣйствительныхъ желаній избирателей?

Конечно добавленія и измѣненія въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ текстахъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ о сознательномъ отношеніи къ образцамъ. Но этимъ совсѣмъ не разрѣшается вопросъ о сознательности самихъ избирателей. Вѣдь переработка образца могла быть дѣломъ руководителей собранія или избранныхъ имъ редакторовъ. Приписывать же тутъ починъ самимъ избирателямъ можно только въ томъ случаѣ, когда протоколь или другія данные сохранили слѣды обсужденія въ собраніи тѣхъ измѣнений, которыя затѣмъ были внесены въ текстъ.

Далѣе оптимистическое толкованіе заимствованія возможно (но не всегда) въ тѣхъ случаяхъ, когда типические наказы (*cahiers types*) были такъ сказать доморощеннымъ произведеніемъ, принадлежа перву извѣстныхъ, почитаемыхъ въ околотѣ лицъ и отражая до нѣкоторой степени мѣстныя нужды и господствующее въ данной мѣстности настроеніе. Тутъ допустимо предположеніе, что содержаніе наказа, послужившаго образцомъ, было болѣе или менѣе сознательно одо-

¹⁾ *Duval, Cahiers des villes, bourgs et paroisses du bailliage d'Alençon.* 143. 144. 384. 406. 411. 416.

²⁾ *Pellicer, Cahier des doléances des communes du bailliage d'Epernay en 1789.* (Châlons-sur-Marne 1900). 45, 89, 99.

³⁾ *Cahiers des doléances en 1789.* (Nevers 1896). 41—49. déclaré ne savoir signer sauf les soussignés.

⁴⁾ *Chevreux, I,* 57.

брено сельскими сходами сосѣднихъ деревень, но опять-таки нужно это доказать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, а не довольствоваться предположеніями.

Гораздо труднѣе опредѣлить степень сознательности избирателей, когда наказъ слѣдовалъ образцамъ, присланнымъ по почтѣ, Богъ вѣсть откуда, занесеннымъ случайно или намѣренно, со стороны, чуждымя, незнакомыми людьми или представителями судебнай власти, столичными публицистами и ихъ провинціальными собратіями. Однако и тутъ возможны еще оговорки въ пользу сознательности въ подражанії. Вѣдь образцы очень часто совпадали въ своихъ требованіяхъ съ народными желаніями. При извѣстномъ народолюбіи тогдашней литературы, среди брошюръ, повліявшихъ на составленіе первичныхъ наказовъ, можно отмѣтить замѣчательные произведения, пріобрѣвшія заслуженную извѣстность. Таковъ „cahier de l'Agriculture“, принадлежащий перу Бонсерфа, единомышленника Тюрга и автора знаменитой брошюры объ отмѣнѣ феодальныхъ правъ, которая была сожжена рукою палача и послужила предвѣстникомъ паденія великаго министра. Таковы „instructions de Chevannes“—наказъ, составленный замѣчательнымъ экономистомъ и добросовѣстнымъ изслѣдователемъ народного быта Дюпонть-де-Немуромъ¹⁾. Можно ли утверждать, что эти образцы, оказавшіе сильное вліяніе на наказы Парижскаго округа²⁾ и другихъ мѣстностей Франціи, принимались первичными собраніями всегда автоматически и безсознательно, независимо отъ ихъ первостепенныхъ внутреннихъ достоинствъ?

Такимъ образомъ, если вдуматься въ обстановку составленія первичныхъ наказовъ, то придется отказаться иной разъ отъ произнесенія рѣшительныхъ приговоровъ объ ихъ достовѣрности даже тогда, когда заимствованіе доказано. Такое использование чужаго текста не всегда является, само по себѣ, доказательствомъ отсутствія сознательности, не всегда бываетъ признакомъ беспомощности или равнодушія избирателей, не всегда свидѣтельствуетъ о несоответствіи наказа мыслямъ и дѣйствительнымъ желаніямъ народа. Для того, чтобы утверждать послѣднее, необходимо установление другихъ приводящихъ условій. Такъ рабское, слово въ слово или съ воплющими искаженіями повтореніе чужихъ печалованій не можетъ не возбуждать сомнѣй относительно сознательности въ выборѣ даннаго текста

¹⁾ Bibliothèque Nationale. I. 23—14.

²⁾ Chassin, Elections et cahiers de Paris. IV, 63—73.

сельскимъ людомъ, отъ имени котораго онъ представлялся въ округѣ, въ качествѣ наказа. Самое содержаніе образцовъ было нерѣдко такъ мало доступно пониманію простого человѣка, такъ чуждо младенческому въ иѣкоторыхъ отношеніяхъ міросозерцанію невѣжественнаго народа, что толковать о сознательности тутъ не приходится. Въ этихъ случаяхъ, даже если предполагать долю сознательности избирателей въ выборѣ образцовъ, то обѣ оригинальности или самобытности въ длинномъ рядѣ заимствованныхъ наказовъ не можетъ быть и рѣчи. Въ лучшемъ случаѣ это были компиляціи изъ разныхъ брошюръ или образцовъ. Такимъ чисто механическимъ путемъ политическая программа публицистовъ 1789 г. проникла въ наказы заходустий, гдѣ царила безпросвѣтная тьма, и конечно не по этимъ писаніямъ можно судить о политическомъ развитіи французскаго простонародья въ концѣ XVIII вѣка.

Впрочемъ слѣпое подчиненіе избирателей усмотрѣнію редактора является такимъ же „*testimonium paupertatis*“ наказа, свидѣтельствуетъ о такомъ же безразличіи или беспомощности избирателей, какъ и рабское подчиненіе образцу. Разница только съ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ (при слѣдованіи образцу) пассивность избирателей болѣе бросается въ глаза. На дѣлѣ же, въ обоихъ случаяхъ населеніе оказывается одинаково фiktивнымъ субъектомъ наказа. Съ другой стороны, можно предполагать, что избиратели иной разъ сознательно одобряли образецъ, отвѣчавшій ихъ вкусамъ и потребностямъ, какъ сознательно они могли обсудить и утвердить самостоятельную работу редактора.

Избиратели могли принимать готовый образецъ, который имъ понравился, или выбирать себѣ редактора, которому довѣрили. Это зависѣло отъ обстоятельствъ. Тамъ, гдѣ былъ налицо человѣкъ, способный на самостоятельное творчество, соотвѣтствующее желаніямъ его довѣрителей, тамъ наказъ могъ получать самобытную окраску и печать индивидуальности, если не самихъ избирателей, то по крайней мѣрѣ самого редактора. Тамъ же, гдѣ такихъ лицъ не находилось, тамъ шло подражанье образцамъ,—подражанье сознательное или рабское, смотря по высотѣ умственнаго уровня избирателей и въ зависимости отъ ихъ отношенія къ дѣлу.

Во многихъ случаяхъ невозможно даже провести опредѣленную черту отличія между редакціею наказа и слѣдованіемъ извѣ запечатленному образцу. Таковы наказы, присылавшіеся въ приходы въ го-

товоръ видѣ оть судейскихъ съ тѣмъ, чтобы избиратели ихъ одобрили и подписали.

Въ много разъ упомянутомъ Этампскомъ округѣ наказы фабриковались судейскими для множества деревень: готовый текстъ, тщательно переписанный, посыпался предсѣдателю первичного собрания или синдику деревни, тамъ неизмѣнно одобрялся, подписывался тѣми, кто умѣлъ это сдѣлать, а затѣмъ возвращался въ округъ въ качествѣ наказа данной деревни. То же случилось въ Лектурской сенешоссѣ, если вѣрить маркизу Фодасу, о которомъ шла рѣчь выше.

Въ Бигоррѣ двѣ деревни (Argelès, Bonnemazon), довольно далеко отстоящія другъ отъ друга, представили тожественные наказы, написанные почти сплошь одной и той же рукой на большихъ бѣлыхъ листахъ и хорошимъ почеркомъ; въ обоихъ наказахъ заранѣе оставленное пустое мѣсто для вписанія имени деревни и числа заполнено уже разными почерками. Рико установилъ, что почеркъ второй половины наказа Argelès тожественный съ почеркомъ протокола Сантрапа, подписанного нотаріусомъ Guchan изъ Bagnères, а потому весьма вѣроятно, что наказы были заготовлены въ канцеляріи этого нотаріуса. Тамъ же мѣстечко Tournaud оказалось поставщикомъ 11 наказовъ на маленькихъ листахъ синей бумаги; при этомъ въ наказахъ Goudon, Luc, Mascaras, Otieux, Oueillous, Peutriguère, Ricaud пустое мѣсто для вписанія имени прихода было заполнено (очевидно на мѣстахъ) разными почерками, а въ наказахъ Bernadets-Dessus, Bordes, Ozon, Sinzos имена были вписаны заранѣе. Въ баронніи Angles 6 наказовъ составлены однимъ и тѣмъ же великоколѣпнымъ почеркомъ и почти тожественны по изложенію, при чемъ извѣстно, что деревня Lézignan просила Sentous, адвоката изъ Angles, сдѣлать добавленіе къ мѣстному наказу ¹⁾.

Повсюду можно указать на тожественные или почти тожественные наказы, которые были *заранѣе* ²⁾ заготовлены одновременно для нѣсколькихъ деревень, а не переписывались одной деревней у другой.

¹⁾ Ricaud, 12—17, 19. Рико перечисляетъ еще нѣсколько случаевъ въ томъ же родѣ. Вполнѣ соглашаясь съ заключеніемъ аббата по этому предмету, мы не можемъ одобрить насмѣшиліаго тона, съ которымъ онъ выясняетъ случай Argelès-Bonnemazon.

²⁾ Когда въ числѣ подписей двухъ сходныхъ наказовъ попадается имя одного и того же вліятельного лица, то иногда ясно, что оба наказа—дѣло его рукъ. Такъ, напримѣръ, заключаетъ Mège изъ присутствія подписи bailli въ наказахъ Saint-Dominat, а также Saint-Pardoux-Latour. (Mège, 19).

Видно судейскіе и другіе редакторы были заранѣе увѣрены въ пас-
сивномъ одобреніи ихъ писаній.

Можетъ быть найдутся оговорки въ пользу достовѣрности даже
этихъ наказовъ, какъ источника для изученія подлинныхъ желаній
народа? Можетъ быть. Но намъ пока въ голову не приходитъ ни од-
ного довода въ этомъ смыслѣ и въ общемъ все это производить весьма
неблагопріятное для первичныхъ наказовъ впечатлѣніе.

Распространеніе образцовъ представляетъ до сихъ поръ самый
сильный доводъ для скептиковъ, склонныхъ отрицать народный источ-
никъ наказовъ 1789 года. Естественно, что въ эту точку особенно
сильно уширали прежде всего писатели, сочувствующіе старому по-
рядку и склонные поэтому разъяснять, вмѣстѣ съ Тэномъ, всѣ тѣ
историческія силы и событія, которыя привели къ крушению старыхъ
учрежденій и старого общественнаго уклада Франціи¹⁾). Впрочемъ самъ
Тэнъ наказовъ почти не касался, хотя его считаютъ почему-то глав-
нымъ представителемъ этой точки зренія. Историки противополож-
наго направленія стремились, наоборотъ, ослабить неблагопріятное
впечатлѣніе, производимое подражательными наказами. Большинство
историковъ стало затѣмъ склоняться къ неопределѣленно-хвалебному
теченію, такъ что наказы 1789 г. состоять въ послѣднее время
въ величайшемъ почетѣ, какъ народная святыня, у всѣхъ истори-
ковъ, безъ различія партій. Писатели, сводящіе свои политическія
счеты около французской революціи, одинаково передъ ними прекло-
няются; радикалы хвалятъ ихъ за смѣлые требованія, а консерваторы—
за умѣренность.

Въ настоящее время изслѣдователю наказовъ приходится считаться
уже не съ доводами хвалителей или хулигелей этого памятника ста-
рины, а разбираться между традиціонными похвалами восторженныхъ
поклонниковъ „завѣщанія“ старой Франціи и робкими, но съ каж-
дымъ днемъ все болѣе громко высказываемыми сомнѣніями, относи-
тельно достовѣрности наказовъ, какъ выраженія мнѣній большинства.

Самая ядовитая критика наказовъ принадлежитъ озлобленному
современнику и неудачному кандидату на выборахъ 1789 г., графу
Бенгнот. Въ качествѣ комиссара по составленію Шомонскаго окруж-

¹⁾) *Taine, Ancien régime. 518. (Paris ed. 1876).* Въ сущности Тэнъ почти не
касался наказовъ. Онъ только приводитъ нѣсколько отзывовъ отрицательного ха-
рактера. Но выводъ его тотъ, что судейскіе увѣски за собою народъ, разжигая его
скрытое революціонное чувство. Изъ этого вытекаетъ собственно говоря, что наказы
отражали до нѣкоторой степени дѣйствительное настроеніе народа.

наго наказа, онъ пересмотрѣлъ нѣсколько десятковъ приходскихъ наказовъ: „Ничего замѣчательного не поразило меня въ связкѣ наказовъ, прошедшихъ у меня подъ глазами; конечно, было бы истинно интересно прочесть въ нихъ наивное выраженіе нуждъ и жалобъ третьяго сословія съ одного края Франціи до другого. Тутъ содерялись бы лучшіе элементы исторіи эпохи; но все эти наказы были списаны съ печатныхъ наказовъ, которые тогда ходили по рукамъ, съ нѣсколькими дополненіями, бывшими всегда дѣломъ рукъ мѣстнаго судейскаго (*praticien*). Напримѣръ, въ многочисленныхъ сельскихъ обществахъ, сеньеромъ которыхъ былъ герцогъ Орлеанскій, благовѣйно (*religieusement*) списывался наказъ, составленный аббатомъ Сійесомъ, а то, что къ нему оказывалось кое-гдѣ прибавленіемъ, представляло странный контрастъ съ остальнымъ. Такъ, послѣ требованія строгаго раздѣленія властей законодательной, исполнительной и судебнай, свободы печати, суда присяжныхъ, отмѣны всякаго рабства, жители настаивали, чтобы дворовые собаки были освобождены отъ колодокъ (*billot*)... люди до того дорожили отмѣной колодки, что это требованіе, не смотря на мои настоянія, осталось въ наказѣ бальяжа. Далѣе, послѣ голосованія въ пользу всѣхъ свободъ, уже выскочившихъ изъ мозга аббата Сійеса, жители требовали еще, чтобы имъ разрѣшено было имѣть у себя ружье для защиты отъ волковъ“¹⁾.

Извѣстно, что стѣсненія, о которыхъ здѣсь говорится, связаны были съ правомъ охоты, вызывавшимъ чудовищны злоупотребленія и страшный ущербъ для крестьянскаго хозяйства отъ невѣроятнаго размноженія дичи. Кромѣ чисто хозяйственнаго вреда, монополія охоты была связана со страшнымъ произволомъ въ осуществлѣніи и охраненіи этого права. Такимъ образомъ снисходительное удивленіе Beugnot претензіямъ крестьянъ защищаться отъ волковъ и держать собакъ на свободѣ, не выдерживает критики. Но мы запомнимъ его наблюденія, какъ цѣнное此刻аніе свидѣтеля: приходскіе наказы, имъ разсмотрѣнны, слѣдовали печатнымъ образцамъ, проявляя нѣкоторую самостоятельность только въ добавленіяхъ къ главному тексту, при чемъ особенно настойчиво требовали отмѣны нѣкоторыхъ стѣсненій, связанныхъ съ правомъ охоты.

Два первоклассныхъ историка взялись опровергнуть этотъ приговоръ. Шере и Шампіонъ придаютъ большую цѣнность наказамъ 1789 г., какъ вѣрному выраженію настроенія народа. Въ опровер-

¹⁾ Beugnot (*Comte de*), *Mémoires* (Paris 1866), I, 115, 116.

женіе критики Beugnot, Шерे ссылается, между прочимъ, на личныя побуждения оскорблennаго его самолюбія. Извѣстно, что онъ не быть избраниемъ въ депутаты и, по собственному его признанію, сохранилъ къ избирателямъ Chaumont en Bassigny „безсознательное недоброжелательство“ (*un ressentiment irréfléchi*). Шере иронизируетъ надъ превзительной строгостью (*sévérité la plus dédaigneuse*) графа, а затѣмъ доказываетъ независимость избирателей 1789 г. тѣмъ, что они „съ умѣемъ откинуть реакціонные (?) образцы наказовъ“ и не поддались внушеніямъ вышнихъ сословій (?). Тутъ Шере спуталъ двѣ совершенно различныя вещи: независимость (?) отъ давленія онъ отожествляетъ съ самостоятельностью народа въ творчествѣ ¹⁾). Намъ неизвѣстно, какіе такие „реакціонные“ образцы были отвергнуты крестьянами, но слова Beugnot вполнѣ ясны: по его личному впечатлѣнію, избиратели дали говорить отъ своего имени образованнымъ людямъ, мечтавшимъ о свободѣ печати и судѣ присяжныхъ, а сами крестьяне высказались только въ нѣсколькихъ мелкихъ добавленіяхъ къ наказамъ.

Столь же мало убѣдительны возраженія Шампиона: обрушившись на историковъ, стремящихся будто бы развѣнчать наказы 1789 г., Шампіонъ ловить Beugnot на словахъ, объясняя, что „*Délibérations*“ Сійеса, на которыхъ онъ намекалъ, не могли служить образцомъ для текста наказовъ, что другая брошюра — распространявшаяся герцогомъ орлеанскимъ—„*Instructions*“ составлена не Сійесомъ, а Laclos, что въ ней нѣть рѣчи о судѣ присяжныхъ, что остроты Beugnot тяжелы и неточны ²⁾). Такое отношеніе къ свидѣтельскимъ показаніямъ пимало не колеблеть существа этихъ показаній, которая подтверждаются самимъ содержаніемъ многаго множества наказовъ, выходившихъ изъ самыхъ глухихъ медвѣжьихъ угловъ тогданшней Франціи.

Извѣстный знатокъ старой Франціи—Бабо, пересмотрѣвъ 251 наказъ въ архивахъ департамента Aube (Шампайя), отмѣчаетъ недостатокъ

¹⁾ *Cherest, Chute de l'ancien régime.* II, 406 — 408. Доказывая независимость избирателей, авторъ увлекается до того, что приписываетъ сознательный характеръ наказу, въ которомъ угрожали королю низложениемъ (*déroiter*). Объ этомъ очень любопытномъ, но совсѣмъ не характерномъ для того времени эпизодѣ см. выше.

²⁾ *Champion, Conversion du comte D'Albretagnes.* (Paris 1894) 31, 32. Отдѣльный оттискъ статьи помѣщенныхъ въ „*Révolution française*“ съ января по мартъ 1894 года.

статочную самостоятельность сельскихъ наказовъ округа Troyes. По міжнію Бабо, городскія корпораціі главнаго города округа представили болѣе разнообразныя (*variés*), менѣе блѣдныя (*vagues*) произведенія и меньшее подчинялись образцамъ (*formulaires*) или сосѣднимъ наказамъ (*cahiers voisins*). Свыше 20 деревенскихъ приходовъ округа заимствовали свое содержаніе въ весьма удачномъ наказѣ *Aumont*¹⁾, далѣе наказы *Saint Phal*, *Chamoy*, *Cresantigues*, *Jeuigny* составлены по одному трафарету, въ которомъ видна рука священника²⁾. Въ другомъ мѣстѣ³⁾ Бабо замѣчаетъ, что первичные сельскіе наказы недостаточно оригинальны и слишкомъ часто вылиты въ одну форму.

То-же впечатлѣніе вынесъ аббать *Allain*⁴⁾, перелиставшій 119 неизданныхъ наказовъ Жиронды: во многихъ онъ нашелъ „реторичность и отвлеченную болтовню (?) брошюре того времени“ съ явными стѣдами влиянія судейскихъ.

„Что бы тамъ ни говорили“, замѣчаетъ аббать, а образцы, часто“ воспроизводятся въ наказахъ и значительное большинство наказовъ Жиронды можетъ быть сведено къ 2 или 3 типамъ наказовъ, добросовѣстно переписанныхъ „для разныхъ селъ и мѣстечекъ“, т.-е. подтверждается то, что научно установлено для другого края Франціи изслѣдованиемъ *Legrand et Marquis*.

Изслѣдователь наказовъ Ланского округа—Флери приходитъ къ подобному же заключенію: только сравнительно не многіе сельскіе наказы этой мѣстности „не ограничиваются банальнымъ воспроизведеніемъ нѣкоторыхъ формулъ“, присланныхъ изъ Парижа или изъ Лана. Многіе приходы „давали себѣ только трудъ переписать“ образцы. Не отрицая, наряду съ этимъ, существованія оригинальныхъ наказовъ, Флери находитъ однако, что слишкомъ часто“ избиратели „рабски переписывали образцы, полученные извѣтъ“ и слишкомъ часто первичные наказы отличаются рабствомъ по формѣ и абсолютнымъ отсутствиемъ непосредственности“. Флери думаетъ, что крестьяне Вермандуа, часто совсѣмъ безграмотные, не могли бы предъявить столь едино-

¹⁾ По словамъ Бабо, политическій вопросъ весьма ужью связанъ здѣсь съ доступными крестьянскому уму податнымъ требованиями, но достоинства образца ничего само по себѣ не доказываютъ въ смыслѣ сознательности избирателей.

²⁾ *Babeau*, *Histoire de Troyes pendant la Révolution*. I, 111, 113, 115, 127.

³⁾ *Babeau*, *L'école de village* (Paris 1881) 37. leur défaut d'originalité; ils sont trop souvent jetés dans le même moule.

⁴⁾ *Allain* (abbé), *La question de l'enseignement en 1789 d'apr s les cahiers* (Paris 1886). *Introduction*, 3—4.

образныхъ требованій въ наказахъ, если бы не замѣщалось тутъ руководящее вліяніе со стороны ¹⁾.

Другой историкъ, разбиравшій наказы того же округа, Combier пришелъ однако къ прямо противоположному выводу. Для него большинство первичныхъ наказовъ—не „рабскія произведенія“ (*oeuvres serviles*), а представляютъ большое разнообразіе (*variété extrême*). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не отрицає вліянія образцовъ (des formulaires, certaine direction et des cahiers imprimés, sans doute), „но эти образцы были выраженіемъ желаній избирателей. Въ противномъ случаѣ населеніе ихъ бы не подпісало“ (*sic!*). Combier настаиваетъ, что „проектъ, формула, наказъ, не выражающій желаній (населенія) не получиль бы одобренія... Въ виду характера населенія этой мѣстности, заинтересованныя лица потеряли бы свое время (!)“. Подобные доводы представляютъ логическую ошибку именуемую *petitio principii*. Въ доказательство своей мысли, историкъ приводить не безспорное основаніе, а логический выводъ изъ того самого положенія, которое онъ хотѣлъ доказать. Конечно редакторы, желавшіе выразить мысли, противныя убѣжденію избирателей, не добились бы своей цѣли, если бы послѣдніе сознательно отнеслись къ этой работе. Но вѣдь это именно прежде всего требовалось доказать, а не ссылаться на сознательность, которая и составляетъ предметъ спора. Авторъ не даетъ себѣ даже яснаго отчета въ существѣ поднятаго имъ вопроса. Такъ, признавъ широкое распространеніе слѣдованія образцамъ, онъ продолжаетъ: „но справедливо ли говорить, что духовенство и дворянство дали сигналъ преобразованіямъ?“ Никто этого и не утверждаетъ. Сигналъ преобразованіямъ дало не то или другое сословіе, а интеллигентія, набиравшаяся изъ всѣхъ сословій, и пра-

¹⁾ Fleury, *Elections aux Etats Généraux de 1789. Introduction* (8.9). 120—124. Изъ образцовъ Флері указываетъ на Moussy-sur-Aisne, Craonne (образецъ для винодѣльческихъ селеній) и т. д. Du reste, soit qu'ils copiaissent servilement les modèles reçus du dehors,—car cela arriva trop souvent, et s'il y a des doléances curieuses et intéressantes comme originalité, il en est plus encore qui sont regrettables, comme servilisme de la forme et absence absolue de spontanéité;—soit qu'ils n'en prissent que la pensée, on sentait que tous ces cahiers étaient inspirés par la même direction. Des paysans, souvent tout-à-fait illétrés... n'auraient pas convergé avec autant d'ensemble vers une pareille unité de reclamations, s'ils n'eussent obéi à un mot d'ordre parti de haut et que des emissaires actifs propageaient dans les campagnes. Напрасно только авторъ сводить все общественное возбужденіе къ интригамъ герцога Орлеанскаго. Дѣло заключалось въ пропагандѣ всего образованаго общества, при дѣятельномъ участіи судейскихъ.

вительство. Вопросъ же заключается въ томъ, кому принадлежить большая часть требованій первичныхъ наказовъ: интеллигентіи или народу? Этого простого вопроса авторъ не съумѣлъ поставить, а потому толчется на мѣстѣ, подобно многимъ своимъ собратіямъ по перу¹⁾.

То же можно сказать относительно издателя первичныхъ наказовъ Алансонского округа—Duval, находящаго въ большинствѣ случаевъ, наряду съ пятью или шестью явно списанными наказами, черты „несомнѣнной искренности и оригинальности“. Что же разумѣть авторъ подъ искренностью и оригинальностью? Достаточно взглянуть на наказъ Belfonds, „могущій, по его мнѣнію, служить образцомъ для всѣхъ деревенскихъ наказовъ“: въ этомъ восторженно расхваленномъ имъ произведеніи говорится отъ имени населенія о слѣдующихъ предметахъ—о самообложениіи французской нації, какъ основной чертѣ ея конституціи, о дефіцитѣ, о неріодичности штатовъ, отвѣтственности министровъ, о приличествующемъ, при монархическомъ строѣ, почтѣніи къ высшимъ сословіямъ, о Блуасскихъ генеральныхъ штатахъ и поголовной подачѣ голосовъ! Этотъ наказъ очень хорошъ въ смыслѣ сжатости изложенія, но неужели Дюваль серіозно думаетъ, что простонародье въ Belfond дѣйствительно высказало эти требованія на первичномъ собраніи или вполнѣ сознательно къ нимъ примкнуло? ²⁾ Издатель полемизируетъ съ Тэномъ. Конечно съ Тэномъ можно и должно во многомъ не соглашаться, но нужно для этого пользоваться надежнымъ оружиемъ.

¹⁾ Combier. Cahiers du tiers état du bailliage de Laon en 1789. (Senlis 1889). 143, 153, 154. Idem. Cahiers des doléances de Crécy-sur-Serre en 1789. (St Quentin 1874). Idem. Etats généraux de 1789. Doléances de Chatillon-les-Sons, Dercy, Mesbrecourt, Montigny-sur-Crécy, Mortiers, Pargny, Pouilly et Sons. (Laon 1877) 4. la trace d'un modèle... Néanmoins tous ces cahiers ont leur originalité, surtout quand les paroisses mettent évidence leurs intérêts personnels. Изъ самого заглавия двухъ посѣднихъ брошюръ видно, что Combier издалъ не сколько наказовъ Ланского округа. Одинъ изъ нихъ (Pargny-les-Bois) очень хорошъ, но это еще не значитъ, что онъ былъ достовѣрнымъ изложеніемъ желаній избирателей. Что же касается прочихъ наказовъ, то они фразисты, безцѣльны (Crécy-sur-Serre), или столь явно носятъ следы заимствованія, что авторъ не можетъ отрицать въ нихъ „слѣдовъ образца“, хотя все-таки настаиваетъ на ихъ „оригинальности“, т. с. утверждать, что вариантъ какого-нибудь текста есть новое оригинальное произведеніе, а не вариантъ!

²⁾ Duval, Cahiers des villes, bourgs et paroisses du bailliage d'Alençon. (Alençon 1887). Préface 11—17.

Столь же мало доказательно заявление Boivin-Champeaux (историка выборовъ въ округѣ Еvreux), что „первичныя собранія съумѣли избѣгнуть рабскаго подражанія“, ибо, за немногими исключеніями, большинство наказовъ этого округа отличается оригинальностью и самостоятельностью¹⁾. Полагаться на подобное впечатлѣніе невозможно, такъ какъ авторъ не объясняетъ, что онъ разумѣеть въ данномъ случаѣ подъ самостоятельностью, отъ кого эта самостоятельность зависѣла (отъ редакторовъ или отъ избирателей) и въ чёмъ она проявилась: не въ вариантахъ ли, которые, какъ было указано, невозможно отожествлять съ оригинальностью и самобытностью нѣкоторыхъ истинно народныхъ наказовъ?

Историкъ Вандеи, Port тоже склоняется къ мысли о самостоятельности первичныхъ наказовъ, но выражаетъ это гораздо осторожнѣе и научнѣе: „одинъ выборъ статей свидѣтельствуетъ о настроеніи, проникающемъ по крайней мѣрѣ избранника, импровизированнаю редактору народныхъ печалованій. Всюду видна вдумчивая работа, устраивавшая, добавлявшая, исправлявшая во многихъ отношеніяхъ (требование образцовъ), придающая точность и пріурочивающая (ихъ) къ условіямъ мѣстности“²⁾. Это замѣчаніе можетъ быть вполнѣ основательно по отношенію къ Анжуйскимъ наказамъ, но имъ не разрѣшается поставленный нами вопросъ: кому принадлежитъ эта творческая работа тамъ, гдѣ она налицо: редакторамъ и руководителямъ собраній, или самимъ избирателямъ, намѣтившимъ или сознательно одобрившимъ измѣненія въ текстѣ образцовъ.

Аббатъ Puisieux, разбиравшій наказы Шалонскаго округа, также находить въ нихъ „сильный отпечатокъ самобытности“³⁾, наряду съ несомнѣнными слѣдами вліянія многочисленныхъ брошюръ и образцовъ: тутъ опять остаются открытыми вопросы, кто внесъ сознательность въ самое подражаніе и въ чёмъ она заключалась?

Конечно, такими сужденіями и голословными впечатлѣніями не исчерпывается аргументація историковъ, стремящихся устраниТЬ возможность отрицательного приговора относительно первичныхъ наказовъ. Среди защитниковъ самобытности наказовъ, можно указать

¹⁾ Boivin-Champeaux. Notices historiques sur la Rевolution dans l'Eure. (Evreux 1868). 16.

²⁾ Port, La Vend e Angevine I, 41, 42, 44, 45, 51, 52, курсивъ нашъ.

³⁾ Puisieux (abb ), Cahiers du tiers 脡tat rural de Chalons-sur-Marne (Chalons 1884). 7—10. Un vigoureux cachet d'originalit .

многихъ крупныхъ историковъ, въ томъ числѣ лучшихъ изслѣдователей предмета, съ мнѣніемъ которыхъ нельзѧ не считаться. Поэтому на доводахъ ихъ необходимо остановиться подробнѣе.

Таковъ Шассенъ, внесшій цѣнныи вкладъ въ изученіе избирательной пропаганды 1789 г. и весьма обстоятельно изслѣдовавшій эти самые образцы, столь смущающіе скептиковъ. Но Шассенъ не поддается чувству сомнѣнія, указывая на разнообразіе (*variété*) содержанія и формы наказовъ. Слѣдовательно, разсуждаетъ онъ, Франція не приняла безъ обсужденія принципы, провозглашенные публицистами, т. е. отнеслась къ нимъ сознательно. Онъ иѣсколько разъ возвращается къ той же темѣ¹⁾. Франція не повторяла программы публицистовъ „на подобіе ребенка, повторяющаго слово урокъ, ему непонятный“, Франція быстро освоилась съ предложенной ей программой, „обсудила ее, статья за статьей, въ тысячахъ избирательныхъ собраний и подъ конецъ приняла ее цѣликомъ съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и логикой“. Франція не рабски повторяла формулы иѣсколькихъ геніальныхъ французовъ, а приняла ихъ готовую программу потому, что нашла ее соотвѣтствующей справедливости и пользѣ страны.

Эти фразы сводятся къ одному, основному умозаключенію, повторяемому на разные лады многими другими историками: наказы представляютъ извѣстное разнообразіе, слѣдовательно колективный избиратель—Франція отнеслась сознательно къ программѣ публицистовъ.

Уже первая посылка этого силлогизма вызываетъ недоумѣніе. Конечно разнообразіе, жизненность, потрясающее красорѣчіе многихъ наказовъ, бывшихъ плодомъ самостоятельного творчества, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но рѣчь идеть въ данномъ случаѣ о многочисленныхъ наказахъ, которые составлены подъ вліяніемъ образцовъ, но не рабски имъ слѣдуютъ, а представляютъ болѣе или менѣе значительныи уклоненія и варианты къ основному тексту (*type*). Шассенъ (а за нимъ Combier) видѣть въ этомъ доказательство самостоятельности. Но съ такимъ же правомъ Fleury доказывалъ прямо обратное на основаніи наказовъ того же самого характера: единство тона, направленія и мысли, проникающее множество наказовъ самыхъ различныхъ мѣстностей, свидѣтельствуетъ, по его мнѣнію, о руководящемъ вліяніи со стороны. Съ такимъ же правомъ историкъ Перигора Bussière²⁾,

¹⁾ Chassin, Géui de la Révolution. I, 145—150, 240, 241, 262.

²⁾ Bussière, Études historiques II, 68. fidèle dans l'ensemble. On en a la preuve dans la pensée suffisement concordante qui se dégage des cahiers, malgr  leur nombre et la diversit  de leurs formules.

признавая наличие этого единообразия, заключает наоборотъ, что наказы отражаютъ действительное настроение большинства, обусловленное общими условиями общественной жизни¹⁾). Подражательные наказы представляютъ, действительно, известное единство въ многообразии, но для научной постановки вопроса необходимо выяснить: 1) степень и взаимное отношение единства къ разнообразию, 2) источникъ послѣдняго, т. е. кому именно принадлежать начинь въ измѣненіяхъ, дополненіяхъ и сокращеніяхъ текстовъ, служившихъ образцами: самимъ избирателямъ или руководителямъ первичныхъ собраний, поставщикамъ, составителямъ и переписчикамъ наказовъ? Шассенъ этого вопроса не разрѣшаетъ, а потому первая посылка его основного силлогизма (наказы представляютъ известное разнообразие) не имѣеть никакой силы.

Большія недоразумѣнія возбуждаютъ и вторая посылка Шассена, построенная на противоположеніи „Франціи“ и „публицистовъ“. Что такое „Франція“, которая такъ сознательно отнеслась къ программѣ публицистовъ? Шассенъ понимаетъ ее тутъ, какъ отвлеченную націю, а не какъ живую совокупность думающихъ и чувствующихъ людей. Франція въ 1789 г. представляла собою многоголовую, взбудораженную народную толпу, руководимую отчасти правительствомъ, а отчасти интеллигентіей, т.-е. просвѣщенной и фронтирующей частью дворянства, поднимавшей голову буржуазіей и недовольнымъ сельскимъ духовенствомъ. Что такое тѣ „публицисты“, къ программѣ которыхъ Франція отнеслась сознательно? Они были плотью отъ плоти и кровью отъ крови той же самой Франціи, а главное, они сами являлись редакторами наказовъ. Одни изъ нихъ были прославленными писателями, какъ Дюпонть-де-Немуръ, другіе — полуобразованными деревенскими обывателями, но всѣ редакторы наказовъ, при всемъ различіи ихъ образования и таланта, принадлежали къ интеллигентіи, являясь въ известномъ смыслѣ публицистами, когда составляли наказы. Не удивительно, если они отнеслись болѣе или менѣе сознательно къ „про-

¹⁾ Такимъ образомъ изъ сходныхъ посылокъ разные историки выводятъ прямо противоположныя заключенія и отъ различныхъ посылокъ приходятъ къ общимъ выводамъ, смотря по вкусу каждого. Получается эрѣмиче довольно печальное: Флер и Бюссіеръ ссылаются на единство направленія наказовъ для того, чтобы прийти къ прямо противоположнымъ выводамъ, а Шассенъ въ Комбѣ, настаивая, наоборотъ на разнообразіи наказовъ, сходится съ выводомъ Бюссіера, построеннымъ на противоположномъ утвержденіи. Эта невѣроятная путаница и произвольность толкованій показываетъ, что такъ решать вопросы нельзя.

граммъ публицистовъ", т.-с. говоря проще, не всегда рабски списывали содержаніе брошюры, когда подчинялись образцу. Даѣше, что такое „программа публицистовъ“, о которой говоритъ Шассенъ? Публицистика конца XVIII в. была одушевлена дѣйствительно общимъ стремленіемъ къ преобразованіямъ въ смыслѣ обезпечениія всѣмъ людямъ равныхъ правъ человѣка и гражданина. Но каждое сословіе, каждая корпорація, каждая политическая группа понимала это по своему и приспособляла общий идеалъ къ своимъ сословнымъ, корпоративнымъ, партійнымъ интересамъ, а главное къ различно понимаемымъ экономическимъ потребностямъ страны. Такимъ образомъ одной, определенной „программы публицистовъ“ конечно не было, хотя всѣ писатели XVIII в. одушевлены общимъ духомъ народолюбія и свободолюбія. Программы и различныхъ оттѣниковъ мысли было очень много и проводились онѣ въ тысячахъ варіантовъ, въ различныхъ писаніяхъ различныхъ авторовъ, составлявшихъ брошюры и образцы наказовъ. Уже это одно разнообразіе содержанія многихъ тысячъ различныхъ сочиненій могло служить источникомъ огромного разнообразія, даже при рабскомъ отношеніи къ образцамъ. Рассужденіе Шассена было бы доказательно только въ томъ случаѣ, если бы во всѣхъ городахъ и деревняхъ Франціи образцомъ для составленія наказовъ послужила одна и та же брошюра или рукопись: тогда можно было бы отнести все разнообразіе содержанія и формы внушенныхъ ими наказовъ не счетъ самодѣятельности населения или его руководителей. На дѣлѣ же было совсѣмъ другое. Брошюры и образцовъ ходило по рукамъ множество, содержаніе и форма изложенія представляли огромное разнообразіе. При такихъ условіяхъ составители наказовъ выѣсто рабского слѣдованія одному образцу компилировали иногда наказъ изъ различныхъ образцовъ. Возьмемъ для примѣра изученные Шассеномъ 453 наказа Парижского округа „extra muros“, и поищемъ въ нихъ „программу публицистовъ“. Здѣсь были распространены 3 печатныхъ образца, составленныхъ разными лицами (Leveillard, Darigrand, La Cretelle). Конечно эти образцы не поглощаютъ (*ne remplacent cependant pas*) первичныхъ наказовъ Парижского округа, представляющихъ большее разнообразіе. Но Шассенъ, въ другомъ мѣстѣ, указывалъ еще на брошюру Бонсерфа и наказъ Дюпонть-де-Немура, а кромѣ того на программу, выработанную сельскимъ духовенствомъ, оказавшимъ сильное вліяніе на работу первичныхъ собраний столичнаго округа¹⁾. Итого 5

¹⁾ Chassin, *Elections et cahiers de Paris IV*, 63—73.

образцовъ, не считая множества брошюръ, ходившихъ по рукамъ и вліявшихъ на редакцію наказовъ Парижскаго округа. Такимъ образомъ, даже безо всякаго самостоятельнаго творчества можно было бы составить весьма „разнообразные“ наказы, сшивая ихъ изъ лоскутковъ, т.-е. выбирая по своему вкусу или даже совершенно случайно различныя статьи изъ разныхъ образцовъ. Число такихъ компиляцій равнялось бы математическому количеству возможныхъ сочетаній изъ суммы статей и требованій, разбросанныхъ въ различныхъ образцахъ. Неужели такое разнообразіе является доказательствомъ самостоятельности? Правда, въ наказахъ Парижскаго округа попадаются, наряду съ заимствованными наказами, очень цѣнныя, очень замѣчательныя и очень самостоятельныя наказы, правда и то, что такие же наказы попадаются и въ другихъ частяхъ Франціи, но самъ Шассенъ знаетъ ¹⁾, что это не общее правило. Онъ даже считаетъ это за исключение. Недаромъ онъ самъ присоединился къ скептическому отзыву Dugast-Matifeux относительно первичныхъ наказовъ и придавалъ извѣстное значеніе дѣйствію давленія на выборахъ 1789 года ²⁾). Изъ всего этого вытекаетъ, что восторженныя, но недостаточно точныя рѣчи Шассена относятся не къ сознательности самихъ избирателей, а къ редакторамъ наказовъ, т.-е. къ интеллигенціи. Изъ этого увы, далеко не слѣдуетъ, что народъ французскій, т.-е. большинство членовъ первичныхъ собраний, сознательно усавивало и одобряло содержаніе „программы публицистовъ“, когда подписывалось подъ наказомъ или принимало его „par acclamation g n rale“.

То же стремленіе доказать самостоятельность иныхъ наказовъ, не смотря на слѣдованіе образцамъ, замѣчается также у первокласснаго историка крушенія старого порядка—Шере. Онъ возстаетъ противъ „извѣстной исторической школы, которая повидимому задалась цѣлью умалить интересъ, связанный съ наказами... подъ тѣмъ предлогомъ, что это не плодъ свободнаго и непосредственнаго движенія общественнаго мнѣнія (opinion populaire), но что они почти все списаны съ образцовъ руководителями и навязаны ихъ агентами слѣпымъ, послушнымъ массамъ. Если читать то, что наперерывъ печатается въ наши дни, то можно подумать, что Франція 1789 г. не знала точно, чего она хотѣла, и, внезапно призванная высказаться, не имѣла другого вы-

¹⁾ См. выше.

²⁾ Chassin, G nie de la R volution, I, 262, 161. Les privil gi s triomphent dans un trop grand nombre de paroisses.

хода, какъ машинально поворять заданные ей уроки. Какъ ни невѣроятной кажется теорія, противорѣчащая явнымъ фактамъ, но она насчитываетъ нынѣ столькихъ послѣдователей (?), она ежедневно приобрѣаетъ такое распространеніе „..... что Шерे считаетъ себя обязаннымъ вмѣшаться въ споръ. Въ дѣйствительности такой школы, задавшейся цѣлью развѣнчать наказы, нѣть, а просто съ каждымъ днемъ ростетъ число доказательствъ несамостоятельности многихъ (не всѣхъ) наказовъ. Конечно Шерѣ слишкомъ добросовѣстенъ, чтобы отрицать широкое распространеніе образцовъ: онъ признаеть, что „ихъ было даже много, безконечно больше, чѣмъ это говорятъ и думаютъ историки, жалующіеся на это, какъ на посягательство противъ неестественноти“. Мало того, онъ готовъ даже обобщить случай, приводимый Тэномъ, относительно покупки наказовъ въ Лектурской сенешоссѣ¹⁾). Но такова ужъ сила идеализаціи наказовъ, что такой крупный мыслитель, какъ Шерѣ, безпристрастіе котораго стоитъ притомъ виѣ сомнѣнія, замѣчаетъ то, чего нѣть, и не видитъ того, что есть на самомъ дѣлѣ. Изъ наличности огромнаго разнообразія (*diversité prodigieuse*) образцовъ онъ выводить, что „если избиратели не имѣютъ заслуги творчества, они сохраняютъ рѣшающую свободу выбора“ между тѣмъ или другимъ образцомъ. Такимъ образомъ, въ пылу полемики Шерѣ повторяетъ обычную логическую ошибку, именуемую „*répitio principii*“ — вѣдь надо сперва доказать, что *сами* избиратели *сознательно*, а не случайно, выбирали текстъ для подражанія и что въ различныхъ мѣстностяхъ были распространены приблизительно тѣ же образцы! Изъ свидѣтельства (требуемаго провѣрки) о покупкѣ наказовъ Шерѣ заключаетъ: „безъ сомнѣнія (избиратели) находятъ въ нихъ точное изображеніе чувствъ, ихъ одушевляющихъ, разъ они придаютъ такую цѣну ихъ (образцовъ) пріобрѣтенію“. Это говорится о крестьянахъ Лектурской сенешоссѣ, не умѣвшихъ объ-

¹⁾ *Cherest*, II, 401. *Taine*, *Ancien régime*, I, 519. Съ Шерѣ тутъ вышло ма- ленькое недоразумѣніе, доказывающее, что онъ не изучалъ (или мало изучалъ) источники по созыву генеральныхъ штатовъ 1789 г. Шерѣ заявляетъ, будто Тэнъ не указалъ на источникъ этого свидѣтельства. Между тѣмъ на стр. 518 Тэнъ ссылается на письмо маркиза Фодосса, откуда это свѣдѣніе взято. Но Шерѣ былъ сбитъ съ толку тѣмъ обстоятельствомъ, что Тэнъ, въ интересахъ выпуклости изложенія, вставилъ между двумя отрывками письма Фодосса цитату изъ письма интенданта Турскаго. Поэтому Шерѣ, не заглянувшій въ подлинникъ, вообразилъ, что второй отрывокъ письма Фодосса взять изъ неизвѣстнаго источника. Эта мелочь показываетъ, что наказы и выборы 1789 г. разобраны у Шерѣ только мимоходомъ, но это нисколько не умаляетъ его великихъ заслугъ въ остальныхъ областяхъ изученного имъ предмета.

ясняться по французски! Наконецъ Шерे взываетъ къ „простому здравому смыслу“: Никакое представительное собрание не можетъ обойтись безъ руководительства и всегда поводомъ для обсужденія является какой-нибудь готовый проектъ. Послѣ этого правильного, но не идущаго къ спору замѣчанія¹⁾, онъ заключаетъ, что нельзя было объявить всѣмъ созваннымъ въ 1789 г. французамъ: „Такого-то дня, въ такой-то часъ, вы соберетесь и въ первый разъ вашей жизни вы выскажете ваше мнѣніе о желательныхъ политическихъ и соціальныхъ преобразованіяхъ въ учрежденіяхъ вашей страны, въ ея администраціи... однимъ словомъ обо всемъ, что вамъ придется въ голову, de opini re scibili et quibusdam aliis. Но для того, чтобы выраженные вами сужденія принадлежали исключительно вамъ, вы не воспользуетесь никакой канвой, не прибѣгнете ни къ какому плану. Вы будете говорить по памяти и отъ избытка души. Вы говоритесь между собой сейчасъ же и рѣшеніе, принятое вами безо всякой помощи, вы проредактируете также безо всякаго образца“.

Остроумное сравненіе опять-таки дѣла не выясняетъ, ибо между чуткостью къ пропагандѣ и рабскимъ слѣдованиемъ образцу лежитъ цѣлая пропасть. Этимъ разсужденіямъ можно противопоставить не менѣе остроумныя, но болѣе жизненные слова субдегата Абвильскаго: „пощупайте себя“, говорилъ онъ обращавшимся къ нему обычательямъ, „не спрашивають, где боль, когда ее чувствуютъ“. Дѣйствительно, первичнымъ собраниемъ предстояло прежде всего говорить о своихъ боляхъ и нуждахъ, а планы преобразованій (на которые такъ тароваты образцы) можно было предоставить тѣмъ, у кого эти планы дѣйствительно имѣлись, т.-е. просвѣщенными гражданамъ и господамъ буржуза, заставившимъ въ городскихъ и окружныхъ собраніяхъ. Далѣе Шере высказываетъ также справедливую, но опять къ дѣлу не идущую мысль, что нужно различать между слѣдованіемъ образцу и „плагиатомъ или рабскимъ подражаніемъ“. Совершенно вѣрно. Но въ чемъ видѣть Шере доказательство того, что первичные наказы не были никогда плагиатомъ, понадерганнымъ изъ брошюр? Въ

¹⁾ Мы уже показали, въ чёмъ должно было заключаться подобное руководительство для того, чтобы наказы вѣрно передавали желанія бозьшинства. Конечно, наличность предварительного проекта, какъ канвы для обсужденій, можетъ быть весьма полезна. Но это не значитъ, что такой текстъ можетъ замѣнить и поглотить обсужденіе мыслей и желаній избирателей на первичномъ собраніи. А между тѣмъ вопросъ заключается именно въ этомъ и слова Шере ничуть не устраниютъ данного смысла.

томъ, что люди 1789 г. не стыдились признавать (!) эти заимствованія даже въ окружныхъ наказахъ: „Они указываютъ на мотивы своего поведенія съ откровенностью совершенно чистой совѣсти и съ тономъ людей, знающихъ, что никто вокругъ не подумаетъ ихъ обвинять въ отречениіи отъ своей свободы воли на томъ основаніи, что они воспользовались (образцами), считая это наиболѣе соотвѣтствующимъ интересамъ страны“¹⁾. Наконецъ Шере указываетъ на самостоятельность наказовъ, какъ на нѣчто совершенно очевидное, не требующее даже доказательствъ, если самъ читатель потрудится заглянуть въ наказы: эти наказы — налицо, образцы — тоже, стоять только ихъ сравнить, чтобы убѣдиться въ ихъ разнообразіи. Но самъ Шере²⁾ этой „легкой“ работы за читателя не сдѣлалъ (и не могъ бы сдѣлать), а мы съ своей стороны неоднократно показывали и показаемъ впереди, что этой очевидности совсѣмъ нѣть на самомъ дѣлѣ. Что касается разнообразія въ вариантахъ, примыкающихъ къ образцамъ, то отсюда весьма далеко до самостоятельности и оригинальности по существу, а главное совершенно не доказано, чтобы сами избиратели были источникомъ этой оригинальности или самостоятельности. Во всякомъ случаѣ слабость этихъ доводовъ, лучше которыхъ не могъ ничего придумать замѣчательный историкъ и лучшій изслѣдователь крушенія старого порядка,—полная несостоятельность этой аргументаціи способна только усилить скептическое отношеніе къ цѣлому ряду заимствованныхъ наказовъ.

Издатель наказовъ Па-де-Кале, Loriquet протестуетъ противъ „легкомыслія“ людей, утверждающихъ, будто наказы были „рабскими и пустыми копіями“ заранѣе напечатанныхъ и разосланныхъ избирательными агентами образцовъ. При этомъ онъ впадаетъ, подобно многимъ другимъ, въ petitio principii, утверждая, что въ наказы попадали изъ образцовъ только тѣ статьи, которая полно, точно и ярко выражали жалобы и надежды избирателей. Списываніе наказовъ съ єдиныхъ приходовъ онъ объясняетъ тѣмъ, что люди „сговариваются съ сосѣдями, совѣстно обсуждаютъ и вырабатываютъ общія жалобы“. Затѣмъ онъ ссылается на добавленія къ образцамъ, какъ на признакъ сознательности, хотя самъ же приписываетъ ихъ составленіе инициативѣ редакторовъ и руководителей, а не самихъ избирателей³⁾.

¹⁾ Cherest. Chute de l'ancien régime, II, 399—406.

²⁾ Idem, II, 408.

³⁾ Loriquet, Cahiers de doléances de 1789 dans le département du Pas-de-Calais. (Arras 1891) I, avant— propos 99 — 100. Это не „vaines copies de cadres imprimés

Издатель и основательный знатокъ наказовъ Версальскаго округа Thenard тоже увлекается полемическимъ жаромъ въ стремлениі опровергнуть „нублицистовъ“, не боящихся утверждать, будто наказы воспроизвели образцы, пересылаемые въ города и деревни“. Онъ обвиняетъ „тѣхъ, кто создаетъ себѣ оружіе изъ этого фантастического заявленія для ослабленія авторитета наказовъ“, въ невнимательномъ чтеніи ихъ по подлинникамъ. Къ сожалѣнію, Тенаръ въ свою очередь основываетъ это утвержденіе не на сырьемъ материалѣ, а на общихъ соображеніяхъ, совершенно не выдерживающихъ критики. Прежде всего онъ объясняетъ черты сходства между наказами сходствомъ неустройствъ, отъ которыхъ страдали избиратели, а слѣдованиемъ образцамъ—тѣмъ, что составители послѣднихъ ясно сознавали сущность необходимыхъ преобразованій (сплошная *petitio principii*). Еще менѣе серіозны указанія Тенара на политическую зрѣлость французскаго народа: „Нѣкоторыя люди вообразили, что поколѣніе 1789 года, а именно крестьяне, земледѣльческій, трудящійся народъ, не имѣлъ, вслѣдствіе низкаго уровня умственнаго развитія, никакого понятія объ общественномъ устройствѣ“. Въ отвѣтъ на это Тенаръ ссылается на всеобщее лихорадочное возбужденіе, охватившее Францію: при такихъ условіяхъ „умы закаляются скоро, возбуждаются, охватываются шире, чѣмъ можно ожидать при обычномъ течениі жизни“. На основаніи подобныхъ общихъ мѣстъ, рисуется картина составленія наказовъ въ окрестностяхъ Парижа: редакторъ излагалъ дѣйствительныя мысли и желанія избирателей, а послѣдніе собирались для обсужденія черноваго текста, при чемъ каждый избиратель „могъ“ представить свои замѣчанія и указать на недочеты. Возражая историкамъ, для которыхъ политическія требованія первичныхъ [наказовъ] представляются банальными фразами, Тенаръ иронически замѣчаетъ: король Людовикъ XVI имѣлъ болѣе высокое представление о разумѣніи своихъ подданныхъ, чѣмъ „нѣкоторые историки нашихъ дней...“ Такимъ доводамъ нѣть мѣста въ наукѣ и они тѣмъ болѣе странны, что су-

d'avance et colportés par des courtiers électoraux.... emprunté à ces écrits des articles qui présentaient sous une forme très complète, très précise et très saisissante, l'expression de leurs plaintes et de leurs espérances. Peut-on..... reprocher à d'autres, qui n'avaient pas ces guides, de s'être abouchées avec leurs voisines et d'avoir de concert discuté et élaboré des doléances communes?

Les reclamations particulières que contient chacun de ces cahiers nous montrent surabondamment l'activité des redacteurs ruraux et impriment à leur oeuvre un caractère de personnalité».

жденія Тенара¹⁾), когда онъ не увлекается войной съ публицистами, а стоять на почвѣ фактovъ, представляютъ большую цѣнность.

Издатель наказовъ Оверни, Mège высказывается въ томъ же смыслѣ, хотя и съ меньшимъ задоромъ, при чемъ его замѣчанія относительно обстановки первичныхъ выборовъ, въ высшей степени цѣнны. Въ Оверни были распространены брошюры и образцы, которыми нѣкоторые наказы слѣдовали почти буквально. Мало того, „едва ли можно найти сельскіе наказы, безусловно и достовѣрно крестьянского происхожденія“. Даже тѣ наказы, которые дышать „деревенскимъ простодушiemъ“ и наивностью, представляютъ все-таки не крестьянскія произведенія, такъ какъ крестьяне Оверни были совершенно безграмотны. При этомъ нѣкоторые редакторы писали наказы подъ вліяніемъ многочисленныхъ брошюръ или жалобъ, высказанныхъ самими избирателями, „другie заимствовали тамъ и сямъ готовыя статьи, нанизывая ихъ одна за другой почти безъ передѣлокъ“. Такова картина, изображенная знакомъ своего дѣла на основаніи изученія сырого матеріала. Казалось бы, что, дойдя до этихъ деликатныхъ выводовъ, историкъ Оверни естественно придетъ къ сомнѣнію въ народности многихъ требованій первичныхъ наказовъ. Но не тутъ то было. Mège отгоняетъ сомнѣнія при помощи цѣлаго ряда любопытныхъ соображеній: крестьяне, представленные самимъ себѣ, не посмѣли бы высказаться откровенно; гнѣть нужды и безправія былъ еще слишкомъ силенъ, а потому крестьяне обошли бы молчаніемъ главныя свои нужды или во всякомъ случаѣ о нихъ можно было бы только догадываться, читая между строкъ. Правда, „въ такихъ исключительно крестьянскихъ наказахъ попадались бы болѣе оригинальныя выраженія“, но зато они были бы, изъ страха передъ привилегированными и агентами фиска, менѣе опредѣлены и менѣе откровенны, чѣмъ дѣйствительные наказы 1789 г., составленные сравнительно образованными людьми. Это разсужденіе очень глубоко и тонко. Можетъ быть оно вполнѣ справедливо, но послушаемъ дальше: тѣмъ не менѣе, настаиваетъ историкъ Оверни, первичные наказы 1789 г.—несомнѣнно народныя произведенія! Въ доказательство пускается обычная *petitio principii*: „авторъ (наказа), кто бы онъ ни былъ, является безъ сомнѣнія болѣе или менѣе сторонникомъ реформъ и желаетъ ихъ скораго осуществленія. Стремясь хорошо исполнить принятое на себя или данное ему порученіе, онъ очевидно (?) постарался попасть въ тонъ окру-

¹⁾) *Thénard*, Введеніе 24—28.

жающимъ и слушателямъ. Онъ постарался точно воспроизвести жалобы и нареканія, наиболѣе поразившія его слухъ... Во всякомъ случаѣ жители прихода слышали чтеніе этой редакціи, этого заимствованія, одобряли различныя статьи, съ большимъ или меньшимъ убѣждениемъ и увлеченіемъ. Передъ тѣмъ они вѣроятно потребовали истолкованія нѣкоторыхъ фразъ, нѣкоторыхъ необычныхъ выраженій, они можетъ быть даже исправили нѣкоторыя упущенія и пробѣлы. Наконецъ публично одобренный наказъ былъ подписанъ тѣми, кто могъ подписываться, и предсѣдателемъ собранія. Юридически и фактически, жалобы, въ немъ заключающіяся, будь онѣ непосредственная или внушенная, являются такимъ образомъ безспорно настоящими жалобами прихода". Смыслъ только что выписанныхъ разсужденій сводится въ переводѣ на русскій языкъ къ слѣдующему: крестьяне вѣроятно побоялись бы говорить правду, а потому (?) образованные люди, говорившіе отъ ихъ имени, высказали за нихъ эту правду, такъ какъ въ противномъ случаѣ (!) эти крестьяне, боящіеся говорить правду, не побоялись бы (!) отвергнуть проектъ наказа, въ которомъ эта правда не была бы высказана. Вотъ до какихъ противорѣчій договариваются несомнѣнныя знатоки своего дѣла, подъ вліяніемъ гипноза привычныхъ воззрѣй. Это построеніе не только не логично, но и противорѣчить хотя бы даннымъ о давленіи на избирателей, подробно разработаннымъ мною. Самъ Mège приводить мелкій, но характерный случай, противорѣчашій его оптимизму: известный яисеністъ Belaigue de Rabanesse составилъ наказъ винодѣльческаго села Romagnatъ съ рядомъ требованій, касающихся положенія низшаго духовенства, епископовъ, прагматической санкціи, отмѣны конкордата и недѣйствительности папскихъ булль, противныхъ галликанской свободѣ! Прямо бросается въ глаза, что виноградари этого села совсѣмъ не сознательно (*inconsciemment*) подписали или одобрили эти требованія; „но это — исключеніе“, утѣшаетъ насъ историкъ Оверни. Конечно внимательный читатель на этомъ не можетъ успокоиться. Вѣдь, чтобы говорить объ исключеніяхъ, нужно знать содержание большинства наказовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Между тѣмъ изъ 988 первичныхъ наказовъ двухъ округовъ Оверни (Клермона и Ріома) известны пока только 56. Поэтому изслѣдователю, за неимѣніемъ другихъ наказовъ, слѣдовало обратиться по крайней мѣрѣ къ уже изданнымъ наказамъ другихъ округовъ Франціи. Но такова ужъ сила предвзятаго убѣжденія, что она побуждаетъ даже такихъ серіозныхъ

историковъ¹⁾ вгонять въ разрядъ исключений все, противорѣчашее обычному возврѣнію или желательному заключенію.

Особенное препятствіе простому отношенію къ дѣлу оказываетъ своеобразное пониманіе партийныхъ интересовъ. Но восторженнымъ хвалителямъ и слишкомъ ретивымъ защитникамъ первичныхъ наказовъ, какъ одного изъ великихъ завѣтовъ революціи, слѣдовало взять примѣръ съ радикального историка Прованса, Jules Viguier, которому радикализмъ, очень рѣшительно выступающій въ его книгахъ, не помѣшалъ весьма строго отнестись къ наказамъ—даже слишкомъ строго! Онъ отрицаѣтъ, чтобы окружные наказы выражали мнѣніе тѣхъ, кто ихъ подписалъ. Правда, онъ находитъ, что интересъ наказовъ ростетъ, по мѣрѣ того, какъ историкъ спускается къ жалобамъ „маленькихъ людей“: Тѣмъ не менѣе и по отношенію къ этимъ наказамъ у Вигье сквозить скептическая нотка²⁾. Хотя никакъ нельзя согласиться съ приговоромъ этого историка относительно сводныхъ наказовъ, но слѣдуетъ подчеркнуть смѣлость его сужденія, какъ примѣръ, достойный подражанія: восторженный поклонникъ французской революціи не побоялся рѣзко отозваться о прославленныхъ наказахъ.

Другой писатель того же направленія, Шампіонъ, хотя и считаетъ своимъ долгомъ доброго республиканца протестовать противъ людей, пытающихся (будто бы) развѣнчать наказы 1789 г., но защищаетъ эти наказы весьма осторожно, даже несолько уклончиво. Шампіонъ, въ книгѣ, специально посвященной наказамъ, говорить только слѣдующее: „пользованіе образцомъ доказывается, можетъ быть, своего рода лѣнистъ или робость, когда всѣ его статьи, или почти всѣ, воспроизведены буквально; но когда рядомъ со списанными статьями имѣются другія, многочисленныя и важныя“, добавленные отъ себя, тогда невозможно отрицать сознательности и вдумчивости работы³⁾. Вполнѣ присоединяясь къ этимъ словамъ, мы только спросимъ: чьей работы? Сравнительно образованныхъ редакторовъ или самихъ избирателей? Вѣдь въ этомъ заключается корень вопроса.

Нѣть никакого сомнѣнія, что образованные французы, составлявшіе

¹⁾ Mège, *Cahiers des paroisses d'Auvergne en 1789*. (Clermont—Ferrand 1889). 5—6, 10—20.

²⁾ Viguier, *Convocation des Etats Généraux en Provence*. (Paris 1896). 356—366 (окружные наказы) 370—376 (первичные наказы).

³⁾ Champion, *La France d'apr s les cahiers*. 25. *Idem*, *Conversion du comte d'Autraigues*. (оттискъ „R volution Fran aise“ за январь—мартъ 1894 г.) 31, 32.

наказы и образцы наказовъ, и наконецъ дѣлавшіе добавленія къ послѣднимъ, обнаружили замѣчательную политическую зрѣлость ¹⁾, хотя и иѣсколько отодвинули въ тѣнь стучавшійся въ окно крестьянскій вопросъ. Но какъ отнеслось къ политической проповѣди, а главное къ содержанію первичныхъ наказовъ, громадное большинство темнаго народа? Сознательно ли народная масса пошла за своими руководителями на первичныхъ собраніяхъ или только безучастно и покорно представила редакторамъ написать, по своему разумѣнію, то, что они—редакторы, а не самъ народъ считалъ для Франціи лучшимъ? Надѣзтимъ вопросомъ стоитъ призадуматься; онъ не такъ простъ, какъ полагаютъ многіе историки.

Русскіе историки, мимоходомъ коснувшіеся этого предмета, ближе всѣхъ подошли къ истинѣ въ вопросѣ о достовѣрности наказовъ 1789 года. О взглядахъ Н. И. Карбѣва было уже упомянуто иѣсколько разъ. Что касается М. М. Ковалевскаго, то онъ такъ удачно формулироваль главную суть вопроса, что намъ остается только повторить его слова: „гдѣ искать выраженія чисто народныхъ требованій,—требованій, на которыхъ не лежала бы печать прямаго или косвенаго воздействиѣа буржуазіи, когда не только общіе, но и мѣстные наказы не разъ составлены были по присланнымъ образцамъ и редактированы не безграмотными въ большинствѣ крестьянами и рабочими, а.... лицами, далеко не принадлежащими къ простонародью и приписывавшими ему не разъ мысли и желанія собственнаго класса или сословія. Конечно это обстоятельство не могло помѣшать передачѣ мѣстными наказами цѣлаго ряда любопытнѣйшихъ экономическихъ данныхъ..... занесенныхъ въ нихъ непосредственно со словъ избрателей. Но когда дѣло идетъ о передачѣ того, что можно назвать соціальными и политическими программами крестьянства и рабочаго сословія, когда приходится выразить его точку зрѣнія на характеръ необходимыхъ реформъ и предстоящихъ измѣненій въ законодательствѣ, невольно возникаетъ сомнѣніе въ томъ, считать ли народными требованиями заявленія, напоминающія скорѣе по своему содержанію редактированные Кене „Принципы земледѣльческаго государства“. Читая въ разсылаемыхъ веюду образцахъ для составленія наказовъ разсужденія о необходимости упразднить церковныя обители, разъ число живущихъ въ нихъ не достига-

¹⁾ Если Тэнъ и его послѣдователи отрицаютъ эту зрѣлость, то мнѣніе Тэна, какъ недостаточно обоснованное, для насъ необязательно.

еть положенной закономъ цифры,... затрачивая ихъ доходъ на погашеніе государственныхъ долговъ, невольно спрашиваешь себя, исходять ли встрѣчаемыя въ приходскихъ наказахъ ходатайства.... на самомъ дѣлѣ изъ усть тѣхъ, кому они приписываются. Сказанное примѣнено въ равной, если не въ большей мѣрѣ, къ такимъ вопросамъ, какъ напримѣръ установление единаго земельного налога, упраздненіе феодальныхъ правъ подъ условiemъ выкупа ихъ крестьянами и т. п.¹⁾.

Съ своей стороны мы выставили въ настоящей главѣ всѣ сомнѣнія, возбуждаемыя очень и очень многими первичными наказами. Надо помнить, что сомнѣніе — первый и необходимый шагъ къ знанію и выясненію истины. При современномъ состояніи изученія наказовъ 1789 г. полное разрѣшеніе этихъ сомнѣній невозможно. Однако уже теперь можно сдѣлать нѣсколько важныхъ для будущаго историка выводовъ.

1) Крестьянское зерно первичныхъ наказовъ засорено множествомъ постороннихъ примѣсей, а во многихъ случаяхъ этого зерна нѣть и въ поминѣ. Въ настоящее время историкъ не можетъ и не долженъ пытаться выяснить процентное отношеніе примѣсей къ зерну, такъ какъ значительная часть наказовъ лежитъ гдѣ-то въ заброшенныхъ архивныхъ связкахъ, никѣмъ еще не изученныхъ. Вѣдь можетъ случиться, что наиболѣе цѣнныя наказы лежатъ еще подъ спудомъ. Тѣлье не менѣе извѣстные уже наказы позволяютъ заключить безповоротно, что засоренность народнаго зерна во всякомъ случаѣ очень велика. Частная монографія по наказамъ отдельныхъ округовъ могутъ уже теперь устанавливать степень засоренности, въ той или другой мѣстности, не обобщая однако этихъ выводовъ на остальные мѣстности Франціи.

2) Для того, чтобы будущіе историки могли правильно приступить къ очисткѣ народнаго или точнѣе крестьянскаго зерна, необходимо научиться различать сѣмя отъ плевеловъ²⁾, а не сбрасывать ихъ въ одну кучу, прикрывая слабость метода панегирикомъ, общими мѣстами и слѣпымъ преклоненіемъ передъ безсмертной народной святыней. При раз-

¹⁾) М. М. Ковалевский, Происхожденіе современной демократіи. II. 170—190. 199. 200.

²⁾) Эти „плевелы“ могутъ быть очень драгоценными свидѣтельствами настроенія интеллигентіи, остававшись непонятными для простого народа.

борѣ этого коренного вопроса, руководствомъ можетъ служить настоящая работа, указывающая на главныя препятствія, съ которыми нужно считаться для раскрытия истины, на тѣ многочисленные подводные камни, которые легко могутъ сбить изслѣдователя съ прямаго пути. Наказы 1789 г. могутъ остаться народной святыней, даже если отказать въ признаніи за ними специально крестьянскаго характера. Вѣдь образованные люди 1789 г. были представителями своего народа въ широкомъ смыслѣ и въ этомъ отношеніи народность паказовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Только не нужно смѣшивать отвлеченнное понятіе о народѣ съ крестьянствомъ, составлявшемъ подавляющее большинство избирателей 1789 года.

А. Фму.

(Продолженіе следуетъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

MAURICE DESLANDRES, *La crise de la science politique et le problème de la méthode*. Paris, 1902. VII + 264.

Въ одномъ уже заглавіи, которое авторъ, профессоръ юридического факультета Дижонского университета, далъ своей книгѣ, достаточно выражена основная мысль послѣдней. Политическая наука переживаетъ кризисъ, для возстановленія ея, какъ и всякой научной дисциплины, необходима правильная постановка ея метода, и эту именно задачу беретъ на себя авторъ. Методология науки общественныхъ вообще и науки о государствѣ въ частности настолько занимаетъ умы изслѣдователей, что всякая книга, посвященная методологическому вопросу, заслуживаетъ вниманія, въ особенности же книга г. Деляндра, констатирующая упадокъ политической науки и симѣло обѣщающая ея возрожденіе.

Какъ ни крупны успѣхи, сдѣланные общественными науками въ теченіе минувшаго столѣтія въ сторону объективности и возможной точности, все же они не настолько велики, чтобы установить согласіе и взаимное пониманіе ученыхъ хотя бы по самымъ основнымъ вопросамъ, напримѣръ, — по вопросу объ объектѣ и задачѣ отдельныхъ научныхъ дисциплинъ. Въ самомъ дѣлѣ, если намъ говорить о „политикѣ“, или „политической науки“, то мы еще не знаемъ въ точности, что подразумѣвается подъ этимъ названіемъ. Не говоря уже о другихъ возможныхъ разновидностяхъ пониманія „политики“, необходимо имѣть въ виду, что терминъ этотъ допускаетъ два наиболѣе употребительныхъ смысла: „политика“ можетъ обозначать въ широкомъ смыслѣ науку о государствѣ, или же имѣть болѣе узкий смыслъ — ученія о цѣляхъ и средствахъ государственного воздействиія

на общественную жизнь. Въ первомъ случаѣ политика представляеть собою чистую науку, во второмъ — прикладную, или искусство. Въ иѣмѣцкой наукѣ, широко совмѣщающей указанное двоякое пониманіе политики, выработаны для каждого изъ нихъ особые термины, именно: *Staatswissenschaft* и *Politik*. Во французской научной литературѣ нѣтъ такого терминологического разграниченія, и название *science politique* всегда приводить къ сомнѣніямъ, какая именно наука дисциплина имѣется въ виду въ данномъ случаѣ. Г. Деляндръ не предполагаетъ своему изслѣдованию опредѣленія „политической науки“, какъ онъ ее понимаетъ; возникающая отсюда возможность недоразумѣній заставляетъ его дѣлать въ разныхъ мѣстахъ книги различныя „признанія“ (см. особенно откровенное признаніе на стр. 86—87) и замѣчанія, изъ которыхъ оказывается, что авторъ занимается политикой въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. учениемъ о цѣляхъ и средствахъ государственного воздействиія на процессъ общественного развитія. Ниже мы отмѣтимъ всѣ эти авторскія признанія и замѣчанія. Нося лишь раскрываемъ основную точку зрѣнія профессора Деляндра, чтобы не оставлять въ читателѣ сомнѣнія по поводу того, о какого рода кризисѣ говорить нашъ ученый авторъ и какую науку онъ собирается возродить.

Кризисъ политической науки констатируется авторомъ на основаніи оскудѣнія ея книжной литературы: мало появляется соответственныхъ произведеній въ данной области, нѣтъ въ ней ни школъ, ни солиднаго метода (стр. 3 — 6). Слѣдуетъ имѣть въ виду, что авторъ рассматриваетъ исключительно французскую политическую науку, признаетъ ея упадокъ и отыскиваетъ причины послѣдняго.

Констатируемый авторомъ кризисъ проявляется въ оскудѣніи книжной литературы политической науки; сообразно этому первою причиной кризиса должны бы быть признаны обстоятельства, вызывающія книжное оскудѣніе. Такимъ обстоятельствомъ является господство журналистики и трибуны, которое лишило прежняго значенія книгу, парящую обыкновенно при стѣсненіи свободы повременной печати и ограничений активнаго участія во власти. Подобная мотивация сама собою напрашивается, но авторъ не согласенъ съ нею. Страстность и партійность трибуны не позволяютъ ей одержать верхъ надъ спокойными и всесторонними политическими трактатами, а журналы не убиваютъ вѣдь книжного производства въ другихъ отрасляхъ соціальной науки, напримѣръ, въ политической экономіи (стр. 6—7). Причины кризиса кроются, слѣдовательно, гораздо глубже, и авторъ

находитъ ихъ въ моральныхъ предрасположеніяхъ настоящаго времени (*dispositions morales du temps présent*). Предрасположенія эти сводятся у автора, любящаго обильныя раздѣленія, къ тремъ политическимъ направлениямъ и двумъ анти-политическимъ течениямъ. Къ первымъ отнесены политический скептицизмъ, фатализмъ, оптимизмъ, или квѣтизмъ; ко вторымъ—поглощеніе современныхъ умовъ вопросами экономическими и соціальными, съ одной стороны, и религіозными съ другой (стр. 7).

Политический скептицизмъ порожденъ частыми со временемъ великой революціи перемѣнами государственного строя Франціи и выражается въполномъ равнодушіи многихъ французовъ къ самому вопросу о формахъ правленія и системѣ политическихъ учрежденій. Теократическая реакція, позитивизмъ, детерминизмъ и эволюціонизмъ постепенно разрушали выдвинутую революціей идею свободного творчества въ области политическихъ учрежденій и привели, наконецъ, къ политическому фатализму, апатично созерцающему стихійный процессъ политической эволюціи и признающему невозможнымъ сознательное воздействиѣ на него. Политический оптимизмъ это такое направлениѣ, которое находитъ полное осуществленіе своихъ идеаловъ въ существующемъ строѣ — демократіи, либо представительствѣ — и, не допуская возможности дальнѣйшаго движенія, погружается въ состояніе покоя (квѣтизмъ). Указанныя направления тормозятъ развитіе политической науки и своимъ равнодушіемъ, безучастіемъ и застоеемъ ведутъ ее къ упадку. И никому неѣть дѣла до этого печального положенія, и никто не берется помочь ему, потому что большинство умовъ поглощены вопросомъ соціальнымъ и религіознымъ, съ точки зреія которыхъ политика лишается всякаго самостоятельнаго значенія и является лишь внѣшнимъ выраженіемъ того или другого материальнаго, либо духовнаго состоянія общества. Политическія реформы признаются безцѣльными, и большинство видитъ спасеніе общества въ экономической революціи либо въ духовномъ возрожденіи (стр. 17 — 18).

Стремясь къ возрожденію политической науки, авторъ прежде всего поражаетъ причины ея кризиса путемъ указанія ошибокъ всѣхъ тѣхъ направлений, которые ведутъ политическую науку къ упадку. Скептиковъ авторъ преимущественно только подпрекаетъ отсутствиемъ энергіи и цивическихъ чувствъ, и на опроверженіи ихъ воззрѣній специальнно не останавливается, потому что ошибочность ихъ сама собою обнаружится въ дальнѣйшей критикѣ другихъ направлений.

Ошибку фаталистовъ авторъ усматриваетъ въ односторонней крайности, подъ угломъ которой они понимаютъ стихийность процесса политической эволюціи, совершенно исключая изъ него свободное творчество. Между тѣмъ обѣ эти силы — фатальность и свобода — совмѣщаются, по мнѣнію автора: первая изъ нихъ порождаетъ крупную политическую систему, вторая—формы детального ихъ осуществленія. „C'est à la fatalité qu'appartient l'apparition successive des grands régimes politiques comme la féodalité, la monarchie, la démocratie, mais c'est à la liberté des peuples qu'appartient la détermination des institutions et des formes gouvernementales en lesquelles on les réalise“ (стр. 22). Предѣлами этой относительной свободы авторъ ограничиваетъ объектъ политической науки и сообразно этому устанавливаетъ задачу ея въ наше время, которое признаетъ фатально демократическимъ. „Eh bien, si c'est là la conciliation de la liberté et du fatalisme relatifs qui président au développement politique des peuples il en résulte que la science politique, la science des institutions, de leurs lois, de leur jeu et de leurs effets garde toute sa valeur et toute son efficacité. Elle n'aura pas à approuver ou à critiquer la démocratie, mais elle aura à déterminer sous quelles formes, par quelles institutions elle doit se réaliser en un peuple donné“ (стр. 22—23).

Оптимистовъ, находящихъ полное осуществленіе политическихъ идеаловъ въ современной демократіи, представительной и парламентарной, авторъ изобличаетъ въ томъ, что они въ своемъ самодовольствии квѣтизмъ отстали отъ новѣйшаго политического движения. Послѣднее постепенно разрушаетъ строгую представительную систему правления, развивая подъ старой оболочкой новые своеобразныя формы непосредственной демократіи. Не замѣчая этихъ новообразованій, политический оптимизмъ пробавляется старыми фикціями, утративъ пониманіе дѣйствительной жизни (стр. 23—29).

Исключительному увлеченію соціальнымъ вопросомъ авторъ противопоставляетъ то вліяніе, которое имѣть, по его мнѣнію, политический строй на развитіе общественной жизни страны и, въ частности, на экономическое ея состояніе. Послѣ общей аргументаціи своего положенія авторъ выдвигаетъ въ качествѣ рѣшительного его доказательства примѣръ Германіи, политика которой привела ее къ необычайному экономическому росту, получившему мировое значеніе. Всѣмъ этимъ преуспѣяніемъ Германія обязана побѣдѣ, составляеть, по мнѣнію автора, первую политическую причину (*une première cause politique*); за ней слѣдуютъ другіе политические факторы

еще большого значения и все они оказывают существенное влияние на экономическое и вообще социальное развитие (стр. 29—33).

Безусловнымъ заблуждениемъ считаетъ авторъ мнѣніе тѣхъ, которые игнорируютъ учрежденія, думаютъ обосновать реформу общественной жизни на духовномъ перерожденіи внутренняго человѣка и въ силу этого совершенно устраняютъ политический вопросъ, ставя на его мѣсто вопросъ религіозный. Ссылаясь на исторію внутренняго развитія католичества во Франціи, Бельгіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, авторъ показываетъ, что не только религіозный вопросъ не упраздняетъ политического, но, напротивъ того, религіозное развитіе страны прямо пропорціонально степени либерализма ея учрежденій. Словомъ, политический элементъ представляется автору не плодомъ духовнаго развитія и не надстройкой надъ экономическимъ базисомъ, но производящимъ факторомъ, который самъ обуславливаетъ развитіе и преуспѣяніе какъ экономики, такъ и религіозности (стр. 33—39).

Изъ приведенной полемики съ направленіями, вызывающими кризисъ политической науки, вполнѣ определено обнаруживается взглядъ автора на „политическую науку“, какъ на прикладную отрасль знанія; задача послѣдней заключается въ установлении лучшихъ цѣлей и изысканіи наиболѣе пригодныхъ средствъ для использования той доли свободы, которую допускаетъ „относительная фатальность“, господствующая въ политическомъ развитіи народовъ.

Ставя себѣ задачей поднять политическую науку изъ ея современного упадка, авторъ, прежде чѣмъ указать путь къ разрешенію этой проблемы, предварительно разъясняетъ настоятельную его потребность именно въ наше время. Вывести политическую науку изъ кризиса необходимо потому, что современное государство переживаетъ теперь одну изъ критическихъ эпохъ въ его исторіи. Кризисъ политической жизни нашего времени вызывается конфликтомъ между внутренними стремленіями государства и вышними условіями его существованія. Фатальный ростъ демократіи постепенно расшатываетъ престижъ власти и такимъ образомъ ослабляетъ силу государства. Между тѣмъ соревнованіе державъ на поприщѣ мировой политики постоянно поддерживаетъ возможность международныхъ столкновеній и въ этихъ видахъ требуетъ все большего и большого увеличенія государственной силы. Поэтому основной политической проблемой нашего времени должно быть примиреніе двухъ указанныхъ противоположныхъ началъ: демократіи и силы государства (стр. 39 — 46).

Для разрешения этой проблемы и требуется возрождение политической науки. Необходимо съѣзжать постыдною наукой живой и действенной (*une conclusion s'impose: c'est la nécessité de refaire de la science politique une science vivante et efficace*, стр. 47).

Жизненнымъ и действительнымъ принципомъ науки вообще является методъ; поэтому средство къ возрождению политической науки заключается въ правильной постановкѣ ея метода. Несмотря на кризисъ, переживаемый политической наукой, методологическая сторона ея не представляетъ заброшенности и запустѣнія. Мы встрѣчаемся не съ отсутствиемъ, но, напротивъ, съ обилиемъ методовъ, слѣдовательно предлагающими политической наукѣ. По крайней мѣрѣ, нашъ авторъ насчитываетъ пять методовъ, прилагаемыхъ къ научно-политическимъ изслѣдованіямъ, именно: соціологический методъ, юридический, доктринальный и методъ здраваго смысла. Обыкновенное представление автору явленіемъ отрицательнымъ: таъ какъ истина едина, то и путь къ ея достижению, т. е. методъ можетъ и долженъ быть только одинъ. Стремясь къ установлению единаго надлежащаго метода, авторъ предварительно рассматриваетъ указанные выше наличные методы и испытываетъ ихъ съ точки зре-
ния соответствія истиннымъ потребностямъ политической науки.

Первымъ подвергается испытанию соціологический методъ. Принимая въ соображеніе, что соціологи считаютъ единственными себѣ привилегиями превратить политику въ истинную науку, авторъ останавливается на соціологическомъ методѣ съ особеннымъ вниманіемъ и обстоятельностью. Прежде всего авторъ констатируетъ трудность познанія соціологического метода, вытекающую изъ сбивчивости основныхъ понятій современной соціологии. Разсмотрѣніе отдельныхъ соціологическихъ школъ помогаетъ автору преодолѣть эту трудность, даетъ ему возможность установить составъ соціологического метода и затѣмъ подвергнуть его анализу. Этотъ анализъ приводитъ автора къ отрицательной оценкѣ соціологического метода, основной недостатокъ которого заключается, по мнѣнію автора, въ перенесеніи въ ученіе обѣ обществъ не только натуралистическихъ пріемовъ изслѣдованія, но и натуралистическихъ доктринъ. Изъ коренного несоответствія метода и гипотезъ существу изучаемыхъ отношеній вытекаютъ всѣ остальные недостатки соціологовъ, которые послѣдовательно обвиняются авторомъ въ несоблюдении ими же выставленныхъ методологическихъ пріемовъ, въ отсутствіи единства взглядовъ по основнымъ вопросамъ науки, и, наконецъ, въ полнѣйшемъ разномыслии и

разногласіі въ дѣлѣ соціального прогноза, что уже окончательно должно дискредитировать соціологію, такъ какъ въ силу одного изъ основныхъ принциповъ позитивизма достоинство знанія измѣряется точностью предвидѣнія.

Обвинительный актъ противъ соціологии занимаетъ у нашего автора болѣе двадцати страницъ (52—74) и долженъ быть, повидимому, „гвоздемъ“ книги, представляя собою смѣлый, но мысли автора, вызовъ противъ властителей думъ нашого вѣка. Но привычный къ дѣлу читатель вынесетъ объ этомъ „гвоздѣ“ совершенно иное впечатлѣніе. Дойдя до конца главы, посвященной соціологическому методу, онъ несомнѣнно придетъ къ убѣждѣнію, что отмѣченныя нами двадцать страницъ совершенно излишни въ книжѣ и введены лишь въ видахъ ея украшенія или просто даже въ видахъ утолщенія. Что дѣло обстоитъ такъ, будетъ ясно изъ слѣдующаго ниже.

Дискредитированъ соціологовъ въ предѣлахъ прямого ихъ вѣдѣнія, авторъ ставить слѣдующій окончательный вопросъ: соответствуетъ ли соціологический методъ истиннымъ требованиямъ политической науки (стр. 75 и слѣд.). Истинныя требования политической науки выражены авторомъ въ двухъ положеніяхъ: 1) *политическая наука не можетъ ограничиваться описаниемъ прошедшаго и настоящаго, она не можетъ быть только объясняющей и описывающей, она должна опровергивать настоящее, она должна также обращаться къ будущему и изобрѣтать* (стр. 76); 2) политическая наука должна не только изобрѣтать, но и воздѣйствовать на массы, чтобы онъ принялъ ея формулы реформъ (стр. 83). Ни той, ни другой задачи не въ состояніи осуществить политическая наука, если станетъ примѣнять соціологический методъ. Соціологический методъ предназначается для того, чтобы объяснять настоящее, а не опровергивать его, чтобы предвидѣть, что будетъ (*Qu'est ce qui va \tre*), а не опредѣлять, что должно быть (*Qu' est-ce qui doit \tre?*). Съ другой стороны, обычныя предпосылки и гипотезы соціологической доктрины, какъ-то—органическія аналогіи, отрицаніе самостоятельного значенія индивида, безусловное признаніе борьбы за существованіе, подавленіе воображенія и отказъ есть построенія идеаловъ—никогда не будутъ восприняты народной массой и потому должны быть отвергнуты политической наукой. *La science politique, говоритъ проф. Деляндъ, qui n'est r\'ealisable que par l'appui de l'opinion publique, est d\'ependante „des pr\'ejug\'es traditionnels“ et ne peut s'insurger contre „vulgaire“* (стр. 84—85).

Изъ приведенного очевидно, что непримѣнимость соціологическаго метода къ „политической наукѣ“ проф. Деляндра вытекаетъ изъ основныхъ требованій этой науки и отнюдь не является послѣдствіемъ какихъ либо внутреннихъ нестроеній соціологии. Даже еслибы въ послѣдней не было ни одного изъ тѣхъ недостатковъ, которые усматриваются въ ней г. Деляндръ, соціологический методъ все равно не годился бы для политической науки, призванной „открывать подлежащіе осуществленію идеалы“ (стр. 80) и руководить народными массами, эксплуатируя съ этой цѣлью даже предразсудки ихъ. Значитъ, обвинительный актъ противъ современной соціологии оказывается въ книжкѣ проф. Деляндра совершенно иалишнимъ.

Самъ авторъ вовсе не такого плохого миѳія о соціологическомъ методѣ, какъ это могло казаться съ первого взгляда. На противъ того, онъ, въ концѣ концовъ, признаетъ строгую научность соціологического метода и въ отречениі отъ него видѣть отступленіе отъ требованій строго-положительной науки. „Il est vrai“, сознается авторъ, „que la m thode sociologique est la mise en oeuvre des v ritables proc d s de la science positive, observation, classification, induction, et qu'y r nونcer c'est faire appel forcement dans une certaine mesure 脿 l'imagination, au sens intime, 脿 la d duction, 脿 partir de notions non obtenues strictement par l'observation des faits“ (стр. 86). И не смотря на это, авторъ ради требованій „политической науки“ отрекается отъ соціологического метода. Справедливость требуетъ, однако, указать, что проф. Деляндръ сознаетъ всѣ послѣдствія такого отречения и самъ признаетъ свою „политическую науку“ не-наукой. „A prendre donc le mot science dans sa rigueur, nous devons dire que la science politique non 膠ifi e par la m thode positive n'est pas une science. C'est une constatation et un aveu qu'il faut absolument faire“ (стр. 87). Авторъ сознаеть, что возрождаемая имъ политика есть, въ сущности говоря, искусство, но лишь не называется ея собственнымъ именемъ и сохраняетъ для нея старое название политической науки по слѣдующимъ причинамъ: 1) название политического искусства болѣе подходитъ къ самому веденію публичныхъ дѣлъ, чѣмъ къ ученію о немъ; 2) не слѣдуетъ нарушать исконной традиціи, согласно которой говорять по меньшей мѣрѣ со временемъ Аристотеля о политической науки; 3) хотя въ политикѣ и играютъ значительную роль воображеніе и интуиція, но все же они столь сильно опираются въ ней на строгіе методы и точную науку, что за-

политикой можно удержать название науки, не вызывая упрека въ самозванствѣ (стр. 87).

Послѣ соціологического метода привлекается къ отвѣту методъ юридический. Оба они виновны, въ глазахъ автора, въ иѣкоторомъ общемъ злоумышленіи, именно,—въ преступномъ посягательствѣ на самостоятельность политической науки. Первый изъ нихъ дѣлаетъ политическую науку частью соціологии, второй—частью юриспруденціи. Какъ мы только что видѣли, авторъ отвергъ соціологический методъ во имя самостоятельности политической науки; исходя изъ того же начала, опровергаетъ онъ и юридический методъ. Различіе замѣчается въ томъ, что, полемизируя съ соціологическимъ методомъ, авторъ боролся съ внутреннимъ врагомъ, а, опровергая юридический методъ, онъ борется съ врагомъ вѣшнимъ, авантюрами котораго на французской почвѣ являются преимущественно пишущіе по французски иностранцы, въ родѣ гг. Комботекра и Сариполоса. Авторъ не ограничиваетъ своей полемики этими эмиссарами германского политического „юридизма“, но старается нанести ударъ главному вождю юридического направления — Лябанду. Предисловіе къ извѣстному курсу послѣдняго принимаетъ проф. Деляндръ за „манифестъ школы“ и на него направляетъ какъ острѣ своего анализа, такъ и лезвіе своей критики.

Авторъ отвергаетъ юридический методъ, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ единственного или основного метода политической науки (см. стр. 92 и 108). Приписывать юридическому методу такое значение это значитъ, по мнѣнію проф. Деляндра, допускать двойную ошибку: 1) вѣрить въ господство логики въ политическихъ учрежденіяхъ и 2) признавать такое господство именно за юридической логикой (стр. 108 и 111). Политическая учрежденія слагаются исторически и насквозь проникнуты противорѣчіями, такъ что уложить ихъ въ предустановленную логическую систему нѣтъ никакой возможности, не насилия дѣйствительной ихъ природы. Менѣе всего годятся для этой цѣли юридическія категоріи, потому что онѣ замѣняютъ механическую проблему политической науки, имѣющей дѣло съ движениемъ живыхъ силъ, статической проблемой, имѣющей дѣло съ неподвижными и отвлечеными правовыми отношеніями (стр. 112—115).

Только что приведенные замѣчанія проф. Деляндра, хотя и являются повторенiemъ своего рода научныхъ прописей, на которыхъ демонстрировали всѣмъ намъ извѣстныя заблужденія школы естествен-

наго права, имѣютъ значеніе „истинъ“ (*voilà la vérité*, говоритьъ самъ авторъ на стр. 110-й), если рассматриватьъ ихъ независимо отъ по-вода, вызвавшаго ихъ повтореніе. Но въ качествѣ критики современ-наго юридического направлениія нѣмецкой публицистики они рѣши-тельно никуда не годятся, потому что въ пылу полемики опроверга-ютъ то, чего противная сторона и не думаетъ утверждать.

Въ самомъ дѣлѣ, проф. Деляндръ, какъ мы уже отмѣтили, ста-рается разбить юридический методъ, въ качествѣ *единственнаго* и *основного* метода политической науки. Между тѣмъ ни Лябандъ, ни кто либо другой отнюдь не приписываютъ такого значенія юридиче-скому методу. Послѣдній былъ выдвинутъ совершенно инымъ ходомъ научной мысли, который мы можемъ резюмировать слѣдующимъ об-разомъ. Многообразная и разносторонняя по существу жизнь го-сударственная содержитъ въ себѣ и юридическую сторону, такъ какъ политическія отношенія облекаются въ правовую форму, формально-юридическая сторона государственной жизни настолько своеобразна, сравнительно съ другими ея сторонами, что вполнѣ поддается само-стоятельной научной обработкѣ юристами и ужъ конечно по юриди-ческому методу. Такимъ образомъ въ широкихъ предѣлахъ госуда-рственной науки (*Staatswissenschaft*) возникаетъ новая дисциплина — *юридическая* ученія о государствѣ (*Staatsrechtswissenschaft*, *Staats-rechtslehre*). Эта новая дисциплина энергично отстаиваетъ свою само-стоятельность какъ автономной части, но отнюдь не посягаетъ на господство надъ цѣлымъ, или надъ какой либо другой его частью, столь же законной, какъ и сама она. Менѣ всего стремится юриди-ческое направлениѣ господствовать въ той „политической наука“, которой занимается проф. Деляндръ. Самое образование юридического направлениія представляетъ собою процессъ отдѣленія его отъ „поли-тики“, и говорить объ юридическомъ методѣ, какъ о методѣ „поли-тики“ можно только при основательномъ незнаніиѣ съ исторіей нѣмецкой государственной науки.

Въ этомъ то грѣхъ и повиненъ профессоръ Деляндръ, которому исторія и общее современное состояніе нѣмецкой государственной науки извѣстны только по статьѣ Георга Майера въ изданіи Лек-сиса о нѣмецкихъ университетахъ. И эту статью профессоръ Де-ляндръ усвоилъ настолько... односторонне, что видѣть даже у Блюнкли чистый юридический духъ и приводить его общее ученіе о госуда-рствѣ наряду съ манифестомъ Лябанда въ качествѣ образца юриди-ческой теоріи (см. стр. 96 прим. 3 и стр. 97 прим. 2.). Такая оценка

Блюнчли является плодомъ, правда, неудачного, но зато вполнѣ самостоятельного изобрѣтенія профессора Деляндра, проглядѣвшаго въ статьѣ Г. Мейера слѣдующія строки: „Auch die Vermischung rechtlicher und politischer Gesichtspunkte, wie sie sich noch in den Schriften Mohls und Bluntschlis findet, wird von der neueren Wissenschaft verworfen“ (*Lexis, Die deutschen Universitten*, I. Bd., S. 370).

Отъ юридического метода нашъ авторъ переходитъ къ доктринальному, подъ которымъ понимаетъ чистый рационализмъ въ духѣ школы естественного права. Въ видахъ ближайшаго опредѣленія доктринального метода авторъ приводитъ извѣстныя слова Тэна, въ которыхъ дана мѣткая характеристика метафизической мысли, царившей во французскомъ *esprit classique*. Приложеніе доктринального метода иллюстрируется авторомъ на „Общественномъ договорѣ“ Руссо, „Демократіи“ Вашеро и „Представительномъ правлениі“ Д. Ст. Милля (стр. 129—136). Отнесение автора индуктивной логики къ сторонникамъ доктринального метода и помѣщеніе его на одну доску съ Руссо кажется, на первый взглядъ, крайне страннымъ. Но въ этомъ нѣть ничего парадоксального. Размышленія о представительномъ правлениі стоятъ виѣ всякой связи съ той методологіей общественныхъ наукъ, которая развита Миллемъ въ системѣ индуктивной логики. Въ политическомъ трактатѣ Милль является чистымъ рационалистомъ, который обладаетъaprорными критеріемъ лучшей формы правлениія и съ точки зрењія его оцѣниваетъ настоящее и проектируетъ спасительныя реформы будущаго.

Въ основѣ доктринального метода лежить, по указанію профессора Деляндра, вѣра въ незыблемыя и абсолютныя истины, которые должны служить организационными принципами для всѣхъ человѣческихъ обществъ безъ различія. Источникомъ этихъ истинъ является интуиція, раскрывающая ихъ изъ глубины разума и нѣдѣль совѣсти. Разъaprорныя истины установлены, то конструктивнымъ средствомъ цѣлой политической системы является уже простая дедукція, выводящая всѣ частности съ прямолинейной послѣдовательностью изъ общаго принципа (стр. 125—129).

Все зданіе доктринального метода поконится на трехъ необходимыхъ предпосылкахъ, которые профессоръ Деляндръ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: 1) политическія учрежденія представляютъ собою произвольныя установленія нашего разума и нашей воли; 2) исходные принципы политической науки открываются нашему разуму, какъ истины самоочевидныя; 3) выводы политической науки имѣютъ

универсальное значение. Эти предпосылки, или постулаты авторъ считаетъ недопустимыми. Авторъ опровергаетъ эти предпосылки, выдвинутые противъ нихъ слѣдующія положенія: свободное творчество въ политикѣ не безусловно, но лишь относительно, будучи ограничено относительной же фатальностью политической эволюціи; 2) ни одинъ политический принципъ не обладаетъ объективнымъ свойствомъ истины самоочевидной; 3) политическая дѣяния безконечно видоизмѣняются въ условіяхъ времени и мѣста (стр. 138—142).

Догматический методъ представляется нашему автору не только невѣрнымъ въ предпосылкахъ, но и крайне опаснымъ въ постѣдствіяхъ. Политическія учрежденія, построенные по априорной схемѣ разума, страдаютъ шаткостью, искусственностью, слабостью и отсутствиемъ должного равновѣсія. Убѣдительнымъ доказательствомъ этого могутъ служить, по мнѣнію автора, многочисленныя конституціи Франціи, быстро смѣнявшія одна другую со временемъ революціи. Наконецъ, догматизмъ порождаетъ политическое сектантство и политический оптимизмъ, крайне вредные для развитія науки (стр. 142—150).

Отвергая догматический методъ въ цѣломъ, авторъ признаетъ въ немъ, однако, частицу истины, которую и пользуется затѣмъ въ конструктивной части своего труда. Эта частица истины заключается въ формальномъ признаніи уваженія къ нравственному закону, который всегда и вездѣ долженъ быть интегральной частью политического порядка (стр. 151—152). Такое признаніе истекаетъ изъ природы человѣка и потому является естественно-правовымъ принципомъ; сведеніе къ одному лишь основному положенію и не вдающееся въ опредѣленіе преходящихъ частностей, естественное право остается неизмѣннымъ и абсолютнымъ началомъ, и въ этомъ смыслѣ должно быть принимаемо въ соображеніе политической наукой. Идеальность должна носиться предъ политической наукой, но осуществленіе его слѣдуетъ сообразовать съ условіями времени и мѣста. Таково нормальное требование, которое однако можетъ не соблюдаться въ исключительныхъ эпохахъ, именно въ случаѣ революціоннаго разрыва со всякой традиціей, когда въ силу необходимости политическая наука слѣдуетъ прямолинейному логматизму (стр. 154—156).

Обстоятельно и съ особенной тщательностью говорить профессоръ Делландръ о сравнительномъ методѣ. Свои взгляды на этотъ методъ онъ высказалъ въ общихъ чертахъ еще до появленія настоящей книги,—въ специальному докладѣ, представленномъ на Парижскій международный конгрессъ сравнительного правовѣдѣнія въ 1900 году. Объ

этомъ докладѣ мнѣ приходилось уже говорить въ печати и указать его крупные недостатки (см. мое *Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX вѣка*, Варшава, 1902 г., стр. 15—17 и 21). Пятая глава разбираемой книги, посвященная сравнительному методу, вышла полноѣ, обстоятельнѣе и, такъ сказать, методичнѣе названнаго доклада. Но основная точка зренія удержана въ ней прежняя, безъ измѣненія, вслѣдствіе чего въ научномъ достоинствѣ она нисколько не выиграла сравнительно съ докладомъ.

Авторъ даетъ намъ предварительно исторический очеркъ развитія сравнительнаго метода въ политической наукѣ. Начало развитія возводится къ *Духу законовъ* Монтескье. Профессоръ Деляндръ находитъ у Монтескье первое крупное и мастерское примѣненіе сравнительнаго метода. Примѣненіе это служило у Монтескье дѣлу чистой науки (стр. 159) и имѣло цѣлью исключительно уясненіе политическихъ отношеній, а не ихъ преобразованіе (*un but de compréhension et non de réformation*, стр. 161). Самый пріемъ сравненія нашелъ послѣдователей, но первоначальный цѣли его не стали традиціей во французской политической наукѣ. Задачи познанія были устраниены, и на ихъ мѣсто возвращались преобразовательные замыслы. На такихъ началахъ сложилась во французской политикѣ американская школа, которая пошла отъ Токвиля и властновала надъ умами въ царствованіе Людовика-Филиппа и при второй республикѣ. Одностороннее увлеченіе демократическимъ строемъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ было замѣнено при второй имперіи болѣе широкой доктриной Ле-Пле (*Le-Play*), который полагалъ путь къ „соціальной реформѣ“ въ слѣдованіи примѣру другихъ и съ этою цѣлью развивалъ ученіе о „народахъ-образцахъ“ (*peuples-modèles*). Традиціи Ле-Пле остаются вѣрными и современная политическая партія, которая сравниваютъ чужие порядки съ цѣлью найти лучшій изъ нихъ, достойный заимствованія. Послѣднимъ словомъ развитія сравнительнаго правовѣдѣнія профессоръ Деляндръ признаетъ взгляды Ламбера и Салейля, высказанные въ докладахъ на названномъ выше Парижскомъ конгрессѣ. И въ нихъ авторъ констатируетъ тѣ же преобразовательные замыслы, но уже не въ прежнемъ духѣ подражанія „народу-образцу“, а въ видѣ стремленія къ иѣкоторому идеальному типу, или относительному идеалу, выводимому путемъ сравненія изъ совокупности подвергнутыхъ изслѣдованию положительныхъ законодательствъ (стр. 158—173).

На историческомъ очеркѣ развитія сравнительнаго метода мы нарочно остановились нѣсколько подробнѣе, чтобы наглядно показать,

насколько одностороннее понимание политической науки заставляет профессора Деляндра обходить молчанием или даже непониманием несомненные факты широкаго научного развитія.

Всѣмъ извѣстно, что только позитивная методология обратила сравненіе въ дѣйствительное орудіе изученія общественныхъ явлений, создавъ изъ него сравнительно-исторический методъ. Поэтому для всякаго непредубѣжденнаго человѣка ясно, что въ очеркѣ исторического развитія сравнительного метода, хотя бы самомъ краткомъ, нельзя пройти молчаниемъ позитивизма, не подвергаясь упреку, что „слона то и не замѣтилъ“. Профессоръ Деляндръ знаетъ кое-что о роли сравненія въ позитивномъ методѣ: въ его книгѣ мы встрѣчаемъ цитату изъ Дюркгейма, говорящую о сравненіи въ соціологии, какъ о косвенной экспериментации (см. стр. 58). И тѣмъ не менѣе историческое развитіе сравнительного метода преподносится намъ безъ всякаго участія позитивизма. Затѣмъ въ пылу разсужденія совершенно утрачивается представление о значеніи позитивизма для постановки сравнительного метода, и Монтескье выставляется какъ образецъ „чистой“ сравнительно-политической науки. Очень жаль, что профессоръ Деляндръ не справился хотя бы съ докладомъ Поллока на конгрессѣ 1900 года, въ которомъ почтенный оксфордскій профессоръ даетъ пролегомены къ исторіи сравнительного правовѣдѣнія (см. мое *Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX вѣка*, стр. 8—11) и дѣлаетъ надлежащую опѣнку „сравнительному методу“ Монтескье.

Сосредоточившись исключительно на той „политической наукѣ“, задача которой—наставлять, что и какъ должно быть, профессоръ Деляндръ предоставляетъ широкое пользованіе сравненіемъ вѣдѣнію „общей политической науки“ (*la science politique g n rale*, стр. 173—174), а о значеніи сравнительного метода для просто „политической науки“ излагаетъ свое особое мнѣніе.

Сравненіе воспитываетъ въ человѣкѣ спокойствіе и объективность. Поэтому сравнительный методъ полезенъ для политической науки: онъ создаетъ въ насъ психическое состояніе, необходимое для занятія научнымъ дѣломъ. Кромѣ того же предоставляетъ въ наше расположение средства для установленія предѣловъ той „относительной фатальности“ процесса политического развитія, съ которымъ вынуждена считаться наша „свобода“, а следовательно, и политическая наука (стр. 174—177).

Но политическая наука не есть только наука общая, безучастная къ государственной жизни и преслѣдующая однѣ цѣли познанія. У

ней имѣется еще утилитарная функция (*Mais la science politique n'est pas seulement une science g n rale et une science d sinter ess e, n'ayant pour but que la compr hension des choses politiques. Nous savons qu'elle a une fonction utilitaire*, стр. 178). Мы знаемъ уже, что утилитарной функции отводится профессоромъ Деляндромъ въ политической наукѣ не послѣднее, но первое мѣсто. Поэтому настълько не удивляетъ, что критика сравнительного метода сведена нашимъ авторомъ къ испытанію пригодности этого метода именно для утилитарной функции. И для этой цѣли сравнительный методъ признается недостаточнымъ, потому что: 1) онъ не идетъ далѣе подражанія и низводить идеаль должнаго къ наилучшему изъ существующаго; 2) предлагая заимствованіе, онъ тѣмъ самымъ признаетъ, что то лучшее, которое достойно подражанія, развилось помимо всякаго заимствованія; 3) не даетъ никакого положительного критерія, по которому можно было бы опредѣлять, какой именно изъ существующихъ порядковъ является действительно лучшимъ и потому достойнымъ заимствованія. Такими доводами опровергаетъ профессоръ Деляндръ ученіе Ле-Пле о „народахъ-образцахъ“. Что же касается новѣйшаго, высказанаго на конгрессѣ ученія о получаемыхъ отъ сравненія идеальныхъ типахъ, то противъ него авторъ выставляетъ слѣдующее положеніе: народы болѣе индивидуализованы, чѣмъ индивиды, и потому требуютъ учрежденій не типическихъ, но наиболѣе, какъ выражается авторъ, пар-тикуляризованныхъ (стр. 178—189).

Свою „раціональную“ критику сравнительного метода профессоръ Деляндръ подкрѣпляетъ фактами и ссылается съ этою цѣлью на репѣцію англійскаго конституціонализма, указывая, что въ каждой изъ заимствовавшихъ странъ англійскій конституціонализмъ привился на иной ладъ. Эта фактическая проверка приводитъ профессора Деляндра къ заключенію, что лучшимъ подражаніемъ Англіи былъ бы отказъ отъ всякаго подражанія, даже ей самой (*De sorte que si l'on nous propose l'exemple d'Angleterre, pour l'imiter nous avons le droit de nous refuser   lui emprunter ses institutions; pour la mieux copier nous ne devons copier personne, pas m me elle-m me*, стр. 190).

Критическая часть завершается у нашего автора разсмотрѣніемъ метода здраваго смысла. Образцами послѣдняго признаются политическая сочиненія Бенжамена Констана, Гизо, Прево - Парадоля. Особенности этихъ сочиненій не слѣдуетъ понимать такъ, будто въ нихъ однихъ только можно найти сужденія здравыя и осмыслиенные; отличительной чертой ихъ является лишь то, что они чужды болѣе слож-

ныхъ методологическихъ пріемовъ и построены на одномъ лишь здравомъ смыслѣ въ его обыденномъ житейскомъ значеніи. Здравый смыслъ политическихъ писателей сводится къ ихъ личному государственному опыту, по указаніямъ котораго они и строятъ свои политическая доктрины. Личный опытъ самъ по себѣ не достаточенъ для достижения научной достовѣрности, но зато онъ служить лучшимъ средствомъ для пропаганды идей. Легкость воздействиа на народныя массы могла бы подсунуть нашего автора всесѣло въ пользу метода здраваго смысла, еслибы ей не сопутствовали такие недостатки послѣдняго, которые дѣлаютъ его совершенно неспособнымъ къ созданію политической науки. А такие именно недостатки прямо неизбѣжны при опирываніи методомъ здраваго смысла. Даже наиболѣе проницательные государственные люди не свободны отъ ошибокъ, и потому одинъ лишь личный опытъ не можетъ служить надежной гарантіей правильности сужденія. Здравый смыслъ оказываетъ важныя услуги для ориентированія въ наличныхъ отношеніяхъ, но онъ не даетъ средствъ для открытия истины, къ чему должна стремиться политическая наука. Наконецъ, методъ здраваго смысла, отправляясь отъ личного опыта, отличается крайнею индивидуальностью, субъективизмомъ, и потому дѣлаетъ невозможнымъ сотрудничество, которымъ живетъ и движется научное развитіе. По указаннымъ причинамъ нашъ авторъ отвергаетъ методъ здраваго смысла (стр. 198—207).

Положительная часть труда проф. Деляндра, посвященная построению собственного метода, предопредѣляется во многомъ предшествовавшей ей критикой. Чрезъ послѣднюю проходятъ красною нитью дѣлъ основныя идеи автора: 1) сочетаніе въ процессѣ политического развитія „относительной фатальности“ съ „относительной свободой“, и 2) признаніе утилитарной функции политической науки. Обѣ эти идеи остаются руководящими и въ конструктивной части труда.

Истинный методъ политической науки долженъ быть,—въ этомъ заключается основное положеніе проф. Деляндра,—по существу историческимъ (*essentiellement historique*, стр. 210 сл.). Единственно историзмъ въ состояніи удовлетворить какъ доктринальные требования, такъ и практическіе запросы политической науки. Объектъ послѣдней опредѣляется взаимоотношеніемъ фатальности и свободы. Это взаимоотношеніе устанавливаетъ именно исторія, такъ какъ она раскрываетъ „тѣ великия соціальная видоизмѣненія, которыхъ управляютъ видоизмѣненіями политическими“ (стр. 210). Далѣе, исторія опредѣляетъ темпераментъ и условія жизни каждого народа, съ кото-

рыми долженъ сообразоваться его политический строй, а также указываетъ действительныя национальныя силы, на которыхъ могутъ держаться политическая учрежденія. Такимъ образомъ исторія доставляетъ всѣ данные, необходимыя для разрѣшенія той „механической проблемы“, которую занята политическая наука (стр. 210—218).

Не менѣе важенъ историзмъ для отправленія утилитарной функции политической науки. Политическая наука призвана вести государство къ преобразованіямъ, но на этомъ пути движенія къ лучшему она рѣшительно противится революції. Между тѣмъ существующие методы, какъ-то: юридический, догматический и сравнительный, способны вызвать застой или революцію. Одинъ лишь соціальный методъ враждебенъ какъ застою, такъ и революціи, но зато онъ безсиленъ руководить реформой. Юридический методъ въ томъ видѣ, какъ онъ примѣняется въ настоящее время въ Германіи, является по существу охранительнымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же методъ исходить изъ признанія совершившихся фактъ и потому не въ состояніи выставить никакого самостоятельнаго начала, направлennаго противъ революціи. Нечего и говорить, что догматический методъ, отправляющійся отъ абстрактныхъ построеній разума, носить рѣзко революціонный характеръ, когда борется съ историческимъ строемъ, либо крайне охранительный, когда имѣеть дѣло съ учрежденіями, реализовавшими его алріорнаго построенія. Проводя принципъ подражанія и заимствованія, сравнительный методъ долженъ въ концѣ концовъ водворить въ опредѣленной группѣ народовъ неподвижность ихъ политического строя, а всякая политическая неподвижность, оставленная безъ дальнѣйшаго руководства, ведетъ неизбѣжно къ революціи. Политической наукѣ должны быть одинаково чужды какъ застой, такъ и революція; задача ея—придать политическому видоизмѣненіямъ характеръ движенія постепенного и прогрессивнаго; осуществить такую задачу можно только помошью исторического метода. Доказательствомъ этого можетъ служить Англія съ историческимъ ростомъ ея учрежденій, столь отличнымъ отъ революціоннаго развитія политического строя Франціи, которой заправляли метафизики и рационалисты (стр. 218—231).

Исторический методъ долженъ служить специальнымъ цѣлямъ политической науки и нуждается въ этихъ видахъ въ особомъ приспособленіи. Прежде всего необходимо обратить вниманіе на то, чтобы исторія не поглотила политику, какъ это случилось съ политической наукой Англіи, превратившейся въ самодовѣльную конституціонную

историю (стр. 231—232). Самостоятельный задачи политической науки требуютъ, чтобы она пользовалась не простымъ историческимъ, но историко-критическимъ методомъ, при помощи которого всѣмъ фактамъ прошлаго производилась бы политическая оцѣнка (стр. 232). Такая оцѣнка въ состояніи дать опредѣленныя указанія, что изъ прошлаго слѣдуетъ сохранить и что необходимо преобразовать (стр. 235). Для отправленія критической функции политическая наука нуждается въ иѣкоторомъ восполненіи со стороны догматического метода и сравнительного. Сравненіе съ другими странами необходимо политику для правильнаго сужденія о томъ, насколько извѣстныя политическія течения въ данной странѣ глубоки и прочны; сравненіе служить подвѣркою оцѣнки, произведенной на почвѣ исторіи одного лишь народа. Отъ догматизма политическая наука заимствуетъ принципъ непамѣтнаго нравственнаго закона, съ требованіями котораго она соразмѣряетъ какъ свою критику, такъ и свои положительные идеалы. Когда историко-критическая работа закончена, и на основаніи ея намѣченъ путь спасительныхъ реформъ, возникаетъ практическая потребность облечь отдѣльныя мѣропріятія въ правовую форму. Тогда выступаетъ въ своей законной роли юридический методъ, и политическая наука прибѣгаєтъ къ созданнымъ имъ конструкціямъ (стр. 245—249).

Положивъ въ основу „истиннаго“ метода политической науки историзмъ, проф. Деляндръ считаетъ необходимымъ опредѣлить свое отношение къ исторической школѣ. Съ послѣдию онъ расходится, и не только потому, что усложняетъ исторический методъ критико-политической оцѣнкою и различными „восполненіями“, но, главнымъ образомъ, потому, что иначе смотрить на движущіе факторы политического развитія. Историческая школа видитъ въ этомъ развитіи одинъ лишь стихійный процессъ и совершенно изъ него устраиваетъ сознательное творчество. Проф. Деляндръ допускаетъ и послѣднее въ предѣлахъ, намъ уже извѣстныхъ изъ приведенного выше ученія объ „относительной фатальности“ и „относительной свободѣ“. „Et ainsi se pr  cise notre position vis-  -vis de l  cole historique. Avec elle nous r  pudions l  arbitraire, contre elle nous revendiquons la libert  “ (стр. 253).

Таковъ путь, предлагаемый проф. Деляндромъ для возрожденія политической науки. Мы неоднократно уже отмѣтили, что проф. Деляндра занимаетъ политика въ тѣсномъ смыслѣ: ея кризисъ онъ обсуждается, ее собирается возродить и для нея устанавливается методъ изслѣдованія. Никто не станетъ спорить, что каждая изъ дисциплинъ обширной государственной науки можетъ и должна быть

разрабатываема особо какъ по существу, такъ и въ формально-методологическомъ отношеніи. Съ этой стороны вполнѣ законны и умѣстны усилія проф. Деляндра, направленные на „политическую науку“. Но незаконно и неумѣстно, что своей „политической наукой“ проф. Деляндръ заполняетъ всю область обширной и разносторонней науки о государствѣ. Правда, мы встрѣчаемъ въ разбираемой книгѣ упоминаніе объ „общей политической наукѣ“, которая должна основываться на широкомъ пользованіи сравнительнымъ методомъ. Относящееся сюда мѣсто гласитъ: „Et d'abord, comme il y a une science politique g n rale qui doit  tudier toutes les formes politiques pour  tablir et classer les diff rents types d'assemblage sur lesquels peuvent  tre combin es les institutions gouvernementales des Etats, pour rechercher la correspondance de ces institutions aux conditions de milieu, de race, d' poque dans lesquelles les diff rents peuples peuvent se rencontrer, pour examiner le rendement de ces organismes divers, la facon dont ils satisfont aux besoins des soci t s, et pour  tudier les lois g n rales de leur d veloppement, il est  vident que cette science politique g n rale ne peut se faire que par l' tude comparative du plus grand nombre possible d'organisations politiques (стр. 173—174).

Больше нигдѣ въ книгѣ проф. Деляндра не говорится ни одного слова объ „общей политической наукѣ“. Остается совершенно непонятнымъ, какъ представляется проф. Деляндрю отношеніе этихъ двухъ политическихъ наукъ,—общей и частной (?), или прикладной (?). Затѣмъ возникаетъ вопросъ, въ какомъ, по мнѣнію автора, состояніи находится „общая политическая наука“, переживаетъ ли она кризисъ или же процвѣтаетъ. Неизвѣстно также, какъ примѣщается въ „общей политической наукѣ“ сравнительный методъ, въ формѣ ли простого сопоставленія, болѣе или менѣе остроумнаго, или же по строгимъ правиламъ сравнительно-исторического изученія. Наконецъ, что всего важнѣе, не выяснено ближайшее отношеніе политической оцѣнки, о которой столь часто говорить авторъ, къ тѣмъ законамъ политического развитія, которые, по его же мнѣнію, устанавливаются „общая политическая наука“. Между тѣмъ безъ выясненія этого отношенія собственная методологическая построекія автора не могутъ претендовать на сколько-нибудь объективное значеніе. Все это приводитъ насъ къ убѣждению, что цитированное мѣсто объ „общей политической наукѣ“ не болѣе, какъ риторическая тирада, прекраснымъ словамъ которой авторъ не придаетъ никакого значенія. Вся наука о государствѣ исчерпывается у него „политической наукой“, на которую

возложена утилитарная функция проведения постепенныхъ и прогрессивныхъ реформъ. Странно къ тому же, что эта „политическая наука“ отождествляется въ одномъ мѣстѣ съ государственнымъ правомъ: „Et c'est de tout celà, говоритъ авторъ, que je conclus qu'il y a une crise de la science politique et que le droit constitutionnel est comme une branche, sinon morte, du moins atrophiee sur le tronc puissant des sciences politiques aux autres ramifications si luxuriantes“ (стр. 6). А еще въ другомъ „ce que nous appelons du nom, d'ailleurs malheureux, de droit constitutionnel“ отождествляется съ нѣмецкимъ „droit administratif élargi“, подъ которымъ, какъ видно изъ контекста (см. стр. 94) авторъ понимаетъ *Verwaltungslehre*. Несомнѣнно, что по вопросу о выдѣлении отдельныхъ дисциплинъ государственной науки царить въ книгѣ проф. Деляндра крайняя сбивчивость и сплошная путаница.

Путаница эта является слѣдствиемъ односторонняго и формальнаго взгляда проф. Деляндра на задачу научнаго изслѣдованія. Проф. Деляндръ полагаетъ, что существуетъ одна истинна и сообразно этому не можетъ быть болѣе одного метода изслѣдованія: пользованіе нѣсколькими методами представляется ему распутьемъ (up cartefour, стр. 49). Между тѣмъ взглядъ этотъ икоинъ образомъ нельзѧ признать правильнымъ. Оставляя въ сторонѣ различіе чистаго и прикладнаго знанія, слѣдуетъ имѣть въ виду, что столь сложный комплексъ явлений, какимъ является государство, допускаетъ возможность изученія съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Каждая изъ этихъ точекъ зрѣнія ставитъ особую проблему, порождаетъ своеобразный процессъ мысли и сообразно этому создаетъ отдельный методъ. Наличность вызванныхъ такимъ образомъ нѣсколькихъ методовъ представляеть собою не распутьицу заблужденій, но правильную сѣть путей, проложенныхъ съ цѣлью возможно полнаго обслѣдованія обширной области, подлежащей изученію. Для изученія государства проложены двѣ магистрали,—соціологическая и юридическая: онѣ не устраиваютъ, но пополняютъ другъ друга.

Научный методъ является продуктомъ человѣческой мысли, которая не изъята изъ-подъ дѣйствія закона эволюціи. Всѣдствіе этого систематическое изученіе методовъ должно, по меньшей мѣрѣ, соблюдать историческую перспективу. Этого-то мы какъ разъ не находимъ у нашего автора, помѣщающаго въ одной плоскости и *esprit classique* революціонной метафизики и позитивный методъ современной соціологии. Отсутствіе исторической перспективы и лежащее въ основѣ его полное игнорированіе эволюціи научной мысли приводить къ тому,

что изображенная проф. Деляндромъ неподвижная методологическая картина не воспроизводить, но искалааетъ действительное положение дѣла. Мы отмѣтили это уже при разборѣ данного проф. Деляндромъ очерка развитія сравнительного метода. Теперь можемъ сослаться еще на отношеніе автора къ исторической школѣ, ученіе которой представляется ему и въ наше время въ томъ видѣ, какъ его формулировалъ Савинъ.

Возрождая „политическую науку“, проф. Деляндръ вводить въ нее между прочимъ и естественно-правовой принципъ, но дѣлаетъ это столь поверхностно, что нѣть возможности выяснить въ точности отношеніе его къ занимающему современныхъ юристовъ вопросу о возрожденіи естественного права.

Заглавіе книги проф. Деляндра разжигаетъ любознательность и влечеть къ ней читателя. Но тщательное ея изученіе разочаровываетъ и поучаетъ лишь тому, какъ не слѣдуетъ писать методологические трактаты.

Ф. Тарановскій.

Полигротий Сырку. Очерки изъ истории литературныхъ сношений болгаръ и сербовъ въ XIV—XVII вѣкахъ. Житіе св. Николая новаго Софійскаго, по единственной рукописи XVI вѣка. С.-Пб. 1901.

Новое произведение П. А. Сырку, несомнѣнно, должно занять почетное мѣсто въ ряду очень немногихъ трудовъ нашихъ славистовъ по истории всѣми забытой и мало извѣстной болгарской литературы, того періода, который наступилъ послѣ политического паденія Болгаріи, который почти совсѣмъ не интересуетъ болгарскихъ историковъ литературы и носить у нихъ название „эпоха на тьмино робство“. Широко поставленные и освѣщенные огромнымъ количествомъ фактovъ вопросы, богатство текстовъ и справокъ, избавляющихъ читателя прорѣвать ихъ по первоисточникамъ, внимательное отношеніе изслѣдователя къ самымъ даже незначительнымъ чертамъ и подробностямъ, тщательно напечатанные тексты, наконецъ отсутствіе предшественниковъ въ разсмотрѣнной авторомъ области болгарской литературы,—все это дѣлаетъ изслѣдованіе г. Сырку настолько замѣчательнымъ, что было бы непростительно оставить его безъ разбора. Къ сожалѣнію, размѣры нашей замѣтки не позволяютъ останавливаться на многихъ интересныхъ вопросахъ, затрагиваемыхъ авторомъ почти

на каждой страницѣ его работы, и мы ограничимся указаниемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно, имѣющихъ тѣсную связь съ тѣмъ періодомъ болгарской письменности, который можно назвать молдаво-валашскимъ, который разработанъ еще меньше, чѣмъ соотвѣтствующій ему по времени болгарскій, и ждеть своего изслѣдователя.

Книга г. Сырку состоитъ изъ слѣдующихъ главныхъ частей, почему-то самимъ авторомъ другъ отъ друга не отдѣленныхъ: I. Правописная реформа Константина Костенчскаго, литературная дѣятельность Стефана Лазаревича и отчасти его времени (LXXIII—CXLVIII); II. Владиславъ Грамматикъ, три его Панегирика — 1469, 1479 и 1483 гг.—и Сказаніе о перенесеніи мощей Іоанна Рыльскаго въ Рыльскій монастырь (CLX—CCVII); III. Слѣды тырновскаго и ресавскаго изводовъ въ болгарскихъ областяхъ въ XV—XVII вѣкахъ, господство ресавскаго извода въ западной Болгаріи и наиболѣе важные его памятники (CCXI—CCXIV); IV. Житіе св. Николая Софійскаго († 1555 г.), написанное Матвѣемъ Грамматикомъ и сохранившееся въ софійской рукописи 1564 года; пересказъ Житія, реальная къ нему примѣчанія, описание кодекса и наконецъ тексты — службы самого житія (CCLXV—CCCXLVI, I—LXXII, 1—157). Органической связи вѣсъ части, очевидно, не имѣютъ и соединены авторомъ по чисто-виѣшнимъ соображеніямъ, оправдываемымъ иногда довольно слабо, не всегда удачно, и вся работа несомнѣнно выиграла бы отъ раздѣленія ея на указанные пами отдѣлы.

Свое изслѣдованіе о духовномъ общеніи между болгарами и сербами г. Сырку начинаетъ краткимъ упоминаніемъ о византійскихъ исхастахъ въ Пароріи въ XIV вѣкѣ и о вышедшихъ изъ этой школы двухъ іерархахъ — Феодосіи и Евоіміи Тырновскихъ, послѣ чего подробнѣ останавливается на одномъ только послѣдовательѣ правописной реформы Евоімія — Константинѣ Костенчскомъ, авторѣ хорошо извѣстнаго по работѣ акад. Ягича „Сказанія о письменахъ славянскихъ“. Практические результаты дѣятельности Константина также хорошо извѣстны. Такъ называемые ресавскіе изводы, которыми дорожили въ XVI и XVII вѣкахъ и которые тщательно копировались безъ всякихъ почти измѣнений сербскими, болгарскими и, прибавимъ, валашскими переписчиками, — эти изводы получили такое распространеніе въ указанные выше вѣка, что почти всѣ рукописи съ сербскимъ правописаніемъ, которыхъ намъ приходилось имѣть подъ руками въ румынскихъ библіотекахъ, могутъ считаться копіями съ тѣхъ изводовъ, которые были правлены и редактированы или самимъ Константиномъ или его

литературно-графическими послѣдователями. Выводы г. Сырку въ этой части работы въ большинствѣ случаевъ справедливы. Но ислѣдователь напрасно не привлекъ къ дѣлу рукописей Цамблака или его времени. Правда, самъ авторъ какъ бы соглашается, что „собственно первымъ дѣятелемъ изъ болгаръ у сербовъ былъ Григорій Цамблакъ, который пробылъ тамъ, по всей вѣроятности, съ 1403 или 1404 по 1406 годъ; но значеніе его въ распространеніи сербской редакціи у болгаръ *не замѣтно*“ (стр. 03—04). Согласиться съ этимъ мы не только не можемъ, но, напротивъ, считаемъ Цамблака трезвымъ и дѣятельнымъ проводителемъ въ жизнь правописанія, предложенного его непосредственнымъ учителемъ. Если Константина былъ исключительно теоретикъ, если мы не знаемъ ни одной переписанной рукописи или редактированного имъ текста, если полемическимъ тономъ своего строго-догматического „Сказанія“ и пунктуальными до скрупулезности чисто-графическими правилами онъ вооружилъ противъ себя сербскихъ книжниковъ и, во всякомъ случаѣ, не пользовался популярностью, несмотря на расположение къ нему просвѣщенного деспота,—то Цамблакъ представляется намъ полной противоположностью реформатору въ Сербіи. Если даже не принимать во вниманіе извѣстный отрывокъ въ его „Словѣ похвальному патріарху Евѳимію“ о „развращенныхъ“ спискахъ славянскихъ книгъ въ Болгаріи до Евѳимія и о дѣятельности послѣдняго въ области „прѣписанія божественныхъ книгъ отъ елладскаго языка на болгарскій“ (E. Kalužniacki, Aus der panegyrischen Litteratur der Sied-Slaven, ss. 40, 76), то Цамблака можно назвать реформаторомъ исключительно практикомъ. Добровольно оставивъ митрополичью каѳедру юго-западной Руси, онъ удаляется въ Німецкій монастырь въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ XV вѣка, принимаетъ здѣсь схиму съ именемъ Гаврила и втечение трехъ десятилѣтій переписываетъ цѣлый рядъ рукописей, начиная книгами ветхаго завѣта и кончая оригинальными произведеніями болгарской и русской литературы; эти рукописи-автографы замѣчательнаго церковнаго писателя и опытнаго книжника можно назвать первыми по времени и достоинству кодексами, въ которыхъ правописная реформа Евѳимія проведена въ жизнь съ необыкновенной послѣдовательностью и, вѣроятно, точностью. Цамблакъ не былъ такъ строго пунктуаленъ, мелочно придирчивъ, жестоко требователенъ и наивно простъ въ своей теоріи о правописаніи, какими представляется намъ Константина. Цамблакъ былъ человѣкъ дѣла, и около 30 его рукописей (около двадцати рукописей Гаврила, датированныхъ разными годами второй четверти XV вѣка, было указано нами въ

нашѣй студенческой работѣ: Изъ славянскихъ рукописей. М. 1898 г., стр. 31—33) даютъ намъ болѣе вѣрное представлѣніе о требованіяхъ правописанія самого Евѳимія, чѣмъ растигнутый и почти неисполнимый во всѣхъ своихъ деталяхъ трактать грекомана Константина. Кромѣ того, г. Сырку, повидимому, не задумывается надъ вопросомъ, что именно въ „Сказаніи“ можетъ принадлежать Евѳимію и что придумано самимъ Константиномъ. Въ этомъ отношеніи громадный интересъ представляютъ тексты, переписанные Гавріломъ. Сравненіе ихъ съ соответствующими по содержанію ресавскими текстами покажетъ, въ какой степени сохраненъ у Константина Евѳиміевскій элементъ. Два текста Гавріла напечатаны нами въ упомянутой работѣ; остальные рукописи будутъ перечислены въ изслѣдованіи о Цамблакѣ, какъ писатель и лицѣ историческому. Вотъ почему для выясненія всѣхъ пунктовъ Евѳиміевой реформы непремѣнно нужно будетъ привлечь и рукописи Цамблака. Только послѣ примиренія его разумныхъ исправленій съ курьезно-мелочными нововведеніями Константина, можно будетъ говорить о текстахъ, такъ или иначе близкихъ къ самому Евѳимію. Если по нѣсколькимъ рукописямъ ресавского извода, тремъ сборникамъ Владислава и тексту Житія св. Николая Софійскаго г. Сырку можетъ говорить объ отраженіи въ нихъ реформъ Константина и Евѳимія, то безъ автографовъ Гавріила Цамблака, относящихся ко второй четверти XV вѣка, повторяемъ, обойтись нельзя. Повидимому, Константину приходилось считаться съ сербской письменностью предшествующаго периода, и онъ не могъ пересадить болгарское правописаніе на сербскую почву такъ, какъ ему того хотѣлось. Въ этомъ отношеніи Цамблакъ находился въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ: онъ работалъ въ Молдавіи, въ странѣ, где до начала XV вѣка славянская письменность была во всякомъ случаѣ мало развита. При содѣйствіи болгарскихъ монаховъ, явившихся въ эту свободную землю послѣ паденія Тырнова, при равнодушіи къ вопросамъ языка и литературы местного населенія и духовенства, Цамблакъ могъ насаждать славянскую письменность въ широкихъ размѣрахъ.

Затѣмъ, намъ представляется очень важнымъ вопросъ: можно ли говорить о соотношеніи между собой тырновскихъ и ресавскихъ изводъ на основаніи рукописей только двухъ болгарскихъ библіотекъ—синодальной и народной. Прежде всего не забудемъ, что происхожденіе этихъ собраний носитъ отчасти случайный характеръ, отчасти принадлежитъ позднему времени. Опять, намъ кажется, нельзя обойтись безъ рукописей румынскихъ библіотекъ, въ которыхъ особенно

многочисленны списки св. Писанія, рукописи богослужебныхъ и переводы свято-отеческихъ твореній. Самъ изслѣдователь не разъ отмѣчаетъ безусловно румынское происхожденіе той или иной рукописи, ея оригинала или же писца и т. д. (стр. СССХХVI — ССХХVII, ССХХXI, ССХХХII, ССХХХVII, ССХЛVII, ССЛIII, ССЛIV, ССЛХХVII и др.), и намъ кажется, что списокъ этотъ можно значительно увеличить. Достаточно привести слѣдующія цифры изъ статистики тѣхъ рукописныхъ собраній, которыя нами были описаны въ Румыніи: въ монастырѣ Агапія въ съвериої Молдавіи—1 сербская рукопись, въ Румынскай Академіи—4, Национальномъ Музѣѣ Древностей въ Букурештѣ—50, въ Нямецкомъ монастырѣ—около 20 и т. д. Среди нихъ попадается много рукописей, переписанныхъ въ Сербіи и въ западной Болгаріи, но большинство изъ нихъ—валашского происхожденія, ресавскаго извода, ближайшія копіи съ болгарскихъ и сербскихъ. Кроме того, можно было бы привлечь и сербскія рукописи XV—XVII вѣковъ русскихъ библиотекъ.

Помимо указанныхъ нами фактовъ, самъ г. Сырку говорить о культурныхъ сношеніяхъ болгаръ съ румынами, напримѣръ, что ученики Евсемія переселились въ румынскіе предѣлы (стр. IXXV), что Константиновъ способъ обученія долго держался у румынъ (стр. CXI), что сношенія болгаръ съ южно-руссами шло черезъ румынскія земли (стр. СХХII) и т. д. Къ этому прибавимъ, что послѣ 1393 года болгарскіе книжники въ большомъ числѣ удалились въ Молдавію, пришли сюда съ рукописями, и положили основаніе многихъ монастырей и скитовъ. Даље, если, по словамъ г. Сырку, Владиславъ Грамматикъ зналъ далеко не всѣ произведенія Евсемія (стр. СХСII), то мы опять укажемъ, что наиболѣе полно они представлены въ рукописяхъ отца Гавриила, въ настоящее время изданныхъ Калужицкимъ; а одно изъ нихъ, Похвальное слово Іоанну Поливотскому, сохранено только въ единственной рукописи Гавриила.

Переходимъ ко второму отдѣлу работы И. Сырку. М. Н. Сперанскій первый представилъ интересные результаты наблюдений надъ сборниками Владислава. Въ своей работѣ „Загребскіять рукописи на Владислава Грамматика“, *Сборникъ болгарскаго министерства*, кн. XVI и XVII, онъ доказалъ уже, что болгарскій переписчикъ второй половины XV вѣка принадлежалъ къ школѣ Константина Костенчскаго, что его рукопись отражаетъ большинство правиль ресавскаго извода, что его графика восходитъ къ Евсеміевої правописной реформѣ, что масса мелкихъ приписокъ и поясненій въ рукописи къ разнымъ

статьямъ обнаруживаетъ ту или иную черту его учености, любознательности, круга интересовъ, вкуса, холастиическую тонкость комментарievъ и т. д., что двѣ привиски даютъ намъ понятіе о Владиславѣ, какъ о историкѣ, наконецъ, что весь этотъ аппаратъ указываетъ прежде всего „на сознательное отношеніе Владислава къ оригиналу“. Всѣ эти выводы повторяетъ и Сырку (CLXIV—CLXVII). Намъ казалось бы, что пока неѣтъ основаній приписывать авторство этихъ интересныхъ историческихъ, этнографическихъ, географическихъ и естественно-историческихъ комментарievъ именно Владиславу. Дѣло въ томъ, что въ одной изъ рукописей конца XIV вѣка, изъ собранія во-коинаго священника о. Феофила Гепецкаго изъ Бессарабіи, читаются какъ разъ тѣ примѣчанія къ славянскому переводу Шестоднева Василія Великаго, который приводить въ своей статьѣ М. Н. Сперанскій и которыя даютъ возможность говорить о „начитанности Владислава и въ этомъ родѣ литературы; онъ знакомъ между прочимъ и съ Аристотелемъ“ (стр. 331; П. Сырку, CLXVI). На основаніи одинакового перевода и примѣчаній въ этихъ двухъ рукописяхъ,—Гепецкаго конца XIV вѣка и Панегирикѣ Владислава конца XV вѣка,—мы не имѣли возможности приписать ихъ составленіе Владиславу, и въ XXXI статьѣ нашихъ „Мелкихъ текстовъ и замѣтокъ по старинной славянской и русской литературѣ“, где изданы были неѣкоторыя изъ подобныхъ комментарievъ и русскія гlosсы XVII вѣка, мы оставили вопросъ о происхожденіи ихъ открытымъ, не упомянувъ даже о существованіи всѣхъ этихъ примѣчаній въ рукописи Владислава. То же самое мы сказали бы, пожалуй, относительно объяснительныхъ замѣтокъ на поляхъ сборника Рыльской обители № 43, изъ которыхъ немногія приводить П. Сырку на стр. CCXIII и CCXIV своего изслѣдованія. П. Сырку высказываетъ предположеніе, что и эта рукопись относится къ разряду рыльскихъ Панегириковъ 1479 и 1483 гг.; но намъ кажется, что примѣчанія, сдѣланныя рукой писца ничего не могутъ объяснить въ вопросѣ о происхожденіи самого сборника тырновскаго извода, такъ какъ совершенно тѣ же замѣтки мы находимъ въ сербскомъ, ресавскомъ сборнике Букурештскаго Национальнаго Музея XVI вѣка № 154 (391), также въ житіи Іоанна Златоустаго. Еще разъ повторяемъ: необыкновенно интересно поставленный изслѣдователемъ вопросъ о томъ, где именно былъ переложенъ тырновскій изводъ на ресавскій — въ Рыльскомъ-ли монастырѣ или иномъ мѣстѣ, — можетъ быть разрѣшенъ только въ томъ случаѣ, если къ дѣлу будетъ привлечены рукописи румынскихъ библіотекъ. Такъ, напримѣръ, въ Бу-

куруштскомъ музѣ хранится сербское Евангеліе—Апракосъ, переписанное въ 1503 году братомъ Анастасиемъ по новеллѣю рыльского игумена Феоктиста, въ томъ же году и скончавшагося. Является вопросъ: имѣемъ ли мы здѣсь случайный фактъ переписки въ самомъ началѣ XVI вѣка и въ самомъ большомъ болгарскомъ монастырѣ Евангелія не съ ресавскаго извода, который, по мнѣнію Сырку, преобладалъ здѣсь еще въ XV вѣкѣ (стр. СХС), а со старой сербской рукописи, или же Букурештская рукопись представляетъ копію съ того „редовнаго, обходѣщаго всегодищное число“ Евангелія (т. е. Апракоса), которое было переписано неизвѣстнымъ аеонскимъ монахомъ, вызваннымъ въ Сербію Стефаномъ Лазаревичемъ (стр. ХСVI). Возвращаемся къ Владиславу. По мнѣнію М. Н. Сперанскаго, рядъ приписокъ на одномъ изъ Панегириковъ Владислава даетъ намъ понять о немъ, какъ обѣ историкъ (П. Сырку, стр. CLXVI). „Междуда прочимъ,—говорить онъ,—здѣсь заслуживаетъ вниманія приписка Владислава о крещеніи болгаръ во время Бориса, хотя это приписка цѣликомъ взята изъ славянскаго перевода Зонары. Постѣ этого Владиславъ на полѣ листа 527 об., въ рамкѣ приводить замѣтку о крещеніи Руси, взятую также изъ Зонары, но въ перифразированномъ сводномъ текстѣ изъ иѣсколькихъ мѣстъ указаннаго византійскаго писателя“. Насколько осторожнымъ нужно быть въ такихъ выводахъ и наблюденіяхъ, показываетъ то, что совершенно тѣ же сербскія приписки нами были открыты въ средне-болгарскомъ сборнике *первой половины* XV вѣка и обѣ цѣликомъ напечатаны въ „Мелкихъ текстахъ и замѣткахъ“ XXXIV и XXXV (о времени написанія рукописи см. стр. 128 отдѣльного оттиска). Первая изъ нихъ носить заглавіе: „Какоже и коимъ образомъ бльгаре быше христіане да речетсѧ въ малѣ зде“, но изъ Зонары она не взята цѣликомъ, какъ думали изслѣдователи: вторая имѣть связь съ первой и озаглавлена: „Образомъ же сиковыми пакы рѣси приложиша се ѿ нечестія на христіанства“. Такимъ образомъ, обѣ эти выписки изъ славянскаго Зонары, въ значительной, правда передѣлкѣ, могли быть взяты Владиславомъ уже готовыми изъ тѣхъ примѣчаній и добавленій, которыя сопровождали иѣкоторыя югославянскіе списки русской „Повѣсти полезной о латинахъ“, принадлежащей перу извѣстнаго Пахомія. Къ этому прибавимъ, что, по нашему предположенію, Владислава Грамматика можно видѣть также въ переписчикѣ сборника Одесской библіотеки 1456 года: „Владиславъ дїакъ писа книгу сю ѿ Новога Брыда“. Л. Стојановић, Стари српски записи и написи, № 313, и отрывка

изъ Шестоднева Іоанна Златоустаго Румянцевскаго музея № 1734, переписаннаго въ 1480 году по повелѣнію игумена Рыльской обители Феофана, „давшоу послѣднемоу въ діацѣхъ Владислову діакону ѿ Чрынгорскіе Богородице“, іб. № 349, и наконецъ, житія св. Саввы Сербскаго въ сборникѣ Сараевскаго Церковнаго Музея, переписаннаго къ 1508 году, по повелѣнію игумена Спасова дома въ Сараевѣ іеромонаха Гавриила: „многогрѣши діаконъ Владиславъ, аще и грѣши есмъ... И тада пѣтова (вѣ) Сараево“, іб. № 399. Очевидно, Владиславъ переписалъ эту рукопись во время своихъ странствованій по монастырямъ сербскихъ земель. Такимъ образомъ, напрасно г. Сырку не прибавилъ къ тремъ изслѣдованнымъ имъ рукописямъ еще три, нами указанныя; записи на нихъ были изданы давно и только недавно собраны Стояновичемъ въ одной книгѣ.

Вопросъ о личности князя Кантакузина, заказчика Владиславова Панегирика 1469 года, разработанъ изслѣдователемъ таъ же неполно и случайно, какъ и вопросъ о самомъ грамматикѣ. Уже самъ авторъ признаетъ мало вѣроятными свои домыслы о Димитріи, которому, тѣмъ не менѣе, посвящаетъ цѣлыхъ 12 страницъ (стр. ССII—ССXI). Отождествленію его съ извѣстнымъ кратовскимъ княземъ, носившимъ то же имя и ту же фамилию и упоминаемымъ въ 1563 и 1564 гг.. мѣшаетъ, конечно, слишкомъ долгая продолжительность жизни первого изъ нихъ, а именно 125 лѣтъ, которую, впрочемъ, г. Сырку признаетъ „не невозможной“ (стр. ССIV). Но ясно, что мы имѣемъ дѣло съ совершенно разными лицами. „Димитрія Кантакузина,—говорить далѣе изслѣдователь,—мы знаемъ не только какъ любителя и покровителя (?) просвѣщенія, но еще какъ и писателя“ (ССIV). Ему онъ приписываетъ извѣстную „Молитву съ умиленіемъ ко пресветлѣи Владычицы нашей Богородицѣ Господи съ малою похвалою“, которая въ рукописи Сербской Академіи надписывается, какъ „твореніе Димитрія Кантакузина со стихомъ: сладчайша меда и съта“ и т. д. Намъ казалось бы, что ограничиваться одной ссылкой на Даничичево описание, помѣщенное въ I кн. Starine, и приписывать заказчику славянской рукописи несомнѣнно греческую по происхожденію молитву нѣсколько рискованно. Приведемъ здѣсь кое-что изъ того, что намъ извѣстно по настоящему вопросу. Во-первыхъ, Даничичъ прибавляетъ, что Руварцу извѣстно было уже три списка этой молитвы. Намъ она извѣстна по шести рукописямъ, изъ которыхъ ни одна не восходитъ ко времени раньше средины XVII вѣка. Если бы г. Сырку обратился къ труду Л. Стояновића, „Каталогъ рукописа и старихъ штампанихъ кѣнига“, то на-

шель бы, что на стр. 180 описанъ упоминаемый Даничичемъ Сборникъ и относимый Стояновичемъ, какъ и слѣдовало ожидать, ко второй половинѣ XVII вѣка. О нѣкоторыхъ статьяхъ той же рукописи говоритъ проф. В. М. Истринъ въ своемъ отчетѣ о заграничной командировкѣ, *Журналъ Министерства Народного Просвещенія*, 1896, юнь, стр. 79.

Далѣе, эта же молитва напечатана въ Анеологіонѣ, вышедшемъ въ Москвѣ въ 1660 году, на стр. 441—459 и озаглавлена: „Молитва ко пресвятой Богородицѣ зѣло умиленна, твореніе Димитрія Кантакузина по стихамъ со исповѣданіемъ“. Ссылку на московское изданіе можно было бѣ найти въ „Оглавлениіи книгъ“ Сильвестра Медведѣева подъ № 59-мъ, причемъ русскій библіографъ приводить и первыя слова молитвы: „Всѣхъ царя и Бога“, замѣчаетъ, что въ ней восемь главъ и что друкована она въ Москвѣ въ 7169, т. е. 1660—61 году (въ изданіи В. М. Ундорского, стр. 48). Въ „Очеркѣ славяно-русской библіографіи“ того же автора находимъ подъ 759 номеромъ Анеологіонъ 1660 года. Недавно Д. Мариновъ напечаталъ текстъ этой молитвы по рукописи молдавскаго происхожденія изъ Рыльскаго монастыря 1793 года, переписанной, повидимому, однимъ изъ учениковъ Паисія Величковскаго († 1794), въ XVIII томѣ Болгарскаго Министерскаго Сборника, стр. 77—82. Хотя и Д. Мариновъ приписываетъ ее перу Димитрія Кантакузина, заказчика Панегирика 1479 (sic) года, тѣмъ не менѣе согласиться съ этимъ очень трудно. Самъ г. Мариновъ говорить, что „среди болгарскаго боярства подобной фамиліи не было“ (стр. 74), и упоминаетъ нѣсколькихъ совершенно не идущихъ къ дѣлу представителей этой фамиліи изъ византійскихъ высшихъ чиновниковъ XII—XIV вѣковъ. Болѣе удачны его справки изъ сербской исторіи. Онъ указываетъ, между прочимъ, на Андроника Кантакузина, одного изъ чиновниковъ Стефана Душана, и мелькомъ замѣчаетъ, что „Шербанъ Кантакузинъ въ 1688 г. бѣль влашки господарь“. Къ сожалѣнію, ни г. Сырку, ни г. Мариновъ не обратились къ исторіи Валахіи, гдѣ они не только нашли бы болѣе подходящихъ для предположенія о составленіи молитвы Кантакузиновъ, но и остановились бы на валашскомъ господарѣ Димитріи Кантакузинѣ, правившемъ въ 1674—1675 годахъ (A. D. Хепорол, *istoria românilor din Dacia Trajana*, vol VII, p.p. 236—238). Чтобы покончить съ сербскими Кантакузинами, приведемъ слѣдующіе три факта: мы имѣемъ надпись на митрѣ Круshedольскаго монастыря, сдѣланной для бѣлградской митрополіи госпожей Кантакузинъ (госпога Кантакузина) въ 1447 г.

Љ. Стојановић, Стари српски записи и патписи, № 288. Другой како-то Кантакузинъ упоминается въ надписи 1517 года, какъ ктиторъ Предтеченского храма въ Яшунскомъ монастырѣ, Нишкаго округа, ib., № 430. Наконецъ, съ полной увѣренностью можно думать, что подъ господаремъ и княземъ Димитриемъ разумѣется Кантакузинъ, заказчикъ Кратчевскаго Евангелия 1563 года, въ надписи 1566 года на рукописи Карловичской библиотеки: въ лѣто 1566. жи-ца ѿдѣшвириа .з. 8 творника приставна господарь кнѧзь Дмитъръ и т. д. Љ. Стојановић, тамъ же № 657.

Такимъ образомъ, приписывать сербскому Кантакузену составление греческой молитвы совершенно невозможно. Что эта молитва переведена съ греческаго, видно изъ самого размѣра стиховъ, которые имѣютъ размѣръ и даютъ акростихъ: „сладчайша меда и сата“ только при обратномъ переводе ихъ на греческий языкъ. Итакъ, автора молитвы слѣдуетъ искать только среди румынъ. Мысль эта далеко не нова. Еще въ 1892 году проф. Н. И. Петровъ предполагалъ, что въ Тырговищской греко-латино-славянской школѣ „или отъ учителей ея получилъ образованіе родственникъ Басарабы (точнѣе, Матвѣя Басарабы) Димитрій Кантакузень, вносядѣствіи господарь молдавскій, составившій силлабические вирши въ духѣ южно-русскихъ ученыхъ XVII вѣка“ (Бессарабія, изданіе П. Н. Батюшкова, стр. 81 и примѣч. 180). Но очевидно, Н. И. Петровъ или не видѣлъ этихъ „виршъ“ или же принялъ молитву за „вирши“ только потому, что первыя двѣ строки на самомъ дѣлѣ риѳмованы; о греческомъ происхожденіи ихъ онъ, по-видимому, и не думалъ. Д. Мариновъ указываетъ на то, что мрачный колоритъ молитвы можно объяснить политическими обстоятельствами на балканскомъ полуостровѣ и что нѣкоторое влияніе на Димитрія Кантакузина могла оказать „Пѣснь пѣсней“ Матвѣя Кантакузина (стр. 82). Какъ первое, такъ и второе предположеніе мало вѣроятны. Мы знаемъ цѣлый рядъ Кантакузеновъ, игравшихъ видную роль въ судьбѣ придунайскихъ княжествъ, начиная съ XV вѣка; нѣсколько лицъ изъ этой фамиліи были на престолѣ Валахіи и Молдавіи (A. D. Xenopol, op. cit., vol. VII, p. 150 et sequ.). О византійскихъ фамиліяхъ въ румынскихъ государствахъ вообще и о связи ихъ съ Палеологами ib. vol. III, p. 90, vol. IV, p. 109, vol. V, p. 97, 219, vol. VI, p. 234). Молодость Димитрія Кантакузена совпадаетъ съ временемъ измѣнившего греческаго влиянія на культуру Валахіи. Въ это время здѣсь работали на книжномъ поприщѣ Паисій Лигаридъ и Игнатій Петрипъ, а въ правленіе Щербана Кантакузина столица Валахіи была

совершенно огречена (А. Д. Хенорол, op. cit. vol. VIII. p. 220). Если припомнить, что рукописи съ интересующей насъ молитвой не встрѣчаются раньше середины XVII вѣка и что большинство изъ нихъ—мoldавскаго происхожденія, то приписывать „Молитву съ умилениемъ“ мoldавскому господарю намъ представляется вполнѣ возможнымъ.

Кромѣ указанныхъ недочетовъ, въ изслѣдованіи П. Сырку найдемъ иѣсколько мѣсть, вызывающихъ недоразумѣніе. По мнѣнію автора, „характеръ содержанія сборника Владислава быть вызванъ и временемъ и мѣстными обстоятельствами“ (стр. CCIX). Но едва ли вообще можно видѣть какое бы то ни было отраженіе жизни въ подборѣ самыхъ популярныхъ догматическихъ, учительныхъ и житійныхъ произведеній, вошедшихъ въ Панегирикъ. Едва ли также можно думать, что Константина былъ „знакомъ съ иѣкоторыми“ произведеніями классической литературы—Фукидида, Аристотеля, Платона, Гомера, и обнаруживаетъ знаніе исторіи Александра Македонскаго“ (CLIV). Несомнѣнно, что Константина, какъ и большинство славянскихъ книжниковъ, бралъ всякаго рода миѣнія и ссылки уже готовыми. Кромѣ того, г. Сырку въ данномъ вопросѣ не держится опредѣленного взгляда: съ одной стороны, на стр. CLXVII, онъ полемизируетъ съ М. Н. Сперанскимъ по поводу того, можно ли думать о непосредственномъ знакомствѣ Владислава Грамматика съ Аристотелемъ, какъ предполагаетъ Сперанский, съ другой (на стр. CCLX—VIII), самъ приводить очень длинный перечень литературныхъ произведеній, начиная св. Писаниемъ и кончая византійскими историками, которыхъ будто бы зналъ авторъ Житія св. Николая Софійскаго: дѣло въ томъ, что отъ простыхъ ссылокъ, взятыхъ на прокатъ изъ популярнаго переводнаго греческаго трактата и до изученія подлинниковъ—очень далеко, чтѣ мы видимъ, между прочимъ, изъ словъ и житій Григорія Цамблака, одного изъ лучшихъ книжниковъ юго-славянской литературы. То же въ извѣстной степени можно сказать и объ Евѳиміи и другихъ писателяхъ. Что же касается миѣнія г. Сырку о присутствіи въ Панегирикахъ апокрифическаго элемента, то намъ кажется, незачѣмъ приписывать это ни Владиславу лично, ни Димитрію Кантакузину (стр. CCX). „Приверженность къ неканоничнымъ рассказамъ“ ничего абсолютнаго не можетъ говорить о „благочестии и церковной чистотѣ“ извѣстнаго лица или извѣстній школы. У того же Цамблака мы отмѣтили данные, взятыя болѣе чѣмъ изъ 30 разныхъ апокрифовъ; а въ переписанныхъ имъ рукописяхъ апокрифы перемѣщаны съ самыми каноническими статьями.

По поводу довольно поздней записи на служебной Минеѣ Сиво-дальной Софийской Библиотеки, съ сербскимъ правописаніемъ: „*минеѧ цибѣскї* (sic) г. Сырку говоритьъ, что „значеніе этой надписи объяснить не можетъ“ (стр. ССXXXVII). Очевидно, изслѣдователь поставилъ въ затрудненіе неточной передачей записи у Спространова. Опять намъ оказывають огромную услугу рукописи румынскихъ книгохранилищъ, напримѣръ, въ сборникѣ XV вѣка Нямецкаго монастыря № 89 (66) (по нашему описанію, стр. 70), въ концѣ рукописи читается подобная же запись въ слѣдующемъ видѣ: *тнѧ книга зноўска* или же сборникъ того же времени № 90 (52), л. 450 об. *тнѧ пагрѣкъ* *бноўска*: на аскетическомъ сборникѣ Ново-нѣмецкаго монастыря № 24 (19): *книгѣ манастира знофа*; кроме того, рукописи изъ того же афонскаго монастыря во имя св. Георгія находятся въ настоящее время въ Букурештскомъ Национальномъ Музѣѣ, напр. № 46 (323), и др. Насколько распространены были рукописи изъ Ксенофоскаго монастыря въ Сербіи, показываетъ хотя-бы то, что въ упомянутой книжѣ Стояновича среди записей XV—XVII вв. мы встрѣчаемъ название этого монастыря нѣсколько разъ, стр. 154, 319, 367 и др.

По поводу статьи одного Рыльскаго богослужебного сборника, озаглавленной: „*Примѣла празникомъ изъеринныхъ на полѣглѣсъ, твореніе кирѣ филодіа*“, г. Сырку отмѣчаетъ, что въ ней „нѣть припѣловъ ни Саввеѣ сербскому, ни Іоанну Рыльскому“ (стр. ССXXII). Въ наиболѣе старыхъ и исправныхъ спискахъ эта статья приписывается кирѣ Филодію монаху, бывшему логосѣту Миричи воеводы и, какъ мы указали въ работѣ „Изъ славянскихъ рукописей“, стр. 59—61, она валашскаго происхожденія, относится къ началу XV вѣка, а потому въ ней могутъ быть припѣлы исключительно греческимъ святымъ, чтд доказывается многими извѣстными намъ списками XV—XVII—вв. Да-лѣе, едва-ли можно считать ошибкой, но скорѣе опечаткой, ту эпоху, къ которой Сырку относить „*Поученія господаря Іоанна Нагое*“ №№ 223 и 224. Самому г. Сырку принадлежитъ специальная статья объ этихъ поученіяхъ начала XVI вѣка, а на стр. ССXXIX своего изслѣдованія онъ относить рукопись къ XIV—XV (sic) вв.

Сравненіе Житія св. Николая Софийскаго, составленного Матвѣемъ, съ Житіемъ Стефана Лазаревича, написаннымъ Константиномъ Костенческимъ, приводить г. Сырку къ заключенію, что „мѣстами въ обоихъ Житіяхъ встрѣчаются почти одинъ и тѣ же выраженія“ (ССXCIV); но приводимыя имъ въ видѣ доказательства три пары фразъ настолько далеки другъ отъ друга, что мы не могли бы на основаніи

сравненія говорить ни объ „аналогичномъ соотвѣтствіи“, ни о „впечатлѣніи въ отношеніи сходства“. Намъ кажется, что въ этомъ отношеніи Житіе Николая Софійскаго стоить совершенно одиноко и не имѣть никакой связи съ произведеніями Евѳимія, Цамблака, Константина и Владислава. Наоборотъ, предъ нами довольно рѣдкій литературный фактъ: агіографический разсказъ, написанный подъ жизнью впечатлѣніемъ жизни и мученичества мѣстного святого. Если же въ угоду школѣ иѣкоторыя мѣста у Матвѣя затемнены риторикой, то такія вводныя риторические экскурсы слишкомъ обычны въ подобныхъ произведеніяхъ. Поэтому мы не можемъ согласиться съ изслѣдователемъ, будто рассматриваемое Житіе „съ литературной стороны можно отнести къ Евѳиміеву типу житій“ (СССXXXVII); ни въ концепціяхъ его, ни въ распределеніи частей, ни въ напыщенныхъ выраженіяхъ,—мы не видимъ ни малѣйшаго сходства съ произведеніями Евѳимія или его учениковъ. Однимъ словомъ, напрасно будемъ искать для нашего автора какихъ бы то ни было славянскихъ образцовъ; скорѣе ихъ можно найти въ житіяхъ тѣхъ греческихъ сборниковъ, которыя указаны г. Сырку на стр. СССXXVIII его изслѣдованія. Та же изолированность этого агіографического памятника возбуждается сомнѣніе въ предположеніи г. Сырку, будто существовали народныи пѣсни, „сложенные по свѣжимъ слѣдамъ событій“, или же церковныи, которыя народъ пѣлъ почившему, но не погребенному еще мученику (ССХCIX и СССXLIII). Мы думаемъ, что здѣсь можно говорить не о специальныхъ канонахъ и тропаряхъ въ честь новаго святого, а о тѣхъ общихъ службахъ мученику, которыя такъ обычны въ общихъ миѳеяхъ или же прибавляются отдельно къ миѳямъ праздничнымъ: въ такихъ случаяхъ стоитъ только замѣнить имѣрекъ извѣстнымъ именемъ, и служба готова. Наконецъ, намъ кажется иѣсколько смѣльымъ дѣлать на основаніи одной рукописи выводъ о томъ состояніи „въ которомъ находилось софійское интелигентное славянско-болгарское общество, о культурномъ уровнѣ и отчасти стремленіяхъ и литературныхъ вкусахъ“ (стр. ССL). Дѣло въ томъ, что у насъ подъ руками слишкомъ одинокій фактъ. Въ томъ уже обстоятельствѣ, что Житіе св. Николая Софійскаго дошло до насъ въ единственной рукописи и не оставило ровно никакого слѣда въ письменности своего и послѣдующаго времени, мы можемъ видѣть какъ разъ обратное тому, что предполагаетъ изслѣдователь.

Изъ иѣсколькихъ замѣченій нами случаевъ противорѣчій отмѣтимъ слѣдующія: на стр. CV—CVI г. Сырку переводить слово кѣтръ

ница—вѣдьма или знахарка, а на стр. CXIX указывая на то, что такое толкование принадлежитъ И. В. Ягичу, самъ сомнѣвается въ этомъ объясненіи. На стр. CIII—CIV г. Сырку думаетъ, что Константина смѣшиваетъ † съ и „подъ вліяніемъ болгарской редакціи“, и на стр. CXLI рѣшаетъ, что изданный г. Ягичемъ списокъ „сдѣланъ нѣсколько позже Константина, чтѣ можно заключить по нѣкоторымъ особенностямъ языка, какъ напримѣръ употребленію и вмѣсто †“, и др. Въ заключеніе прибавимъ, что г. Сырку напрасно оставилъ безъ разрѣшенія слѣдующіе вопросы: разумѣль-ли Константина подъ угробными облеченные или же восходящія долгія (стр. CXXX); насколько правдоподобны преданія объ основаніи монастыря тремя братьями вдовыми священниками, изъ которыхъ игуменомъ былъ старшій по возрасту (CXCVII); совершенно одинаковыя преданія находимъ и о возобновленіи Рыльскаго монастыря въ первой половинѣ XIV вѣка, и объ основаніи Ніаменского монастыря въ концѣ XIV вѣка; какое происхожденіе названія мѣдной площади, гдѣ находилась въ Софіи церковь Вознесенія (стр. CCXCIII) и многіе другіе.

Если бы мы не считались съ тѣмъ фактамъ, что первые листы книги г. Сырку были напечатаны около двадцати лѣтъ тому назадъ, а остальная работа велась при далеко неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ видно изъ предисловія (стр. 09—010), то мы указали бы нѣсколько недочетовъ въ описаніи Софійской рукописи и томъ словарѣ, который приведенъ на стр. LI—LXXII. Но указаніе подобныхъ недостатковъ въ такой интересной и цѣнной книгѣ, заключающей болѣе 550 страницъ изслѣдованія и текста, нисколько не уменьшитъ всего ея значенія. Отмѣтимъ только, что слово *доместичъ* (*domestico*), какъ случай совпаденія въ произношеніи г и к (стр. XXXVIII) наряду со словами *граматигъ vocat.* *граматикъ*, *гнига* и др. сдѣлывало бы скорѣе объяснять въ данномъ случаѣ румынской фонетикой, чѣмъ сербской. Такой же румынизмъ, по нашему мнѣнію, и форма *искрѣ* вмѣсто *истра* (стр. LX); женское склоненіе слово *войска* (стр. LXX) параллельно румынскому *oastea*, слову женскаго рода, такъ же, какъ и *monastigea*—монастырь. Напрасно изслѣдователя затрудняетъ слово *шепраніе*, которое едва-ли имѣеть какое-нибудь отношеніе къ румынскому *rătăranie* (стр. LXXII), потому что оно встрѣчается нерѣдко между прочимъ, въ одномъ изъ произведеній Евсемія, *E. Kaluzniacki, Werke*, с. 33. Наконецъ, въ Житіи Николая Софійскаго находимъ румынізмы *варъ*—*vara*, въ значеніи лѣто, жара; *кондика*—*condică*; *кхона*—*cîprână*,

мѣра емкости; мыты—mustū, виноградный сокъ; ограда—ограда; огни-
вата—interepi, и мн. др.

А. Йицхакшемій.

Е. Голубинский. Исторія канонизации святыхъ въ русской церкви, издание второе, исправленное и дополненное, напечатанное Императорскимъ обществомъ исторіи и древностей российскихъ при Московскомъ университѣтѣ. Москва, 1903 (стр. 600).

Почтенный авторъ этого обширнаго труда, заслуженный профессоръ Московской духовной академіи Е. Е. Голубинскій вызванъ быть, какъ онъ говорить въ предисловіи къ настоящему изданию, нѣсколько лѣть тому назадъ случайными обстоятельствами написать изслѣдованіе на тему, указанную въ заголовкѣ, и писалъ его къ тому же на срокъ, будучи самыи этимъ срокомъ стѣсненъ и ограниченъ въ изученіи предмета. Поэтому, напечатавъ свой трудъ (въ іюньской—сентябрской книжкахъ „Богословскаго Вѣстника“ за 1894 г.), авторъ не хотѣлъ разставаться съ заинтересовавшимъ его предметомъ и, тотчасъ по напечатаніи изслѣдованія первымъ изданиемъ, возобновилъ занятія имъ, съ цѣлю его дальнѣйшаго изученія. Отсюда объясняется появленіе новаго, по возможности исправленного и дополненнаго, изданія „Исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ“. Безъ сомнѣнія, авторъ имѣлъ право сказать, не рискуя подвергнуться упреку въ самомнѣніи, что желаемость и полезность труда, подобнаго тому, который онъ представляетъ на судъ публики, не могутъ подлежать сомнѣнію, хотя бы трудъ былъ и далекъ отъ совершенства. Не менѣе вѣрно и то, чтѣ говорится въ заключительномъ послѣдовании къ настоящей книжкѣ, именно, что изданіе, называемое имъ „по возможно-
сти исправленнымъ и дополненнымъ“, должно быть понимаемо не въ смыслѣ дѣйствительнаго доведенія авторомъ своего труда, въ его вторичной обработкѣ, до возможной степени совершенства, а лишь въ смыслѣ: „fecit quod potuit“... Состояніе знанія въ той области, которую профессоръ Голубинскій сдѣлалъ предметомъ своего специальнаго изслѣдованія, еще въ такой степени неудовлетворительно, какъ мы увидимъ, и трудности, съ которыми встрѣтился почтенный историкъ канонизаціи русскихъ святыхъ, настолько велики, нерѣдко даже непреодолимы, что о „возможно-совершенной“ исторіи, или объ исторіи, „доведенной до возможнаго совершенства“, говорить пока преждевременно! Но указанная трудность, конечно, не освобождала ав-

тора отъ обязанности въ болѣе упорядоченномъ видѣ, чѣмъ это сдѣлано имъ, изложить результаты своего изслѣдованія, которое произведетъ иногда такое впечатлѣніе, что работа автора и на этотъ разъ была спѣшною. Напримѣръ, у него есть „введеніе“, въ которомъ содержится указаніе литературы; но характеръ вводныхъ же статей, предваряющихъ „исторію канонизаціи святыхъ въ русской церкви“ имѣютъ у автора „понятіе канонизаціи и слово: канонизація“, затѣмъ „канонизація святыхъ въ греческой церкви, древней и позднѣйшей“, а отвѣтъ на возраженія противъ слова: „канонизація“, какъ латинскаго и, по этой самой причинѣ якобы недопустимаго въ примѣненіи къ русскимъ святымъ, помѣщается, въ видѣ одного изъ приложений, въ самомъ концѣ книги. Другіе подобные примѣры будуть указаны ниже.

Изъ сказанного уже видно, что въ книгѣ профессора Голубинскаго различаются вводная часть, самая исторія канонизаціи русскихъ святыхъ и приложения.

Вводная часть начинается съ того, чтѣ самъ авторъ назвалъ „введеніемъ“. Здѣсь указывается литература, изученная авторомъ, какъ общая, такъ и мѣстная, т. е. трактующая о святыхъ отдѣльныхъ мѣстностей (архангельскихъ, владимирскихъ, волынскихъ и т. д.). По этому литературному обозрѣнію нельзя судить о дѣйствительномъ трудолюбіи и о дѣйствительномъ библиографическомъ знаніи почтеннаго профессора, такъ какъ въ обозрѣніе вошли только новыя жизнеописанія святыхъ и новыя ученыя о нихъ изслѣдованія, а болѣе или менѣе древнія житія святыхъ, въ томъ числѣ рукописныя сказанія и записи о святыхъ, напримѣръ лѣтописныя, равно какъ тѣ или другіе, относящіеся до нихъ официальные акты, вообще первоисточники, указываются въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ самого изслѣдованія.

Понятіе о канонизаціи и отвѣтъ на возраженія противъ употребленія этого термина очевидно должны разсматриваться, какъ одно цѣлое, хотя и помѣщены на противоположныхъ полосахъ книги г. Голубинскаго. Авторъ вполнѣ резонно отстаиваетъ удобство и цѣлесообразность этого термина, какъ техническаго, не смотря на его латинское происхожденіе, при чмъ указывается рядъ словъ, введенныхъ въ русскій языкъ изъ латинскаго и твердо укоренившихся въ нашемъ словоупотребленіи, даже въ духовномъ же вѣдомствѣ, какъ напр., регламентъ, оберъ-прокуроръ синода, викарій, консисторія ¹⁾,

¹⁾ Съ авторомъ, впрочемъ, нельзѧ согласиться, когда онъ (стр. 530 въ прям.)

семинария, ректоръ и т. д. Рядъ такихъ словъ, конечно, могъ бы быть очень длиннымъ, и тѣ, кто вооружается противъ извѣстныхъ терминовъ, какъ терминовъ латинскихъ, могли бы дойти, пожалуй, до изгнанія терминовъ: „императоръ“ и „августѣйшій“, какъ имѣющіхъ латинское происхожденіе. Изъ возраженій, какъ равно и изъ отвѣта на нихъ, можно видѣть, что у насъ и до сихъ поръ возможны еще споры о вещахъ, относительно которыхъ спорить безполезно. Тѣмъ не менѣе профессоръ Голубинскій считаетъ нужнымъ подкрѣпить свои аргументы дополнительнымъ указаниемъ на то, что самъ митрополитъ Филаретъ, относившійся сначала неодобрительно къ слову „канонизація“, какъ къ выраженню латинскому, „которое относится къ западнымъ обрядамъ, чуждымъ православной церкви (каковы, напримѣръ, въ чинѣ западной канонизации „адвокатъ святого“ и „адвокатъ дьявола“), впослѣдствіи не только дозволялъ употребленіе другими этого слова, но и самъ употреблялъ его. Нашъ авторъ, очевидно, настолько свѣдущъ въ вопросѣ о латинской канонизації, что не раздѣляетъ высказаннаго митрополитомъ Филаретомъ сужденія объ адвокатѣ святого и адвокатѣ дьявола въ чинѣ западной канонизації (въ примѣрѣ З на стр. 532) и рѣшительно не раздѣляетъ мнѣнія, будто въ Римѣ святой можетъ быть извѣстенъ только одному папѣ, который можетъ канонизовать во святые кого хочетъ, единственно по собственному усмотрѣнію и произволу, тогда какъ на Руси сначала чудеса творятся въ народѣ, а потомъ уже церковная власть устанавливаетъ праздникъ святому. На самомъ дѣлѣ, говорить профессоръ Голубинскій, между нашимъ православнымъ причтеніемъ къ лицу святыхъ и между латинскою канонизаціей во святые по существу нѣтъ различія, а различіе не по существу состоить въ томъ, что у католиковъ процессъ доказанія о чудесахъ и удостовѣренія въ нихъ длиннѣе и сложнѣе нашего, и что объявленіе канонизаціи совершается съ особою, весьма пышною церемоніей, которой у насъ нѣтъ (стр.

говорить, что „название нашихъ консисторій, конечно, есть заимствованное изъ латинского языка название папскихъ консисторій, но название усвоено у насъ присутственному мѣсту, не имѣющему ничего общаго съ тѣми присутственными собраниями, которые у папъ называются консисторіями“. Что название „консисторія“ заимствовано изъ латинского языка, это несомнѣнно; но папская консисторія была слишкомъ далека отъ насъ—гораздо ближе была епископскій официалатъ, называвшійся также и консисторіей, а еще ближе была лютеранская консисторія, существовавшая во всѣхъ лютеранскихъ странахъ уже задолго до того времени, когда у насъ епархиальное присутственное место получило официальное название консисторіи.

530—531). Дѣйствительно, съ виѣшней стороны наблюдается различие немалое, и притомъ не только въ отношеніи длины, сложности и пышности, а различіе юридическихъ формъ судебнаго процесса. У насъ процедура, предшествующая причтенію къ лицу святыхъ, согласно вообще съ духомъсложившагося у насъ церковнаго судопроизводства, носить характеръ „обыска“ или „слѣдствія“. У латинянъ, опять-таки согласно съ духомъ западнаго канонического процесса, канонизация облеклась въ состязательныя формы, которыя, однако, не даютъ основанія ни характеризовать ихъ, какъ борьбу „адвоката святого“ съ „адвокатомъ дьявола“, ни утверждать, будто папа можетъ производить во святые, кого захочетъ, по своему личному усмотрѣнію. Иниціатива исходить не отъ папы и вообще не отъ официальныхъ какихъ-либо органовъ власти, а отъ лицъ, намѣревающихся выступить въ качествѣ судебной стороны и побудить церковную власть къ канонизации, даже потребовать ея (отсюда название — *postulatores*). Эти *postulatores* выбираютъ себѣ повѣренного (прокуратора) для веденія процесса предъ епископомъ и для препровожденія актовъ судопроизводства, какъ скоро оно закончится, къ папскому престолу. Другою стороною въ процессѣ является промоторъ или фискалъ, который ex officio обязанъ опровергать доводы прокуратора. Дѣло идеть о наличности основанія для канонизации, а таковыми основаніемъ служатъ не одни только чудеса, какъ говорить профессоръ Голубинскій, а и такъ называемыя героическія добродѣтели, которыя, выходя за предѣлы естественныхъ силъ человѣческой природы, знаменуютъ высшую степень совершенства, такъ что украшенныя этими добродѣтелями лица высоко поднимаются надъ другими праведными людьми. Подъ героическими добродѣтелями разумѣются въ особенностіи такъ называемыя богословскія добродѣтели (вѣра, надежда и любовь) и четыре кардинальныя или основныя добродѣтели (благородство, справедливость, мужество и умѣренность). Только въ канонизаціонномъ процессѣ мучениковъ доказательства направляются не на констатированіе героическихъ добродѣтелей, а на самый фактъ мученичества. По отношенію къ мученикамъ существуетъ еще и другая особенность: возможна канонизация малолѣтнихъ, убитыхъ изъ ненависти къ христіанской вѣрѣ или во время гоненія на христіанъ, между тѣмъ какъ, по общему правилу, канонизация допускается лишь по отношенію къ людямъ, имѣвшимъ въ моментъ смерти способность сознательно различать доброе отъ злого и сознательно вести добродѣтельную жизнь. Вышеуказанное производство предъ

епископомъ есть только прелиминарная стадія процесса. Акты производства вмѣстѣ съ заключеніемъ епископа препровождаются въ Римъ за печатями и поступаютъ въ конгрегацію обрядовъ (*congregatio rituum*). Постуляторы снова избираютъ себѣ прокуратора и входятъ съ прошеніемъ о распечатаніи запечатанныхъ актовъ предварительного производства, а также о назначеніи кардинала-докладчика (*cardinalis relator*), впрочемъ не раньше, какъ черезъ 10 лѣтъ послѣ препровожденія актовъ. Но такъ какъ причтеніе къ лику святыхъ, несмотря на частный починъ, разсматривается какъ публичное дѣло церкви, то лица уважаемыя, авторитетныя, въ особенности государи должны присоединить свои просьбы о томъ же. Должно еще замѣтить, что канонизація въ собственномъ смыслѣ, т. е. причтенію къ лику святыхъ, предшествуетъ беатификація, т. е. причтеніе къ лику блаженныхъ; поэтому прошенія и просьбы могутъ относиться первоначально только къ беатификації. Послѣ изданія папой декрета о распечатаніи актовъ и о назначеніи кардинала-докладчика, послѣдній докладываетъ въ засѣданіи конгрегаціи содержаніе актовъ, промоторъ высказываетъ свое мнѣніе и ставится вопросъ о допустимости производства дѣла въ конгрегаціи, послѣ чего папойдается конгрегаціи формальное порученіе на веденіе дѣла. Этотъ конгрегаціонный процессъ въ свою очередь распадается на нѣсколько процессовъ или составляется изъ нѣсколькихъ стадій. Въ процессѣ выступаютъ и прокураторъ, и промоторъ. Конгрегація не ограничивается притомъ свѣтѣніями, поступившими отъ одного мѣстного епископа, а собираетъ свѣдѣнія изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ жилъ, умеръ или творилъ чудеса усопшій, или гдѣ вообще можно найти какія-либо данныя о жизни, о славѣ святости, о добродѣтеляхъ и о чудесахъ усопшаго. Въ собственно - канонизаціонномъ процессѣ инициатива опять исходитъ отъ прокуратора постуляторовъ, который входить съ представленіемъ въ конгрегацію обрядовъ; конгрегація обращается къ епископамъ мѣстнымъ для полученія фактическихъ свѣдѣній и, провѣривъ правильность мѣстного производства, постановляетъ известное рѣшеніе. Но папа, даже и утвердивъ рѣшеніе конгрегаціи, прежде чѣмъ приступить къ торжественнымъ обрядностямъ объявленія о канонизаціи, составляетъ сначала тайную консисторію, въ которой, сообщая кардиналамъ о своемъ рѣшеніи, спрашивается ихъ совѣтъ, затѣмъ составляетъ публичную консисторію, въ которой консисторіальный адвокатъ дѣлаетъ докладъ о предположенной канонизації, наконецъ составляетъ третью, полупубличную консисторію,

въ которой и присутствующіе въ Римѣ епископы привлекаются къ подачѣ своихъ мнѣній. (Обо всемъ этомъ, и въ гораздо болѣе подробнѣй видѣ, см. у Гиншиуса—*Hinschius, System des katholischen Kirchenrechts*, В. IV, § 211. Ср. еще *Hergenröhler, Lehrbuch des kathol. Kirchenrechts*, 1888, S. 490—492). Изъ сказанного можно видѣть, по личному ли своему усмотрѣнію папа канонизуетъ, кого ему вздумается канонизовать. Г. Голубинскій по существу, конечно, правъ, называя подобное разсужденіе „совершеннымъ вздоромъ“ (стр. 531), хотя, можетъ быть, это выраженіе и страдаетъ излишнею рѣзкостью. А что касается процессуальныхъ формъ канонизаціи, то, при всей необычности ихъ для нашего правосознанія, ими едва ли не болѣе удовлетворительно достигался и достигается результатъ процесса, именно установление правильнаго основанія для канонизаціи, чѣмъ стариннымъ русскимъ „обыскомъ“. По крайней мѣрѣ, на латинской западѣ не видно тога страннаго и иногда прямо соблазнительнаго колебанія, примѣрами котораго изобилуетъ книга г. Голубинскаго: возведенія во святые и потомъ низведенія изъ святыхъ, установленія празднованія и потомъ прекращенія празднованія. Намъ можетъ показаться также страннымъ, что, по словамъ автора книги, въ латинской церкви „для беатификаціи требуется два чуда и для канонизаціи во святые еще два чуда или всего четыре чуда“ (стр. 282 въ примѣч.). Но, во-первыхъ, это не совсѣмъ точно. Въ декреталѣ Бенедикта XIV 1741 г. различаются свидѣтели чудесъ—очевидцы (*testes de visu*) и свидѣтели по слуху (*testes de auditu*): если чудеса подтверждаются свидѣтелями-очевидцами, то, дѣйствительно, для беатификаціи достаточно двухъ и для канонизаціи четырехъ чудесъ, но при свидѣтеляхъ по слуху для беатификаціи требуются четыре чуда, а для канонизаціи еще сверхъ того два чуда (*Hinschius*, стр. 252, прим. 6). Во-вторыхъ, тутъ мы имѣемъ дѣло очевидно съ известной характериою чертою римского права—стремленіемъ устанавливать точные регулятивы, устраняющіе возможность произвола. Нѣчто подобное должно было существовать и у насъ. По словамъ г. Голубинскаго, при гробѣ патріарха московскаго Іова совершилось нѣсколько чудесъ, но „дѣло о его канонизаціи не состоялось, потому что чудеса, по ихъ малому количеству (записано четыре чуда) или по ихъ качеству, признаны недостаточными для причисленія Іова къ лицу святыхъ“ (стр. 268 въ примѣч.). Г. Голубинскій предполагаетъ даже (предположеніе, впрочемъ, сомнительное), что „древнею нашею практикою было установлено какое-либо правило относительно того, послѣ

какого количества чудесъ дозволительно было воабуждать ходатайство о причтении подвижника къ лицу святыхъ" (стр. 282). Замѣчательнымъ образомъ у г. Голубинскаго встрѣчаются такія выраженія, которыя, пожалуй, не вдругъ встрѣтишь и у католиковъ. Говоря о преподобномъ Іосифѣ волоколамскомъ, что ему три раза было установлено празднованіе, два раза мѣстное и въ третій разъ общее, и приводя доказательства въ пользу предположенія, что уже во второй разъ имѣлось въ виду установить ему общее празднованіе (на соборѣ 1589 г.), авторъ объясняетъ, что соборъ, „по разсмотрѣніи правъ Іосифа на это послѣднее празднованіе, нашелъ вѣроятно, что Іосифъ къ тому времени, въ качествѣ чудотворца, прославился недостаточно, чтобы быть причтенымъ къ повсемѣстнымъ святымъ" (стр. 116). Подобнымъ же образомъ говорится, что епископы явились на соборъ 1547 г. „съ доказательствами правъ на канонизацію, какъ чудотворцевъ, извѣстнаго количества святыхъ" (стр. 106), и что на соборѣ 1549 г. митрополитъ удостовѣрился относительно извѣстныхъ святыхъ „въ правъ ихъ на канонизацію, какъ чудотворцевъ, только по обыску, произведеному послѣ собора 1547 г." (стр. 96 въ примѣч.). О какихъ „правахъ" могла бы тутъ идти рѣчь, и въ особенности о какихъ „правахъ" святыхъ на канонизацію можетъ говорить въ настоящее время православный богословъ? О правахъ въ отношеніи къ Богу, или о правахъ въ отношеніи къ живымъ людямъ, составляющимъ изъ себя церковь воинствующую? Надобно полагать, что ни Богъ не можетъ состоять въ обязательственныхъ отношеніяхъ къ усопшимъ, хотя бы и самыемъ святымъ, людямъ, ни эти послѣдніе не могутъ состоять въ юридическихъ отношеніяхъ, которыхъ могли бы послужить источникомъ ихъ правъ въ отношеніи къ людямъ, живущимъ на землѣ. Слово „права" тутъ совершенно неумѣстно: религіозный долгъ почитанія святыхъ не имѣеть коррелятива въ чьихъ либо правахъ и источникомъ своимъ имѣеть не юридическое отношеніе, а чувство зависимости отъ Бога, какъ Верховнаго Существа, прославляющаго святыхъ, и въ потребности молитвенного ходатайства предъ Нимъ святыхъ, Ему благоугодившихъ.

По поводу разсужденій проф. Голубинскаго, направленныхъ къ выясненію понятія канонизаціи, нужно сдѣлать еще одно замѣченіе. На стр. 11 въ примѣчаніи говорится, что въ латинской церкви существуетъ два разряда святыхъ: блаженные, читые обязательнымъ образомъ лишь мѣстно въ какой либо странѣ или области (приченіе къ лицу блаженныихъ—*beatificatio*), и въ собственномъ смыслѣ свя-

тые, канонизуемые изъ областныхъ и читые обязательнымъ обра-
зомъ повсемѣстно, во всей церкви. Это неточно. Лишь сравнительно
рѣдко и даже въ видѣ исключенія предполагается почитаніе блажен-
наго, по общему же правилу оно лишь дозволяется въ извѣстномъ
мѣстномъ округѣ. А бываетъ, хотя опять и рѣдко, и лишь въ видѣ
исключенія, что почитаніе дозволяется и въ цѣлой церкви. Разница
между канонизаціей и беатификаціей, по правильному объясненію
Гинніуса (IV, 250), состоять скорѣе въ томъ, что въ канонизаціи
содержится окончательное определеніе о причисленіи къ лику свя-
тыхъ, обоснованное на наличности всѣхъ къ тому предположеній,
въ томъ числѣ и распространенія славы святости въ широкихъ кругахъ
вѣрующихъ, тогда какъ въ беатификаціи содержится предполо-
женіе о святости, обоснованное лишь настолько, чтобы допустить
почитаніе праведника въ мѣстномъ кругѣ,—поэтому-то канонизація и
предваряется, по общему правилу, беатификацией. Ясное усвоеніе этой
разницы было бы, какъ мы увидимъ ниже, не безполезно для автора
въ той части его работы, где ему приходится говорить о разныхъ
классахъ или категоріяхъ почитаемыхъ у насть усопшихъ и о томъ,
кому принадлежить право на канонизацію или канонизующая власть.
А теперь пока отмѣтимъ, что авторъ оставилъ насть въ неизвѣстности
относительно того, какъ нужно понимать употребленіе у насть термина
„блаженный“ въ примѣненіи къ нѣкоторымъ усопшимъ праведникамъ
(каковы, напримѣръ, древніе учителя церкви Августинъ и Феодоритъ),
иогда даже съ дополнительнымъ разъясненіемъ, что они называются
не святыми, а только блаженными.

Вводная статья о канонизаціи святыхъ въ греческой церкви трак-
туетъ данный предметъ, различая древнюю греческую церковь и
позднѣйшую. О выводахъ автора по вопросу о томъ, какъ и кѣмъ
совершалась канонизація, будеть случай говорить ниже. Здѣсь мы
изложимъ выводы относительно того, кто былъ канонизуемъ, и на
какомъ основаніи. Выводы эти имѣютъ большею частію характеръ
предположеній, не по винѣ автора, а потому, какъ онъ говоритъ, что
„о канонизаціи святыхъ въ древней греческой церкви мы почти что
не имѣемъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній“ (стр. 13).

Различаются слѣдующія категоріи святыхъ въ древней греческой
церкви: 1) такие, для которыхъ самая принадлежность въ извѣстному
классу служила свидѣтельствомъ святости (ветхозавѣтные патріархи и
пророки и новозавѣтные апостолы, не говоря уже о стоящихъ въ
классовъ — Божіей Матери и о большемъ въ рожденыхъ женами

Іоаннъ Предтечъ); 2) люди, совершившіе такой подвигъ, который, по вѣрованію церкви, одинъ и самъ по себѣ, доставлялъ лицу, его подъявшему, вѣнецъ святости,—это мученики (но не исповѣдники вообще, такъ какъ послѣдніе, оставшись въ живыхъ послѣ подъятаго ими подвига, могли потомъ владѣть въ тяжкіе грѣхи); 3) подвижники-аскеты, относительно которыхъ необходимо думать, что церковь признавала ихъ святыми не по причинѣ принадлежности ихъ къ извѣстному классу, а потому что лично того или другого изъ нихъ считали достойнымъ сего признания; 4) іерархи или святители, которые первоначально, по всей вѣроятности, причисляемы были къ лику святыхъ или канонизуемы одинаково съ мучениками, т. е., потому самому, что были святителями, а позднѣе одинаково съ подвижниками, или черезъ приложеніе къ нимъ того же требованія, которое издревле прилагалось къ послѣднимъ; 5) цари и царицы, которые причислялись къ лику святыхъ или за свои заслуги передъ церковью, или за свою личную добродѣтельную жизнь. Относительно подвижниковъ въ частности авторъ высказываетъ предположеніе, едва ли основательное, что основаніемъ пріченія того или другого изъ нихъ къ лику святыхъ служилъ даръ чудотвореній, а не добродѣтельная жизнь и не слава святости сама по себѣ. Предположеніе подѣбныя указаниемъ на то, что „читая житія древнихъ подвижниковъ, причисленныхъ церковью къ лику святыхъ, мы почти не находимъ между ними такихъ, которые бы не обладали даромъ чудотвореній еще при жизни“ (стр. 16), а также ссылкой на позднѣйшее время. Не всѣ житія столь же древни, какъ тѣ подвижники, подвиги которыхъ описаны въ житіяхъ, а изъ возврѣнія, которое сдѣгалось господствующимъ въ позднѣйшее время, дѣлать заключеніе къ древнѣйшему времени рѣдко бываетъ возможно.

Въ позднѣйшей греческой церкви выступаютъ два класса святыхъ: мученики и подвижники. Первые канонизуются за самую смерть мученическую, послѣдніе на основаніи дара чудотвореній. А изъ свидѣтельства второй половины XVII вѣка (патр. іерусал. Нектарія † 1680 г.) авторъ выводить, что для канонизаціи требовалось (хотя, по мнѣнію г. Голубинскаго, и не всегда, а лишь большою частію) не только прославленіе отъ Бога даромъ чудотвореній, но еще и нетлѣніе тѣла, или же знаменіе отъ костей, состоящее въ особомъ ихъ благоуханіи, каковое требование Нектарій объясняетъ тѣмъ, что люди сдѣливались менѣе добросовѣстны, стали поддѣлывать чудеса и сочинять добродѣтельную жизнь умершихъ, вслѣдствіе чего и потребовались, кромѣ

чудесъ, еще другія знаменія (стр. 28). Наличность мощей для при-
численія къ лицу святыхъ въ древнія времена во всякомъ случаѣ не
требовалась,—объ этомъ можно заключать уже изъ того одного, что
обычай выкалывать изъ земли тѣла умершихъ святыхъ явился лишь
сравнительно поздно (стр. 32—34). Позднѣйшее значеніе мощей въ
дѣлѣ канонизаціи святыхъ побудило автора къ историческому разъ-
ясненію самого понятія о мощахъ; къ этому вопросу онъ возвращается
и въ одномъ изъ приложенийъ къ своей книгѣ (прилож. XX). Рядомъ
историческихъ свидѣтельствъ доказывается, что мости греческихъ свя-
тыхъ были или цѣльны тѣла, или кости, и что мости отъ многихъ
святыхъ не сохранились, а „если въ настоящее время извѣстны мости
почти что всѣхъ греческихъ святыхъ, то нужно имѣть въ виду, что,
по свидѣтельствамъ, не подлежащимъ сомнѣнію, у грековъ до не осо-
бенно давняго времени весьма процвѣтала продѣлка мости“ (стр. 34
въ примѣч. 2). Цѣльныхъ мости не могло быть и потому, что древніе
греки отличались въ почитаніи мостию особенностью: старались какъ
могно болѣе пріобрѣтать частицъ разныхъ мости для своихъ церквей
и для себя лично. Въ исторіи встрѣчаются удивительные примѣры,
что къ умирающему подвижнику собирались жители окрестныхъ се-
леній, чтобы имѣть возможность расхитить его тѣло тотчасъ, какъ
онъ испустить духъ (стр. 37 въ прим.).

Переходимъ къ тому, что составляетъ въ собственномъ смыслѣ
содержаніе книги проф. Голубинскаго,—къ исторіи канонизаціи рус-
скихъ святыхъ. Разсмотрѣніе этого содержанія опять производить въ
читателѣ впечатлѣніе труда спѣшнаго, который, будучи несомнѣнно
весыма цѣннымъ трудомъ, еще болѣе выигралъ бы, если бы было
предложенъ читающему въ болѣе упорядоченномъ видѣ. Не гово-
римъ уже о своеобразномъ стилѣ автора, давно извѣстномъ по дру-
гимъ его ученымъ трудамъ,—стилѣ, въ немалой степени страдающемъ
плеоназмами и циннотами. Авторъ почему-то избѣгаетъ обычнаго,
особенно для такихъ обширныхъ книгъ, какъ рецензируемая книга
проф. Голубинскаго, раздѣленія на главы, помѣчая разные отдѣлы
своего изслѣдованія римскими цифрами, а довольно обширный отдѣлъ
(„Списки почитаемыхъ усопшихъ“), предшествующій „приложеніямъ“
и занимающій свыше 60 страницъ, лишенъ даже и таковой помѣтки.
Можно далѣе не согласиться съ авторомъ относительно необходимости
излагать общія правила о порядкѣ канонизаціи дважды: въ сравни-
тельно краткомъ видѣ, какъ предпосланныя изложенію отдѣльныхъ
канонизацій, и въ подробнѣмъ, какъ „общее обозрѣніе канонизаціи“

святыхъ въ русской церкви" (подъ VI). Хотя предпосланное изложение общихъ правилъ занимаетъ немнога мѣста (всего три страницы), но все же лучше бы было говорить объ одномъ и томъ же не дважды, а однажды; тѣмъ болѣе, что обширное изложение не совсѣмъ соответствуетъ порядку краткаго изложения.

Не считая послѣдняго, не помѣченного никакимъ № отдѣла, изслѣдованіе составляется изъ шести отдѣловъ: I) Канонизація святыхъ въ русской церкви отъ начала христіанства въ Россіи до макаріевскихъ соборовъ 1547 и 1549 гг.; II) Макаріевскіе соборы 1547 и 1549 гг.; III) Пространство времени отъ собора 1549 г. до учрежденія св. синода; IV) Время отъ учрежденія св. синода до нашихъ дней; V) Русскіе святые въ святцахъ печатныхъ богослужебныхъ книгъ и въ печатныхъ святцахъ, отдѣльно изданныхъ; VI) Общее обозрѣніе канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Въ каждомъ изъ первыхъ четырехъ отдѣловъ авторъ перечисляетъ отдѣльныя канонизаціи святыхъ, при чёмъ сообщаются и тѣ историческія свѣдѣнія, если не о каждой отдѣльной канонизаціи, то о многихъ изъ нихъ, которые послужили основаніемъ для обобщенія въ началѣ и въ концѣ изслѣдованія. Поэтому, отлагая разсмотрѣніе этихъ историческихъ свѣдѣній до разсмотрѣнія и опѣнки шестого отдѣла, мы ограничимся пока краткимъ обзоромъ числовыхъ данныхъ каждого периода. Историческая почва не только для древнихъ, но даже и для болѣе позднихъ временъ настолько неустойчива, что изслѣдователь, по недостатку точныхъ оснований, долженъ или вынужденъ обосновывать свои суждѣнія на вѣроятностяхъ.

Въ первомъ отдѣлѣ дается списокъ 67 святыхъ. Изъ нихъ, по изысканіямъ автора, только пять или семи было установлено формальнымъ образомъ и съ самаго начала или спустя непродолжительное время послѣ установленія мѣстнаго празднованія общечерковное или повсемѣстное, на пространствѣ всей русской церкви, празднованіе; всѣмъ же остальнымъ святымъ установлено мѣстное празднованіе. Пять святыхъ, которымъ несомнѣнно установлено было съ первого раза или скоро вслѣдъ за установлениемъ мѣстнаго празднованія, суть Борисъ и Глѣбъ, Феодосій печерскій, митрополитъ Петръ и Алексій. О двухъ святыхъ проф. Голубинскій говорить довольно противорѣчиво: о Сергії радонежскомъ и Кириллѣ бѣлозерскомъ. На стр. 90 говорится, что "формальное древнее установление имъ общечерковного празднованія можетъ быть предполагаемо", а на стр. 294 говорится, что послѣдніе два святые, "по всей вѣроятности, безъ па-

рочитой канонизациі, а сами собой стали общими святыми". Но въ ближайшее къ макаріевскимъ соборамъ времѧ, еще до этихъ соборовъ, сдѣлались изъ мѣстныхъ святыхъ общерусскими святыми еще 15 святыхъ: в. кн. Ольга, в. кн. Владіміръ, кн. Михаилъ черниговскій и бояринъ его Феодоръ, кн. ярославскіе Феодоръ, Давидъ и Константій, Леонтій, Исаія и Игнатій ростовскіе, Антоній печерскій, Никита Переяславскій, Варлаамъ новгородскій, Дмитрій прилуцкій и Авраамій ростовскій. Въ домакарьевскіе списки святыхъ внесены были и нѣкоторыя другія имена; но относительно, по крайней мѣрѣ, четырехъ изъ нихъ (митрополитовъ московскихъ Кипріана и Фотія, Максима московскаго юродиваго и Евфросиніи княжны сузdalской) авторъ доказываетъ, что имена ихъ были внесены произвольно писцами. Первымъ двумъ установлено мѣстное празднованіе въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ лишь въ позднѣйшее синодальное время, третьему на соборѣ 1547 г., послѣдней въ 70-хъ годахъ XVI вѣка.

Во второмъ отдељѣ излагается дѣятельность двухъ соборовъ, состоявшихся при московскомъ митрополитѣ Макаріи въ 1547 и 1549 гг. Въ два приема канонизовано было на этихъ соборахъ, и большейю частию не вновь (а изъ мѣстныхъ святыхъ) 39 святыхъ. Авторъ объясняетъ эти канонизаціи тѣмъ, что, по сознанію времени, новое положеніе церкви въ третьемъ Римѣ требовало, чтобы она украшалась всею духовною красотою и сохранялась на высотѣ своего стоянія молитвами всего сонма своихъ чудотворцевъ (стр. 93). Канонизаціямъ предшествовало изысканіе или дознаніе о чудесахъ святыхъ, а соборъ 1549 г. (впрочемъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, по словамъ г. Голубинскаго, также и соборъ 1547 г.) занимался еще изслѣдованіемъ житій и каноновъ тѣхъ святыхъ, которыхъ онъ канонизовалъ, насколько житія и каноны этихъ святыхъ были до него написаны. Въ общемъ итогѣ, съдовательно, къ 22-мъ святымъ, канонизованнымъ до соборовъ, присоединилось 39, канонизованныхъ на соборахъ 1547 и 1549 гг. Относительно нѣкоторыхъ именъ, вошедшихъ въ списокъ 67-ми предыдущаго періода, авторомъ установлено, что празднованіе имъ прекратилось (каковы: кн. Мстиславъ Владіміровичъ, сынъ Владіміра Мономаха, Мстиславъ Храбрый и др.).

Въ третьемъ періодѣ, за времѧ отъ собора 1549 г. до учрежденія св. Синода авторъ различаетъ два класса святыхъ,—такихъ, хронологія канонизаціи которыхъ извѣстна намъ точнымъ или приблизительнымъ образомъ, и такихъ, хронологія канонизаціи которыхъ неизвѣстна намъ ни точнымъ, ни приблизительнымъ образомъ. Поэтому

даются два списка святыхъ: съ извѣстною и съ неизвѣстною хронологіей канонизаціи. Въ первомъ спискѣ 56 имень, въ числѣ которыхъ находимъ, между прочимъ, Артемія Веркольскаго, крестильянскаго мальчика, въ 13-лѣтнемъ возрастѣ убитаго на полѣ громомъ (стр. 128). Во второмъ спискѣ имѣется 90 святыхъ, но авторъ оговаривается, что не имѣть возможности составить списокъ вѣрный и полный. Если бы, говорить онъ, существовала изданій отъ св. синода мѣсяцесловъ всѣхъ русскихъ святыхъ, какъ общихъ, такъ и мѣстныхъ, вѣрный и полный, „мы могли бы допускать ту погрѣшность, чтобы ошибочно указывать это время канонизаціи, но тогда мы имѣли бы возможность избѣжать пропусковъ, такъ чтобы иныхъ святыхъ не вносить въ списокъ, равно какъ избѣжать и погрѣшительныхъ излишествъ, такъ чтобы внести въ списокъ такихъ усопшихъ, которые на самомъ дѣлѣ не суть святые“ (стр. 137). Обороты рѣчи не совсѣмъ складны, но мысль автора ясна и становится еще болѣе ясною, когда онъ добавляетъ, что поставленъ въ необходимость составлять свой списокъ святыхъ „на основаніи частныхъ каталоговъ, принадлежащихъ книжнымъ людямъ XVII вѣка, на основаніи словарей, жизнеописаній и каталоговъ святыхъ, принадлежащихъ ученымъ людямъ нынѣшняго времени“, а въ старыхъ и въ новыхъ каталогахъ, въ словаряхъ и въ жизнеописаніяхъ смѣшиваются „канонизованные или настоящіе святые съ неканонизованными или ненастѣющими святыми“. Святой канонизованный или настоящій, по опредѣленію проф. Голубинскаго, есть тотъ, которому установлено и совершаются ежегодное празднованіе (служба), которому молебствуется (поются молебны) и къ которому обращаются съ молитвами; святой неканонизованный или ненастѣющій есть тотъ, который почитается за святого отъ народа, но которому не установлено и не совершается празднованіе и не молебствуется, и память котораго, въ чаяніи и съ желаніемъ его прославленія, совершаются поминованными литургіями и панихидами. Надобно замѣтить, что если канонизація или внесеніе въ списки святыхъ совершились въ теченіе разматриваемаго периода, то это не значитъ, что канонизованные или внесенные жили въ этотъ именно періодъ; по времени ихъ жизни они относятся къ разнымъ столѣтіямъ, начиная съ XII. Авторъ отмѣчаетъ, какимъ изъ нихъ въ настоящее время уже не празднуется, но и тутъ даетъ видѣть, насколько трудно для изслѣдователя прійти къ твердымъ выводамъ даже и въ этомъ отношеніи. Напримеръ, о Константинѣ I, митрополитѣ кievскомъ, о которомъ въ нашихъ лѣтописяхъ говорится подъ 1159 г., замѣчается, что

„въ настоящее время какъ будто уже не празднуется“ ему (въ Черниговѣ, где было установлено ему мѣстное празднованіе). Правда, Словарь историческій о святыхъ говоритъ, что память его мѣстно совершается 5-го июня, но объ отсутствіи празднованія авторъ заключаетъ изъ того, что о митрополитѣ Константинѣ ничего не говорится у Филарета, архіепископа черниговскаго, которому именно, какъ архіепископу черниговскому, нельзя было забыть о черниговскомъ святымъ (139 въ прим.). Точно также о Кириллѣ туровскомъ авторъ не можетъ сказать положительно, празднуется ли ему въ настоящее время (140). Напротивъ, о Василькѣ, князѣ ростовскомъ, взятомъ татарами въ плѣнъ въ битвѣ на Сити и потомъ убитомъ ими, авторъ положительно говоритъ, что въ Ростовѣ ему въ настоящее время не празднуется (141 въ прим.). О Кириллѣ вельскомъ или вожескомъ сообщается, что это былъ тіунъ одного изъ новгородскихъ намѣстниковъ (передъ покореніемъ Новгорода Москвою), который, для спасенія отъ гибели своего господина, хотѣвшаго убить его, бросился въ реку Вагу и утонулъ въ ней, и по извлечениіи изъ воды былъ погребенъ при теперешней кладбищенской церкви города Вельска. Когда-то, до половины XVI вѣка, было установлено ему или само собою установилось празднованіе, но послѣ того какъ, около половины прошлаго вѣка (очевидно XVIII вѣка), въ случившійся пожарѣ церкви мощи сгорѣли вмѣстѣ съ церковью, и послѣ того какъ въ 1780 г. Вельскій посадъ былъ обращенъ въ городъ Вельскъ, празднованіе, какъ кажется по сознанію его нелегальности, т. е. произвольности, было прекращено вельскимъ духовенствомъ (150). Подобный же случай имѣть мѣсто съ празднованіемъ Прокопію устьянскому, „совершенно неизвѣстному по своей личности, или по своему званію и состоянію усопшему, который, при посредствѣ солнаго видѣнія, сообщилъ обѣ одномъ только своеимъ имени“, и мощи которого когда-то до начала второй половины XVII вѣка обрѣтены были въ селѣ Верюжскомъ Вельскаго уѣзда. Когда-то до 1739 г. было установлено ему празднованіе, и въ церкви села Верюжскаго устроенъ былъ придѣлъ въ честь его. Но въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣковъ празднованіе было прекращено епархиальнымъ начальствомъ.

Разматриваемый отдѣль заканчивается иѣкоторымъ дополненіемъ къ двумъ вышеуказаннымъ спискамъ—третиимъ краткимъ спискомъ, въ которомъ стоять всего два имени, но эти имена можно назвать въ извѣстномъ смыслѣ знаменитыми,—имена княгини Анны кашинской и Евфросина псковскаго. Первая, въ правленіе патріарха Іоакима,

была исключена изъ святцевъ съ отмѣной установленнаго празднованія ея памяти,—такъ что мы тутъ, по выражению проф. Голубинскаго, имѣемъ случай кассированія или уничтоженія канонизаціи. Надобно замѣтить, что незадолго до Иоакима самъ царь Алексѣй Михайловичъ съ супругой приходилъ въ Кашино молиться княгинѣ Аниѣ и присутствовалъ при перенесеніи ея мощей изъ ветхаго деревяннаго Успенскаго собора въ каменный Воскресенскій, впредь до построенія новаго каменнаго Успенскаго собора на мѣстѣ деревяннаго, и самъ же поручилъ Елифаню Славинецкому составить службу княгинѣ, а царь Феодоръ Алексѣевичъ велѣлъ освятить новопостроенный соборъ съ придѣломъ въ честь преподобной благовѣрной княгини Анны. Евфросинъ Исковскій, при томъ же Иоакимѣ, изъ разряда обще-церковныхъ святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1549 г., былъ низведенъ въ разрядъ святыхъ мѣстныхъ. Изъ разсмотрѣнія дѣла княгини Анны дѣйствительно получается тотъ выводъ, къ которому пришелъ и проф. Голубинскій, что побужденіемъ къ столь рѣшительному шагу со стороны патріарха послужили не столько результаты „обыска“, сколько соображенія церковной политики. Дѣло въ томъ, что, по распространенному тогда слуху, сложеніе перстовъ правой руки княгини Анны служило аргументомъ въ пользу раскольническаго двуперстія. Только, кажется, авторъ выразился слишкомъ сильно, говоря о кассаціи или уничтоженіи канонизаціи. Въ приговорѣ Иоакимовскаго собора 7185 г. (1677) (копію съ списка дѣяній этого собора я имѣлъ случай видѣть въ Московскому архивѣ министерства юстиції) выражена скорѣе мысль, что это рѣшеніе не окончательное, а временное, впредь „до величаго собора“ и „до подлиннаго извѣщенія“, егда аще чимъ впредь Богъ объявитъ и утвердитъ“. „Великій соборъ“ былъ созванъ, говорить проф. Голубинскій (стр. 165), Иоакимомъ 1-го января 1678 г. Но такъ какъ на этомъ соборѣ были лишь повторены доводы предшествующаго собора, и никакого нового „подлиннаго извѣщенія“ къ этому времени не произошло, то правильнѣе было бы думать, что вопросъ остался *in suspenso*. Тою же церковною политикою объясняется и низведеніе преподобнаго Евфросина въ разрядъ мѣстныхъ святыхъ: житіе его (конечно не самимъ преподобнымъ написанное) было составлено такъ, что служило аргументомъ въ пользу раскольнической сугубой аллилуїи.

Въ четвертомъ отдѣлѣ обозрѣвается время отъ учрежденія св. синода до нашихъ дней. Здѣсь авторъ опять оговаривается, что хотя святые, канонизованные въ настоящій періодъ къ общему празднованію, намъ извѣстны, но что касается мѣстныхъ святыхъ, то и здѣсь

возможны если не излишки, то опущенія, такъ какъ указы о мѣстномъ празднованіи до недавняго времени (до появленія „Епархальныx Вѣдомостей“ и органа св. синода—„Церковныхъ Вѣдомостей“) нигдѣ не печатались, и знать ихъ всѣ сполна, безъ всякаго опущенія, нѣть возможности. Авторъ излагаетъ отдельно канонизаціи святителей Дмитрия ростовскаго, Иннокентія иркутскаго, Митрофана воронежскаго, Тихона задонскаго и Феодосія черниговскаго. Далѣе идетъ исчисленіе святыхъ, канонизованныхъ къ мѣстному празднованію, между которыми занимаетъ выдающееся мѣсто преподобный Феодосій тотемскій, составляя какъ бы переходъ отъ вышеупомянутыхъ пяти святыхъ къ мѣстнымъ святымъ, но въ томъ смыслѣ, чтобы онъ не подходилъ ни подъ ту, ни подъ другую категорію, а въ томъ смыслѣ, что открытие его мощей сопровождалось сомнѣніями и представляеть изъ себя особенную исторію (стр. 186). Особенность исторіи состоять въ томъ, что, несмотря на колебанія епископа мѣстного и высшей власти, мѣстному населенію удалось достигнуть официальнаго признания мощей и установленія ихъ культа. Кромѣ Феодосія, въ ряду мѣстныхъ святыхъ показывается 14 именъ, при чёмъ особое вниманіе автора обращаютъ на себя московскіе митрополиты Феогностъ, Кипріанъ и Фотій, которымъ, по изысканіямъ проф. Голубинскаго, не существовало празднованія въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ до начала XIX вѣка. Какъ, повидамому, ни близко къ намъ это время, но ученый изслѣдователь вынужденъ сказать, что мѣстное празднованіе означенными митрополитами установлено „когда-то послѣ 1805 г.“, а когда именно, объ этомъ даже и предположеній никакихъ нельзя высказать (194).

Въ этомъ же четвертомъ отдѣлѣ ведется особая рѣчь о кievскихъ святыхъ. Въ теченіе 227 лѣтъ (1458—1685) кievская Русь состояла изъ себя особую церковь, отдѣленную отъ московской, и имѣла своихъ святыхъ, которые не были почитаемы въ Московской Руси, почитавшей лишь древнихъ, весьма немногихъ кievскихъ святыхъ (Бориса и Глѣба, Антонія и Феодосія пещерскихъ, великаго князя Владимира и великую княгиню Ольгу). Не ранѣе, какъ въ 1762 г., быть изданъ св. синодомъ указъ, которымъ дозволялось вносить кievскихъ святыхъ въ общіе (Московскіе) мѣсяцесловы и службы ихъ печатать въ мѣсячныхъ миѳеяхъ. Подъ кievскими святыми разумѣются, во-первыхъ, святые Киево-Печерской лавры и, во-вторыхъ, святые Киевской или юго-западной Руси. Говоря о кievо-пещерскихъ святыхъ, авторъ даетъ алфавитные списки святыхъ, мощи которыхъ почиваютъ

въ обѣихъ пещерахъ—ближней и дальней. Между святыми, почивающими въ пещерахъ, нѣть такихъ, моши которыхъ находились бы подъ спудомъ, за исключеніемъ самихъ преподобныхъ Антонія и Феодосія, изъ которыхъ моши первого не были открываемы, а моши второго были скрыты въ нашествіе монголовъ. А съ другой стороны въ настоящее время въ пещерахъ нѣть другихъ тѣлъ и костей, кромѣ тѣлъ и костей святыхъ. Послѣднее обстоятельство заставляетъ автора высказать предположеніе, что въ пещерскій монастырь перешель аеонскій обычай, состоявшій въ томъ, что на Аеонѣ откладывали всѣхъ умершихъ монаховъ черезъ три или четыре года послѣ погребенія, „между прочимъ съ тою цѣлью, чтобы остатки тѣхъ между ними, которые благоугодны Господу Богу своею жизнью и причислены Имъ къ сонму Его святыхъ, Онъ явилъ Своими чудесными знаменіями надъ ними“. Такимъ образомъ и въ Киево-Печерскомъ монастырѣ, по предположенію автора, черезъ тотъ или другой срокъ послѣ погребенія осматривалась могила каждого монаха, и если въ могилѣ находимъ бытъ одинъ прахъ, то она опять была зарываема, а если находимы были кости или цѣлое тѣло, то износимы были изъ могилы и полагаемы въ какомъ-нибудь назначенномъ для сего мѣстѣ; затѣмъ „болѣе или менѣе долгое время ждали проявленія черезъ кости или тѣло чудодѣйственной силы Божіей, и тѣ изъ усопшихъ, по отношенію къ костямъ или тѣламъ которыхъ оправдывались ожиданія, признаваемы были за святыхъ, а кости или тѣла другихъ снова предаваемы были землѣ“ (стр. 206—207). Предположеніе свое авторъ подкрѣпляетъ нѣкоторыми соображеніями, напр. тѣмъ, что о 69-ти послѣмонгольскихъ святыхъ (изъ общаго числа 118-ти) ¹⁾ не сохранилось никакихъ біографическихъ свѣдѣній въ видѣ не только пространныхъ житій, но и какихъ-либо краткихъ записей, а между тѣмъ въ надписяхъ на ракахъ и въ каталогахъ этихъ святыхъ отмѣчаются ихъ сань, подвигъ, занятіе: діаконъ, схимникъ, затворникъ, иконописецъ. Откуда же это могло становиться извѣстнымъ, спраши-

¹⁾ Откуда получился итогъ 118, не видно. Въ нижней пещерѣ, по счету проф. Голубинского, почиваютъ моши 60-ти святыхъ, извѣстныхъ по именамъ, затѣмъ неизвѣстныхъ по именамъ 12-ти братьевъ,—первыхъ каменоздателей и первыхъ иконописцевъ великой пещерской церкви, и сице 30 муроточивыхъ главъ неизвѣстныхъ святыхъ. Въ дальней пещерѣ, по счету профессора же Голубинского, находятся моши 45 святыхъ, извѣстныхъ по именамъ, сверхъ того 31 муроточивая глава и одна голень неизвѣстныхъ святыхъ и часть мощей палестинскихъ, именно одного изъ младенцевъ, Иродомъ за Христа убіенныхъ въ Вифлеемѣ (стр. 202—206).

ваетъ авторъ? Объясненіе, по его словамъ, можно найти только въ предположеніи существованія въ Киевѣ аeonскаго обычая, такъ какъ на Аeonѣ кладутъ въ гробъ каждого умершаго каменную или чепличную плитку, на которой пишутъ имя и званіе умершаго и время его смерти.

Что касается святыхъ кievской или юго-западной Руси, то ихъ оказывается весьма малое число — всего 11. Разницу въ этомъ отношеніи между Московскою и юго-западною Русью авторъ объясняетъ, не настаивая, впрочемъ, какъ онъ выражается, на непогрѣшимости своего сужденія, тѣмъ, что въ Московской Руси большая часть святыхъ были основателями монастырей, и монахи этихъ монастырей заботились и старались о томъ, чтобы основатели ихъ — подвижники, послѣ того какъ они прославляемы были отъ Бога даромъ чудотвореній, были формальнымъ образомъ канонизуемы, а въ юго-западной Руси не было такого обилія вновь основываемыхъ монастырей и новыхъ основателей, въ отношеніи же къ подвижникамъ изъ рядовой братіи, жившихъ и умершихъ въ монастыряхъ уже существовавшихъ, не было прилагаемо тѣхъ заботъ о прославленіи, какія наблюдаются въ московской Руси (222—223). Вышеуказанное малое число юго-западныхъ русскихъ святыхъ еще болѣе умалится, если исключить изъ него двухъ нерусскихъ: одинъ изъ нихъ — литовецъ (Елисей Лавришевскій), другой — патріархъ константинопольскій (Анастасій Нателларій), скончавшийся на возвратномъ пути изъ Москвы домой въ Лубенскомъ Мгарскомъ, Полтавской губерніи, монастырѣ. О послѣднемъ проф. Голубинскій, имѣя въ виду то, что говорить о немъ греческая исторія, а отчасти и наша русская, замѣчаетъ, что „онъ есть святой, ставшій таковymъ не по суду человѣческому“...

Пятый отдѣль въ книгѣ проф. Голубинскаго является нѣкоторою логическою неожиданностію, если сравнивать его съ четырьмя предыдущими. Четыре разсмотрѣнные нами отдѣла посвящены извѣстнымъ историческимъ эпохамъ, отдѣляемымъ одна отъ другой хронологическими гранями. Пятый отдѣль носить такой заголовокъ: „Русскіе святые въ святцахъ печатныхъ богослужебныхъ книгъ, преимущественно уставовъ (въ главѣ, содержащей послѣдованіе церковнаго псалмопѣнія по мѣсяцеслову) и служебниковъ, а также въ печатныхъ святцахъ, отдѣльно изданныхъ, и соединенные съ этимъ вопросы о празднованіи святыхъ и о раздѣлкѣ ихъ на общихъ и мѣстныхъ“. Важный историческій интересъ этого отдѣла, по его содержанію, не подлежитъ сомнѣнію. Повидимому, исторія списка общепочтаемыхъ

святыхъ могла бы быть очень несложна: занесенію въ таковой списокъ подлежали святые, канонизуемые церковною властью. На самомъ дѣлѣ исторія вышла сложная, такъ какъ установление списка было поручено типографщикамъ и справщикамъ, которымъ, съ одной стороны, недоставало точныхъ свѣдѣній о томъ, къ какому классу святыхъ, общихъ или мѣстныхъ, были канонизованы тѣ или другіе святые, а съ другой стороны и главное—они слишкомъ много мѣста давали личному усмотрѣнію и произволу. Этотъ произволъ въ составленіи списка общепочитаемыхъ святыхъ господствовалъ до изданія патріархомъ Іоакимомъ въ 1682 г. исправленного устава. Не исчерпывая разнообразія всѣхъ богослужебныхъ книгъ, при которыхъ печатаются святцы, отъ служебника 1602 г. до устава 1682 г., авторъ считаетъ достаточнымъ для своихъ цѣлей дать два списка святыхъ, составленные по двумъ группамъ святцевъ, предшествовавшихъ уставу 1682 г. съ помѣткой противъ имени каждого святого, въ какихъ святцахъ, группы онъ есть, и въ какихъ его нѣть. Первую группу составляютъ святцы: первопечатного служебника 1602 г., первопечатного устава 1610 г., двухъ уставовъ 1633 г., составленного около этого же времени устава Московскаго Успенскаго собора, устава 1641 г. и отдѣльныхъ святцевъ съ лѣтописью 1646 и 1648 гг. Вторую группу составляютъ святцы служебниковъ: первоисправленного никоновскаго 1655 г., второго и третьаго никоновскихъ 1656 и 1658 гг. и окончательно исправленного соборомъ 1667 г., въ этомъ же году напечатанного и въ слѣдующемъ 1668 г. перепечатанного.

Сравнивъ святцы первой группы, одни съ другими, авторъ находитъ:

1) Нѣкоторые святые, канонизованные къ общему празднованію, находятся не во всѣхъ святцахъ (исчисляются 10 имёнъ).

2) Даже въ самомъ Успенскомъ соборѣ, какъ видно изъ святцевъ, находящихся въ уставѣ этого собора, совершаются были празднованія не всѣмъ русскимъ святымъ, несомнѣнно канонизованнымъ къ общему празднованію (нѣть Іосифа волоколамскаго, Макарія каллзинскаго, Корнилія комельскаго и вел. кн. Ольги).

3) Одинъ святой, канонизованный къ общему празднованію, не находится ни въ однихъ святцахъ (Корнилій комельскій).

4) Напротивъ, есть тамъ усопшие, которые не были канонизованы ни къ общему, ни къ мѣстному празднованію, но записаны въ нѣкоихъ святцахъ (митрополиты Феогностъ, Кипріанъ, Фотій и Филиппъ I) (стр. 236—238).

Разсмотрѣніе святцевъ второй группы привело автора къ слѣдующимъ результатамъ:

1) Изъ святыхъ, канонизованныхъ къ общему празднованію, не во всѣхъ святыцахъ находятся имена 14-ти святыхъ.

2) Изъ святыхъ той же категоріи не находятся ни въ которыхъ святыцахъ 5 именъ.

3) Изъ святыхъ, канонизованныхъ на соборѣ 1549 г., не во всѣхъ святыцахъ находятся 5 именъ.

4) Изъ тѣхъ же святыхъ не находятся ни въ которыхъ святыцахъ 9 именъ.

5) Изъ святыхъ, канонизованныхъ къ мѣстному празднованію, не во всѣхъ спискахъ находится 6 именъ (стр. 242).

Въ 1682 г. патріархомъ Іоакимомъ напечатанъ былъ исправленный церковный уставъ, приготовленіемъ которого къ печати занималась, подъ непосредственнымъ его самого наблюденіемъ, особая комиссія, и который передъ напечатаніемъ былъ разсмотрѣнъ и одобренъ соборомъ русскихъ архіероевъ. Изученіе этого устава привело проф. Голубинскаго къ не менѣе любопытнымъ результатамъ. Въ уставъ 1682 г., въ качествѣ общепочитаемыхъ русскихъ святыхъ, внесены 63 святые. Въ это число вошли 22 канонизованные къ общему празднованію до собора 1547 г., 21 (14 общ. и 7 мѣстн.), канонизованные на соборѣ 1547 г., 9 святыхъ, канонизованныхъ на соборѣ 1549 г., и 11 святыхъ, канонизованныхъ послѣ этого собора. Такимъ образомъ оказывается, что изъ 39-ти святыхъ, канонизованныхъ обоми этими соборами (см. выше отд. II), 9 были исключены. При новомъ изданіи устава въ 1695 г. редакторы внесли въ него двухъ святыхъ собора 1547 г., обойденныхъ въ уставѣ 1682 г., двухъ святыхъ собора 1549 г. и одного святого, канонизованного послѣ собора 1549 г.; напротивъ, одного святого исключили и затѣмъ внесли въ списокъ еще двухъ новыхъ святыхъ. Если не о всѣхъ, то о многихъ изъ этихъ колебаній авторъ заявляетъ, что онъ не въ состояніи дать удовлетворительное объясненіе (стр. 253—254). Есть лишиліе святые въ нынѣшнемъ уставѣ, сравнительно съ редакціей 1695 г., но авторъ опять можетъ лишь констатировать невозможность или трудность объясненія (255). Въ рукописномъ синодикѣ недѣли православія, принадлежавшемъ вѣроյатно Московскому Успенскому собору, не смотря на то, что онъ, въ качествѣ книги, по которой совершался обрядъ православія, не могъ не подлежать контролю высшей власти, которая сама совершила по ней обрядъ, есть также немалая доля произвола (стр. 258 и сл.).

Слѣдуя порядку изложенія проф. Голубинскаго, мы должны были перейти теперь къ VI отдѣлу его книги, въ которой дается общее обзорѣніе канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Мы, однако, этого не дѣлаемъ и отложимъ разсмотрѣніе общаго обзорѣнія къ концу рецензіи, а займемся тѣмъ отдѣломъ, который не помѣщенъ у автора никакимъ номеромъ, а по существу долженъ предшествовать общему обзорѣнію. Рѣчь въ немъ идетъ о почитаемыхъ усопшихъ, которые не суть святые въ собственномъ смыслѣ, но которымъ воздается извѣстное почитаніе, составляющее, такъ сказать, „низшую степень“ культа святыхъ, какъ выразился проф. Голубинскій — и совершенно правильно — на стр. 42 своего изслѣдованія. Это соображеніе, а также трудность или даже невозможность привести точныя границы между классомъ святыхъ въ собственномъ смыслѣ и классомъ почитаемыхъ усопшихъ,—трудность, объясняющаяся неудовлетворительностью нашего исторического знанія и неудовлетворительностью самыхъ данныхъ, на которыхъ могли бы быть обоснованы точные выводы—могли бы побудить и самого автора поставить этотъ отдѣлъ въ непосредственную связь съ разсмотрѣннымъ V отдѣломъ. Надобно замѣтить, что соответствующій классъ почитаемыхъ усопшихъ существуетъ и въ католической церкви, и, повидимому, тамъ дѣло стоитъ проще и яснѣ, чѣмъ у насъ. Кроме святыхъ и блаженныхъ, допускается почитаніе неканонизованныхъ и небеатифицированныхъ усопшихъ, которые умерли въ славѣ святости, или которые, по убѣждѣнію народа, творили чудеса, пока въ отношеніи къ почитанію извѣстныхъ лицъ не послѣдовало явственнаго воспрещенія со стороны церковной власти. Но культь таковыхъ усопшихъ можетъ быть только частный, а не публичный. Поэтому совершение духовенствомъ какихъ-либо празднествъ въ честь ихъ и празднованіе дня ихъ памяти воспрещается, а равно воспрещается внесеніе ихъ изображеній или статуй въ церковныя публичныя или въ частныя ораторіи, поставленіе при ихъ гробахъ свѣчей и привѣшиваніе лампадъ. Отдельное лицо можетъ называть такого усопшаго святымъ, испрашивать его молитвенного ходатайства, привѣшивать и ставить въ свое мѣсто помѣщенія изображенія и статуи безъ nimba и т. п. знаковъ признанной святости, совершать въ честь его посты и бичеванія. При этомъ безразлично, видѣть ли и слышать ли то другія лица, ибо нескрываемый отдѣльнымъ лицомъ культь еще не означаетъ, что онъ авторизованъ церковною властію, а авторизація именно и существенна для публичнаго культа (Hinschius, IV, 262—

263). Само собою разумѣется, что епископы наблюдаютъ за непрѣвышеніемъ дозволенныхъ границъ и принимаютъ соотвѣтственный мѣры противъ нарушителей. У насъ, по изслѣдованию проф. Голубинскаго, при гробницѣ таковаго усопшаго пѣли панихиды по немъ, а иногда, по злоупотребленію, даже и молебны этому же усопшему. Оказывается, однако, что подобное „ злоупотребленіе“ допускаль и самъ патріархъ московскій Іосифъ, дозволившій пѣть не только панихиды, но и молебны при гробѣ Соломониды, въ схимѣ Софіи, разведенной супруги вел. кн. Василія Ивановича (стр. 278 въ примѣч.). Успѣшиое выполненіе поставленной для себя изслѣдователемъ задачи затруднялось опять отсутствиемъ какого-либо офиціального каталога, издамаго или авторизованаго св. синодомъ. Наши календари, говорить проф. Голубинскій (стр. 566),—Крестный, Современный, Всеобщій Русскій и другіе,—стараясь дать возможно полные списки русскихъ святыхъ, нависили въ свои мѣсяцесловы, въ качествѣ настоящихъ или канонизованныхъ святыхъ, не малое количество ненастоящихъ, а между тѣмъ иные ссылаются на эти календари, какъ на авторитетъ, тѣмъ болѣе что календари являются съ аппробацией духовной цензуры. Но и этого мало. Автору приходится различать дѣйствительно почитаемыхъ усопшихъ отъ таихъ, которые на самомъ дѣлѣ не почитаются, но которые внесены въ старые и въ новые каталоги ихъ составителями. Поэтому онъ даетъ два списка по различію указанныхъ двухъ классовъ, при чемъ читатель предупреждается, что отличить усопшихъ первого класса отъ усопшихъ второго нѣть возможности, точно также какъ нѣть возможности отличить всѣхъ канонизованныхъ святыхъ отъ всѣхъ почитаемыхъ умершихъ. Любопытны указанія автора на разницу въ этомъ отношеніи между первымъ и вторымъ изданіемъ его труда. Такъ, въ первомъ изданіи Дмитрій Цилибинскій поставленъ въ числѣ святыхъ, какъ святой сомнительный; теперь, на основаніи книги священника Вѣрюжскаго, г. Голубинскій помѣщаетъ его въ списокъ почитаемыхъ усопшихъ (стр. 322). Дороѳей югскій въ первомъ изданіи былъ поставленъ въ числѣ святыхъ; теперь авторъ (не указывая основанія) считаетъ гораздо болѣе вѣроятнымъ отнесеніе его къ списку почитаемыхъ усопшихъ (тамъ же). Великая княгиня Евдокія, въ монашествѣ Евфросинія, супруга вел. кн. Дмитрія Донскаго, въ первомъ изданіи была причислена къ святымъ; теперь авторъ изъ одной брошюры, напечатанной въ 1857 г., узналь, что память княгини празднуется панихидами, и что слѣдовательно она не есть канонизованная святая (323). То же самое авторъ узналь относительно помѣщенной

имъ въ первомъ изданіи въ числѣ святыхъ Евфросиніи, въ монашествѣ Евпраксіи, и.и. псковской, изъ „Описанія Іоанно-Предтечева Псковскаго монастыря“, напечатаннаго безъ означенія мѣста и года печати, но подписаннаго дерптскимъ цензоромъ 18-го августа 1821 г. (тамъ же). Та же самая поправка сдѣлана относительно Игнатія Ломовскаго на основаніи статьи въ № 50 „Ярославскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей“ за 1902 г. (стр. 325). Иппонентія Охлѣбинина авторъ переводить изъ одной категоріи въ другую, потому что въ книгѣ священника Вѣрюжскаго о немъ не говорится, а Иринарха затворника ростовскаго просто по вѣроятію (стр. 326). Іеремія, въ схимничествѣ Іоаннъ, епископъ нижегородскій, внесенъ въ списокъ почитаемыхъ усопшихъ на основаніи некролога въ № 39 „Церковн. Вѣдом.“ за 1898 г., въ которомъ говорится, что „память покойнаго свято чтится въ Нижнемъ Новгородѣ“ (327). Іоаннъ Чеполосовъ, семилѣтній сынъ угличскаго посадскаго человѣка, въ 1663 г. убитый и изрубленный однимъ работникомъ отца по враждѣ къ послѣднему, въ первомъ изданіи былъ помѣщенъ въ числѣ святыхъ; теперь, на основаніи „Путеводителя по церквамъ города Углича“, онъ причисленъ къ почитаемымъ усопшихъ (328). Наравнѣ съ княгиней Іуліаніей вяземскою, за цѣломудріе потерпѣвшію смерть въ 1406 г. отъ смоленскаго князя Юрія Святославича, авторъ долженъ быть внести въ списокъ почитаемыхъ усопшихъ и самого этого князя Юрія Святославича, который послѣ своего злодѣянія бѣжалъ въ степь, нашель здѣсь убѣжище въ одномъ пустынномъ монастырѣ и умеръ въ немъ въ 1407 г., — внести на основаніи одной статьи, помѣщенной въ майской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1895 г., въ которой говорится, что память князя очень чтится народомъ; и на гробницѣ его служится много панихидъ (343). И многое другое въ томъ же родѣ. Всего въ спискѣ почитаемыхъ усопшихъ свыше 250 лицъ. Изъ приведенныхъ примѣровъ можно видѣть, во-первыхъ, какихъ громадныхъ трудовъ стоило автору разысканіе разныхъ брошюръ, газетныхъ и журнальныхъ статей и некрологовъ, во-вторыхъ, до какой степени искрочна и та новая почва, которую онъ завоевалъ себѣ и на которой построилъ свои поправки во второмъ изданіи своего труда.

Приблизительно такое же число имёнъ (около 250) содержится и въ другомъ спискѣ, который дается авторомъ,—въ спискѣ „усопшихъ, на самомъ дѣлѣ не почитаемыхъ, но имена которыхъ внесены въ каталоги святыхъ“. Тутъ читатель встрѣчается нерѣдко съ неожиданными именами. Таковы, напримѣръ: Анастасія корсунянинъ, извѣстный

грекъ, помогшій св. Владиміру овладѣть Корсунью, приведенный го- сударемъ въ Киевъ и получившій отъ него въ завѣдываніе Десятинную церковь вмѣстѣ съ данною ей десятиной, въ 1018 г. предав- шійся польскому королю Болеславу и вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ изъ Киева въ Польшу, но въ выпискѣ изъ сагатцевъ 1657 г. поставленный въ числѣ святыхъ, какъ „преподобный, на Руси богоугодно пожившій”— московскій великий князь Василій Ивановичъ, относительно которого въ однихъ рукописныхъ святацахъ записано даже, что, во время пре- ставленія его, „храмъ исполнился благоуханія многа”,—Ілія, архиманд- рить соловецкій, противникъ патріарха Никона въ исправленіи книги, и самъ патріархъ Никонъ,—самозванный митрополитъ Пименъ, про- изведший соблазнительную смуту въ русской церкви при великомъ князѣ Дмитріи Донскомъ,—даже самъ царь Иванъ Грозный (стр. 346—347, 349, 356, 358, 363, 365).

Изъ книги проф. Голубинскаго получается ясный выводъ, что ду- ховный регламентъ Петра Великаго быть правъ, предписывая строгое наблюденіе надъ произвольно сочиняемыми акаѳистами и иными слу- жбами и молебнами, надъ исторіями святыхъ или житіями, надъ цере- моніями непотребными или вредными, надъ мощами святыхъ, „гдѣ вѣ- кія явятся быть сумнительныя”. Дѣйствительно, много было во всемъ этомъ „наплутано”, выражаясь словами того же регламента, благо- даря недостатку своевременнаго и цѣлесообразнаго надзора, и, безъ сомнѣнія, къ великому вреду для церкви. Кромѣ того, изъ обоихъ списковъ проф. Голубинскаго выносится впечатлѣніе, что если бы автору посчастливилось напастъ на какія-нибудь другія свѣдѣнія, которые могутъ содержаться въ разныхъ брошюрахъ, статьяхъ, путе- водителяхъ и т. п., тотъ и другой списокъ могли бы еще болѣе удлиниться. Напримѣръ, въ изданныхъ братьями Холмогоровыми „Историческихъ материалахъ для составленія церковныхъ лѣтописей московской епархіи“, вып. IX, Москва, 1896, сообщается, что въ Волоколамскѣ на посадѣ была устроена въ 1695 г. церковь надъ гробомъ матери преподобнаго Іосифа, схимонахини Маріи. Надо пола- гать, что она могла бы быть отнесена къ тому или другому списку.

Возвратимся теперь къ VI отдѣлу, заключающему въ себѣ „общее обозрѣніе канонизаціи святыхъ въ русской церкви“. Авторъ начинаяеть съ разъясненія общаго понятія о святыхъ, въ виду того, какъ онъ говоритъ, что многимъ недостаетъ правильнаго понятія о канони- зованныхъ или настоящихъ святыхъ. Общепериковный или мѣстный ха- рактеръ празднованія, а равнымъ образомъ извѣстность или неизвѣстность

времени установления празднования не существенны для этого понятия. На против, установление празднования имѣть существенное значение, такъ что этимъ именно признакомъ разграничиваются настоящіе святы оть почитаемыхъ усопшихъ, которые могутъ признаваться и почитаться за святыхъ оть народа. Святымъ, которому установлено общее празднование, есть больший святой, а тотъ, которому установлено мѣстное празднование, есть меньшій святой, какъ есть большиe и меньшиe святые и между святыми общепереворонными; но тотъ и другой суть одинаково святые и одинаково молитвенники передъ Богомъ. Что же касается извѣстности или неизвѣстности времени установления празднованія, то, если бы извѣстность считать существеннымъ признакомъ, пришлось бы не признавать и нѣкоторыхъ общепереворонныхъ святыхъ на томъ основаніи, что время установления празднованія имъ неизвѣстно. Авторъ становится на „догматическо-юридическую или каноническую“ точку зрѣнія, какъ онъ выражается: всякий святой, формально признаваемый за такового церковью, есть настоящій святой. Возможно, что между празднованіями мѣстными святыми, время установления которыхъ неизвѣстно, есть неправильные, но пока церковь не обнаружила неправильностей и не прекратила ихъ своею властію, они остаются тѣмъ, что они суть, ибо ничей частный судъ не можетъ тутъ имѣть мѣста, и всякий частный судъ долженъ послѣдовать суду церкви (стр. 261—263). Послѣднее разсужденіе нужно признать правильнымъ, но что касается разсужденія о большихъ и меньшихъ святыхъ, то по его поводу возможны сомнѣнія. Прежде всего, конечно, нужно помнить, что эта сравнительная оцѣнка есть дѣло суда церковнаго, т. е. человѣческаго, который никогда не можетъ быть столь же совершеннымъ, какъ судъ Божій, ибо только Богъ одинъ знаетъ въ совершенствѣ всѣхъ Своихъ святыхъ и мѣсто, занимаемое каждымъ изъ нихъ въ Его царствѣ. Иначе пришлось бы дойти до странной мысли, что оть церкви зависѣло бы повышение или понижение ранга, занимаемаго святымъ въ отношеніи къ Богу, переводомъ его изъ класса мѣстныхъ святыхъ въ классъ общепереворонныхъ святыхъ, или наоборотъ, или даже исключеніемъ изъ числа святыхъ. Даже католические канонисты различаютъ папскія канонизации отъ папскихъ непогрѣшимыхъ сужденій *in rebus fidei et morum* (*Laemmer, Institutionen des kathol. Kirchenrechts*, 1892, S. 157). Но даже и съ человѣческой точки зрѣнія едва ли правильно будетъ говорить о мѣстномъ святымъ, какъ о маломъ святымъ, а о святымъ общепереворонномъ, какъ о великомъ святымъ, потому что мѣстному святыму можетъ быть позд-

и ѿе установлено общечерковное празднованіе, и слѣдовательно, по словамъ проф. Голубинскаго, онъ изъ малаго сдѣлается величимъ, т. е. приобрѣтеть такое качествъ, котораго не имѣть, будучи малымъ. Едва ли не правильнѣе въ этомъ отношеніи мысль католическаго церковнаго права. Граница, отдѣляющая тамъ святыхъ отъ блаженныхъ,—болѣе рѣзкая, чѣмъ у насъ: выставленіе мощей блаженныхъ въ церквахъ, устроеніе церквей въ честь ихъ, установление праздниковъ въ честь ихъ допускается далеко не по общему правилу, а въ силу специальнаго папскаго индульта. И тѣмъ не менѣе въ беатификаціи не содѣржится сужденія, что *beatus* есть малый святой, а выражается лишь та мысль, что слава святыи его распространилась и удостовѣрена только для извѣстнаго, болѣе или менѣе тѣснаго круга людей, чѣмъ не исключается, а предполагается дальнѣйшее распространеніе и удостовѣреніе этой славы въ болѣе и болѣе широкихъ кругахъ вѣрюющихъ, при чёмъ самъ усопшій праведникъ остается съ неизмѣнныиимъ своимъ качествомъ, ни становясь ни большими, ни меньшими,—поэтому-то каждой канонизаціи и предшествуетъ, по общему правилу, беатификація. Затѣмъ въ католической церкви *beati* суть одинаково мѣстные святые, все равно, распространенъ ли ихъ кульпъ на пѣлый епископскій діэцезъ, или ограничено болѣе тѣснымъ кругомъ, напр. монастыремъ. Проф. Голубинскій, напротивъ, различаетъ мѣстное празднованіе въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова и мѣстное празднованіе въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, смотря по тому, въ цѣлой ли епархіи установлено празднованіе мѣстному святому, или только въ отдѣльномъ монастырѣ, или для отдѣльного приходскаго храма (стр. 41). И въ этомъ едва ли есть надобность, потому что почитаніе мѣстнаго святого въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, по классификациіи и терминологіи проф. Голубинскаго (напр., служеніе молебновъ), едва ли когда-нибудь ограничивается однимъ монастыремъ или однимъ приходскимъ храмомъ. Авторъ, чтобы быть послѣдовательнымъ, долженъ бы быть и между мѣстными, какъ малыми святыми, различать малыхъ въ обширнѣйшемъ смыслѣ и малыхъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова. Этого, однако, онъ не говоритъ.

Послѣ этого, такъ сказать, вступленія въ общее обозрѣніе авторъ дѣлаетъ попытку установить общія правила, которыми руководствовалась наша церковь въ дѣлѣ канонизаціи святыхъ, порядки, которые она въ этомъ случаѣ наблюдала, и народные обычай относительно почитанія святыхъ (стр. 264). Важнѣйшіе вопросы, которые трактуются здѣсь авторомъ, состоять въ слѣдующемъ: 1) что служило осново-

ваніемъ канонизації? 2) чѣмъ предварялась канонизації? 3) въ особенности какая формальная процедура ей предшествовала, и въ чѣмъ состояло самое торжество причтенія къ лицу святыхъ? 4) когда составлялись житія и службы канонизуемыхъ святыхъ? 5) кому принадлежало право канонизовать святыхъ? 6) ко всему этому присоединяется еще общее разсужденіе о мощахъ святыхъ.

Надобно сознаться, что общія построенія почтенаго автора не отличаются тою солидностю, которою характеризуются его историческая изысканія. Читатель встрѣчается здѣсь съ вѣроятностями мало вѣроятными, съ положеніями или утвержденіями рискованными, съ сужденіями ошибочными. Одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ общаго обозрѣнія—склонность автора дѣлать заключенія отъ позднѣйшаго времени къ древнѣйшему. Эта склонность возбуждаетъ сомнѣнія по поводу первого же изъ намѣченныхъ сейчасъ общихъ вопросовъ—вопроса объ основаніяхъ канонизаціи. Если въ греческой церкви, по словамъ автора, „были цѣлые иѣсколькіе классы подвижниковъ, для причисленія которыхъ къ лицу святыхъ служили иныя основанія, кромѣ или помимо прославленія чудотвореній“, то у насъ, напротивъ, „прославленіе даромъ чудотвореній составляло единственное общее основаніе для причтенія къ святымъ подвижниковъ всѣхъ классовъ, или для всѣхъ вообще подвижниковъ“ (стр. 40—41). Авторъ убѣдительно доказываетъ, что въ XVI и въ XVII вв. дѣйствительно таковъ былъ взглядъ нашей церковной власти (266—267). Но этотъ же самый взглядъ проф. Голубинскій переносить и на все предшествующее время и прибѣгаешь къ разнымъ аргументамъ, которые нельзя считать достаточными. Вотъ аргументація автора. Первыми нашими святыми были страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ. Но страстотерпцевъ, понесшихъ насильственную смерть отъ руки Святополка, было не двое, а трое,—третій былъ Святославъ. На могилахъ Бориса и Глѣба скоро стали совершаться чудеса; но могила Святослава, на которой могли бы совершаться чудеса, отсутствовала, ибо, убитый во время бѣгства въ Венгрію гдѣ-то въ Карпатскихъ горахъ, онъ погребенъ былъ на мѣстѣ убіенія, а поэтому, хотя и совершенно одинаковый съ Борисомъ и Глѣбомъ страстотерпецъ, но не явленный, подобно имъ, отъ Бога чудотворцемъ, онъ и не причисленъ былъ вмѣстѣ съ ними къ лицу святыхъ. Другой аргументъ: великий князь Владимиръ потому довольно долго не былъ причисленъ къ лицу святыхъ, что Господу не угодно было прославлять его, какъ чудотворца. Третій аргументъ: преподобный Антоній печерскій былъ причисленъ къ лицу святыхъ позднѣе своего

ученика Феодосія, и этотъ фактъ можетъ быть объясненіемъ только „предположеніемъ“, что Господу угодно было прославить даромъ чудотвореній Феодосія и неугодно было одновременно съ нимъ прославить тѣмъ же даромъ Антонія. Четвертый аргументъ: въ Ростовѣ въ 1164 г. по одному и тому же поводу копанія рвовъ для фундамента новой церкви обрѣтены были мощи епископовъ Леонтия и Исаіи, и тогда какъ первый изъ нихъ былъ причисленъ къ лику святыхъ въ 1190 г., второй удостоился сего причtenія только уже спустя много времени,— объясненіемъ этого факта можетъ опять служить лишь „предположеніе“, что къ 1190 году только одинъ первый изъ нихъ прославился даромъ чудотвореній. Эти четыре примѣра, относящіеся къ періоду домонгольскому, по мнѣнію г. Голубинскаго, „ясно доказываютъ, что въ періодѣ этотъ единственнымъ общимъ основаніемъ для причtenія усопшихъ подвижниковъ благочестія къ лицу святыхъ служило у насть прославленіе подвижниковъ даромъ чудотвореній“ (стр. 265—266). Между тѣмъ нѣсколько ниже авторъ вынужденъ сказать, что великий князь Владимиръ былъ причисленъ къ лицу святыхъ не какъ чудотворецъ, а какъ креститель Руси, имѣющій право на титулъ равноапостола, и что въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ были установлены мѣстныя празднованія довольно многимъ новгородскимъ епископамъ, о чудотвореніяхъ отъ мощей которыхъ нѣть извѣстій (268). Относительно преподобныхъ Антонія и Феодосія пещерскихъ, Леонтия и Исаіи ростовскихъ авторъ, какъ мы видѣли, только „предполагаетъ“. Но предполагать можно и иное, именно, что, при сравненіи двухъ праведниковъ, люди, близкіе къ нимъ по времени, отдавали предпочтеніе одному изъ нихъ предъ другимъ, и только познѣе устанавливавшій правильный (болѣе объективный, какъ мы выражались бы въ настоящее время) взглядъ. Относительно трехъ князей, потерпѣвшихъ насильственную смерть отъ руки Святополка, мы не предполагать только можемъ, а и считать за несомнѣнное, что близкіе къ нимъ по времени люди были въ состояніи знать, понимать и различать характеръ, образъ жизни и обстоятельства смерти Бориса и Глѣба съ одной стороны и Святослава съ другой стороны.

Натянутость аргументаціи проф. Голубинскаго еще сильнѣе чувствуется въ его разсужденіяхъ о томъ, какими побужденіями руководились великие князья Владимиръ и Ярославъ—первый при перенесеніи мощей своей бабки великой княгини Ольги въ Десятинную церковь, второй при перенесеніи мощей своихъ братьевъ Бориса и Глѣба изъ Вышгорода въ Кіевъ, во вновь устроеннную церковь.

Авторъ видить тутъ вліяніе афонскаго монашескаго обычая откальвать умершихъ монаховъ въ чаяніи ихъ прославленія чудесами (объ этомъ обычай было сказано выше). Можно бы было, кажется, объяснить оба факта и болѣе естественнымъ образомъ — желаніемъ помѣстить останки дорогихъ и почитаемыхъ усопшихъ въ болѣе почитаемомъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе что въ моментъ перенесенія мощей ни великая княгиня Ольга, ни князья Борисъ и Глѣбъ не были еще причислены къ лицу святыхъ. Неизлишне отмѣтить также слѣдующее обстоятельство: приведенное сейчасъ разсужденіе почтенного профессора находится на стр. 47—48, а ниже на стр. 208 указывается на несомнѣнныи фактъ, что мощи преподобнаго Феодосія пещерскаго были обрѣтены не черезъ три-четыре года (какъ бы слѣдовало согласно съ афонскимъ обычаемъ), а черезъ 17 лѣтъ послѣ его кончины, и что въ исторіи обрѣтенія его мощей нѣть никакого намека на существованіе общаго обычая откальывать останки умершихъ монаховъ. „Но такъ какъ“, разсуждаетъ авторъ, „предполагать существованіе обычая представляется намъ необходимымъ, то... мы считаемъ нужнымъ принимать, что обычай явился въ монастырѣ (т. е. въ Печерскомъ) уже послѣ кончины и послѣ обрѣтенія мощей преподобнаго Феодосія“. Нужна или неижужна ссылка на афонскій обычай для объясненія того, что дѣжалось въ Печерскомъ монастырѣ,—вопросъ темный; но ясно, что великимъ князьямъ Владимиру и Ярославу нелегко было воспользоваться афонскимъ обычаемъ, который оставался неизвѣстнымъ даже въ Печерскомъ монастырѣ при жизни позднѣе ихъ жившаго преподобнаго Феодосія.

Въ разсужденіяхъ почтенного автора по вопросу о томъ, чѣмъ предварялась канонизация, есть много цѣннаго и интереснаго, такъ какъ ему приходится здѣсь затронуть бытовую сторону культа неканонизованныхъ святыхъ. Почитаніе памяти усопшихъ праведниковъ начиналось часто не съ момента офиціального причтенія къ лицу святыхъ, а со дня кончины. Это почитаніе выражалось не только въ возношеніи молитвъ (въ видѣ служенія панихидъ, заупокойныхъ литургій, вписыванія имени усопшаго въ поминальные синодики), но и въ видѣ устроенія извѣстныхъ памятниковъ вещественныхъ и чествованія этихъ памятниковъ, каковы надгробницы, имѣвшія видъ раки съ мощами и покрывавшіяся иногда сдѣланными во весь ростъ изображеніями подвижниковъ, а также поясныя изображенія или иконы, помѣщавшіяся даже и въ самыхъ перквахъ. Авторъ желаетъ думать, что такія иконы не были иконами въ собственномъ смыслѣ, а были

просто портретами (274—278 и ср. 193). Но такъ какъ самъ же оиъ говоритьъ, что служеніе панихидъ по умершемъ не исключало и служенія молебновъ ему, а „иконы-портреты“ смѣшивались съ иконами въ собственномъ смыслѣ, то едва ли не вѣроятнѣе будетъ думать, что тѣ, для кого писались и кѣмъ помѣщаемы были въ церквяхъ подобные изображенія, особенно если они писались съ нимбомъ, смотрѣли на нихъ не какъ на портреты, а какъ на иконы въ собственномъ смыслѣ.—Замѣтимъ также, что едва ли есть надобность въ томъ предположеніи, которое считаетъ необходимымъ проф. Голубинскій (стр. 90—91), что макаріевскому собору 1547 г. непремѣнно долженъ быть предшествовать указъ о канонизації 15-ти святыхъ, которые на этомъ соборѣ разсматривались уже, какъ безспорно общепочитаемые: общепочитаемость могла утвердиться и выясниться ко времени собора безъ всякаго указа, какъ это и самимъ авторомъ допускается относительно Сергія радонежскаго и Кирилла бѣлозерскаго.

Говоря о процедурѣ, предшествующей канонизації, авторъ различаетъ слѣдующія стадіи: записываніе чудесъ, донесеніе о нихъ церковной власти, съ присоединеніемъ или безъ присоединенія прямого ходатайства о канонизації, дознаніе церковной власти объ истинности чудесъ и наконецъ самую канонизацію. Почтенный профессоръ вступаетъ даже въ бой съ „нѣкоторыми“, не называемыми имъ, противниками, утверждающими, что совершение обыска или дознанія о чудесахъ съ теченіемъ времени болѣе и болѣе осложнялось и превратилось наконецъ въ „продолжительное, сложное и иногда мелочное слѣдствіе, носящее на себѣ всѣ слѣды канцелярскихъ формальностей“. Все это, заявляетъ авторъ, есть „одинъ изъ совершенѣйшихъ вздоровъ, принадлежащихъ нѣкоторымъ“. На самомъ дѣлѣ, по его мнѣнію, никакого осложненія въ совершенніи обыска у насъ не происходило, и онъ оставался у насъ однимъ и тѣмъ же съ древняго и до позднѣйшаго времени; если бы въ подтвержденіе словъ: „мелочное слѣдствіе, носящее на себѣ всѣ слѣды канцелярскихъ формальностей“ потребовать положительныхъ доказательствъ, то „люди, видящіе соніе“, оказались бы истинно въ плачевномъ положеніи (284—285 въ прим.). Языкъ слишкомъ смѣлый и рѣшительный! Можетъ быть, тѣ, которые видѣть въ существующемъ теперь слѣдствіи мелочную канцелярскую формальность, дѣйствительно видѣть сны, а не реальность; но и авторъ неправъ, дѣлая замѣченную уже выше ошибку, т. е. позволяя себѣ рѣшительныхъ заключенія отъ позднѣйшаго времени въ древнѣйшему. Сказать, что обыскъ, предшествующій канонизації,

оставался у насть всегда однимъ и тѣмъ же, значитъ дѣлать такую же ошибку, какую сдѣлалъ бы историкъ русскаго права, если бы стала увѣрять, что „обыскъ“ временъ Судебниковъ и Стоглава существовалъ уже во времена Русской Правды. Какъ на западѣ канонизаціональная процедура сложилась на общей процессуальной почвѣ съ чертами состязательнаго судопроизводства, такъ и у насть процедура сложилась на общей же судопроизводственной почвѣ, принявъ характеръ обыскной, иначе говоря слѣдственный. Но этотъ слѣдственный характеръ могъ быть усвоенъ ею не раньше, какъ вообще въ русское судопроизводство проникло слѣдственное начало, въ чёмъ заключалось не столько усложненіе, сколько установление опредѣленного порядка. Замѣчанія, которыхъ ниже будуть сдѣланы по поводу разсужденій автора о власти канонизующей, будутъ отчасти служить и къ уясненію ошибочности рассматриваемаго положенія. Здѣсь укажемъ еще на то, что факты, приводимые самимъ авторомъ, не доказываютъ ничего подобнаго тому, что имъ сказано. Мы не видимъ ни записыванія чудесъ, ни донесенія власти, ни назначенія слѣдственной комиссіи, а видимъ, что какъ только огласилось какое-либо совершившееся чудо, сейчасъ же начинаютъ звонить въ колокола и приступаютъ къ церковному торжеству, а если, какъ это было въ одномъ случаѣ, князь и митрополитъ оказывались „одержимыми невѣремъ“, то опять, безъ всякаго обыска, распоряжались, чтобы никакого звону не было (см. на стр. 280—281 въ прим.). Поэтому не всякий согласится съ авторомъ, когда онъ, утверждая, какъ мы видѣли выше, что обыскъ всегда оставался у насть однимъ и тѣмъ же, все-таки считаетъ „какъ будто нужнымъ“ раздѣлять исторію канонизаціи нашихъ святыхъ на двѣ неравныя половины въ отношеніи къ строгости дознанія о чудесахъ: отъ начала христіанства до собора 1667 г. и отъ этого собора до настоящаго времени (285). Въ XVI-мъ и въ первой половинѣ XVII в. могли быть фактическія послабленія обыска, могъ быть фактическій недостатокъ надзора вообще, вслѣдствіе чего соборъ 1667 г. вынужденъ былъ вспомнить о необходимости болѣе строгаго изслѣдованія и наблюденія. Но ужъ если дѣлить исторію канонизаціи на періоды съ точки зрѣнія этой строгости, то было бы вѣриѣ дѣлить не на тѣ періоды, которые указываются проф. Голубинскимъ, а на другіе: 1) время приблизительно до XV в., когда никакого формальнаго обыска не производилось и 2) позднѣйшее время, когда обыскъ сдѣлался необходимымъ условіемъ, предшествующимъ канонизаціи. Если же оказалось бы

нужнымъ и это позднѣйшее время подраздѣлить на подперіоды, то гранью могъ бы служить скорѣе духовный регламентъ Петра Великаго съ его строгими предписаніями, направленными противъ всякихъ ложныхъ исторій святыхъ, выдуманныхъ чудесъ и подложныхъ мощей, чѣмъ соборъ 1667 года.

Предварительная процедура должна была привести къ самой канонизаціи. Относительно древней греческой церкви изслѣдователь заявляетъ, что историческихъ свѣдѣній о совершенніи канонизаціи святыхъ въ древней греческой церкви мы не имѣемъ почти что совершенно никакихъ. Не только не дошло до настъ ни одного подлиннаго акта о производствѣ канонизацій, если подобные акты бывали (оговорка, какъ увидимъ, нeliшня), но неизвѣстно и ни одной сторонней записи, прямо говорящей о томъ же (стр. 22) Какимъ чиномъ совершалось торжество канонизаціи святыхъ въ древней греческой церкви, если только существовала определенный чин канонизаціи (замѣтимъ и эту оговорку), мы вовсе не знаемъ (23). Тѣмъ не менѣе довольно неожиданно оказывается, что авторъ знаетъ (хотя и не указываетъ на источникъ своихъ свѣдѣній), въ чёмъ состояла самая канонизація: „самая же канонизація по отношенію къ каждому новопризнаваемому святому состояла въ томъ, что назна- чаemo было ежегодное празднованіе его памяти въ день его кончины (или въ другой, имѣющій для него особое значеніе день), для какой-вой цѣли имя его вносилось въ мѣсяцесловъ или календарь епархіи, и что имя его присоединяemo было къ именамъ прочихъ святыхъ епархіи для ежедневнаго возглашенія на литургіи по совершенніи таинства Евхаристіи, для какой-вой пѣли вписывалось въ такъ называемый диптихъ церковный“. О вѣрности этого положенія лучше будетъ судить при разсмотрѣніи вопроса о канонизующей власти. Относительно чина канонизацій святыхъ въ древней Руси авторъ въ состояніи лишь вы- сказать свои предположенія. „Въ чёмъ состояль самый чинъ, какъ совершалось самое торжество канонизаціи, положительныхъ свѣдѣній относительно этого мы вовсе не имѣемъ, потому что ни объ одной частной канонизаціи вовсе не говорится, какимъ чиномъ она совер- шалась. Со всею вѣроятностю нужно думать, что самимъ представителемъ церковной власти, который совершаъ причтеніе къ лику святыхъ или канонизацію—былъ ли то епархиальный архіерей или митрополитъ и патріархъ, не было совершаемо чина или торжества подобного тому, которое совершаеть римскій папа, и что все дѣло съ его стороны ограничивалось определенiemъ и указомъ (какъ это и

въ настоящее время), а что торжество совершалось лишь на мѣстѣ нахожденія гроба съ тѣлесными останками канонизованаго святого. Относительно этого послѣдняго торжества должно думать, какъ ничего болѣе и нельзѧ думать, что оно состояло въ возможно свѣтло обставленіемъ праздничномъ служенія новому святому, при чмъ... должны быть предполагаемы нарочитый созывъ всего окрестнаго духовенства со всѣмъ окрестнымъ населеніемъ и болѣе или менѣе щедрая милостыня нищимъ... вѣроятно думать, что для совершенія торжества прїѣзжалъ самъ епархиальный архіерей или присыпалъ своихъ нарочныхъ уполномоченныхъ" (стр. 276—287). Если не все, то значительная часть этихъ предположеній опять стоитъ въ связи съ вопросомъ о канонизующей власти и опять же свидѣтельствуетъ о склонности автора дѣлать рискованныя обобщенія.

Приченіе какого-либо подвижника благочестія къ лицу святыхъ требовало, чтобы составлена была служба ему и было написано житіе его. Служба нужна была для того, чтобы по ней совершающе было празднованіе святому, а житіе должно было служить оправдательнымъ документомъ въ пользу того, что канонизованный святой есть истинный святой. Но замѣтимъ, что, по изслѣдованию почтенаго автора, очень нѣрѣдко, если не большую частію, было такъ, что и служба, и житіе оказывались составленными раньше канонизаціи (289). И это также имѣть связь съ вопросомъ о канонизующей власти, къ которому мы теперь наконецъ и переходимъ.

Относительно греческой церкви авторъ утверждаетъ, что первоначально право канонизаціи принадлежало епископамъ съ ихъ "коллегіями клириковъ", при чмъ, въ виду 34 апостольского правила и 9 правила антіохійскаго собора, предписывавшихъ, чтобы епископъ ничего важнаго не дѣлалъ безъ разсужденія митрополита и провинциального собора, предполагаетъ, что и канонизація, какъ дѣло важное, не могла обойтись безъ этого разсужденія, а съ другой стороны вынужденъ отмѣтить характерное явленіе, что иногда въ дѣлѣ канонизаціи міряне принудительнымъ образомъ воздѣйствовали на волю епископовъ, иногда даже устраивали храмы въ честь подвижниковъ еще при жизни ихъ (стр. 22). Въ позднѣйшее время право канонизаціи къ мѣстному празднованію въ греческихъ митрополіяхъ принадлежало и принадлежитъ митрополитамъ, но кому принадлежало и принадлежитъ право канонизаціи къ мѣстному празднованію въ епископіяхъ,—мѣстнымъ ли епископамъ, или тѣмъ же митрополитамъ, на вѣрное неизвѣстно, вѣроятнѣе же всего мѣстнымъ епископамъ, „ибо

и у насъ въ Россіи, и въ принципѣ, и на практикѣ признается за епископами право совершать, съ дозволенія св. синода канонизацію къ мѣстному празднованію въ епархіяхъ". Къ общему празднованію во всей греческой церкви канонизуетъ патріархъ константинопольскаго патріархата, а во всѣхъ греческихъ церквахъ. О другихъ патріархахъ проф. Голубинскій затрудняется сказать, канонизуютъ ли они также къ общему празднованію во всѣхъ греческихъ церквахъ, или только въ своихъ патріархатахъ, по неизвѣстности примѣровъ совершенныхъ ими канонизацій. О подобныхъ канонизаціяхъ дѣйствительно ничего неизвѣстно; однако едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что другимъ патріархамъ и въ голову не приходитъ претендовать на канонизацію съ обязательной силой для константинопольского патріархата безъ опредѣленія константинопольского патріарха и его синода. Но Аeonъ, по словамъ автора, „какъ будто представляютъ исключеніе, канонизуя своихъ подвижниковъ у себя на горѣ къ мѣстному празднованію собственною властію“ (стр. 30).—Относительно русской церкви у автора говорится, что право мѣстной канонизаціи принадлежало епархиальному архіерею, какъ въ тѣснѣшемъ (напр. въ одномъ монастырѣ), такъ въ обширнѣшемъ смыслѣ слова (въ предѣлахъ епархіи), подъ условіемъ, какъ нужно думать, если не въ общихъ случаяхъ, то, по крайней мѣрѣ, во второмъ случаѣ, дозволенія отъ „главы русской церкви митрополита-патріарха“, право же общей или общечерковной канонизаціи принадлежало этому самому главѣ русской церкви, т. е. митрополиту-патріарху (стр. 41). Это говорится въ предварительныхъ „общихъ правилахъ“, предпосланныхъ исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ, а въ „общемъ обозрѣніи“ VI отдѣла находимъ нижеизѣдущее. Право канонизовать общихъ святыхъ принадлежало главѣ русской церкви митрополиту-патріарху; право канонизовать мѣстныхъ святыхъ принадлежало епархиальнымъ архіереямъ, но на дѣлѣ было такъ, что иногда канонизовали ихъ епархиальные архіереи, иногда тотъ же глава русской церкви митрополитъ-патріархъ. Пока главою русской церкви былъ митрополитъ, онъ находился въ зависимости отъ константинопольского патріарха (ужели до самого учрежденія патріаршества въ Москвѣ?), но митрополиты имѣли право канонизаціи святыхъ въ округахъ ихъ митрополій, а поэтому и русский имѣть таковое же право. Что касается права епархиальныхъ архіереевъ на канонизацію мѣстныхъ святыхъ, то авторъ

опять, въ виду 34 апостольского и 9 антиохійского правилъ, предполагаетъ, что епископскія канонизаціи не могли совершаться безъ спроса у митрополитовъ-патріарховъ и вопреки ихъ согласію, а относительно времени съ половины XVI в. не предполагаетъ только, а утверждаетъ положительно.

Такъ какъ разбираемое изслѣдованіе есть исторія канонизаціи святыхъ не до XVIII только столѣтія, а до самаго послѣдняго времени, то у читающаго сразу же возникаетъ вопросъ, почему въ „общемъ обозрѣнії“ осталось какъ будто забытымъ время, послѣдовавшее за уничтоженіемъ патріаршества? Очевидно, что въ это время канонизація не могла быть совершаема „главою русской церкви митрополитомъ-патріархомъ“. Значить, авторъ или забылъ про синодальное время, или затруднился сказать о немъ. Скорѣе вѣроятно послѣднее, чѣмъ первое. Авторъ, какъ видно, не принадлежитъ къ числу тѣхъ богослововъ, которые отвергаютъ всякое видимое главенство въ церкви, довольствуясь невидимымъ главенствомъ Иисуса Христа, и явственно признаетъ существованіе и въ Константинополѣ, и у насъ до конца XVII в. главы церкви. Тѣмъ менѣе авторъ можетъ быть, слѣдовательно, солидаренъ съ г. Заозерскимъ, который, не смотря на возраженіе, сдѣланное ему мною еще 12 лѣтъ тому назадъ (Курсъ церковнаго права, II, Ярославль, 1890 г. въ добавленіяхъ) и повторенное въ учебникахъ изданія 1898 г., стр. 266 и изд. 1902 г. стр. 280, продолжаетъ отвергать (см. „Богословскій Вѣстникъ“, 1902 г., ноябрь),—оставаясь такимъ образомъ при прежнемъ „непоколебимомъ“ убѣждѣніи,—всякое властовданіе и *eo ipso* всякую власть и всякое правительство въ церкви, какъ нѣчто противорѣчащее Евангелію, которое-де заповѣдуется христіанамъ, всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности, не властовать, не повелѣвать, не предписывать, а повиноваться и служить. Къ сожалѣнію, въ печати не имѣется какого-либо „курса“ или „системы“ церковнаго права г. Заозерского, въ которыхъ бы можно было прослѣдить послѣдовательное проведеніе этой остроумной идеи и получить разъясненіе, въ частности, по вопросу о томъ, не противорѣчить ли Евангелію существованіе власти канонизующей, т. е. предписывающей, обязывающей, или повелѣвающей почитаніе канонизуемаго святого въ установленныхъ церковью формахъ. Вѣрнѣе, кажется, будетъ предполагать, что г. Заозерский до сихъ поръ все еще не успѣлъ продумать то, что онъ говорить. Итакъ профессоръ Голубинскій, говоря о канонизаціи святыхъ главою церкви къ общему или къ мѣстному празднованію, не можетъ имѣть ничего общаго съ г. Заозерскимъ.

зерскимъ, отвергающимъ всякое главенство. Едва ли даже проф. Голубинский можетъ быть единомышленникомъ другого российского канониста г. Бердникова. Этотъ написалъ пространную книгу подъ заглавиемъ: „Основные начала церковнаго права православной церкви“, Казань, 1902 г.—столь пространную, что одинъ обозрѣватель литературы за 1902 г., прочитавъ ея заголовокъ и поразившись ея объемомъ, принялъ ее за учебникъ церковнаго права. О полемическихъ красотахъ этого произведения, какъ, напримѣръ, о добросовѣтности и проч., говорить здѣсь не мѣсто, положительные же его „принципы“ или „основные начала“ могутъ быть формулированы такъ: церковное законодательство и вообще низшее и высшее управление въ церкви принадлежитъ духовной іерархіи, „другой верховной власти въ церкви не полагается“ — это начало всегда дѣйствовало въ восточной церкви, такъ что, съ паденiemъ византійской имперіи „не оказалось никакого пробѣла въ организаціи церковнаго правительства греко-восточной церкви“, и, слѣдовательно, фактъ смѣны императора византійскаго султаномъ турецкимъ былъ и остается фактъмъ безразличнымъ для организаціи восточной церкви (см. въ особенности стр. 126—127 и 130). Съ послѣдними словами едва ли и проф. Голубинский согласится, такъ какъ даже наши малообразованные и малоразвитые предки обнаружили больше исторического чутья и исторического смысла, чѣмъ современныи казанскій „канонистъ“, чувствуя, что, съ паденiemъ имперіи, образовался „пробѣль“, и стараясь восполнить этотъ пробѣль теоріей третьяго Рима съ единымъ христіанскимъ царемъ во вселенной. Но въ вопросѣ о верховной власти въ церкви почтенный авторъ разбираемой книги стоить, какъ надо думать, на почвѣ того же „правосознанія“, какъ и авторъ „Основныхъ началъ“, и, съ точки зрѣнія этого правосознанія, затруднился высказать определенное сужденіе о тѣхъ канонизацияхъ, которыя совершились и совершаются послѣ упраздненія патріаршества: св. -синодъ, повидимому, авторъ не рѣшился назвать главою церкви, хотя канонизаціи совершаются и тѣмъ самимъ предполагаютъ не безглавое состояніе церкви; монарха же авторъ опять-таки не рѣшился назвать главою церкви, потому что не видѣлъ возможности перехода отъ „митрополита-патріарха“ къ императору.

Посмотримъ, насколько точно иложилъ авторъ дѣйствительную исторію канонизаціи, съ точки зрѣнія власти канонизующей и насколько имъ самимъ выясненные и установленные факты подходятъ подъ сдѣланное имъ обобщеніе?

Исторія говорить, что почитаніе святыхъ и ихъ останковъ не было

послѣдствиемъ какихъ-либо предписаній или постановленій церковной власти, а было выражениемъ неудержимаго влечения или внутренней потребности вѣрующихъ христіанъ. Епископы могли лишь раздѣлять это чувство вѣрующаго народа, а не предписывать или устанавливать кульпъ какого-нибудь святого. Этимъ объясняются и отмѣченныя г. Голубинскимъ факты принудительного воздѣйствія мірянъ на епископовъ, равно какъ имъ же установленное отсутствіе какихъ-либо историческихъ свѣдѣній объ актѣ канонизаціи или о чинѣ канонизаціи. Поэтому всякия предположенія, а тѣмъ болѣе положенія о правѣ епископовъ канонизовать и назначать день празднованія съ согласія митрополита и провинціального собора согласно съ 34 апост. и 9 ант. правиль суть не болѣе какъaprіорныхъ разсужденій, не имѣющія подъ собой исторической почвы. Скорѣе сохранились свѣдѣнія о томъ, что соборамъ приходилось принимать сдерживающія и ограничивающія мѣры въ отношеніи къ почитанію святыхъ. Замѣчательное въ этомъ отношеніи постановленіе находимъ въ ряду сѣверо-африканскихъ каноновъ (пр. 17 кареаг. соб. 401 г., по славянск. кн. правиль 94-е пр. кареаг. соб.). На мѣстныхъ епископовъ возлагается обязанность принять мѣры къ разрушенію алтарей, которые поставлены были на поляхъ и по дорогамъ (reg agros et per vias; въ греческомъ переводѣ стоитъ: ἀνὰ τοὺς ἀγροὺς; καὶ τοὺς ἀπτελῶντας; отсюда и въ славянскомъ переводѣ: „на поляхъ и вертоградахъ“), якобы въ память мучениковъ, но при которыхъ не оказывается положенныхъ никакого тѣла или останковъ мучениковъ. На случай, если „народныя смиренія“ не допустятъ до этого, епископамъ внушается, по крайней мѣрѣ, вразумлять народъ, чтобы онъ не собирался въ такихъ мѣстахъ, и чтобы правомыслящіе къ таковымъ мѣстамъ не привязывались никакимъ суевѣріемъ, а на будущее время держаться того правила, что память мучениковъ можетъ быть совершаема только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ находится тѣло или какіе-либо останки или гдѣ, по преданію, было мѣстожительство, или имѣніе, или мѣсто страданія почившаго. Слѣдовательно, устроеніе алтарей въ такихъ мѣстахъ, къ которымъ почившій ни въ какихъ отношеніяхъ не состоялъ, „по сновидѣніямъ и суетнымъ откровеніямъ иѣкоторыхъ людей“ должно быть всемѣрно запрещаемо. Могло быть, что епископъ принималъ мѣры и противъ почитанія какого-либо усопшаго, котораго онъ не признавалъ достойнымъ почитанія, но и въ этомъ отношеніи онъ не устанавливалъ, не вводилъ, не канонизовалъ, а ограничивалъ и запрещалъ. Рѣдкя и скудныя свидѣтельства о канони-

запії святихъ епископами въ теченіе первого тысячелѣтія христіанской эры приводятся Гишигусомъ (IV, 242, прим. 2), но всѣ они относятся къ западу. Что же касается востока, то слѣдуетъ отмѣтить замѣчательный исторический фактъ: мы не только не имѣемъ историческихъ свидѣтельствъ объ осуществленіи епископами права канонизации, но мы не видимъ, чтобы какой-либо соборъ, вселенскій или мѣстный, канонизовалъ какого-либо святого, или чтобы входилъ въ провѣрку оснований, почему какой-либо умершій называемъ быль святымъ. Напримѣръ, въ Египтѣ несомнѣнно память Феофила александрийскаго чтилась высоко, какъ одного изъ столповъ православія, наравнѣ съ Аѳанасіемъ и Кирилломъ, что видно уже изъ актовъ III вселенскаго собора. Въ актахъ V вселенскаго собора Феофиль называется не только „святой“ или „блаженной памяти“, но прямо святымъ, наряду съ Григоріемъ нисскимъ (*Mansi, Concilior. collectio, IX, 251*). О томъ, какимъ образомъ возникъ кульпъ святого и какое положеніе могъ занимать патріархъ константинопольскій въ отношеніи къ возникновенію такового культа, съ достаточнou ясностю говорять обстоятельства изъ жизни Симеона новаго богослова въ первой половинѣ XI вѣка, не затрогиваемыя профессоромъ Голубинскимъ (см. *Holl, Enthusiasmus und Bussgewalt beim griechischen Mönchtum, 1898 г., стр. 15 и сл.* и мою рецензію этого сочиненія въ „*Визант. Временникъ*“, т. VI). То, что мы знаемъ о законодательномъ регулированіи почитанія святихъ, и о чёмъ извѣстно самому почтенному автору, опять замѣчательнымъ образомъ не можетъ ни въ малѣйшей степени послужить къ обоснованію того „правосознанія“, о которомъ было сказано выше. Минологій или мѣсяцесловъ быть изданъ императоромъ Василіемъ I. Другой минологій съ краткими житіями святихъ, почитаемыхъ на пространствѣ всей греческой церкви, изданъ императоромъ Василіемъ II. Въ промежутокъ времени между этими императорами издана была замѣчательная 88-я новелла Льва Мудраго, которую установлено было общеобязательное празднованіе семи знаменитымъ святителямъ: Аѳанасію александрийскому, Василію Великому, Григорію Богослову, Григорію нисскому, Іоанну Златоусту, Кириллу александрийскому и Епифанію кипрскому (см. у Голубинскаго, стр. 14, 20 и 21). Для характеристики восточнаго правосознанія имѣть также немаловажное значеніе любопытная новелла Мануила Комнина, которую, очевидно, обобщался и санкционировался на будущее время весь кругъ церковныхъ праздниковъ. Здѣсь опредѣляется, въ какіе дни не должно быть судебныхъ засѣданій (за

исключениемъ тѣхъ случаевъ, когда самъ императоръ предписалъ бы и въ эти дни судебныя засѣданія), при чемъ различаются такие праздничные дни, въ которые суды, послѣ совершеннія богослуженія, могутъ отправлять судь. Къ большинствомъ праздникамъ отнесены: въ сентябрѣ—дни Рождества Богородицы, Воздвиженія и Иоанна Богослова, въ октябрѣ—6-го, 9-го и 10-го, дни апостоловъ Фомы, Иакова Алфеева и Луки Евангелиста, въ ноябрѣ—13-го память Златоуста, 14-го апостола Филиппа, 16-го евангелиста Матея, 21-го Введеніе и 30-го апостола Андрея, въ декабрѣ—9-го Зачатіе Божіей Матери и начиная съ 20-го по 6-е января, въ январѣ—18-го память отцовъ Аѳанасія и Кирилла и 25-го Григорія Богослова, въ февралѣ—2-го Срѣтеніе и 3-го память Симеона Богопріимца, въ мартѣ—25-го Благовѣщеніе и затѣмъ пасхальные дни отъ воскресенія Лазаря до 8-го дня по Пасхѣ, въ апрѣлѣ—25-го евангелиста Марка и 30-го апостола Иакова Зеведеева, въ маѣ—8-го Иоанна Богослова, 10-го Симона Зилота, 21-го равноапостольныхъ Константина и Елены, 26-го апостола Іуды Алфеева, въ юнѣ—11-го апостола Вареоломея, 19-го апостоловъ Іуды, по прозванию Фаддея, Левія и Иакова, 24-го Рождество Предтечи, 29-го верховныхъ апостоловъ Петра и Павла и 30-го память 12-ти апостоловъ, въ юлѣ—25-го успеніе св. Анны матери Богородицы, въ августѣ—6-го Преображеніе, 9-го апостола Матея, 15-го Успеніе Божіей Матери, 20-го память апостола Фаддея, 24-го апостола Вареоломея, 29-го усѣкновеніе главы Предтечи. Къ этому же классу праздниковъ причисляются преполовенія Четыредесятницы и Пятидесятницы, Вознесеніе и всѣ воскресные дни. Къ меньшимъ праздникамъ отнесены: въ сентябрѣ—6-го чудо архистратига Михаила въ Хонахъ, въ октябрѣ—23-го память Иакова, брата Божія, и 26-го мученика Димитрія муроточиваго, въ ноябрѣ—1-го безсребрениковъ Козьмы и Даміана, 8-го соборъ безплотныхъ силъ и 28-го препод. Стефана новаго, въ декабрѣ—4-го мученицы Варвары и 6-го чудотворца Николая муроточиваго, въ январѣ—10-го Григорія исискаго, 16-го поклоненіе цѣпямъ корифея апостоловъ Петра, 19-го перенесеніе мощей Григорія Богослова и 27-го перенесеніе мощей Иоанна Златоуста, въ февралѣ—7-го память Феодора Стратилата и 17-го Феодора Тирона, въ мартѣ—9-го сорока мучениковъ, въ апрѣлѣ—23-го великомученика Георгія, въ маѣ—2-го Аѳанасія Великаго, въ юнѣ—8-го Феодора Стратилата, 9-го Кирилла Александрийскаго и 27-го преподобнаго Сампсона, въ юлѣ—1-го чудотворцевъ-безсребрениковъ, 2-го Положеніе честной ризы Богоматери, 8-го великомучениковъ.

ника Прокопія, 11-го великомученицы Евфимії, 20-го пророка Ілії, 27-го мученика Пантелеймона и 31-го положеніе честного пояса не-порочной Богоматери (*Zachariae, Ius glaeco-gotanum*, Р. III, coll. IV, nov. 67). — Можно бы было, повидимому думать, какъ, вѣроятно, думаетъ вышеизначенный казанскій канонистъ, что тутъ „гражданскій“ законодатель не праздники устанавливаетъ для всей имперіи, а даетъ предписаніе для судовъ гражданскихъ, и что подобный законодательный актъ могъ бы проистекать и отъ турецкаго султана. Но какъ разъ именно „гражданская“ точка зрења совершенно отсутствуетъ: въ новеллѣ явственно оговорено, что дни рождения и восшествія на престоль императора, въ отмѣну I. 7 § penult. Cod. de seris, причисляются къ буднямъ.

Обратимся теперь къ фактамъ изъ русской исторіи, довольствуясь тѣми, которые приводятся въ книгѣ самого профессора Голубинскаго, отмѣчая и тѣ сужденія, въ которыхъ выражается его собственное „правосознаніе“. Почтенный профессоръ читаетъ, напримѣръ, лѣтописное извѣстіе о томъ, что печерскій игуменъ обратился съ просьбою вписать имя Феодосія въ синодикъ (въ списокъ святыхъ, поминавшихся на праздничныхъ лѣтіяхъ) не къ митрополиту, а къ великому князю Святополку и что великій князь *повелѣлъ* митрополиту вписать и епископамъ по всѣмъ епископіямъ вписывать, что они и сдѣлали съ радостію. Фактъ этотъ, очевидно, не нравится автору, и онъ разсуждаетъ нижеслѣдующимъ образомъ. „Если бы предполагать“, говорить онъ, „что лѣтописецъ съ точностью передаетъ дѣло, то нужно было сказать, что игуменъ печерскій усвоилъ великому князю право, которое этому послѣднему не принадлежало, и что великій князь *присвоилъ себѣ право митрополита и позволилъ себѣ по отношенію къ нему незаконное принужденіе*. Но мы думаемъ, что должно предполагать неточность у лѣтописца въ передачѣ дѣла — что игуменъ искалъ у великаго князя *ходатайства* предъ митрополитомъ, и что великій князь съ своей стороны и исполнилъ именно эту просьбу игумена“ (53). Думать, пожалуй, можно что угодно, но нужно имѣть какія-нибудь основанія для своихъ думъ, а о „незаконномъ принужденіи“ тутъ во всякомъ случаѣ невозможно говорить, въ виду категорического заявленія лѣтописца, что всѣ епископы „съ радостю“ исполнили повелѣніе великаго князя. Значить, всѣ были подготовлены къ канонизаціи Феодосія, а князь явился лишь выразителемъ общаго убѣжденія и желанія, и поступилъ вполнѣ правильно, если не обратился съ „ходатайствомъ“ къ митрополиту, а прямо „повелѣлъ“. Это

не то, что, напримѣръ, законъ императора Никифора Фоки о пристеніи къ лицу мучениковъ всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ быть убиты на войнѣ съ непріятелемъ. Такой законъ могъ дѣйствительно удивить своею неожиданностю и произволомъ, и если бы императоръ вздумалъ настаивать на обнародованіи и проведеніи въ жизнь подобного повелѣнія (чего онъ не сдѣлалъ, встрѣтивъ сопротивленіе), то о немъ можно бы было сказать, что онъ позволилъ себѣ принужденіе, и не только по отношенію къ патріарху или къ епископамъ, но ко всему вѣрующему народу.

Еще по другому поводу высказывается „правосознаніе“ профессора Голубинскаго. Макаріевскій соборъ 1547 г. происходилъ 26-го февраля въ „сбориос“ воскресенье, т.-е. въ недѣлю православія. Царь не присутствовалъ на соборѣ, потому что его не было въ Москвѣ въ это время. „Вѣроятно, говорить авторъ, онъ не хотѣлъ присутствовать потому, чтобы къ дѣлу, въ самомъ строгомъ смыслѣ церковному, какова канонизація святыхъ, не причищивать элемента земскаго“ (стр. 89). Опять и для этой вѣроятности должны быть какія-либо основанія, а основанія рѣшительно отсутствуютъ. У самого же автора въ примѣчаніи къ приведенному мѣсту сообщается, что 13-го февраля 1547 г. царь вступилъ въ бракъ съ Анастасіей Романовной и 17-го февраля отправился пѣшкомъ на богомолье къ Троицѣ, откуда возвратился въ Москву 5-го марта. Слѣдовательно, отсутствіе царя на соборѣ 1547 г. было чисто случайнымъ обстоятельствомъ, и историкъ тѣмъ меныше право имѣть усматривать въ этомъ фактѣ сознательное отстраненіе „земскаго элемента“ отъ чисто церковнаго дѣла, что весь дальнѣйший образъ дѣйствій царя и на соборѣ 1549 г., и на стоглавомъ соборѣ, и т. д., и всѣ документы, въ которыхъ выражено „правосознаніе“ того времени, имѣютъ какъ нельзя болѣе ясный и опредѣленный смыслъ. Царь „возжелалъ“ взыскать и собрать остававшееся въ пренебреженіи богатство (сово-купность русскихъ чудотворцевъ, которымъ доселѣ не было надлежащаго празднованія), „молилъ“ святителей своего царства произвести необходимое изслѣданіе, просилъ „совѣта“ и „благословенія“ святителей и довелъ задуманное дѣло до конца. Но съ моленіемъ, съ просьбами о совѣтѣ и помощѣ царь обращался не къ одному только митрополиту Макарію съ прочими святителями, а и къ князьямъ, боярамъ, воинамъ и всему православному христіанству,—святительскаго же благословенія, какъ извѣстно, онъ испрашивалъ не на канонизацію только святыхъ, а и на издание судебнага (см. 3 и 4 главы

стоглава и въ книгѣ профессора Голубинскаго стр. 95—97 и 105—106). Говорить о макаріевскихъ соборахъ, что они канонизовали святыхъ безъ царя, было бы не болѣе основательно, какъ если бы кто-нибудь сталъ доказывать, что стоглавый соборъ законодательствовалъ помимо царя и независимо отъ него. О томъ же Грозномъ въ книгѣ г. Голубинскаго сообщается, что онъ въ 1556 г. Владимиру, сыну Ярослава Мудраго, матери его Аннѣ и князю Мстиславу Храброму отмѣнилъ неправильный празднованія и велѣлъ пѣть имъ панихиды, другими словами причтениѣ ихъ къ лицу святыхъ, даже и мѣстныхъ, объявилъ недостаточно обоснованнымъ или неправильнымъ (стр. 73 — 74). Нужно думать, что и тутъ выражалось определенное „правосознаніе“ времени.

Далѣе, въ одномъ волоколамскомъ сборникѣ почтенный авторъ напечаталъ слѣдующее извѣстіе: „*повелѣніемъ* благовѣрнаго и христолюбиваго государя царя и великаго князя Федора Ивановича всея Руси и *благословеніемъ* отца его, святѣйшаго Іова, первого патріарха московскаго и всея Руси, исправленъ бысть преподобному отцу нашему игумену Іосифу волоцкому чудотворцу тропарь и кондакъ и стихирь и канунъ и на литургії служба вся при игуменѣ Іасафѣ лѣта 7099 іюня въ 1 день, а *свидѣтельствовалъ* тропарь и кондакъ, стихирь и канунъ и на литургії всю службу преподобному Іосифу на вселенскомъ соборѣ (!) государь самодержецъ и великий князь Федоръ Ивановичъ всея Руси и святѣйший Іовъ, патріархъ московскій и всея Руси, и весь синклитъ; и совѣтомъ всего собора царь и патріархъ *повелѣша пѣти* и *празднованіи* повсюду преподобному отцу нашему Іосифу..... въ той же день *повелѣніе* государь-царь и великий князь Федоръ Ивановичъ во всѣхъ мирияхъ вышечатать тропарь и кондакъ и стихирь и всю службу“ и проч. (стр. 116 — 117 и ср. еще стр. 303 въ прим.).

Отъ конца XVII в. мы также имѣемъ документъ (см. у Голубинскаго въ Приложеніяхъ, на стр. 428—429), характеризующій „правосознаніе“ времени. Архимандритъ и братія Соловецкаго монастыря были членомъ архіепископу холмогорскому Аѳанасію благословить ихъ творить память съ божественною службою преподобнаго Германа, со-трудника и сподвижника основателей Соловецкой обители Зосимы и Савватія. Въ отвѣтъ на это членобитіе архіепископъ въ 1691 г. указалъ архимандриту съ братією „пустыножителя старца преподобнаго Германа за его многолѣтніе постнические труды имѣть и почитать яко угодника Божія, обаче безъ воли великихъ государей и святѣй-

шаго патріарха и безъ свидѣтельства, яко же имѣеть святая восточная каѳолическая церковь праздновать и пѣснопѣнія творить со всею ющымъ пѣиемъ, якожь памяти святыхъ празднуете по уставу, ему — старцу Герману — мы не указали, не яко уничижая его превосходство, но граня чистоты святыхъ церкви дозволять, яко издревле во святой православной отрпь нашей обыкоша о святыхъ Божіихъ подникахъ предлашатися прежде о житіи и чудесахъ ихъ свидѣтельства достовѣрные, по свидѣтельству же съ благословенія общаго православныхъ монарховъ и архиастырскаго составляются имена службы и каноны и тако устроются празднованія, безъ свидѣтельства же и благословенія государскаго и святѣйша патріарха никакожъ сие состоятися и прочно быти можетъ". Слѣдовательно, даже іерархъ временъ патріаршества, когда воспроизвѣдился параллелизмъ властей, царской и патріаршой, былъ далекъ отъ мысли разматривать участіе монарха въ дѣлѣ канонизаціи, какъ постороннее участіе „гражданской" власти. Нечего и говорить о канонизаціяхъ XVIII в. и позднѣйшаго времени, начиная съ канонизації Димитрія ростовскаго, которая не только состоялась въ силу Высочайше утвержденія доклада св. синода, но и свои начальныя стадіи прошла по именному повелѣнію императрицы, между тѣмъ какъ мѣстный ростовскій митрополитъ Арсений Мацѣевичъ, по замѣчанію проф. Голубинскаго, „отнесся къ славѣ святителя Димитрія съ непонятнымъ и непозволительнымъ пренебреженіемъ" (стр. 170 въ прим. 3). Высочайше утвержденій докладъ св. синода и до настоящаго времени остается тою формою, въ которую облекается актъ канонизації, какъ церковный законъ, наравнѣ съ другими церковными законами. Спрашивается, какое же основаніе имѣть изслѣдователь, резюмируя въ „общемъ обозрѣніи" вытекающіе изъ его изслѣдованія выводы, сказать, что канонизація святыхъ въ русской церкви принадлежала главѣ ея митрополиту-патріарху? Иное дѣло собственный взглядъ автора на ходъ исторіи, иное дѣло объективный выводъ изъ фактовъ исторіи; первый нельзя ставить на мѣсто послѣдняго. Что же кажется собственного взгляда автора — взглядъ этотъ, безъ сомнѣнія не одинокій, а взглядъ очень многихъ, — то онъ коренился не въ традиціонномъ восточно-русскомъ, а въ наносномъ съ запада воззрѣніи на монарха, какъ на „свѣтскую" или „гражданскую" власть, противоположную „церковной" власти. Средневѣковая западная іерократическая литература развѣвчала монарха, какъ власть отъ мира сего (*pot. saecularis*), отъ всякаго духовнаго качества. Лютеръ желалъ вернуть монарху духовно-религіозный характеръ, но этого

ему не удалось сдѣлать, благодаря могущественному потоку идей естественного права. Съ точки зрѣнія послѣдняго, монархъ есть только и исключительно глава государства, какъ свѣтскаго общества, въ которомъ и сама религія является лицомъ изъ вѣтвей государственного управления. На этой почвѣ создалась вся западно-европейская публицистическая литература; на ней она стоитъ и до настоящаго времени, съ тою, пожалуй, разницей, что раньше говорили о монархѣ, какъ о „главѣ государства“, а позднѣе стали называть уже монарха „организмомъ“ государства, какъ чисто свѣтскаго общенія. Само собою разумѣется, что католическая церковная литература, отстаивающая независимость церковной іерархіи, какъ „духовной“ власти отъ всякой, „гражданской“ власти, понимая подъ послѣднею монарха, служить лишь подспорьемъ для означенного публицистического взгляда, который находится въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣми ходомъ исторіи, и византійской, и русской, хотя иносное западное ученіе наблюдается уже издавна и въ той, и въ другой.

Если обратиться теперь къ вопросу о канонизации святыхъ въ особенности, то на первый взглядъ дѣйствительно можетъ показаться страннымъ причtenіе къ лицу святыхъ въ силу императорскаго закона. Но императорскій законъ не есть актъ императорскаго произвола. Закономъ предполагается общераспространенная и созревшая народная вѣра; императоръ является лишь выразителемъ народной вѣры, а докладъ св. синода служить неоспоримымъ доказательствомъ того, что актъ канонизации является съ благословеніемъ святителей. „Повелѣніемъ царя съ благословеніемъ святителей“ — форма, какъ мы видѣли, не новая: она существовала уже въ XVI столѣтіи. Мы видѣли также, что и въ католическомъ мірѣ монархи могутъ быть выразителями народной вѣры, обращаясь къ папѣ съ ходатайствомъ о причtenіи какого-либо праведника къ лицу святыхъ. Русскому императору не къ кому обращаться съ подобнымъ ходатайствомъ. О произволѣ и беспорядкѣ въ дѣлѣ канонизации святыхъ намъ ничего не говорить ни позднѣйшая исторія съ XVIII в., ни исторія XVI столѣтія. Напротивъ, изъ книги проф. Голубинскаго выносится впечатлѣніе, что въ эпоху макаріевскихъ соборовъ дѣло это стояло гораздо яснѣ и правильнѣе, чѣмъ въ эпоху патріаршества, и если составленіе длинныхъ списковъ почившихъ праведниковъ разныхъ категорій было сильно затруднено для почтенного изслѣдователя, то затрудненія со здались главнымъ образомъ въ періодъ патріаршества. Не говорить уже о патріархѣ Іоакимѣ, котораго самъ проф. Голубинскій назы-

ваеть „очень смѣлымъ“ и „быстрымъ“ на рѣшенія (стр. 166 и 168). Дѣйствительно, „смѣлость“ патріарха Іоакима можетъ быть до извѣстной степени сравниваема съ смѣлостью патріарха Никона. Въ актахъ, относящихся до гражданской расправы въ древней Россіи, изданныхъ Федотовымъ-Чеховскимъ, есть два любопытные документы: двѣ правы грамоты по одному и тому же дѣлу. Царскимъ судомъ опредѣлено было, на основаніи уложенія, предоставить родственникамъ завѣщателя выкупить родовое село, завѣщенное Богоявленскому монастырю, и въ этомъ смыслѣ была выдана правая грамота, а патріаршій судъ, на основаніи кормчей книги, перерѣшилъ дѣло въ пользу другой стороны въ выдать другую праву грамоту (т. II, № 122).

Еще одно замѣчаніе относительно канонизаціи, какъ акта законо-дательного. На западѣ, не смотря на то, что епископамъ, по каноническому праву, усвоется „законодательная власть“, уже съ XII в. не только канонизация, но и беатификація принадлежитъ исключительно папѣ. Съ духомъ русского публичного права рѣшительно не соглашается приписаніе епископу законодательной власти въ предѣлахъ его епархіи. Поэтому, если епископъ вводить мѣстное празднованіе въ епархіи или въ монастырѣ въ честь какого-либо усопшаго праведника, то это не значитъ, что онъ „канонизуетъ къ мѣстному празднованію“, т.-е. издастъ обязательный для епархіи законъ, а значитъ, что онъ допускаетъ таковое празднованіе, въ виду распространенной въ извѣстномъ кругѣ людей вѣры въ святость почившаго, съ провѣркой основаній этой вѣры. Допущеніе же празднованія есть выводъ не изъ законодательной, а изъ административной власти. Выше было замѣчено, что даже римскій папа, въ законодательной власти которого никто не сомнѣвается, почитаніе мѣстныхъ святыхъ (*beati*) не предписывается, по общему правилу, а допускается. Времена же, когда надъ епископомъ не было никакой высшей власти, и даже времена, когда провинціальные соборы съ митрополитомъ во главѣ законодательствовали, не зная надъ собой высшей власти, давно уже прошли и на западѣ, и на востокѣ.

„Общее обозрѣніе“ заканчивается рѣчами о мощахъ святыхъ. Авторъ вооружается здѣсь противъ людей, „имѣющихъ ревность Божію не по разуму“, которые утверждаютъ, будто мощи святыхъ всегда и непремѣнно суть совершиенно нетленныя, т.-е. совершенно цѣлыя, никакъ не разрушенныя и не поврежденныя тѣла, и выдвигаетъ противъ этого взгляда весьма солидную аргументацію, продолжая еще таковую въ одномъ изъ приложенийъ къ своему изслѣдованію.

Приложенија раздѣляются на двѣ части: въ первой помѣщаются греческія, во второй русскія приложенія. Большею частью это — документы — грамоты, указы, акты, относящіеся къ канонизаціи святыхъ, къ допущенію, или къ прекращенію празднованія. Но въ ряду греческихъ есть и такія цѣнныя приложенія, какъ списокъ епископовъ-патріарховъ константинопольскихъ отъ Митрофана († 325) до Евстаѳія († 1025) съ отмѣткой, кто изъ нихъ причисленъ къ лику святыхъ, а въ числѣ русскихъ списокъ русскихъ святыхъ, которымъ праздновалось въ московскомъ Успенскомъ соборѣ между 1622 и 1743 гг., по четыремъ уставнымъ записямъ этого собора, съ указаниемъ разности въ записяхъ.

Вообще историческій и литературный матеріалъ, надъ которымъ оперировалъ трудолюбивый и одаренный критическою мыслью авторъ, можно назвать огромнымъ. Но нельзя не пожелать, чтобы въ слѣдующемъ изданіи, если бы таковое было предпринято, обработка матеріала имѣла болѣе упорядоченный видъ, и чтобы авторъ обратилъ вниманіе на слабыя стороны своего „общаго обозрѣнія“.

II. Супоремъ.

Книжные новости.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БЫТА И ЯЗЫКА РУССКАГО НАСЕЛЕНИЯ СЪВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ, собранные и приведенные въ порядке П. В. Шейномъ. Томъ III. С.-Пб. 1902. Изъ Сборника Отдѣленія русск. яз. и слов. Императорской Академіи Наукъ, т. LXXXI, стр. III—IV+535.

Покойнаго П. В. Шейна смерть застала за корректированіемъ третьаго тома его цѣнныхъ „Матеріаловъ“, собранныхъ имъ лично и его корреспондентами. Для продолженія работы былъ приглашенъ проф. Е. Ф. Карский, который не нашелъ оригинала для набора нѣкоторыхъ листовъ и не имѣлъ подъ руками бумагъ, оставшихся послѣ покойного этнографа. Этихъ объясняется между прочимъ отсутствіе системы въ книгѣ, случайный характеръ многихъ очень интересныхъ сообщеній и т. д. Редакторъ предполагаетъ даже, что среди бумагъ Шейна едва-ли отыщутся какія-бы то ни было рукописные матеріали по бѣлорусской этнографіи: „иначе нечѣмъ объяснить то, что онъ постоянно просилъ, у кого только можно было, соотвѣтствующихъ матеріаловъ, да и печаталъ этотъ томъ почти 8 лѣтъ, тогда какъ предыдущіе появились сравнительно быстро; самыи видъ книги—постоянныи повторенія сходныхъ рубрикъ съ разными дополненіями—говорить о томъ же“ (стр. III). Не смотря на такія неблагопріятныя условія, третій томъ „Матеріаловъ“ Шейна интересенъ. Онъ состоитъ изъ двухъ большихъ отдѣловъ: I. Описаніе жилища, одѣжды, пищи,

занятій, пропровожденія времени, игръ, вѣрованій, обычного права наслѣдства и проч.; II. Обряды и обычаи земледѣльческіе, чародѣйство, колдовство, звакарство, вѣдмарство, хѣченіе болѣзней, средства отъ разныхъ напастей, поѣры, суевѣрия, прижѣты и т. д. Изъ этихъ наблюдений и сообщеній, обнімающихъ собою всѣ почти стороны материальной культуры современныхъ бѣгурсовъ и ихъ интеллектуальной жизни, наиболѣе цѣны въ этнографическомъ отношеніи слѣдующіе отдѣльные очерки: Рождественскій „свята“ (щедрый вечеръ, колядки, святки, вертепъ или „бетлейки“, разыгрываемыя въ лицахъ сцены, и т. д., стр. 112—154), народныя разсказы о „вовкулахъ“ (стр. 253—257), суевѣрия, относящіяся къ постройкѣ дома (стр. 317—335), подробное описание свадебнаго ритуала въ Мозырскомъ уѣздѣ Минской губ., а также въ Слуцкомъ и Новогрудскомъ. Въ концѣ книги приложенъ предметный указатель.

„Свадебные приговоры дружки“, по рукописи половины XIX столѣтія. Сообщилъ А. Кузнецова. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ. Томъ LXXXII.

Быть высшаго класса старой Руси извѣстенъ довольно хорошо. Имъ интересовались и заѣзжавшіе въ Москву иностранцы, онъ привлекалъ къ себѣ вниманіе историковъ, и монографіи И. Е. Забѣлина рисуютъ намъ такія подробности изъ будничной и обрядовой дворцовой жизни, которыхъ не могли сохраниться въ обстановкѣ средняго класса. Поэтому изданные профессоромъ А. И. Соболевскимъ „Свадебные приговоры дружки“ представляютъ большой интересъ, и притомъ не только для историка, но и этнографа, и историка литературы. Прежде всего, „приговоры“ глубоко поэтичны по вышности. Былинные приемы видны повсюду, въ каждой небольшой прибауткѣ веселаго „дружки“. Та же пластика, то же этическое свойство, тѣ же эпитеты, постоянные или украшающіе, что и въ народномъ эпосѣ. Домъ у него всегда называется благодатнымъ, столы — блѣдодубовыми, гости — честными, вѣнець — златымъ, шубка — собольей или куньей, скатерть и шаль —шелковыми, жемчугъ — скатнымъ, дѣвицы — красными, сизыми голубицами, звѣри — заморскими, соболи — черными, руки — бѣлыми, бедра — крутymi, кровати и ступеньки — кленовыми, яства — сахарными, пшитя — медовыми, свѣчи — воскуаровыми. Каждое движение одного изъ участниковъ свадьбы описывается у него со всей последовательностью эпического свойства. Женихъ становится на рѣзьбы ноги, крестится правой рукой, привлѣдывается ко святому образу, бланяется отцу въ ноги и т. д. Всѣ шутки дружки, который часто переходитъ въ итоговыи тонъ, пересыпаны чисто-народными, довольно, впрочемъ, дешевыми остроумiemъ. Съ особымъ уваженiemъ онъ относится къ свахѣ, хотя и говорить о ней съ иронией: „Извольте, свашенька, нарядиться, поскорѣе налить чашечку пива за добрыя сердца, встрѣтить нашу свашеньку со широкой улицы. Наша свашенька сердита, спесива, горделива. Она не ходить по ступенькамъ кленовыхъ, по крыльямъ блѣдодубовыхъ. Наша свашенька ходить по атласу, бархату, по сукну сѣроѣмецкому. Наша свашенька на ступень ступить — сто рублей платить, на другую ступить — двѣсти рублей платить, на третью ступить — всему дому не будетъ подъему“. Такимъ же балаганамъ задоромъ отличается иѣсколько разъ повторяющаяся

шутка „дружки“ на счетъ подругъ невѣсты. „Имѣются ли въ купѣ за завѣтной трины-пѣвицы, молодыя девицы, сизыя голубицы, аленыя платочки, бѣлые волосочки, кудреватые височки, брови щипаны, рожи мазаны, носы тянуты, походочки молодецкія, говоря лебединая? — спрашиваетъ онъ.— Раздайтесь шире на двѣ стороны, пропустите нашего сватушка въ купѣ за зававѣску, за шитую, полотняную, за бѣлую перебранную, дарить честной бракъ“.

Изъ приведенныхъ выдержекъ можно видѣть, насколько драгоценны эти „приговоры“ для представления о старинной русской свадьбѣ. Къ тексту „приговоровъ“ Кузнецова прибавилъ несолько интересныхъ замѣчаний. „Тысячимъ въ свадебномъ поѣздѣ бывалъ самый старшій изъ родственниковъ жениха, — говорить онъ.— Старшій сватъ представлялъ собой женехова отца въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, по обычая, не полагалось присутствовать женехову отцу. Княжной свахой бывала самая старшая изъ женщинъ, родственница жениха, чаще всего — его крестная мать. Она служила представительницей женехова матери въ тѣхъ же случаяхъ, когда тысяцкій представлялъ женехова отца“. Въ однихъ этихъ названіяхъ замѣтна глубокая старина русскихъ обрядовъ, сохранившихся въ Романовѣ Борисоглѣбскѣ еще въ половинѣ прошлаго вѣка.

B. V. Стасовъ. Миниатюры нѣкоторыхъ рукописей византійскихъ, болгарскихъ, русскихъ, джалатайскихъ и персидскихъ. Изд. Общества любителей древней письменности. С.-Пб. 1902.

Несмотря на слишкомъ скромное заглавие новаго своего труда, В. В. Стасовъ рѣшаетъ очень важные археологические и исторические вопросы, привлеченные имъ въ дѣлу въ видѣ новыхъ доказательствъ славянскаго происхожденія нѣкоторыхъ народовъ, изображенныхъ на барельефахъ известной колонны императора Траяна. Траинова колонна воздвигнута въ память покоренія Дакіи въ самыи началь II вѣка по Рождествѣ Христовѣ. Ея барельефи должны были служить иконографической лѣтописью воинскихъ подвиговъ римскаго императора, и для поддѣлывавшихъ исклѣдователей они оказали большую услугу въ томъ именно отвопеніи, что сохранили нѣкоторое представление о вооруженныхъ римскими оружіемъ народахъ сѣверо-дунайскаго побережья. Оленинъ (1832) и Прохоровъ (1881) видѣли въ нихъ предковъ славянъ. Эта теорія подробно развита В. В. Стасовымъ, который вполнѣ убѣжденъ, что нѣкоторыя группы этой колонны относятся именно къ славянамъ, и приводить кое-какія доказательства исторического и этнографического характера. Согласиться съ этимъ очень трудно. Славянство народовъ, изображенныхъ на Траиновой колоннѣ, основано на прежней теоріи о дунайской родинѣ славянскаго племени, на извѣстномъ мѣстѣ у Нестора о притѣсненіи славянъ волхами т.-е. римлянами и ихъ разселеніи на сѣверъ и востокъ отъ Дуная. Теперь никто не вѣрить въ значеніе этого свидѣтельства первоначального лѣтописного свода, за исключеніемъ развѣ Самоквасова, Иловайскаго, Соловькова и Пича. На сцену выдвинуто другое мнѣніе о первоначальной родинѣ славянъ. Ее слѣдуетъ искать гдѣнибудь въ области за Карпатами, на сѣверъ отъ нихъ до Вислы и по среднему течению Днѣпра (*L. Niederle*, въ журнале „Slovanský Prѣhled“, II, 2, за 1899 годъ), что же касается времени переселенія

ни славянъ съ съвера Карпатскіхъ горъ въ Венгрии, точнѣе, въ земли нынѣшнихъ словаковъ, то на основаніи культурныхъ данныхъ изъ могильныхъ раскопокъ, толькъ же чешскій археологъ доказалъ, что это время можно датировать только приблизительно и относить его къ первымъ вѣкамъ по Рождество Христово („Труды XI археол. съѣзда въ Киевѣ“, т. II, стр. 1—5). Такимъ образомъ, трудно допустить, чтобы на Траяновой колоннѣ могли фигурировать славяне. Румынскіе ученые видятъ въ тѣхъ же изображеніяхъ только даковъ, родоначальниковъ нынѣшняго румынскаго племени, и объясняютъ одежду, головной уборъ и жилище даковъ съ римско-румынской точки зреянія (*A. D. Heliopol, Curs de istoria românilor*, ed. 3, pp. 18—19; *Gr. G. Tocilescu, Manual de istoria română, partea I—II*, p. 27). Прибавимъ также, что г. Стасовъ остался неизвѣстнымъ „картины“ атласъ всемирной исторіи,—составленный Л. Вейссеромъ. Объяснительный текстъ въ историческомъ и художественномъ отношеніи,—составленъ докторомъ Мерцемъ, переводъ Евстафьевъ, С.-Пб. 1868“, гдѣ можно найти довольно хорошее для того времени воспроизведеніе барельефовъ Траяновой колонны. Кромѣ этой статьи, въ новомъ труде г. Стасова поющіе въ объясненіи и снимки съ миниатюръ Менология Василия II, Монашеской гігантесы болгарскаго царя Иоанна Александра, Бесѣдъ Иоанна Златоустаго (Синод. библиотека въ Москвѣ, XIII вѣка) и двухъ поздніхъ восточныхъ рукописей съ мало вѣроятными изображеніями Чингизъ-хана.

Записки Императорской Академіи Наукъ, по историко-филологическому отдѣленію. Томъ VI, № 2. Отчетъ о сорокъ второмъ присужденіи наградъ графа Уварова. (Читано въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1900 г.). С.-Пб., 1902. Цѣна 2 руб. Стр. 234.

Здѣсь находится: I. Разборъ сочиненія А. П. Барсукова „Родь Шереметевыхъ“. С.-Пб. 1881—1899, семь томовъ. Разборъ составленъ Д. А. Корсаковымъ. II. Отзывъ о сочиненіи К. Харлампиевича „Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка“. Казань. 1898. Рецензія П. Жуковиця. III. Отзывъ С. Голубева о сочиненіи В. О. Эйнгорна „Очерки изъ истории Малороссіи въ XVIII вѣкѣ“. III. Сношепія малороссійскаго духовенства стъ московскими духовенствомъ въ царстваніе Алексѣя Михайловича“. М. 1899. IV. Разборъ сочиненія А. Кочубинскаго „Графъ Андрей Иванович Остерманъ и раздѣлъ Турціи. Изъ исторіи Восточного вопроса. Война пятнадцати лѣтъ (1735—1739). Одесса. 1899. Рецензія В. И. Ламанскаго. V. Разборъ сочиненія: „Палеографический Изборникъ. Материалы по истории южно-русскаго письма въ XV—XVIII вѣкахъ, изданные Киевской комиссіей для разбора древніхъ актовъ“. Вып. I. Киевъ. 1899. Рецензія А. И. Соболевскаго. VI. Отзывъ А. Киричникова о сочиненіи Н. Ф. Сумцова „Разысканія въ области анекdotической литературы. Анекдоты о глупцахъ“. Харьковъ. 1898. VII. Отзывъ И. Н. Жданова объ изслѣдованіи И. Созоновича „Къ вопросу о западномъ влияніи на славянскую и русскую поэзію“. Варшава. 1899. VIII. Отзывъ Д. Ф. Кобеко о сочиненіи С. А. Бѣлокурова „О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи“. IX. Отзывъ Ф. А. Вольтера о трудахъ Ю. Ю. Труссмана „Чудско-литовскіе элементы въ новгородскихъ патріахахъ. Часть первая. Пятины Водская, Деревская и Олонская“. Рига. 1898. X. Отзывъ В. Розена о сочиненіи

Фридриха Вестберга „Комментарий на залину Ибрагима ибн-Якуба о славянахъ“ 1899. XI. Отзывъ о томъ же сочиненіи Т. Д. Фгоринскаго.

Изъ этихъ отзывовъ, ради сбереженія места и времени, отмѣтимъ лишь вѣкоторые, при чмъ укажемъ лишь тѣ существенные дополненія, которыя сдѣланы въ отзывахъ. Въ отзывѣ А. И. Соболевскаго о „Палеографическомъ Изборнике“ (трудъ И. М. Каманина) замѣчено, что „снимки И. М. Каманина почти совсѣмъ не касаются XV вѣка, о которомъ упоминается въ заглавии, и книжного (полуставшаго) письма съ привадлежащими ему орнаментами“. А между тѣмъ „Кievskij Nikolo-Pustynskij монастырь владѣетъ Евангеліемъ 1411 года, написанныхъ въ Kievѣ“ (см. „Свѣдѣнія и Замѣтки“ И. И. Срезневскаго № LXV); „Московский Румянцевскій музей имѣть такъ-называемое „Лукское Евангеліе XIV вѣка съ двумя вкладными XV вѣка“ (см. „Очерки изъ исторіи русскаго языка“ А. И. Соболевскаго, стр. 40—41), тамъ же духовная кн. Андрея Владимировича 1446 года (издана не разъ); въ Императорской Публичной Библіотекѣ находится Толковое Евангеліе 1434 года, написанное въ Kievѣ (Голст. I, 178); въ Московской духовной академіи—Златоструй 1474, написанный въ Kievѣ же (Срезневскій, „Свѣдѣнія и Замѣтки“ № XXI); Московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ владѣетъ Ичкерскимъ Патерикомъ 1462 года, написаннымъ тоже въ Kievѣ.

Въ изслѣдованіи И. Созоновича „Къ вопросу о западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію“ И. Н. Ждановъ отмѣчаетъ, во-первыхъ, что въ трудахъ есть материалъ, который является вѣкоторымъ отступленіемъ отъ избранной темы, напримѣръ, въ числѣ варіантовъ „поэтическаго мотива о мертвомъ женихѣ“ находимъ варіантъ венгерско-армянскій, гдѣ идетъ рѣчь не о мертвомъ женихѣ, а о мертвой возлюбленной. Во-вторыхъ, изъ числа пропущенныхъ варіантовъ особенно важны варіанты восточные, „безъ изученія которыхъ основная гипотеза г. Созоновича представляется не вполнѣ выясненной и доказанной“. Такъ, М. Ланду въ изслѣдованіи объ источникахъ Декамерона (Die Quellen des Decamerons) указать вѣськолько восточныхъ варіантовъ новеллы Боккачіо „возвращеніе Торелло изъ плѣна у султана Саладина“, это — разсказъ Магабараты о Наль и Дамаянти, одна изъ сказокъ въ сборникѣ „Тысяча и одна ночь“, подобная же сказка въ арабской редакціи „Семи визирей“, одинъ изъ рассказовъ Самадеъви. Этого же мнѣнія держится Роде („Der griechische Roman und seine VorlÄufer“), при чмъ замѣчаніе Роде повторено Либрехтомъ въ рецензіи на собрание англійскихъ и шотландскихъ балладъ Чайльда. „Г. Созоновичъ признаетъ независимость западныхъ пересказовъ отъ восточныхъ“, но разсмотрѣніе восточныхъ разсказовъ, указанныхъ Ланду, Либрехтомъ, Роде, и опредѣленія ихъ отношенія къ западнымъ варіантамъ не сдѣлано.

Въ отзывѣ о сочиненіи С. А. Бѣлокурова о библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи Д. О. Кобеко въ заключеніи говорить (208): „прѣставляя Академікъ настоящія мои замѣчанія на сочиненіе г. Бѣлокурова, обязываюсь, въ заключеніе, сказать, что лучшими его частями я признаю приведеніе въ извѣстность и обнародованіе всѣхъ сказаний о Максимѣ Грекѣ и исторію образованія рукописныхъ собраній библіотекъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и епіодальной; напротивъ того, наиболѣе слабыми представляются миѣ разборъ свѣдѣній о библіотекахъ московскихъ

государей XVI вѣка, проникнутый явной тенденциозностью. Произошло это оттого, что, какъ я уже замѣтилъ, авторъ писалъ свое изслѣдовавіе подъ предвзятымъ именемъ" (т. е., что не было въ XVI вѣкѣ царской библіотеки съ громаднымъ количествомъ рукописей иноязычныхъ). На стр. 323 г. Бѣлокуровъ приходитъ къ точному выводу, что книжное собраніе у московскихъ царей въ самой концѣ XVI и началѣ XVII вѣка состояло изъ 41 рукописи русской, 1 книги московской печати, 1 нѣмецкой (травникъ), 10 книгъ латинской печати, 5 тетрадей польскихъ (всего 58 №№). Изъ подробностей отмѣтилъ слѣдующее. Рецензентъ доказываетъ, что сказаніе „извѣстно о приходѣ на Русь Максими Греца" составлено было въ Троицкой лаврѣ не въ XVII столѣтіи, а ранѣе 1591 года, вѣроятно, при архимандритѣ Феодосіи, въ 1569—1573 гг. и, быть можетъ, составлено самимъ Феодосіемъ. Даѣте, свидѣтельство Аркудія едва ли можно признать доказательствомъ отсутствія въ московской царской библіотекѣ греческихъ рукописей. Аркудію, греку, посѣтившему Москву съ октября 1600 по мартъ 1601 г., поручено было кардиналомъ Санть-Джорджіо провѣрить дотѣшіе до Рима слухи о томъ, что въ Кремль хранятся драгоценныя греческія рукописи, полученные изъ Константинополя еще до взятія его турками. Еще Д. Ф. Кобеко, на основаніи разсмотрѣнія письма Маттеи, приходитъ къ выводу, что протопресвитеръ Александръ Левшинъ въ дѣлѣ хищенія рукописей Маттеи не при чёмъ и объ Успенскомъ соборѣ Маттеи не упомянула. Въ концѣ рецензентъ гоноритъ: „Изученіе собранныхъ г. Бѣлокуровымъ и другими учеными, ранѣе его занимавшимися вопросами о библіотекахъ русскихъ царей, фактовъ и данныхъ привело меня къ выводамъ, которыхъ я могу формулировать такъ: 1) у великаго князя Василія III было собраніе греческихъ, а у Ивана IV сказаніе греческихъ и латинскихъ рукописей, 2) какъ велико то и другое собраніе, сказать нельзя, но слѣдуетъ думать, что они были не многочисленны, и 3) какая судьба постигла эти собранія, сказать, равнымъ образомъ, нельзя; возможно, что они погибли въ смутное время".

Изъ трудовъ, которые были представлены на сописканіе наградъ, комиссія признала вполнѣ заслуживающими премій въ 500 рублей каждый слѣдующій трудъ: А. И. Барсукова, К. Харламповича, В. О. Эйнгорна, А. Кочубинскаго, И. Каманина, Ф. Вестберга. Комиссія состояла, подъ предсѣдательствомъ непремѣнного секретаря, изъ академиковъ: А. Н. Пыпина, А. А. Шахматова, И. Н. Жданова, В. И. Ламанского, И. И. Кондакова и адьюнкта Академіи А. С. Лаппо-Данилевскаго.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народного Просвещенія* въ теченіе мая и юна хѣсяцевъ:

— K. Гофманъ, проф. Мюнхенскаго университета. Радій и его лучи. (Die radioactiven Stoffe nach dem gegenwärtigen Stande der wissenschaftlichen Erkenntnis). Переводъ съ нѣм. съ добавл., измѣн. и введеніемъ Ф. Н. Индрік-сона, подъ редакціей проф. И. Н. Борімана. Съ 22 рисунками. Съ приложениемъ статьи Е. С. Лондона „О физиологическомъ значеніи радія". Русск. изданіе 2-е, измѣн. и значит. дополненное. С.-Пб. 1903. 83 стр. Цѣна 70 коп.

— M. M. Филипповъ. Сочиненія. Т. I. Исторія философіи съ древнейшихъ

времень. Выпускъ II (стр. 161—321). Цѣна по подпискѣ на всѣ пять томовъ 5 руб.

— Годовой отчетъ о состояніи русской публичной библиотеки въ городѣ Юрьевѣ, съ 1-го января 1902 г. по 1-е января 1903 г. Юрьевъ 1903. 20 стр.

— Н. Ф. Камаковъ. Опытъ изслѣдованія уранхайскаго языка, съ указаниемъ главнѣйшихъ родственныхъ отношеній его къ другимъ языкамъ тюркскаго корня. Казань 1903. XLII+487+LX стр. (Приложение къ Ученымъ Запискамъ Императорскаго Казавскаго университета за 1902 г.. Декабрь).

— Библиотека „Другъ“. Иль „Шварцвальдскихъ разсказовъ“ Бернольда Ауербаха „Босоножка“. Переводъ съ нѣм. А. С. Фридманъ. Издание О. Н. Поповой. С.-Пб. 1903. 154 стр. Цѣна 40 коп.

— Рассказы о разныхъ странахъ и народахъ. Гастонъ дс-Сенюра. На краю света. (Годъ въ Новой Зеландіи). Переводъ съ французск. Н. Волконской подъ редакціей и съ вступит. статьей А. А. Коробчевской. Съ 27 рисунками и картой. Издание О. Н. Поповой. С.-Пб. 1903. 177+II стр. Цѣна 60 коп.

— Niederle, Lubor dr. Národopisná mapa uherských Slovákov ũ na základě sčítání lidu t roku 1900. Этнографическая карта венгерскихъ словаковъ, составлена на основаніи переписи 1900 г. Praha 1903. 203 стр. 11 картъ. (Nákladem Národopisné společnosti Českoslovanské a s podporou České Akademie pro vědy, slovesnost a umění).

— Опись документовъ Виленского центрального архива древнихъ авторовыхъ книгъ. Выпускъ II. Акты Россиенского земского суда за 1588—1591 годы. №№ 14587—14592. Вильна 1903. V+217 стр.

— Škorpiil, Vladislav. Rusko-český Slovník. (Шкорпилъ, Русско-чешский словарь). Praha, sešet 5 (Вставить—Вырѣзъ), стр. 129—160.

— Библиотека самообразованія Брокгауза-Ефронова. Гигиена. Общедоступное руководство здравоохраненія. Обработано въ Императорскомъ санитарномъ вѣдомствѣ въ Берлинѣ. Переводъ съ 9-го нѣм. издания подъ редакціей проф. А. С. Догеля. Съ 57 рисунками. С.-Пб. 1903. IV+240 стр.

— Свящ. Д. Якимчъ. Взглядъ профессора П. В. Болотова на старо-католицизмъ и римско-католицизмъ. С.-Пб. 1903. 10 стр.

— Тимниковский, Евл. О курсѣ церковнаго права профессора А. С. Павлюка. Критический очеркъ. Ярославль 1903. 43 стр.

— Отчетъ по Минусинскому мѣстному музею и общественной библиотекѣ за 1902 г. Минусинскъ 1903. 45 стр.

— Отчетъ общества для доставленія средствъ Высшимъ женскимъ курсамъ за 1901—1902 гг. (XXIV годъ). С.-Пб. 1903. XXXII+127 стр.

— Воспоминанія Анны Евдокимовны Лавзиной (род. 1758 † 1828). Съ предисловіемъ и приложіями Б. Л. Модзалевской. Съ портретами А. Ф. и А. Е. Лавзиныхъ. С.-Пб. 1903. 136 стр. Цѣна 1 руб. 25 коп.

— Модзялевский, Б. Л. Къ биографіи Августа-Людвига Шлецера. С.-Пб. 1903.

(Оттискъ изъ „Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“). 32 стр.

— Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Выпукъ 22-й, подъ редакціей Я. Мощинскою. Аткарскъ 1902. 190+47 стр.

— *Милль, А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губерніи* (приложение къ Трудамъ Саратовской ученой архивной комиссіи). Томъ I. Южные уѣзды: Камышинскій и Царицынскій. Выпукъ I (лит. А—Г, стр. 1—207). Саратовъ 1898. Выпукъ II (лит. Д—К, стр. 129—278+16). Саратовъ 1898. Выпукъ II (продолженіе лит. Д—К, стр. 279—555+2). Саратовъ 1900. Выпукъ III (лит. Л—Ф, стр. II+557—1091). Саратовъ 1901.

— ВРАЧЕВНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, основанное въ 1882 г. Ив. Маллревскимъ. Краткія свѣдѣнія изъ исторіи заведенія за 20-тилетній періодъ его существованія. С.-Пб. 1903. 22 стр.

— *Раевскій, А. Л., исправляющій должность экстра-ординарного профессора Томскаго университета. Закоподательство Наполеона III о печати. Томскъ 1903. VII+329 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.*

— *Сильвіо Пеллико. Ось обязанностяхъ человека. Переводъ съ итальянск. Ев. Серчевскою. Съ портретомъ и біографіей автора. Издание 5-е. А. Семенова. С.-Пб. 1904. XVI+128 стр. Цѣна 35 коп.*

— *Ганнеръ, Ф. Опытъ теории цѣнности и денежнаго обращенія. С.-Пб. 1903. 74 стр. Цѣна 75 коп.*

— Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1903 г. Кн. 1-я VIII тома. С.-Пб. 1903. XIII+344+II+159+102+VIII+224+IV+246 стр. Цѣна 2 руб.

— Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1903 г. Кн. 1-я VIII тома. С.-Пб. 1903. 418+IV+IV стр. Цѣна 1 р. 50 к.

— Отчетъ о состояніи Вятской публичной бібліотеки имени Императора Николая I за 1901 г. Вятка 1903. 30 стр.

— *Каменскы, А. Cours systématique d'exrcices et de devoirs écrits en XII tableaux à l'usage des gymnasies (avec une préface et aves des listes de mots). S.-Pb. 1903. 33 стр. Цѣна 40 коп.*

— *Kamensky, A. NARRATIONS (Nouveau recueil). S.-Pb. 1903. 64 стр. Цѣна 60 коп.*

— Родонски напрѣдъкъ. Мѣсечно списание за наука, обществени знаниѣ и народни умотворенія. Село Чепиларе-Родонитѣ. Маѣ 1903.

— Просветни Гласник. Службени лист монисторства просвѣте и црквених послова Краљевснине Србије. Београд. Април 1903.

— Извѣстія Московской городской думы. Маѣ 1903.

Въ маѣ 1903 г. выпущены въ свѣтъ слѣдующія изданія Императорской Академіи Наукъ:

- 1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ (Bulletin). Томъ XVIII, № 3. 1903. Мартъ. Цѣна 1 р.=2 Mk. 50 Pf.
- 2) Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1903. Томъ VIII-го книжка 1-я. Цѣна 1 руб. 50 коп.
- 3) Всѣаурчій Хроникѣ. Византійскій Временникъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ подъ редакціей В. Э. Регеля. Т. IX, вып. 3-4. (Съ 5 таблицами). 1903. Годовая цѣна 5 р.=12½ Mk.=16 франк.
- 4) Ежегодникъ зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ (Annuaire du Musée Zoologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg). Т. VII, № 4. (Съ 2 табл., 2 фигурами въ текстѣ и 2 географ. картами). 1903. Цѣна 2 р. 40 к.=6 Mk.
- 5) Dr. Friedrich Lorentz. Slovinzische Grammatik. Издаєе II отдѣленія Императорской Академіи Наукъ (съ одной картою). 1903. Цѣна 1 р. 50 к.=4 Mk.
- 6) Славяновѣдѣніе въ 1901 г. Систематический указатель трудовъ по языко-занію, литературѣ, этнографіи и исторіи. 1903. Цѣна 1 р. 20 к.=3 Mk.
- 7) Предварительный съездъ русскихъ филологовъ [10-го—15-го апрѣля 1903 года]. Бюллетени. 1903.

Въ книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ продажа академическихъ изданій производится за наличные деньги съ уступкою 25% съ номинальной стоимости. Наложеннымъ платежомъ книги не высылаются. *Иногородние покупатели уступкою не пользуются, но пересылку книгъ Академія береть на свой счетъ.*

СОВРЕМЕННАЯ ЛІТОПИСЬ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕССЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ НАУКЪ ВЪ РИМЪ.

J.

Въ началѣ апрѣля прошлаго года, согласно постановлению, принятому на послѣдней Парижской всемірной выставкѣ, долженъ быть собраться въ Римѣ международный конгрессъ историческихъ наукъ. Итальянскій король принялъ конгрессъ подъ свое покровительство, ученые учрежденія всѣхъ странъ и государствъ получали приглашенія принять участіе въ конгрессѣ черезъ министерство иностраннаго дѣлъ, въ Римѣ дѣятельно работалъ предварительный комитетъ. Но въ теченіе зимы обнаружились въ средѣ представителей итальянской науки раздоры и несогласія, перешедшіе на столбцы периодической печати, и не задолго до срока открытия конгресса стало извѣстно, что онъ отложенъ на неопределеннное время. Предварительный комитетъ, организовавшійся въ новомъ составѣ подъ предсѣдательствомъ бывшаго профессора, сенатора и президента Академіи наукъ, г. Виллари, приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы осуществить это взятое на себя Италией обязательство предъ ученымъ міромъ, и конгрессъ былъ назначенъ на начало апрѣля новаго стиля текущаго года. Ученые учрежденія всего міра были объ этомъ оповѣщены и конгрессъ состоялся.

Открытие было назначено на 9½ часов утра 2 апреля, а началось в 10 часов утра состоялось общее собрание прибывших к тому времени членовъ. Мъстомъ ученої дѣятельности конгресса было

назначено обширное зданіе одной изъ римскихъ гимназій „Collegio Romano“, неподалеку отъ Piazza Venezia и начала Corso. Въ собраниі первого апрѣля предсѣдатель предварительного комитета Виллари вкратцѣ изложилъ исторію подготовки съѣзда, искусно обойдя щекотливыя обстоятельства прошлаго года, заявилъ объ обиліи записавшихся членовъ (около 2500) и депутатовъ (свыше 300) и сложилъ свои полномочія. Затѣмъ онъ предложилъ собранію приступить къ избранію бюро съѣзда, составъ котораго былъ заранѣе предложенъ въ видѣ обозначенія категорій лицъ, и прежде всего—предсѣдателя съѣзда. Огромное собраніе въ обширномъ залѣ Collegio Romano, состоявшее изъ лицъ, которыхъ лишь въ видѣ исключенія знали своего сосѣда, могло проявить инициативу только въ томъ, что въ разныхъ мѣстахъ залы раздались возгласы: „Виллари“, „Виллари“. Послѣдовавшіе затѣмъ аплодисменты доказывали согласіе большинства, и Виллари принялъ предложенную ему честь, а затѣмъ, уже въ роли предсѣдателя конгресса, предложилъ собранію избрать бюро. Составъ этого послѣдняго былъ предложенъ въ готовомъ заранѣе обдуманномъ видѣ и принять аккламаціей. Въ почетные предсѣдатели избраны были: синдикъ города Рима, министръ просвѣщенія, министръ иностраннѣхъ дѣлъ и маститый историкъ Рима, Моммзенъ, не бывшій на съѣздѣ. Въице-президенты избраны были представители разныхъ государствъ изъ числа депутатовъ: Джемсъ Брайсъ (Англія), Пасторъ (Австрія), Гарнакъ (Германія), Поль Мейеръ (Франція) и В. И. Модестовъ (Россія). Составъ секретарей опредѣлился заранѣе готовностью нѣсколькихъ лицъ поработать на пользу конгресса, заявившихъ себя въ составѣ предварительного комитета. Такимъ образомъ, составлено было бюро, но въ немъ только предсѣдатель и секретари были призваны къ дѣятельной роли, остальные—лишь къ почетной.

Въ тотъ же день вечеромъ состоялось и собраніе депутатовъ, но оно имѣло цѣлью лишь принятіе предложенія Виллари насчетъ формы, въ какой представители иностраннѣхъ государствъ примутъ участіе въ рѣчахъ на открытии съѣзда. Парижскій профессоръ Моно предложилъ собранію, чтобы отъ лица всѣхъ иностраннѣхъ депутатовъ держать привѣтственную рѣчь представитель Бельгіи, профессоръ Фредерикъ, авторъ многихъ работъ по исторіи школы въ разныхъ государствахъ. Предложеніе было принято аккламаціей и собраніе разошлось. Депутатамъ не было предоставлено никакой возможности познакомиться другъ съ другомъ.

Открытіе конгресса состоялось на Капитоліи, въ залѣ собраній

римского муниципалитета. Послѣ холоднаго и мокраго дня 19-го марта (1-го апрѣля) утромъ 20-го небо прояснилось и яркое весеннее солнце освѣтило старый Римъ. Входы на Капитолій со всѣхъ сторонъ охраняла полиція, пропускавшая туда только лицъ, предъявлявшихъ членскіе билеты. Уже къ 9 часамъ утра залъ наполнился и ровно въ половинѣ десятаго вошли туда, черезъ боковой ходъ, изъ Капитолійскаго музея король съ королевой, при громкихъ, по итальянскому обычаю, аплодисментахъ многочисленнаго собранія. За королевской четой прошли въ залъ министры, свита, члены бюро съѣзда. Ихъ величества прослѣдовали на приготовленныя для нихъ кресла подъ великолѣпнымъ балдахиномъ; направо и налево отъ нихъ заняли мѣста остальные вопіедія съ ними лица. Когда смолкли аплодисменты, синдикъ города, князь Колонна, вышелъ впередъ и произнесъ первое слово. Онъ привѣтствовалъ короля и съѣхавшихъ со всѣхъ концовъ свѣта членовъ конгресса, и въ красивой рѣчи, гордо озирая прошлое величіе Рима, высказалъ надежду, что этотъ первый международный конгрессъ представителей историческихъ наукъ будетъ событиемъ въ лѣтописяхъ исторіи.

Всгдѣ за нимъ произнесъ длинную рѣчу министръ просвѣщенія Нази. Очертьвъ въ широкомъ эскизѣ общій ходъ исторической науки въ Европѣ и отг҃нявъ заслуги Италіи и итальянскихъ ученыхъ, г. Нази развивалъ идею о важности международнаго общенія въ этой области знанія и признавалъ въ самомъ фактѣ конгресса залогъ прогресса нашей цивилизациі. Впечатлѣніе этой рѣчи, хорошо обдуманной и отчетливо прочитанной, ослабилъ одинъ непріятный инцидентъ. Въ наружную дверь, черезъ которую проходили депутаты и которая была заперта, когда вошли въ залъ король съ королевой, стали раздаваться настойчивые удары, зловѣще оглашавшиѣ весь залъ. Время оно замолкли, но потомъ съ удвоенной силой стали повторяться. Министръ народнаго просвѣщенія прервалъ свою рѣчу; министръ внутреннихъ дѣлъ, синдикъ и еще нѣсколько офиціальныхъ лицъ вышли къ толпѣ. Въ залѣ царило въ теченіе нѣсколькихъ минутъ напряженное молчаніе. Оказалось, что въ дверь ломились задававшиѣ къ началу засѣданія члены, и въ числѣ ихъ много депутатовъ разныхъ странъ. Лица, бывшия въ толпѣ ломавшихъ въ залъ, утверждаютъ, будто дверь была заперта задолго до половины десятаго, и такъ какъ никого не было у дверей, кто бы объяснилъ ожидавшимъ, что послѣ входа королевской четы не будутъ пускать въ залъ, то постепенноросло возбужденіе, окончившееся штурмомъ дверей.

рей. Запоздавшихъ впустили, охрана дверей была усиlena, синдикъ доложилъ королю, въ чемъ дѣло, и министръ Нази могъ продолжать свою рѣчь.

Послѣ г. Нази произнесъ рѣчу предсѣдатель конгресса, сенаторъ Виллари. Маленький и тщедушный, съдой старичокъ, составлявшій рѣзкій контрастъ со стоявшимъ рядомъ съ нимъ красавцемъ и великаномъ княземъ Колонной, г. Виллари произнесъ прекрасную одушевленную рѣчу, которую многократно прерывали аплодисменты и крики публики. Онъ говорилъ о судьбахъ европейской цивилизаціи и науки, объ ихъ единствѣ, независимо отъ различія национальностей, обобщалъ идеи, которыя выдвинулись въ развитіи историческихъ наукъ истекшій XIX вѣкѣ, намѣчалъ задачи будущаго. Та универсальность, которую проявляетъ въ настоящее время исторія, бывшая еще въ началѣ XIX вѣка повѣствованіемъ о видныхъ побѣдахъ и блестящихъ дѣяніяхъ отдѣльныхъ властителей и героевъ, создалась на почвѣ идеи свободы человѣчества въ лицѣ европейскихъ народовъ. Недалеко время, когда европейская раса станетъ по всему лицу земному въ непосредственное сосѣдство съ цветными расами, и потребуются иные формы для культурной жизни всего человѣчества. Европейскіе народы въ этомъ процессѣ будущаго должны быть солидарны и едины въ высокихъ цѣляхъ культурной работы, и первый международный исторический конгрессъ, собравшійся въ старомъ центрѣ мірового владычества и единой культуры, является знаменіемъ будущаго. Долго не смолкли аплодисменты, когда Виллари по окончаніи рѣчи, блѣдный и шатавшійся отъ напряженія, съ которымъ рѣчу была произнесена, опустился на кресло, подставленное ему ближе стоявшими лицами.

Согласно съ постановленіемъ, принятымъ въ собраніи депутатовъ, прибывшихъ на конгрессъ, отъ разныхъ странъ и народовъ, отъ имени всѣхъ иностранцевъ держать рѣчу бельгійскій ученый, профессоръ Фредерикъ. Въ иѣсколькихъ фразахъ привѣтствовалъ онъ королевскую чету и благодарила итальянское правительство и мѣстныхъ ученихъ за осуществленіе идеи международного конгресса въ Римѣ и понесенные при этомъ труды и заботы.

Рѣчью Фредерика закончилось торжественное открытие конгресса. Король и королева прослѣдовали черезъ залъ по направлению къ музею Palazzo dei Conservatori, гдѣ должно было черезъ полчаса состояться торжественное открытие (inaugurazione) одного римского ученаго предприятия. Публика вышла изъ зала на площадь Капитолія, чтобы оттуда пройти въ тотъ же музей черезъ общий входъ.

Чтобы пояснить, каково это ученое предприятие, нужно войти въ нѣкоторыя подробности о судьбахъ одного оригинального памятника древности. Лица, имѣвшія случай посѣщать „Дворецъ Консерваторовъ“, вѣроятно, помнятъ вдѣланныя въ стѣну по лѣстницѣ куски мрамора съ высѣченными на нихъ линіями плановъ зданій древніяго Рима. Это—фрагменты огромнаго плана Рима, исполненнаго въ 203 г.: нашей эры при императорѣ Септиміи Северѣ. Древнія топографія города Рима давно представляетъ особую специальность, а въ римскомъ университѣтѣ существуетъ въ видѣ особой каѳедры, которую занимаетъ извѣстный ученый Ланчани. За послѣдніе годы Ланчани удалось значительно увеличить число фрагментовъ этого плана Рима. Въ то же время новыя постройки на римской территоріи обогатили науку множествомъ памятниковъ и уяснили многое въ деталяхъ древней топографіи города. Ланчани задумалъ размѣстить фрагменты древніяго плана на одной площади, где бы каждый изъ нихъ нашелъ себѣ соотвѣтственное мѣсто. Для этой цѣли на одной изъ внутреннихъ стѣнъ музея нарисованъ планъ Рима въ масштабѣ древніяго плана и затѣмъ приступлено было къ размѣщению на немъ сохранившихся фрагментовъ. Такъ какъ многие фрагменты очень мелки, то задача оказывается чрезвычайно трудной, и эта трудность усугубляется еще тѣмъ, что въ древнемъ планѣ оказались, во-первыхъ, погрѣшиности въ расположениіи отдѣльныхъ зданій и, во-вторыхъ, различія въ масштабѣ плановъ отдѣльныхъ мѣстъ. При своихъ огромныхъ специальныхъ познаніяхъ профессоръ Ланчани надѣется справиться со всѣми этими трудностями и уложить всѣ сохранившіяся куски мрамора на соотвѣтственныя мѣста. Въ настоящее время дѣло только начато, такъ какъ уложено 167 фрагментовъ, а всѣхъ ихъ болѣе тысячи. Но и теперь этотъ мраморный, хотя и фрагментарный, древній планъ Рима производить сильное впечатлѣніе.

Открытие (*inaugurazione*) этого памятника въ новомъ его видѣ рѣшено было пріурочить къ открытию конгресса. Публика прошла во внутренній дворъ, на стѣнѣ котораго красуется работа профессора Ланчани, а король съ королевой, въ сопровожденіи свиты, заняли мѣста у одного изъ оконъ верхняго этажа музея. Въ положенное время профессоръ Ланчани въ живой краткой рѣчи разъяснилъ собранію идею работы, ея трудности и исторію. Затѣмъ конгрессу слѣдланы были два подношенія: древнія карта Сабавдіи (откуда идетъ царскій родъ нынѣшихъ государей Италии) съ датой 2-го апрѣля 1903 г., а другое—нѣсколько томовъ фотографическихъ снимковъ

развалинъ Баальбека, посѣщенаго германскимъ императоромъ во время его недавней поѣздки въ Турцію, и одной римской крѣпостицы въ предѣлахъ теперешней Германіи. Первое подношеніе было сдѣлано депутатомъ Піемонта, барономъ Манномъ, второе—отъ лица германскаго императора—ректоромъ берлинскаго университета, профессоромъ Гирке. Рѣчи обоихъ были обращены къ королю и въ лицѣ его сдѣланы эти подношенія конгрессу. Такъ закончилось открытие конгресса. Публика разбрелась по заламъ обоихъ музеевъ Капитолія. Вечеромъ того же дня должно было состояться особое торжество: иллюминація Колизея и форума въ честь конгресса; но къ вечеру испортилась погода и пришлось отложить до другого времени это единственное въ мірѣ зрѣлище.

II.

Ученая дѣятельность конгресса отличалась большимъ оживленіемъ и даже суетливостью. Предварительный комитетъ раздѣлялъ засѣданія на восемь секцій, изъ которыхъ многія, кромѣ того, были подраздѣлены на двѣ и на три группы. Членамъ, при получении билета, предлагалось записываться въ одну или иѣсколько секцій и выдавались программы всѣхъ предстоявшихъ засѣданій данной секціи съ перечисленіемъ докладовъ, назначенныхъ на каждое. Секціи были таковы: I. Древняя исторія; эпиграфика; филология классическая и сравнительная. II. Средняя и новая исторія; методика; архивное дѣло. III. Исторія литературъ. IV. Археологія; исторія искусствъ; исторія музыкальныхъ искусствъ и драматического. V. Исторія права, исторія экономическихъ и соціальныхъ наукъ. VI. Исторія географіи, историческая географія. VII. Исторія философіи, исторія религій. VIII. Исторія математическихъ, физическихъ, естественныхъ и медицинскихъ наукъ.—Число засѣданій отдѣльныхъ секцій и группъ было далеко не одинаково и находилось въ зависимости отъ числа заранѣе заявленныхъ членами рефератовъ. Наиболѣе засѣданій было въ секціяхъ II и IV. Во время конгресса, со 2-го по 9-е апрѣля (20—27 марта), всѣ секціи съ ихъ группами имѣли въ общей сложности 115 засѣданій, которыхъ были распределены на семь дней, такъ какъ въ воскресенье, 5-го апрѣля, засѣданій не было. Официальнымъ языкамъ въ засѣданіяхъ конгресса быть признанъ итальянскій, но съ разрѣшеніемъ предсѣдателя, допускались и другіе западно-европейскіе языки—на дѣлѣ то были: французскій и нѣмецкій. Назначались засѣданія съ

9 часовъ утра и съ 3-хъ пополудни и шли одновременно, иногда во всѣхъ секціяхъ и группахъ, продолжаясь по два и по три часа, а изрѣдка затягивались и долѣе. При такихъ условіяхъ невозможно было непосредственно слѣдить за дѣятельностью конгресса въ его цѣломъ и для общаго представленія приходилось довольствоваться свѣдѣніями, какія давалъ выходившій ежедневно бюллетень (*Digesto*) и отчеты, помѣщавшіеся въ римскихъ газетахъ. Нельзя не прибавить, что какъ бюллетень, такъ и газетные отчеты давали очень краткія свѣдѣнія. Это обстоятельство стояло, быть можетъ, въ связи съ продолжавшейся въ то время въ Римѣ стачкой типографчиковъ, которая нерешла во всеобщую, охватила все рабочее населеніе Рима, включая и извозчиковъ, держала въ напряженіи и осадѣ городъ въ теченіе нѣсколькихъ дней передъ самой Пасхой и причинила чрезвычайно много жгучихъ заботъ и тревогъ, какъ правительству, такъ и городскому управлению. Римскія газеты продолжали, однако, выходить до 7 числа и въ вечернихъnumeraхъ этого дня объявили о временной простоянкѣ; прекратился и бюллетень съѣзда на отчетѣ о засѣданіяхъ 7-го числа съ объщеніемъ закончиться, когда явится къ тому возможность. Газеты стали выходить опять 12-го числа, а послѣдній номеръ бюллетея вышелъ еще позднѣе.

Согласно правиламъ конгресса (*regolamento per il congresso*) рефераты были раздѣлены на сообщенія (*communicazioni*), доклады (*relazioni*) и предложенія (*temi*). Для первыхъ двухъ категорій установленъ былъ срокъ въ 20 минутъ, въ качествѣ предѣльного, и предсѣдатели вообще слѣдили за его соблюдениемъ. Никакого обсужденія и обмѣна мнѣній по нимъ не шолагалось; но въ дѣйствительности нерѣдко приходилось нарушать это правило, когда сообщеніе было интересно или касалось сложнаго или знакомаго многимъ присутствовавшимъ вопроса. Предложенія, *temi*, ставившіяся на обсужденіе, должны были быть заявлены предварительному комитету не позже 15-го февраля новаго стиля, т.-е. за полтора мѣсяца до открытия конгресса. Параграфъ 5-й опредѣлялъ, что обсужденіе „темъ“ должно заканчиваться въ одномъ засѣданіи.

Докладовъ и сообщеній было сдѣлано свыше трехсотъ, а „темъ“ предложено болѣе 50 и принято 56 резолюцій (*ordini del giorno*). Такое обилие матеріала вносило суетливость въ жизнь конгресса, затруднявъ возможность ориентироваться и попадать именно туда, гдѣ въ данную пору было интересно и поучительно.

Мѣстомъ засѣданій было избрано зданіе „*Collegio Romano*“. Осно-

ваниос въ XVI вѣкѣ это обширное сооруженіе служило всегда учебнымъ и ученымъ цѣлямъ и въ настоящее время, послѣ отнятія Рима отъ папы въ 1870 году, тамъ помѣщается одна изъ римскихъ гимназій (ginnasio e lyceo — въ Италии младшіе и старшіе классы средней школы раздѣлены на два учрежденія, какъ это существуетъ у насъ въ организаціи духовныхъ школъ). Обширный квадратный дворъ окружено двухъэтажнымъ портикомъ, въ который выходятъ двери обширныхъ аудиторій или классовъ. За недѣлю до открытия конгресса учение въ Collegio Romano было прекращено, и зданіе приспособлено для засѣданій съ точнымъ расписаніемъ отдѣльныхъ залъ по секціямъ. Наибольшій залъ, аула коллегіи, былъ отведенъ для второй секціи, т. е. средней и новой исторіи, а также и немногихъ общихъ собраний и нѣсколькихъ вечернихъ докладовъ, сопровождавшихся туманными картинами при помощи электрическаго фонаря, устроенного въ задней части зала.

Сообщенія, предлагавшіяся въ засѣданіяхъ отдѣльныхъ секцій вниманию соченіовъ, отличались, весьма естественно, чрезвычайнымъ разнообразіемъ, находясь въ связи съ специальнымъ характеромъ ученыхъ интересовъ авторовъ. Большею частью они имѣли видъ ученыхъ статей, приготовленныхъ для специальныхъ журналовъ и, вѣроятно, большинство ихъ скоро появится въ печати, разсѣявшиись по отдѣльнымъ изданіямъ, на разныхъ языкахъ и въ разныхъ государствахъ. Выборъ темъ для сообщеній въ значительной степени былъ обусловленъ мѣстомъ, въ которомъ собрался конгрессъ. Нѣкоторые видные ученые избирали себѣ темы съ видимымъ желаніемъ отмѣтить значеніе Италіи или Рима въ исторіи европейской культуры. Такъ известный берлинскій теологъ, Адольфъ Гарнакъ, въ своемъ сообщеніи поднялъ вопросъ о мѣстѣ, где могъ установиться и опредѣлиться во второмъ вѣкѣ нашей эры канонический составъ нашего Нового Завѣта съ его 22 книгами. Въ живой и блестящей аргументаціи онъ обосновывалъ гипотезу, что это могло случиться въ нѣдрахъ христіанской общины Рима, политического и культурного центра міра въ тѣ времена, и референтъ славилъ Римъ за эту неоцѣнимую заслугу въ дѣлѣ утвержденія нашего христіанского единства. Выдающійся по своей ученой плодовитости и авторитету германскій филологъ-классикъ, профессоръ Виламовицъ-Мѣллендорфъ, сдѣлавъ обширное сообщеніе на тему: „Гёте и итальянское возрожденіе“. Могучая струя классицизма создала въ геніи Гёте свое „возрожденіе“ въ сферѣ германского словеснаго творчества. Парижскій профессоръ исторіи, Габріель Моно,

представилъ подробный очеркъ отношенія къ Италії французскаго историка Мишле, для котораго она была второй родиной по случайнымъ обстоятельствамъ его личной жизни. Мишле понималъ, зналъ и любилъ великое прошлое Италії, чувствомъ и сердцемъ пережилъ великия событія, подготовившія ея новое политическое возрожденіе и превращеніе въ единое национальное государство.

Одно и то же общее настроеніе вызвало эти три доклада видныхъ ученыхъ, прочтенные въ трехъ разныхъ секціяхъ въ разные дни. Большинство ученыхъ, выступавшихъ въ исторической секціи, посвятили свои сообщенія прошлому Италії. Почтенный аббать Дюшень говорилъ объ епископіяхъ Италії въ пору лонгобардскаго нашествія; австрійскій ученый, проф. Шульте, представлялъ живой и интересный очеркъ итальянской торговли шерстью, самомъ важномъ продуктѣ, создавшемъ экономическое процвѣтаніе Италії въ средніе вѣка. Излишне было бы перечислять огромное множество другихъ рефератовъ, имѣвшихъ отношеніе къ Италіи и Риму.

Но нельзя не отмѣтить доклада одного молодого французскаго ученаго, г. Гея (Gay) на тему о византійскомъ господствѣ въ южной Италіи въ X и XI вѣкахъ. Въ живомъ и весьма складномъ устномъ изложеніи г. Гей искусно группировалъ факты и выяснялъ высокое культурное значеніе византійского господства въ тѣ времена: оно оберегало Италію отъ виѣшихъ враговъ, оно создало болѣе спокойную внутреннюю жизнь въ зависѣвшихъ отъ Византіи областяхъ, а также и въ находившихся подъ ея вліяніемъ, оно сберегало и создавало культурныя блага для будущаго самостоятельнаго развитія страны. Такова была сущность этого доклада, основанного на живомъ и глубокомъ изученіи подлежащаго матеріала. Область византійскихъ изученій, столь недавно возникшая и блестяще представленная въ Парижѣ профессорами Дилемъ и Милле, привлекаетъ, очевидно, новые силы и свидѣтельствуетъ тѣмъ о своей жизненности и предстоящемъ развитіи.

Римъ и Италія не только преобладали, но и господствовали въ секціяхъ искусства и археологіи. Дѣломъ простой случайности было, повидимому, то, что во второй изъ нихъ классическая археологія почти совершенно отсутствовала по сравненію съ доисторической. Къ первой относились, собственно, только два доклада: первый секретарь германскаго археологическаго института въ Римѣ, проф. Петерсенъ, сдѣлалъ небольшой докладъ о рельефахъ Траяновой колонны, разбирая ихъ притомъ съ точки зрѣнія исторического значенія, и парижскій

профессоръ Коллинъонъ говорилъ о происхождении типа плачальщика въ античномъ искусствѣ. Секція имѣла 12 засѣданій по нѣсколько рефераторовъ въ каждомъ, и все они относились къ раскопкамъ, новымъ находкамъ и общимъ вопросамъ доисторической археологии. Тутъ сказалось вліяніе энергичнаго и авторитетнаго директора римскаго музея доисторическихъ древностей, проф. Шигорини. Хотя его, какъ ученаго, и нельзя цѣнить очень высоко, но какъ дѣятель и инициаторъ онъ имѣетъ видное значеніе, и большинство итальянцевъ, дѣлавшихъ доклады въ этой секціи, его ученики и послѣдователи. Нѣкоторые изъ этихъ докладовъ имѣли цѣлью дать отчетъ о состояніи археологического изслѣдованія и изученія Италии по отдѣльнымъ областямъ. Такъ, проф. Ореи представилъ общий обзоръ результатовъ своихъ работъ—за 15 лѣтъ—въ Сициліи, и въ другомъ докладѣ—о находкахъ въ Бруттіи; г. Патрони докладывалъ о раскопкахъ и находкахъ въ Кампании и Луканіи и мѣстности города Салерно; г. Кваліаті—о находкахъ въ Апуліи и т. д. Нѣкоторые изъ докладовъ, относившихся къ той же секціи, были выдѣлены изъ ея засѣданій и обставлены особымъ образомъ. Таковъ былъ докладъ шведскаго проф. Монтелуса, извѣстнаго знатока доисторическихъ древностей Италии и автора единственнаго въ своемъ родѣ по обилію материала труда: „La civilisation primitive en Italie“. Проф. Монтелусъ представилъ сопоставленіе находокъ, сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ Швеціи, въ видѣ предметовъ керамическихъ и металлическихъ итальянского происхожденія и относящихся къ періоду до начала нашей эры. При помощи волшебного фонаря, установленнаго въ залѣ (aula) изображенія этихъ предметовъ проектировались на экранѣ въ сопоставленіи съ предметами, найденными въ Италии. Въ своихъ объясненіяхъ проф. Монтелусъ былъ очень кратокъ и аподиктиченъ, такъ что многое предстало для его слушателей, какъ новая загадка, нуждающаяся въ изслѣдованіи и разрѣшеніи.

Въ такой же обстановкѣ, т. е. вечеромъ, не въ очередь и въ сопровожденіи туманныхъ картинъ, сдѣланы были еще два доклада: одинъ—о раскопкахъ на островѣ Критѣ, произведенныхъ итальянской ученой экспедиціей, отправленной туда два года назадъ по инициативѣ и настоянію проф. Компаретти, которому 20 лѣтъ назадъ посчастливилось сдѣлать тамъ блестящую эпиграфическую находку (текстъ законовъ древняго города Гортинь), другой—г. Бони, который уже въ теченіе нѣсколько лѣтъ стоитъ во главѣ раскопокъ римскаго форума. Архитекторъ по специальности, восторженный поклонникъ

славы древняго Рима, г. Бони работаетъ надъ порученнымъ ему дѣломъ съ большимъ увлечениемъ, и судьба благоволить ему въ его трудахъ. За послѣдніе годы на форумѣ непрерывно ведутся раскопки и вновь раскрыта значительная часть этой священой римской территоpії. Не имѣя возможности приложить планъ и сослаться на него въ этомъ отчетѣ о конгрессѣ, ограничусь указаниемъ на одну находку, самую важную и существенную. Къ юго-западу отъ форума и въ частности отъ фундамента зданія *Basilica Iulia* въ сторону Палатинскаго холма, пососѣству съ обнаженными остатками зданій императорскихъ дворцовъ, еще недавно высилаась небольшая церковь *S. Maria Liberatrice*. Бони удалось добиться разрѣшенія снести эту церковь, и въ 1900 году явилась возможность раскопать весь этотъ уголь. Подъ мѣстомъ снесенной церкви открылась христіанская базилика съ остатками фресокъ на стѣнахъ со множествомъ подписей подъ ними и съ нѣсколькими большими надписями. Специалистамъ по исторіи римскихъ памятниковъ удалось доказать съ полной очевидностью, что эта базилика и есть *S. Maria Antiqua*, церковь извѣстная по упоминаніямъ паломниковъ IX вѣка. Фрески, очевидно, нѣсколько разъ были подновляемы и есть мѣста, гдѣ можно различить четыре слоя одинъ на другомъ. Въ одной изъ боковыхъ капелль отлично сохранился цѣлый циклъ изображеній отдѣльныхъ моментовъ изъ исторіи мученичества св. Кирика и Улиты. Среди изображеній святыхъ на стѣнахъ базилики попадаются портреты римскихъ папъ VIII вѣка—Захарін, Павла I (интересно отмѣтить, что они съ бородами). Подписи надъ изображеніями или подъ нихъ исполнены какъ по-латыни, такъ еще чаше по-гречески, что указываетъ на живяя въ ту пору и не-посредственная сношенія Рима съ Византіей и говорить о нерасторгнутомъ еще тогда единстве христіянскаго міра. Христіанская базилика помѣстилась въ приспособленныхъ для новой цѣли залахъ зданій, стоявшихъ въ непосредственной связи съ дворцами императоровъ. По предположенію нѣкоторыхъ археологовъ, то было мѣсто, гдѣ нѣкогда императоръ Августъ устроилъ первую въ Римѣ публичную библиотеку. Церковь эта существовала нѣсколько вѣковъ и весьма возможно, что она возникла еще въ V вѣкѣ нашей эры.—Таково важнейшее открытие, сдѣланное въ раскопкахъ г. Бони. Этотъ памятникъ относится ко времени паденія старого языческаго Рима. Наряду съ этимъ г. Бони въ другомъ углу форума, пососѣству отъ церкви св. Козьмы и Даміана, приспособившей для себя зданіе храма, соруженного въ началѣ IV вѣка, нашелъ весьма неожиданно ичто

совсѣмъ другое, а именно: могилы доисторического времени—и при томъ двухъ разныхъ типовъ: сожжения и погребенія, могилы, которыя являются свидѣтельствомъ о томъ, что территорія эта была обитаема еще до того времени, когда форумъ сталъ центромъ торговой и политической жизни города Рима.

О своихъ раскопкахъ на форумѣ, находкахъ и открытияхъ г. Бони сдѣлалъ обширный докладъ въ особомъ вечернемъ засѣданіи, при чемъ на экранѣ предстала въ живой смѣнѣ картинъ исторія его работъ и памятники многовѣковой культурной жизни вѣчного города. Въ связи съ этимъ докладомъ стоялъ и непосредственный осмотръ памятниковъ форума подъ авторитетнымъ руководствомъ г. Бони, въ воскресенье 5-го апрѣля.

Не считая для себя возможнымъ пытаться представить обзоръ всего множества сообщеній и рефератовъ, прочитанныхъ въ засѣданіяхъ конгресса, обращаюсь къ „темамъ“ и принятымъ на основаніи ихъ резолюціямъ (*ordini del giorno*). Значительную по числѣ группу среди нихъ составляютъ признания желательности разнаго рода изданій. Таковы слѣдующія: 1) корпусъ доисторическихъ древностей Италии, 2) глоссарій географическихъ имёнъ на пространствѣ Италии, 3) корпусъ медалей итальянского возрожденія, 4) собраніе миниатюръ эпохи романской и возрожденія, 5) полный каталогъ рукописного преданія древнихъ авторовъ въ алфавитномъ порядкѣ послѣднихъ, 6) описание хранящихся въ итальянскихъ библиотекахъ рукописей, относящихся къ музыке, 7) полная собранія твореній Торичелли, Галлилея, Джордано布鲁но, Леонардо да Винчи и мн. др. Нѣкоторыя изъ этихъ резолюцій были формулированы въ видѣ петицій къ министерству просвѣщенія Итальянскаго королевства, другія имѣли характеръ чисто платоническихъ желаній, такъ какъ не выяснялось, кто можетъ взять на себя инициативу подобныхъ предпріятій и где найдутся на это средства. Отношеніе итальянскаго министерства къ этимъ петиціямъ — дѣло будущаго; но что касается до трудовъ Леонардо да Винчи, то еще во время конгресса появилось въ газетахъ извѣстіе о томъ, что король призналъ это изданіе неотложной заботой министерства просвѣщенія. Въ секціи археологіи отъ имени конгресса были приняты петиціи къ министерству объ увеличеніи кредитовъ, отпускаемыхъ на раскопки въ разныхъ мѣстностяхъ Италии. Въ исторической секціи ставился и обсуждался вопросъ объ облегченіи условій пересылки рукописей изъ одного государства въ другое, при чемъ признано было желательнымъ, чтобы эта пересылка совершаема была не-

посредственно самими библиотеками безъ непремѣнного участія министерства иностранныхъ дѣлъ, какъ обстоитъ дѣло нынѣ. Въ той же секціи вызвалъ живые дебаты вопросъ объ облегченіи возможности пользованія материалами новой исторіи, хранящимися въ государственныхъ архивахъ. Секція высказалась за то, чтобы срокомъ, до кото-раго было бы открыто свободное пользованіе, былъ признанъ 1847 годъ и для ученыхъ людей сдѣланы были облегченія устраненіемъ обязательства представлять копіи и экстракти, какъ это практикуется нынѣ. Это постановленіе не облечено въ форму петиціи и имѣть лишь значеніе общаго мнѣнія въ мірѣ историковъ разныхъ государствъ и народностей.

Въ нѣкоторыхъ резолюціяхъ признано желательнымъ возникновеніе новыхъ учрежденій, какъ-то: музея драматического искусства, Венето-левантинского музея въ Венеціи, международного общества любителей средневѣковаго и нового искусства.

При обсужденіи нѣкоторыхъ „темъ“ въ секціи исторіи вышли наружу свои счеты между итальянскими учеными и существующими въ Италии учеными учрежденіями. Такъ, лишь послѣ долгихъ преній, въ которыхъ иностранцамъ многое оставалось неяснымъ, возложено было на Королевскій исторический институтъ порученіе составить полную библиографію документовъ итальянской исторіи. Точно также не обошлось безъ споровъ и одобрение отъ имени конгресса предпринятаго уже проф. Кардуччи и Фіорини переизданія знаменитаго собранія первоисточниковъ по исторіи Италии: „Muratori, Rerum italicarum scriptores“. Повидимому, предсѣдателю, конгресса Виллари, было вовсе не желательно, чтобы этотъ вопросъ возбуждался на конгрессѣ, но этого желала группа лицъ, подписавшихся на предложеніи. Такъ какъ 14 выпусксовъ этого изданія уже вышли въ свѣтъ, то специалисты по средней исторіи могли уже составить собственное сужденіе о достоинствахъ предпріятія проф. Кардуччи и Фіорини. Одобрение конгресса было дано, а по окончаніи съѣзда возникъ въ газетахъ обмѣнъ мнѣній, причемъ хотѣли втянуть г. Виллари въ публичный споръ по этому вопросу, но онъ уклонился. Лицамъ, непосвященнымъ въ мѣстныя отношенія, осталось неяснымъ, зачѣмъ собственно нужно подобному ученому предпріятію одобрение конгресса, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, успѣхъ переизданія Муратори будетъ стоять въ прямой зависимости отъ ученыхъ его достоинствъ и научнаго авторитета сотрудниковъ проф. Кардуччи и Фіорини.

Вообще секція средней и новой исторіи была самая живая и ее засѣданія собирали наибольшее число публики. Нельзя не помянуть обѣ одной серии докладовъ, имѣвшихъ международный характеръ. Представители разныхъ государствъ докладывали собранію о томъ, какъ въ каждомъ изъ нихъ организовано преподаваніе исторіи. Представлены были: Австрія, Англія, Бельгія, Голландія, Германія, Данія, Італія, Испанія, Франція, Швеція и Соединенные Штаты. Но такъ какъ доклады были написаны не по одной опредѣленной программѣ, то и сравненіе оказалось неполнымъ. Интереснѣе другихъ была рѣчь почтенного старца Джемса Брайса. Заслуженный историкъ и видный политический дѣятель, Брайсъ, самымъ рѣзкимъ образомъ выставлялъ на видъ недочеты постановки учебнаго дѣла въ этомъ отношеніи на своей родинѣ. Онъ заявлялъ обѣ отсутствіи преподаванія исторіи въ англійскихъ среднихъ школахъ и университетѣ, помянувъ курьезный фактъ, что еще 30 лѣтъ назадъ въ Эдинбургѣ была каѳедра, представитель которой долженъ былъ читать лекціи „о жизни животныхъ и человѣка“. Брайсъ сѣтовалъ на то, что въ области средней школы попытки упрочить и утвердить преподаваніе исторіи затруднены широкими требованіями, которыя предъявляются естественныхъ наукамъ. Онъ высказывалъ надежду, что удастся „обуздѣть“ эти требования и отвести прочное и подобающее мѣсто въ учебномъ циклѣ, воспитывающемъ разумъ человѣка, наукѣ гуманитарной и гуманизирующей, по преимуществу, — исторіи. Называя имена немногихъ крупныхъ историковъ своей родины, начиная съ Гиббона, Брайсъ отмѣчалъ, какъ отличительную черту англійскихъ историковъ, ихъ „вѣрное чувство и пониманіе дѣйствительности“.

Интересно было также услышать отъ представителя Франціи, проф. Моно, останавливавшагося въ своемъ докладѣ на организаціи университетскаго преподаванія исторіи, что большинство французскихъ историковъ — автодидакты. Мы въ Россіи иначе смотримъ на французскую ученую организацію и даемъ ей большее значеніе, чѣмъ то сдѣлалъ французскій профессоръ.

Г. Виллари сѣтовалъ на современное состояніе ученой исторической школы въ итальянскихъ университетахъ и выяснялъ неудобства, которые порождаетъ существующая нынѣ въ Италии форма экзаменовъ. По его мнѣнію, было бы желательно, чтобы въ самомъ университетскомъ преподаваніи было допущено различіе въ требованіяхъ по исторіи отъ молодыхъ людей, желающихъ получить дипломъ, дающій право

быть учителемъ средняго учебнаго заведенія, и отъ другихъ, желающихъ научно заниматься предметомъ. Итальянскіе университеты не могутъ вообще похвалиться хорошими академическими нравами, и подготовка къ экзаменамъ вызываетъ запустѣніе аудиторій. На это и сѣтовалъ почтенный предсѣдатель конгресса, искавшій, впрочемъ, уврачеванія, какъ намъ думается, не тамъ и не такъ, гдѣ и какъ бы слѣдовало.—Такъ полнаго довольства существующимъ порядкомъ отличались доклады представителей Германіи и Австріи. Русскіе представители не были почему-то приглашены къ предварительному обсужденію состава этого засѣданія, которое состоялось наканунѣ, какъ это стало послѣ извѣстно по газетнымъ свѣдѣніямъ, и обѣ Россіи поэтому не было сказано ни слова.

Изъ числа представителей Россіи выступали съ сообщеніями пять профессоровъ. Доклады В. И. Модестова — о современномъ состояніи этруссакого вопроса и О. Ф. Базинера — обѣ идеи исторической эволюціи у древнихъ, были заявлены заблаговременно и внесены въ программу конгресса. Нашли себѣ мѣсто также и доклады профессоровъ В. И. Цвѣтаева, Л. Ю. Шепелевича и мой. И. В. Цвѣтаевъ представилъ вниманію собранія точный снимокъ съ изображенія Аѳины на золотыхъ серьгахъ, принадлежащихъ Эрмитажу; Л. Ю. Шепелевичъ сообщилъ о своихъ изысканіяхъ въ области исторіи испанской драмы; мой докладъ имѣлъ своимъ предметомъ вопросъ обѣ окрашеныхъ костякахъ въ доисторическихъ гробницахъ. Въ объясненіе выбора моей темы позволю себѣ замѣтить, что въ итальянской археологической литературѣ сохраняетъ господство старая гипотеза, будто окрашенные костики доисторического человѣка свидѣтельствуютъ обѣ обычай обнажать кости трупа отъ мяса, окрашивать ихъ и въ такомъ видѣ предавать погребенію. Найдки этого рода крайне рѣдки въ западной Европѣ, но весьма часто встречаются во всей южной полосѣ Россіи. Въ противоположность старой гипотезѣ, я доказывалъ, что окраска костей сама по себѣ доказываетъ именно отсутствіе обычая „scarnitento“, какъ называютъ итальянскіе ученые снятіе мяса съ костей, и, ссылаясь на данныя микроскопическаго анализа окрашенныхъ костей, представленныя въ специальному этюдѣ проф. гистологіи Якимовича, утверждалъ постепенность проникновенія окраски въ кость послѣ истѣнія мягкихъ частей трупа.

Профессоръ Модестовъ въ своемъ докладѣ хотѣлъ обосновать то рѣшеніе вопроса о происхожденіи этрусковъ, за которое высказался

уже въ своей книгѣ „Введение въ римскую исторію“ (С.-Пб. 1902), т.-е., что они были пришельцами съ дальняго востока, народомъ чуждымъ такъ называемыи „италикамъ“. Но не разсчитавъ времени, онъ затянула свой докладъ болѣе 20 минутъ, и предсѣдательствовавшій въ засѣданіи пунитуальный англичанинъ, профессоръ Нельгамъ, не дать ему окончить чтенія, и присутствовавши въ засѣданіи не могли себѣ составить опредѣленного впечатлѣнія о способахъ доказательства этой старой и долго считавшейся устарѣлой гипотезы, обновленной нынѣ и имѣющей среди своихъ сторонниковъ и почтеннаго знатока вешественныхъ памятниковъ Италии, профессора Монтеліуса. Русскіе люди, интересующіеся этимъ вопросомъ, будутъ имѣть возможность подробно съ нимъ ознакомиться, когда г. Модестовъ выпустить второй томъ своего труда.

Закрытие конгресса 9-го апрѣля, въ 4 часа дня, обошлось безъ всякой торжественности и въ собраніи, далеко не столь многолюдномъ, какъ открытие. Предсѣдатель Виллари доложилъ любезныя телеграммы ministra просвѣщенія Нази и синдика Рима, князя Колонны; затѣмъ, онъ подвелъ общія статистическія данныя о дѣятельности конгреса и сдѣлалъ собранію предложеніе о назначеніи слѣдующаго международнаго конгресса историческихъ наукъ въ Берлинѣ, въ сентябрѣ 1906 года. Предложеніе это было подписано представителями разныхъ государствъ и одобрено присутствовавшими. Кромѣ того, г. Виллари объявилъ собранію, во-первыхъ, что министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ распоряженіе о продолженіи изданія покойнаго де-Росси „Inscriptiones christianaе, I—II“, прекратившагося за смертью этого знаменитаго знатока христіанскихъ древностей Рима, и во-вторыхъ, что министръ представилъ проектъ учрежденія въ Римѣ историческаго института. Въ заключеніе своей рѣчи г. Виллари сообщилъ, что нѣкто г. Модильяни только что сдѣлалъ щедрое пожертвованіе въ сто тысячъ франковъ на существующій уже исторический институтъ во Флоренціи. Собраніе привѣтствовало это извѣстіе дружными аплодисментами. Проф. Гарнакъ, бывшій въ составѣ вице-предсѣдателей, выразилъ въ краткихъ словахъ благодарность Италии и ея правительству отъ имени всѣхъ иностранцевъ за радушный пріемъ окончившагося конгресса. Закрытие пришлось на одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ дней забастовки. Мрачное настроеніе усиливала еще скверная погода, холодъ и дождь, что, при отсутствіи извозчиковъ, не могло не отразиться и на числѣ членовъ въ этомъ послѣднемъ засѣданіи конгресса.

III.

Торжества и пріемы составляют необходимую принадлежность всякихъ съездовъ, чѣмъ болѣе естественно было устроить эту часть дѣла на международномъ съездѣ, привлекшемъ въ столицу государства также множество представителей науки изъ всѣхъ европейскихъ государствъ. Необходимо было дать возможность пріѣзжимъ встрѣчаться и вступать въ общеніе не только среди суполоки засѣданій съ ихъ докладами, сообщеніями и „темами“. Торжества и пріемы были заранѣе обдуманы, назначены и объявлены въ общей программѣ конгресса. Но было сдѣлано далеко недостаточно для возможности международного общенія. Если бы съездъ былъ продолжительнѣе, то дѣло наладилось бы, вѣроятно, само собой; но на западѣ болѣе дорожатъ временемъ, чѣмъ у насъ, и продолжительныхъ съездовъ никогда не бываетъ; въ Германіи довольствуются тремя-четырьмя днями, и недѣльно-срокъ по западнымъ понятіямъ совсѣмъ достаточный. Мѣшала въ значительной степени и погода: ясные дни смѣнялись холодными и дождливыми. Къ тому же все время продолженія конгресса длилась стачка рабочаго люда, обострившаяся въ эти самые дни и перешедшая къ началу нашей шестой недѣли поста во всеобщую, со включенiemъ даже извѣщиковъ, что затруднило самымъ существеннымъ образомъ посѣщеніе разныхъ достопримѣчательныхъ и интересныхъ мѣстъ въ ближайшихъ окрестностяхъ города. Компаний не составлялось и приходилось большинству иностранныхъ гостей жить въ одиночку.

Что касается до торжествъ, пріуроченныхъ къ конгрессу, то объ одномъ изъ нихъ я уже сообщаю: „инавгурація“ мраморнаго плана древняго Рима въ новой обстановкѣ. Ближайшую аналогію съ этимъ „открытиемъ“ имѣло и другое, назначенное въ 2 часа дня 4-го апрѣля. Въ Казанатской библіотекѣ (Bibl. Casanatensis), первой послѣ Ватиканской по обилію рукописей, прекрасно размѣщенной и обставлennой, приготовленъ быль ко времени конгресса особый отдѣль: полное, по возможности конечно, собраніе плановъ города Рима отъ всѣхъ временъ, а также гравюръ, эстампажей и снимковъ, воспроизвѣдающихъ виды отдѣльныхъ мѣстностей или зданій города. Теперь, когда Римъ претерпѣлъ такое рѣзкое измѣненіе въ сравнительно столь краткій срокъ со времени превращенія его въ столицу итальянскаго королевства, интересно сохранить, хотя въ рисункахъ, память о прежнемъ его видѣ. Всѣ мѣстности, подвергающіяся измѣненію вслѣдствіе раз-

рушения старыхъ зданій и сооруженія новыхъ, фотографируются и зарисовываются, чтобы поступить въ богатую коллекцію, собранную въ Казанатской библіотекѣ подъ главнымъ руководствомъ самаго авторитетнаго знатока римской топографіи, проф. Ланчани.

Къ указанному сроку въ залы библіотеки собралось весьма значительное количество публики, явилось не сколько официальныхъ лицъ и между ними блестящій синдикъ Рима, князь Колонна, и представитель министра народнаго просвѣщенія, г. Кортезе. Префектъ библіотеки, графъ Гноли, въ подробной рѣчи изложилъ исторію открывавшагося отдѣла библіотеки, съ признательностью помянувъ идеального римскаго ученаго де-Росси, трудившагося надъ собраниемъ средневѣкового материала. Болѣе часа водилъ графъ Гноли своихъ гостей по заламъ, въ которыхъ размѣщено богатое собраніе драгоценнаго материала по исторической топографіи вѣчнаго города. Гостямъ раздавали изящно отпечатанную брошюру подъ заглавіемъ: *Mostra di topografia Romana*, заключающую въ себѣ описание важнѣйшихъ плановъ города Рима и воспроизведеніе некоторыхъ изъ нихъ въ маломъ масштабѣ. Въ витринахъ зала выставлены рукописи, которыми гордится библіотека, и служалій персоналъ охотно даваль объясненія и указанія осматривавшимъ эти богатства конгрессистамъ.

На слѣдующій день, въ воскресенье, въ 2 часа былъ назначенъ осмотръ форума подъ руководствомъ г. Бони, завѣдующаго его раскопкой. Энтузіастъ вѣреннаго ему дѣла, г. Бони, болѣе двухъ часовъ водилъ собравшихся по мѣстамъ своихъ раскопокъ и, напрягая всѣ средства своего небольшого голоса, разъяснялъ интересъ и важность новѣйшихъ находокъ. Съ этимъ осмотромъ связаны были двѣ „инагураціи“. Внутренній дворъ церкви S. Francesca Romana (она же S. Maria nuova) обращается въ музей форума и впервые былъ открытъ вновь устроенный подъемъ стъ форума на Палатинъ, продѣланный въ развалинахъ части зданій императорскихъ дворцовъ. Въ верхней части подъема утверждена была надпись: *Rampa imperiale dal Foro al Palatino franata nel medio evo esumata e risarcita. I convenuti al Congresso storico internazionale di siccenze storiche la inaugurarano il V aprile MCMIII.*

Обходъ форума закончился осмотромъ церкви S. Maria antiqua, о которой я уже поминалъ. Близко отъ нея начинается тотъ новый, или правильнѣе сказать подновленный, подъемъ на Палатинъ. На верху любезно встрѣчалъ приглашенныхъ министръ народнаго просвѣщенія, г. Нази. На площадкѣ сада, разбитаго среди раскопанныхъ

развалинъ (остатки бывшихъ *giardini Farnese*) играли два оркестра военной музыки. Разставлены были столы, сервированные закусками, мороженымъ, кофе, виномъ. Публика подходила къ столамъ, разбретаясь по саду группами, въ оживленныхъ бесѣдахъ дѣляясь впечатлѣніями великколѣпного дня, любуясь видами на форумъ, Капитолій, ста-риныя перкви подошвы Палатина, помѣстившіяся въ приспособлен-ныхъ для нового культа древнихъ храмахъ. Болѣе двухъ часовъ дли-лось оживленіе на Палатинѣ, музыка, веселый говоръ, толпа народа. Теплое ласковое весенне солнце стало склоняться къ вечеру, стала рѣдѣть оживленная толпа гостей и опять запустѣла Палатинъ, по-грузившись въ свою обычную тишину незаселенной священной терри-торіи по сосѣдству отъ тѣсно застроенного квартала.

Другой приемъ былъ еще болѣе оригиналенъ по своей обстановкѣ; онъ былъ данъ синдикомъ города Рима, 6 апрѣля, въ 10 час. ве-чера, въ зданіяхъ музеевъ на Капитоліи. Стоящіе другъ противъ друга на площади Капитолія „Дворецъ консерваторовъ“ и „Капитолійскій музей“ непосредственно содинены въ настоящее время съ зданіемъ му-ниципалитета, т. наз. „Дворецъ сенаторовъ“, сооруженный въ 1389 году, надстройка надъ сохранившимися нижними этажами римскаго „Табу-ляря“, построенного въ 78 году до Р. Х. и служившаго государственнымъ архивомъ для подлинныхъ актовъ сенатскихъ рѣшеній и постановленій народнаго собранія. Съ лѣвой стороны (если стоять ли-цомъ къ зданію муниципалитета) это соединеніе имѣеть временный характеръ легкой деревянной пристройки. Все множество залъ, которыя представляютъ вмѣстѣ три эти зданія, открыты были для приема гостей. Входы и лѣстницы были богато декорированы, повсюду разставлены лакеи въ придворной красной съ золотомъ ливреѣ. Приглашены были, повидимому, не только иностранные делегаты и члены конгресса, но и множество семействъ изъ римского высшаго общества. Въ началѣ 11-го часа залитыя электрическимъ свѣтомъ залы были уже перепол-нены блестящимъ обществомъ, мужчины во фракахъ, дамы въ бога-тыхъ вечернихъ туалетахъ. Красавецъ хозяинъ приема, князь Ко-лонна, любезно встрѣчалъ гостей въ одной изъ залъ „Дворца консер-ваторовъ“. Въ одной изъ залъ муниципалитета были приготовлены столы съ угощеніемъ. Повсюду было много народа, но тѣсно бывало только около этихъ столовъ. Нарядная публика предпочитала прох-аживаться по заламъ музеевъ среди великолѣпныхъ мраморовъ. Уми-рающій галль („гладіаторъ“, какъ его называли Байронъ и Лермонтовъ), амазонки, пляшущіе фавны, застывшіе въ мраморѣ боги, бюсты

всѣхъ римскихъ императоровъ, начиная съ Юлія Цезаря и кончая Констанціемъ и Юліаномъ, дивная Венера Капитолійская, залитыя электрическимъ свѣтомъ, представляли такую дивную и единственную въ своемъ родѣ декорацию, которой нельзя было вдоволь насладиться. Очарованіе этой обстановки видно было на общемъ настроеніи собравшейся сюда публики. Только къ 12-ти часамъ стала она рѣдѣть и покидать залы музеевъ, унося съ собою прекрасное воспоминаніе.

Былъ еще одинъ прѣмъ—это обѣдъ во дворцѣ у короля въ воскресенье, 5-го апрѣля. Онъ не былъ помянуть въ программѣ, но о немъ говорилось въ газетахъ съ самаго начала конгресса. Обѣдъ назначень быль для иностраннѣхъ делегатовъ, но ограниченъ числомъ 160 или 130 человѣкъ, а делегатовъ было болѣе 300. Приглашенія разсылались изъ дворцовой конторы. Какимъ принципомъ руководились въ сортировкѣ делегатовъ, неизвѣстно, но вышло нѣсколько ошибокъ, и приглашенія получили нѣкоторыя частныя лица, не бывшии делегатами, тогда какъ ихъ не получили делегаты, дѣятельно участвовавшіе въ занятіяхъ съѣзда. Пріѣздъ былъ назначенъ въ 8 часовъ вечера и обѣдъ затянулся до 11 часовъ. Представленій королю и королевѣ не было, обѣдъ отличался тонкостью, изяществомъ и большой роскошью. Прошелъ онъ очень непринужденно и оживленно. Рѣчей во время обѣда не было.

Остается сказать еще о двухъ торжествахъ, устроенныхъ въ честь конгресса. Первое — иллюминація Колизея, было назначено въ день его открытия, но, испортившаяся къ вечеру, погода заставила отложить это великолѣпное зрѣлище до другого времени. Состоялось оно въ субботу вечеромъ, 4-го апрѣля. Съ 9 часовъ стала оживляться Колизей, шли и щѣхали сюда сотни людей, и сколько ихъ ни входило черезъ пустыя аркады въ центральное пространство, колоссальный памятникъ римского зодчества все оставался словно пустъ. Въ серединѣ площадки устроена была эстрада, освѣщенная электричествомъ; тамъ помѣстился оркестръ мандолинъ, который съ половины 10 началь исполнять мелодіи итальянской, большою частью лѣсенной, музыки. Хотя оркестръ былъ очень многочисленъ, но въ этомъ громадномъ открытомъ пространствѣ, среди сбившейся около эстрады огромной толпы, звуки мандолинъ были слишкомъ слабы и только стоявшіе поближе къ эстрадѣ могли хорошо слышать музыку. Надъ аркадой и на упѣлѣвшихъ каменныхъ скамьяхъ второго яруса было слышно лишь слабое дребезжаніе. Около 10 часовъ зажглись бенгальскіе огни сразу по всему огромному кольцу величественныхъ арокъ.

Отдѣльные ярусы горѣли огнями разныхъ цвѣтовъ, измѣнялась послѣдовательность, перемежались цвѣта и по отдѣльнымъ аркамъ одного яруса. Кто этимъ распоряжался, кто зажигалъ эти огни, этого не было ни видно, ни слышно. На эстрадѣ потушили электричество и среди мрака ночи горѣль и пылалъ Колизей. Восторгъ публики выражался криками и аплодисментами; но весь этотъ шумъ толпы въ нѣсколько тысячъ человѣкъ былъ слишкомъ слабъ и какъ то жалокъ въ этомъ колосальномъ зданіи. Огни потухли, опять засвѣтилось электричество на эстрадѣ и зазвенѣли мацдолины нѣжнымъ дребезжащимъ звукомъ. Черезъ полчаса фантастическое зрѣлище повторилось въ новой и иной смѣнѣ огней и цвѣтовъ...

Во второй день съѣзда, въ 9 часовъ вечера, назначень былъ въ честь конгресса концертъ итальянской церковной музыки въ театрѣ д'Арджентина. Делегатамъ предоставлены были мѣста въ партерѣ, остальнымъ членамъ—мѣста пониже и въ ярусахъ; ложи были заняты блестящей разодѣтой публикой изъ римского общества. Программа концерта была составлена въ историческомъ порядке. Въ первомъ отдѣлѣніи исполнены были хоралы композиторовъ римской школы: Палестрины (1526—1594), Анеріо (1551—1620), Патони (1657—1743) и венецианской Лотти (1665—1740). Пьесы исполнялъ громадный хоръ, болѣе 200 человѣкъ, дѣти и взрослые. Первые были ученики распространенныхъ въ Римѣ „schole cantorum“. Во второмъ отдѣлѣніи неаполитанская школа была представлена Перголезе (1710—1736), флорентинская—Керубини (1760—1871) и болонская—Россини (1792—1868). Исполнялъ хоръ взрослыхъ, мужчинъ и дамъ, выступали солисты изъ оперныхъ пѣвцовъ.

Концертъ быть чрезвычайно интересенъ и даже для лицъ, не претендующихъ на глубокое пониманіе музыки, было ясно искусно проведенное въ выборѣ пьесъ историческое развитіе отъ полифонического гѣнія голосовъ безъ аккомпанемента къ сложной оркестровкѣ оперного хора. Отъ Палестрины до Россини церковный и религіозный элементъ слабѣлъ и, можно сказать, исчезъ. Строгое, ясное, религіозное чувство Палестрины на одномъ концѣ и игривыя, изысканные и искусственные quasi-церковныя мелодіи Россини на другомъ—это тотъ самый процессъ, который совершился въ исторіи Европы отъ господства въ государственной жизни религіи и церкви до современной парламентской жизни съ разнообразными политическими ученіями и партиями, усиливающимися создать благополучіе человѣка на основѣ идей, далекихъ отъ всякой религіи и совершение чуждыхъ церкви.

Итальянцы остались очень довольны концертомъ и расхваливали его въ газетахъ, но нельзя не сказать, что отъ концерта-гала въ Римѣ можно было бы ждать большаго. Дѣтскіе голоса въ первомъ отдѣленіи концерта были слишкомъ громки и рѣзки, басы не составляли имъ никакого противовѣса, ихъ даже было не слышно. Второе отдѣленіе, гдѣ пѣли только взрослые, было исполнено нѣсколько тоньше, но и здѣсь мѣшала впечатлѣнію слабость низкихъ голосовъ. Солисты были хороши, но не изъ первоклассныхъ знаменитостей, какихъ поставляетъ Италія въ оперные театры всей Европы. Во всякомъ случаѣ концертъ былъ очень интересенъ, и я лично покидалъ театръ съ чувствомъ живѣйшей благодарности устроителямъ. Чувство это тѣль живѣе теперь, потому что, хотя я провелъ въ Римѣ страстную недѣлю и бывалъ въ разныхъ церквяхъ, начиная съ базилики св. Петра въ Ватиканѣ, но хорошаго церковнаго пѣнія я почти не слышалъ. Только разъ, въ страстной четвергъ, въ церкви S. Giovanni in Laterano мнѣ посчастливилось услышать изящное исполненіе знаменитаго Miserere. А наканунѣ того, въ церкви S. Maria Maggiore меня даже поразила грубость исполненія того же Miserere совершенно неискуснѣемъ хоромъ. Вѣроятно тутъ виновата все та же причина: „шѣпнѣніе“ папы въ его Ватиканѣ и трауръ, доселѣ не снимаемый римской церковью въ предѣлахъ бывшей папской, а нынѣ королевской, столицы.

Я описалъ всѣ торжества и пріемы, устроенные въ честь конгресса и для конгрессистовъ. На восемь дней ихъ было не мало, и они потребовали не малыхъ затратъ. Но всѣ эти торжества не восполняли того недочета, который оказался съ первого собранія депутатовъ и членовъ: не было ни мѣста, ни способовъ приходить въ общеніе и знакомиться съ людьми, которыхъ раньше знать только по ихъ научному имени, не удавалось даже встрѣтиться съ тѣми, кого лично знать и съ кѣмъ раньше встрѣчался. Не совсѣмъ понятно, почему ни одно изъ иностранныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ ничего не подготовило для конгресса. Австрійскій историческій институтъ сдѣлалъ, правда, пріемъ для своихъ соотечественниковъ, куда приглашены были случайно и нѣкоторые иноземцы; тоже сдѣлалъ и Германскій историческій институтъ. Но этимъ все и ограничилось. Не того можно было ожидать въ Римѣ съ его множествомъ ученыхъ учрежденій, туземныхъ и иностранныхъ. Больше всего можно было разсчитывать на Германскій Археологическій Институтъ, замѣнившій нѣкогда существовавшій международный *Instituto di Corrispondenza archeologica*. Оба

секретаря его были, правда, членами конгресса и одинъ изъ нихъ дѣлалъ докладъ въ одномъ изъ засѣданій. Но это вовсе не то, чего естественно было ждать отъ этого давняго и авторитетнаго учрежденія.

Ю. Кулаковскій.

ВЪ ЗАЩИТУ „СИЦИЛИИ“ У ИСЕЯ VI, 1.

Въ изученіи древняго міра по отрывочнымъ, часто противорѣчичымъ и нерѣдко испорченнымъ въ преданіи извѣстіямъ мы довольно смѣло обращаемся съ выводами на основаніи исключенія возможностей, забывая при этомъ, какъ трудно соблюсти главное условіе для такихъ выводовъ, т. е. предусмотрѣть *всѣ* возможности, когда дѣло идетъ о тѣхъ или другихъ событияхъ отдаленнаго прошлаго. Иногда на ограничение кругозора въ этомъ отношеніи оказываетъ вредное вліяніе и сила традиціи, т. е. на всѣхъ послѣдующихъ изслѣдователей вліяетъ общепризнанная съ давнихъ поръ точка зрѣнія, и исканіе возможностей вращается только въ предѣлахъ ея, какъ въ заколдованнымъ кругѣ. Тутъ, конечно, едва ли кто-нибудь изъ насъ навсегда застрахованъ отъ ошибокъ, но „со стороны видище“ или „въ чужомъ глазу сучекъ мы видимъ, въ своемъ не видимъ и бревна“. Мне недавно пришлось особенно часто наталкиваться на промахи съ такими выводами въ вышедшемъ въ сентябрѣ 1902 г. книгѣ А. М. Придика: „Шестая рѣчь Исея. Изслѣдованія въ области аттической генеалогіи и аттическаго гражданскаго права“. Здѣсь я хочу попытаться помочь выйти изъ одного заколдованныго круга, въ которомъ вращались всѣ предшественники А. М. Придика и самъ онъ и еще позднѣе его Блассъ.

Доказывая близость своихъ отношеній къ Харестрату и отцу его Фанострату, адвокатъ (*συνήγορος*), для которого написана Исеемъ VI рѣчь, приводить такой случай: *ὅτε γὰρ εἰς Σιχελίαν ἐβέπλει τριηράρχῶν Χαρέστρατος, διὰ τὸ πρότερον αὐτὸς ἐκπεπλευκέναι προήδει πάντας τοὺς ἑστομένους κινδύνους, ὅμως δὲ δεομένων τούτων καὶ συνεβέπλευσα καὶ συνεδυστόχησα καὶ ἐάλωμεν εἰς τοὺς πολεμίους.* И ниже рядомъ по поводу этого плаванія онъ говоритъ: *προδῆλων δυτῶν τῶν κινδύνων.* Тутъ при плава-

нія въ Сицилію мы видимъ и „тріарха“ или „отпътіе военного корабля“ и „предстоящія опасности“ и „несчастіе“ и „внепріятельский плѣнъ“. Кажется, ясно, дѣло идеть о военной экспедиції въ Сицилію, и это служить исходной точкой для изслѣдователей. Это „eine kriegerische Expedition“—только что на-дняхъ повторилъ Блассъ въ *N. Jahrbüch. f. Philil.* 1903, XI, 66 въ рецензіи на F. P. Caccialanza, *Le orazioni di Iseo tradotte con prolegomeni e note*, 1901 A. M. (559 стр.)¹⁾.

Процесъ, къ которому относится VI рѣчь Исея, состоялся въ 365/4 или 364/3 г. до Р. Х., и Харестратъ въ то время, несомнѣнно, быть еще очень молодымъ человѣкомъ. Отсюда ясно, что нельзя думать о знаменитой сицилійской экспедиції V вѣка („eine historische Unmöglichkeit“, Блассъ). Другая возможность—разумѣть здѣсь какую-нибудь другую сицилійскую экспедицію—„не нашла защитниковъ и въ самомъ дѣлѣ весьма несвѣроятна, такъ какъ намъ о какой-нибудь другой сицилійской экспедиції ничего неизвѣстно“ (А. М. Придикъ, 56). Здѣсь уже грѣхъ. Всѣхъ безъ исключенія военныхъ походовъ аенианъ мы, во всякомъ случаѣ, не знаемъ, и изъ отсутствія извѣстій о подходящей по времени—не задолго до 365/4 г.—сицилійской экспедиціи заключать еще нельзя, что таковой и на дѣлѣ не было. Уже естественнѣе было бы изъ такого близкаго по времени свидѣтельства вывести, что такая экспедиція именно *была*, хотя и неизвѣстна изъ другихъ источниковъ. Тысячи фактovъ извѣстны намъ лишь по единичнымъ свидѣтельствамъ. Устраняя единичныя и почти современные событиямъ показанія, мы рисковали бы опустошить всю древнюю исторію. „Невѣроятность“ (и все-таки не исключеніе) второй возможности скорѣе можно было бы мотивировать не отсутствіемъ извѣстій, а политическими отношеніями соотвѣтствующаго времени, да и эту мотивировку не удалось бы провести до конца. Однако, хотя второе толкованіе и не исключено окончательно, дальше уже слѣдуютъ поправки, догадки, исключенія и т. п. операциі. Предлагаютъ или вмѣсто Харестратос читать по худшимъ рукописямъ Менестратос (3-е мнѣніе), или замѣнить его именемъ Фалестратос (4-е), или совсѣмъ вы-

¹⁾ Кстати: г. Придикъ, отколовшій англійскій переводъ Исея Jones'a 1779 г., обѣ этомъ итальянскомъ перевѣдѣ узналъ еще въ маѣ 1902 г., но „не счелъ себя обязаннымъ“ постараться ознакомиться съ нимъ (стр. 345), а между тѣмъ, по Блассу, при этомъ перевѣдѣ для одной только VI рѣчи имѣется, кроме семи страницъ примѣчаній, еще шестьдесятъ страницъ введенія.

кинуть изъ текста εἰς Σικελίαν (5-е), или вмѣсто Σικελίαν поставить Μακедоніаν (6-е) или Ἀιγαῖον (7-е) или Θεσσαλіаν (8-е) или читать ἐν ἡλικіа ὅν (9-е). А. М. Придикъ, раскритиковавъ всѣ эти догадки (стр. 55—63), самъ съ огромной самоувѣренностью, хотя безъ всякой убѣдительности, предлагаетъ 10-ю: εἰς Κέρκυραν. Онъ же, издавая текстъ на стр. 327, пишетъ только „εἰς“., считая εἰς Σικελίαν, безъ всякаго сомнѣнія, испорченнымъ („falsch“ Блассъ). Это уже 11-я разновидность. А. М. Придикъ заявляетъ (306), что имъ собрано все, что где бы то ни было даже случайно говорилось объ Исеѣ и его рѣчахъ. Полагаюсь на его слова и рѣшаюсь называть себя *первымъ защитникомъ беззащитной второй возможности*, только въ другомъ освѣщениіи, такъ что мое толкованіе окажется уже двѣнадцатымъ.

Обязательно ли думать о *военной* экспедиціи Харестрата въ Сицилию? Разберемъ отдельно всѣ, какъ я сказалъ, „кажется, ясныя“ основанія общепринятой точки зрѣнія.

Если триархъ отплываетъ изъ Пирея въ направлениіи А, то еще неѣть необходимости допускать, что въ направлениіи А находится и театръ военныхъ дѣйствій аѳинянъ. Война ведется, можетъ быть, со всѣмъ въ другой сторонѣ—В, а триархъ отправляется въ А или съ дипломатической миссіей къ союзнику или съ цѣлью добычи тѣхъ или другихъ средствъ для войны или для предупрежденія направляющейся изъ А помощи противной сторонѣ. Возможно далѣе, что въ данное время аѳиняне нигдѣ и ни съ кѣмъ не воюютъ, а триархъ плыветъ въ А, везя туда аѳинское посольство или сопровождая обратно пословъ, прибывшихъ оттуда, или же онъ высланъ напримѣръ ἐπὶ τὴν φολαχῆ τῶν ληπτῶν (SIG.² 530₂₇₉) или ἐπὶ τὴν παραπομπῆ или παραλαβῆ τοῦ σίτου (CIA. II 808 a 41, ср. Demosth. L, 20 сл.). Хотя при рѣчи о триарахъ и триарахъ и думается прежде всего о военныхъ дѣйствіяхъ, однако неправильно было бы ограничиваться этой главной сферой дѣятельности триарховъ и забывать о менѣе видной дѣятельности, менѣе выступающей на видъ въ нашей преимущественно военной исторической традиціи. Между тѣмъ такъ именно и обстоитъ, по крайней мѣрѣ, въ Handbuch'ахъ, а послѣднія пользуются обыкновенно черезчуръ большими вліяніемъ. Даже у Германа-Тумзера, гдѣ мы находимъ иѣсколько словъ (Lehrb. d. griech. Antiquit. I^o, 703) о триарахъ противъ пиратовъ или для религіозныхъ цѣлей (въ другихъ Handbuch'ахъ иѣть и этого), ничего не говорится о плаваніи на триарахъ аѳинскихъ посольствъ. Точно также и господа,

писавшіе специа́льно о посольствахъ¹⁾), совершенно умалчивають объ этомъ, хотя и разсуждаются довольно обстоятельно о viafica пословъ. Они, можетъ быть, полагаютъ, что это само собою разумѣется, а скорѣе, въ наше время желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ рейсовъ, они просто и не подумали о томъ, какъ отправлялись посольства. Въ древности, какъ ни сильно было развито мореплаваніе у грековъ, все-таки трудно говорить о правильныхъ сообщеніяхъ. А съ другой стороны, если и можно, пожалуй, допустить, что посолъ изъ какого-нибудь захудалаго городка, „Фолѣгундровъ τὴ Σικινίτης“, выѣзжалъ съ возложеніемъ на него миссіей на первой попавшейся лодкѣ или ждалъ поспутнаго торгового корабля и т. п., во всякомъ случаѣ, уже a priori было бы невѣроятно допустить то же для Аѳинъ: это было бы прямо несогласно съ достоинствомъ государства. Если у главы посольства или у одного изъ его товарищъ не было собственнаго корабля, да если даже и было, само государство должно было обеспечить посламъ плаваніе въ со-отвѣтствующей обстановкѣ, дать имъ тріиру. Это, вѣроятно, уже само собою разумѣлось и въ декретахъ объ этомъ не упоминали, опредѣляя только „послать“ или „избрать“ пословъ. Прежде всего, конечно, думается, что для этой цѣли должны были служить „священныя“ тріиры: Параль и Саламинія. Бѣкъ съ свойственной ему широтой взгляда отмѣтилъ назначеніе этихъ кораблей для Theorien, Bot-schaften, Überbringung und Abholung von Geldern und Personen и пр. (Staatshaush. I³, 306). Фукидидъ (VIII, 86, 8 сл.) сообщаетъ объ экипажѣ Парала, который, даже будучи переведенъ на простой военный корабль, сопровождалъ посольство „четырехсотъ“ въ Лакедемонъ. Мы тутъ отчасти сталкиваемся съ вопросомъ, были ли на „священныхъ“ корабляхъ, кроме избираемыхъ народомъ казначеевъ (ταρίχι), еще и тріирапхи, или же казначей являлся также и тріирапхомъ. Первое весьма рѣшительно принималъ Бѣкъ (ук. соч. 635а, 212 сл., и въ See-wesen), за послѣднее высказался Кёлеръ (*Ath. Mitt.* VIII, 168—172). Однако и Кёлеръ не можетъ отрицать существованія обозначенія τριτρарχος τῆς Παράλου, ибо оно, если даже и не было официальнымъ, достаточно (и въ литературѣ и въ надписяхъ) засвидѣтельствовано (ср. Hermann-Thumser, I, 703), такъ что мнѣ нѣть нужды непремѣнно стать или на сторону Бѣка или на сторону Кёлера: если бы нашъ Хэрестратъ отплывалъ даже на священномъ кораблѣ, въ

¹⁾ На примѣръ, M. Heyse, De legationibus Atticis, Göttingen 1882, или F. Poland, De legationibus Graecorum publicis, Leipzig 1883.

судебной рѣчи онъ могъ быть названъ тріархомъ и по Бёку и по Кёлеру. Но онъ могъ быть и обыкновеннымъ тріархомъ и все-таки везти посольство. Внѣшнія сношенія Аѳинъ въ то время, во всякомъ случаѣ, были еще настолько широки, что едва ли удавалось всегда обходиться двумя священными тріарами. Не всегда было удобно, если обѣ тріиры были заняты другими порученіями, откладывать отправленіе посольства до возвращенія одной изъ нихъ въ Пирей. Совершенно естественно въ этомъ случаѣ было прибѣгнуть къ снаряженію одной изъ тріиръ при посредствѣ обычного тріараха. Мы имѣемъ и определенные извѣстія о томъ, какъ тріарахъ везетъ аѳинское посольство. Demosth. LIII, 5: *φωμβίνει δῆ μοι (Аполлодору) τριτραρχία περὶ Πελοπόννησον, ἐκεῖθεν δέ εἰς Σικελίαν ἔδει τοὺς πρέσβεις ἀγειν, οὓς ὁ δῆμος ἐγερτόνησεν. η σύν ἀναγωγῇ διὰ ταχέων ἐγίγνετο μοι ἵνα μὴ κατακωλύοιτι τοὺς πρέσβεις.* Я еще вернусь къ этому извѣстію. Demosth. XXIV, 11—12: *ἐμήνυσεν Εὐκτήμιον ἐγειν Ἀρχέβιον καὶ Λυσιθείδην τριτραρχίσαντας χρήματα Ναυκρατιτικά καὶ ποτὸν τὸν ναροδιὸν ον̄ διεξῆλθε πρὸς ὑμᾶς ὡς ἐλεύθεν ἡ τριήρης τὸ πλοῖον ἡ Μελάνωπον ἄγουσα καὶ Γλαυκέτην καὶ Ἀνδροπίνα καὶ εσθευτὰς ὡς Μαύσωλον.* Можетъ быть, есть и другія (Demosth. I., 12 я намѣренно не пользуюсь). Итакъ, Херестратъ могъ везти посольство въ Сицилію, причемъ мы, конечно, скорѣе всего думаемъ о посольствѣ къ Діонисію Старшему или Младшему. Эта возможность, на мой взглядъ, ближе, чѣмъ участіе въ экспедиціи противъ пиратовъ или для охраны хлѣбныхъ грузовъ.

„Предстоящая опасность“ и „несчастія“ (*συνεδυστόχησα „ist doch mehr, als ich theilte seine Gefahren“*,—говорить Блассъ, а почему?), о которыхъ заявляетъ ораторъ, также еще не обязываютъ насъ думать только о войнѣ. Объ опасностяхъ тутъ ораторъ могъ говорить и просто въ виду относительной отдаленности морского плаванія, особенно если оно падало на бурное время года, или же въ виду возможнаго столкновенія съ пиратами, или въ виду чужой войны, въ которой аѳиняне прямо не участвовали, въ частности, напримѣръ, въ виду военныхъ осложненій въ самой Сициліи и въ томъ государствѣ, куда направлялось посольство. Въ [Demosth.] LII, 5 разсказывается о купцѣ Ликонѣ, что *εὐθὺς ἐκπλέοντα αὐτὸν περὶ τὸν Ἀργολικὸν κόλπον ὑπὸ λῃστρίδων νεῶν τὰ τε χρήματα καταγένναι εἰς "Ἄργος καὶ αὐτὸν τοξευθέντα ἀποθανεῖν (дѣло было вѣроятно около 369 года).* Lysias, XIX, 19—20: Аристофанъ *βουλομένου Κόνωνος πέμψαι τινὰ εἰς Σικελίαν φυετο ὑποστὰς* вмѣстѣ съ Евномомъ (и Лисіемъ?)—*καὶ ταῦτα ἐπράττον πολλῶν κινδύνων*

отархонтав прὸς τὴν θάλατταν καὶ τοὺς πολεμίους. И къ этому мѣсту придется еще вернуться. Если подъ полемою здѣсь разумѣются и прямо воюющіе съ аѳинянами, никто все-таки не скажетъ, что Аристофанъ плылъ на войну. Лампакцы благодарили своего согражданика Игнсія за то, что онъ взялся быть посломъ въ Римъ и Массалію — [τὸν εἰς Μασσαλίαν πλοῦν πολὸν καὶ ἐπιχύνδυνον—οὐδὲν φροντίσας τῶν] κατὰ τὴν ἐκθύημάν κινδύνων (SIG². 276=Michel, Rec. 529). Я готовъ сказать больше: если бы ораторъ говорилъ объ отплытии на войну, то было бы слишкомъ наивно говорить — да еще дважды (протѣдевъ тобъ; ἐσφένους κινδύνους и προδῆλων ὄντων τῶν κινδύνων) — о предстоящихъ опасностяхъ, — разъ война, то, конечно, не прогулка для развлечения (ср. Isaei IX, 15: εἴ δέ το; ὅτι ἐν ἵπασαι στρατείαις μέλλοι κινδυνεύσιν). Мало того: если бы дѣло шло дѣйствительно о военной аѳинской экспедиції, то оратору, кажется, было бы не совсѣмъ ловко рассказывать сообща-мый имъ эпизодъ. Выходило бы, что Херестрату было, такъ сказать, страшно идти въ походъ (а не однѣ же его корабль отправлялся бы на войну); боятся же войны, можетъ быть, и многіе, но стѣсняются публично заявлять о трусости. Не хочу настаивать на томъ, что и въ древности едва ли при отплытии флота на войну было принято приглашать постороннихъ для компаніи. На всякой трирѣ былъ со-ответствующій экипажъ, команда и необходимые запасы и снаряды, а посторонніе путешественники, хотя бы и пріятели триарха, едва ли были желательны. Если же адвокатъ самъ входилъ въ составъ экспедиціоннаго отряда, то онъ не могъ бы и хвастаться своимъ уча-стіемъ. Я не хочу настаивать на этомъ потому, что молодой Херес-тратъ могъ пригласить съ собой адвоката въ качествѣ „свѣдущаго“ лица — „διὰ τὸ πρότερον αὐτὸς ἐκπεπλευκέναι“. Приглашеніе объяснялось бы еще естественнѣе, если бы трира шла съ посольствомъ. Въ 299/8 г. (CIA. II 297=SIG². 188) аѳиняне по докладу пословъ, ходившихъ къ царю Кассандру, награждаются гражданина Посидиппа за соучастіе въ посольствѣ — οὐναπόδημήσαντα μεν' ἔτοτὸν χρήματον εἶναι, — Посидиппъ, вѣроятно, добровольно ходилъ съ послами. Не хочу предполагать, что и присутствіе нашего адвоката на трирѣ съ посольствомъ было же-лательно по такимъ же соображеніямъ: если даже онъ былъ также богатъ (и даже знатенъ, какъ обыкновенно думаютъ), какъ Фано-стратъ съ Херестратомъ, все-таки мы не знаемъ, что за персона онъ, да притомъ, если бы онъ руководился и государственной пользой, онъ вѣроятно, не умолчалъ бы объ этомъ. Главное — то, что, разъ ко-рабль шелъ не на войну, адвокатъ гораздо легче могъ приступиться:

кто знаетъ, онъ могъ имѣть въ Сициліи собственный практическія цѣли, напримѣръ коммерческія, а когда случалось несчастіе, то, хотя бы оно и было неожиданное, всегда можно было перевернуть дѣло аук-хато и расписывать, что я-де за друзей готовъ былъ и въ огонь и въ воду. Кстати: А. М. Придикъ между прочимъ пытается опредѣлить, плавать ли адвокатъ съ однимъ Хэрестратомъ или вмѣстѣ съ ними былъ и отецъ послѣдняго Фаностратъ; послѣ различныхъ разсужденій и „субъективныхъ“ соображеній онъ склоняется скорѣе къ тому, что „весь контекстъ“ говорить скорѣе объ одномъ Хэрестратѣ. Въ дѣй-ствительности это не совсѣмъ такъ, и А. М. Придикъ стоитъ за одного Хэрестрата, кажется, только потому, что иначе при неотвязной идеѣ о военной экспедиціи ему пришлось бы считать Фанострата синтрапархомъ сына или даже поставить подъ команду послѣдняго. А разъ у насъ дѣло идетъ не о войнѣ, то это препятствіе какъ разъ устра-няется (напомню, что *τοῦτον τούτους* стоять все-таки въ тѣснѣшой связи съ *διορεύουσιν* тоутову).

Остается, однако, еще „непріятельскій плѣнъ“—*καὶ ἐάλωμεν εἰς τοὺς πολέμους*, и онъ, повидимому, болѣе всего и прямо говоритъ, что здѣсь рѣчь о *войнѣ αεινίλη*. Тутъ я напомню, что мы имѣемъ дѣло не съ официальнымъ документомъ, а съ словами оратора на судѣ. Далѣе, представимъ такое положеніе дѣла: трира съ афинскими по-слами плыветъ по морю, въ которомъ крейсируетъ флотъ, воюющій не съ афинянами, а съ союзникомъ афинянъ, какъ разъ съ тѣмъ, къ которому направляется посольство; эти *οἱ πολέμοι* афинского союзника захватываются триру и пословъ; они, конечно, не *οἱ πολέμοι* афинянъ, но они поступаютъ *ὡς πολέμοι*. Какъ ихъ назвать? Лучше всего, ко-нечно, собственнымъ именемъ: лакедемоніане, кареагеніане и т. п. Во всякомъ случаѣ сказать *εἰς τοὺς λυρτάς* нельзя было. Но ужели со-вершенно невозможно *τοὺς πολέμους* нашего союзника назвать нашими *οἱ πολέμοι?* Подходящаго вполнѣ параллельного случая я не имѣю пока подъ рукой, но думаю, что при предположенныхъ мною обстоя-тельствахъ ораторъ могъ сказать: *ἐάλωμεν εἰς τοὺς πολέμους*. Пожа-луй, возразить, что такой захватъ корабля нейтрального государства, да еще съ посольствомъ, былъ бы нарушеніемъ международного права, *casus belli?* Не буду говорить, что, можетъ быть, иѣчто подобное и въ наши дни происходило у береговъ Африки. Ограничусь древностью. Въ началѣ Пелопоннисской войны спартанцы захватывали на морѣ и даже убивали всѣхъ—*καὶ τοὺς μετὰ Ἀθηναῖς βομβόλευτας καὶ τοὺς μηδὲ μεθ' ἑτέρων* (Thuc. II, 67, 4, ср. [Demosth]. Epist. Phil. 5 и др.).

Аеиняне, да еще при постороннемъ посредствѣ, перехватывали пословъ, шедшихъ въ Спарту изъ государства, съ которымъ сами не воевали (Thuc. IV, 50, ср. II, 67, 2—3). Аеинскіе послы были убиваемы непріятелями (Androtion у Нагросг. с. v. 'Αγνίας). При предположенныхъ мною обстоятельствахъ въ захватѣ пословъ не было никакого нарушенія международныхъ отношеній, и личность посла, да еще направляющагося къ противнику, сама по себѣ вовсе не была священной. См. Heyse, ук. соч. 8 сл., Poland, ук. соч. 45 сл., ср. F. Bender, Antikes Völkerrecht vornehmlich im Zeitalter des Polybios, Bonn 1901,—та же книжка въ видѣ диссертациі ходить подъ названіемъ Beiträge zur Kenntnis des antiken Völkerrechts (nach Polybios), 51 сл.

Было бы, конечно, придиркой къ оратору, разъ рѣчь идеть о войнѣ, требовать отъ него еще упоминанія о сраженіи, *μαχαγіа*, борьбѣ,—онъ говорить лишь *συνεδυστόγγος καὶ ἐάλωμεν*,—или объ освобожденіи изъ плѣна, о выкупѣ: все это могло быть само собой понятно для слушателей, разъ дѣло шло о недавнихъ событияхъ. Но па выраженіи *ἐάλωμεν εἰς τοὺς πολεμίους* можно остановиться. А. М. Придикъ, по примѣру другихъ, видѣтъ здѣсь брахилогію вмѣсто *εἰς τοὺς πολεμίους πεօύτες* *ἐάλωμεν* и приводитъ параллели изъ Isaei VII, 8: *ληφθέντος εἰς τοὺς πολεμίους*, Plat. Polit. V, 468 A кратко и Xenoph. Hell. I, 1, 23: *εἰς Λακεδαιμονικὰ γράμμata πεμφθέντα ἐάλωσαν εἰς Ἀθήνας* и др. Приведу еще изъ аморгосской надписи SIG^a. 112 = BCH. XII, 224 = Michel, Rec. 377: *καὶ τῶν ἀλόντων εἰς τὸς πολεμίους οἵς περιέτυχεν ἐ[λύ]σατο*,—такъ говорять аркесинцы объ Андротіонѣ (аттиографѣ), и уже первый издатель текста сослался кратко на Plat. I. I. Не мѣшаетъ выписать эту параллель полнѣе: *τὸν ζῶντα εἰς τοὺς πολεμίους ἀλόντα ἀρ' οὐ δωρεάν διδόναται δεῖ τοῖς ἐθέλουσι χρῆσθαι τὴν ἄγρα* (здѣсь какъ бы сравненіе съ пойманнымъ на охотѣ звѣремъ) *ὅτι βούλονται*; Мы видимъ, что это выраженіе довольно ходячее. Штальбаумъ передавалъ его посредствомъ: *qui vivus inter hostes captus est.* Пучше, кажется, переданъ оттѣнокъ въ одномъ вѣмешкомъ переводѣ: *der, welcher sich vom Feinde lebendig fangen lässt.* Тутъ мы встрѣчаемся съ выраженіемъ постоянно повторяющагося взгляда: „или побѣдить или умереть“, „со щитомъ или на щитѣ“, ср. *εἴλοντο μαχόμενοι ἀποθανεῖν μᾶλλον τὴν ξώντες ἐπεισφρέσθαι τὸν βάρβαρον τὴν Ἑλλάδι* (Xen. Hell. VI, 5, 43) и т. п. Не кроется ли и въ сочетаніи *ἀλίσκεῖται εἰς* — оттѣнка добровольной сдачи, сдачи безъ упорного сопротивленія до смерти? Штальбаумъ ссылался на Aesop. fab. 55 въ 46 (Cor. = 209 и 340 Halm), где съ одной стороны хорубадлос; *εἰς τὴν ἀλούς*, съ другой—хорубос; *ἐπιπεσθεν εἰς τοὺς βρόγους*. Эти параллели

наводить на мысль объ оттѣнкѣ случайности, неожиданности. Не хотѣлъ ли отчасти то же выразить и нашъ ораторъ, — свалить вину на волю рока, на стечениѳ обстоятельствъ, на несчастную случайность? „Мы попали въ плѣнъ къ врагамъ“. Разумѣется, если пыла одни только трира, о сопротивленіи, о сраженіи едва ли могла быть рѣчъ. „О! полѣмо!“, кто бы они ни были, замѣтивъ военный корабль, идущій къ нимъ противнику, конечно, имѣли полное основаніе захватить этотъ корабль, все равно, знали ли они или иѣть, что на немъ пытается только одно послѣдство. Итакъ и разображенное выраженіе, въ крайнемъ случаѣ, можетъ не говорить объ афинской войнѣ въ Сициліи.

Часто, однако, бываетъ, что каждый отдѣльный моментъ не оказывается рѣшающимъ, но въ общей совокупности эти отдѣльныя таҳтира и струї даютъ несомнѣнныи выводъ. Что въ данномъ случаѣ изъ отдѣльныхъ элементовъ естественнѣе всего возникаетъ представление о военной экспедиціи афинянъ, это и вполнѣ понятно и подтверждается исторіей толкованія разбираемаго мѣста. И тѣмъ не менѣе нерѣдко бываетъ, что выводы, построенные на комбинаціи не рѣшающихъ таҳтира, оказываются ошибочными. Обыкновенно это обнаруживается при открытии новыхъ источниковъ. Имѣемъ ли мы право здѣсь, при отсутствіи новыхъ указаний, отказаться отъ несомнѣннаго, на первый взглядъ, представленія о войнѣ афинянъ, хотя и связаннаго съ необходимостью пожертвовать „Сициліей“ текста. Если въ соотвѣтствующее время, т. е. незадолго до 365/4 г. у Афинъ былъ союзникъ въ Сициліи, если афиняне тогда отправляли къ нему пословъ, если у него въ то время была война, если флотъ его противника крейсировалъ у береговъ Сициліи, если такимъ образомъ оказывается возможнымъ не прибѣгать къ рискованной и даже безнадежной операциіи надъ текстомъ, то, кажется, мы не только можемъ, но должны отказаться отъ упомянутаго господствующаго представленія. Всѣ указанныя условія, по моему, у насъ имѣются на лицо или естественно вытекаютъ изъ имѣющихся извѣстій.

Первый томъ афинскихъ *Mittheilungen* открывается статьей Кёлера „Die griechische Politik Dionysius des Älteren“, которая позволяетъ мнѣ не касаться вѣхъ подробностей отношеній между Афинами и Дионисиемъ Старшимъ. До насъ дошло начало почетнаго афинскаго декрета о Дионисии и его родственникахъ отъ 6-ой пританіи 394/3 г. (SIG². 66=CIA. II 8=Michel, Rec. 82). Предположенія о мотивахъ этихъ почетностей см. у Кёлера, 5—7. Очевидно, отношенія были тогда хорошія. Весьма вѣроятно, что съ декретомъ было отправлено къ

Діонісію посольство. Въ связи съ завязавшимися теперь дружественными отношениями стояла, вѣроятно, и попытка Конона побудить Діонісія войти въ родство съ Евагоромъ Саламинскимъ и такимъ образомъ перейти отъ Спарты на сторону Аєннъ,—попытка не удавшаяся. Къ ней относится сицилійская поѣздка Аристофана, упомянутая мною по поводу опасностей сицилійского плаванія (*Lys.* XIX, 19—20). Она падала, вѣроятно, на 393/2 г. Тріархія Хэрестрата, конечно, не можетъ быть отнесена къ этимъ годамъ: ему къ 365/4 г. оказалось бы въ такомъ случаѣ около 50 лѣтъ, а между тѣмъ адвокатъ въ особенную заслугу ставить ему, что онъ тѣлѣбогъ ѿ времени процесса несъ (только) три литургіи (§ 60), т. е. ясно онъ былъ еще очень молодъ. Но самъ адвокатъ, пожалуй, могъ быть въ Сициліи или при посольствѣ или съ Аристофаномъ, хотя, вѣроятнѣе, и его поѣздка относится къ болѣе позднему времени. Отношенія Діонісія къ Аєннамъ могли снова стать дружественными только послѣ заключенія союза между Аєннами и Спартой, 370/69 г., и, дѣйствительно, отъ 10-ї пританіи 369/8 года имѣется аєнскій декретъ (*SIG².* 89—CIA. II 51—Michel, Rec. 90), состоявшійся по поводу прибытія пословъ отъ Діонісія съ письмомъ отъ него касательно τῆς οἰκοδομίας τοῦ νεώ (дельфійскаго) καὶ τῆς εἰρήνης (общегреческій миръ, о которомъ разсуждали на дельфійскомъ конгрессѣ 368 г.); воздаются разныя почести Діонісію и его сыновьямъ. Подъ конецъ декрета въ несохранившемся контекстѣ упоминается *χ[ι] τοῦ πρέσβεις?*, гдѣ рѣчь, пожалуй, скорѣе о послахъ отъ Діонісія, чѣмъ обѣ отправленіи аєнскихъ пословъ къ Діонісію. Но, вѣроятно, уже одна политическая вѣжливость требовала, чтобы аєнняне отвѣтили Діонісію также посредствомъ посольства. Оно могло отправиться въ Сицилію въ срединѣ или подъ конецъ лѣта 368 года. Отъ третьаго декрета (*SIG².* 90—CIA. II 52) дата, къ сожалѣнію, не сохранилась, но дополняется почти несомнѣнно: онъ относится къ 368/7 г., вѣроятно къ 7-ой пританіи. Заключенъ оборонительный союзъ между Діонісіемъ и Аєннами: какъ Діонісій и его потомки аєннянамъ, такъ и аєнняне должны помогать Діонісію и его потомкамъ, καθότι ἀν ἐπαγγέλλωσι, и на суше и на морѣ πάντα σθένει κατὰ τὸ δυνατόν, если кто-нибудь пойдетъ на Діонісія или на его потомковъ или на тѣхъ, надъ кѣмъ властвуетъ Діонісій ἐπὶ πολέμῳ ἢ κατὰ γῆν ἢ κατὰ θάλασσαν, и т. д. Относительно взаимныхъ клятвъ говорится: ἀπολαβεῖν δὲ (т. е. клятву съ Діонісіемъ и его сыновей и пр.) Ἀθηναῖον τοὺς πρέσβεις τοῦ περιφεύντας εἰς Σικελίαν (надпись *στοιχηδόν*). Эти послы, по принятой датѣ, могли отправиться въ Сицилію въ февралѣ—апрѣлѣ

367 года (крайнія граници для 7-ой притаміні—оть конца Гамиліона до середини Елафіволовна (приблизительно), т. е. примѣрно февраль и мартъ юліанскаго года). Въ связи, вѣроятно, съ этой дружбою уже на Ліннахъ 368/7 г. (въ Гамиліонѣ *μέσης τοῦ = январѣ = февралѣ* 367 г.) зоніяне признали побѣдителемъ Діонисія за трагедию Ехтора; лѣтромъ. Всюорѣ Діонісій умираетъ,—связывали даже смерть его съ извѣстіемъ обѣ этой побѣдѣ (Diod. XV 74: одинъ изъ пѣвцовъ хора, разсчитывая получить блестящія почести, если первымъ сообщить Діонісію о побѣдѣ, переплылъ въ Коринѳ и, пересѣвъ тамъ на корабль, отходившій въ Сицилію, при попутномъ вѣтрѣ быстро прибылъ въ Сиракузы и сочтѣши объявилъ тиранну о побѣдѣ; у Діонісія начались на радостяхъ особенные пиршества и попойки, и чрезмѣрные кутежи привели его къ концу). Итакъ, за 369/8 и 368/7 г. нужно признать нѣсколько посольствъ изъ Аѳинъ въ Сицилію, по крайней мѣрѣ два: лѣтомъ 368 и весной 367 г.—на дѣлѣ дипломатическія сношенія, конечно, не могли ограничиться этими. Къ одному изъ этихъ посольствъ уже давно отнесено спѣшилое отправленіе тріархаха Аполлодора [Demosth.] LIII, 5, о которомъ я упоминалъ выше (см. Sigg, Der Verf. neun angeblich von Demosth. f. Apollod. geschr. Reden въ „Jahrb. f. cl. Phil.“ VI Suppl.-Bd., 1873, 403 сл. Blass, Att. Bereds. III, 1¹, 450 и цитируемыхъ тамъ изслѣдованія). Эти посольства по времени близко подходятъ къ тріархахи Хэрестрата (вѣдь послѣднюю ученые именно ставили или на 368 г. при исправленіи *εἰς Θεσσαλίαν*, на 360-ые годы при *εἰς Μακεδονίαν* или *Ἀμφίπολιν*, на конецъ 370-хъ годовъ при *εἰς Κάρχωραν*). Въ § 60 литургіи Хэрестрата указаны таѣть: тріархахи́ хоригія (*τριγύφθοις*) и гимнасіархія (*λαρπάδι*), но порядокъ этотъ, можетъ быть, соответствуетъ не времени, а значительности литургій, и только потому тріархахи стоитъ прежде всего. Промежутокъ между поѣздкой адвоката въ Сицилію и тріархахи Хэрестрата могъ быть очень небольшой, если и ту и другую мы будемъ связывать съ разными посольствами этихъ лѣтъ изъ Аѳинъ къ Діонісію.

Воевалъ ли въ эти годы съ кѣмъ-либо Діонісій? Воевалъ съ кареагенянами. Діодоръ (XV, 73) ставить войну эту какъ разъ на годъ его смерти (закончилъ ее миромъ уже Діонісій Младшій: Diod. XVI, 5). Начата она была, во всякомъ случаѣ, незадолго до смерти Діонісія I и была его послѣдней войной. Располагая большими силами и полагая, что кареагеняне ослаблены бывшей у нихъ эпидеміей и восстаніями, онъ выставилъ предлогомъ войны то, что *τοὺς κατὰ τὴν ἐπικράτειαν Φοινίκας επιβεβήκενται τῷ; ὅπ' αὐτὸν γύρος;* и выступилъ съ 30.000 пѣхоты,

3.000 конницы и 300 триръ. Онъ захватилъ Селинунтъ, Ентеллу и Ерикъ, осадилъ Лиливей, но снялъ осаду, не взявъ города. Тутъ онъ услышалъ о пожарѣ кареагенскихъ чесаріа и, считая весь кареагенскій флотъ сгорѣвшимъ, отправилъ въ Ерикъ только 130 лучшихъ триръ, а прочія отославъ въ Сиракузы. Но у кареагенянъ флотъ уцѣлѣлъ, и съ 200 кораблей они напали на Ерикъ и захватили большую часть кораблей Діонисія. Послѣ этого *χειμῶνος ἐντάτος* воюющіе заключили *άνοχας* и разошлись по домамъ, а *μετὸδίγου χρόνον* Діонисій заболѣлъ и умеръ, — едва ли позднѣе весны 467 года. Мы не знаемъ, возобновились ли въ 467 г., съ началомъ хорошаго времени года (примѣрно съ марта), военные дѣйствія. Что они предполагались, думаю, слѣдуетъ какъ изъ заключенія только *άνοχα*, такъ и изъ того, что миръ заключенъ уже Діонисіемъ Младшимъ. Во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ вѣроятно, что со времени возможного возобновленія военныхъ дѣйствій кареагенскій флотъ крейсировалъ въ сицилійскихъ водахъ и, конечно, главнымъ образомъ въ виду Сиракузъ, где находились оставшіяся главныя морскія силы Діонисія. Итакъ, если афинской трирѣ пришлось плыть къ Діонисію около этого времени, ей нужно было проходить черезъ ряды враждебнаго ему флота *Καρχηδονίων ἑφόριούντων Σοραχούσαις* (такъ говорить Поліэнъ, впрочемъ не о данномъ времени, II, 11). Отправился ли Хрестратъ въ Сицилію позднимъ лѣтомъ 368 г. или ранней весной 367, онъ могъ попасть въ плѣнь къ кареагенянамъ, и послѣднихъ, какъ то^{ὺς} полеміо^{υς} афинскаго союзника и поступившихъ съ афинскимъ кораблемъ *ώς πολέμους*, адвокатъ могъ спустя два—три года вспомнить какъ то^{ὺς} *πολεμίους*.

Распредѣлить точно триархію Аполлодора, поѣздку адвоката въ триархію Хрестрата я не берусь уже по одному тому, что мы не знаемъ всего числа афинскихъ посольствъ, ходившихъ въ 369/8 и 368/7 г. къ Діонисію. Аполлодоръ, правда, сообщаетъ, что послы, которыхъ везъ онъ, особенно торопились, но, во-первыхъ, это говорить ораторъ на судѣ, где ему ради процесса нужно было отг҃нить спѣшиность отѣзда, во-вторыхъ, мы не знаемъ, где нужна была особенно поспѣшиность: при сообщеніи ли Діонисію извѣстія о Линейской побѣдѣ или при окончательномъ скрѣпленіи союза и пр. Во всякомъ случаѣ, если адвокатъѣзилъ въ Сицилію на трирѣ Аполлодора или другой лѣтомъ 368 г., то предъ весенней поѣздкой Хрестрата въ 367 г. онъ могъ, дѣйствительно, знать о предстоящихъ опасностяхъ плаванія.

Таково мое объяснение, спасающее Сицилию, въ текстѣ Исая. Кто не можетъ отрѣшаться отъ представлениія о военной экспедиціи Хересстраста, тотъ можетъ обогатить аѳинскую военную исторію, т.-е. дополнить 'Ελληνικа Ксенофonta экспедиціей части аѳинскаго флота на помощь Діонисію. Она могла быть послана въ силу союза. Правда, союзъ былъ только оборонительный (*έάν τις ἦτι ἐπὶ πολέμῳ*), а Діонисій самъ началъ воевать. Но онъ все-таки говорилъ, что его затронули—*ἐπιβεβηκέναι τῆς ὑπ' αὐτὸν χώρας*. Могли ли аѳиняне послать эту помощь, т.-е. быть ли свободенъ ихъ флотъ? Могли: они въ томъ же 367 году послали Тимоѳея съ 30 триреми на помощь Аріоварзану фригийскому въ борьбѣ его съ другими сатрапами (Schäfer, Demosth. I², 97). Нуждался ли Діонисій въ такой помощи, т.-е. стала ли бы просить о ней (по договору, помощь высылалась *καθότι ἀν ἐπαγγέλλωσε*)? Возможно, что она къ веснѣ 367 г. оказалась бы нелишней, послѣ захвата наиболѣшой части флота кареагенянами осенью 368 г. Итакъ даже и военная экспедиція 367 г. въ Сицилию, „не нашедшая себѣ защитниковъ“, еще не „весыма невѣроятна“, какъ думаетъ А. М. Придикъ.

Закончу тѣмъ, чѣмъ началъ. Нельзя, не исчерпавъ всѣхъ возможностей, приступать къ поправкамъ, операциямъ, исключеніямъ и заподозриваніямъ текста, особенно тамъ, где текстъ даетъ фактическія указанія. При такомъ злоупотребленіи конъектурами можно многое уничтожить изъ нашего, и безъ того небогатаго, преданія и, думается, несомнѣнно не мало хорошихъ извѣстій уже уничтожено, такъ что задачей филологовъ должно быть возвращеніе такихъ извѣстій къ жизни или изъ изгнанія. Выше я привелъ мѣсто изъ Ксенофonta, какъ греки при Фермопилахъ *εἴλοτο μαχόμενοι μᾶλλον ἀποθανεῖν, η ζῶντες ἐπεισφρέοθαι τὸν βάρβαρον τῇ Ελλάδι*. Сказано сильно, по-гречески. Сильно по-гречески будетъ сказано, но не будетъ излишне и намъ пожеланіе: *εἴθ' οὖν ἐλοίμεθα ἐξηγούμενοι μᾶλλον ἀποθανεῖν, η ζῶντες ἐπεισφρέσθαι περιττὴν τινὰ εἰκασίαν τῇ παραδόσει*.

А. Нижегородскій.

МЕДЕЯ,

ТРАГЕДІЯ ЕВРИПИДА, СЫНА МНЕСАРХА¹).

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

(Медея выходитъ изъ среднихъ дверей).

Медея и хоръ

(послѣ первыхъ 5 стиховъ вѣстникъ справа).

Медея.

Я заждалась, подруги, чтобы судьба
Свое сказала слово—въ нетерпѣнїи
Извѣстіе зову я... Вотъ какъ разъ
Изъ спутниковъ Ясоновыхъ одинъ:
Какъ дышить трудно онъ—съ недоброй вѣстью.

Вѣстникъ.

(Запыхавшись, одежда въ беспорядкѣ).

Бѣги, бѣги, Медея: ни ладьей
Пренебрегать не надо, ни повозкой:
Не по морю, такъ по суху бѣги..

МЕДЕЯ (дерзко).

А почему же я должна бѣжать?

¹) Окончаніе. См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1903, отд. класс. филос. маѣ—июль.

Вѣстникъ (сразу выпрямывая шѣмокъ).

Царевна только что скончалась, слѣдомъ
И царь отецъ—отъ яда твоего.

Медея.

Счастливое извѣстіе.. Считайся
Междуд друзей Медеи съ этихъ поръ.

Вѣстникъ.

Что говоришь? Здорова ты или бредишь?
Царевъ очагъ погасъ, а у тебя
Смѣхъ на устахъ, и хоть бы капля страха.

Медея.

Нашелся бы на это и отвѣтъ..
Но не спѣши, пріятель, по порядку
Намъ опиши ихъ смерть, и чѣмъ она
Ужаснѣе была, тѣмъ сердцу слаше.

Вѣстникъ.

Когда твоихъ дѣтей, Медея, складень
Двусторчатый и ихъ отецъ прошли
Къ царевнѣ въ спальню, радость пробѣжала
По всѣмъ сердцамъ—страдали за тебя
Мы, вѣрные рабы.. А тутъ разсказы
Пошли, что скора кончилась у васъ.
Кто у дѣтей цѣлуется руки, кто
Ихъ волосы цѣлуетъ золотые;
На радостяхъ я до покоевъ женскихъ
Тогда проникъ, любуясь на дѣтей...
Тамъ госпожа, которой мы ливиться
Вместо тебя должны теперь, дѣтей
Твоихъ сперва, должно быть, не видала:
Она Ясону только улыбнулась,
Но тотчасъ же фатой себѣ глаза
И нѣжныя ланиты закрываетъ:
Приходъ дѣтей смущилъ ее, а мужъ

Ей говорить: „О ты не будешь злюю
Съ моими близкими, покинь свой гнѣвъ
И посмотри на нихъ: одни и тѣ же
У насъ друзья, не правда ли? Дары
Принялъ отъ нихъ, ты у отца попросишь
Освободить ихъ отъ изгнанья: я
Того хочу“. Царевна же, увидѣвъ
Въ рукахъ дѣтей уборъ, безъ дальнихъ словъ
Все объяла мужу. А едва
Ясень дѣтей увель, она расшитый
Набросила ужъ неплосъ, и, волни
Волосъ златой прижалши діадемой,
Предъ зеркаломъ блестящимъ начала
Ихъ оправлять, и тѣни красоты
Сияющей царевна улыбалась,
И, съ кресла вставъ, потомъ она прошлась
По комнатѣ и, бѣлыми ногами
Ступая такъ коветливо, своимъ
Уборомъ восхищалась, и не разъ,
На цыпочки привставъ, до самыхъ пятокъ
Глазамъ она давала добѣжать.
Но зрѣлице внезапно измѣнилось
Въ ужасную картину. И съ ея
Ланить сбѣжала краска, видимъ..

Послѣ

Царевна зашаталась, задрожали
У ней колѣни, и едва едва...
Чтобъ не упасть, могла дойти до кресла...
Тутъ старая рабыня.. Пана ль гнѣвъ
Попрятчился ей иль иного бога,
Ну голосить... Но... ужасъ... вотъ межъ губъ
Царевничныхъ комокъ явился пѣны,
Зрачки изъ глазъ исчезли, а въ лицѣ
Не стало ни кровинки,—тутъ старуха,
И причитать забыла, тутъ она
Со стономъ зарыдала. Вмигъ рабы
Одна къ отцу, другая къ мужу, съ вѣстью
О бѣдствіи,—и тотчасъ весь чертогъ
И топотомъ наполнился, и крикомъ...

И сколько на бѣгахъ вольметь атлетъ,
 Чтобы, обогнувъ мету, вернуться къ мѣсту,
 Когда прошло минутъ, то изваянье,
 Слѣпое и нѣмое, ожило:
 Она со стономъ возвратилась къ жизни
 Болѣзниеннымъ.

И два недуга вразъ
 На жалкую невѣсту ополчились:
 Вѣнецъ на волосахъ ея златой
 Быть пламенемъ охваченъ жаднымъ, риза же
 Твоихъ дѣтей подарокъ, тѣло ей
 Терзало бѣлое, несчастной... Вижу: съ мѣста
 Вдругъ сорвалась, и ужасъ! вся въ огнѣ,
 И силенія стражнуть она движеньемъ
 Съ волосъ вѣнецъ, а онъ какъ бы приросъ;
 И только пуще пламя отъ попыткѣ
 Ея ростеть и блещеть. Наконецъ
 Осилена, она упала, мукой..
 Отецъ, и тотъ ее бы не узналь:
 Ни мѣста глазъ, ни дивныхъ очертаній,
 Не различить ужъ было, только кровь
 Съ волосъ ея катилася и кипѣла,
 Мѣшаясь съ пламенемъ, а мясо отъ костей,
 Напоено отравою незримой,
 Сквозь кожу выступало—по корѣ
 Еловой такъ сочатся слезы. Ужасъ
 Насъ охватилъ, и не дерзали мы
 До мертвай прикоснуться. Мы угрозѣ
 Судьбы внимали молча.—Ничего
 Не зналъ отецъ, когда входилъ, и сразу
 Увидѣлъ трупъ. Рыдая, онъ упалъ
 На мертвую, и обнялъ и цѣлуетъ,
 Свое дитя и говоритъ: „О дочь
 Несчастная!, кто изъ боговъ позорной
 Твоей желалъ кончины и зачѣмъ
 Осириотилъ онъ старую могилу,
 Взявъ у отца цвѣтокъ его?—съ тобой
 Пусть вмѣстѣ бы убить я быль“. Онъ кончилъ
 И хотеть встать, но тѣло, точно плющъ,

Которымъ лавръ опутанъ, приростаетъ
 Къ нетронутой одеждѣ,—и борьба
 Тутъ началась ужасная: онъ хочетъ
 Подняться на колѣни, а мертвѣцъ—
 Его къ себѣ влечетъ. Усилия жъ только
 У старца клочья мяса отдираютъ...
 Попытки все слабѣе, гаснетъ парь
 И испускаеть духъ, невластенъ больше
 Сопротивляться мукѣ. Такъ они
 Тамъ и лежать—старикъ и дочь, бездушны
 И вмѣстѣ,—слезъ желанная юдоль. (Пауза).
 А о тебѣ, что я скажу? Сама
 Познаешь ты весь ужасъ дерзновенія...
 Да, наша жизнь лишь тѣнь: не въ первый разъ
 Я въ этомъ убѣждаясь. Не боюсь
 Добавить я еще, что, кто считаетъ
 Иль мудрецомъ себя или глубоко
 Проникшимъ тайну жизни, заслужилъ
 Названіе безумца. Счастливъ смертный
 Не можетъ быть. Когда къ нему плыветъ
 Богатство—онъ удачникъ, но и только... (уходить въ дверь
 нальво.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ. Безъѣстника.

Хоръ.

Да много золь заслуженныхъ увы!
 Богъ наложилъ сегодня на Ясона...
 Ты-жъ, бѣдная Креонта дочь, тебя
 Жалѣемъ мы—тебѣ Ясоновъ бракъ
 Аидовы ворота отверзаетъ...

Медея.

Такъ... рѣшено, подруги—я сейчасъ
 Прикончу ихъ и уберусь отсюда:
 Иначе сдѣлается другая и моей
 Враждебнѣе рука, но то же—жребій
 Имъ умереть теперь. Пускай же мать

Сама его и выполнить.

Ты, сердце,
Вооружись! Зачемъ мы медлимъ? Трусь
Предъ ужасомъ одинъ лишь неизбѣжныиъ
Еще стоять въ раздумыи. Ты, рука
Злосчастная, за ножъ берись... Медея,
Вотъ тотъ барьерь, откуда ты начнешь
Печальный бѣгъ сейчасъ. О, не давай
Себя сломить воспоминаньяиъ, мукой
И нѣгой полнымъ—на сегодня ты
Не мать имъ, нѣть, но завтра сердце плачешь
Насытишь ты. Ты убиваешь ихъ,
И любишь. О, какъ я несчастна, жены.

(Быстро уходить въ среднюю дверь, не оборачиваясь).

Смышился стукъ запоровъ. Между тѣмъ близокъ закатъ. Солнце, приближаясь къ горизонту, кажется больше и ближе къ землѣ.

ХОРЪ.

Строфа I.

Io! Земля, ты свѣтлый лучъ,
Отъ Гелия идущій, о глядите
Глядите на злодѣйку,
Пока рука ея не пролила
Крови дѣтей...
О солнце, не давай,
Чтобъ на землю кровь бога
Текла изъ-подъ руки,
Подвластной смерти,
Ты Зевса свѣть, гони
Эринию изъ этого чертога,
Которой мысли
Наполнила демонъ мести
Кровавыми парами.

Антистрофа I.

Напрасно ты изъ-за дѣтей
Страдала и напрасно ихъ рождала.
Тѣ синие утесы,

Какъ сторожей суровыхъ миновавъ,
 Медея, мать
 Несчастная, съ душой,
 Давимой гибвомъ тяжкимъ!
 Зачѣмъ влачишься ты
 Къ убийству снова,
 Едва одно свершивъ,
 Безумная! О горе смертнымъ,
 Покрытымъ кровью:
 Къ богамъ она взываетъ,
 И боги щедро платятъ...

Строфа II.

Дѣти за сценой плачать и кричать.

Хоръ.

Голоса дѣтей... Послушай,
 О преступная! О злой
 И жены ужасный жребій!

Одинъ дѣтский голосъ.

Ай... ай... о какъ отъ матери спасусь!

Другой.

Не знаю, милый... Гибнемъ... Мы погибли..

Хоръ.

Поспѣшимъ на помощь, сестры:
 Въ домъ иду я.

Дѣтские голоса.

Скорѣе, ради бога—насъ убьютъ...
 Желѣзныя сейчасъ сожмутъ насъ сѣти.

Хоръ.

Ты изъ камня иль желѣза,
 Что свое, жена, рожденье,
 Плодъ любимый убиваешь?

Антистрофа II.

Хоръ.

Мнѣ одну хранила память,
 Что дѣтей любила мать,
 И сама же ихъ убила.,,
 Инд въ безуміи божественномъ, когда
 Ее считаться осудила Гера.
 Волны моря смыли только
 Пятна крови,—
 Она-жъ стъ утеса въ море состуцивъ,
 Двухъ сыновей теперь могилу дѣлить.
 Ужасъ, ужасъ, ты предѣльный
 Сколько зерень злодѣянья
 Въ ложѣ муки таится женскихъ...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Ясонъ справа, блѣдный и злой. За нимъ въ беспорядокъ свита. Солнце закатилось. Почти темно.

Ясонъ и хоръ.

Ясонъ.

Вы женщины, здѣсь уже давно, не такъ ли?
 Злодѣйка гдѣ-жъ? Въ чертогѣ заперлась?
 Или въ бѣгахъ Медея? Только адъ
 Иль неба высь, да крылья птицы развѣ
 Ее спасти могли бы. За тирановъ
 Она иначе роду ихъ отвѣтить.
 Иль, можетъ быть, убивъ царя земли,
 Она себя считаетъ безопасной,
 Коли ушла отсюда?...

Но о ней

Я думаю не столько, какъ о дѣтяхъ:
 Ее казнить всегда найдутся руки.
 Дѣтей бы лишь спасти, и какъ бы имъ

Креонта родня за материнский
Не мстила грѣхъ—вотъ я чого боюсь.
(Кое-гдѣ зажигаются факелы).

КОРИФЕЙ.

О, ты, Ясонъ, еще не знаешь бѣдствій
Послѣдняго предѣла—не звучать
Они еще въ твоихъ словахъ, несчастны.

Ясонъ.

Такъ гдѣ же онъ? Иль очередь за мной?

КОРИФЕЙ.

Дѣтей твоихъ, дѣтей ихъ мать убила.

Ясонъ.

Что говоришь? О смерть, о алая смерть!

КОРИФЕЙ.

Ихъ больше нѣть, ихъ больше нѣть на свѣтѣ.

Ясонъ.

Убила гдѣ-жъ, при вѣсѣ или въ дому?

КОРИФЕЙ.

Вели открыть ворота—самъ увидиши.

(Ясонъ идетъ къ средней двери и видя, что она заперта извнутри)

Гей! Вы, долой запоры, съ мосяковъ,
Срываютѣ двери—два несчастья видѣть
Хочу я, двухъ убитыхъ и злодѣйку.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Сцена наполняется страннымъ оранжевымъ светомъ. На алтарѣ колесница, запряженная крылатыми драконами. Въ ней Медея. Она сидитъ и у нея на колѣньяхъ два блѣдныхъ мальчика съ перерѣзанными гордами.

Ясонъ (перехрипнувъ отъ ярости голосомъ).

О, язвы! Нѣть, богамъ, и мнѣ, и всѣмъ,

Всѣмъ людямъ нѣтъ Медеи ненавистнѣй,
 Которая рожденью своему
 Дыханье перервать ножомъ дерзнула
 И умереть бездѣтнымъ мнѣ велить...
 И ты еще на солнце и на землю
 Рѣшаешься глядѣть, глаза свои,
 Насытивши безбожнымъ дерновемъ.
 О сгѣбни-жъ ты. Прозрѣль я, наконецъ.
 Одинъ стѣной могъ братъ тебя въ Элладу
 И въ свой чертогъ отъ варваровъ... Увы!
 Ты предала отца и землю ту,
 Которая тебя взостила, язва!..
 Ты демонъ тотъ была, которымъ боги
 Въ меня ударили...

Чтобы попасть

На нашъ корабль украшенный, ты брата
 Зарѣзала у алтаря. То быть
 Твой первый шагъ. Ты стала мнѣ женой
 И принесла дѣтей, и ты же ихъ
 По злобѣ на соперницу убила.
 Во всей Элладѣ нѣтъ подобныхъ женъ,
 А между тѣмъ я отдалъ предпочтѣмъ
 Тебѣ предь всѣми женами, и вотъ
 Несчастливъ я и разоренъ... Ты лвица,
 А не жена, и если сердце есть
 У Скиллы, такъ она тебя добрѣе.
 Но что тебѣ укоры? мириады
 Ихъ будь межъ усть, для дерзости твоей
 Они—ничто. Стынь съ глазъ моихъ, убѣща
 Дѣтей безстыжая. Оставь меня стонать.
 Женой не насладился и дѣтей
 Рожденныхъ мной, взлѣтѣянныхъ увы!
 Не обниму живыми—все погибло.

МЕДЕЯ.

Я многое сказала бы тебѣ
 Въ отвѣтъ на это. Но Кронидъ отецъ
 Все знаетъ, чтѣ я вынесла, и чтѣ

Я сдѣлала. Тебѣ же не придется,
Намъ опозоривъ ложе, услаждать
Себѣ, Ясонъ, существованье, чтобы
Смѣялись надъ Медеей. Ни твоя
Царевна, ни отецъ, ее вручавшій,
Изгнать меня, какъ видиши, не могли;
Ты можешь звать меня, какъ хочешь, львицей
Иль Скиллою Тирренской, твоего
Коснулась сердца я, и знаю больно...

Ясонъ.

И своего тѣмъ самыи—двухъ сердецъ.

Медея.

Легка мнѣ боль, коль ею смѣхъ твой прерванъ.

Ясонъ.

О дѣти, вы злодѣйкой рождены.

Медея.

И вѣсъ спубилъ недугъ отцовскій, дѣти!

Ясонъ.

Моя рука не убивала ихъ.

Медея.

Но грѣхъ убыть и новый бракъ невинныхъ.

Ясонъ.

Изъ ревности малютокъ заколоть...

Медея.

Ты думаешь,—для женщинъ это мало?

Ясонъ.

Не женщина. Змѣя ты, хуже змѣй...

Медея.

И все жь ихъ нѣтъ—и оттого ты страждешь.

Ясонъ.

Нѣть, есть они, и матери грозятъ...

Медея.

Виновника несчастій знаютъ боги.

Ясонъ.

И колдовство проклятое твое.

Медея.

Ты можешь ненавидѣть. Только молча.

Ясонъ.

Не слушая. Иль долго разойтись?..

Медея.

О, я давно горю желаньемъ этимъ...

Ясонъ

Дай мнѣ дѣтей, оплакавъ, схоронить...

Медея.

О нѣть! моя рука ихъ похоронить:
 Въ священную я рощу унесу
 Малютокъ, Геры Высей, и никто
 Тамъ вражеской десницей ихъ могилы
 Не осквернить... Въ Сизифовой же мы
 Землѣ обрядъ и праздникъ установимъ,
 Чтобъ искупить невинную ихъ кровь...
 Я ухожу въ предѣлы Эрехея...
 И съ сыномъ Пандиона раздѣлю,
 Съ Эгеемъ кровъ его. Тебѣ-жь осталось
 Злодѣйскую запечатлѣть свою

Такой же смертью жизнь,—а брака видѣль
Ты горькаго исходъ уже, Ясонъ...

Ясонъ.

О пустъ!
За дѣтскія жизни казнить
Тебя Эриннія кровавая и Правда!

Медея.

Кто слышитъ тебя изъ боговъ,
Ты, клятвоопреступникъ, — кто слышитъ?

Ясонъ.

Увы! Увы! Дѣтуубійца,

Медея.

Въ чертогъ воротись — хоронить
Ступай молодую жену.

Ясонъ (протягивая руки къ колеснице).

О дѣти, о двое дѣтей,
Отъ васъ ухожу я.

Медея.

Не плачь еще: рано —
Ты старость оплачешь.

Ясонъ (съ прежнимъ движениемъ).
Любимыя дѣти!

Медея.

Для матери, не для тебя,

Ясонъ.

Убийцъ... нѣтъ.

Медея.

Да, и тебе на горе...

Ясонь.

О, какъ горю я
Къ устамъ прижаться,
Къ устамъ ихъ дѣтскимъ.

Медея.

Ты оттолкнулъ ихъ...
Теперь и ласки,
И пощелуи...

Ясонь (преклоняя колѣна).

О, ради боговъ... О, дай мнѣ
Ихъ нѣжное тѣло
Обнять... только тронуть.

Медея.

Ты просишь напрасно. (Свѣть блѣднѣть).

Ясонь (вставая).

Зевсъ, о ты слышишь ли,
Какъ эта лвица,
Грязная эта убийца,
Что она съ нами
Дѣлаетъ, видишь ли?
Свидѣтелемъ будь намъ,
Что сколько я могъ,
И слезъ у меня
Сколько хватало,
Я умолялъ ее,
Она-же убивъ ихъ,
Насъ оттолкнула:
Рукой не дала мнѣ
До нихъ коснуться,
Похоронить ихъ...

О для того-ль,
Дѣти, рождалъ васъ
Я, чтобъ оставилъ
Мертвыхъ убийцъ?

(Падаетъ на землю съ плачомъ. Видѣніе исчезаетъ).

Хоръ (покиная оркестру).

Многое Зевсъ на Олимпѣ готовить,
Но многое боги даютъ безъ надежды...
И то не приходитъ, чего ожидаемъ,
И новому путь открываетъ безсмертный:
Такіе исходы бываютъ и въ жизни...

И. Ашменский.

РИМСКИЯ ТРИ ТРИБЫ.

Неуклонная преемственность въ развитіи общественныхъ учрежденій составляетъ одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ римскаго государственного быта. Даже такія явленія, которыя, по существу дѣла, представляли собою крутую ломку старины, какова конституція Сервія Туллія, или составляли нѣчто абсолютно новое, противное старинѣ, каковъ народный трибунатъ, даже такія явленія приспособлялись болѣе или менѣе къ существующимъ порядкамъ. Еще Августъ обеспечилъ успѣхъ своей монархіи возстановленіемъ республики, т.-е. приоровленіемъ нового положенія дѣль къ старымъ формамъ.

Благодаря такому дѣлкому преклоненію передъ *mos maiorum*, въ римскихъ учрежденіяхъ сохранилось чрезвычайно много пережитковъ древности, потерявшихъ нерѣдко всякое реальное содержаніе, но тѣмъ не менѣе удерживаемыхъ въ видѣ прочно установившагося обычая, унаследованного отъ давнихъ предковъ. Такого рода также и двойная центурія Тиціевъ, Рамновъ и Луцеровъ, которыя, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими слѣдами, до позднѣйшихъ временъ сохраняли память о доисторическомъ дѣлении римскаго народа на три части и о названіяхъ этихъ частей. Отсутствіе всякой другой исторической традиціи, кромѣ той, которая заключалась въ уцѣлѣвшихъ обычаяхъ, давало большой просторъ для возникновенія разныхъ гипотезъ, начиная съ римскихъ археологовъ и кончая литературой по этому вопросу изъ самаго послѣдняго времени. Въ предлагаемой здѣсь статьѣ мы имѣемъ въ виду обслѣдовать и установить прежде всего фактическую сторону материала, привлекаемаго къ решенію вопроса объ основныхъ трехъ трибахъ.

1. *Sex suffragia* и ихъ отличіе отъ XII centuriae equitum.

По порядкамъ подачи голосовъ въ реформированныхъ центуриатскихъ комісіяхъ центуриі всадниковъ дѣлились на двѣ группы. Одна изъ нихъ обозначалась терминомъ *duodecim centuriae equitum* или просто *equitum centuriae*, а другая — терминомъ *sex suffragia* или просто *suffragia*. Первая группа всадниковъ голосовала одновременно съ центуриями первого класса¹⁾, вторая приступала къ подачѣ голосовъ отдельно, уже по объявленіи (*renuntiatio*) результатовъ голосованія первого класса со включеніемъ 12 всадническихъ центурий. Второй классъ призывался къ голосованію только послѣ *sex suffragia*, которая, такимъ образомъ, составляла совершенно обособленную часть центуриатскихъ собраний, вставленную между двумя первыми классами. Этотъ порядокъ вполнѣ отчетливо засвидѣтельствованъ Цицерономъ (*Phil. II, 33, 82*): *Ecce Dolabellae comitiorum dies! Sortitio praerogativa. Quiescit. Renuntiatur. Tacet. Prima classis vocatur. Renuntiatur. Deinde, ita ut adsolet, suffragia. Tum secunda classis vocatur... Confecto negotio²⁾ bonus augur „alio die“ inquit.* Такъ понималъ это мѣсто, насколько дѣло касается *sex suffragia*, еще Нибуръ³⁾.

Несмотря на точную и ясную формулировку словъ Цицерона, его

¹⁾ При этомъ, однако, голоса всадническихъ центурий всегда считались отдельно отъ остальныхъ голосовъ первого класса. Ср. *Liv. XLIII, 16, 14*: *cum ex duodecim centuriis equitum octo censorem condemnassent multaque aliae primae classis.*

²⁾ Смысль выраженія „*confecto negotio*“ виденъ изъ *Cic. g. r. II, 22, 39*. Заявивъ здѣсь, что въ его время (*nunc videtis*) центурии первого класса вмѣстѣ съ 18 центуриями всадниковъ и центурией техниковъ имѣли всего 89 голосовъ, Цицеронъ продолжаетъ: *quibus octo solae (centuriae) si accesserint, confecta est vis populi universa*, т.-е. въ случаѣ единогласія всѣхъ 89 центурий, дѣло рѣшается 8-ю голосами изъ прочихъ классовъ. Такимъ образомъ въ дѣлѣ избрания Долабеллы въ консулы центурии второго класса пополнили законное количество избирательныхъ голосовъ (97), и Долабелла оказался избраннымъ (=*negotium confectum*). Но предсѣдательствующій консулъ Антоній, вмѣсто того чтобы объявить объ этомъ, сорвалъ собрание своимъ автурскимъ заявлениемъ: „*alio die*“. Но, впрочемъ, послѣ смерти Цезаря тотъ же Антоній молча согласился на занятіе Долабеллою консульской должности, несмотря на означеннное *vitium* (см. § 84 той же рѣчи).

³⁾ *Niebuhr, Röm. Gesch. III (1832), 398: So erkläre ich nun die bekannte Stelle der zweiten Philippica: die erste Klasse sind die Centurien der ländlichen Tribus mit den zwölf der Ritter; als dann werden die sex suffragia gerufen; zuletzt die Centurien der städtischen Tribus.* — Для временъ Цицерона Нибуръ принялъ всего только два класса вмѣсто прежнихъ пяти.

свидѣтельство считалось столь неправдоподобнымъ, что предпочтали искать въ этомъ мѣстѣ порчу текста ⁴⁾), причемъ были предложены два различные способы конъюнктурального „исправленія“: одни зачеркивали второе renuntiatur и принимали предложеніе „deinde ita ut adsolet suffragia“, въ смыслѣ зачеркиваемаго renuntiatur, объ объявленіи голосовъ (suffragia) первого класса; другіе оставляли renuntiatur на свое мѣсто, но зато передѣливали слова „suffragiatum“ въ suffragatur съ отнесеніемъ ко второму классу: deinde ita ut adsolet suffragatur secunda classis. Съ такимъ исправленіемъ текста согласился и Моммзенъ въ своихъ „Римскихъ изслѣдованіяхъ“ ⁵⁾; но въ „Государственномъ правѣ“ возвратился къ мнѣнію Нибура ⁶⁾). Дѣйствительно, нѣть никакой причины къ исправленію текста.

Правда, фактъ голосованія всадническихъ sex suffragia посль первого класса, отдѣльно отъ прочихъ центурій всадниковъ, самъ по себѣ загадоченъ. Но онъ подтверждается косвенно также и гипотезой Веррія Флакка у Феста ⁷⁾ о томъ, что sex suffragia прибавлены были въ тѣмъ 12 центуріямъ всадниковъ, которая учредилъ Тарквіній Старшій. Такоже и Ливій, въ изложеніи конституції Сервія Туллія, упоминаетъ о sex suffragia посль XII centuriae equitum ⁸⁾.

Впрочемъ Моммзенъ, оспаривая правильность заявленія Цицерона, преслѣдовавъ при этомъ специальную цѣль — отвергнуть патриціанскій характеръ этихъ sex suffragia. Для этой цѣли и требовалось умалить, по возможности, ихъ значеніе. Подъ этимъ угломъ зрѣнія Моммзенъ разсматривалъ также и то мѣсто Ливія ⁹⁾), где послѣдний, сообщая о судѣ надъ цензорами Г. Клавдіемъ и Тиб. Семіоніемъ, упоминаетъ только о XII centuriae equitum. По мнѣнію Моммзена, Ливій умалчиваетъ здѣсь о sex suffragia вслѣдствіе ихъ маловажности, такъ что автору и не стоило упоминать о нихъ. Однако это умолчаніе могло

⁴⁾ Такъ, напримѣръ, *Halm* въ свое мѣсто изданія первыхъ двухъ „Филиппикъ“ (1-е изд. 1870 г.) посватилъ этому мѣсту особый „критический“ экскурсъ.

⁵⁾ *MommSEN*, Röm. Forsch. I, 135 сл.

⁶⁾ *MommSEN*, Röm. St.-R. III, 292.

⁷⁾ Fest. p. 334: Sex suffragia appellantur in equitum centuriis, quae sunt adiectae ei numero centuriarum, quas Priscus Tarquinius rex constituit.

⁸⁾ Liv. I, 43, 8—9: equitum ex primoribus civitatis duodecim scripsit centurias; sex item alias centurias... sub isdem, quibus inaugurate erant, nominibus fecit.

⁹⁾ Liv. XLIII, 16, 14: cum ex duodecim centuriis equitum octo censorem condemnassent multaque aliae primae classis, extemplo principes civitatis... vestem mutarunt, ut supplices plebem circumirent.

произойти и отъ того, что sex suffragia не принадлежали къ числу тѣхъ, которые подали голосъ противъ обоихъ цензоровъ¹⁰⁾, или же, и это болѣе правдоподобно, описанная Ливіемъ сцена имѣла мѣсто послѣ объявленія результатовъ голосованія первого класса со включеніемъ XII centuriae equitum, во время голосованія вызванныхъ всѣдѣль за этимъ sex suffragia и, слѣдовательно, раньше выясненія результата въ этихъ центуріяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ это мѣсто Ливія служить прямымъ подтвержденіемъ словъ Цицерона во второй „Филиппикѣ“. Впослѣдствіи самъ Моммзенъ отказался отъ своего взгляда на соціальное положеніе всадническихъ sex suffragia и возвратился къ обычному мнѣнію, что это были первоначально центуріи патриціанскихъ всадниковъ въ противоположность къ плебейскимъ (будто бы XII centuriae equitum¹¹⁾), какъ это принимали раньше Нибуръ и Швеглеръ¹²⁾.

Изъ возраженій Моммзена противъ патриціанскаго характера шести suffragia заслуживаетъ вниманіе его ссылка на тѣ мѣста Цицерона и Ливія¹³⁾, въ которыхъ оба автора, разбирая вопросъ о послѣдствіяхъ возможнаго прекращенія патриціанскихъ gentes, не упоминаютъ о sex suffragia, какъ будто прекращеніе сословія патриціевъ не можетъ повлечь за собою упраздненія и этихъ центурій. Однако изъ умолчанія о sex suffragia въ указанныхъ мѣстахъ Цицерона и Ливія можно вывести лишь заключеніе, что въ концѣ республики эти всадническія центуріи не были уже чисто патриціанскими, будучи доступны также и плебеямъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что это было всегда такъ. Въ официальной терминологіи цензорской *discriptio classium* эти центуріи назывались *centuriae procum patricium*¹⁴⁾. Поэтому правдоподобно, что центуріи шести suffragia нѣкогда въ самомъ дѣлѣ составлялись изъ настоящихъ патриціевъ, но въ вѣкъ Цицерона онѣ были патриціанскими уже только въ томъ же смыслѣ и на томъ же

¹⁰⁾ Это толкованіе принято вами въ „Очеркѣ римскихъ государственныхъ древностей“, 347¹.

¹¹⁾ *MommSEN*, St.-R. III, 292: die sechs patrizischen Rittercenturien; ср. 109¹.

¹²⁾ *Niebuhr*, I⁴, 461. *SchweGLER*, I, 756: diese drei natürliche patrizischen Doppelcenturien.

¹³⁾ *Cic. de domo*, 14, 38. *Liv. VI*, 41.

¹⁴⁾ *Fest. p. 249: procum patricium in discriptione classium, quam fecit Ser. Tullius, significat procorum. См. ниже, гл. 9.*

основанії, какъ и *magistratus patricii*, а равно и тѣ „патріції“, которые избирали интеррекса¹⁵⁾.

Различіе между *sex suffragia* и XII centuriae equitum, во всякомъ случаѣ, не могло быть придумано реформаторомъ центуриатскихъ коміцій (въ промежуткѣ времени между 1-й и 2-й Пуніческими войнами). Напротивъ, ихъ патріціанскій характеръ, ихъ устарѣлые названія и не вызываемая никакою практическою надобностью двойственная организація — все это указываетъ на давнее происхожденіе этихъ особенностей, перенесенныхъ въ новые порядки въ видѣ переживалія старины. Но въ то же время своеобразное распределеніе обоихъ разрядовъ всадническихъ центурій свидѣтельствуетъ о какомъ-то измѣненіи условій, опредѣлявшихъ положеніе того и другого разряда. Количество центурій всадниковъ было одинаково какъ до реформы центуриатскихъ коміцій, такъ и послѣ реформы, именно 18. Но между тѣмъ какъ въ прежнія времена всѣ эти центуріи всадниковъ подавали свои голоса впереди центурій первого класса, являясь такимъ образомъ на положенії *centuriae praerogativaе*¹⁶⁾, послѣ реформы, напротивъ, одна часть всадническихъ центурій соединена была съ первымъ классомъ, въ то время какъ другая часть, состоящая изъ *sex suffragia*, поставлена въ всякой связи съ какимъ бы то ни было классомъ, получивъ самостоятельное и отдельное мѣсто между первымъ и вторымъ классами. Такое распределеніе обоихъ разрядовъ заключаетъ въ себѣ достаточно данныхъ для опредѣленія тѣхъ обстоятельствъ, которыми обусловливалось присвоеніе каждому изъ этихъ разрядовъ присущаго ему впослѣдствіи мѣста.

Реформа центуриатскихъ коміцій, несомнѣнно, коренилась въ стремлении придать этимъ собраниямъ болѣе демократическую окраску. Тѣмъ не менѣе невозможно думать, что *sex suffragia* отдѣлены отъ прочихъ всадниковъ и поставлены ниже первого класса только потому, что это были патріціанскія центуріи. Такое предположеніе было бы противно фактическомууваженію къ патріціанскому званію, такъ какъ до позднѣйшихъ временъ республики родовитые патріциі всегда имѣли преимущество передъ плебеями, хотя бы и дослужившимися до патріціанскихъ должностей; такъ это было въ дѣлѣ составленія спи-

¹⁵⁾ См. „Очеркъ“, 243.

¹⁶⁾ Liv. I, 43, 3: *equites vocabantur primi; octoginta inde primae classis centuriae vocabantur; X, 22, 1: eum et praerogativaе (=всадническія центуріи) et primo vocatae omnes centuriae (=центуріи первого класса) consulem dicebant.*

ска сенаторовъ съ патриціанскимъ *princeps senatus* во главѣ, и такъ это было также по отношенію къ избранію патриціанскаго интеррекса собраніемъ сенаторовъ, состоявшимъ не только изъ родовитыхъ, но и изъ служилыхъ патриціевъ. Если бы принимался во вниманіе только сословный характеръ всадническихъ центурій, то *sex suffragia*, разъ онъ состояли бы исключительно изъ родовитыхъ патриціевъ, навѣро, продолжали бы числиться во главѣ всѣхъ всадниковъ. Изъ этого слѣдуетъ, что уже во время реформы центуріатскихъ комицій оба разряда всадниковъ не могли отличаться одинъ отъ другого въ сословномъ отношеніи. Причина ихъ различія, вызвавшаго назначеніе имъ различныхъ мѣстъ, должна была заключаться въ чёмъ-либо другомъ.

Въ отличіе отъ патриціанскихъ *sex suffragia*, остальные XII centuriae equitum считаются плебейскими. Однако для такого мнѣнія, поддерживаемаго и Швеглеромъ и Моммаеномъ¹⁷⁾, не имѣется рѣшительно никакихъ данныхъ. Всѣ авторы, касающіеся вопроса о про-исходеніи всадническихъ центурій, указываютъ лишь на вышестоящій цензъ, какъ условіе принадлежности къ сервіевымъ центуріямъ всадниковъ¹⁸⁾, да еще на знатность рода вообще, безъ малѣйшаго намека на сословность¹⁹⁾. А специально по отношенію къ XII centuriae equitum Ливій прямо заявляетъ, что онѣ состояли изъ *primores civitatis* вообще, а не изъ членовъ какого-либо отдѣльного сословія²⁰⁾. Цицеронъ же распространяетъ это на всѣ 18 центурій, т.-е. какъ на XII centuriae equitum, такъ и на *sex suffragia*²¹⁾, чтò и доказываетъ, что Цицеронъ не зналъ никакого различія между обоими разрядами всадниковъ въ сословномъ отношеніи. Въ его время оба разряда были одинаково доступны обоимъ сословіямъ, несмотря на то, что *sex suffragia* продолжали называться centuriae proscum patricium.

Но долженъ же быть существовать какой-либо критерій для за-численія отдѣльныхъ лицъ въ ту или другую группу всадниковъ. Этотъ-то критерій можетъ быть извлеченъ изъ порядка подачи голосовъ обоихъ разрядовъ всадниковъ въ реформированныхъ центуріатскихъ комиціяхъ. Въ виду тимократического принципа распределенія

¹⁷⁾ См. выше, прим. 11 и 12.

¹⁸⁾ Cic. r. II, 22, 29: duodeviginti (centurias) censu maximo.

¹⁹⁾ Dion. IV, 18: τὸ τῶν ἵππων πλῆθος ἐπέλεγεν ἐκ τῶν ἔγιντων τῷ μέγιστον τίμημα καὶ κατά γένος ἐπιφράζων.

²⁰⁾ Liv. I, 43, 8: equitum ex primoribus civitatis duodecim scripsit centurias.

²¹⁾ Cic. r. II, 23, 39: deinde, equitum magno numero ex omni populi summa separato, reliquum populum distribuit.

гражданъ на классы, также и различіе обоихъ разрядовъ всадниковъ необходамо искать въ различіи ихъ имущественнаго ценза. Приписка XII centuriae къ первому классу является доказательствомъ того, что граждане, зачисленные въ эти центурии всадниковъ, обладали полнымъ цензомъ первого класса, и даже въ повышенномъ размѣрѣ, съ тѣхъ поръ какъ былъ введенъ особый всаднический цензъ. Напротивъ, sex suffragia были исключены изъ первого класса, очевидно, вслѣдствіе того, что не обладали цензомъ, который давалъ бы имъ право числиться въ первомъ классѣ. Въ то же время эти sex suffragia не были приписаны ни къ какому другому классу. Стало быть, ихъ цензъ не соотвѣтствовалъ первому классу, будучи ниже его, но въ то же время не подходилъ и къ имущественнымъ условіямъ какого-либо другого опредѣленного класса. Въ послѣднемъ случаѣ sex suffragia были бы отнесены, конечно, къ соотвѣтственному имущественному разряду. Разъ эти центурии остались внѣ всякой связи съ какимъ бы то ни было классомъ, то изъ этого слѣдуетъ, что ихъ цензъ и оказывался неопредѣленнымъ. А это могло зависѣть только отъ того, что имущественное положеніе членовъ этихъ центурий было самое разнообразное, но такъ что вообще оно было ниже ценза первого класса.

На этомъ основаніи личный составъ всадническихъ sex suffragia послѣ реформы центуриатскихъ комицій представляется въ слѣдующемъ видѣ. Sex suffragia состояли изъ просі patriciі. Но такъ какъ эти центурии, какъ и остальная всадническая, были доступны обоимъ сословіямъ, то необходимо разумѣть здѣсь терминъ patriciі не въ узкомъ смыслѣ старого патриціата. Въ составѣ sex suffragia зачислялись такимъ образомъ не только родовитые патриціи, но и служилые „патриціи“, т. е. такие плебеи, которые сами или отцы которыхъ достигали какой-либо патриціанской (курульной) должности. Притомъ тѣ и другие зачислялись въ sex suffragia только въ томъ случаѣ, если у нихъ не было полнаго ценза первого класса. Напротивъ, въ составѣ XII centuriae equitum, принадлежавшихъ къ первому классу, числились всѣ тѣ, кто имѣлъ на это право въ силу наивысшаго ценза безъ всякаго отношенія къ сословію.

При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно, если въ реформированныхъ центуриатскихъ комиціяхъ патриціанская sex suffragia являются какъ бы только своеобразнымъ придаткомъ къ главнымъ всадническимъ центуриямъ первого класса, что и подало поводъ къ возникновенію гипотезы о позднѣйшемъ, дополнительномъ, образованіи этихъ sex

suffragia, въ придачу къ первоначальнымъ XII centuriae equitum ²²⁾). Имущественное различие обоихъ разрядовъ всадническихъ центурій, опредѣлявшее ихъ мѣсто въ реформированныхъ центуріатскихъ комиціяхъ, выработалось въ этомъ видѣ, безъ сомнѣнія, еще раньше самой реформы. Различie мѣста въ *descriptio classium*, указанное реформой для обоихъ разрядовъ всадниковъ, могло вытекать только уже изъ фактическаго положенія дѣла. Однако невозможно думать, что то имущественное различие обоихъ разрядовъ, которое было принято во вниманіе реформаторомъ центуріатскихъ комицій, существовало въ томъ же именно видѣ съ самого начала введенія конституції Сервія Туллія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ очевидно, что съ тѣкъ поръ, какъ установилось различие этихъ двухъ разрядовъ всадниковъ, составъ одного разряда опредѣлялся по цензу, а составъ другого—патриціанскимъ достоинствомъ зачисляемыхъ въ него гражданъ, не обладавшихъ цензомъ первого класса.

При этомъ замѣчательно, что ни одинъ изъ древнихъ писателей не приписываетъ самому Сервію Туллію установленія особаго всадническаго ценза. Такого указанія не находили въ своихъ источникахъ ни Цицеронъ, ни Діонісій Галикарнасскій. Первый говорить только вообще: *censu maximo* ²³⁾, а второй, касаясь неоднократно этого вопроса, очевидно, подразумѣваетъ для древнѣйшихъ временъ республики просто цензъ первого класса также и у всадниковъ ²⁴⁾. Еще Нибурь ²⁵⁾ вывелъ отсюда заключеніе, что, въ самомъ дѣлѣ, первоначально вовсе не было особаго всадническаго ценза и что таковой установленія только съ теченіемъ времени. Его мнѣніе принято и послѣдующими изслѣдователями, обнаруживающими разногласіе только въ вопросѣ о времени введенія такого ценза.

Однако этотъ выводъ можетъ быть еще болѣе расширенъ въ томъ смыслѣ, что Сервій Туллій не только не установилъ особаго всадническаго ценза, но даже и самую принадлежность къ всадническимъ центуріямъ сдѣлалъ зависящую не столько отъ ценза, сколько отъ происхожденія. Иными словами: въ первоначальной формѣ конституції Сервія Туллія на положеніи всадническихъ центурій являлись одинъ только *sex suffragia*, цензъ которыхъ до позднѣйшихъ временъ

²²⁾ Fest. p. 334. Liv. I, 43, 8.

²³⁾ Cic. r. II, 22, 39.

²⁴⁾ См. Schwegler, I, 759¹.

²⁵⁾ Niebuhr, I⁴, 456 сл.

оставался неопределеннымъ, въ то время какъ XII centuriae equitum, для которыхъ обязателенъ былъ цензъ первого класса, созданы только уже впослѣдствіи, дополнительнымъ образомъ, на новыхъ началахъ. Уже самыи фактъ существованія двухъ разрядовъ всадниковъ, подъ разными названіями и въ различномъ отношеніи къ имущественнымъ классамъ, наводить на мысль, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ двумя разновременными наслоеніями, однимъ болѣе древнимъ, другимъ болѣе позднімъ. Да и вообще организацію Сервія Туллія нельзѧ считать сложившуюся однимъ разомъ въ томъ именно видѣ, въ какомъ застала ея реформаторъ центуриатскихъ коміцій послѣ Первой Пунической войны. По менѣшей мѣрѣ сумма ценза у Ливія и Діонісія, а также и вооруженіе классовъ въ данной формѣ, несомнѣнно, принадлежитъ уже времени, болѣе позднему, чѣмъ время Сервія Туллія. Также и пятый классъ, по всѣмъ признакамъ, составляетъ уже позднѣйшее дополненіе къ первоначальнымъ четыремъ классамъ, учрежденнымъ Сервіемъ Тулліемъ.

Всаднический цензъ упоминается у Ливія впервые въ разсказѣ о событияхъ, связанныхъ съ осадою Вей²⁶⁾). Обращаетъ на себя вниманіе то, что Ливій говорить здесь только вообще о цензѣ всадниковъ, не указывая позднѣйшей суммы этого ценза²⁷⁾). Сообщаемыя Ливіемъ свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ допускаютъ возможность предположить, что всаднический цензъ, дѣйствительно, появился впервые только во время осады Вей, но только не въ смыслѣ установленія позднѣйшаго особаго ценза для всадниковъ въ размѣрѣ 1.000.000 ассовъ (= 400.000 сестерціевъ). Напротивъ, можно полагать, что въ періодъ послѣдней войны противъ Вей, кончившейся паденіемъ этого города, къ образованію всадническихъ центурий впервые примѣненъ былъ принципъ имущественнаго ценза вообще, въ то время какъ раньше центурии всадниковъ составлялись независимо отъ ценза. Другими словами, наряду съ прежними патриціанскими sex suffragia во времія осады Вей образованы были вновь XII centuriae equitum изъ гражданъ, имѣвшихъ наивысшій цензъ и вслѣдствіе этого принадлежавшихъ къ первому имущественному классу. Мало того, одновременно со этимъ организованъ былъ впервые также и 5-ый классъ пѣшихъ центурий.

Въ 403 году, по разсказу Ливія, въ виду неблагопріятныхъ извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій, граждане, которые владѣли всад-

²⁶⁾ Liv. V, 7, 5: quibus census equester erat.

²⁷⁾ Ср. напр. Lange, Röm. Alt. II. 20.

ническимъ цензомъ, но не были зачислены въ центурии всадниковъ, добровольно предложили сенату свои услуги для службы въ конницѣ, заявивъ при этомъ о своемъ желаніи пріобрѣтать лошадей на свои собственные средства ²⁸). Вмѣстѣ съ тѣмъ и простой плебесь, узнавъ объ этомъ предложеніи своихъ богатыхъ согражданъ и не желая отстать отъ нихъ, съ своей стороны также пожелалъ быть привлеченнымъ къ службѣ въ пѣхотѣ, обѣщая служить республикѣ, гдѣ только окажется нужнымъ; при этомъ они ссыпались на то, что теперь они принадлежать къ пѣщему сословію (*pedestris ordinis*), и указывали на свою готовность служить „внѣ заведенного порядка (*extra ordinem*)“ ²⁹). Предложеніе тѣхъ и другихъ, какъ всадниковъ, такъ и пѣшихъ, принято было съ необычайнымъ восторгомъ со стороны всего населенія города, причемъ „сверхштатные пѣхотинцы“ (*extra ordinem professi*) всепрѣло сравнены были съ остальными относительно жалованья, въ то время какъ для всадниковъ назначена лишь „нѣкоторая сумма денегъ“ ³⁰). Тогда-то всадники впервые начали служить на своихъ собственныхъ лошадяхъ ³¹): такъ заканчиваеть Ливій свой рассказъ.

Учрежденій такимъ образомъ новый разрядъ конницы въ новѣйшей наукѣ принято называть „*equites equo privato*“ ³²). Введеніе такого термина внесло большую неясность въ этуоть отдѣльную науку о римскихъ древностяхъ. Такъ, напр., Моммзенъ ³³ въ обычномъ своемъ доктринальскомъ тонѣ излагаетъ это дѣло въ слѣдующемъ видѣ: „Когда около половины IV столѣтія города, наряду со службой на казенныхъ лошадяхъ, вошла въ употребленіе и служба на собственныхъ лошадяхъ (*equo privato*), то вмѣстѣ съ этимъ установилось съ одной стороны право полководца самому производить наборъ гражданъ для конницы, а съ другой—цензорское право опредѣлять квалификацію для

²⁸) Liv. V, 7, 5: *cum repente, quibus census equester erat, equi publici non erant assignati, senatum adeunt factaque dicendi potestate quis se suis stipendia facturos promittunt.*

²⁹) Ib. § 7: *subito ad curiam concursus fit plebis; pedestris ordinis se aiunt nunc esse operamque rei publicae extra ordinem polliceri, seu Veios seu quo alio ducere velint.*

³⁰) Ib. § 12: *omnibus his voluntariam extra ordinem professis militiam aeru procedere; et equiti certus numerus aeris est adsignatus.*

³¹) Ib. § 13: *tunc primum equis suis merere equites cooperentur.*

³²) Напр. Mommsen, St.-R. III, 259.—Особенно злоупотреблять этимъ терминомъ Bellot, *Histoire des chevaliers Romains*, 1866.

³³) Mommsen, I. c.

такой службы; все это было чисто военное дѣло и никакъ не касалось политическихъ центурій всадниковъ *equo publico*, но все-таки всадническій цензъ распространенъ также на тѣхъ, кто получалъ казенную лошадь". Такая комбинація, преподанная Моммзеномъ, какъ несомнѣнная истинка, представляеть собою сплошной произволъ во всѣхъ отношеніяхъ. Что касается въ частности оборота *equo privato*, то сами римляне никогда не употребляли ходячаго нынѣ термина: *equites equo privato* въ томъ техническомъ смыслѣ, который присущъ былъ термину: *equites equo publico*. Всѣ *equites Romani*, въ техническомъ смыслѣ этого термина, всегда считались служащими *equo publico*, чтѣ потомъ перешло и въ императорскій періодъ, какъ *terminus technicus* для обозначенія всадническаго сословія вообще. Всадниковъ *equo privato*, въ смыслѣ особаго разряда *equites Romani*, какъ въ военной службѣ, такъ и въ политическомъ отношеніи, вовсе не было. Правда, само по себѣ и это выраженіе вполнѣ возможно для обозначенія коннаго гражданина, не принадлежащаго къ всадническимъ центуріямъ или вообще къ сословію всадниковъ. Въ этомъ смыслѣ оно употреблено Ливіемъ въ разсказѣ о наказаніи, постигшемъ одну часть римскихъ всадниковъ послѣ битвы при Каннахъ: цензоры „отняли у нихъ лошадей“ (*equi adempti*), т. е. исключили ихъ изъ состава всадническихъ центурій или, иначе говоря, изъ числа *equites equo publico*, причемъ этихъ же всадниковъ, у которыхъ „отняты были лошади“, заставили вновь отбывать воинскую повинность, а именно опять въ кавалеріи. Объ этой-то конной службѣ исключенныхъ изъ *equites equo publico* Ливій и употребляетъ выражение: *equis privatis*³⁴⁾). Ясно, что это нечто совершенно отличное отъ того представлениія, которое соединяется съ употребляемымъ нынѣ терминомъ: *equites equo privato*: тамъ это—наказаніе, здѣсь же предполагается полная равнотѣнность съ *equites equo publico*. Ирнимаемое теперь различие между тѣмъ и другимъ разрядомъ заключается будто бы въ томъ, что одни принадлежали къ центуріямъ всадниковъ, другіе не принадлежали; одни получали лошадей отъ казны, другіе приобрѣтали ихъ на свой счетъ. Однако о такомъ различіи всаднической службы нигдѣ не упоминается, а дѣй-

³⁴⁾ Liv. XXVII, 11: *illis omnibus adempti equi*, qui Cannensium legionum *equites* in Sicilia erant; addiderunt acerbitate etiam tempus, ne praeterita stipendia procederent iis, quae *equo publico* emeruerant, sed dena stipendia *equis privatis* facerent.—Слѣдуетъ обратить вниманіе также на множественное число въ *equis privatis*; въ техническомъ терминѣ: *equites equo publico* всегда бываетъ единственное число.

ствія цензоровъ, смотрѣвшихъ на службу *equis privatis*, какъ на наказаніе, прямо противорѣчить разсказу того же Ливія о возникновеніи нового разряда всадниковъ во время осады Вей; этотъ новый разрядъ совсѣмъ не похожъ на какіе-то штрафные эскадроны.

Притомъ Ливій, сообщая обѣ учрежденіи нового всадническаго разряда, вовсе не употребляетъ термина: *equo privato* или *equis privatis*, а, напротивъ, два раза повторяетъ: *equis suis*. А это не все равно. Выраженіе: *equo publico* обозначаетъ лишь вообще, что гражданинъ числится въ офиціальныхъ цензорскихъ спискахъ всадническихъ центурій; но этимъ вовсе не предрѣшается вопросъ о способѣ приобрѣтенія лошади. Подобнымъ образомъ Ливій, разсказывая о наказаніи всадниковъ послѣ битвы при Каннахъ, указываетъ въ качествѣ усиленія этого наказанія только на *tempus*, причемъ выраженіе *equis privatis* имѣть значеніе лишь характеристики ихъ позднѣйшаго положенія, въ противоположность къ прежней службѣ *equo publico*; если бы онъ желалъ указать, что наказанныхъ всадниковъ заставили приобрѣсти лошадей непремѣнно за свой собственный счетъ, то конструкція мѣста должна была быть совсѣмъ иная: указаніе на *equis privatis* находилось бы въ грамматической связи съ предложениемъ „*addiderunt acerbitati etiam tempus*“.

Впрочемъ, выраженіе: *equo publico* ясно свидѣтельствуетъ, что иѣкогда, въ самомъ дѣлѣ, всѣ всадники получали лошадей отъ казны, путемъ выдачи особыхъ суммъ для приобрѣтенія (*aes equestre*) и содержанія (*aes hordearium*) этихъ лошадей. Это измѣнилось со времени осады Вей. По словамъ Ливія, тогда впервые вошло въ обычай, что иѣкоторая часть всадниковъ стала являться на службу на своихъ собственныхъ лошадяхъ (*equis suis*) или, иначе говоря, безъ получения казеннаго *aes equestre* и *aes hordearium*. Въ послѣдующія времена, повидимому, совсѣмъ прекратилась выдача всадникамъ казенныхъ лошадей или, что все равно, выдача *aes equestre* и *aes hordearium*. Такъ нужно заключить изъ формулы обращенія цензоровъ къ исключаемому изъ списковъ всаднику: *vende equum* „можешь продать свою лошадь за ненадобностью“ ³⁴⁾). Если бы всадническія лошади составляли казенное имущество, то слѣдовало бы ожидать требованія о возвратѣ лошади, или же скорѣе о возвращеніи полученнаго всадникомъ *aes equestre*, а не о продажѣ ³⁵⁾). Во время реформы

³⁴⁾ Liv. XXIX, 37: *M. Livius vendere equum C. Claudium iussit.*

³⁵⁾ Тѣмъ болѣе, что продажа конфискованного имущества входила въ компетенцію весторовъ, а не наказуемаго гражданина.

центуріатскихъ комісіяхъ, послѣ Первой Пуніческой войны, обычай выдачи обоихъ аега еще существовалъ, по крайней мѣрѣ въ principio, хотя вопросъ объ уничтоженіи этихъ аега (точнѣе, о вычетѣ ихъ изъ получаемаго всадникомъ жалованья) возникъ еще въ 342 году ³⁶⁾). Изъ позднѣйшихъ временъ не имѣется никакихъ данныхъ, которыя могли бы свидѣтельствовать о фактическомъ продолженіи этого обычая. Оба эти аега позднѣе были известны, повидимому, уже только по официальному формуляру цензорской *discriptio classium*, а также и въ школахъ риторовъ, въ качествѣ задачи на упражненія по вопросу о *pignoris capio* ³⁷⁾). Исчезновенію всадническихъ аес equestre и аес hordearium должно было содѣйствовать именно то обстоятельство, что одна часть всадниковъ съ самаго же начала служила equis suis, т.-е. не получала ни того, ни другого аес.

Есть указаніе, что деньги на приобрѣтеніе лошади (аес equestre) выдавались именно всадникамъ, входившимъ въ составъ старыхъ зех *suffragia*. Граній Лициніанъ сообщаетъ, что Тарквіній Старшій ввѣль двойныхъ центурій по той причинѣ, что первыя центуріи (*priores*) должны были являться на службу при двухъ лошадяхъ ³⁸⁾). Выдаваемое съ этой цѣлью двойное аес equestre называлось аес pararium ³⁹⁾. Изъ этого можно заключить, что тѣхъ всадниковъ, которые служили equis suis, слѣдуетъ искать въ составѣ XII centuriae equitum.

Къ такому же заключенію приводить и разборъ разсказа Ливія объ учрежденіи нового разряда всадниковъ въ періодъ осады Вей. Нѣкоторыя несообразности въ этомъ разсказѣ показываютъ, что тутъ имѣемъ дѣло уже съ переработкой подлинника, изображавшаго это событие въ иномъ освѣщеніи. Особенно любопытна фраза: *pedestris ordinis se aiunt nunc esse*, которая въ данномъ у Ливія контекстѣ является довольно загадочной. Въ частности по отношенію къ всадникамъ Ливій сначала говоритъ, что добровольное предложеніе о службѣ въ конницѣ исходило отъ богатыхъ гражданъ, владѣвшихъ

³⁶⁾ Liv. VII, 41, 8: *acque impotens postulatum fuit, ut de stipendio equitum—merabant autem triplex ea tempestate — aera demerentur.* Моммзенъ (St.-R. III, 257⁹) безъ всякаго основанія ограничиваетъ это однѣмъ только аес hordearium.

³⁷⁾ Моммзенъ, St.-R. III, 257⁹.

³⁸⁾ Gran. Licinian. XXVI: *de equitibus non omittam, quos Tarquinius duplicitavit, ut priores equites binos equos in proelium ducerent.*

³⁹⁾ Fest. p. 221: *paribus equis id est duobus, Romani utebantur in proelio. Pararium aerarium aces appellabatur id quod equitibus duplex pro binis equis dabatur.*

всадническимъ цензомъ, а въ концѣ разсказа онъ заявляетъ, что изъ этихъ новыхъ всадниковъ все-таки отчислена была иѣкоторая сумма денегъ (*certus numerus aeris*). Изъ контекста видно, что самъ Ливій представлялъ себѣ эти деньги въ смыслѣ жалованья для всадниковъ. Но въ то время какъ новые пѣхотинцы, всѣ безъ исключенія, получили жалованье, между всадниками, напротивъ, проводилось какое-то различіе: жалованье назначено было только извѣстному количеству всадниковъ. Если бы это было дѣйствительно такъ, то изъ этого слѣдовало бы, что и между новыми всадниками были такие, которые нуждались въ получении жалованья наравнѣ съ бѣдными пѣхотинцами, въ то время какъ другіе въ этомъ не нуждались. Въ такомъ случаѣ новый разрядъ всадниковъ состоялся не изъ однихъ только богатыхъ гражданъ, какъ объ этомъ заявляетъ Ливій въ началѣ своего разсказа. Если же, наоборотъ, вѣрно это заявленіе о богатствѣ новыхъ всадниковъ, то назначеніе жалованья могло касаться не этого разряда, а другихъ какихъ-то всадниковъ. Послѣдняя возможность не исключена и словами самого Ливія, почерпнутыми имъ въ данной общей формулировкѣ, повидимому, изъ текста своего источника: *et equiti certus numerus aeris est adsignatus*. Въ этомъ случаѣ мы имѣли бы здѣсь подобное различіе между всадниками въ имущественномъ отношеніи, какое выше констатировано для реформированныхъ центуріатскихъ комісій: одинъ разрядъ всадниковъ, именно *sex suffragia*, въ виду ихъ неопределенного ценза, могъ нуждаться въ жалованьѣ для иѣкоторыхъ своихъ членовъ, другой же разрядъ въ этомъ не нуждался, такъ какъ состоялъ изъ богатыхъ гражданъ, владѣвшихъ всадническимъ цензомъ. Такими и были XII centuria equitum.

Однако правдоподѣбно, что въ источнике Ливія здѣсь вовсе не было рѣчи о жалованьѣ для всадниковъ. Фраза: *equiti certus numerus aeris est adsignatus* могла тамъ имѣть, въ иѣсколько иномъ контекстѣ, совершенно другой смыслъ. Жалованье получали (неизвѣстно, съ какого времени) всѣ всадники, а именно въ тройномъ размѣрѣ (*triplex stipendium*) въ сравненіи съ пѣхотинцами. Количество же этихъ всадническихъ пайковъ или, иначе говоря, количество всадническихъ вакансій обозначалось словомъ *aera equestria*, какъ видно изъ фрагментовъ рѣчи Старшаго Катона, *qua suasit ut plura aera equestria fierent*⁴⁰⁾. Предложеніе Катона состояло въ томъ, чтобы

⁴⁰⁾ Моккзенъ (St.-R. III, 259°) принимаетъ слѣдующее чтеніе этихъ фрагментовъ:

впредь было всѣхъ всадническихъ пайковъ жалованья 2.200 вмѣсто прежнихъ 1.800, чтоб и равнялось увеличенію числа всадниковъ путемъ учрежденія новыхъ 400 вакансій. Согласно съ этой терминологіей также и источникъ Ливія могъ говорить о томъ, что во время осады Вей учреждено известное количество всадническихъ пайковъ жалованья. Иными словами, источникъ Ливія могъ подразумѣвать именно то, что и составляеть главную суть этого разсказа въ данной Ли-віемъ формѣ, именно учрежденіе известнаго количества новыхъ всадническихъ вакансій въ дополненіе къ прежде существовавшимъ.

Не совсѣмъ складно и то, что Ливій ведеть рѣчь объ этомъ нововведеніи исключительно только съ военной точки зрењія, въ чемъ ему, впрочемъ, слѣдуютъ и новѣйшіе ученые, въ томъ числѣ также и Моммзенъ ⁴¹⁾). Однако еще Швеглеръ ⁴²⁾ обращаетъ вниманіе на то, что, когда дѣло касалось осады города, то вовсе не представлялось особенной надобности въ усиленіи именно конніцы, тѣмъ болѣе что, по изложенію Ливія, весь этотъ вопросъ возникъ всѣдь за получениемъ известія о томъ, что веентиане, сдѣлавъ удачную вылазку изъ осажденнаго римлянами города, сожгли римскія осадныя сооруженія. Слѣдовательно, вмѣсто увеличенія количества всадниковъ было бы гораздо полезнѣе послать туда отрядъ рабочихъ и мастеровъ на помощь войску при возстановленіи сожженнаго сооруженій. Къ этому присоединяется еще и то, что, согласно съ теперешними взглядами на это дѣло, въ то время въ распоряженіи римлянъ имѣлось уже 1800 всадниковъ при 171 центуріи пѣшихъ, изъ которыхъ только половина состояла изъ centuriae iuniorum, чтоб по расчету Г. Дельбрюка ⁴³⁾, даетъ действующую армію, самое большое, въ 9000 — 10.000 человѣкъ. А для такой арміи тотъ же Дельбрюкъ считаетъ слишкомъ уже чрезмѣрнымъ даже количество 1800 всадниковъ ⁴⁴⁾. И вотъ, при такомъ излишествѣ конніцы составъ ея будто бы еще увеличить новымъ разрядомъ equites equo privato, и

1) nunc ego arbitror oportere institui quia minus duobus milibus ducentis sit aerum equestrium et 2) de aeribus equestribus de duobus milibus ducentis.

⁴¹⁾ См. выше, прим. 33.

⁴²⁾ Schwegler, III, 226.

⁴³⁾ Hans Delbrück, Geschichte der Kriegskunst, I, 232.

⁴⁴⁾ Всѣдьство этого онъ приходитъ къ заключенію, что 18 центурій всадниковъ не могли состоять изъ 100 человѣкъ каждая, а изъ значительно меньшаго количества членовъ. Но тутъ же допускаетъ до некоторой степени и другую возможность, именно болѣе позднее возникновеніе одной части этихъ центурій.

притомъ въ цѣляхъ болѣе успѣшнаго веденія осады обложеннаго римскими войсками города!

Столь же нескладно еще и слѣдующее обстоятельство. Плебеи, служившіе въ войскѣ подъ Вейми, обнаруживали большое неудовольствіе, сопровождаемое агитациами трибуновъ въ городѣ. И вдругъ эти же плебеи и трибуны, ничего не достигнувъ, только ради соревнованія съ богатыми своими согражданами, съ внезапнымъ энтузіазмомъ сами напрашиваются на военную службу *extra ordinem*. Да и вообще всѣхъ гражданъ охватило тогда такое воодушевленіе, что патриціи и плебеи наперерывъ рыдали отъ радости ⁴⁵⁾, только потому что богатымъ позволили записаться въ конницу, а бѣднымъ въ пѣхоту. Очевидно, дѣло заключалось не въ однихъ только военныхъ интересахъ, и даже не преимущественно въ нихъ, въ виду только что указаннаго излишества конницы. Прекращеніе агитаций трибуновъ и неудовольствія плебеевъ, смѣнившагося у нихъ такимъ восторгомъ, указываетъ скорѣе на политическія причины. А указываемая Ливіемъ *concordia* ⁴⁶⁾ свидѣтельствуетъ, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, о томъ, что плебеи достигли какого-нибудь успѣха.

Разсказъ Ливія понятенъ только въ томъ случаѣ, если взятая на себя новыми всадниками и пѣхотинцами половина *extra ordinem* уравновѣшивалась соотвѣтствующими имъ энтузіазму правами, на которыхъ патриціи должны были согласиться въ пользу плебеевъ подъ давлениемъ тяжелыхъ условій войны съ венетами. Эти права и могли состоять въ томъ, что для новыхъ всадниковъ, согласившихся служить *equis suis*, учреждены были новыя всадническія центуріи также и въ составѣ центуріатскихъ коміцій и что подобнымъ образомъ въ тѣхъ же коміціяхъ созданы дополнительныя центуріи пѣшихъ для небогатыхъ плебеевъ. Для государства, во главѣ котораго тогда стояли патриціи, это нововведеніе означало значительное увеличеніе военныхъ силъ, а для плебеевъ—крупное усиленіе ихъ значенія въ коміціяхъ, а, слѣдовательно, и вообще въ государстѣ.

Изслѣдователи вопроса о службѣ всадниковъ на собственныхъ лошадяхъ (*equis suis*, а не *privatis*) оставляютъ безъ вниманія ⁴⁷⁾, что въ разсказѣ Ливія объ этомъ нововведеніи идетъ рѣчь не объ

⁴⁵⁾ Liv. V, 7, 11: certatim patribus plebeique manare gaudio lacrimae.

⁴⁶⁾ Ib., § 10.

⁴⁷⁾ Schwegler, III, 226. Mommsen, St.-R. III, 478^c.

однихъ только всадникахъ, но и о пѣхотинцахъ. И какъ разъ по отношению къ послѣднимъ употреблена Ливіемъ фраза, совсѣмъ неумѣтная съ точки зрѣнія принятой имъ редакціи этого разсказа и получающая полный смыслъ только на основаніи предположенія, что въ подлинной редакціи разсказа не было еще утрачена связь съ политической подкладкой дѣла. Если наряду съ новыми всадническими центуріями учреждены также и новые центуріи пѣшихъ, то вполнѣ понятенъ смыслъ фразы: *pedestris ordinis se aiunt nunc esse*. Плебеи, роптавшіе доселѣ на тягости военной службы, заявляютъ теперь о своей готовности идти на службу, и притомъ даже „сверхштатную“ (*extra ordinem*), не только подъ стѣнами Вей, но и куда угодно, по той причинѣ, что *теперь* уже принадлежать къ *pedester ordo*, т.-е. оказываются принятими въ число комиціальныхъ *pedites* и наравнѣ съ „штатными“ центуріями пѣшихъ. При такомъ толкованіи этого мѣста оправдывается и употребленіе необычного иначе выраженія: *ordo pedester*. Въ редакціи, принятой Ливіемъ, политическая сторона дѣла сильно затемнена. Зато тѣмъ ярче выступаетъ прославленіе патріотизма римскаго народа, вполнѣ согласно съ основной тенденціей всей истории Ливія.

Въ виду всего этого будетъ не очень смѣло предположить, что нововведеніе, о которомъ разсказываетъ Ливій по поводу неудачи римлянъ подъ стѣнами Вей, состояло именно въ учрежденіи основанныхъ на цензѣ XII centuriae equitum, а равно и 30 пѣшихъ центурій пятаго класса, также на основаніи опредѣленнаго ценза. Обѣ эти части комиціальной *discriptio classium* сами по себѣ наводятъ на мысль о позднѣйшемъ ихъ происхожденіи. Другого же, болѣе подходящаго момента, не найти для такого крупнаго нововведенія. Затемненіе этого дѣла въ аниалистической традиціи можетъ быть объяснено тѣмъ, что первоисточникъ этого разсказа былъ составленъ въ краткой и сухой формѣ, сообщавшей объ увеличеніи состава всадниковъ и пѣшихъ, съ указаніемъ на ещи смѣ для первыхъ, но безъ точнаго обозначенія ихъ названій, которая къ тому же въ данномъ видѣ могли сложиться уже впослѣдствії.

По крайней мѣрѣ по отношенію къ центуріямъ пятаго класса вполнѣ правдоподобно, что первоначально онѣ совсѣмъ не считались особымъ классомъ, равнымъ первымъ четыремъ классамъ. Название *accensi* показываетъ, что сперва смотрѣли на нихъ, только какъ на прилатокъ къ классамъ. Это основное значеніе термина *accensi* ясно проглядываетъ еще у Ливія въ изложеніи организаціи Сервія Тул-

лія⁴⁸). Послѣ пріуроченія къ этимъ центуріямъ названія: *quinta classis*, терминъ *accensus* обособился, частью въ значеніи „дienникъ“⁴⁹), частью же въ сочетаніи *accensi velati*, подлинный смыслъ котораго не совсѣмъ ясенъ. Моммзенъ⁵⁰) произвольно отожествляетъ акцензовъ съ послѣдней (193-ей) центуріей пролетаріевъ⁵¹). Однако кромѣ Ливія, также и Цицеронъ⁵²) отчетливо отличается пролетаріевъ отъ акцензовъ, хотя, повидимому, и у него было нѣчто подобное тому, какъ у Ливія⁵³).

Организація Сервія Туллія преслѣдовала исключительно только военные цѣли⁵⁴). Поэтому излишнее количество всадническихъ центурій, не оправдываемое военными соображеніями, не можетъ принадлежать Сервію. Причины того, что число этихъ центурій доведено было до 18, могли быть только политическія. Если такимъ образомъ учрежденіе новыхъ XII centuriae equitum состоялось въ періодъ осады Вей подъ давленіемъ плебеевъ, то все-таки изъ этого не слѣдуетъ, что новые центуріи цѣликомъ были предоставлены плебейской знати. Слишкомъ большое число этихъ новыхъ центурій, въ сравненіи съ старыми *sex suffragia*, само собою исключаетъ возможность считать эти центуріи чисто плебейскими. А политический расчетъ патриціевъ, конечно, требовалъ отъ нихъ не оставаться въ сторонѣ отъ новой группы голосовъ въ комісіяхъ. Съ своей стороны плебеи только и могли добиваться того, чтобы *вообще* получить доступъ во всадническія центуріи. Рѣшеніе же этого вопроса имѣть явную форму компромисса. Старые *sex suffragia* остались по прежнему патриціан-

⁴⁸) Liv. I, 43, 7: *quinta classis aucta, centuriae triginta factae; in his accensi, cornicines tubicinesque, in tres centurias distributi.* Въ моемъ школьнотъ изданіи принятая концептура Перционія: *his accensi cornicines tubicinesque, in duas centurias distributi.* Это чтеніе предпочтено мною въ практическихъ видахъ, ради устраненія арифметической ошибки въ подсчетѣ общей суммы всѣхъ центурій.

⁴⁹) Въ этомъ смыслѣ, повидимому, принять этотъ терминъ также у Ливія (I. c.)⁵ который поэтому отводитъ для акцензовъ только одну центурію, соединенную съ пятью классами на подобіе обѣихъ центурій музыкантовъ. Подсчетъ всѣхъ центурій, показывающей одну лишнюю центурію, обнаруживаетъ здѣсь ошибку Ливія.

⁵⁰) Mommsen, St.-R. III, 285.

⁵¹) Его практику слѣдуетъ и Hans Delbrück (I. c. 233), а потому самъ же удивляется малому количеству людей въ этой „Ersatz-Centurie“.

⁵²) Cic. r. II, 22, 40: *quin etiam accensis velatis, littinibus, cornicinibus, proletariis.*

⁵³) Слова Цицерона фрагментарны.

⁵⁴) На этомъ настаиваетъ теперь и Hans Delbrück.

скими, и доступъ въ нихъ опредѣлялся не цензомъ, а происхождѣніемъ. Но наряду съ этимъ созданы новыя центуріи на новыхъ началахъ: доступъ въ нихъ зависѣлъ отъ наивысшаго ценза, безъ вся-
каго отношенія къ происхождѣнію и сословію.

Такъ какъ вслѣдствіе этого въ новыя XII centuriae equitum зачи-
сялись безразлично, какъ шлебеи, такъ и патриціи, разъ они владѣли
соответствующимъ цензомъ, то для зачисленія въ старыя sex suffragia
оставались только менѣе богатые патриціи, сперва родовитые, а
потомъ и служилые. Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія
дѣла явилось уменьшеніе престижа старыхъ sex suffragia рядомъ съ XII
centuriae, чтѣ же потомъ, во время реформы центуріатскихъ комісій, и
выразилось въ указаніи отдѣльного мѣста въ порядкѣ голосованія
для каждой изъ этихъ двухъ группъ, соотвѣтственно ихъ имуществен-
ному положенію⁵⁶⁾.

2. Центуріи римскаго войска по конституції Сервія Туллія.

Основная территорія римской республики, унаслѣдованная отъ
царского периода¹⁾, занимала площадь менѣе, чѣмъ въ 20 квад-
ратныхъ миль. На этомъ основаніи Г. Дельбрюкъ²⁾, слѣдя указа-
ніемъ Белоха³⁾, опредѣляетъ составъ населенія всей римской области
въ количествѣ 60.000 душъ, считая до 3.000 на квадратную мило.
Въ этомъ составѣ могло оказываться не болѣе 9.000—10.000 мужчинъ
въ возрастѣ отъ 17—46 лѣтъ отъ рода (*iuniores*) и около 5.000—
6.000 мужчинъ старшаго возраста (*seniores*). Если бы еще Сервій Тул-
лій устроилъ сразу всѣ 193 центуріи, въ числѣ которыхъ *iuniores* со-
ставляли 18 центурій всадниковъ и 85 центурій, то исчисленнаго
Дельбрюкомъ количества 9.000—10.000 пѣшихъ людей хватало бы
только на пополненіе 85 центурій пѣшихъ, въ то время какъ для 18
всадническихъ центурій оставалось бы всего только 500—1.500 че-
ловѣкъ, да и то лишь въ томъ случаѣ, если бы между ними не было
ни больныхъ, ни вообще неспособныхъ къ военной службѣ по своимъ

⁵⁶⁾ Смѣшаннымъ сословнымъ характеромъ обоихъ всадническихъ разрядовъ устраивается возраженіе Holzapfela (*Beiträge zur alten Geschichte*, I, 254: eine solche Zurücksetzung erscheint mit einem ursprünlichen Patriziat der drei alten Rittercenturien unvereinbar).

¹⁾ См. Ж. М. Н. Пр. 1902, июль: „Основная территорія римской общины“.

²⁾ Hans Delbrück, *Geschichte der Kriegskunst*, I, 223. 229.

³⁾ Beloch, *Die Bevölkerung der griech.-röm. Welt*, (1886).

физическимъ недостаткамъ. Кромѣ того, какъ уже было замѣчено ⁴⁾, Дельбрюкъ находитъ количество 18 центурій всадниковъ, въ составѣ 1.800 человѣкъ, чрезмѣрнымъ въ сравненіи съ количествомъ пѣшихъ центурій iuniorum. Тѣмъ не менѣе оять не рѣшается приписать Сервію Туллію меньшее количество центурій, по крайней мѣрѣ всадническихъ а вмѣсто этого предпочитаетъ прибѣгнуть къ предположенію, что центуріи всадниковъ не имѣли полнаго комплекта людей, т. е. заключали въ себѣ не 1.800 человѣкъ, а гораздо менѣе. Однако, разъ не было на лицо достаточнаго количества людей, то зачѣмъ же было устраивать такое большое число центурій? Вѣдь организація Сервія Туллія, какъ это неоднократно повторяетъ самъ Дельбрюкъ, обусловлена была исключительно только военными цѣлями.

Въ первой главѣ настоящаго изслѣдованія мы пришли къ заключенію, что XII centuriae equitum и 30 пѣшихъ центурій пятаго класса учреждены были только въ періодъ осады Вей, и притомъ только частью по военнымъ соображеніямъ, частью же, и главнымъ образомъ, по политическимъ причинамъ. Если это такъ, то первоначальный составъ центурій Сервія Туллія опредѣляется въ количествѣ только 6 всадническихъ центурій (=sex suffragia) и 140 пѣшихъ центурій первыхъ четырехъ классовъ, въ томъ числѣ 70 центурій iuniorum. Такой составъ военныхъ силъ соответствуетъ указанному выше общему числу населенія въ гораздо большей степени, чѣмъ количество 193 центурій, принимаемыхъ Дельбрюкомъ въ основаніе своихъ исчислений.

Дѣленіе центурій на iuniores и seniores свидѣтельствуетъ, что, по смыслу организаціи Сервія Туллія, предполагалось дѣйствительное привлеченіе къ военной службѣ самихъ членовъ этихъ центурій. Тѣмъ не менѣе a priori мало правдоподобно, чтобы, въ самомъ дѣлѣ, имѣлось въ виду такое поголовное вооруженіе всѣхъ iuniores до полнаго истощенія всякаго запаса, какое получается по расчету Дельбрюка. По его мнѣнію ⁵⁾, войско Сервія Туллія состояло изъ двухъ легионовъ по 4.200 человѣкъ въ каждомъ, на что уходило 84 центурій изъ 85. Но кромѣ того набирались еще 4 центуріи техниковъ и музыкантовъ, да еще одна центурія ажцензовъ ⁶⁾. Стало быть, въ случаѣ выступленія въ походъ всѣмъ войскомъ (*πανδημει*) весь наличный

⁴⁾ См. гл. 1, прим. 45.

⁵⁾ Л. с. 231.

⁶⁾ См. въ гл. 1, прим. 49 сл.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Продолжается подписка на 1903 годъ

(14-й годъ издания)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Содержание вышедшей май—июньской книжки следующее: 1) Правительственные распоряжения по учебному ведомству; 2) Изъ личныхъ воспоминанийъ Александра Ивановича Гольденберга. К. Е. Мазина; 3) Шесть лѣтъ во французскихъ школахъ. М. Г. Левицкаго; 4) Встрѣчи и впечатлѣнія. (Изъ воспоминанийъ педагога). А.—за; 5) Добрые всходы. (Изъ жизни одной школы). С. Кудрявцева; 6) Эпоха преобразований Петра Великаго и русская школа нового времени. С. В. Рождественскаго; 7) Учрежденія для дѣтей дошкольного возраста. (Продолженіе). М. И. Спираховой; 8) Загородное учебное заведеніе. (Окончаніе). Н. А. Кричанина; 9) Къ вопросу о гимназическихъ испытаніяхъ зрѣлости. Т.—а; 10) О бытовомъ положеніи учителей земскихъ начальныхъ школъ. С. А. Спасскаго; 11) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію въ 1902 году. (Окончаніе). И. П. Блохонскаго; 12) Изъ области вашей учебной литературы. Проф. В. М. Тимкевича; 13) Грамматика и правописаніе въ начальныхъ школахъ. Антонна Соболева; 14) Реформа въ курсѣ арифметики средней школы. (По поводу „Задачниковъ“ А. И. Гольденberга). А. Л. Волковскаю; 15) Съездъ дѣятелей по сельско-хозяйственному образованію при Московскомъ сельско-хозяйственному институту въ январѣ 1903 года; 16) Критика и библиографія (около 15 рецензий).

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кроме отдельной критики и библиографіи, печатаются: Хроника народного образования въ Западной Европѣ Е. Р., Хроника народного образования въ Россіи и хроника народныхъ библиотекъ Я. В. Абрамова, Хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, Хроника профессионального образования В. В. Еирюковича и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печатыхъ листовъ каждая.

Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб.; съ доставкою—7 руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересыпкою—восемь руб.; за границу—девять руб. въ годъ.

Сельские учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока.

Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ, пользуются уступкой въ 15%.

Журналъ „Р. Ш.“ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Нар. Просв. къ выпускѣ для фундаментальныхъ библиотекъ средней ученыхъ заведеній, а также въ учительской библиотеки низшихъ ученыхъ заведеній.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

НОВАЯ КНИГА
Н. В. МУРАВЬЕВЪ.

Послѣднія рѣчи. 1900--1902 гг. Спб. 1903 г.

Цѣна 1 руб.

Складъ въ Сенатской типографіи.

Въ Сенатской типографіи отпечатаны и поступили въ продажу:

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ

22 марта 1903 года

УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНИЕ.

Цѣна 50 коп.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ

13 ЯНВАРЯ 1903 ГОДА

ОБЩІЙ ТАМОЖЕННЫЙ ТАРИФЪ

ПО ЕВРОПЕЙСКОЙ ТОРГОВЛѦ.

Цѣна 50 коп.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ

10 ИЮНЯ 1900 ГОДА.

УСТАВЪ О ГЕРБОВОМЪ СБОРѦ

СЪ ОТНОСЯЩИМИСЯ КЪ ОНОМУ РАСПОРЯЖЕНИЯМИ
МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ.

Издание второе, дополненное. Цѣна 25 коп.

АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ

бумагъ, актовъ и документовъ, подлежащихъ гербовому сбору и изъятыхъ отъ него, составленный на основавіи ст. 10 Высочайшего утвержденного 10 Июня 1900 г. Устава о гербовомъ сборѣ.

Цѣна 50 коп., въ переплетѣ 85 коп.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ

27 мая 1902 года

УСТАВЪ О ВЕКСЕЛЯХЪ.

Цѣна 50 коп.

ПРАВИЛА
ОБЪ УЛУЧШЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХЪ ДѢТЕЙ.
Цѣна 25 коп.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныя правила, а также распоряжение Министра Финансовъ о пріемѣ товаровъ въ вѣдѣніе таможен-ныхъ учрежденій, досмотрѣ, оплатѣ пошлиною и выпускѣ.
Цѣна 50 коп.

I. Именной Высочайшій указъ объ отмѣнѣ ссылки на житѣе и ограниченія ссылки на поселеніе по суду и по приговорамъ обществен-нымъ.—II. Высочайше утвержденное штѣние Государственного Со-вѣта объ отмѣнѣ ссылки и утверждениіи временныхъ правилъ о замѣнѣ ссылки на поселеніе и житѣе другими наказаніями.
Цѣна 15 коп.

Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ объ измѣненіи и дополненіи дѣйствующихъ узаконеній отно-сительно общихъ собраний и ревизіонной части анціонерныхъ компаний, а равно состава правленій фінкъ.
Цѣна 20 коп.

ПОЛОЖЕНИЕ О РИЖСКОМЪ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТѢ.
Цѣна 20 коп.

ЗАКОНЪ О ПРЕОБРАЗОВАНІИ ВЗИМАЕМЫХЪ ВЪ ИМПЕРИИ ПОРТО-ВЫХЪ СБОРОВЪ И ПОЛОЖЕНИЕ О МѢСТНОМЪ УПРАВЛЕНИИ ПРИ-МОРСКИМИ ТОРГОВЫМИ ПОРТАМИ.
Цѣна 75 коп.

Высочайше утвержденныя правила и Инструкція Министра Финансовъ о фруктово-и виноградоводочномъ и коньячномъ производствѣ.
Цѣна 75 коп.

ПРАВИЛА ДЛЯ ФОНДОВАГО ОТДѢЛА
ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ БИРЖѢ.
Цѣна 15 коп.

ОБЪ ОТВОДѢ ЧАСТНЫМЪ ЛИЦАМЪ КАЗЕННЫХЪ ЗЕМЕЛЬ ВЪ СИБИРИ.
Цѣна 50 коп.

ЗАКОНЪ

ОБЪ УТВЕРЖДЕНИИ ВРЕМЕННЫХЪ ПРАВИЛЪ ПО ОБЕЗПЕЧЕНИЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХЪ ПОТРЕБНОСТЕЙ СЕЛЬСКИХЪ ОБЫВАТЕЛЕЙ.

Цѣна 50 коп.

Цѣны обозначены съ пересылкою.

УРОЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

ДЛЯ СТРОИТЕЛЬНЫХЪ РАБОТЪ.

(Высочайше утверждено 17-го Апрѣля 1869 года).

Цѣна 2 руб.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

РѢШЕНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА,

ПО ВОПРОСАМЪ ОВЪ ОТВѢТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛѢДЪ АДМИНИСТРАТИВНОГО ВѢДОМСТВА ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТИ.

(1868—1896 г.).

Составили: Членъ Консультации, при Министерстве Юстиции учрежденной, исп. обяз. товарища Овѣрь-Прокурора 1-го Департамента Правительствующаго Сената В. И. Тимофеевскаго и бывшаго Овѣрь-Прокурора того-же Департамента С. П. Кузнецова.

Печатано съ разрѣшенія Г. Министра Юстиціи.

Цѣна 4 руб., съ пересылкою—4 руб. 50 коп.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ВОПРОСОВЪ,

РАЗРѢШЕННЫХЪ ОПРЕДѢЛЕНІИМИ ОВѢЩАГО СОБРАНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ И СЪ УЧАСТИЕМЪ I И II ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА,

съ 1866 по 1 Января 1900 г.

Составилъ Овѣрь-Секретарь Общаго Собрания Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената В. Н. Быстроевъ.

Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

Съ требованіями просятъ обращаться въ г. С.-Петербургъ, въ Сенатскую типографію.

Сенатская типографія не высылаетъ изданій съ наложенными платежемъ, а лишь по получении ею наличныхъ денегъ или квитанціи Казначейства о взносеъ таковыхъ въ § 12 специальныхъ средствъ Министерства Юстиціи.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

Современная латопись.

Ю. В. Кулаковский. Международный конгресс исторических наук в Риме

1

Отделъ классической филологии.

А. В. Никитский. Въ защиту „Сицилії“ у Исея VI, 1
И. Ф. Анненский. Медея, трагедія Евріпіда, сына Мнесарха (продолжение) .
И. В. Нетушиль. Римскія три трибы

289

302

317

Овъявленія.

1

За редактора Ф. Д. Батюшкіевъ.

(Въышла 1-го июля).

-• № •-

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписька принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 8 до 10 часовъ утра. И ногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписанная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесят пять кошѣкъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать пять кошѣкъ, за границу—шестнадцать руб. Книги выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, а отдѣльныя книжки—по 50 кошѣкъ за каждую, съ пересылкою въ другіе города. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900 и 1902 годы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТИЕ.
ЧАСТЬ СССХХХХVIII.

1903.
АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1903.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. Высочайшие повелѣнія	69
II. Высочайшие приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	80
III. Циркуляръ министра народного просвѣщенія	91
IV. Правила и положенія, утвержденныя министерствомъ народного просвѣщенія	96
V. Опредѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. .	174
VI. Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	180
VII. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	192
Открытие училищъ	193
I. Э. Мандельштамъ. Объ уменьшительныхъ суффиксахъ въ русскомъ языке со стороны ихъ значенія (<i>окончаніе</i>)	317
В. И. Модестовъ. Этруссій вопросъ	354
В. М. Истринъ. Изъ области древне-русской литературы. I	381
М. И. Каринскій. Разногласіе въ школѣ нового эмпиризма по вопросу объ истинахъ самоочевидныхъ (<i>продолженіе</i>)	415

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

П. М. Майковъ. Продолженіе свода законовъ Россійской Имперіи 1902 года, въ 2-хъ частяхъ. С.-Пб. 1902	436
Е. Х. „Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII“, zbiór materiałów do historii stosunków polsko-rossyjskich za Zygmunta III, wydał Aleksander Hirschberg	445
Л. М. Дигорская сказанія по записямъ дигорцевъ И. Т. Собіева, К. С. Гарданова и С. А. Тукаева. Москва. 1902	452
Р. Р. Бодуэн-де-Куртене. Monografie w zakresie dziejów nowożytnych, wydawca Szymon Askenazy. T. I. Warszawa. 1902	457
Р. Р. Бодуэн-де-Куртене. Monografie do dziejów nowożytnych. T. II. Między Jeną a Tylzą. 1806—1807. Przez Macieja Lotreta. Warszawa. 1902	460
Г. К—чъ. С. Н. Браніловскій. Одинъ изъ цестыхъ XVII столѣтія. Историко-литературное изслѣдованіе. С.-Пб. 1902	466
С. А. Жебелевъ. Введение въ исторію Греціи. Лекціи проф. В. Бу́лескула. Харьковъ. 1903	479

См. 3-ю стр. обложки.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТИЕ.
ЧАСТЬ СССХХХХVIII.

1903.
АВГУСТЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1903.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. ВЫСОЧАЙШИЯ ПОВЕЛЪНІЯ.

8. (14-го марта 1903 года). *Объ измѣненіи положенія о студенческихъ общежитіяхъ при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ и о комитетѣ для содѣйствія устройству сихъ общежитій.*

По выслушаніи записки управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, отъ 3 февраля 1903 г., за № 3913 (по деп.), объ измѣненіи §§ 11 и 12 Высочайше утвержденаго положенія о студенческихъ общежитіяхъ при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ и о комитетѣ для содѣйствія устройству сихъ общежитій, комитетъ министровъ полагалъ: представление это утвердить, поднеся на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовозрѣніе проектъ измѣненій означеннаго положенія.

Государь Императоръ на положеніе комитета Высочайше соизволилъ, а проектъ измѣненій положенія удостоенъ разсмотрѣнія и утверждения Его Величества, въ Царскомъ Селѣ, въ 14 день марта 1903 г.

На подлинныхъ написано: „Государь Императоръ разматривать и Высочайше утвердить соизволилъ, въ Царскомъ Селѣ, въ 14 день марта 1903 года“.

Подпись: управляющій дѣлами комитета министровъ баронъ Нольде.

ИЗМѢНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ

о студенческихъ общежитіяхъ при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ и о комитетѣ для содѣйствія устройству сихъ общежитій.

§§ 11 и 12 положенія изложитъ слѣдующимъ образомъ:

§ 11. Для завѣдыванія общежитіями въ хозяйственномъ отношеніи и для изысканія средствъ къ поднятію ихъ благосостоянія, при нихъ учреждается попечительный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ попечителя учебного округа съ участіемъ въ немъ, кромѣ членовъ правленія университета, лицъ, избираемыхъ симъ совѣтомъ для содѣйствія устройству общежитій и утверждаемыхъ министромъ народнаго просвѣщенія въ званіяхъ: 1) учредителей, оказавшихъ особое содѣйствіе къ открытию общежитія пожертвованіемъ не менѣе 17.000 р. единовременно, 2) почетныхъ попечителей изъ лицъ, состоящихъ во главѣ мѣстныхъ правительственныйыхъ или общественныхъ учрежденій, 3) почетныхъ членовъ, сдѣлавшихъ взносы до 8.000 р. единовременно или дѣлающихъ постоянные взносы по 300 р. въ годъ, 4) пяти дѣйствительныхъ членовъ изъ окончившихъ курсъ Московского университета, избираемыхъ на три года, и 5) членовъ-соревнователей, сдѣлавшихъ взносы не менѣе 1.300 р. единовременно или дѣлающихъ постоянные взносы по 100 р. ежегодно.

Примѣчаніе 1. Въ случаѣ отсутствія попечителя учебного округа, предсѣдательствуетъ въ попечительномъ совѣтѣ ректоръ университета или его помощникъ.

Примѣчаніе 2. Въ число членовъ попечительного совѣта не могутъ быть принимаемы несовершеннолѣтніе, за исключеніемъ имѣющихъ классные чины, состоящіе на дѣйствительной воинской службѣ нижніе воинскіе чины и юнкера, учащіеся въ учебныхъ заведеніяхъ, и ограниченные въ правахъ по суду.

§ 12. Для веденія текущихъ хозяйственныхъ дѣлъ въ общежитіяхъ собирается еженедѣльно исполнительная комиссія, состоящая изъ трехъ завѣдывающихъ общежитіями и изъ избираемыхъ попечительнымъ совѣтомъ изъ своей среды на три года предсѣдателя и двухъ дѣйствительныхъ членовъ.

(Собр. узак. и расп. прав., 24-го июня 1903 г., № 65, ст. 708).

9. (21-го апрѣля 1903 года). *Объ условіяхъ причисленія къ потомственному почетному гражданству лицъ, окончившихъ курсъ Императорскаго Московскаго техническаго училища при дѣйствіи устава 1 июня 1868 года и курсъ бывшаго Рижскаго политехническаго училища.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, объ условіяхъ причисленія къ потомственному почетному гражданству лицъ, окончившихъ курсъ Императорскаго Московскаго техническаго училища при дѣйствіи устава 1 июня 1868 года и курсъ бывшаго Рижскаго политехническаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣль исполнить.

Подпись: за предсѣдателя государственного совѣта Эд. Фришъ.

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представление управляющаго министерствомъ народного просвѣщенія объ условіяхъ причисленія къ потомственному почетному гражданству лицъ, окончившихъ курсъ Императорскаго Московскаго техническаго училища при дѣйствіи устава 1 июня 1868 года и курсъ бывшаго Рижскаго политехническаго училища, *мнѣніемъ положилъ:*

Взамѣнъ примѣчанія къ статьѣ 10 и примѣчаній 1 и 2, по прод. 1902 г., къ ст. 12 приложения къ ст. 514 (п. 1, прим.) законовъ о состояніяхъ (св. зак. т. IX, изд. 1899 г.), а также въ измѣненіе другихъ подлежащихъ узаконеній постановить:

I. Лица, окончившія курсъ въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ при дѣйствіи устава 1 июня 1868 года и приобрѣвшія на основаніи примѣчанія къ ст. 1195 уст. уч. завед. (св. зак. т. XI, ч. 1, по прод. 1902 г.) права, предоставленныя окончившимъ курсъ въ семъ училищѣ по положенію 6 июня 1894 года, могутъ быть причисляемы на основаніяхъ, установленныхъ симъ послѣднимъ положеніемъ, къ сословію потомственныхъ почетныхъ гражданъ, при условіи представленія надлежащаго удостовѣренія о томъ, что они не менѣе десяти лѣтъ, въ общей сложности, со времени получения званія механика-строителя, инженеръ-механика и инженеръ-технолога по уставу 1 июня 1868 г., успѣшно занимались управлениемъ фабрикъ или заводовъ, или же исполняли обязанности техническихъ инженеровъ.

•

II. Воспитанники бывшаго Рижского политехническаго училища, окончивши курсъ учения на архитектурномъ, инженерномъ, механическомъ, химическомъ, сельскохозяйственномъ и коммерческомъ отдѣленияхъ названнаго училища и приобрѣвшіе на основаніи примѣченія 2 къ ст. 17 приложения 1 къ ст. 1144 уст. учеб. завед. (св. зак. т. XI, ч. I, по прод. 1902 г.) права, предоставленныя окончившимъ курсъ Рижского политехническаго института по положенію 6 мая 1896 года, могутъ быть причисляемы, на основаніяхъ, установленныхъ симъ послѣднимъ положеніемъ, къ сословію потомственныхъ почетныхъ гражданъ при условіи представленія означенными лицами надлежащаго удостовѣренія въ томъ, что они не менѣе десяти лѣтъ, въ общей сложности, со времени окончанія курса, успѣшно вели практическія занятія по изученной въ училищѣ специальности.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Собр. узак. и расп. прав., 4-го іюля 1903 г., № 70, ст. 795).

10. (21-го апрѣля 1903 года). *Объ утвержденіи нормъ расходовъ на содержаніе при городскихъ училищахъ классовъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣлений.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, объ утвержденіи нормъ расходовъ на содержаніе при городскихъ училищахъ классовъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣлений, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подпись: за предсѣдателя государственного совѣта Эд. Фриц.

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представление управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи нормъ расходовъ на содержаніе при городскихъ училищахъ классовъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣлений, министерствомъ положило:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Въ случаѣ ходатайствъ земствъ, городскихъ обществъ, сословий или частныхъ лицъ объ учрежденіи при городскихъ училищахъ практическихъ занятій мастерствами и ремеслами, министру народнаго

просвѣщенія предоставляется отпускать изъ кредитовъ, ассигнованныхъ въ его распоряженіе на открытие новыхъ и усиленіе средствъ существующихъ городскихъ училищъ, единовременные суммы, потребная на устройство и оборудование при сихъ училищахъ классовъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣлений, и постоянная пособія: 1) на содержаніе при городскихъ училищахъ классовъ ручного труда не свыше шестисотъ рублей въ годъ при одной специальности и семисотъ рублей въ годъ при двухъ специальностяхъ, при условіи воспособленія казнѣ на тотъ же предметъ изъ местныхъ источниковъ не менѣе трехсотъ рублей ежегодно на каждый классъ, и 2) на содержаніе ремесленныхъ отдѣлений при городскихъ училищахъ не свыше одной тысячи пяти сотъ рублей въ годъ при одной специальности и одной тысячи девятисотъ рублей въ годъ при двухъ специальностяхъ, при условіи воспособленія казнѣ на тотъ же предметъ изъ местныхъ источниковъ не менѣе шестисотъ рублей ежегодно на каждое отдѣление.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, № 70, ст. 797).

11. (5-го мая 1903 года). О служебныхъ и пенсионныхъ правахъ русскихъ учителей русско-туземныхъ училищъ Семирѣченской области и о пенсионныхъ правахъ русскихъ учительницъ таковыхъ же училищъ въ областяхъ Семирѣченской, Сырь-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, о служебныхъ и пенсионныхъ правахъ русскихъ учителей русско-туземныхъ училищъ Семирѣченской области и о пенсионныхъ правахъ русскихъ учительницъ таковыхъ же училищъ въ областяхъ Семирѣченской, Сырь-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣль использовать.

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о

служебныхъ и пенсионныхъ правахъ русскихъ учителей русско-туземныхъ училищъ Семирѣченской области и о пенсионныхъ правахъ русскихъ учительницъ таковыхъ же училищъ въ областяхъ Семирѣченской, Сырь-Дарынской, Ферганской и Самаркандской, министру по-ложись:

I. Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Русскіе учителя русско-туземныхъ училищъ Семирѣченской области, имѣющіе свидѣтельства на званіе начального народного учителя (учителя начальныхъ училищъ), пользуются служебными правами и преимуществами и правами на пенсіи и единовременные пособія, присвоенными учителямъ таковыхъ же училищъ Туркестанского края (уст. служб. прав., ст. 401, п. 3 и уст. пенс., ст. 411, прим. п. 4).

2) Русскія учительницы русско-туземныхъ училищъ областей Сырь-Дарынской, Ферганской, Самаркандской и Семирѣченской пользуются правами на пенсіи и единовременные пособія, присвоенными учительницамъ приходскихъ училищъ, учрежденныхъ на основаніи устава 8 декабря 1828 г. (уст. пенс., ст. 411, доп., по прод. 1902 г.).

II. Определенія въ статьѣ 1 отдѣла I служебныхъ права и преимущества предоставить русскимъ учителямъ русско-туземныхъ училищъ Семирѣченской области, находившимся на службѣ въ этихъ должностяхъ до обнародованія настоящаго узаконенія, со времени опредѣленія этихъ лицъ въ означенныя должности.

III. Означеннымъ въ отдѣль I учителямъ и учительницамъ, находившимся на службѣ въ этихъ должностяхъ до обнародованія настоящаго узаконенія, зачислять, если пожелають, въ срокъ выслуги пенсій и единовременныхъ пособій прежнее время ихъ службы, съ обязательствомъ въ такомъ случаѣ внести установленные на пенсіи вычеты за все означенное время.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдательствовавшими и членами.

(Собр. узак. и расп. прав., 1-го іюля 1903 года, № 69, ст. 783).

12. (12-го мая 1903 года). *O предоставлениі лицамъ, занимающимъ должности библиотекарей и ученаго хранителя рукописей Императорской академіи наукъ, права на производство двумя чинами выше класса занимаемаго ими должностей.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, о предоставленіи лицамъ, за-

нанимающимъ должности библиотекарей и ученаго хранителя рукописей Императорской академіи наукъ, права на производство двумя чинами выше класса занимаемыхъ ими должностей, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣль исполнить.

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о предоставлениі лицамъ, занимающимъ должности библиотекарей и ученаго хранителя рукописей Императорской академіи наукъ, права на производство двумя чинами выше класса занимаемыхъ ими должностей, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постамовить:

Библиотекари библиотеки Императорской академіи наукъ и ученый хранитель рукописей при первомъ отдѣленіи сей библиотеки производятся двумя чинами выше присвоенного имъ должности класса.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, 4-го мая № 70, ст. 801).

13. (19-го мая 1903 года). *Объ учрежденіи въ г. Харьковѣ училищного совѣта для завѣдыванія городскими начальными училищами.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, объ учрежденіи въ г. Харьковѣ училищного совѣта для завѣдыванія городскими начальными училищами, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣль исполнить.

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ и государственной экономии и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Харьковѣ училищного совѣта для завѣдыванія городскими начальными училищами, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить въ г. Харьковѣ съ 1-го января 1904 года для замѣдливанія начальными народными училищами сего города: 1) училищный совѣтъ на основаніи примѣчанія 1 къ статьѣ 3487 уст. уч. зав. (св. зам. т. XI, ч. I, изд. 1893 г.), съ тѣмъ, чтобы членъ сего совѣта отъ министерства внутреннихъ дѣлъ назначался мѣстнымъ губернаторомъ, и 2) должностъ инспектора народныхъ училищъ на общихъ основаніяхъ, установленныхъ для сей должности отдѣломъ V Высочайше утвержденного, 25-го мая 1874 г., мнѣнія государственного совѣта (п. с. з. № 53574).

II. На содержаніе означенныхъ въ отдѣлѣ I-омъ училищного совѣта и инспектора народныхъ училищъ отпускать съ того же срока изъ государственного казначейства по *девь тысячи двѣстѣ пятьдесятъ рублей* въ годъ (въ томъ числѣ 2.000 р. на содержаніе инспектора народныхъ училищъ и 250 р. на канцелярскіе расходы Харьковскаго городского училищного совѣта).

III. На покрытие предусмотрѣнныхъ въ отд. II расходовъ производить пособіе государственному казначейству изъ средствъ Харьковскаго городскаго общества съ 1-го января 1904 г. по *девь тысячи двѣстѣ пятьдесятъ рублей* въ годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, 4-го мая, № 70, ст. 812).

14. (19-го мая 1903 года). *Объ учрежденіи должностей учителей новыхъ языковъ въ Холмскомъ Маріинскомъ женскому училищу.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраниі государственного совѣта, объ учрежденіи должностей учителей новыхъ языковъ въ Холмскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ, Высочайше утвердить соизволить и повелѣть исполнить.

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, науки и торговли и законовъ и въ общемъ собраниі, разсмотрѣвъ представление министерства народного просвѣщенія объ учрежденіи должностей учителей новыхъ языковъ въ Холмскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ, мнѣніемъ положить:

I. Учредить въ Холмскомъ Маринскомъ женскомъ училищѣ двѣ новыхъ должности штатныхъ учителей для преподаванія французскаго и иѣменскаго языковъ, съ присвоеніемъ этимъ должностямъ оклада жалованья въ *девятъсомъ* руб. въ годъ и служебныхъ правъ, какими пользуются штатные учителя женскихъ гимназій Варшавскаго учебнаго округа.

II. Распространить на должности, означенные въ отдѣлѣ I, дѣйствіе примѣчанія къ статьѣ 2999 устава учебныхъ заведеній (свод-зак., т. XI ч. 1, изд. 1893 года).

III. Расходъ по содержанию указанныхъ въ отдѣлѣ I должностныхъ лицъ въ Холмскомъ Маринскомъ женскомъ училищѣ отнести на счетъ специальныхъ средствъ названнаго училища.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, 4-го мая, № 70, ст. 813).

15. (19-го мая 1903 года). *О преобразованіи Закатальскаго женскаго начального училища въ Маринское женское училище.*

Его Императорское Величество воспосѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраниіи государственного совѣта, о преобразованіи Закатальскаго женского начального училища въ Маринское женское училище Высочайше утвердить созволить и повелѣть исполнить.

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности наукъ и торговли, законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраниіи, разсмотрѣвъ представление министерства народного просвѣщенія о преобразованіи Закатальскаго женского начального училища въ Маринское женское училище, мнѣніемъ положило:

I. Преобразовать съ 1-го июля 1904 г. Закатальское женское начальное училище въ Маринское женское училище съ распространениемъ на него постановлений статей 2904, 2905, 2906 (кромѣ прим.), 2907—2925 уст. учебн. завед. (св. зак., т. XI, ч. 1, изд. 1893 г. и прод. 1902 г.) относительно Карскаго Маринского женского училища, и Высочайше утвержденнаго, 8-го мая 1890 года, штата послѣдне-названнаго училища, не вводя лишь въ преобразуемомъ училищѣ преподаванія греческаго и армянского языковъ.

II. На содержание Маринского женского училища въ г. Закаталахъ отпускать ежегодно изъ средствъ государственного казначейства, съ указанного въ отдѣлѣ I срока, по *одной тысяче шестисотъ пятидесяти шести рублей въ годъ*, съ отнесенiemъ остальной части расхода, исчисленного по штату, на слѣдующие источники: 1) 350 р. на средства Закатальского городского общества и 2) 1904 р. на специальные средства училища.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же. 4-го мая. № 70, ст. 811).

16. (19-го мая 1903 года). *Объ измѣненіяхъ въ составѣ должностей по инородческимъ школамъ Оренбургскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, объ измѣненіяхъ въ составѣ должностей по инородческимъ школамъ Оренбургскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ, Высочайше утвердить соизволить и повелѣть исполнить.

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, науки и торговли, законовъ и государственной экономии и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представление министерства народного просвѣщенія объ измѣненіяхъ въ составѣ должностей по инородческимъ школамъ Оренбургскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить съ 1-го июля 1903 г.: 1) должность директора народныхъ училищъ Тургайской области на общихъ, установленныхъ для подобныхъ должностей, основанияхъ и съ присвоенiemъ оной оклада содержания въ 3.500 р. въ годъ (въ томъ числѣ: жалованья 1.000 р., на наемъ квартиры и на канцелярскіе расходы 1.800 р. и на разницы 700 р.), 2) должность дѣлопроизводителя при директорѣ народныхъ училищъ Тургайской области на установленныхъ, для существующихъ подобныхъ должностей, основанияхъ (собр. узак. 1900 г., ст. 1908) и 3) должность инспектора Симбирской чувашской учительской школы на основанияхъ, установленныхъ для подобныхъ должностей.

стей въ татарскихъ учительскихъ школахъ (свод. зах. т. XI, ч. 1, изд. 1893 г., уст. учебн. зав. статьи 2607—2609, 2611 (по прод. 1902 г.), 2614, 2618, 2619 и 2621), и съ присвоенiemъ сей должности оклада содержания въ 2.000 р. въ годъ (въ томъ числѣ: жалованья 1.000 р., столовыхъ 500 р. и на наемъ квартиры 500 р.).

II. Съ того же срока (отд. I) упразднить учрежденія, по Высочайшимъ повелѣніямъ 23-го января 1867 г., 18-го мая 1874 г. и 6 февраля 1890 г., должности: инспектора чувашскихъ школъ Казанского учебного округа, инспектора татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Оренбургскаго учебного округа и завѣдующаго Симбирской чувашской учительской школой.

III. Лицо, нынѣ занимающее должность инспектора чувашскихъ школъ Казанскаго учебного округа, оставить съ 1-го июля 1903 года за штатомъ на общемъ основаніи; и

IV. На содержаніе означенныхъ въ отдѣлѣ I должностей отпускать изъ государственного казначейства, съ 1904 года, по шести тысячѣ сто рублей ежегодно, въ текущемъ же году расходъ на ту же надобность, въ размѣрѣ трехъ тысячѣ пятидесяти рублей, отнести на счетъ остатковъ по дѣйствующей сметѣ министерства народного просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, 4-го мая, № 70, ст. 815).

17. (19-го мая 1903 года). *Объ учрежденіи второй должности окружного инспектора въ Варшавскомъ учебномъ округѣ.*

Его Императорское Величество воспостѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, объ учрежденіи второй должности окружного инспектора въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣть исполнить.

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представление министерства народного просвѣщенія объ учрежденіи второй должности окружного инспектора въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить въ Варшавскомъ учебномъ округѣ съ 1-го января 1904 года вторую должностъ окружного инспектора, на основаніяхъ установленныхъ отѣломъ I Высочайше утвержденнаго, 12-го ноября 1885 г., мнѣнія государственного совета объ учрежденіи должности окружного инспектора въ названномъ учебномъ округѣ (собр. узак., ст. 1006).

II. Вызываляемъ означеною (отд. I) мѣрою расходъ, въ размѣрѣ *двухъ тысячъ пятидесяти семи рублей семидесяти пяти копѣекъ въ годъ*, отнести на средства государственного казначейства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, 4-го мая, № 70, ст. 816).

II. ВЫСОЧАЙШИЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

(6-го июня 1903 года, № 48). Назначаются: экстраординарные профессора Императорского Новороссийского университета, доктора медицины, статские советники: *Боидановъ* и *Кишенскій*—ординарными профессорами того же университета, по каѳедрамъ: первый—частной патологіи и терапіи, а второй—патологической анатоміи; статские советники: *Поклевскій-Козелъ* и *Гадаловъ* и въ званіи камергера Высочайшаго Двора, титулярный советникъ *Скадовскій*—почетными попечителями: первый—Екатеринбургской гимназіи, второй—новы Красноярской гимназіи и послѣдній—новы Симферопольскаго Императора Николая II реального училища, всѣ трое на три года, изъ нихъ Гадаловъ съ 13-го июня 1902 г., съ оставлениемъ Скадовскаго въ придворномъ званіи; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Владивостокской гимназіи, статский советникъ *Лодратовичъ*—директоромъ Темирь-Ханъ-Шуринскаго реального училища; приват-доценты Императорскихъ университетовъ: Московскаго, ассистентъ при психіатрической клинике того же университета, докторъ-медицины, коллежскій советникъ *Сербскій* и св. Владимира, докторъ-медицины *Троцкій*—экстраординарными профессорами Императорскихъ университетовъ: первый—Московскаго, по каѳедрѣ систематического и клиническаго ученія о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, а второй—Харьковскаго, по каѳедрѣ акушерства, женскіхъ и дѣтскихъ болѣзней съ клиниками.

Утверждается действительный статский советникъ *Дашковъ*—по-

четнымъ попечителемъ Уфимскаго реальнаго училища, согласно избранию, на три года.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, почетный попечитель С.-Петербургскаго низшаго химико-техническаго училища, отставной лейтенантъ гвардейскаго экипажа *Величко*.

Умерший исключается изъ списковъ, помощникъ ректора и заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, действительный статский советникъ *Кирничниковъ*, съ 30-го апреля.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры, членъ археографической комиссіи *Тураевъ*—съ 17-го ноября 1901 г.

По Московскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: инспекторъ студентовъ Демидовскаго юридического лицей *Невскій*—съ 1-го января 1902 г.; преподаватели Императорскаго Московскаго техническаго училища: прикладной механики, *Карельскихъ*, проектированія по построению машинъ, *Зворыкинъ*, черченія: *Зубаревъ* и *Румянцевъ*, завѣдывающіе мастерскими того же училища: моделью, *Веселъ*, слесарною, *Гиллеръ*, литья, *Ларіоновъ* и сборною *Поповъ*, всѣ восьмьеро—съ 1-го января 1903 г.; учителя рисованія Рязанской гимназіи *Кантаржи*—съ 1-го октября 1902 г.; учителя реальныхъ училищъ: Зарайскаго, *Персональный*—съ 6 ноября 1902 г.; Калужскаго, *Заксъ*—съ 1-го января 1903 г.; Тверскаго, *Владиславлевъ*—съ 17-го августа 1902 г.; почетные члены попечительского совѣта Комиссаровскаго техническаго училища: *Зайцевъ*—съ 1-го июля 1900 г. и *Шильдеръ*—съ 27-го декабря 1900 г.; инспекторы народныхъ училищъ: Нижегородской губерніи, *Аванасьевъ*—съ 1-го января 1903 г. и Московскій губерніи, *Молчановъ*—съ 15-го марта 1903 г.; преподаватель Московскаго промышленного училища въ память двадцатипятилѣтия царствованія Императора Александра II. *Свѣнцицкій*—съ 1-го января 1901 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: сверхштатный ассистентъ клиники кожныхъ и венерическихъ болѣзней Императорскаго Московскаго университета *Сперанскій*—съ 18-го июля 1896 г.; помощники инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета *Александровскій*—съ 28-го ноября 1901 г. и Императорскаго Московскаго техническаго училища, *Покровскій*—съ 7-го октября 1902 г.; преподаватели того же училища: черченія, *Ламакинъ* и *Лукінъ*, рисованія, *Ивановъ*, всѣ трое—съ 15-го октября 1902 г.; лабо-

рамъ при физической лабораторіи того же училища *Величковский*—съ 1-го января 1903 г.; учителя: *Рославльской прогимназии Сыройчиковъ*—съ 20-го октября 1902 г. и реального училища при реформатской церкви въ Москвѣ, *Плютровичъ*—съ 22-го октября 1902 г.; инспекторы народныхъ училищъ Тверской губерніи: *Терноескій*—съ 14-го января 1903 г. и *Лебедевъ*—съ 1-го марта 1902 г.; изъ коллажскихъ ассессоровъ въ *народные советники*: исправляющій должностъ столонаачальника канцеляріи попечителя *Приклонскій*—съ 7-го декабря 1902 г.; штатный воспитатель пансиона при Владимирской гимназіи *Казанскій*—со 2-го декабря 1902 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Коломенской гимназіи *Каминъ*—съ 10-го ноября 1902 г.; учителя реальныхъ училищъ: *Иваново-Вознесенскаго: Воскресенскій*—съ 25-го августа 1901 г. и *Самыгинъ*—съ 1-го июля 1900 г., Калужскаго, *Постниковъ*—съ 1-го сентября 1901 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Орловскаго Александровскаго реального училища *Рязанскаго*—съ 1-го октября 1902 г.; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Калужскаго 2-го, *Рождественскій*—съ 7-го ноября 1902 г., Каширскаго, *Сходцевъ*—съ 1-го июля 1902 г.; учитель-завѣдывающій Волоколамскимъ городскимъ училищемъ *Джирьевъ*—съ 11-го марта 1902 г.; учителя: (сверхштатный) Орловскаго городского училища, *Подшиваловъ*—съ 10-го сентября 1902 г., Павловскаго ремесленного училища *Мараховскій*—съ 30-го декабря 1899 г., Орловской Николаевской женской гимназіи, *Еловскій*—съ 9-го августа 1900 г.; изъ титуллярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры*: секретарь совѣта и правления Демидовскаго юридического лицея *Карповъ*—съ 18-го июля 1902 г.; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета *Григорьевъ*—съ 25-го мая 1894 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Рязанской гимназіи, *Павловъ*—со 2-го декабря 1902 г., Калужскаго реального училища, *Яшуковъ*—съ 1-го февраля 1903 г.; членъ-соревнователь попечительного совѣта Комисаровскаго техническаго училища *Смиринскій*—съ 15-го января 1903 г.; учителя городскихъ училищъ: Александровскаго евангелическаго, въ Москвѣ, *Цегловъ*—съ 12-го сентября 1902 г., Богородскаго, *Бондановъ*—съ 15-го августа 1902 г., Орловскаго, *Фивейскій* (сверхштатный)—съ 1-го января 1902 г.; почетный смотритель Одоевскаго городского училища *Герке*—съ 20-го октября 1902 г.; учитель рисованія Жиздринской Марининской женской прогимназіи *Заботинъ*—съ 1-го декабря 1902 г.; изъ коллажскихъ секретарей въ *титуллярные совѣтники*: учителя приготовительного класса: *Московской 6-й гимназіи, Волонцевичъ*—съ

15-го октября 1897 г. и Иваново-Вознесенского реального училища, *Митюшинъ*—съ 17-го августа 1902 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Александровской Серпуховской гимназіи *Быллевъ*—съ 1-го сентября 1894 г.; почетные смотрители городскихъ училищъ: Калужскаго 2-го, *Архангельскій*—съ 16-го декабря 1902 г. и Алексинскаго, *Гольбовъ*—съ 24-го марта 1901 г.; учитель Елифановскаго городского училища *Юдинскій*—съ 19-го августа 1900 г.; помощникъ учителя Богородскаго городского училища *Меленковъ*—съ 28-го января 1903 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари: помощникъ столоначальника канцелярии попечителя *Ивановъ*—съ 8-го октября 1902 г.; учителя рисования Московскихъ городскихъ училищъ: Рогожскаго, *Городовъ*—съ 15-го октября 1902 г., Басманнаго, *Лучевъ*—съ 30-го ноября 1902 г. и Соловьевскаго, *Загаровъ*—съ 15-го августа 1902 г.; помощники учителя 3-го Московскаго городского училища: *Ковренковъ*—съ 1-го октября 1902 г. и *Бадьевъ*—съ 8-го октября 1902 г.; дѣлоизводитель при директорѣ народныхъ училищъ Тульской губерніи *Мерцаловъ*—съ 6-го декабря 1902 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари: учитель Ефремовскаго городскаго училища *Асановъ*—съ 1-го июля 1884 г.; письмоводитель Московской 7-й гимназіи *Вознесенскій*—съ 14-го февраля 1903 г.; въ коллежскіе реестраторы: члены-соревнователи попечительного совѣта Комисаровскаго техническаго училища: *Листъ*—съ 14-го декабря 1900 г. и *Мухинъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; учитель Дмитровскаго приходскаго училища *Максаковъ*—съ 15-го марта 1901 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: надворного советника, преподаватель писчебумажного производства Императорскаго Московскаго техническаго училища *Жеребовъ*—съ 14-го июня 1902 г.; коллежскаго ассессора: лаборанты Императорскаго Московскаго техническаго училища: по каѳедрѣ аналитической химіи, *Герасимовъ*—съ 7-го января 1903 г. и при механической лабораторії, *Куклевскій*—съ 9-го октября 1902 г.; учителя гимназій: Московской 2-й, *Никольскій*—съ 7-го января 1899 г., Московской 6-й, *Ржаницынъ*—съ 4-го декабря 1898 г., Рязанской, *Клюде*—съ 29-го сентября 1889 г., Тверской, *Шееръ*—съ 7-го января 1899 г. и *Платоновъ*—съ 2-го июля 1898 г.; учитель Тверскаго реального училища *Колаковскій*—съ 5-го декабря 1898 г.; наставники Рязанской Александровской учительской семинаріи: *Бакулинъ*—съ 1-го сентября 1898 г. и *Сидоровъ*—съ 1-го сентября 1898 г.; руководитель практическихъ работъ Иваново-Вознесенской школы колористовъ *Ивановъ*—съ 1-го июля 1898 г.;

учителя женскихъ гимназій: Муромской, Борковскій—съ 8-го декабря 1898 г., частной Арсеньевой, въ Москвѣ, Россинскій—съ 4-го февраля 1899 г., частной Бессъ, въ Москвѣ, Рербергъ—съ 3-го ноября 1898 г. и Головачевъ—съ 30-го ноября 1898 г.; титуллярного советника: учитель Бѣжецкой школы ремесленныхъ учениковъ Донченковъ—съ 12-го сентября 1898 г. и руководитель слесарныхъ работъ Сапожковскаго ремесленного училища Гусевъ—съ 1-го іюля 1896 г.; коллежскаго секретаря: помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Владимірской, коллежскій регистраторъ Нечаевъ-Лебедевъ—съ 5-го августа 1898 г., Московской 7-й, Соколовъ—съ 18-го ноября 1898 г. и въ память Императора Александра III, Наумовъ—съ 1-го апрѣля 1895 г., Рязанской прогимназіи, Павловъ—съ 1-го января 1899 г.; членъ-сопривнователь попечительного совѣта Комисаровскаго техническаго училища Оссовецкій—съ 7-го января 1901 г., по званію инженеръ-технолога; учителя городскихъ училищъ: Перемышльскаго, Глухаревъ—съ 1-го августа 1898 г., Московскаго Соловьевскаго, Павловъ—съ 1-го декабря 1891 г., Нижегородскаго, Шуваловъ—съ 22-го августа 1898 г., Мценскаго, Забѣлюовъ—съ 1-го декабря 1898 г., Мологскаго, Рахмановъ—съ 1-го августа 1897 г. и Елецкаго (сверхштатный), Сорокинъ—со 2-го января 1899 г.; коллежскаго регистратора: учителя рисованія городскихъ училищъ: Елецкаго, Макрушинъ—съ 22-го января 1897 г. и Тверского, Ожогожъ-Ождановъ—съ 1-го августа 1898 г.; помощники учителя городскихъ училищъ: Бѣжецкаго, бывшій, нынѣ въ отставкѣ Трофимовъ—съ 27-го октября 1898 г. и Краснохолмскаго, Ивановъ—съ 15-го августа 1898 г.; бывшій учитель рисованія при пріютѣ Цесаревны Маріи, въ Москвѣ, нынѣ въ отставкѣ Ахметьевъ—съ 15-го сентября 1894 г.

Производится изъ коллежскихъ въ статскіе советники, бывшій врачъ и преподаватель гигііи при Нижегородскомъ четырехклассномъ городскомъ училищѣ, нынѣ въ отставкѣ Гликманъ, на основаніи п. 3 ст. 792 уст. служб. прав. (св. зак. т. III, изд. 1896 г.).

(13-го іюня 1903 года, № 50). Назначаются: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, докторъ минералогіи и геогнозіі, статскійсовѣтникъ Арманьевскій—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ минералогіи и геологіи, съ 28-го марта; почетный попечитель Московской прогимназіи, кандидатъ правъ Булочкинъ—почетнымъ попечителемъ Московской десятой гимназіи, на остаточный срокъ текущаго трехлѣтія, приват-доцентъ Демидовскаго юридического лицея, магистръ граѣданскаго права,

коллежский асессоръ *Гордонъ*—исправляющимъ должность экстраординарного профессора того же лицея, по кафедрѣ гражданского права.

(20-го июня 1903 года, № 51). *Назначаются*: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ чистой математики, статскій совѣтникъ *Лахтинъ*—помощникомъ ректора того же университета съ 1-го июня, на четыре года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ ботаники, коллежский совѣтникъ *Ивановскій*—ординарнымъ профессоромъ названнаго университета, по кафедрѣ ботаники, съ 1-го мая; директоръ народныхъ училищъ Новгородской губерніи, статскій совѣтникъ *Янсонъ* директоромъ Вологодскаго Александровскаго реального училища; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Кулябко* и приватъ-доценты Императорскихъ университетовъ: Новороссийскаго, инспекторъ Одесскаго врачебнаго управлениія, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Коршъ*, св. Владимира, прозекторъ того же университета, докторъ медицины, титулярный совѣтникъ *Стефанисъ* и С.-Петербургскаго: докторъ римской словесности *Ростовцевъ* и докторъ русскаго языка и словесности *Перетцъ*—экстраординарными профессорами Императорскихъ университетовъ: Кулябко—Томскаго, по кафедрѣ физиологии, Коршъ—Новороссийскаго, по кафедрѣ судебной медицины, Стефанисъ—св. Владимира, по кафедрѣ анатоміи, Ростовцевъ—С.-Петербургскаго, по кафедрѣ классической филологии, съ 1-го июня, и Перетцъ—св. Владимира, по кафедрѣ русскаго языка и словесности, съ 1-го июня, изъ нихъ Кулябко—согласно прошенію; инспекторъ Златоустовскаго ремесленного училища, инженеръ-технологъ, надворный совѣтникъ *Ледневъ*—директоромъ Калязинскаго низшаго механико-техническаго училища имени Н. М. Полежаева, съ 1-го июня.

Перемѣщается ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Хлопинъ* ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссийскаго университета, по кафедрѣ гигіиены.

Увольняются отъ службы: согласно прошенію, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ греческой словесности, статскій совѣтникъ *Мищенко*, съ мундиromъ, означенной должности присвоеннымъ; согласно прошенію, по болѣзни, директоръ Симбирской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Котовщикова*, съ 1-го июня, съ мундиromъ, означенной должности присвоеннымъ.

Производятся за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ секретарей въ титуллярные советники: дѣлопроизводитель VIII класса Заплатинъ—съ 1-го мая 1903 г. и помощникъ дѣлопроизводителя Авдуевскій—съ 1-го марта 1903 г.

По С.-Петербургскому учебному округу. Производится за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, въ коллежские регистраторы, письмоводитель и бухгалтерь С.-Петербургской 2-й гимназіи Лайсонъ—съ 1-го января 1903 г.

По Харьковскому учебному округу. Производятся за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе советники: учителя гимназій: Бѣлгородской Е. К. В. Герцога Эдинбургскаго, Альбертъ—съ 4-го января 1903 г., Воронежской, Николаевъ—съ 26-го января 1903 г., Таганрогской: Генералъ—съ 13-го сентября 1902 г. и Фонсовъ—съ 4-го мая 1901 г., Ростовской-на-Дону Екатерининской женской, Литовъ—съ 28-го мая 1902 г., Бобровской прогимназіи, Боголюбскій—со 2-го октября 1902 г., реальныхъ училищъ: Харьковскаго, Кузнецова—съ 22-го февраля 1903 г. и Тамбовскаго, Шираевскій—съ 29-го декабря 1901 г.; изъ надворныхъ въ коллежские советники: учителя гимназій: Сумской Александровской, Степановъ—съ 16-го июня 1902 г., Курской, Шандыбина—съ 21-го сентября 1902 г.; Тамбовской, Вонсовичъ—съ 1-го августа 1902 г.; реальныхъ училищъ: Воронежскаго, Павленко—съ 26-го августа 1902 г., Моршанскаго, Булгатовъ—съ 28-го сентября 1902 г. и врачъ Курской 2-й женской гимназіи Левданскій—съ 29-го июля 1894 г.; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ надворные советники: учителя женскихъ гимназій: Харьковской Маринской, Андріїновъ—съ 9-го сентября 1901 г., Харьковской 2-й, Котовъ—съ 8-го августа 1900 г., Тамбовской, Ковыллевъ—съ 24-го сентября 1901 г., Донской Маринской, Григорьевъ—съ 23-го июля 1902 г., Таганрогской Маринской, Гльбоно—съ 24-го марта 1898 г., Харьковского реального училища, Пономаревъ—съ 23-го августа 1901 г.; почетный смотритель Землянского городского училища Воронежской губерніи, Бондаревъ—съ 24-го октября 1902 г.; учителя инспекторы городскихъ училищъ: Богучарского Александровскаго, Воронежской губерніи, Ткаченко—съ 10-го июня 1902 г. и 2-го Донскаго, Базилевичъ—съ 1-го июля 1902 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Таганрогской гимназіи Китасевъ—съ 1-го января 1903 г.; учителя городскихъ училищъ: Елатомскаго, Тамбовской губерніи, Пущинцевъ—съ 15-го января 1903 г., Донской области: Таганрогскаго, Рухлинъ—съ 12-го октября 1902 г. и Усть-Медвѣдицкаго, Перефер-

зевъ—съ 10-го ноября 1902 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры: учителя: Усть-Медвѣдицкаго реального училища, Карапетъ—съ 1-го октября 1902 г., Таганрогскаго средняго техническаго училища, Дмитриевъ—съ 4-го января 1902 г.; врачи городскихъ училищъ: Донской области: Каменскаго, Чернавскаго, Милый—съ 24-го октября 1895 г. и Таганрогскаго, Мильный—съ 6-го июля 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Азовской прогимназіи Мышковъ—съ 19-го февраля 1897 г. и учитель приготовительного класса Таганрогской гимназіи Поповъ—съ 1-го августа 1901 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные соспѣтники: помощники классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ: Нензенскаго, Кирьевъ—съ 1-го июля 1901 г., Усть-Медвѣдицкаго, Поповъ—съ 10-го июля 1901 г.; письмоводитель Усть-Медвѣдицкаго реального училища, Головачевъ—съ 26-го января 1903 г.; учителя приготовительныхъ классовъ: Бобровской прогимназіи, Морозовъ—съ 1-го ноября 1902 г. и Харьковскаго реального училища, Григоровъ—съ 25-го ноября 1902 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари: учитель Юропинскаго реального училища Чайкинъ—съ 22-го мая 1887 г.; письмоводитель Ростовской-на-Дону гимназіи Тимофеевъ—съ 9-го февраля 1903 г. и учитель Усть-Медвѣдицкаго городского училища, Донской области, Ишковъ—съ 9-го сентября 1900 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе регистраторы: письмоводитель Пензенскаго реального училища Артоболевскій—съ 8-го февраля 1903 г.; учителя приходскихъ училищъ: Темниковскаго, Тамбовской губерніи, Предтеченскій—съ 11-го января 1894 г., Донской области: Таганрогскаго 1-го, Суворовъ—съ 15-го октября 1899 г., Гундоровскаго, Савиновъ—съ 15-го сентября 1897 г., Бесергеневскаго, Лазаренковъ—съ 16-го октября 1902 г. и Усть-Бѣлокалитвенскаго, Миловидовъ—съ 12-го сентября 1899 г.; въ коллежскіе регистраторы: бывшій фельдшеръ при пріемномъ покоя Харьковскаго технологического института Императора Александра III, Липский—съ 23-го октября 1891 г.; учителя приходскихъ училищъ: Козловскаго 2-го, Тамбовской губерніи, Спирidonовъ—съ 15-го октября 1902 г., Донской области: Пиховскаго, Гуковъ—съ 1-го сентября 1902 г., Колузаевскаго, Дубовскаго—съ 13-го сентября 1902 г., Обуховскаго, Федоровъ—съ 8-го октября 1902 г. и Глазуновскаго, Фоминъ—съ 1-го сентября 1901 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: титулярную соспѣтника: учитель-завѣдывающій Александровскъ-Грушевскою низшею ремесленною школою, Донской области, Шейкинъ—съ 6-го октября

1898 г.; *коллежскаго секретаря*: помощники классныхъ наставниковъ: гимназий: Старобѣльской Александровской, *Ноповъ*—съ 1-го марта 1899 г., Бѣлогородской Е. К. В. Герцога Эдинбургскаго, *Зиборовскій*—съ 1-го февраля 1897 г., Борисоглѣбской Александровской, *Бѣльский*—съ 11-го декабря 1898 г. и Моршанскаго реального училища, *Харламовъ*—со 2-го ноября 1898 г.; учителя городскихъ училищъ: Богодуховскаго, Харьковской губерніи, *Моисеенко*—съ 6-го октября 1898 г., Воронежской губерніи: Воронежскаго, *Максимовъ* (сверхштатный)—съ 23-го августа 1898 г., Новохоперскаго, *Тесленковъ*—съ 8-го февраля 1899 г., Моршанскаго, Тамбовской губерніи, *Малаковъ*—съ 22-го сентября 1898 г. и Нахичеванскаго-на-Дону, *Киктенко*—съ 4-го апреля 1903 г.; *губернскаго секретаря* почетный смотритель Задонскаго городского училища, Воронежской губерніи, *Савельевъ*—съ 5-го февраля 1901 г., по диплому 2-й степени Императорскаго университета.

По Одесскому учебному округу. Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники* преподаватель исполняющій обязанности инспектора Одесской 2-й гимназіи *Бетинектъ*—съ 1-го февраля 1903 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: учитель Одесскаго реального училища св. Павла *Гончарова*—съ 10-го октября 1902 г.; врачъ Одесскаго реального училища *Котляревскій*—съ 9-го февраля 1903 г.; учитель Феодосійской женской гимназіи *Грищенко*—съ 7-го января 1903 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: учителя гимназій: Елисаветградской, *Павловъ*—съ 1-го января 1902 г., Кишиневской 1-й, *Пиззоли*—съ 1-го октября 1899 г., Одесской 5-й, *Юрескуль*—съ 27-го августа 1902 г. и *Феерчакъ*—съ 26-го августа 1902 г., Павлоградской; *Сапожниковъ*—съ 29-го сентября 1902 г. и *Быловъ*—съ 23-го декабря 1902 г., реальныхъ училищъ: Екатеринославскаго 2-го, *Кузминъ*—съ 10-го августа 1902 г., Елисаветградскаго, *Ольшанскій* (сверхштатный)—съ 8-го декабря 1902 г., женскихъ гимназій: Одесской 1-й, *Марковъ*—съ 15-го августа 1901 г. и Одесской Е. С. Пашковской, *Сниаревичъ*—съ 7-го августа 1902 г.; учителя-инспектора городскихъ училищъ: Александровскаго трехкласснаго, *Калинъ*—съ 10-го февраля 1903 г. и Тираспольскаго четырехкласснаго, *Хрущовъ*—съ 1-го августа 1901 г.; почетный смотритель Аккерманскаго городскаго пятикласснаго училища *Руссовъ*—съ 31-го декабря 1902 г.; врачъ Ново-бугской учительской семинарии *Рабиновичъ*—съ 18-го мая 1902 г.;

столоначальникъ канцеляріи попечителя Стуково—съ 15-го марта 1903 г.; учитель Одесского городского шестиклассного училища имени Ефруссі Семенчука—съ 22-го января 1903 г.; изъ титулярныхъ со-вѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры: наставникъ Новобугской учительской семинаріи Самоцвѣтова—съ 12-го марта 1899 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Одесской 2-й гимназіи, Былинскій—съ 7-го января 1902 г. и Херсонской гимназіи, Малицкій—съ 16-го марта 1903 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники: надзиратель Симферопольской татарской учительской школы Зубковский—съ 8-го декабря 1889 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Вознесенской прогимназіи, Головко—съ 10-го октября 1901 г. и Маріупольской Александровской гимназіи, Грековъ—съ 1-го ноября 1902 г. и Кишиневскаго реального училища, Евтодьевъ—съ 5-го сентября 1901 г.; учителя городскихъ училищъ: Алешковскаго четырехкласснаго, Крыжановскаго—съ 20-го сентября 1900 г., Болградскаго шестикласснаго, Юркевичъ—съ 10-го сентября 1900 г., Верхнеднѣпровскаго четырехкласснаго, Мариничевъ—съ 25-го июня 1901 г., Екатеринославскаго четырехкласснаго, Долюруковъ—съ 4-го июля 1901 г., Новогеоргіевскаго трехкласснаго, Колоденко—съ 1-го августа 1901 г., Сорокскаго четырехкласснаго, Шикъ—съ 10-го ноября 1899 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари, почетный смотритель Перекопскаго городского трехкласснаго училища Спендиаровъ—съ 1-го февраля 1903 г.; въ коллежскіе регистраторы: помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя Мышковскій—съ 1-го сентября 1902 г.; учитель завѣдующій Бендерскимъ 2-мъ мужскимъ приходскимъ училищемъ Бельбенко—съ 1-го сентября 1901 г.

Утверждаются, въ чинахъ, со старшинствомъ: коллежскаго ассесора: учителя: Мелитопольскаго реального училища, Мурзановъ—съ 22-го марта 1899 г. и Севастопольской прогимназіи, Кейсерли—съ 31-го марта 1899 г.; коллежскаго секретаря: помощники классныхъ наставниковъ: Евпаторійской прогимназіи, Чашовъ—съ 6-го июня 1898 г. и Севастопольскаго Константиновскаго реального училища, Васильевъ—съ 23-го февраля 1899 г.; учитель городскихъ училищъ: Одесскаго шестикласснаго имени В. Н. Лигина, Ивановъ—съ 1-го июля 1898 г., Одесскаго шестикласснаго, Тишкінъ—съ 26-го октября 1898 года, Феодосійскаго шестикласснаго, Бузъ—съ 1-го января 1899 г., Сорокскаго четырехкласснаго, Гурскій—съ 1-го августа 1898 г., Алеپиковскаго трехкласснаго, Шматовъ—съ 1-го января 1899 г., Старо-

Крымского трехклассного, *Фонтаинъ*—съ 1-го июля 1898 г. и учитель-завѣдующий Маякскимъ городскимъ двухкласснымъ училищемъ *Вильчинскій*—съ 1-го июля 1898 г.

(26-го июня 1903 года, № 52). *Определены на службу*, изъ отставныхъ, докторъ богословія, статскій совѣтникъ *Голубинскій*, съ утвержденіемъ ординарнымъ академикомъ Императорской академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, съ 19-го апрѣля.

Назначаются: инспекторъ Киевской первой гимназіи, статскій совѣтникъ *Старковъ*—директоромъ Киевской третьей гимназіи; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Елисаветградской гимназіи, статскій совѣтникъ *Юрченко*—директоромъ Елисаветградскаго земскаго реального училища; исправляющій должностъ экстраординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета, магистръ философіи, коллежскій совѣтникъ *Бобровъ* и дѣлопроизводитель VI класса втораго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ международнаго права, надворный совѣтникъ баронъ *Таубе*—экстраординарными профессорами Императорскихъ университетовъ; первый—Варшавскаго, по каѳедрѣ философіи, а второй—С.-Петербургскаго, по каѳедрѣ международнаго права, съ оставленіемъ изъ нихъ барона Таубе дѣлопроизводителемъ означеннаго департамента; дѣйствительный статскій совѣтникъ *Давыдовскій*—вновь почетнымъ попечителемъ Тобольской гимназіи, на три года.

Утверждаются: адъюнкты Императорской академіи наукъ: докторъ астрономіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бѣлопольскій* и магистръ санскритской словесности, статскій совѣтникъ *Ольденбургъ*—экстраординарными академиками той же академіи: Бѣлопольскій—по астрономіи, а Ольденбургъ—по литературѣ и исторіи азіатскихъ народовъ, оба—съ 19-го апрѣля; исправляющій должностъ экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета магистръ еврейской словесности *Боковцовъ*—адъюнктомъ Императорской академіи наукъ, по литературѣ и исторіи азіатскихъ народовъ, съ 19-го апрѣля, съ оставленіемъ его въ исправляемой имъ должности; сенаторъ, дѣйствительный тайный-совѣтникъ *Смирновъ* и Эзельскій ландратъ фонъ-*Цуръ-Мюленъ*—почетными попечителями гимназій: первый—Петергофской Императора Александра II, а второй—вновь Аренсбургской, оба, согласно избранію, на три года, съ оставленіемъ ихъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго двора, статскій совѣтникъ фонъ-*Дервизъ*—почетнымъ попечителемъ Тобольской гимназіи, на три года.

чителемъ женской гимназіи фонъ-Дервізъ въ гор. Москвѣ, съ оставленіемъ его въ придворномъ званія.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія ординарный профессоръ Кіевскаго политехническаго института Императора Александра II, докторъ прикладной и чистой математики, статский совѣтникъ Котельниковъ—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета, по каѳедрѣ чистой математики.

Увольняется отъ службы, согласно прошению, директоръ Иркутской гимназіи, дѣйствительный статский совѣтникъ Румовъ, съ 31-го мая, за выслугуою срока, съ мундиромъ, означенной должности присвоенныемъ.

III. ЦИРКУЛЯРЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

1. (28-го июня 1903 года, № 19744). *Циркуляръ и. попечителю учебныхъ округовъ о дисциплине въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.*

Въ послѣднее время стали все чаще поступать въ министерство народнаго просвѣщенія донесенія учебно-окружныхъ управлений относительно фактовъ, свидѣтельствующихъ объ упадкѣ дисциплины въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и отчасти въ городскихъ училищахъ, о распущенности воспитанниковъ иѣкоторыхъ изъ этихъ заведеній, а также о вредномъ направлениі мысли, нерѣдко замѣчаемомъ среди учащихся въ старшихъ классахъ. Бывало, напримѣръ, что ученики цѣлаго класса отказывались исполнять распоряженія учебной власти и дѣйствовали при этомъ скопомъ; бывали грубыя и дерзкія выходки со стороны учащихся по поводу полученныхъ неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, замѣчаній или внушеній преподавателей; встречались случаи прямого нападенія учащихся на лицъ педагогического персонала и ианесенія имъ оскорбліенія дѣйствіемъ; имѣются, наконецъ, указанія, что среди учениковъ старшаго возраста ведется въ широкихъ размѣрахъ противоправительственная пропаганда, порождающая не мало жертвъ столь же безразсуднаго, сколь преступнаго движения.

Изъ поступающихъ въ министерство донесеній о печальныхъ фактахъ этого рода усматриваются нерѣдко явные признаки слабости

учебной администрации и педагогическихъ совѣтовъ въ борьбѣ съ указаннымъ зломъ. Установлено, между прочимъ, что лица учебно-воспитательного персонала не обращаютъ почти никакого вниманія на неприличное поведеніе учащихся на улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ; если же кто-либо изъ служащихъ одного заведенія сдѣлаетъ замѣчаніе въ соотвѣтственномъ случаѣ ученику другого заведенія, то начальство этого послѣдняго встрѣчаетъ такой образъ дѣйствій не съ желательною признательностью, а съ неудовольствіемъ. За самыми рѣдкими исключеніями не устраивается совѣщаній между директорами находящихся въ одномъ и томъ же городѣ среднихъ школъ для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, касающихся надзора за вицѣшкольнымъ поведеніемъ учащихся. Правила не разъясняются ученикамъ, и упорное нарушеніе ихъ весьма часто по цѣлымъ категоріямъ проступковъ оставляется безнаказаннымъ. Ученики успѣли свыкнуться съ мыслью, что открытое куреніе на улицахъ, нарушеніе установленной формы одежды, неотдаваніе чести попечителю, мѣстному губернатору и даже генеральному губернатору представляются уклоненіями отъ требованій правиль, молчаливо допускаемыми учебнымъ начальствомъ и во всякомъ случаѣ систематически не наказуемыми, такъ какъ служащіе по учебному вѣдомству, словно опасаясь оскорблений, не дерзаютъ призывать виновныхъ къ отвѣту.

Признавая такое положеніе вещей долѣе не терпимымъ и строжайше обращая вниманіе всѣхъ тѣхъ, кому сіе вѣдать надлежитъ, на обязательность неукоснительного исполненія Монаршей Воли о томъ, чтобы молодежь пріучали въ школѣ съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ, считаю долгомъ отмѣтить, что въ распоряженіи начальствъ среднихъ учебныхъ заведеній и педагогическихъ совѣтовъ имѣется достаточно средствъ для воздействиія на учащихся какъ въ смыслѣ примѣненія къ нимъ различныхъ репрессивныхъ мѣръ, поскольку таковыя оказываются необходимыми, такъ и для достиженія педагогическимъ вліяніемъ желательныхъ воспитательныхъ результатовъ.

Что исключительно карательными мѣрами уладокъ дисциплины не можетъ быть остановленъ, въ этомъ, конечно, нѣть сомнѣнія. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы учебно-воспитательные органы школы доводили послабленіе до прямого попустительства. Съ прискорбиемъ приходится сознаться, что неоднократно свое безучастное отношеніе къ предосудительному поведенію учащихся лица школьнай администрациі объясняли ничѣмъ, не оправдываемой ссылкой на памят-

ныя всему русскому обществу слова Государя Императора въ ре- скріпціи отъ 25-го марта 1901 г. на имя генераль-адъютанта Ван- новского о необходимости сердечнаго попеченія школы о своихъ пі- томцахъ. Для всякаго добросовѣстнаго педагога должно быть очевид- нымъ, что именно сердечная заботливость о нравственномъ преусѣ- яніи воспитывающихся сопряжена съ бдительнымъ и настойчивымъ про-веденіемъ извѣстной системы требованій, подчиненіе которымъ только и въ состояніи пріучить юношу къ уваженію законности. Рав- нымъ образомъ сердечная забота о нравственномъ развитіи учащихся налагаетъ на воспитателя долгъ пробуждать своевременно въ молодежи чувство личной отвѣтственности за совершаемые поступки, а стало быть, въ подлежащихъ случаяхъ прибѣгать къ мѣрамъ строгости, тщательно соображеніемъ со степенью провинности и способностью къ исправленію. Когда, наконецъ, педагогический совѣтъ убѣдился, что имѣеть дѣло съ сознательною враждебностью къ установленному правилами порядку и съ явнымъ ожесточеніемъ ученика, на котораго вплоть до окончанія имъ курса средней школы не подѣствовали ни- какія внушенія и доброжелательные совѣты, то учебное заведеніе не только въ правѣ (§ 53 пр. обѣ исп.), но даже обязано не допу- стить соотвѣтственнаго воспитанника выпускного класса къ оконча- тельнымъ экзаменамъ по его нравственной незрѣлости. Эта мѣра, по- мимо своего неизбѣжно сдерживающаго вліянія на поведеніе учащихся, въ случаѣ правильного и осмотрительного ея примѣненія была бы полезна и въ смыслѣ огражденія высшихъ учебныхъ заведеній отъ похваляющихся своею невоспитанностью, а стало быть, умышленно некультурныхъ элементовъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію тѣхъ способовъ дѣйствія, коими пе- дагогический персоналъ можетъ способствовать предотвращенію указан- ныхъ выше печальныхъ явлений и въ частности уберечь воспитанника отъ возникновенія въ немъ того вызывающаго и озлобленного настро- енія, которому онъ подъ вліяніемъ постороннихъ агитаторовъ легко подпадаетъ нынѣ въ старшихъ классахъ учебныхъ заведеній, я дол- женъ прежде всего высказать категорическое требованіе, чтобы пре- подаватели и начальствующія лица безусловно не позволяли себѣ въ обращеніи съ учениками грубыхъ и язвительныхъ замѣчаній. Испра- влять невѣрный или неудачный отвѣтъ учащагося нужно спокойно, строго дѣловымъ тономъ, не поднимая ученика на смѣхъ, не допу- ская раздражительности или колкости. Изъ всякаго слова наставления учителя и начальника воспитанникъ долженъ выносить впечатлѣніе,

что съ нимъ говорять по чувству долга и по заботливости объ его же благѣ: ни серьезность учебныхъ требованій, ни строгость въ оцѣнкѣ поведенія, ни рѣшительность въ осужденіи пагубныхъ мнѣній не исключаютъ полного самообладанія и открытої доброжелательности къ ученику. Какъ первая испытанныя въ школѣ несправедливость, такъ и оскорблѣніе созрѣвающаго въ юношѣ чувства человѣческаго достоинства можетъ заронить въ его душу сѣмя недовѣрія къ тому общему строю, ближайшимъ выраженіемъ коего является для него учебное заведеніе, въ которомъ его воспитываетъ государство.

Во-вторыхъ, я вынужденъ обратить вниманіе на одно совершенно элементарное и тѣмъ не менѣе выпускаемое постоянно изъ виду соображеніе: чѣмъ очевиднѣѣ будеть для учениковъ, что получаемая ими въ школѣ духовная пища питательнѣѣ той, какою предлагаютъ насытить ихъ любознательность враги школы, тѣмъ охотнѣѣ будеть признаваться авторитетъ послѣдней. Отсюда слѣдуетъ уже, что не обогащающій своихъ познаній, не совершенствующій своихъ преподавательскихъ пріемовъ учитель приносить не только дидактическій, но и педагогический вредъ. Однако, независимо отъ стремленія сдѣлать каждый урокъ предметно содержательнымъ и полезнымъ для класса, что предполагаетъ непремѣнную подготовку къ уроку, учитель долженъ помнить, что урокъ самъ по себѣ служить орудіемъ воспитательного воздействиія. Въ старшихъ классахъ это естественно должно приводить преподающихъ, преимущественно на урокахъ русскаго языка и исторіи, къ сознанію обязанности использовать обученіе въ смыслѣ освоенія учащихся съ здравымъ воззрѣніемъ на многое, что чаще всего представляется въ ложномъ освѣщеніи воспитанникамъ извѣстнаго возраста. Обученіе въ этомъ направлѣніи отнюдь не должно носить искусственно назидательного характера: назиданіе будетъ вытекать изъ обстоятельнаго и убѣдительнаго разъясненія дѣла, ставшаго предметомъ бесѣды по прямому свойству данного учебнаго занятія. При этомъ не могу не придавать особаго значенія тому, что въ настоящее время въ весьма многихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ пришли въ полный упадокъ бесѣды, посвященные разбору домашніхъ сочиненій по русскому языку въ старшихъ классахъ. Бесѣды эти давали бы прекрасный матеріалъ для совмѣстнаго, подъ руководствомъ учителя, обсужденія учениками извѣстныхъ вопросовъ, размышленія о которыхъ нельзѧ не предположить въ учащихся по мѣрѣ ознакомленія ихъ съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ гражданской исторіи, теоріи словесности и исторіи русской литературы. Самая темы

для сочинений задаются крайне одностороннея: „разсужденій“ даже совершенно избѣгаютъ. Тетрадки зачастую учащимся не возвращаются, причемъ преподающіе въ оправданіе свое ссылаются на то, что при переполненіи классовъ воспитанниками нѣтъ времени для надлежащаго исправленія написанныхъ сочинений. Признавая нѣкоторую основательность въ этомъ объясненіи, я нахожу, однако, что педагогическими совѣтами слѣдуетъ изыскать способы выйти изъ указанного затрудненія. Примѣра ради укажу на слѣдующіе два пріема: съ одной стороны, преподаватель можетъ устанавливать очередь для подачи сочинений учениками по группамъ, назначая для различныхъ группъ различные темы; съ другой стороны, часть темъ можетъ задаваться учителемъ русскаго языка, нѣкоторые же темы могутъ предлагать преподаватели исторіи и древнихъ языковъ, что приводило бы къ болѣе равномѣрному распредѣленію работы по исправленію тетрадей. Важность домашнихъ сочинений состоить въ томъ, что при разработкѣ ихъ учащійся впервые пробуетъ свои умственные силы на самостоятельномъ изложеніи собственныхъ мыслей. Чѣмъ яснѣе для него будетъ, что наставники его внимательно относятся къ его работѣ и серьезно озабочены принести ему пользу своими разъясненіями и совѣтами, тѣмъ естественнѣе ожидать, что онъ убѣдится въ добросовѣстномъ служеніи школы его истиннымъ духовнымъ интересамъ. Разборъ письменныхъ работъ учащихся долженъ быть непремѣнно приведенъ въ связь и съ домашнимъ чтеніемъ учениковъ старшихъ классовъ. Плодотворность домашняго чтенія тогда только и будетъ достигнута, когда ученики полюбятъ серьезное чтеніе, то есть такое, по поводу которого они себѣ отдаются отчетъ въ томъ, что именно они вынесли изъ книги. Цѣлесообразное сочетаніе домашняго чтенія, письменныхъ упражненій и класснаго ихъ разбора пріучитъ юношей къ вдумчивости, къ уваженію духовнаго труда, къ стремленію съ подобающею взыскательностью относиться къ своему устному и письменному слову. Кромѣ того, выслушивая соображенія товарищей и отзывъ учителя о поданной работѣ, ученикъ постепенно проникается убѣждениемъ, что долженъ съ осмотрительностью, безъ рѣзкостей и нетерпимости, излагать свои мнѣнія: у него не можетъ не явиться сознаніе, что ему слѣдуетъ много поработать, прежде чѣмъ позволить себѣ рѣшительное сужденіе о болѣе или менѣе трудныхъ и общихъ вопросахъ.

Въ-третьихъ, и виѣ связи съ класснымъ обученіемъ наставники имѣютъ неоднократно поводъ уяснять воспитанникамъ надлежащее

воззрѣніе на вещи и устраивать, такимъ образомъ, внутреннее побуждение къ нарушенію извѣстныхъ правилъ. Поражающая неучтивость и даже заносчивость, съ какою держатся въ настоящее время многие юноши, обучающіеся въ средней школѣ, объясняется, напримѣръ, весьма распространеннымъ въ ихъ средѣ ложнымъ взглядомъ, по которому скромное и вѣжливое обхожденіе со старшими унизительно для молодого человѣка и является будто бы видомъ заискиванія передъ начальствующими лицами. Тутъ поведеніе находится въ прямой зависимости отъ ошибочнаго воззрѣнія. Ясно, что, встрѣчаясь съ выраженіями послѣдняго, воспитатель долженъ не ограничиваться мѣрами взысканія, а приводить провинившихся къ сознанію невѣрности того взгляда, которымъ они руководствовались. Успѣшно бороться съ господствующими представленіями о мнѣмой обязанности подчиняться безпрекословно всѣмъ рѣшеніямъ большинства товарищей можно только, вошедши въ спокойное и пространное обсужденіе соотвѣтственнаго общаго вопроса, вызванное, слѣдовательно, не такими обстоятельствами, при которыхъ значительная группа учащихся настроена возбужденію и считаетъ себя связанный даннымъ легкомысленно словомъ. Однако, и при массовыхъ демонстраціяхъ наложенію наказанія должно предшествовать увѣщеваніе, способное привести воспитанниковъ къ расказанію и готовности отказаться отъ дальнѣйшаго нравственнаго насилия надъ меньшинствомъ. При каждомъ удобномъ случаѣ слѣдуетъ напоминать учащимся, что у развитаго и образованнаго человѣка чувство не должно переходить непосредственно въ дѣйствіе, а подлежитъ контролю разума и совѣсти, безъ участія которыхъ въ руководствѣ нашими поступками мы бы явились простыми рабами своихъ страстей. Словомъ сказать, углубляя пониманіе учащимся истиннаго смысла тѣхъ воспитательныхъ требованій, съ которыми къ нимъ обращаются, и расширяя кругъ ихъ этическаго размышленія, можно достигнуть серьезныхъ результатовъ, особенно при неослабномъ стремлѣніи добиться одновременно усвоенія себѣ школьнouю молодежью определенныхъ нравственныхъ привычекъ.

Въ-четвертыхъ, руководители и наставники учащихся не должны терять изъ виду, что живущій при родныхъ воспитанникахъ значительную часть своего времени проводить въ семье, которая, будучи предупреждена о замѣченныхъ уклоненіяхъ его отъ желательнаго поведенія, можетъ стать наиболѣе вліятельной и благотворной союзницей школы въ дѣлѣ его исправленія. Надлежитъ, однако, обращаться къ родителямъ въ такой формѣ, чтобы они не приходили къ заключенію,

будто учебнымъ начальствомъ уже намѣчены крайнія мѣры въ родѣ рѣзкаго пониженія отмѣтки за поведеніе или даже увольненія ученика, а убѣждались, что просятъ ихъ содѣйствія къ разъясненію условій, при которыхъ можно было бы достигнуть готовности учащагося подчиниться предъявляемымъ ему справедливымъ требованіямъ. Тѣмъ болѣе должно избѣгать такихъ заявлений семье, которая могла бы быть истолкованы въ смыслѣ поощренія педагогически превратныхъ мѣръ домашняго воздействиа на подлежащаго исправленію. При искреннемъ желаніи сблизиться на этой почвѣ съ семьей классный наставникъ и директоръ получать чаше, нежели можно предположить на основаніи нынѣшнихъ отношеній къ нимъ семьи, необходимыя имъ указанія для того обращенія съ данными ученикомъ, которое именно уместно и цѣлесообразно. Въ тѣхъ случаяхъ, когда у родителей сложились невѣрныя представленія о дѣйствительномъ поведеніи дѣтей въ школѣ, надобно стараться ознакомить семью съ истиннымъ положеніемъ вещей и устраниять всѣ накопляющіяся незамѣтно недоразумѣнія. Такого рода внимательное отношеніе къ нравственному авторитету родителей никакъ не должно, впрочемъ, вырождаться въ малодушную уступчивость неосновательныхъ желаній, клонящимися къ уменію авторитета законности въ школѣ. Такъ какъ, далѣе, многие воспитанники проживаютъ на ученическихъ квартирахъ, то классный наставникъ, инспекторъ и директоръ надлежитъ при посѣщеніи послѣднихъ имѣть въ виду не одинъ внѣшний осмотръ, но и установление нравственной связи съ этими учениками, нуждающимися въ участливомъ надзорѣ старшихъ. Задача и тутъ сводится къ тому, чтобы не оставаться для воспитанника совершенно чужимъ человѣкомъ, отъ которого, кромѣ официальныхъ словъ, никогда ничего не ожидаешь, и о которомъ даже не вспомнишь, когда переживаешь сомнѣніе и душевную борьбу.

Касаясь въ предыдущемъ различныхъ способовъ воспитательнаго воздействиа на учащуюся молодежь, которыми располагаетъ школа, я не могу, какъ само собою разумѣется, ставить въ одинъ рядъ съ ними обращеніе къ религиозному чувству ученика. Но существо дѣла наводить неотвратимо мысль педагога на то соображеніе, что онъ и самъ обязанъ являть примѣръ коренящейся въ его христіанскихъ идеалахъ, а потому поддерживающей духовныя силы кротости въ перенесеніи всего того тягостнаго, съ чѣмъ сопряжена человѣческая дѣятельность въ области служенія на пользу другихъ людей, и что онъ не выполняль бы своего назначенія, если бы не развивалъ въ

молодыхъ душахъ воспріимчивости къ заповѣди Божіей, направляя неуклонно своихъ питомцевъ на путь совѣстливости, прямоты и неизмѣнного доброжелательства даже и къ тѣмъ, отъ которыхъ, какъ имъ кажется, они испытали обиду. Однако, здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, надлежитъ помнить, что призывать имя Божіе всуе грѣшино, и что прибѣгать къ религіозному воздѣйствію на воспитанника, пре-небрегая опасностью поощрить его къ лицемѣрію, достойный пріобрѣсти юношеское довѣріе и уваженіе воспитатель не способенъ. Не-простительно также было бы низводить религіозныя наставленія до степени заурядныхъ и мелочно-житейскихъ попрековъ. Удивляясь, напротивъ того, приходится, что когда, какъ это, къ сожалѣнію, вѣрько бываетъ, учащийся вслѣдствіе безусыпности въ занятіяхъ или подсказываемой самолюбіемъ переоцѣнки наложеннаго на него нака-занія дошелъ до полной нравственной растерянности, граничащей съ отчаяніемъ, онъ не встрѣчаетъ со стороны своихъ наставниковъ ре-лигіознаго утѣшения, способного успокоить и во время ободрить его.

Полагаясь на то, что соображенія, изложенные въ настоящемъ циркулярѣ, встрѣтятъ дѣйствительное сочувствіе въ педагогическихъ совѣтахъ вѣренныхъ вашему превосходительству учебныхъ заведе-ній и не обратятся, по заслушаніи, въ мертвую букву, а подаутъ поводъ къ энергичнымъ стараніямъ внести, соотвѣтственно намѣчен-ной Государемъ Императоромъ цѣли, разумъ и сердечное попеченіе о юношествѣ въ дѣло его воспитанія, прошу ваше превосходительство сдѣлать поставленные мною вопросы предметомъ обсужденія также въ попечительномъ совѣтѣ учебнаго округа и о результатахъ сего обсужденія донести въ министерство.

IV. ПРАВИЛА И ПОЛОЖЕНИЯ, УТВЕРЖДЕННЫЕ МИНИСТЕР- СТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

12. (30-го января 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени Николая Васильевича Гоголя при С.-Петербургской 6-ой гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи руб., заключающагося въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, пред-ставленааго обществомъ русскихъ драматическихъ писателей и опер-ныхъ композиторовъ, учреждается при С.-Петербургской 6-й гимназіи

стипендія имени Николая Васильевича Гоголя въ память пятидесятилетія со дnia его кончины.

§ 2. Стипендиальный капиталъ долженъ храниться въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Процентные деньги со стипендиального капитала, по вычетѣ изъ нихъ государственного налога, обращаются прежде всего на взносы платы за учение избранного стипендиата, остающаяся засимъ сумма выдается стипендиату на руки.

§ 4. Стипендія предоставляется одному изъ сыновей членовъ общества русского подданства и христіанского вѣроисповѣданія.

§ 5. Въ томъ случаѣ, если за немѣніемъ въ числѣ учениковъ 6-й гимназії сына члена общества, стипендія иѣкоторое время остается вакантію, проценты съ пожертвованного капитала, накопившіеся за это время, должны быть присоединены къ капиталу.

§ 6. Замѣщеніе стипендиі предоставляетъ комитету общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ; въ случаѣ закрытія общества право замѣщенія переходить къ педагогическому совѣту 6-й гимназіи, но съ тѣмъ, что стипендиатомъ можетъ быть назначенъ лишь сынъ члена общества.

§ 7. Стипендія можетъ быть назначена лишь тому ученику, который при удовлетворительныхъ успѣхахъ имѣеть за поведеніе балль не менѣе 4-хъ. Непереходъ стипендиата въ слѣдующій высший классъ, по причинамъ вполнѣ уважительнымъ, не лишаетъ его права пользоваться стипендией.

§ 8. Въ случаѣ изъятія изъ обращенія внесенныхъ билетовъ государственной 4% ренты, гимназія имѣеть озабочиться замѣной этихъ билетовъ другими правительственными или гарантированными правительствомъ процентными бумагами.

§ 9. Пользованіе стипендию не налагаетъ на стипендиата никакихъ обязательствъ.

13. (31-го января 1902 года). Положеніе о стипендиѣ имени поселенца Василия Федоровича Бояджи при Комратскомъ реальному училищу.

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1902 года, утвержденено, за министра народнаго просвѣщенія. г. товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу руб., за

Часть СССХХХVIII (1902, № 8), отд. 1.

вѣщаннаго поселяниномъ В. О. Бояджи, учреждается при Комратскомъ реальному училищѣ одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ Кишиневскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ реального училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ установленного сбора, выдаются въ видѣ пособія одному изъ бѣдныхъ учениковъ Комратскаго реального училища по усмотрѣнію педагогическаго совѣта.

§ 4. Выдача стипендіи прекращается въ слѣдующихъ случаяхъ:
а) по окончаніи стипендіатомъ курса въ Комратскомъ реальному училищѣ; б) въ случаѣ выбытія его изъ училища до окончанія курса и
в) въ случаѣ неудовлетворительныхъ успѣховъ или поведенія.

Примѣчаніе. Если стипендіатъ будетъ оставленъ на 2-й годъ въ томъ же классѣ, то въ особо уважительныхъ случаяхъ стипендія, по опредѣленію педагогическаго совѣта, можетъ быть за нимъ сохранена.

§ 5. Въ случаѣ лишенія стипендіата права на получение стипендіи по причинѣ, указанной въ п. в § 4 сего положенія образовавшіяся сбереженія отъ стипендіи причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Стипендія выдается два раза въ годъ, въ началѣ каждого полугодія, на руки родителямъ стипендіата или же лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія реального училища въ другой типъ средняго учебнаго заведенія, стипендія на изложенныхъ основаніяхъ, съ тѣмъ же наименованіемъ, переходитъ въ преобразованное учебное заведеніе, въ случаѣ же закрытія Комратскаго реального училища или того средняго учебнаго заведенія, въ какое оно можетъ быть преобразовано, стипендія передается въ другое учебное заведеніе г. Комрата, а за неимѣніемъ такового въ ближайшее по мѣсту среднее учебное заведеніе, по опредѣленію попечителя учебнаго округа.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (16-го марта 1902 года). Положение о стипендии Уфимской уездной земства при Уфимском реальном училище „въ память сорокалѣтія со дня освобождения крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“.

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ шестьсотъ восемьдесятъ пять руб., пожертвованнаго Уфимскимъ уѣзднымъ земствомъ, учреждается при Уфимскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія съ присвоенiemъ ей наименования: „стипендія Уфимскаго уѣзданаго земства въ память сорокалѣтія со дня освобождения крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неприкосновенный фондъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, находится въ вѣдѣніи Уфимской уѣздной земской управы, которая изъ процентовъ съ сего капитала дѣлаетъ прежде всего взносы по полугодіямъ впередъ установленной платы за право ученія въ училищѣ избраннаго стипендіата и затѣмъ остающіяся процентныя деньги выдается на содержаніе стипендіата родителямъ или опекунамъ его ежемѣсячно впередъ по равной части.

Примѣчаніе. Въ случаѣ учрежденія при Уфимскомъ реальномъ училищѣ пансиона, стипендіатъ можетъ быть помѣщенъ въ него, и тогда плата за право ученія и за содержаніе въ пансионѣ вносится по полугодіямъ впередъ.

§ 3. Размѣръ стипендіи опредѣляется годовымъ доходомъ со стипендіального капитала, за вычетомъ изъ него установленного въ пользу казны сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

§ 4. Стипендія назначается педагогическимъ совѣтомъ Уфимскаго реального училища, по соглашенію съ предсѣдателемъ Уфимской уѣздной земской управы, одному изъ лучшихъ по успѣхамъ и поведенію учениковъ реального училища, исключительно изъ крестьянъ Уфимскаго уѣзда.

§ 5. Стипендіатъ неодобрительного поведенія или неуспѣвающей безъ уважительныхъ причинъ въ наукахъ можетъ быть лишенъ стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта училища и съ согласія на то предсѣдателя Уфимской уѣздной земской управы.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендій или по другимъ какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіального капитала причисляются къ капитальной суммѣ для увеличенія размѣра стипендій.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Уфимскаго реальнаго училища въ учебное заведеніе другого типа, или закрытія училища, стипендіальный капиталъ съ тѣмъ же назначениемъ передается въ другое учебное заведеніе, по постановленію собранія Уфимскаго уѣзда земства и съ согласія попечителя Оренбургскаго учебнаго округа.

§ 9. Всѣ недоразумѣнія, какія могутъ возникнуть при примѣненіи §§ 2, 3, 4, 5, 7 и 8 настоящаго положенія, разрѣшаются попечителемъ Оренбургскаго учебнаго округа.

15. (22-го апрѣля 1902 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени вдовы коллежской ассессора Анны Карповны Авдѣвой при Севастопольскомъ Константиновскомъ реальному училищу.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счѣть процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи четыреста руб., завѣщанаго вдовою коллежского ассесора Анною Карповною Авдѣвой, учреждаются при Севастопольскомъ Константиновскомъ реальному училищѣ двѣ стипендіи имени завѣщательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ бумагахъ государственной 4% ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища, составляя неотъемлемую собственность сего заведенія и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственного сбора, употребляются на взносъ платы за учение одного армянина изъ родственниковъ завѣщательницы, а если такового не окажется, то одного изъ бѣднѣйшихъ армянъ и одного православнаго ученика училища по выбору педагогического совѣта.

§ 4. На стипендіи идутъ всѣ проценты, полученные съ означеннаго капитала; изъ нихъ сначала вносится плата за учение стипендиатовъ, въ остающейся части выдается имъ на книги и другія учебные пособія.

§ 5. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендій остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущія возникнуть при примѣненіи сего положенія какія-либо недоразумѣнія разрѣшаются попечителемъ Одесскаго учебнаго округа.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Севастопольскаго реальнаго училища въ какое-либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго для употребленія по назначению; въ случаѣ же совершенаго закрытія Севастопольскаго реальнаго училища стипендіальный капиталъ передается въ другое учебное заведеніе, по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія, для употребленія его по назначенню.

16. (15-го іюня 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени вдовы полковника Елены Александровны Александровой при Московской 1-й гимназіи.*

(Утверждено на основавіи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ десять тысячъ шестьсотъ руб., завѣщанаго вдовою полковника Еленою Александровною Александровой учреждается при Московской 1-й гимназіи стипендія имени завѣщательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Московской 1-й гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ и составляя ея неотъемлемую собственность.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственного сбора, поступаютъ на содержаніе въ пансионѣ одного ученика гимназіи. Остатки отъ процентовъ съ капитала присоединяются къ оному для образованія вноскѣствіи особаго капитала, проценты съ котораго могли бы быть употребляемы на уплату единовременнаго взноса на первоначальное обзаведеніе при поступлении стипендіата въ пансионъ гимназіи, или на учрежденіе новой стипендіи.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ гимназіи изъ числа бѣдныхъ дворянъ, заслуживающихъ стипендіи по отличному поведенію и удовлетворительнымъ успѣхамъ въ наукахъ.

§ 5. Стипендія сохраняется за стипендіатомъ въ теченіе всего

гимназического курса, но педагогическому совѣту гимназіи предо-
ставляется право лишать стипендіата стипендіи, если представляется въ
тому уважительная причина.

§ 6. Если съ течениемъ времени плата за содержаніе воспитан-
никовъ будетъ увеличена настолько, что процентовъ съ капитала не
будетъ доставать для покрытия этой платы, то педагогическому со-
вѣту предоставляется: или прекратить выдачу стипендіи до тѣхъ поръ,
когда капиталъ пополнится въ достаточной степени, или дополнять
недостающую сумму изъ специальныхъ средствъ гимназіи, или же, на-
конецъ, предложить стипендіату доплачивать эту сумму самому.

§ 7. Въ случаѣ ненахожденія между учениками гимназіи недоста-
точныхъ дворянъ, не выданная за тотъ или другой промежутокъ вре-
мени стипендія причисляется къ стипендіальному капиталу для уве-
личенія стипендіи уже учрежденной, или для образования новой.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ
обязательствъ.

*17. (28-го іюня 1902 года). Положеніе о стипендіяхъ ротмистра
Франца Контрыма при Ковенской мужской гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 14-го іюня 1902 года):

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала, завѣщанного ротмистромъ
бывшихъ польскихъ войскъ Францемъ Контрымомъ и составляющаго
нынѣ *три тысячи девяносто семьдесятъ* руб., учрѣждаются при
Ковенской мужской гимназіи три стипендіи имени завѣщателя, по
50 руб. въ годъ каждая.

§ 2. Означеный размѣръ стипендій можетъ быть увеличенъ или
уменьшенъ, сообразно количеству процентовъ, получаемыхъ съ ка-
питала.

§ 3. Могущіе образоваться по какому-либо случаю остатки отъ
стипендій присоединяются къ стипендіальному капиталу на предметъ
увеличенія размѣра стипеній.

§ 4. Стипендіальный капиталъ, составляя собственность Ковенской
гимназіи и оставаясь на вѣчное время неприкосновеннымъ, хранится
въ процентныхъ бумагахъ въ Ковенскомъ губернскомъ казначействѣ,
въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи.

§ 5. Правомъ на полученіе стипендій пользуются: дѣти бѣдныхъ
дворянъ, преимущественно дѣти родственниковъ и однофамильцевъ
завѣщателя Контрыма. Рекомендація кандидатовъ на стипендіи при-
надлежитъ наслѣдникамъ Тадеуша и Вероники Рымгайлловъ.

§ 6. Выборъ и назначение стипендиатовъ изъ лицъ, указанныхъ въ п. 5, предоставляемся педагогическому совѣту гимназіи.

§ 7. Стипендиі выдаются два раза въ годъ, въ началѣ каждого учебного полугодія, родителямъ стипендиатовъ или лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто.

§ 8. Стипендиаты пользуются стипендиями до окончанія курса гимназіи, но если кто-либо изъ нихъ въ теченіе курса окажется по своему поведенію, прилежанію и успѣхамъ не заслуживающимъ такого поощренія, то онъ, по опредѣленію педагогического совѣта гимназіи, лишается права на получение стипендиі и на его мѣсто избирается новый стипендиатъ.

§ 9. Пользованіе стипендиами не налагаетъ на стипендиатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 10. Въ случаѣ преобразованія Ковенской мужской гимназіи въ какое-либо другое среднее учебное заведеніе, капиталъ съ процентами остается въ томъ же заведеніи и для той же цѣли; если же, по какимъ-либо причинамъ, Ковенская гимназія будетъ совершенно закрыта, то капиталъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое учебное заведеніе Ковенской губерніи, по усмотрѣнію попечителя Виленскаго учебнаго округа.

§ 11. Могущія возникнуть какія-либо недоразумѣнія при назначеніи стипендиі или лишеніи оныхъ разрѣшаются попечителемъ Виленскаго учебнаго округа.

18. (26-го июля 1902 года). *Положеніе о стипендияхъ при Николаевской (Херсонской губерніи) Александровской гимназіи имени Абраама и Веніамина Семеновичей Агиныхъ, бывшихъ учениковъ названной гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ положенного на вѣчное время Николаевскимъ купцомъ Семеномъ Абрамовичемъ Агинымъ вклада, въ суммѣ шести тысячъ руб., учреждаются при Николаевской Александровской гимназіи двѣ стипендиі, по три тысячи руб. каждая, имени сыновей вкладчика Абраама и Веніамина Семеновичей Агиныхъ.

§ 2. Означенный вкладъ, внесенный въ Николаевское отдѣленіе государственного банка, за счетъ государственного казначейства, согласно утвержденнымъ г. министромъ финансовъ 23-го ноября 1894 г. правиламъ для приема вкладовъ на вѣчное время на основаніи Высочайшаго повелѣнія 25-го февраля 1883 года, составляетъ неприкосно-

венную собственность Николаевской Александровской гимназіи и за-
носится въ специальныя средства окой. Слѣдуемые по этому вкладу,
согласно § 1-му указанныхъ правиль, проценты получаются своевре-
менно администрациєю гимназіи изъ Николаевскаго отдѣленія госуда-
рственнаго банка, по выданному, на основаніи § 9-го тѣхъ же пра-
виль, изъ государственной комиссіи погашенія долговъ билету и
употребляются на стипендіи, согласно 4 и 10 пунктамъ сего по-
ложенія.

§ 3. При замѣтъ правительствомъ государственной комиссіи пога-
шения долговъ другимъ какимъ-либо соотвѣтствующимъ государствен-
нымъ учрежденіемъ, упомянутый вкладъ передается въ это новое
учрежденіе съ тою же цѣлью и на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ
онъ былъ первоначально вложенъ; въ противномъ же случаѣ предо-
ставляется право и вмѣняется въ обязанность педагогическому совѣту
Николаевской Александровской гимназіи, черезъ посредство адми-
нистраціи этой гимназіи, получивъ тотъ вкладъ, вложить его немедленно
въ соотвѣтственное по времени государственное банковое учрежденіе,
также на вѣчное время и слѣдуемые по этому вкладу проценты, за
удержаніемъ изъ нихъ государственного 5% сбера, продолжать по-
лучать и употреблять на стипендію, согласно настоящему положенію.

§ 4. Первая стипендія, имени А. С. Агина, согласно желанію
вкладчика, выдается способному и хорошаго поведенія бѣднѣйшему
ученику Николаевской Александровской гимназіи, безъ различія вѣро-
исповѣданія и сословія, но исключительно русскому подданному, вто-
рая же стипендія имени В. С. Агина, по желанію вкладчика, вы-
дается способному и хорошаго поведенія бѣднѣйшему ученику Нико-
лаевской Александровской гимназіи исключительно караимскаго вѣро-
исповѣданія и русскому подданному.

§ 5. Право избранія ученика для выдачи первой стипендія при-
надлежитъ всецѣло педагогическому совѣту Николаевской Александ-
ровской гимназіи. Право же избранія ученика для выдачи второй
стипендіи принадлежитъ собранію прихожанъ караимской синагоги (ке-
насе) въ Николаевѣ, при чемъ обѣ открытія и освобожденіи вакансіи
этой стипендіи начальство Николаевской Александровской гимназіи
должно каждый разъ сообщать прихожанамъ караимской кенасе го-
рода Николаева.

§ 6. Избраніе учениковъ въ стипендіаты, какъ педагогическими
совѣтомъ Николаевской Александровской гимназіи, такъ и собраніемъ
прихожанъ караимской кенасе, производится путемъ закрытой балло-

тировки при непремѣнномъ соблюденіи 4-го пункта сего положенія. При переходѣ права избрания ученика для выдачи стипендіи имени В. С. Агина, согласно 13-му пункту сего положенія, къ педагогическому совѣту Николаевской Александровской гимназіи, послѣдний руководствуется правилами, указанными въ семъ 6-мъ параграфѣ положенія.

§ 7. Стипендиатъ лишается получаемой стипендіи по опредѣлению педагогическаго совѣта гимназіи въ слѣдующихъ случаяхъ: а) когда онъ окажется дурного поведенія, б) когда успѣхи его въ наукахъ будутъ не удовлетворительны по лѣнности и в) когда материальное его положеніе улучшится настолько, что онъ будетъ имѣть возможность продолжать обученіе безъ помощи стипендіи.

§ 8. Если стипендиатъ будетъ оставленъ въ томъ же классѣ на второй годъ по болѣзни или по другимъ уважительнымъ причинамъ, то выдача стипендіи не прекращается.

§ 9. Если какая-либо изъ стипендій будетъ освобождена получавшимъ ее ученикомъ раньше окончанія имъ курса гимназіи, то она передается тому изъ учениковъ, который вполнѣ отвѣчаетъ 4-му пункту сего положенія; избрание же такового ученика произволится согласно 6-му пункту положенія.

§ 10. Стипендіи должны выдаваться по полугодию родителямъ или же опекунамъ стипендиатовъ, а если таковыхъ не имѣется, то имъ самимъ, т. е. стипендиатамъ, на руки.

§ 11. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендиатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 12. Въ случаѣ совершенаго упраздненія Николаевской Александровской гимназіи, право полученія процентовъ и распоряженіе ими, согласно съ положеніемъ, передается въ то правительство мужское среднее учебное заведеніе, которое будетъ учреждено вмѣсто упраздненной гимназіи, а если такового не будетъ учреждено, то въ то правительство мужское среднее учебное заведеніе, какое будетъ существовать въ городѣ Николаевѣ во время упраздненія гимназіи. Такая передача продолжается до тѣхъ поръ, пока въ г. Николаевѣ будетъ существовать правительство мужское среднее учебное заведеніе.

§ 13. Въ случаѣ, если въ какомъ-либо учебномъ году прихожанами калямской кенасы города Николаева не будетъ указанъ ученикъ калямскаго вѣроисповѣданія, согласно § 5-го сего положенія, для замѣщенія стипендіи имени В. С. Агина, то избрание стипендиата

предоставляется педагогическому совѣту при соблюдении пунктовъ 4 и 6 положенія. При этомъ ставится въ непремѣнное условіе, что такой стипендіатъ пользуется стипендіей только въ продолженіе одного учебнаго года. Если въ слѣдующемъ учебномъ году не будетъ указано прихожанами караимскаго кенасе ученика караимскаго вѣроисповѣданія, то педагогический совѣтъ поступаетъ точно такъ же, какъ и въ предыдущемъ учебномъ году. Таковой порядокъ продолжается до тѣхъ поръ, пока прихожанами караимской кенасе не будетъ избранъ на стипендію ученикъ караимскаго вѣроисповѣданія.

§ 14. Могущіе образоваться вслѣдствіе временнаго прекращенія выдачи стипендій остатки должны быть присоединяемы къ основному капиталу.

19. (8-го августа 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительного статского советника Константина Петровича Перцова при Пензенской 2-ой мужской гимназии.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. Почитателями дѣйствительного статского советника Константина Петровича Перцова въ память исполнившагося въ 1899 году, пятидесятилѣтія его государственной службы и тридцатилѣтія его служенія въ должности Пензенскаго вице-губернатора, учреждается стипендія его имени для учениковъ среднихъ мужскихъ учебныхъ заведений г. Пензы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты по номинальной стоимости на *две тысячи четыреста* рублей, оставаясь неприосновеннымъ, хранится въ Пензенскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Пензенской мужской гимназіи. Проценты съ него получаются, для употребленія согласно назначенію, директоромъ 2-й Пензенской мужской гимназіи, на обязанности которого лежитъ также наблюденіе за своевременнымъ отрѣзываніемъ купоновъ, обмѣномъ купонныхъ листовъ и самыхъ свидѣтельствъ въ случаѣ выхода въ тиражъ.

§ 3. Въ случаѣ выхода свидѣтельствъ ренты въ тиражъ на полученные деньги немедленно приобрѣтаются соотвѣтственная процентная бумаги.

§ 4. Проценты съ капитала, за удержаніемъ 5% государственного сбора, употребляются: а) на взносъ платы за право ученія стипендіата и б) на снабженіе его начальствомъ учебнаго заведенія учеб-

ными руководствами и пособиями, а также, въ случаѣ необходимости и иѣкоторою одеждой, съ тѣмъ, чтобы ежегодный расходъ на оба предмета не превышать семидесяти рублей.

§ 5. Остатокъ отъ процентовъ, который получится, за вышесуказаннымъ расходомъ, во время пользованія стипендию однимъ лицомъ, выдается ему полностью по поступлениі въ высшее учебное заведеніе для обзведенія книгами, учебными пособиями и форменною одеждой. Если же стипендіатъ не поступить въ высшее учебное заведеніе или выйдетъ изъ среднаго учебнаго заведенія до окончанія курса, то вышепомянутый остатокъ присоединяется къ основному капиталу.

§ 6. Стипендія предоставляется поступившимъ въ среднее учебное заведеніе, не ниже 1-го класса, сыновьямъ лишь, служащихъ или служившихъ въ учрежденіяхъ Пензенской губерніи по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, не имѣющихъ достаточныхъ средствъ для образования своихъ дѣтей, преимущественно же сиротамъ, лишившимся родителя.

§ 7. Право избранія стипендіатовъ изъ числа учениковъ одного изъ среднихъ учебныхъ заведеній г. Пензы принадлежитъ пожизненно Константину Петровичу Перцову. Впослѣдствіи же стипендія остается навсегда при 2-й Пензенской мужской гимназіи, и стипендіаты избираются педагогическимъ совѣтомъ ея по соглашенію съ почетнымъ попечителемъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ предоставленія стипендіи лицу, воспитывающемуся въ другомъ учебномъ заведеніи (§ 7), деньги, потребныя для текущихъ по ней расходовъ (§ 4), поступаютъ къ начальству послѣдняго чрезъ директора 2-й гимназіи.

§ 8. Стипендіатъ сохраняетъ право на пользованіе стипендию во все время прохожденія курса среднаго учебнаго заведенія, но лишается ея, если будетъ оставленъ на повторительный курсъ болѣе двухъ разъ въ теченіе полнаго курса. Въ послѣднемъ случаѣ право пользованія стипендию можетъ быть предоставлено по особому постановленію педагогическаго совѣта, если причиною малоуспѣшности занятій была продолжительная болѣзнь стипендіата или другія обстоятельства, отъ него не зависящія.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Пензенской 2-й гимназіи въ учебное заведеніе другого типа, стипендиальный капиталъ переходитъ съ тѣмъ же назначениемъ въ это учебное заведеніе; въ случаѣ же ураздженія ея онъ передается въ одно изъ другихъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній г. Пензы по соглашенію Пензенскихъ губернатора,

губернского предводителя дворянства и городского головы съ начальствомъ Харьковскаго учебнаго округа.

§ 10. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

20. (17-го сентября 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени управляшаго Киевской конторой государственного банка, доктора истории Георгія Емельяновича Афанасьева при Киевскомъ реальному училищѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ три тысячи сто тридцать семь рублей 13 копѣекъ, собраннаго среди представителей промышленныхъ и кредитныхъ учрежденій, а равно частныхъ лицъ и землевладѣльцевъ юго-западнаго края, учреждается при Киевскомъ реальному училищѣ стипендія имени управляшаго Киевской конторой государственного банка, доктора истории Георгія Емельяновича Афанасьева.

§ 2. Капиталъ этотъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ Киевскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища, составляя его собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендія назначается недостаточному ученику училища, безъ различія званія, состоянія, вѣроисповѣданія и національности, по указанію Г. Е. Афанасьева, а если съ его стороны въ теченіе мѣсяца послѣ извѣщенія его о томъ, что стипендія свободна, указаній не послѣдуется, назначеніе стипендіата происходитъ по усмотрѣнію педагогическаго совѣта училища, при чмъ предпочтеніе отдается сыновьямъ служившихъ и служащихъ въ Киевской конторѣ государственнаго банка. Послѣ смерти Г. Е. Афанасьева право выбора стипендіата предоставляется педагогическому совѣту училища.

§ 4. Стипендіатомъ можетъ быть лишь недостаточный ученикъ, занимающійся успѣшино и отличающійся хорошимъ поведеніемъ. Въ случаѣ неуспѣшныхъ занятій или неодобрительного поведенія стипендіата педагогическій совѣтъ училища во всякое время можетъ лишить его стипендія, немедленно извѣщаю Г. Е. Афанасьеву о таковомъ рѣшеніи съ фактической мотивированной послѣднаго.

§ 5. Размѣръ стипендіи опредѣляется суммою годовыхъ процентовъ со стипендіального капитала, при чмъ раньше всего выдаются стипендіату деньги для уплаты за право ученія, а остальная выда-

ются ему два раза въ теченіе года, а именно: въ августѣ и январѣ мѣсяцахъ.

§ 6. Стипендія назначается до окончанія курса съ соблюденіемъ условій, изложенныхъ въ пунктѣ 4.

§ 7. Остатки отъ процентовъ, могутіе получиться вслѣдствіе временнаго незамѣщенія стипендіи, присоединяются къ основному капиталу для увеличенія его доходности.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

21. (12-го октября 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени Ревельского гражданина Николая Александра Карла Мейера при училищахъ, состоящихъ при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ четыре тысячи сто рублей, собранного среди служащихъ товарищества шелковой мануфактуры въ Москвѣ, учреждается при училищахъ, состоящихъ при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра и Павла въ Москвѣ, одна стипендія имени Ревельского гражданина Николая Александра Карла Мейера.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% государственной рентѣ, поступаетъ въ распоряженіе училищного совѣта означенныхъ училищъ для употребленія его согласно сему положенію.

§ 3. Проценты съ означенного капитала, за удержаніемъ въ казну 5% сбора, употребляются на взносъ платы за учение стипендіата или стипендіатки, а могутій оказаться вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи или по другимъ какимъ-либо причинамъ остатокъ присоединяется къ основному стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 4. Стипендія предоставляется преимущественно дѣтямъ лицъ, служащихъ въ товариществѣ шелковой мануфактуры, безъ различія въроиспользованія и происхожденія.

§ 5. Право назначенія стипендіата или стипендіатки принадлежить пожизненно Николаю Александру Карлу Мейеру, а затѣмъ переходить къ правленію товарищества шелковой мануфактуры съ соблюдениемъ вышеопредѣленныхъ для того условій. Объ освобожденія стипендіи каждый разъ сообщается училищнымъ начальствомъ своеувре-

менно Николаю Александру Карлу Мейеру или правлению товарищества шелковой мануфактуры въ Москвѣ.

§ 6. Въ случаѣ выхода $\%$ бумагъ въ тиражъ погашенія, или конвертированія ихъ, церковнымъ совѣтомъ приобрѣтаются взамѣнъ оныхъ такія государственные или правительствомъ гарантированные $\% \%$ бумаги, какія, по усмотрѣнію церковнаго совѣта, окажутся наиболѣе выгодными по приносимому ими доходу.

§ 7. Пользованіе стипендій не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

22. (29-го октября 1902 года). *Положеніе о стипендіи при общежитіи братства святыхъ Кирилла и Меѳодія для бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ четыре тысячи пятьсотъ рублей, пожертвованаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Митрофаномъ Михайловичемъ Рукавишниковымъ, учреждается при общежитіи братства свв. Кирилла и Меѳодія, основанномъ для помѣщенія на полномъ содержаніи отъ братства бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи, одна стипендія.

§ 2. Стипендіальный капиталъ внесенъ вкладомъ на вѣчное время въ Нижегородское отдѣленіе государственного банка по квитанціи отъ 2-го мая 1902 года, за № 2508.

§ 3. Проценты съ стипендіального капитала, задержаніемъ изъ нихъ 5% государственного сбора, получаются совѣтомъ братства святыхъ Кирилла и Меѳодія и обращаются на содержаніе при означенномъ общежитіи одного стипендіата.

§ 4. Право избранія стипендіата изъ числа бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи, отличающихся благонравіемъ и хорошими успѣхами, предоставляется пожизненно дѣйствительному статскому совѣтнику П. А. Некрасову; послѣ его смерти—учредителю стипендіи М. М. Рукавишникову, а за смертью послѣдняго—совѣту братства свв. Кирилла и Меѳодія.

§ 5. Въ случаѣ закрытія братства свв. Кирилла и Меѳодія право распоряженія процентами со стипендіального капитала для указанной въ § 3 цѣли, а также и право избранія стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Нижегородской гимназіи.

§ 7. Пользованіе стипендій не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

23. (29-го октября 1902 года). Положение о стипендии имени бывшаго директора Нижегородской гимназии статского советника Николая Яковлевича Самойловича при общежитии братства святых Кирилла и Мефодия для бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназии.

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ четыре тысячи пятьсотъ рублей, пожертвованного потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Митрофаномъ Михайловичемъ Рукавишниковымъ, учреждается при общежитіи братства свв. Кирилла и Мефодія, основанномъ для помѣщенія на полномъ содержаніи отъ братства бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи одна стипендія имени бывшаго директора Нижегородской гимназіи статского советника Николая Яковлевича Самойловича.

§ 2. Стипендіальный капиталъ внесень вкладомъ на вѣчное время въ Нижегородское отдѣленіе государственного банка по квитанціи отъ 2-го мая 1902 года, за № 2509.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ ихъ 5% государственного сбора, получаются совѣтомъ братства свв. Кирилла и Мефодія и обращаются на содержаніе при означеннемъ общежитія одного стипендіата.

§ 4. Право избранія стипендіата изъ числа бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи, отличающихся благонравіемъ и хорошими успѣхами, предоставляется статскому совѣтнику Н. Я. Самойловичу, послѣ его смерти—учредителю стипендіи М. М. Рукавишникову, а за смертью послѣдняго—совѣту братства свв. Кирилла и Мефодія.

§ 5. Въ случаѣ закрытія братства свв. Кирилла и Мефодія, право распоряженія процентами со стипендіального капитала для указанной въ § 3 цѣли, а также и право избранія стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Нижегородской гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

24. (29-го октября 1902 года). Положение о стипендии имени бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Ивана Давидовича Делянова при Пензенской 2-й мужской гимназіи.

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу руб., пожертвованного почетнымъ попечителемъ Пензенской 2-й мужской гимназіи,

гофмейстеромъ Высочайшаго двора Александромъ Александровичемъ Араповымъ, учреждается при названной гимназіи стипендія имени бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Ивана Давидовича Делянова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ свидѣтельствѣ государственной 4% ренты тысячерублеваго достоинства за № 1851, сер. 172, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Пензенской 2-й мужской гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора, употребляются на взносъ платы за обученіе въ гимназіи избраннаго стипендіата, а остатки отъ процентовъ, если окажутся, выдаются родителямъ стипендіата или лицамъ, имѣющимъ о немъ попеченіе, на его содержаніе, покупку одежды и т. п.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ бѣднѣшихъ учениковъ гимназіи дворянскаго происхожденія.

§ 5. Право избрания стипендіата принадлежитъ пожизненно жертвователю—гофмейстеру Арапову, а затѣмъ переходить къ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ закрытия Пензенской 2-й мужской гимназіи, стипендіальный капиталъ долженъ быть переданъ въ Лазаревский институтъ восточныхъ языковъ въ Москвѣ, для употребленія процентовъ съ него на вѣчное поминовеніе графа Иоанна въ храмѣ института.

25. (31-го октября 1902 года). *Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени военнаго министра генералъ-адютанта Алексея Николаевича Куропаткина при Маргеланской мужской прогимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ дев'ятнадцать тысячъ рублей, пожертвованнаго жителями Ферганской области въ ознаменование посвѣщенія ихъ области военнымъ министромъ А. Н. Куропаткинымъ въ 1901 г., учреждаются при Маргеланской мужской прогимназіи двѣ стипендіи имени военнаго министра генералъ-адютанта Алексея Николаевича Куропаткина.

§ 2. Стипендіальний капиталъ, заключающійся въ государствен-
ныхъ или гарантированныхъ правителствомъ бумагахъ, хранится въ
мѣстномъ казначействѣ въ специальныхъ средствахъ Маргеланской
мужской прогимназіи, составляя неотъемлемую собственность ея и
оставаясь навсегда неприкосновеннымъ. Въ случаѣ выхода въ тиражъ
процентныхъ бумагъ, прогимназія приобрѣтаетъ новыя соотвѣтствен-
ной цѣнности государственные или гарантированные правителствомъ
процентныя бумаги.

§ 3. Проценты съ означенного стипендіального капитала, за вы-
четомъ 5% государственного налога, выдаются поровну, по усмо-
трѣнію ферганского военнаго губернатора, двумъ недостаточнымъ
ученикамъ прогимназіи православнаго или мусульманскаго вѣропо-
вѣданія, безъ различія сословій, заслуживающимъ того по своей
нравственности и успѣхамъ въ наукахъ.

§ 4. Проценты выдаются на руки родителямъ стипендіата или
лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто, или же самимъ стипендіатамъ,
по четвертямъ года.

§ 5. Стипендіатъ, въ случаѣ неодобрительного поведенія или
малоуспѣшности, а также въ случаѣ улучшенія материальныхъ средствъ
его, можетъ быть лишенъ стипендіи педагогическимъ совѣтомъ про-
гимназіи, съ согласіемъ военнаго губернатора Ферганской области.

Примѣчаніе. Въ случаѣ перехода стипендіата изъ прогим-
назіи въ другое среднее учебное заведеніе онъ лишается сти-
пендией.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ ни-
жакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ про-
центовъ со стипендіального капитала остатки присоединяются къ
основному капиталу для увеличенія размѣровъ стипендій или для
образованія новой стипендіи.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія прогимназіи въ полную гимна-
зію или учебное заведеніе другого типа, стипендіальный капи-
талъ, съ соблюдениемъ условій настоящаго положенія, переходить
въ преобразованное учебное заведеніе; въ случаѣ же его закры-
тія, стипендія, по усмотрѣнію военнаго губернатора Ферганской
области, переводится въ одно изъ учебныхъ заведеній Ферганской
области.

26. (31-го октября 1902 года). *Положение о стипендії имені Виленского вице-губернатора, камергера Высочайшаго двора статского советника Ивана Сергеевича Леонтьева при Виленской 2-ой гимназии.*

(Утверждено на основании Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу сорокъ три руб., собранного по подпискѣ лицами, пожелавшими увѣковѣчить дѣятельность бывшаго Виленского вице-губернатора, камергера Двора Его Императорскаго Величества, статского советника Ивана Сергеевича Леонтьева, учреждается при Виленской 2-й гимназии одна стипендія имени И. С. Леонтьева.

§ 2. Стипендиальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствѣ государственной 4% ренты, хранится въ Виленскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Виленской 2-й гимназии, составляя ея неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендиального капитала, за удержаніемъ установленного государственного сбора, выдаются стипендіату, его родителямъ или опекунамъ по полугодіямъ.

§ 4. Сія стипендія предназначается для бѣднѣйшихъ учениковъ Виленской 2-й гимназии, безъ различія сословій, православнаго исповѣданія; предоставленною стипендіею ученикъ пользуется во все времена пребыванія въ учебномъ заведеніи.

§ 5. Право назначенія стипендіата принадлежитъ ныжиненно И. С. Леонтьеву, засимъ лицу, которое будетъ имъ указано, если же такового указанія не послѣдуетъ, а равно въ случаѣ смерти указанного лица право избранія стипендіата переходитъ къ педагогическому совету гимназии.

§ 6. Стипендіатъ лишается стипендіи лишь за неодобрительное поведеніе и не иначе, какъ по опредѣленію педагогического совета гимназии.

§ 7. Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ со стипендиального капитала, равно какъ и взносы, могущіе еще поступить для увеличенія размѣровъ стипендиального капитала, присоединяются къ сему капиталу для увеличенія размѣровъ стипендій.

§ 8. Въ случаѣ закрытия Виленской 2-й гимназии стипендиальный капиталъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое соответствующее мужское учебное заведеніе г. Вильны, по усмотрѣнію министерства народного просвѣщенія.

§ 9. Пользованіе стипендію не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

27. (5-го ноября 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго почетнаго попечителя Урюпинскаго реальнаго училища Степана Никифоровича Ежова.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ три тысячи руб., пожертвованаго Александромъ, Никифоромъ, Степаномъ, Николаемъ, Михаиломъ и Иваномъ Степановичами Ежовыми, учреждается при Урюпинскомъ реальному училищѣ одна стипендія имени отца жертвователей, бывшаго почетнаго попечителя училища Степана Никифоровича Ежова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ Хоперскомъ окружномъ казначействѣ въ чистѣ специальныхъ средствъ Урюпинскаго реальнаго училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ и составляя собственность училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственного 5% сбора, употребляются на уплату за право ученія и на снабженіе учебными пособіями, одеждой, обувью и горячими завтраками одного изъ лучшихъ по поведенію и по успѣхамъ недостаточныхъ учениковъ училища изъ числа уроженцевъ Хоперскаго округа; остающіяся, за удовлетвореніемъ указанныхъ нуждъ стипендіата, деньги выдаются на руки или самому стипендіату, или его родителямъ, или опекунамъ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта.

§ 4. Право избранія стипендіата изъ числа кандидатовъ, предложенныхъ педагогическимъ совѣтомъ училища, принадлежитъ пожизненно жертвователямъ, при чемъ эти послѣдніе уполномочиваются одного изъ братьевъ для сношеній съ педагогическимъ совѣтомъ по этому предмету. За неодобрительное поведеніе или малоуспѣшность стипендіата можетъ быть лишенъ стипендіи педагогическимъ совѣтомъ также по предварительному сношению съ жертвователями. По смерти всѣхъ жертвователей распоряженіе стипендію въ предѣлахъ этого положенія предоставляется педагогическому совѣту.

§ 5. Ученикъ, пользующійся стипендію, именуется стипендіатомъ Степана Никифоровича Ежова.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіального капитала, по мѣрѣ ихъ накопле-

нія; обращаются въ государственный % бумаги и причисляются къ основному капиталу для увеличения размѣра стипендій.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Урюпинскаго реальнаго училища въ учебное заведеніе другого типа стипендіальный капиталъ остается собственностью преобразованнаго училища; въ случаѣ же его упраздненія стипендія, по усмотрѣнію попечителя Харьковскаго учебнаго округа, переводится въ одно изъ учебныхъ заведеній Урюпинской станицы.

28. (7-го ноября 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени дворянина Андрея Ивановича Викашевича при Роменскомъ реальному училищѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу двѣстѣ рублей, заключающагося въ двухъ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты и пожертвованнаго дворяниномъ Андреемъ Ивановичемъ Викашевичемъ, учреждается при Роменскомъ реальному училищѣ одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Стипендія представляется ученику Роменскаго реальнаго училища, сыну бѣдныхъ родителей изъ личныхъ дворянъ, оказывающему, при отличномъ поведеніи, успѣхи въ прохожденіи курса.

§ 3. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 4. Стипендія назначается на взносы платы за право ученія стипендіата въ реальному училищѣ.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ, но желательно, чтобы стипендіатъ, по окончаніи курса въ училищѣ, возвратилъ, по возможности, тѣ деньги, которыхъ онъ получалъ въ бытность стипендіатомъ, для составленія капитала съ цѣлью образования новой такой же стипендіи.

29. (13-го ноября 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени почтенного гражданина г. Курска, тайного советника Даниила Григорьевича Жаворонкова при Курской мужской гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На основаніи постановленія Курской городской думы, состоявшагося 2-го ноября 1900 г., учреждается при Курской мужской

гимназії одна стипендія імени почетного гражданина города Курска, тайного советника Даниила Григорьевича Жаворонкова въ триста рублей для выдачи одному изъ окончившихъ курсъ учениковъ, содержащихъ на средства города начальныхъ и приходскихъ училищъ для продолженія имъ образования въ Курской гимназіи, а затѣмъ въ университетѣ, или по его желанію, въ одномъ изъ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеній Имперіи.

§ 2. Стипендія эта обезпечивается ежегодно вносимою въ расходы сметы г. Курска опредѣленною на содержаніе стипендіата суммою въ размѣрѣ трехсотъ руб. въ годъ.

§ 3. Стипендія предоставляется одному изъ сыновей постоянныхъ жителей г. Курска, православного вѣроисповѣданія, окончившему курсъ въ одномъ изъ содержащихъ на средства города вышеуказанныхъ начальныхъ училищъ; при выборѣ стипендіата принимается во вниманіе имущественное и семейное положеніе кандидата, причемъ болѣе бѣдныи, особенно сиротамъ, отдается предпочтеніе.

§ 4. Стипендіатъ утверждается Курской городскою думою по представленію городской управы, которая производить выборъ лицъ для опредѣленія на стипендію изъ числа окончившихъ курсъ въ одномъ изъ содержащихъ на средства города упоминаемыхъ въ § 1 училищъ и пожелавшихъ продолжать образованіе въ Курской гимназіи, а затѣмъ въ университетѣ или въ одномъ изъ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеній Имперіи.

§ 5. Стипендія выдается впередъ до окончанія стипендіатомъ курса наукъ или выбытія его по какому-либо случаю изъ учебного заведенія. Выдача стипендіи производится изъ кассы городской управы во время обученія въ Курской гимназіи—родителямъ или воспитателямъ стипендіата помѣсячно въ размѣрѣ 200 р. въ годъ, а остальная сумма вносится управою для обращенія изъ процентовъ въ сберегательную кассу при Курскомъ отдѣлении государственного банка и выдается тому же стипендіату: первая половина по окончаніи имъ курса гимназіи, а вторая—по окончаніи курса въ высшемъ учебномъ заведеніи. Во время же прохожденія курса въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній стипендія выдается самому стипендіату впередъ по полугодіямъ, т. е. по 150 р., не позже 2-го января и 2-го августа, но не иначе, какъ по представленіи въ управу каждый разъ удостовѣренія начальства учебного заведенія о томъ, что стипендіатъ действительно слушаетъ курсъ въ учебномъ заведеніи.

§ 6. Если стипендіатъ, слушая курсъ наукъ въ одномъ изъ выс-

шихъ учебныхъ заведеній, пожелаетъ перейти въ другое высшее учебное заведеніе, то съ ходатайствомъ о сохраненіи за нимъ стипендіи онъ долженъ обратиться чрезъ Курскую городскую управу въ городскую думу.

§ 7. Въ случаѣ смерти стипендиата или выбытія его изъ гимназіи до окончанія курса, образовавшейся остатокъ отъ суммы, предположенной къ выдачѣ стипендиату по окончанію имъ курса въ гимназіи и въ высшемъ учебномъ заведеніи, обращается въ городской доходъ.

§ 8. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендиі, ассигнованныхъ на этотъ предметъ суммы обращаются, какъ остатокъ, въ общегородскія средства.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія или упраздненія Курской гимназіи, стипендія переводится по усмотрѣнію думы въ другое средне-учебное заведеніе г. Курска.

§ 10. Полученіе стипендіи не налагаетъ никакихъ обязательствъ на стипендиата по окончанію имъ курса какъ въ среднемъ, такъ и въ высшемъ учебномъ заведеніи.

30. (30-го ноября 1902 года). *Положеніе о стипендиахъ имени астраханскаго мѣщанина изъ армянъ Сергея Васильевича Тамазова при Астраханскомъ реальному училищѣ.*

(Утверждено на основаніе Высочайшаго поведѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ пять тысячъ рублей, пожертвованного астраханскимъ мѣщаниномъ изъ армянъ Сергеемъ Васильевичемъ Тамазовымъ, учреждаются стипендіи имени жертвователя при Астраханскомъ реальномъ училищѣ.

§ 2. Стипендиальный капиталъ, заключающійся въ 5 билетахъ по тысячу рублей каждый, 4% государственной ренты по nominalной ея стоимости, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Астраханского реального училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Изъ процентовъ со стипендиального капитала вносится плата за учекіе въ училищѣ въ первое время только за двухъ стипендиатовъ по 40 руб. въ годъ за каждого, которымъ кромѣ сего выдается по 5 руб. на учебныя пособія; остающіеся засимъ проценты причисляются къ капитальной суммѣ и по мѣрѣ ея увеличенія увеличивается число стипендій, но всегда въ четномъ числѣ и при томъ условіи, что изъ стипендіи должно расходоваться не болѣе половины получаемыхъ ежегодно съ капитальной суммы процентовъ.

§ 4. Получаемые проценты, по мѣрѣ возможности, обращаются въ государственные процентные бумаги, а суммы процентовъ менѣе 100 р. вносятся въ государственную сберегательную кассу съ тѣмъ, чтобы по мѣрѣ накопления суммъ пріобрѣтались на нихъ тоже государственные процентные бумаги.

§ 5. Стипендиаты избираются педагогическимъ совѣтомъ училища преимущественно изъ бѣдѣйшихъ учениковъ его, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы одна половина стипендиатовъ было изъ лицъ армяно-григоріанского вѣроисповѣданія, а другая изъ лицъ, принадлежащихъ къ какому-либо другому вѣроисповѣданію, безъ различія сословія и званія.

Примѣчаніе. Если когда-либо за недостаткомъ бѣдныхъ учениковъ и лицъ армяно-григоріанского вѣроисповѣданія, педагогический совѣтъ не найдетъ возможнымъ исполнить требование § 5, то тогда ему предоставляется право назначенія стипендиатовъ независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія и материальной обеспеченности, но, по возможности, при этомъ должно быть отдано преимущество мѣстнымъ жителямъ предъ иногородними.

§ 6. Избранные стипендиаты пользуются стипендиями въ продолженіи всего времени нахожденія ихъ въ училищѣ.

§ 7. Въ случаѣ закрытия реального училища или преобразованія его въ другое учебное заведеніе, капиталъ долженъ быть переданъ въ то учебное заведеніе въ Астрахани, которое по своему типу болѣе подходитъ къ реальному училищу.

§ 8. Въ случаѣ увеличенія платы за право ученія, размѣръ стипендиі долженъ соотвѣтственно увеличиться, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы при дальнѣйшемъ увеличеніи числа стипендиі быть соблюдать § 3, т. е. чтобы на стипендиі шло не болѣе половины получаемыхъ процентовъ съ капитала.

§ 9. Пользованіе стипендиами не налагаетъ на стипендиатовъ никакихъ обязательствъ.

31. (3-го декабря 1902 года). *Положеніе о стипендиѣ Лодзинскаго городового магистрата въ память 50-ти-лѣтія со дня кончины поэта Николая Васильевича Гоголя, при Лодзинской мужской гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ девъ тысячи руб., отпущеннаго изъ средствъ Лодзинской городской кассы, учреждается въ память 50-ти-лѣтія со дня кончины поэта Николая Васильевича Гоголя, одна стипендия при Лодзинской мужской гимназіи.

Приимчаніе. Въ случаѣ закрытія сего учебнаго заведенія, или его преобразованія, стипендія переходитъ въ преобразованное заведеніе, или то, которое оное замѣнить въ г. Лодзи.

§ 2. На содержаніе стипендіата обращаются проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора.

§ 3. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ процентныхъ государственныхъ бумагахъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназіи, составляя ея собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 4. Въ стипендіаты избираются дѣти бѣдныхъ жителей г. Лодзи, русскихъ подданныхъ, безъ различія исповѣданій, изъ лучшихъ по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію учениковъ гимназіи.

§ 5. Для замѣщенія стипендіи, педагогический совѣтъ Лодзинской гимназіи избираетъ трехъ кандидатовъ и со свѣдѣніями объ ихъ успѣхахъ, поведеніи и имущественномъ состояніи, а также со своимъ заключеніемъ, представляетъ списокъ этихъ кандидатовъ въ Лодзинский городовой магистратъ. Избранный Лодзинскимъ магистратомъ кандидатъ утверждается попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа.

§ 6. Стипендіатъ пользуется назначеною ему стипендіей во все время пребыванія своего въ Лодзинской гимназіи и можетъ быть лишенъ ея лишь въ случаѣ неуспѣшности и дурного поведенія.

§ 7. Въ случаѣ выхода въ тиражъ билетовъ, обезпечивающихъ стипендію, приобрѣтаются вновь государственные процентныя бумаги.

§ 8. О вакантной стипендіи публикуется всякий разъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и въ одной изъ болѣе распространенныхъ Лодзинскихъ газетъ.

§ 9. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

32. (10-го декабря 1902 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени бывшаго почетнаго попечителя Корочанской Александровской гимназіи Ioасафа Федоровича Шетохина и умершаю маcнаю Корочанскаю земскою собранію Петра Николаевича Авдѣева при Корочанской Александровской гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. Въ ознаменованіе полезной дѣятельности бывшаго почетнаго попечителя Корочанской Александровской гимназіи, дѣйствительного статского совѣтника Ioасафа Федоровича Шетохина и состоявшаго гласнымъ Корочанскаго уѣзднаго земскаго собранія, нынѣ умершаго

статского советника Петра Николаевича Авдеева, Корочанскимъ 37-мъ очереднымъ уѣзднымъ земскими собраніемъ учреждаются при названной гимназіи 2 земскихъ стипендіи: одна имени И. Ф. Шетохина въ суммѣ ста восьмидесяти рублей и другая—имени П. Н. Авдеева въ сто двадцать рублей.

§ 2. Суммы, означенныя въ § 1, ежегодно вносятся въ смету обязательныхъ расходовъ Корочанского уѣзднаго земства, начиная съ 1-го января 1902 года.

§ 3. Право назначенія стипендій принадлежитъ Корочанскому уѣздному земству, по взаимному соглашенію относительно 1-й стипендіи съ г. Шетохинымъ, а послѣ его смерти со старшимъ въ его родѣ, а по отношению къ стипендіи имени П. Н. Авдеева со старшимъ въ его родѣ.

§ 4. Въ стипендиаты избираются ученики названной гимназіи безъ различія сословій, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы или они сами, или родители ихъ принадлежали къ плательщикамъ Корочанского уѣзднаго земства.

§ 5. Стипендіи выдаются помѣсячно родителямъ, родственникамъ или опекунамъ стипендиатовъ за исключеніемъ платы за учение, которая вносится непосредственно въ гимназію.

§ 6. Если стипендиатъ по неудовлетворительности успѣховъ или по какимъ-либо другимъ причинамъ долженъ будеть оставить гимназію, то стипендія, съ соблюдениемъ тѣхъ же условій, передается другому лицу.

§ 7. По окончаніи стипендиатомъ полнаго курса гимназіи, на освободившуюся стипендію назначается, тѣмъ же порядкомъ, новый стипендиатъ.

§ 8. Въ случаѣ упраздненія Корочанской Александровской гимназіи или преобразованія ея въ другое учебное заведеніе стипендіи или переходятъ въ преобразованное учебное заведеніе, или передаются въ другое, по усмотрѣнію Корочанского уѣзднаго земства.

§ 9. Пользованіе стипендиами не налагаетъ на стипендиатовъ никакихъ обязательствъ.

33. (13-го декабря 1902 года). Положеніе о стипендияхъ имени дворянинна Тверской губерніи, отставного поручика Андрея Кирилловича Михайлова, при обществѣ всестоящемъ нуждающимся учениковъ Витебской гимназіи.

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ руб., за-

вѣщанного дворяниномъ Тверской губерніи, отставнымъ поручикомъ Андреемъ Кирилловичемъ Михайловымъ, учреждаются при обществѣ вспомоществованія нуждающимся ученикамъ Витебской гимназіи четыре равныя стипендіи имени „Андрея Кирилловича Михайлова“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% государственной рентѣ, хранится въ Витебскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Витебской гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственного налога, выдаются избраннымъ стипендіатамъ въ началѣ каждого полугодія.

§ 4. Выборъ и назначеніе стипендіатовъ предоставляется правлѣнію общества вспомоществованія нуждающимся ученикамъ Витебской гимназіи по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи. Стипендіаты избираются изъ числа самыхъ бѣднѣшихъ учениковъ гимназіи, преимущественно изъ сиротъ дворянскаго сословія, Витебской губерніи, православнаго исповѣданія.

§ 5. Могущіе образоваться по какому-либо случаю остатки отъ стипендіи присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 6. Если по какимъ-либо обстоятельствамъ общество вспомоществованія нуждающимся ученикамъ Витебской гимназіи прекратить свои дѣйствія, то означенный капиталъ обращается, на основаніи § 37 устава общества, въ собственность гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, проценты же съ капитала употребляются для ежегодной выдачи нуждающимся воспитанникамъ, по опредѣленію педагогического совѣта, согласно волѣ завѣщателя, изложенной въ п. 4 положенія о стипендіяхъ.

§ 7. Въ случаѣ закрытія Витебской гимназіи, стипендіальный капиталъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое подобное учебное заведеніе Витебской губерніи по усмотрѣнію попечителя Виленского учебнаго округа.

§ 8. Всѣ недоразумѣнія, могущія возникнуть при примѣненіи настоящаго положенія, разрѣшаются попечителемъ Виленского учебнаго округа.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

34. (15-го декабря 1902 года). *Положение о стипендіи имени Михаила Павловича Фивейского, бывшаго ученика Ярославской гимназии, при Ярославской гимназии.*

(Утверждено на основании Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу сто рублей, за-
вѣщанного вдовою протоіерея Анеусой Павловной Фивейской, учре-
ждается при Ярославской мужской гимназии одна стипендія имени быв-
шаго ученика названной гимназии Михаила Павловича Фивейского.

§ 2. Стипендиальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, составляетъ неотъемлемую собственность гимназіи и хранится въ числѣ ея специальныхъ средствъ въ мѣстномъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означенія капитала, за удержаніемъ въ казну 5% государственного сбора, употребляются на взносъ платы за обученіе одного изъ бѣднѣшихъ учениковъ гимназіи, безъ различія его происхожденія.

§ 4. Право выбора стипендиата принадлежитъ пожизненно сыну завѣщательницы Николаю Павловичу Фивейскому, а затѣмъ переходить къ педагогическому совѣту гимназии, при чёмъ стипендія должна назначаться предпочтительно настоящимъ или бывшимъ ученикамъ И. П. Фивейского, состоящаго нынѣ преподавателемъ Ярославской гимназіи.

§ 5. Стипендія сохраняется за стипендиатомъ въ теченіе всего гимназического курса, но онъ можетъ быть лишенъ стипендіи въ случаѣ неодобрительного поведенія по постановленію педагогического совѣта.

§ 6. Если съ теченіемъ времени плата за обученіе будетъ увеличена, то педагогическому совѣту предоставляется предложить стипендиату доплачивать недостающую сумму изъ своихъ средствъ.

§ 7. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія въ теченіе нѣкотораго времени стипендиі или по какимъ-либо инымъ причинамъ остатки хранятся въ наличныхъ деньгахъ въ специальныхъ средствахъ гимназіи, а изъ этихъ денегъ выдается стипендиату при окончаніи имъ полнаго курса гимназіи единовременное пособіе въ размѣрѣ, опредѣляемомъ педагогическимъ совѣтомъ.

§ 8. Пользованіе стипендией не налагаетъ на стипендиата никакихъ обязательствъ.

35. (15-го декабря 1902 года). *Положение о стипендіи имени покойного ученика IV класса Иваново-Вознесенского реального училища Николая Бегена при Иваново-Вознесенскомъ реальному училищу.*

(Утверждено на основании Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу сто рублей, пожертвованаго женою Иваново-Вознесенскаго купца Ольгой Валеріановной Бегенъ, учреждается при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени умершаго сына жертвовательницы бывшаго ученика IV класса этого училища, Николая Бегена.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Иваново-Вознесенскаго реального училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора, расходуются на взносы платы за обучение или на другія надобности избраннаго стипендіата.

§ 4. Стипендія назначается бѣднѣшему ученику училища, не ниже IV класса, православнаго исповѣданія, отличающемуся хорошимъ поведеніемъ и оказывающему удовлетворительные успѣхи въ наукахъ.

§ 5. Право избрания стипендіата принадлежитъ пожизненно жертвовательнице О. В. Бегенъ, а затѣмъ переходитъ къ педагогическому совѣту училища.

§ 6. Избранный стипендіатъ пользуется стипендіей во все время его пребыванія въ училищѣ, но въ случаѣ неодобрительного поведенія и малоуспѣшности можетъ быть лишенъ права пользованія стипендіей по постановленію педагогического совѣта.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіального капитала причисляются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

36. (17-го декабря 1902 года). *Положение о стипендіальномъ капиталѣ имени ксендза Франца Кручинскаго при Варшавской IV мужской гимназии.*

(Утверждено на основании Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ три тысячи девяносто руб., по-

жертвованного бывшими учениками 4-й Варшавской мужской гимназії и другими лицами, хранящагося въ депозитѣ Варшавскаго городскаго кредитнаго общества въ 4¹/₂% закладныхъ листахъ этого общества, учреждается одна или двѣ стипендіи имени ксендза Франца Крупинскаго, бывшаго законоучителя Варшавской 4-й мужской гимназіи, при названій гимназіи для учениковъ ея польскаго происхожденія, римско-католическаго вѣроисповѣданія, оказывающихъ, при отличномъ поведеніи, хорошия успѣхи въ наукахъ.

§ 2. Стипендіальный фондъ имени ксендза Крупинскаго состоять въ вѣдѣніи попечителя Варшавскаго учебнаго округа, выборъ же стипендіатовъ предоставляетъся слѣдующимъ лицамъ въ качествѣ сеніоровъ: редактору изданія „Kurjer Codzienny“ статскому совѣтнику Либицкому, защитнику прокураторіи Игнатію Балинскому, банкиру Генриху Пилявицу, д-ру Антону Орловскому и ксендзу, преподавателю Закона Божія въ 4-й мужской гимназіи, причемъ выборъ стипендіатовъ производится большинствомъ голосовъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выбытія или смерти одного изъ этихъ лицъ, остальные избираютъ новое лицо, по преимуществу изъ бывшихъ учениковъ Варшавской 4-й гимназіи и обѣ избраніемъ лицѣ сообщаютъ попечителю учебнаго округа.

§ 3. Тѣ же лица, которымъ предоставленъ выборъ стипендіатовъ, принимаютъ на себя обязанность обеспечить стипендіальный капиталъ по ипотекѣ одной изъ варшавскихъ недвижимостей, и они въ правѣ перемѣщать таковой на другія ипотечныя недвижимости, но какъ обеспеченіе этого капитала, такъ и перемѣщеніе оного на другую ипотеку можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ разрѣшеніемъ каждый разъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа.

§ 4. До ипотечнаго обезпеченія настоящаго фонда стипендіальный капиталъ долженъ быть внесенъ въ тѣхъ же закладныхъ листахъ въ Варшавскую контору государственного банка, въ счетъ стипендіальнаго фонда ксендза Франца Крупинскаго.

§ 5. Проценты со стипендіального капитала въ правѣ получать лица, указанныя въ § 2 и примѣчаніи къ этому параграфу сего положенія, или одно изъ нихъ по уполномочію другихъ, безъ участія попечителя Варшавскаго учебнаго округа, и расходовать таковые на обозначенную въ § 1 этого положенія цѣль.

§ 6. Вышеуказанныя лица обязаны ежегодно сообщать попечителю Варшавскаго учебнаго округа счетъ полученными отъ стипен-

діального капитала процентамъ и расходованнымъ для стипендіата суммамъ.

§ 7. Въ случаѣ, если бы когда-либо 4-я Варшавская гимназія была закрыта, стипендію имени ксендза Крупинскаго должны пользоваться на тѣхъ же основаніяхъ ученики той Варшавской гимназіи, какая замѣнитъ нынѣшнюю 4-ю мужскую гимназію.

§ 8. Пользованіе стипендій не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

37. (17-го декабря 1902 года). *Положеніе о стипендіи имени Урбана Рафаиловича Богуша при Луцкой прогимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ руб., за-вѣщанного Ураномъ Рафаиловичемъ Богушемъ, учреждается при Луцкой прогимназіи одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, составляетъ собственность названной прогимназіи и хранится въ Луцкомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ ея, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну установленного сбора, выдаются избранному стипендіату, ученику Луцкой прогимназіи, исключительно польского происхожденія, безъ различія сословій, римско-католического исповѣданія, причемъ преимуществомъ пользуются лица изъ рода Урбана Богуша, а затѣмъ уроженцы Дубенского уѣзда, Волынской губерніи.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ пожизненно дочери У. Р. Богуша—Эмиліи Урановиѣ Стецкой, а затѣмъ переходитъ къ ея потомкамъ, въ нисходящей линіи, въ случаѣ же отсутствія таковыхъ—къ ближайшимъ въ нисходящей линіи потомкамъ У. Р. Богуша и, наконецъ, въ случаѣ отсутствія постѣднихъ къ педагогическому совѣту учебнаго заведенія.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіального капитала, по обращеніи въ процентныя бумаги, присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣровъ стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендій не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

38. (20-го декабря 1902 года). *Положение о двух стипендиях имени Харьковскою 1-й гильдии купца Михаила Григорьевича Трегубова при Мариупольской Александровской гимназии.*

(Утверждено на основании Высочайшего повеления 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ четыре тысячи руб., завѣщанного купцомъ 1-й гильдии Михаиломъ Григорьевичемъ Трегубовымъ, учреждаются при Мариупольской Александровской гимназии двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Стипендиальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, хранится въ Мариупольскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ чистъ специальныхъ средствъ названной гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендиального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну установленного сбора, употребляются прежде всего на взносъ платы за ученіе стипендиатовъ, образующіе же засимъ остатки выдаются поровну стипендиатамъ по окончаніи ими гимназического курса.

Примѣчаніе. Если стипендиатъ лишится стипендіи до окончанія имъ курса въ гимназіи, то причитающаяся на его долю сумма упомянутыхъ въ п. 3 остатковъ выдается тому, кто будетъ избранъ на его мѣсто, но и сему послѣднему—по окончаніи имъ курса гимназіи.

§ 4. Право избрания стипендиатовъ изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ гимназіи, отличного поведенія и оказывающихъ удовлетворительные успѣхи въ наукахъ, принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи, который при избраніи стипендиатовъ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы одной изъ стипендій пользовался ученикъ іудейского вѣроисповѣданія.

§ 5. Въ случаѣ неодобрительного поведенія или неудовлетворительныхъ успѣховъ въ наукахъ стипендиатъ можетъ быть лишенъ стипендіи по постановленію педагогического совѣта гимназіи.

§ 6. Въ случаѣ преобразованія Мариупольской Александровской гимназіи въ учебное заведеніе какого-либо другого типа, стипендіи переходятъ въ это послѣднее учебное заведеніе.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендиатовъ никакихъ обязательствъ.

39. (4-го января 1903 года). *Положение о стипендию имени частного Нижегородской думы статского советника Александра Васильевича Баулина при Нижегородском Владимировском реальном училище.*

(Утверждено на основании Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. Въ память 25-тилѣтія служенія въ званіи гласного Нижегородской городской думы статского советника Александра Васильевича Баулина Нижегородскимъ общественнымъ управлениемъ учреждается при Нижегородскомъ Владимировскомъ реальному училищѣ одна стипендія имени названаго лица на счетъ суммъ, отпускаемыхъ ежегодно въ потребномъ количествѣ изъ городскихъ средствъ.

§ 2. На стипендію отпускается ежегодно сумма, необходимая для уплаты за право учения одного ученика. Сумма эта вносится въ городскія расходныя росписи и передается по требованію директора реального училища въ Нижегородское губернское казначейство, для зачисленія въ специальныя средства Нижегородского Владимировского реального училища въ отдѣль пожертвованій различныхъ благотворителей.

§ 3. Въ стипендіаты избирается одинъ изъ бѣдныхъ учениковъ Нижегородского Владимировского реального училища, православнаго вѣроисповѣданія, заслуживающій того по своему поведенію и успѣхамъ, преимущественно изъ коренныхъ жителей Нижняго-Новгорода. Оставление стипендіата на второй годъ въ томъ же классѣ, по уважительнымъ причинамъ, не лишаетъ его права пользоваться стипендіей.

§ 4. Право избрания стипендіата принадлежитъ пожизненно А. В. Баулину, а затѣмъ переходить къ Нижегородской городской думѣ.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

40. (14-го января 1903 года). *Правила о назначеніи прибавочныхъ окладовъ учащимъ въ начальныхъ училищахъ Варшавскаго учебнаго округа.*

(Утверждены т. управляющимъ министерствомъ народного просвѣщенія).

§ 1. На основаніи ст. 3683 т. XI св. зак. изд. 1893 года (уст. учен. учрежд. и учебн. завед.), учителямъ и учительницамъ начальныхъ училищъ гминныхъ, сельскихъ и городскихъ Варшавскаго учебнаго округа назначаются прибавочные по получаемому ими штатному жалованью оклады изъ казны, съ соблюдениемъ нижеслѣдующихъ правилъ:

§ 2. Учителя и учительницы начальныхъ училищъ гминныхъ, сельскихъ и городскихъ, которые, оставаясь при одномъ и томъ же училищѣ въ продолженіе 10 лѣтъ, своими трудами, поведеніемъ и приносимою ими пользою, заслуживають особаго поощренія, могутъ быть представляемы учебною дирекціею къ прибавочному окладу изъ казны. Преимущество при назначеніи такого оклада должно быть предоставлено учителямъ и учительницамъ сельскихъ и гминныхъ училищъ.

§ 3. Прибавочное жалованье назначается въ размѣрѣ 75 рублей въ дополненіе къ годовому окладу учителя или учительницы, независимо отъ типа начального училища.

§ 4. На производство прибавочного жалованья ассигнуется министерствомъ народнаго просвѣщенія въ распоряженіе попечителя округа до 25.000 рублей годъ.

§ 5. Прибавочное жалованье учителямъ и учительницамъ начальныхъ училищъ назначается начальствомъ Варшавскаго учебнаго округа по представленіямъ начальниковъ учебныхъ дирекцій и инспектора училищъ г. Варшавы, по принадлежности. Тѣмъ же порядкомъ происходит прекращеніе прибавочного оклада съ прекращеніемъ службы въ округѣ или съ переводомъ лица, получавшаго прибавочное жалованье, на учительскую должность въ Варшавскомъ же округѣ, но соединенную съ содержаніемъ болѣе высокимъ, нежели то, которое производилось, со включеніемъ прибавочного оклада, означенному лицу до такового перевода.

§ 6. На начальниковъ учебныхъ дирекцій и инспектора училищъ г. Варшавы возлагается обязанность строго оцѣнивать труды, поведеніе учителей и учительницъ и приносимую ими пользу и затѣмъ въ представленіяхъ начальству учебнаго округа о назначеніи прибавочныхъ окладовъ подробнѣ излагать всѣ свѣдѣнія о прохожденіи службы лицомъ, удостоеннымъ прибавки, о его образованіи и педагогическихъ способностяхъ, а равно и о числѣ учащихся и окончившихъ курсъ начального училища за каждый годъ учительской службы сего лица.

§ 7. Прибавочное жалованье на выслугу эмеритальныхъ пенсій и пособій не зачисляется.

§ 8. Дѣйствіе вышеизложенныхъ правилъ распространяется какъ на учителей и учительницъ отдельныхъ училищъ, указанныхъ въ ст. 3670 ч. 1 т. XI св. зак., такъ и на особыхъ преподавателей общихъ училищъ, поименованныхъ въ ст. 1673 т. XI.

(Собр. узак. и расп. прав., 4-го июня 1903 года. № 56, ст. 640).

Часть СССХХХХУЦІ (1903, № 8), отд. 1.

41. (31-го января 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени статского советника Петра Даниловича Деревянкина при Корочанской Александровской мужской гимназіи.*

(Утверждено на основании Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ рублей, завѣщанного статскимъ советникомъ Петромъ Даниловичемъ Деревянкинымъ, учреждается при Корочанской Александровской мужской гимназіи одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты на 5.000 рублей по номинальной стоимости и въ наличныхъ деньгахъ на сумму 73 руб. 37 коп., хранится въ Корочанскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Корочанской Александровской мужской гимназіи, составляя ся неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% сбора въ пользу казны, выдаются, по опредѣлению педагогического совѣта гимназіи, одному изъ бѣднѣшихъ учениковъ ея, уроженцу г. Корочи, православнаго исповѣданія, при хорошемъ поведеніи, оказывающему удовлетворительные успѣхи, при чмъ выдача процентовъ съ капитала производится ежегодно въ два срока: въ январѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ.

§ 4. Не удовлетворяющій вышеуказаннымъ условіямъ относительно поведенія и успѣховъ стипендиатъ, по опредѣлению педагогическаго совѣта, можетъ быть лишенъ стипендіи.

§ 5. Имѣющіе образоваться по какому-нибудь случаю остатки отъ процентовъ со стипендіального капитала могутъ быть, по опредѣлению педагогическаго совѣта, выданы стипендиату въ пособіе на обмундирование или на поѣзdkу его въ высшее учебное заведеніе, по окончаніи курса въ гимназіи, или же присоединены къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендиата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Корочанской Александровской мужской гимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе, дающее право окончившимъ его на поступленіе въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведений, стипендіальный капиталъ передается въ это учебное заведеніе; при преобразованіи же въ учебное заведеніе, не дающее права

на поступление въ высшее учебное заведение, или въ случаѣ совершенаго упраздненія гимназіи, стипендіальный капиталъ на тѣхъ же основаніяхъ передается въ одно изъ среднихъ мужскихъ учебныхъ заведений Курской губерніи, по усмотрѣнію окружного начальства.

42. (8-го февраля 1903 года). *Положение о стипендіи имени бывшаго Сувалскаго губернатора действительного статского советника Эммануила Александровича Ватади при Сувалской мужской гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу триста рублей, пожертвованного жителями Сувалской губерніи, учреждается при Сувалской мужской гимназіи стипендія имени бывшаго Сувалскаго губернатора, действительного статского советника Эммануила Александровича Ватади.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаций внутреннаго $4\frac{1}{2}\%$ займа 1893 года, хранится въ Сувалскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала употребляются на взносъ платы за учение избраннаго стипендіата. Сумма, остающаяся отъ взноса платы за учение, выдается стипендіату.

§ 4. Стипендіатъ выбирается ежегодно въ началѣ учебнаго года педагогическимъ совѣтомъ гимназіи и утверждается попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа.

§ 5. Стипендія сія предназначается для одного изъ бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ учениковъ гимназіи, безъ различія вѣроисповѣданія и сословія: а) изъ числа постоянныхъ жителей Сувалской губерніи или б) изъ дѣтей чиновниковъ, занимающихъ штатную должность въ Сувалской губерніи не менѣе пяти лѣтъ.

§ 6. Въ случаѣ выхода въ тиражъ облигаций, составляющихъ стипендіальный фондъ, начальство гимназіи обязано покупать правительственные или гарантированные правительствомъ процентныя бумаги.

§ 7. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по какимъ-либо другимъ причинамъ остатки обращаются въ процентныя бумаги и присоединяются къ основному капиталу.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Сувалской мужской гимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе, капиталъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ сіе послѣднее.

43. (8-го февраля 1903 года). Положение о стипендии имени колледжского советника Андрея Петровича Интеллигаторова при Саратовской первой мужской гимназии.

(Утверждено на основании Высочайшего повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу пятьсотъ рублей, завѣщанного вдовою колледжского советника Аграфеной Яковлевной Интеллигаторовой, учреждается при Саратовской первой мужской гимназіи одна стипендія имени покойнаго мужа завѣщательницы Андрея Петровича Интеллигаторова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ Саратовскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ указанной гимназіи, составляя ея собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ указанного капитала, за удержаніемъ 5% сбора въ пользу казны по закону 20-го мая 1885 года, выдаются одному изъ учениковъ Саратовской первой гимназіи во все время пребыванія его въ учебномъ заведеніи.

§ 4. Въ стипендіаты избирается педагогическимъ совѣтомъ гимназіи одинъ изъ бѣднѣшихъ учениковъ ея, достойный того по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 5. За стипендіатомъ, оставшимся на другой годъ въ томъ же классѣ, стипендія можетъ быть сохранена лишь по особо уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіального капитала причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

44. (15-го февраля 1903 года). Положение о стипендии имени почетного опекуна тайного советника Владимира Николаевича Акинфова при Симбирской гимназии.

(Утверждено на основании Высочайшего повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ девять тысячъ девяноста рублей, пожертвованного дворянствомъ, учреждается при Симбирской гимназіи стипендія имени бывшаго Симбирскаго губернатора, почетнаго опекуна тайного советника Владимира Николаевича Акинфова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ четырехъ свѣ-

дѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Симбирской гимназіи, составляя ея собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну суммы, причитающейся на основаніи закона 20-го мая 1885 г. о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, назначаются для взноса платы за ученіе одного изъ учениковъ Симбирской гимназіи, отличающагося хорошими успѣхами и поведеніемъ, изъ дѣтей потомственныхъ дворянъ; оставшаяся за симъ сумма процентовъ выдается тому же ученику на руки на экипировку и учебная пособія.

§ 4. Право избранія стипендіата изъ числа кандидатовъ, предлагаемыхъ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи, принадлежитъ пожизненно почетному опекуну, тайному совѣтнику В. И. Акинфову, затѣмъ переходить къ Симбирскому губернскому предводителю дворянства.

§ 5. За стипендіатомъ, оставшимся въ томъ же классѣ на другой годъ, стипендія можетъ быть сохраняется.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

45. (23-го февраля 1903 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени Николая Алексѣевича Некрасова при Ярославской мужской гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи семьсотъ рублей, пожертвованного потомственнымъ почетнымъ дворяниномъ Феодоромъ Алексѣевичемъ Некрасовымъ, учреждаются двѣ стипендіи имени Николая Алексѣевича Некрасова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающейся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Ярославскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Ярославской мужской гимназіи.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного 5% налога, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе двухъ стипендіатовъ.

§ 4. Стипендіи предоставляются ученикамъ гимназіи недостаточнаго состоянія, православнаго исповѣданія.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ принадлежить педагогическому совѣту гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендій не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіального капитала причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

46. (28-го февраля 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени генераль-лейтенанта Александра Федоровича Карпова при Семипалатинской мужской гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу сто руб., пожертвованного обывателями г. Семипалатинска, учреждается при Семипалатинской мужской гимназіи одна стипендія имени бывшаго военнаго губернатора Семипалатинской области, генераль-лейтенанта Александра Федоровича Карпова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% внутренняго займа, хранится въ Семипалатинскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Семипалатинской мужской гимназіи, составляя неотъемлемую ея собственность и оставаясь извѣсно неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за вычетомъ 5% государственного налога, по закону 20-го мая 1885 г., назначаются изъ взноса платы за право ученія въ продолженіи всего курса одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ гимназіи безъ различія сословій, заслуживающаго того по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 4. Избраніе и назначеніе стипендіата предоставляетъся педагогическому совѣту Семипалатинской гимназіи, которому также принадлежитъ право и лишенія стипендіата стипендіи при улучшеніи его материальнаго положенія, а равно и въ случаѣ неодобрительного его поведенія и малоуспѣшности въ наукахъ, если послѣдняя произошла отъ нерадѣнія стипендіата, а не по какимъ-либо другимъ причинамъ, которыхъ педагогический совѣтъ признаетъ уважительными.

§ 5. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по какимъ-либо другимъ причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіального капитала поступаютъ въ распоряженіе общества вспомоществованія нуждающимся учащимся Семипалатинской мужской гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендию не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Семипалатинской мужской гимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе сего послѣдняго съ тѣмъ же назначеніемъ.

47. (8-го марта 1903 года). *Положеніе о единовременныхъ пособіяхъ имени тульскаго купца Михаила Ивановича Владимірова при Тульской мужской гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ пятьнадцать тысячъ руб., завѣщанного тульскимъ купцомъ Михаиломъ Ивановичемъ Владиміровымъ и заключающагося въ билетѣ государственной комиссіи погашенія долговъ на $3\frac{1}{2}\%$ вѣчный вкладъ, учреждаются при Тульской мужской гимназіи единовременныя пособія имени завѣщателя.

§ 2. Изъ общей суммы процентовъ 200 руб. ежегодно выдаются окончившимъ въ гимназіи курсъ неимущимъ воспитанникамъ при поступлении ихъ въ высшія учебныя заведенія.

§ 3. Назначенное такимъ абитуріентамъ пособіе выдается имъ лишь по поступлениі въ высшее учебное заведеніе черезъ правленіе послѣдняго или на предметъ взноса платы за слушаніе лекцій, или же на руки на расходы по поѣздкѣ и обзаведеніе, безъ истребованія отъ нихъ отчета въ израсходованіи полученныхъ ими денегъ.

§ 4. Въ томъ случаѣ, если въ какой-либо годъ не окажется неимущихъ абитуріентовъ, выдача этого пособія переносится на слѣдующій годъ и т. д.

§ 5. Остающаяся за вычетомъ вышеупомянутыхъ 200 руб. часть процентовъ употребляется на взносъ платы за ученіе за неимущихъ воспитанниковъ гимназіи.

§ 6. Могущіе оказаться остатки отъ процентныхъ денегъ за какой-либо годъ должны быть присоединены къ процентамъ слѣдующаго года и вмѣстѣ съ ними употребляемы на тотъ же предметъ.

§ 7. Выборъ кандидатовъ на полученіе единовременного пособія я опредѣленіе его размѣра принадлежитъ рѣшенію педагогическаго совѣта Тульской мужской гимназіи.

§ 8. Пользованіе пособіями не налагаетъ ни на воспитанниковъ гимназіи, ни на абитуріентовъ никакихъ обязательствъ.

48. (13-го марта 1903 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени покойнаго прилукскаго предводителя дворянства тайного советника Григорія Павловича Галагана при Прилукской мужской гимназіи.*

(Утверждено на основании Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ пятьсотъ руб., ассигнованаго Прилукскимъ уѣзднымъ земскими собраниемъ, учреждаются при Прилукской мужской гимназіи двѣ стипендіи, размѣромъ по сто руб. каждая, имени бывшаго прилукскаго предводителя дворянства, тайного советника Г. П. Галагана.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Прилукской мужской гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Избрание стипендіатовъ происходитъ по соглашенію прилукскаго уѣзданаго предводителя дворянства, предсѣдателя Прилукской земской управы и старшаго представителя въ родѣ гр. Ламздорфъ-Галаганъ съ директоромъ Прилукской мужской гимназіи.

§ 4. Стипендія назначается избранному стипендіату срокомъ на одинъ годъ; по прошествіи этого срока стипендія можетъ быть продолжена тому же лицу по соглашенію предводителя дворянства, предсѣдателя земской управы, представителя рода гр. Ламздорфъ-Галаганъ съ директоромъ гимназіи и до окончанія курса обучения въ гимназіи. Стипендіатъ, оставшійся по неуспѣшности въ наукахъ на второй годъ въ томъ же классѣ, лишается права на получение стипендіи.

§ 5. При назначеніи стипендіи, предводитель дворянства, предсѣдатель земской управы, представитель рода гр. Ламздорфъ-Галаганъ и директоръ гимназіи должны имѣть въ виду, кроме общихъ условій назначенія стипендій и пособій ученикамъ гимназіи и ихъ имущественнаго положенія, то непремѣнное условіе, чтобы выбиравые стипендіаты были изъ числа уроженцевъ Прилукскаго уѣзда, отдавая предпочтеніе уроженцамъ тѣхъ населенныхъ мѣстностей, где находились имѣнія покойнаго Г. П. Галагана.

§ 6. Могущіе образоваться остатки отъ временнаго незамѣщенія стипендій, а также остатки отъ процентовъ, за вычетомъ государственного 5% налога, присоединяются къ стипендіальному капиталу и при достижениіи этимъ капиталомъ размѣра, достаточнаго для образованія

шть процентовъ съ него новыхъ стипендій по 100 руб. каждая, та-
ковыя выдаются на вышеизложенныхъ основаніяхъ.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ ни-
какихъ обязательствъ.

49. (13-го марта 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени поэта
Александра Сергеевича Пушкина при Немировской гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ шесть тысячъ рублей, пожер-
твованного почетнымъ попечителемъ Немировской гимназіи, шталмейсте-
ромъ двора Его Императорскаго Величества, тайнымъ советникомъ
графомъ Григориемъ Сергеевичемъ Строгановымъ, учреждается при
Немировской гимназіи одна стипендія имени поэта Александра Сер-
гѣевича Пушкина въ память столѣтія со дня его рождения.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4%
государственной ренты, хранится въ Брацлавскомъ уѣздномъ казна-
чествѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Немировской гимназіи, оста-
ваясь навсегда неприкосновеннымъ и составляя неотъемлемую соб-
ственность ея.

§ 3. Въ случаѣ выхода процентныхъ бумагъ въ тиражъ погашенія,
онѣ обмѣняиваются на другія правительственные или гарантированные
правительствомъ процентныя бумаги.

§ 4. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ
нихъ въ казну 5% государственного сбора, выдаются одному изъ
учениковъ старшихъ классовъ гимназіи, начиная съ шестого класса,
христіанскаго вѣронеповѣданія, отличающемуся особыми успѣхами
въ изученіи русскаго языка и русской словесности, причемъ при со-
вершенно одинаковомъ достоинствѣ кандидатовъ стипендія назначается
наиболѣе нуждающемуся ученику.

§ 5. Выборъ стипендіата подлежитъ тщательному обсужденію и
производится педагогическимъ совѣтомъ Немировской гимназіи по со-
глашенію съ почетнымъ попечителемъ названной гимназіи.

§ 6. Стипендіатъ лишается стипендіи, по постановленію педагоги-
ческаго совѣта, въ случаѣ оставленія въ томъ же классѣ на второй
годъ по неуспѣшности въ наукахъ, а не по болѣзни, или по особымъ
семейнымъ обстоятельствамъ.

§ 7. Остатки, могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія

стипендії, выдаются стипендіату, по окончаніи имъ полнаго курса наукъ въ Немировской гимназіи.

50. (23-го марта 1903 года). *Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени писателей Николая Васильевича Гоголя и Василия Андреевича Жуковского при Ялтинской мужской гимназіи.*

(Утверждено на основанії Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. Согласно постановленію Ялтинской городской думы отъ 15-го марта 1902 года, учреждаются при Ялтинской мужской гимназіи двѣ стипендіи имени писателей: одна—Н. В. Гоголя и другая—В. А. Жуковскаго, по случаю исполнившагося 50-ти-лѣтія со дня ихъ смерти, каждая стипендія—въ размѣрѣ платы за ученіе въ названной гимназіи.

§ 2. Сумма, причитающаяся на означенныя стипендіи, въ количествѣ ста рублей, ежегодно вносится въ смету расходовъ г. Ялты.

§ 3. Означенная сумма передается Ялтинской городской управой начальству названной гимназіи по полугодіямъ впередъ къ 15 сентября и 15 января каждого учебнаго года.

§ 4. Стипендіаты избираются педагогическимъ совѣтомъ гимназіи изъ числа наиболѣе нуждающихся учениковъ ея, безъ различія со словій, національностей и вѣроисповѣданій, заслуживающихъ того по своему поведенію и успѣхамъ въ наукахъ.

§ 5. Избранные стипендіаты пользуются стипендіями во все время пребыванія своего въ гимназіи, но, въ случаѣ малоуспѣшности, неодобрительного поведенія или оставленія на другой годъ въ томъ же классѣ по причинѣ, не признанной педагогическимъ совѣтомъ уважительной, стипендіаты могутъ быть, по опредѣленію педагогическаго совѣта, лишены стипендій.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ стипендій передаются въ общество вспомоществованія недостаточнымъ учащимся Ялтинскихъ учебныхъ заведеній для образованія изъ сихъ остатковъ специального капитала на выдачу изъ такового единовременныхъ пособій бѣднымъ учащимся, кончашимъ курсъ и желающимъ поступить въ другія учебныя заведенія для продолженія своего образованія.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

51. (1-го апреля 1903 года). *Положение о стипендии имени умершей вдовы статского советника Марии Федоровны Ушаковой при Казанской Маринской женской гимназии.*

(На основании Высочайшего повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющимъ министерствомъ народного просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основании Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Казанской Маринской женской гимназіи учреждается стипендія имени умершей вдовы статского советника Марии Федоровны Ушаковой, на счетъ процентовъ съ завѣщанного ею съ этой цѣлью капитала въ *дѣвять тысяч четыреста руб.*

§ 2. Стипендіальный капиталъ, внесенный душеприказчиками умершей Марии Федоровны Ушаковой вѣчнымъ вкладомъ въ отдѣление Государственного банка, составляетъ неотъемлемую собственность Казанской Маринской женской гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала употребляются на взносы платы за учение избранной стипендіатки.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣдищихъ, дворянскаго происхожденія, ученицъ гимназіи, пробывшихъ въ ней не менѣе года, отличающейся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Право выбора стипендіатки имени М. Ф. Ушаковой принадлежитъ почетительному совѣту Казанской Маринской женской гимназіи.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіального капитала остатки выдаются на руки стипендіаткѣ по окончаніи ею курса гимназіи (семи классовъ).

§ 7. Пользованіе стипендіею М. Ф. Ушаковой не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

52. (3-го апреля 1903 года). *Положение о стипендии имени Антонины Ивановны Ловейко при Смоленской мужской гимназии.*

(Утверждено на основании Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала, завѣщанного дочерью полковника Антониной Ивановной Ловейко, въ суммѣ *одной тысячи рублей*, учреждается при Смоленской гимназіи одна стипендія имени А. И. Ловейко.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% государственной рентѣ за № 4103 на сумму 1.000 р., составляетъ собственность гимназіи и, оставаясь неприкосновеннымъ, хранится въ мѣст-

номъ казначействѣ, въ числѣ другихъ стипендіальныхъ капиталовъ гимназій.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ 5% государственного налога, выдаются по полугодіямъ на руки стипендіату.

§ 4. Стипендіатомъ назначается одинъ изъ бѣдныхъ учениковъ Смоленской гимназіи, православного вѣроисповѣданія, безъ различія происхожденія, заслуживающій стипендію по поведенію и успѣхамъ въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Образовавшіеся остатки отъ не выданныхъ въ стипендію процентовъ причисляются къ капиталу.

53. (3-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго Виленскаго губернатора, дѣйствительного статского советника Ивана Ильича Чепелевскаго при Лидскомъ городскомъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народного просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5 декабря 1881 г. въ 26 мая 1897 г., при Лидскомъ городскомъ училищѣ учреждается стипендія имени бывшаго Виленскаго губернатора, дѣйствительного статского советника Ивана Ильича Чепелевскаго, на счетъ процентовъ съ собраннаго съ этой цѣлью капитала въ двѣ тысячи руб.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновенныю.

§ 3. Проценты съ означенного капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственного сбора, по закону 20 мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за учение избраннаго стипендіата.

§ 4. Стипендія выдается бѣднѣйшему, христіанскаго вѣроисповѣданія, ученику, изъ дѣтей жителей Лидскаго уѣзда, отличающемуся хорошими поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ училища съ согласія дѣйствительного статского советника Ивана Ильича Чепелевскаго или его наследниковъ.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ про-

центовъ со стипендіального капитала остатки причисляются къ сему послѣднему для увеличенія размѣра стипендиі.

§ 7. Пользованіе стипендией не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

54. (4-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о стипендиѣ именіи „Собрания служащихъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ въ С.-Петербургѣ“ при иѣменемъ училищѣ Св. Петра въ С.-Петербургѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ *три тысячи* рублей, пожертвованнаго собраніемъ служащихъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ въ г. С.-Петербургѣ и заключающагося въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, учреждается при иѣменемъ училищѣ Св. Петра стипендиа имени: „Собрания служащихъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ въ С.-Петербургѣ“. Стипендіальный капиталъ хранится въ Государственномъ банкѣ на имя лютеранской церкви Св. Петра въ С.-Петербургѣ.

§ 2. Стипендиа предназначается исключительно для взноса платы за ученіе дѣтей членовъ собранія.

§ 3. Стипендией могутъ пользоваться лишь дѣти почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, собранія, пробывшихъ въ этомъ званіи безъ перерыва не менѣе пяти лѣтъ, безъ различія вѣроисповѣданій и національностей.

§ 4. Право назначенія стипендіата принадлежитъ исключительно правленію собранія служащихъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ въ С.-Петербургѣ.

§ 5. Лица, желающія воспользоваться стипендией, обращаются письменно въ правленіе собранія, постановление какового по данному ходатайству идѣть на утвержденіе совѣта собранія, решающему вопросъ на основаніи данныхъ ему на этотъ предметъ общимъ собраніемъ инструкцій.

§ 6. О назначеніи стипендіата правленіе собранія сообщаетъ директору училища Св. Петра.

§ 7. Если почему-либо стипендиа въ теченіе извѣстнаго времени не будетъ выдана, то свободная сумма процентовъ причисляется къ основному капиталу для приобрѣтенія свидѣтельства государственной 4% ренты.

§ 8. Если впослѣдствіи по какимъ-либо причинамъ расходы по содержанію стипендіата въ училищѣ увеличатся и процентовъ съ озна-

ченного капитала будетъ недостаточно на покрытие платы за учение, то, въ такомъ случаѣ, стипендія остается временно незамѣщеною впредь до соотвѣтственнаго увеличенія капитала полученными съ онаго процентами. Если же отъ процентовъ съ капитала будутъ получаться какіе-либо остатки, то сумма таковыхъ остатковъ выдается стипендіату собранія по окончаніи имъ полнаго курса училища.

§ 9. Въ возможномъ случаѣ прекращенія существованія собранія назначеніе стипендіи предоставляется Высочайше утвержденному управлѣнію училища Св. Петра, при чмъ дѣти бывшихъ членовъ собранія сохраняютъ исключительное право пользованія стипендіей согласно § 3; за отсутствіемъ таковыхъ кандидатами на стипендію могутъ быть дѣти служащихъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ въ С.-Петербургѣ.

§ 10. Пользованіе стипендій не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

55. (4-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени вдовы титуллярнаю советника Вѣры Логиновой Назимко при Конотопской женской прогимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющимъ министерствомъ народного просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Конотопской женской прогимназіи учреждается стипендія имени вдовы титуллярного советника Вѣры Логиновой Назимко, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго ею съ этой цѣлью капитала въ пятьсотъ руб.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи въ государственные или гарантированные правительстvомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Конотопской женской прогимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставалась навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора, по закону 20 мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за учение въ прогимназіи избранной стипендіатки.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ, православнаго вѣроисповѣданія, ученицъ прогимназіи, отличающихся хорошиемъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатки предоставляется попечительному совѣту Конотопской женской прогимназіи, коему принадлежитъ право лишенія

стипендіатки стипендії, въ случаѣ ея малоуспѣшности или неодобрительного поведенія.

§ 6. Стипендіатка, оставшаяся на второй годъ въ одномъ и томъ же классѣ, не лишается стипендії, если исперѣходъ ея въ слѣдующій классъ произошелъ по болѣзни или по причинамъ, признаннымъ по-печителымиъ совѣтомъ уважительными.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіального капитала остатки прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендії.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Конотопской женской прогимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее, для употребленія по назначенію.

56: (12-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о стипендії имени командаира 3-ю Уральскою казачью полка, полковника Гавриила Павловича Любавина при Уральскомъ реальному училищу.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу пятьсотъ рублей, заключающагося въ шести свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, съ купонами на срокъ 1-го марта 1903 года, пожертвованыхъ 3-мъ Уральскимъ казачьимъ полкомъ, учреждается при Уральскомъ реальному училищѣ одна стипендія имени командаира 3-го Уральскаго казачьаго полка, полковника Г. П. Любавина.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя собственность Уральского реальнаго училища, хранится въ Уральскомъ отдѣлениі государственного банка и можетъ быть зачисленъ въ специальные средства училища съ сохраненіемъ его назначенія. Деньги, получаемыя по срочнымъ купонамъ, вносятся на особую книжку сберегательной кассы для приращенія ихъ процентами.

§ 3. Стипендія выдается изъ суммъ, записанныхъ въ указанной книжкѣ сберегательной кассы, сначала по 28 рублей въ полугодіе, начиная со второго полугодія 1903 года, а затѣмъ, при достаточномъ накопленіи этихъ суммъ, по 30 рублей въ полугодіе.

§ 4. Если свободные остатки по книжкѣ достигнутъ 100 р., на нихъ приобрѣтается свидѣтельство государственной 4% ренты и доходъ съ него идетъ на увеличеніе размѣра стипендії.

§ 5. Стипендія предоставляется сыну офицера или чиновника

З-го Уральского казачьяго полка, а за отсутствіемъ таковыхъ, ученику исключительно войскового сословія по выбору педагогическаго совѣта училища, при жизни Г. Н. Любавина съ его согласія, а по смерти его съ согласія командаира З-го Уральского казачьяго полка.

§ 6. Въ случаѣ преобразованія Уральского реального училища въ другое учебное заведеніе стипендія переходитъ въ послѣднее на тѣхъ же основаніяхъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

57. (12-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени дорогобужскаго купца Василія Аверьяновича Смирнова при Дорогобужскомъ городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за министра народного просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Дорогобужскомъ городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищѣ учреждается стипендія имени дорогобужскаго купца Василія Аверьяновича Смирнова, на счетъ процен-това съ капитала въ четырехъ тысячахъ руб., пожертвованного вдовою титуллярного совѣтника Екатериной Васильевной Михневичъ, урожденною Смирновой, въ память ея покойнаго отца.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающейся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ Дорогобужскомъ казначей-ствѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Дорогобужскаго городского училища, составляя его собственность и оставаясь всегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора, по закону 20-го мая 1885 г. и 15 руб. на образование единовременнаго пособія, выдаваемаго стипендіату при окончаніи имъ курса, употребляются на вაчость платы за обученіе избраннаго стипендіата, на покупку ему книгъ, учебныхъ пособій и т. п.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ, намѣревающихся по окончаніи курса въ Дорогобужскомъ городскомъ училищѣ поступить для продолженія образования въ другое учебное заведеніе, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

Примѣчаніе. Молодые люди состоятельныхъ семействъ не имѣютъ права пользоваться стипендией, при чёмъ при выборѣ стипендіата предпочтеніе во всякомъ случаѣ отдается сиротамъ.

§ 5. Выборъ стипендіата предоставляется пожизненно жертвовательницѣ, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ училища, а по смерти ея право это принадлежитъ только педагогическому совѣту.

§ 6. Въ случаѣ, если въ какой-либо годъ не окажется кандидата, удовлетворяющаго указаннымъ въ § 4 условіямъ, то проценты, а равно всѣ могущіе образоваться по какимъ-либо другимъ причинамъ отъ процентовъ со стипендиального капитала остатки причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендиї.

§ 7. Пользованіе стипендию не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія училища въ какое-либо другое учебное заведеніе стипендиальный капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ въ вѣдѣніе послѣдняго.

58. (14-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о стипендиѣ имени вдовы статского советника Эмилии Осиповны Красинской при Херсонской Маріинской 1-ой женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Херсонской Маріинской 1-й женской гимназіи учреждается стипендиа имени вдовы статского советника Эмилии Осиповны Красинской, на счетъ процентовъ съ капитала въ девять тысячи руб., пожертвованнаго съ этой цѣлью женой потомственнаго почетнаго гражданина Еленой Адальбертовной Волохиной.

§ 2. Стипендиальный капиталъ, заключающейся въ двухъ тысячѣ рублейхъ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Херсонской Маріинской 1-ой женской гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставалась навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендиального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора, по закону 20-го мая 1885 г., выдаются по полугодию стипендіаткѣ для взноса платы за учение и на другіе расходы.

§ 4. Стипендиатка избирается изъ числа бѣднѣшихъ ученицъ римско-католического вѣроисповѣданія или же, за неимѣніемъ тако-

выхъ, православнаго вѣроисповѣданія, отличающихся хорошимъ по-
веденіемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Право выбора стипендіатки принадлежитъ жертвователюциѣ
пожизненно, а постѣ ея смерти педагогическому совѣту гимназіи, ко-
торому также предоставляется право лишать ея стипендіи, въ случаѣ
ея малоуспѣшиности въ наукахъ или неодобрительного поведенія.

§ 6. Стипендіатка не лишается стипендіи, если будетъ оставлена
на второй годъ въ какомъ-нибудь классѣ по причинамъ, признаннымъ
педагогическимъ совѣтомъ уважительными.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ про-
центовъ со стипендіального капитала остатки прибавляются къ основ-
ному капиталу для увеличенія размѣра стипендій и по мѣрѣ накоп-
ленія ихъ обращаются въ государственные или гарантированные пра-
вительствомъ процентныя бумаги.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ
обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Херсонской Маринской 1-й женской
гимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный ка-
питалъ передается въ вѣдѣніе постѣдняго на тѣхъ же основаніяхъ.

59. (14-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о стипендіи именіи на-
дворного совѣтника Артемія Афанасьевича Полубинскаго при Моги-
левской мужской гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго изволенія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ завѣщаннаго надворнымъ совѣтни-
комъ А. А. Полубинскимъ капитала въ пять тысячъ шестьсотъ руб-
лей, учреждается при Могилевской мужской гимназіи одна стипендія
имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающейся въ государствен-
ныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ Могилевскомъ губернскомъ
казначействѣ, въ чистѣ специальныхъ средствъ Могилевской гимназіи,
оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ
нихъ въ казну 5% государственного налога, назначаются стипендіату
въ качествѣ стипендіи со дnia его избралія и выдаются по полугодово
на руки родителямъ его или лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто.

§ 4. Стипендія предоставляется ученику Могилевской гимназіи въ
рода завѣщателя, по фамиліи Полубинскихъ, проживающихъ въ
г. Мстиславѣ или уѣздѣ онаго, преимущественно бѣдныхъ. Если же

такого мальчика не окажется, то проценты съ капитала должны быть причисляемы къ основному капиталу до тѣхъ поръ, пока размѣръ стипендіи не увеличится до 250 р. Затѣмъ на счетъ увеличившейся стипендіи можетъ быть воспитываемъ мальчикъ изъ рода сестры завѣщателя, по фамиліи Евневичъ, а за отсутствиемъ кандидатовъ изъ рода завѣщателя или его сестры, поименованныхъ фамилій, кандидатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ по успѣхамъ и поведенію учениковъ Могилевской гимназіи безъ различія вѣроисповѣданій (христіанскихъ) и сословій.

§ 5. Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ стипендіальной суммы присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 6. Выборъ и назначеніе стипендіата предоставляетъ педагогическому совѣту гимназіи при соблюденіи условій, указанныхъ въ § 4.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Могилевской гимназіи, стипендіальный капиталъ передается съ тѣмъ же назначениемъ и на тѣхъ же условіяхъ въ преобразованное учебное заведеніе, въ случаѣ же закрытія гимназіи, поступаетъ въ другое подобное учебное заведеніе Виленского учебного округа, по усмотрѣнію попечителя сего округа.

60. (14-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о стипендіи бывшаго учителя Ставропольского, Самарской губ., городскаго, по положенію 31-го мая 1872 г., училища Николая Павловича Воротникова при названномъ училище.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Ставропольскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ учреждается стипендія имени бывшаго учителя сего училища Николая Павловича Воротникова, на счетъ десяти руб., ежегодно ассигнуемыхъ съ этой цѣлью Ставропольской городской думой изъ городскихъ средствъ.

§ 2. Стипендія обезпечивается ассигновкой въ 10 руб., вносимыхъ ежегодно въ городскую смету; ассигновка эта препровождается городской управой въ мѣстное казначейство къ 1-му октября каждого года, гдѣ и хранится въ чистѣ специальныхъ средствъ названаго училища.

§ 3. Ассигнуемая сумма употребляется: а) на взносъ платы за одного стипендіата названного училища, б) на покупку для него книгъ и проч. учебныхъ пособій.

§ 4. Стипендія выдается бѣднѣйшему ученику училища, изъ дѣтей горожанъ г. Ставрополя, отличающемуся хорошіемъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Право выбора стипендіата принадлежитъ городской думѣ или управѣ, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 6. Ученикъ, получающій стипендію, можетъ быть лишенъ ея городскою думою или управою по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ, по разнымъ обстоятельствамъ: въ случаѣ измѣнившихся къ лучшему материальныхъ условій, за дурное поведеніе, малоуспѣшность, происходящую отъ лѣноты и прочихъ причинъ, и замѣнѣнъ другимъ на основаніи предыдущаго § 4.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ стипендіальной суммы остатки причисляются къ взносу слѣдующаго года.

61. (15-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени писателей Николая Васильевича Гоголя и Василия Андреевича Жуковскаго при Ялтинской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Ялтинской женской гимназіи учреждаются двѣ стипендіи: — одна имени Николая Васильевича Гоголя и другая имени Василия Андреевича Жуковскаго, на счетъ ежегодно ассигнуемыхъ Ялтинскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ изъ городскихъ средствъ *ста двадцати* руб. для стипендіатокъ младшихъ классовъ и *двухсотъ* руб. для стипендіатокъ старшихъ классовъ, въ память исполнившагося пятидесятилѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго.

§ 2. Стипендіальная сумма передается управой попечительному совѣту Ялтинской женской гимназіи по полугодіямъ впередь къ 15-му сентября и 15-му января каждого учебнаго года и употребляется на взносъ платы за ученіе избранныхъ стипендіатокъ.

§ 3. Стипендіатки избираются изъ числа бѣднѣйшихъ, безъ раз-

личія сословій, національностей і в'роисповѣданій, учениць гімназій, отличаючихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 4. Вибіръ стипендіатокъ предстаўляється попечительному совѣту Ялтинської жіночої гімназії.

§ 5. Избраяниа стипендіатки пользуються стипендіями до полного окончанія курса въ названої жіночої гімназії, но, въ случаѣ мало-успѣшности или неодобрительности поведенія, попечительному совѣту гімназії предстаўляется право избрать другихъ стипендіатокъ.

§ 6. Оставлење стипендіатокъ на второй годъ въ одномъ и томъ же класѣ не лишаетъ ихъ права пользоваться стипендіями, если непереходъ ихъ произошелъ по причинамъ, признаннымъ попечительнымъ совѣтомъ уважительными.

§ 7. Пользование стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 8. Могущіе образоваться остатки отъ стипендій передаются въ Общество вспомоществованія недостаточнымъ учащимся названої жіночої гімназії для образованія изъ этихъ остатковъ спеціального капитала на выдачу изъ такового единовременныхъ пособій бѣднымъ учащимся, кончающимъ курсъ и желающимъ поступить въ другія учебныя заведенія для продолженія своего образованія.

62. (15-го апраля 1903 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени писателей Николая Васильевича Гоголя и Василия Андреевича Жуковского при Ялтинскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го авгуستа 1873 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Ялтинскомъ городскомъ училищѣ учреждаются десять степеней, изъ коихъ пять—имени Николая Васильевича Гоголя и пять—имени Василия Андреевича Жуковского, на счетъ ста двадцати руб., ежегодно ассигнуемыхъ съ этою цѣлью Ялтинскимъ городскимъ общественнымъ управлениемъ изъ городскихъ средствъ, въ память исполнившагося пятидесятилѣтія со дnia смерти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского.

§ 2. Стипендіальная сумма передается городской управой учителю-инспектору Ялтинского городского училища по полугодіямъ впередъ къ 15-му сентября и 15-го января каждого учебного года и употребляется на взносы платы за учение избранныхъ стипендіатовъ.

§ 3. Стипендіаты избираются изъ числа бѣднѣшихъ, безъ разли-

чія сословій, національностей і в'роисповѣданій, учениковъ училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 4. Выборъ стипендіатовъ предоставляетъся педагогическому со-вѣту Ялтинского городского училища.

§ 5. Избранные стипендіаты пользуются стипендіями до полнаго окончанія курса въ названомъ городскомъ училищѣ, но, въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительного поведенія, педагогическому со-вѣту училища предоставляется право избрать другихъ стипендіатовъ.

§ 6. Оставленіе стипендіатовъ на второй годъ въ одномъ и томъ же классѣ не лишаетъ ихъ права пользоваться стипендіями, если непереходъ ихъ произошелъ по причинамъ, признаннымъ педагоги-ческимъ совѣтомъ уважительными.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 8. Могущіе образоваться остатки отъ стипендій передаются въ Общество вспомоществованія недостаточнымъ учащимся названаго учебнаго заведенія для образованія изъ этихъ остатковъ специальнаго капитала на выдачу изъ такового единовременныхъ пособій бѣднымъ учащимся, кончающимъ курсъ и желающимъ поступить въ другія учебныя заведенія для продолженія своего образованія.

63. (15-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени умершей дочери полковника Антонины Ивановны Ловейко при Смоленской Маринской женской гимназии.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за мини-стера народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Смоленской Маринской женской гимназии учреждается стипендія имени умершей дочери полковника Антонины Ивановны Ловейко, на счетъ процентовъ съ завѣщанаго ею съ этой цѣлью капитала въ *одну тысячу* руб.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% государственной рентѣ на сумму 1.000 руб., хранится въ мѣстномъ казна-чействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Смоленской Маринской жен-ской гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь на всегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора, по закону 20-го мая 1885 г., выдаются по полугодіямъ на руки стипендіатѣ.

§ 4. Стипендіатка избирается одна изъ числа бѣднѣйшихъ православного вѣроисповѣданія, безъ различія происхожденія, ученицъ Смоленской Маринской женской гимназии, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатки предоставляется попечительному совѣту Смоленской Маринской женской гимназии.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіального капитала остатки причисляются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

64. (16-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени умершей дочери полковника Антонины Ивановны Ловейко при Смоленскомъ 1-мъ городскомъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Смоленскомъ 1-мъ городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищѣ учреждается стипендія имени умершей дочери полковника Антонины Ивановны Ловейко, на счетъ процентовъ съ завѣщаніаго ею съ этой цѣлью капитала въ триста руб.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ трехъ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, задержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіата, на покупку для него книгъ и т. п.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ, православнаго исповѣданія, учениковъ Смоленскаго 1-го городского училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту названного училища.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіального капитала остатки выдаются стипендіату по окончаніи курса ученія.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Смоленскаго 1-го городскаго училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передаестя въ вѣдѣніе постѣдняго для употребленія по назначению.

65. (17-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о стипендіи при С.-Петербургской Ларинской гимназіи имени бывшихъ учениковъ ея Алексея и Сергея Острогорскихъ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу шестьсотъ рублей, пожертвованнаго генераль-лейтенантомъ Алексѣемъ Николаевичемъ Острогорскимъ и докторомъ медицины Сергѣемъ Алексѣевичемъ Острогорскимъ, учреждается при С.-Петербургской Ларинской гимназіи стипендія имени бывшихъ учениковъ ея Алексея и Сергея Острогорскихъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ бумагахъ государственной 4% ренты, хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, составляя ея собственность.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, задержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственного сбора, употребляются на уплату за учение стипендіата.

§ 4. Выборъ стипендіата принадлежитъ Сергию Алексѣевичу Острогорскому, а послѣ его смерти — старшему въ его потомствѣ по прямой линіи.

§ 5. Полученіе стипендіи не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Стипендіатъ пользуется предоставленною ему стипендіею до выбытія изъ заведенія.

§ 7. Въ случаѣ основожденія стипендіи гимназія своевременно увѣдомляетъ объ этомъ жертвователя или старшаго въ родѣ его потомка, къ которому перейдетъ право распоряженія стипендіею.

§ 8. Если до начала учебнаго года, слѣдующаго за выбытіемъ изъ гимназіи стипендіата, не послѣдуетъ отъ старшаго въ родѣ жертвователей заявленія объ избраніи имъ стипендіатъ, то въ первоъмъ, по началѣ учебнаго года, засѣданіи педагогическаго совѣта стипендіатъ избирается совѣтомъ, о чёмъ и сообщается старшему въ родѣ жертвователей съ указаниемъ избраннаго стипендіата.

§ 9. Въ стипендіаты могутъ быть выбираемы совѣтомъ, безъ различія вѣроисповѣданія и сословія, лишь тѣ ученики гимназіи, которые пробудутъ въ ней не менѣе одного учебнаго года и обнаружать при этомъ способности и прилежаніе къ учению.

§ 10. Могущіе образоваться остатки отъ невыдачи стипендій признаются къ основному капиталу, въ случаѣ удвоенія котораго учреждается вторая стипендія съ примѣненіемъ къ ней настоящаго „Положенія“.

66. (17-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени супруги сенатора, гофмейстера Высочайшаго Двора Зинаиды Семеновны Тобизенъ при Харьковской Маріинской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ ministra).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Харьковской Маріинской женской гимназіи учреждается стипендія имени супруги бывшаго Харьковскаго губернатора, сенатора, гофмейстера Высочайшаго Двора Зинаиды Семеновны Тобизенъ, на счетъ пятидесяти руб., ежегодно ассигнуемыхъ съ этой цѣлью Харьковскою городскою думою изъ городскихъ средствъ.

§ 2. Стипендіальная сумма употребляется на взносъ платы за учение бѣднѣйшей христіанскаго исповѣданія, безъ различія званія, ученицы гимназіи, отличающейся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 3. Стипендіатка избирается въ совмѣстномъ засѣданіи городской управы, почетныхъ смотрителей городскихъ училищъ и предсѣдателей попечительства и педагогическаго совѣтовъ гимназіи.

§ 4. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

67. (17-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени супруги сенатора, гофмейстера Высочайшаго Двора Зинаиды Семеновны Тобизенъ, при Харьковской 2-й женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ ministra).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при 2-й Харьковской женской гимназіи учреждается стипендія имени супруги бывшаго Харьковскаго губернатора, сенатора, гофмейстера Высочайшаго Двора Зинаиды Семеновны То-

бизенъ, на счетъ пятидесяти руб., ежегодно ассигнуемыхъ съ этой цѣлью Харьковскою городскою думою изъ городскихъ средствъ.

§ 2. Стипендіальная сумма употребляется на взносъ платы за ученіе бѣднѣйшей христіанскаго исповѣданія, безъ различія званія, ученицы гимпазіи, отличающейся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 3. Стипендіатка избирается въ совмѣстномъ засѣданіи городской управы, почетныхъ смотрителей городскихъ училищъ и предсѣдателей попечительного и педагогического совѣтовъ гимназіи.

§ 4. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

68. (17-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго предсѣдателя Пензенской губернской земской управы Алексея Николаевича Бекетова при общежитіи Пензенской 1-й женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при общежитіи Пензенской 1-й женской гимназіи учреждается стипендія имени умершаго предсѣдателя Пензенской губернской земской управы Алексея Николаевича Бекетова, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго Пензенскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ капитала въ четыре тысячи восемьсотъ руб. дляувѣковѣченія памяти о покойномъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающейся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, составляетъ неотъемлемую собственность Пензенской 1-й женской гимназіи и, оставаясь навсегда неприносившими, долженъ храниться въ Пензенскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственного сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на содержаніе одной изъ находящихся въ общежитіи воспитанницъ этой гимназіи изъ дочерей лицъ, служащихъ и служившихъ Пензенскому земству по выборамъ земскихъ собраній; если же общежитіе прекратить свое существование, то стипендія должна выдаваться стипендіаткѣ или ея родителямъ на руки.

§ 4. Въ случаѣ отсутствія въ Пензенской 1-й женской гимназіи воспитанницъ, удовлетворяющихъ условіямъ, означеннымъ въ преды-

дущемъ пунктѣ, стипендія имени А. Н. Бекетова можетъ быть предоставлена и другимъ, проживающимъ въ общежитіи воспитанницамъ, но лишь временно, впредь до заявленія о кандидаткѣ изъ дочерей земскихъ служащихъ, которой въ такомъ случаѣ и предоставляется означенная стипендія. Такая замѣна можетъ быть, впрочемъ, произведена не ранѣе окончанія того учебнаго полугодія, въ теченіе котораго избрана будетъ губернскимъ земскимъ собраніемъ новая стипендіатка.

§ 5. Выборъ стипендіатки производится Пензенскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіального капитала остатки причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи и обращаются по мѣрѣ накопленія въ тѣ же процентныя бумаги, въ какихъ хранится самый капиталъ.

69. (21-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго жиздринскаго городскаго головы, потомственнаго почетнаго гражданина Владимира Ивановича Корсаковскаго при Жиздринскомъ Михайловскомъ городскому училищу.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Жиздринскомъ Михайловскомъ городскомъ училищѣ учреждается стипендія имени умершаго жиздринскаго городскаго головы, потомственнаго почетнаго гражданина Владимира Ивановича Корсаковскаго, на счетъ процентовъ съ капитала въ *две* руб., пожертвованнаго съ этой цѣлью Жиздринскимъ уѣзднымъ земствомъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ свидѣтельствѣ государственной 4% ренты за № 1067, сер. 243, въ 200 руб., и въ двухъ руб. наличныхъ денегъ, хранится въ Жиздринскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Жиздринскаго Михайловскаго городскаго училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за обученіе избраннаго стипендіата, на покупку ему книгъ, учебныхъ пособій, платья, обуви и проч.

§ 4. Стипендія выдается бѣднѣйшему ученику училища, изъ дѣтей жителей Жиздринского уѣзда, отличающемся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Право избралія стипендіата, а также лишенія его стипендіи, въ случаѣ малоусынности или неодобрительного поведенія, принадлежитъ педагогическому совѣту Жиздринского Михайловскаго городскаго училища.

§ 6. Стипендиатъ пользуется стипендіею во все время своего учения въ Жиздринскомъ Михайловскомъ городскомъ училищѣ и имѣетъ стипендиатомъ Владимира Ивановича Корсаковскаго.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендиального капитала остатки расходуются на приобрѣтеніе книгъ, учебныхъ пособій, платъя, обуви и пр. тому же стипендиату или же на взносъ платы за обученіе какого-либо другого ученика училища.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендиата никакихъ обязательствъ.

70. (21-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о капиталѣ имени умершаго тульскаго купца Михаила Ивановича Владимирова при 2-й Тульской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за министра народного просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 г., при 2-й Тульской женской гимназіи учреждается капиталъ имени умершаго тульскаго купца Михаила Ивановича Владимирова на завѣщанные имъ этою цѣлью пятнадцать тысячъ руб.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ $3\frac{1}{4}\%$ билетѣ государственной комиссіи погашенія долговъ, вносится вѣчнымъ взносомъ въ Тульское отдѣленіе государственного банка и хранится въ числѣ специальныхъ средствъ Тульской 2-й женской гимназіи, состоявляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприбывающей.

§ 3. Проценты съ капитала употребляются на выдачу ученицамъ гимназіи единовременныхъ пособій на взносъ платы за обученіе.

§ 4. Кандидатка на получение единовременныхъ пособій избирается изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ кандидатокъ на получение единовременного пособія

и определение его разыбра принадлежить педагогическому совету Тульской 2-й женской гимназии.

§ 6. Могущие образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ съ капитала остатки за какой-либо годъ должны быть присоединямы къ процентамъ слѣдующаго года и вмѣстѣ съ ними употребляемы на тотъ же предметъ.

§ 7. Пользованіе пособіями не налагаетъ на воспитанницъ гимназіи никакихъ обязательствъ.

71. (26-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени жены Кяхтинскаго 2 гильдіи купца Анны Ивановны Бабкиной при Троицкосавской женской графа Муравьевъ-Амурскаго гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Троицкосавской женской графа Муравьевъ-Амурскаго гимназіи учреждается стипендія имени жены Кяхтинскаго 2 гильдіи купца Анны Ивановны Бабкиной на проценты съ пожертвованнаго наследниками ея капитала въ одну тысячу руб.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственные или гарантированныя правительствомъ процентные бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприватизированнымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора, по закону 20-го мая 1885 г., частію употребляются на взносъ платы за ученіе, частію выдаются въ пособіе избранной стипендіаткѣ.

§ 4. Стипендія назначается бѣднѣйшей ученицѣ гимназіи, преимущественно изъ дѣтей городскихъ обывателей, отличающейся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Право выбора стипендіатки, а равно и лишенія ея стипендіи принадлежитъ педагогическому совету гимназіи по соглашенію съ преподавательнымъ советомъ оной.

§ 6. Могущие образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіального капитала остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу и обращаются въ процентные бумаги до тѣхъ поръ, пока составится сумма, достаточная для учрежденія новой стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендією не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Троицкосавской женской граfa Муравьева-Амурскаго гимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго для употребленія по назначению.

72. (29-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени прптоіеря Павла Александровича Иваньшина при Коротоякскомъ городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года. утверждено, за министра народного просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Коротоякскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ учреждается стипендія имени прптоіеря Павла Александровича Иваньшина, на счетъ ежегодно вносимой въ смету городскаго расходовъ суммы, равной платѣ, взимаемой за обученіе въ означенномъ училищѣ, въ память законоучительской службы его при городскомъ училищѣ и въ означенованіе 25-лѣтнаго служенія его въ санѣ прптоіерея.

§ 2. Стипендіальная сумма употребляется на ваность платы за обученіе избраннаго стипендіата.

§ 3. Стипендія выдается бѣднѣшему ученику означенного училища изъ дѣтей жителей г. Коротояка, отличающемся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 4. Право избрания стипендіата предоставляется пожизненно прптоіерю Павлу Александровичу Иваньшину, а по смерти его Коротоякскому городскому управлению.

§ 5. Пользованіе стипендією не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

73. (30-го апрѣля 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени по-томственнаго почетнаго гражданина Леона Филипповича Гольдштейна при Кіевской 3-й гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ девъ тысячи рублей, внесенного помощникомъ присяжнаго повѣреннаго Моисеемъ Леоновичемъ Гольдштейномъ, учреждается при Кіевской 3-й гимназіи одна стипендія имени отца жертвователя Леона Филипповича Гольдштейна.

§ 2. Стипендіальныи капиталъ, заключающійся въ 4-хъ свидѣтельствахъ 4% государственой реалы, по 500 руб. каждое, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означенного капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственного сбора, употребляются на плату за право ученія одного стипендіата юдеїскаго вѣроисповѣданія изъ числа учениковъ гимназіи, остающіяся же за этою уплатою деньги выдаются тѣмъ лицамъ, на попеченія или иждивеніи которыхъ находится стипендіатъ.

§ 4. Избрание кандидата въ стипендіаты предоставляется усмѣтрѣнію жертвователя, т. е. М. Л. Гольдштейна, а послѣ его смерти его законнымъ наследникамъ; право утвержденія предложеннаго кандидата стипендіаторомъ предоставляется педагогическому совѣту гимназіи, при чмъ таковое утвержденіе можетъ постѣдовать только при наличности двухъ условій: удостовѣренія о несостоительности предложеннаго кандидата и отличного его поведенія.

§ 5. Стипендіатъ пользуется стипендіей во все время обученія его въ 3-й гимназіи, но педагогическому совѣту гимназіи предоставляется право лишать его стипендіи при неодобрительномъ поведеніи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

74. (1-го мая 1903 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени умершей начальницы Бѣлозерской женской прогимназіи Маріи Алексѣевны Михайловской при означенной прогимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 г., утверждено, за министра народного просвѣщенія, г. товарищемъ ministra).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Бѣлозерской женской прогимназіи учреждаются три стипендіи имени бывшей начальницы сей прогимназіи Маріи Алексѣевны Михайловской на счетъ тридцати рублей, ежегодно ассигнуемыхъ съ этою цѣлью Бѣлозерскою городскою думою, по постановленію отъ 2-го сентября 1902 г., изъ городскихъ средствъ.

§ 2. Бѣлозерская городская дума вносить въ прогимназію въ началѣ каждого года тридцать руб., по десяти руб. на каждую стипендію, для покупки стипендіаткамъ одежды, обуви, книгъ и т. п.

§ 3. Стипендіатки избираются изъ числа бѣднѣйшихъ, безъ раз-

личія сословія и вѣроисповѣданія, ученицъ прогимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 4. Выборъ стипендіатокъ предоставляетъся попечительному совѣту прогимназіи, по рекомендаціи начальницы или педагогического совѣта.

§ 5. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

75. (2-го мая 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени профессора Императорской С.-Петербургской Военно-Медицинской Академіи тайного советника Венцеля Грубера и жены его Августы Груберъ, при Императорскомъ Московскомъ университете.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ двѣнадцать тысячъ четыреста пятьдесятъ одинъ руб. восемьдесятъ пять коп., завѣщаннаго вдовою профессора Грубера Августою Груберъ, учреждается при медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета стипендія для анатомовъ имени профессора Венцеля Грубера и его жены Августы Груберъ.

§ 2. Стипендія „Венцеля и Августы Груберъ“ назначается врачу, безъ различія его національности и вѣроисповѣданія, посвящающему себя предпочтительно изученію анатоміи на трехлѣтній срокъ.

§ 3. Если за трехлѣтній срокъ стипендіатъ сдѣлаетъ заслуживающую похвалы работу по анатоміи и впредь посвятить себя этому предмету, то стипендія можетъ быть ему продолжена до тѣхъ поръ, пока стипендіатъ будетъ представлять новыя работы по анатоміи. Прекращается выдача стипендіи въ случаѣ получения стипендіаторомъ профессуры или прозектуры. Полученіе стипендіаторомъ должности, поставленной ниже указанныхъ, назначению стипендіи не препятствуетъ.

§ 4. Если не окажется лица, отвѣщающаго условіямъ, изложеннымъ въ §§ 2 и 3, то изъ процентовъ съ капитала можетъ быть составлена единовременная премія, размѣромъ въ зависимости отъ свободной въ данный моментъ суммы, которая можетъ быть выдана за представленную факультету научную работу по анатоміи или сопредѣльнымъ съ нею наукамъ, а также въ качествѣ пособія лицу, занимающемуся анатоміей, для научнаго путешествія заграницу.

§ 5. Если бы вышеизложенные условія почему-либо не были выполнены и образовался остатокъ процентовъ, то онъ можетъ быть причисленъ къ основному стипендіальному капиталу.

§ 6. Стипендіальный капиталъ долженъ заключаться въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, которыя въ данный моментъ приносятъ наиболѣе дохода; онъ причисляется къ специальнымъ средствамъ Московскаго университета, оставаясь неприкосновеннымъ для образования стипендий.

§ 7. Если бы съ течениемъ времени Московскій медицинскій факультетъ былъ закрытъ, то стипендиа передается другому вновь открытому медицинскому факультету или же, за неимѣніемъ такового, тому изъ прочихъ факультетовъ, который съ пожертвованной ему стипендией достигъ лучшихъ результатовъ.

76. (3-го мая 1903 года). *Положеніе о двухъ стипендиахъ имени Сарапульской купчихи Александры Лукиничны Башениной при Сарапульскомъ реальному училищу.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года),

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ девять тысячъ сто рублей, завѣщанного Сарапульской купчихой Александрой Лукиничной Башениной, учреждаются при Сарапульскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ двѣ стипендии имени завѣщательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ Сарапульскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Сарапульского реального училища, составляя его собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну установленного 5% государственного сбора, употребляются на взносъ платы за обученіе двухъ бѣднѣйшихъ и лучшихъ по способностямъ учениковъ названного реального училища.

§ 4. Право выбора стипендиатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту Сарапульского реального училища, которому предоставляется, въ случаѣ неудовлетворительныхъ успѣховъ стипендиатовъ въ наукахъ, или неодобрительного поведенія, лишить ихъ стипендиї.

§ 5. Пользованіе стипендиами не налагаетъ на стипендиатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ стипендіального капитала присоединяются къ оному и не расходуются впредь до могущаго послѣдовать увеличенія платы за обученіе въ реальному училищѣ.

77. (3-го мая 1903 года). *Положеніе о стипендіяхъ бывшаго ученика Харьковской 4-й гимназии Григорія Кандыбы при той же гимназии.*

(Утверждено на основании Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ пять тысячъ сто р., пожертвованного Иваномъ Николаевичемъ Кандыбою, учреждаются при Харьковской 4-й гимназіи двѣ стипендіи имени покойнаго сына его Григорія Кандыбы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% ренты на сумму 5100 р. по номинальной цѣнѣ, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Харьковской 4-й гимназіи и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственного сбора на основаніи закона 1885 года, дѣлятся поровну между обоями стипендіатами и выдаются по полуго-діямъ.

§ 4. Стипендіаты избираются педагогическимъ совѣтомъ изъ бѣднѣшихъ учениковъ Харьковской 4-й гимназіи, православнаго исповѣданія, безъ различія сословій.

§ 5. Стипендіаты, оставшіеся на второй годъ въ томъ же классѣ вслѣдствіе болѣзни или другихъ уважительныхъ причинъ, не лишаются права на получение стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ со стипендіального капитала употребляются, согласно опредѣленію педагогическаго совѣта, на нужды бѣднѣшихъ учениковъ Харьковской 4-й гимназіи.

78. (3-го мая 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени тайного советника Евгения Константиновича Андреевскаго при Черниговской мужской гимназии.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ рублей, пожертвованнаго почетнымъ гражданиномъ г. Чернигова В. П. Гутманомъ, учреждается согласно волѣ жертвователя стипендія при Черниговской мужской гимназіи имени тайного советника Е. К. Андреевскаго.

§ 2. Правомъ на получение стипендіи пользуются бѣднѣшие ученики гимназіи—преимущественно сыновья жителей города Чернигова,

безъ различія званія и вѣроисповѣданія, оказывающіе при отличномъ поведеніи хорошіе успѣхи въ наукахъ.

§ 3. Стипендія выдается по полугодіямъ, равными суммами, при чьемъ всѣ расчеты производятся съ начала учебнаго года.

§ 4. Выборъ стипендіата производится Евгениемъ Константиновичемъ Андреевскимъ, а послѣ смерти его Черниговскою городскою думою по полученніи отъ педагогическаго совѣта мужской гимназіи уведомленія о томъ, что кандидатъ на стипендію удовлетворяетъ условіямъ, изложеннымъ въ § 2 сего положенія.

§ 5. Желающіе воспользоваться стипендіей подаютъ о томъ прошеніе въ Черниговскую городскую управу, съ представлениемъ документовъ, подтверждающихъ, что кандидатъ состоить ученикомъ упомянутой гимназіи и принадлежитъ къ жителямъ г. Чернигова; съ своей стороны городская управа представляетъ ходатайство, вмѣстѣ съ упомянутыми въ § 4, документами и заключеніемъ своимъ о бѣдности кандидата, тайному совѣтнику Е. К. Андреевскому, а послѣ его смерти Черниговской городской думѣ.

§ 6. Ученикъ, удостоенный назначенія стипендіи, пользуется ею въ продолженіе всего курса. Но выдача стипендіи можетъ быть прекращена по соглашенію съ Е. К. Андреевскимъ и городскою думою, въ томъ случаѣ, если имущественное положеніе стипендіата улучшится до такой степени, что воспитаніе можетъ быть продолжено на собственныя его или родителей средства, или если стипендіатъ по своимъ поведенію и успѣхамъ перестанетъ удовлетворять требованіямъ, изложеннымъ въ § 2.

§ 7. О состояній стипендіального капитала, о приходѣ и расходѣ какъ по его оборотамъ, такъ и по выдачѣ стипендій, городская управа представляетъ отчетъ городской думѣ, на общемъ основаніи.

79. (6-го мая 1903 года). Положеніе о стипендіи имені дѣйствительного тайного советника Константина Петровича Побѣдоносцева при общежитіи братства святыхъ Кирилла и Меѳодія для бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи.

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ четыре тысячи пятьсотъ рублей, пожертвованаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Митрофаномъ Михайловичемъ Рукавишниковымъ, учреждается при общежитіи братства свв. Кирилла и Меѳодія, основанномъ для помѣщенія на полномъ содержаніи отъ братства бѣдныхъ учениковъ Нижегород-

ской гимназіи, одна стипендія имени действительного тайного советника Константина Петровича Побѣдоносцева.

§ 2. Стипендіальный капиталъ внесенъ вкладомъ навсегда въ Нижегородское отдѣленіе государственного банка по квитанціи отъ 24 октября 1902 г., за № 2617.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственного сбора, получаются совѣтомъ братства свв. Кирилла и Меѳодія и обращаются на содержаніе при означеннѣи общежитіи одного стипендіата.

§ 4. Право избралія стипендіата изъ числа бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи, отличающихся благонравіемъ и хорошими успѣхами, предоставляется учредителю стипендіи М. М. Рукавишникову, а послѣ его смерти—совѣту братства свв. Кирилла и Меѳодія.

§ 5. Въ случаѣ закрытія братства свв. Кирилла и Меѳодія, право распоряженія процентами со стипендіального капитала для указанной въ § 3 цѣли, а также и право избралія стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Нижегородской гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей на налагаетъ на стипендіата наказаний обязательствъ.

80. (6-го мая 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени надворного советника Михаила Емельяновича и жены его Евфросиніи Фадеевны Буяновскихъ при Минской мужской гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ тысячу рублей, завѣщанного надворнымъ советникомъ Михаиломъ Емельяновичемъ Буяновскимъ, учреждается при Минской гимназіи одна стипендія имени завѣщателя и его покойной жены Евфросиніи Фадеевны Буяновской.

Приложаніе. Процентныя деньги, которыя наростиутъ ко дню утвержденія положенія о стипендіи, присоединяются къ основному капиталу и вмѣстѣ съ нимъ составляютъ неприкосновенный стипендіальный капиталъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся нынѣ въ билетахъ государственной 4% ренты, хранится въ Минскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Минской мужской гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, которые стануть поступать со дня утвержденія положенія о стипендіи, за удержаніемъ изъ нихъ слѣдующаго въ казну 5% сбора, назначаются одному уче-

нику, обучающемуся въ Минской гимназии, и выдаются на руки родителямъ стипендіата или лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто.

§ 4. Право избранія стипендіата предоставляется педагогическому совѣту этого учебного заведенія.

§ 5. Стипендіатъ пользуется стипендіей до окончанія курса гимназіи. Въ случаѣ, если бы стипендіатъ по своему поведенію и успѣхамъ оказался не заслуживающимъ стипендіи, педагогическому совѣту Минской гимназіи предоставляется право лишить его таковой.

§ 6. Могущіе образоваться по какому-либо случаю остатки отъ процентовъ, подлежащихъ выдачѣ стипендіату, распредѣляются между бѣднѣйшими учениками гимназіи по усмотрѣнію педагогического совѣта.

§ 7. Въ случаѣ закрытія Минской мужской гимназіи, стипендія имени М. Е. и Е. Ф. Буяновскихъ переводится, съ соблюдениемъ всѣхъ основныхъ условій сего положенія, въ другое учебное заведеніе г. Минска.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

81. (8-го мая 1903 года). *Положение о стипендіи умершей Ярославской мышанки Ксении Ивановны Купріяновой при Ярославской женской гимназіи въ Екатерининскомъ домѣ призрѣнія ближняго.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го ювгуста 1873 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Ярославской женской гимназіи въ Екатерининскомъ домѣ призрѣнія ближняго учреждается стипендія имени умершей Ярославской мышанки Ксении Ивановны Купріяновой на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго ею капитала въ восемьсотъ руб.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ семи свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, составляя неотъемлемую собственность Екатерининского дома призрѣнія ближняго, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе избранной стипендіатки.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Право избранія стипендіатки принадлежитъ пожизненно Мо-

сковской мѣщанкѣ Аннѣ Ивановнѣ Малышевой, по соглашению съ собѣтомъ Екатерининского дома призрѣнія ближняго, а по смерти ея—названному совѣту.

§ 6. Стипендіатка пользуется стипендіею до окончанія курса семи классовъ гимназіи или выхода изъ нея, но въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительного поведенія лишается стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта.

§ 7. Могущіе образоваться отъ процентовъ со стипендіального капитала остатки причисляются къ основному капиталу, на случай увеличенія платы за ученіе приходящихъ ученицъ гимназіи.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 2. (11-го мая 1903 года). *Положеніе о стипендиѣ имени потомственнаго почетнаго гражданина Николая Никитича Киселева при интернатѣ Вологодской гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

1. На счетъ процентовъ съ капитала въ тридцать тысячъ рублей, завѣщаннаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Н. Н. Киселевымъ, учреждаются при интернатѣ Вологодской губернскай гимназіи четыре стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты и въ 167 р. наличными деньгами, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ интерната при Вологодской губернскай гимназіи, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного 5% сбора, употребляются на содержаніе въ интернатѣ при Вологодской губернскай гимназіи четырехъ стипендіатовъ.

§ 4. Въ стипендіаты избираются, безъ различія сословій, успѣвающіе въ наукахъ и отличного поведенія ученики гимназіи православнаго исповѣданія, пробывшіе въ ней не менѣе года (считая въ томъ числѣ и приготовительный классъ), преимущественно изъ круглыхъ сиротъ, или изъ сиротъ, потерявшихъ родителя, находящихся въ крайне бѣдственномъ положеніи, при отсутствіи же таковыхъ—изъ дѣтей бѣдныхъ и нищущихъ родителей.

Примѣчаніе. Ученики изъ круглыхъ сиротъ, избранные стипендіатами имени Н. Н. Киселева, должны представить началь-

ству гимназії обизательство родственника, опекуна или другого благонадежного лица въ томъ, что стипендіасть будеть принимаемъ ими къ себѣ на время каникуль, когда интернатъ закрывается, или когда этотъ ученикъ будеть лишенъ стипендіи.

§ 5. Выборъ стипендіата принадлежить педагогическому совѣту гимназії, коему предоставляется право лишать стипендій пользовавшихся ими учениковъ, въ случаѣ ихъ малоуспѣшности, оставленія въ томъ же классѣ на повторительный курсъ по неуважительнымъ причинамъ, или же неодобрительного ихъ поведенія.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ, кроме нравственной обязанности возвратить израсходованныя ими суммы въ случаѣ приобрѣтенія ими впослѣдствіи достаточныхъ материальныхъ средствъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ стипендіального капитала остатки присоединяются къ основному капиталу и обращаются въ государственные или гарантированные правительстvомъ процентныя бумаги для образованія новыхъ стипендій.

§ 8. Въ случаѣ закрытия интерната при Вологодской губернской гимназії стипендіальный капиталъ передается съ тѣмъ же назначениемъ и на тѣхъ же основаніяхъ въ специальные средства Вологодской гимназіи.

83. (13-го мая 1903 года). *Правила о пользованіи капиталомъ, завѣщаннымъ на нужды и украшеніе церкви при Кіевской 1-й гимназіи тайнымъ советникомъ Н. А. Терещенко.*

(Утверждено на основаніи Высочайше утвержденія 28-го мая 1876 года положенія комитета министровъ).

§ 1. Капиталъ въ пять тысячъ рублей, завѣщанный умершимъ тайнымъ советникомъ Николою Артеміевичемъ Терещенко, согласно волѣ завѣщателя, назначается на церковь Кіевской 1-й гимназіи.

§ 2. Завѣщанный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, составляя неотъемлемую собственность Кіевской 1-й гимназіи, хранится въ Кіевскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Проценты съ означенія капиталу, задержаніемъ изъ нихъ въ казну установленного 5% государственного сбора, расходуются на украшеніе и надобности церкви Кіевской 1-й гимназіи на основаніи постановленія комиссіи, состоящей изъ директора гимназіи, старости и настоятеля означенной церкви.

§ 4. Основной капиталъ въ 5 тысячъ рублей или часть его могутъ быть расходуемы на нужды церкви только съ особаго утверждения педагогическимъ совѣтомъ Киевской 1-й гимназіи постановленія вышеозначенной комиссіи.

84. (13-го мая 1903 года). *Правила о порядке выдачи пособий нуждающимся ученикамъ Киевской 1-й гимназіи изъ процентовъ съ капитала, завѣщанного сей гимназіи тайнымъ советникомъ Н. А. Терещенко.*

(Утверждено на основаніи Высочайше утвержденаго 28-го мая 1876 года положенія комитета министровъ).

§ 1. Проценты съ капитала въ пять тысячъ рублей, завѣщанного умершимъ тайнымъ советникомъ Николою Артеміевичемъ Терещенко, согласно волѣ завѣщателя, назначаются ежегодно на выдачу пособій бѣднѣшимъ ученикамъ Киевской 1-й гимназіи.

§ 2. Завѣщанный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, составляя неотъемлемую собственность гимназіи, хранится въ мѣстномъ государственномъ казначействѣ и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означенаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственного сбора, ежегодно выдаются бѣднѣшимъ ученикамъ на основаніи постановленій педагогического совѣта Киевской 1-й гимназіи.

§ 4. Проценты, по чѣму-либо не израсходованные въ какомъ-либо году, подлежать выдачѣ въ одномъ изъ слѣдующихъ годовъ.

85. (14-го мая 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени покойного помощника классныхъ наставниковъ Петра Ильича Овсянкина при Двинскомъ реальному училищу.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ представленаго душеприказчикомъ покойного помощника классныхъ наставниковъ Двинского реального училища Петра Ильича Овсянкина, директоромъ сего училища Княземъ, капитала въ четыреста руб. учреждается при семъ училищѣ стипендія имени вышеозначенаго Петра Ильича Овсянкина.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ четырехъ балетахъ 4% государственной ренты сторублеваго достоинства, хранится въ Двинскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ

средствъ училища и, составляя его неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ выхода въ тиражъ означенныхъ билетовъ, училище приобрѣтаетъ новые соотвѣтственной цѣнности государственные процентные билеты.

§ 4. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственного сбора по закону 20-го мая 1885 года, выдаются ежегодно въ августѣ мѣсяцѣ, по постановленію педагогическаго совѣта училища, одному изъ учениковъ Двинскаго реальнаго училища, родители или опекуны которыхъ не въ состояніи производить взносы за право обучения.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіального капитала присоединяются къ процентамъ слѣдующаго года на предметъ увеличенія выдаваемой суммы.

§ 6. Въ случаѣ преобразованія Двинскаго реальнаго училища въ среднєе учебное заведеніе другого названія или типа, стипендіальный капиталъ переходитъ въ это учебное заведеніе съ тѣмъ же назначениемъ.

86. (16-го мая 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго войскового старшины Оренбургскаго казачьяго войска Михаила Парфеновича Слотова при Оренбургскомъ 1-мъ городскомъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народного просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г. при Оренбургскомъ 1-мъ городскомъ училищѣ учреждается стипендія имени умершаго войскового старшины Оренбургскаго казачьяго войска, Михаила Парфеновича Слотова, на счетъ процентовъ съ капитала въ четыреста рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ Оренбургскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ городского училища, составляя неотъемлемую его собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственного сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе избранаго стипендіата, а остатки отъ процентовъ обращаются на покупку учебныхъ пособій, для выдачи во временное пользованіе бѣдѣйшимъ ученикамъ.

§ 4. Стипендіі выдаются бѣднѣйшему ученику, преимущественно изъ сиротъ дѣтей казаковъ Оренбургскаго казачьяго войска, отличающемся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Право выбора стипендіата предоставляется педагогическому совѣту училища.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Оренбургскаго 1-го городскаго трехкласснаго училища въ другое какое-либо учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ поступаетъ въ неприкосновенный капиталъ этого учебнаго заведенія.

87. (22-го мая 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени въ Бозъ почившаго Императора Николая I, при Новоалександровскомъ городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищъ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народного просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 17-го мая 1903 г., при Новоалександровскомъ городскомъ училищѣ учреждаются двѣ стипендіи имени въ Бозъ почившаго Императора Николая I, на счетъ процен-тovъ съ капитала въ *триста* руб., пожертвованнаго жителями города Новоалександровска и его уѣзда.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% государственной рентѣ, хранится въ Новоалександровскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Новоалександровскаго городскаго училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означенного капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе избранныхъ стипендіатовъ.

§ 4. Стипендіи выдаются бѣднѣйшимъ ученикамъ упомянутаго училища, безъ различія вѣроисповѣданія, сословія и званія, отличающимся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, и сохраняются за ними въ теченіе прохожденія ими всего курса училища.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ, а равно лиценіе ихъ стипендій предоставляетъ педагогическому совѣту училища по соглашенію съ мѣстнымъ предводителемъ дворянства.

§ 6. Стипендіаты лишаются стипендій въ случаѣ малоуспѣшности

въ наукахъ или неодобрительного поведенія, при чмъ стипендіи могутъ быть переданы другимъ, болѣе достойнымъ ученикамъ.

§ 7. Проценты со стипендіального капитала, въ случаѣ незамѣщенія стипендій, равно какъ и могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ, присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣровъ стипендій.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Новоалександровскаго городскаго училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ въ вѣдѣніе этого постѣдняго.

88. (22-го мая 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго статскаго советника Павла Степановича Богданова при Острогожскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народного просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Острогожскомъ трехклассномъ училищѣ учреждается стипендія имени умершаго статскаго советника Павла Степановича Богданова на счетъ процентовъ съ завѣщанаго имъ съ этой цѣлью капитала въ одну тысячу тридцать рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ свидѣтельствѣ государственной 4% ренты въ 1.000 руб. и въ 30 руб. наличными, хранится въ Острогожскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

Примѣненіе. Въ случаѣ выхода въ тиражъ процентныхъ бумагъ, въ которыхъ заключается стипендіальный капиталъ, приобрѣтаются новыя соответственной цѣнности государственные или гарантированные правительствомъ процентныя бумаги.

§ 3. Проценты съ означенія капиталу, задержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного 5% сбора по закону 20-го мая 1885 г., выдаются, согласно постановленію педагогическаго совѣта училища, въ пособіе избранному стипендіату.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣдишьшихъ учениковъ училища, изъ уроженцевъ г. Острогожска, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Право избрания стипендиатовъ или распределение между ними % съ пожертвованного капитала принадлежитъ педагогическому совету училища.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендиального капитала остатки присоединяются къ основному капиталу и хранятся въ сберегательной кассѣ, пока не накопится достаточная сумма для приобрѣтенія процентныхъ бумагъ.

§ 7. Пользованіе стипендией не налагаетъ на стипендиатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Острогожскаго трехкласснаго городскаго училища или закрытія его, стипендиальный капиталъ на тѣль же основаніяхъ передается тому учебному заведенію, которое будетъ открыто взамѣнъ описаннаго училища.

V. ОПРЕДЕЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Определеніями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Знойко, Николай. Краткое руководство по древней исторії. Одесса. 1903. Стр. II + 160 + II + 3 карты. Цѣна 75 коп.“ (для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій).

— „Никульцевъ, П. Алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ. Часть 1-ая. Теоретический отдѣлъ. Издание 5-е, В. В. Думнова. М. 1903. Стр. 336. Цѣна 1 р. 25 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Вернилій Маронъ, П. Энеида. Пѣснь II. Объяснитель Д. Нагуевский. (Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, подъ ред. Льва Георгиевскаго и Сергея Манитейна). Издание

6-е. С.-Пб. 1903. Часть I: Текстъ. Стр. 29+1 карта.—Часть II: Комментарій. Стр. 58. Цѣна за обѣ части 50 коп.“ (для гимназій и прогимназій).

— „*Dictionnaire, H., et J. Lecrier. Narrations et exercices de mémoire en prose et en vers.* 13-me édition. St. Pbg. et Moscou. 1900. Стр. II+399. Цѣна 75 коп.“

— „*Ковалевский, С. Элементарный свѣдѣнія изъ химіи.* З-е изданіе пересм. С.-Пб. 1903. Стр. 47. Цѣна 35 коп.“ (въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи физики въ мужскихъ гимназіяхъ, а также и въ бесплатныи народныи читальни и библиотеки).

— „*Никульцевъ. П. Алгебра и собрание алгебраическихъ задачъ.* Часть 2-я. Задачникъ по алгебрѣ. Издание 5-е, В. Думнова. М. 1903. Стр. IV+265. Цѣна 1 р.“ (для гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Поливановъ, Левъ.* 1) Русская хрестоматія для 2 первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Издание 22-е. М. 1903. Стр. XII+370+VI. Цѣна 70 коп.—2) То же. Часть II. Для III и IV классовъ. Издание 18-е. М. 1903. Стр. XXII+448. Цѣна 1 р. 20 коп.“

в) въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Вальтеръ Скоттъ.* Пуритане. Полный переводъ. Издание 2-е, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1902. Стр. XVIII+429. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (также и въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныи народныи читальни и библиотеки).

— „*Вейнбергъ, Б. П.* Работа и энергія. С.-Пб. 1899. Стр. 82. Цѣна 35 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ бесплатныи народныи читальни и библиотеки).

— „*Виссаріонъ, епископъ.* 1) Толкованіе на параміи. Издание 2-е, вновь пересм., И. Л. Тузова. Томъ I. С.-Пб. 1894. Стр. V+605+V.—Томъ II. С.-Пб. 1894. Стр. 740+XXI. Цѣна за 2 тома 5 р.—Томъ III. С.-Пб. 1896. Стр. 106. Цѣна 50 коп.—2) Сборникъ для любителей духовнаго чтенія. Издание 2-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1897. Стр. 556. Цѣна 2 р.—3) Черты христіанскаго ученія. Сборникъ для назидательного чтенія. Издание 2-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1897. Стр. 312+III. Цѣна 1 р.—4) Уроки покаянія въ великомъ канонѣ св. Андрея Критскаго, заимствованные изъ библейскихъ сказаний. Издание 3-е, И. Л.

Тузова. С.-Пб. 1897. Стр. 322+П. Цѣна 1 р.—5) О расколѣ и по поводу раскола. 17 проповѣдей. Издание 2-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1901. Стр. 178+I. Цѣна 80 коп.“

— „Вознесенскій, А., и Ф. Гусевъ. Житіе и чудеса св. Николая Чудотворца и слава его въ Россіи. Издание И. Л. Тузова. С.-Пб. 1899. Стр. 723. Цѣна 3 р., въ коленкѣ, перепл. 4 р.“

— „Гауптманъ, Герардъ. Бѣдный Генрихъ. Переводъ И. И. Митропольского. Издание М. В. Клюбина. М. 1902. Стр. 135. Цѣна 50 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Гермогенъ, епископъ Псковскій и Порховскій. 1) Минуты пастырскаго досуга. Издание 2-е, И. Л. Тузова. Томъ I. С.-Пб. 1899. Стр. 361+П.—Томъ II. С.-Пб. 1901. Стр. 505+I. Цѣна за 2 тома 3 р.—2) Очеркъ исторіи славянскихъ церквей. Издание 2-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1899. Стр. 248. Цѣна 1 р.“

— „Гомиковъ, В. И. Среди родной природы. Иллюстрированная естественно-историческая хрестоматія. Издание К. И. Тихомирова. М. 1903. Стр. 227. Цѣна 1 р.“ (также и въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

— „Залдинъ, Александръ. Иванъ Ивановичъ Мартыновъ. Тифлісъ. 1902. Стр. 71. Цѣна 50 к.“ (для старшаго возраста).

— „Карекій, М. Б. Пушкинъ въ Тавридѣ. Издание 2-е. Одесса. 1899. Стр. 61. Цѣна 25 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

— „Мезіеръ, А. В. Черный Спартакъ. Изъ бытыхъ дней острова Санть-Домінго. Очеркъ жизни и дѣятельности Туссена Лувертюра и его времени. Издание П. П. Гершунина и К°. С.-Пб. 1903. Стр. 137. Цѣна 50 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Михайловскій, В. Библейский богословскій словарь. Издание 4-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1899. Стр. 450+IV. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „Пименова, Э. Миръ животныхъ въ очеркахъ и картинахъ. Издание 2-е, ред. журн. «Всходы». С.-Пб. 1902. Часть 1-я. Стр. 203. Цѣна 55 коп.—Часть 2-я. Стр. 224. Цѣна 60 коп.—Часть 3-я. Стр. 200. Цѣна 55 коп.“ (также и въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ, въ библиотеки учителльскихъ семинарій и институтовъ и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

— „Поселянинъ, Е. Русскіе подвижники 19-го вѣка. Издание 2-е, знач. дополн., И. Л. Тузова. С.-Пб. 1901. Стр. 568+П. Цѣна 2 руб.“

— „Романовъ, Іоакимъ. Краткія поученія о богослуженіи право-

славной церкви. Издание 2-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1897. Стр. 157+II. Цѣна 50 коп.“

— „*Сергій, архієпископъ Владімірскій.* 1) Православное учение о почитаніи святыхъ иконъ и другія соприкосновенныя съ ними истины православной вѣры. Издание 3-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1899. Стр. 134+2. Цѣна 25 коп.— 2) Бесѣды объ основныхъ истинахъ святой православной вѣры. Издание 3-е, испр. и доп., И. Л. Тузова. С.-Пб. 1899. Стр. 302+2. Цѣна 1 р. 25 коп.— 3) Святый и животворящій крестъ Господень. Издание 4-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1899. Стр. 23. Цѣна 6 коп.“.

— „*Славинъ, Александръ.* Помилуй мя, Боже, помилуй мя! Душевные и сердечные вопли, стеканія и воздыханія кающагося грѣшника. Издание 3-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1899. Стр. 120. Цѣна 20 коп.“

— „*Соколовъ, Александръ.* Священная исторія въ простыхъ разсказахъ. Издание 4-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1901. Стр. 467. Цѣна 1 р., въ роск. коленъ. перепл. 2 р.“

— „*Соловьевъ, Г.* 1) Пособіе къ добруму чтенію Святой Біблії. Издание 2-е, испр. и доп., И. Л. Тузова. С.-Пб. 1897. Стр. 548+XVII. Цѣна 2 р.— 2) Что нужно знать православному христіанину о святомъ Евангелии. Издание И. Л. Тузова. С.-Пб. 1898. Стр. 72 + I. Цѣна 30 коп.“

— „*Спасский, П. Н.* Толкованіе на пророческія книги ветхаго завѣта. Издание 2-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1899. Стр. 664+IV. Цѣна 2 р.“

— „*фонъ-Суттнеръ, Берта.* Дѣти Марты. Переводъ съ нѣмецкаго А. Рыниной. Издание М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 305+15. Цѣна 1 р.“ (для старшаго возраста).

— „*Тихомировъ, Г. В.* Царь Борисъ Феодоровичъ въ церковныхъ и гражданскихъ событияхъ и мѣропріятіяхъ его времени. С.-Пб. 1903. Стр. 16. Цѣна 20 коп.“ (для среднаго и старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Филаретъ (Гумилевский).* Житія святыхъ, чтимыхъ православною церковью. Издание 3-е дополн., И. Л. Тузова. 12 томовъ (январь по декабрь). С.-Пб. 1900. Цѣна за 12 книгъ 15 р.“

— „*Филоновъ, Андрей.* Исторія русской словесности. С.-Пб. 1903. Стр. XXVIII+864. Цѣна 2 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Христіанскія размышленія на каждый день мѣсяца. Издание И. Л. Тузова. С.-Пб. 1898. Стр. 70. Цѣна 10 коп.“

— „Шиллеръ, Фридрихъ. Донъ Карлосъ, инфантъ испанскій. Переводъ С. Порынкаю. Издание „Посредника“. М. 1901. Стр. 168. Цѣна 55 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Фаворскій, Дм. Христіанскіе догматы о бессмертіи души и воскресеніи мертвыхъ. Издание 2-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1900. Стр. 64. Цѣна 30 коп.“

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Круберъ, А., С. Григорьевъ, А. Барковъ и С. Чебрановъ. Начальный курсъ географіи. М. 1903. Стр. VII + 141. Цѣна 75 коп.“

— „Лейцингеръ, Г. Л. Приложеніе алгебры къ геометріи. Подъ ред. Р. К. Шёнера и В. Р. Шёнера. Тифлісъ. 1902. Стр. 66+4 табл. Цѣна 65 коп.“

— „Рыбкинъ, Н. Учебникъ прямолинейной тригонометріи. Издание 2-е, испр. и дополн., магазина „Сотрудникъ школы“. М. 1900. Стр. 87. Цѣна 45 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи этой книги были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета относительно 1-го и 2-го изданій ея).

— „Самойловъ, В. Практическій курсъ начальной грамматики русскаго языка. 5-е доп. изданіе. С.-Пб. 1900. Стр. 91. Цѣна 20 коп.“ (для приготовительныхъ классовъ).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Kamensky, Anna. Narrations. (Nouveau recueil). St. Pbg. 1903. Стр. 64. Цѣна 60 коп.“

— „Радонежскій, А. Родина. Сборникъ для класснаго чтенія. Издание 18-ое, испр. и дополн. С.-Пб. 1903. Стр. XVI+320. Цѣна 75 коп.“ (для низшихъ классовъ).

в) въ ученическия библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Венеръ, Вильгельмъ. Эллада. Очерки и картины древней Греции. Переводъ П. Евстафьевъ. 4-е русское испр. и знач. доп. изданіе, подъ ред. В. И. Модестова. Издание т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1901. Стр. X+1012+VII. Цѣна 4 р. 50 к.*“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

Определеніями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданія: „*Гершойз, Г. М. Учебныя наглядныя пособія для школы, семьи и самообразованія. Издание Е. П. Распопова въ Одессѣ. 1) Школьная коллекція металловъ съ приложеніемъ объяснительной брошюры: краткое описание наиболѣе употребляемыхъ металловъ. Цѣна 1 р.—2) Школьная коллекція минераловъ, состоящая изъ 42-хъ представителей. Съ приложеніемъ объяснительной брошюры: краткое описание важнѣйшихъ минераловъ. Цѣна 3 р.*“—допустить къ употребленію, въ качествѣ классныхъ учебныхъ пособій, въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ тѣмъ, чтобы цѣны коллекцій были понижены, по крайней мѣрѣ, на 30%, а размѣры образцовъ минераловъ и горныхъ породъ были увеличены, пріимѣрно, вдвое.

— Книгу: „*Грановскій, А. Опытъ русскаго синтаксиса, построеннаго по синтетическому методу. Полтава. 1902. Стр. IX+52. Цѣна не обозначена.*“—допустить въ библиотеки учителльскихъ семинарій и институтовъ.

— Книгу: „*Милосидовъ, Г. Опытъ объяснительного чтенія, какъ живого слова въ преподаваніи роднаго языка. Издание 3-е, вновь пересм. и доп. Орель. 1901. Стр. VI+214. Цѣна 1 р.*“—допустить въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Издание: „*Кутеповъ, Николай. Царская и Императорская охота на Руси. Томъ III. Конецъ XVII-го и XVIII вѣкъ. С.-Пб. 1902. Стр. in 4º XXXII+300+280. Цѣна въ перепл. 50 р., для учебн. зав. безъ перепл., но съ пересылкой—30 р.*“—признать заслуживающимъ особой рекомендациі, посредствомъ циркуляра отъ министерства народнаго просвѣщенія, для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Цирклеръ, Г. М. Первая учебная книжка нѣмецкаго письма и чтенія по звуковому методу. 10-е испр. и доп. изданіе, Л. Фишера. Лодзь и Варшава. 1903. Стр. 102. Цѣна въ перепл. 25 коп.“ — допустить къ классному употребленію въ низшихъ училищахъ для обученія нѣмецкому языку дѣтей нѣмецкаго происхожденія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНИЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Ангелевичъ, М. Е. Тетрадь для грамматического разбора. Екатеринославъ. 1902. Стр. 24. Цѣна 5 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Бенісгуда, Е. Дивре Гаюмимъ, т. е. Еврейская история. Изданіе 4-е. Варшава. 1902. Стр. 176. Цѣна не обозначена.“ (для еврейскихъ начальныхъ училищъ).

— „Больорусовъ, И. Учебная русская грамматика. Орель. 1901. Стр. 48. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ училищъ).

— „Голотузовъ, Ф. Ф. Азбука для наглядного обученія письму и чтенію въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ дѣти при поступлении не умеютъ говорить по-русски. Рига. 1903. Стр. 70. Цѣна 25 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе книги было напечатано на лучшей бумагѣ).

— „Григоревскій, М. Сокращенная русская грамматика. Этимологія и синтаксисъ. С.-Пб. 1902. Стр. IV + 56 + 88 + II. Цѣна 45 коп.“ (для городскихъ училищъ).

— „Ковалевскій, С. Начальная физика. Издание 4-е, пересм. и доп. С.-Пб. 1903. Стр. 159. Цѣна 65 коп.“ (для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій).

— „Козьминъ, К. Образцы систематического диктанта. Издание М. Д. Наумова. Часть I. Этимология. Издание 7-е. М. 1899. Стр. VIII + 160. Цѣна 75 коп., въ перепл. 90 коп.—Часть II. Синтаксисъ. Издание 2-е. М. 1898. Стр. X + 170. Цѣна 80 коп.“

— „Мюльманъ, Р. Сборникъ арифметическихъ задачъ и примѣровъ. Часть III. Издание К. Г. Зихмана. Рига. 1903. Стр. 72. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы иныѣ же къ книгѣ быть приложены листокъ опечатокъ, а также, чтобы цѣна ея, равно какъ и II-ой ея части, была при слѣдующемъ ея изданіи понижена).

— „Плетеневъ, И. 1) Учебникъ всеобщей географіи. 6-е испр. изданіе, Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1902. Стр. 169. Цѣна 60 коп.—2) Учебникъ географіи для городскихъ училищъ. Курсъ III и IV года обучения. 5-е испр. изданіе, Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1903. Стр. 91. Цѣна 50 коп.“ (для городскихъ по Положенію 1872 г. училищъ).

— „Преображенскій, А. Краткая грамматика нового церковнославянского языка. Издание 7-е, В. В. Думнова. М. 1902. Стр. 84. Цѣна 30 коп.“

— „Сапаровъ, В. Н. Краткій курсъ русской грамматики. М. 1903. Выпускъ I. 1-й и 2-й годъ обучения. Стр. 74. Цѣна 8 коп.—Выпускъ II. 3-й годъ обучения. Стр. 51. Цѣна 6 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Сапаровъ, В., и А. Тороповъ. «Родная Нива». 2-я книга для класснаго чтенія. М. 1903. Стр. 166 + П. Цѣна 35 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Смирнинъ, Александръ. Наставленіе въ Законѣ Божиѣмъ. Издание 10-е, В. В. Думнова. М. 1902. Стр. 184. Цѣна 30 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

— „Соколовъ, Аѳ. Ф. Первые уроки церковно-славянского языка. Издание 6-е, М. Д. Наумова. М. 1902. Стр. VIII + 255. Цѣна 30 коп.“ (также и для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведений).

— „Шафропъ, И. Русская хрестоматія. Издание К. И. Тихомирова. Часть I-я. Курсъ 3-ьяго отдѣленія городскихъ училищъ. М. 1900. Стр. 175 + П. Цѣна 40 коп.—Часть II-я. Курсъ 4-го отдѣленія. М. 1900. Стр. 204 + П. Цѣна 50 коп.—Часть III-я. Курсъ 5-го отдѣленія. М. 1900. Стр. 196. Цѣна 50 коп.—Часть IV-я.

Курсъ 6-го отдѣленія. М. 1901. Стр. 309 + II. Цѣна 80 коп.“ (для городскихъ училищъ).

— „Швейцеръ, А. Полный курсъ элементарной русской грамматики и письменная грамматическая упражненія. Издание 3-е, испр. С.-Пб. 1901. Стр. 108. Цѣна 40 коп.“ (для Варшавскаго учебнаго округа).

— „Юревичъ, Г. Я. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Издание 9-е. С.-Пб. 1903. Стр. 144. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

6) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Адамовъ, П. Руководство къ веденію сочиненій въ среднихъ, низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и при домашнемъ обученіи. Издание О. И. Трескиной. Рига. 1903. Стр. 186 + 74. Цѣна 1 р. 75 коп.“

— „Арефьевъ, В. Описаніе Сибири. Выпускъ 1-й. Географическое положеніе и природа Сибири. Томскъ. 1900. Стр. 105. Цѣна 30 коп.— Выпускъ 2-й. Краткое описаніе губерній и областей Сибири. Издание П. И. Макушина. Томскъ. 1901. Стр. 95. Цѣна 30 коп.“ (также въ ученическія, старшаго и средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Гозаловъ, Н. И. Десять бесѣдъ по винодѣлію. Аккерманъ. 1902. Стр. 138 + 3 картинки + IV. Цѣна 1 р.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Гомилевскій, Василій. Организація хозяйства. Издание П. П. Сойкина (Сельско-хозяйственная библіотека). С.-Пб. Стр. VIII + 336. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Горбовъ, Н. М. С. А. Рачинскій. Издание Общества ревнителей русского исторического просвѣщенія въ память Императора Александра III. Выпускъ VIII. С.-Пб. 1903. Стр. 43. Цѣна 30 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки, съ тѣмъ, чтобы цѣна ея была значительно понижена).

— „Дависъ, И. Руководство къ преподаванію русскаго языка въ инородческихъ училищахъ. Издание К. Г. Зихмана. Рига. 1901. Стр. 176. Цѣна 50 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Конанъ-Дойль, А. Изгнаники. Исторический романъ. Сокращенный переводъ съ англ. В. Кошелевичъ. (Библиотека „Юного читателя“). 2 части въ одной книгѣ. С.-Пб. 1900. Стр. 120+139. Цѣна 1 р.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, а также и въ ученическія библиотеки городскихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

— „Маленькие артисты. Сборникъ сценокъ, игръ, пѣсень. Выпускъ 2-ой. Музыка Л. Ф. Энгель. С.-Пб. 1903. Стр. 82. Цѣна 1 р.“ (въ качествѣ пособія для учителей при обученіи одноголосному и двухголосному пѣнію).

— „Новая методика первоначального рисованія (Liberty Tadd: New Methods etc.). С.-Пб. 1902. Стр. 30+15 неnum. Цѣна 50 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Обученіе рисованію по американскому способу И. Л. Тедда. Издание т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1902. Стр. 16. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Описаніе печей комнатныхъ, кухонныхъ, банныхъ и т. д., устраиваемыхъ инженеромъ Н. И. Кржиштоловичемъ. (Общедоступныя изданія Новгородскаго губернскаго земства. № 11). Новгородъ. 1901. Стр. 97+13+37. Цѣна 1 р.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

— „Очерки Сибири для народнаго чтенія. Очеркъ 1-й. Иркутская губернія. Издание И. И. Макушкина. Иркутскъ. 1897. Стр. II+47+1 карта. Цѣна 20 коп.“ (также и въ ученическія библиотеки городскихъ, по пол. 1872 г., училищъ, въ таковыя же, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

— „Савари, А. Л. 1) О куплѣ и продажѣ по русскимъ законамъ. Стр. 48.—2) Опека и попечительство по русскимъ законамъ. Стр. 48. (Общедоступная библиотека правовѣдія, издаваемая обществомъ распространенія полезныхъ книгъ подъ ред. Г. С. Фельдштейна). М. 1903. Цѣна каждой книжки 5 коп.“ (для начальныхъ народныхъ школъ, а также и въ ученическія библиотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

— „Степановъ, А. Н. Лѣчебникъ домашнихъ животныхъ. Издание 5-е. (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Книжка 29-ая). М. 1903. Стр. 169. Цѣна 12 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

— „Цельковъ, Ю. 20 народныхъ пѣсень изъ собранныхъ членами пѣсенной экспедиціи Русскаго Географическаго Общества. М. 1900. Стр. 45. Цѣна 1 р.“

— „Энциклопедический словарь. Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ) и И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). Полутомы 72 — 74* (для учительскихъ семинарій, а также городскихъ и двухклассныхъ приходскихъ училищъ).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Гусевъ, А. Ореографический словарь буквъ Ъ и Ѳ. 2-е испр. и знач. дополн. издание, А. Д. Ступина. М. 1903. Стр. IV+61. Цѣна 10 коп.“

— „Лукашевичъ, Клавдія. Гнѣздышко. Сборникъ разсказовъ и сказокъ. Издание Т-ва Сытина. М. 1903. Стр. 135. Цѣна 1 р.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Лукашевичъ, Клавдія. 1) Журка. (Изъ воспоминаній дѣтства). Стр. 22. Цѣна 15 коп. — 2) Мишка. (Изъ воспоминаній дѣтства). Стр. 16. Цѣна 15 коп. — 3) Болтливая рѣдька. (Сказка). Стр. 16. Цѣна 15 коп. (изданія торг. дома С. Курниль и К°. М. 1902)* (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Любичъ-Кошуроффъ, И., и Л. Медведевъ. Друзья-пріятели. Повѣсть изъ жизни домашнихъ животныхъ. Издание М. В. Клюкина. М. 1902. Стр. 147. Цѣна 75 коп., въ папкѣ 1 р.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Митронольскій, Ив. Муравьи-спасители и другіе разсказы. Издание М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 45. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 45 коп.“

— „Палладинъ, А. И. 1) Коренные и нѣкоторые производные слова съ буквою Ъ. Издание Е. М. Палладиной. Орѣхово. 1903. Стр. 7. Цѣна 2 коп.—2) То же въ видѣ таблицы. Цѣна 5 коп.“

— „Перелыгинъ, Н. И. Приключенія одного воробышка. Издание Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 30. Цѣна 15 коп., въ папкѣ 25 коп.“

— „Тулуповъ, Н. В. 1) Собрание родныхъ сказокъ. Издание Т-ва И. Д. Сытина. М. 1903. Стр. 254. Цѣна 1 р. — 2) Родныя сказки.

Сборникъ русскихъ сказокъ. Издание Т-ва И. Д. Сытина. Вып. I. Издание 2-е. М. 1903. Стр. 47. — Вып. II. Издание 2-е. М. 1903. Стр. 47. — Вып. III. М. 1902. Стр. 47. — Вып. IV. М. 1902. Стр. 47. — Вып. V. М. 1902. Стр. 46. — Вып. VI. М. 1903. Стр. 47. Цѣна каждому выпуску 15 коп., въ пакѣ 25 коп." (для началь-
ныхъ народныхъ училищъ).

г) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ за-
веденій и въ бесплатныя народныя читальни и би-
бліотеки:

— „де-Амичисъ, Э. Отъ Апеннинъ до Аидовъ. Переводъ Н. И. Перељинина. Издание 2-е, М. В. Клюкина. (Добрый душа). М. 1903. Стр. 47. Цѣна 15 к.“

— „Біографія Н. А. Некрасова. Издательскій Комитетъ Харьков-
скаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. № 98.
Харьковъ 1903. Стр. 30. Цѣна не обозначена.“

— „Бліновъ, Н. Жизнь Робинзона. Издание 3-е, С. Дороватов-
скаго и А. Чарушкирова. М. 1902. Стр. 309. Цѣна 70 коп." (также
и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Богдановъ, А. Путешествіе вокругъ свѣта. Издание 2-е, М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 112. Цѣна 3 коп." (также и въ учени-
ческія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и для чтеній въ на-
родныхъ аудиторіяхъ).

— „Богдановъ, М. Н. Изъ русской природы. Пасхальное яичко.
Издание О. М. Богданова. С.-Пб. 1903. Стр. 22. Цѣна 15 коп.“

— „Брассей, А. Вокругъ свѣта въ 11 мѣсяцевъ. Переводъ съ
англійскаго. Издание М. В. Клюкина. М. 1899. Стр. 178. Цѣна въ
перепл. 1 р. 25 коп." (для городскихъ училищъ).

— „Вторая книжка сказокъ для дѣтей младшаго возраста. Иза-
дание М. Ф. Тихомирова. Владимиръ на Клязьмѣ. 1901. Стр. 64.
Цѣна 15 коп.“

— „Герасимовъ, П. Н. Во славу русскаго оружія. Разсказъ.
Издание К. И. Тихомирова (Библіотека народныхъ книгъ). М. 1903.
Стр. 32. Цѣна 5 коп.“

— „Германія и иѣмцы. Издание ред. журн. „Досугъ и дѣло“
(Народы Европы). С.-Пб. 1903. Стр. 64. Цѣна 20 коп.“

— „Голова, Е. Подруги. Разсказы для дѣтей. Издание 2-е, М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 75. Цѣна 35 коп., въ пакѣ 50 коп.“

(также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Гольцевъ, В. А. Что такое казна и казенные деньги? (Дешевая изданія Т-ва И. Д. Сытина). М. 1903. Стр. 35. Цѣна 3 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Горбуновъ-Посадовъ, И. Жить — любви служить. Сборникъ былей и стихотвореній. № 109. М. 1902. Стр. 93. Цѣна 8 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Даневская, С. Открытие и завоевание Мексики. Издание 4-е, В. Д. Карчагина. М. 1903. Стр. 184 + I карта. Цѣна 60 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Доановичъ, Анна. Вася-горбунъ. Издание В. С. Спиридонова. М. 1903. Стр. 31. Цѣна 15 коп., въ папкѣ 25 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Зубрилинъ, А. А. Какъ живеть растеніе и чѣмъ нужно удобрять землю. З-ья бесѣда. (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Книжка 28-ая). М. 1902. Стр. 63. Цѣна 4 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Ивановъ, Александръ (Стронинъ). Рассказы о землѣ и о небѣ. Издание 7-е, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1902. Стр. 66. Цѣна 15 коп.“;

— „Ивинъ, А. (Н. Покровскій). Друзья дѣтей. Сборникъ рассказовъ. Издание 4-е, В. С. Спиридонова. (Библіотека маленькаго читателя № 7). М. 1903. Стр. 75. Цѣна 40 коп., въ папкѣ 55 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Калымовъ, В. Сборникъ рассказовъ и стихотвореній. Издание 4-е, В. С. Спиридонова. (Библіотека маленькаго читателя № 1). М. 1903. Стр. 71. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 40 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Коринфскій, Аполлонъ. На ранней зорѣкѣ. Сборникъ стихотвореній для дѣтей. (Библіотека для семьи и школы подъ ред. Д. И. Тихомирова). 2-е изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогический листокъ“. М. 1903. Стр. 102. Цѣна 35 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Костычевъ, П. Земледѣліе. Бесѣда 2-я. Что есть въ землѣ и какія бываютъ земли. (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь.

Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Книжка 22-я). М. 1902. Стр. 32. Цѣна 3 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Крулловъ, А. В. Большакъ. 7-е изданіе, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1903. Стр. 132. Цѣна 60 коп., въ папкѣ 80 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Крулловъ, А. В. Геймальский поморъ. Очеркъ жизни М. В. Ломоносова. Изданіе 5-е, В. С. Спиридонова. (Библіотека маленькаго читателя, № 2). М. 1903. Стр. 56. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 40 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Крулловъ, Александръ. 1) Дѣтямъ. Стихотворенія. Изданіе журн. „Игрушечка“. С.-Пб. 1894. Стр. 97. Цѣна не обозначена.— 2) То же. Изданіе 2-е, В. С. Спиридонова. М. 1901. Стр. 106. Цѣна 50 коп. въ папкѣ 65 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Крыловъ, И. А. Избранныя басни. Школьное изданіе. Подъ ред. Дм. Ив. Тихомирова. 2-е изданіе. (Библіотека „Дѣтскаго чтенія“). М. 1902. Стр. VII+85. Цѣна 15 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Лаврентьевъ, С. И. Изъ жизни. Сборникъ разсказовъ. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1903. Стр. 166. Цѣна 60 коп., въ папкѣ 75 коп.“

— „Лъвовъ, Вл. Самоѣды. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 15 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Любичъ-Кошуроѳъ, И., и Л. Медоѣдевъ. Въ стойлахъ. Разсказъ изъ жизни лошадей. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1902. Стр. 66. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 50 коп.“

— „Маель, П. Въ странѣ чудесъ. Путешествіе по Индіи. Переводъ съ французскаго. Изданіе 2-е, ред. журн. „Всходы“. С.-Пб. 1902. Стр. 199. Цѣна 40 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Маккевичъ, В. 1) Чахоточные коровы. Разсказъ. М. 1902. Стр. 34. Цѣна 5 коп.—2) „Спасайте утопающаго!“ Поданіе помощи при несчастіяхъ на водѣ. М. 1902. Стр. 20. Цѣна 4 коп. (Обѣ—изданія К. И. Тихомирова).“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Митропольский, Ив. Ив. Тяжелый годъ. Разсказы изъ 1812 года. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 76. Цѣна 40 коп., въ

папкѣ 55 коп." (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Митропольскій, Ив. Царская невѣста. Историческая повѣсть. Издание М. В. Клюкина. (Историческая библіотека № 9). М. 1903. Стр. 32. Цѣна 10 коп." (также и въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Михаловскій, Д. Л. Доброе слово пастыря. Издание 4-е, М. В. Клюкина. (Добрая душа). М. 1903. Стр. 31. Цѣна 5 коп."

— „Новикова, Е. Въ плѣну у черкесовъ. (Быль). Издание ред. журн. „Всходы“. С.-Пб. 1902. Стр. 155. Цѣна 35 коп."

— „О лугахъ и луговомъ хозяйствѣ. Издательскій Комитетъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. № 75. Харьковъ 1901. Стр. 48. Цѣна не обозначена." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Острожская, Н. Мальчикъ въ плѣну у азіатовъ. Издание магазина „Сотрудникъ школы“. М. 1903. Стр. 78. Цѣна 25 коп." (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки средничь учебныхъ заведеній).

— „Пенькова, М. Въ гору. Исторія одной глухонѣмой дѣвочки. Издание ред. журн. «Всходы» С.-Пб. 1902. Стр. 144. Цѣна 35 коп."

— „Поповъ, Ив. Бѣлоруссія и бѣлоруссы. Издание М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 15 коп." (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Р., С. Братства въ Юго-западной Руси. 2-е издание. Издательскій Комитетъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. № 31. Харьковъ. 1902. Стр. 47. Цѣна не обозначена."

— „Ралина, Е. А. Жизнь не для себя. Повѣсть для дѣтей. Издание З-ье М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 48. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 45 коп."

— „Русаковъ, Викторъ. Дѣтскіе майскіе союзы для охраны птицъ и покровительства животнымъ. Издание т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 48+6. Цѣна 25 коп."

— „Русскіе писатели. Маленькая хрестоматія. Выпускъ 23-й. И. С. Тургеневъ и Д. В. Григоровичъ. Составитель В. О. Издание Н. С. Аскарханова. С.-Пб. 1902. Стр. 96. Цѣна 15 коп."

— „Сельниковъ, Е. Кузьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ. Переѣлано изъ драматической хроники А. Н. Островскаго. Издание 2-е

ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогический листокъ“ (Библіотека для семьи и школы. Подъ ред. Д. И. Тихомирова). М. 1903. Стр. 32. Цѣна 7 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Сиземскій, Л. Поэтъ-христіанинъ В. А. Жуковскій. С.-Пб. 1902. Стр. 67. Цѣна не обозначена.“ (также и для публичныхъ народныхъ членій).

— „Сказъ обь Ильѣ-Муромцѣ подъ ред. Д. Миллера. Издание 2-е, Н. С. Аскарханова. С.-Пб. 1903. Стр. 32. Цѣна 6 коп.“

— „Смирновъ, Ил. На привольѣ. Рассказы для дѣтей. Издание М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 79. Цѣна 40 коп., въ папкѣ 55 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Соловьевъ, М. Въ сельской школѣ. Издание М. В. Клюкина. (Добрый душа). М. 1903. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. Русские поэты. Издание т-ва И. Д. Сытина. М. 1903. Стр. 254. Цѣна 50 коп., въ папкѣ 1 р.“

— „Уїда. Садъ Герри. Переводъ съ англійскаго Е. Некрасовой. Издание Н. А. Огородникова. Вятка 1902. Стр. 45. Цѣна 15 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Хлѣбниковъ, Р. Какъ жилъ П. В. Гоголь и что онъ писалъ. (Дешевыя изданія т-ва И. Д. Сытина. Подъ ред. Н. В. Тулупова). М. 1902. Стр. 36. Цѣна 2 коп.“ (для начальныхъ училищъ).

— „Черскій А. Дѣтство Карла Линнея. (Съ французскаго). Издание Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 20 коп., въ папкѣ 30 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и для публичныхъ народныхъ членій).

— „Чижовъ, Е. Отъ луцины до электричества. Издание книжн. магаз. „Знаніе“. (Народная библіотека № 1). С.-Пб. 1889. Стр. 75. Цѣна 15 коп.“

— „Шемунова, Л. Изъ поѣздки по Амуру и Уссурійскому краю. Издание Д. В. Карагина. М. 1903. Стр. 68. Цѣна 30 коп.“ (также и въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Федотова, Е. Преподобный Серафимъ, Саровский чудотворецъ. Издание Ф. Федотова. С.-Пб. 1903. Стр. 48. Цѣна 15 коп.“

д) въ бесплатныхъ народныхъ читальняхъ и библиотекахъ:

- „Астафьевъ, С. Царевна Ксения. Исторический романъ. Владивостокъ. 1902. (Народная библиотека). Стр. 392. Цѣна 60 коп.“
- „Безстрашная дева или Смерть за вѣру. Съ англійскаго перевела О. К. № 226. М. 1898. Стр. 123. Цѣна 8 коп.“ (также и въ ученическия, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній).
- „Бретъ-Гартъ. Степной найденышъ. Переводъ Е. Н. М. 1902. Стр. 248. Цѣна 60 коп.“
- „В., А. Рассказы о русскихъ самоучкахъ. Выпускъ 1-й. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 15 коп., въ памкѣ 25 коп.“
- „Гусева, М. А. Сказъ о „Санктъ-Петербургѣ“. С.-Пб. 1903. Стр. 46. Цѣна 15 коп.“ (также и въ ученическия библиотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ и въ таковыя же, средняго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній).
- „Засодимскій, П. В. Бѣдный Христосъ. Святочный разсказъ. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1903. Стр. 40. Цѣна 15 коп.“
- „Засодимскій, П. Весь вѣкъ для другихъ. Быль. (Дешевыя изданія т-ва И. Д. Сытина). М. 1903. Стр. 33. Цѣна 3 коп.“ (также и для народныхъ чтеній).
- „Историческіе люди въ анекдотахъ. Подъ ред. М. В. Шевалкова. Изданіе Ив. Ив. Иванова. С.-Пб. 1900. Стр. 389+IV. Цѣна 1 р. 25 коп.“
- „Кругловъ, А. В. Немудреное счастье. Изданіе 2-е, М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 272. Цѣна 1 р.“
- „Немировичъ-Данченко, Вас. 1) Лось бѣлоглавая. Изданіе 2-е. М. 1902. Стр. 127. Цѣна 50 коп., въ памкѣ 65 коп.—2) Новая Земля и Вайгачъ. Изданіе 2-е. М. 1902. Стр. 74. Цѣна 30 коп., въ памкѣ 40 коп. (Объ—изданія Д. П. Ефимова: Для народа, школьнѣ и дѣтей старшаго возраста).“ (также и въ ученическия, старшаго и средняго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ таковыя же библиотеки городскихъ училищъ и въ учителскія библиотеки прочь низшихъ учебныхъ заведеній).
- „Петръ Великій въ анекдотахъ. Подъ ред. М. Шевалкова. Изданіе 2-е, В. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 160. Цѣна 50 коп.“

— „Разсказъ про смутное время на Руси. 2-е изданіе К. И. Тихонирова. (Библіотека народныхъ книгъ). М. 1903. Стр. 24. Цѣна 3 коп.“

— „Савинская, В. 1) Изъ жизни. Разсказы. С.-Пб. 1902. Стр. 110. Цѣна 30 коп.—2) На ночьгѣ. Разсказъ. С.-Пб. 1902. Стр. 20. Цѣна 10 коп. (изданія Ф. Рыбскаго).“

— „Сиземскій, Ж. Религія въ поэзіи. Сборникъ стихотвореній. С.-Пб. 1902. Стр. XII+291. Цѣна не обозначена.“

— „Сильческій, Д. П. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Изданіе В. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 56. Цѣна не обозначена.“

— „Собрание анекдотовъ изъ жизни русскихъ замѣчательныхъ людей. Изданіе 2-е, испр. и дополн., В. И. Губинскаго. Подъ ред. Михайлова-Викторова. С.-Пб. 1900. Стр. 314+IV. Цѣна 1 р.“

— „Соловьевъ, М. Отецъ Николай. Издание М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1903. Стр. 29. Цѣна 10 коп.“

— „Туровскій, К. Г. Сифились. Общедоступный очеркъ. Астрахань 1903. Стр. 47. Цѣна не обозначена.“ (также и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „Федоровъ-Давыдовъ, А. А. Путешествіе Гулливера къ лилипутамъ. По Джонатану Свифту пересказано для дѣтей. М. 1903. Стр. 56. Цѣна не обозначена.“

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) въ ученическихъ библіотекахъ низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „Бобровницкій, Иннокентій. 1) Недѣли приготовительныя къ великому посту. Елизаветградъ 1903. Стр. 33. Цѣна 8 коп.—2) О страданіяхъ, крестной смерти и погребеніи Господа нашего Іисуса Христа. Елизаветградъ 1903. Стр. 47. Цѣна 12 коп.—3) Особенности церковныхъ службъ великаго поста и ихъ значеніе. Елизаветградъ 1903. Чтеніе 1-е. Стр. 42. Цѣна 10 коп.—Чтеніе 2-е. Стр. 27. Цѣна 6 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы книжки были исправлены при слѣдующемъ изданіи по замѣчаніямъ Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта).

б) въ бесплатныхъ народныхъ читальни и библиотекахъ:

— „Разсказы о Финляндіи и ея жителяхъ. Издание 2-е. № 214. М. 1901. Стр. 99. Цѣна 15. коп.“ (съ тѣмъ, чтобы слѣдующее ея издание было исправлено по замѣчаніямъ ученаго комитета).

VII. ОПРЕДѢЛЕНИЯ ОТДѢЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ.

Опредѣленіями отдѣления ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденными его превосходительствомъ г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Книгу, составленную профессоромъ института сельского хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александрии *П. В. Буоринъ* подъ заглавиемъ: „Частное землемѣріе. Часть 1-ая, выпускъ 1-ый. Варшава. 1902 г. Цѣна 1 р. 80 коп.“ — одобрить для библиотекъ сельско-хозяйственно-техническихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу, составленную *С. Ю. Раунеромъ* подъ заглавиемъ: „Искусственное орошеніе земельныхъ угодій. С.-Петербургъ. 1877 г. Цѣна 2 р. 75 коп.“ — допустить въ тѣ же библиотеки.

— Книгу, представленную учредительницѣ первой практической школы поварскаго искусства и домоводства *Вирюо Ивановою Гунст.* подъ заглавиемъ: „Краткое руководство къ практическому припасовывѣдѣнію. Простѣйшия способы распознаванія подмѣсей и поддѣлокъ въ пищевыхъ продуктахъ“, — рекомендовать въ качествѣ пособія для школъ домоводства, а также для женскихъ среднихъ 'учебныхъ' заведеній, гдѣ преподаются домоводство.

— Изобрѣтенну заслуженнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета *Ф. М. Флачинскимъ* „Карманную лабораторію“ для изученія химіи твердыхъ веществъ въ примѣненіи къ анализу по его (автора) методу (Фабрика Р. Келлеръ и К° въ Москве) допустить, какъ учебное пособіе для преподавателей, въ среднія техническія училища по химической специальности, но лишь подъ условіемъ

віемъ доступности этого пособія по цѣнѣ (а именно не свыше трехъ-четырехъ рублей) и обращенія особаго вниманія на отпускъ сильно дѣйствующихъ ядовитыхъ веществъ.

— Брошюры, составленныя докторомъ медицины *B. Мацкевичемъ*, подъ заглавіями: 1) „Спасайтъ утопающаго. Подавліе помоши при несчастіяхъ на водѣ. 1902 г. Цѣна 4 коп.“ и 2) „Чахоточные коровы. Рассказъ. 1902 г. Цѣна 5 коп.“, — одобрить для ученическихъ библіотекъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

— Книгу адъюнкта-профессора *A. Соколова* подъ заглавіемъ: „Сельскія огнестойкія постройки въ Россіи. С.-Петербургъ. 1902 г. Цѣна 1 руб.“ — одобрить для библіотекъ техническихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу, составленную *E. Чижовымъ*, подъ заглавіемъ: „Отъ лу-
чины до электричества. С.-Петербургъ. 1899 г. Цѣна 15 коп.“ — до-
пустить въ ученическія библіотеки ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

ОТКРЫТИЕ УЧИЛИЩЪ.

— 20-го минувшаго февраля открыто въ дер. Верхнихъ-Кигахъ, Златоустовскаго уѣзда, Уфимской губерніи, русско-башкирское жен-
ское училище, при 12 учащихся.

— Начальствомъ Одесского учебного округа разрѣшено открыть
сь августа мѣсяца 1903 года при Бобрикѣской женской прогимназіи
V классъ.

ОБЪ УМЕНЬШИТЕЛЬНЫХЪ СУФФИКСАХЪ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ СО СТОРОНЫ ИХЪ ЗНАЧЕНИЯ^{1).}

v

Наиболее оригинально функционируют уменьшительные суффиксы, выражая:

Во-первыхъ, понятіе объ увеличеніи мѣры малости и связанныхъ съ нимъ представлений; во-вторыхъ, представление объ увеличеніи (расширениі) объема понятія, объ увеличеніи данного предмета; въ-третьихъ, представление объ усиленіи мѣры качества; въ-четвертыхъ, представление о сравнительно болыпей опредѣленности при отрицаніи наличности чего-либо.

1. Отъ -калья": капелька, каплющечка, каплюнечка.

Отъ „кроха“: крошка, крошечка, крошечка.

Отъ „голубъ“: голубка, голубонька, голубокъ, голубочекъ, голубочекъ.

Отъ „дѣва“: *дѣвушка* (дѣвочкa), *дѣвонька*, *дѣвочоночка* (дѣвчиночко, дѣвчинонька), *дѣвонютика*, *дѣвушечка*, *дѣвчурочка*³⁾.

²⁾ Окончаніє. См. Журналъ Министерства Народнаго Просвещенія, 1903

²⁾ Срав. въ чешск. языцѣ: отъ *děva*: *divka*, *divenka*, *divčíčka*, *dečňáka*, *děvule*.

oračara; čarke, čarečka, čarčička, carčinka, čartininka:

grz chvíle: chvílka, chvílička, chvíčlička, chvilenka:

etr. kus: kousek, kouaček, kousinek, kouštiček, koušinek, kouštičiček, koustinínek; cm. Jos. Jicha, „O zdrobnělých slovech v české řeči“, črn. 6—7. 1897.

В соответствии с двойными суффиксами в языках чеш. и рус. стоять суффиксы в лат. языке: *buccula* (от *buccula*), *catellus*—*catulus*: *floscellus*—*flosculus*:

Crescendo малости, обнаруживающееся въ подобныхъ случаяхъ, выражаетъ и crescendo чувства любви, ласки, дружбы и пр., вызываемаго малостью (см. выше), что всего замѣтиѣ при употреблениіи именъ ласкательныхъ собственныхъ разныхъ степеней, въ родѣ: Катя, Катюша, Катюшенька, Катюшеночекъ, или Маня, Машута, Манечка, Машуточка и пр.

2. Развившись въ символъ усиленія степени малости, уменьшительное слово стало выражать вообще усиленіе; отъ субъективнаго стало переходить къ объективному обозначенію увеличенія представления о чѣмъ-либо.

Какъ съ-подъ ельничку, да съ-подъ березиничку,
Да съ-подъ чистаго молодого съ-подъ олениничку,
Выходилъ Калинушка немаленький¹⁾...
Въ славномъ городѣ въ Орѣшиѣ
Пролегаѣ тутъ широкая дорожка,
По той по широкой дорожкѣ...²⁾.
Какъ не въ полѣ то было въ широкой долинушкѣ³⁾...
Ви зvezете книгиню
Да на туу чиронъку крутую⁴⁾...
Выбѣгало тутъ стадечко звѣриное,
Что звѣриное зѣбиное (Кирѣевскій, II, 2).
Когда народился Петръ Алексѣевичъ...
.... плотники мастера
Во всю ноченьку не спали, колыбель людьку дѣлали...⁵⁾

гдѣ „ноченька“ не въ томъ смыслѣ, какъ—въ „ахъ ты ночь ли но-
ченька“, а въ смыслѣ die ganze liebe Nacht (hindurch). Равнымъ обра-
зомъ въ румынскомъ уменьшительные суффиксы способны выразить
усиленіе, увеличеніе. Въ одномъ стихотвореніи (Cosbuc'a) говорится,
что парень рано утромъ проходить мимо окна своей возлюбленной;
по звуку удара бичемъ она его узнала, подбѣгаєтъ къ воротамъ, чтобы
хоть мелькомъ привѣтствовать его,—иначе, какъ ей это известно,
„онъ за работою цѣлый день будетъ скучать“; порумынски это выра-

locellus—loculus; и т. д. См. Gust. Mueller, „De lingua latinae diminut.“ 1865, стр. 5. Въ латовскомъ существуетъ такое же двойное уменьшеніе, усиливющее его: brolutatis, brolutelis и пр. или одинъ и тотъ же суффиксъ уменьшительный повторяется: mergeele; есть случаи утроенія уменьшенія (въ dunas): diktytade (Schleich. Handb. d. lit. Spr. I, 131—133, § 56).

¹⁾ Гильбердинъ, стр. 584.

²⁾ Кирша Д., 217.

³⁾ Соболевскій, Вар. п. I, 487.

⁴⁾ Труды и т. д. 117.

⁵⁾ Кирша, 201.

жено: „са... тоатѣ *ziulica* (отъ *zi*) *luſt muncestre supārat*“; уменьшительное *ziulica* совершенно соответствуетъ нашему *день-денекъ*, или *тоата ziulico*—цѣлый денекъ; „*si-am rāmas aza, singurica, singurea*“—я остался одинъ одинешенекъ; „*ai umblat toata nopticica haimana*“, „ты прогулялъ всю ночьнку“, die ganze liebe Nacht и т. д.

Сошли съ небесъ *погодушку*...
 Раскрой крыши *желѣзны*...
 Поднималась *погодушка* со вихремъ.¹⁾
 Подынитко-тесь *вѣтры* *буйные*
 ..... съ *вихоречками*²⁾...
 Вѣютъ *вѣтрышки* на *уличкѣ* *буинешенько*³⁾...
 Подымалась *погодушка*,
 Что такая неугожая,
 Съ *вѣтромъ* да съ *грозами*,
 Съ *великими угрозами*⁴⁾.

Щось на Чорному морю щось ведобре начинає.
 Злюсопротивна *хвилечка* хвили вставає⁵⁾...

Въ примѣненіи къ изображенію душевныхъ настроеній — то же самое: *невзодьице*, *невзодушка*, *кручинушка*, *пободушка* (бѣда), если пѣсня изображаетъ большое горе.

Охъ, не отстать тоскѣ—*кручинушкѣ* отъ сердечушки моего...⁶⁾.
 Край моего сердечка *гадинонька* *вѣтца*,
 А то не гадина, то лиха година...⁷⁾.
 Знать печаль-то мнѣ *кручинушка*,
 Мнѣ великая *невзодушка*⁸⁾...
 За досаду королю показалося,
 За *досадушку* за таку за великую⁹⁾...
 Кручинушка ты моя, *кручинушка* великая,
 Никому ты моя *кручинушка* неизвѣстна,
 Извѣстна ты моя *кручинушка* ретивому сердцу¹⁰⁾....

какъ будто съ оттѣнкомъ пристрастія къ собственному горю, съ которымъ свыкаешься какъ съ достояніемъ сердца.

¹⁾ *Варенцовъ*, 104.

²⁾ *Барсовъ*, прич. 163.

³⁾ *Ib.*, 28.

⁴⁾ *Соболевскій*, I, 218.

⁵⁾ *Антоновичъ и Драгомановъ*, I, 177.

⁶⁾ *Соболевскій*, I, 493.

⁷⁾ *Метлинскій*, 251.

⁸⁾ *Соболевскій*, I, 118.

⁹⁾ *Ib.*, 37.

¹⁰⁾ *Шенкъ*, Русс. в. пр. 290.

Сорывають со головушки золотъ вянецъ
 Накладывають на головушку лабоушки,
 На рацию сердечушко замобушку¹⁾...
 Отъ племята невелика приберегушка,
 Только на сердцѣ великая газнобушка....
 Выкупъ миасъ квадошки
 Съ цяжеленькой работушки²⁾).
 Становится (калики) во единый кругъ,
 Они думали думушку единую,
 А едину думушку крѣпкую³⁾...
 Подломились ноженки
 Отъ доўгой ногодынки,
 Опустился рутенки
 Отъ цязькой работынки,
 Склюпопыталася головонъко
 Отъ цяжкаго ўздыганинка,
 Змутилися воченъки
 Отъ слезнаго проливанинка...⁴⁾.
 Случилось несчастынне,
 Да не малое....⁵⁾.

Не привожу примѣровъ изъ причитаній, слогъ которыхъ характеризуется главнымъ образомъ употребленіемъ уменьшительныхъ суффиксовъ. Всего ярче оказывается усиленіе въ примѣрахъ, гдѣ слова съ уменьшительными суффиксами сочетаются со словами „не малый“, „не маленький“, „великий“:

Немаленький праздникъ, „праздничекъ“ Петровъ день,
 Всѣ рымушки—трактируши будуть растворены⁶⁾...

(срав. силушка несмѣтная, Кирѣевскій, IX, 269).

Втапоры ласковый Владимиrъ князь весель быль....
 Поднимали пирушку великую⁷⁾ —

хотя въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ слышится и оттенокъ чувства ласки, радости.

Сторговала мнѣ родима матушка
 На чужой то дальней сторонушкѣ
 Великое та послужаныце...

¹⁾ Шеинъ, Бѣлор. п. 483.

²⁾ Записки Имп. Геогр. Общ., V, 544.

³⁾ Кираia, 154, 202.

⁴⁾ Записки Имп. Геогр. Общ., V, 507, 223.

⁵⁾ Кирѣевскій, IX, 269.

⁶⁾ Кираia, 8.

⁷⁾ Пермскій сборникъ „О свадебныхъ обрядахъ Чердыни“, 65.

Въ „стихѣ о Христовѣ Вознесеніи“ по одному варіанту:

Исполать тебѣ, Иоанъ Златоустій,
Умѣть ты словечко промолвить (за вищихъ) ¹⁾...

по другому же:

Ой же ты, Иванъ Богословѣть,
Умѣть ты съ Христомъ рѣць говорить.....
За твои за сладкія словеса ²⁾,

т.е. за вліятельныя, сильныя по послѣдствіямъ. Даље: *обороношка* великая, много великихъ *пригозушекъ* ³⁾, великая *гвороубушка* ⁴⁾, великое *распутынче* ⁵⁾, такой *дивушки* не нахаживаль ⁶⁾ и т. п.

Примѣры могутъ быть увеличены до безконечности, и все подтверждаютъ, что, если разказываемое передается съ пониманіемъ содержанія, и если уменьшительные слова произносятся не безсознательно, по привычкѣ, часто безсмысленно, то уменьшительные суффиксы служатъ для выраженія усиленія представлениія объ объемѣ понятія и о размѣрѣ предмета.

3. Съ необыкновенною яркостью выступаетъ значеніе уменьшительныхъ при именахъ прилагательныхъ и нарѣчіяхъ, когда ими обозначается усиленіе въ смыслѣ выраженія наличности извѣстнаго качества въ наибольшей степени, по образцу:

Тажелешенько тутъ она по мяѣ плакала ⁷⁾...

„понизехонъко“ (кланялся), „поранехенъко“ (вставалъ), „посмирнехенъко“ (сталъ), „поблизехонъко“ (подходилъ), „скорешенько“ (сѣдалъ), „тошишенько“ (на сердцѣ) и т. д.

Затѣмъ „чернешенькій“, „бѣлешенькій“ и т. д.

Ой акъ шле да шле части листонъки
Части листонъки до бабусеньки.
А наша бабусенька юноусенъка.
Да скоресенько вшематаля ⁸⁾.

(Онъ) взялъ ключи поглядѣть, цѣлы ли его вещи,

¹⁾ Варенцовъ. 61.

²⁾ Ib., 66.

³⁾ Барсовъ. 288.

⁴⁾ Варенцовъ. 212—16.

⁵⁾ Барсовъ. XIX.

⁶⁾ Соболевскій, I. 131.

* ⁷⁾ Гильбердинъ. 46.

⁸⁾ Труды Эта. Эксѣ., IV. стр. 7.

Ажно шкафы, якъ были *новюсеньки*,
Цистолеты и шаты, якъ были *цълюсеньки*¹⁾.
Сародъ двора шацеръ стонть *новюсенький*.
Трыса суха-сухусенька²⁾.

Умирающій вдали оть родныхъ просить товарища похоронить его не среди поля, гдѣ будеть „виднессенько“ на всю „украину“.

Размахнула она ведерочками *мирокогонъко*,
Почерпнула голубенькии *глубокогонъко*³⁾...
Ходила... красная дѣвица
Почастехонъко ходючи,
Потихонъку говорючи⁴⁾...
А хвацивъ же сынъ Давила *вострюсенький* мечъ⁵⁾...
Да чого ти, Марусенько, слѣзиненько плачешь?⁶⁾
Якъ мнѣ *тошиненько*.
Якъ мнѣ *быдниснько*!⁷⁾
Этъ нуте жъ, козаки, галеру *шывденъко* до Сѣчи приганийтѣ.
Щобъ не могли турки того дознати⁸⁾...
А и теща къ обѣднѣ пошла
Что идеть *номалешенъку*
Ступаетъ *потихонъку*⁹⁾...
А скорынь-то скоро *скорешенъко*¹⁰⁾.
Мы теперь, теперь да *теперешенъко*
Съ твоего двора съ *княженецкаго*¹¹⁾...

отвѣчаютъ старицы на вопросъ князя, давно ли со двора его, — т. е. только-только что, какъ *тихогонъко*=тихо-тихо, *скорехонъко*=скоро-скоро и т. д. „Бѣлехонъка до бѣла“¹²⁾). Литов.: „анкеті ріта

¹⁾ *Носовичъ*, Зап. Им. Геогр. Общ., V, 119.

²⁾ Ib., 371.

³⁾ *Соболевский*, I, 226.

⁴⁾ Пермскій Сбор., I. с., 102.

⁵⁾ *Носовичъ*, I. с., 263.

⁶⁾ *Мемлинский*, 139.

⁷⁾ Зап. Геогр. Общ., V, 516.

⁸⁾ *Житомицкій*, Мысли о нар. думахъ, 232.

⁹⁾ *Кирина*, 283.

¹⁰⁾ *Гильфердинъ*, 256.

¹¹⁾ *Соболевский*, I, 125.

¹²⁾ Ib., 203. Въ латинскомъ языке уменьшительными суффиксами выражаютъ усиление качества, въ случаяхъ, когда слово само обозначаетъ качество малости, молодости, нѣжности и т. п. *minitulus*—*ganz klein*, *малехонъкій*, *rapiculus* *малехонъкій*, *breviculus* *коротехонъкій*, *noviculus*, *новехонъкій*, *adolescentulus*, *молодешенъкій* и пр. или иногда и въ значеніи, въ какомъ соединяется съ уменьшительными суффиксами въ русскомъ: *блѣшенъкій*, *candidulus*, *prächtig weiss*, *bellulus*, *prächtig schön*.

ріталі" — утромъ раненько (Юшевичъ, Лит. нар. пред., 19). Какъ въ обыденной рѣчи, такъ и въ народной поэзіи и въ литературныхъ произведенияхъ слышится часто въ уменьшительныхъ суффиксахъ нечто, соответствующее суффиксамъ *ватый*, *атый*, т. е. присутствие качества въ *какоторой степени*: *плохенький*=плоховатый, не очень плохъ, *тепленъкий*=тепловатый, не очень теплый, *холодненький*=холодноватый, не очень холодный. Текстъ, разумѣется, помогаетъ разобраться въ подобныхъ отгѣникахъ; если слово соответствуетъ, напримѣръ, нѣмец. на *lich*: *бѣленъкий*=*weisslich*, *кисленький*=*säuerlich*, *черненъкий*=*schwärzlich*, или латинскимъ: *albulus*, *acidulus*, *nigellus*, то замѣна уменьшительного суффикса суффиксомъ „*ватый*“ не представить измѣненія въ значеніи, хотя надѣ значеніемъ ложится отношение говорящаго то симпатіи, то антипатіи въ зависимости отъ содержанія самого слова (срав. *пошлиенький*, *подленъкий* и *глупенький*, *слабенький*).

Во всякомъ случаѣ нельзя смѣшивать приведенныхъ случаевъ (примѣровъ) усиленія качества, увеличенія степени качества, съ явленіями въ родѣ:

„Спасибі, що послухали молодыхъ, то й нехай имъ богъ помогае. Якъ начинається, щобъ такъ и кончилось *веселенько да тихенъко*“, или

По чимъ познали Калинку у Лузѣ?
Низенько сѣдзиль, бѣленъко квіцець ¹⁾.

Здѣсь „низенько“ не то же, что въ „солице низенько, вичоръ близенько“, гдѣ выражается качество въ очень большой степени, или въ: „оно (сердце) ноеть завываетъ, по утру *раненъко...* вечеромъ *поздненъко*“ ²⁾). Въ латышскомъ можно выразить, какъ и въ русскомъ, усиленіе признака, выражаемаго нарѣчіемъ отъ *allasch*—*икогда* (по временамъ) *allasch-it*, *allasch-in*, со значеніемъ *постоянно*; отъ *leni*—*тихо*, осторожно, *len-it-im*, *len-in-am*, *len-it-in-am*, осторожненько, ти-

прехорошенъкій,—гдѣ вносится субъективность отношения къ качеству (Cic. Tusc, 5, 16, 46 ср. Kessler, 22). Такъ же и въ именахъ прилагательныхъ, въ чешскомъ языке въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ русскомъ: отъ *krátky*: *kraticky*, *kratinicky*, *kratocicky*, *kratounicky*, *kratininky*, *kratoulinky*, отъ *maly*: *malinky*, *maličky*, *malounicky*, *maloulinky*, *malocnicky*, *malinicky*, *malininicky*, *maliský*. Jicha, 8—9. По Куршату (Grammatik d. litauisch. Spr., стр. 108, § 369) суффиксъ—*intelis* выражаетъ такое же усиленіе качества отъ „*вајас*“ (новый) *nauj-intelis*, новешенькій=*ganz neu*; по Шлейхеру оно соответствуетъ нашему *ватый*, нѣменскому *ziemlich*. (Lehrb. d. lit. Spr. 132, § 56).

¹⁾ Носовица, Записки Имп. Геогр. Общ., 205.

²⁾ Соболевскій, I, 505.

хонько, тихохонько; отъ rāmas, медленно rāmas-it-am, rāmas-it-in-am, очень медленно и т. д. ¹⁾). Для выражения усиления признака латышский языкъ вставляетъ уменьшительный суффиксъ gar-in-ak-s, нѣсколько длиннѣе, подлиннѣе ²⁾). Уменьшительнымъ суффиксомъ пользуется латышский языкъ для обозначенія большей степени качества: „ir gal rāw-i'-n-sch“, онъ великоненъ (мальчикъ для своего возраста; rāw=великъ), trauk-s jau pill-i'-n-sch, сосудъ полненький (pīlnas=полны); tū-ms-inawakkārā, въ темненький вечеръ ³⁾.

4. Случай употребленія уменьшительного суффикса для выражения большей опредѣлности отрицанія чего либо вытекаютъ изъ понятія обѣ уменьшенія объема понятія до minimum'a, до „нельзя болѣе“.

А крестьянинъ—отъ божится, право денегъ нѣть,
А старуха ратится—ни полушечки ⁴⁾.
Не нашла душа пристанища,
Ни ложечки воды ни капельки... ⁵⁾
Тяжелой ты работой неогруженна,
Браннымъ ты словечкомъ неогрублена... ⁶⁾
...Я признакомъ почель живыхъ страстей—ни крошки (Чапкій).
Словечка въ простотѣ не скажеть—все съ ужимкой (Фамусовъ).

„Das Pünktchen trifft genauer als Punct; es fehlt nicht ein Körnchen, ist bezeichnender als Korn“ (срав. „auf's Haar—auf's Härtchen“), говорится вѣрно у Гримма ⁷⁾. „Бoso, ного, нѣть на горѣ ни ниточки“ ⁸⁾. „Нѣту малому проходочки...“ ⁹⁾. Малор. „ни одиссенъкою“ выражаетъ вполнѣ определенно отсутствіе всякаго, кого бы ни было. „Микола ничевошечко не знаетъ“, говорить судебній слѣдователь въ „Преступлениѣ и наказанії“ ¹⁰⁾.

VI.

Какъ всяческія формы, и формы уменьшительныя въ своемъ первоначальномъ значеніи забываются и принимаютъ характеръ словъ на-

¹⁾ Bielenstein, Lett. Spr., I, 284.

²⁾ Ів., II, 81, § 355.

³⁾ Ів., I, 309, § 235.

⁴⁾ Кирша Д., 288.

⁵⁾ Варенцовъ, 143—144.

⁶⁾ Барсовъ, Прачит., 118.

⁷⁾ Thesaurus lin. germ. II, 616, срав. Ang. Mueller, de dictum. etc. 68.

⁸⁾ Повѣсть „О горѣ злосчастія“.

⁹⁾ Романовъ. Бр. Сбор. I, 136.

¹⁰⁾ Пол. соб. соч. Достоевскаго, изд. 1882 г., VI, 426.

равнъ съ другими суффиксами, потерявшими специальное значение (съ одной стороны „мыло“, „рыло“, „шило“, гдѣ еще отчасти сохраняется значение *ло*, какъ орудія, а съ другой „горло“, „жерло“; „свѣтль“, „учитель“, съ прозрачнымъ суффиксомъ *тель* съ одной— и „добродѣтель“—съ другой стороны). Въ поговоркѣ „свекровь на рѣчу, невѣста на печку“ (о лѣнивой невѣстѣ¹⁾) нѣть уже и тѣни уменьшительности, не смотря на то, что „рѣчка“ и „печка“ имѣютъ при себѣ „рѣка“ и „печ“; „щепка“—„прищепа“ (малор. „скіпка“), „квачикъ“ при „квачъ“ (помазокъ²⁾), „грудокъ“ (песчаная отмель въ рѣкѣ) при „грудъ“—вода по грудь³⁾), „гориушко“ при „горно“ (полуоткрытая печь въ алтаряхъ для угольевъ) и множество подобныхъ. Нечего и говорить о тѣхъ, которыхъ при себѣ не имѣютъ словъ въ неуменьшительной формѣ съ тѣмъ же значенiemъ, въ родѣ „ручка“ (стула, калача), „ножка“, „головка“, „спинка“, „булавка“, и т. д. и т. д. Но въ исторіи забвенія замѣчаются различные моменты. Литературный языкъ обнаруживаетъ тенденцію не забывать уменьшительныхъ суффиксовъ, а наоборотъ пользоваться ими, какъ замѣчательнымъ орудіемъ мысли, въ ея оттѣникахъ и изгибахъ, оживляя и обновляя ее постоянно; народный же языкъ доходитъ въ своемъ забвеніи первоначальныхъ ихъ значений до полного стирания послѣднихъ; во многихъ случаяхъ уменьшительные суффиксы представляютъ лишній привѣсокъ, балластъ, дѣйствующій на развитое чувство непріятно, вслѣдствіе полного диссонанса въ сочетаніяхъ ихъ съ иными словами. Нѣкоторыми подробностями поясню мысль эту, чтобы закончить статью указаніями на способы пользованія суффиксами нашими художниками слова.

Уже съ древнѣйшихъ порь замѣчается полное забвеніе первоначального значенія уменьшительного суффикса; но такихъ словъ сравнительно мало, ихъ труднѣе отыскать, чѣмъ самыя слова съ уменьшительнымъ суффиксомъ и, напримѣръ, такія, какъ *закрышька* (Lex. Mikl. 212), *клапыши* (ib., 292) встрѣчаются очень рѣдко; въ „купляху по полугривнѣ *хлыбецъ*“⁴⁾), быть можетъ, даже чувствовался оттѣнокъ уменьшительности. Въ общемъ мнѣ представляется несомнѣннымъ, что книжный языкъ пользовался уменьшительными суф-

¹⁾ Сахаровъ, Языкъ крестьян. въ ил. вол. 12—13.

²⁾ Ibid., 21.

³⁾ Ibid., 12—13.

⁴⁾ 1241 г. см. Шахматовъ, „Общерус. языки.“ Журналъ Министерства Народного Просвещенія, 1900 г., № 11, отд. 2, 137.

фиксами за все время своего существования сознательно и предмѣренно, хотя и ограничивалъ употребленіе ихъ, пользуясь имъ единственно для выраженія физической малости (юности людей, животныхъ) предметовъ, и позже въ переносномъ смыслѣ, напримѣръ, малости нравственной. Не то въ народномъ языкѣ. Очень рано уже замѣчается, рядомъ съ разнообразнымъ примѣненіемъ уменьшительныхъ суффиксовъ въ различныхъ значеніяхъ, несоответствіе между требованіемъ мысли и употребленіемъ ихъ, — несоответствіе, которое переходитъ сперва въ противорѣчіе, а затѣмъ въ безмыслицу, притомъ такъ, что чѣмъ позднѣйшей даты произведенія, тѣмъ замѣтнѣе становится несоответствіе между формою и содержаніемъ.

Ближайшимъ образомъ сказывается забвение въ случаяхъ, когда употребленіе уменьшительныхъ суффиксовъ не вызывается никакою потребностью ни психологического, ни логического свойства, когда оно не обусловлено и потребностью размѣра.

Отворяйся дверь дубовая ..
 Не наѣхали
 Не наборщики съ Петровскаго
 Идутъ баенные истопщики,
 Подружки да водонапоющики... ¹⁾
 Оть на честный циркъ идѣ на свадебку
 Къ Олешенки да ко поповичу,
 Онь не спрашивается... ни придерничкоъ,
 Онь не спрашивается... ни приворотничкоъ,
 Онь становился есть о липинку... ²⁾
 Почкинальничку да хопу яецъ,
 Помочиальничкахъ по десяточку... ³⁾
 И шли по дорогѣ волочебнички ^{4).}
 Прячетнички, союзнички...
 Рыболовничихъ....
 Квадали бросали
 Бѣлоксиненки неводочки...
 Изговили да свѣжу рыбочку... ⁵⁾
 А намъ встрѣтился девять школьнничкоъ
     девять разбойничкоъ... ⁶⁾

¹⁾ Рыбниковъ, IV, 112.

²⁾ Гильфердингъ, 146.

³⁾ Бѣлорусскія пѣсни, собр. Носовичемъ, Зав. Геогр. Общ., 84, 376.

⁴⁾ Тамъ же, 85.

⁵⁾ Соболевскій, I, 117.

⁶⁾ Соболевскій, I, 260.

Злы лихи подорожнички... ¹⁾
Повеяли изгода ключничка на висъльцу...
Ключникъ во петельку качается
Въ палатушкахъ инягина кончается... ²⁾
Рости-жь сынику въ забаву,
Казачеству на слава
Вороженъкамъ въ расправу... ³⁾
Тутъ стояли воры-разбойнички,
По русскому подорожнички ^{4).}
Нѣзжаютъ-то на старого камышинчкі
По русскому воры-разбойнички ^{5).}

Примѣровъ можно набрать бесконечное множество; уменьшительные имена не оправдываются рѣшительно ничѣмъ, ни однимъ изъ мотивовъ, опредѣляющихъ вышеназванные случаи. Они произносятся механически, безсознательно. Но въ этихъ случаяхъ еще не обнаруживается нарушенія смысла. Иногда замѣтно дѣйствіе языка по аналогії, иногда по требованію созвучія; иной разъ по требованію того, что Потебія называетъ „согласованіемъ“ опредѣлительного съ опредѣляемыми ^{6).} Но вотъ нѣкоторые образцы, которые не даютъ повода объяснять присутствіе уменьшительныхъ и указанными причинами. Достаточно много фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что поется и разсказывается нѣчто совершенно безсмысленное: „я былъ свидѣтелемъ, сообщаетъ Гильфердингъ, смѣшного фіаско, которое потерпѣлъ одинъ водлозерскій ницій, поющій по профессіи духовные стихи... онъ началъ пѣть про Илью Муромца; но пѣль онъ чепуху и нескладную невообразимую; такъ, напримѣръ, онъ пѣлъ:

И говорить-то Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ...
А ты родитель мой батюшка и матушка,
Дай прощенію благословенію,
Во чистое полеѣхать поляковать,
И биться ратиться
За церкви соборныя, за весь тотъ иръ православныи,
За вѣрушку да кровь отечество,
За паря да за земного правителя

¹⁾ Ib., 262, 265.

²⁾ Ib., 53.

³⁾ Труды, IV т., 27.

⁴⁾ Кирьевский, II, 27.

⁵⁾ Ib., 17, 27.

⁶⁾ Потебія, Извѣстія Зап. по Р. Гр. ПЛ.

Всероссійского да содержателя,—
За все воинство христомюбивое.. “¹).

Понятно, что если искаженію поддается содержаніе, если въ самомъ содержаніи нескладица и безмыслица, то отдельныя предложенія подвержены имъ тѣмъ болѣе, а еще болѣе слова съ суффиксами, приставляемыми по привычкѣ, по слуху, рефлекторно. Не перечислять, разумѣется, не перебрать случайностей въ народной поэзіи и въ рѣчи (меньше), свидѣтельствующихъ о полномъ непониманіи уменьшительныхъ словъ, употребляемыхъ безъ смысла; но нѣсколько образцовъ привести необходимо,—они весьма характерны.

Смерть изображается переселеніемъ въ міръ покоя и радости,—и тогда обозначеніе ея ласкательнымъ словомъ „смеретушкой“ понятно; но въ другихъ случаяхъ (особенно въ прочитаніяхъ) смерть изображается „врагомъ“, „душегубцемъ“,—и тогда „злодійская смеретушка“ звучить полною дистармоніею; уменьшительный суффиксъ не оправдывается ничѣмъ, кромѣ механическаго дѣйствія привычки произносить слово въ извѣстномъ сочетаніи.

„За утра Ваню въ наказаніцу ведутъ“²),
говорить пѣсня, относящаяся сочувственно къ герою. Жена зарѣзала мужа, бросила въ погребъ,

„Жалѣтымъ пескомъ присыпала
Правой ноженской притопнула“...

или: мужъ, виѣ себѣ отъ негодованія, прїѣзжаєть домой и
„Топнеть ворота правой ноженской“³).

Пѣсня говорить о вражеской землѣ шведской:

На шведской поземлюшки⁴)...

Чужіе генералы, чужая армія—по пѣснѣ:

„Енералушки (ходитъ) по армьюшки“⁵)...,

а о чужомъ городѣ:

„Ты укрѣпа моя, укрѣпушка Берлинъ городъ“⁶)...

¹) Вѣстникъ Европы. 1872, мартъ, 102.

²) Кирьевскій, вып. 9, Безсоновъ, 12.

³) Соболевскій, I, 187.

⁴) Кирьевскій, вып. 9, 125, 139.

⁵) Тамъ же, 229.

⁶) Тамъ же, 154.

ЦИМ:

Свѣдчи на прикрасушкѣ, на крутой горѣ...¹⁾

Былна говорить о Маринкѣ (курвѣ):

„Обернулася Маринка касаточкой“...²⁾

Она же называется еще: *Мариночка курва...* или *Мариночка отравищичка*³⁾. „Досадушка“ ни къ селу ни къ городу, въ стихѣ:

За бѣду стало да за досадушку,
За досаду-то да за великую⁴⁾...

и сльдоочки⁵⁾, и слькушку⁶⁾, и попикъ⁷⁾, и попадьюшка⁸⁾, —хотя по-съдѣдная *весъма* рѣдко (быть можетъ изъ уваженія къ духовному званію?) и т. д.

И въ приведенныхъ примѣрахъ, которые увеличить можно безъ конца, все же нѣтъ особенной безсмыслицы, тутъ скорѣе нѣкоторое несоответствіе между формою и содержаніемъ; но бѣлорусская народная поэзія представляетъ въ невѣроятномъ изобилии образцы безсмыслія полнаго, такого безсмыслія, по крайней мѣрѣ для нась, которое не можетъ быть и объяснимо иначе, какъ полнымъ забвеніемъ функции уменьшительныхъ суффиксовъ, исчезновеніемъ сознанія различія между формами уменьшительными и нормальными, — даже почти забвеніемъ нормальныхъ формъ въ пользу именно уменьшительныхъ — и въ этомъ отношеніи замѣчается необыкновенное сходство съ причитаніями великорусскими. Въ послѣднихъ — употребленіе уменьшительныхъ словъ явленіе самое обычное, вся рѣчь проникнута ими; на каждомъ шагу *смертьшика*, *тоскичиюшка*, *разлужушка*, *напрасничка* (напраслина), *остудушка*, *худобушка*, *обидушка*, *игрюшка*, *хворобушка*, *несчастычко* и т. п. Останавливаться на этихъ незачѣмъ, — открыть любую страницу и закинуть подобныя рѣчи. Остановлюсь на образцахъ бѣлорусскихъ, чтобы показать, до какой искѣости выраженій доходитъ поэзія этой народности.

¹⁾ Ib., 167.

²⁾ Кирша, 46.

³⁾ Гильбердинг, 1088.

⁴⁾ Гильбердинг, 1326.

⁵⁾ Ib., 1089.

⁶⁾ Соболевский, I, 6.

⁷⁾ Ib., 587.

⁸⁾ Ib.

Процкала рѣка отъ самого Христа,
 А по той-то рѣкѣ плыли плыли карабельки,
 А у тыхъ-ти карабелька — Яназки, апостольки ¹⁾.
 Алексѣйка Божья человѣчакъ...
 Апецъ циба съ матушкой навзная ²⁾.
 Уставъ же Христосъ да изъ гробика,
 Его личико сельмененко.
 Его плащице да бѣлюсенько... ³⁾
 Самъ Христосъ царь небеснай...
 Благородница Мадь Божья
 Воскресеніца Христова
 Возднесеніца святое...
 Живоначальная троица...
 Сохрой, Боже, памилуй
 Отъ ложной насыльни и т. д. ⁴⁾
 Охъ табѣ-жъ-та, цѣлу (тѣлу) иди да ва сырью ва землю...
 Тваник костачкамъ сырой зими на прибачочку
 А бало-ль цѣла чарвакъ на сълдѣнійца...
А душъ... Къ самому-ль Христу иди на спасаянійца...
 Никакова-ль я іаевнійца на держивала...
 Маѣ прашенійца-ль нѣть, спасаянійца ⁵⁾

и т. д. въ такомъ же духѣ: *абѣзинки*, *свадибки*, *законушки* (разу-
 кивала), и весь стихъ (о „Грѣшницѣ“ около ста строкъ) состоитъ изъ
 уменьшительныхъ, идущихъ одно за другимъ, какъ по заведенной
 машинѣ:

Ишла купалка селомъ ⁶⁾, купаленька ⁷⁾,
 Звала купалка Илю на игрище... ⁸⁾
 Купалочка, гдѣ твоя дочки?.. ⁹⁾
 „А свѣтель мѣсце — отъ затылоцка Господня...
 А буенъ вѣтерь — отъ здыханнинца да отъ Господня... ¹⁰⁾
 Ишовъ божокъ дорогую... ¹¹⁾.

И, чтобы не громоздить примѣры — послѣдній образецъ, причемъ

¹⁾ Шеинъ, Зап. Геогр. Общ., 673.

²⁾ Вареницовъ, 223.

³⁾ Носовичъ, Зап. Геогр. Общ., 85.

⁴⁾ Вареницовъ, 208—210.

⁵⁾ Ib., 236 въ слѣд.

⁶⁾ Шеинъ, 432, Зап. Геогр. Общ., V.

⁷⁾ Ib.

⁸⁾ Носовичъ, 91, Зап. Геогр. Общ., V.

⁹⁾ Ib.

¹⁰⁾ Вареницовъ, 18.

¹¹⁾ Ib., 240.

замѣтить слѣдуетъ, что подобныя формы встрѣчаются и въ языкѣ сказокъ: „*уподничкоу*“ ¹⁾, „*Боженъка*“ ²⁾ и т. д.

И текла руда на *кореницу*.
Съ яво руды кора выросла,
И брали кору по всимъ лопамъ...
По всикъ церквамъ по *черковичкамъ*... ³⁾

Не говорю уже ничего о такихъ оборотахъ, какъ:

Налибый жаны обниманники на цѣсны,
Налибый жаны цилованники на уцѣшны ⁴⁾

или:

А музыченьку на шеенкѣ... ⁵⁾

или:

Будиць табѣ *перепуцико* быстрая рѣчка ⁶⁾,

они свойственны и русскимъ и малорусскимъ пѣснямъ. И въ по-
слѣднихъ встрѣчаются довольно часто несоответствія, какъ я ска-
заль, но они все находять извѣстное оправданіе: или само слово
въ большинствѣ случаевъ въ обыденной рѣчи употребляется въ
уменьшительной формѣ, напр. *матінка* (вспомнимъ уваженіе къ ма-
тери по народ. пѣснямъ), и тогда *матінка нерідненька* ⁷⁾ не содержитъ
противорѣчія; или пѣсня требуетъ созвучія виѣшиаго, и полу-
чается даже граціозное иѣчто:

„Ой ты. Байда, та *славенъкій*,
Будь міни *лыкарь* та *сирмесенъкій*,
Возьми въ мене *карменочку*
Та будешъ паномъ на всю *Украиночку*“ ⁸⁾;

или уменьшительные слова вызываются потребностью риѳмы,—и даже
въ такомъ случаѣ уменьшительный суффиксъ не нарушаетъ логиче-
скаго построенія:

Ой, на тобї, *бабусенька*, *коробочку* гречки,

¹⁾ Зап. Геогр. Общ., V, 710.

²⁾ Ів., 711.

³⁾ *Варениковъ*, 233.

⁴⁾ Зап. Геогр. Общ., V, 537.

⁵⁾ Ів., 387.

⁶⁾ Ів., 393.

⁷⁾ *Метлинский*, Юж. р. п. 201.

⁸⁾ Ср. *Евемкій*, Малор. пѣсни и думы, 65.

Бери мене легесевыко да за *поперечки*;
Ой на тобі, бабусенька, моловину бочки,
Бери мене легесенько за бочки...

и тутъ же когда не требуется риемой:

Ой на тобі бабусенька грекої муки.
Возьми-жъ меве легесенько за билі руки,

а вслѣдъ затѣмъ, опять по требованію риемы: *кубочекъ — животочекъ*¹⁾.

Часто вносится иѣчто субъективное въ отношеніи къ иѣкоторымъ понятіямъ, воспринимаемымъ обыкновенно безъ примѣси чувства, и все-таки не дѣйствуетъ своимъ характеромъ антиэстетично, потому что гармонируетъ съ цѣломъ:—мужъ-чумакъ говоритьъ:

Якъ би ти жінка була добра,
То ти бъ сидла дома;
П'ятинку спостила,
Неділюнку чтила²⁾.

Или уменьшительныя слова являются просто взамѣнъ словъ безъ уменьшительныхъ суффиксовъ, не нарушая смысла, придавая лишь болѣе мягкую окраску цѣлуому:

Церковця нова побудована,
Побудована с трёма *вершечки*,
С трёма вершечки с двома оконці,
На тих вершечках три *голубонки*,
По під церковцю лежит *смежечка*,
Надіши ж вею два *мисленочки*³⁾.

О такихъ сочетаніяхъ Потебня·справедливо говоритьъ: „ласкателность становится общимъ, такъ сказать, освѣщеніемъ, исходная точка котораго можетъ быть для насъ скрыта и не сознаваться самимъ пѣвцомъ“⁴⁾.

И въ другихъ, и во многихъ случаяхъ, и въ большинствѣ случаевъ мы можемъ наблюдать въ произведеніяхъ слова малорусскаго народа пользованіе уменьшительными словами болѣе или менѣе кстати; оно не нарушаетъ логики сочетанія словъ. Мы встрѣчаемъ и „Господонью

¹⁾ Труды экспедиціи в пр. IV, стр. 11.

²⁾ Рудченко, Чумакъ въ нар. пѣс. *Выстин. Езер.* 1872, сентябрь.

³⁾ Потебня, Извъ Зап. по рус. гр. III, 99.

⁴⁾ І., 98.

пітается¹⁾ и „благослови боженку“²⁾, „и въ тих церковці святый Спасъ“³⁾ и „Суботонька на неділеньку пішпа“⁴⁾ и т. п., но нѣть нигдѣ той дисгармоніи, того диссонанса въ сочетаніяхъ словъ, нѣть и тѣхъ удивительныхъ присоединеній уменьшительныхъ суффиксовъ къ словамъ, по существу не поддающимся уменьшеню (ласкѣ и пр.), какія встречаются въ белорусскихъ произведеніяхъ слова. Въ рѣдкихъ случаяхъ попадаются сочетанія, въ родѣ

Знати галонку по літальному⁵⁾...

или

Радоньку радять субірненкую,
Субірненкую недільненкую⁶⁾ и т. п.

Сочетанія, и не привычны для уха, не рѣжутъ его однако, а въ большинствѣ случаевъ, наоборотъ, ласкаютъ слухъ:

Щоб не було поруночки од батенька та рідненкого⁷⁾...
Бери доненку собі ріденку щобъ не будо ініненк⁸⁾...
Ой спасибі тобі, мій батеньку.
За твое чуланейко⁹⁾...

или: інчее стояннячко, світове вертиляннячко... и т. п.¹⁰⁾. Во всѣхъ случаяхъ чувствуется какая-то мягкость тона, совершенно соответствующая общему настроению, и въ меньшинствѣ лишь замѣчаются уменьшительные по требованію одного зозвучія, или ритма, въ дѣтскихъ пѣсняхъ, напр. гдѣ часто и не требуется никакого смысла,

„.... А білі лебеді
Та й убілють на воді,
А білі щукашечки
Да й поміную рубашечки“¹¹⁾.

Въ великорусской народной поэзіи замѣчается своеобразность. Во-пер-

¹⁾ Труды экспед. и пр. IV, 20.

²⁾ Ів., 101.

³⁾ Ів., 129.

⁴⁾ Ів., 88.

⁵⁾ Чуб., V, 491.

⁶⁾ Голов., II, 28.

⁷⁾ Метлинскій, 141.

⁸⁾ Труды и пр. Чубинскій, IV, 90.

⁹⁾ Метлинскій, 226.

¹⁰⁾ Потебня, 493.

¹¹⁾ Метлинскій, 4.

выхъ, или вовсе не быть уменьшительныхъ, или ихъ очень мало въ произведенияхъ, образовавшихся подъ влияниемъ книги (духовно-религиозного содержания); въ послѣднемъ случаѣ, въ ограниченномъ объемѣ, они распространяются на предметы вещественные, конкретные, и въ исключительныхъ случаяхъ на предметы отвлеченные.

Во-вторыхъ, нужно выдѣлить произведения, известныя подъ именемъ „прочитаній“, съ такимъ преобладаниемъ уменьшительныхъ суффиксовъ, что совершенно заслоняютъ собою слова безъ уменьшительныхъ суффиксовъ. Между этими крайними группами слѣдуетъ поставить, въ-третьихъ, былинную поэзію и признать, что въ ней страннымъ образомъ сливаются и бѣдность и изобиліе уменьшительныхъ, въ зависимости отъ данного времени, данной мѣстности и отъ лица, скавывающаго или поющаго (между прочимъ и пола).

Къ первой категоріи относятся духовныя пѣсни, пѣсни калмыкъ перехожихъ, голубинная книга и народныя пѣсни, стоящія къ немъ ближе другихъ, въ родѣ „Горя злосчастія“. Въ послѣдней, напр., по редакціи 1856 г.¹⁾ насчитывается на 556 стиховъ всего на все 16 словъ: чулочки, кирничекъ, лапочки-отопочки, ниточки, ючкомъ, бѣражку (2 раза), песочику, напъвочка (2 раза), кудерцы, ручку, бѣлешенку, головенку, травонька (2 раза), рыбоньку.

Понятно, суффиксовъ будетъ гораздо меньше въ стихахъ съ религиознымъ содержаніемъ хат' ёбсюхъ, хоть и апокрифическихъ. Напр. въ стихѣ „О Гадамѣ“, по рукоп. XV, нач. XVI ст.²⁾,—ни одного уменьшительного слова; не быть ихъ ни разу напр. въ стихѣ „О святоѣ иладенцѣ Кирикѣ“, „О Мученикѣ“ и пр. или въ статьѣ о „Гавриковомъ сынѣ Василіѣ“ и т. п., записанныхъ въ наше время³⁾.

Уже въ силу характера аскетического, исключающаго возможность проявленія любовнаго, ласковаго или однороднаго чувства, уменьшительнымъ словамъ быть не полагается, но проникаютъ они все же, спорадически, то тамъ, то сямъ, подъ сильнымъ давленіемъ народнаго языка:

„Перегубили малыхъ младенчиковъ, все безгрѣшныхъ.... ⁴⁾
Идите вы малы младенчики....
Втогда растужаться добры сиротки.... ⁵⁾

¹⁾ Истор. хрест. Буслаева, стр. 1367 и слѣд.

²⁾ Варенцовъ, 40.

³⁾ Ib., 77—90.

⁴⁾ Ib., 46.

⁵⁾ Ib., 65.

Какъ въ моемъ ли было зеленою саду
Выростало деревцо сахарное...
Прилетала пташечка малечка¹⁾ и т. п.

Походятъ *цветочки* (лазоревы), *рѣшеточки* (желѣзны) ¹⁾, *полоняночки* (русскія) ²⁾ и *погодушки* съ восточной стороныушки ³⁾, *рѣчышка Смородушка, мосточекъ* ⁴⁾, у *вдовушки сиротушки* ⁵⁾, съ подъ камышка съ подъ кустышка ⁶⁾, *горючки кручинушки* ⁷⁾ и т. п., но въ общемъ весьма рѣдко.

Мотивы въ пѣсняхъ каликъ, проводникахъ христіанскихъ идей (церковныхъ), содержать уменьш. суффиксы въ чрезвычайно бѣдныхъ дозахъ; въ меньшинствѣ слышится выраженіе лирическаго настроенія, субъективнаго отношения. Предлагаю для образца открыть Гильфердинга, 409, 542 и др. ⁸⁾, по ограниченности мѣста выписывать отрывки не удобно. Объ изобилии умен. въ причитаніяхъ мы говорили уже; указано также на множество случаевъ, представляющихъ полное несоответствие между содержаниемъ и формою уменьшительныхъ въ другихъ произведеніяхъ. Необходимо упомянуть еще о былинахъ и объ историческихъ пѣсняхъ, весьма умѣренно пользующихся уменьшительными. Убѣдиться въ этомъ можно, перечитывая сборники былинъ, причемъ изслѣдователь подмѣтить, что былины, записанныя ранѣе, въ 18 ст., весьма часто не имѣютъ уменьшительныхъ тамъ, где болѣе новыя былины употребляютъ ихъ обыкновенно. То же и съ историческими пѣснями. Сопоставляя одни и тѣ же пѣсни, отдѣленныя одни отъ другихъ даже на разстояніи 40—50 лѣтъ, можно замѣтить тенденцію къ учащенію въ употребленіи уменьш. суффиксовъ. Изъ многихъ выбираю пѣсню, помѣщеннуя подъ № 434 и 435,—сборника Соболевскаго ⁹⁾, обѣ записанныя въ Уральской области, подъ № 434 въ 1848, подъ № 435, въ послѣднее время. Сюжетъ весьма несложный: обращеніе къ пашнѣ, обагренной кровью („распахана“ копьями, „засѣяна“ головами) и обезложенная. Въ первомъ варианѣ встрѣчается одинъ разъ *поливочка*

¹⁾ Вареницовъ, 96.

²⁾ Ib., 99.

³⁾ Ib., 104.

⁴⁾ Ib., 127.

⁵⁾ Вареницовъ, 128.

⁶⁾ Ib., 129.

⁷⁾ Ib., 128.

⁸⁾ Онежская был. I-ое изд.

⁹⁾ Великор. пѣсан 1, стр. 511—512.

(„и на поливочку не надѣйся“) и *дождикъ* („польеть съ неба дождикъ“); во второмъ рѣчь все время идетъ о „пашенькѣ“ (не „пашин“, какъ въ первый разъ) и повторяется 9 разъ; кромѣ того и *пожовничекъ* и *дождичекъ*¹⁾ и *поливочка*, хотя пѣсня длинѣе нѣсколько—24 стиха, тогда какъ въ первой всего 15,—впрочемъ при размѣрѣ 12—13 слоговомъ.—То же самое можно сказать, еще въ большей мѣрѣ, относительно вариантовъ, записанныхъ въ сборникахъ 18 ст. и въ $\frac{1}{2}$ XIX. Сравнимъ напр. пѣсни подъ №№ 12 и 17, 18²⁾, а послѣднія съ Гильфердинговскимъ „молодецъ и королева“³⁾. То же относительно историческихъ пѣсень—если сравнить, напр., сборникъ Кирѣевскаго⁴⁾ (вып. IX, 309—320) съ Гильфердинговскимъ; въ первыхъ, кромѣ обычновенныхъ ласкательныхъ, нѣть почти уменьшительныхъ словъ; въ послѣдніхъ—временами довольно часто. Сравненіе могло бы составить предметъ отдѣльного изслѣдованія, но едва ли могло бы привести къ инымъ результатамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужно будетъ признать и постоянство въ употребленіи уменьш. суф., если, напр., сравнить пѣсню XVIII ст. (самаго начала,—записана въ 1729)⁵⁾ съ отрывкомъ той же пѣсни, записанной въ $\frac{1}{2}$ XIX. Одно мѣсто по 1-й версіи: „Постригись моя немилая, посѣхись, постылая! На постриженіе выдашь сто рублей На посѣженіе тебѣ—тысячу! Я поставлю нову келейку... Случалось Ѳхать князьямъ боярамъ Они спрашивають: „что за келейка, Что за келейка, что за новенька“. Что въ ней за монашенка за молоденъка?...⁶⁾.

Постригись моя немилая,
Посѣхись, постылая!
На постриженіе выдашь сто рублей
На посѣженіе тебѣ—тысячу!
Я поставлю нову келейку...
Случалось Ѳхать князьямъ боярамъ
Они спрашивають: „что за келейка,
Что за келейка, что за новенька“.
Что въ ней за монашенка за молоденъка?...⁶⁾.

¹⁾ Ib., 513.

²⁾ Ib., 37 въ слѣд.

³⁾ Гильфердингъ, стр. 719 въ 1317.

⁴⁾ Вып. 9, стр. 309—320.

⁵⁾ Дѣла о пѣсняхъ въ XVIII в., А. Шипилова, (Отд. древ. Изв. Ак. Н. У., кн. 2, 554). Стр. 4, дѣло 1729 г.

⁶⁾ Рус. Арх. 1863, Кирѣевскій, VIII в., Соболевскій, I, 391.

VII.

Потебия находилъ, что вообще ласкательность, распространенная на всѣ, или почти всѣ имена, въ данной рѣчи, „становится общимъ, тамъ сказать, освѣщенiemъ, исходная точка которого можетъ быть для насть скрыта и не сознаваться самимъ пѣвцомъ“¹⁾). Думаю, что можно признать „общее освѣщенie“ только въ такихъ случаяхъ, когда причина ласкательности или другого рода субъективнаго отношенія не скрыта для насть и сознается самимъ пѣвцомъ—иначе и освѣщенія быть не можетъ. Тогда поддается опредѣленію душевный складъ, который заключается въ лирическомъ отношеніи къ нѣкоторымъ сторонамъ жизни—и настроеніе мѣняется: то оно элегическое, то ироническое, то усиленіе чувства и т. д. Лучшимъ доказательствомъ отсутствія освѣщенія являются пѣсни бѣлорусской поэзіи. Въ этой поэзіи не только уменьшительныхъ (суффиксовъ) словъ больше, чѣмъ въ поэзіи великорусской и малорусской, но они проникнуть весь строй поэтической рѣчи, а между тѣмъ въ рѣдкихъ случаяхъ дается извѣстное освѣщеніе; наоборотъ уменьшительные суффиксы вносятъ дисгармонію, часто безсмыслицу. Одинъ—два только образца,—и по нимъ можно судить о множествѣ однородныхъ явлений, на сколько уменьшительные суффиксы мѣшаютъ пониманію пѣсни, если не признать возможности (вѣроятности) того, что значеніе уменьшительности стерлось въ нихъ окончательно и совершенно слилось съ обычной формою.

У ровнымъ полѣ корчмоочка стоицъ,
А у тѣй корчомцѣ два брацика пьюцъ.
Одзинъ братка пивъ, коника прошивъ,
Другій братка пивъ, да й жонку пропивъ.
Што коня пропивъ, свиснувъ—ворощивъ,
Што жонку пропивъ, руки сощеливъ.
Пришовъ до хатки; плачуць дзицятки,
Ой татка, да дѣлжъ наша матка?
Пропивъ я матку на солодкомъ меду.
Цострою вамъ хатку новюсенъскую!
Возьму вамъ матку молодзюсенъскую!
Згори тая хатка новюсенъская!
Здохні тая матка молодзюсенъская! ²⁾)

¹⁾ Потебия, Зап. по р. гр. III, 98.

²⁾ Зап. геогр. общ. V, 252.

Очевидно, ни единства настроения, ни единства тона, ни общего освѣщенія не выражается здесь уменьшительными суффиксами именъ. Стоитъ сравнить только заключительные два стиха бѣлорусскихъ пѣсень съ однородными русскими, несомнѣнно перенесенными сюда, и можно будетъ сказать, неорганически, чтобы видѣть, что отсутствіе уменьшительныхъ въ послѣднихъ именно и придаетъ силу и выразительность скорбѣ дѣтей. — И это еще опредѣленіе оказывается при сравненіи вариантовъ въ самой бѣлорусской поэзіи, изъ которыхъ въ одномъ пѣсня оканчивается въ большемъ соотвѣтствіи съ настроениемъ (ближе къ русскому).

„Пропади хатка съ молодой женой.“¹⁾.

Въ иныхъ случаяхъ обнаруживается совершенно ясно употребление уменьшительныхъ суффиксовъ какъ результатъ почти механическаго повторенія, вѣрѣ рефлекторнаго (ритмическаго) движения голосо-выхъ органовъ.

Дзеверь, дзеверь дзеверинушка
Ай дыѣ твоя живоцинушка?
Коровочки у дубровочки,
Овечечки возѣ рѣчечки.
А свиночки на долиночки,
А козенъки возѣ лозеньки.
Лошадочки на площаочки...²⁾.

Сказаннымъ не отрицается вѣрность замѣчанія Потебни о возмож-ности случаевъ общаго освѣщенія; такъ, оно ясно, напримѣръ, въ пѣснѣ любовной

А я вѣрнаго слугу
За цыibalами пешлю
За медкомъ за писомъ
За солоденками виномъ.
Дамъ червоны черевички,
Съ устужками (лентами) левслички,
И бѣлевыя панчошки (тулки)
И сафьяновы сапожки
На бѣлии твои ножки³⁾...
Jaу діенала ільгесні
Ір саудала шильтесні

¹⁾ Ib., 538, № 443.

²⁾ Ib., 109.

³⁾ Ib., 115.

Іш боржіку судала текёjo.
Аш спернатусь суплојау.. и т. д.

[Ужъ денекъ длиннѣе—И солнышко теплѣе—Изъ березки березовица
хапала—Я крыльшки сложилъ... и т. д. ¹⁾].

Ціт. не веркі, сірателе....
Ту салауки саулѣ тмант
Не матушѣ...
Гуль матушѣ авт лентылѣс
Даг жвакылѣс ірі гальвылѣс...
Верх дурылѣ прі шаллѣс

[тише, не плачь сиротинка... ты дождешься солнечного восхода,—а
не матушки... Лежить матушка на доскѣ—горятъ свѣчки при голо-
вушкѣ—плачеть дочка возлѣ матушки ²⁾].

Но не слѣдуетъ думать, чтобы замѣчаніе оправдывалось въ боль-
шинствѣ пѣсень, вообще произведеній народной словесности, особенно
былинной поэзіи. Есть случаи, когда никакъ нельзя опредѣлить при-
сутствіе освѣщенія, т. е. сознается-ли или не сознается наличность
чувства, когда произведеніе стоитъ на границѣ между предпослѣднимъ
и послѣднимъ изъ приведенныхъ примѣровъ:

Скорый не барице (не хѣшкайте)
Сестрицу дарицу.
Дзѣвочки—боярочки,
Кладзице падарочки!
Удалые моловички.
Кладзице червончики!
Красные золовочки
Кладите золотовицки!
Дзядзиники юлубочки
Кладзице урубочки ^{3).}

Нужно-ли послѣ этого приводить образцы изъ причитаній? Конечно,
освѣщеніе есть; но объ этомъ освѣщеніи можно судить a priori, и
безъ уменьшительныхъ; съ другой стороны громадное злоупотребленіе
уменьшительными лишаетъ все данное произведеніе всякаго освѣщенія,

Поминаютъ свою дружку разговаривчику ⁴⁾

¹⁾ Юшкеевичъ, Литовскія нар. пѣсни. стр. 37.

²⁾ Тъ., 40.

³⁾ Зап. Г. Об. V, 252, 160.

⁴⁾ Барсюсъ, Прячтавія, 124.

Оставлять набѣ чваковито *наръченнице*¹⁾
 Мы учиная—умильная *поговорюшка*...
 Впереди онъ былъ тоби *передовищечка*,
 Позади онъ былъ *любинъ да новозничекъ...*²⁾
 Быть застушкой, заборонушкой
 Быть вѣты... со западочкой...³⁾ и т. д.

на каждомъ шагу: *сльдовищчики*⁴⁾, *уныльнешенко*, *унильнейшенько*⁵⁾, *сuroвешенько*⁶⁾, *страпеюшка*, *ткююшка*⁷⁾, *гульбичечка*⁸⁾, *природушка*⁹⁾ и т. д.

Разумѣется, причитаніе употребляетъ кстати уменьшительное, если, напримѣръ, выражаетъ священную минуту умирания; тогда естественно выраженіе сидѣть у „трудной постелюшки и тяжелаго изголовынца“ и глядѣть, какъ душа выходитъ изъ „бѣлыхъ грудей“¹⁰⁾; но если принять во вниманіе всю совокупность случаевъ примѣненія уменьшительныхъ суффиксовъ, то нельзя не прйтіи къ выводу, что нѣть связи между представленіемъ о предметѣ и способомъ его выраженія. То же можно сказать о различныхъ произведеніяхъ великорусской поэзіи, даже о пѣсняхъ, въ которыхъ самый характеръ требуетъ лиризма по преимуществу. Стоить лишь сравнить различные варианты одной и той же пѣсни, чтобы видѣть, что уменьшительные слова—случайны, не вызываются свойствомъ настроения, а потому въ одномъ варианте появляются, въ другомъ исчезаютъ. Возьмемъ №№ 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290¹¹⁾, которыхъ содержаніе несложно: дѣвушка скорбить о томъ, что ея милый, приодѣвшись, пріубравшись, направился къ ней, но переходя черезъ мостокъ (жердочку) утонулъ, „упавши съ мостика“: „кудри“ (284, 285), „кудерюшка“ (286), „кудерыхи“ (287), „кудерцы“ (288), „кудерыки“ (289), „кудерыки русы волоса“ (290); шляпа (284), шляпонька и шляпа (290), въ остальныхъ шляпонька; гребешкомъ (284), въ другихъ—гребешечкомъ, гребеночкомъ (287) и пр. Не зачѣмъ

¹⁾ Ib., 159.

²⁾ Ib., 200.

³⁾ Ib., 202.

⁴⁾ Ib., 124.

⁵⁾ Ib., 152.

⁶⁾ Ib., 158.

⁷⁾ Ib., 117.

⁸⁾ Ib., 203.

⁹⁾ Ib., 288.

¹⁰⁾ Барсово, I. с., XII.

¹¹⁾ Соболевскій, I, 370—376.

приводить всѣхъ параллелей—достаточно сказать, что № 284 отличается полною сдержанностью, т. е. въ немъ отсутствуютъ уменьшительные, за исключениемъ: сударушка, рѣченька, мостовиночка, песочкомъ, бе-режочкомъ; № 286 состоять почти изъ сплошныхъ уменьшительныхъ; на 28 строкѣ № 284 пять словъ; на 46 строкѣ 286-го №—24 слова уменьшительныхъ; въ остальныхъ №№ распредѣляются равномѣрнѣ.

Весьма часто пѣсни, начинаясь съ уменьшительныхъ, ведется по инерціи уменьшительными безъ всякой видимой или скрытой причины:

Ставиль Потанко лужокъ,
Подъ окошко къ себѣ на лужокъ...
А садился травникъ на лужокъ,
А травку пощипываетъ,
По лужку похаживаетъ,
Ходючи травникъ по лужку,
Да пошаль травникъ въ плужокъ
Своей лѣвой ноженькой
Онъ правымъ крыышкомъ
Да мизиннымъ персточкомъ ¹⁾).

Злоупотребленіе уменьшительными обнаруживается еще ярче изъ сравненія съ пѣснями, въ которыхъ выступаютъ суффиксы увеличительные; послѣдніе выражаютъ всегда и неизмѣнно нечто такое, что соответствуетъ обычному представлению о формѣ *ище*, по слѣдующему образцу:

Ужъ вы, нянюшки, мамушки.....
Посмотрите на улицу
Еще этотъ-ли Дмитрій князь?
Ахъ, ножища-то, что вилища,
Ручища-то что граблища,
Головища, что пивной котель,
Глазища-то что ямиша,
Губища-то, что полчища ²⁾...

И съ положительностью можно утверждать, что не найдется мѣста, въ которомъ не было бы полнаго соотвѣтствія между представлениемъ о чѣмъ-то большомъ и выражающемъ его суффиксѣ.

Въ виду приведенныхъ фактовъ, не вполнѣ можно согласиться съ Потебней, который усматриваетъ нѣкоторое сходство между согласованіемъ (существительного и прилагательного) въ родѣ и согласо-

¹⁾ Кирша, 290.

²⁾ Соболевскій, I, 243.

ваниемъ въ степени уменьшительности между прилагательнымъ и существительнымъ, а несогласуемость уподобляетъ несогласуемости послѣднихъ¹⁾). Тогда только возможна была бы параллель, если бы прилагательные уменьшительные превратились въ форму, лишенную значенія уменьшительности, или превратились бы въ обычную форму, въ общее мѣсто, или если бы не было случаевъ, приведенныхъ мною, когда уменьшеніе выражается въ названіи признака, а не въ самомъ имени: конь вороненькій. Не согласованіе формальное передъ нами, если пѣсня говоритъ дочечка Марусенька, синонимъ Иванечка²⁾), а выраженіе чувства,—въ зависимости отъ связи съ цѣлымъ, отъ потребности проявленія чувства.

VIII.

Въ высшей степени интересно изучить то значеніе уменьшительныхъ суффиксовъ, какое приобрѣтаютъ они подъ перомъ художниковъ нашихъ. На образцахъ я желалъ бы показать, что уменьшительные суффиксы незамѣнное средство въ случаяхъ, когда художникъ изображаетъ моментъ духовной жизни, извѣстныя настроенія, цѣлые характеры, и разумѣется, когда онъ пользуется ими сознательно, преднамѣренно. Не имѣю въ виду изслѣдоватъ вопросъ о постепенномъ ростѣ въ пользованіи уменьшительными суффиксами и о влияніи въ этомъ отношеніи писателей предшествующихъ на послѣдующихъ; отдельными примѣрами изъ нѣкоторыхъ писателей хочу лишь пояснить значеніе уменьшительныхъ суффиксовъ въ указанномъ смыслѣ.

Дѣвшинъ Достоевскаго приобрѣтаетъ отчетливость и ясность характера человѣка забитаго, именно въ силу употребленія имъ словъ съ уменьшительными суффиксами, и можно сказать безъ колебанія, забитость характера Дѣвшинана не могла бы выступать передъ нами во всей своей трагичности. Съ первого письма до послѣдняго—рѣчь несчастнаго горемыки, проникнутая горечью боли отъ сознанія своего бессилія и своего ничтожества, тѣмъ отличается отъ рѣчи ему подобныхъ, что преобладаютъ уменьшительные слова; связанные съ его добрымъ сердцемъ свойства выражаются опять-таки словами съ уменьшительными суффиксами, и вся ласка, вся любовь, которыхъ онъ выражаетъ не умѣеть при бѣдности запаса идей и словъ, опять-таки

¹⁾ Потебня, Зап. изъ Русс. Гр., III, 87.

²⁾ Ib., 93.

выражаются уменьшительными суффиксами, замѣняющими всякое краснорѣчие любви; и робкія попытки проявленія добродушной и болѣзненной ироніи выражаются у Дѣвушкина все тѣми же уменьшительными суффиксами. Отнимемъ икъ—и блѣдная тѣнь, одна лишь тѣнь останется отъ образа, составляющаго полное выраженіе необычайной художественной правды.

Въ первыхъ строкахъ первого письма онъ радуется уже тому, что Варвара Алексѣвна поняла, чего ему хотѣлось, „чего сердчишику моему хотѣлось“¹⁾, т. е. сердцу, которое и желать ничего въ жизни не сиѣть. Онъ разсказываетъ ей горемычную судьбу свою, разсказываетъ, что „особнякомъ себѣ, помаленьку живу, въ тихомолочку живу“²⁾; „это мой уолочекъ“; тамъ „стульевъ парочка“³⁾; ему „требуется, ну, сапожники какія нибудь, матышико“⁴⁾; и онъ еще какъ будто „денежку копить“; она не должна „обращать вниманія на то, что онъ такой тихонькой“⁵⁾; припоминая прошлое, онъ говоритъ объ ужасной квартирѣ⁶⁾, а позже—о томъ, какъ домкомъ⁷⁾ обзаводился; разсказывая трагическую исторію свою о томъ, что нашлись вредившіе ему злые люди, онъ такъ объясняетъ злыя дѣянія ихъ: „потому что я смиренъкій, что я тихонькій, отъ того что добренъкій, и дальше, главнымъ образомъ, „потому что я маленький человѣкъ, маточка“⁸⁾; еще позже сообщается, что „скрываюсь, и въ должность вхожу когда, такъ бочкомъ-бочкомъ“⁹⁾ и т. д. Любовь свою этой человѣкѣ выразаетъ своими уменьшительными такъ нѣжно, какъ не въ состояніи выразиться „сорокъ тысячъ братьевъ“. Когда „мечтанія приходятъ нѣжныя и все въ розовомъ цветѣ ему явятся“, тогда канура, въ которой живеть Варвара Алексѣвна, превращается его воображеніемъ въ комнатку¹⁰⁾; онъ видитъ уолочекъ занавѣски¹¹⁾, который прицѣплѣнъ къ горшку точнегонъко¹²⁾, какъ онъ намекалъ.

¹⁾ Пол. Собр. Соч. Достоевскаго, т. II, 1882 г., стр. 7.

²⁾ Ib., стр. 10.

³⁾ Пол. Собр. Соч. Достоевскаго, II, 10.

⁴⁾ Ib.

⁵⁾ Ib.

⁶⁾ Ib., 14.

⁷⁾ Ib., 49.

⁸⁾ Ib., 46.

⁹⁾ Ib., 79.

¹⁰⁾ Ib., 7.

¹¹⁾ Ib.

¹²⁾ Ib.

Она, близкая его сердцу, является для него и ангельчикомъ¹⁾, и дочечкой²⁾, и голубкой³⁾, и маточкой (чаще всего), и крошечкой⁴⁾, и птиашкой⁵⁾, и дружечекомъ⁶⁾, и ясочки⁷⁾, и жизненочекомъ; въ его воображении такъ и засвѣтлѣла „ваша ульбочка, ангельчикъ, ваша добренкая привѣтливая ульбочка“—и такимъ образомъ на разстояніи 20 строчекъ разъяны 16 уменьшительныхъ, придающихъ всей рѣчи особый отпечатокъ, выступающій уже съ первого знакомства съ Дѣвушкинымъ⁸⁾. Придумочкой⁹⁾ онъ своей гордится, чтобы видѣть ее чаще,—и онъ этой прядумочкой одной безконечно счастливъ. Вспоминая свое горькое прошлое, онъ вспоминаетъ и про счастливую дѣвочку Машу, которой струшка сказки разсказываетъ; онъ самъ трубочку курить, а шалунья „подопреть рученкой розовую щечку, ротикъ свой раскроеть горенкай.... и жмется къ старушкѣ“¹⁰⁾. Заботливость его къ судьбѣ его дорогой Вареньки безконечна, и, само собой, онъ не иначе предостерегаетъ ее отъ опасности какой либо, какъ словами „вѣдь вы слабенкія, голубчикъ мой, какъ соломенка слабенькая... чуть спынеречъ, а ужъ вы хвораете....“ „...Ходили бы вы не въ... ветхой платьице,... были бы вы не худенкія, не чахленкія, какъ теперь, а какъ фігурука сахарная, сельженькая... птичка моя хорошина“¹¹⁾. Чувство сожалѣнія его къ чужимъ тоже свойственно его безгранично самоотверженной природѣ, и онъ съ болью сердца сообщается о Горшковѣ, что онъ такой сѣденькій, маленкій,... робкій, боится всѣхъ, ходить стороночкой и съ ужасомъ думаетъ о погодѣ... „ужъ эти мнѣ дождички со снѣжкомъ“¹²⁾. Еще болѣе горя подымается у него въ груди, когда вспомнить одну недавнюю сцену; ему „случилось бѣдность свою испытать вдвойнѣ... Шарманщикъ распознался передъ чими-то окнами. Замѣчаю малютку мальчика, таинъ себѣ лѣтъ десять; былъ бы хорошенкій, да па видѣ... чахленкѣ“

¹⁾ Ib., 74.

²⁾ Ib.

³⁾ Ib., 78.

⁴⁾ Ib., 77.

⁵⁾ Ib., 19.

⁶⁾ Ib., 92.

⁷⁾ Ib., 74.

⁸⁾ Ib., 7.

⁹⁾ Ib., 8.

¹⁰⁾ Ib., 14.

¹¹⁾ Ib., 92.

¹²⁾ Ib., 18.

въ одной рубашечкѣ.... заглядѣлся, какъ у иѣвица куклы танцуютъ.... дрожитъ, да кончикъ рукава грызетъ.... въ рукахъ бумажечка... го- сподинъ бросилъ маленькую монетку, монетка упала въ ящикъ съ огородочкой.... мальчикъ подумалъ, что я деньги даль... подбѣжалъ ко мнѣ, рученки дрожать у него, юлосенокъ дрожить.... Мальчикъ бѣдненекій¹⁾ и т. д.¹⁾.

Какъ удивительно помогаютъ уменьшительные слова изобразить человѣка, не придающаго своей помощи бѣдному, своему сочувству людямъ ни малѣйшаго значенія! Онъ отдаетъ Варварѣ Алексѣевѣ свое послѣднее, она дѣлаетъ ему упреки въ томъ, что онъ отказывается отъ самаго насущнаго, а онъ ей: „я тамъ купилъ парочку горшковъ съ бальзаминчикомъ и гаранью—не дорого“²⁾; или: „я вамъ при семъ посылаю, Варинька, фунтикъ конфетъ... и не будьте въ претензіи“³⁾, а у самого есть нечего; или: „приказали вы, ку- шенека.... что вамъ шелчку... нужно... куплю, маточка, куплю и шелчку куплю“⁴⁾; или: „ардеробицу вамъ накупиль.... и т. д.⁵⁾. А вѣдь было время, когда онъ любилъ иною любовью, когда онъ врѣ- зался въ актрисочку⁶⁾, которая потомъ превращается въ актрису⁷⁾, потому что онъ молоденокъ былъ⁸⁾, — а затѣмъ снова переходъ къ окружающей дѣйствительности, когда онъ медвѣженкомъ сидѣлъ въ присутствії⁹⁾ и ему стыдненеко было... пуговки на ниточкахъ мота- лются¹⁰⁾ и т. д.

Я на этомъ прекращаю цитаты; читатель видѣть уже изъ приве- денного, что значать уменьшительные суффиксы въ рукахъ худож- никъ, какія краски онъ ими налагаетъ, какъ ярко и живо выступаетъ образъ, стоящій одиноко по красотѣ своей.

Я могу теперь не долго останавливаться на томъ, какой эффектъ производить, напримѣръ, рѣчь судебнаго слѣдователя, когда въ его уста Достоевскій влагаетъ слова съ уменьшительными суффиксами.

¹⁾ Ib., 17.

²⁾ Ib., 10.

³⁾ Ib., 11.

⁴⁾ Ib., 49.

⁵⁾ Ib., 59.

⁶⁾ Ib., стр. 62.

⁷⁾ Ib.

⁸⁾ Ib., 63.

⁹⁾ Ib., 72.

¹⁰⁾ Ib.

Слѣдя за этою рѣчью, мы видимъ, какъ тонь ея язвительно-насмѣшилъ въ продолженіе всего времени вплоть до той минуты, когда слѣдователь, тронутый судьбою Раскольникова, старается убѣдить послѣдняго сознаться въ преступленіи и тѣмъ облегчить себѣ предстоящія страданія мучительныя.

При первой встрѣчѣ Порфирий Петровичъ..... „вдругъ пропускалъ какія-то загадочные словечки... бѣгая ..... передвигая свои жирные ножки¹⁾ и выдѣльвая жесты, подходившіе къ его словамъ... вы вотъ изволили упомянуть, на счетъ, знаете, допросика-то....; ну вотъ вамъ таѣтъ сказать и примѣрчикъ на будущее, не подумайте, чтобы учить осмѣялся, .. а такъ, въ видѣ факта примѣрчикъ осмѣялся представить²⁾... „пусть его погуляетъ (на свободѣ), а.... я знаю, онъ моя жертвочка³⁾... онъ у меня психологически не убѣжитъ, хе-хе! каково выраженьице-то⁴⁾... мало того, самъ мнѣ какуюнибудь математическую штучку⁵⁾ приготовить; думаете, что я вамъ шуточки⁶⁾ невинныхъ подвожу, смѣетесь, что я все изъ военной исторіи примѣрчики подбираю...; гдѣ ужъ какому нибудь блоненькому слѣдователю угадать... да натура-то блоненськаго слѣдователя выручаетъ⁷⁾ .....; батюшка, потише... водицы бы вамъ, юлубчикъ... вѣдь припадочекъ у васъ былъ⁸⁾... („зажудахталъ Порфирий Петровичъ съ дружественнымъ участіемъ“) а сюрпризикъ не хотите посмотретьъ („захихикаль Порфирий...“⁹⁾) „сюрпризикъ-то вотъ тутъ у меня за дверью сидитъ хе, хе...“¹⁰⁾ „...вы батюшка не ожидали. Ишь ручка-то какъ дрожитъ—хе-хе...“¹¹⁾; „... говоритъ, а у самого зубки во-рту одинъ о другой колотятся, хе-хе, ироническій человѣкъ“...¹²⁾; „...одно словцо, Родионъ Романовичъ... мы еще увидимся, такъ¹³⁾“. Вторая встрѣча начинается по прежнему—язвительно:

¹⁾ Поли. собр. соч. Достоевскаго 1882, т. VI, стр. 315.

²⁾ Ib., 316,

³⁾ Ib., 317.

⁴⁾ Ib., 318.

⁵⁾ Ib.

⁶⁾ Ib.

⁷⁾ Ib., 319.

⁸⁾ Ib., 321.

⁹⁾ Ib., 326.

¹⁰⁾ Ib.

¹¹⁾ Ib., 329.

¹²⁾ Ib., 330.

¹³⁾ Ib.

... прохожу мимо, думаю *физиотикъ ему отдать* "...¹) и довольно продолжительно рѣчь ведется въ томъ же ироническомъ духѣ и заканчивается словомъ: *тубка-то*, какъ и тогда, вздрагиваетъ, пробормотаетъ какъ бы даже съ участіемъ Порфирий Петровичъ²), и вслѣдъ за тѣмъ, до конца, когда Порфирий пошелъ „на открытую“, рѣчь принимаетъ характеръ строго-сдержаннаго, участливаго, убѣждающаго. Уменьшительныхъ ни разу. Лишь конецъ самый напоминаетъ язвительную mannerу слѣдователя: „... есть *просьбница щекотливенькая*... если бы пришла охота... *ручки* этакъ на себя поднять... то оставьте *записочку*... двѣ строчки, двѣ только *строчечки*...“³). Множество частностей и повторений не цитирую. Не вхожу и въ подробности другихъ произведений Достоевскаго; но чтобы освѣтить другіе способы пользованія имъ уменьшительными суффиксами, одинъ примѣръ еще; онъ обнаруживаетъ новое значеніе. Федоръ Карамазовъ говоритъ: „пріѣзжаю лѣтъ семь назадъ въ одинъ городишко; были тамъ дѣлишки, а я кой съ какими купчишками завязаль было компаньишку...“ и т. д. И городъ, и дѣла, и купцы, и компания имѣли для Федора Карамазова лично громадное значеніе, но ему необходимо было умалить значение ихъ, представиться мало заинтересованнымъ всѣмъ этимъ. Точно такъ и Чичиковъ говоритъ на вопросъ Ноздрева, куда тотъ ёдетъ: „а я къ *человѣчку* къ одному“, очевидно, съ цѣлью умалить значеніе поѣздки; мертвыя души нужны ему для приобрѣтенія вѣсу въ обществѣ, а до того времени: „хоть бы какія нибудь *душонки*“, хотя и на „человѣчка“ и на „душенки“ Чичиковъ смотрѣть самъ совершенно иначе, чѣмъ какъ бы хотѣлось ему представить. Нѣкоторый оттѣнокъ въ употребленіи уменьшительной формы для выраженія меньшаго, противъ дѣйствительнаго, объема понятія представляютъ случаи, въ родѣ Гоголевскаго: „*страстинка къ картинкамъ*“; этимъ какъ будто уменьшается сила самого порока; здѣсь нѣть пренебреженія ни къ страсти, ни къ картиамъ. Опять иной оттѣнокъ слышится въ случаяхъ, какъ напримѣръ: „*погуляю хоть неділеньку*“⁴), —то же, что въ обыденной рѣчи: „денекъ, денечекъ бы хоть“; „*проведу съ ней вечерокъ одинъ*“, „*подожди одну минуточку*“. За исключениемъ послѣдняго, гдѣ слышится скорѣе малость времени (неопределеннаго), остальные случаи выра-

¹) Ib., 420.²) Ib., 427.³) Ib., 432.⁴) Труды Чубинскаго, 74.

жаютъ желаніе представить время меньшимъ, чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ—какъ вообще отношенія человѣка къ вѣшнимъ предметамъ часто обусловлены тѣмъ, какъ эти предметы представляются въ языкѣ. Тому, у которого просятъ: „отпусти на одну недѣлю“, время показается меньшимъ, чѣмъ выраженное словомъ „недѣля“,—по крайней мѣрѣ въ моментъ рѣчи.

Также точно „гривенничекъ всего стоитъ“, „девуриенничекъ“, „рубликъ“, производить впечатлѣніе меньшей стоимости монеты, чѣмъ обыкновенное употребленіе слова „рубль“, „гривенникъ“.

Грибоѣдовъ пользуется уменьшительными суффиксами съ иными цѣлями: безъ нихъ онъ не былъ бы въ состояніи представить отношеній Фамусова къ Скалозубу, его занискиваніе, лѣтичество, угодливость, уничиженіе,—всего, при помощи чего Ф. думаетъ добиться цѣли: освободиться отъ ужасной „комиссіи быть взрослой дочери отцомъ“, но остаться въ глазахъ общества достойнымъ отцомъ,—и никакими средствами не выразить лучше душевныхъ движеній послѣдняго: „отдушничокъ откроемъ поскорѣе“, такъ встрѣчаетъ Фамусовъ желанаго гостя, предупредивъ Чапскаго просьбою „пожалуйста, при немъ видѣ себя скромнѣко“, какъ будто опасаясь дѣлать заявленіе болѣе категорично: „скромно“,—и это видно изъ словъ:

„Эхъ, Александръ Андреевичъ братъ!“....

т.-е. онъ боится докончить мысль, которая была бы Чапкову не по вкусу; а затѣмъ:

„Ко мнѣ онъ жалуетъ частенко“,

фраза показывающая тщеславное чувство довольства, между прочимъ и потому, что у него

„Равненочко для всѣхъ готовъ обѣдъ“.

Нѣсколько далѣе онъ высказываетъ свои обязанности по отношенію къ бѣднымъ, родственникамъ, маленьkimъ людямъ, которымъ необходимо оказать специальное вниманіе, если оно притомъ касается „не важныхъ статей“ (важныхъ для Фамусова):

„Какъ станешь представлять къ крестичку или къ лѣстичку,
Ну какъ не порадѣть родному человѣчку?“

Фамусовъ сочувственно относится къ знакомому, который

„имѣеть, кажется, въ петличкѣ орденокъ“;

онъ мѣль ему; а въ другихъ случаяхъ нѣкоторое богатство ставится
въ большую заслугу, нужды нѣть, что онъ всего лишь чуть чуть
лучше плохого:

„Будь плохенький, да если наберется
Душъ тысячи двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ“...

Еще ближе ему тѣ, про которыхъ онъ отзыается особенно лестно, гордясь ими:

„Извольте посмотреть на нашу молодежь.
На юношей, сыновьи, синчата?“...

Не менѣе гордится онъ тѣми, о которыхъ говорятъ стихъ:

„А наши старички, какъ ихъ возьметъ задоръ“...

гдѣ съ ласкою соединяется и оттѣнокъ добродушной ироніи, отношенія свысока.

„А дочекъ кто видаль—всякъ голову повъсь...
Умъють же себя принарядить тафтицей бархатицемъ”.

Интересно сопоставить эти все мѣста, указывающія на торжество тщеславія и сознаніе силы, съ мѣстами при развязкѣ дѣйствія, когда иные чувства подсказываютъ иные рѣчи.

Обращаясь къ Молчалину, мы встрѣчаемся съ попрошайническимъ самоуничиженіемъ передъ лицами, болѣе важными, чѣмъ онъ, и съ покровительственною снисходительностью передъ той, у которой онъ хочетъ купить любовь; уменьшительные суффиксы въ устахъ его художественно воспроизводятъ эту мелкоту души; ему нужно заплатить за ласку и задобрить, и вотъ у него являются для Лизы *вещицы*, снаружи зеркально и зеркально внутри, подушечка, шольничекъ и ноженки, жемчуженъки, стекляночки. Слѣдуетъ вспомнить великодушіе Дѣвушкина.

Чацкій употребляет уменьшительные имена съ иными цѣлями; язвить ими онъ умѣеть хорошо: для него Молчалинъ „услужливъ, скромненькій“; „бывало иысенекъ гдѣ новенъкіхъ тетрадь увидить пристаетъ, пожалуйте списать“. Объ одномъ господинѣ онъ говорить: „тотъ, черномазенъкій, на ножкахъ журавлиныхъ...“

У Толстого, Тургенева, Некрасова и Островского найдется не мало фактовъ, подтверждающихъ значение уменьшительныхъ суффиксовъ, мимо которыхъ мы проходимъ, какъ будто не замѣчая.

вовсе ихъ роли въ русской рѣчи. Не останавливаясь на нихъ, я приведу лишь еще одинъ образецъ способа пользованія уменьшительными суффиксами. До мозга костей пропитанный элементами народной рѣчи, Кольцовъ все-же пользуется ими съ цѣлями чисто художественными, пользуется сознательно и преднамѣренно, и, въ свою очередь, достигаетъ изумительныхъ результатовъ. У Кольцова въ общей сложности ихъ не-много и во всѣхъ случаяхъ въ такихъ сочетаніяхъ въ предложеніи, въ какихъ встречаются они въ народной поэзіи; но такъ какъ поэтъ всего менѣе субъективенъ, то онъ пускаетъ въ оборотъ уменьшительные слова преимущественно при изображеніи тѣхъ моментовъ жизни, которые характерны сами по себѣ и существуютъ сами по себѣ, какъ необходимости: положеніе, состояніе, моменты отношенія людей между собою и т. п. Поэтому, мы замѣчаемъ у Кольцова, рядомъ съ крайней сжатостью и силою слова, сплошное употребленіе уменьшения лишь имънъ существительныхъ, замѣняющихъ собою цѣлое предложеніе. Весьма рѣдко, и то въ болѣе слабыхъ произведеніяхъ, уменьшается имя прилагательное, такъ какъ въ немъ субъективная сторона выступаетъ ярче. Сказанное оправдывается и по отношению къ такимъ мѣстамъ, где субъективность, казалось бы, составляетъ условіе красоты, напр.:

Пашинку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку готовимъ
Колыбель святую;

а между тѣмъ уменьшительные необходимы, такъ какъ данъ поэтический образъ сравненія зерна съ живымъ существомъ, вызвавшій краски, которыми окрашиваются и въ народной поэзіи дѣтскія (коло-белыни) пѣсни.

„Не держи, пусти, дай волюшку“

говорить поэтъ, когда затрагивается та сторона жизни, которую говорящій сознаетъ въ себѣ какъ силу въ страданіи и наслажденіи, когда онъ чувствуетъ при этомъ какое-то размашистое упоеніе отъ этой силы-воли. Она ему близка, дорога, поэтъ и самъ носилъ въ себѣ эту силу, и не иначе какъ „волюшка“ могла выразить чувство, волнующее его (см. выше). Когда Кольцовъ ставить себя въ положеніе человѣка, для которого слезы—утѣшеніе, то и въ такомъ случаѣ отмѣченное слово, употребленное въ другомъ значеніи, всего сильнѣе можетъ выразить настроеніе:

Еще съ тобой
Увидимся
И въ волюшку
Наплачемся....

Это его *Trost in Tränen*. Когда поэт рисует слабаго, сознавающаго безымяе, онъ и ему влагаетъ въ уста „волюшку“,—потому что она желанная:

.... Погубить себя не хочется,
Разойтись—нѣту волюшки...

Какой бы моментъ ни взяли въ произведеніяхъ—расчетъ художественный ясентъ: представить наиболѣе яркій образъ воспроизведенаго момента—по возможности объективно:

Гости пьють, и ёдятъ,
Рѣчи говорять,
Про хлѣба, про покосъ
Про старинушку..;

никоимъ образомъ не изобразить сильнѣе и ярче настроеніе отъ глубокаго интереса къ воспоминаніямъ о прошломъ, какъ словомъ „старинушка“; но оно „старинушка“ прежде всего для собесѣдниковъ; а такъ какъ поэтъ живетъ жизнью ихъ же, то она становится „старинушкой“ и для него.

Въ другой моментъ художникъ изображаетъ уютность отъ совмѣстнаго веселія, и онъ говорить объ этомъ: „бражку ковшикомъ“ пьють. Когда говорится о заботѣ крестьянской, послѣдняя называется „думушкой“, потому что слишкомъ близка ему; когда изображается, что слегка снѣгъ идетъ, тогда „путь снѣжкомъ порошитъ“; когда крестьянинъ ёдетъ по хорошей дорогѣ, то это происходить „по дорожкѣ большой“ и т. д., и едва-ли найдется возможность не признать вывода, что Кольцовъ уменьшительными суффиксами выражаетъ не свою, лично ему принадлежащую оцѣнку явленію, предмету.

Другое мы видимъ у Никитина. У него преобладаетъ настроеніе—и это видно изъ способа употребленія имъ уменьшительныхъ суффиксовъ; лиризмъ—крайне субъективный, по временамъ сентиментальный, дѣланый, и въ уменьшительныхъ прилагательныхъ это обнаруживается часто. То же можно сказать о Некрасовѣ, въ поэзіи котораго много случаевъ лишняго употребленія уменьшительныхъ: оно доходитъ до злоупотребленія и производить нехудожественное впечатлѣніе. Подробности излишни.

IX.

Общий выводъ изъ всего приведенного въ этомъ изслѣдованіи можетъ быть выраженъ такимъ образомъ:

По отношенію къ примѣненію уменьшительныхъ суффиксовъ замѣчаются два течения, другъ другу противоположныя. Одно — въ литературѣ, другое въ народной поэзіи. Тогда какъ въ древнемъ книжномъ языке едва замѣтны случаи употребленія ихъ, и то въ одномъ лишь значеніи, уменьшающемъ представление о предметѣ объективно, а субъективно—преимущественно представление о личности, литературный языкъ съ началомъ XIX вѣка обнаруживаетъ тенденцію широкаго примѣненія ихъ для художественныхъ цѣлей, для выраженія разнообразныхъ отг҃ынковъ субъективного отношенія говорящаго (и слушающаго) къ предметамъ, явленіямъ, лицамъ.

Въ языкѣ народной поэзіи, наоборотъ, замѣчается сильное вырожденіе уменьшительныхъ суффиксовъ. Будучи на первыхъ порахъ (трудно опредѣлить время) полны значенія, и значенія разнообразнаго, они приобрѣтаютъ постепенно характеръ какой-то традиционности, лишняго привѣска, формы, не отличающейся отъ другихъ, которыхъ уже утеряли основное или какое бы ни было значеніе для говорящаго (напримѣръ, падежные окончанія имёнъ прилагательныхъ, сознававшіяся еще въ историческое время; или суффиксы, напримѣръ — *-тель*, *-арь*, съ ясно выраженнымъ значеніемъ въ извѣстную пору ихъ жизни).

Причиною указанныхъ двухъ явлений (течений) слѣдуетъ признать, съ одной стороны, стремленіе литературнаго языка къ сближенію съ языкомъ народнымъ, исканіе въ немъ новыхъ источниковъ творчества,—съ другой стороны, постепенное ослабленіе непосредственности и жизненности въ народномъ творчествѣ массовомъ.

Однако не по всемъ русскимъ нарѣчіямъ уменьшительные суффиксы распредѣляются равномѣрно. Всего больше ихъ тамъ, где всего менѣе сознается ихъ значеніе и содержаніе, где всего болѣе однобразно ихъ примѣненіе единственно въ значеніи уменьшения—въ Бѣлоруссіи. Какъ будто судьба злосчастной страны вызвала этотъ странный языкъ униженія, уничиженія. Какое-то полное обезличеніе говорить сквозь вѣчно-умильные рѣчи, вѣчно-уменьшительные слова. Всего болѣе въ бѣлорусской поэзіи попадаются, какъ мы видѣли, нелѣгкія сочетанія словъ съ уменьшительными суффиксами, и если можно

говорить о нелогичности въ созиданіи словъ, то всего болѣе нелогичностей именно здѣсь.

Всѣхъ менѣе подпадала безсознательности и формализму въ употребленіи уменьшительного суффикса малорусская поэзія. Будучи по характеру своему всего болѣе лирична, даже въ эпосѣ своемъ, она сохранила необычайность колорита, мягкость тона, ласковость рѣчи, и кажущіяся иногда несоответствія между содержаніемъ и формой (относительно уменьшительного суффикса) могутъ быть въ большинствѣ случаевъ сводимы къ господствующему характеру. Но собственно говоря нелѣпостей, въ смыслѣ сочетанія словъ съ уменьшительнымъ суффиксомъ, какія выступаютъ въ бѣлорусской поэзіи, найти трудно.

Между бѣлорусскою и малорусскою стоитъ великорусская народная поэзія. Нѣкоторые отдѣлы поэзіи рѣшительно пострадали отъ вторженія уменьшительныхъ суффиксовъ, и, какъ мы видѣли, „причитанія“ больше всѣхъ. Однаковость ихъ въ этомъ отношеніи съ большинствомъ произведеній бѣлорусской поэзіи психологически объяснима: полное обезличеніе, полная нивелировка чувства, совершенное однообразіе въ выраженіи самоуничиженія слышится какъ въ цѣломъ народѣ, угнетаемомъ условіями исторического и соціального характера, такъ и въ выраженіи отдѣльныхъ группъ лицъ, угнетаемыхъ условіями индивидуальныхъ страданій.

Не думаю, чтобы выводъ этотъ оказался рискованнымъ, если принять въ соображеніе, что и литовскій и латышскій языки, и румынскій, а изъ неиндоевропейскихъ языковъ —зырянскій, оестяцкій, мордовинскій, всего больше имѣютъ въ поэзіи своей уменьшительныхъ суффиксовъ и связанныхъ съ ними словъ, а народности, говорящія на этихъ языкахъ, всего менѣе обладаютъ высокимъ представлениемъ о сознаніи человѣческаго и национальнаго достоинства, не успѣвшемъ развиться подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій.

I. Шандельштамъ.

ЭТРУССКИЙ ВОПРОСЪ.

(Читано въ сокращеніи на Римскомъ Историческомъ Съѣздѣ).

Этруссскій вопросъ есть собственно вопросъ о происхожденіи этрусковъ, народа, оставившаго по преимуществу въ странѣ между Тибромъ и Арно много обширныхъ и богатыхъ некрополей, не мало остатковъ городскихъ стѣнъ и болѣе 5000 надписей на языке, который до сихъ порь остается неразгаданнымъ.

Вопросъ этотъ, пожалуй, ведеть начало изъ самой древности, съ того именно момента, когда писавшій въ Римѣ, въ вѣкъ Августа, римскую исторію галикарнасскій риторъ Діонісій заявилъ ¹⁾ свое несогласіе съ сообщеніемъ Геродота (I, 94) о происхожденіи этрусковъ изъ Лидіи и назвалъ ихъ народомъ туземнымъ въ Италии, ἐπιχώριον τὸ ἔθνος.

Но высказанное Діонісіемъ Галикарнасскимъ возраженіе, идя въ разрѣзъ съ общимъ мнѣніемъ, сочтено было, повидимому, до того малозначительнымъ, такъ мало заслуживающимъ вниманія, что прошло въ древней литературѣ какъ бы не замѣченнымъ. Мы видимъ, что не только поэты, какъ Виргилій, Горацій, Овидій, Сіллій Италікъ, Стаций, но и прозаики — историки, философы, географы, — каковы Веллій Патеркуль, Валерій Максимъ, философъ Сенека, Пліній старшій, Тацитъ, а изъ грековъ — Страбонъ и Плутархъ, говоря объ этрускахъ, прямо считаютъ ихъ выходцами изъ Лидіи или вообще изъ Малой Азіи. Такимъ образомъ, вопросъ объ этрускахъ, т. е. объ ихъ происхожденіи, едва поднятый галикарнасскимъ риторомъ, тотчасъ же и замолкъ. Въ древности, по прежнему, не оставалось никакого со-

¹⁾ Aut. Rom. I, 30.

мицію въ томъ, что этруски пришли изъ Азіи, тѣмъ болѣе, что и сами этруски объ этомъ иначе не думали, какъ не думали иначе и жители Лидії ¹). Діонісію пришлось ждать восемнадцать съ половиною столѣтій, чтобы найти голось себѣ до извѣстной степени сочувственный, и онъ нашелъ его въ лице одного изъ выдающихся ученыхъ Франції XVIII ст., непремѣнного секретаря академіи надписей и изящной словесности, Николая Фрерэ (Freret), который въ небольшой диссертациі ²) не только отнесся критически къ переданному Геродотомъ сказанію, но и указалъ родину этрусковъ въ такомъ мѣстѣ, о которомъ не было и помысла у древнихъ писателей, въ Ретийскихъ Альпахъ. Критика Фрерэ увлекла за собой нѣсколькоихъ ученыхъ XVIII и начала XIX ст. ³), но этрусскій вопросъ на дѣлѣ поднять былъ не имъ, а Нібуромъ вмѣстѣ съ выходомъ первого тома его Римской Исторіи, хотя Нібуръ въ сущности повторилъ ⁴) лишь то, что было сказано Фрерэ. Онъ только дополнилъ соображенія послѣдняго произвольнымъ толкованіемъ мѣста Т. Ливія ⁵), заставилъ древняго историка присоединиться къ своему мнѣнію. Этимъ смѣлымъ шагомъ и быть созданъ этрусскій вопросъ, который волновалъ ученыхъ почти цѣлое столѣтіе.

Чтобы такъ легко опровергнуть вверхъ дномъ и прочное убѣжденіе всей древности о восточномъ происхожденіи этрусковъ, требовался именно громадный авторитет Нибура, а о поддержаніи нового воззрѣнія уже позаботилась созданная гениальнымъ иѣмецкимъ историкомъ новая историческая школа, все болѣе и болѣе терявшая уваженіе къ литературному преданію древности и, наконецъ, вычеркнувшая изъ области достовѣрий исторіи цѣлыхъ пять столѣтій Рима ⁶).

¹⁾ Tac. Ann. IV. 55.

^{*)} Recherches sur l'origine et l'histoire ancienne des différents peuples de l'Italie въ Oeuvres complètes, IV, Paris, an IV (1796), 230 sq.

³⁾ Валькеназа, Гейне, А. В. Шлегеля и др. См. у Швегера въ Römische Geschichte. I. 258. прим. 1.

* Römische Geschichte. I. 125 sq. 3-го изд. (р. 64 sq. изд. 1853 въ одномъ томѣ).

9) V. 33.

⁶⁾ Интересно отметить, что и здесь немецкая критическая школа была представлена на цылье столетие раньше французской критикой. Въ 1722 г. Пули прочелъ въ академіи надписей мемуаръ „Sur l'incertitude de l'histoire de quatre premiers siécles de Rome“, а въ 1738 г. французскій эмигрантъ Бофоръ обнародовалъ въ Утрехтѣ книгу уже „Sur l'incertitude des cinq premiers siècles de l'histoire Romaine“.

Наибольшее развитие и укрепление этой теории о ретийскомъ происхождении этрусковъ, какъ и естественно, принадлежитъ Германии, где не только историки, но и лингвисты, и филологи нашли ее наиболѣе отвѣчающую научному решению вопроса. Яковъ Грамъ нашелъ, что „нѣкоторые вещи въ этрускомъ сказании и языкъ звучать по-нѣмецки (*klingt an Germanisches*)“ ¹⁾. Но всего интереснее то, что нашлись ученые, какъ Йоганнъ Мюллеръ ²⁾, который уже прямо решается назвать этрусковъ „нѣмецкимъ народомъ“ (*ein deutsches Volk*). Заявленія такого рода Швеглеръ ³⁾, самый сильный послѣ Нибура историкъ критического направления въ Германии, приводить въ своей исторіи, какъ нѣчто серьезное. Такъ далеко пошло увлеченіе въ Германии Нибурровской теоріей, которая стала тамъ какъ бы национальною! Поэтому Монтеліусъ ⁴⁾ имѣлъ полное право назвать теорію происхождения этрусковъ изъ Ретийскихъ Альпъ „нѣмецкой теоріей“. Такою она и была въ дѣйствительности, такъ какъ въ то время, когда она, подъ влияниемъ все болѣе и болѣе расширявшагося археологического знакомства съ малоазійскимъ востокомъ, видимо теряла всякую почву подъ ногами и отвергалась однимъ за другимъ учеными Франціи, Англіи, Италии, а также и въ самой Германии, въ этой послѣдней странѣ она все-таки продолжала находить особенно горячихъ и упорныхъ приверженцевъ.

Это произошло, быть можетъ, отъ того, что ей не было въ свое время оказано достаточного противодѣйствія двумя сильнейшими послѣ Нибура представителями въ области изученія римской исторіи, Швеглеромъ и Моммзеномъ. Правда, Швеглеръ доказать, что Ретийская Альпы никакъ не могутъ считаться родиной этрусковъ, и возстановить истинный смыслъ мѣста Ливія (V, 33), на которое ссылался Нибуръ, говоря о ретийскомъ происхожденіи этрусковъ, смыслъ, состоящій въ томъ, что въ Ретийскихъ Альпахъ жили остатки тѣхъ сѣверо-италійскихъ этрускихъ колонистовъ, которые бѣжали туда, въ горы, спасаясь отъ огня и меча вторгшихся въ ихъ цвѣтущую сторону галловъ, и тамъ со временемъ одичали до того, что кромѣ языка, да и то испорченного, не сохранили ничего (*quos loca ipsa efferarunt, ne quid ex antiquo*

¹⁾ Geschichte der deutschen Sprache, Leipzig 1868, 3-е изд., 115.

²⁾ Briefe an Bonstetten, I, 432. См. у Швеглера (*Röm. Gesch.*, I, 257).

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Journal of the anthropological Institute of Great-Britain and Ireland, Vol. XXVI, Lond. 1897, 258.

praeter sonum linguae, necque eum incorruptum, retinerent). Но опровергнувъ Нибура, онъ не поставилъ на мѣсто его теоріи ничего положительнаго, а пришелъ къ совсѣмъ неудачной мысли о томъ, что этруски такой же индоевропейскій народъ, какъ умбры, сабеллы и латиняне, но привнесшій изъ Азіи, своей родины, „свою особую культуру, свою теологію и жреческую дисциплину“ и пришедший послѣднимъ изъ до-историческихъ народовъ въ Италию¹⁾). Лишенная поддержки въ литературномъ преданіи, въ языкоznаніи, въ археології, мысль эта съ первого момента была осуждена на отрицательное къ ней отношение и на забвение.

Еще меньше могло остановить распространеніе теоріи альпійскаго происхожденія этрусковъ то отношение, въ какое стала къ этому вопросу Моммзенъ²⁾, почти одновременно со Швеглеромъ выпустившій въ свѣтъ первый томъ своей „Римской Исторіи“. Его отношение страдаетъ, прежде всего, недостаточной опредѣленностью его взгляда на этотъ вопросъ и невѣрностью основныхъ данныхъ, на которыхъ онъ опирается. Онъ не только опровергаетъ геродотовское преданіе о происхожденіи этрусковъ, но и не придаетъ какой-либо важности этому вопросу, считая его празднымъ занятіемъ археологовъ, ихъ стремлениемъ искать того, чего нельзя и не стоитъ знать, *was weder wissbar, noch wissenswerth ist.* Такая, такъ сказать, нигилистическая точка зрѣнія не удерживается, однако, знаменитаго ученаго отъ того, чтобы отвергнуть мимоходомъ свидѣтельство древности о прибытіи этрусковъ моремъ, при чёмъ онъ приводить основаніе, котораго нельзя назвать состоятельнымъ, будто „древнѣйшіе и значительнѣйшіе этруssкіе города лежать глубоко внутри страны“, а при самомъ морѣ не лежитъ никакого значительнаго этруssкаго города, кроме Популоніи, которая, однако, не принадлежала къ древнимъ двѣнадцати городамъ Этруріи. Между тѣмъ древнѣйшіе (по преданіямъ, по типу городскихъ стѣнъ) и значительнѣйшіе города Этруріи лежать именно близъ моря, каковы: Цере (Агилла) со своимъ портомъ Пирги, Тарквиніи, Вульчи, Сатурнія, Коза, Ветулонія, Рузеллы. Если города эти и не построены на самомъ берегу моря, то это потому, что древнѣйшіе города вообще, какъ это хорошо известно Моммзену, и не строились на морскомъ берегу, а всегда въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи изъ понятнаго опасенія внезапнаго нападенія со стороны пиратовъ, какъ то было и въ Греціи (Аѳини,

¹⁾) Röm. Geschichte, I, 268—270.

²⁾) Röm. Geschichte, I, гл. IX.

Коринеъ и др.). Также произвольно и утверждение Моммзена, будто въ историческое время этруски двигались отъ сѣвера къ югу, чѣмъ онъ хочетъ доказать, будто этруски пришли съ сѣвера. Если этруски стремились распространить свои владѣнія къ югу отъ Тарквіній и Цере въ Тибръ и даже за Тибръ, то они двигались равнымъ образомъ и къ сѣверу, за Апенины и за По, пока не были остановлены галльскимъ нашествіемъ. Археология, къ которой знаменитый авторъ Римской истории оказалъ такое пренебреженіе, мстить ему здѣсь за себя чувствительнымъ образомъ: этрускіе памятники Цере, Тарквіній, Вульчи, Ветулоніи и вообще собственной Этруріи въ общемъ значительно древнѣе при-болоньскихъ, которые не восходять раньше VI ст. до Р. Хр., и могильная архитектура болоньской Чертозы и Марцаботто совсѣмъ уже не та, что при-тиренской Этруріи, не представляя ни конусообразныхъ кургановъ, ни высѣченныхъ въ скалѣ подземныхъ камеръ, для которыхъ, правда, новая территорія не была удобною, а просто глубокія и широкія могилы съ большими каменными гробами. Заставляя этрусковъ двигаться съ сѣвера на югъ, Моммзенъ не опредѣляетъ мѣста, откуда они, по его мнѣнию, вышли, а выражается смутно, что „древнѣшнюю родину этрусковъ надо искать къ западу или сѣверу отъ Италии“, но, понимая, что этимъ еще ровно ничего не сказано, онъ, хотя и очень уклончиво (*es ist nicht ganz unwarscheinlich*), высказываетъ въ пользу Нибуровской теоріи, говоря, что этруски пришли въ Италию черезъ Ретийскія Альпы, такъ какъ-де тамъ вплоть до исторического времени былъ слышанъ этрусскій языкъ,—основаніе, какъ мы только что видѣли, опровергнутое еще Швеглеромъ. Но и тутъ его не покидаетъ прежняя неопределѣленность: онъ не знаетъ, стать ли ему на сторону свидѣтельствъ Ливія, Плия ¹⁾ и Юстинія ²⁾ (*sie knnen freilich Trmmer der etruskischen Ansiedelungen am Po sein*), которыхъ онъ, впрочемъ, не приводитъ, или на сторону явно неправильного Нибуровскаго толкованія (*aber wenigstens ebenso gut auch ein in den alteren Sitzen zurckgebliebener Theil des Volkes sein*), о которомъ также ничего не сообщаетъ читателю. Онъ говорить тутъ словно о предметѣ, ни его, ни кого другого не интересующемъ. Определеніе Моммзенъ выражается, когда замѣчаетъ—и въ этомъ онъ совершенно правъ,—что этруски

¹⁾ N. H. III, 20(24), 133: Raetos Tuscorum prolem arbitrantur a Gallis pulsos duce Raeto.

²⁾ XX, 15, 9.

ни по нравамъ и обычаямъ, ни по религії, ни по языку не имѣютъ ничего общаго съ италійскими народами индо-европейского племени; но вслѣдъ затѣмъ онъ неожиданно приходитъ къ заключенію, что нѣкоторые слѣды, кажущіеся ему „довольно надежными“, указываютъ на то, „что этрусковъ въ общемъ слѣдуетъ причислять къ индо-германцамъ“. Чѣмъ значить здѣсь эта фраза „въ общемъ“ (*im Allgemeinen*), намъ непонятно, тѣмъ болѣе, что черезъ нѣсколько строкъ онъ какъ бы отказывается отъ этого заключенія, говоря: „Но все-таки этрусскій народъ не становится отъ этого менѣе изолированнымъ“. Къ этому онъ прибавляетъ: „Этруски, говоритъ еще Діонисій, непохожи ни на одинъ народъ ни по языку, ни по нравамъ; да и намъ больше нечего сказать“ — въ заключеніе всего говорить знаменитый историкъ.

Эта изумительная неопределѣленность взгляда со стороны ученаго, который давно уже считается въ Германіи какъ бы вождемъ въ наукѣ о классической древности, — и таковъ онъ въ дѣйствительности, — могла только задержать правильное решеніе вопроса и уже ни въ какомъ случаѣ не могла выдвинуть его на надлежащую дорогу. Поэтому ить ничего удивительнаго, что Нибуровская теорія о происхожденіи этрусковъ изъ Ретійскихъ Альпъ, несмотря на обнаружение не только шаткости, но и полной несостоятельности ея основанія, продолжала держаться и даже гордо поднимать голову въ странѣ, гдѣ уже высказались противъ нея такие ученые, какъ Тиршъ¹⁾, Лепсіусъ²⁾, Э. Курциусъ³⁾, вплоть до восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда Гельбигъ⁴⁾ въ изданной въ 1879 г. въ Лейпцигѣ своей книжѣ объ италикахъ въ долинѣ По счѣль себя въ правѣ заявить, что лишь „кое-какие ученые (*nur vereinzelte Gelehrte*), стоящіе вдали отъ метода и результатовъ современного изслѣдованія“, могутъ сомнѣваться въ томъ, что этруски пришли съ юга. Заявленіе это было не только грубо, но и невѣро, такъ какъ къ числу этихъ далекихъ отъ метода и результатовъ современного изслѣдованія принадлежали къ тому времени не только выдающіеся ученые другихъ странъ, но и самой Германіи, какъ мы только что видѣли. Но зато это была лебединая пѣсня Нибуровской теоріи происхожденія этрусковъ изъ Ретійскихъ

¹⁾ Ueber das Grabmal des Alyattes въ *Abhandlungen* Мюнхенской академіи I (1835).

²⁾ Ueber die Tyrrenischen Pelasger in Etrurien. Leipzig 1842.

³⁾ Griechische Geschichte. I.

⁴⁾ Italiker in der Poebene, Leipzig 1879, 100.

Альпъ. Съ тѣхъ поръ ся кредитъ сталъ понижаться стремительно, такъ что тотъ же Гельбигъ, всего лишь пять лѣтъ спустя, въ своемъ главномъ и съ большою ученостью написанномъ труда „О происхождѣніи этрусковъ“¹⁾ долженъ былъ сильно спустить тонъ и признать неопровергнувшую фактъ, что въ послѣднее десятилѣtie *должное* (!) мѣнѣніе о происхождѣніи этрусковъ изъ Азіи двинулось впередъ (*ha via dagnato terreno*).

Хотя статья Гельбига, смѣло связавшая прибытіе этрусковъ съ перводомъ Виллановы и искусно проводившая мысль, что этруская культура въ Италії, начавшаяся будто бы могилами a rozzo, перешла потомъ подъ вліяніемъ торговыхъ сношеній къ могиламъ a fossa и отъ нихъ подъ тѣмъ же вліяніемъ къ могиламъ a camera, хотя она и увлекла за собою извѣстную долю послѣдователей не только въ Германіи, но и во Франціи и въ самой Италії, но все-таки появленіе ея, бывшее послѣднимъ крупнымъ усилемъ поддержать Нибурровскую теорію о происхождѣніи этрусковъ изъ Ретийскихъ Альпъ, совпало съ поворотомъ этруского вопроса въ другую сторону. Поворотомъ этимъ мы обязаны главнымъ образомъ важнымъ археологическимъ изслѣдованиемъ Малой Азіи, сдѣланнымъ французскими, англійскими, австрійскими и германскими учеными, изслѣдованіямъ, которыя открыли намъ близкайшую, внутреннюю связь этруской культуры съ малоазійскою, связь могильной архитектуры, древняго искусства, религіозныхъ представлений и въ извѣстной степени связь ихъ языка съ языками наслѣдій, предшествовавшихъ эллинской колонизаціи по малоазійскимъ берегамъ Средиземного моря. Это стеченіе поразительныхъ данныхъ, особенно усилившееся въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, заставило, наконецъ, обратить на нихъ серьезное вниманіе и освѣтило этрускій вопросъ свѣтомъ, передъ которымъ теорія альпійскаго происхождѣнія явно восточного народа должна была не только побѣдѣть, но мало-по-малу и совершенно стушеваться.

Учеными, на долю которыхъ вышло въ это время, т.-е. въ восьмидесятые годы, поставить этрускій вопросъ въ его надлежащую колею, были Мильхгёферъ и Бриціо.

Въ 1883 г. Мильхгёферъ обнародовалъ въ Лейпцигѣ небольшую книгу подъ заглавіемъ „Начатки искусства въ Грекії“ (*Die Anfänge*

¹⁾ *Annali dell' Instituto di corrisp. archeologica*, 1884, 108.

der Kunst in Griechenland), которой суждено было имѣть большое значение. Саломонъ Рейнахъ¹⁾ связываетъ съ ея обнародованіемъ начало микенскаго вопроса въ ученой литературѣ, говоря: „L'impulsion donnée par l'ouvrage de M. Milkhöfer a été si féconde qu'on peut faire dater de cette publication la naissance de la question mycénienne“. Я, съ своей стороны, позволяю себѣ указать на то, что именно она нанесла первый сильный ударъ теоріи альпійскаго происхожденія этрусковъ и направила вопросъ на другую дорогу. Мильхѣферъ, изучившій связь этрусскаго искусства съ малоазійскимъ, выходить изъ принципа, что если можно устанавливать родство народовъ по языку, то его можно видѣть также и въ типѣ его произведеній. Принципъ этотъ, разъ установленный, всего скорѣе можетъ быть приложенъ къ этрускамъ, „вся культура которыхъ получила именно такой своеобразный, рѣзко очерченный ходъ, что нельзя не искать причинъ тому въ природѣ самого народа, а не во вѣнчанихъ обстоятельствахъ, которые вѣдь для всего полуострова въ сущности были одинаковы“. Сдѣлать же это приложение принципа тѣмъ легче, что этруски „оставили послѣ себя въ своей странѣ такъ много следовъ своей цивилизациіи и своей индивидуальности, какъ, быть можетъ, никакой другой народъ въ Европѣ“. Въ противность теоріи Гельбига и его единомышленниковъ, по которой формы этрусскаго искусства объясняются огромнымъ ввозомъ сначала финикийскаго, а затѣмъ греческихъ товаровъ, Мильхѣферъ не приписываетъ большого вліянія финикийской торговли на первоначальное этрусское искусство, которое представляетъ столько тилическаго уже въ богатѣйшей могилѣ Регулини-Галасси въ Цере (Черветри), въ могилѣ, которую надо причислять къ древнѣйшимъ, сохранившимся до настѣнъ, могиламъ а самега; что же касается до греческаго вліянія (кстати замѣтимъ, что въ могилѣ Регулини-Галасси нѣть ни одной вещи греческаго производства), то общія черты древнѣйшаго этрусскаго искусства съ греческимъ объясняются для Мильхѣфера общностью у того и другого народа племенныхъ элементовъ, которые въ послѣдующемъ раздѣльномъ существованіи хотя и развились въ разныя культуры, но все-таки не могли изгладиться совершенно и вносили свой вліяніе, а порождали „согласіе въ извѣстныхъ основныхъ формахъ и явленіяхъ, коренившихся въ болѣе глубокомъ слоѣ народности“. Этюю общностью племенныхъ элементовъ Мильхѣферъ—замѣтимъ, что до него въ томъ же смыслѣ высказывался Отфридъ

¹⁾ *L'Anthropologie*, 1896, 172.

Мюллеръ¹⁾ — объясняетъ и позднѣйшую воспріимчивость этрусковъ къ греческой культурѣ и законно спрашивается: почему юнійское и греческо-кампанскоѣ владѣніе не произвело такого же дѣйствія на всю Италию, какое оно произвело на страну къ сѣверу оть Лакуумы? Говоря объ общности народныхъ элементовъ у этрусковъ съ греками, Мильхѣферъ имѣеть въ виду, именно, пелазгические элементы, общие Греціи съ Этруріей. По нему, не только этрусская культура представляеть „прямое, хотя и изолированное, продолженіе“ до-эллинской, миленской культуры, но и самъ этрусский народъ представляетъ собой „соединеніе пелазгическихъ и азиатско-арийскихъ (?) составныхъ частей“, которое и дало основаніе для общихъ явлений.

Отвергая постепенный переходъ этрусковъ оть могиль въ *rozzo* въ *fossa* къ могиламъ а камера, Мильхѣферъ утверждаетъ, что этруски принесли съ собою съ востока „извѣстную сумму техническихъ формъ и способностей“, которая говорить совсѣмъ о другой культурѣ. Если кому покажутся недостаточными свидѣтельствомъ ихъ восточного происхожденія пелазгическая стѣны Этруріи, то разныя формы ихъ могильной архитектуры, курганныя и куполообразныя сооруженія, чужды не только сѣвернымъ народамъ, но и грекамъ и итальянцамъ, и въ то же время хорошо известныя до-эллинской Греціи, прямо ведутъ насъ въ Малую Азію, съ которой Этрурія „состоитъ въ близайшемъ, почти даже единственномъ отношении“. Эта близкая связь съ древнейшей Греціей и Малой Азіей, особенно съ Ликией, проявляется одинаково въ украшающихъ могилы рельефныхъ и живописныхъ изображеніяхъ, и согласie тутъ тѣмъ больше, чѣмъ старше или болѣе закрѣплены преданіемъ относящіеся сюда мотивы. Таковы на этрусскихъ національныхъ *buccheri* изображенія чудовищъ (химеръ, кентавровъ, сфинксовъ, крылатыхъ коней и т. п.), таковы процессы съ дарами: оружіемъ, тэніями, вѣнками, цвѣтами и плодами. Сцены за пиршествами уже удаляютъ насъ оть Греціи и ведутъ въ Переднюю Азію. Въ Греціи возлежаніе за столомъ (на саркофагахъ) является лишь спорадически, въ разныхъ мѣстахъ и въ разныхъ эпохи, а центра для такихъ сюжетовъ не находится, тогда какъ въ Этруріи этотъ мотивъ вездѣ является характеристическимъ. Мотивъ этотъ, не совсѣмъ чуждый, правда, миленской декоративной живописи (миленскій акрополь), ведетъ насъ прямо въ Ликию. Бѣгущія колесницы въдвѣ лошади, встрѣчающіяся на извѣстныхъ рельефахъ миленскихъ гробницъ, а въ Эт-

¹⁾ Etrusker, 81, ed. Deecke (99 1-го изд.).

руріи еще на древнѣйшихъ сосудахъ изъ красной глины, а также на черныхъ винчери, и составляющія обычный мотивъ этруссаго искусства, на погребальныхъ памятникахъ Греціи является очень изолированымъ мотивомъ, тогда какъ подобныя сцены на ликійскихъ памятникахъ являются традиционнымъ элементомъ. Конь, играющій большую роль въ этрусскомъ погребальномъ искусствѣ и тѣсно связанный съ представлениемъ о подземномъ мірѣ, служа у этрусковъ выражениемъ послѣдняго путешествія, не имѣть такого значенія у грековъ, хотя онъ и обычное явленіе въ греческомъ искусствѣ. На этрусскихъ вазахъ самъ Гадесъ является въ роли возницы.

Продолжая доказывать национальность этрусской культуры, какъ исходящей изъ болѣе древнаго источника, чѣмъ указываемыя Гельбигомъ торговыя связи съ финикиянами и греками, и предвосхищающая у послѣдующихъ работъ въ томъ-же направлениіи почти всѣ аргументы, Мильхѣферъ указываетъ также на этрусскія ювелирныя издѣлія, на рѣзьбу на драгоценныхъ камняхъ и выдѣлку золотыхъ венцовъ (*Gemmenschneide- und Goldschmidekunst*), какъ берущія начало въ до-эллинской культурѣ; но въ то время какъ, замѣчаетъ онъ, греки шли впередъ, этруски, не смотря на внѣшніе толчки, продолжали тутъ оставаться на одномъ и томъ же уровнѣ. Указываетъ, далѣе, на форму этрусскихъ башмаковъ съ загнутыми вверхъ носками, которая встрѣчается и на древнѣйшихъ спартанскихъ рельефахъ, но особенно обычна въ Азіи, начиная съ памятника Гарпій въ Ликіи до рельефовъ на скалахъ Каппадокіи. Указываетъ на головной уборъ этрусскихъ женщинъ и жрецовъ, *tutulus*, который также часто встрѣчается на этрусскихъ бронзахъ и который имѣть такую связь съ фригийскимъ колпакомъ. Но особенно рѣшительное доказательство этой тѣснѣйшей связи съ Малой Азіей, и именно съ Фригіей и Ликіей, онъ видитъ въ народномъ употреблениі флейты и музыкальной трубы, — аргументъ, которому еще Отфридъ Мюллеръ¹⁾ придавалъ особяное значеніе.

Заключая свою рѣчъ о происхожденіи этрусковъ изъ Малой Азіи, Мильхѣферъ, постѣ приведенія столь важныхъ и неоспоримыхъ данныхъ въ пользу этой идеи, имѣть полное право заявить, что противорѣчія у писателей, выводящихъ этрусковъ изъ Греціи или Малой Азіи, ничего не значать передъ фактомъ, который эти писатели старались объяснить и который независимо отъ успѣха ихъ стараний,

¹⁾ Ibid.

„тѣмъ яснѣе выступаетъ, какъ твердая точка, изъ всякаго колебанія“.

Я счѣль нужнымъ остановиться дольше на аргументації Мильхѣфера для того, чтобы показать, какую важную роль книга его, хотя и не посвященная этрускамъ или вопросу объ ихъ происхожденіи, сыграла въ поворотѣ отъ Нибуровской теоріи альпійскаго происхожденія этрусковъ въ сторону античнаго преданія, выводящаго ихъ съ востока. Эта скатая масса доказательствъ, изъ которыхъ многія приводились и раньше (О. Миллеромъ, Денисомъ, Ноэль де Верже и др.), но многія имъ приведены впервые и притомъ съ авторитетомъ такого знатока дѣла (связь этрусскаго искусства съ мало-азійскимъ и древне-греческимъ), была рѣшительно громовымъ ударомъ, отъ которого теорія Нибура, подновленная археологической аргументаціей Гельбига, уже не могла оправиться.

Черезъ два года послѣ книги Мильхѣфера явилась большая статья Бриціо „О происхожденіи этрусковъ“. Явилась она въ изданіи¹⁾, мало распространенномъ и нѣлегко находимомъ, особенно въ предѣловъ Италии, и потому многимъ осталась и до сихъ поръ неизвѣстною. Между тѣмъ это капитальный трудъ, окончательно разрушившій Нибуровскую теорію, подновленную Гельбигомъ, если ее еще нужно было разрушать послѣ удара, нанесеннаго ей Мильхѣферомъ. Статья эта, представляя собой самую беспощадную критику на палео-этнологические доводы Гельбига въ пользу происхожденія этрусковъ съ сѣвера, написана первостепеннымъ специалистомъ по итальянской палеоэтнологіи, которому, при помоши подробнаго анализа могильной культуры въ предѣлахъ Этруріи, не трудно было опрокинуть вверхъ иронъ все это искусно построенное и плѣнившее многихъ здѣшіе постепеннаго перехода одного и того же народа отъ культуры могилъ съ сожженiemъ, a *rozzo*, къ болѣе богатымъ культурой могиламъ съ трупопогребеніемъ, a *fossa*, и черезъ дальнѣйшую эволюцію отъ этихъ послѣднихъ къ импозантнымъ и часто роскошнымъ могиламъ a *camera*. По теоріи Гельбига, если такой постепенный переходъ существуетъ, то это устраиваетъ мысль о какомъ-либо этническомъ переворотѣ во все это время вслѣдствіе нашествія завоевателей, а говорить лишь о разныхъ фазисахъ культурной эволюціи у одного и того же народа. Нужно имѣть въ виду, что Гельбигъ, приведши этрусковъ изъ Аль-

¹⁾ *Atti e memorie della R. Deputazione di storia patria per le provincie di Romagna. Terza serie, vol. III, fasc. III—IV. Bologna, 1885, 120—237.*

шйскихъ горъ въ террамары долины По, принимаетъ раннее ихъ смышеніе съ италійскими или собственно умбрскимъ населеніемъ и видѣть въ послѣднемъ тѣхъ же этрусковъ въ силу ассимиляціи. Онъ говоритъ, что онъ не знаетъ, были ли въ могилахъ a pozzo и a fossa люди итальской крови (*gente di sangue italico*), но что для него очевидно, что если такие элементы и были, то они еще въ раннюю эпоху могиль a pozzo были ассимилированы съ этрусками. Очевидно же это для него вотъ почему: могильная утварь могиль a pozzo имѣть связь съ утварью могиль a fossa, а утварь этихъ послѣднихъ встрѣчается съ утварью могиль a camera. Все это было бы хорошо, если бы было таковымъ въ дѣйствительности. На самомъ же дѣлѣ было не такъ, что и было мастерски доказано Бриціо.

Опираясь на данные обширнѣйшаго и наиболѣе разработаннаго некрополя, именно тарквинійскаго (Corteto), Бриціо говорить: Правда, утварь могиль a pozzo продолжается частію и въ могилахъ a fossa. Но важный фактъ, пропущенный Гельбигомъ, заключается въ томъ, что въ самыхъ ранніхъ могилахъ a camera, болѣе древніхъ, чѣмъ многія могилы a fossa, нѣть и слѣдовъ этой утвари. Слѣдовательно, заключаетъ основательно Бриціо, если нѣть перерыва въ материаѣ между могилами a pozzo и могилами a fossa, и если тѣ и другія, значитъ, принадлежать одному народу, то онъ несомнѣнно существуетъ между могилами a pozzo и могилами a camera, которая, будучи современна еще раннимъ могиламъ a fossa, тѣмъ не менѣе не имѣютъ ничего общаго съ могильной утварью могиль a pozzo, которая, по Гельбигу, въ общемъ, *general mente*, та же самая, что и въ могилахъ a fossa. Слѣдовательно, могилы a camera, имѣющія совершенно особый типъ, какого не было нигдѣ въ Италии, и совершенною особую могильную утварь, должны принадлежать другому народу. Онъ не могли явиться плодомъ торговыхъ сношеній съ греками (что само по себѣ невѣроятно), такъ какъ въ болѣе ранніхъ изъ нихъ, какова могила Регуліни-Галасси въ Цере, при всемъ обилии материала, нѣть никакихъ слѣдовъ греческой торговли, которая однако ясно заявляетъ себя еще въ могилахъ a fossa. Въ такой, наполненной массой всякихъ предметовъ, могилѣ, какова могила Регуліни-Галасси, нѣть рѣшительно ни одного сосуда, который бы былъ похожъ по формѣ или по орнаментамъ на керамическія издѣлія могиль a pozzo, т. е. издѣлія населенія, которому принадлежали могилы a pozzo и a fossa. Еще больше разницы между этими могилами и между могилами a camera, всѣми признаваемыми за несомнѣнно этрусскія, по отно-

шению къ металлическимъ издѣліямъ. Въ то время какъ въ могилахъ а роззо не было найдено до сихъ поръ ни одного серебрянаго сосуда, могила Регулини-Галасси представляетъ ихъ въ значительномъ количествѣ. Да и вообще предметы изъ драгоцѣнныхъ металловъ представляютъ большую рѣдкость не только въ могилахъ а роззо, но и въ могилахъ а fossa, а тѣ, какіе встрѣчаются (фибулы, браслеты, золотыя спирали и трубочки), обличаютъ очень простую работу. Между тѣмъ одна могила Регулини-Галасси дала ихъ столько, сколько, по мѣткому замѣчанію Брауна¹⁾, бывшаго свидѣтелемъ ея открытия, ихъ не найдется въ богатомъ ювелирномъ магазинѣ, и это не только привозныя, но и чисто этруссій произведения. Однако, тамъ не нашлось ничего изъ утвари тѣхъ могиль, хотя мы знаемъ, что произведенія типа могиль а роззо встрѣчаются въ большомъ числѣ даже въ поздніихъ и богатыхъ могилахъ а fossa, какова могила *Воина* (*del Guerriero*) въ Тарквініяхъ, содержавшая не мало предметовъ греческаго производства. Ясно, что передъ нами тутъ двѣ культуры. Одна, принадлежащая народу еще бѣдному, сначала слѣдовавшему исключительно обряду сожженія, каковы могилы а роззо, а потомъ ставшему мало по мелу по грабить умершихъ, каковы могилы а fossa, перенявшъ этотъ новый обрядъ отъ покорившихъ его пришельцевъ. Другая, представляемая намъ древнѣйшими могилами а самега, принадлежитъ народу, знавшему исключительно обрядъ трупопогребенія и обладавшему уже развитыми архитектурными свѣдѣніями, такъ какъ онъ строилъ гробницы по типу большихъ круглыхъ кургановъ Лидіи, устраивалъ подземныя камеры со стѣнами, образуемыми изъ большихъ глыбъ, и со сводомъ а *sesto acuto*, на подобіе сокровищницъ до-эллинской Греціи, народу, привыкшему къ настоящей восточной роскоши и къ употребленію не только украшеній изъ драгоцѣнныхъ металловъ, но и золотымъ и серебрянымъ сосудамъ, къ желѣзнымъ треножникамъ и къ бронзовымъ ложамъ, какъ царственныя семейства въ Микенахъ, происходящія изъ Лидіи. Онъ обрабатывалъ золото, серебро, употреблялъ, какъ оружіе, большие круглые щиты и заостренныя стрѣлы и быть знакомъ съ письмомъ. Это былъ народъ, видимо, съ обычаями и привычками, свойственными Востоку, откуда онъ, слѣдовательно, и происходилъ.

Такъ заключаетъ Бриціо первую часть овоей прекрасной статьи, продолжая развивать свою тему въ мелкихъ подробностяхъ, всегда опровергая Гельбига, при чемъ онъ распространялъ свои домазатель-

¹⁾ *Bullettino dell' Instituto di corrispondenza archeologica*, 1836, p. 60.

ства и на писпаданскую Этурую, которая ему, принимавшему такое крупное участие въ тамошнихъ раскопкахъ и завѣдующему болоньскимъ Museo Civico, известна въ настоящее время болѣе, чѣмъ кому-либо другому. Мнѣ по неволѣ приходится здѣсь ограничиться самыми краткими понятіемъ объ его обширной статьѣ и отказаться отъ множества аргументовъ, которыми эта статья изобилуетъ. Въ числѣ важнѣйшихъ аргументовъ Бриціо считаетъ полигональныя стѣны, какія знамениты Малая Азія и до-эллинская Греція, кургanoобразныя могилы и выстѣченные въ скалахъ подземныя могильныя камеры съ облицованными массивнымъ камнемъ стѣнами, съ скульптурными фасадами, что прямо наставляетъ въ Лидію, Фригію, Ликию и вообще въ Малую Азію, чemu не было ничего подобного ни въ Италии, ни въ Сициліи, и чего, конечно, никакъ нельзя было бы ждать отъ какихъ-либо спустившихся съ Альпійскихъ горъ варваровъ, какъ того хочетъ теорія Нибура и Гельбига.

Раньше я сказалъ, что появление въ 1883 г. книги Мильхѣфера о „Начаткахъ искусства въ Греціи“ и статьи Бриціо въ 1885 г. создало поворотъ въ вопросѣ о происхожденіи этрусковъ. И действительно, послѣ всей этой разнообразной массы бывшихъ въ глаза археологическихъ данныхъ, неудержимо влекущихъ взоръ изслѣдователя къ востоку, трудно было не видѣть того, что Нибурровская теорія лишена всякаго основанія и была въ свое время не болѣе какъ островертной комбинаціей (принадлежащей, какъ мы видѣли, собственно Фреру), не имѣющей никакой опоры ни въ литературномъ преданіи, ни въ археологии, ни даже въ филологии, такъ какъ нельзя было предполагаемыхъ Діонисіевыхъ Расеновъ или Разеновъ, какъ будто бы этруски себя называли по имени своего вождя 'Расея' или 'Расея', серьезнымъ образомъ ставить въ этимологическую связь съ *Raeti*, даже если бы это имя и не было испорченнымъ¹⁾ въ рукописяхъ текста Діонісія. Напротивъ, все заставляло снова ухватиться за преданіе древности и сказать вмѣстѣ съ Сенекой²⁾: *Tuscos Asia sibi vindicat.*

Но было бы напрасно ожидать, что теорія альпійского происхожденія этрусковъ тотчасъ сложила оружіе. Обновленная доказательствами

¹⁾ Испорченнымъ или глюссой считали слово 'Расея' А. В. Шлегель (Opusc. lat., 151 sq.) и Лепсіусъ (Ueber die Tyrthen. Pelasger, 24).

²⁾ Consol. ad Helv. cap. 9.

постепенного перехода могиль а pozzo въ могилы а fossa и этихъ послѣднихъ въ могилы а сапога, доказательствами, заимствованными Гельбигомъ у итальянскихъ палеоэтнологовъ (Пигорини, Гиардини), видѣвшихъ съ своей совершенно чуждой наимъ, филологамъ и историкамъ, точка зрѣнія въ этрускахъ одинъ народъ съ италиками, она иѣкоторое время, казалось, шла еще гордой поступью, вошедши цѣликомъ въ сочиненіе Марты обѣ этрускомъ искусствѣ¹⁾ и до иѣкоторой степени въ трудъ Гзеля о раскопкахъ въ Вульчи²⁾). Но это была, такъ сказать, уже лебединая пѣсня этой теоріи. Зашедшій также далеко въ слѣдованіи за Гельбигомъ Марты, который заявлялъ, что въ вопросѣ о происхожденіи этрусковъ ему можно только подписаться подъ мнѣніемъ Гельбига и Ундсета (*nous ne pouvons que nous assurer à l'opinion de M. M. Helbig et Undset*), вскорѣ почувствовалъ, что онъ шелъ за весьма невѣрнымъ путеводителемъ, и сдѣлалъ въ новомъ своемъ трудѣ замѣчательное отступленіе. Не рѣшааясь прямо перейти на сторону древнаго преданія о происхожденіи этрусковъ съ востока, онъ говоритъ³⁾: „Нужно признать, что эта гипотеза объясняетъ многое. Она помогаетъ понять, напримѣръ, почему мы находимъ въ Эtruрии тотъ же родъ могиль, чтобъ въ Малой Азіи, покоющіеся на огромныхъ надстройкахъ въ формѣ башенъ курганы и могильные фасады, высѣченные въ бокахъ горъ въ цѣльной скалѣ. Почему восточная система свода во всѣмъ бассейнѣ Средиземнаго моря встрѣчается только у этрусковъ и римлянъ, которые заимствовали ее у этрусковъ; почему этруски, одни изъ всѣхъ средиземноморскихъ народовъ, упражнялись въ восточномъ искусстве дивинаціи; почему они носили восточный костюмъ, длинныя одежды съ цвѣтами, съ блестящими бордюрами, лидійскія сандаліи и напоминающіе фригійскій колпакъ калюшоны; почему знаки отличія царской власти, заимствованные этрусскою фамиліею Тарквианіевъ у Эtruрии, были знаками отличія парей Лидіи; почему, наконецъ, игры и зрѣлища Эtruрии были лидійского происхожденія. Тутъ цѣлый ансамблъ азіатскихъ обычаевъ, которые, повидимому, связаны съ самыми близкими преданіями, съ первоначальными преданіями этруской народности⁴⁾. Что же касается до Гзеля, который въ своей важной по материаламъ, вышедшій изъ новыхъ раскопокъ въ Вульчи, книга находился въ своихъ

¹⁾ L'art étrusque, Paris 1889.

²⁾ Les fouilles dans le nécropole de Vulci, Paris 1891.

³⁾ Manuel d'archéologie étrusque et romaine. Nouvelle edition (годъ не указанъ), 29.

взглядахъ на этрусский вопросъ въ значительной степени подъ влияниемъ Гельбига и Марты, то онъ послѣ разныx колебаний пришелъ лишь къ заключению¹⁾, что „вопросъ о происхожденіи этрусковъ и объ эпохѣ ихъ прибытія въ среду италиковъ кажется (ему) далеко не решеннымъ“.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что и послѣ своего обновленія археологическими комбинаціями Гельбига, теорія происхожденія этрусковъ изъ Альпийскихъ горъ не долго пережила удары, нанесенные ей Мильхгёферомъ и Бриціо. Можно было бы сказать, что, съ вступлениемъ въ послѣднее десятилѣтіе прошлаго столѣтія, она почти замираетъ и какъ бы совсѣмъ сходить со сцены, не находя себѣ въ ученої литературѣ защитниковъ, если бы она не нашла себѣ поддержки въ итальянской палео-этнологической школѣ, во главѣ которой стоитъ Пигорини.

Я уже говорилъ, что теорія Гельбига объ общности культуры италиковъ и этрусковъ въ началѣ желѣзного вѣка была заимствована Гельбигомъ именно отъ Пигорини, какъ объ этомъ счѣль нужнымъ заявить въ 1894 г. самъ Пигорини въ своемъ журнале, прямо говоря, что между учеными, принявшиими его мнѣніе безъ оговорокъ (*senza riserve*) были особенно Гельбигъ и Ундсеть²⁾. Но теорія Пигорини не имѣть ничего общаго съ Нибуровскимъ происхожденіемъ этрусковъ, какъ отдельного народа, изъ Ретийскихъ Альпъ. Для него италики, т.-е. умбы, латиняне и этруски — одинъ народъ (*una medesima gente*), вышедший будто бы изъ террамаръ; но какъ изъ культуры Лациума развилась культура римская, такъ изъ культуры Виллановы развилась собственно этруская (*l'etrusca propriamente detta*), въ обоихъ случаяхъ безъ всякаго вторженія въ страну нового народа въ дополненіе къ старому. Ясное дѣло, что Пигорини рѣшаєтъ этрусский вопросъ лишь съ своей палео-этнологической точки зреінія, не только безъ всякаго вниманія къ многочисленнымъ свидѣтельствамъ древности, ведущимъ этрусковъ въ Италию изъ-за моря, не только безъ всякаго вниманія къ важнѣшему факту, признанной почти всѣми, существенной разности этруского языка отъ языковъ итальянскихъ, но и не задавая себѣ даже вопроса о томъ, какъ могла возникнуть въ Этрурии особая столь

¹⁾ Fouilles dans le nécropole de Vulci, 338—339.

²⁾ *Bullettino di paletnologia italiana*, 1894 (XX), 78. Ср. *Bullettino*, 1889 (XXIV), 306.

характеристическая могильная архитектура, которой въ культурѣ Виллановы не было и зародыша. Здѣсь, на этомъ вопросѣ о происхожденіи этрусковъ, сказаись самимъ яркимъ образомъ безсиліе палео-этнографіи рѣшать доисторические вопросы собственными силами, безъ помоши литературного преданія (гдѣ оно есть), безъ помощи языкоznанія, сравнительной археологіи и даже антропологии. Никто больше меня не признаетъ выдающагося ученаго значенія Пигорини, громадныхъ услугъ, оказанныхъ имъ палео-этнографическому изслѣдованию Италии, особенно съверной, и тѣмъ болѣе, что никому столько, какъ Пигорини, его ученымъ трудамъ и личнымъ бесѣдамъ съ нимъ, я обязанъ тѣмъ, что до известной степени посвященъ въ область знаній итальянской доисторической древности; но вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу не признать открыто, что въ решеніи этруского вопроса онъ стоитъ гораздо ниже занимаемаго имъ въ наукѣ положенія.

Теорію Пигорини всецѣло раздѣляетъ и одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей итальянской палео-этнографіи падуанскій профессоръ Гирардини¹⁾). Но мы не имѣемъ возможности здѣсь остановиться на его мнѣніи, что въ Этруріи нѣть смѣшения пришлага элемента съ туземнымъ, и что могилы a pozzo, a fossa и a camera принадлежать одному народу, постепенно развивавшемуся.

Но теорія палео-этнографической итальянской школы входитъ въ решеніе этруского вопроса, такъ сказать, эпизодомъ. Она никакъ не остановила его нормального движения, какое онъ получилъ послѣ новой постановки его съ одной стороны Мильхтѣферомъ, съ другой Бришо. Въ 1890 году гейдельбергскій профессоръ фонъ-Дунъ посвящаетъ этрускому вопросу статью²⁾, въ которой, решительно становясь на сторону происхожденія этрусковъ съ востока, доказываетъ фактами могильныхъ раскопокъ на занятой этрусками территоріи, что вездѣ въ этихъ мѣстахъ италикамъ принадлежать обрядъ сожжения труповъ до вторженія этрусковъ, которые внесли обрядъ погребенія, предоставивъ однако коренному населенію пользоваться своимъ обрядомъ сожжения, который и сохранялся въ однихъ мѣстахъ дольше, въ другихъ исчезъ раньше, иногда сохранившись (особенно въ Кьюзи) для слугъ въ одной могилѣ съ погребеннымъ тамъ госпо-

¹⁾ См. его подробный отчетъ о раскопкахъ Воллаторскаго некрополя въ *Monimenti Antichi* Академіи Линчеевъ, VIII, 1898 г.

²⁾ *Bemerkungen zur Etruskerfrage* въ *Bonner Studien* R. Kekulé.. gewidmet Bonn 1890.

днинъ. Работа фонь-Дуна, хорошо знакомаго съ раскопками въ Этрурии, въ первый разъ внесла въ германскую ученую литературу определенные и точные представлениа объ отношеніи обряда погребенія къ обряду сожженія въ періодъ Виллановы и укрѣпила принципъ, что погребальные обряды, сожжение и погребеніе, не есть безразличное явленіе, а тѣснымъ образомъ связаны съ этническою особенностью народовъ и измѣняются лишь подъ продолжительнымъ и непосредственнымъ вліяніемъ охватывающей туземное населеніе культуры завоевателей или подъ вліяніемъ сильной иммиграціи, при чемъ въ туземный обрядъ не остается безъ вліянія изъ пришлыхъ элементовъ. Но фонь-Дунъ не нашелъ возможнымъ допустить прибытие этрусковъ моремъ, считая это очень труднымъ для древняго народа, какъ бы забывая о той многочисленной греческой иммиграціи, которая наводнила собой южную Италию и берега Сициліи. И этотъ промахъ со стороны такого солиднаго ученаго тѣмъ неожиданнѣе, что появленіе этрусковъ въ Италии онъ относить къ VIII столѣтію до Р. Хр., въ которое началась и аллианская иммиграція въ Италию. При этомъ и онъ считаетъ возможнымъ, что поводомъ къ движению этрусковъ на западъ послужило вторженіе дорянъ въ Грецию. Уѣзжая съ востока, этруски оставили тамъ часть своихъ современниковъ, о чёмъ свидѣтельствуютъ лемносскія надписи. Свое изслѣдованіе объ отношеніи трупосожженія къ трупопогребенію въ Этрурии фонь-Дунъ дополнить двумя статьями, — одною, помѣщеною въ журналѣ Пигорини ¹⁾, другою, заключающею въ себѣ разборъ мнѣній, высказанныхъ Гезелемъ въ его трудѣ о раскопкахъ въ Вульчи, и напечатанного въ томъ самомъ болонскомъ изданіи ²⁾, въ которомъ было напечатано и главный трудъ Бриціо по этрускому вопросу. Этимъ разборомъ онъ придалъ новую силу тому факту, что этрускамъ принадлежитъ собственно обрядъ трупопогребенія, а итальянцамъ обрядъ сожженія, — положеніе, очень важное въ решеніи этрусскаго вопроса, которое впрочемъ уже раньше было развито въ итальянской литературѣ Бриціо, а во французской ³⁾ еще раньше — Берtranомъ и известнымъ итальянскимъ археологомъ Конестабиле.

¹⁾ *Bullettino di paleontologia Italiana* 1890 (XX), 108—132.

²⁾ *Atti e memoire etc.* 1892. Serie III, vol. X, fasc. 1—3.

³⁾ *Revue archéologique* 1874, XXVII, 2 série, 209 sq., XXVIII, 253 sq. и 320 sq.

Работами Мильхёфера, Брицю и фонъ-Дуна, характеризующими начало нового фазиса этруссского вопроса, этотъ послѣдній бытъ поставленъ на новую дорогу такъ прочно и рѣшительно, что къ концу послѣдняго десятилѣтія окончившагося столѣтія или къ началу нынѣшняго происходженіе этрусковъ съ востока казалось уже научно доказаннымъ фактъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ теорія происхожденія изъ Ретийскихъ Альпъ сошла совершенно со сцены, не находя себѣ болѣе сколько-нибудь лѣтательныхъ защитниковъ.

Яркимъ выраженіемъ торжества рѣшенія этруссского вопроса въ духѣ античнаго преданія и въ согласіи съ археологическими данными Малой Азіи и до-эллинской Греціи съ одной стороны и Этруріи съ другой были доклады, сдѣланные Монтеліусомъ въ декабрѣ 1896 г., въ Великобританскомъ антропологическомъ институтѣ въ присутствіи Артура Эванса, Майреса и другихъ крупныхъ представителей доисторической археологии въ Великобританіи и Ирландіи. Одинъ изъ этихъ докладовъ стремился установить хронологію въ доисторической Греціи и Италиї ¹⁾). Другой касался тирреновъ въ Греціи и Италиї ²⁾). Тотъ и другой прямо затрагивали вопросъ о происхожденіи этрусковъ. Подготовленный тщательнымъ изученіемъ предмета, не задолго передъ тѣмъ издавшій свой капитальный трудъ „La civilisation primitive en Italie depuis l'introduction des m『taux“ (1-е partie. Italie Septentr. Stockholm 1895), Монтеліусъ говорилъ съ авторитетомъ, съ какимъ въ вопросахъ доисторической археологии едва ли можетъ говорить какой-нибудь другой ученый въ Европѣ. Онъ поставилъ этрусскій вопросъ въ связь со всей восточной и специально съ микенской культурой, и появленіе этрусковъ въ Италии, куда они явились съ послѣдней фазой микенской культуры, было лишь плодомъ переворота, произшедшаго вслѣдствіе вторженія дорянъ въ Грецію и произведенаго этимъ событиемъ передвиженія въ населеніе восточной части Средиземнаго моря. Онъ говорилъ ³⁾:

Въ отдаленнѣйшее время изъ долины Евфрата, гдѣ уже тогда процвѣтала высокая культура, культура эта двинулась къ берегамъ Средиземнаго моря. На пути же отъ Евфрата къ Средиземному морю мы находимъ царство гиттовъ, которое занимало Сирію и значительную

¹⁾ Preclassical chronology in Greece and Italy въ *Journal of the anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. Vol. XXVI, Lond. 1897, 261—271.

²⁾ The Tирrenians in Greece and Italy. Ibid. 254—261.

³⁾ Изложеніе взгляда Монтеліуса было уже дано мною въ сентябрьской *комикѣ Журнала Министерства Народного Просвещенія* 1902 г. въ отдѣлѣ критики, стр. 167—170.

часть Малой Азии. Этимъ-то народомъ восточная цивилизация и была принесена изъ халdeo-ассирійскихъ странъ къ мало-азийскимъ берегамъ, откуда она естественно должна была перейти на острова Эгейского моря и на берега Греціи. Это была бронзовая культура, источникъ такъ называемой микенской культуры, и появилась она въ этихъ мѣстахъ гораздо раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. Она обладала архитектурой съ колоннами и сводами, скульптурой, стѣнной живописью и живописью на керамикѣ, золотыми и серебряными издѣліями, а также издѣліями изъ янтаря, алебастра и лапистъ-лазури, рѣзными камнями (engraved gems) и наконецъ, системой письма, открытую въ послѣднее время Артуромъ Эвансомъ. Для Монтеліуса очевидно, что микенская культура, какъ принято называть эту бронзовую культуру острововъ Эгейского моря и материка Греціи, не произошла только въ силу вліянія, пришедшаго изъ другой страны, но принесена на острова Эгейского моря и въ Грецію иммиграціей туда нового народа. Это доказывается тѣмъ, что микенскія могилы, существенно отличающіяся отъ небольшихъ, выкопанныхъ въ землю и облагавшихъ камнемъ могилья прежніяго населенія, широкія ямы, каковы могилы микенскаго акрополя, или камеры съ боковымъ входомъ, суть того же рода, какъ вообще могилы въ Малой Азіи, но разнятся отъ характеристическихъ по своему могилья финикийскихъ, вертикальныхъ колодцевъ, съ боковой камерой на днѣ. Львы микенскихъ воротъ и безчисленные другіе предметы также ведутъ насъ въ Малую Азію, а не въ Финикию и Египетъ. На эту же связь указываетъ и рядъ общихъ названий городовъ (Олимпъ, Ида, Ларисса).

Носителями микенской культуры были пришельцы изъ Каріи, Лидіи и другихъ мѣстъ малоазійского побережья, но они не были собственно гіттиты, а лишь находились подъ вліяніемъ гіттитской культуры. Это былъ народъ, который греческое преданіе обозначаетъ именами пелазговъ, тирреновъ, иногда карійцевъ и лелеговъ. Эти пелазги или тиррены и были носителями микенской культуры. Нѣкоторые новые историки стали видѣть въ пелазгахъ вообще населеніе, предшествовавшее греческому. Но греческіе писатели такъ не думали: пелазги у нихъ особый народъ, жившій въ разныхъ мѣстахъ Греціи среди туземного населенія, гораздо раньше классической эпохи. Нашествіе дарило пелазговъ изъ Греціи, и часть ихъ, смѣшивавшаяся съ туземнымъ населеніемъ, образовавшая, напримѣръ, іоніянъ, выселилась въ Малую Азію, другіе направились на западъ, въ Сицилію и Италию. Главная часть прибывшихъ въ Италию поселилась между Тибромъ и

Арио, гдѣ, какъ и въ Греціи, составляла меньшинство населенія. Эти поселенцы назывались у грековъ тирренами, у римлянъ этрусками. Обстоятельство, что это быть тотъ же народъ, который жилъ въ Греціи, объясняетъ многія черты сходства въ артистическомъ и религіозномъ отношеніяхъ между греками и этрусками.

„Нѣмецкая теорія“, производящая этрусковъ изъ Тироля, стоять въ противорѣчіи какъ съ греческими преданіемъ, такъ и съ археологическими фактами. Факты эти слѣдующіе: 1) Въ теченіе бронзоваго вѣка нѣтъ культурного различія между сѣверной и средней Италіей, при чёмъ не замѣчается сильнаго иностраннаго вліянія, которое бы указывало на свѣжую иммиграцію. Въ послѣдній періодъ этого вѣка могилы какъ на сѣверѣ, такъ и въ центрѣ полуострова представляютъ собой молодцы, въ которые опускали оссуарій съ прахомъ сожженаго трупа. Но съ наступленіемъ желѣза все измѣняется. Въ сѣверной Италіи, куда желѣзо проникло позже, продолжаются могилы колодцемъ и съ трупосожженіемъ; въ средней, рядомъ съ такими же могилами, является уже много съ трупопогребеніемъ и масса предметовъ, уже не имѣющихъ отношенія къ типамъ предметовъ бронзоваго вѣка въ Италіи. Однѣ изъ этихъ могилъ такія же ямы, какъ и наши могилы, съ входомъ въ нихъ сверху, другія въ видѣ камеръ, съ входомъ сбоку. Монтеллусь находитъ не совсѣмъ вѣрными мѣющіе, будто могилы a fossa въ Этруріи старше могиль a camera, и говорить, что „болѣе чѣмъ вѣроятно“, что послѣднія были современны первымъ. Доказательство этому онъ находитъ въ открытіи такихъ же круглыхъ могиль a camera со сводомъ, какія существовали въ Греціи въ микенскій періодъ, но, къ сожалѣнію, содержимое этихъ камеръ исчезло и неизвѣстно, что въ нихъ было найдено. Фактъ существованія двухъ обрядовъ, сожженія и погребенія, и для него объясняется существованіемъ прежн资料 населенія рядомъ съ этрускскимъ, но сожженіе въ этрусскій періодъ дѣлается все болѣе и болѣе исключительнымъ.

Прибытіе этрусковъ въ Италію Монтеллусь относитъ къ XI ст. до Р. Хр., но не считаетъ тирремовъ египетскихъ надписей XIV и XIII ст. за итальскихъ этрусковъ: тиррены въ XIV и XIII ст. жили только въ Греціи и Малой Азіи. Микенская культура, съ которой онъ такъ тѣсно связываетъ неизвестовъ, есть, говорить онъ, „древнѣйшая фаза восточной культуры, принесенной въ Европу; этрусская есть послѣдняя фаза той же самой культуры, проникшей дальше къ западу“ ¹⁾.

¹⁾ Ibid. p. 260.

Сообщение Монтелюса произвело сильное впечатление въ ученыхъ кругахъ Англіи, Франціи, Италии. Въ Англіи это было засвидѣтельствовано преніями въ томъ же засѣданіи, въ которыхъ приняли участіе Арт. Эвансь, Майресь и др. Во Франціи Солом. Рейнакъ далъ въ *L'Anthropologie* (1897) подробное изложение этого сообщенія, въ Италии то же сдѣлалъ Мариані въ *Cultura* (1898) и Де Кара въ *Civiltà Cattolica* (1898), а потомъ въ III томѣ „Гетеевъ-Палазовъ“ (1902). Возраженія, какія дѣлались, касались почти исключительно его хронологическихъ датъ, которая являются у него слишкомъ опредѣленными; и ихъ находили преувеличенными, особенно по отношенію къ эпохѣ могилы Regolini-Galassi въ Цере и современныхъ ей могиль Бернардини въ Пренесте, *tomba del Guerriero* въ Тарквіаніяхъ и *tomba del Duce* въ Ветулоніи, которая Монтелюсъ относилъ къ IX ст. до Р. Хр., несмотря на присутствіе въ двухъ изъ нихъ этрускіхъ надписей, чтобъ, по заявлению Монтелюса, не можетъ служить препятствиемъ для его хронологии, такъ какъ онъ не сомнѣвается въ существованіи этрускаго письма въ IX ст. Но главного пункта его сообщенія, происхожденія этрусковъ съ востока, никто уже не оспаривалъ. Такое разшеніе этруского вопроса казалось теперь уже выигрышнымъ.

Заслуга Монтелюса состояла въ томъ, что онъ провелъ свою теорію съ ясностью, обстоятельностью и полнотою, какія рѣдко встрѣчамся, и этимъ была окончательно устранена со сцены Нибуровско-гельбиговская теорія, какъ не имѣющая опоры ни въ преданіи, ни въ археології. Но мнѣніе, что этруски были пелазги, не принадлежитъ Монтелюсу; оно было высказано еще въ 1828 г. Отфридомъ Мильтеромъ¹⁾, значить 50-ю годами раньше, чѣмъ произошло открытие этруской надписи (или надписей) на о. Лемносѣ, гдѣ, по Геродоту²⁾, какъ и на о. Имбросѣ, жили пелазги еще около 500 до Р. Хр., надписи, оказавшейся вполнѣ родственной этрускимъ надписямъ³⁾. Но заслуга О. Мильтера, одного изъ самыхъ сильныхъ ученыхъ, какими можетъ гордиться Германія, ясно видѣвшаго тѣсную связь этрусковъ съ Малой Азіей и принявшаго фактъ пелазгической колоніи, въ лицѣ этрусковъ, въ южной Этруріи, стущевалась въ силу принятія имъ Нибуровской гипотезы о поселеніи въ Этруріи тирольскихъ разеновъ, которые смѣшились съ пелазгами и языкъ которыхъ будто бы и былъ этрускій.

¹⁾ *Etrusker*, 86 sq., изд. Deecke, 81 sq.

²⁾ V, 26. VI, 168 sq.

³⁾ Надпись, найденная молодыми французскими археологами Кузеномъ и Дюррабомъ, обнародована въ 1-й разъ въ *Bulletin de Correspondence hellénique* 1886, (X) 5.

Эта попытка совмѣстить сущность древняго преданія съ искусствен-
ной нубуровской комбинаціей и была причиной, почему теорія Мюл-
лера осталась, такъ сказать, мертворожденною, не обнаруживъ су-
щественнаго вліянія на ходъ этрускаго вопроса.

Но взглядъ Монтеліуса на этрусковъ, какъ на позднихъ пелазговъ,
стоить въ самой тѣсной связи съ теоріей о. Де-Кары, который въ
своемъ трехтомномъ трудахъ о гетеяхъ-пелазгахъ¹⁾ разработалъ съ об-
ширной ученостью вопросъ о пелазгахъ, начиная съ ихъ этническаго
происхожденія, исторіи и культуры и кончая ихъ переселеніемъ изъ
Азіи въ Европу, ихъ странствованіями по Греціи и Италії. Пелазги
и геты или геттиды для о. Де-Кары одно и то же племя. Монтеліусъ
не признаетъ этого тожества, но и не показываетъ, откуда
этотъ народъ, котораго онъ считаетъ носителемъ микенской куль-
туры въ Европѣ, ведеть свое происхожденіе. Несомнѣнно, однако,
что трудъ Де-Кары, печатавшійся въ теченіе многихъ лѣтъ по частямъ
въ *Civiltà Cattolica*, имѣлъ на его взглядъ на происхожденіе этрусковъ
извѣстное вліяніе. Шведскій археологъ, хотя высказавшій свое со-
гласіе съ литературнымъ преданіемъ древности еще въ 1889 г. на
Парижскомъ съездѣ по антропологии и доисторической археологіи,
быть можетъ не стоялъ бы такъ твердо на почвѣ пелазгического про-
исхожденія этрусковъ, если бы почва эта не была разносторонне об-
работана авторомъ „Л'етеевъ-Пелазговъ.“ Но онъ расходится съ рам-
скимъ ученымъ въ томъ, что принимаетъ прибытіе пелазговъ въ Италію
лишь къ началу желѣзнаго вѣка, въ IX ст. до Р. Хр., тогда какъ
Де-Карѣ²⁾ принимаетъ двоякое прибытіе пелазговъ въ Эtrurію: первое
изъ Фессаліи черезъ Адріатическое море, къ одному изъ устьевъ По,
согласно съ свидѣтельствомъ Гелланица, второе, болѣе позднее, къ
берегамъ Тирренскаго моря, то самое, о которомъ говоритъ Геродотъ,
и которое принимаетъ Монтеліусъ.

Мы въ этомъ случаѣ рѣшительно становимся на сторону Монте-
ліуса, такъ какъ не видимъ никакихъ археологическихъ основаній
принимать прибытіе пелазговъ къ берегамъ Адріатического моря ни
въ ту раннюю эпоху, какую этому прибытію назначалъ въ свое время
Кверичи,³⁾ въ эпоху энеолитическую, ни въ ту, болѣе позднюю,

¹⁾ Gli Hethi-Pelasgi. Ricerche di storia e di archeologia orientale, greca ed
italica, Roma 1894 — 1902, 3 тома.

²⁾ См. въ III томѣ главы IV, VIII и XX.

³⁾ Sepolcri di Remedello nel Bracciano e i Pelasgi in Italia въ *Bulletino di Paleont.*
ital. 1884 (X), 133 sq.

къ какой, повидимому, пріурочиваеть это плаваніе о. Де-Кара, XV—XVI¹⁾). Но въ то же время полагаемъ, что если прибытіе целазовъ изъ Фессалии къ устью По и не есть фактъ, который бы можно было допустить научнымъ образомъ, то онъ можетъ безъ вреда для вопроса о происхождении этрусковъ быть допускаемъ тамъ, гдѣ принимается прибытіе собственно этрусковъ къ берегамъ Тирренского моря въ эпоху, легко опредѣлимую данными всеобщей исторіи, хронологіи и археологии. Но слѣдуетъ считать положительнымъ промахомъ толкованіе Геродотова преданія о прибытіи этрусковъ въ землю умбровъ є; 'Ομβριούς, въ смыслѣ прибытія ихъ въ съверную Италію къ берегамъ Адріатического моря, какъ это раньше высказывалъ Лепсіусъ, а теперь известный парижскій керамографъ Поттье²⁾, поддерживаемый Пансомъ³⁾. Ошибка такого пониманія мѣста Геродота (I, 94) заключается не только въ томъ, что оно идетъ въ разрѣзъ съ толкованіемъ этого мѣста Дюнициемъ Галикарнасскимъ⁴⁾, который, передавая разсказъ Геродота, направляетъ переселенцевъ прямо къ западнымъ предѣламъ Италіи, єпі той; єστεριος μέρεσι τῆς Ἰταλίας, но и съ самимъ Геродотомъ, который, сказавъ о прибытіи въ землю умбровъ, непосредственно затѣмъ прибавляетъ: „тамъ они построили города и живутъ до сей поры“. Города, известные Геродоту, были, конечно, Цере (Агила), Тарквиніи, Вульчи, Сатурнія, Популонія и т. д., словомъ города, бывшіе известными уже не одно столѣтие греческими купцами и мореплавателями и всего болѣе юніямъ, древнѣйшимъ посѣтителямъ Тирренского моря. Какие же были этрускіе приморскіе города въ при-адріатической Этрurіи? Приморскіе города Атria или Hatria (Adria) и Спина являются по этимотологіи скорѣе умбрскими, чѣмъ этрускими⁵⁾, а потому считаются также греческими. Главный же городъ съверной Этрurіи, Болонья, древняя Фельсина, умбрскаго происхожденія, и этрускія могилы (Чертозы) относятся тутъ уже къ VI—V вѣку, чтобъ доказывать не раннее, а позднее завоеваніе этрусками этого края. И вообще не можетъ быть никакого сравненія между древностью археологическихъ памятниковъ чисто этрускаго типа южной или при-тирренской Этрurіи и древностями Этрurіи

¹⁾ Hethi-Pelasgi, III, 228 в 256.

²⁾ Въ *Journal des Savants*, апрѣль 1892, р. 251; въ Catalogue de vases antiques (Musée du Louvre), II. Paris, 1899, 297, sq.

³⁾ Storia della Sicilia e della Magna Grecia I. Torino-Palermo, 141 sq.

⁴⁾ См. мое Введение въ Римскую исторію, I, 194.

⁵⁾ См. Отфр. Мюллера Etrusker, 136 под. Деке.

съверной или при-адріатической. Потье выходить изъ ложнаго факта, будто этрусская культура шла отъ съвера къ югу, на что нѣть ровно никакихъ доказательствъ, и, слѣдя Мартѣ, въ свою очередь слѣдовавшему за Гельбитомъ, принимаетъ умбрскую культуру могиль съ сожженiemъ, могиль колодцемъ, т. е. культуру Виллановы, за культуру этрусковъ, что послѣ всего, нами сказаннаго, уже не требуетъ опроверженія. Слѣдуетъ развѣ прибавить, что и наиболѣе древкій фазисъ культуры Виллановы мы находимъ въ при-тиренской, а не въ при-паданской Умбріи.

Во всякомъ случаѣ интересенъ фактъ, что къ началу XX столѣтія даже и для тѣхъ, кто культуру Виллановы считаетъ этрускою, стало невозможно выводить этрусковъ изъ Альпійскихъ горъ, и происхожденіе ихъ съ востока стало неоспоримымъ. Поэтому не безъ удивленія мы прочли у одного изъ молодыхъ, но очень видныхъ итальянскихъ археологовъ, профессора Лучіо Маріані въ его вступительной лекції, сказаний имъ въ Пизанскомъ университѣтѣ въ 1900 г. слѣдующія строки: „Собравъ вмѣстѣ сдѣланныя нами наблюденія, мы видимъ, что нѣкоторыя идеи идутъ гордой и самоувѣренной поступью, другія прихрамываютъ, а третыи не отвѣчаютъ на перекличку, а это значитъ, что въ настоящій моментъ еще нельзѧ съ увѣренностью поддерживать такую теорію о происхожденіи этрусковъ, которая была бы сообразна съ истиной или очень близка къ ней. Мы открываемъ (прибавляетъ онъ) въ данныхъ много пробѣловъ и неизвѣстностей“¹⁾. Почтенный профессоръ, перебирая разныя мѣнія по этрускому вопросу, заблудился въ этой „selva oscura“ и уже не могъ выбраться на настоящую дорогу. Онъ не представлялъ себѣ, что пробѣлы и неизвѣстности есть во всякомъ вопросѣ, не только до-историческомъ, но и историческомъ, какъ древнемъ, такъ и новомъ, но это не мѣшаєтъ ученымъ, на основаніи ясныхъ и твердо установленныхъ фактовъ, приходить къ положительному заключенію. Безспорно, есть пробѣлы и неизвѣстности въ этрускомъ вопросѣ, именно въ хронологіи. Такъ, могильные памятники южной Этрurіи, особенно важные для опредѣленія этрусской хронологіи, не даютъ намъ несомнѣнныхъ данныхъ выше VIII ст. до Р. Хр. Монтеліусъ повышаетъ эти дамныя до IX, а Милани даже до X столѣтія, несмотря на присутствіе въ могилахъ, на которыхъ они ссылаются, этрусскихъ надписей. Съ Монтеліусомъ и Милани можно

¹⁾ De' piu recenti studi intorno alla questione etrusca, Pisa 1891, 32.

не соглашаться, но все-таки у насть есть твердый пунктъ, именно тотъ, что древнѣйшия памятники Этрурии, принадлежащіе могиламъ, въ которыхъ нѣть слѣда произведеній греческой торговли, относятся не позже, какъ къ VIII столѣтію до Р. Х. Раньше этого пункта былъ установленъ на основаніи данныхъ могилы Регулини-Галаси (въ Цере), гдѣ при всемъ богатствѣ содержанія нѣть ни одного предмета греческой торговли, и гдѣ привозная торговля представляется финикийскимъ (не кареагенскимъ) ввозомъ; теперь являются на помощь данные бронзовыхъ предметовъ и ювелирныхъ работъ, добытыя изъ могиль Ветулоніи. Произведенныя надъ этими данными тщательныя изслѣдованія Каро¹), ученымъ, раньше обнаружившимъ склонность понижать этрусскую хронологію²), заставили его признать, что все это богатство произведеній металлургического и ювелирного искусства, съ какимъ онъ тутъ встрѣтился, будучи несомнѣнно мѣстной этрусской работы (*tutti di arti indigena*), относится ко второй половинѣ VIII и къ VII столѣтію. Но здѣсь умѣстно указать на замѣчаніе, сдѣланное по этому поводу о. Де-Карой³), что невѣроятно, чтобы произведенія, достигшія столь высокой отдѣлки къ VII столѣтію до Р. Х., потребовали только 50 лѣтъ для достиженія этой высоты и что потому болѣе древняя изъ нихъ нужно отнести не только, къ первой половинѣ VIII в., но и выше.

Такимъ образомъ, у насть есть твердый пунктъ и въ хронологіи, именно VIII столѣтіе, пунктъ, установленный археологическими памятниками. Но очевидно, что этруски прибыли въ Этрурию раньше VIII столѣтія, къ которому относятся извѣстные намъ древнѣйшия памятники. Все заставляетъ думать, что Цере или Агила и Тарквіїи предшествовали основанію Кумъ, древнѣйшей греческой колоніи въ южной Италіи. Будь иначе, греки не могли бы не отмѣтить момента прохода значительной флотиліи тирреновъ вдоль западныхъ береговъ Италіи; съ другой стороны, и то обстоятельство, что греческая колонизація въ Италіи не двинулась съвериѣ Неаполитанскаго залива, показываетъ, что къ началу ея берега средней Италіи были уже во власти другихъ колонизаторовъ. Да и сама национальная хронологія этрусковъ, начало первого вѣка (*saeculum*) которой восхо-

¹) *Le oreficerie di Vetusonia* въ *Studi e materiali di archeologia e numismatica I* 2, (Firenze, 1901), 235—283; 1902, 97—147.

²) *Bulletino di Paletn. Ital.* 1898, p. 160.

³) *Civiltà Cattolica* 15-го ноября 1902, p. 2 отд. оттиска.

дить къ половинѣ XI столѣтія до Р. Х., также подтверждаетъ пребытіе ихъ въ Италию въ болѣе раннее время, чѣмъ на то указываютъ известные до сихъ поръ памятники ихъ существованія, древнѣйшіе изъ которыхъ даютъ намъ некрополи Цере, Тарквиній, Вульчи, Ветулоній.

Языкъ этруссій все еще остается загадкой, но и тутъ открытие лемносскихъ надписей съ одной стороны, все болѣе выясняющаяся грамматическая близость его къ кавказскимъ языкамъ (Паули), особенно къ сѣвернымъ (Томсенъ), съ другой, а также существование въ греческихъ киликийскихъ надписяхъ именъ, сложенныхъ съ Тархон Тархон Трохон¹⁾, что явно напоминаетъ этруссія Tarchun, Тархун, Tarchna (Targuinus), а въ вавилонскихъ Тель-эль-Амарны существование имени Tarchundaraba (по другимъ Tarchundaraus)²⁾, прямо ведутъ насъ въ Азію или, по крайней мѣрѣ, служатъ опорой къ доказываемому другими путями мало-азійскому происхожденію этрусковъ.

Соединивъ вмѣстѣ представленные нами доказательства и соображенія, мы приходимъ къ неизбѣжному выводу, что этруски народъ мало-азійскій. *Tuscos Asia sibi vindicat!* Выводъ этотъ мы имѣемъ право считать научнымъ.

Такова настоящая стадія этрусскаго вопроса³⁾.

В. Медестовъ.

¹⁾ См. Kretschmer, *Einführung in die Geschichte der Griechischen Sprache*, Göttingen 1896, 362.

²⁾ См. Justi въ *Berliner Philologische Wochenschrift*, 1903, 370.

³⁾ Статья эта представляетъ собой сокращеніе части содержанія второго тома моего „Введение въ Римскую Исторію“, который долженъ помянуться осенью текущаго года.

ИЗЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Нынѣшній учебный 1902 — 1903 годъ мнѣ пришлось быть въ исключительныхъ условіяхъ, благодаря которымъ я могъ ближе познакомиться съ памятниками византійско-славянской литературы, изъ коихъ иные уже раньше служили предметомъ моихъ изслѣдований, а иные — привлечены были вновь. Памятники, подвергшіеся изученію и болѣе подробному наслѣдованію, принадлежать къ области хронографической, которая до сихъ порь еще недостаточно изучена. Изъ дальнѣйшаго видно будетъ, что я имѣть въ виду исторію такъ называемаго Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца, хронику Иоанна Малалы, хронику Георгія Синкелла, а съ этими памятниками связывается исторія Толковой Палеи въ ея послѣдующихъ редакціяхъ и нѣкоторые другіе памятники, связанные какъ съ послѣдней, такъ и съ первыми. Всѣ эти памятники очень обширны по объему и ни одинъ изъ нихъ не изданъ. Поэтому, и детальное опубликованіе своихъ изслѣдований надъ ними требуетъ продолжительного времени. Въ виду этого, я полагаю, не безполезно подѣлиться съ ученой публикой въ общихъ чертахъ съ тѣми положеніями, которыхъ я могъ вынести изъ изученія. Предоставляя себѣ право видоизмѣнить тѣ заключенія, которыхъ мнѣ теперь представляются вѣроятными, я не думаю, чтобы могущее быть видоизмѣненіе выводовъ коснулось основныхъ положений. Но детальная разработка, съ одной стороны, и указанія могущей быть критики на настоящее предварительное опубликованіе могутъ, во всякомъ случаѣ, внести нѣкоторыя измѣненія въ выводы, или же, наоборотъ, подкрѣпить послѣдніе новыми фактами. Вотъ почему, я, не рѣшаясь откладывать сообщеніе своихъ наблюдений на неопределенное время, нахожу полезнымъ дать конспективное

иъ изложение. Это тѣмъ болѣе полезно, что въ настоящее время все болѣе и болѣе выясняется требование ставить каждый памятникъ въ опредѣленный кругъ, т.-е. указывать его долю участія въ исторіи древне-русской литературы. Поэтому можно, не вдаваясь въ детальную тонкости, высказать нѣсколько общихъ соображеній о развитіи древне-русской литературы, о дѣленіи ея на періоды, о главнѣйшихъ ея направленихъ, о хронологіи, однимъ словомъ — о методѣ изученія древне-русской литературы. Специалистамъ, конечно, хорошо известно, что въ послѣднее время этотъ вопросъ оживился въ ученой литературѣ, и разнаго рода рефераты и появленіе такихъ статей, какъ „Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности“ Н. К. Никольского, заслуживаютъ, чтобы на нихъ остановиться.

I.

Хроника Георгія Синкелла.

Въ собраніи Ундорльскаго, хранящемся въ Румянцевскомъ Музѣѣ, находится одна рукопись, заключающая въ себѣ хронику Георгія Мниха, именуемаго Амартоломъ, № 1289, XV вѣка. За окончаніемъ хроники Георгія Мниха, съ листа 396 начинается другая хроника, о которой самъ Ундорльский въ своемъ описаніи сказалъ, что она походитъ на хронику Синкелла. Ундорльский прочитывалъ славянскую хронику, повидимому, очень внимательно и сравнивалъ ее съ греческимъ текстомъ по парижскому изданію, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хроники, на поляхъ остались его отмѣтки,—Synk. стр. такая-то. Кромѣ Ундорльскаго, до этой хроники не касался никто. Заглавіе хроники такое: „Начало и благословеніе и ш дѣлѣ вѣлій и ѿчидѣніи, иже сѧтвори исправа и лѣтомъ оуказаніе порядъ въ црквѣ и прѣпѣтъ до Христу, и апѣлъ и мѣнцикъ и сѣлъ“. Начинается она такъ: „Прѣблгии ѿ єхъ и тревлагни, іго славимъ ѿ единѣ вѣтѣ и въ тре' оупостаскѣ рикше союстьѣ“, съ вѣтъ иныхъ прио съ и прежде вѣка ягѣ съ, прѣпѣтъ вѣка оутвари помышль сѧтвори сѣты снаы аглакы“. Ундорльский замѣтилъ, что хроника принадлежитъ къ числу рѣдкихъ, и сдѣлалъ ссылку на I томъ полнаго собрания русскихъ лѣтописей, стр. XVI, где сказано, что Археографическая комиссія при изданіи первого тома лѣтописи пользовалась, между прочими, рукописью Костромскаго Боголюбленскаго монастыря, № 295, XV вѣка, на 615 листахъ, и изъ приведенного заглавія видно, что въ этомъ спискѣ за хроникой Амартола слѣдовала та же самая хроника Синкелла,

что и въ спискѣ Ундорского. Принимая во вниманіе, что I томъ лѣтописей вышелъ въ 1846 г., а въ слѣдующемъ году Костромской Богоявленскій монастырь сгорѣлъ, можно быть увѣреннымъ, что Археографическая комиссія указанной рукописи назадъ не возвратила; а такъ какъ, далѣе, въ настоящее время среди оставшихся послѣ пожара въ Богоявленскомъ монастырѣ ея также нѣть, а въ Археографической комиссіи нѣть никакого слѣда этой рукописи, то надо думать, что кодексъ этотъ, по обыкновенію, затерялся и попалъ или въ частные руки или въ какую-нибудь библіотеку, гдѣ и будетъ лежать до счастливаго времени, когда случайно кто-нибудь его вытащить изъ подъ спуда. Кромѣ этого списка, есть еще одинъ, на который указалъ мнѣ профессоръ Н. К. Никольский—списокъ Софійской библіотеки № 1474 (см. описание сборника у Н. Никольского въ его статьѣ „Рѣчь тонкословія греческаго“, изд. Общ. Люб. Др. Письм. № CXIV. 1896 г.). Къ сожалѣнію, этотъ послѣдній списокъ представляетъ довольно близкую копію списка Ундорского, имѣя тѣ же несомнѣнныя пропуски и большинство ошибокъ и искаженій, такъ что въ немногихъ лишь случаяхъ оказываетъ существенную помощь для восстановленія правильнаго чтенія. Вотъ и всѣ пока полные списки разматриваемой хроники.

Кромѣ указанныхъ полныхъ списковъ хроники, отрывки изъ нея встрѣчаются въ нѣкоторыхъ компиляціяхъ. Мнѣ известны двѣ выдержки изъ хроники. Во-первыхъ, въ Синодальномъ спискѣ № 154, въ исторической компиляції, помѣщенной въ началѣ рукописи, читаются извлеченія изъ начала хроники, начинающіяся заглавіемъ: „Благословеніе ітого Григоріа, на преднаше взгѣратицѧ“. Не нужно думать, что имя Григорія стояло въ оригиналѣ хроники, откуда авторъ Синод. 154 сдѣлалъ свое заимствованіе: онъ извлекъ это имя изъ тотчасъ же слѣдующаго упоминанія св. Григорія: „Сице во гдѣни Григоріи глагѣтъ, си четѣ старѣніи си въ агѣтѣ“ соупостатъ ся пятью творцоу и ся юностию своею“ и т. д. Выдержки читаются въ очень небольшомъ количествѣ, ограничиваясь только лишь началомъ хроники, можетъ быть потому, что въ самомъ спискѣ 154 мы находимъ только начало исторической компиляціи. Между прочимъ, находимъ такое упоминаніе обѣ Енохѣ: „и оугоди єнѡ б҃гоу, пожмыхъ къ гдѣніи аѣтѣ“ т. д., не шварафика (въ Синод.—не шверѣтшика). преставасъ во вѣкъ въ болѣою жизнъ, седмыи си ѿ Адама, престависа. и мнатъ же и прѣстасъ сего въ патерыхъ книгѣ въ таний“. Такъ какъ въ спискѣ Синод. 154 хроника Синклелла взята какъ составная часть какой-то исторической компиляціи, то редакторъ

послѣдней не старался переписывать буквально, но дѣлать измѣненія, хотя и очень незначительныя, по большей части въ отдельныхъ сло-вахъ. Въ большинствѣ такихъ вариантовъ Синод. списокъ стоитъ одиноко, не сходясь и съ Софійскимъ текстомъ. Однако, въ нѣкото-рыхъ случаяхъ чтеніе Синод., уклоняясь отъ чтенія списка Ундоль-скаго, сходится съ Софійскимъ. Такъ въ Унд. читаемъ: „ти мко вина испи супника шважки“, а въ Синод. Соф.—„и супника супы и супажки“. Однимъ словомъ, замѣчается то соотношеніе между отдельными спис-ками, которое является обычнымъ въ такого рода случаяхъ.

Другіе отрывки встрѣтились въ другой исторической компиляціи въ сборникѣ Новгородской Софійской библіотеки, XVI вѣка, носящемъ помѣту Б. 110, К. 143 и находившемся, когда я имъ пользовался, въ Археологической комиссіи. Отрывки читаются на листахъ 136—147 и соответствуютъ въ Бонискомъ изданіи хроники Синкелла слѣду-ющимъ мѣстамъ: 1) 676,1—686,14; 2) 705,1—714,16; 3) 720,11—14; 4) 722,3—723,12; 5) заимствовано частію то, что принадлежитъ не Синкеллу, а Феофану; объ этомъ ниже. Сравнительно съ полнымъ текстомъ хроники, этиоть отрывокъ также частію представляетъ про-пуски, частію дополненія, изъ которыхъ иные оправдываются греческимъ текстомъ, особенно послѣднія. Въ общемъ отрывки отли-чаются скорѣе пропусками сравнительно съ полными списками. По-видимому, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ остаткомъ ка-кой-то исторической компиляціи, въ составъ которой входила, между прочимъ, въ извлеченіяхъ и хроника Синкелла. Но отрывки эти, несомнѣнно, одного происхожденія съ полнымъ текстомъ хроники, такъ какъ, помимо буквального сходства въ упѣлѣвшихъ мѣстахъ, за это говорить и заимствованіе части, соответствующей Феофану, значение чего сейчасъ будетъ указано.

Такимъ образомъ, наши свѣдѣнія о древне-русской хронографи-ческой литературѣ должны увеличиться еще одной хроникой. Кроме общизвестныхъ хроникъ—Іоанна Малала, Георгія Миха, Константина Манассія, Симеона Метафраста—послѣдняя, впрочемъ, не играла большой роли въ древне-русской литературѣ,—мы знаемъ еще одну хронику, которая, дѣйствительно, можетъ называться хроникой Син-келла, какъ впервые и единственно высказалъ Ундольский.

Что же это за хроника и какое ея отношеніе къ греческому текс-ту, известному по Бонискому изданію? Въ данномъ случаѣ по-вторяется то явленіе, которое часто наблюдается въ области перево-дной славяно-русской литературы, а именно, то, что переводъ не

соответствует обычному, бывшему въ большомъ распространеніи у византійцевъ греческому тексту, но представляетъ собой передачу особой редакціи послѣдняго, которая иногда и не отыскивается, по крайней мѣрѣ цѣликомъ, среди дошедшихъ до насъ рукописей. При первомъ знакомствѣ можно властъ въ заблужденіе, и уклоненіе славянскаго перевода отъ извѣстнаго греческаго оригинала относить на долю свободы со стороны переводчика. Можетъ быть, единичные случаи такого свободного отношенія и бывали—я говорю, впрочемъ, не о свободѣ资料 самаго способа передачи греческаго текста, а о свободѣ выборки тѣхъ или другихъ частей переводимаго памятника со стороны переводчика, но большее сравненіе славянской переводной литературы съ соответствующей византійской заставляетъ отнимать у древне-славянскихъ переводчиковъ свободу выборки. Такъ и въ данномъ случаѣ. Унольский былъ правъ, когда, сличивъ славянскій текстъ съ извѣстнымъ ему греческимъ, осторожно выразился, что мы имѣемъ дѣло съ хроникой, похожей на хронику Синкелла. Дѣйствительно, если еще вторая часть хроники близка къ греческому оригиналу Синкелла, то довольно трудно замѣтить это сходство въ первой части.

Хроника Георгія Синкелла не была особенно распространена въ византійской литературѣ. По извѣстнымъ въ настоящее время описаніямъ греческихъ рукописей можно насчитать въ различныхъ библіотекахъ до 15 списковъ хроники, изъ которыхъ двѣ парижскихъ взяты при изданіи ея Дандорфомъ въ Бонской серіи. Я просмотрѣлъ еще съ десятокъ списковъ, носящихъ имя Георгія Синкелла, и не замѣтилъ между ними никакого отличія, кроме самыхъ незначительныхъ случаевъ. Но уже изъ описанія списковъ хроники Феофана, изданного ле-Бооромъ, въ его изданіи послѣдней хроники, можно было усмотрѣть, что 1) иѣкоторые списки хроники Синкелла начинаются съ исторіи Юля Цезаря и 2) въ иѣкоторыхъ спискахъ за хроникой Синкелла непосредственно слѣдуетъ хроника Феофана. Послѣднее обстоятельство объясняется, именно, тѣмъ, что самъ Феофанъ въ предисловіи называетъ свою хронику какъ бы продолженіемъ хроники Синкелла, говоря, что по смерти послѣдняго онъ получитъ въ наслѣдство материалы, собранные Синкелломъ, и обработалъ. Поэтому, читатели и находили вполнѣ цѣлесообразнымъ соединять обѣ хроники вмѣстѣ.

Ближайшее сходство рассматриваемой славянской хроники съ извѣстными греческими текстами Георгія Синкелла начинается приблизительно съ исторіи Юля Цезаря, т. е. тамъ, съ чего обыкновенно

начинаются списки хроники, содержащие только вторую часть. Но должно замѣтить слѣдующее несовпаденіе. Означенные греческіе списки начинаются съ соотвѣтствія печатному изданію 566,11—Портрѣтъ обу по-люоріа лафѡн та 'Іерасілима 'Аристофеніон мὲн бѣзмѹ сѹ тогї паків 'Алек-сандрѡ хай 'Антічонѡ хатеї/ев еіс Рѣшту апішн..., т.-е. съ столкновенія Помпея съ Юлемъ Цезаремъ. Въ славянской хроникѣ исторія Помпея разсказана не по изложенію Синклелла, и по окончаніи ея дѣлается заключеніе: „глагоуетъ“ лѣта субо ѿ Идама да и до Римскаго единовластія лѣ-ть, „иаг“. Засимъ слѣдуетъ заглавіе—„Слово Римскому члененемъ по-ложї лѣта“ и чрезъ нѣсколько строкъ идетъ такое счисленіе: „Битиши-ха же Принадѣльна не моваше поворица, да же начинши давати прозваса свободница. ти вѣнѣнѣ скободномъ численнѣ прѣвое лѣто, еї вѣнѣнѣ Римскому единовластію прѣвое лѣто. шлѣмпіа ѿтныа и п.-тныа и третыа второе лѣто. вѣлзижса непроуетъ ѿ лѣте“, имѣлъ многажи принаучитьъ томоу быти первому и второму, понѣ не вси въ тѣ мѣцѣ начинай части. шлѣмпіа во по Макѣнѣ десяты мѣцѣ творитьъ, третыго мѣцѣ, и по Римлано третыи, шестыи мѣцѣ есть и вѣрѣи прѣвѣ, вѣгунтаномъ прѣвѣ, и по Македоніемъ девятыи. аще да не вѣдуоу прибыточннн кнекостѣ вѣско вѣдзихъ вѣ едини лѣтѣ и не вѣ вѣ“ вѣдзетъ“. Этому счисленію нѣть соотвѣтствія въ греческихъ текстахъ. За этимъ идетъ исторія Юля Цезаря, начинающаяся такъ: — „Но Помпей оумѣтвіи Ноуали кесарь вѣ Иудѣю прише“, Битипатрѣ также и прежніи строн-теля вѣ Палестинѣ шврочи, Фурканѣ иерѣя послѣ стѣны искалены вѣзгра-анти“, что отчасти соотвѣтствуетъ греческому 574,3—5: Πάτιος Τιόδιος Καισαρ ἐλѹшн еіс тѣу 'Іоудаіа мета тѡу Портрѣтъ Нáватов ап' Аїгулттоу вѣфбаю тѣу архулу іерѡсунн; 'Грехауѣ хай 'Антікатауѣ бунахтеіас; аїреоси дѣдо-сив. Затѣмъ идетъ небольшое сказаніе объ Иродѣ и послѣ словъ „вѣ шлѣмпіа. рѣд. Ноуали кесари цѣ нарече“ — послѣ этого слѣдуетъ, очевидно, какой-то пропускъ, такъ какъ съ слѣдующаго слова начинается пол-ное соотвѣтствіе греческому тексту 581, 18 съ половины фразы— „eu тѣу мѣдѣ аїнарета, 'Грехау; бѣ 'Антічонѡ пареббѣтъ ҃ѡу =, на рати оумѣ. Фурканѣ же живѣ преда вѣ Битигону“. Отсюда уже можно слѣдить за со-отношеніемъ славянского текста греческому. Въ общемъ славянскій перево-дъ довольно близокъ къ греческому оригиналу и отличается отъ него главнымъ образомъ пропусками и дополненіями, а иногда перево-дъ представляетъ свободное изложеніе оригинала. Дополненія, а особенно пропуски встрѣчаются иногда довольно значительные, обы-кновенно не оправдывающіеся упомянутыми греческими текстами. Одинъ только пропускъ находитъ соотвѣтствіе въ нѣкоторыхъ греческихъ спискахъ. Такъ, въ славянскомъ текстѣ нѣть соотвѣтствія греческ.

584,19 — 609,18, такъ что сходство оканчивается на такомъ соотвѣтствіи:

"*Ην ὁλιμπιὰς ρπθ', ητις πρὸ τ' κα-
λανδῶν Μαρτίων κατὰ Ἀντιοχεῖς καὶ
ῆγθη, δὲ τοῦ ἐπὶ τῶν ιδίων ὄρους ἔστη
ὁ ἑνίαυτος;*" 584, 18.

"*εἰς ωλύμπια ρῦδ, μακρὸν πρέπει ἐς κα-
λανδὰς μαρτ., μήτε εἴς ποτε Πιντιωχὴν
καὶ [μεριτόν?] ενὶδε, τούτῳ μέσῳ σειρ
ενὶδε λέπτον*"

Затѣмъ соотвѣтствіе начинается:

"*Τὸ δὲ καθ' ἑκαστον τῶν πράξεων
αὐτοῦ καὶ θεραπειῶν σωμάτων καὶ
ψυχῶν καὶ τῶν τῆς γυναικεώς ἀποκρύ-
φων, ἀναστάζεώς τε τῆς ἐκ νεκρῶν
ἀνταρχεστάτοις πρὸ θύμων μαθηταῖς
τε καὶ ἀποστόλοις αὐτοῦ δεδήλωται.*"
609,18.

"*α ἡγε-
μανία εμού οικείεντα διέβε-
να καὶ τελείωνα δανα δύσηνο
επικροτεῖνε βράτυτον κακταντού οὐκ
μόρτων καὶ οικέτηι μνημονίηι
απλοὶ γαμήλιοι προποκέδανον εἶναι.*

Но въ двухъ греческихъ спискахъ, начинающихся съ исторіи Юлія Цезаря, встрѣчается тотъ же пропускъ, продолженный, впрочемъ, далѣе: 1) въ сп. Мюнхенской Королевской библіотеки № 391 и 2) въ сп. Парижской Национальной библіотеки de Coislin. № 327: тамъ и тутъ пропуски по печатному изданію 585, 1—612, 18, т.-е. пропускъ начинается строкой позднѣе, чѣмъ въ славянскомъ, но продолжается на три страницы далѣе, такъ что, напримѣрь, въ мюнхенскомъ спискѣ чтеніе такое: *πίπτει τῷ ἑκόσει* (585, 1), *ἐπὶ συντελείᾳ παραλαμβάνεσθαι* (612, 18). Такое совпаденіе, хотя и неполное, заставляетъ думать, что уже въ оригиналѣ славянскаго текста былъ соотвѣтствующій пропускъ, и это даетъ основаніе думать, что и другіе большиe пропуски могли быть уже въ греческомъ оригиналѣ, тѣмъ болѣе, что и другія особенности славянскаго текста заставляютъ предполагать, какъ увидимъ, существованіе особеннаго передѣланного текста хроники. Въ славянскомъ, впрочемъ, текстъ пропуска не ощущается, такъ какъ за 584,18 идеть краткая рѣчь объ Иродѣ и его потомствѣ до взятія Іерусалима Титомъ и Веспасіаномъ, при чемъ авторъ заканчиваетъ свое изложеніе словами — „но шко посѧже ρѣхō, а дроугое ѿ сего“, послѣ сего переходитъ опять къ Августу и Тиверію, — „*βις πατος οιδεστα λέπτο
Τιγερια καρα βλαστι, α Πονατικι Πιλατι βασιε η Ιοδαι ιγειδο κα γροντια,*
четвертоблагій гноке Иродиин блжъ Ирб и Филиппос и Луисанъ, а при архнерѣни
Динѣ и Камдѣ пѣт гнено гнѣ къ Ишанну Захаріину гнѣ и прорицаше ѿ
хѣ, дондеже мениса, проповѣдаа іргбо, да привѣгающе къ немъ вѣчною жизнью

примша" — и затѣмъ то, что приведено выше. Такимъ образомъ, дѣло представляется такъ, что среди греческихъ списковъ, кромѣ такихъ, которые имѣли пропускъ, подобный пропуску въ указанныхъ Мюнхенскомъ и Парижскомъ спискахъ, были и такие, где этотъ пропускъ былъ возмѣщенъ краткимъ изложеніемъ исторіи Ирода, чѣмъ являлось какъ-бы продолженіемъ предшествующаго разсказа объ Иродѣ. Такой-то списокъ, съ такимъ-то замѣнившимъ или, быть можетъ, восполнившимъ пустое мѣсто разсказомъ и послужилъ оригиналомъ для славянскаго перевода.

Я сказалъ, что рассматриваемая вторая часть хроники отъ греческаго текста отличается главнымъ образомъ пропусками и дополненіями. Отмѣчу главнѣйшія тѣ и другія, въ порядкѣ Бонинскаго изданія.

610,18 καὶ λόρος αἰρεῖ, ὅτι ἐβδομάχοντα ἐβδομάδες εἰς τοῦτον συναιροῦται τὸν χρόνον ἐν τῷ Δανιὴλ. καὶ μὲν ἑτερα. Вмѣсто послѣднихъ словъ въ славянскомъ текстѣ слѣдуетъ передача самаго видѣнія Даниила о 70 седмицахъ, и затѣмъ идетъ толкованіе: „и оубо превѣтнѣи сице имын много и проглакно назнаменоутъ, но намъ еже εἴ τρετέ λέτε δέльма καὶ νέ“, тоже и изземишъ, положї начатѣ лѣтѣ, ико и ρѣ“ — и послѣ краткаго изложенія послѣдующихъ событий авторъ говорить: „ище ли ψηνѣδѣ иѣшкоудоу начне“ честн., а не ψилюду, ни лѣтѣ стекоутъ и много не въ лѣпотѣ соупротивѣ вѣдеть... Трудно само по себѣ сказать, какой текстъ для Синкелла долженъ считаться первоначальнымъ — обычный ли или оригиналъ славянскаго. Возможно, что слова оригинала καὶ μὲν ἑτερα дали поводъ одному изъ послѣдующихъ редакторовъ распространить *ἑτερа* самимъ видѣніемъ и его толкованіемъ. Но принимая во вниманіе дальнѣйшія соображенія о первоначальности вообще славянскаго перевода, т. е. его оригинала, нужно и въ данномъ случаѣ въ греческомъ текстѣ видѣть сокращеніе. Пока я не могу сказать, откуда заимствовано толкованіе.

611,15 — 612,8 μὴ δῆ τις ἡμᾶς τῶν κατ' ἀστρονομίαν — καὶ ταῦτα περὶ ὀλύμπων χρόνων καταγίνεται нѣть въ переводѣ.

620,14—21 τῶ αὐτῷ ἔτει Ιάκωβος — прѣвѣтъ; εἰς ἀποστολήν, нѣть въ переводѣ.

621,19—622,5 Σηκανός ἐπαρχος Τιβερίου — τῆς ὄλης ἐκκλησίας ἐπιβουλή, нѣть въ переводѣ.

625,3—13 αὐτος καὶ τὸν Πούλιον — Πλούταρχος ὁ Χαρωνεὺς ἱστορεῖ нѣть въ переводѣ.

653,19—654,16 ὅπως αὐτὸν ἐπίσκοπῷ τινὶ—τὴν μετάνοιαν διαδαχθῆναι
ἐν αὐτῷ—и быть въ переводѣ.

659,18—660,7 Ἰουδαῖοι κατὰ Λιθόην—ἐπίσκοπος Λευίς ἔτη δ', и быть
въ переводѣ.

664,16 послѣ фразы Οἰδόγεσσος Πάρθων βασιλεὺς τὴν Ρωμαίων χώραν
κατέδραξε = „Ишлогох Параскым цѣю въ Римскаа мѣста преходи“ въ пе-
реводѣ читается значительная вставка сравнительно съ греческимъ
текстомъ, начинаяющаяся такъ: „Ω σαμὲ Θηλεсѣ Ишнедж гѣть рѣки:
принде^т къ Зантоѣ, цѣю Пднакинъкомъ, сѡ ѿ Параскаго цѣла послѣ“ и окан-
чивающаяся—„в ней писаше“ Дачискоу и Сачискоу роукъ беланкоую прешани-
лароу Шинесткии его и сх вон гравашоу Параскага лѣ“, да не оутѣкъ иначе^ш
клипать. Вставка эта, дѣйствительно, взята изъ Іудейскихъ Древностей
Іосифа Флавія ХХ, 87—91 по изданию Niese. Очень трудно сказать,
гдѣ сохранилась первоначальная редакція Синкелла. Въ его хроникѣ
мы встрѣчаемъ не мало заимствованій изъ Іосифа Флавія, и притомъ
съ указаниемъ автора, а потому вполнѣ вѣроятно, что позднѣйшій
редакторъ счелъ возможнымъ и съ своей стороны сдѣлать заимствованіе
изъ того же автора. Не можетъ ли дѣло представляться иѣсколько
инымъ? Не будетъ ли оригиналъ славянскаго перевода болѣе древней
редакціей, и не представляетъ ли онъ черновую, первоначальную ра-
боту того же Синкелла, который впослѣдствіи выпустилъ хронику въ
болѣе обширномъ и обработанномъ видѣ? Этотъ вопросъ окончательно
можетъ быть решенъ только послѣ всесторонняго изученія хроники,
и если бы это было такъ, то и на указанную только что вставку
можно бы смотрѣть какъ на бывшую въ первичномъ оригиналѣ и вы-
пущенную впослѣдствіи самимъ же Синкелломъ.

665,15—666,1 Ταὶ χριστιανῶν εὐχαῖς ὁ Ρωμαῖον στρατὸς—ἐπίσκοπος
Γαῖος; ἀλλος ἔτη γ' и быть въ переводѣ.

668,15—669,6 Ἀντιοχεῖς; ἐβδόμος; ἐπίσκοπος—ἐβασίλευσε Σευῆρος ἔτη
η' и быть въ переводѣ.

673,1—9 κόσμῳ ἔτη εἴρι—Ιερμανίων ἔτη δ' и быть въ переводѣ.

694,16—704,22 Ἄλλοι δὲ πλεῖστοι κατὰ χώρας καὶ κώμας—καὶ δύο
τοῖς εἰς αὐτῶν ὄμολογητῶν ἀποστᾶσιν αὐτοῦ καὶ τῇ ἐκκλησίᾳ ἐνωθεῖσι, и быть
въ переводѣ.

706,20—714,1 νοὶ ἕως δὲ τὸν Εἰσέβιον τὸ τῆς θείας ἀρετῆς—καὶ περὶ
μὲν τούτων τοσσοῦτα и быть въ переводѣ.

718,1 — 720,10 Ἄξιον δὲ καὶ Διονυσίου τοῦ μεγάλου—οὐ μὴν δὲ καὶ
Μαχρίνου ταῦτα ὁ μέγας λεγω Διονύσος; и быть въ переводѣ.

Я указаъ наибольшіе крупные пропуски и дополненія. Кромѣ ихъ, переводъ отличается отъ извѣстныхъ греческихъ текстовъ въ этой второй половинѣ множествомъ мелкихъ добавленій и пропусковъ, начиная съ одного слова и кончая иѣсколькими строками. Все это указываетъ, что оригиналъ славянскаго текста долженъ считаться особой редакторской работой, которая доказывается еще и тѣмъ, что она состояла не только въ пропускахъ и дополненіяхъ, но и въ передѣлкѣ текста и въ замѣнѣ одного другимъ. Конечно, когда славянскій текстъ на небольшомъ пространствѣ отступаетъ отъ греческаго, въ очень многихъ подобныхъ случаевъ это отступление съ большимъ основаніемъ можно относить и на счетъ свободы со стороны переводчика, который не вездѣ гнался за буквальностью. Но встрѣчаются отличія на большомъ пространствѣ, что и заставляетъ относить ихъ къ двумъ греческимъ редакціямъ. Таково, напримѣръ, соотношеніе между славянскимъ и греческимъ текстами въ предѣлахъ печатнаго изданія 614,4 — 619,14, где идетъ рѣчь о разногласіи въ хронологіи. Въ греческомъ текстѣ заимствовано изъ Евсевія Памфіла и въ общемъ изложеніе пространнѣе, нежели въ славянскомъ, где различіе въ хронологіи объясняется тѣмъ, что оно можетъ быть „иан влази ии пишоуща гагрѣши... ибо ει знаменіи пишема численна надолѣ искажа неизвестна воудоуть, ико ει. егда речε зѣлоу і, шже га и чертица га грѣна иказитъ, то иѣ разоумѣти, ита ли ει была или пн. тоже и егда ли беруща са черта иказить, то не видѣти, пн ли ει и и ли“ (Соф. или й). Можно прямо сказать, что въ какой-то редакціи одинъ текстъ былъ переработанъ и видоизмѣненъ до невозможности ихъ сопоставлять.

За окончаніемъ соотвѣтствія перевода греческому тексту, славянская хроника имѣеть небольшое продолженіе, въ Ундорской отмѣтиль это продолженіе именемъ Феофана, хотя и съ знакомъ вопроса. Продолженіе, дѣйствительно, есть начало хроники Феофана, оканчивающееся по изданію де-Боора на стр. 23 словами: „ци же великии юта грѣхоторити на рабноклавиши быша вѣзантія на костокахъ зраще бышъ влагова гроба, идѣ мѣнати станиши корабленое быаше вришёше“=греч. θείφ δὲ νεύσατε κινούμενος ὁ εὐσεβής Κωνσταντῖνος πόλιν εἰς ἴδιον ὄνομα κτίσαι νουθηθεῖς ἐν τῷ πρὸ τοῦ Ἰλίου πεδίῳ ὑπέρ Αἴαντος τάφον, οὗ δῆ φασι τὸν ναύσταθμον ἔσχηκέναι τοὺς ἐπὶ Τροίαν στρατεύσαντας “Ελληνας.“

Я указаъ выше, что во многихъ мѣстахъ вслѣдъ за хроникой Синкелла слѣдуетъ хроника Феофана, и потому можно бы думать, что переводчикъ имѣть подъ руками такой именно греческій списокъ, и, переведя хронику Синкелла, по ошибкѣ перевелъ и на-

чало хроники Феофана, но, замѣтивъ скоро свою ошибку, бросилъ. Это было бы самое простое объясненіе. Но тутъ возникаетъ одно недоумѣніе. Во всѣхъ спискахъ, связанныхъ и не связанныхъ съ хроникой Синкелла, хроника Феофана имѣть заглавіе и предисловіе, о которомъ я говорилъ выше. Трудно предположить, поэтому, чтобы писецъ или редакторъ не замѣтилъ ни того, ни другого. Если же онъ замѣтилъ, то непонятно, почему онъ остановился на началѣ хроники. Съ другой стороны, и сама хроника Синкелла въ перевѣдѣ является анонимной, хотя авторъ ея съ начала до конца проводить свое авторство или въ видѣ „я“ или въ видѣ „мы“. Это также заставляетъ ставить вопросъ, должны ли мы смотрѣть на оригиналъ перевода, какъ на послѣдующую редакцію хроники? Не будетъ ли она представлять собой болѣе древній видъ хроники, кто бы ее ни составлялъ—самъ ли Синкелль или кто другой. Я нахожу возможнымъ и изъ указанного обстоятельства выводить предположеніе, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ первоначальнымъ оригиналомъ, вышедшімъ въ свѣтъ изъ рукъ Синкелла, но пока безъ его имени. Хроника простиралась до того мѣста, гдѣ она теперь оканчивается въ перевѣдѣ, или приблизительно до этого мѣста. Впослѣдствіи Синкелль передѣлалъ хронику, дополнилъ, видоизмѣнилъ, но не успѣлъ свою вторую работу довести до конца и закончилъ тамъ, гдѣ она теперь заканчивается въ греческихъ спискахъ, но пустилъ въ свѣтъ уже подъ своимъ именемъ. Оставшіеся материалы обработалъ Феофанъ, при чѣмъ остается неизвѣстной доля его самостоятельности въ обработкѣ материаловъ Синкелла. Феофанъ пустилъ въ свѣтъ хронику также подъ своимъ именемъ. Нужно замѣтить, что въ перевѣдѣ нѣть соотвѣтствія греческому тексту хроники Феофана по изданію де-Боора страницамъ 18,7—21. Не можетъ ли и это служить доказательствомъ того, что ихъ и не было въ первоначальной редакціи хроники Синкелла, а онъ вставлены уже Феофаниомъ при его обработкѣ? Особенно нужно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Я сказалъ, что переводъ отличается отъ извѣстныхъ греческихъ списковъ массой мелкихъ пропусковъ и дополненій—въ слово, два, три и кончая нѣсколькими строками, такъ что рука редактора вполнѣ замѣтна. Но въ части, соотвѣтствующей хроникѣ Феофана, ничего подобнаго нѣть, такъ что редакторской работы въ этомъ смыслѣ совершенно незамѣтно. А это обстоятельство опять можетъ указывать на то, что Синкелль не успѣлъ обработать конецъ хроники, а потому онъ и дошелъ до насть въ первоначальномъ видѣ, хотя

и въ видѣ хроники Феофана. Кромѣ того, въ хроникѣ Синкелла мы встречаемъ большое количество заимствованій изъ разныхъ его предшественниковъ, по большей части съ именемъ автора. Эти заимствованія въ оригиналѣ перевода въ первой половинѣ второй части еще носятъ небольшіе слѣды редакторской работы, но только въ видѣ пропусковъ, а не дополненій, т. е. оригиналъ перевода въ такихъ случаахъ не имѣть лишнаго сравнительно съ извѣстнымъ чтеніемъ у Синкелла; во второй же половинѣ второй части хроники нѣкоторыя уцѣльвшія заимствованныя мѣста отличаются особенно близкими сходствомъ перевода съ греческимъ текстомъ. Это опять-таки скорѣе всего можетъ указывать на того же автора, т. е. Синкелла, который, перерабатывая свой первоначальный трудъ, вносилъ въ свою новую работу заимствованіе мѣсто безъ значительныхъ перемѣнъ, а иногда даже безъ всякихъ. Трудно ожидать такого разграничения между двумя источниками со стороны посторонняго редактора.

Обращусь къ первой части переводной хроники, которая, какъ сказано, сильно расходится съ извѣстной греческой хроникой Синкелла. Содержаніе ея состоить въ слѣдующемъ. Обычнаго въ подобнаго рода хроникахъ шестоднева нѣть, а только лишь простое упоминаніе о дняхъ творенія, послѣ чего слѣдуетъ иѣсколько строкъ объ Адамѣ, объ изгнаніи его изъ рая, о рожденіи Каина, Авеля и Сифа, и объ ихъ родословіи. Краткія замѣчанія о Ноѣ и его дѣтяхъ. Столпотвореніе со ссылкой на Археологію Іосифа. Родословіе отъ столпотворенія до Авраама. Исторія Авраама, и въ первый разъ приводится хронологія, которая даѣтъ постоянно повторяется: „гварѣтъ сухо ѿко аѣ“ ѿ швѣщанія земли ѿ потопа и Нома племенъ тѣ, аѣ“ же ѿ иѣ, а ѿ Адама ѿ є, аѣ“ же „гѣоз“. Ссылка на Археологію Іосифа о томъ, что Авраамъ научилъ египтянъ ариѳметикѣ и геометріи. Эпизодъ съ Саррой въ Египтѣ. Отдѣленіе Лота отъ Авраама и поселеніе его на Мертвомъ морѣ; выписка изъ Африканы о свойствахъ Мертваго моря. Пѣненіе Лота. Агарь, рожденіе Измаила. Содомъ и Гомора. Переселеніе Авраама въ Герару и эпизодъ Авимелеха съ Саррой. Исаакъ. Изгнаніе Агари съ Измаиломъ. Простое упоминаніе о принесеніи Исаака въ жертву, со ссылкой на Іосифа. Женитьба Исаака на Ревеккѣ. Исаѣвъ и Іаковъ. Іаковъ покупаетъ первенство „лаишъ“, а получаетъ благословеніе Исаака „какою мѣрѣю“. Бѣгство Іакова; Лія и Рахиль. Бѣгство Іакова отъ Лавана: „третіи же днѣ погна и лаванъ и постигъ и поискъ бѣзъ ской, иже еѣ вѣдъ Рахиль“. Борьба Іакова съ Богомъ, примиреніе съ Исавомъ. Эпизодъ Дины и Сихема. „Иль же негодовиахъ преселенія во Вифилиа. фара-

БИЛТОС ЖЕ ВѢДАЖЕНІЯ СТОНЦІ ТОУ, ПРИ НЕМ ЖЕ ЧУДЕСА МНОГА БЫКАЮТЬ. Г҃ТЬ ЖЕ И ВѢДАЖЕНІЯ ЖЕЗЛІ (Соф.—жезл) АГГАЛЬСКІИХ, ВИТАЕШІ ОУ АФРААМА". Упоминается Йовъ. Фамарь, Фаресь и Зара. Исторія Іосифа. Сонъ Фараона. Приходъ братьевъ Іосифа: „Веніаміну же аки чашоу, еже кондоу зобоу, шквргоша вѣ вратиши.... хоташе бо кайюю ити Веніаміна". Переселеніе Іакова въ Египетъ, смерть его. Хронологія, оканчивающаяся: „Ш Адама до смрті Иштіфовы родокъ є и є, лѣ' ,гф. и єг". Краткое сообщеніе, почему Рувиму не было дано „ніроучин вѣ же есть чистительство". Исторія Моисея. Выходъ евреевъ изъ Египта. Опять хронологическая исчислениія. Переходъ чрезъ Чермное море. Шествіе по пустынѣ и чудеса. Манна—объясненіе Іосифомъ имени манна какъ „что « есть ". Побѣды евреевъ надъ встрѣтившимися ими народами. Приходитъ „Иштірк Рагоунарек Могтѣвек тестъ".... „и го соудѣ та нимъ постѣдокахъ Шидѣ". Полученіе десяти заповѣдей. Поклоненіе тельцу. Устройство скінній. Дальнѣйшее шествіе по пустынѣ. Посольство Халева и Іисуса Навина. Побѣды надъ различными царями. Валаакъ и Валаамъ. Смерть Моисея: „оумре лѣ' гї р и є. ни шчима крѣдене. како бо бывше крѣдныма быти, иже бо видѣ славоу гїю, ни иного никоего же крѣда старостью приеме, и погребенъ бы вѣ драѣтъ Могавитѣтъ близъ жнинца Фогорова. никто вмоу ийтѣ гроба не вѣсть". Выписка изъ Іосифа о дняхъ смерти Мариамы, Аарона и Моисея. Объщаніе пополнить теперь лѣта воеводами. Іисусъ Навинъ. Переходъ чрезъ Іорданъ, взятие Іерихона. Побѣды Іисуса Навина. Смерть Іисуса. Исторія Судей. Готоноиль. Деввора и Варакъ. Гедеонъ. Авимелехъ. Іеффай. Самсонъ. Преступленіе Веніаміна съ женой левита и наказаніе ихъ. Ссылка на Африкану: „гѣть же Пфриканія рекы вѣ преданіи жилющѣ. сөрѣтоух еже и сде мѣнить лѣта вѣ старѣншини, ико же по самснѣ авне ѿ иноплеменіи вхздержание вѣшъ лѣтѣ ю". Исторія Руфи съ родословіемъ. Исторія царей, начинающаяся такъ: „Приложи и цѣль къ шемерѣ книгамъ вѣтушихъ. градоу во и лѣта сї вѣ сѣ тѣ", а начало есть сице. чѣкъ вѣше изъ Примафемъ... Рожденіе Самуила. Или плѣненіе кивота. Помазаніе Саула. Давидъ. Голіафъ. Гоненіе Сауломъ Давида. Волшебница. Смерть Саула. Царствованіе Давида. Хирямъ царь Тирскій. Возвращеніе кивота. Побѣды Давида. Вирсавія. Аммонь и Фамара. Авессаломъ. Злословіе Семея. Смерть Авессалома. Голодъ и отмщеніе внукамъ Сауловымъ: „Рифа—сю же Рифоу Иштіфѣ мѣнить аферы соуди Сибиню—снѣ гѣши на призѣкѣ изъѣнъ блюдаше". Войны Давида. Исчисление народа и наказаніе Давида. Ависага. Помазаніе Соломона, его вocatione. Испрошенніе мудрости. Споръ двухъ женщинъ изъ-за дитятіи: „вѣ же соуди вѣкую гѣть готворша ѿгунскаго цѣра, егоже суже

жнебого Сибака Вифинській црквѣ". Построеніе храма, Хирамъ. „Гдѣ же Ишраф, ико и Вифинська црца к Соломону пришили и вѣтвь ту вѣ црца, поминаетъ же въ ней, ико же гдѣ, Иродотъ. Никаки же звлаше црца, та ехъ добрыхъ даромъ, ико же гдѣ, и корни благословъ дасть первое. ти ѿтоле нача Палестину имѣти и дѣлати, а Африканъ побѣдаѣ прѣ ймса сици: дѣти приведши доброобразны мъжески полкъ и женскѣ единѣмъ образомъ и стрижениемъ и, поставивши пре Соломономъ, вѣтрашаще швомъ рою. ии же поклѣ оумыти лица нукъ и шеѣ племене показааше". Иноплеменные жены и совлеченіе Соломона въ идолопоклонство. Іеровоамъ. Ровоамъ. „Но лѣта по иудѣйскимъ црквамъ положилъ". Построеніе Іеровоамомъ двухъ капищъ. Сусакимъ, Египетскій царь. Авій, сынъ Ровоама. Асъ, сынъ Авія. Іосафатъ, сынъ Іеровоама. Нападеніе Зароды Сіннекаго. Замбрія.—Ахавъ, сынъ Замбрія, и Іезавель. Возстановленіе іерихонскихъ стѣнъ. Илія пророкъ. Принесеніе жертвъ на горѣ Кармильской. Исторія Навуффея. Іосафатъ, сынъ Асы. Охозія, посольство въ Аккаронъ, сожженіе Илію 50 старѣшинъ. Іоарамъ. Вознесеніе Иліи на небо. Пророкъ Елісеі. Избавленіе пророческой жены отъ рабства. „Ішраф же гдѣ сию жену соудроу иудинну иконома Іззеву црлъ". Нееманъ и Гіезій. Адеръ и осльпленіе Елісѣемъ его посланныхъ. Осада Самаріи, голодъ, спасеніе. Іорамъ, сынъ Іосафата. Ий. Годолія. Іоасъ. Захарія пророкъ. Нападеніе сирійцевъ на Іерусалимъ. Амесія. Іоровоамъ, сынъ Іосафа. Пророкъ Іона. Охозія. Факенасъ. Іоафанъ. „Дроугъ же сде" не въ црквѣ лежитъ, но швомъ въ пророце" швомъ въ штавленій... Пхазоу црююши въ Іерубимѣ первое лѣто шлоунпна первая бѣ... въ пятомъ лѣто пхазоу внаше шлумпна аторамъ, егда га Ромунахъ и Ромахъ родиста. Пхазова во первого лѣто шлумпнады зліннѣски начинаются чисти". Іезекія. Салманнассаръ. Самарянє. Сеннахиримъ, избіеніе ангеломъ его войска. Исторія Товита. Значеніе отерочки смерти Іезекія: „а Ноулишк историик гдѣ, а иже же члаше въ писаніи, ико не имать кончати блка ѿ Иуды, превыти всесмрти, напшевавъ, аще въз дѣтіи воудеть. ти цѣломъ дѣтіи въздергашася. оумрети же хота, молашася, исцѣлѣва, дѣти родити". Манассія, сынъ Іезекія: „гдю же и въ цркви бѣїи днебо четвероліное капице постави". Амосъ, сынъ Манассія. Іосія, сынъ Амосовъ. Нехао, царь Египетскій. Хелкія іерей находитъ въ церкви книги законныя. Столкновеніе Іосія съ Нехао. Іоахасъ, сынъ Іосія. Іоакимъ. „вѣ шлумпна ле. цѣткова въ Римѣ йменъ Маркіннъ лѣ" Ѽгъ". Навуходоносоръ, плѣненіе Іерусалима. Хронологіческий разсчетъ. Даніиль и три отрока. Седекія, второе взятіе Іерусалима Навуходоносоромъ. Пророкъ Іеремія. Ослѣпленіе Седекія. Навузарданъ. Валтасаръ. Исторія Есфири. Киръ. Отпущеніе Іисуса и Зоровавеля

въ Иерусалимъ. Дарій. Камбизъ. Олофернъ и Юдифь: „сю историю, аще истинны книги гоу, мнать втери при первемъ Навходоносорѣ створиоусе. блазнать же га, не ведоуши, ико по вшествіи пачинникомъ створиоу сю Юдин-фи, а Навходоносорѣ въ пачинна лѣта оумре. и именѣкъ аки не етронно втеромъ именѣти, но иможе не вакилони, но Перси цѣрахоу. иможе миромъ жиша людне лѣтъ ри въ, то ли (и)же не зѣ быти нестрониѣ“. Артаксерксъ. Ездра, воз-становление Иерусалима. Отрывки изъ персидской истории. Александръ Македонский. Исторія наслѣдниковъ Александра. Итоломей. Выдержки изъ Макавейскихъ книгъ. Хронологическая даты. „Приложи же Иуден-скіи книгиъ еврѣнскаа дѣяніа юаныскѣ швразѣ писанаа. въ Иудей во самы ины книги не обрашоутъ. и до Римикѣ въ рати. сю же вписанаа юаныскѣ швразѣ Ишнайдъ ипистольдни Иуденик родѣ и домитнѣ втерѣ того мѣста, именѣ же Флай“. Выдержки изъ исторіи Сиріи, Палестины, Египта до исторіи Помпея. Столкновеніе іudeевъ съ Помпеемъ. „Совероутъ лѣта оуто ю Адама да и до Римскаго единовластья лѣтъ кѣ, ѿѣгъ“.

Изъ представленнаго конспекта можно видѣть, что содержаніе первой части хроники состоитъ исключительно изъ библейской исторіи, и только лишь къ концу ея она начинаетъ перемѣшываться съ исторіей другихъ народовъ. Библейская исторія изложена очень кратко, безъ апокрифическихъ прибавленій, въ чёмъ, между прочимъ, и будеть заключаться ея отличіе отъ изложенія Синкелла, у которого мы въ самомъ, напримѣръ, началѣ находимъ большія выписки изъ книги Еноха, и Малаго Бытія (Легкѣтъ Г҃енесіс). Главнѣйшее же отличіе отъ греческаго текста Синкелла замѣчается въ томъ, что у послѣдняго собственно библейская исторія занимаетъ по объему очень незначительное мѣсто сравнительно съ исторіями другихъ народовъ, такъ что греческая хроника Синкелла представляется собою всемірную исторію, нашъ же переводъ—исключительно библейскую.

Не смотря на это, можно замѣтить не мало точекъ соприкосновенія перевода съ греческой хроникой. Въ переводѣ мы встрѣчаемъ неоднократно ссылки на Африкана, Іосифа, чemu найдемъ соотвѣтствіе и въ греческой хроникѣ, которая наполнена большими выписками. Отдельныя выписки совпадаютъ рѣдко съ переводомъ, но для пріема я сдѣлаю одну довольно большую выписку:

„Гладоу во въшю въ Ханаанѣстѣн
земли юанидѣ въ Вѣтвѣскому землю.
сувомежжеса, еда довроты дѣама Сар-
фини оуморати и, оумысли гистрою

‘Афріахаю.
Дїмю хатахсюонтос тѣн үчүн тѣн
Ханаанітѣз хаттѣлъву віс Аїгипттоу
‘Абраамъ, бедівѣс бѣ үнѣ тѣ хѣл-

иаргии ю. хвалитъ же еи союши приведе въ Фараонъ. сице въ Египти цѣлъ разглаголъ съ" же Фараонъ моукѹ примиъ ѿ вѣ и ѿпусти и, не прилѣпилъ еи. якоу имѣнно благѣство придавъ Евралмоу, ти тако въ ѿпусти, икоже Ишенихъ гдѣтъ. въ Хананѣ же второрашаса пастоуси Евралмои и Лотови и избогати има разлоучити. изеравшоу же Лоту въ Содомѣ жити, имѣ добра земля вѣаше. израды имоющи въ градѣ Содомоу Гоморроу Идамоу Секой Сингорѣ и толико же и црѣй. да ближнїи цѣлъ воевашаи наинь, икоже когода баше Ходоломогорѣ, цѣлъ Вламески. синдоша же са на раздоаи плакністѣма, иже са нѣтъ зорете море мѣтвое. Африка гдѣтъ, многа чудеса туу видѣтъ живота бо никакоже не крѣни. мѣтви же поградаютъ, а живѣи наудобизномъ поградаи. сѣцій гороуци плаваю, сугатеса же поградзину. туу сѹ пеклоу источници. є же и косылъ и голъ, малѣ голы разланѣтиши. горка бо є и прозрачнаа. кода бо та цѣлкть иже и пинетъ. сѹ же при нѣ велсамоу гадова. разоумѣваетъ же са вѣзѣрауши ѿ вѣга шкроуки живоуши и дѣлми бешистаа.

λος τῆς γυναικὸς ἀναφεθῆ, ἀδελφὸς εἶναι σκέπτεται. ἐπινεθεῖσαν δὲ ἡγάγητο Φαραὼ. οὕτω γὰρ Αἰγύπτιοι τοὺς βασιλεῖς ἐρμηνεύουσι. καὶ οὐ μὲν δίκας ἔτισε τῷ θεῷ ὁ δὲ ἄμα τοῖς ιδίοις Ἀβραὰμ ἥδη πλουτῶν ἀπηλάσσετο· ἐν Χαναὰν διεπληκτίσαντο ποιμένες τοῦ τε Ἀβραὰμ καὶ τοῦ Διὸς, καὶ δόξαντος αὐτοῖς ἐχωρίσθησαν, ἐλաμένου Διὸς ἐν Σοδόμῳοι οὐκεῖν δὲ ἀρετὴν καὶ κάλλος τῆς γῆς. ἐχούσης πέντε πόλεις, Σόδομα, Γόμορρα, Ἀδαμα, Σεβωεῖμ. Σηγώρ καὶ τοσούτους βασιλεῖς τοίτοις οἱ πλησιόχωροι τεσσαρες βασιλεῖς Σύρων ἐπολέμησαν, ὃν ἡγεῖτο Χοδολλαγόμυρ βασιλεὺς Αἰλάμ· συνέβαλον δὲ παρὰ τὴν θάλασσαν τὴν ἀλιχήν, ἡ καλεῖται νῦν θάλαττα νεκρά· ἐν ταῦτῃ πλεῖστα τῶν θαυμασίων τεθέαμαι· ζῶων τε γὰρ οὐδὲν ἔχειν φέρει τὸ ὕδωρ, καὶ νεκροὶ μὲν ὑποβρύχιοι φέρονται, ζῶτες δὲ οὐδὲν ἂν ρεδίως βαπτίσαιντο· λύγοι δὲ καιόμενοι μὲν ἐπιφέρονται, φεννύμενοι δὲ καταδύουσιν· εντσύθα είσιν αἱ τῆς ἀσφάλτου πηγαί· φέρει δὲ στυπτηρίαν καὶ ἄλας, ὀλίγον τι τῶν ἄλλων διαφέρονται· πικρά τε γάρ εστὶ καὶ διαιγῆ· τὸ δὲ ὕδωρ ιᾶται τοὺς χρωμένους αὐτῷ... εστὶ δὲ παρ' αὐτὴν πάμπολι τοῦ βαλσάμου φυτόν· ὑπονοεῖται δὲ ἀνατετράγθαι ὑπὸ τοῦ θεοῦ διὰ τὴν τῶν περιοικούντων ἀσέβειαν.— 187, 18—189, 3.

Приводимыя выше выписки съ ссылками на Африкану и Иосифа также находять себѣ соответствие въ греческомъ текстѣ Синкелла.

Помимо ссылокъ на Африкану и Иосифа, переводъ сближается съ греческимъ текстомъ Синкелла еще постоянными хронологическими да-

тами, которые вообще составляют характерную особенность хроники Синиелла. Но тутъ нужно иметь въ виду, что счисленіе лѣть обыкновенно сходится, но способъ счисленія не одинаковъ. Въ греческихъ спискахъ хроники счетъ лѣть отъ сотворенія міра начинается съ самаго начала и уже рано встрѣчаются заглавія въ видѣ хѣфровъ єтѣ такія-то. Въ переводѣ счетъ лѣть отъ сотворенія міра въ формѣ, соотвѣтствующей греческой, встрѣчается только лишь во второй его половинѣ, съ новозавѣтной исторіи, гдѣ въ году отъ сотворенія міра прибавляется годъ отъ Рождества Христова. Въ первой же части перевода хронология обыкновенно приводится общая послѣ какогонибудь периода, напр. досудейская исторія оканчивается такимъ исчисленіемъ: „Созерцася сую до буода въ шкѣшаною землю и разделенія имъ и существна Гѣва и Шакѣта Мардамла лѣтъ“ уче, а Ш Ноа и потопа лѣтъ „и т. и Ш Падама лѣтъ“ „гѣвас“. Съ царствованія Ахаза сближеніе начинается счетомъ олимпіадъ: „иу б' ѳара тобъ 'Ахас' заислгас єтос прѣтою сунтрѣгеву апѣдѣзаеу тѣу прѣтоу олумпіада—372, 6—7.

Я сказалъ, что въ переводѣ хроника представляетъ виачаль только лишь библейскую исторію. Но съ введеніемъ олимпіадъ начинаются упоминанія и изъ исторіи другихъ народовъ, чѣмъ переводъ еще болѣе сближается съ греческимъ текстомъ. Первое упоминаемое событие—это рожденіе Ромула и Рема. Но и тутъ нужно отмѣтить значительную краткость перевода сравнительно съ греческимъ текстомъ, хотя эти упоминанія учащаются по мѣрѣ слѣдованія хроники. Краткія упоминанія о постороннихъ событияхъ придаются иногда наложенню довольно пестрый видъ и, чтобы найти соотвѣтствіе въ греческимъ текстѣ, нужно просмотрѣть нѣсколько страницъ. Напримѣръ, конецъ царствованія Манассія читается такъ: Баше шлоупна Ѣ. Ромуулѣ сѹмре, цѣтвокахъ лѣтъ ѡнъ (Ромуулос... євасілеусе дѣ єтѣ лѣтъ—367, 5—6). Но семя цѣтвока (Н)шмаск Помпіканеша лѣтъ ѡнъ (Ромуаліон іс' євасілеусе Nouмас; Помпіліос єтѣ ма', 398, 1). вѣаше шлоупна Ѣз. шлоупна ѹ. Гоубѣ сѹн въ Кандоулна цѣтвока Педонѣ баше шлоупни ѹд. въ Вгѣпѣ цѣтвока Пхасеус (Аїгустіон па' євасілеусеу Neужѡ 396, 10) ётъ шлоупни ѹ. Манасса сѹмре. прна же столе его и первое житие Імоск, гдѣ его и Месселаминк. и сего нечестивѣ владоуша сѹбенша и гвон. юмытиша же его смртъ вси людне. (Тоу 'Іоуда іс' євасілеусеу 'Амѡс ѿіос Манассѣ... ѿтос поупрѣтатос ѹ. тоубон тѣ б' єтєи аутоб амѣйлон оі пері аутон. о дѣ лајсѣтѣ єтѣ тѣ фѡнур тѡн 'Амѡс 404, 16—19). вѣ шлоупни ѹ. Ишна гдѣ Імоскъ и Видернн, шемое лѣто имены цѣтвока лѣтъ Ѵа. (Тоу 'Іоуда іс' євасілеусеу 'Іоасіас ѿіос 'Амѡс єтѣ лѣтъ 405, 1). шлоупни

кн. Себыламъ второмъ къ Самѣ знана вѣ. (Ἐτὶ Σεβόλλη Σαρία... ἐγνωρίγετο 402, 1).

Не смотря на все указанныя отличія, несомнѣнно, однако, что мы имѣемъ и въ первой части хронику того же Синкелла, только въ особой редакції. И здѣсь также возникаетъ вопросъ, какъ смотрѣть на эту часть—будеть ли она простымъ сокращеніемъ извѣстной хроники Синкелла, или она есть его первообразъ? Различные соображенія заставляютъ думать и относительно этой части такъ же, какъ и относительно второй, а именно, что она представляетъ особый черновой экземпляръ, такъ сказать набросокъ позднѣе переработанной и распространенной хроники. Если мы представимъ дѣло въ обратномъ видѣ, то останется, прежде всего, непонятнымъ, почему авторъ, вводя съ извѣстнаго времени события изъ всемирной исторіи, началь излагаетъ исключительно библейскую и почти исключительно по библіи. Скорѣе можно объяснить при обратномъ предположеніи, а именно, что авторъ, Синкелль или другой, задумавъ написать хронику, началь ее обычнымъ порядкомъ, т. е. изложеніемъ еврейской исторіи, которая, не составляя, повидимому, основной части его труда, передана очень кратко, въ конспективномъ видѣ. Но съ извѣстнаго времени онъ началь присоединять и извѣстія изъ другихъ исторій. Впослѣдствіи, когда хроника подверглась кореннай переработкѣ, краткій конспектъ библейской исторіи расплылся въ многочисленныхъ заимствованіяхъ изъ постороннихъ источниковъ, во-первыхъ, изъ апокрифическихъ книгъ, относящихся до древнѣйшей еврейской исторіи, во-вторыхъ, изъ исторій другихъ древнѣйшихъ народовъ. Еврейская исторія послужила здѣсь лишь канвой, по которой располагалась исторія всемирная, подобно тому, какъ такой же случай наблюдался и въ хроникѣ Малалы. Гораздо естественнѣе предполагать въ данномъ случаѣ, что распространенная хроника вышла изъ краткой, нежели думать, что какой-то авторъ сдѣлалъ изъ полной хроники выборку одной лишь еврейской исторіи. Первоначальная рука автора видна еще изъ того, что послѣдній пересказываетъ еврейскую исторію, указывая на свои источники, т. е. библейскія книги; очевидно, онъ имѣлъ подъ руками не хронику Синкелла, а именно библейскія книги; также, напримѣръ: 1) „Приложій и цѣлѣ къ осмѣрѣ книгѣ ветхихъ“, 2) „дроугое же сде“ не въ цѣлѣ лежитъ, но што въ пророце што въ шестаѣній“; 3) „Бѣфира“, 4) „Макавѣски“, 5) „до сде гоутъ Макавѣчнъска даже и до сотнаго и сѣмъдесатнаго и седмаго лѣта имоуша“, 6) „Приложій же иуденскій книгѣ“ и т. д. (см. выше). При позднѣйшей переработкѣ нѣкоторыя изъ такихъ ука-

заний, конечно, удержались, что было вполне естественно, а если бы нашъ переводъ былъ самъ позднѣйшей переработкой, то при стремлении къ краткости не было нужды такъ указывать на источники. Особенно характернымъ является замѣчаніе автора по окончаніи книги Маккавейскихъ: „Сія книги послѣднія гоуть Июдѣш и почитайна на оуѣтъ соуща. и смирающе градѣ“ къ спомоу тѣаѣ га нашего ІІз х4, его ради ее тѣаѣ праход. смироутыга да и до Чмѣтѣа Симонова и книга Маккавѣцьска ѿ Іадама лѣ ю и тѣ“. Затѣмъ авторъ говоритъ, что для дальнѣйшаго изложенія еврейской исторіи онъ обратится къ еллинскимъ писаніямъ. Въ полной хроникѣ Синкелла этого замѣчанія нѣть, и въ краткой хроникѣ она отзывается прямой непосредственностью, которая уже, конечно, не могла имѣть места въ позднѣйшей переработкѣ.

За то же будетъ говорить и счетъ по олимпіадамъ. Въ переводе съ царствованія Ахаза до смерти Христа идетъ внимательный счетъ по олимпіадамъ, а хронологія отъ сотворенія міра и отъ разныхъ ветхозавѣтныхъ событий передается, какъ я указывалъ, суммарно. Но авторъ неоднократно останавливается на выясненіи счета по олимпіадамъ и указываетъ, отчего могутъ происходить ошибки при счетѣ по олимпіадамъ. Въ полной же хроникѣ Синкелла олимпіады не играютъ уже никакой роли: въ ней счетъ ведется, какъ я сказалъ, отъ сотворенія міра, и этотъ счетъ начинается съ первыхъ страницъ исторіи и проводится послѣдовательно. Даже при изложеніи исторіи нееврейской постоянно указывается также тобъ хощюо єто; указанія же на олимпіады являются спорадически. Такъ какъ во второй части перевода счетъ ведется уже одинаково съ греческимъ текстомъ Синкелла отъ сотворенія міра, то и спрашивается: что будетъ болѣе естественнымъ—признать ли, что въ переводѣ мы имѣемъ первоначальный оригиналъ, гдѣ хронологія еврейской исторіи передается суммарно, какъ она передается во многихъ хроникахъ, и гдѣ на олимпіады было обращено особенное вниманіе, повидимому потому, что счетъ по олимпіадамъ наблюдался въ источникѣ, которымъ пользовался первоначальный авторъ;—или признать, что первоначальный видъ лѣтосчислѣнія мы имѣемъ въ греческихъ спискахъ хроники Синкелла, а что позднѣйший ея сократитель выкинулъ счетъ по годамъ, принялъ суммарную хронологію и обратилъ особенное вниманіе на олимпіады, стараясь подогнать передаваемыя имъ события подъ ту или другую олимпіаду? Полагаю, что можно, не колеблясь, признать истину за первымъ предположеніемъ. Оригиналь хроники былъ собранъ какъ предварительный материалъ. Послѣдующій передѣлыватель суммарную

При переработкѣ авторъ выпустилъ указаніе на то, что безъ прибавленія одного года будетъ ошибкой, но вмѣсто этого прямо прибавилъ одинъ годъ, отчего у него получился годъ ,*ευνδ*, 5454, годъ ошибочный, стоящій въ противорѣчи, какъ видимъ, съ дальнѣйшимъ.

Какъ бы то ни было, но славянскій переводъ представляетъ краткую редакцію хроники Синклелла. Изъ извѣстныхъ пока греческихъ списковъ хроники, носящей имя Синклелла, нельзя указать на что-либо подобное, хотя и не могло быть никакого сомнѣнія, что славянская хроника есть цѣликомъ переводъ съ греческаго оригинала. Но среди рукописей Парижской Национальной Библіотеки я встрѣтилъ одну, заключающую въ себѣ изложеніе еврейской исторіи, и въ ней оказалась часть того греческаго оригинала, съ котораго слѣдалъ переводъ. Это—codex du fonds grec № 1336, XI вѣка, л. 9—110. На этихъ листахъ помѣщается изложеніе ветхозавѣтной исторіи, какъ значится по описанію Omont'a. Въ XVI вѣкѣ хроника была переписана, и копія находится также въ Парижской Национальной Библіотекѣ, но переписчикъ переписывалъ слишкомъ буквально, чтобы эта копія могла оказать существенную помощь. Стертыя слова и оторванные углы въ настоящемъ видѣ хроники были таковыми, очевидно, и тогда, такъ какъ на такихъ мѣстахъ переписчикъ оставлялъ пустыя мѣста. Начало хроники не сохранилось. Начинается она слѣдующимъ образомъ: Σαμπράμεως τοῦ Ἀθραδί τοῖς ἔτεσιν. κατὰ γάρ τὴν Σεμήραμιν Ἀθραδί ὁ μακάριος ἐγνωρίζετο, ὃ δὲ Ἰαχώβ κατὰ Ἰναγον. Μωσῆς δὲ κατὰ Ἰναγον τὸν διέψυῃ, ὃν πρὸ τῶν ἡλιακῶν ἔτει διακοπός βασιλεῦσαι πρῶτον τῇς Ἀττικῆς Ἐλλήνων πτιᾶς ἵστορησαν, ως εἶναι τῶν παρ' Ἐλλησιν ἀρχιών σοφῶν Μωσέα πρεσβύτατον Ὄμηρου, λέγω καὶ Ἡπιώδου καὶ τῶν Τρωϊκῶν Ἡρακλέους τε καὶ Μωσέου λίνου, ἕπι τε Χείρωνος, Ὄρφέως, Διοσκούρων, Ἀσκληπιοῦ, Διονύσου, Ἐρμοῦ, Ἀπόλλωνος καὶ τῶν Ἐλληνικῶν μυστηρίων καὶ τελευτῶν καὶ αὐτῶν τῶν Διὸς πράξεων. ἕπι δὲ τοῦ κατὰ Δαυκαλίονα κατακλυσμοῦ καὶ τῆς ἐπὶ Φαέθοντος ἐκπυρώσεως ἐμιγθονίου τε γενέσεως ἐξ Ἡφαίστου καὶ γῆς καὶ κόρης ἀρπαγῆς. οὗτοι γάρ πάντες ὑπῆρχαν μετὰ Κέκροπα, ὃν πολὺ Ὄμηρος καὶ Ἡπιόδος τοῖς γρόνοις ὑποβεβήκασιν. εἰ δὲ τούτων ἐλαττοῦνται τοῖς ἔτεσιν, πολὺ δῆπου τῇς Μωσέως ὑπάρχουσιν ἡλικίας κατώτεροι. οὕτοις τοίνου τῶν σοφῶν πάντων ἀνεδείγθη διδάσκαλος τῇς ἀληθείᾳς θειότατος. τὴν γάρ τῶν Αἰγυπτίων λεγομένην διαπτύσσας σοφίαν, ἀριστα περὶ τῆς δὲ τοῦ κόσμου διηλθε συστάσσω; ὑπ' αὐτοῦ, δηλονότι τοῦ ἐπὶ πάντων θεοῦ καὶ δημιουργοῦ τοῦ παντὸς ἐμπνευσθεὶς τὴν ἀλήθειαν λέγει γάρ· „ἐν ἀρχῇ ἐπόιησεν ὁ θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν“. καὶ πολλοὶ τῶν παρ' Ἐλλησι ταναντία τούτων ἐξένει τολμήσαντες εἰς βιβλὸν ἀγνοίας κατηκοντίσθησαν. τὰ γάρ ἐξ ἀνθρωπίνης

διανοίας προφερόμενα δύγματα σαρρά τυγχάνει καὶ στεριάτιστα. οὐδεὶς γάρ ταρ' αὐτοῖς ἔστηκε λόγος ακίνητος...—Очевидно, это—конецъ предисловія, послѣ котораго слѣдуетъ далѣе изложеніе самой исторіи. Начинается, какъ обыкновенно, шестодневомъ, на которомъ, между прочимъ, замѣтно вліяніе шестоднева Василия Великаго, напримѣръ, слѣдующая выдержка взята изъ него: „διὰ τοῦτο μανισμένη πολλάκις ἐξ ἀνέμων ἡ θάλασσα καὶ εἰς ὑψος μέγιστον διανισταμένη τοῖς χύμασιν, ἐπειδάν μόνον τὸν αἰγαῖον ἄψηται εἰς ἀφρὸν“... и т. д.ср. Migne, Pat. gtaesa t. 29, str. 84¹⁾. За шестодневомъ слѣдуетъ краткая исторія Адама и Евы, изгнаніе ихъ изъ рая и разселеніе ихъ потомковъ до Ноя, б; ἐπειθε τὸ ἀνθρώπινον γένος μεταβληθῆναι ἀπὸ τῆς κακίας εἰς ἀρετήν. Ἐγρι γάρ ἐβδόμης τε νεᾶς οἱ ἀνθρώποι δεσπότην τῶν ἀπάντων τὸν θεόν ἐπεγράψοντο καὶ δικαιουόντος ἐφρόντιζον, ὅπερον δὲ τοῦ χρόνου προϊόντος εἰς πάσαν παρανομίαν ἐξειλαν... Потопъ: ἐτι γάρ καὶ νῦν ὑπὸ τῆς ἀκρογείας τοῦ Λιβανοῦ λίθους εἰς οἰκοδομήν τινες ἐκτέμνοντες θαλασσίων ἰχθύων γένη εύρισκουσιν. Размноженіе потомковъ Ноя. Невродъ совѣтуетъ строить башню. Разселеніе народовъ; каждый поселился, гдѣ ему пришлось, по берегамъ моря, на материкѣ, а иные переплыли на острова; одни изъ нихъ сохранили имена своихъ основателей, другіе—измѣнили; впослѣдствіи, когда завладѣли всѣми еллинами, то назвали своими именами и дали свои законы... Идетъ перечисленіе народовъ въ такомъ видѣ: ἐγένοντο δὲ καὶ τῷ Γάμερ νιοὶ τρεῖς: Ἀσχανές, ἐξ οὗ Ἀσχανέαῖοι οἱ νῦν Ρηγίνες, Ραφάθ ἐξ οὗ Ραφάθεοι οἱ νῦν Παφλαγόνες, Θυργαμὰ Θυργανεῖς οἱ νῦν Φρυγεῖς. Послѣ Фалека перечисленіе племенъ прерывается вставкой о житоисчислениі, и затѣмъ продолжается до Нахора, Фары и Авраама: ο δὲ Ἀρρᾶν ἀπέθανεν ἐν πόλει Οὐρῷ λεγομένῃ τῶν Χαλδαίων, ἐν τῷ ἐπὶ καὶ νῦν τάφῳ αὐτοῦ δείκνυται. ἀπέθανεν δὲ ἐν τῷ ἐμπυρισμῷ, φῶν ἐνέπρισεν Ἀβραὰμ τὰ εἰδῶλα τοῦ πατρὸς αὐτοῦ ἐν τῷ εἰσελθεῖν ἐξέλεσθαι αὐτά. Объясняется, почему братья, жениясь на своихъ сестрахъ, ѿ παρανόμοις тойто покоясь. Авраамъ ἀριστος ἀστρονόμος ἐτογχανε. По случаю голода переселяется въ Египетъ и изучаетъ египтянъ астрономію и ариометрикѣ, чтобъ египтяне впослѣдствіи передали еллинамъ. Лотъ отдѣляется отъ Авраама и поселяется въ Содомской области. Сообщаются свѣдѣнія объ Асфальтовомъ озерѣ, занятствованныя, повидимому, изъ Іосифа Флавія. Рожденіе Исаака, принесеніе его въ жертву, при чёмъ передается краткая рѣчь Авраама, которую онъ держалъ къ Исааку

¹⁾ Въ соответствующихъ мѣстахъ перечисляются различные породы деревьевъ, рыбъ, птицъ и особенно животныхъ, съ описаніями ихъ особенностей.

передъ попыткой принести его въ жертву, и отвѣтъ на нее Исаака. Женитьба Исаака. Исаавъ и Іаковъ. Сыновья Іакова. Сыновья Исаава. Простое упоминаніе объ Іосифѣ. Исторія Фамари, оканчивающаяся родословiemъ.

Послѣ этого слѣдуетъ посторонняя вставка изъ Первоевангелія Іакова: Ζητητέον δὲ ἡμῖν, κατὰ ποίου λόγου ὁ Ματθαῖος καὶ ὁ Λουκᾶς ἐν τῇ γενεαλογίᾳ διαφωνοῦσι τοῦ Ἰωσῆφ, ὁ μὲν εἰὸν Ἱακὼθ γράφων αὐτὸν εἰοῦ Ματθάν, ὁ δὲ Λουκᾶς Ἡλεῖ τοῦ Μέλχει. За объясненіемъ при помощи родословія, откуда слѣдуетъ, что κατὰ φύσιν μὲν ἦν εἰὸς τοῦ Ἱακὼθ ὁ Ἰωσῆφ, κατὰ νόμον δὲ τοῦ Ἡλεῖ, авторъ говоритьъ, что слѣдуетъ теперь приложить и исторію Маріи, и начинается выписка изъ Первоевангелія: φάσκει γὰρ ἐν ταῖς φυλαῖς τοῦ Ἰσραὴλ ἀνόρα πλούσιον γεγενήθαται οὐδαματὶ Ἱωακίμ. Выписка продолжается до сказанія объ убіеніи Захаріи, отца Іоанна, убитаго Иродомъ за то, что не указалъ, куда спрятать своего сына, и здѣсь прибавляется, что ἀλλὰ δέ τις ἱστορία περὶ τῆς ἀναιρέσεως Ζαχαρίου ἐμφέρεται. ως ἄρα ἦν τις περὶ τὸν ναὸν ἔνθα μόνας τὰς παρθένους οὖσας προσκυνεῖν τῷ θεῷ, τὰς δὲ γαμηθείσας μὴ εἶναι νόμιμουν, ἡ οὖν Μαρία γεννήσασα τὸν Σωτῆρα ἐλθοῦσα, ἐτι ἐν τῷ τρόπῳ τούτῳ χωλύόντων οὖν αὐτὴν τῶν ἰδόντων γεγεννεκίαν αὐτήν, ὁ Ζαχαρίας ἐλέγεν ἀξίαν αὐτὴν εἶναι τοῦ τόπου τῶν παρθένων, ως οὖν παρανομοῦντα αὐτὸν εἰς τὸν τόπον τῶν παρθένων μεταβοῦ τοῦ θυσιαστρίου ἀπέχειναν.—Затѣмъ прерванный разсказъ возобновляется: сыновья Іакова переселяются въ Египетъ, перечисляются ихъ сыновья. Смерть Іакова, благословившаго первенствомъ Іосифа, а не Рувима. Іосифъ хоронить Іакова въ томъ мѣстѣ, где похоронены и Авраамъ; въ этомъ мѣстѣ находится теребоводос, подъ которымъ Іосифъ спряталъ идолы Лавана; до сихъ поръ сохраняется и жертвеникъ, на которомъ онъ принесъ таѣ тѣ олокаутомата καὶ τὰς ἑκατόμβias; здѣсь же растетъ и жезль одного изъ ангеловъ, посѣвшихъ Авраама, изъ которого и выросъ теревинфъ; сообщаются любопытныя свойства этого теревинфа. Исторія Моисея передается прежде всего по изложению Іосифа Флавія. Одинъ іерограмматеус предсказалъ Фараону, что изъ еврейскаго рода родится иѣкто, который причинитъ египтянамъ много зла. Фараонъ велѣлъ бросать дѣтей въ рѣку. Моисей чудеснымъ образомъ быть спасенъ дочерью Фараона и названъ былъ Моисеемъ отъ муши и отс., названий воды; Фермуфъ, дочь Фараона, задумала сдѣлать Моисея наследникомъ египетскаго царства. Однажды Моисей, играя, сбросилъ діадему съ головы царя и растопталъ. Іерограмматеус повторилъ свое пророчество, указывая на Моисея, какъ на будущаго причинителя бѣдствій. Фараонъ замыслилъ Моисея

убить, Фермуфъ спасаетъ его, вырвавъ изъ рукъ Фараона. Вскорѣ эфиопляне осаждаются Египетъ, и Фараонъ просить у Фермуфи дать Моисея, чтобы сдѣлать его начальникомъ еврейскаго войска. Фермуфъ вспоминаетъ старое злоумышленіе противъ Моисея, однако отдастъ его.—Далѣе, въ порядкѣ Іосифа Флавія разсказывается, какъ Моисей прогоняетъ египтянъ при помощи ибисовъ, какъ египтяне захватываютъ городъ Сарз и какъ дочь царя, Нарції, ѡмѣтъ, видѣть со стѣны Моисея, прельщается его красотой и обѣщаетъ ему предать городъ, если онъ возьметъ ее замужъ. Моисей такъ дѣлаетъ, и основываясь на городъ Ероуполи. Моисей почитался эфиоплянами—и не столько за мудрость, сколько за обученіе эфиоплянъ разныемъ искусствамъ и ремесламъ; ѿ исторіи Египтѣа, Моисей первый передалъ евреямъ письмена, которыя Авраамъ принесъ отъ халдеевъ.—Передается разсказъ, какъ Хенвергъ; на вопросъ—ті той; ἀνδρώποις τογγάναι ἄρυρτον,—получивъ отвѣтъ—тѡнъ ѿшнъ тὸ γένος διὰ τὸ ἀρώτιον ὅπ' αὐτῶν τὴν τὴν καθίστασθαι, получивъ такой отвѣтъ, приказалъ той; σύλοις τάφροι ἀπτόδος; στρόν τε κτήνασθαι τὰ τοῦ Μωσέως τῆς ἀρετῆς ὑπομνήματα. Когда Фермуфъ или Мерропъ—оѣтъ γὰρ ἡ Θερμουθῆς ἐκαλεῖτο—умерла, Моисей хорошилъ ее, и мѣсто ея погребенія и рѣку называетъ по имени ея Меропъ. Затѣмъ Моисей бѣжитъ въ Аравію къ Рагуилу, убивъ предварительно Хаменофа. Фараонъ, узнавъ о дѣяніяхъ Моисея, разгневался и приказалъ убивать мужескій полъ въ евреяхъ: μόνος γὰρ αὐτοὺς λινὴ ἐσθῆτα φορεῖν κελεύεται, διὰ τὸ εὐστριμον εἰς σφαγὴν αὐτοὺς τοῖς Λιγυπτίαις ἐχόδωσι. Когда поднялся среди евреевъ сильный вояль, Господь сжалился и послалъ Моисея въ Египетъ, приказавъ потребовать у Фараона отпустить еврейскій народъ въ пустыню. Когда вся стража спала, Моисей проникъ во дворецъ и, разбудивъ Фараона, сказалъ, что Богъ посылаетъ его освободить еврейскій народъ. На вопросъ Фараона, какъ имя пославшаго его бога, Моисей, прокурѣз; εἰς τὴν ἀκοὴν αὐτοῦ τοῦ θεοῦ τὸ ὄνομα αὐτῷ διεσάφισε. καὶ μὴ καρτερήσεις τὴν ἀκοὴν ὁ Φαραὼ ἐπὶ τῆς τῆς ἔπειτε ἀφωνος. καὶ προσελθὼν ἡγειρεν αὐτὸν ὁ Μωϋσῆς καὶ εἰς δέλτον τὸ σεβάσμιον ὄνομα ἐγγαράξεις ἐστράγισε.—Далѣе передается состязаніе Моисея съ египетскими волхвами въ чудесахъ. Выходъ евреевъ изъ Египта и потопленіе египтянъ. Краткое разсужденіе объ ожесточеніи сердца Фараона. Приходятъ Рагуиль и Іофоръ, но Моисей отсылаетъ ихъ обратно.—Затѣмъ слѣдуетъ исторія странствованія евреевъ по пустынѣ, смерть Моисея, приходъ ихъ въ Палестину и ея завоеваніе. Слѣдуетъ исторія судей до Саула; разсказъ слѣдуетъ въ общемъ библіи. Въ царствованіе Давида вставлено описание хора, устроенаго Дави-

домъ для пѣнія псалмовъ: хателѣмѡн еіс Ἰερουσაлѣм аутѣн апекомисе мета χωріас поллás. єк таѡн یаѡн фуլѡн Ἰєраїлъ ѧндрас о єпелѣкато хак єк тїс фулїс Леві ѣ, оітівс; یерхон тѡн ѿдѡн, یєсан ѣе оўтои 'Азѣф Аїрман Аїѳамъ Ἰїдоюмъ. хак єкакстѣ тоўтѡн анѣ ѹно каси єбдоміхонта ѧндрес; еіпонтю ѹпакоюонтес. тоўто ѣе тїс ѧрхїмън یенореніс; оікодоміас; ѹпїрге сѹмбою. є یаѡн пѹрғос фукоумеітѡ поте, ѿ; фасі тиас; ѹпѡ ѧбдоміхонта ѹно ѿмоюанутѡн ѧндрѡн, єк мѣн той Σὴμ καὶ, єк ѣе той Χὲμ λѣ, єк ѣе той Ἰαφ ѣт іе, оітівс; ѹрїїс 旣каіас єпелѹсїс; єп' аутѡн; 旣ѣ тїн єпїхірїсін еіс ѧномою-ѹглѡссаи ѧлѹнте; ѹпѡ той пнеумато; ѧлаунѹменои 旣істпасѹжан, тоўтѡн ѹн тò ѧлїрѡма ѧпокахистанай є рахаріс; Δæзїлъ ѹзулѹмезо; єкакстѣ ѧрхонти ѿдѡн ѿѣ ѧрхонтас; єкакеиа прօс ѹмнологіан той ѹеои, профїтєои, ѣти пїсаа ѹлѡсса єп' єсѹатѡн тѡн ҳаирѡн дохасаи ѹириони; тѡн ѹеои. За окончаніемъ описанія иїшія псалмовъ слѣдуетъ указаніе, какіе псалмы, кому принадлежать, и къ этому присоединено объясненіе, почему псалмы называются Давидовыми, хотя они и не все ему принадлежать: потому—что онъ былъ виновникомъ ихъ составленія: такъ и книга Эсфири называется такъ именно потому, что Эсфири была виновницей спасенія израильского народа, а не Мардохей, который написалъ книгу.—Передается затѣмъ исторія о томъ, какъ впослѣдствіи псалмы пришли въ забвеніе и какъ Ездра или кто-нибудь изъ пророковъ нашелъ и собралъ ихъ, бывшихъ уже въ разрозненіи видѣ, и потому-то псалмы собственно Давида и не расположены въ порядке, но разсѣяны по всей псалтири.—Затѣмъ продолжается исторія царствованія Давида до воцаренія Соломона. Передается извѣстная исторія о посвѣщеніи Соломона царицей ефіопской и обѣ узnanіи Соломономъ пола представлениихъ ему дѣтей. Постѣ извѣстія о взятіи Соломономъ иношлеменныхъ женъ слѣдуетъ разсужденіе, какъ понимать этотъ поступокъ со стороны Соломона: фасі ѣе тиас, мї یенехен յѣдонїс ѧг҃аеаіаи аутѡн таѣ յунакахъ. еі յаѡн ѹн' ѧн ѣти софои, еі յаѡн аілоѹтїс ѹн софои. еі ѣе тоўто ѧллѹтрио; софои; пѡ; յаѡн ѧн еіи софои є յунаківѡн յѣдонїс یенехен прօс 旣істідаймоніан хатолїзмїзас. Постѣ объясненія передается иѣсколько его изречений.

Исторія царей разсказана кратко съ заглавіями: Вазилеіа Розофи, Вазилеіа 'Азїл, Вазилеіа 'Азѣ и т. д. За окончаніемъ исторіи царей слѣдуетъ иѣсколько главъ изъ дальнѣйшей исторіи, связанный съ исторіями другихъ народовъ: Куроу вазилеіа, вазилеіа Карабѹтї, Дреіоу вазилеіа, Еэреку в., 'Артакеэреку в., в. Куроу хак 'Артакеэреку віоо Еэреку—содержитъ исторію Есфири, изложенную по Іосифу Флавию. Исторія Александра

Македонскаго разсказаны по Георгію Амартолу, именно вшествіе Александра въ Іерусалимъ, встрѣча съ первосвященикомъ, эпизодъ съ Мосомахомъ.—Пришедши въ Вавилонъ и увидавъ разрушенныи храмъ Вила, Александръ приказалъ своимъ воинамъ и бывшимъ у него іудеямъ вынести землю и очистить рощу. Когда же іудеи отка-зались сдѣлать это, онъ сначала ихъ *βασάνοις ὑπέβαλλεν*, затѣмъ *Στρίασι*. Когда же увидѣлъ, что они ничемъ не можетъ ихъ принудить, то оставилъ ихъ въ покое. Умеръ Александръ, въ Вавилонѣ; *μέχρι* *δὲ τούτου περιέγουσιν αἱ προφητεῖαι καὶ αἱ τῶν Ἐθραίων γραφῆι. τὰ δὲ μετὰ ταῦτα πραγμέντα ἡ βίβλος τῶν Μακκαθαίων ἴστορεῖ*. Въ послѣдней главѣ излагается очень кратко *Ἡρόδου βασιλείας ἀλλορύλου*. Содержаніе со-стоитъ въ изложеніи оправданія пророчества — сихъ *ἐκλεψει ἄρχων ἐξ Ἰουδα...* и т. д. и въ оправданіи исполненія пророчества *Даниила* о седминахъ. Заканчивается глава слѣдующимъ указаніемъ на солнечное и лунное счисление: *αἱ δὲ ὁ ἔβδομάδες εἰς τὸν ἐπὶ Χριστοῦ συντελοῦντα χρόνον κατὰ τοὺς Ἰουδαίων ἀριθμούς. ἐκεῖνοι γάρ κατὰ τὸν σεληνιακὸν δρόμον τοὺς ἐνιαυτοὺς ἀριθμούσιν, ὃς ἐστιν πρόγειρον εἰπεῖν, τὸν μῆνα ἡμέρῶν εἶναι παρ' αὐτοῖς εἷχοι ἐννέα γῆμισυ, ὡς τοῦ τὸλιακοῦ κύκλου ὑπάρχοντος τέε, τοῦ δὲ σεληνιακοῦ τοῦ, τὸ δὲ σεληνιακὸν ἐνιαυτὸν διὰ τοῦτο Ἐλλήνες καὶ Ἰουδαῖοι τρεῖς μῆνας ἐμβολιάσουν; ἔτεσιν δικτῷ παρεμβάλλουσιν.*

Изъ переданнаго содержанія видно, что это есть сокращенная еврейская ветхозавѣтная исторія до явленія Христа. Съ этой стороны она напоминаетъ иѣсколько нашу историческую Палею. Но есть и существенное отличіе.

Въ части разматриваемой ветхозавѣтной исторіи оказался толь-текстъ, который былъ оригиналомъ для нашего перевода хроники Синкелла. Сходство между тѣмъ и другимъ текстомъ замѣчается въ разныхъ мѣстахъ, а исторія царей совпадаетъ почти вся. Правда, греческій текстъ въ указанныхъ мѣстахъ не является отъ слова до-слова оригиналомъ перевода—есть и иѣкоторыя отличія; но въ общемъ при сравненіи того и другого въ тожествѣ не можетъ быть никако-го сомнѣнія, мѣстами же отличіе, конечно, объясняется исторіей текста, о которой скажу далѣе. Не дѣлая пока подробнаго сличенія переводнаго текста съ греческимъ, укажу на иѣкоторые лишь пра-мѣры буквальнаго совпаденія.

Иштрафатъ же, царь Иродовъ, сумре,
цѣтковавъ лѣтъ и є. въ негдѣ мѣсто вѣ
Ишрамиз, гдѣ его, тезѣ цѣра Инзантека,

Ιωσαφάτ δὲ βασιλεὺς Ἰουδα τε-
λευτᾶ, βασιλεύσας ἔτη καὶ διεδέξατο
αὐτὸν Ἰωράμ ὁ νιὸς αὐτοῦ ὅμῳνυμος

Иже братию сюю всю погоуби и много могоути Иуденски. нечестив же гы и аки дхавз црь Иизъяльескъ. не во но зать его баше. тѣ на Фомиты вояка щергшемка его. посльде же ино-племенници и браве изъ вон пришедше на ны. Иерамъ пріимлѣ, изгоувиша ему гыи разбѣ жиншаго. вза же его имѣнне вис. съ же въ троудовноу из-воу вѣѣ, истакнуу, дондеже всю оутровъ источи, шкоже вѣѣ ему глаах прѣк Иана. и сунѣща его не желѣша людие. прѣтесна же и лѣтъ сихъ его прна столахъ по немъ.

тѣ фасилеї 'Иоратѣ. сътос тонъ адеел-фоус сътоту панта; апѣхтеине хай плєистоус тонъ 'Иоуда дунастонъ асе-тижъ дѣ тѣ, ахолоуѳвас 'Ахасаѣ тѣ фасилеї 'Иоратѣ. хай тарѣ тѣ екениу гуар-броз. сътос 'Едоумитас епоплеметас апостастаси сътоту. юстеру дѣ ои алло-фулои хай ои 'Арафес епистратеусас-тес сътѣ хай тонъ 'Иеросалѣмъ елѣбон-тес апѣхтеину мѣн сътоту тонъ ииус панта; плѣнъ тонъ веатеру. афѣланто дѣ сътоту хай тонъ ѹпаренъ пасанъ сътос дѣ еиц дисентериан нѣсон перипесон хатехае, мѣгриз апѣдѡхен сътоту та єнтос, ахолоуѳвас оиц епестеиен 'Ніліс о профѣтѣ сътѣ хай телевитесантос сътос епенѣмтас о лаоѣ. єфасілесен дѣ етї тѣ. диседѣхато дѣ сътонъ 'Охсіас о ииус сътоту хай Годолія.

Еще болѣе имѣютъ въ этомъ отношеніи совпаденія въ тѣхъ слу-чаяхъ, когда въ еврейскую исторію вставлялись заимствованія изъ другихъ исторій, какъ, напримѣръ:

Измѣнивъ и погла въ Иеримъ, поколѣвъ Оурин чистителю таюже газда-ти туу. и вѣзвратнега жраше Сурскій вѣмъ, цркви затворникъ. въ патое лѣто дхазоу биаше шлѣжпна вторамъ, егда са Ромуила и Роліх роднита.

мѣтра сътоту лаѣшн апѣстейен еи 'Иеросалѣмъ, хелевас Оуріа тѣ іерет токиотон оикодомїзас, ои гено-мѣнду аназеука; ємнуг тонъ Суршн щеїс, наю апоклеисас тонъ щеоу тѣ дѣ пемптиф єтет тѣ; фасилеїас сътоту ѡлюмпіа; тѣ дисентера, єн тѣ Рашулои хай Рашас єгеннѣмтас.

Нужно замѣтить, что упоминаемыя события встрѣчаются и въ полной хроникѣ Синкелла, но не въ такой связи (стр. 376, 2—5 и 372); ясно, что парижской текстъ и оригиналъ перевода вышли изъ одного источника. Такого же характера, но еще болѣе убѣдительное сла-дующее совпаденіе:

И се же гаютъ, шкоже баюуть Соломоновы книги лѣчбы дѣлма вѣѣ

фѣретас дѣ ти хай токиотон тѣ Со-ломонти ѿіблос асмѣтавъ пѣтюс пан-

предъ приписаны црквищми праздн, да и ты ѿсече, да не тѣхса надѣюче, вѣга небрегоутъ. боеваша же даже и до Газы и на иноколенники. Швейцеса піѣрх прїаже поиновениа си ини. внаши шлоумана шестам, гдѧ Римъ гдѧ ство-рене, икоже аекта (sic) римская имоутъ, а икѣ вланни коудоутъ (Соф.—гл҃ютъ) лѣты четырми.

тòς ἐκκεκολαμμένη τῇ τοῦ ναοῦ φλιᾶ· τάύτην ἔξαχοφαν Ἐλεκίας οὐ προτέ-
χοντος; τοῦ λαοῦ τῷ θεῷ διὰ τὰς θε-
ραπείας χύτων, ἐνθεν δὲ πάτσους
αὐτοῖς κομίζεσθαι περιρρώτας αἰτεῖν
τὸν θεόν· ἐπολέμησα δὲ καὶ μέγυρι
Γάζης τοῖς ἀλλοφύλοις Ἀσσυρίων ἀπο-
στάς πρότερον ὑπῆκοος ὅν. ἦν ὁλομ-
πιᾶς ἕκτη καὶ Ρώμη ἐκπάσθη, ὡς τὰ
ἄκτα Ρωμαίων περιέχει, ὡς δὲ Ἐλλη-
νες ἔτεσιν ὄστερον τέσσεραν.

Если первая часть выписки и встречается въ полной хроникѣ Синкелла (377, 1—7), но зато второй части—изъ римской исторіи—совсѣмъ нѣть въ такомъ видѣ; на стр. 367, 9—12 читается совер-шенно иное извѣстіе: Рѣмулос... τειχίσει Ρѣμην хатѣ тѣн 5' ὀλυμпіада,
η̄ ὡς τινες хатѣ тѣн ὄγδоην, η̄τις τοῖς χρόνοις Ἀχαΐας συντρέχει καὶ τῷ
Ὀδуїῳ ἔτει τοῦ κόσμου.

Итакъ, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ частью оригинала славян-
скаго перевода хроники Синкелла. Этотъ оригиналъ не только вос-
производить тѣ мѣста, которымъ нѣть соотвѣтствія въ полныхъ спи-
скахъ Синкелла, какъ, напримѣръ, сказаніе о пророкѣ Йонѣ, не только
даєть текстъ въ той же самой послѣдовательности, какую мы встрѣ-
чаемъ въ переводѣ, что было видно изъ приведенныхъ примѣровъ—
но и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ соотвѣтствіе во всѣхъ трехъ
видахъ хроники, славянскій переводъ стоитъ гораздо ближе къ ука-
занному парижскому тексту, нежели къ полной хроникѣ Синкелла;
это можно видѣть изъ сравненія приведенныхъ примѣровъ.

Но хотя парижскій текстъ и близокъ къ славянскому переводу, однако, какъ и можно было предполагать, мы встрѣтимъ и отличія. Послѣднія касаются или способа изложенія, или пропуска и дополн-
енія новыхъ фактовъ. Такъ, напримѣръ, въ переводѣ царствованіе
Ахаза начинается такъ: „Δροῦγος же где“ не въ цѣнѣ лежитъ но шко въ пророце“ шко во штакленѣ“, а въ греческомъ текстѣ: „Εἰς τοῦτον ἀπὸ
Ἀδὰμ καταριθμοῦνται ἔτη ὀδυssi, ἄλλοι δέ φασι ὀδυss. καὶ ἀριθμεῖν ἔστιν τῷ
βουλομένῳ κατ’ ἔκχοτον...“ (здесь оторванъ уголъ листа). Или, напри-
мѣръ, въ исторіи Йоны, которой нѣть, какъ я сказалъ, въ полной
хроникѣ Синкелла, и которая до буквальности сходно передается въ
нашихъ двухъ текстахъ, не смотря на это, посль словъ—„εἰς τὸ σοῦ

штрови Родоса и Китноса”—*εἰ δὲ ἡσαν Ρόδος καὶ Κήπουν* въ переводѣ слѣдуетъ противъ греческаго такая вставка—„*Ишнѣфъ гѣть въ Тарзъ Киликийскыи, то во ить, гѣть, Тарсикъ ти извѣрже и китъ въ Бакинѣ мори*“.
Съ другой стороны, напримѣръ, эпизодъ съ Охозіей въ переводѣ переданъ кратко соотвѣтственно полному тексту хроники—*ωκοιωμασ
ειντи въ гѣта, ставленіи Захарнѣмъ грѣш. ти не исходаше плотнаго гѣ
аизлѣпотыства*—*=οὗτος Ὁζίας εἰσελθεῖνεις τὰ ἄγια πειρασθεῖς χωλύσυτος αὐτὸν
Ἀζαρίου τοῦ ἀρχιερέως ἐλεπρώθη, καὶ ἦν ἀπρόσιτος διὰ τὸ αἰσχυος*, 375,7—9; въ нашемъ же греческомъ текстѣ объ этомъ событии разсказывается подробно: *ὑστερον δὲ ὑπὸ τούφου κινηθεὶς ἐν εὐστήρῳ ἡμέρᾳ ἵερατικὴν στο-
λὴν ἐνδυσάμενος καὶ χρυσοῦν λαβὼν θυμιαστήριον εἰς τὸν ναὸν παρεγένετο,
ἐπὶ τοῦ χρυσοῦ βιωμοῦ ἐπιθυμιάσαι τῷ θεῷ προαγούμενος*; *χωλύσυτος δὲ
αὐτὸν τοῦ ἀρχιερέως Ἀζαρίου, ἀντέπασχεν αὐτὸς καὶ ἀναιρῆσαι τὸν ἵερεα
ἡπειλησεν ταραχῆς δὲ καὶ βίας οὕτους πολλῆς; ἐπὶ τὸ αὐτὸν σεισμὸς γίνεται
αἰφνιδίως ἔξαιπτος, καὶ τὸ ἱερὸν τῆς γῆς κραδαίνομένης διστατο καὶ φέγγος
λαμπρὸν ἔξελαμψεν καὶ τῇ ὁψὶ τοῦ βασιλέως προσέπεσε· καὶ ἐλεπρώθη αὐτὸς·
ὅρος δή τι ἐφράγγη ἐκ τοῦ σεισμοῦ καὶ κατεβλήθη σταδίους δὲ καὶ τὰς διόδους;
ἀπέφραξεν, μὴ προϊόντος δὲ αὐτοῦ διὰ τὴν τοῦ σώματος αἰσχύνην—послѣд-
няя фраза, однако, совершенно сходится съ переводомъ.*

Сходство парижского текста съ переводомъ, вполнѣ ясное въ исторіи царей до царства Персидского и Вавилонского, замѣчается и въ исторіи послѣднихъ царствъ, хотя уже и не такое близкое. Напримѣръ, исторія Юди, вставленная въ исторію Камбиза, рассказана дословно сходно въ томъ и другомъ памятникѣ и въ той же обстановкѣ. Мѣстами незначительное сходство можно встрѣтить и въ до-царской исторіи.—Однимъ словомъ, въ разсмотрѣнной хроникѣ мы имѣемъ, между прочими, дѣло съ частью хроники Синкелла, въ ея краткой редакціи, послужившей оригиналомъ для славянскаго перевода. Такъ какъ списокъ парижскій относится къ XI вѣку, и такъ какъ эта ветхозавѣтная исторія представляетъ собой уже не первоначальный видъ, а компиляцію изъ различныхъ источниковъ, то отсюда слѣдуетъ, что краткая редакція хроники Синкелла существовала до XI вѣка. — Въ хроникѣ парижской мы встрѣчаемъ какъ бы заимствованія изъ хроники Георгія Амартола; такъ, напримѣръ, я указалъ, что изъ него взять разсказъ о виществіи Александра Македонскаго въ Йерусалимъ. Такого рода заимствованія сдѣланы самимъ редакторомъ разбираемой еврейской исторіи, такъ какъ этого, напримѣръ, описанія нѣть въ славянскомъ переводѣ и въ полной хроникѣ Синкелла. Но отъ такихъ заимствованій нужно отличать другія, бывшия уже въ той редакціи.

хроники Синкелла, которая послужила и оригиналомъ перевода: въ исторіи царей такія заимствованія, хотя и въ незначительной степени, встрѣчаются и находять себѣ соотвѣтствіе въ славянскомъ переводѣ.

Что касается мѣста и времени появленія перевода хроники, то точное рѣшеніе зависить, конечно, отъ детальной разработки хроники. Пока можно только указать, что списокъ хроники принадлежитъ XV вѣку. Синодальный списокъ 154, въ которомъ удержалась незначительная часть хроники, относится также къ XV вѣку; надо заключать отсюда, что въ XIV вѣкѣ приблизительно хроника уже была. Въ настоящемъ видѣ хроника является чисто русской: всюду полногласныя формы, причастія на *че*, какъ напр. „надеюче“, и нѣть никакихъ слѣдовъ ни болгаризмовъ, ни сербизмовъ. Съ большою вѣроятностью можно думать, что хроника переведена въ Россіи. Ея языкъ не лишенъ иѣсколько народной стихіи. Мы встрѣчаемъ такія, напримѣръ, выраженія какъ „самъ третій“ (прехвати емоу Іамовъ), клюкою мѣръю, (хотѣше бо) клюкою (иши Веньямина); встречается слово „вѣче“—„зане не придоша на вѣче въ Мисафѣ“, или, напримѣръ, слово „могутны“ для передачи греческаго δυνατός: „погоуби многы могутны Иудеиски“ = ἀπέκτεινε πλείστους τῶν Ἰουδαίων δυνατῶν. За то же говорить гlosса къ слову „седмерица“: „аще начнетъ кто чести б седмериць, еже мы зовемъ *нѣла*“.

Гдѣ бы ни была переведена хроника, трудно понять причину ея появленія. Гораздо понятнѣе ея малая распространенность. При своемъ конспективномъ и при томъ рано оканчивающемся видѣ она не могла представлять для славянина большого интереса. Хроника Георгія Амартола и компиляціи въ видѣ Еллинскаго Лѣтописца занимали читателя гораздо больше и потому и пользовались большей распространенностю, вытѣснивъ изъ употребленія хронику Синкелла.

Во всякомъ случаѣ, наши свѣдѣнія по византійско-славянской литературѣ иѣсколько увеличиваются. Мы узнаемъ о существованіи особой краткой редакціи греческой хроники Синкелла, редакціи, известной въ цѣломъ видѣ пока лишь изъ перевода. Можно предполагать далѣе, что этотъ краткий видъ Синкелла есть первоначальный видъ хроники, впослѣдствіи переработанной самимъ Синкелломъ—предположеніе, привѣтіе или отверженіе какого-либо зависитъ отъ последующей детальной разработки. Мы получаемъ подтвержденіе высказанаго Уидольскимъ предположенія, что настоящая хроника есть, дѣйствительно, хроника Синкелла. Мы должны, наконецъ, предполагать существование особыхъ историческихъ компиляцій, въ составъ кото-

рыхъ входила уже въ переводѣ хроника Синкелла. Въ области же византійской литературы мы узнаемъ о существованіи особой компилятивной ветхозавѣтной исторіи, въ составѣ которой входили между прочимъ: 1) Физіологъ, 2) хроника Георгія Амартола, 3) Первовангіе Іакова и 4) хроника Георгія Синкелла въ сокращенной редакції. Эта греческая компиляція ветхозавѣтной исторіи имѣть и еще значеніе для исторіи русской литературы по соприкосновенію ея съ одной изъ позднѣйшихъ редакцій Толковой Палеи, на чёмъ я остановлюсь.

Въ слѣдующей главѣ я разсмотрю Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ и связанныя съ нимъ позднѣйшія редакціи Толковой Палеи, а теперь я скажу два-три слова для предварительного поясненія. Съ теченіемъ времени Толковая Палея была взята какъ основная часть для составленія особой редакціи хронографа. Этотъ хронографъ находится, съ другой стороны, въ тѣсной связи съ Еллинскимъ Лѣтописцемъ, и потому можетъ быть называемъ двояко, смотря потому, что примемъ за центръ тяжести, или—Толковой Палеей, слитой съ хронографомъ, какъ называлъ его Тихонравовъ, или Еллинскимъ лѣтописцемъ особой редакціи. Оставимъ за нимъ название Толковой Палеи, въ виду сохранившагося такого названія въ рукописяхъ. Такихъ рукописей извѣстно въ настоящее время 5—6, и каждая изъ нихъ представляетъ довольно объемистый томъ листовъ въ 500—600. Въ настоящее время мы извѣстно три списка особой краткой редакціи этого, такъ сказать, средняго памятника между Толковой Палеей и Еллинскимъ Лѣтописцемъ, между прочимъ списокъ изъ Погодинского собранія № 1434. Въ той и другой редакціи Палеи, конечно уже чисто-русскаго происхожденія, встрѣчаются нѣсколько разсказовъ, которыми обѣ редакціи сближаются съ Парижской греческой хроникой.

Сближеніе касается, прежде всего, исторіи Моисея. Въ полной Палеѣ, связанной съ хронографомъ, исторія Моисея представляеть конгломератъ изъ текста Палеи типа Коломенской и апокрифического сказанія о Моисеѣ, изданного Тихонравовымъ подъ именемъ „Исходъ Моисеевъ“. Самъ по себѣ этотъ апокрифъ, разобранный подробно Порфириевымъ, связывается по содержанію съ сказаніемъ о Моисеѣ Йосифа Флавія, но не есть переводъ сего послѣдняго. Въ полную Палею вошелъ именно этотъ апокрифъ въ готовомъ уже переводѣ, явившемся, понятно, раіѣ составленія полной редакціи Палеи. Объ обратномъ ходѣ не можетъ быть и рѣчи, въ виду того, что ясно сохранился и текстъ Палеи Коломенской. Три списка указанной сокращенной редакціи Палеи даютъ исторію Моисея частію по Палеѣ, ча-

стю по Библії, при чёмъ нужно обратить вниманіе на то, что, хотя заимствованія изъ Палеи встрѣчаются и въ полной ея редакціи, такъ что съ этой стороны трудно было бы сказать, на основаніи какой редакціи составленъ разсматриваемый разсказъ—на основаніи ли Коломенской или хронографической—не смотря на это, нужно обратить вниманіе на то, что въ разсматриваемомъ разсказѣ нѣтъ слѣдовъ апокрифического „Исхода Моисея“, хотя съ другой стороны мы находимъ то же приблизительно изложеніе, но изъ другого источника. Это доказываетъ, съ одной стороны, что краткая редакція не вышла непосредственно изъ полной, а обѣ восходятъ къ одной древнѣйшей. Эта древнѣйшая редакція въ исторіи Моисея подъ рукой одного редактора осложнилась апокрифическимъ „Иходомъ Моисея“, подъ рукой другого, редактора указываемыхъ трехъ списковъ краткой редакціи или точнѣе—ея оригинала, осложнилась другимъ разсказомъ, хотя и передававшимъ то же содержаніе. Этотъ послѣдній разсказъ и является тѣмъ же, что въ Парижской греческой хроникѣ. Разсказъ, какъ я уже замѣтилъ, представляетъ собой изложеніе сказанія Іосифа Флавія, но также не есть его переводъ. Славянское дополненіе указывается на какую-то хронику, которая въ данномъ случаѣ составлялась по Іосифу Флавію, такъ какъ мы встрѣчаемъ въ срединѣ такую ссылку: „Ишнѣхъ письца жидающага тако есть писалъ“. Ближайшій оригиналъ этой хроники и есть парижскій текстъ, съ которымъ сходство начинается со словъ „сіїнокинжннка нѣкто възѣсти Фарашиоу, ико роднаса есть съ врема то нѣкомуо гнѣ въ Изрѣльѣхъ иже үшетъ смирити шваагть вѣгипитскou=—еї; дѣ ти; тѡи па' Аїгуптіон іерограптиатеѡу проѣтишауетъ тѣ Фараши техвѣсоеѡамъ парада тої; Іорадлітаис тиа, бс піасау меч тапеишсе: [еї;] тїи Аїгуптто. Отсюда пока выводъ тотъ, что у насъ существовала если не цѣлая хроника, то какое-то изложеніе библейской исторіи, бывшее переведомъ съ греческаго, и тамъ и тутъ уцѣльвшее въ остаткахъ. Къ тому же заключенію приводятъ и слѣдующія сближенія.

Такое же сближеніе встрѣчается далѣе въ исторіи Давида, въ разсказѣ о составленіи псалтири. Въ полной редакціи Палеи разсказъ начинается такъ: „Бы еїа ковчегъ съ Іеримъ принесе“ до рѣкѣ Хебъ за ёи и за ўлѣ, и собра важныи дѣдъ премѣрьша ѿ еїа племеня Іудеевъ, избра ѡи мѣжа ѿ племене Левїнска, имже си имена Іега, Емѣ, Иудфимъ, Ефамъ, и кындо иих имаше съ головою по би и по два мѣжа, иже иих Шпѣбаалъ⁸ алилоуїа“ (Погод. 1435, л. 315), что соответствуетъ сдѣланной выше выпискѣ изъ Парижского списка. Еще нѣсколько ближе въ краткой редакціи Толковой Палеи — „ѡ еїа бо колѣни Изрѣль ѿ мої избра, а ѿ племени.

Искитыка й, иже начинакоу пѣ^г. вакоу ги „Ісафѣ“ и т. д.—опять доказательство, что указанная краткая редакція Палеи не прямо вышла изъ известной намъ полной редакціи, но вмѣстѣ съ ней восходитъ къ болѣе древней. Далѣе слѣдуетъ полное совпаденіе. По окончаніи описанія составленія псалтири перечисляются авторы псалмовъ также въ соответствии съ греческимъ текстомъ, кончая словами „степеннымъ пѣснѣ ё—ѡбдай тѡу ἀναβαθμῶνъ іε (въ славянскомъ числе перенесено изъ аллилуй-ныхъ псалмовъ). На этомъ оканчивается сказаніе полной редакціи Палеи, краткая же редакція продолжаетъ объясненіе, почему псалмы называются Давидовыми и—опять въ соответствии греческому тексту: „є^г достоинъ пытати, почто псалмы гї Дѣбѣи нарічають ї соуть створени ие ѿ того единого. ии“ понеже ии^г есть замыслы и начинки пѣснель = Сүптугтѣон бѣ, діа тї фалмои той Дафід лѣгочутаи, ѿпо діафорофу рѣбунтес. етепѣдѣй тоўтоу айтѣ; ѿптрѣев аїтюс; тамъ и тутъ указаніе на книгу Есфири. Въ виду того, что тамъ и тутъ сказаніе слѣдуетъ вполнѣ одинаково непосредственно за указаніями авторовъ, мы опять выводимъ доказательство въ пользу восхожденія краткой редакціи Палеи къ болѣе древней, нежели какую даютъ намъ известные списки полной.

Наконецъ еще одно совпадение наблюдается между краткой редакцией Палеи и парижскимъ греческимъ текстомъ—въ разсказѣ о царствованіи Соломона. Тамъ и тутъ прежде всего въ одинаковой последовательности говорится о построеніи храма и дома, упоминается объ узнаніи мальчиковъ и девочекъ и затѣмъ дается объясненіе, почему Соломонъ взялъ себѣ женъ инонлеменныхъ, при чёмъ это объясненіе совпадаетъ буквально: „Рѣша же пѣчи, ико не вѣда дѣла есть жены пониалъ. аще бо быахъ женолюбецъ, да не бы быахъ прѣмѣръ, аще есть сего кромѣ, да прѣмѣръ есть, како бо Ѿаштъ прѣмѣръ быти. понеже бо женски дѣла пахоти вѣзахъ есть въ идологлоуженіе вѣсомъ“—л. 198; см. выше греческую выписку. Сходство между двумя текстами продолжается и далѣе, когда начинаются приводиться изрѣченія Соломона, напримѣръ:

„Гáть же ѿ падении єже ѿ же-
нахъ: ѿбрѣтоухъ горчач гмѣти єже ѿрѣ-
татиша съ женами, єже бояты лобити
и мрежа ѿрчнымъ. и паки оучить на-
глъ, икоже вѣнъ ро єдни єсть везѣ
грѣха, а не чайка, и нѣ чайка на
землѣ прѣна, иже єсть геткорнае добро,
и грѣхъ не поудеть геткорна. гетстабил

Δέγει δὲ καὶ περὶ τοῦ ὀλέθρου
τοῦ πρὸς γυναικας· εὔρον πικρότερον
ὑπὲρ τὸν θάνατον τὴν γυναικα, ἣτις
ἐστὶ θήρευμα καὶ σαρίττη χαρδίας, καὶ
πάλιν λέγει, διδόσκων ἡμᾶς, ὅτι ἡ
φύσις τοῦ θεοῦ μόνη ἀναμάρτητος
καὶ οὐκ ἀνθρωπος, φάσκων οὐκ ἔστιν
ἀνθρωπος δίκαιος ἐν τῇ γῇ, ὃς ποιήσει

же есть книги изма(тъ) и пѣние вѣ-
камъ сладости неполны соуфа и дѣлного
веселія дѣлгѣнне въ танихъ исповѣ-
датиша гподоби—л. 199.

ἀγαθὸν καὶ οὐκ ἀμερτῆσται... συν-
τάττει δὲ καὶ τὸ βιβλίον τῶν ἀσμά-
των θυμητρίας πάστης μετὸν καὶ πνευ-
ματικῆς εὐφρόσύνης πεπληρωμένον τὸν
τῆς νύμφης οὐράνιον ἔρωτα, τουτέστι
τῆς ἐκκλησίας πρὸς τὸν ἑστῆς νυμ-
φίον τὸν Χριστόν, τουτέστι πνευμα-
τικῶς ἄσαι καὶ μυστικῶς διηγήσασθαι
κατάξιωθείς.

Изъ этихъ трехъ случаевъ совпаденія неминуемо должно заклю-
чать, что авторъ сокращенной редакціи Палеи имѣлъ подъ руками
такое изложеніе библейской исторіи, которое въ данныхъ случаяхъ
совпадало съ парижскимъ греческимъ текстомъ. Нужно, впрочемъ,
имѣть въ виду, что мы встрѣчаемъ иногда подобного рода случаи,
которые могутъ повести и къ неправильнымъ заключеніямъ. Полоб-
наго рода совпаденія не всегда могутъ приводиться въ генетическую
связь, и иногда въ переведномъ славянскомъ памятнику мы встрѣ-
чаемъ позднѣйшее добавленіе, которое является на томъ же мѣстѣ
и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ редакціяхъ греческаго оригинала.
Анализъ доказываетъ тогда, что совпаденіе чисто случайное, вызван-
ное одними и тѣми же условіями. Пусть будетъ и здѣсь случайное
совпаденіе. Но несомнѣнны оно остается одно— тождество текста. Откуда
же взять славянскій текстъ? Было бы смѣло предполагать, чтобы ре-
дакторъ краткой Палеи откуда-то переводилъ самъ; несомнѣнно онъ
все бралъ изъ готоваго источника. Исторія же Моисея указываетъ,
что непосредственнымъ источникомъ не могъ быть Іосифъ Флавій,
такъ какъ тамъ и тутъ разсказъ послѣдняго передамъ въ изложеніи.
Остается признать существование особаго славянскаго памятника, по
крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ библейской исторіи, въ чемъ, конечно,
въ виду цѣлаго ряда другихъ однородныхъ фактовъ, особеннаго со-
мѣнія быть не можетъ.

В. Истрина.

РАЗНОГЛАСІЕ ВЪ ШКОЛЪ НОВАГО ЭМПІРИЗМА ПО ВОПРОСУ ОБЪ ИСТИНАХЪ САМООЧЕВИДНЫХЪ¹⁾.

Е. Значеніе, которое должно принадлежать неразрывнымъ ассоціаціямъ по эмпіризму.

Отстаивая неизмѣнность неразрывныхъ ассоціацій и достовѣрность соотвѣтствія ихъ связямъ бытія, Спенсеръ не считаетъ однако излишнимъ указать и на такую точку зреянія, съ которой оказалось бы возможнымъ, даже и допускалъ, что между неразрывными ассоціаціями человѣческаго сознанія есть и несоотвѣтствующія абсолютнымъ законамъ дѣйствительности, все же смотрѣть на нихъ какъ на законный критерій достовѣрности. „Если между положеніями, опирающимися на необходимую мыслимость, говорить онъ²⁾, и есть еще нѣкоторыя такія, которыхъ не смотря на такое ручательство.... тѣмъ не менѣе не справедливы (хотя я и не вижу никакихъ причинъ такъ думать), то мы все же должны допустить, что... положенія, подтверждаемы этиимъ критеріемъ, выражаютъ чистый результатъ нашихъ опытовъ до настоящей минуты, что есть самое лучшее ручательство въ ихъ пользу, какое только возможно“..

Выраженное въ этихъ словахъ допущеніе возможной несостоятельности тѣхъ или другихъ неразрывныхъ ассоціацій Спенсеръ дѣлаетъ здѣсь, правда, никакъ не въ примѣненіи къ своему собственному взгляду на эти ассоціації, а въ примѣненіи къ Миллеву взгляду на нихъ, по

---

¹⁾ Продолженіе. См. іюльскую книжку *Журнала Министерства Народного Просвещенія* за 1903 годъ.

²⁾ Princ. of Psych. P. 417, p. II, IV, 114.

которому онъ составляютъ результатъ единоличнаго опыта индивидуума и по которому, конечно, и прогрессивное увеличеніе точности уже образовавшихся неразрывныхъ ассоціацій, т. е. возможныя измѣненія въ нихъ самихъ соотвѣтственно прогрессирующему опыту должны происходить всѣ въ теченіе жизни индивидуума. И имѣя дѣло даже съ этимъ толкованіемъ происхожденія неразрывныхъ ассоціацій, Спенсеръ все же, какъ видимъ изъ приведенныхъ словъ, считаетъ нужнымъ въ скобкахъ замѣтить, что онъ самъ не видитъ никакихъ причинъ допускать такого предположенія о возможномъ обнаруженіи ихъ несостоятельности. Что же касается познавательнаго значенія этихъ ассоціацій при признаніи ихъ за результатъ опыта безчисленныхъ поколѣй, то Спенсеръ считаетъ ихъ при этомъ условіи такими критеріемъ достовѣрности, который имѣть цѣну, неизмѣримо превосходящую цѣну всякаго критерія, который могъ бы быть доставленъ индивидуальнымъ опытомъ¹⁾). Но такъ какъ по всему изложенному выше ясно, что предположеніе о возможной несостоятельности той или другой изъ неразрывныхъ ассоціацій не только примѣнимо ко взгляду на нихъ самого Спенсера, но и составляетъ неизбѣжную его послѣдовательность, то нельзя не признать, что Спенсеръ поступаетъ вполнѣ цѣлесообразно, стараясь указать выходъ изъ затрудненій, которыхъ соединяются съ этимъ предположеніемъ.

Обращаясь къ существенной сторонѣ дѣла, къ самому Спенсерову разъясненію этого выхода, мы не можемъ не признать, что оно ставить вопросъ о познавательномъ значеніи необходимой мыслимости на почву съ эмпиристической точки зрѣнія болѣе прочную. Къ знанію

¹⁾ *Princ. of Psych.* II, 419, 420, р. IV, 117, 118. Предположеніе о возможной несостоятельности необходимо мыслимаго Спенсеръ дѣлаетъ и тогда, когда ищетъ выхода для мысли при противорѣчіи другъ другу суждений, одинаково претендующихъ на необходимую мыслимость. Указывая опредѣленный выходъ изъ этого затрудненія, Спенсеръ объясняетъ, что этотъ выходъ оказался бы одинаково неизбѣжнымъ, предположимъ ли мы въ этихъ противорѣчащихъ одна другой необходимыхъ мыслимостяхъ дѣйствительными необходимыми мыслимостями или будемъ думать, что одна въ нихъ должна быть ложимою. Но, при своихъ разъясненіяхъ на сдѣланнія ему возраженія, онъ очень опредѣленно заявляетъ, что возможность взаимной борьбы между дѣйствительными необходимыми мыслимостями допущена имъ только ради доказательства, гипотетически, и не на фактѣ и не какъ присущая природѣ необходимыхъ мыслимостей. *Princ. of Psych.* II, 431 и 433, р. п. 130, 132. А нѣсколько выше въ примѣненіи Спенсеръ выражаетъ даже неудовольствіе на то, что его взглядъ однажды писателемъ былъ истолкованъ такъ, что можно было предположить неувѣренность самого Спенсера въ совершенной достовѣрности его критерія.

здесь предъявляется требование, более соответствующее ресурсамъ эмпіризма, именно требование подтверждения всѣмъ сполна предшествующимъ опытомъ. И если признакомъ, на основаціи которого здесь считается возможнымъ установить это полное согласие сужденія съ опытомъ, ставится необходимая мыслимость сужденія, то это также, повидимому, хорошо согласуется съ ученiemъ эмпіризма о самомъ происхожденіи необходимой мыслимости, которая, какъ мы знаемъ, разсматривается въ этомъ направленіи какъ результатъ вліянія на сознаніе согласныхъ съ сужденіемъ фактovъ, встрѣчавшихся въ опытѣ въ чрезвычайномъ обиліи и въ продолженіи очень долгихъ періодовъ. Однако мы все-таки должны внимательнѣе всмотрѣться, не требуетъ ли и эта оцѣнка познавательного значенія необходимой мыслимости какихъ-либо ограниченій, и за тѣмъ точнѣе опредѣлить, какое значеніе мы можемъ прописать ей въ процессахъ научного знанія.

1.

Какъ скоро признало, что даже и неразрывная ассоціація могутъ оказываться несостоятельными передъ судомъ развивающагося и расширяющагося человѣческаго опыта, то считать сужденіе, опирающееся на неразрывной ассоціації, за чистый результатъ всего сполна предшествующаго опыта можно бы было лишь при однѹмъ условіи, именно если бы мы могли быть увѣрены, что появление въ сознаніи данныхъ, способныхъ вести къ обнаружению несостоятельности той или другой изъ неразрывныхъ ассоціацій, тотчасъ же разрушаетъ неразрывность этой ассоціації. Понятно, что только при этомъ условіи сохраненіе ассоціаціей неразрывности было бы надежнымъ ручательствомъ за отсутствіе во всемъ прожитомъ опыта противорѣчащихъ ей показаній.

Но для послѣдователя Спенсеровой философіи подобная увѣренность невозможна уже вслѣдствіе развиваемаго въ этой философіи взгляда на условія образованія необходимой мыслимости. Если необходимая мыслимость, какъ учитъ Спенсеръ, есть результатъ опыта многихъ вѣковъ и безчисленныхъ поколѣній, выражаящейся въ образовавшемся въ самой организаціи предрасположеніи къ ней, то разрушение ея вслѣдствіе расширенія опыта и появленія въ немъ указаній на ея познавательную несостоятельность должно также требовать дѣятельности поколѣній подъ видомъ измѣнившимися условіями. Притомъ же изъ исторіи человѣческаго развитія мы хорошо знаемъ,

что тѣ взгляды, которые способны становиться въ антагонизмъ съ положеніями, постоянно и въ обилии подтверждавшимися, какъ казалось ранѣе, всѣмъ сполна опытомъ, часто получаются лишь косвеннымъ, а иногда и очень сложнымъ путемъ. Но мы не можемъ не признать, что на разрушение ассоціацій отдаленные и косвенные выводы должны вліять далеко не такъ быстро и энергично какъ прямо противорѣчащіе такимъ ассоціаціямъ факты, непосредственно данные въ восприятіи. Послѣдніе должны прямо въ восприятіи вызывать противорѣчащую ассоціацію или, если даже предположить образовавшуюся органическую неспособность къ тому, должны все же сопровождаться такой усиленной тенденціей преодолѣть это затрудненіе, которая при повтореніяхъ способна сильно вліять на организацію. Выводы же совершаются въ простыхъ представленіяхъ; и самъ Спенсеръ хорошо знаетъ и не разъ очень энергично выражаетъ ту мысль, что при мыслительныхъ операцияхъ съ представленіями люди, находя опору въ словесныхъ терминахъ, часто не соединяютъ съ этими терминами и ихъ сочетаніями вполнѣ точно соответствующихъ имъ и вполнѣ опредѣленныхъ образовъ, даже когда для этого нѣть особыхъ затрудненій. Такимъ образомъ организмъ при выводахъ не поставленъ въ ту же необходимость усиленно вырабатывать непривычные для него сочетанія представлений, въ какую поставленъ при восприятіи. Въ виду всего этого едва ли на точкѣ зрѣнія Спенсеровой философіи можно отрицать, что разрушение неразрывной ассоціаціи можетъ далеко отставать по времени отъ скопленія въ сознаніи данныхъ, способныхъ вести къ обнаружению ея познавательной несостоятельности. И если, какъ мы видѣли выше, некоторые изъ взглядовъ, ранѣе бывшихъ общепризнанными и позднѣе отринутыхъ наукой, должны были въ свое время вполнѣ удовлетворять тѣмъ условіямъ, которыя по учению Спенсера должны сопровождаться образованіемъ необходимой мыслимости, то какимъ образомъ Спенсеръ могъ бы доказать, что въ ссылкахъ на необходимую мыслимость этихъ взглядовъ, которыхъ дѣлались уже послѣ того, какъ развивавшійся опытъ способенъ быть возбуждать въ нихъ сомнѣніе, мы не имѣемъ наглядныхъ примѣровъ сохраненія неразрывности ассоціаціи въ такое время, когда она уже не имѣть значенія чистаго результата всего сполна бывшаго доселѣ опыта?

Возможность недостаточной согласованности сужденія, опирающагося на неразрывную ассоціацію, съ другими результатами опыта должна была для Спенсеровой философіи не только быть выводомъ изъ фактовъ

прошедшій исторії человѣческаго сознанія, но и фактамъ жизни научнаго сознанія въ настоящемъ. Если Спенсеръ, какъ мы уже знаемъ, самъ признаетъ случаи столкновенія въ человѣческомъ сознаніи сужденій, непосредственно опирающихся на необходимую мыслимость, съ сужденіями выводными, т. е. посредственно опирающимися на нее же, и если въ основаніи сужденій, опирающихся непосредственно на необходимую мыслимость, долженъ лежать съ эмпіристической точки зрѣнія опытъ, т. е. факты, опредѣленнымъ образомъ истолкованные и обобщенные, то случаи противорѣчія выводныхъ положеній очевиднымъ прямо должны представлять собою исключенія изъ общаго положенія о полномъ согласіи необходимо мыслимаго съ опытомъ. Конечно, столкновеніе выводного положенія, опирающагося на одну часть опыта, съ непосредственно очевиднымъ положеніемъ, опирающимся на другія его части, еще не доказывается, чтобы первая часть опыта совсѣмъ не мирилась съ самоочевиднымъ положеніемъ, опирающимся на другія его части. Очень можетъ быть, что выводное положеніе на дѣлѣ не оправдывается тою частью опыта, на которую оно опирается въ сознаніи, и вѣра въ него возникаетъ подъ вліяніемъ неправильнаго истолкованія той или другой группы фактовъ или неправильнаго ея обобщенія. Но вѣдь и подъ подтвержденіемъ сужденія всѣмъ сполна опытомъ мы, конечно, можемъ разумѣть только подтвержденіе его всѣми безъ исключенія имѣющими отношение къ нему фактами въ тѣхъ ихъ истолкованіяхъ и при тѣхъ ихъ обобщеніяхъ, въ которыхъ являются они передъ нашимъ сознаніемъ. А поэтому до тѣхъ поръ, пока не обнаружена нашимъ же сознаніемъ ошибка въ тѣхъ истолкованіяхъ и обобщеніяхъ фактовъ, которыя нужны для вывода, противорѣчашаго сужденію, непосредственно опирающемуся на необходимую мыслимость, или пока точнѣйшей экспериментацией надъ своими представленіями мы не обнаружимъ иллюзорность необходимой мыслимости той или другой посылки,—до этихъ поръ выводное положеніе, стоящее въ антагонизмѣ съ положеніемъ, непосредственно опирающимся на необходимую мыслимость, не можетъ не претендовать въ нашемъ сознаніи на право считаться представителемъ части опыта, а слѣдовательно и противорѣчашее ему сужденіе не можетъ быть признано за чистый результатъ всего сполна доселѣ бывшаго опыта.

Впрочемъ для того, чтобы усомниться въ томъ, что то или другое необходимо мыслимое положеніе вполнѣ согласовано со всему совокупностью предшествовавшаго опыта,—для этого при послѣдовательномъ

развитії Спенсеровій філософії нѣтъ даже нужды требовать, чтобы съ нимъ сталкивалось въ прямомъ противорѣчіи другое положеніе, также претендующее на твердую обоснованность. Для этого достаточно, чтобы существовали факты или твердо обоснованныя положенія, которая для нашего сознанія было бы даже только затруднительно съ тѣхъ или другихъ сторонъ согласить съ необходимо мыслимы положеніемъ, чтобы попытки подобного соглашенія терпѣли неудачи, вызывали недоумѣнія. Даже и въ этихъ случаяхъ мы, очевидно, имѣли бы примѣры необходимыхъ мыслимостей, о которыхъ нельзѧ было утверждать, что онѣ стоять въ совершенномъ согласии со всѣми прошедшими черезъ сознаніе и способными быть поставленными въ отношеніе съ опредѣленнымъ необходимо-мыслимымъ сужденіемъ фактами. Вѣдь новые взгляды, заступавшіе мѣсто тѣхъ древнихъ взглядовъ, которые по послѣдовательности Спенсерова ученія объ образованіи необходимой мыслимости должны были, какъ мы видѣли, считаться имѣвшими въ древности характеръ неразрывныхъ ассоціацій, вначалѣ являлись подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ фактovъ и выводовъ изъ нихъ только въ качествѣ болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадокъ, болѣе или менѣе сильныхъ возраженій противъ точного соответствія бытію тѣхъ объясненій его, которая сами собою навязывались образовавшюся ранѣе неразрывною ассоціацію; они не имѣли вначалѣ претензіи даже и на ту степень принудительности для сознанія, которую должны имѣть взгляды, иллюзорно претендующіе на необходимую мыслимость. Съ другой стороны, по Спенсерову ученію объ образованіи необходимыхъ связей¹⁾ фактически существующа въ нашемъ сознаніи неразрывная ассоціація не явились сразу въ качествѣ неразрывныхъ, но должны были проходить послѣдовательно всѣ ступени ассоціаціи и всѣ ступени вѣры, пока не возвысились подъ продолжающимся давленіемъ постоянно подтверждающаго ихъ опыта до той высшей ступени ассоціаціи и вѣры, которую видѣть онъ въ необходимой мыслимости. А поэтому и всякимъ фактамъ и положеніямъ, способнымъ возбуждать въ сознаніи недоумѣнія относительно полной согласованности съ опытомъ того или другого изъ существующихъ въ сознаніи необходимо мыслимыхъ положеній, ничто не препятствуетъ по дѣйствительной послѣдовательности Спенсеровской системы не только даже быть указаніями на

¹⁾ Princ. of Psych. I, 541, р. II. 274. Здѣсь собственно идеть рѣчь о связяхъ представленій съ дѣйствіями; но то же приложимо и къ связямъ между представлениями.

дѣйствительную несостоятельность этого положенія, которая при дальнѣйшемъ развитіи опыта можетъ обнаруживаться яснѣ и яснѣ, но и вести ко взглядамъ, которые сами могутъ съ течениемъ времени превращаться въ необходимо мыслимые положенія.

Такимъ образомъ должно быть признано несомнѣннымъ, что есть случаи, когда необходимая мыслимость съ точки зрења эмпіризма не можетъ считаться ручательствомъ даже и за то, что положеніе, характеризующееся ю, составляетъ чистый результатъ всего доселѣ существовавшаго опыта.

Когда Спенсеръ, признавъ необходимую мыслимость критеріемъ достовѣрности, тѣмъ не менѣе останавливается на вопросѣ, какъ поступать при взаимномъ противорѣчіи сужденій, опирающихся на эту необходимую мыслимость, и требуетъ особаго процесса для разрѣшенія этой коллизіи, то на это можно, повидимому, смотрѣть какъ на косвенно выраженную имъ самимъ поправку или ограниченіе развиваемаго имъ взгляда. Но какъ скоро мы видимъ, что Спенсеръ, поставивъ вопросъ объ этихъ коллизіяхъ тотчасъ послѣ того, какъ имъ быть твердо выраженъ взглядъ на необходимую мыслимость, какъ на высшій критерій истины, хочеть законное рѣшеніе этихъ коллизій видѣть въ простомъ сравнительному расчисленіи количества ссылокъ на необходимую мыслимость при процессѣ убѣжденія въ каждомъ изъ стоящихъ въ антагонизмѣ сужденій и выдаетъ это рѣшеніе за критерій относительной состоятельности, то невольно является вопросъ: достаточно ли оцѣниваетъ онъ значеніе этихъ коллизій для опредѣленія познавательной значимости даже прямо тѣхъ самыхъ необходимо мыслимыхъ сужденій, которыхъ враждебно сталкиваются съ другими подобными же сужденіями. Вѣдь только въ томъ случаѣ, когда предполагается, что даже и при такихъ коллизіяхъ твердое сознаніе необходимой мыслимости положенія должно считаться завершительнымъ моментомъ всякаго изслѣдованія предмета по существу, такъ что при немъ должно терять значеніе всякое дальнѣйшее подобное изслѣдованіе, — только при такомъ предположеніи, повидимому, можно было бы съ правомъ для разрѣшенія коллизій требовать не дальнѣйшаго изслѣдованія предмета по существу, а простого расчисленія сравнительного количества возможныхъ ошибокъ въ примѣненіи критерія и провозглашать подобное расчисленіе критеріемъ относительной состоятельности.

Правда, есть фактъ, который легко счѣсть доказательствомъ того, что Спенсеръ при своемъ ученіи обѣ этомъ критеріи относительной состоятельности въ дѣйствительности не могъ руководиться этимъ пред-

положениемъ. Этотъ фактъ состоить въ томъ, что Спенсеръ пользуется своимъ относительнымъ критеріемъ для защиты своего реализма противъ другихъ философскихъ взглядовъ, противъ которыхъ онъ предварительно, еще до всѣхъ своихъ разсужденій о критеріи достовѣрности вообще, дѣлаетъ разнообразная критическая замѣчанія, и, при самомъ примѣненіи къ этому спору критерія относительной состоятельности, замѣчаетъ¹⁾, что на основаніи этого критерія антиреалистические взгляды должны бы были быть отвергнуты даже и въ томъ случаѣ, если бы доказательства этихъ взглядовъ представлялись несомнѣнными, т. е. не допускали никакихъ возраженій. Однако, Спенсеръ никогда не говоритъ, что своими возраженіями противъ антиреалистическихъ взглядовъ онъ хочетъ доказать несостоятельность такихъ выводовъ, приводимыхъ въ пользу этихъ взглядовъ, которые имѣются для сознанія характеръ необходимой мыслимости, и вообще никогда не говоритъ о возможности опроверженія того, что сохраняетъ для сознанія необходимую мыслимость. Своими возраженіями противъ антиреалистическихъ выводовъ онъ хочетъ, наоборотъ, показать, что эти выводы не имѣютъ никакой принудительной силы для мысли, что они основываются на недоразумѣніяхъ, которыя не трудно обнаружить. Съ другой стороны, считая свое реалистическое воззрѣніе опирающимся на сознаніе неотразимой необходимой мыслимости, онъ на основаніи этого заранѣе признаетъ не имѣющими никакой силы возраженія противъ него, хотя бы мысль не находила средствъ разрѣшить эти возраженія. Къ своей ссылкѣ на неотразимую необходимую мыслимость реальности предметовъ виѣшняго воспріятія онъ самъ, правда, считаетъ неизлишнимъ присоединить очень подробное разъясненіе того, что вся совокупность фактовъ, проходящихъ черезъ сознаніе, должна неминуемо вести сознаніе къ соединенію съ виѣшними воспріятіями представлений о виѣшней реальности; и это разъясненіе по его собственнымъ словамъ²⁾ дѣлается имъ въ виду того, „что и послѣ положительного доказательства (т. е. послѣ ссылки на необходимую мыслимость) оставался у насъ все еще не разрѣшеннымъ настоятельный вопросъ о томъ, какимъ образомъ можетъ сложиться внутри сознанія это понятіе о существованіи, не находящемся внутри сознанія“. И такъ какъ этотъ именно вопросъ, какъ хорошо знать и самъ Спенсеръ, служилъ для некоторыхъ противниковъ реализма однимъ

¹⁾ Princ. of Psych. II, 442, р. п. IV, 140.

²⁾ Princ. of Psych. II, 487; р. п. IV, 185—186.

изъ рѣшительныхъ основаній смотрѣть на непосредственное убѣждение сознанія во внѣшнемъ бытіи какъ на явно несостоятельное, то, казалось бы, отсюда ясно слѣдовало, что Спенсеръ признаетъ необходимость дальнѣйшаго изслѣдованія даже и необходимо мыслимой истины при кажущихся твердо обоснованными возраженіяхъ противъ ея состоятельности. И тѣмъ не менѣе Спенсеръ явно выражаетъ твердое убѣженіе¹⁾, что указанное возраженіе противъ вѣры во внѣшнюю реальность, хотя бы оно оставалось неразрѣшимъ для критической мысли, не имѣть значенія для этой вѣры и что вообще разсужденіе не можетъ ни подтвердить, ни опровергнуть ее. А поэтому и своему описанію генезиса представленія о виѣшней сознанію реальности и вѣры въ нее онъ придаетъ значеніе не подтвержденія неотразимаго показанія сознанія о виѣшней реальности, а простого объясненія ея.

Въ виду всего этого трудно не прійти къ выводу, что для Спенсера необходимо мыслимое сужденіе даже и въ случаѣ столкновенія его съ другимъ подобнымъ сужденіемъ остается завершительнымъ моментомъ изслѣдованія предмета по существу, — тѣмъ моментомъ, послѣ которого подобное изслѣдованіе уже не можетъ имѣть значеніе для подтвержденія сужденія. Но согласно ли было бы такое предположеніе съ постѣдовательностью эмпіристической теорії?

Спенсеръ не опускаетъ случая поставить на видъ, что его теорія эволюціи примиряетъ эмпіризмъ съ противоположнымъ ему гносеологическимъ направленіемъ во взглядахъ на необходимую мыслимость, такъ какъ она даетъ основаніе смотрѣть на необходимо мыслимое „какъ на данное a priori для индивидуума и какъ на данное a posteriori для всей той цѣпи индивидуумовъ, которой онъ составляетъ послѣднее звено“²⁾. Съ другой стороны, придавая познавательное значеніе процессамъ, производящимъ ассоціацію вообще, Спенсеръ пришелъ къ мысли о необходимости и съ эмпіристической точки зрѣнія возвысить значеніе той необходимой мыслимости, которая для противоположной школы была высшимъ завѣреніемъ достовѣрности. Эти сближенія со взглядомъ противоположного направленія легко могли повести у Спенсера къ стремленію придать необходимой мыслимости большую познавательную цѣнность, чѣмъ какая могла принадлежать ей по эмпіризму. Для школы, противоположной эмпіризму, познавательное значеніе положений, признаваемыхъ за необходимо мыслимые, оправ-

¹⁾ Princ. of Psych. II, 452—453; р. п. IV, 150—151.

²⁾ Princ. of Psych. II, 195, р. п. III, 205.

дывалось, — правильно или нѣть, объ этомъ здѣсь нѣть рѣчи, — непосредственно самою ихъ необходимою мыслимостью, которой присыпался умозрительный характеръ. А поэтому естественно, что въ глазахъ приверженцевъ этой школы сведеніе къ необходимой мыслимости должно было во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія представлять предѣльную черту аргументаціи. Не удивительно, что стремленіе къ тому же явилось и у Спенсера. Но эмпиризма съ такимъ взглядомъ помирить нельзѧ. У Спенсера познавательное значеніе необходимой мыслимости должно искать своего логического оправданія въ фактахъ опыта, вліяніемъ которыхъ на сознаніе она по его учению производится. „Что опыты отношенія явленій въ прошедшемъ составляютъ единственное основаніе нашего настоящаго знанія о такихъ отношеніяхъ, — это принимается здѣсь вполнѣ“. Такъ выражается онъ самъ¹⁾, суммируя доказательства, приводимыя имъ въ пользу своего критерія достовѣрности. Для эмпириста, который всякую необходимую мыслимость считаетъ простымъ результатомъ обильного, постоянного и продолжительного вліянія на сознаніе фактовъ, соответствующихъ сужденію, эта необходимая мыслимость, конечно, только и можетъ въ процессѣ познанія служить представительницею исключительно того значенія, которое принадлежитъ массѣ фактovъ, ее произведеній. Но въ такомъ случаѣ дѣйствительнымъ наивысшимъ требованіемъ, которое только можетъ быть предъявлено отъ эмпиризма къ сужденію и исполненіе которого ставить предѣль для всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія этого сужденія, будетъ требование подтверждаться всюю совокупностью доселѣ бывшаго опыта, а необходимая мыслимость могла бы только, какъ мы это уже и видѣли, изъявлять притязаніе на значеніе признака, который бы свидѣтельствовалъ объ этомъ подтверждениіи сужденія всѣмъ сполна доселѣ бывшимъ опытомъ. Если же это такъ, то понятно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо мыслимое сужденіе такъ или иначе враждебно сталкивается съ другими сужденіями, въ основаніи которыхъ также долженъ лежать опытъ, т. е. когда она явно для сознанія оказывается непригодной служить признакомъ совершенной согласованности сужденія съ опытомъ, неизбѣжно сознаніе ея перестаетъ быть и тѣмъ высшимъ моментомъ въ процессѣ знанія, который исключаетъ значеніе дальнѣйшаго изслѣдованія въ установкѣ истины.

Въ самомъ дѣлѣ, никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что факты,

¹⁾ Princ. of Psych. II, 426, p. II. IV, 124.

разсматриваемые просто въ качествѣ частныхъ явлений личнаго сознанія, сами по себѣ не могутъ стоять ни въ какомъ противорѣчіи другъ съ другомъ. Въ антагонизмѣ они могутъ становиться только потому, что, дѣлаясь орудіемъ знанія, они получаютъ то или другое толкованіе въ качествѣ символовъ вицѣнія бытія и группируются въ разнообразныя общія сужденія, а эти неизбѣжныя для процесса знанія толкованія и обобщенія могутъ заключать въ себѣ ошибки. Эти-то ошибки и обнаруживаются, между прочимъ, и въ антагонизмѣ сужденій. Поэтому при столкновеніи необходимыхъ мыслимостей, все равно, мнимыхъ или дѣйствительныхъ, съ эмпіристической точки зреянія не можетъ быть никакого основанія смотрѣть на познавательные процессы, которые повели къ образованію враждебно сталкивающихся другъ съ другомъ необходимы мыслимыхъ сужденій, какъ на процессы по существу завершенныя, исключающіе всякое дальнѣйшее методическое изслѣдованіе. Наоборотъ, такой коллизіей прямо ставится для сознанія настоящая задача — открыть тѣ ошибки въ истолкованіи фактовъ или въ ихъ обобщеніяхъ, которая должны служить причиной обнаруживающейся несогласованности результатовъ совершившихся ранѣе познавательныхъ процессовъ. И отчего же мы не могли бы дѣлать опредѣленныхъ предположеній объ этихъ ошибкахъ, т. е. попытаться внести такія измѣненія въ наши сужденія, при которыхъ общая совокупность положеній, относящихся къ познавательнымъ процессамъ, сталкивающимся между собою въ своихъ результатахъ, сохраняла бы способность покрывать собою всю совокупность фактовъ, которые лежать у нихъ въ основаніи, но въ то же время не вела бы ни къ взаимному столкновенію между самими этими положеніями, ни вообще къ столкновеніямъ ихъ съ какими бы то ни было другими частями нашего знанія? Въ этомъ всегда состоитъ по существу тотъ процессъ, который примѣняетъ наука при всякаго рода столкновеніяхъ между результатами познавательныхъ процессовъ. Спенсеръ хорошо знаетъ этотъ процессъ. Примѣня свой относительный критерій достовѣрности къ доказательству реализма, онъ все же при этомъ замѣчаетъ¹⁾: „до тѣхъ поръ, пока разумъ ограничивается открытиемъ несообразностей между свидѣтельствами, доставляемыми воспріятіемъ, и разысканіемъ того, откуда эти несообразности могли возникнуть, онъ выполняетъ функцию высокой важности“. И, желая представить примѣръ подобного законнаго разъясненія разумомъ несообразностей воспріятія,

¹⁾ Princ. of Psych. II, 442—443, p. II, 140—141.

онъ говорить: „когда разумъ доказалъ, что солнце не ходить вокругъ земли, но земля вертится вокругъ своей оси, онъ подставилъ на мѣсто старого объясненія, которое было несогласимо со многими разнообразными фактами, новое объясненіе, которое согласовалось съ этими фактами и въ то же время согласовалось столь же хорошо, какъ и прежнее объясненіе, съ прежними болѣе очевидными фактами“. Должны ли мы думать, что подобное разрѣшеніе коллизій исключается Спенсеромъ, когда въ коллизію замѣшано положеніе, опирающееся на абсолютную ассоціативную связь¹⁾? Но почему же? Почему между несообразностями воспріятія, которыя могли бы устраниться такимъ путемъ, не могли бы оказаться и такія, въ которыхъ, по его теоріи, мы констатируемъ временную абсолютную связь? И выше мы видѣли, что, по послѣдовательности его взгляда на абсолютныя ассоціаціи, воспріятіе покоя земли въ далекое отъ нась время не могло не имѣть абсолютнаго характера. Съ другой стороны, Спенсерово объясненіе пути, какимъ сознаніе на основаніи всей совокупности опыта должно необходи́мо приходить къ твердой вѣрѣ во вѣшнее бытіе, разрѣ не есть въ существѣ дѣла оправдание этой вѣры, подтвержденіе ея значимости въ виду возраженія противъ состоятельности этой вѣры, опирающагося на мысль, что мы не можемъ никакимъ способомъ сознавать ничего, находящагося виѣ сознанія? Это толкованіе Спенсерова объясненія до того неизбѣжно, что Спенсеръ иногда и самъ невольно высказывается въ этомъ смыслѣ²⁾. Во, всякомъ случаѣ, какъ скоро абсолютная ассоціація сталкивается съ другими хорошо обоснованными положеніями и чрезъ то явно для сознанія теряетъ право считаться признакомъ совершенной согласованности со всею совокупностью всего доселѣ существовавшаго опыта, то какое же можно найти основаніе для того, чтобы отрицать примѣненіе къ ней требованія, которое прямо вытекаетъ изъ сознанія этой несогласованности?

Можеть быть, Спенсера удерживало отъ признания доказательной силы подобныхъ изслѣдований при противорѣчіяхъ между необходимо

¹⁾ Самъ Спенсеръ въ данномъ мѣстѣ ставитъ одно только исключение, именно онъ называетъ самоубѣйствомъ разума, если бы разумъ заключилъ, что свидѣтельства воспріятія должны по самой своей сущности, подъ чѣмъ, повидимому, онъ разумѣеть отрицаніе реальности предметовъ воспріятія.

²⁾ Princ. of Psych. II, 445, p. II, 143. Здѣсь оправданіемъ реализма называется та самая установка антитезы между субъектомъ и объектомъ, которая признается Спенсеромъ неспособной усиливать значение вѣры во вѣшнюю реальность, а способной только объяснить эту вѣру.

мыслимыми суждениями то обстоятельство, что смыслъ того или другого изъ опирающихся на необходимую мыслимость суждений, который мы нашли бы нужнымъ измѣнить въ интересахъ устраненія встрѣтившейся въ знаніи коллизіи, долженъ по эмпіризму считаться результатомъ безконечной массы предшествующаго опыта, громаднѣйшая часть котораго совершенно недоступна нашему воспоминанію. А поэтому въ отношеніи къ этой части опыта нѣть возможности непосредственно убѣдиться, насколько преобразованныя по своему смыслу суждения оказались бы достаточно согласованными съ нею. Это обстоятельство, несомнѣнно, должно представлять съ точки зрѣнія Спенсеровской системы затрудненіе для твердой установки сужденія, такъ или иначе измѣняющаго смыслъ неразрывной ассоціації. Но это затрудненіе нельзя счесть непреодолимымъ. Мы не должны забывать, что дѣло идетъ о сужденіяхъ, о которыхъ предполагается, что они находять для себя чрезвычайно обильное и постоянное подтвержденіе въ опытѣ. Притомъ же предполагается также, что нашъ настоящій опытъ со стороны своей сложности и своего развитія никакъ не бѣднѣе, а, наоборотъ, богаче предшествовавшаго. А поэтому ни въ какомъ случаѣ нельзѧ утверждать, что для насъ не существуетъ возможности притщательномъ и всестороннемъ изслѣдованіи уяснить для себя тѣ мотивы, которые, какъ предполагается, были способны довести опредѣленное сочетаніе представлений до неразрывной ассоціації, и критически сопоставить ихъ со всѣми другими данными опыта, какъ бы ни были велики трудности, которыя могутъ встрѣчаться на пути этого изслѣдованія. Вѣдь психологія самого же Спенсера представляетъ цѣлый рядъ попытокъ разъяснить условія образования, а слѣдовательно и мотивы многихъ самыхъ твердыхъ и самыхъ давнихъ ассоціацій.

Изъ ученія эмпіризма о происхожденіи необходимо мыслимыхъ ассоціацій слѣдовало бы только, что эмпіризмъ имѣть совершенно законное право требовать всевозможной осмотрительности, когда дѣло идетъ о признаніи несостоятельности твердо установившейся ассоціаціи. Чѣмъ тѣснѣе связь представленій въ нашемъ сознаніи, тѣмъ, конечно, обильнѣе, постояннѣе и продолжительнѣе долженъ быть, по его ученію, быть опытъ, ее произведший. А поэтому тѣмъ законнѣе было бы съ его стороны требованіе, чтобы допускаемое предположеніе объ ошибкѣ суждения, опирающагося на этой связи, утверждалось лишь въ томъ случаѣ, когда оно удовлетворяло бы высшимъ критическимъ требованиямъ, имѣло бы въ свою пользу наиболѣе гарантій. Онъ имѣть право требовать, чтобы при такомъ утвержденіи

со всему очевидностю и отчетливостю были указаны условия, вслѣдствіе которыхъ сознаніе въ своей предшествующей жизни должно было неизбѣжно допускать предполагаемую ошибку. Со всему справедливостю онъ можетъ требовать также, чтобы взглядъ, который ставится на мѣсто устраниемаго, самъ всесторонне согласовался со всему совокупностю знанія и не возбуждалъ, въ замѣну устраниемыхъ имъ недоумѣй, новыхъ, которые оставались бы безъ отчетливаго разъясненія, какъ это, къ сожалѣнію, очень обыкновенно случалось при построеніи философскихъ системъ. Наконецъ, мы не должны забывать, что ничто не препятствуетъ наукѣ, которая въ интересахъ устранинія коллизій, обнаруживающихъ въ знаніи, дѣлаетъ попытки соотвѣтствующихъ измѣненій въ тѣхъ или другихъ твердо установленныхъ положеніяхъ, усиленно искать и независимыхъ отъ разрѣшенія коллизій прямыхъ или косвенныхъ подтвержденій своего предположенія, пользуясь всѣми средствами, которые можетъ представлять для этого постепенно увеличивающееся знакомство съ бытіемъ. Вѣдь если коллизія въ вышеразъясненномъ смыслѣ предполагаетъ необходимо ошибку въ какомъ-либо изъ твердо установленныхъ, повидимому, сужденій, и если подобныя ошибки съ точки зрѣнія эмпирізма должны возникать отъ трудности или даже невозможности для сознанія въ обычныхъ условіяхъ его жизни встрѣчаться съ фактами, которые не допустили бы сочетанію представлений, не отвѣчающему безусловному закону бытія, развиться въ неразрывную ассоціацію, то, при возникновеніи предположенія о подобной ошибкѣ подъ вліяніемъ расширяющагося опыта, можетъ, конечно, подъ тѣмъ же вліяніемъ, открыться для сознанія и возможность составить представлениe о такой комбинації условій, которая, не встрѣчаясь въ обычной жизни сознанія, тѣмъ не менѣе можетъ быть отыскана или даже нарочно конструирована и на которой могутъ быть проявляемы возникающія предположенія объ ошибкѣ. И тамъ, гдѣ представляется возможной подобная проявка, эмпирізмъ можетъ требовать, чтобы воздерживались отъ рѣшительныхъ утвержденій до тѣхъ поръ, пока эта проявка не сдѣлана со всему щательностью и предусмотрительностью. Но я совершенно не понимаю, на какихъ основаніяхъ послѣдовательный представитель Спенсеровскаго эмпирізма могъ бы отрицать законность и важность для установленія истины методическихъ, обставленныхъ строгими гарантіями, изслѣдований коллизій знанія, какой бы несокрушимой силы ни достигала связь представленій, на которую опирается то или другое изъ вступившихъ въ коллизію положеній.

Что отношение по времени между возникающими въ нашемъ сознаніи ощущеніями отвѣтаетъ отношеніямъ по времени между впечатлѣніями, производными виѣшними вещами на наши воспримлюще органы и служащими непосредственными причинами этихъ ощущеній,— это положеніе не только подтверждалось безконечно часто повторяющимися фактами въ жизни сознанія, но, повидимому, стоитъ еще подъ охраной одного изъ самыхъ широкихъ и постоянно подтверждающихся обобщеній, по которому вообще отношенія явлений по времени всегда соотвѣтствуютъ отношеніямъ по времени между причинами, прямо и непосредственно ихъ производящими. По учению эмпиризма объ образованіи ассоціацій, это положеніе по условіямъ своего образованія, не менѣе многихъ другихъ, признаваемыхъ Спенсеромъ за очевидныя, должно бы изъявлять притязаніе на ассоціативную очевидность. И тѣмъ не менѣе, когда въ астрономическихъ обсерваторіяхъ при наблюденіи прохода звѣздъ черезъ меридіанъ оказывалось у различныхъ наблюдателей не одинаковымъ опредѣленіе времени зрительного ощущенія по слуховому, несмотря на одновременность впечатлѣній, произведшихъ эти ощущенія, тогда не всѣ это несогласіе отнесли къ невнимательности наблюдателей, но возникло и предположеніе, что возможно и несоотвѣтствіе отношенія ощущеній по времени съ отношеніемъ по времени произведшихъ ихъ впечатлѣній. И это дало поводъ къ собранію и болѣе тщательной установкѣ относящихся сюда фактовъ, а за тѣмъ и къ такого рода экспериментамъ, которые во всякомъ случаѣ показали, что отношеніе по времени между созидаемыми ощущеніями сложнѣе, чѣмъ какъ рисовалось оно въ указанномъ, представлявшемся очевиднымъ положеніи. Или возьмемъ въ примѣръ положенія, которая для эмпиризма представляютъ образецъ самыхъ неразрывныхъ ассоціацій. Лобачевскій убѣдился, что можетъ быть послѣдовательно, безъ противорѣчія приведена система геометріи при предположеніи несостоятельности Евклидовой аксиомы параллелизма. На изученіи же этой геометріи обнаружилось, что пространство, къ которому она относилась бы, между прочимъ, должно бы было отличаться тою особенностью, что сумма угловъ треугольника должна бы была въ немъ быть менѣе двухъ прямыхъ угловъ и не могла представлять постоянной величины, а должна уменьшаться съ увеличеніемъ площади треугольника. И такъ какъ не представлялось никакихъ затрудненій предположить, что различие этой суммы угловъ треугольника отъ двухъ прямыхъ угловъ у треугольниковъ такихъ размѣровъ, съ которыми обыкновенно имѣеть дѣло

нашъ опытъ, могло бы быть слишкомъ незначительно, чтобы его можно было констатировать опытнымъ путемъ, то Лобачевскій вывелъ отсюда, что этотъ обычный опытъ недостаточенъ для того, чтобы получить твердую увѣренность, что данное въ нашемъ опытѣ пространство подчинено аксиомѣ параллелей. Поэтому для опытной проверки этой аксиомы онъ обращается къ астрономическимъ треугольникамъ такой величины, при которой разница суммы угловъ треугольника отъ двухъ прямыхъ, если бы она существовала, могла бы оказаться болѣе доступной констатированию. Нѣть, конечно, никакого сомнѣнія въ томъ, что такого рода проверка аксиомы даже и съ строгого эмпиристической точки зреянія могла вести къ вполнѣ определенному решенію вопроса о значеніи аксиомы параллелей для нашего пространства лишь въ томъ случаѣ, когда бы она дала результаты, которые решительно противорѣчили бы этой аксиомѣ (чего на дѣлѣ не оказалось); но твердо доказывать ея значеніе, если бы обнаружилось даже и болѣе точное соответствие угловъ взятаго астрономического треугольника двумъ прямымъ, чѣмъ вышло это въ опытѣ Лобачевскаго, она не могла бы, такъ какъ и при этомъ оставалось бы мѣсто вопросу, не получился ли бы другой результатъ, если бы мы имѣли возможность изслѣдовывать треугольники еще большей величины. Съ другой стороны, дѣлались и другія, собственно методологического свойства, возраженія противъ пригодности указанной Лобачевскимъ проверки аксиомы, обсужденіе которыхъ здѣсь не было бы уместно. Но, во всякомъ случаѣ, можно спросить: какимъ образомъ послѣдователь эмпиризма, признающій чисто ассоціативное происхожденіе очевидности геометрическихъ аксиомъ, могъ бы отрицать законность вопроса Лобачевскаго о дѣйствительныхъ свойствахъ нашего пространства, какъ скоро этотъ послѣдователь не можетъ отрицать, что неразрывная ассоціація, соответствующая аксиомѣ параллелей, имѣла бы такія же условія для своего образованія и при кривизнѣ нашего пространства, какія имѣла бы и при его плоскости, если бы эта кривизна была до того ничтожна, что на постоянно данныхъ въ нашемъ сознаніи пространственныхъ величинахъ совсѣмъ не могло бы обнаружиться для нашего сознанія несоответствие аксиомы параллелей дѣйствительнымъ пространственнымъ отношеніямъ? А признавъ законность этого вопроса о свойствахъ нашего пространства, какимъ образомъ онъ могъ бы отрицать важность и желательность для решения сомнѣнія о состоятельности аксиомы попытку проверить ее на условіяхъ, наиболѣе благопріятныхъ для

ся провѣрки, хотя эта провѣрка и сулила бы дать точный выводъ только при отрицательныхъ результатахъ, а при положительныхъ расширяла бы только опытъ, лежацій въ основаніи признанія аксіомы, но не давала бы ей безусловной точности? Почему онъ не могъ бы признать значеніе за той или другой фактической попыткой такой провѣрки, если бы, конечно, нашелъ, что эта провѣрка не заключаетъ какихъ-либо методологическихъ ошибокъ? Наконецъ, можно прибавить, что отрицаніе доказательной силы методическихъ изслѣдований неразрывной ассоціації, возбудившой какія-либо сомнѣнія или недоумѣнія, было бы со стороны Спенсера противорѣчіемъ, на сколько онъ самъ, какъ мы видѣли, призналъ, что неразрывная ассоціація между свѣтовыми и осознательными ощущеніями потеряла свою безусловную силу, а слѣдовательно, по его теоріи, и свою безусловную достовѣрность прямо подъ вліяніемъ опытовъ надъ свѣтовыми иллюзіями.

Конечно, не каждую являемуюся въ знаніи коллизію наука имѣть возможность тотчась разрѣшить съ помощью методического, обставленаго серьезными гарантіями изслѣдованія. И въ виду этого возникаетъ вопросъ: на предлагаемый Спенсеромъ способъ разрѣшенія этихъ коллизій не можемъ ли мы посмотреть по крайней мѣрѣ какъ на такой способъ, къ которому съ эмпіристической точки зрѣнія наукъ должно быть поставлено въ обязанность прибѣгать, когда твердое разрѣшеніе коллизіи на основаніи изслѣдованія спорнаго вопроса по существу оказывается дѣломъ иеносильнымъ для знанія.

Однако, когда методическое изслѣдованіе вопроса по существу не приходитъ къ твердому рѣшенію коллизіи въ опредѣленномъ смыслѣ, т. е. къ такому рѣшенію, которое дало бы возможность привести къ согласію всю совокупность опыта, лежащую въ основаніи противорѣчащихъ сужденій,—это еще не значитъ, что послѣ попытокъ изслѣдованія коллизія остается для сознанія исключительно въ видѣ двухъ необходимы мыслимыхъ сужденій съ различнымъ количествомъ ссылокъ на необходимую мыслимость въ процессѣ ихъ убѣжденія. Обыкновенно отъ изслѣдованія остается, да едва ли и можетъ не остаться, иѣкоторый результатъ въ формѣ тѣхъ или другихъ предположеній о возможномъ выходѣ изъ коллизіи,—предположеній, которыхъ могутъ и не имѣть въ свою пользу рѣшительныхъ основаній, но все-таки возбуждаются обзоромъ и сопоставленіемъ имѣющихъ то или другое отношеніе къ коллизіи результатовъ знанія. А поэтому рѣшеніе коллизіи исключительно на основаніи сравнительной сложности процесса

убѣжденія въ положеніяхъ, стоящихъ въ антагонизмѣ одно съ другимъ, во всякомъ случаѣ было бы односторонностію, которая никакъ не въ интересахъ знанія.

Но предположимъ, что мы имѣемъ случая, гдѣ коллизія рисуется передъ сознаніемъ въ формѣ двухъ противорѣчащихъ другъ другу необходимо мыслимыхъ сужденій, для сравнительной оцѣнки которыхъ у настъ остается исключительно только сравнительная сложность убѣжденія въ каждомъ изъ нихъ. Даже и въ этомъ случаѣ вопросъ о предпочтеніи одного изъ этихъ положеній, при надлежащей послѣдовательности въ проведеніи теоріи эволюціи, вовсе не решается съ такою прямолинейною простотою, какою характеризуется решеніе его въ Спенсеровомъ учениѣ о критеріи относительной состоятельности. Обосновать вѣроятное решеніе его исключительно на простомъ сравнительномъ расчисленіи возможныхъ ошибокъ пропорционально количеству ссылокъ на немыслимость при процессѣ убѣжденія въ каждомъ изъ взаимно противорѣчащихъ сужденій,—это было бы действительно логически вполнѣ законно, но лишь въ томъ случаѣ, если бы все выгоды и невыгоды простого и сложного доказательствъ исключительно должны были зависѣть, по Спенсеровой гносеологии, отъ большей или меньшей возможности ошибокъ пропорционально числу ссылокъ на немыслимость, неизбѣжному при томъ и другомъ доказательствѣ. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Спенсеръ не взялъ во вниманіе, что сложность познавательного процесса, съ помощью которого устанавливается то или другое сужденіе, дѣлается, по его учению, сама возможной лишь съ большимъ и большимъ развитіемъ и усложненіемъ психической жизни, а это развитіе и усложненіе психической жизни, также по его же учению, представляется то расширеніе сферы опыта и то увеличеніе его активности и разнообразія, при которыхъ впервые является возможность прроверять ассоціаціи, образовавшіяся при опыте менѣе обширномъ, активномъ и разнообразномъ. Вопросъ идетъ, правда, о коллизіяхъ ассоціацій неразрывныхъ, и Спенсеръ не разъ ставить на видъ, что неразрывности достигаютъ простѣйшія сочетанія явлений. Но не все простѣйшее въ процессѣ знанія, т. е. наиболѣе часто встрѣчающееся и не требующее въ нашемъ, особенно теперешнемъ сознаніи (а лишь съ такимъ сознаніемъ мы непосредственно и имѣемъ дѣло) какихъ-либо сложныхъ процессовъ, есть вмѣсть и простѣйшее въ бытіи въ смыслѣ основного закона, который не допускаетъ измѣненій ни при какихъ условіяхъ, и котораго формула не допускаетъ исключеній. Простѣйшія для нашего сознанія сочетанія ие только не всегда пред-

ставляютъ абсолютный законъ, но не всегда служать даже сколько-нибудь точнымъ выражениемъ тѣхъ частныхъ фактovъ, которые должны быть обобщены въ законъ. Убѣжденіе въ покoѣ земли есть результатъ самого простѣшаго и самого постояннаго опыта, а убѣжденіе въ ея очень сложномъ движениі есть результатъ очень сложнаго вывода, возможнаго только при очень сложномъ опыте. Взглядъ на цвѣта, звуки и пр., какъ на принадлежности вышняго нашему сознанію бытія есть выраженіе самыхъ простѣшихъ и самыхъ постоянныхъ фактovъ нашего сознанія, а убѣжденіе въ томъ, что эти качественности суть наши ощущенія, даже, нужно думать, совсѣмъ не похожія на дѣйствительныя принадлежности внѣшнихъ предметовъ, возбуждающія въ насъ эти ощущенія, могло возникнуть только какъ сложный выводъ, предполагающей очень сложную душевную жизнь. Спенсеръ, какъ мы видѣли, не могъ отрицать случаевъ обнаруженія несостоятельности даже и неразрывныхъ ассоціацій. И если, по его учению объ ихъ образованіи, подобные случаи могли оказаться возможными только при усложненіи познавательныхъ процессовъ, то какое же право онъ могъ бы имѣть при конфлікте между простымъ и сложнымъ познавательными процессами, основанными на этихъ ассоціаціяхъ, трактовать сложность исключительно какъ условіе возможности большаго количества ошибокъ?

Но если Спенсерова философія, развитая въ ея дѣйствительной послѣдовательности, не можетъ отрицать такихъ случаевъ въ нашей познавательной жизни, когда сознаніе необходимой мыслимости сужденія явно не представляетъ надежнаго признака даже подтверждения сужденія всѣмъ опытомъ и не можетъ считаться завершительнымъ моментомъ изслѣдованія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы это сознаніе необходимой мыслимости положенія должно было потерять для этой философіи всякое значеніе для удостовѣренія въ согласованности сужденія со всею совокупностю опыта. Отсюда слѣдуетъ только, что одно это сознаніе недостаточно для такого удостовѣренія, и если оно должно служить этой цѣли, то можетъ достигать ея только при такомъ дополнительномъ условіи, которымъ сами собою исключились бы всѣ случаи, которые служатъ отрицательными инстанціями противъ приписанія ему такого значенія.

Это дополнительное требование подсказывалось Спенсеру послѣдовательностью всѣхъ его разсужденій, и всѣ указанныя сейчасъ его противорѣчія составляютъ только результатъ удивительного просмотра имъ этой, казалось бы, вполнѣ очевидной послѣдовательности.

Спенсеръ сначала хочетъ установить безусловное значение необходимой мыслимости какъ критерія достовѣрности и затѣмъ уже возбуждаетъ вопросъ о томъ, какъ поступать при враждебномъ столкновеніи между самими необходимыми мыслимыми положеніями. Выходить такъ, какъ будто бы самая постановка этого вопроса, хотя ею явно предполагается возможность противорѣчій между сознаваемыми необходимыми мыслимостями, и рекомендуемый выходъ изъ такой коллизіи совсѣмъ не должны приниматься во вниманіе при установлѣніи значенія необходимой мыслимости. Однако, сказать, что въ случаѣ столкновенія необходимо мыслимого сужденія съ другими также претендующими на научное значеніе положеніями требуется для рѣшенія вопроса иѣкоторый добавочный процессъ (хотя бы простой процессъ сравнительного расчисленія ссылокъ на необходимую мыслимость),— это значитъ признать, что сознаніе необходимой мыслимости положенія безъ всякаго добавочнаго процесса можетъ быть достаточно для возможной для настъ наиболѣе твердой установки сужденія лишь въ томъ случаѣ, когда совсѣмъ нѣть возраженій противъ него, претендующихъ на научное значеніе. А признать это значитъ тоже, что утверждать, что одно сознаніе необходимой мыслимости положенія никакъ не можетъ считаться достаточнымъ для доступной намъ наиболѣе твердой установки его, но что для этого нужна въ качествѣ необходимаго дополнительного требованія еще увѣренность въ томъ, что нѣть претендующихъ на научное значеніе возраженій противъ этого сужденія.

Это дополнительное требованіе въ существѣ дѣла было необходимо для того, чтобы согласить возведеніе необходимой мыслимости, которой приписывалось опытное происхожденіе, съ тѣмъ фактомъ постепенного развитія и расширенія опытнаго знанія, который у Спенсера получать значеніе эволюціи сознанія. Въ признаніи ассоціативно образовавшейся необходимой мыслимости за надежный признакъ того, что сужденіе, опирающееся на неї, есть чистый результатъ всего опыта, есть сторона, которая не только не противорѣчитъ факту постояннаго развитія опытнаго знанія и теоріи эволюціи, но, наоборотъ, очень хорошо согласуется съ ними. Какъ скоро условіями образования необходимой мыслимости признаны, не только Спенсеромъ, но и Миллемъ, съ одной стороны чрезвычайно обильное и постоянное подтвержденіе положенія въ опытѣ, съ другой—совершенно отсутствіе въ опыте всякихъ поводовъ къ образованію сочетанія представленій, ему противорѣчашаго, то, конечно, только въ силу самой очевидной непо-

съдовательности можно было у необходимо мыслимого сочетанія представлений отрицать въ періодъ образованія этой необходимой мыслимости значеніе сочетанія, представляющаго чистый результатъ всего сполна существовавшаго доселѣ опыта. Но такъ какъ при вполнѣ послѣдовательномъ проведеніи мысли о постоянномъ расширениі и развитіи опыта, а тѣмъ болѣе при Спенсеровѣй теорії эволюції, ставящей развитіе опыта въ связь съ постепеннымъ преобразованіемъ самой психической организаціи, совершенно невозможно отрицать ни измѣненій въ самихъ неразрывныхъ ассоціаціяхъ, ни коллизій въ процессахъ познанія, предваряющихъ эти измѣненія, то призналѣ, что необходимо мыслимое положеніе не въ періодъ только его образованія, а въ какой угодно послѣдующій моментъ психического развитія сохраняетъ значение результата всего опыта, дѣлается очевиднымъ противорѣчіемъ теорії эволюції. И если тѣмъ не менѣе философская система при установкѣ критерія не видить возможности обойтись безъ указанія на необходимую мыслимость сужденія т. е. если она сознаеть, что ей негдѣ искать нужныхъ ей согласованныхъ съ всѣмъ опытомъ сужденій какъ только среди необходимо мыслимыхъ сужденій, то ей, конечно, необходимо найти добавочное требование, которое гарантировало бы правильность выбора между ними. Не трудно видѣть, что для подобной гарантіи собственно нужна увѣренность въ томъ, что и позднѣйшіе познавательные процессы не даютъ для сознанія никакихъ указаний на какія-либо данные, способныя вести къ другимъ результатамъ, а не къ тѣмъ, къ которымъ ведутъ постоянно вліявшия на сознаніе и доселѣ продолжающіе вліять на него факты, безконечное количество которыхъ свидѣтельствуется неразрывностію ассоціації. Такую увѣренность, конечно, и могло бы дать совершеннное отсутствіе во всей совокупности знанія всякихъ возраженій противъ необходимо мыслимого сужденія, которыя могли бы претендовать на научное значеніе.

Такимъ образомъ критеріемъ согласія сужденія со всѣмъ бывшимъ доселѣ опытомъ необходимая мыслимость можетъ служить въ эмпіризмѣ лишь при дополнительномъ условіи, именно при сознаніи, что противъ достовѣрности этого сужденія нѣть возраженій, претендующихъ на научное значеніе.

М. Карименій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Продолжение свода законовъ Российской Империи 1902 года, въ 2-хъ частяхъ.
С.-Петербургъ, 1902 г. Издание государственной канцелярии.

По мысли творца свода законовъ, графа Сперанского, въ виду того что своды обнимаютъ только прошедшее и не опредѣляютъ ничего въ будущемъ, а законы по возникающимъ дѣламъ и случаямъ постоянно прибавляются, необходимо было пополнять своды вновь выходящими узаконеніями, чтобы, такимъ образомъ, „составъ законовъ, единожды устроенный, сохраненъ быть всегда въ полнотѣ и единство“. На этомъ основаніи, послѣ изданія свода законовъ въ 1833 г., къ нему, по заранѣе установленной формѣ, издавались продолженія, раздѣлявшіяся по числу томовъ свода, при чѣмъ къ каждому тому относилась извѣстная часть продолженія, въ началѣ которой помѣщалась таблица, указывавшая всѣ статьи въ этомъ томѣ, измѣнившіяся на основаніи новѣйшихъ узаконеній. Послѣ этой таблицы слѣдуетъ самое изложеніе статей, подвергшихся измѣненію на основаніи узаконеній вновь вышедшихъ или же хотя и ранѣе состоявшихъ, но почему-либо не принятыхъ во вниманіе своевременно.

По представленію графа Сперанского были утверждены государственнымъ совѣтомъ 15-го декабря 1834 года правила о порядке внесенія въ продолженіе какъ законовъ, такъ и пояснительныхъ указовъ сената и министерскихъ предписаній распорядительныхъ и пояснительныхъ. Такимъ образомъ стали издаваться продолженія ежегодно и при томъ первоначально въ видѣ сводныхъ, т. е. во вновь составляемое продолженіе включались тексты продолженій, ранѣе уже изданныхъ. Но при четвертомъ продолженіи, во избѣженіе расходовъ

на перепечатку текста предшествовавшихъ продолженій, этого сдѣлано не было; ограничились включеніемъ въ это четвертое продолженіе только узаконеній вновь вышедшихъ со времени изданія послѣдняго (третьяго) продолженія.

Также точно поступили при составленіи пятаго продолженія. Эти *очередныя* продолженія скоро оказались неудобными, потому что приходилось просматривать иѣсколько книгъ продолженій различныхъ годовъ, чтобы удостовѣриться, подвергалась ли или иѣть какая-либо статья свода измѣненію, при чемъ легко возможны пропуски и ошибки. Это побудило сдѣлать слѣдующее продолженіе (девятое) своднымъ, послѣ котораго было приступлено къ составленію новаго изданія всего свода законовъ, явившагося въ новомъ изданіи въ 1842 году. Послѣ этого снова былъ изданъ цѣлый рядъ продолженій.

Главноуправляющій II отдѣленія Соб. Его Имп. Вел. Канцеляріи графъ Блудовъ, озабочиваясь дать продолженіямъ полноту и надлежащій характеръ современности, а также стараясь по возможности отклонить на будущее время неудобства при изданіи продолженій и пользованій ими, полагалъ издавать продолженія *очередныхъ* всякие четыре мѣсяца или, по крайней мѣрѣ, всякие шесть мѣсяцевъ, а чтобы не перепечатывать по иѣсколько разъ статей въ разныхъ продолженіяхъ, помѣщать при каждомъ продолженіи особые *сводные указатели* всѣхъ статей тома или устава, подвергшихся какому-либо измѣненію въ одномъ изъ продолженій, означая на особомъ листѣ кратко, если къ нимъ таковыхъ не послѣдовало.

Эти предположенія графа Блудова были Высочайше утверждены въ 1843 году, и продолженія къ своду законовъ стали издаваться по возможности часто. Спѣшность работы заставила держаться системы *очередныхъ* продолженій, при чемъ къ каждому продолженію прилагались при каждомъ томѣ или уставѣ указатели о всѣхъ дополненіяхъ или отмѣнахъ статей онаго новѣйшими узаконеніями. Эти указатели съ каждымъ продолженіемъ увеличивались въ своемъ объемѣ и нерѣдко превышали самый текстъ продолженій.

Послѣ 19-го продолженія въ 1855 году было опять составлено новое изданіе всего свода законовъ въ 1857 году, послѣ чего вновь издавались продолженія.

Графъ Блудовъ совершенно справедливо находилъ неудобство въ позднихъ продолженіяхъ и, желая ускорить подобного рода повременное изданіе, полагалъ, что единственнымъ къ тому средствомъ было бы составленіе II отдѣленіемъ Соб. Его Имп. Вел. Канцеляріи особыхъ

тетрадей или листовъ продолженій свода законовъ, которые бы, по мѣрѣ ихъ выхода, разсыпались правительствующимъ сенатомъ во всѣ правительственные и судебныя мѣста, а по прошествіи года или даже двухъ или трехъ лѣтъ изъ сихъ листовъ составлялись бы и издавались продолженія къ своду законовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они обыкновенно издаются.

Эти предположенія графа Блудова, также удостоенные Высочайшаго утвержденія, были примѣнены при изданіи продолженій къ своду законовъ въ 1859 и 1860 годахъ, при чмъ продолженія издавались по прошествіи трехъ мѣсяцевъ одно отъ другого. Этимъ достигалась возможная современность изданія, но увеличивалось значительно количество продолженій и съ тѣмъ вмѣстѣ затруднялось до крайности пользованіе ими; справляясь по статьямъ свода, приходилось пересматривать всякий разъ десятки книгъ продолженій къ своду. Это неудобство вызвало въ преемникѣ графа Блудова баронѣ (впослѣдствіи также графѣ) М. А. Корфѣ мысль о совершенной отмѣнѣ изданія продолженій.

Въ представлениіи имъ по сему вопросу записѣ баронѣ Корфѣ исходилъ изъ того, что, издавая новый законъ, невозможно заразъ обніять всѣ его соотношенія къ прежнимъ законамъ, предвидѣть всѣ измѣненія и толкованія, какія этотъ законъ можетъ вызвать. Поэтому обыкновенно законы новые издаются въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей свода, при чмъ II отдѣленію Соб. Его Имп. Вел. Канцеляріи предоставляется новыя узаконенія относить по его усмотрѣнію къ той или другой статьѣ свода въ продолженіяхъ, издаваемыхъ съ цѣлью поддержать своды на уровне современного законодательства. При такой работѣ могутъ быть ошибки, недосмотры, невѣрныя пониманія и, кроме того, не всегда новыя законоположенія укладываются въ рамки свода. Въ виду этого баронѣ Корфѣ въ 1862 году предлагалъ прекратить изданіе продолженій къ своду законовъ; для доставленія же возможныхъ облегченій лицамъ, имѣющимъ необходимость руководствоваться сводомъ законовъ, баронѣ Корфѣ предлагалъ слѣдующее:

1) Всѣ издаваемые законы и постановленія, по мѣрѣ ихъ изданія, обнародывать въ особомъ периодическомъ изданіи, снабдивъ его указателемъ тѣхъ статей свода, по которымъ, со времени послѣдняго изданія свода, состоялись новыя узаконенія ихъ, отмѣняющія или въ чмъ-либо измѣняющія или дополняющія, съ означеніемъ противъ

каждой статьи года, месяца и числа соответствующего узаконения, равно какъ и № и страницы собранія.

2) Кроме того, къ означеному собранію составлять указатели хронологический и алфавитный (въ которомъ все законы и постановленія, вышедши со временемъ послѣдняго изданія свода, располагались бы по роду предметовъ), съ указаніемъ, гдѣ ихъ отыскать въ собраніи.

3) Означенные три указателя издавать ежегодно или чрезъ каждые шесть мѣсяцевъ.

Предположенія эти были переданы на разсмотрѣніе всѣхъ гг. министровъ и главноуправляющихъ, и все они, безъ исключенія, высказались за изданіе продолженій по принятому уже со временемъ графа Сперанского порядку, находя неудобства въ прекращеніи ихъ изданія. Поэтому при баронѣ Корфѣ также составлялись продолженія къ своду, мало чѣмъ отличающіяся отъ прежнихъ, по общей ихъ системѣ и виѣшней формѣ. Пресмыкъ же барона Корфа графъ Панинъ 26-го марта 1864 г. докладывалъ Его Величеству, что продолженіе къ своду составляетъ настоящую, насущную потребность всѣхъ судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ. Послѣ этого продолженія къ своду законовъ стали издаваться по принятому ранее порядку, какъ бывшимъ II отдѣленіемъ Соб. Его Имп. Вел. Канцелярии, такъ и кодификаціоннымъ отдѣломъ при государственномъ совѣтѣ, которому, на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ о переработкѣ свода законовъ (5-го ноября 1885 года, З. П. С. З. № 3261), вмѣнено въ обязанность сводъ законовъ дополнять вновь выходящими узаконеніями, посредствомъ продолженій *очередныхъ* или *сводныхъ*, издаваемыхъ по жиры надобности и усмотрѣнію главноуправляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ⁴⁾). При составленіи продолженій къ своду законовъ должны быть соблюдены правила, утвержденныя для переработки свода (ст. 16 и 17 означенныхъ правилъ).

Такимъ образомъ въ настоящее время едва ли можетъ подлежать сомнѣнію необходимость издавать продолженія къ своду законовъ; но въ какомъ видѣ ихъ издавать и въ какіе сроки? Разрешеніе этого вопроса зависитъ, очевидно, отъ того, будутъ ли и въ какое время и въ какомъ количествѣ выходить новые узаконенія, измѣняющія текстъ

⁴⁾ За упраздненіемъ кодификаціонного отдѣла при государственномъ совѣтѣ въ 1893 году (см. З. П. С. З. № 9949 и 10212) въ составѣ государственной канцелярии образовано отдѣленіе свода законовъ, на обязанности коего лежитъ разработка и изданіе свода законовъ вообще и составленіе продолженій къ своду законовъ.

той или другой части свода настолько, что является необходимость составить продолжение.

Если подобные узаконения будут выходить часто и въ значительномъ количествѣ, то необходимо издавать часто продолженія къ своду законовъ и притомъ въ формѣ *сводныхъ* продолженій, которыхъ, замѣняя собою всѣ предшествовавшія, избавляютъ отъ необходимости спрятываться въ нѣсколькихъ продолженіяхъ. Такимъ образомъ срокъ изданія продолженій къ своду законовъ не можетъ быть заранѣе определенъ съ точностью; это предоставлено *устмотрѣнію* учрежденія, на обязанности которого лежитъ составленіе продолженій, какъ выше нами о томъ упомянуто. Очевидно, выраженія *по усмотрѣнію*, *по мѣрѣ надобности* и т. д. до крайности растяжимы, и нельзѧ не пожелать, чтобы имъ не придавалось еще распространительного толкованія. Другими словами—очень желательно, чтобы продолженія къ своду законовъ появлялись не съ столь обширными промежутками времени, какъ недавно изданный государственою канцеляріею, обнародованный чрезъ семь лѣтъ послѣ изданія тою же канцеляріею продолженія въ 1895 г. Такого продолжительного времени между появлениемъ двухъ продолженій не замѣчается за все время изданія продолженій съ 1832 года, и это обстоятельство даже породило, ни на чѣмъ, конечно, не основанные разсказы, что продолженія къ своду *всесе* издаваться не будутъ, что изданіе ихъ признають безцѣльнымъ и т. д. Лучшимъ опроверженіемъ этихъ слуховъ является обширное, лежащее предъ нами сводное продолженіе 1902 года, составленное съ тою тщательностью и полнотой знаніемъ дѣла, которыми отличаются вообще различные изданія отдѣленія свода законовъ государственной канцеляріи. Означенное продолженіе состоить изъ двухъ большихъ томовъ, свидѣтельствующихъ, что по многимъ частямъ свода законовъ въ послѣднія семь, восемь лѣтъ было обнародовано весьма достаточное количество новыхъ узаконений, чтобы сдѣлать продолженіе вполнѣ возможнымъ.

Изданное въ 1902 году продолженіе свода законовъ, впрочемъ, *не касается* *всесе* очень многихъ частей свода законовъ, потому, что со времени новаго изданія нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ-то установленъ: монетнаго (1899 г.); строительнаго (1900 г.); обѣ акцизныхъ сборахъ (1901 г.); положенія о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ (1900 г.); учрежденія государственного совѣта (1901 г.) и по основнымъ государственнымъ законамъ (1892 г.), не было обнародовано узаконеній до 1-го января 1902 года. Помимо этого, не внесены въ

настоящее продолжение узаконенія, относящіяся къ иѣкоторымъ частямъ свода, изготавляемымъ къ новому изданію, какъ-то: по тому второму (общему губернскому учрежденію), по тому пятому (по уставамъ о налогахъ и уставу о пошлинахъ), тому шестому (сводъ учрежденій и уставовъ таможенныхъ), по части первой тома восьмого (уставы лѣсной, о казенныхъ оброчныхъ статьяхъ и уставъ объ управлении казенными имѣніями въ западныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ), по второй части одиннадцатаго тома (уставы: кредитный, о векселяхъ, торговые, консульскій и о промышленности) и по иѣкоторымъ уставамъ тома XII и тома XIV свода законовъ. Нельзя не порадоваться подобнымъ работамъ и не пожелать возможно скорѣйшаго ихъ завершенія.

Кромѣ того, не составлено продолженій къ различнымъ уставамъ, входящимъ въ составъ 1-й части тома двѣнадцатаго (кромѣ устава строительного), къ уставу о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ (т. XII, ч. 2), къ уставу врачебному (т. XIII) и къ 2-й части тома XVI—за исключеніемъ положенія о взысканіяхъ гражданскихъ, по той причинѣ, какъ заявлено въ предисловіи, что составленіе продолженій къ этимъ частямъ свода законовъ, *по состоянію законодательного материала, признано несвоевременнымъ* (стр. IV). Къмъ это признано и что это за *состояніе* законодательного материала—въ предисловіи, къ сожалѣнію, не указано. Ко всѣмъ прочимъ частямъ свода законовъ составлено сводное продолженіе, въ которое внесены узаконенія, обнародованныя до 1-го января 1902 года, а также иѣкоторые изъ узаконеній, обнародованныя и послѣ сего срока. Это, конечно, придаетъ весьма значительный характеръ современности изданному сводному продолженію и тѣмъ, очевидно, увеличиваетъ его достоинство и практическую пользу. Хотя это продолженіе очень многихъ томовъ свода и не касается, тѣмъ не менѣе объемъ его—два обширныхъ тома (свыше пятидесяти печатныхъ листовъ каждый)—свидѣтельствуетъ о значительной законодательной дѣятельности въ наше мѣсто отечествѣ за послѣдніе годы, въ продолженіи которыхъ состоялось не мало весьма важныхъ новыхъ законоположеній. Помимо этого, увеличенію объема изданного продолженія не мало содѣствовало и то обстоятельство, что въ это продолженіе включены также *совершенно новые изданія* иѣкоторыхъ частей свода законовъ, изготавленныя государственную канцеляриею въ послѣднее время, какъ, напримѣръ, положеніе о наймѣ на сельскія работы (т. XII, ч. 2); положеніе о трактирномъ промыслѣ (т. XII, ч. 2); положеніе объ особыхъ преимуще-

ствахъ гражданской службы въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, а также въ губерніяхъ западныхъ и Царства Польскаго (т. III) и иѣкоторыя другія, указанныя въ предисловіи къ продолженію. Казалось бы, что такое включеніе новыхъ изданій частей свода въ книгу продолженія къ своду едва ли вполнѣ цѣлесообразно. Очевидно, что продолженіе къ частямъ свода не есть новое ихъ изданіе и соединять вмѣстѣ подобный разнородный изданія не представляется достаточно основаній. Къ тому же такой порядокъ и не можетъ быть проведенъ вполнѣ послѣдовательно, какъ это признаетъ очень хорошо и государственная канцелярія. Включивъ въ составъ продолженія 1902 года новыя изданія иѣкоторыхъ частей свода законовъ, канцелярія не включила другія, наиболѣе значительныя и обширныя по объему, сдѣланныя ею же, новыя изданія, какъ-то, таможенныхъ тарифовъ (т. VI) и особаго приложенія къ законамъ о состояніяхъ (т. IX), и издала ихъ отдельными книгами, руководствуясь, конечно тѣмъ правильнымъ соображеніемъ, что включеніе этихъ новыхъ изданій въ продолженіе къ своду только увеличить объемъ послѣдняго и никакого удобства въ пользованіи ими публикѣ не предоставить. Казалось бы, то же соображеніе могло бы служить основаніемъ къ невключенію въ составъ продолженія и прочихъ новыхъ изданій свода законовъ.

Другою причиной увеличенія объема продолженія должно признать слѣдующее обстоятельство.

Обыкновенно болѣе или менѣе пространныя законоположенія, обнародованыя послѣ изданія свода законовъ и состоящія изъ цѣлаго ряда статей, помѣщались въ продолженіяхъ къ своду въ приложеніяхъ къ той или другой статьѣ онаго и печатались мелкимъ шрифтомъ. Это правило соблюдалось и въ сводномъ продолженіи 1902 года, но только въ отношеніи иѣкоторыхъ законоположеній; другія же, неизвѣстно почему, помѣщенные также въ приложеніяхъ къ статьямъ, напечатаны крупнымъ шрифтомъ, которымъ печатается текстъ свода. Такъ, напримѣръ, приложенія: къ примѣчанію къ ст. 363 учрежденія министерствъ (т. I, ч. 2), положеніе о надзорѣ за дѣятельностью страховыхъ учрежденій и обществъ (всего 14 статей); къ статьѣ 619 того же учрежденія министерствъ—учрежденіе министерства землемѣлія и государственныхъ имуществъ (всего 132 статьи), къ статьѣ 71—временное учрежденіе министерства путей сообщенія (всего 86 статей) и т. д. напечатаны крупнымъ шрифтомъ. Между тѣмъ положеніе о контролѣ при святѣйшемъ синодѣ (приложеніе къ примѣч. 2 статии 5, т. VIII, ч. 2) изъ 60 статей; смѣтныя правила вѣдомства

учреждений Императрицы Марии (прилож. къ примѣч. 2, ст. 1 того же тома); положенія о восточномъ институтѣ въ городѣ Владивостокѣ, о Рижскомъ политехническомъ институтѣ, о Томскомъ технологическомъ институтѣ Императора Николая II; о С.-Петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ и т. п. (см. приложение къ продолженію I части тома XI, устава учебн. зав.), или временные правила по обеспечению продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей (прил. къ примѣч. 1 статьи, 1 устава народ. продов., томъ XIII) и многія другія, напечатаны *мелкимъ шрифтомъ*, издавна принятымъ для печатанія приложенийъ къ статьямъ свода законовъ. Полагая, что всѣ законоположенія являются одинаково важными, каждое по своему предмету, трудно объяснить себѣ основаніе, по которому при размѣщении ихъ въ приложенияхъ къ статьямъ свода законовъ, по продолженію онаго, надлежитъ печатать ихъ различными шрифтами.

Помимо этого, нѣкоторыя непространныя законоположенія (состоящія изъ небольшого числа отдѣльныхъ статей), которая въ продолженіяхъ къ своду законовъ обыкновенно помѣщаются также въ приложенияхъ, напечатаны въ сводномъ продолженіи 1902 года не въ въ приложенияхъ, а въ текстѣ свода, отчего явилось не мало статей съ двойною нумерациею. Такъ, напримѣръ, изданное 28-го мая 1901 года (собр. узак. № 1140) положеніе о ветеринарномъ комитетѣ изъ 13 статей, замѣнившее собою статьи 415—432 учрежденія министерства изданія 1892 года, по ранѣе принятому порядку, было бы помѣщено въ приложениіи къ означенной статьѣ 423, а самыя статьи 423—432 были бы показаны замѣненными этими приложениемъ. Теперь же по сводному продолженію 1902 года сдѣлано иначе: статьи 425—432 показаны совсѣмъ отмѣненными этими новыми узаконеніемъ 28-го мая 1901 года, а затѣмъ отдѣльные статьи этого узаконенія помѣщены непосредственно въ текстѣ продолженія съ нумерациею 422¹—по 432¹³. Точно то же сдѣлано при статьяхъ 519¹—519⁹; 534¹—534⁹; 559¹—559¹³; 583¹—583⁴⁶ и т. д., т. е. является сорокъ шесть отдѣльныхъ статей подъ однимъ и тѣмъ же нумеромъ, но съ дополнительнымъ означеніемъ при каждой (отъ единицы до сорока шести). Удобно ли такое означеніе статей—вопрѣкъ практики. Но трудно уяснить себѣ мотивы такого нововведенія, примѣненнаго опять только къ нѣкоторымъ узаконеніямъ, а не ко всѣмъ, какъ очень многія узаконенія помѣщены по ранѣе принятому порядку въ приложенияхъ къ статьямъ, какъ это и слѣдовало. Любопытно очень, какъ будетъ примѣняться это новшество впослѣдствіи, когда къ статьямъ,

имѣющимъ уже двойную нумерацию, послѣдуютъ еще дополнительныя постановленія. Будутъ ли эти послѣднія также помѣщены въ текстъ продолженія, но уже съ тройною нумерациею ¹⁾, или ихъ включать въ приложение къ продолженію, какъ это обыкновенно дѣжалось?..

Особеннаго вниманія заслуживаетъ помѣщеніе въ сводномъ продолженіи 1902 года нового устава о воинской повинности въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ, изданного въ 1901 году (июня 29-го собр. узак. № 1323), взамѣнъ дѣйствовавшаго ранѣе 1876 года. Это очень отрадное начало включения узаконеній, относящихся исключительно до великаго княжества Финляндскаго, въ общий сводъ законовъ Российской Имперіи, и можно надѣяться, что въ непродолжительномъ времени и всѣ прочія особенные законоположенія этого княжества найдутъ себѣ надлежащее мѣсто въ общей системѣ законовъ Имперіи, къ чему были начаты предварительныя работы, какъ при графѣ Сперанскомъ, таъ и, въ особенности, при ближайшемъ его преемникѣ графѣ Блудовѣ.—Новый уставъ о воинской повинности въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ находитъ себѣ вполнѣ соотвѣтствующее мѣсто въ раздѣлѣ II общаго устава о воинской повинности, т. е. въ томъ раздѣлѣ, въ которомъ излагаются особенности отбыванія воинской повинности въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи, и нѣть сомнѣнія, что, при новомъ изданіи этого устава, правила обѣ отбыванія воинской повинности въ великомъ княжествѣ будутъ помѣщены въ текстъ означеннаго устава во второмъ его раздѣлѣ. Не можемъ не отмѣтить при этомъ поразившую настъ во многихъ статьяхъ сего послѣднаго устава ссылку на статьи *общесимперскаго устава о воинской повинности*, какъ, напримѣръ, въ примѣчаніи къ статьямъ: 3, 22, 24, 27, 47, 68, 255, а также въ статьяхъ 124, 136. Сколько намъ известно, название *общесимперскаго* не присвоено ни своду законовъ Российской Имперіи, повелѣніемъ Государя Императора Николая I составленному, ни *уставу о воинской повинности*, изданному въ 1874 г. для большей части мѣстностей Имперіи, см. статьи 4 и 7 устава).—Этотъ уставъ называется общий уставъ о воинской повинности. Въ перечинѣ дѣйствующихъ изданій свода законовъ, приложенномъ къ сводному продолженію 1902 г. (что весьма по-

¹⁾ Такъ напримѣръ, означенныи статьи 583¹—583²² учрежд. минист. по прод. 1902 г. касаются дѣлъ торгового мореплаванія, сосредоточенныхъ въ министерствѣ финансовыхъ. Въ настоящее время дѣла сего рода позыты весьма недавно изъ означенаго вѣдомства и, вѣроятно, въ непродолжительномъ времени послѣдуютъ какія-либо новые правила по торговому мореплаванію, въ дополненіе этихъ статей 583¹—583²². Какъ же ихъ будутъ помѣщать? Неужели 583¹—иная нѣчто въ этомъ родѣ?...

лезно, замѣтимъ мы), также не встрѣчается название *общесімперскаго* устава о воинской повинности. Откуда почерпнуто это название или за чѣмъ оно вновь присочинено—намъ неизвѣстно, и въ продолженіи сводомъ не указано. Но во всякомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, это нельзя считать нововведеніемъ со стороны отдѣленія свода законовъ, строгая осторожность и образцовая точность котораго въ кодификаціонныхъ работахъ давно уже засвидѣтельствованы многими сдѣланными имъ изданіями, о которыхъ намъ уже не разъ приходилось упоминать. Это избавляетъ насъ отъ необходимости указывать на достоинства изданного имъ недавно своднаго продолженія. Ограничимся пожеланіемъ, чтобы подобныя сводныя продолженія появлялись бы почаще.

III. Маймунъ.

„Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII“, zbiór materiałów do historii stosunków polsko-rossyjskich za Zygmunta III, wydał Aleksander Hirschberg. Lwów, 1901.

За послѣдніе годы исторія Смутнаго времени сдѣлала большиe успѣхи; ими она обязана не только изслѣдованіямъ ряда русскихъ и польскихъ историковъ, но въ значительной мѣрѣ также и тому, что къ изученію этого времени были привлечены новые материалы, остававшіеся ранѣе неизвѣстными. Въ числѣ ученыхъ, съ честью потрудившихся на этомъ поприщѣ, имя г. Гиршберга, издателя записокъ Немоевскаго,—одно изъ самыхъ замѣтныхъ. Въ книгѣ, заглавіе которой мы выше привели, г. Гиршбергъ издалъ еще три историческихъ памятника первостепенной важности: дневники Діаментовскаго, Яна Салгѣги и посольства, отправленного въ 1611 г. изъ Москвы къ королю Сигизмунду.

Дневникъ Вацлава Діаментовскаго, дворянина изъ свиты Марины Мишкѣ, былъ извѣстенъ ранѣе по двумъ большимъ отрывкамъ. Одинъ изъ нихъ былъ изданъ А. И. Тургеневымъ въ *Hist. Russiae Monum.* (II, 155—196), а затѣмъ, въ русскомъ переводѣ, Устряловымъ, въ „Сказаніяхъ современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ“ (ч. IV: „Дневникъ Марины Мишкѣ, съ 1605 года по 1608“). Второй отрывокъ, составляющій продолженіе предшествующаго, изданъ I. Шуйскимъ (*Rozrzeszania i opowiadania historyczne*, S. I, 97—117). Г. Гиршбергъ издалъ теперь полный текстъ дневника Діаментовскаго по рукописямъ, впервые имъ изученнымъ. Такимъ образомъ теперь стали извѣстны впервые слѣдующія части „дневника“: 1) события 9-го іюня

1606 г.: допрось Юрія Мишка думными боярами, известный по сокращенному пересказу въ „Исторії ложнаго Димитрія“ („Русск. Ист. Библ.“ I, 98—106); 2) событія оть 18-го сентября 1606 г. по 21-го марта 1607 г.; 3) оть 24-го августи по 20-е октября 1607 г.; 4) оть 15-го января 1608 г.¹⁾ по 3-е февраля того же года. Эти дополненія говорять о жизни пленныхъ поляковъ въ Ярославлѣ; особенно интересны тѣ мѣста, где Діаментовский разсказываетъ о слухахъ, ходившихъ о московскихъ событіяхъ; слухи эти, несомнѣнно, важны для изученія настроенія народныхъ массъ и отношенія ихъ къ происходившему; 5) событія 9-го и 12-го сентября 1608 г.; 6) весь конецъ дневника, оть 22-го октября 1608 г. по 31-е января 1609 г.: возвращеніе пленниковъ къ Москвѣ (въ Тушинскій станъ), а оттуда въ Польшу.

Дневникъ Яна Сапѣги былъ известенъ ранѣе по эксперитамъ, сдѣланнымъ Когновицкимъ по принадлежавшей нѣкогда Рубинковскому рукописи и опубликованнымъ этимъ ученымъ въ его сочиненіи „*Życia Sapiehów*“ (т. II). Эксперты эти были затѣмъ переведены на русскій языкъ нѣкимъ И. С. и напечатаны въ журнアルѣ „Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ“, 1838 г., I, 29—64. Когновицкій дѣлать свои выписки довольно небрежно, а иногда не вполнѣ придерживался исторической добросовѣтности. Такъ, въ разсказѣ о битвѣ отряда Тышкевича съ русскими подъ Гаринскимъ (17-го апрѣля 1609 г.), онъ замалчиваетъ конецъ, где говорится о неудачѣ, которой окончилась для поляковъ битва, принимая въ свой текстъ только разсказъ о ея началѣ, когда перевѣсть было на польской сторонѣ. Такую же тенденціозность можно замѣтить у Когновицкаго и въ другихъ мѣстахъ (напр. въ передачѣ событій 13-го и 14-го августи, 29-го сентября, 2-го, 7-го и 10-го октября 1608 г., 14-го и 15-го марта, 25-го апрѣля, 16-го мая 1609 г., и т. д.). Что касается русскаго перевода, то онъ ниже всякой критики: достаточно будетъ указать на такие промахи, какъ переводъ: „тамъ собирали запасы“—вместо „тамъ ожидали битвы“ („tam spodziewano się portrezyby“, 8-го сентября 1608 г.), или „46“ вместо „шесть сороковъ“ („kunis sorokow 6“, 33-го февраля 1609 г.). Иногда переводчикъ, не понявъ текста дневника, вносилъ въ пере-

¹⁾ Въ отрывкѣ, изданномъ Шуйскимъ, говорится, между прочимъ, следующее: „Die 15 и въ другие дни говорили, что царь Шуйскій собирается жениться... Теперь мы имѣмъ продолженіе, изъ которого видно, что Шуйскій собирается жениться на одной изъ Нагихъ, но бояре воспротивились тому, убѣждая его обождать, пока не будетъ усновлено государство.“

водь собственныя догадки, обыкновенно очень неудачныя (ср., напр., рассказ о битвѣ подъ Москвой 14-го августа 1611 г.).

Г. Гиршбергъ издалъ дневникъ Салѣги по рукописи, принадлежащей государственному архиву въ Стокгольмѣ; о ея существованіи было известно и раньше. Рукопись, принадлежавшая Рубинковскому, считалась потерянной, но это не совсѣмъ справедливо: существует копія съ нея, сдѣланная въ первой половинѣ XIX вѣка, до сихъ поръ не изданная. Копія эта находится въ Петербургѣ, и тѣ части дневника Салѣги, которыхъ не сохранились въ Стокгольмской рукописи, изданы частью по ней (18-го—29-го сентября 1609 г.; 16-го—29-го июня 1610 г.; конецъ дневника, отъ 16-го августа по 14-е сентября 1611 г.)¹⁾.

Послѣ изданія г. Гиршбергомъ полнаго текста дневника Салѣги выписки Когновицкаго теряютъ всякое значеніе. Въ томъ видѣ, въ какомъ мы теперь его имѣемъ, дневникъ очень подробно, день за днемъ, слѣдить за всѣми дѣйствіями Яна Салѣги, начиная съ 27-го июня 1608 г., когда онъ двинулся въ походъ къ Москвѣ, и кончая днемъ его смерти, 14-го сентября 1611 г. Переѣдя Московскую границу, Салѣга приблизился къ Смоленску и слѣдъ письма въ городъ съ предложеніемъ цѣловать крестъ царю Дмитрію. Воевода Шевинъ отвѣчалъ Салѣгѣ письмомъ, но черни его письма не показаль (6-го, 9-го, 10-го, 15-го августа 1608 г.). Въ Вязьмѣ Салѣгу принялъ радушно; тамъ онъ узналъ, что не вдалекѣ находится Юрій Минишекъ съ Мариной, задержанные отрядами тушинцевъ (25-го, 28-го августа). Въ Царевомъ-Займищѣ отрядъ Салѣги встрѣтилъ Марину и затѣмъ провожалъ ее до Тушинца. Рассказъ о событияхъ отъ 13-го по 29-е сентября въ изданіи Когновицкаго пропущенъ: въ немъ дѣло идетъ о соединеніи Салѣги съ тушинскимъ воромъ и о перебѣзѣ Марины къ послѣднему. 29-го сентября Салѣга пошелъ къ Сергиеву монастырю. 2-го октября онъ разбилъ подъ Рахманцевымъ московское войско; объ этой битвѣ новое изданіе дневника даетъ неизвѣстныя раньше подробности. 3-го октября Салѣга осадилъ Лавру. Осада описана очень подробно: отмѣчена каждая вылазка изъ монастыря, каждая рекогносировка, произведенная польскими отрядами. Салѣга поддерживала постоянныя сношенія съ Тушинскимъ станомъ,

¹⁾ Недостающія части сообщены г. Гиршбергу С. Л. Пташицкимъ. Пользуюсь случаемъ выразить глубокоуважаемому Станиславу Львовичу искреннюю благодарность за сообщенныя мнѣ свѣдѣнія о копіи рукописи Рубинковскаго.

куда и самъ нѣсколько разъ ъезжалъ; о событияхъ, происходившихъ въ Москвѣ, онъ имѣлъ подробный донесенія отъ шпионовъ и перебѣжчиковъ. Часто къ нему являлись посланники и частныя лица—цѣловать крестъ царю Дмитрію. Въ изданіи Когновицкаго не отмѣчены многія изъ этихъ посольствъ, напр. изъ Александровой слободы (7-го октября), Переяславля (17-го октября), Юрьева-Польскаго (23-го октября), Ярославля (28-го октября), Углича, Ростова (29-го октября), Владимира (2-го ноября), Вологды (12-го ноября) и т. д. Въ польскій станъ прѣѣзжали также воеводы: Вельяминовъ—изъ Владимира, Троекуровъ и 4 другихъ—изъ Сибири, Барятинскій—изъ Ярославля, Плещеевъ—изъ Суздаля, и т. д. Дневникъ отмѣчаетъ также всѣ свѣдѣнія, какія приходили къ Салѣгѣ обѣ отпаденіи городовъ отъ Лжедмитрія. Эти события, часто связанныя съ неудачами тушинскихъ отрядовъ, Когновицкимъ по большей части не отмѣчены (напр. измѣна Лжедмитрію Вологды, Данилова, Соли Великой и Малой, отмѣч. подъ 17-е декабря 1608 г.; Владимира—подъ 6-е апрѣля 1609; Углича—подъ 25-е апрѣля, и т. д.). Не отмѣчаются Когновицкимъ и события, не относившіяся лично къ Салѣгѣ, напр. пораженіе подъ Касимовомъ С. Алябьевъ (подъ 4-е июня 1609 г.). Изъ пропущенныхъ Когновицкимъ частей дневника Салѣги, относящихся къ осадѣ Лавры, интересно въ особенности то, что говорится обѣ отчаянномъ положеніи Москвы въ это время (12-го, 20-го, 23-го и 26-го июня 1609 г.).

Всѣ попытки взять монастырь оставались безуспѣшны; между тѣмъ дѣла тушинцевъ шли все хуже и хуже; Салѣга угрожали войска Шереметева и Скопина. О дѣйствіяхъ Салѣги, направленныхъ противъ Скопина, мы получаемъ изъ полного текста дневника рядъ новыхъ свѣдѣній; у Когновицкаго здѣсь многое пропущено, въ томъ числѣ походъ Салѣги противъ Скопинскихъ войскъ и попытка его вступить съ ними въ бой подъ Калязиномъ, 28-го августа 1609 г. Возвратившись 13-го сентября къ Троицкому монастырю, Салѣга простоялъ передъ нимъ еще иѣкоторое время (у Когновицкаго совершило пропущены события 9—20-го августа 1609 г., 23-го августа—8-го сентября, 18-го сентября—1-го октября, 21—27-го октября, 29-го октября—5-го ноября, 8—16-го ноября, 28-го ноября—13-го февраля 1610 г.; къ сожалѣнію, события 1-го декабря 1609 по 12 февраля 1610 г. пропущены и въ изданіи г. Гиршберга). Рассказъ о томъ, какъ Салѣга долженъ былъ отступить отъ Лавры, не сохранился; 13-го февраля 1610 г. мы застаемъ его уже въ Дмитровѣ, тогда

важь у Сергіевой лавры стоять Скопинъ. О пребываніи Салѣга въ Дмитровѣ дневникъ дасть много новыхъ подробностей: у Когновицкаго не отмѣчено почти ничего. Особенно интересно то мѣсто, гдѣ приводятся показанія о Скопинскомъ войску захваченнаго въ пленъ слуги князя Григорія Елецкаго: „всѣмъ служба надѣла, ради бы тому, чтобы побили вѣнцевъ, въ которыхъ полагаетъ всю надежду Скопинъ. Много бояръ убѣгаеть отъ Скопина въ свои помѣстья; по этому Скопинъ разославъ указы свои по всѣмъ городамъ, ему подчиненнымъ, и приказалъ крестьянамъ, чтобы они бояръ своихъ, которые бѣгутъ государевой службы, въ тюрьму сажали, ограбивъ у нихъ все, а другихъ топили, о чѣмъ ся болѣе кручакиша“ (28-го февраля 1610 г.).

8-го марта Салѣга ушелъ изъ Дмитрова, чтобы соединиться съ Лжедмитріемъ, который самъ шелъ ему на встречу изъ Калуги. Соединившись, они пошли къ Москвѣ, куда прибыли 26-го іюля; подъ Москвой стояло уже войско Жолкѣвскаго. Все это, за самыми незначительными исключеніями, у Когновицкаго пропущено (3-го марта—1-го августа); побольшей части пропущены также события отъ 4-го августа по 24 сентября; теперь мы узнаемъ очень интересныя подробности о переговорахъ Салѣги и Лжедмитрія съ Москвой и Жолкѣвскимъ; 24-го сентября Салѣга, котораго избрали на царство Владислава поставило въ самое неопределенное положеніе, ушелъ въ Сѣверскую землю; къ Москвѣ онъ вернулся 17 іюня 1611 г., состоя уже на службѣ у Владислава (почти все это пропущено у Когновицкаго: 25-го сентября 1610 г.—1-го октября; 8-го октября—5-го ноября; 7-го ноября—13-го декабря; 1611 г. 4—7-го, 15—27-го января; 2—15-го февраля; 18-го февраля—31-го марта; 1—6-го, 9—17-го, 19—31 марта; 5—30-го іюня).

Подъ Москвой дѣйствія Салѣги, о которыхъ дневникъ дасть много новаго, стоять въ связи съ дѣйствіями другихъ польскихъ отрядовъ (у Когновицкаго здѣсь опять пропуски: 7—10-го, 20—24-го, 27—29-го іюля, 1—6-го августа). 28-го августа 1611 г. Салѣга заболѣлъ, но продолжалъ участвовать во всѣхъ трудахъ войска, которое не получало жалованья и бунтовало. 14-го сентября онъ скончался.

Къ дневнику Салѣги приложены: 1) инструкція, данная 9-го декабря 1609 г. депутатамъ войска Салѣги, для переговоровъ съ послами короля; 2) два письма Салѣги къ войску, отъ 28-го марта и 21-го апрѣля 1611 г.

Послѣдній изъ изданныхъ г. Гиршбергомъ памятниковъ—это днев-

никъ Московскаго посольства, отправленнаго изъ Москвы осажденными въ Кремль боярами къ королю Сигизмунду, въ сентябрѣ 1611 г. Дневникъ этотъ составленъ, по предположенію г. Гиршберга, дьякомъ Яновымъ; подлинникъ былъ написанъ по русски; до настъ сохранилась лишь копія, написанная тоже по русски, но латиницей; переписчикомъ, очевидно, былъ полякъ; цифры, написанные славянскими буквами, имъ зачастую пропускаются. Дневникъ хранится въ государственномъ архивѣ въ Стокгольмѣ и изданъ теперь впервые. Начинается онъ такъ: „Лѣта августа дня писалъ наꙗснѣйшій Жигимонтъ король польскій и великий князь литовскій съ паномъ Гридиничемъ къ Москвѣ, къ бояромъ: ко князю Федору Ивановичу Мстиславскому съ товарищи, чтобы съ Москвы прислали Московскаго господаря вѣрныхъ пословъ на соймъ, о договорѣ о великомъ господарѣ королевичѣ Владиславѣ. И бояре: князь Федоръ Ивановичъ Мстиславской съ товарищи приговорили къ королю послать на соймъ: боярина Михаила Глѣбовича Салтыкова Морозова, да боярина Михаила Александровича Нагого, да думнаго дьяка Василія Осиповича Янова...“ Изъ дальнѣйшаго разсказа видно, что въ числѣ пословъ былъ также бояринъ князь Юрій Никитичъ Трубецкой. 11-го сентября послы выѣхали изъ Москвы; но 19-го ихъ встрѣтилъ гетманъ Ходкевичъ, съ которымъ послы вернулись въ Москву; впередъ поѣхалъ одинъ Салтыковъ. Нагой остался въ Москвѣ; другіе послы черезъ 2 недѣли снова выѣхали оттуда, встрѣтились въ Смоленскѣ съ Салтыковымъ, и вмѣстѣ съ нимъ прибыли въ Варшаву. 8-го декабря послы приняты были королемъ, а 10-го (въ рукописи 1-го)—королевичемъ. Подробно пересказываются рѣчи пословъ и отвѣты короля, королевича и сенаторовъ. Окончаніе дѣла — отправленія Владислава въ Москву—отложено было до сейма. Послы отправили въ Москву, „господаря царя и великаго князя Владислава Жигимонтовича всиа Руси бояромъ и думнымъ людемъ, господамъ: боярину князю Федору Ивановичу Мстиславскому съ товарищи“— подробное донесеніе о проишodившемъ, помѣченное 7-го января 1612. Вскорѣ послы были снова приняты королемъ; имъ объявили, что король „нынѣ, по своему прежнему обѣщанію и по вашему челобитью, сына своего, великаго государя королевича Владислава, на Московское государство пожаловалъ, даль, а для унятія крови и успокоенія земли, самъ наꙗснѣйшій король идетъ, а съ нимъ сынъ его, господарь королевичъ Владиславъ. И вы бъ съ тѣмъ отпустили объявить братиѣ своей къ Москвѣ, чтобы имъ было вѣдомо, да и къ воеводомъ, которые около столицы

стоять, и въ города, и къ Заруцкому отъ себя отписать". Послы отправили съ А. Безобразовымъ и съ Г. Хрилуновымъ письма объ этомъ, приводимыя полностью въ дневникѣ: къ кнѧзю Мстиславскому съ товарищи, къ Арсенію, епископу Архангельскому, къ польскому гарнизону въ Москвѣ (Александру Гонсѣвскому, полковникамъ и ротмистрамъ), къ воеводамъ подъ Москвой и Заруцкому. Особенно интересно послѣднее письмо: „Господамъ бояромъ и окольничимъ и дворяномъ думнымъ и дворяномъ и стольникамъ и стряпчимъ и дворянамъ изъ городовъ и дьякомъ стрѣлецкимъ и дѣтямъ боярскимъ и атаманамъ казацкимъ и стрѣльцамъ и казакамъ и пушкарямъ и торговымъ и всякимъ посадскимъ людямъ...“ Далѣе идетъ разсказъ о послольствѣ, укоры за возстаніе и приглашеніе подчиниться Владиславу, за что обѣщается полное прощеніе. 20-го іюня послы получили отъ Мстиславскаго съ товарищи длинное посланіе, гдѣ говорится о бѣдственномъ положеніи Руси и выражается надежда, что Владиславъ все уладить. Король и Владиславъ, наконецъ, двинулись въ походъ. Изъ Погорѣлаго городища 28-го октября они послали впередъ пословъ въ Москвѣ, подъ охраной отряда Адама Жолкѣвскаго. Послами были отправлены: изъ поляковъ А. Зборовскій и А. Млоцкій, изъ московскихъ людей — кнѧзь Д. Мезецкой да Иванъ Грамотинъ. 24-го ноября (новаго стиля) король и Владиславъ получили отъ этихъ пословъ письмо чрезвычайно интереснаго содержанія. Особенно важное значеніе имѣютъ показанія Ивана Философова, взятаго въ плѣнъ отрядомъ А. Жолкѣвскаго у Тушина: „на Москвѣ у бояръ, которые вамъ, господарямъ, служили, и у лучшихъ людей хотѣніе есть, чтобы просити на государство вѣсть, великаго господаря королевича Владислава Жигимонтовича, а имянио-де о томъ говорити не смѣютъ, боясь казаковъ, а говорять, чтобы обратъ на государство чужеземца, а казаки-де, господари, говорятъ, чтобы обратъ кого изъ русскихъ бояръ, а примѣриваются Филаретова сына и воровскаго калужскаго, и во всемъ-де казаки бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ, что хотятъ, а дворяне-де и дѣти боярскіе разѣхались по помѣстьямъ, а на Москвѣ осталось дворянъ и дѣтей боярскихъ всего тысячи съ двѣ, да казаковъ полнятъ тысячи человѣкъ, да стрѣльцовъ съ тысячу человѣкъ, да мужики, чернь, а бояръ-де, господари, кнѧзя Федора Ивановича Мстиславскаго съ товарищи, которые на Москвѣ сидѣли, въ думу не припускаютъ, а писали объ нихъ въ города, ко всякимъ людямъ, пускать ихъ въ думу, или нѣтъ? А дѣлаетъ всякия дѣла кнѧзь Дмитрій Трубецкой, да кнѧзь Дмитрій Пожарской, да Куземка Ми-

ничь. А кому впередь быти на государствѣ, того еще не постановили", etc. 27-го ноября польское войско ушло обратно къ Смоленску.

Затѣмъ въ дневникѣ идеть большой пропускъ: мы встрѣчаемъ сразу письма, отправленныя Владиславомъ въ 1617 г. къ А. Гонсѣвскому (1 января), къ казачьему войску съ атаманами, съ обѣщаніемъ пожаловать за вѣрную службу; къ людямъ Московскаго государства (та же прокламація, которая въ болѣе полномъ видѣ изомѣщена въ „Акт. Ист.“ III, 66—68), къ донскимъ казакамъ, съ приглашеніемъ „службу свою показать, съ Дону и со всѣхъ рѣкъ и рѣчекъ подняться, а шли бѣ подъ Москву, на нашу царскую службу...“ Даѣше идеть переписка, относящаяся къ 1618 г.: посланіе оставшихся вѣрными Владиславу русскихъ людей ко вскімъ людямъ Московскаго государства, съ приглашеніемъ отложитьсь отъ Михаила и признать царемъ Владислава, за что обѣщаются всякия милости (отъ 2-го іюля); письмо В. Янова думнымъ людямъ Московскаго государства; письмо Трубецкого и Салтыкова „прежде бывшимъ православнымъ христіаномъ, но нѣжъ крестопреступникомъ и великаго господаря царя и великаго князя Владислава Жигимонтовича всея Руси измѣнникомъ“, — именно всѣмъ сторонникамъ Михаила; отвѣтъ на это письмо изъ Москвы. Какъ всѣ укорительныя посланія того времени, эти письма написаны съ болѣшимъ озлобленіемъ; новыхъ фактовъ они сообщаютъ не особенно много. Дневникъ заканчивается краткими свѣдѣніями о возвращеніи Владислава въ Польшу въ концѣ 1618 г.

Будемъ надѣяться, что книга, краткій разборъ которой мы здѣсь представили, явится лишь однимъ звеномъ въ цѣпи изслѣдований и изысканий г. Гиршберга въ области истории Смутнаго времени.

Б. X.

Дигорскія сказанія по записямъ дигорцевъ И. Т. Собиева, К. С. Гарданова и С. А. Тукковы, съ переводомъ и примѣчаніями Всев. Миллера. Москва, 1902, стр. V+145 (=Труды по востоковѣдѣнію, издаваемые Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ. Выпускъ XI).

Издавъ три тома *Осетинскихъ этюдовъ* (Москва, 1881 — 1882 — 1887 гг.), въ которыхъ были представлены изслѣдованія по языку, этнографіи и истории осетинъ (томы II и III), а также записи текстовъ (т. I¹),

---

¹) Отмѣтимъ, что лингвистическая часть этого прекраснаго труда (премированаго золотою медалью Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ) легла

профессоръ Вс. Ф. Миллеръ усердно продолжалъ свои занятія по изученію этого небольшого иранскаго племени, живущаго въ предѣлахъ Россіи. Такъ, въ 1891 году, въ сотрудничествѣ съ бар. Р. Штакельбергомъ, имъ были изданы пять дигорскихъ¹⁾ сказокъ съ приложениемъ немецкаго перевода и гlosсарія²⁾, а въ настоящее время печатается и скоро появится въ свѣтѣ вновь обработанная (на немецкомъ языке) сравнительно-историческая грамматика осетинскаго языка (*Ossetisch*), которая должна составить приложение (Anhang) къ извѣстной энциклопедіи по иранской филологии („Grundriss der iranischen Philologie“), издающейся въ Страсбургѣ, подъ редакціей проф. В. Гейгера и Э. Куна. Кромѣ того, въ промежутокѣ времени, начиная съ 1881 года, профессоромъ Вс. Миллеромъ былъ написанъ обѣ Осетіи и ея культурѣ цѣлый рядъ замѣтокъ, изслѣдований и даже статей для „большой публики“, разбросанныхъ по различнымъ журналамъ и специальнymъ изданіямъ³⁾, не говоря уже о другихъ работахъ московскаго профессора, гдѣ ему приходилось попутно касаться также и вопросовъ осетологіи. Наконецъ, сейчасъ профессоръ Миллеръ заканчиваетъ рядъ новыхъ трудовъ—осетинскій словарь и экскурсы по вопросамъ грамматики и лексикологии осетинскаго языка⁴⁾.

Недавно появившіяся въ свѣтѣ *Дигорскія сказки* представляютъ

въ основаніе книги извѣстнаго ираннista и арmenista, профессора Н. Hüb schmann'a—*Etymologie und Lautlehre der Ossetischen Sprache*. Strassburg, 1887. (I-й томъ серии „Sammlung indogermanischer Wörterbücher“).

¹⁾ Въ области осетинскаго языка различаются три диалекта: мронскій, т. е. восточно-осетинскій (у академика Шёгрена онъ обозначенъ подъ именемъ *tagaur-skoj*)—наиболѣе распространенный; дигорскій, т. е. западно-осетинскій; туальскій, т. е. южно-осетинскій. За подробностями отсылаемъ читателей ко второй главѣ (о диалектахъ осетинскаго языка) II-го тома *Осетинскихъ этюдовъ* (стр. 30 и слѣд.).

²⁾ *Fünf ossetische Erzählungen in digorischen Dialect*. Herausgegeben von Ws. Müller und K. von Stackelberg. St. Petersburg, 1891. (Издание Императорской Академіи Наукъ).

³⁾ Вотъ заглавія нѣкоторыхъ изъ этихъ работъ: Въ *юрахъ Осетіи* (Русская Мысль, 1881 г., сентябрь); Черты старины въ сказанияхъ и быту осетинъ (Журнал Мин. Нар. Пром., 1882 г., августъ); *Осетинскія сказки* (Сборникъ материаловъ по этнографіи, изд. при Дашковскомъ этнографическомъ музѣи подъ ред. В. Ф. Миллера. Вып. I. Москва, 1885 г.); *Древне-осетинский памятникъ изъ Кубанской области* (Материалы по археологии Кавказа и пр. Вып. III. Подъ ред. графини Уваровой. Москва, 1893); *О сарматскомъ бою Уатагарикъ* (Древности восточныя. Труды восточной комиссии Императорскаго Московскаго археологическаго общества. Томъ I, вып. 2-й. Москва, 1891).

⁴⁾ Нѣкоторые изъ этихъ экскурсовъ уже послужили предметомъ докладовъ въ восточной комиссии Императорскаго Московскаго археологическаго общества.

рядъ текстовъ на западно-осетинскомъ (дигорскомъ) нарѣчіи,—каль прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ,—изданныхъ по записямъ осетинъ-дигорцевъ: Собіева, Гарданова и Туккаева. Надо замѣтить, что въ то время какъ изданіе материаловъ на иронскомъ, т. е. на восточно-осетинскомъ нарѣчіи, благодаря интелигентнымъ иронцамъ, значительно подвинулось впередъ¹⁾), того же нельзя сказать о материалахъ дигорскихъ; среди осетинъ-дигорцевъ еще не находится лицъ, которыхъ могли бы приняться за издательское дѣло, требующее, кроме готовности и энергіи, также и значительныхъ материальныхъ затратъ. „Поэтому,—говорить въ своемъ предисловіи профессоръ Миллеръ,—въ виду интереса дигорскихъ текстовъ, доставленныхъ мнѣ нѣкоторыми молодыми дигорцами, я счелъ полезнымъ напечатать предлагаемыя сказанія въ XI выпускѣ *Трудовъ по востоковѣдѣнію*, издаваемыхъ *Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ*“. (Стр. IV).

Личная работа профессора Миллера заключалась въ томъ, что всѣ эти записи были имъ переписаны болѣе точною транскрипціей (стр. 1—62), а также снабжены русскимъ переводомъ (стр. 65—134) и нѣкоторыми пояснительными примѣчаніями (стр. 137—145). Транскрипція, которой переписаны тексты, была принята и объяснена профессоромъ Миллеромъ во II-мъ томѣ его *Осетинскихъ этюдовъ*²⁾. Какъ известно, еще въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія академикомъ Шѣгреномъ (Sjögren)—однимъ изъ наиболѣе раннихъ осетистовъ—была составлена азбука, въ основу которой было положено русскій алфавитъ. Этюю азбukoю стали печатать осетинскія книги, для которыхъ раньше прибегали къ кириллицѣ и грузинскому письму. Приступивъ къ занятіямъ осетинскимъ языкамъ, профессоръ Миллеръ критически провѣрилъ азбуку академика Шѣгрена и внесъ въ нее нѣкоторыя измѣненія и дополненія, имѣя въ виду достигнуть большей точности въ передачѣ особенностей и тонкостей осетинского произно-

¹⁾ Профессоръ Миллеръ въ предисловіи къ своему изданію сообщаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія обѣ издательско-литературной дѣятельности иронцевъ: „Среди интелигентныхъ иронцевъ во Владикавказѣ возникъ кружокъ молодыхъ дѣятелей, интересующихся роднымъ языкомъ и народными сказаніями и старающихся распространить къ нимъ интересъ среди своихъ соотечественниковъ. Дѣятельно записываются и издаются народные преданія, сказки, пословицы и пр., являются стихотворенія, даже поэмы, на иронскомъ языке, и имена нѣкоторыхъ осетинскихъ поэтовъ уже становятся популярными среди местного населения...“ (*Дигорскія сказанія*, стр. II).

²⁾ См. главу: *Звуки осетинскаго языка и ихъ выраженис азбукою (Осетинскіе этюды*, II, стр. 1 и слѣд.).

шения. Нѣкоторыя отличія отъ транскрипціи, принятой въ *Осетинскихъ этюдахъ*, настоящая транскрипція представляетъ относительно передачи звуковъ ё („звукъ средній между открытымъ а и открытымъ е“) [Осетин. этюды, II, стр. 4], который слышится, напримѣръ, въ английскіхъ словахъ: *tail*, *bad* и т. д.) и ү (задне-небій звонкій спиралять, „вполнѣ соотвѣтствующій армянскому ւ“¹), слѣдовательно, отличающейся болѣе „глубоко-гортанностью“, чѣмъ ново-греческое γ; см. *Осетин. этюды*, II, стр. 20). Для первого профессоръ Миллеръ возвращается къ обозначенію, принятому акад. Шёгреномъ, т. е. къ знаку, представляющему соединеніе а и е (ə), а для ү прибѣгаешь къ особому знаку, въ основаніи которого лежитъ русское г. Мы сочли нужнымъ нѣсколько остановиться на подробностяхъ транскрипціи въ виду того обстоятельства, что новое обозначеніе звуковъ ё и ү не оговорено въ предисловіи къ *Дигорскимъ сказаніямъ*. Вообще мы не считали бы лишнимъ, если бы въ началѣ книги было приложено объясненіе всей транскрипціи вообще.

За вѣрность передачи дигорскихъ текстовъ на русскій языкъ ручается самое имя автора *Осетинскихъ этюдовъ*. Что же касается виѣшней формы передачи, то въ этомъ отношеніи проф. Миллеръ, какъ это указываетъ онъ самъ (Предисловіе, стр. V), держался того же принципа, какъ и въ переводахъ, помѣщенныхъ въ I-мъ томѣ *Осетинскихъ этюдовъ*, т. е. „старался держаться какъ можно ближе дигорского текста съ той цѣлью, чтобы переводъ могъ дать болѣе ясное понятіе о характерѣ и строѣ дигорской рѣчи“. Проведеніе этого принципа, однако, не отразилось невыгоднымъ образомъ на виѣшней сторонѣ перевода, и профессоръ Миллеръ мастерски сумѣлъ согласовать требования русскаго литературнаго языка съ желаніемъ представить по возможности *русскій отпечатокъ* дигорскаго способа выраженія. Всѣ, кому приходилось трудиться надъ переводомъ произведеній народной словесности съ одного языка на другой, конечно оцѣняютъ надлежавшимъ образомъ работу, исполненную профессоромъ Миллеромъ.

Наконецъ, что касается примѣчаній (всѣхъ ихъ—числомъ 148),

¹) Точнѣе ւ ново-армянскихъ діалектовъ (а также ւ средне-армянского), таѣкъ какъ древне-армянское (грабарное) ւ, какъ это видно изъ транскрипцій хотя бы греческихъ собственныхъ именъ (напр. *Πλάτων* и т. д.), представляло собою одинъ изъ плавныхъ (*liquida*). Срв. по этому поводу наши *Этюды по армянской діалектологии*, ч. I (Москва, 1897), стр. XXII, XXIV и 132 (§ 193).

то они представляютъ, главнымъ образомъ, лексический и грамматический объясненія, а также дословные переводы нѣкоторыхъ выражений и цѣлыхъ фразъ; нѣсколько примѣчаній посвящено реалиямъ, а также указаніямъ относительно происхожденія записей отдѣльныхъ текстовъ изданныхъ сказаний.

Обращаемся теперь къ краткому перечисленію самыхъ сказаний. Вотъ заглавія (въ русскомъ переводе) отдѣльныхъ текстовъ:

I. Пѣсня про могучаго Асламбега.—II. Бораевъ Борзѣрнугъ. (Въ записи этого сказанія профессоръ Миллеръ отмѣчаетъ „влияние оборотовъ русского литературного языка“).—III. Правда не прощается.—IV. Дзанболатъ и Антонико.—V. Сосланъ и Нарты.—VI. Двое глухихъ.—VII. Одиночный.—VIII. Три товарища.—IX. Пѣсня стурдигорскихъ пастуховъ.—X. Проиславленіе Азнаура.—XI. Привлѣзыванье къ колыбели. (Близкій пересказъ содержанія этого этнографического текста былъ помѣщены уже въ *Осетинскихъ этюдахъ*, II, стр. 289).—XII. Руймонъ. (Изложеніе повѣрья о „змѣвидномъ“ чудовищѣ Руймонѣ,—вазарь изъ кусковъ тѣла котораго служить для обновленія души въ загробномъ мірѣ, гдѣ она такъ же старѣеть, какъ на землѣ тѣло,—было уже помѣщено въ *Осетинскихъ этюдахъ*, II, стр. 295—296).—XIII. Повѣрье о летучей мыши.—XIV. Молитва. (Эта молитва, текстъ которой былъ доставленъ профессору Миллеру академикомъ К. Г. Залеманомъ, представляетъ интересъ по заключающемуся въ ней перечисленію осетинскихъ дзуаровъ¹⁾).

Тексты, изданные, переведенные и поясненные профессоромъ Миллеромъ, важны въ двоякомъ отношеніи. Съ одной стороны, они даютъ иранистамъ (въ частности осетинамъ) новый, научно записанный лингвистический материалъ по одному изъ діалектовъ осетинскаго языка, а съ другой—фольклористы и этнологи получаютъ возможность, благодаря приложенному переводу, познакомиться какъ съ нѣкоторыми мотивами творчества, такъ и съ извѣстными повѣрьями и пережитками обрядовъ одной изъ ново-иранскихъ народностей.

Л. М.

---

¹⁾ Подъ дзуарами (дзуар, заимствованное грузинское слово, гვარ, что значитъ „крестъ“) осетины разумѣютъ святыхъ, патроновъ, духовъ-покровителей. (Но кроме того, слово дзуар употребляется также для обозначенія жльста, пользующющемся религиознымъ почтаніемъ). Подробности см. въ *Осетинскихъ этюдахъ*, II, стр. 239 и слѣд., а также стр. 255 и слѣд.

MONOGRAFIE W ZAKRESIE DZIEJÓW NOWOŻYTNYCH, WYDAWCA SZYMON ASKENAZY,
T. I. RZĄDY TYMČASOME W KRÓlestwie polskiem. Maj-Grudzień 1815 g.
przez J. Bojasziewskiego. Warszawa. 1902.

Важное для польской исторической науки предпріятіе выдающагося львовскаго профессора С. Аскенази—издать рядъ монографій по новой польской исторії, при помощи молодыхъ ученыхъ силь—начало уже осуществляться. Два первые тома составляютъ двѣ самостоятельныя и не зависящія другъ отъ друга работы, относящіяся къ первой четверти XIX вѣка. За ними, судя по словамъ издателя и главнаго редактора, вышенназваннаго львовскаго историка, скоро послѣдуетъ нѣсколько новыхъ трудовъ. Это, конечно, тѣмъ болѣе желательно, что именно новѣйшая эпоха, несмотря на самый живой интересъ къ ней образованнаго общества, очень мало привлекала къ себѣ вниманіе серіезныхъ специалистовъ, такъ что приходится постоянно констатировать не только важные пробѣлы, но прямо отсутствіе критическихъ работъ по важнѣйшимъ вопросамъ въ новой польской исторіографіи.

Согласно общему плану новаго коллективнаго труда, въ составъ его войдутъ монографіи, относящіяся къ отдѣльнымъ эпизодамъ внутренней и вѣнчанной исторіи Польши, къ отдѣльнымъ явленіямъ изъ области экономической, культурной и т. п. Кромѣ того, предполагается рядъ жизнеописаній первостепенныхъ дѣятелей новѣйшаго времени.

Въ 1-мъ томѣ изданія помѣщена монографія І. Боясинскаго, „Временное управление въ Королевствѣ Польскомъ“. Май—декабрь 1815 г. (Варшава 1902 г.), о которой мы намѣрены сказать нѣсколько словъ.

Непосредственными послѣдствіями успѣховъ Наполеона, а затѣмъ и его упадка, были коренные измѣненія въ судьбѣ поляковъ и новые раздѣлы польскихъ областей.

Въ февралѣ 1813 г. почти все независимое Княжество Варшавское, вмѣстѣ съ его столицею—Варшавою, было уже занято русскими войсками, и съ тѣхъ порь территорія эта перешла фактически подъ власть Россіи, хотя только въ маѣ 1815 г. „польскія дѣла“ были официально регулированы въ Вѣнѣ, путемъ отдѣльныхъ конвенцій между Австріей, Пруссіей и Россіей, подтвержденныхъ впослѣдствии и гарантированныхъ международнымъ вѣнскімъ ареопагомъ.

Въ замѣнѣ удалившагося изъ Варшавы передъ русскими войсками

правительства Княжества Варшавского быть установленъ Высшій временный совѣтъ, вѣдавшій мѣстныя гражданскія дѣла и состоявшій изъ пяти членовъ, преимущественно поляковъ, подъ предсѣдательствомъ генераль-губернатора В. С. Ланского. Затѣмъ въ 1814 году были образованы еще два комитета, а именно военный, подъ предсѣдательствомъ в. к. Константина Павловича, занимавшійся устройствомъ польской арміи, и гражданскій организаціонный комитетъ, съ президентомъ мѣстнаго сената, Т. Островскимъ, во главѣ. Этому послѣднему комитету была поручена разработка проектовъ будущихъ административныхъ и законодательныхъ реформъ—„въ духѣ мѣстныхъ обычаевъ и понятій“. Временный Совѣтъ существовалъ по іюнь мѣсяцъ 1815 г., т. е. до провозглашенія нового Королевства Польскаго и „принциповъ“ будущей конституціи, когда онъ въ свою очередь долженъ былъ уступить мѣсто вновь учрежденному временному правительству Королевства Польскаго, составъ котораго мало впрочемъ отличался отъ предыдущаго „Совѣта“. Новое временное правительство управляло въ теченіе десяти мѣсяцевъ по декабрь 1815 г., когда власть перешла въ руки намѣстника.

Хотя, какъ извѣстно, „исторія не знаетъ промежутковъ“, тѣмъ не менѣе это переходное время, съ его промежуточными правительствами, представлялось до сихъ поръ какимъ-то сѣрымъ пятномъ, почти непронутымъ историками, и г. Боясинский первый принялъ за его специальное изученіе. Онъ, правда, ограничилъ свою задачу только разработкой материаловъ, относящихся къ послѣдней фазѣ этого периода, а именно къ дѣятельности послѣдняго правительства передъ назначеніемъ намѣстника и офиціальнымъ дарованіемъ конституціонной хартіи; тѣмъ не менѣе онъ часто уклоняется отъ этихъ рамокъ, характеризуя порядокъ управленія и мѣропріятія предшествовавшихъ властей.

Авторъ рисуетъ подробную картину начинаній высшей мѣстной администраціи, ставившейся удержаться на высотѣ положенія и удовлетворить разнообразнымъ требованиямъ сложнаго исторического момента, несмотря на ужасное разореніе страны и ея экономическое истощеніе, несмотря также и на слишкомъ самостоятельный распоряженія великаго князя Константина Павловича. Увлекаясь военными дѣлами, великий князь не считалъ нужнымъ сообразоваться съ крайне важными для того времени требованиями бережливости, ни со свыше предписанной гражданскимъ правительствомъ заботой о томъ, чтобы „безъ

всякихъ скачковъ и рѣзкостей приводить край отъ административнаго порядка къ конституціонному".

Въ особыхъ главахъ авторъ разбираетъ новую организацію страны, учрежденіе министерствъ, административныхъ и судебныхъ управлений, сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о попыткѣ привести въ извѣстность экономическая и податная силы страны, на основаніи неудовлетворительныхъ прусскихъ и др. материаловъ, таблицъ цѣнъ и т. п., о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ облегченію торговыхъ сношеній, а также къ точному опредѣленію границъ новаго королевства, къ проведенію демаркаціонной линіи съ Пруссіей.

Двѣ послѣднія главы посвящаетъ авторъ общему обзору дѣятельности восьми отдѣльныхъ комиссій, на обязанности которыхъ лежало составленіе проектовъ новыхъ основныхъ законовъ, съ помощью материаловъ, приспособленныхъ вышеупомянутымъ „Гражданскимъ Комитетомъ“. Разработкой принциповъ будущей конституціи и редакціей конституціонной хартіи занимался особый „Конституціонный Комитетъ“, по приказу императора Александра I.

Хотя торжественный вѣздъ въ Варшаву новаго монарха и состоялся 12 ноября 1815 г., но полномочія временнаго правительства были еще продолжены на нѣкоторое время. Самъ Александръ проводилъ много времени надъ исправленіями и дополненіями проекта конституціи, окончательная формулировка которой была поручена Новосильцеву.

Наконецъ послѣднимъ проявленіемъ власти временнаго правительства было официальное провозглашеніе конституціи въ день рождения государя, 24 декабря 1815 г. (и. ст.), подписанной Александромъ передъ отѣзгомъ въ Петербургъ, но оставленной въ запечатанномъ конвертѣ, а также принятіе присяги отъ вновь назначенаго представителя государя, намѣстника, генерала Заіончека.

Задачи временнаго правительства, работавшаго въ очень тяжелыхъ условіяхъ, были исчерпаны. Исчерпано и содержаніе книги г. Боячинскаго.

Согласно руководящему принципу предпринятаго профессоромъ Аскенази колективнаго труда, авторъ „перваго тома“ исполнилъ старателю свою задачу, „избѣгая фразъ и общихъ мѣсть“. Спокойными вѣрными чертами онъ характеризуетъ общий фонъ эпохи и лаконически, но мѣтко обрисовываетъ по пути выдающихся дѣятелей того времени, а главное добросовѣстно пользуется доступными ему

материалами, для изображения совокупности дѣятельности временнаго правительства.

Благодаря всему этому ему удалось пролить болѣе определенный свѣтъ не только на фактическое положеніе дѣлъ, но отчасти и на противоположныя политическія теченія изслѣдуемаго имъ момента: съ одной стороны, на объединительныя и консервативныя стремленія представителей русской государственной власти, входившихъ въ составъ временныхъ правительствъ,—съ другой стороны, на либеральныя стремленія Александра I, поддерживавшія идеалы и уповали мѣстнаго общества и его офиціальныхъ выразителей. Этими противорѣчіями объясняются и странныя на первый взглядъ несообразности въ выборѣ и составѣ тогдашніхъ отвѣтственныхъ представителей высшей власти въ Варшавѣ. Среди ея польскихъ представителей замѣчались въ то же время принципіальные разницы между свободомыслящими дѣятелями Наполеоновскаго и Варшавскаго режима съ одной стороны, и носителями консервативныхъ, господствовавшихъ главнымъ образомъ въ Литвѣ, идеаловъ—съ другой.

Существенный недостатокъ книги г. Боясинскаго состоять въ томъ, что она могла бы быть полнѣе, если бы авторъ не оставилъ безъ вниманія документовъ, хранившихся прежде въ бывшемъ статсь-секретариатѣ царства Польскаго въ Петербургѣ, нынѣ же находящихся въ архивѣ государственного совѣта, а также материалами тайного Берлинскаго архива и Краковскаго музея князей Чарторижскихъ.

Но, какъ видно изъ интереснаго предисловія профессора Аскенази, и издатель, и авторъ сознаютъ во всей полнотѣ недостатки разбираемаго нами труда, но въ то же время сознаютъ вполнѣ основательно и его несомнѣнную полезность.

Изъ документовъ, составляющихъ вторую часть книги, важнѣйшими являются: основы конституціи и подробный докладъ о дѣятельности временнаго правительства отъ 10-го ноября 1815 г.

Ренуальда Бодуэнъ-де-Куртена.

MONOGRAFIE DO DZIEJÓW NOWOŻYTNYCH. T. II. Miedzy Jeną a Tylzą. 1806—1807.
przez Macieja Loretu. Warszawa. 1902.

Наполеоновская эпоха снова стала привлекать къ себѣ въ послѣднее время усиленное вниманіе западно-европейскихъ и славянскихъ историковъ. Однимъ изъ самыхъ бурныхъ ея эпизодовъ, пре-

исполненныхъ напряженійшихъ усилий, не только военныхъ, но и дипломатическихъ, является восемьмѣсячный періодъ времени, непосредственно слѣдовавшій за битвой подъ Іеною (14-го октября 1806 г.) (почти уничтожившей Пруссію) и завершенній фридландскимъ погромомъ союзниковъ (14-го іюня 1807 г.). Несчастная Фридландская битва заставила, какъ извѣстно, Александра I отказаться отъ прусской дружбы и дальнѣйшей безкорыстной защиты „Клайпедского изгнанника“ и обратиться на новый путь — сближенія съ Наполеономъ. Результатъ этого события — Тильзитскій миръ, возвращая, по милости Александра и вниманию къ его просьbamъ императора французовъ, почти всѣ прусскія провинціи Фридриху Вильгельму III, игнорировалъ въ то же время не только интересы Австріи, но даже самое ея существованіе, хотя императоръ Францъ I, отдыхая отъ аустерлицкихъ воспоминаній, не думалъ пока трогаться изъ своего Гоффбурга, имѣль въ своемъ распоряженіи значительную армію, а держава его была, казалось, въ то время самой судьбой предназначена для роли третейского суды Европы.

Что же было поводомъ такого неестественного, повидимому, устрашенія Австріи отъ всякаго вліянія на ходъ событий и на новую систему европейскаго равновѣсія, вводимую тильзитскимъ трактатомъ?

Вопросъ этотъ, несмотря на несомнѣнное вліяніе австрійской политики на образъ дѣйствій обѣихъ сражающихся сторонъ, разсчитывавшихъ, вплоть до Фридландского боя, на австрійскую помощь, въ той или другой формѣ, весьма мало до сихъ поръ былъ изслѣдованъ историками. М. Лоретъ задался цѣлью разъяснить его, на основаніи материаловъ вѣнскаго и др. архивовъ. Но сложность тогдашнихъ международныхъ интересовъ, обиліе всевозможныхъ политическихъ „коньюнктуръ“ и плановъ заставили молодого историка постоянно выходить изъ этой специальной области и заниматься одновременно политикой Пруссіи, Россіи и Франціи, а также и гордѣвымъ узломъ этого исторического момента — польскимъ вопросомъ. Можно даже сказать, что польскія дѣла, если не по замыслу, то фактически, составляютъ главное содержаніе книги М. Лорета. Къ нимъ же относится и большинство документовъ, въ первый разъ появляющихся въ печати и входящихъ въ составъ второй, „издательской“, части книги.

Наполеонъ называлъ войну 1806 — 1807 гг. „первой польской кампаніей“, не только благодаря территоріи, на которой она велась и участію въ ней польскихъ войскъ, но и благодаря тому, что судьба

польскихъ областей, вызывавшая столь различные соображения и соперничество нѣсколькихъ державъ, лежала въ основаніи тогдашняго международного столкновенія. Не удивительно, что, на ряду съ военными дѣйствіями, играли видную роль политическая и дипломатическая комбинаціи государственныхъ людей того времени, результатомъ которыхъ являлись различные, часто весьма противорѣчивыя, попытки коренного разрѣшенія спорного вопроса, съ тѣхъ поръ въ особенности, когда стала подвигаться все ближе и ближе отъ запада къ востоку опасность войны съ Наполеономъ. И такъ въ 1805 г. князь Адамъ Чарторижскій выработалъ проектъ соединенія всѣхъ частей бывшей Польши подъ верховнымъ владѣчествомъ русскихъ государей,—королей польскихъ. Путемъ къ его осуществленію должна была быть война съ Пруссіей, владѣвшей тогда громаднымъ большинствомъ коренныхъ польскихъ областей, вмѣстѣ со столицею — Варшавою; но влияніе князя Долгорукова и другихъ направило въ противоположную сторону симпатіи и политику Александра и привело его къ заключенію тѣснѣшаго союза съ прусской династіей и прусскимъ королевствомъ.

Вскорѣ послѣ того, въ 1806 г., князь Антонъ Радзивилль, прусскій подданный и близкій родственникъ королевской фамиліи, посвященный въ тайны прусской политики (легкомысленно вызывавшей тогда войну съ Наполеономъ въ надеждѣ на русскую помощь), обращать вниманіе Фридриха Вильгельма на неизбѣжное участіе поляковъ въ предстоявшей борьбѣ и предлагалъ свой планъ умиротворенія ихъ и противодѣйствія на этой почвѣ начинаніямъ не признаннаго императора французовъ. „Два монарха, восхищавшіе Европу своими личными качествами, бывшіе всегда друзьями своихъ народовъ и врагами всякихъ захватовъ, должны сами воскресить прошлое...пусть король прусскій провозгласить себя королемъ польскимъ, пусть императоръ россійский прибавить къ своимъ титуламъ титулъ короля литовскаго,—и этого будетъ достаточно, конечно при дальнѣйшемъ примѣненіи вновь введенной системы справедливости, чтобы заглушить всѣ другія идеи и разрушить революціонные замыслы Бонапарта“. Несбыточный самъ по себѣ планъ этотъ, составленный за нѣсколько мѣсяцевъ до роковой битвы, лишившей Пруссію не только польскихъ, но и части ея нѣмецкихъ владѣній, отразился только отчасти въ позднѣйшей малоизвѣстной по настоящее время „запискѣ“ знаменитаго организатора и „возстановителя“ Пруссіи—барона Штейна, начертавшаго въ ней новую программу мѣстныхъ учрежденій для быв-

шихъ польскихъ провинцій, болѣе сообразную съ національными осо-
бенностиами и чувствами поляковъ.

Что касается Наполеона, то отношенія его къ полякамъ и поль-
скому вопросу вообще, даже въ теченіе этого восьмимѣсячнаго про-
межутка времени, подвергались весьма рѣзкимъ измѣненіямъ. Авторъ,
не сомнѣвающійся, повидимому, въ искренности симпатіи императора къ
полякамъ, объясняетъ эти перемѣны крайнею неустойчивостью тогдаш-
нихъ обстоятельствъ и тѣми опасностями, среди которыхъ приходилось
постоянно вращаться этому необыкновенному человѣку. Наполеонъ,
даже въ минуты самыхъ блестящихъ своихъ успѣховъ, находился
„всегда почти на одинъ шагъ разстоянія отъ своей Тарпейской ска-
лы—острова св. Елены“. Призвавъ къ себѣ, по вступлѣніи своеемъ
въ Берлинъ, польскую депутатію (8 ноября 1806 г.), Наполеонъ за-
явилъ ей о своемъ намѣрѣніи провозгласить въ Варшавѣ независи-
мость Польши, но поставилъ условіемъ увеличеніе его арміи, столь
отдаленной отъ Франціи, польскими отрядами. Дѣйствительно, благо-
даря организаціонной энергіи генерала Домбровскаго, вскорѣ послѣ
того 64-тысячная польская армія, доставленная отторгнутыми отъ
Пруссіи польскими провинціями, сражалась уже на ряду съ француз-
скими войсками. Борьба эта велась уже не съ побѣжденной Пруссіей,
но съ ея союзницей и защитницей, Россіей, очутившейся, послѣ неожи-
данного для императора Александра I исхода Прусской войны, въ
тѣмъ болѣе тяжеломъ положеніи, что осложнившіяся обстоятельства
на востокѣ требовали тогда присутствія русскихъ войскъ въ вассаль-
ныхъ турецкихъ княжествахъ.—Съ другой стороны, жестокія сомнѣнія
въ судьбѣ французской арміи, послѣ ужаснаго боя подъ Прейсишъ-
Эйлау, заставили Наполеона искать средства ослабить Александра и
расторгнуть прусско-русскій союзъ. Еще съ поля битвы послалъ онъ
въ Кнайпеду, къ королю Фридриху Вильгельму генерала Бертрана,
предлагая ему возвратить всѣ почти его земли, въ томъ числѣ, ко-
нечно, и польскія, „которымъ онъ уже болѣе не придавалъ значенія“,
и титулъ польского короля въ придачу, — съ условіемъ отказа отъ
союза съ Россіей. Но Фридрихъ Вильгельмъ предпочелъ, какъ из-
вѣстно, экзальтированного и сильного еще пока русскаго друга загад-
очному и неувѣренному тогда въ собственныхъ силахъ Наполеону,
и заключилъ съ Александромъ еще болѣе тѣсный и столь невыгодный
для Россіи союзъ въ Бартенштейнскомъ лагерѣ. Первые побѣдоносные
столкновенія съ французами русскаго главнокомандующаго Бенигсеня,
поднимая духъ среди союзниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ оживили ихъ надежды

на участіе Австрії въ общей борьбѣ съ Наполеономъ. Но помошь Австрії казалась не менѣе важной и императору французовъ, и онъ всячески старался привлечь вѣнскій дворъ на свою сторону. Министръ Стадіонъ, осторожно взвѣшивавшій противоположность тогдашихъ австрійскихъ интересовъ прусскимъ и русскимъ, въ то же самое время крайне опасался замысловъ Наполеона и счѣль за лучшее отдалываться отъ всѣхъ предположеній неопределѣленными обѣщаніями и не выходить изъ строгаго нейтралитета. Тѣмъ не менѣе, какъ свидѣтельствуютъ обнародованыи г. Лоретомъ конспекты докладовъ Стадіона императору, въ Вѣнѣ выжидали удобнаго случая для нападенія на Наполеона и зорко слѣдили за ходомъ военныхъ событий, перемѣнія постоянно планы и рѣшенія въ зависимости отъ успѣховъ и пораженій сражающихся сторонъ. Такъ продолжалось дѣло до знаменитаго Фридландскаго боя, поставившаго снова, какъ известно, Наполеона на высшую точку могущества и лишившаго Александра возможности продолжать съ нимъ единоборство. Австрійскій генераль Суттергеймъ, снаряженный за долго до Фридланда въ главную квартиру союзниковъ и снабженный наконецъ длиннѣйшей и противорѣчивой инструкціей, достигъ цѣли своего путешествія въ то время, когда миссія его не могла имѣть ни малѣйшаго значенія, а именно по заключеніи Тильзитскаго мира. Опоздавшій австрійскій проектъ, обращавшій вниманіе бывшихъ союзниковъ императора Александра и короля Фридриха Вильгельма на общность интересовъ Россіи, Австріи и Пруссіи и на необходимость основательного и выгоднаго для нихъ разрѣшенія польского вопроса, какъ непремѣнного условія соглашенія, не могъ быть, конечно, подвергнутъ разсмотрѣнію новыхъ союзниковъ— Александра и Наполеона. Его постигла почти такая же участъ, какъ и проектъ прусскаго министра Гарденберга, надѣлявшаго такъ щедро своего короля безъ королевства новыми приобрѣтеніями, точно онъ былъ не изгнаникомъ, но побѣдителемъ и вліятельнѣйшимъ членомъ европейскаго *ареата*.

Императоръ Александръ уѣхалъ изъ Тильзита, не принявъ генерала Суттергейма; за то Наполеонъ, добившійся полнаго уединенія Австріи, окруженнай теперь со всѣхъ сторонъ французскими владѣніями или французскими союзниками, не преминулъ быть весьма любезнымъ на аудіенціі, данной въ Тильзитѣ ея злополучному представителю. „Изъ всѣхъ грустныхъ предположеній дождались мы самаго грустнаго“, писалъ министръ Стадіонъ, узнавъ о русско-французскомъ соглашеніи, невольно характеризуя такимъ образомъ съ нелестной

стороны и свою собственную политику. Результатомъ тогдашней вѣн-
ской нерѣшительности и неумѣнія пользоваться благопріятными обсто-
ятельствами была позднѣйшая несчастная война съ Наполеономъ
1809 г., пораженіе Австріи подъ Ваграмомъ и вѣнскій трактатъ. Съ
другой стороны, игнорированіе императоромъ Александромъ интересовъ
Австріи въ Тильзитѣ, шедшее въ разрѣзъ съ интересами Россіи, было
одной изъ причинъ недолговѣчности такъ искусно, повидимому, со-
зданного двумя императорами нового порядка вещей. Подробный ана-
лизъ Тильзитскаго трактата, со всѣми его отрицательными сторонами,
анализъ противорѣчій въ стремленіяхъ и политикѣ нѣсколькоихъ заин-
тересованныхъ державъ, подтверждаемый новымъ материаломъ, соста-
вляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ сторонъ труда молодого поль-
ского историка. Принимая постоянно во вниманіе польскія дѣла, онъ
не могъ, конечно, не остановиться на одномъ изъ самыхъ характер-
ныхъ эпизодовъ тильзитскихъ переговоровъ, а именно на смѣломъ
предложеніи Наполеона—уступить всѣ польскія земли, принадлежав-
шія Пруссіи (съ Варшавою во главѣ), Александру, въ формѣ на-
слѣдственнаго соединенія королевства Польскаго съ Русскою имперіей.
Онъ разбираетъ при этомъ мотивы Наполеона, желавшаго на долго
обременить Россію вытекавшими изъ этого подарка затрудненіями, а
также причины отказа Александра и его „контрь-предложенія“:поль-
ской короны для Іеронима Бонапарте.

Что касается неудачнаго дѣтища конгресса, княжества Варшавскаго,
то авторъ впервые въ польской исторіографіи воспользовался вполнѣ
трудами генерала Шильдера и сдѣлавшимися извѣстными, благодаря
ему, источниками и окончательно разрушилъ упорно державшееся пре-
даніе обѣ инициативѣ Наполеона въ созданіи этого псевдо-государства.
Наполеонъ, нуждавшійся въ то время въ умиротвореніи Европы, со-
гласился на компромиссъ, предложенный Александромъ, убѣдившись въ
безуспѣшности попытки болѣе широко разрѣшить польский вопросъ.
Эта, никого не удовлетворившая, сдѣлка стала впослѣдствіи одной
изъ главныхъ и непосредственныхъ причинъ позднѣйшаго броженія и
новыхъ столкновеній, такъ быстро уничтожившихъ тильзитскую груп-
пировку международныхъ отношеній.

Мы довольно подробно позволили себѣ остановиться на содержанії
книги г. Лорета, чтобы дать понятіе о разнообразіи затронутыхъ въ
ней вопросовъ. Много нового сумѣть онъ сказать не только о раз-
ныхъ фазахъ австрійской политики, но и о нѣкоторыхъ малоизвѣст-
ныхъ проектахъ и соображеніяхъ отдѣльныхъ политиковъ относительно

польскихъ дѣлъ. Новымъ также въ польской исторіографіи является его беспристрастное обсужденіе роли Наполеона въ судьбѣ поляковъ и опѣника его образа дѣйствій съ обще-политической точки зрѣнія. Жаль только, что беспристрастіе и спокойствіе историка слишкомъ ужъ близко граничать въ этой монографіи съ сухостью и безцвѣтностью изложенія. Нельзя также не замѣтить, что отсутствіе всякихъ главъ и подраздѣленій въ группировкѣ научнаго матеріала составляетъ слабую сторону этого добросовѣстнаго труда. Среди новыхъ документовъ, вошедшихъ (согласно общему плану историческихъ изданій профессора Аскеназі) во вторую часть книги, заслуживаютъ особеннаго вниманія доклады Стадіона императору Францу I-му, письма членовъ варшавской правительственной комиссіи, меморіалъ объ организаціи польской арміи и др.

Ромуальда Бедуэнъ-де-Куртенэ.

С. Н. Браиловскій. Одинъ изъ пестрыхъ XVII-го столѣтія. Историко-литературное изслѣдованіе въ двухъ частяхъ съ приложеніями. С.-Пб. 1902 г. (Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. Томъ V, № 5 и послѣдній). Стр. XXXVII—493.

Въ 1889 году въ Чтеніяхъ въ Московскомъ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія появились статьи: „Каріонъ Истоминъ. Жизнь его и сочиненія, Сергѣя Браиловскаго“. (№ 4, 346—374; № 5, 439—464; № 6, 538—592). Теперь передъ нами цѣлая объемистая книга. Въ обзорѣ ея мы будемъ слѣдовать по возможности порядку изложенія въ изслѣдованії.

Предисловіе. Указано значеніе сочиненій Каріона Истомина-Зау-лонскаго. Они заслуживаютъ вниманія „потому, что онъ (Каріонъ) является сторонникомъ просвѣщенія и самыхъ горячихъ и искреннихъ стремленій къ нему, слѣдовательно, носителемъ преобладающей идеи времени. Такъ что дѣятельность Каріона Истомина въ высшей степени интересна, какъ звено, связующее до-Петровскую Русь съ Русью послѣ-Петровской“.

Имѣли ли сочиненія Каріона вліяніе на современниковъ?—Количество списковъ этихъ сочиненій очень невелико; тѣмъ не менѣе иѣ-которое вліяніе ихъ на читателей изслѣдователь положительно утвер-ждаетъ.

Въ концѣ предисловія небольшая обмоловка: „поставленный въ весьма неблагопріятныя условія для научной работы“. Намъ вспоминается, что между трудами автора есть датированные: Новгородъ-Сѣверскъ, Владивостокъ, есть и Бендинъ (Петроков. губ.)...

Введение. Здѣсь литература предмета въ хронологическомъ порядке (приблизительно до 1899 г. включительно). Сочиненія Каріона расположены по годамъ съ 1680 по 1717 годъ. Въ концѣ помѣщены тѣ произведения Каріона, время написанія которыхъ можетъ быть указано только приблизительно. Между ними мы находимъ „Созерцаніе“ или такъ называемыя записки С. Медвѣдева, о которыхъ будеть рѣчь ниже.

Часть I. *Біографія Каріона Истомина-Заулонского.* Въ рукописяхъ встрѣчается нѣсколько Каріоновъ, и притомъ упоминаются они приблизительно около того времени, когда жилъ и нашъ писатель. С. Н. Браиловский разобрался вполнѣ доказательно среди возникающихъ отсюда недоразумѣній. Только жаль, что изслѣдователь не счелъ нужнымъ перепечатать свои доказательства (*Жур. Мин. Нар. Просв.* 1891, авг.); это бы заняло немного мѣста и избавило бы отъ справокъ читателя.

Каріонъ (мірского имени его не знаемъ) Истоминъ родился въ Курскѣ. С. Н. Браиловский говоритъ, что время рожденія Каріона можно отнести къ концу четвертаго десятилѣтія XVII вѣка. Основаніе для этого слѣдующее. Мать Каріона умерла 73 лѣтъ въ 1693 году, Каріонъ же былъ первенцемъ. При этомъ допускается, что мать Каріона вышла замужъ не позднѣе 16 лѣтъ. Принимая вѣроятнымъ послѣднее, трудно все-таки согласиться съ предлагаемымъ временемъ рожденія Каріона. Въ 1681 года Каріонъ хотѣлъ оставить монашество и жениться (11), но вѣдь ему было уже 32—34 года по предположенію г. Браиловскаго. Поэтому намъ кажется болѣе вѣроятнымъ отнести время рожденія Каріона лѣтъ на пять позднѣе. Иеродіаконство Каріона не препятствуетъ этому: людей знающихъ и способныхъ и теперь рано посвящаютъ въ этотъ санъ.

Родители Каріона принадлежали къ служилому классу. Отецъ Каріона назывался Истома, по фамиліи Заулонскій или Заболонскій. Но двѣти его оставили фамилію отца своего (или, по крайней мѣрѣ, употребляли ее рѣдко) и называли себя по отчеству Истоминами (7). Можно добавить, что фамилія Истоминъ существуетъ до сихъ поръ въ Курскѣ и, сколько мнѣ известно, одни изъ Истоминъ принад-

лежать къ стариннымъ жителямъ Курска. Такимъ образомъ, быть можетъ, въ архивѣ ихъ приходской церкви или въ консисторскомъ архивѣ отыскались бы данные о времени рожденія Каріона и другія фамильныя свѣдѣнія.

Каріонъ былъ родственникомъ, по женѣ своего брата, С. Медвѣдеву, тоже курянину, въ свое время бывшему виднымъ человѣкомъ въ Москвѣ. Вліяніе Медвѣдева на жизнь Каріона несомнѣнно.

Каріонъ рано ушелъ въ монастырь, Молчанскую пустынь. Отсюда переселился онъ въ Москву.

Гдѣ именно въ Москвѣ онъ поселился сначала, трудно сказать. Г. Браиловскій предполагаетъ, что въ Заиконоспасскомъ монастырѣ (сравн. 12 и 93). Впослѣдствіи мы видимъ Каріона въ Чудовомъ монастырѣ въ числѣ учениковъ патріаршой школы. Въ Москвѣ Каріонъ изучилъ латинскій и греческій языки. Позднѣе онъ дополнять свое образованіе, слушая науки у братьевъ Лихудовъ.

Благодаря вліянію С. Медвѣдева и своимъ знаніямъ Каріонъ поступилъ на книжный печатный дворъ въ 1679 году и служилъ писцомъ и чтецомъ, при чемъ преподавалъ греческій языкъ въ типографской школѣ. Потомъ, съ марта 1682 года, онъ былъ справщикомъ, а съ 4-го марта 1698 года—начальникомъ печатного двора. С. Н. Браиловскій даетъ рядъ интересныхъ данныхъ (по архивнымъ даннымъ) о дѣятельности печатного двора за время службы Каріона.

Служба Каріона составляла только одну сторону его разносторонней дѣятельности въ Москвѣ. Она давала ему извѣстное материальное обеспеченіе и положеніе, но не вполнѣ удовлетворяла его стремленія. Каріонъ обратилъ на себя вниманіе царскаго дома, какъ писатель виршъ и составитель проповѣдей.

Сохранилось довольно большое количество сочиненій, посвященныхъ Каріономъ лицамъ и событиямъ царскаго дома. Въ этихъ сочиненіяхъ свѣтлой полосой выдается мысль Каріона о необходимости науки, образования.

Потщися ради Всемогуща Бога,
У Него же есть преизудрости многа,
О ученіи промыслъ сотворити,
Мудрость въ Россіи святы вкоренити...

Или еще:

Владалица здѣ Софія царевна
влашку Бога читъ Алексіевна...
Онъ славящую царевну днесъ славить,
во все благое яко отецъ править.
Философіи чрезъ ню подаетъ быти,
можеть знанія въ росахъ свѣтъ открыти.

Такъ писалъ Каріонъ къ царевнѣ Софьї Алексіевнѣ (69). Но прежде чѣмъ перейти къ обзору внутренней стороны жизни Каріона, остановимся, согласно своему плану—по возможности слѣдователь за изслѣдованием,—на приложеніяхъ къ первой части излѣдованія.

Здѣсь находимъ описание сборниковъ Чудовской библіотеки № 98/300, 99/301, 100/302. Извлеченіе изъ этого же сборника см. на стр. 367—387, въ приложениіи къ 1-й главѣ второй части изслѣдованія, и на стр. 414—416, л. 273—5, въ приложениіи ко 2-й главѣ 2-й части; на стр. 425—7, л. 174—5; на стр. 427—435, л. 1—12, на стр. 460—464, л. 118—121, въ приложениіи къ 3 главѣ 2-ой части.

Чтобы покончить съ приложеніями, упомянемъ, что въ приложеніяхъ ко 2-й части изслѣдованія авторъ воспользовался, кроме указанныхъ выше рукописей, еще слѣдующими: 1) Московской Синодальной библіотеки № 597, подъ заглавіемъ Епифанія Славинецкаго „Собрание разныхъ поученій“ л. 41—44 („Ищите первое царства Божіего и правды его“), приложеніе ко 2-й главѣ стр. 410—414; 2) Императорскаго Эрмитажа № 89. Отсюда взято „Предисловіе малыя грамматики“ и „граматика“,—приложеніе къ 3-й главѣ, стр. 439—444; 3) рукописью Чудовской библіотеки (нынѣ Синодальной) № 99/301, л. 41, „Предисловіе, къ переводу книги Августина „Боговидная любовь“,—„Глава первая“, „Глава двадцать девятая“, „Оглавленіе книги сея“,—приложеніе къ 5-й главѣ, стр. 478—481. Кроме этого, здѣсь перепечатаны: 1) въ приложениіи къ гл. II, стр. 400—405, слово Симеона Полоцкаго на день Преобразованія, изъ „Вечера“, изд. 1682 г. л. ўѣ—уѣз. 2) въ приложениіи къ гл. II, стр. 449—459, изъ грамматики Смотрицкаго, по изданію 1619 г. съ варіантами по изданію 1648 года.

Описания г. Браиловскаго отличаются тщательностью. Отмѣчаются поправки, помарки. Ореографія текста сохранена; передаются по возможности и надстрочные знаки рукописи. Можно бы, конечно, для цѣльности представления при описаніи рукописи, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, напечатать и тѣ извлечения, которыя, какъ мы ука-

зали, разсѣяны по разнымъ страницамъ; но, очевидно, автору труда казалось лучше дать материалъ послѣ каждой главы изстѣданія о сочиненіяхъ.

Замѣчу еще слѣдующее. На л. 288 об.—290, № 88/300 есть стихи о Дмитріи Ростовскомъ К. Истомина. Сколько я могъ оцѣнить ихъ при бѣгломъ чтеніи, стихи дѣйствительно интересны, но, къ сожалѣнію, по краткости времени пребыванія въ Москвѣ я не успѣлъ ихъ списать. Почему не издалъ ихъ изстѣдователь? Человѣку, незнакомому съ почеркомъ сборника, чтеніе представить трудности ¹⁾.

Не описана цѣликомъ почему-то и рукопись Чудовской библіотеки № 88/281. На стр. 478—481 встрѣчаемъ лишь часть описанія ея. Я успѣлъ замѣтить слѣдующее: 80 лл., полууставъ XVII вѣка, по л. 1 внизу и на л. 20: „Принадлежитъ Московскому Каѳедральному Чудову монастырю. 1858 года“. Одинъ листъ, передъ л. 1 нумерованъ, вырѣзанъ.

Л. 1 Акаѳистъ ²⁾ страстемъ Христовымъ. Стихи глашь 6, подъ „Все упованіе“.

Все истощилъ еси имъніе живый въ мірѣ, расточи любовію...

Конецъ (л. 20): не остави мене умирающаго, Іисусе мой, его же цѣною купилъ еси крови твоей, но пріими мя во вѣчное себѣ благодареніе. Аминь.

Л. 21. Заставка (цвѣты). Стихи Каріона къ царевнѣ Софїѣ Алексѣевнѣ.

Начало (вырѣзана часть листа):

аря Господа славити довгѣть, яко всею онъ тварію владѣть.
Ангели въ небѣ тіи почитають, честь и пѣніе ему приношають...

Въ низу л. 21: Кому привѣтство, краснымъ писемъ извѣтство.—По начальнымъ буквамъ стиховъ выходитъ *теперь*:... евна Софія спасиша и радуяся.

Конецъ (л. 22 об.):

Лзыкомъ хвалу вси честь да приносять.
О благомоштѣ вамъ Господа просать.

¹⁾ Кстати замѣчу, что неразборчивое мѣсто на л. 306, № 88/300 по моему надо, читать: возѣ палатъ (см. стр. 139),

²⁾ Для удобства печатанія орографія не соблюдена. Знаки препинанія наши.

Л. 23 Пресвѣтлой Великой Государынѣ благородиѣй и благочестивѣй царевиѣ и великой княжиѣ Софіи Алексіевиѣ всея великия и малая и бѣлая Россіи Самодержицѣ благодать, милость, миръ, лѣта, во всякое благокрасотство сиасенно, отъ Господа Бога умно-жатся.

Егда убо ветхозаконная скиния, повелѣниемъ Всѧтворца Бога, по пришествіи моря чермного, во многочисленныхъ исраилтянъ полѣхъ, созидающееся...

Конецъ (л. 28 об.): Сего всего твоему величеству азъ леишай вашъ богомолецъ твоей государстей царской милости мене предаю въ благодѣйственное охранство. Аминь.

Вашего царскаго пресвѣтлаго величества богомолецъ худейши, иродіаконъ Каріонъ Истоминъ, поклоненіе работѣнное творить благогосердиѣ.

Л. 34—40. Оглавленіе книги Августина: Августина учителя книга о видѣніи Христа, или о славѣ Бога, имже успенна небеснаго вождѣнія память обновляется. Предисловіе. См. у г. Браиловскаго, стр. 478—481.

Часть II. *Литературные труды Каріона Истомина-Заулонского.* Литературные труды Каріона Истомина-Заулонского весьма различны по содержанію: одни — доктринального характера, другіе — духовно-нравственного, иные — педагогического, а иные — исторического. Изъ нихъ разсматриваются въ первой главѣ одно доктринальское сочиненіе — Катехизисъ; во второй приведены духовно-нравственные сочиненія — Домострой, На ереси, Едемъ, Екклесія и другія подобныя; въ третьей — педагогическая — буквари и грамматика, а также „Полісъ“; въ четвертой — историческая сочиненія — Записки о стрѣлецкомъ бунтѣ и Лѣтописецъ; въ пятой главѣ — переводы Каріона съ латинскаго и бѣлорусскаго языка; наконецъ, въ заключительной главѣ — источники изученія личности и сочиненій Каріона Истомина.

Глава I. Катехизисъ, или точнѣе, отрывки катехизиса (л. 308 — 343 Чудовскаго сборника № 301). Авторъ въ рукописи не указанъ. С. Н. Браиловскій считаетъ таковыми Каріона Истомина. Основанія: 1) „отрывки находятся въ рукописи, содержащей бумаги Каріона Истомина“; 2) „сравнивая содержаніе отрывковъ съ извѣстными до Каріона Истомина катехизическими сочиненіями, необходимо признать, что они не сходны ни съ сочиненіями Петра Могилы, ни съ сочиненіями Каріона Истомина“.

ніемъ Симеона Полоцкаго, ни съ сочиненіемъ Димитрія Ростовскаго. Слѣдовательно, для нихъ надо предположить особаго автора, которыемъ и былъ Каріонъ Истоминъ". Какъ можно видѣть, „слѣдовательно“ не достаточно твердо. Содержаніе же далеко не способствуетъ на нашъ взглядъ увѣренности изслѣдователя. Дѣйствительно, изслѣдователь отмѣчаетъ въ Катехизисѣ латинствующее мнѣніе его составителя о времени пресуществленія Св. Даровъ. Такимъ образомъ Катехизисъ, по словамъ г. Браиловскаго, „могъ быть написанъ Каріономъ Истоминымъ до окончанія спора, поднятаго С. Медвѣдевымъ и Евейміемъ, т. е. до 1688 года“ (225—6).

Согласно основанию г. Браиловскаго, составленіе надо отодвинуть еще болѣе назадъ, до 1685 года: Каріонъ былъ близокъ къ патріарху Іоакиму (81—86), но послѣдній, какъ говорить самъ г. Браиловскій, измѣнилъ хорошія отношенія къ С. Медвѣдеву при возникновеніи полемики о времени пресуществленія Св. Даровъ (81). Непонятно было бы, почему при этомъ патріархъ благоволилъ бы къ другому латынщику.

Далѣе, С. Н. Браиловскій говорить, что Катехизисъ предполагался Каріономъ для царевича Алексія Петровича. По мнѣнію самого же изслѣдователя, Катехизисъ могъ быть написанъ до 1688 года. Но Петръ, какъ извѣстно, женился 27-го января 1689 года, царевичъ же Алексій Петровичъ родился въ 1690 году. Такимъ образомъ выходитъ, что еще до женитбы Петра Каріонъ написалъ Катехизисъ для *его сына*. Предусмотрительность станетъ еще большей, если обратимъ вниманіе на то, во-первыхъ, что Петръ женился еще до исполненія 17 лѣтъ, во-вторыхъ, что въ самомъ Катехизисѣ говорится о необходимости исполненія изложенныхъ заповѣдей „по исполненіи седми лѣтъ отъ рожденія“ (232).

Глава II. Проповѣди. Сборникъ ихъ носитъ название: „Веселеніе сіесть Скиния Божія въ ней же свѣтилище Словеса Божія учителная, трапеза ученіе; предложеніе хлѣбовъ различныхъ вещедѣйствъ, во спасеніе и ползу изрядну Боголюбивымъ читателемъ и слышателемъ людемъ божіемъ. Благодатию всесвятых Троицы Божественныхыя, во славу святого имени его, въ представлѣствѣ всенепорочныя небесныя царицы. Пречистыя Дѣвы Богородицы Маріи, водрузися въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ пречестнѣй обители чудесе Архистратига Божія Михаила и преславнаго всероссійскаго чудотворца святаго Алексія митрополита мірозданія „зѣз (7207) лѣта, рождества Богочеловѣка Иисуса Христа Господа нашего „¹⁶⁹⁹“ (вм. „¹⁶⁹⁴=1699“). О своемъ авторствѣ

Каріонъ заявляетъ такъ: „О семъ мысленномъ веселенїи потщася самъ дѣлътърудствомъ хуждшій іеромонахъ Каріонъ Истоминъ. Иже у всѣхъ благоумныхъ дѣлателей въ погрѣшеніи же коего либо разумѣнія и во опискахъ прощенія смиреніи просить и поправити могущему волить, да благо всѣмъ отъ Христа Господа будетъ, аминь“ (235).

Замѣтно, что проповѣди писаны Каріономъ такъ, чтобы ихъ читать или произносить съ каѳесdry, о чёмъ свидѣтельствуетъ и онъ самъ неоднократно. Такъ, напримѣръ, подъ словомъ въ день великомученицы Екатерины находимъ такую замѣтку: „сего зрец лѣта, ноемврія въ ії сіе слово начерно написася и преписано и члено вверху въ церкви святыя Екатерины въ ії на литургії при государѣхъ царехъ“... Подъ словомъ на тему: „Молитеся другъ за друга яко да исѹльете“, замѣчено: „писася зрец лѣто мая въ ії числѣ и члено въ соборней церкви на единощи“. И при многихъ другихъ проповѣдяхъ находимъ подобныя замѣтки (260, пр. 1).

Фактическая сторона проповѣдей его богаче таковой же въ проповѣдяхъ Еп. Славинецкаго и немногимъ превосходитъ проповѣди Сим. Полоцкаго. Особенно выгодно выдѣляются панегирическія слова Каріона надъ таковыми же словами Полоцкаго: вмѣсто безцвѣтнаго набора громкихъ фразъ, какими наполнены памегирическія проповѣди послѣдняго, Каріонъ въ словахъ этого рода развиваетъ исторический элементъ или же излагаетъ нравоучительный разсказъ изъ жизни того или другого святого (260).

Большая часть проповѣдей Каріона, при своемъ отвлеченнѣмъ характерѣ, не можетъ дать изслѣдователю ясныхъ указаний на разные современные недуги, не освѣщаетъ яркимъ свѣтомъ глубокаго пониманія и проникновенія болѣзни пробуждавшагося къ новой жизни русскаго народа; за то нѣкоторые изъ нихъ заключаютъ упоминаніе о многихъ выдающихся событияхъ того времени (стрѣлецкій бунтъ, волненіе раскольниковъ), а задушевный тонъ иныхъ ясно свидѣтельствуетъ, какъ глубоко чувствовалъ и сильно страдалъ горемъ своего времени скромный чудовскій іеромонахъ (283).

Что касается виѣшней стороны проповѣдей, реторического построенія, то онъ почти ничѣмъ не выдѣляется среди другихъ имъ однородныхъ.

Языкъ проповѣдей Каріона почти правильный церковно-славянский (260).

Относительно того, что сказано г. Браиловскимъ о проповѣдяхъ, мнѣ кажется нужнымъ замѣтить слѣдующее. Быть можетъ, въ изда-

ни академическомъ можно было бы опустить элементарные понятія о русской проповѣди (235—238). Казалось бы также, что разъ братья Лихуды имѣли вліяніе на Каріона (68), то было бы интересно болѣе услышать о курсѣ риторики братьевъ Лихудовъ, ибо они во многомъ отступали отъ господствовавшей тогда въ Россіи и на Западѣ теоріи (239) ¹⁾.

„Домострой“. Подъ такимъ заглавіемъ было издано нынѣ покойнымъ А. Ф. Бычковымъ стихотворное сочиненіе Каріона, говорящее исключительно о дѣяхъ (Лѣтописи занят. Арх. Ком. за 1862—1863 гг., вып. II, 126—132). Такимъ образомъ это скорѣе отрывокъ изъ Домостроя XVII вѣка. Все сочиненіе раздѣляется на 14 строфъ, по 6 стиховъ въ каждой. Стихъ раздѣляется на полустишия, по 11 слововъ въ каждомъ полустишии, съ риѳмой въ концѣ. Въ виду того, что „отрывокъ“ напечатанъ А. Ф. Бычковымъ и содержаніе его передано по строфамъ г. Браиловскому (267—268), не останавливаюсь на его содержаніи. Приведу только послѣднюю 14-ю строфи:

Наукъ изрядетствомъ Каріонъ дѣти вся дарить,
Впріятность іеромонахъ и старымъ говорить.
Истожинъ чтобъ благоумянъ всѣ того смотрѣли
Науку и страхъ вдолжности имѣли.
Удареній кто дати не восходещетъ
Визаній поклоны творя да не ропщеть.
Душеспасенно всѣмъ обученіе
Въ домовомъ ратномъ дѣль строеніе.
Измѣзда бо кто сего научится
Разумна суща бити не годится.
Впротивность смыска людемъ война рати
Въ Бозѣ надежда безстрастіемъ стати.

С. Н. Браиловскій дѣлаетъ такое заключеніе объ „отрывкѣ“ Домостроя: „Возникнувъ изъ одной и той же потребности, сочиненіе Каріона имѣть много общаго съ Домостроемъ XVI вѣка, но въ то же время оно существенно отличается отъ этого послѣдняго. Если авторъ Домостроя XVI в. ищетъ спасенія и обновленія въ прошломъ, съ надеждою обращаетъ свои взоры къ старому, то Каріонъ Исто-

¹⁾ См. М. Смирновский. Братья Лихуды. С.-Пб. 1899 г. Стр. 76—78. Впрочемъ, повидимому, г. Браиловскій не могъ уже вполнѣ воспользоваться этой книгой (упомянута лишь на стр. 225, пр. 1). Но матеріалы о реторикѣ Лихудовъ указаны у Смирнова, Исторія Московской слав.-греко-лат. академіи. Стр. 51 и ск.

минъ избралъ другой единственно правильный путь для достиженія желаемой цѣли. Онъ понялъ, что залогъ лучшаго будущаго—въ подрастающемъ поколѣніи, которое легче направить къ лучшему новому, чѣмъ заставить старое переродить и передѣлать себя. Понималъ онъ ясно и то, что единственнымъ и могущественнымъ средствомъ, при помощи котораго можно направить молодое поколѣніе къ лучшему новому, является просвѣщеніе. Вотъ почему, обращаясь къ „юнымъ дѣтямъ“ (дѣвамъ и отрокамъ), онъ горячо убѣждаетъ ихъ учиться, вмѣняетъ имъ ученье въ долгъ. Не забываетъ онъ внушить имъ и любовь къ Богу и вѣру въ Него, ибо знаетъ, что безъ этой любви и вѣры невозможно нравственное перерожденіе человѣка. Такова, по нашему разумѣнію, основная цѣль, которую мотъ преслѣдоватъ авторъ, принимаясь писать разсмотриваемое произведеніе. Не даромъ онъ въ заключительной строфѣ желаетъ, чтобы всѣ „науку и страхъ въ должности имѣли“ (271).

Мнѣ лично думается нѣсколько иначе. Домострой XVI в. тоже говорить о дѣтяхъ и притомъ не въ одной главѣ. Говорить и объ обученіи дѣтей: „и по времени и дѣтемъ смотря, и по возрасту, учiti рукодѣлію — матери дщери, а отцу сынове, кто чего достоинъ, каковъ кому просугъ Богъ даетъ¹)“. У Каріона — „наука“, т. е. ученіе: потребности времени уже довольно ясно опредѣлили содержаніе общей формулы: „кто чего достоинъ“. (См. у Браиловскаго разсужденія объ училищахъ въ XVII в.).

Далѣе, „страхъ“ для дѣтей и въ Домострой XVI в. и у Каріона. У послѣдняго, какъ можно видѣть, являются „поклоны“ взамѣнъ „удареній“. При перепискѣ въ 1700 г. замѣна эта исчезаетъ (272).

Итакъ, „отрывокъ“ Домостроя Каріона, какъ и Домострой XVI в., выражаетъ лишь то, что было выработано жизнью. Заслуга Каріона та, что онъ дерзнулъ было внести въ старинные книги современные понятія. Каріонъ заговорилъ о дѣтяхъ, ибо самъ преподавалъ въ школѣ (типографской) и стремился быть преподавателемъ царевича Алексея Петровича.

„Нельзя не обратить также вниманія на то,—говорить изслѣдователь,—что онъ (Каріонъ) рядомъ съ умственнымъ развитіемъ дѣтей ставить и физическое, говоря:

Но и возрастнымъ юнымъ назирати
Ради отрады дать время играти.

¹⁾ Домострой, изд. Кожаничкова. Стр. 48.

Игра же дѣтей приличная буди,
Да не вредятся очи ихъ и груди.
Мечикъ и кубарь, города и кѣтки,
Бѣгаютъ, плетутъ, ловятъ, мешаютъ сѣтки".

Разумѣется, нельзя предположить, что и въ XVI вѣкѣ дѣти не играли, не бѣгали, а все были „учими и наказуеми“.

„Едемъ си есть сладость прохлаждаящая и вразумляющая человѣка зреїніемъ духовныхъ и извѣстію сотвореніе и спасеніе людемъ въ иконахъ, знаніе въ стихописаніи творить“. Сочиненіе это написано въ ноябрѣ 1693 года и поднесено царевичу Алексѣю Петровичу.

Содержаніе самого произведенія показываетъ, что въ „Едемъ“ мы имѣемъ не что иное, какъ изложеніе въ стихотворной формѣ евангельское повѣствованіе о важнѣйшихъ моментахъ земной жизни Иисуса Христа, а равно о славномъ пришествіи Его и горнемъ Іерусалимѣ, съ незначительными дополненіями апокрифического характера (качаніе въ колыбели Христа, игры Его съ Іоанномъ Предтечей). Мало того. Самъ авторъ говоритъ, что отдѣльные строфы его „Едема“ написаны какъ объясненіе къ „иконамъ“, какъ надписи къ нимъ (275).

Въ разборѣ указанного сочиненія Каріона обращаютъ на себя вниманіе слова С. Н. Браиловскаго: „такимъ образомъ, при написаніи „Едема“, Каріонъ преслѣдоваль чисто религіозныя цѣли, желая направить помыслы подростающаю царевичу отъ земного къ горнему Едему“¹⁾ (275). Г. Браиловскій въ данномъ случаѣ буквально слѣдуетъ Каріону: „и сего ради тебѣ государю царевичу... воности четверолѣтія уже достизающу бытностію... приношу сюю книгу Едемъ сладости духовныя внѣже зря іконы твоима царственнымыма очима тѣлесными, духовнѣ стихословіемъ услаждайся, и прохлажденіе въ едемъ семъ всегда имѣй... И яко же писаніе священное глаголеть: вижь дугу на облацѣхъ... и благослови сотворшаго ю, также и ваше царское пресвѣтлое величество, созерцающе сюю книгу едемъ, благословите Господа Бога“ (275).

Изъ другихъ сочиненій Каріона, рассматриваемыхъ въ этой главѣ, упомянуты стихи, посвященные царевиѣ Софіи Алексѣевиѣ. Они заключаютъ просьбу объ учрежденіи въ Москвѣ учебнаго заведенія, въ которомъ преподавалась бы опытными учителями свободная наука. Небольшая часть стиховъ была напечатана Смирновымъ въ исторіи Москов-

¹⁾) Курсивъ нашъ: царевичу не было 4-хъ лѣтъ.

ской духовной академии; все остальные стихи напечатаны въ разсматриваемомъ труда въ приложении (№ 8) къ главѣ 2-й ч. 2-й.

Глава III. Упомянемъ только Буквари (большой и малый) и грамматику (малую).

Малый букварь выдержалъ въ 1694 г. два изданія. Былъ отпечатанъ даже въ 1829 году. Г. Бухъ нашелъ одинъ экземпляръ его въ Соликамскѣ (297). Особенность Букваря — наглядность. Букварь съ картинками на каждую букву и стихами.

Большой букварь (1696 г.) былъ отпечатанъ въ количествѣ 20 экземпляровъ для царевича Алексея Петровича. Единственный экземпляръ его видѣлъ Пекарскій у Каратаева (287).

Малая грамматика напечатана не была. Рукописный экземпляръ ея, хранящійся въ Императорскомъ Эрмитажѣ (№ 89), подробно описанъ С. Н. Браиловскимъ (298—300).

Сравнение показывает сходство малой грамматики съ грамматикой М. Смотрицкаго. Отличия—группировка и сокращение грамматического материала.

Глава IV. Исторические труды Кариона. Авторъ доказываетъ принадлежность Карionу „Созерцанія“ и „Лѣтописца великія земли Россійскія, составленаго по повелѣнію Правительницы Государства Царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны (1682—1695) изъ древнихъ ветхихъ и продолженный до 1705 года“.

Что касается первого, „Созерцанія“, то, принимая доказательства автора, читатель все-таки видить, что въ „Созерцаніи“ принимать участіе и Сильвестръ Медвѣдевъ. Это принимается и С. Н. Браиловскій; и остается вопросомъ: что же именно внесъ С. Медвѣдевъ?

Что касается „Лѣтописца“, то кажется, потребуются еще доказательства принадлежности его Карону Истомину. Повидимому, и самъ изслѣдователь не противъ мнѣнія, что вопросъ требуетъ специальной работы (326).

Глава V. Переводные сочинения Кариона. Несомненно переведены имъ: блаженнаго Августина—Боговидная любовь, Юля Фронтина—о случаяхъ военныхъ, книга Сладость и прощеніе киевлянъ патріарху Адріану на студентовъ (330). Краткости ради упомянемъ лишь о двухъ первыхъ.

Первый переводъ (Боговидная любовь) былъ поднесенъ царевнѣ Софіи 13-го января 1687 года, при чмъ была сказана „оратія“, которая составляетъ вступление къ переводу. Въ „оратіи“ между прочимъ

читаемъ: „къ сему еще всеблагій Богъ да даруетъ, яко мудрость имѧ тебѣ государынѣ имущей, о вкорененіи пресвѣтлѣя и богодарованія мудрости въ россійскомъ царствіи промыслъ и попеченіе въ славу вседѣтеля Бога творити“ (332).

О переводѣ своемъ Каріонъ говорить: „обрѣтокъ на бѣло-русскомъ писмѣ славенскими діалектомъ преведену и писану. Юже славенскими буквами написахъ приличнымъ главизнамъ подобственными образованіями оню украсихъ и около тѣхъ образовъ стихи прописахъ мѣроочисленно“ (333).

Второй по времени переводный трудъ Каріона—съ латинскаго, книга Юлія Фронтина. Переводъ съ „орацией“ въ видѣ предисловія, быть поданъ царю Петру Алексѣевичу въ 1693 г., въ апрѣль. Въ переводѣ Каріонъ опустилъ біографію Ю. Фронтина и предисловіе, хотя изъ послѣдняго взялъ иѣкоторыя мысли для своей „орации“; во-вторыхъ, сильно сократилъ предисловія (*praefaceiuncula*), которыя предшествуютъ въ латинскихъ изданіяхъ каждой книгѣ сочиненій Ю. Фронтина; въ-третьихъ, не всегда точно передавалъ мысль автора, и наконецъ, въ-четвертыхъ, прибавилъ отъ себя „регулы общая ратныя“ (не даромъ называлъ ихъ „приложенные“) (348).

Глава VI. Заключеніе. Каріонъ Истоминъ-Заулонскій—„второстепенный дѣятель XVII столѣтія и его дѣятельность имѣть значеніе только для своего времени. И по виѣшнему своему положенію онъ не могъ играть выдающейся роли въ свое время. Но въ предѣлахъ для него доступныхъ и возможныхъ, онъ совершилъ все, что могъ, отозвался, какъ сумѣлъ, на многие жгучіе вопросы современной дѣйствительности“ (362).

Каріонъ—представитель переходнаго времени. „Малочастнѣ падающыя крупицы ученія пріяхъ“—такъ говорить о своемъ образованіи нашъ писатель въ ораціи, сказанной при поднесеніи царю Петру Алексѣевичу перевода книги Юлія Фронтина. Справедливость этихъ словъ доказывается ходомъ его образованія, насколько таковой выяснился въ первой части нашего изслѣдуванія. Обстоятельства жизни Каріона сложились такъ, что ему приходилось отовсюду собирать „крупицы“ образованія и изъ него въ концѣ концовъ необходимо долженъ быть выйти самый яркій представитель переходнаго времени съ неизбѣжнымъ колебаніемъ и иѣкоторою неопределенностю въ воззрѣніяхъ богословскихъ, педагогическихъ и политическихъ. Его образованіе прошло чрезъ двѣ различныя по направлению, хотя имѣющія много общаго, школы. С. Медвѣдевъ познаком-

мить его съ начатками латинского учения, а братья Лихуды открыли предъ нимъ сокровища греческаго учения" (360).

Повидимому, нравственные понятия Кариона не отличались твердостью. Его упрекали, напримѣръ, въ томъ, что онъ разжигаетъ вражду патріарха Іоакима къ С. Медвѣдову, поддерживавшему его (Кариона) на первыхъ порахъ, въ трудное время. Многочисленныя сочиненія Кариона, поднесенные разнымъ царствующимъ лицамъ, различныхъ направленій, далеко не чужды искательства; правдивость восхваленій, сообразно съ обычаями времени, въ счетъ не принимается.

Свѣтлой полосой проходитъ чрезъ всю жизнь Кариона его несомнѣнная любовь къ просвѣщенію.

Мы дошли до конца изслѣдованія С. Н. Браиловскаго. Даже изъ нашего бѣглого обзора можно видѣть, что это трудъ обстоятельный. Авторъ его тщательно использовалъ рукописный материалъ, заключавший сочиненія Кариона. А это трудъ не изъ легкихъ. Рукописи, напр. Чудовская, написаны далеко не разборчиво. При разработкѣ собранного материала автору пришлось идти путемъ почти не торныхъ. Жизнь и дѣятельность Кариона Истомина Заулонскаго является впервые съ такими подробностями. Изслѣдователь въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, сколько возможно было по обстоятельствамъ, воспользовался литературай вопросовъ, которыхъ касался, напр. о школахъ XVII вѣка, о виршахъ, о грамматикахъ.

Конечно, какъ всякий трудъ, и этотъ трудъ имѣть, по нашему мнѣнію, свои недочеты. Мы указали на нѣкоторые изъ нихъ. Здѣсь можно еще добавить, что вообще какъ будто замѣтно желаніе возвысить Карiona. Сюда же можно отнести и мѣстами безусловное довѣріе Кариону (275). Далѣе, быть можетъ, возможна была бы большая опредѣленность въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ. Такъ, напр., на стр. 243 и пр. 2 на той же страницѣ 243; стр. 262 и 261. Возможно, кажется, также, что не все согласятся съ нѣкоторыми взглядами изслѣдователя, напр. со взглядомъ на расколъ (стр. 243).

Г. 16-чъ.

---

*Введение въ историю Греции. Лекціи проф. В. Бузескула. Харьковъ. 1903. 8°.
Стр. V+535.*

„На рубежѣ истекшаго XIX и нового XX столѣтія мы казалось особенно умѣстными и полезными обозрѣть тотъ разнообразный материалъ, которымъ какъ въ видѣ источниковъ, такъ и въ видѣ по-

собій, располагаетъ современная наука по части греческой исторіи, и, такъ сказать, подвести итогъ,—показать, что сдѣлалъ минувшій вѣкъ по разработкѣ этой исторіи, какъ мѣнялись точки зрѣнія и напра- вленіе въ ея изученіи; мнѣ хотѣлось дать очеркъ исторической мысли, насколько она проявилась въ обработкѣ греческой исторіи, изобра- зить то движеніе, которое происходило въ этой области, обозрѣть великия открытия за послѣднія десятилѣтія и проч. На подобного рода обзоры я смотрю не только какъ на справочную книгу, но и какъ на главы изъ исторіи нашей науки, какъ на страницы изъ исторіи умственной жизни древности и XIX вѣка".

Такими словами (Предисловіе, III) опредѣляетъ В. П. Бузескуль цѣль и характерь своего „Введенія въ исторію Греціи“. Въ основѣ его книги, какъ онъ заявляетъ самъ, лежать лекціи, читанныя имъ въ Харьковскомъ университѣтѣ, значительно распространенные и до- полненныя; въ книгу вошли также, въ переработанномъ видѣ, и нѣ- которыя статьи автора изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, Филологическая Обзорънія и Русской Мысли*.

Представителей нашей историко-филологической науки нерѣдко, и не безъ основанія, упрекаютъ въ томъ, что они посвящаютъ свои силы разработкѣ, главнымъ образомъ, отдѣльныхъ вопросовъ, входя- щихъ въ ту или иную дисциплину. Дѣйствительно, наша историко- филологическая ученая литература есть по преимуществу литература монографическая, труды такъ называемаго общаго характера зани- маютъ въ ней сравнительно незначительное мѣсто. Особенно ощу- тителенъ такой проблѣлъ трудовъ общаго характера въ области „столь непопулярной въ нашемъ обществѣ греческой древности“. Но книги, задуманной и исполненной въ такомъ масштабѣ, каково „Введеніе въ исторію Греціи“ В. П. Бузескула, нѣть, насколько мнѣ известно, и въ заграничной литературѣ. Если при обработкѣ многихъ отдѣловъ I части труда В. П. Бузескула, т.-е. обзора источниковъ, настольными пособіями для него, по его заявлению, служили труды К. Ваксмута (*Einleitung in das Studium der alten Geschichte*, Lpzg. 1895), Криста (*Gesch. d. griech. Literatur*) и Ари. Шефера (*Abriss*), то для второй части, т.-е. для очерка разработки греческой исторіи въ XIX стол- лѣтіи, авторъ подобныхъ общихъ пособій не имѣлъ въ своемъ распо- раженіи, за исключениемъ развѣ обстоятельной книги Ад. Бауера (*Die Forschungen zur griechischen Geschichte* 1888—1898, Mюnchen, 1899), гдѣ разсмотрены, однако, лишь труды, посвященные исто- ріи Греціи, за десятилѣтій промежутокъ, съ 1888 по 1898 годы,

да тѣхъ немногочисленныхъ краткихъ статей, которые указаны В. П. Бузескуломъ на стр. 296 сл.

Итакъ, мы имѣемъ полное основаніе рассматривать „Введеніе въ исторію Греціи“ В. П. Бузескула какъ въ значительной мѣрѣ самостоятельно и оригинально задуманный трудъ общаго характера, вполнѣ достойный быть поставленнымъ на одну доску хотя бы съ упомянутымъ „Введеніемъ“ К. Ваксмута, а въ некоторыхъ отношеніяхъ значительно превосходящий послѣднее.

Книга В. П. Бузескула распадается на два главныхъ отдѣла: I *Обзоръ источниковъ* (стр. 1—295), II. *Очеркъ разработки греческой исторіи въ XIX вѣкѣ* (стр. 296—514). Источники греческой исторіи В. П. Бузескула разсматриваются въ такомъ порядке: 1) языкъ (стр. 2—3), 2) преданія (миѳы и сказанія) (стр. 3—6), 3) памятники вещественные (стр. 6—12), въ томъ числѣ монеты (стр. 12—13), 4) надписи и другіе документы, главнымъ образомъ папирусы (стр. 14—23) и 5) литературные произведения (стр. 23—295).

О языке и преданіяхъ В. П. Бузескула говорить сравнительно кратко, но, во всякомъ случаѣ, вполнѣ достаточно для того, чтобы указать на ихъ важное значеніе, какъ источниковъ греческой исторіи. Зато онъ удѣляетъ въ своемъ труде много мѣста разсмотрѣнію памятниковъ вещественныхъ, неоднократно подчеркивая ихъ важность въ ряду источниковъ греческой исторіи. Въ этомъ отношеніи „Введеніе“ В. П. Бузескула выгодно отличается отъ „Введенія“ Ваксмута, удѣлившаго вещественнымъ источникамъ слишкомъ мало мѣста въ своемъ обзорѣ. Нечего распространяться о томъ, какое важное значеніе имѣютъ въ настоящее время археологические памятники и для историка. Не говоря уже о древнѣйшемъ періодѣ исторіи Греціи, о періодѣ такъ называемой микенской (или, правильнѣе, эгейской) культуры, для которого археологические источники у насъ являются пока и единственными, сколько интересныхъ данныхъ представлять памятники искусства и художественного ремесла для исторіи торговли и вообще культурныхъ сношений и вліяній, для исторіи религіи, для характеристики вѣнчнаго быта и т. д. въ тѣ эпохи, отъ которыхъ у насъ имѣются и источники письменные. Правда, этотъ археологический матеріалъ пока еще не введенъ въ нашъ общий обиходъ источниковъ греческой исторіи, не введенъ, главнымъ образомъ, потому, что онъ еще не разработанъ, съ этой точки зрѣнія, монографически, но его важное значеніе сознается, конечно, всеми, и не можетъ быть сомнѣнія, что онъ въ будущемъ историкамъ сослужитъ хорошую службу. Пока доста-

точно—настойчиво указывать на археологический материалъ, какъ исторический источникъ, обращать вниманіе изслѣдователей на него. Эта задача исполнена В. П. Бузескуломъ, на всемъ протяженіи его книги, блестательно, и тѣ страницы ея, которыя посвящены археологии, будуть прочною съ интересомъ не только историками, но и филологами и присяжными археологами.

Значеніе надписей, какъ документальнаго историческаго материала, въ настоящее время признается всѣми. В. П. Бузескуль говорить (стр. 15), что „въ настоящее время подчасъ замѣчается нѣкоторое, можно сказать даже излишнее, увлеченіе надписями, преувеличенная оцѣнка ихъ, какъ исторического источника“, что „изъ-за надписей иногда оставляютъ въ иѣкоторомъ пренебреженіи или въ тѣни источники литературы“. Конечно, такой крайности и односторонности стѣдуетъ избѣгать; но она встрѣчается, по счастью, сравнительно рѣдко. Если значеніе надписей иногда и преувеличиваются, то это происходитъ bona fide: вѣдь все же „надписи чужды той субъективности, которая отличаетъ произведенія историковъ, даже самыхъ беспристрастныхъ“, онѣ „по большей части болѣе или менѣе современны событию, котораго касаются“, онѣ „дошли до насъ непосредственно“. Несмотря на обильный цирюсть эпиграфическаго материала, все-таки „намъ нужно больше, гораздо больше надписей“, и мы будемъ счастливы лишь тогда, когда изученіе греческой исторіи будетъ основано, во всѣхъ ея отдельахъ и частяхъ, на документахъ, когда литературные источники будутъ служить иллюстраціей и дополненіемъ этихъ документовъ, а не наоборотъ, какъ это зачастую приходится наблюдать теперь. Тогда, очевидно, не придется и упрекать историковъ и филологовъ въ излишнемъ увлеченіи надписями. На стр. 16 сл. В. П. Бузескуль указываетъ на „важнѣйшія надписи“, упоминаетъ о надписи Абу-Симбельской, о Паросской хроникѣ, о Гортинской надписи, о спискахъ дани афинскихъ союзниковъ, о договорахъ Аѳинъ съ Эриерами и Халкидой. Само собою разумѣется—и это прекрасно известно автору—число „важнѣйшихъ надписей“ приведенными далеко-далеко не ограничивается, и я лично ничего бы не имѣлъ противъ, если бы списокъ „важнѣйшихъ надписей“ былъ значительно увеличенъ въ „Введеніи въ греческую исторію“, если бы В. П. Бузескуль далъ намъ, *mutatis mutandis*, иѣчто въ родѣ того, чтѣ, въ свое время, представилъ Ньютона въ своей брошюрѣ „On Greek inscriptions“, переведенной на нѣмецкій и французскій языки и теперь, конечно, нуждающейся въ пересмотрѣ и переработкѣ.

Впрочемъ, тутъ, быть можетъ, во мнѣ говорить „излишнее увлече-
ніе“ надписями, въ чёмъ охотно сознаюсь ¹⁾...

„Но какъ ни важны для современаго историка Грекіи вещественные памятники и надписи, все же главнымъ источникомъ для него являются памятники литературные, конечно, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. разумѣя не только произведенія поэтическія, но и философскія, историческія и проч. Они даютъ намъ самый богатый и разнообразный материалъ“ (стр. 23 сл.). Обозрѣвать подробно и систематически весь литературный материалъ, это значило бы обозрѣвать едва ли не всю греческую литературу, замѣчаетъ В. П. Бузескуль; къ тому же это нарушило бы, прибавлю отъ себя, общую композицію „Введенія въ греческую исторію“. Поэтому вполнѣ достаточно того, что говорить В. П. Бузескуль о гомеровскихъ и гесіодовскихъ поэмахъ, о лирикахъ, трагикахъ и комикахъ (стр. 24—33); достаточно, пожалуй, и того, что сказано имъ о философахъ (стр. 34—36), но, на мой взглядъ, В. П. Бузескуль слишкомъ мало мѣста удѣлилъ въ своемъ обзорѣ источниковъ греческой исторіи произведеніямъ ораторовъ (стр. 37 — 38). Онъ самъ указываетъ на то, что въ рѣчахъ ораторовъ находится „материалъ для характеристики нравственного состоянія общества, имущественныхъ и соціальныхъ отношеній“, „богатый материалъ и для исторіи политической“. Если рѣчь Андокида „о мистеріяхъ“—нашъ главный, наряду съ Фукидидомъ, „источникъ для знакомства съ положеніемъ и происками партій въ Аѳинахъ подъ конецъ Пелопоннесской войны“, если рѣчи Лисія—„одинъ изъ важнейшихъ источниковъ для исторіи времени «тридцати» и возстановленія въ Аѳинахъ демократіи“, если рѣчи Исократа — своего рода политический памфлетъ, если, наконецъ, рѣчи Демосѳена—„главнейший источникъ для исторіи Филиппа Македонскаго“, то, на мой взглядъ, было бы вполнѣ умѣстнымъ сказать объ этихъ рѣчахъ подробнѣе и оцѣнить ихъ, какъ исторический источникъ, всестороннѣе. Вѣдь В. П. Бузескуль задался цѣлью дать не исторіографію, но обзоръ источниковъ греческой исторіи, а въ такомъ обзорѣ желательна была бы именно не только абсолютная, по возможности, полнота, но и болѣе или менѣе равномѣрная оцѣнка всѣхъ источниковъ греческой исторіи, какъ таковыхъ.

¹⁾ Отмѣчу, что, по заявленію В. П. Бузескула въ „Предисловіи“, первые два листа его книги напечатаны давно; необходимыя къ немъ дополненія находятся въ соответствующихъ мѣстахъ второго отдѣла, где рѣчь идетъ тоже о раскопкахъ и надписяхъ, хотя и съ другой точки зренія.

Обзоръ исторической литературы грековъ (стр. 40—290) представленъ авторомъ съ большою полнотою и обстоятельностью, равно какъ и съ должною равномерностью, смотря по важности того или иного источника. За разсмотрѣніемъ логографовъ (стр. 42—51) подробно обсуждаются исторические труды Геродота (стр. 51—78), Фукидіа (стр. 97—120), Ксенофонтова (стр. 120—135), съ краткими биографіями ихъ. Вездѣ принимаются во вниманіе и свидѣтельства древности, и выводы новой исторіографической литературы. Съ особымъ вниманіемъ останавливается В. И. Бузескуль на разсмотрѣніи главнаго представителя исторіографіи V вѣка, Фукидіа, разбирая и его биографію и время составленія труда Фукидіа, его источники, его критические пріемы, рѣчи, раціонализмъ, политическая воззрѣнія, объективность и т. д.; обстоятельно излагаются и критически взвѣшиваются отзывы современныхъ критиковъ о Фукидіи (особенно Мюллера-Штробинга и Шварца), и въ заключеніе проводится весьма интересная и убѣдительная параллель между Фукидіемъ, этими „величайшимъ представителемъ“ античной исторіографіи, и исторической наукой XIX вѣка¹⁾. Къ отдалу, посвященному Ксенофонту, присоединенъ (стр. 135—139) разборъ псевдо-ксенофонтовой „Афинской политіи“ представляющей, по словамъ В. И. Бузескула, „плодъ борьбы политическихъ партій и мнѣній“, отличающейся подчасъ „маккіавелистическимъ тономъ“. Видимыя противорѣчія въ псевдо-ксенофонтовой политіи, по мнѣнию В. И. Бузескула, объясняются именно тѣмъ, что ея авторъ „принципіальный врагъ демократіи: какія-либо отдельныя, частичные исправленія и измѣненія въ строѣ, по его мнѣнію, ни къ чemu не ведутъ; они безцѣльны и невозможны; нужно или принимать эту демократію, какъ она есть, или же вырвать ее съ корнемъ“.

Разсмотрѣвъ произведенія историковъ V—IV вв., сохранившіяся лишь въ отрывкахъ (стр. 139—151, болѣе подробно объ Эфорѣ, Феопомпѣ, Тимеѣ и аттидографахъ), В. И. Бузескуль обращается къ Аристотелю, причемъ съ чрезвычайною полнотою говорить объ „Афинской политіи“ (стр. 158—215), всестороннему изслѣдованию которой посвящена, какъ известно, специальная монографія автора. Подробное обсужденіе всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ „Афинскою политіею“ Аристотеля, правда, нѣсколько нарушаетъ общую композицію

¹⁾ Подробно объ этомъ В. И. Бузескуль трактовалъ въ особой статьѣ въ Журнале Министерства Народного Просвещенія 1901 г.. отд. класс. филол. Августъ.

„Введенія въ исторію Греції“, но оно находитъ себѣ объясненіе „въ виду важности... источника, съ открытиемъ котораго изученіе афинской исторіи вступило въ новый фазисъ, и возбужденіаго имъ интереса“; въ теченіе послѣдніхъ 10 лѣтъ „Аѳинская политія“ была своего рода „героинею дія“, и огромная посвященная ей литература, до послѣдніхъ, повидимому, мелочей известная В. П. Бузескулу, можетъ служить, до иѣкоторой степени, показателемъ общаго направленія современной исторіографіи, характеризовать его какъ положительныя, такъ и отрицательныя свойства. Съ этой точки зрѣнія подробный обзоръ и разборъ всего, что касается „Аѳинской политіи“, можетъ являться и интереснымъ и поучительнымъ и въ общемъ „Введеніи“.

Послѣ краткаго обзора перипатетиковъ и ихъ современниковъ (стр. 216—220), источниковъ по исторіи Александра В. и его преемниковъ (стр. 220—223), представителей александрийской образованности (стр. 223—226), В. П. Бузескуль обращается къ подробному разсмотрѣнію историческаго труда Поливія (стр. 226—262), „имя котораго достойно занять мѣсто рядомъ съ именами Геродота и Фукидіда“. Изложивъ біографію Поливія и содержаніе его „Історіи“, В. П. Бузескуль останавливается на характеристиکѣ ея универсальности, планомѣрности исторического процесса, разбираетъ взгляды Поливія на судьбу, божество и личность, рисуетъ его исторіографические пріемы, задачи и требованія, его политическая воззрѣнія и пр. и пр. О Поливіи, какъ историкѣ, В. П. Бузескуль, разумѣется, самаго высокаго мнѣнія: „Поливій расширилъ задачи исторіи; онъ стремился къ точному, достовѣрному знанію и воспроизведенію фактovъ еще въ большей степени, чѣмъ Фукидій. Онъ стремился проникнуть въ ихъ смыслъ и причинную связь; онъ старался охватить умственнымъ взоромъ события, совершившіяся въ разныхъ концахъ исторического мира, и узрѣть въ ихъ теченіи и направленіи известную планомѣрность и законосообразность“ (стр. 262); во взглядахъ Поливія „не мало такого, отъ чего не откажется и историческая наука начала XX в. и что сохранило свое значеніе и по настоящую пору. Мало того: приходится сознаться, что сравнительно съ промежуткомъ времени, отдѣляющимъ насъ отъ Поливія, мы, историки, не такъ далеко ушли впередъ, какъ бы можно было ожидать“ (стр. 249 сл.).

Изъ преемниковъ Поливія В. П. Бузескуль болѣе подробно останавливается на разсмотрѣніи историческихъ трудовъ Діодора Сицилійскаго (стр. 265—273) и Плутарха (стр. 273—284). Послѣдній для

насъ — „неоцѣнныиисточникъ, потому что онъ намъ замѣняетъ утраченную литературу... О многихъ именахъ и дѣятеляхъ мы узнаемъ подробности только благодаря Плутарху“.

Упомянувъ о менѣе важныхъ писателяхъ римской и отчасти византийской эпохъ (стр. 284—290), дающихъ намъ историческая свѣдѣнія, В. П. Бузескуль, въ заключеніе своего обзора источниковъ (стр. 290—295), говорить о географахъ (Страбонъ) и періэгетахъ (Павсаній). Какъ у того, такъ у другого, помимо специально сообщаемыхъ ими географическихъ и археологическихъ свѣдѣній, разсѣяно немало цѣнныхъ чисто-историческихъ экскурсіонъ, ждущихъ еще своего изслѣдователя. Этимъ заканчивается обзоръ источниковъ исторіи Греціи¹⁾.

Второй отдѣлъ книги В. П. Бузескула заключаетъ, какъ сказано выше, „очеркъ разработки греческой исторіи въ XIX в.“. На трудахъ ученыхъ XVI и XVII вв., „трудахъ, обильныхъ ученостью, но сухихъ, устарѣлыхъ и давно забытыхъ“, В. П. Бузескуль не останавливается, упоминая кратко лишь Скалигера, „какъ основателя научной хронологіи“, и Бентлея, „какъ провозвѣстника нового критического метода“. Изъ ученыхъ XVIII в. онъ упоминаетъ Вико, Винкельмана, Лессинга, Гёте, Шиллера, аббата Бартелеми и Митфорда. Хотѣлось бы среди этихъ именъ видѣть и упоминаніе имени Фабрициуса. За этимъ „Новымъ Возрожденіемъ классической древности въ XVIII и въ началѣ XIX в.“ слѣдуетъ періодъ „отъ Вольфа, Нибура и Бёка до Грота“ (стр. 302—326). Главноѣ мѣсто въ этомъ періодѣ принадлежитъ Бёку, особенно какъ основателю греческой эпиграфики и автору „Die Staatshaushaltung der Athener“; въ этомъ послѣднемъ сочиненіи Бёкъ, будучи самъ филологомъ, „далъ трудъ, чрезвычайно важный и для историка, и для политico-эконома“, причемъ онъ не „стоялъ на той односторонней точкѣ зрѣнія, на какой стоитъ современный „экономический материализмъ“. Вліяніе Бёка на разработку классической филологии, съ которой въ то время была тѣсно связана и древняя исторія, было огромное въ теченіе всей первой половины XIX в. Непосредственнымъ ученикомъ и преемникомъ Бёка является К. О. Миллеръ. Помимо массы другихъ исполненныхъ работъ, К. О. Миллеръ мечталъ написать и „Исторію Греціи“; этотъ

¹⁾ Ради уже абсолютной полноты обзора, можетъ быть, надежжало хотя бы вкратце упомянуть о произведеніяхъ римской литературы, поскольку они могутъ относиться къ числу источниковъ по исторіи Греціи.

трудъ онъ считалъ главною задачею своей жизни, поѣхалъ, главнымъ образомъ, ради его въ Грецію; осуществленію труда положила конецъ преждевременная смерть К. О. Миллера. Но ни Бекъ, ни К. О. Миллеръ, ни К. Ф. Германъ не были въ разсматриваемую эпоху историками ихъ professo. Таковымъ является тогда Драйзенъ, авторъ „Історії эллінізма“. В. П. Бузескуль (стр. 321—326) совершенно вѣрю характеризуетъ Драйзена, какъ историка, впервые понявшаго все важное значение такъ называемой эпохи эллінизма, впервые положившаго начало научной разработки политической исторіи этой эпохи, но выѣстъ съ тѣмъ оставившаго въ сторонѣ ея культурную исторію.

Слѣдующій періодъ въ исторіи разработки греческой исторіи „отъ Грота до конца 60-хъ годовъ“ (стр. 326—363). Главными дѣятелями въ этомъ періодѣ являются: въ Англіи—Гротъ, „Історія Греціи“ которого „до сихъ порь сохранила за собою значеніе капитального пособія“ (стр. 336), въ Германіи—Шёманъ, Э. Курціусъ и М. Дукнеръ, во Франціи—Фюстель де Куланжъ (ср. стр. 353 сл., гдѣ В. П. Бузескуль правильно смягчаетъ непомѣрное восхищеніе „La cité antique“ со стороны иѣкоторыхъ историковъ и указываетъ на встрѣчающіяся у Ф. де Куланжа противорѣчія), въ Россіи — М. С. Куторга (стр. 357—362).

70-ые и 80-ые годы ознаменованы, какъ извѣстно, развитіемъ эпиграфики и великими открытиями въ области греческой археологии (стр. 364—402). Изъ этихъ „великихъ открытий“ на первомъ планѣ стоять, разумѣется, раскопки Шлимана, о которыхъ В. П. Бузескуль говорить очень подробно (стр. 371—381), даѣте раскопки въ Олимпіи (стр. 382—384), въ Пергамѣ (стр. 384—388), работы Французской школы на Делосѣ и въ другихъ мѣстахъ, работы иѣмцевъ, англичанъ, американцевъ, австрійцевъ, грековъ (стр. 388—399), изслѣдованія древностей южной Россіи (стр. 399—402). Что касается развитія эпиграфики (стр. 364—370), то 70-ые и 80-ые годы ознаменованы: 1) началомъ огромнаго предпріятія Берлинской академіи по переизданію бѣковскаго CIG., 2) изданиемъ надписей Британскаго музея и 3) тѣмъ виднымъ участіемъ, которое принимаютъ съ этого времени, въ разработкѣ какъ греческой эпиграфики, такъ и греческой исторіи русскіе ученые въ лицѣ О. О. Соколова и его школы.

„Само собою понятно, что развитіе эпиграфики и великия открытия 70-хъ и 80-хъ годовъ должны были сильно повлиять на обработку греческой исторіи. Пришлось многіе вопросы пересмотрѣть вновь, многое измѣнить въ установленныхъ мнѣніяхъ, цѣлые отдѣлы пере-

хѣлать... Въ особенности это нужно сказать относительно древнѣйшаго периода греческой исторіи, пѣкоторыхъ отдѣловъ государственныхъ и правовыхъ древностей, археологии и топографии" (стр. 402 сл.). "Что касается господствовавшихъ въ ту пору направлений и воззрѣній, то 70-ые годы и первая половина 80-хъ есть время крайностей критики, реакціи противъ взгляда Грова и его послѣдователей, противъ преклоненія предъ Аѳинами и ихъ демократіей, время—иногда ожесточенныхъ—нападокъ на нее, развѣничанія ея дѣятелей, ниспроверженія того, что казалось общепринятымъ и непоколебимо установленнымъ, отрицанія фактovъ, казалось, несомнѣнныхъ" (стр. 403). Этотъ „крайний критицизмъ“ особенно сказывается въ послѣднихъ двухъ томахъ „Geschichte des Alterthums“ Дункера (стр. 404—407) и въ „Die Demokratie“ Ю. Шварца (стр. 407—410). „Подобныя увлечения и крайности гиперкритики въ свою очередь, естественно, должны были вызвать реакцію—въ противоположномъ направлениі,— и вторая половина 80-хъ годовъ XIX в. есть время такой реакціи противъ крайностей и ухищрений критики, время болѣе спокойнаго и безпристрастнаго отношенія къ фактамъ и источникамъ греческой исторіи, возвращенія во многихъ отношеніяхъ къ прежнимъ взглядамъ“ (стр. 411). Вмѣстѣ съ тѣмъ является потребность подвести итогъ разработки греческой исторіи при помощи нового материала, и за эту задачу берутся почти одновременно, но съ различныхъ точекъ зрѣнія, Гольмъ (стр. 411—416) и Бузольть (стр. 417—420). Что касается Гольма, то онъ въ своей „Griechische Geschichte“ „не примыкаетъ къ какой-либо школѣ или опредѣленному направлению... По своимъ возврѣніямъ и симпатіямъ Гольмъ скорѣе приближался къ англійскимъ историкамъ, напр. Грову“; что касается Бузольта, то его „Греческая исторія“—„плодъ больше трудолюбія, нежели таланта... въ ней, пожалуй, иногда не столько важенъ самъ текстъ, сколько тѣ многочисленныя примѣчанія, которыми онъ сопровождается... на нихъ, можно сказать, падаетъ центръ тяжести“.

90-ые годы XIX в. и начало XX в. ознаменованы замѣчательными открытиями по части папирусовъ (стр. 427—437). „Если 70-ые и 80-ые годы, говорить В. П. Бузескуль, можно назвать эпохой эпиграфики, то съ 90-хъ годовъ наступила эпоха папирологии; послѣдняя заступаетъ мѣсто эпиграфики“... но, какъ я увѣренъ, не заступить его: папирусы намъ уже дали и дадуть еще много важныхъ данныхъ и по части исторіи, но эти данные болѣе однообразнаго характера по сравненію съ данными, доставляемыми надписями; къ тому же надписи

все-таки „документальнѣе“ палирусовъ. Если „эпиграфика въ 90-хъ годахъ истекшаго и въ началѣ ХХ в. стояла по сравненію съ палирологіей, какъ бы па второмъ планѣ“ (стр. 439), то это объясняется увлечениемъ, вполнѣ понятнымъ, вновь открытымъ материаломъ. Впрочемъ и по части эпиграфики въ указанное время было сдѣлано не менѣе, чѣмъ въ предшествующіе годы: къ 90-ымъ годамъ и началу ХХ в. относится появленіе берлинскихъ корпусовъ (за исключениемъ раннѣе изданнаго основнаго CIA.), сборниковъ магнесийскихъ и мало-азійскихъ надписей и т. д. Изъ раскопокъ наиболѣе замѣчательны за это время: раскопки Дёрифельда въ Аѳинахъ и въ Троѣ (стр. 441—443), раскопки французовъ въ Дельфахъ (стр. 442—446), открытія на Критѣ (стр. 447—453).

Разработка греческой, въ частности аѳинской исторіи, со времени открытия начала 90-хъ годовъ, въ особенности „Аѳинской политіи“, вступила въ новый фазисъ, для нея началась новая эра (стр. 457—459). Наряду съ открытиями, на новѣйшую обработку греческой исторіи должно было сильно повліять и господствующее въ настоящее время въ исторической наукѣ соціально-экономическое направление (стр. 460—461). Это новѣйшее направление въ исторической науцѣ, впадающее иногда „даже въ такую крайность и односторонность, какъ такъ называемый экономический или исторический материализмъ“, (стр. 461), нашло себѣ отраженіе, въ большей или меньшей степени, и въ области разработки греческой исторіи. Главными представителями его является „самый типичный“ Белохъ (стр. 463—468), „болѣе умѣренный, чуждый односторонности и въ то же время самый крупный ученый“ Э. Мейеръ (стр. 468—477) и „самый яркій“ Шольманъ (стр. 477—479). Совершенно въ сторонѣ отъ соціально-экономического направления стоитъ „Griechische Kulturgeschichte“ Бурхардта (стр. 481—484), не оправдавшая тѣхъ ожиданій, которыя вызывало имя ея автора. Изъ филологовъ В. П. Бузескуль особенно подробно останавливается (стр. 484—488) на историческихъ работахъ Виламовица-Мѣллендорфа; отдавая должное начитанности, знанію и пониманію духа греческой древности у Виламовица, В. П. Бузескуль совершенно справедливо подчеркиваетъ у постѣдняго „отсутствіе простоты“, „манерность и претенціозность изложенія“, „явное стремленіе къ оригинальности“, „тонъ оракула“, „сознательное игнорированіе новѣйшей литературы, отсутствіе системы и постѣдовательности въ изложеніи“. Лучшимъ доказательствомъ того, что Виламовицъ сознательно стремится къ оригиналничанью, служить его характеристика Фукидида,

какъ „великаго софиста“, его утверждение, что наши главные источники древняго времени—поэты и т. д.

Перечисляя „другихъ иѣмѣцкихъ филологовъ и историковъ“ (стр. 490), наѣтъ современныхъ, В. П. Бузескуль, на мой взглядъ, слишкомъ уже мало вниманія удѣляетъ такому видному и оригинальному представителю современной филологической науки, какъ Узенеръ, труды котораго въ области изученія греческой религіи могутъ быть сопоставлены съ „Aglaorhamus“ Добека и „Psyche“ Э. Роде. Подробнѣе, быть можетъ, слѣдовало бы остановиться и на характеристикѣ труда Низе, существующаго если и не замѣнить, то въ значительной степени оправдывать „Исторію эллинизма“ Драйзена. Изъ английской литературы В. П. Бузескуль останавливается на характеристицѣ „Исторіи Греціи“ Аббота и Вигу (стр. 492—493), упоминаетъ о трудахъ по греческой исторіи русскихъ ученыхъ (стр. 494—496) и заканчиваетъ свое изложеніе, ради полноты очерка, упоминаниемъ наиболѣе важныхъ „всемірныхъ исторій“ (стр. 496—498), перечисленіемъ филологическихъ журналовъ и главнѣйшихъ пособій по хронологіи, географіи, исторіи литературы, философіи и искусства (стр. 499—501).

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе „Введенія въ исторію Греціи“. Насколько содержаніе это богато, видно, полагаю, и изъ моего краткаго обзора. „Введеніе“ доведено, можно сказать, до нашихъ дней¹⁾, и въ этомъ отношеніи о книгѣ В. П. Бузескула можно смѣло утверждать, что она стоитъ вполнѣ на высотѣ современныхъ знаний въ области источниковъ и пособій по исторіи Греціи. О томъ, какъ широко авторъ понимаетъ вопросъ объ источникахъ греческой исторіи, приходилось указывать ранѣе. Но достоинство труда В. П. Бузескула заключается не въ одной только полнотѣ собраннаго матеріала: матеріаль этотъ удачно сгруппированъ и расчлененъ, а это качество особенно цѣнно въ трудахъ общаго характера; благодаря ему въ книгѣ В. П. Бузескула легко ориентироваться, легко найти всякую нужную справку. Разбираемая книга выгодно отличается, однако, отъ трудовъ подобнаго рода еще въ томъ отношеніи, что изложеніе автора чрезвычайно живое, подчасъ увлекательное. Книгу В. П. Бузескула будуть брать не только для справокъ, но, мы въ томъ увѣрены, ее прочтеть, отъ начала до конца, съ интересомъ и пользой всякий: и историкъ, и фи-

¹⁾ На стр. 434 упоминается даже о посѣдней иѣтъ находкѣ о „Персахъ“ Тиомея Малетскаго.

лологъ, и археологъ. Это не сухой compendium въ родѣ „настольныхъ пособий“ В. П. Бузескула: „Einleitung“ Ваксмута и „Литературы“ Криста. Наконецъ, еще на одну характерную черту „Введенія“ мнѣ хотѣлось бы указать: это полная объективность въ сужденіяхъ и характеристикахъ какъ древнихъ писателей, такъ и новыхъ ученыхъ. В. П. Бузескуль совершенно спокойно и беспристрастно оттѣняетъ и положительные и отрицательные свойства и древнихъ и новыхъ писателей; „suum cuique“ у него всегда на первомъ планѣ.

„Введеніе“ сопровождается постоянно библиографическими указаниями. „Къ исчерпывающей полнотѣ библиографическихъ указаний, говорить В. П. Бузескуль въ „Предисловіи“, я не стремился; но о русской научной литературѣ, по понятнымъ причинамъ, считать необходимымъ говорить сравнительно подробнѣе и полноѣ“. Уже въ своемъ изслѣдованіи обѣ Афинской политіи Аристотеля В. П. Бузескуль поражалъ всякаго своими библиографическими познаніями. То же приходится сказать и о „Введеніи“; можетъ быть, кое-какія мелкія упущенія по части библиографіи въ немъ и найдутся, но они будутъ, во всякомъ случаѣ, несущественны¹⁾.

¹⁾ Вотъ нѣсколько такихъ несущественныхъ упущеній, отмѣченныхъ мною: стр. 6, прил. 1 (ср. 501) добавить: C. B. Stark, *Handbuch der Archäologie der Kunst. Systematik und Geschichte der Archäologie der Kunst*, Lpzg. 1880. K. Sittl, *Klassische Kunstarchäologie* (VI т. *Handbuch'a* Ив. Миллера), München 1894. P. Gardner, *New chapters in greek history. Historical results of recent excavations in Greece and Asia Minor*, Lond. 1892. A. S. Murray, *Handbook of greek archaeology. Vases, bronzes, gems, sculpture, terracottas, mural paintings, architecture etc.* Lond. 1892. S. Reinach, *Répertoire de la statuaire grecque et romaine*, 2 тт. Par. 1897 въ *Répertoire des vases peints grecs et étrusques*, 2 тт. Par. 1899. 1900. Стр. 12, прил. 3 добавить: B. U. Head, *Historia numorum. A manual of greek numismatik*, Oxford 1887 (есть и въ обработкѣ Ӯзорѣнса, *Історії тѣнуморій*, 2 тт. съ атласомъ. въ Аѣнѣ 1898). Труды Хр. Хр. Гилья по греческой южно-русской нумизматикѣ (въ Зап. И. Русск. Арх. Общ.). Стр. 78, прил. 2—лучшее критическое изданіе Фукидida принадлежитъ Hude (Lpg. Teubner). Стр. 292, прил. 4. О Итодемѣ см. Ф. А. Браунъ, *Разысканія въ области гото-славянскихъ отношений I*, С.-Пб. 1899. Стр. 297 къ литературѣ добавить: Mai, *Katalog der Bibliothek d. K. D. Arch. Instituts in Rom*, 2 тт. Rom 1900. Стр. 394. Результаты Американской экспедиціи въ Ассосъ изданы F. H. Bacon'омъ, *Investigations at Assos, Cambridge* 1902. Стр. 395. Упомянуть обѣ австрійской экспедицій въ Гельгаш—Трису: Benndorf и Niemanni, *Das Heroon von Gjölbaschi-Triusa*, Wien 1889. Стр. 399—упомянуть обѣ экспедицій въ Пальмиру кн. С. Абамелека Лазарева (Пальмира, Спб. 1884). Стр. 400 добавить: Древности Босфора Киммерийскаго, 3 тт. Спб. 1854. S. Reinach, *Antiquités du Bosphore Cimmerien*, Par. 1895 (одинъ изъ томовъ издаваемой С. Рейнакомъ *Bibliothèque des monuments figurés grecs et romains*).

Послѣднія страницы (502—514) „Введенія“ представляютъ заключеніе. Въ немъ В. П. Бузескуль резюмируетъ и характеризируетъ въ общихъ чертахъ современное научное движение въ области древнегреческой исторіи, начало которого оно относить къ 70-мъ годамъ XIX вѣка. Первою отличительной чертою его служить чрезвычайный ростъ материала, открытіе новыхъ данныхъ, что является результатомъ тѣхъ успѣховъ, какіе сдѣлала теперь классическая археология. Но не только чрезвычайно возросъ материалъ (чисто-археологический, эпиграфический и папирологический), измѣнилось и самое отношеніе къ нему. Исторія Греціи получила характеръ документальный; въ этомъ отношеніи въ разработкѣ исторіи Греціи совершилась такая же перемѣна, какая произошла въ разработкѣ новой исторіи въ 20-ыхъ годахъ XIX вѣка. Другой отличительной чертою въ новомъ направлении служить широкое примѣненіе исторической критики, превращающейся иногда даже въ гиперкритику, въ излишній скептицизмъ (ср. нападки Миллера-Штробинга на Фукида, Ю. Шварца на афинскую демократію и пр.); однако въ настоящее время восторжествовало, какъ и слѣдовало ожидать, болѣе умѣренное направление. Далѣе современную историческую науку особенно интересуетъ соціально-экономическая сторона исторіи Греціи: это, можно сказать, самая модная сторона нового направления, доводящая изслѣдователей иногда до крайностей. На конецъ, въ зависимости отъ того, что интересъ въ

---

main). Стр. 437—собраніе папирусовъ имѣется въ Имп. Цубз. библіотекѣ и особенно у В. С. Голенищева. Стр. 439, прим. 6—добавить: *W. R. Paton and E. L. Hicks, The inscriptions of Cos, Oxford 1892. R. Heberdey und Ad. Wilhelm, Reisen in Kilikien ausgefuhrt 1891 und 1892 im Auftrage der Kais. Akademie der Wissenschaften Wien, 1894.* Стр. 454. *Waldstein, The Argive Heraeum, t. I, Boston-New-York 1902.* Стр. 455—упомянуть о находкахъ сидонскихъ саркофаговъ (*O. Hamdy-Bey et Th. Reinach, Une nécropole Royal à Sidon, Par. 1892. 1898, 2 тт.*), объ изслѣдованіяхъ на Лесбосѣ (*Koldewey, Die antiken Baureste der Insel Lesbos, Berl. 1890*), объ экспедиціи кн. С. С. Абамелека Лазарова въ Джерашъ (Джерашъ—Гераса, Спб. 1897), объ изслѣдованіяхъ Бѣлау юніческихъ некрополей (*Joh. Boehlau, Aus ionischen und italischen Nekropolen, Lipz. 1898, рец. A. H. Шукарева въ Филол. Обозр. т. XV*). Стр. 456—упомянуть о раскопкахъ въ Ольвії Б. В. Фармаковской въ 1896. 1901 и 1902 гг. и о новомъ изданіи Археол. Комиссіи „Ізвѣстія Имп. Археол. Комиссії“. Стр. 499, прим. 4—добавить *Kiepert, Formae orbis antiqui* (выходить выпусками).—Разумѣется, мои дополненія имѣюте претендовать на исчерпывающую полноту и, сравнительно съ приведеніемъ В. П. Бузескульомъ библиографію, являются въ полномъ смыслѣ слова микроскопическими и, до некоторой степени, случайными.

настоящее время сосредоточивается преимущественно на истории общества и общественныхъ классовъ, явилась попытка „модернизировать“ греческую исторію, сблизить и сопоставить ее съ современностью. „Такая модернизация имѣеть, конечно, свою опасную сторону: тутъ легко впасть въ крайность и матяжки, усмотреть сходство тамъ, гдѣ его вовсе нѣть или гдѣ оно только кажущееся“, тутъ легко можно „оставить въ сторонѣ и недостаточно отгнѣнить особенности, специфически свойственные древности и отличающія ее отъ нового времени, или упустить изъ виду характерныя черты послѣдняго“ (стр. 508); сближеніе древности съ „средними“ и „новыми“ вѣками имѣеть за собою, однако, ту несомнѣнную заслугу, что, благодаря ему, изслѣдователь имѣеть возможность стать на сравнительную, общеисторическую точку зрѣнія, возвратиться къ тому универсально-историческому взгляду, на необходимость котораго, по отношенію къ древней исторіи, настаивалъ еще Нибурь.

Кто долженъ заниматься древней исторіей — филологъ или историкъ? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ представителей филологической науки (Ф. Ф. Зѣлинскій) отвѣтилъ уже отчасти на этотъ вопросъ, замѣтивъ: „всякій филологъ долженъ быть въ извѣстной части своего научнаго естества и историкомъ, всякий историкъ долженъ быть до нѣкоторой степени и филологомъ,—иначе филологическая дѣятельность будетъ безцѣльною, историческая беспочвенною“. Представитель исторической науки (В. П. Бузескуль) рѣшаетъ вопросъ еще прямѣе, объявляя его *излишнимъ*. „Дѣло, вѣдь, не въ словахъ, не въ ярлыкѣ. Филологи и историки въ области [изученія] древности могутъ и должны идти рука объ руку. Вѣдь исходною точкою для каждого историка — изслѣдователя служить текстъ... и первое условіе — умѣть точно и правильно понимать текстъ, на которомъ основываются исторические построенія и выводы. Историкъ греческой древности долженъ обладать надлежащимъ знаніемъ античной литературы, археологии, эпиграфики. Съ другой стороны, филологу не должна быть чужда широкая историческая точка зрѣнія“ (стр. 513). Итакъ, вопросъ, волнующій, отъ времени до времени, историко-филологическую науку, В. П. Бузескуломъ рѣшень, и рѣшень, конечно, правильно. У насъ, русскихъ, и филологовъ, и специалистовъ древнихъ историковъ такъ въ сущности говоря мало, что безъ взаимнаго общенія тѣхъ и другихъ не обойтись, какъ не обойтись, впрочемъ, безъ этого и въ много-ученой Германіи. И вмѣсто того, чтобы дебатировать вопросы о томъ, кто чѣмъ долженъ заниматься, самое лучшее было

бы—просто заниматься, не взирая на лицо человѣческое, лишь бы замѣтія эти были обставлены строго-научно, искренно и любовно...

Приведу заключительные слова „Введенія“: „исследователь съ бодростью и энергией можетъ работать въ области греческой истории: это—область интересная и благодарная, далеко еще не вполнѣ, со всѣхъ сторонъ, изслѣдованаѧ“, и прибавлю отъ себя, что, благодаря книгѣ В. П. Бузескула, написанной не только съ полнымъ знаніемъ своего дѣла, но и одухотворенной искреннею любовью къ нему, дальнѣйшая разработка греческой исторіи у насъ станетъ, во многихъ ея отдельахъ, значительно болѣе легкою и удобною. Подведя итоги того, что сдѣлано въ области изученія греческой исторіи въ истекшемъ вѣкѣ, В. П. Бузескуль тѣмъ самымъ наглядно показалъ, чего еще не сдѣлано въ этой области, какіе вопросы еще ждутъ своего разрешенія; охарактеризовалъ современное научное движение въ области изученія греческой исторіи, В. П. Бузескуль помогъ дальнѣйшимъ изслѣдователямъ разобраться въ его положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ; наконецъ, давъ удобный и почти полный обзоръ источниковъ греческой исторіи, В. П. Бузескуль ввелъ всѣхъ начинаяющихъ работать въ этой области въ самую сущность того, что должно быть положено прежде и главнѣе всего въ основу изученія исторіи.

С. Жебелевъ.

„Къ вопросу о поглощении свѣта кристаллами и о плеохроизмѣ въ ультрафиолетовой части спектра“. Исследованіе В. К. Агафонова.

Къ числу весьма мало изученныхъ въ минералогіи явлений относятся тѣ, которые связаны съ окраскою минераловъ. Особенно мало разработанъ вопросъ о цвѣтѣ минераловъ, причины котораго бываютъ связаны съ присутствіемъ въ кристаллахъ того или другого минерала пигментовъ, — природа этихъ пигментовъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, представляется совершенно не выясненною. Въ кристаллахъ, обладающихъ способностью двойного предомленія свѣта, цвѣтовыя явленія, если можно такъ выразиться, усложняются во многихъ случаяхъ явленіями плеохроизма.

Каждое изслѣдованіе въ этой области минералогіи привлекаетъ, въ виду сказанного выше, невольное вниманіе — естественнымъ, слѣдовательно, представляется интересъ, съ которымъ обратился я къ

исследованию В. К. Агафонова „Къ вопросу о поглощении свѣта кристаллами и о плеохроизмѣ въ ультрафиолетовой части спектра“.

Въ началѣ своего исследования г. Агафоновъ излагаетъ въ общихъ чертажахъ исторію открытия и изученія въ кристаллахъ явленія, известнаго подъ именемъ плеохроизма. Изъ этого общаго очерка видно, что всѣ исследователи подъ именемъ плеохроизма въ кристаллахъ разумѣли явленіе вполнѣ опредѣленного характера и представляющее собою частный случай абсорбціи свѣта въ кристаллахъ. Явленіе это, какъ известно, заключается въ томъ, что въ окраинномъ кристаллѣ цвѣтъ вещества измѣняется при проходящемъ свѣтѣ, въ зависимости отъ того, въ какомъ направлениі наблюдатель рассматриваетъ минералъ. Оно интересовало многихъ выдающихся исследователей, некоторые изъ нихъ старались формулировать эту закономѣрность, что представляется вполнѣ естественнымъ, такъ какъ мы не знаемъ ни одного окрашенного кристалла, принадлежащаго къ системѣ кубической, который обнаруживалъ бы плеохроизмъ, съ другой стороны, въ густоокрашенныхъ кристаллахъ оптически одноосныхъ опредѣленно выражаются два направлениія, соответствующія главнымъ направлѣніямъ ихъ оптической симметріи, гдѣ разница въ цвѣтѣ выражается съ особенною отчетливостью: аналогичнымъ образомъ, у двуоснаго минерала кордierита, въ связи съ тремя главными направленими оптической симметріи, наблюдается наибольшая разница въ цвѣтѣ по тремъ направленимъ, соответствующимъ тремъ главнымъ осямъ оптической упругости, какъ это обыкновенно принимаютъ. Въ частныхъ случаяхъ явленіе это выражается съ большею или менѣею отчетливостью, но характеръ его, проявляющійся въ разницѣ цвѣта, въ зависимости отъ направлениія, остается неизмѣннымъ. Безцвѣтные кристаллы этого явленія не обнаруживаются, въ силу своей безцвѣтности, но, напримѣръ, кристаллъ водной соли азотокислого стронція, самъ по себѣ безцвѣтный, обнаруживаетъ явленія плеохроизма съ того момента, какъ онъ дѣлается цвѣтнымъ, если онъ выкристаллизовывается изъ раствора, къ которому прибавлено красящее вещество кампепеваго дерева. У роговыхъ обманокъ и у авгитовъ, кристаллизующихся въ системѣ моносимметрической, различие въ явленіяхъ плеохроизма и абсорбціи служить однимъ изъ признаковъ, весьма существенныхъ, для различенія этихъ минераловъ между собою. Въ частностяхъ явленія плеохроизма выражаются весьма просто и опредѣленно, но въ отдельныхъ случаяхъ, а такихъ отдельныхъ случаевъ можетъ быть большинство, необходимо считаться съ совершенно неизвѣстными свой-

ствами веществъ, окрашивающими минералы въ различные цвета, иногда на одномъ и томъ же кристаллѣ. Упомянувъ о трудахъ Кордье, Брюстера, Гайдингера, Грайлиха, Бабинэ и др. прежнихъ изслѣдователей, о Маллярѣ, Фойхтѣ, Друдѣ, Карвало и другихъ новѣйшихъ изслѣдователяхъ г. Агафоновъ говорить слѣдующее: „Мы не станемъ вдаваться въ изложеніе и оцѣнку данныхъ теорій, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу. Скажемъ только, что всѣ онѣ—чисто математическая, построены на не доказанномъ допущеніи связи явленій плеохроизма съ внутренней симметрией кристаллической среды, всѣ близки другъ къ другу и всѣ согласны въ томъ, что плеохроизмъ явленіе общее для всякой анизотропной среды“... и наконецъ: „Таковъ былъ исторический материалъ, опираясь на который, мы начали свои изслѣдованія о поглощеніи ультрафиолетовыхъ лучей кристаллами“.

Въ главѣ I г. Агафоновъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Какъ видно... явленія плеохроизма являются наименѣе изученными среди другихъ оптическихъ явленій въ кристаллической средѣ. Плеохроизмъ изучался главнымъ образомъ на минералахъ весьма сложного и часто неопределенного состава, минералахъ, окрашенныхъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, посторонними веществами, изучался больше въ качественномъ, чѣмъ въ количественномъ отношеніи, и, притомъ, до самаго послѣдняго времени, только для такъ называемаго видимаго спектра....

„Разъ плеохроизмъ есть общее свойство анизотропного кристаллическаго вещества, то съ большою вѣроятностью можно предполагать, что оно должно проявляться не только въ незначительной—видимой части спектра, но и въ иѣкоторыхъ другихъ частяхъ безконечнаго ряда эфирныхъ колебаній. Такимъ образомъ, изслѣдованіе плеохроизма въ ультрафиолетовой и въ ультракрасной части спектра получаетъ особый интересъ. Положительный результатъ—констатированіе явленій плеохроизма и для этихъ частей спектра—дало бы право утверждать, что это свойство есть общее свойство кристаллической анизотропной среды, отрицательный же результатъ указалъ бы на преждевременность теоретическихъ построений въ этой области и съ тѣмъ большимъ правомъ, что для работы въ инфракрасной и ультрафиолетовой части можно брать бесцвѣтные кристаллы опредѣленныхъ химическихъ соединеній, совершенно чистыхъ, безъ какихъ-либо случайныхъ примѣсей, которые столь обычны въ естественныхъ кристаллахъ. Отвѣтить на этотъ вопросъ во всей его полнотѣ можно было

бы только послѣ долгихъ лѣтъ изслѣдований: въ моемъ распоряженіи было 2—3 года и потому поневолѣ пришлось сузить задачу".

Я привелъ эту обширную выписку въ виду того обстоятельства, что она представляется во многихъ отношеніяхъ весьма характерною. Г. Агафоновъ, ставя въ упрекъ своимъ предшественникамъ то, что они изучали плеохроизмъ на минералахъ сложного состава и окрашенныхъ, упускаетъ изъ вида, что на такихъ минералахъ, очевидно, явленія плеохроизма выражаются съ особенною отчетливостью: какъ известно, трудность минералогическихъ изслѣдований *вообще* увеличивается тою особенностью ихъ, что въ данномъ случаѣ приходится брать явленіе въ полномъ его объемѣ, не довольствуясь отвлечениемъ разсматриваемаго явленія отъ другихъ явленій, которыхъ затрудняютъ изученіе этого данного явленія — очевидно брать отвлеченные минералы и ставить ихъ въ отвлеченные условія представляется совершенно бесполезнымъ. Между тѣмъ, г. Агафоновъ становится именно на такую точку зрѣнія, предлагая для изученія плеохроизма, то-есть, цвѣтового явленія, брать безцвѣтные кристаллы и изучать ихъ въ невидимой части спектра. Очевидно, предшественники г. Агафонова смотрѣли на дѣло иначе: они понимали, что въ этомъ отношеніи окрашенные посторонними веществами минералы за-служиваютъ особеннаго вниманія, такъ какъ примѣси здѣсь имѣютъ существенное значение; вѣдь самъ же г. Агафоновъ говоритъ въ исторической части своего изслѣдованія, что Сенармонъ получилъ явленія плеохроизма, выраженные съ особенною отчетливостью, окрашивая безцвѣтные кристаллы воднаго азотокислого стронція растворомъ кампешеваго дерева, безъ этой примѣси безцвѣтные кристаллы явленій плеохроизма не обнаруживаются. Зачѣмъ же г. Агафоновъ запутывается вопросъ, замѣнилъ явленіе съ виѣшней стороны вполнѣ опредѣленное явленіемъ неопредѣленного характера, кидаясь въ область неизвѣстнаго или малоизвѣстнаго, малоизученнаго: здѣсь онъ обращается къ ультрафиолетовой части спектра, въ приложеніи къ изслѣдованію видно, что онъ обращался къ лучамъ Рентгена. Разбрасываясь, такимъ образомъ, конечно, трудно добиться чего-либо опредѣленаго.

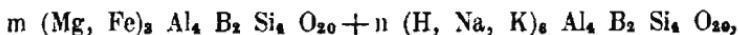
Глава II въ изслѣдованіи г. Агафонова посвящена описанію прибора и методу изслѣдованія. Вдаваться въ опїкну постановки опыта я не нахожу возможнымъ, предоставивъ это болѣе компетентнымъ лицамъ, физикамъ по специальности: я могу судить о значеніи этихъ опытныхъ изслѣдований лишь по ихъ результатамъ, по отношенію къ

объясненію плеохроизма въ кристаллахъ. Я остановлюсь, впрочемъ, на первыхъ строахъ этой главы. Г. Агафоновъ говоритъ: „какъ известно, въ солнечномъ спектрѣ не наблюдается лучей съ болѣе короткими волнами, чѣмъ 294,799 мк; болѣе частыя колебанія эфира поглощены, вѣроятно, земною атмосферою. Въ виду того, что намъ хотѣлось охватить болѣе обширный кругъ явлений, пришлось отказаться отъ удобства изслѣдований съ солнечнымъ светомъ и обратиться къ электрическому свѣту“.

Странно, что г. Агафоновъ, которому „хотѣлось охватить болѣе обширный кругъ явлений“ въ своихъ изслѣдованіяхъ, исключилъ изъ этого обширного круга тѣ явленія, которыхъ соответствуютъ видимой части спектра, и обратилъ особенное вниманіе на невидимую часть спектра, ради чего и долженъ быть обратиться къ электрическому свѣту.

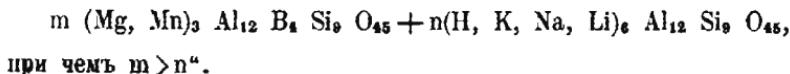
Приборъ, которымъ г. Агафоновъ пользовался, онъ описываетъ очень подробно, настолько подробно, что останавливается даже на описаніи призмы Рошона, для объясненія устройства которой онъ даеть чертежъ, очевидно, предполагая, что читатели его изслѣдованія не знакомы ни съ однимъ курсомъ оптики. Изъ подробнаго описанія прибора, однако, нельзя понять, кому принадлежитъ идея этого прибора, который нельзя считать настолько известнымъ, какъ, напримѣръ, призма Рошона или приборъ Нѣрремберга—г. Агафонову; или же кому-либо другому. Въ главѣ IV, впрочемъ, мы находимъ съдущее: „къ сожалѣнію, ни я, ни профессоръ Ш. Сорѣ, къ совѣтамъ котораго мы часто приходилось обращаться во время моихъ изслѣдований, не замѣтилъ, что....“ и т. д. Затѣмъ: „Ошибка наше состояла въ томъ, что мы упустили изъ вида расположение построеннаго нами прибора....“ „Въ нашемъ приборѣ имѣется призма Рошона“.... и проч. Изъ этого видно, что приборъ построенъ „нашими“, то-есть, г. Агафоновыми и профессоромъ Ш. Сорѣ.

Возвращаясь къ I главѣ и рассматривая „Таблицу поглощенія ультрафиолетовыхъ лучей кристаллами“, мы съ удивленіемъ останавливаемся на такихъ, напримѣръ, характеристикахъ турмалиновъ: „содержащие боръ силикаты крайне сложнаго состава, не могущіе быть выражеными одною химическою формулой. Составу черныхъ, бурыхъ и желтыхъ турмалиновъ удовлетворяетъ формула:

при чѣмъ $m > n$. Составу же безцвѣтныхъ, свѣтлозеленыхъ и розовыхъ

турмалиновъ удовлетворяетъ следующая формула:

Во-первыхъ, для кого нужна такая характеристика химического состава турмалиновъ, неужели для минералоговъ? Во-вторыхъ, неужели въ работѣ, имѣющей претензію на серьезность и поставленной въ связь съ изученіемъ плеохроизма у минераловъ (при всей слабости и натяжкѣ такой связи), можно таъль поверхностию относиться къ описанію столь важнаго минерала, какимъ является турмалинъ именно въ вопросѣ о плеохроизмѣ, и что можетъ дать такое описание, для которого приведенная выше формула предполагается имѣющею значеніе? Еслибъ г. Агафоновъ изъ 2 — 3 лѣтъ, которыя онъ, по его словамъ, посвятилъ своему изслѣдованію, отдалъ хоть одинъ годъ на производство химического анализа минераловъ наиболѣе типичныхъ для изученія явлений плеохроизма, онъ не былъ бы вынужденъ давать для турмалиновъ и везувіановъ вполнѣ неопределенные и потому ничего не говорящія формулы: что означаетъ, напримѣръ, для цѣлаго ряда слюдь коричневаго, зеленоватаго и, какъ выражается г. Агафоновъ, „коричневатаго“ и желтоватозолотистаго цвѣтовъ формула $\text{K}_2 \text{ H}_4 (\text{Al}_2)_3 \text{ Si}_6 \text{ O}_{24}$ „съ большими колебаніями“? Эпидоръ — $m (\text{H}_2 \text{ Ca Al}_6 \text{ Si}_{18} \text{ O}_{29}) + n (\text{H}_2 \text{ Ca}_4 \text{ Fe}_2 \text{ Si}_6 \text{ O}_{24})$? Кордierитъ — по формуле, приводимой г. Агафоновымъ, $\text{Mg}_2 (\text{Al}_2 \text{ Fe}_2)_2 \text{ Si}_6 \text{ O}_{18}$? Вѣдь если бы г. Агафоновъ, вместо того, чтобы опредѣлять поглощеніе ультрафиолетовыхъ лучей въ лимонной кислотѣ, нитрофенолѣ, тимолѣ, манинитѣ, альбуминѣ, винно-кислому парабензофенолѣ и проч., и проч., обратилъ вниманіе на точный, а не на схематический составъ минераловъ, упоминаемыхъ въ его изслѣдованіи, и попытался бы найти соотношеніе между измѣненіями въ химическомъ составѣ вещества и явленіями плеохроизма, изслѣдованіе его пріобрѣло бы иѣкоторое отношеніе къ минералогіи. Оказывается, что у г. Агафонова синеватый корундъ, синий и темносиній сафиры, розовый рубинъ — всѣ имѣютъ одинъ и тотъ же химический составъ, который выражается очень просто — $\text{Al}_2 \text{ O}_3$; между тѣмъ, разсматривая результаты анализовъ корунда и его разностей, я не нашелъ ни одного случая, гдѣ анализируемый образецъ не заключалъ бы примѣсей въ количествѣ до полутора, двухъ и болѣе процентовъ, имѣющихъ существенное значеніе въ вопросахъ о плеохроизмѣ и абсорбціи свѣта. Если г. Агафоновъ не придаетъ значенія старымъ анализамъ, отчего онъ самъ не сдѣлалъ ни

одного анализа тѣхъ минераловъ, изслѣдованиемъ которыхъ онъ занимался? Составъ берилла, по мѣнѣю г. Агафонова, тоже выражается очень просто— $\text{Be}_2\text{Al}_2\text{Si}_6\text{O}_{18}$, между тѣмъ, изъ шестидесяти трехъ анализовъ берилла, приведенныхъ въ Handb. d. Mineralogie von C. Hintze,—нельзя найти почти ни одного случая, который можно было бы считать соотвѣтствующимъ теоретической формулѣ, за исключеніемъ, можетъ быть, двухъ или трехъ, за то, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, анализы эти обнаруживаютъ примѣси, иногда въ количествѣ нѣсколькихъ процентовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ примѣсей, напримѣръ, окись хрома, окись никеля, соединенія марганца и желѣза, а priori не могутъ быть оставлены безъ вниманія, значеніе другихъ примѣсей вообще не выяснено, но нельзя же пренебрегать, напримѣръ, значеніемъ 2,92% окиси цезія, 1,71% окиси литія, какъ это встрѣчается въ одномъ случаѣ, а примѣровъ аналогичного характера, хотя и не такихъ рѣзкихъ, очень много—можетъ ли поручиться г. Агафоновъ, что изслѣдованные имъ аквамарины и бериллы обладаютъ именно тѣмъ составомъ, который г. Агафоновъ имъ приписывается? Въ концѣ таблицы г. Агафоновъ упоминаетъ о мелинофантѣ, приводить его составъ въ общемъ видѣ, очевидно, тоже не производя анализа этого сравнительно рѣдкаго минерала, но ни слова не говорить о роговыхъ обманкахъ, напримѣръ,—очевидно, въ составленіи своей таблицы г. Агафоновъ не руководствовался никакимъ планомъ, просто бралъ то, что попадалось подъ руку; этимъ конечно, объясняется то обстоятельство, что весьма обыкновенный, но интересный во многихъ отношеніяхъ минераль, ст. ясно выраженіемъ плеохроизмомъ, роговая обманка, не быть изслѣданъ г. Агафоновымъ.

„Какъ видно изъ прилагаемой таблицы“, заявляетъ г. Агафоновъ, „миною изслѣдовано 198 кристаллическихъ солей и минераловъ“. Но неужели все, что приводить г. Агафоновъ въ своей таблицѣ, можно назвать изслѣдованіями, да еще изслѣдованіями минералогическими? Такихъ изслѣдованій можно произвести еще больше, но какое же они могутъ иметь значеніе? Особенно если относиться къ изслѣдованнымъ веществамъ такъ поверхности, какъ относится г. Агафоновъ, и дѣлать ихъ, не составивъ заранѣе плана изслѣдованій. Было бы гораздо лучше, еслибы г. Агафоновъ, не гоняясь за ошеломляющимъ количествомъ веществъ, имъ „изслѣдованныхъ“, какъ онъ выражается,—вѣдь, действительно, изслѣдовать въ 2—3 года 198 веществъ, задача прямо колоссальная—было бы лучше, говорю я, еслибы г. Агафоновъ выбралъ веществъ поменьше, но отнесся бы къ нимъ внимательнѣе,

не стараясь расширить свою задачу до колоссальныхъ размѣровъ и не гоняясь за количествомъ въ ущербъ качеству и научности изслѣдованія. Изъ словъ г. Агафонова въ III главѣ видно, что „только коричная, гемимеллитовая и янтарно-кисловая кислота, турмалинъ, аксиантъ и андалузитъ дали явленія плеохроизма въ ультрафиолетовой части спектра“. Если это такъ, то явленія, описываемыя г. Агафоновымъ, какъ-то особия, а вовсе не тѣ явленія плеохроизма, которыхъ рассматриваются въ минералогии, потому что изъ минераловъ, названія которыхъ приводитъ г. Агафоновъ въ своей таблицѣ, плеохроичны въ степени вполнѣ опредѣленной рутиль, корундъ и его разности сафиръ и рубинъ, везувіанъ, діопсидъ, сфернъ, а у такихъ минераловъ, какъ биотитъ, эпидотъ, кордierитъ, клинохлоръ, явленія плеохроизма представляются типичными; я не говорю уже о другихъ плеохроичныхъ минералахъ, на которые г. Агафоновъ не захотѣлъ обратить вниманія, повидимому, предпочитая имъ такія вещества, какъ альбуминъ, тиамоль, винокислый параамидофеноль, ацетоуксусный эфиръ фенетидина и тому подобное. Становясь на точку зрѣнія г. Агафонова, мы не должны удивляться, не находя въ изслѣдованіи о плеохроизмѣ описанія свойствъ минераловъ, которые въ этомъ отношеніи считаются наиболѣе важными.

Выше я отмѣтилъ замѣчаніе г. Агафонова по поводу того, что плеохроизмъ „изучался... больше въ качественномъ, нежели въ количественномъ отношеніи“ (глава I). Конечно, такое изученіе плеохроизма представляется недостаточнымъ, и мы въ правѣ были бы ожидать, что г. Агафоновъ, отмѣтивъ эту слабую сторону въ изслѣдованіяхъ своихъ предшественниковъ, — а на указанія слабыхъ сторонъ въ работахъ другихъ онъ вообще не скучится — пополнить эту пробѣлъ и тѣмъ самымъ показать, насколько выбранный имъ методъ совершенѣе прежнихъ методовъ, хотя бы въ этомъ случаѣ. Но, къ удивленію, мы читаемъ, послѣ цѣлаго ряда опредѣлений, собранныхъ въ таблицѣ, значеніе которой выше было охарактеризовано, слѣдующее: „Спектрофотометрическихъ измѣреній спектральныхъ линій я не производилъ, такъ какъ и для видимыхъ лучей это дѣло не легкое, а для ультрафиолетовыхъ представляется почти непреодолимыя трудности. Кроме того, такого рода измѣренія и не входили въ задачу моихъ изслѣдований“. Эти строки сами говорятъ за себя и, конечно, никакихъ особыхъ замѣчаній не требуютъ, особенно, если имѣть въ виду все, что раньше говорилъ г. Агафоновъ о трудахъ своихъ предшественниковъ и о томъ, какъ

вообще мало сдѣлано для объясненія плеохроизма кристалловъ въ теченіе 80 лѣтъ.

Неопределённость плана изслѣдованія и шаткость основной мысли выражаются въ III главѣ въ томъ, напримѣръ, что г. Агафоновъ неожиданно переходитъ къ изслѣдованіямъ Ж. Л. Сора и А. Рише надъ поглощениемъ ультрафиолетовыхъ лучей жидкими органическими соединеніями ароматического ряда, между тѣмъ ясно, что явленія такого рода могутъ имѣть (если только могутъ имѣть) лишь самую отдаленную связь съ явленіями плеохроизма въ кристаллическихъ твердыхъ тѣлахъ. Вирочемъ, г. Агафоновъ самъ это замѣчаетъ и ссыпшитъ оговориться: „Перейдемъ снова къ вліянію толщины кристаллической пластинки на поглощеніе“.... „Я остановился на мѣдномъ мунероѣ... и на мусковитѣ“. Здѣсь опять невольно представляется вопросъ: какого состава этотъ мусковитъ? Безъ отвѣта на этотъ вопросъ опыты, поставленные г. Агафоновымъ, въ данномъ случаѣ, для минералогіи, никакого значенія не имѣютъ. Разница между изученіемъ одного и того же явленія у солей и у минераловъ выступаетъ вполнѣ опредѣленно въ томъ случаѣ, когда г. Агафоновъ переходитъ къ изслѣдованию вліянія на спектръ направлениія, по которому лучъ проходить чрезъ кристаллическую среду; г. Агафоновъ говоритъ слѣдующее: „Для большинства солей, перечисленныхъ въ привлажаемой таблицѣ, я изслѣдоваль пластинки, вырѣзанныя по различнѣйшимъ“ (вероятно, по самымъ разнообразнымъ) „направленіямъ“ — эффектъ былъ всегда одинъ и тотъ же (конечно, при равенствѣ толщинъ или же при толщинахъ, не превышавшихъ предѣльной): спектръ положенія одною и тою же вещества былъ всегда одинъ и тоже же, — полное положеніе начиналось съ одной и той же спектральной линіи и касалось всей болѣе преломляемой, чѣмъ эта послѣдня, части спектра“. Г. Агафоновъ подчеркиваетъ послѣднія строки въ приведенной здѣсь выдержкѣ изъ его изслѣдованія, стараясь, очевидно, показать, насколько его наблюденія идутъ въ разрѣзъ съ общепризнаннымъ взглядомъ на соотношеніе явленій плеохроизма въ минералахъ съ симметриею рассматриваемаго кристалла. Предоставляя физикамъ решить вопросъ относительно того, насколько вообще опыты, произведенные г. Агафоновымъ, могутъ быть признаны убѣдительными для решения столь важного вопроса, разработкою которого занимались многие первоклассные ученые, я продолжаю далѣе выписывать слова г. Агафонова: „Исключеніе представляютъ только — турмалинъ и кордierитъ“. Только турмалинъ и

жордіерить! Другими словами, два минерала противорѣчать всему правилу, найденному г. Агафоновымъ для солей.... Г. Агафоновъ по этому поводу дѣлаетъ оговорку: „Впрочемъ, сдѣланнаго нами вывода выше о мезависимости спектра отъ направления, по которому вырѣзана изъ кристалла поглощающая пластинка, не могло бы измѣнить и большее число исключений, подобныхъ турмалину, тамъ камъ выводъ построенъ на основании данныхъ, полученныхъ при изученіи кристалловъ опредѣленныхъ химическихъ соединеній — солей; данные же, которыхъ можно было бы получить изъ изученія минераловъ весьма сложного и часто неопредѣленного состава и при томъ, что главное, часто окрашенныхъ посторонними красящими веществами, такія данные могли бы только затмнить этотъ вопросъ“. Мы сдѣлали эту обширную выписку, потому что она характерна во многихъ отношеніяхъ. Здѣсь идетъ рѣчь о коренномъ измѣненіи взгляда на предметъ, и неужели г. Агафоновъ надѣется своими опытами разрешить съ точки зрѣнія совершенно новой весьма сложный физический вопросъ, требующій, очевидно, разностороннихъ трудовъ и знаній и серьезно подвергавшійся разработкѣ лицами, которые обладали огромною опытностью при соотвѣтствующей весьма обширной подготовкѣ? Кромѣ того, неужели г. Агафоновъ думаетъ, что можно изучать вопросы, намѣченные минералогіею, изучая какіе-то отвлеченные минералы, тогда какъ особенность явлений, наблюдавшихъ въ минералахъ, всецѣло, очевидно, связана съ ихъ природою во всемъ объемѣ этихъ явлений. Что же дѣлать съ тѣмъ обстоятельствомъ, что минералы бываютъ весьма сложного состава — въ этомъ и заключается интересъ ихъ изученія, — между тѣмъ съ точки зрѣнія г. Агафонова выходить, что Сенармонъ, вводя красящее вещество въ кристаллы азотиокислого стронція, безцѣнныій, и вызывая такимъ образомъ въ этомъ кристаллѣ явленія плеохроизма, могъ „только затмнить этотъ вопросъ“. Какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, г. Агафоновъ, приступивъ къ изученію плеохроизма минераловъ, попробовалъ встать на иную точку зрѣнія: очевидно, онъ предполагалъ, что новый методъ изслѣдованія, разработанный, впрочемъ, не имъ самимъ, а другими лицами, долженъ дать особенные результаты. Оказывается, однако, что и этотъ методъ ничего не даетъ для изученія плеохроизма въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ до сихъ поръ и какъ, конечно, будуть понимать и послѣ изслѣдований г. Агафонова. Не получивъ опредѣленныхъ данныхъ для разрешенія минералогического во-

проса, возникшаго при изучении действительно существующихъ минераловъ, а не какихъ-то отвлеченныхъ, которые хотѣлось бы изучать г. Агафонову для рѣшенія вопроса о плеохроизмѣ, г. Агафоновъ сначала кинулся въ область физическихъ изслѣдований и пришелъ въ результатамъ совершенно неожиданнымъ и едва ли допустимымъ относительно независимости поглотительной способности свѣта кристалломъ отъ его симметріи. Затѣмъ онъ пускается въ область гипотезъ иного рода: по его представлению, на основаніи его опытовъ, нужно принять, что „поглощеніе свѣта кристалломъ является прежде всего функцией пространственнаю строенія химической частицы, это строение обусловливаетъ поглощеніе волнъ эфира опредѣленной для данного соединенія волны“. „Прежде всего“... не значитъ ли это, что г. Агафоновъ желаетъ исключить значеніе симметріи въ кристаллахъ по отношенію къ явленіямъ плеохроизма? Но, вѣдь, не допускать этого значитъ закрывать глаза на существующія явленія, доказанныя фактически. Изъ дальнѣйшихъ словъ г. Агафонова видно, что „на зависимость поглотительной способности отъ химического состава указывали уже А. Миллеръ, Ж. Сорэ и Hartley и Hartington, изслѣдовавши жидкости“.... „Всѣ эти авторы говорятъ просто о химическомъ строеніи, намъ же кажется, что съ точки зрѣнія эфирной и молекулярной гипотезъ только пространственное строеніе химической молекулы можно ставить въ прямую связь съ поглотительной способностью“. Г. Агафонову слѣдовало обосновать свое предположеніе болѣе научнымъ образомъ, особенно въ виду того, что онъ придаетъ своему предположенію глубокое философское значеніе: „обоснованіе этой связи“, говорить онъ, „имѣло бы большое значеніе, такъ какъ оно явилось бы подтвержденіемъ реальности, не метафизической, конечно, молекулярного строенія вещества“. Г. Агафоновъ, разсмотрѣвъ десять органическихъ соединеній, говоритъ: „Мы съ большою долею вѣроятности можемъ предположить, что вообще болѣе сложные въ пространственномъ отношеніи химическая молекулы поглощаютъ ультрафиолетовые лучи сильнѣе, чѣмъ молекулы болѣе простыя. Если это такъ, то изслѣдованіе поглотительной способности можетъ оказать большую услугу при рѣшеніи вопроса объ относительной сложности химическихъ соединеній, особенно изомеровъ“. Пока г. Агафоновъ занимался изученіемъ органическихъ соединеній и разсуждалъ о степени сложности частицы этихъ соединеній, онъ чувствовалъ себя очень хорошо въ этой сфере общихъ мѣстъ, но какъ

только онъ пытается перейти на почву фактовъ, рассматриваемыхъ въ минералогіи, тонь его рѣчи измѣняется: „Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи имѣются только данные, касающіяся полиморфной титановой кислоты. Оказывается, что поглотительные способности рутила, анатаза и брукита, хотя имѣютъ общий характеръ,—всѣ эти минералы поглощаютъ ультрафиолетовую часть спектра — но все же отличаются другъ отъ друга и т. д.“. По этому поводу можно сказать, что, во-первыхъ, кто же мѣшаль г. Агафонову ваять, напримѣръ, андалузитъ и дистенъ, минералы, представляющіе во всѣхъ отношеніяхъ болѣе удобствъ для изученія явлений, намѣченныхъ г. Агафоновымъ; во-вторыхъ, г. Агафоновъ рѣшительно ничего не говорить о примѣсяхъ въ изслѣдованныхъ имъ минералахъ, такъ какъ составъ TiO_2 , который г. Агафоновъ имъ приписываетъ, есть чистая отвлеченность, съ чѣмъ въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, разѣе указанныхъ, особенно приходится считаться. Кромѣ того, если въ опытахъ г. Агафонова направлениа въ кристаллахъ исключаются, то я еще разъ утверждаю, что эти опыты не могутъ имѣть никакого значенія для изученія плеохроизма въ минералахъ.

Нельзя не остановиться и здѣсь на стремлениіи г. Агафонова выходить изъ своей сферы и создавать химическія и физическія теоріи. Такъ, только что онъ сдѣлалъ предположеніе о возможности решать вопросы обѣ относительной сложности химическихъ соединеній, особенно изомеровъ, на основаніи изслѣдованія ихъ поглотительной способности, какъ у него появляется новая теорія: посвятивъ полторы страницы разсмотрѣнію данныхъ, полученныхъ при изученіи поглотительной способности кристалловъ неорганическихъ солей, онъ немедленно дѣлаетъ заключеніе: „химическая молекула обладаетъ способностью поглощать лучистую энергию, при чемъ первыми поглощаются лучи наибольшей преломляемости, наибольшей быстроты колебаній. Во что же превращается эта энергія? Современная физика отвѣтываетъ—въ теплоту и свѣтъ. Но что же мышаетъ намъ предположить и менѣе рѣзкія превращенія энергіи, напримѣръ, превращеніе колебаній, соответствующихъ 25-й и 26-й линіи кадмія (показ. преломл. 1.475.166 и 1.477.622) или 23 — 24 въ колебаніе — 18-й линіи кадмія (показ. преломленія 1.464.760)? Только одно — отсутствие данныхъ“ и т. д. Далѣе слѣдуетъ обычное въ такихъ случаяхъ заключеніе: „Къ сожалѣнію, мнѣ и впослѣдствіи не удалось

поставить опыты для выяснения этого крайне важного вопроса". Такого рода интересные вопросы возникают не только при каких-либо изслѣдованийъ, но даже и при чтеніи чужихъ изслѣдований, но, спрашивается, какое значеніе они могутъ имѣть, если по поводу ихъ приходится лишь ограничиваться сожалѣніями, и не придаютъ ли эти поднятые, но не решенные вопросы, смыслъ, но не обоснованія, гипотезы всему изслѣдованию г. Агафонова характера какого-то, какъ теперь принято говорить, научного фельетона?

Обращаясь къ разсмотрѣнію данныхъ, полученныхъ при изученіи поглощенія ультрафиолетовыхъ лучей минералами, г. Агафоновъ говоритъ слѣдующее: „Еслибы мы начали изученіе поглотительной способности кристаллическихъ срединъ съ минераловъ, а не съ искусственныхъ солей, то не могли бы прійти къ выводамъ, сдѣланнымъ нами выше: настолько затмняетъ основу явленія—съ одной стороны сложный, а главное неопределенный, химический составъ минераловъ, а съ другой—окраска посторонними красящими веществами“.

Припомниая введеніе къ изслѣдованию г. Агафонова, по тому и по смыслу только что приведенныхъ строѣній нужно бы прийти къ такому заключенію, что предшественники г. Агафонова не дали никакихъ опредѣленныхъ рѣшеній въ вопросѣ о плеохроизмѣ минераловъ въ виду того, что они выбирали не надлежащимъ образомъ методъ и объектъ изслѣдованія, а г. Агафоновъ сначала изслѣдовалъ искусственные соли, имѣющія составъ не сложный, а главное опредѣленный; кромѣ того, кристаллы эти не окрашены посторонними веществами, и вотъ ему удалось прийти къ опредѣленному рѣшенію относительно явленій плеохроизма въ минералахъ. Но, съ другой стороны, припомнить, что г. Агафоновъ обошелъ ту именно вполнѣ опредѣленную задачу, которую рѣшили его предшественники, мы не удивимся, находя, вслѣдь за этимъ смыслъ приступомъ, цѣлый рядъ общихъ мѣстъ, сопровождаемыхъ выраженіями такого рода: „окраска плавиковыхъ шпатовъ Швейцаріи и Кумберланда имѣть совершенно различный характеръ: первые окрашены „въроятно“ минеральными веществами,—вторые органическими.

„....Нужно предполагать“, что въ „большинствѣ случаевъ“ такие красящіе пигменты суть вещества минеральные.

Если принять развитую нами выше гипотезу о зависимости поглощенія отъ строенія молекулы, то „нужно допустить“, что пространственное строеніе молекулъ рубина и сапфира „несколько“ различно.

....Сандинъ, имѣющій химический составъ весьма близкій къ адуляру, но „немного болѣе сложный“, владѣть и поглотительною способностью „нѣсколько болѣею“....

Если припомнить смѣлость г. Агафонова и широту размаха его разсужденій, когда онъ занимается созиданіемъ различныхъ теорій, и сравнить съ выраженіями здѣсь разбросанными: „нужно предполагать“, „если принять“, „нужно допустить“, „нѣсколько различны“, то разница не можетъ не бросаться въ глаза. Но отчего же г. Агафоновъ такъ систематически избѣгаетъ химического анализа минераловъ? Вѣдь, вмѣсто того, чтобы голословно допускать, что пространственное строеніе молекулъ рубина и сафира нѣсколько различны, не научиѣ ли было бы произвести химический анализъ рубина и сафира? Что такое значить выраженіе, что сандинъ имѣть химический составъ весьма близкій къ адуляру, но немного болѣе сложный? Далѣе встрѣчаются примѣры еще болѣе поразительные: г. Агафоновъ говоритъ, что „мусковитъ оказался гораздо прозрачнѣе биотита: первый пропускаетъ лучи, кончая 15 линіей Cd, коричневатый же биотитъ гасить не только ультрафиолетовые, но и фиолетовые и синіе—различие на столько сильное, что нужно предполагать не менѣе сильное различіе и молекулярного строенія“.... Но, позвольте,—вѣдь мусковитъ и биотитъ обладаютъ большою разницей въ химическомъ составѣ, а эта разница, очень существенная, не указана, потому что г. Агафоновъ упорно избѣгаетъ химического изслѣдованія веществъ, оптическія свойства которыхъ онъ опредѣляетъ. Упорно избѣгая этой кропотливой, но необходимой работы, г. Агафоновъ опять предлагаетъ гипотезу съ обычною отговоркою, „что въ настоящее время она можетъ встрѣтить много различныхъ возраженій.... „Минераламъ въ данномъ случаѣ г. Агафоновъ посвящаетъ четыре страницы, далѣе слѣдуетъ гипотеза съ вышеприведеннымъ заключеніемъ, находящая, впрочемъ, поддержку, съ точки зрѣнія г. Агафонова, не столько между минералами, какъ между солями и органическими соединеніями, что видно изъ сдѣланнаго г. Агафоновымъ перечня, и—какъ выводъ“... все же нельзя не признать, что между поглотительной и кристаллообразовательной способностями кристаллическаго вещества существуетъ въ большинствѣ случаевъ нѣкоторая связь“.

Въ большинствѣ случаевъ нѣкоторая связь... Зачѣмъ же г. Агафоновъ относится такъ строго во введенія къ своему изслѣдованію къ правилу или закону Бабинѣ, сопровождая этотъ „законъ“ вездѣ ковычками, вѣроятно, для выраженія ироніи по отношенію къ этому

закону. Не заступаясь за правило или законъ Бабинэ, я не могу не припомнить, однако, того обстоятельства, что въ своемъ мѣстѣ отъ г. Агафонова досталось и Бабинэ, и Маляру—послѣднему за то, что „предвзятое мнѣніе“ могло „отвлечь отъ наиболѣе простого вывода даже и такой ясный умъ, какимъ быть знаменитый французскій кристаллографъ“ (sic!). Но пусть г. Агафоновъ серьезно подумаетъ, имѣть ли онъ право строго относиться къ другимъ, да, особенно, къ такимъ лицамъ, какъ Бабинэ, предлагая свои странныя гипотезы.

Затѣмъ г. Агафоновъ, на полутора, примѣрно, страницахъ, даетъ списокъ веществъ, которымъ соответствуютъ аномальные спектры поглощенія — къ таблицамъ и спискамъ у г. Агафонова особенная страсть, они занимаютъ не менѣе 25 страницъ, т. е., четвертую часть его статьи — для того, чтобы сказать: „Ясно, значитъ, что и тѣ явленія поглощенія, которыхъ мы зовемъ аномальными, не зависятъ отъ направлений въ кристаллѣ, а только отъ самого его вещества“. Я опять скажу, что явленіе это можетъ интересовать минералоговъ лишь постольку, по скольку можетъ объяснить явленія плеохроизма въ кристаллахъ минераловъ, съ которыми, очевидно, это явленіе идетъ совершенно въ разрѣзъ, въ другихъ же отношеніяхъ сужденіе о его реальности нужно предоставить специалистамъ по физикѣ.

Въ началѣ главы четвертой мы встрѣчаемся опять съ таблицею на пяти страницахъ, если только можно назвать таблицею списокъ плеохроичныхъ веществъ. Въ данномъ случаѣ г. Агафоновъ снова остается вѣрень самому себѣ, такъ какъ, упоминая о минералахъ, обладающихъ плеохроизмомъ, онъ ни разу не останавливается на составѣ этихъ минераловъ, который можетъ быть весьма различенъ даже у образцовъ одного и того же минерала, окрашенныхъ въ одинъ и тотъ же цветъ. Вообще, трудно понять, для чего г. Агафоновъ упоминаетъ о рядѣ отрывочныхъ наблюдений, произведенныхъ надъ большимъ количествомъ образцовъ, но, повидимому, безъ всякой системы, такъ какъ для сафира онъ взялъ лишь одну пластинку, для кордierита взяты двѣ пластинки, но изъ двухъ разныхъ образцовъ и проч. Для кого же представляется новостью, что, напримѣръ, сафиръ, эпидотъ, актинитъ, андалузитъ, кордierитъ, турмалинъ плеохроичны, и что, напримѣръ, розовый турмалинъ, слабо окрашенный, выражаетъ это свойство очень слабо?

Мы доходимъ, наконецъ, до выводовъ г. Агафонова, представляющихъ конечный результатъ его изслѣдований. Останавливаясь на этихъ

выводахъ, мы увидимъ, насколько оправдывается, вообще, высокомъ брное отношение г. Агафонова къ своимъ предшественникамъ, и къ какимъ заключеніямъ приводятъ его наблюденія, произведенныя надъ огромнымъ количествомъ образцовъ.

„Итакъ, плеохроизмъ—скорѣе исключеніе, чѣмъ законность. Какъ же объяснить отдѣльные факты?“—говоритъ г. Агафоновъ (стр. 587). Зачѣмъ же такъ ставить вопросъ? Неужели г. Агафоновъ нарочно запутываетъ то представленіе о плеохроизмѣ, которое существуетъ въ минералогіи и которое связано съ фактами вполнѣ опредѣленными и сравнительно немногочисленными? Впрочемъ, послѣдуемъ за г. Агафоновымъ въ объясненіяхъ, имъ предлагаемыхъ.

„Объясненіе явлений плеохроизма въ минералахъ, наѣмъ кажется, не представляетъ трудности“... „Нельзя допустить, чтобы... естественное красящее вещество“ (у минераловъ) „было химически однороднымъ: почти съ увѣренностью можно утверждать, что оно всегда состоитъ изъ смѣси различныхъ, часто близкихъ другъ другу изоморфныхъ веществъ различного химическою строеніемъ“ (подчеркнуто въ подлиннике). „Разъ это такъ, то вѣроятно, что эти вещества и распредѣляются въ кристаллической сѣти данного минерала по различнымъ направлѣніямъ; такимъ образомъ образуются (образомъ образуются?) условія для появленія плеохроизма“...

„Трудно допустить, чтобы въ сложной лабораторіи природы могли бы вообще образоваться химически однородные минералы“ и т. д. ... „Для объясненія плеохроизма этихъ органическихъ соединеній можно допустить, что каждое изъ нихъ... состоитъ изъ нѣсколькихъ полимерныхъ разностей“ и т. д.

Слѣдовательно, въ одномъ случаѣ „трудно допустить“, въ другомъ „можно допустить“: въ данномъ случаѣ мы въ правѣ ожидать доказательствъ того или другого объясненія явлений плеохроизма и, конечно, ихъ не находимъ среди беспорядочно набранныхъ фактовъ, среди громкихъ фразъ о сложной лабораторіи природы и тому подобнаго.

„Заключенія“, къ которымъ пришелъ г. Агафоновъ, „какъ на основаніи собственныхъ изслѣдованій, такъ и литературныхъ данныхъ“, собраны на шести страницахъ и представляютъ рядъ гипотезъ; изложеніе этихъ гипотезъ носить тотъ же характеръ, какимъ отличаются вообще научные заключенія и выводы г. Агафонова, напримѣръ: „Если допустить, что колебанія частицъ эфира поглощаются только тѣми частицами вѣсомой матеріи, которая могутъ колебаться изо-

хронно съ первыми, то необходимо признать" и проч. ....Нужно допустить, что молекулы данного вещества идентичны" ....Типовый спектръ и предельная толщина не только не противорѣчать, но подкреплять (подкрепляютъ) возможность такого представлія". ....На основаніи описанныхъ въ нашей работѣ явлений придется допустить нѣкоторую неоднородность (sic!) въ строеніи вѣсомой матеріи, нѣкоторую индивидуальность химическихъ частицъ" и т. д., и т. д.

Въ какой степени „необходимо признать“, „можно допустить“, „нужно допустить“, „придется допустить“ нѣкоторую неоднородность въ строеніи вѣсомой матеріи, равнымъ образомъ гипотезы и заключенія г. Агафонова относительно общихъ свойствъ химического вещества, я предоставляю судить лицамъ, которые специально занимаются этимъ вопросомъ, хотя, насколько лично могу судить, во всѣхъ этихъ гипотезахъ, вообще, мало убѣдительнаго, а, главное, научно обоснованнаго. Плеохроизму г. Агафоновъ посвящаетъ двѣ страницы; было бы утомительно, а, главное, совершенно бесполезно на этомъ останавливаться, потому что пришлось бы повторять по существу то же самое, что не разъ было сказано раньше.

Г. Агафоновъ говоритъ въ концѣ своего заключенія: „Надо полагать, что кристаллъ можетъ окрашиваться болѣе или менѣе однородно только такими веществами, которые имѣютъ кристаллическую форму очень близкую къ его собственной формѣ“. Неужели и это „надо полагать“ г. Агафонову, и ему неизвѣстны какіе-либо факты про или contra въ этомъ отношеніи?

С. Ганина.

Книжные новости.

Проф. С. Ф. Платоновъ. Статьи по русской истории (1883—1902). С.-Пб. Издание А. С. Суворина. I+310+I. Цѣна 1 р. 75 к.

Проф. С. Ф. Платоновъ включилъ въ этотъ сборникъ слѣдующія свои работы: 1) „Замѣтки по истории московскихъ земскихъ соборовъ“; 2) „Пары Алексѣй Михайловичъ“; 3) „Новая повѣсть о Смутномъ времени“; 4) „Московскій волненіе 1648 г.“; 5) „О началѣ Москвы“; 6) „Къ исторіи русскаго города XVI вѣка“; 7) „Историографическое сочиненіе нашего времени“; 8) „Нѣчто о земскихъ сказкахъ 1662 г.“; 9) „Какъ возникли чети?“; 10) „Къ вопросу о сочиненіяхъ кн. И. А. Хворостинина“; 11) „О двухъ грамотахъ 1611 г.“; 12) „Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени“; 13) „О титулѣ думный дьякъ“; 14) „Рѣчи Грознаго на земскомъ соборѣ 1550 г.“; 15) „О то-

пографії Углицкаго кремля въ XVI—XVII вѣкѣ”; 16) „О происхождении патриарха Гермогена”; 17) „Къ вопросу о Никоновскомъ сводѣ”; 18) „Къ вопросу о Тайномъ приказѣ”; 19) „Столѣтіе кончины императрицы Екатерины II”; 20) „К. Н. Бестужевъ-Рюминъ”; 21) „В. Г. Васильевскій”. Тринадцать изъ этихъ статей появились на страницахъ *Журнала Министерства Народного Просвещенія*, начиная съ первой статьи, которая была и первымъ печатнымъ трудомъ автора. Только статьи 2, 5, 11, 13, 15, 17 и 21 появились въ „Историческомъ Вѣстнікѣ“, „Библиографѣ“, „Commentationes Philologicae“, „Вѣстникѣ всемірной исторіи“, въ „Трудахъ“ ярославскаго областнаго слѣзда, въ „Извѣстіяхъ“ Академіи Наукъ, въ „Запискахъ“ Императорскаго русскаго археологическаго общества; статья 19 первоначально была выпущена отдельною брошюрою. Такимъ образомъ въ существеннѣйшей своей части сборникъ этой знакомъ и, думаемъ, дорогъ читателямъ *Журнала Министерства Народного Просвещенія*. Мы не будемъ распространяться и о тѣхъ произведеніяхъ С. Ф. Платонова, которые появились не въ нашемъ „Журнале“; мы скажемъ только, что они отмѣчены достоинствами, присущими всѣмъ работамъ С. Ф. Платонова. Онъ всегда умѣетъ взять вопросъ и научно-важный, и интересный, строго и вполнѣ научно ограничить его предѣлы, всегда превосходно владѣть источниками и ставить изучаемый вопросъ въ тѣсную и живую связь съ изображеніемъ эпохи. Очень хороши у него характеристики и умершихъ его учителей, и императрицы Екатерины и особенно цара Алексія Михайловича. Написаны всѣ статьи превосходными, по-истинѣ замѣчательными языками. Чтение этой небольшой по объему книжки доставляетъ большое удовольствіе и много даетъ поучительного и интереснаго.

Описание архива Александро-Невской Лавры за время царствования Императора Петра Великаго. Томъ первый. 1713—1716. С.-Пб. 1903. VI+1150+114 (столбцовъ).

Въ короткой замѣткѣ трудно, даже невозможно дать сколько-нибудь достаточный отчетъ о содержаніи этого большого тома, и мы имѣемъ въ виду только сообщить о его выходѣ и обратить вниманіе изслѣдователей на заключающійся въ немъ богатый матеріаль. Въ предисловіи къ этому тому указаны особыя условія, въ силу которыхъ въ архивѣ Александро-Невской Лавры за первые года ея существованія сосредоточились особенно любопытные документы. Отсутствіе въ Петербургѣ своего архіерея и особыя условія длительности мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана способствовали тому, что въ Александро-Невскомъ монастырѣ въ рукахъ его настоятеля Феодосія (Яновского) сосредоточились всѣ нити духовнаго управлениія Петербургомъ и тяготѣвшими къ нему мѣстностями; кроме того, въ обитель предположено было собирать лучшихъ монаховъ и только монашествующимъ изъ этого монастыря предоставляемъ епископскія каѳедры.

Благодаря всему этому, въ архивѣ Лавры скопилось множество любопытныхъ документовъ, касающихся первоначального церковнаго устройства области, церковнаго суда, подчиненныхъ тогда исключительно ему брачныхъ дѣлъ, затѣмъ документовъ о постройкахъ въ Лаврѣ, о состояніи многочислен-

выхъ ея земельныхъ владѣній, управлениія церковными вотчиваами—и черезъ монашествующихъ, и透过 офицеровъ—экономической стороны крестьянскаго быта; много документовъ касается разныхъ исковыхъ и уголовныхъ дѣлъ—среди нихъ встречаются и комические случаи—напримѣръ, есть жалоба на дьякона, будто бы онъ ободралъ сукно, украшившее купель, и сшилъ себѣ изъ него штаны; любопытны, наконецъ, описания нѣсколькоихъ приписанныхъ къ Лаврѣ монастырей и церквей, перечисление находящихся въ нихъ образовъ, книгъ и пр. Вотъ бѣглый и неполный обзоръ тѣхъ сторонъ старинаго быта, для изслѣдователя которыхъ изданное описание содержитъ любопытные материалы. Какъ всякое описание—и это, конечно, неизбѣжно подчиняется субъективнымъ настроениямъ и интересамъ описывающаго; но въ настоящемъ случаѣ, несомнѣнно, мы имѣемъ дѣло съ описаніемъ отличнымъ, сохранившимъ все существенно важное—въ этомъ удостовѣряетъ насъ какъ самъ текстъ описанія, такъ и то, что главными работниками при составленіи его были также знатоки дѣла, какъ проф. С. Ф. Шлатоновъ, С. Г. Руневичъ, авторы нѣсколькихъ отличныхъ изслѣдований именно по той же вѣхѣ русской церковной истории, А. А. Завыловъ, написавшій отличную работу о духовной комиссіи, работавшей въ царствованіе Екатерины II, и др. Съ вѣнчаной стороны изданіе очень хорошо; мы замѣтили лишь одну досадную опечатку—на стр. 498 напечатано „учинить имъ ранги: поручикомъ—маиорскую, а подпоручикомъ—капитанскую“ и т. д.—очевидно, надо „руги“. Къ тому приложены тщательно составленные указатели личные и предметный; но по странному какому-то недосмотру нѣть никакого оглавленія—между тѣмъ оно, конечно, необходимо; отыскать какое-либо дѣло, которое обратило на себя вниманіе, безспорно легче по оглавленію, которое занимаетъ 20—30 стр., чѣмъ прямо въ томъ въ 1.200 стр. Описаны дѣла за 1713—1716 годы, всего 293 номера, но иные номера объединяютъ въ себѣ помногу документовъ. Пожелаемъ, чтобы работавшая надъ этимъ изданіемъ комиссія не замедлила выпускъ и дальнѣйшихъ томовъ этого изданія, которое по праву займетъ мѣсто наряду съ „Описаніемъ документовъ и дѣлъ архива Св. Синода“.

1) Олонецкий Сборники. Материалы для исторіи, географіи, статистики и этнографіи Олонецкаго края. Выпуски 4-й.—2) Памятная книжка Олонецкой губерніи на 1902 годъ.—3) Тоже—на 1903 годъ. Изданія Олонецкаго статистического комитета. Петрозаводскъ. 1902—1903.

Въ прошломъ 1902 году исполнилось ровно сто лѣтъ со времени образования Олонецкой губерніи, а въ августѣ нынѣшняго года исполнится 200 лѣтъ со дня возникновенія Петровского завода на р. Лососинѣ и при немъ Петровской слободы, которая въ 1777 году была переименована, по повелѣнію Императрицы Екатерины II, въ городъ Петрозаводскъ. Въ виду этого Олонецкій статистический комитетъ и предпринялъ, послѣ восьмилѣтнаго перерыва (третій выпускъ „Олонецкаго Сборника“ былъ изданъ въ 1894 г.) вышеназванные изданія. Въ нихъ, какъ и въ другихъ подобного рода официальныхъ изданіяхъ, видное мѣсто, конечно, занимаетъ справочный, официальный отдѣлъ; но при этомъ помѣщено не мало и материала по исторіи и этнографіи края, который и привлекаетъ наше вниманіе. На первыхъ страницахъ „Олонецкаго Сборника“ находимъ до шести грамотъ (воеводскихъ „отписокъ“) за время отъ

1614 по 1666 г., перепечатанных изъ сборника, изданного Императорской Академией Наукъ, „Акты Московскаго государства“; затѣмъ — сообщенный А. П. Вороновымъ изъ рукописей Императорской археологической комиссіи: „Челобитную солдата Туломозерской волости о прекращеніи продажи вина въ ихъ волости“ (1650 г.), „Жалованную грамоту преосвященнаго Александра, архиепископа Великаго Новгорода, и Пскова причту Самозерской Успенской церкви“ (1577 г.), и нѣсколько парскихъ грамотъ конца XVII вѣка.

Изъ цѣлого ряда статей „Сборника“ исторического и этнографического характера, перепечатанных изъ другихъ изданій и вновь составленныхъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: „Народная демонология“, сост. А. Георгіевскаго, „Изъ олонецкихъ легендъ“, запис. въ уѣздахъ Петрозаводскомъ, Олонецкомъ и Повѣнцкомъ Г. И. Куликовскимъ и В. Харузиной; „Театръ въ Петрозаводскѣ въ 1809 году“ В. М. Петрова; „Волненія крестьянъ, приписанныхъ къ Олонецкимъ заводамъ въ 1761—1779 г.“ В. И. Семевскаго; „Жемчугъ въ Олонецкой губерніи“ И. И. Благовѣщенского и его же „Ученый изслѣдований объ Олонецкой губерніи“.

Въ „Памятной книжкѣ“ на 1902 г. видное мѣсто занимаетъ статья И. И. Благовѣщенского — „Образование Олонецкой губерніи, управление ея за столѣтіе (1802—1902 г.) существованія“, за которой въ видѣ „приложений“ слѣдуютъ: „Губернаторы и вице-губернаторы Олонецкой губерніи“ и „Хронология болѣе замѣчательныхъ событий Олонецкой губерніи“. Съ интересомъ, затѣмъ, прочутся и статьи: „Олонецкая епархія“ того же И. И. Благовѣщенского, „Олонецкая гимназія“ И. Д. Ламанского и „Краткій очеркъ народнаго образования въ Олонецкой губерніи въ XIX столѣтіи“ свящ. Н. Чукова, хотя послѣдній и ограничился лишь сообщеніемъ статистическихъ свѣдѣній о количественномъ ростѣ учебныхъ заведеній.

Наконецъ, въ „Памятной книжкѣ“ на 1903 г. находимъ извлеченіе изъ обширнаго изслѣдованія Б. П. Мегорского — „Осударева дорога“ (Петрозаводскъ 1903 г.) подъ заглавиемъ „Историческая дорога“, по которой въ 1702 г. Петръ Великій съ войскомъ въ 4.000 чл. и двумя фрегатами прошелъ отъ поморского (на Бѣломъ морѣ) селенія Ниухчи до города Повѣнца (на сѣверномъ берегу Онежскаго озера) черезъ тундры, болота, лѣса и рѣки, и затѣмъ безпрепятственно черезъ Онежское озеро и р. Свирь приплыть къ Шлиссельбургу (Орѣшику); затѣмъ — небольшія статьи: „Петровскій общественный садъ и его достопримѣчательности“, „Петровскій соборъ въ городѣ Петрозаводскѣ“ и „Къ столѣтію Олонецкой губерніи. (Статистика населенія городовъ: Петрозаводска и Вытегры за 1801—1901 годы)“.

Указанныя статьи, повидимому, принадлежать перу составителя всѣхъ трехъ вышенназванныхъ изданій Олонецкаго статистического комитета И. И. Благовѣщенского, который за послѣднія 10 лѣтъ болѣе другихъ и потрудился, собирая и записывая свѣдѣнія о родномъ ему краѣ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвещенія* въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ:

— ХАРЬКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТСКІЙ СВОРНИКЪ ВЪ ПАМЯТЬ В. А. ЖУКОВСКАГО И ГОГОЛЯ. Харьковъ 1903. 185 стр. Цѣна 1 руб.

— Фирсовъ, Н. Н. Правительство и общество въ ихъ отношенияхъ къ вышней торговлѣ Россіи въ царствование Императрицы Екатерины II. Очерки изъ исторіи торговой политики. Казань 1902. III+371 стр.

— Сальниковъ, А. Н. Краткій курсъ отечественной истории. (Для городскихъ училищъ). Съ рисунками и портретами въ текстѣ. Цѣна 30 коп. С.-Пб. Издание П. П. Сойкина. 1903. 132+II стр.

— Пресѣт, Аркадій. Общедоступная философія. Декартъ. Размышленія о первой философіи. Цѣна 40 коп. 61 стр.—Локкъ. О государствѣ. Цѣна 40 коп. 56 стр.—С.-Пб. Издание П. П. Сойкина.

— Къ торжеству прославленія преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца. Издание для народа Михаила Макаревскаго. С.-Пб. 1903.—Новые чудеса преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца, совершившіяся въ началѣ текущаго 1903 года. 16 стр. Цѣна 5 коп.—Житіе преподобнаго Серафима и описание Саровской пустыни. 64+16 стр. Цѣна 20 коп.—Преподобный Серафимъ Саровъ. Дивѣево. Понетаевка. 88+16 стр. Цѣна 30 к.—Серафимо-Дивѣевскій монастырь. 16+16 стр. Цѣна 10 к.—Серафимо-Понетаевскій монастырь. 12+16 стр. Цѣна 10 коп.—Саровская пустынь. Краткое описание исторического прошлаго и современнаго состоянія обители. Составлено по печатнымъ источникамъ, личнымъ впечатлѣніямъ и мѣстнымъ свѣдѣніямъ. 32+16 стр.—Путеводитель для богомольцевъ, отправляющихся на Саровскія торжества 15-го—21-го іюля 1903 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.—Житіе преподобнаго отца Серафима, Саровскаго чудотворца. 32+16 стр. Цѣна 10 коп.

— Отчетъ состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны благотворительного общества судебнаго вѣдомства за 1902 годъ. С.-Пб. 1903. 171+7+47 стр. (Приложение къ № 6 „Журнала Министерства Юстиціи“).

— Записки Императорскаго Новороссійскаго университета, т. 90-й, изданы подъ редакціею А. А. Коубинскаю. Одесса 1903. II+8+474+53+3 стр. Цѣна 3 р.—Т. 91-й, изданный подъ тою же редакціею. Одесса 1903. 8+736 стр. Цѣна 3 руб.

— Вейнбергъ, Л. О. Новая русская хрестоматія. Издание книжного магазина В. В. Думнова. М. 1903. VIII+333 стр. Цѣна 1 р. 10 к.

— Радзіевскій, А. Сборникъ задачъ по физикѣ для среднихъ учебныхъ заведеній. Теплота, магнетизмъ и электричество. С.-Пб. 1903. 104 стр. Цѣна 1 р.

— Шумахеръ, А. Императоръ Александръ II. Исторический очеркъ его жизни и царствованія. Третье, вновь переработанное и дополненное изданіе С.-Пб. 1903. 207 стр. Цѣна 1 руб.

— Языковъ, Д. Д. Овзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ. Выпускъ первый. Второе исправленное изданіе. М. 1903. 69 стр.

— Власовъ, Всеходъ. О преподаваніи географіи съ точки зренія новайшихъ требованій. Изслѣдованіе. Варшава 1903. 29 стр. Цѣна 40 к.

— Предварительное слѣдствіе, произведенное судебнѣмъ слѣдователемъ

шо особо важныиъ дѣламъ при С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ Бурцовыиъ не дѣлу о насильственномъ лишении жизни румынскай подданной Татьяны Золотовой. С.-Пб. 1903. 659+136+XX.

— Гошкевичъ, В. И. Клады и древности Херсонской губернии. Книга первая. Съ художественными иллюстрациями. Бесплатная премія для подписчиковъ „Юга“ на 1902 годъ. Херсонъ 1903. III+176+II+XX табл.

— Ось устройствъ общежития для нуждающихся учащихся въ школахъ города Харькова. Харьковъ 1903. 8 стр. (Изъ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“).

— Отчетъ Правления Общества попечения о нуждающихся учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ города Харькова за 1902 годъ. Годъ первый. Харьковъ 1903. 47 стр.

— Рюминъ, В. В. Краткій очеркъ главнѣйшихъ органическихъ соединений. Харьковъ 1903. 46 стр.

— Gauthiot, R. LE PARLER DE RUVIDZE. Essai de description d'un dialecte lituanien oriental. Paris 1903. 112 стр.

— Кульбакинъ, С. М. Къ истории и диалектологии польского языка. I. Фонетика сважденского говора. II. Возникновение общепольскихъ долготъ. С.-Пб. 1903. III+224.

— Никольский, Вл. Ив. Ось алкогольномъ опьяненіи, ось алкоголизмѣ и о мѣрахъ противъ нихъ. Варшава 1903. XII+303 стр.

— Колосовъ, Г. Ось одномъ свойствѣ задачи С. В. Ковалевской о вращеніи тяжелаго твердаго тѣла вокругъ неподвижной точки. М. 1901. 10 стр.

— Колосовъ, Г. О некоторыхъ видоизмененіяхъ начала Гамильтона въ примѣненіи къ решенію вопросовъ механики твердаго тѣла. С.-Пб. 1903. 76 стр.

— Реклю, Э. Земля и люди. Всемирная географія. Выпускъ VI. Франція. Переводъ съ французскаго Д. А. Коропчевскаго. Съ 108 иллюстрациями. Приложенія: „Очеркъ государственного строя современной Франціи“, статья М. А. Лихарева. Библиографический указатель книгъ и статей на русскомъ языкѣ, касающихся Франціи. Указатель географическихъ именъ. Карта Франціи. Цѣна 3 руб. С.-Пб. 1903. VIII+624+7° стр. (Издание О. Н. Исповѣдій).

— Поражинский, В. К. Возвратная форма глаголовъ въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ. Изслѣдованіе. М. 1903. X+109 стр.

— Новицкій, В. Ф. Извѣстія изъ Индіи въ Фергану. Описаніе путешествія, совершенного въ 1898 году изъ Пенджаба черезъ Кашимиръ, Ладанъ, Каракорамское нагорье, Раскемъ и Кашгарію въ Русскій Туркестанъ. Съ картою и 18 таблицами. С.-Пб. 1903. III+II+297. (Записки Императорскаго русскаго географическаго общества по общей географіи. Томъ XXXVIII, № 1).

— Варнеке, Б. Очерки изъ истории древнеримскаго театра. С.-Пб. 1903. VII+235 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

- Гюто, Викторъ. Деваносто третій годъ. Историческій романъ. Переводъ съ французскаго С. Крукоѣской. С.-Пб. Издательство О. Н. Поповой. 305 стр. Цѣна 1 р. (Библіотека „ДРУГЪ“).
- Жуковъ, Г. А. Учебный проекціонный фонарь—великій пособникъ обученію въ средней школѣ. С.-Пб. 1902. 34 стр.
- Православный Палестинский Сборникъ. 56-й выпускъ. Издание Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. С.-Пб. 1903. XIII + 291 стр.

ДРЕВНИЙ МИРЬ И МЫ.

Лекция первая.

Введение: Постановка задачи.—Три антитезы.—*Vox populi—vox Dei*.—Большое и малое „я“ общества.—Общественное мышление и социологический подборь.—*Первая антитеза:* образовательное значение античности.—Данный исторического опыта.—Загадки.—Гетерогенія цѣлей.—Эволюція классического образования.—Критеріи образовательной силы предметовъ: психологія и психолого-ическое науковѣдѣніе.—Смысль сочетанія: „образовательное значение“.—Принципъ профессиональный и принципъ образовательный.—Назначеніе средней образовательной школы.

Моя задача—выяснить вамъ¹⁾, насколько это позволять время и силы, значение той области знанія, представителемъ которой я состою при нашемъ университѣтѣ и которую я, ради краткости, буду просто называть *античностью*. Задачу эту можно решить въ троекомъ направлении, соответственно троекому значенію самой античности. Она, во-первыхъ, является предметомъ науки, которую при-

¹⁾ Нижеслѣдующія „лекціи“ были прочитаны мною ученикамъ выпускныхъ классовъ С.-Петербургскіхъ гимназій и реальныхъ училищъ весной 1903 г. въ четырехъ воскресеніяхъ, по два лекціи въ день. Печатая ихъ, я считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою благодарность какъ начальству С.-Пб. учебного округа, давшему мнѣ возможность ихъ произнести, такъ и гг. директорамъ и преподавателямъ гимназій и реальныхъ училищъ, почтившимъ ихъ своимъ присутствіемъ, и last not least моей малодой аудиторіи, отнесшейся къ нимъ столь сочувственно и пожертвовавшей ради нихъ свой воскресныи отдыхомъ. Благодарю также редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за любезное гостепріимство, которое она имъ оказала въ своеи органѣ; все же, печатая столь „неудобныи“ и козюющія глаза вещи, я желалъ бы заявить, что дѣло это подъ своей полной и исключительной ответственностью, и что „винить“ за нихъ не сядутъ никого кромѣ менѣ.

иято—иесовсъмъ правильно—называть классической филологіей; она, во-вторыхъ, представляетъ изъ себя элементъ современной умственной и нравственной культуры европейского общества; она, въ-третьихъ,— и это ея значеніе для васъ самое близкое — входить въ составъ учебныхъ предметовъ привилегированного типа средней школы, такъ называемой классической гимназіи. Каждая изъ этихъ трехъ точекъ зреія открываетъ намъ новую сторону античности; но по отношенію къ каждой изъ нихъ посвященный въ дѣло человѣкъ бываетъ вынужденъ отстаивать мнѣніе, диаметрально противоположное тому, которое стало ходячей монетой въ современномъ, и специально въ русскомъ интеллигентиомъ обществѣ. Дѣйствительно, о классической филологіи общество привыкло думать, что она — наука вдоль и поперекъ изслѣдованная, не представляющая болѣе интересныхъ задачъ для творческой работы; знатокъ же дѣла вамъ скажетъ, что теперь она интереснѣе, чѣмъ когда-либо, что вся работа предыдущихъ поколѣній была лишь подготовительной, была лишь фундаментомъ, на которомъ мы только теперь начинаемъ строить настоящее зданіе нашей науки, что новые проблемы, маящія къ изслѣдованию и рѣшенію, настѣнно встѣраются на каждомъ шагу нашего научного по-прища. Затѣмъ, по отношенію къ античности, какъ элементу новѣйшей культуры, общество усвоило мнѣніе, что она играетъ въ ней ничтожную роль, будучи давнымъ давно превзойдена успѣхами новѣйшей мысли; знатокъ же дѣла вамъ скажетъ, что мы въ своей умственной и нравственной культурѣ никогда еще не стояли такъ близко къ античности, никогда такъ въ ней не нуждались, но и такъ не были приспособлены понимать и воспринимать ее, какъ именно теперь. Наконецъ, по отношенію къ античности, какъ элементу образования, большинство общества склонно полагать, что это—какой-то странный пережитокъ, неизвѣстно почему и какимъ образомъ сохранившийся въ современной школѣ и подлежащий скорѣйшему окончательному упраздненію; знатокъ же дѣла, опять-таки, вамъ скажетъ, что античность по самому существу своему, въ силу условій какъ исторического, такъ и психологического характера, органический элементъ образования европейского общества, и что окончательно упразднена она будетъ не иначе, какъ съ упраздненіемъ всей современной европейской культуры.

Таковы наши три антитезы; согласитесь, что болѣе рѣзкихъ и представить себѣ нельзя. И я боюсь, что именно наличность этихъ антитезъ можетъ васъ смутить и возбудить ваше недовѣріе къ тому,

что я имѣю вамъ сказать; а такъ какъaprіорное недовѣріе аудиторія къ лектору заразнѣе разрушаетъ возможное дѣйствіе его словъ, то позвольте мнѣ сдѣлать попытку устранить его, поскольку оно вообще устранимо путемъ воздействиа разума. Въ самомъ дѣлѣ, я представляю себѣ съ вашей стороны возраженіе въ родѣ слѣдующаго: „да развѣ уже изъ самаго состава борющихся сторонъ не ясно, кто правъ и кто виноватъ? развѣ можетъ быть правъ вопреки мнѣнию совокупности общества тотъ единоличный «знатокъ дѣла», о которомъ вы говорите и подъ которымъ вы, вѣроятно, разумѣете самого себя, г. лекторъ? Оставимъ въ сторонѣ классическую филологію: она для общества неинтересна, и оно имѣть поэтому право ея не знать; но античность, какъ элементъ культуры, античность, какъ факторъ образования—развѣ можно допустить, чтобы общество ошибалось въ рѣшеніи такихъ насущныхъ, такъ близко его касающихся вопросовъ? Не даромъ же и въ пословицѣ сказано: vox populi—vox Dei!“—Тутъ я могъ бы сдѣлать оговорку—и довольно существенную—по отношенію къ этой „совокупности общества“, о которой намъ такъ много говорять; но это не такъ важно. Пусть будеть по вашему: я все-таки не могу согласиться, чтобы вы къ этой дѣйствительной или мнимой совокупности примѣняли пословицу о vox populi, такъ какъ противъ этого примѣненія громогласно протестуетъ исторія всѣхъ временъ. Вспомните о томъ, какъ римское общество требовало на арену первыхъ христіанъ, вспомните объ остерьеніяхъ общества противъ еретиковъ въ Испаніи или противъ вѣдьмъ въ Германіи, вспомните о той единодушной поддержкѣ, которую долгое время находили въ обществѣ такие институты, какъ рабство негровъ въ Америкѣ или крѣпостное право у насъ — и вы согласитесь, что очень часто vox populi бываетъ поистинѣ vox diaboli, а не Dei. Мы въ настоящее время не только осуждаемъ такія проявленія общественной воли,—мы, что также не худо, безстрастно ихъ объясняемъ, обнаруживая причины, которыя во всѣхъ указанныхъ случаяхъ заставляли общество неправильно судить о своихъ собственныхъ потребностяхъ. И здесь возможно то же самое, и здесь мы можемъ—и это войдетъ, если дозволить время, въ составъ моей послѣдней лекціи—анализировать смыслъ недоброжелательного отношенія современного общества къ античности, выдѣлить ту роль, которую въ немъ сыграло добросовѣстное непроизвольное заблужденіе, отъ той, въ которой мы должны признать проявленіе сознательнаго обмана. Теперь моя цѣль другая: я вѣдь хотѣлъ только расшатать

въ вѣсъ увѣренность — если таковая есть — въ непогрѣшимости об-
щественаго мнѣнія, хотѣль протестовать противъ злоупотребленія
поговоркой vox populi—vox Dei. А каковъ правильный смыслъ этой
поговорки, это я разовою вамъ тотчасъ. Не въ оглушительномъ
крикѣ, который такъ часто бываетъ выраженіемъ взбудораженныхъ
страстей, должны мы признать гласъ Божій, а въ томъ тихомъ и
безстрастно повелительномъ голосѣ таинственной воли, который ука-
зываетъ человѣчеству пути его культурнаго развитія. Съ незапа-
мятныхъ временъ, когда физиологіи пищеваренія и органической химіи
еще въ поминѣ не было, этотъ голосъ указалъ человѣку на хлѣбъ,
какъ на ту пищу, пользуясь которой онъ можетъ достигнуть на-
высшаго возможнаго для него совершенства. Въ этомъ голосѣ древ-
ніе греки, умѣвшіе удивляться тому, что поистинѣ удивительно, при-
знали взаправду голосъ Божій — голосъ своей богини Деметры; совре-
менная біология, не признающа метафизики... или, правильнѣе го-
воря, вводящая вмѣсто прежней, теологической метафизики, свою
собственную, біологическую — видѣть въ иемъ дѣйствие открытаго ю-
закона подбора, совершенно аналогичнаго тому, который и всякой
скотинѣ указалъ наиболѣе свойственную ей пищу. Да, господа,
законъ подбора — подбора естественнаго, который тамъ, гдѣ его субъ-
ектомъ является человѣческое общество, носить имя соціологическаго
подбора — вотъ настоящая vox populi, vox Dei. Тсپерь спросимъ себя:
каково же отношеніе этого подбора къ интересующему насъ во-
просу — вопросу о роли античности въ образованіи молодежи, или,
короче говоря, къ тому, что мы называемъ классическимъ образова-
ніемъ? — А таково это отношеніе, что вотъ теперь, черезъ полторы
почти тысячи лѣтъ послѣ паденія Рима и болѣе чѣмъ двѣ тысячи
лѣтъ послѣ паденія Греціи, мы все еще споримъ о томъ, должны ли
ихъ языки занимать центральное мѣсто въ образованіи молодежи или
неѣть. Согласитесь, господа, что это единодушное свидѣтельство вѣ-
ковъ — гораздо болѣе знаменательный фактъ, чѣмъ эфемерный вер-
диктъ современаго намъ общества, даже если бы его единодушнѣе
было менѣе фиктивно, чѣмъ оно есть. Вспомните картину, предста-
ляемую нашей Невой, когда дуетъ роковой для насъ югоzapадный вѣ-
теръ: волны совершенно явственно направлеены на востокъ, кажется,
что рѣка вспять потекла, обратно къ Ладожскому озеру — и тѣмъ
не менѣе вы знаете, что каждая капля этого озера въ силу незри-
маго, но очень реальнаго естественнаго теченія рѣки попадеть въ

Финский заливъ, и что единственнымъ результатомъ того встрѣчнаго теченія, вызваннаго вѣтромъ, будетъ кратковременное наводненіе въ Галерной гавани. То же самое и въ обществѣ и общественномъ мнѣніи: и въ немъ вы имѣете не одно теченіе, а два. Одно — это то, въ которомъ оно отдаетъ себѣ отчетъ, бурное, крикливое, капризное, производящее всякаго рода наводненія и другія бѣдствія; другое — то, существованія котораго оно не подозрѣваетъ — тихое, безмолвное и повелительное. Два теченія — или, если хотите, двѣ души, два я; и къ обществу можно примѣнить то разграничение, которое Фр. Ницше остроумно установилъ для отдѣльныхъ его единицъ, различая ихъ „малое я“, сознательное и сравнительно легковѣсное, отъ ихъ подсознательного, но властно управляющаго ихъ развитіемъ „большого я“. Тотъ неблагопріятный для классического образования вердиктъ современного общества, который вы склонны противопоставить моему якобы единоличному мнѣнію — онъ вынесень не имъ, этимъ обществомъ, а только его малымъ я; конечно, мы, какъ единицѣ, это малое я можетъ причинить не мало непріятностей, но для меня, какъ мыслителя, историка, оно никакого авторитета не имѣть. Какъ таковой, я обязанъ прислушиваться не къ его голосу, а къ голосу того таинственнаго большого я, которое управляетъ его судьбой. И вотъ тутъ-то я слышу иѣчто совершенно другое. Малое я современного общества твердить на всѣ лады: „долой классическое образование!“; большое я, напротивъ, говорить намъ: „берегите его пуще звѣницы ока!“ Или, вѣрнѣе, оно намъ этого даже и не говорить: оно само его бережетъ, вотъ уже 15 — 20 вѣковъ, несмотря на постоянные протесты своего собственнаго малаго я, и сбережетъ его, будьте въ этомъ увѣрены, и впредь.

Впрочемъ, этотъ благопріятный для античности результатъ получился у насъ лишь мимоходомъ, его придется подробнѣе обосновать въ дальнѣйшемъ; не придавайте ему пока значенія и замѣтьте лишь то, что я сказалъ вамъ о двухъ теченіяхъ общественной жизни и о ихъ сравнительной оцѣнкѣ. А теперь приблизимся къ темѣ. Я выставилъ съ первыхъ словъ положеніе о троекомъ значеніи античности: чисто научномъ, культурномъ и образовательномъ; въ нашей бесѣдѣ, однако, порядокъ будетъ иной: мы начнемъ съ того, что касается васъ всѣхъ, и кончимъ тѣмъ, что непосредственно касается или, вѣрнѣе, коснется лишь немногихъ изъ васъ. Итакъ, въ чёмъ заключается образовательное значеніе античности?

Допустимъ, прежде всего, что на этотъ вопросъ мнѣ пришлось бы отвѣтить: „не знаю“—или что мой отвѣтъ вѣсъ не удовлетворить; что бы отсюда слѣдовало?

Еще раньше, развивая вамъ смыслъ закона соціологического подбора, я, ради иллюстраціи, указалъ на то замѣчательное его проявленіе, въ силу которого хлѣбъ сталъ основной пищей культурнаго человѣка; теперь позвольте мнѣ воспользоваться этой иллюстраціей для одной картины или притчи, которая, впрочемъ, уже разъ сослужила мнѣ службу въ схожемъ случаѣ. Представимъ себѣ, что въ тѣ времена, когда склонны были относиться къ организму человѣческаго тѣла, какъ къ механизму, въ эпоху Гельвеція и Ламеттри, была бы созвана комиссія съ цѣлью реформы физического питанія человѣка. Ораторы-противники традиціонной системы питанія нарисовали бы, первымъ дѣломъ, мрачную картину физическаго состоянія современаго человѣка: живеть онъ много-много 60—70 лѣтъ, между тѣмъ, какъ природа положила ему жить 200 лѣтъ (таково было, къ слову сказать, позднѣе мнѣніе Гуфеланда), да и это незначительное число лѣтъ какъ онъ живеть? Онъ бываетъ слабъ, некрасивъ, быстро старится; а сколько больныхъ, этихъ „неудачниковъ“ физической жизни! и т. д. Отчего все это? Оттого, что онъ нерационально питается. Пища должна обновлять человѣческое тѣло; а между тѣмъ въ составѣ нашей пищи входять большею частію вещества, ненужныя тѣлу и потому имъ, какъ вполнѣ безполезныя, снова выдѣляемыя. Тѣлу нужны: мясо, кровь, жилы, кости, мозгъ и т. д.; между тѣмъ, мы даемъ ему почти исключительно растительную пищу, въ которой главную роль играетъ хлѣбъ. Вредъ хлѣба заключается уже въ томъ, что онъ совершенно заслоняетъ другія, дѣйствительно питательные вещества; а чтобы убѣдиться въ его бесполезности, достаточно взглянуть на человѣческое тѣло. Развѣ изъ тѣста состоять наши руки, ноги, голова, легкія и т. д.? Нѣтъ. А изъ чего же? Изъ крови, мяса, жилья, костей и т. д. И такъ, дайте намъ реальное питаніе, которое соотвѣтствовало бы составу нашего тѣла; дайте намъ единую общепитательную пищу, содержащую въ гармонической, уравновѣшенной смѣси все нужное для обновленія нашего физического я, кровь, мясо, кости, жилы и т. д. Тогда не будетъ неудачниковъ физической жизни; тогда человѣкъ будетъ жить двѣsti лѣтъ, оставаясь молодымъ долѣе, чѣмъ онъ нынѣ вообще живеть, и т. д.

Что могъ бы возразить противъ этой рѣчи защитникъ традиціонной системы питанія? Что могъ бы онъ отвѣтить, если бы отъ него

потребовали, чтобы онъ доказалъ питательное значеніе хлѣба? Въ настоящее время, разумѣется, возможень отвѣтъ, вполнѣ удовлетворительно разрѣшающій всѣ затрудненія: съ одной стороны, физіология выяснила процессъ пищеваренія во всѣхъ его подробностяхъ; съ другой стороны, органическая химія анализировала потребляемую нами пищу во всѣхъ ея составныхъ частяхъ. При помощи химіи мы можемъ доказать, что хлѣбъ содержитъ всѣ или почти всѣ нужные для обновленія нашего тѣла вещества; при помощи физіологии мы показываемъ, какимъ образомъ нашъ организмъ ихъ ассимилируетъ. Но вѣдь мы предполагаемъ эпоху, когда процессъ пищеваренія былъ известенъ лишь очень несовершенно, органическая же химія вовсе не была извѣстна; итакъ, повторяю, что могъ бы отвѣтить защитникъ традиціонной системы питанія представителю діэтическаго авантюризма?—Я думаю, вотъ что. „Вы спрашиваете, въ чёмъ состоитъ питательное значеніе хлѣба и растительной пищи вообще; я этого не знаю. Но фактъ тотъ, что принявшиѣ нашу систему питанія народы суть вмѣстѣ съ тѣмъ и народы-носители цивилизациіи, между тѣмъ какъ по вашей теоріи пытаются только самые грубые изъ дикарей; фактъ тотъ, далѣе, что цивилизованные народы все размножаются и расширяютъ свои владѣнія, между тѣмъ какъ живущіе мясной пищей дикиари численно уменьшаются и отступаютъ; фактъ тотъ, затѣмъ, что цивилизованный человѣкъ, вынужденный виѣшними условіями отказаться отъ хлѣба и овощей и перейти на исключительно мясную пищу, хильеть и гибнетъ; фактъ тотъ, наконецъ, что вы, изобразивъ вообще правильно недостатки нашей физической жизни, не доказали, однако, ихъ зависимости именно отъ системы питанія и не желаете даже принять въ расчетъ того обстоятельства, что пытающіеся по нашему люди не оказываются ни долговѣчнѣе, ни сильнѣе, ни красивѣе, ни здоровѣе насть, что является уже прямой насыпкой надъ эмпирическимъ методомъ“.

Такъ, полагаю я, отвѣтилъ бы защитникъ традиціонной системы питанія, и его выводъ былъ бы, разумѣется, неоспоримъ; теперь перехожу къ себѣ. Вы требуете, чтобы я указалъ вамъ, въ чёмъ состоитъ образовательное значеніе античности: я же, первымъ дѣломъ, отвѣчу вопросомъ, обнаружила ли психологія во всѣхъ его деталяхъ процессъ умственного пищеваренія, и существуетъ ли такая органическая химія, которая была бы примѣнима къ умственной пищѣ, допуская ея качественный и количественный анализъ? Если же вы должны сознаться, что науки, которыя я имѣю въ виду, суть науки

будущаго, извѣстныя намъ въ настоящее время лишь въ своихъ началахъ, то вы этимъ самыи даете мнѣ право отвѣтить вамъ сглѣдующее: „Въ чёмъ состоитъ образовательное значеніе античности— этого я не знаю; но фактъ тотъ, что классическая система воспитанія существуетъ испоконъ вѣка, что за времія своего существованія она охватила всѣ народы такъ называемой европейской культуры, которые лишь со времіемъ ея принятія и сдѣлались цивилизованными народами; фактъ тотъ, далѣе, что если изобразить, какъ это дѣлаютъ метеорологи, кривую линіей колебанія классической системы образованія въ различныхъ государствахъ за весь періодъ ихъ существованія, то эта кривая будетъ выражать, вмѣстѣ съ тѣмъ, и колебанія умственной культуры въ тѣхъ же государствахъ, ясно доказывая этимъ тѣсную зависимость общей культурности страны отъ уровня ея классического образования; фактъ тотъ, въ-третьихъ, что въ настоящее время культурная сила народа тѣмъ значительнѣе, чѣмъ серьезиѣ въ немъ поставлено классическое образование, между тѣмъ какъ народы, лишенные его (напр., испанцы), не играютъ никакой роли въ мірѣ идей, несмотря на свою численность и славу своего прошлаго; фактъ тотъ, затѣмъ, что и у насъ въ Россіи ударъ, нанесенный классическому образованію въ гимназіяхъ реформою 1890 г., имѣль послѣдствіемъ общее паденіе уровня образования кончающей гимназію молодежи, удостовѣренное отзывами самихъ противниковъ классической системы; фактъ тотъ, наконецъ, что тѣ, кто рисуетъ такую мрачную картину недостатковъ нашей гимназіи, не доказали, однако, зависимости этихъ недостатковъ отъ классического образования и упорно отказываются принять въ разсчетъ то обстоятельство, что воспитывающіеся въ неклассической средней школѣ ученики оказываются страдающими тѣми же недостатками.

Выводъ отсюда неоспоримый: въ интересахъ умственной культуры русскаго народа мы должны желать возможно высокаго уровня классического образования въ нашихъ гимназіяхъ независимо отъ того, удастся ли намъ дать удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ объ образовательномъ значеніи античности или нѣтъ.

А теперь, прежде чѣмъ идти дальше, оглянемся назадъ. На основаніи культурно-историческихъ соображеній мы вывели заключеніе, что античность представляетъ изъ себя нормальную пищу развивающихся поколѣній. Это заключеніе я называлъ неоспоримымъ; дѣйствительно, человѣкъ, привыкшій взвѣшивать то, что онъ говоритъ, и подчинять въ научныхъ вопросахъ (а съ таковыми мы имѣемъ дѣло и

здесь) свои чувства своему разуму, обязательно признает его таковымъ. Но, къ сожалѣнію, такие люди составляютъ рѣдкость; люди обыкновенного типа, наоборотъ, свой разумъ подчиняютъ своимъ чувствамъ: если то, что имъ доказываютъ, имъ не нравится, они стараются отыскать въ вашихъ словахъ какую-нибудь запѣлку для возраженія, и если имъ удалось сказать нѣчто, имѣющее хоть виѣшие подобіе логического разсужденія, то они говорятъ, а часто и воображаютъ сами, что они вѣсть опровергли. Такія опроверженія, конечно, предусмотрѣть невозможно: путь истины вездѣ одинъ, но путей заблужденія безчисленное множество. Все же, будучи знакомъ со многимъ изъ того, что писалось по вопросу о средней школѣ, я могу себѣ представить, что въ моихъ словахъ противники найдутъ двѣ запѣлки.

Первая запѣлка. Я сказалъ только что: „въ интересахъ умственной культуры русского народа...“, принимая за несомнѣнное, что выводы, добытые на основаніи культурныхъ колебаній во всей Европѣ, примѣнимы также и къ Россіи. Правильно ли это? Въ числѣ моихъ противниковъ не мало такихъ, которые этого сближенія не признаютъ: „классическая школа“, говорятъ они, „не имѣть опоры въ исторіи Россія“. Упразднивъ на этомъ основаніи классическую школу, они затѣмъ предлагаютъ проекты собственной школы, относительно которой они, однако, исправно забываютъ ставить вопросъ, имѣеть ли она опору въ исторіи Россіи или нѣтъ. Въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ такъ: классическая школа имѣть, это правда, слабую опору въ исторіи Россіи, но всѣ остальные типы школъ, существующіе и предполагаемые, не имѣютъ никакой. Но для настѣнко все не это важно, а вотъ что: Россія долгое время не имѣла классической школы—но за все это время она и не была культурной страной; она стала таковой лишь съ тѣхъ поръ, какъ завела у себя классическую школу. Это фактъ, и притомъ фактъ, вполнѣ подтверждающій нашъ выводъ.

Второе возраженіе параллельно первому, относясь къ нему, какъ время къ пространству: противники этого лагеря стараются создать для современности такое же исключительное положеніе, какъ тѣ для Россіи. Античность, говорятъ они, прежде дѣйствительно составляла важный предметъ обученія, такъ какъ было чему у нея поучиться; но теперь мы ее настолько опередили, что учиться намъ у нея болѣе нечему. Этихъ противниковъ очень легко опровергнуть: для этого имъ стоить задать вопросъ, когда именно мы опередили античность—этого они не знаютъ. Дѣло же обстоитъ слѣдующимъ образомъ. Классическое образованіе, какъ мы уже видѣли, есть дѣло соціоло-

гического подбора; дѣйствіе же этого подбора опредѣляется таъ называемой „гетерогеніей цѣлѣй“, т.-е. несоотвѣтствіемъ дѣйствительной, несознаваемой цѣли — кажущейся и сознаваемой. Такъ, кажущаяся и сознаваемая пчелой цѣль, заманивающая ее во внутреннюю часть цвѣтка — это возможность полакомиться его сладкимъ сокомъ; дѣйствительная же и несознаваемая ею цѣль — растормошить тычинки цвѣтка и этимъ произвести его оплодотвореніе. То же самое и здѣсь. Дѣйствительная цѣль соціологическаго подбора (вы, конечно, понимаете, что я употребляю слово „цѣль“ здѣсь въ томъ условномъ смыслѣ, въ которомъ его вообще признаетъ современная біология) — итакъ, его дѣйствительная цѣль при сохраненіи классическаго образования была во всѣ времена одна и та же: умственное и нравственное совершенствованіе человѣчества; кажущаяся же и сознаваемая обществоомъ цѣли были другія, въ различныя времена различныя, при чемъ интересно прослѣдить, 1) какъ каждый разъ съ отживаніемъ, такъ сказать, одной кажущейся цѣли выдвигается на ея мѣсто другой, и 2) какъ тѣ народы, которые, принимая кажущуюся цѣль за дѣйствительную, стремились къ ней не по тому пути, который имъ предна-
черталъ законъ подбора, а по другому, болѣе краткому и удобному, были за это умничанье жестоко наказаны исторіей — точно такъ же, какъ это наблюдается и въ біологии. — Прежде всего, еще въ ранній періодъ среднихъ вѣковъ кажущейся цѣлью классическаго образования было усвоеніе Священнаго Писанія и літургіи, затѣмъ твореній отцовъ церкви и житій святыхъ и т. д. Конечно, для этого бытъ другой способъ, болѣе простой и удобный — переводъ всего этого на родной языкъ; такъ поступали народы востока, а на западѣ готы, и по-
следствіемъ было то, что они остались въ сторонѣ отъ культурнаго движенія. Затѣмъ, во вторую половину средневѣковья эта цѣль отошла на задний планъ, выдвинулась вторая: усвоеніе античной науки, изложенной, разумѣется, на древнихъ языкахъ. И здѣсь къ услугамъ желающихъ былъ другой путь, болѣе краткій и удобный: перевести научные сочиненія древнихъ на свой, родной языкъ. Этимъ путемъ воспользовались арабы, и результатомъ было, послѣ краткаго расцвѣта, быстрое и окончательное уничтоженіе мусульманской культуры — вполнѣ естественно, такъ какъ арабы пересадили къ себѣ одни только цветы античности, оторвавъ ихъ отъ ихъ корней, древнихъ языковъ. Даѣше, къ исходу среднихъ вѣковъ и эта цѣль отошла на задний планъ: усвоивъ античную науку, новая Европа ее превзошла.... Дѣйствительно, на поставленный выше вопросъ, когда мы опередили антич-

ность въ области науки, придется отвѣтить: уже въ средніе вѣка; тогда были открыты неизвѣстныя или почти неизвѣстныя древнимъ науки, какъ алгебра, тригонометрія, химія и др., а извѣстныя были подняты на болѣе высокую ступень. Казалось бы, можно съ античностью и покончить; и дѣйствительно, классическое образованіе стало въ XIV вѣкѣ приходить въ упадокъ. Но именно въ этомъ вѣкѣ оно быстро и ярко расцвѣло вновь—наступилъ періодъ Возрожденія. Было открыто античное искусство, не только изобразительное (архитектура, ваяніе, живопись), но и искусство рѣчи; латинскому языку стали учиться ради его формальныхъ красотъ, стали ихъ воспроизводить и въ прозѣ, и въ стихахъ; это—такъ называемое старогуманистическое направление. Вторично латинскій языкъ сталъ языкомъ-воспитателемъ языковъ новой Европы; результатомъ этого воспитанія были современные языки съ ихъ гибкостью и силой, съ ихъ художественной прозой и художественной поэзіей. Но вотъ этотъ результатъ былъ достигнутъ; казалось бы, можно сдѣлать античность въ архивъ. Но вѣтъ: едва только эта цѣль стала отступать на задній планъ, какъ на смѣну ей явилась новая, числомъ четвертая, преходящая цѣль. Былъ открытъ интеллектуалистический характеръ древней литературы, вѣнцомъ котораго была древняя философія: какъ раньше учились по латыни, чтобы хорошо говорить и писать, такъ теперь стали ей учиться, чтобы хорошо мыслить и разсуждать, pour bien raisonner. Таковъ былъ девизъ „просвѣтительной“ эпохи, начавшейся въ Англіи 17 в., продолжавшійся во Франціи 18 в. и отразившейся на культурѣ прочей Европы того времени, эпохи Ньютона, Вольтера, Фридриха Великаго. Но уже въ томъ же XVIII в. односторонній интеллектуализмъ просвѣтительной эпохи вызывалъ реакцію, начавшуюся въ Англіи и Франціи (Руссо) и достигшую особенной силы въ Германіи Винкельмана и Гете; лозунгомъ стало гармоническое развитіе человѣка въ указаніи природой направлений—и средствомъ къ достижению этого идеала стала опять античность, за изученіе которой въ гимназіяхъ принялись съ особенной силой. Это было неогуманистическое направление; тогда впервые греческій языкъ и греческая литература заняли мѣсто наравнѣ съ латинскими, такъ какъ дѣятели этой эпохи совершенно основательно полагали, что къ идеалу греческая жизнь стоитъ ближе, чѣмъ римская.—Теперь опять настало переходное время, и уже ясно обрисовывается новая точка зрѣнія, которая обусловитъ изученіе античности въ наступающемъ столѣтіи: развитіе естественныхъ наукъ выдвинуло принципъ эволюціонизма, античность стала намъ вдвойнѣ до-

рога, какъ родоначальница всѣхъ безъ исключенія идей, которыми мы живемъ понынѣ. И вотъ мы видимъ, какъ и въ вопросахъ классическаго образованія гуманизмъ борется съ историзмомъ, причемъ послѣдній, повидимому, беретъ верхъ. Конечно, мы къ этой въ высшей степени важной точкѣ зрѣнія еще вернемся; теперь же достаточно будетъ удостовѣрить, что это—числомъ уже шестая сознаваемая точка зрѣнія на важность изученія античности, явившаяся какъ разъ во время на смѣну пятой, неогуманистической.

И любопытно прослѣдить, какъ съ измѣненіемъ взгляда на цѣль изученія античности происходитъ измѣненіе также и метода ея изученія; я этого подробнѣ развить не могу, ограничившись указаниемъ на самую осознательную метаморфозу,—на первенствующихъ въ каждомъ данномъ случаѣ авторовъ. Первый періодъ—изученія латыни ради спасенія души—естественно ставилъ въ центръ преподаванія христіанскія сочиненія; второй, научный, такъ сказать, періодъ—соответственныя руководства, латинскаго Аристотеля и таکъ называемыя *artes*, т.-е. учебники математики, астрономіи, затѣмъ медицины, права и т. д.; третій, старогуманистический—Цицерона, какъ мастера латинской рѣчи; четвертый, просвѣтительный, тоже Цицерона, но уже Цицерона-философа; пятый, неогуманистический—Гомера, трагиковъ, Горация. Его традиціями мы живемъ и понынѣ, но уже нарождается потребность создать такую выборку изъ античной литературы, которая представила бы ученикамъ античность именно, какъ родоначальницу нашихъ идей; не такъ давно въ Германіи Виламовицъ попытался удовлетворить этой потребности составленіемъ греческой „книги для чтенія“, въ высшей степени заинтересовавшей тамъ весь педагогіческій міръ. Нѣть сомнѣнія, что со временемъ это движеніе коснется и насъ; очень вѣроятно, что о чёмъ была бы рѣчь уже теперь, если бы не школьная смута, въ которой мы живемъ.

Какъ бы то ни было, таково чередованіе преходящихъ точекъ зрѣнія на античность въ различные періоды исторіи нашей культуры; и таковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, нашъ отвѣтъ на невѣжественное возраженіе, будто теперь намъ у античности учиться нечemu, такъ какъ мы ее опередили, и на не менѣе невѣжественный упрекъ, будто классическая школа неподвижна и не прогрессируетъ со временемъ. Но, повторю, то были все преходящія цѣли, тѣ, которыя сознавались обществомъ въ каждую изъ упомянутыхъ эпохъ, тѣ, въ которыхъ общество отдавало отчетъ себѣ и намъ; несознаваемой и въ то же время наиболѣе важной цѣлью была та, которая вообще преслѣдуется всякимъ

подборомъ: совершенствование человѣчества, — въ данномъ случаѣ, конечно, его культурное, т.-е. умственное и нравственное совершенствование... Слѣшь тутъ оговориться, чтобы не подать повода къ недоразумѣніямъ; дѣйствительно, можетъ показаться страннымъ, что я, указывая вамъ цѣль классического образования, называю эту цѣль въ то же время „несознаваемой“; да развѣ можно сознавать несознаваемое? Нѣтъ, конечно; но знать несознаваемое можно — этому учить методъ современной биологии, который одинаково примѣнимъ и къ жизни единицъ, и къ жизни народовъ и человѣчества — и къ онтогеніи, и къ филогеніи.

Но, спрашивается, какимъ же образомъ достигается умственное и нравственное совершенствование человѣчества путемъ классического образования? Этотъ вопросъ самъ собою сводится къ другому вопросу: въ чёмъ же заключается образовательное значеніе античности? Его мы поставили еще раньше, и прежде чѣмъ отвѣтить на него, я вамъ доказалъ, что каковъ бы ни былъ нашъ отвѣтъ — удачный или неудачный — самый фактъ образовательного значенія античности остается фактомъ, будучи добыть совершенно независимо отъ этого отвѣта, путемъ культурно-историческихъ соображений. Эту оговорку я прошу васъ твердо запомнить — я придаю ей огромное значеніе; такъ точно вѣдь и фактъ питательного значенія хлѣба былъ фактъ много раньше, чѣмъ физіология и органическая химія доказали его намъ вполнѣ нагляднымъ образомъ. Что такое физіология, въ данномъ случаѣ? Анализъ воспринимающаго организма. А что такое химія? Анализъ воспринимаемаго вещества. Переходимъ отъ тѣла къ душѣ, отъ питанія къ образованію, отъ хлѣба къ античности; существуютъ ли здѣсь науки, параллельныя физіологии и органической химії, т. е. учащія нась производить анализъ и воспринимающему организму, и воспринимаемому веществу? Посмотримъ. Воспринимающій организмъ — это, въ данномъ случаѣ, человѣческий умъ; анализъ ума составляетъ содержаніе психологіи, а эта наука существуетъ еще только въ зародышевомъ видѣ. Она не можетъ еще отвѣтить на всѣ вопросы, съ которыми къ ней обращаются... положимъ, и физіология этого не можетъ, все же она гораздо болѣе изслѣдована, много старше и годами, и опытомъ, чѣмъ та. Затѣмъ — анализъ воспринимаемаго вещества, т. е. античности; самъ по себѣ оғь не очень труденъ, но вѣдь здѣсь требуется изученіе ея элементовъ въ ихъ дѣйствіи на психологическую натуру человѣка, т. е. своего рода психологическое науковѣдѣніе... тутъ уже самое сочетаніе словъ вамъ доказывается, что со-

ответственной науки еще не существует. Итакъ, господа, не будьте слишкомъ требовательны. Я обѣщалъ дать вамъ отвѣтъ на поставленный вопросъ и дамъ его, поскольку этотъ отвѣтъ возможенъ по нынѣшнему состоянию психологическихъ наукъ;—хотя это, повторю, науки будущаго, все же кое-что въ нихъ установлено довольно прочно, методъ опредѣляется все точнѣе и точнѣе, и мы видимъ, по крайней мѣрѣ, какъ и въ какомъ направлениіи искать отвѣтовъ на тревожащіе насъ вопросы. Кое-что я смогу вамъ сказать, да—но при всемъ томъ прошу васъ помнить, что это будетъ лишь предварительный отвѣтъ, и что наши потомки дадутъ его въ гораздо болѣе полной и убѣдительной формѣ. Но, прежде чѣмъ исполнить это свое обѣщаніе, я долженъ васъ просить выслушать нѣсколько замѣчаній, касающихся самого смысла слова „образовательное значеніе“. Я не желаю, чтобы вы что бы то ни было принимали отъ меня безъ надлежащаго, такъ сказать, таможенного осмотра; онъ насъ задержитъ на нѣсколько минутъ, но за то потомъ довѣрія будетъ больше.

Итакъ, ставлю вопросъ: какъ понимать слово „образовательное значеніе“?

Начнемъ съ самого конкретнаго. У отца, столяра, есть сынъ; его онъ хочетъ обучить своему, столярному ремеслу. Тутъ дѣло обстоитъ просто, для всѣхъ понятно: школа непосредственно готовить къ жизни, всѣ приемы, усваиваемые мальчикомъ, пригодятся ему именно въ этомъ видѣ въ его будущей дѣятельности. Мы можемъ себѣ прекрасно представить столярную школу — это будетъ одна изъ такъ называемыхъ профессиональныхъ школъ. Имѣеть ли она право на существование? Безусловно да, если допустить, что столь раннее опредѣленіе призыва мальчика вообще возможно или желательно. Но возможно ли распространеніе принципа профессионального утилитаризма также и на область умственнаго труда? Отчасти да, какъ это вамъ доказываютъ духовныя семинарии, военные училища и иѣкоторые другие такие же типы среднихъ школъ; но именно только отчасти. Для большинства относящихся сюда профессий такихъ школъ не существуетъ, да и только что упомянутая чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе стремится оставить свой узко-профессиональный характеръ и усилить на его счетъ свой характеръ какъ общеобразовательные заведенія, и вообще замѣчается потребность въ такихъ школахъ, которые не предрѣшали бы будущей профессии учениковъ. Но какъ такія школы устроить съ тѣмъ, чтобы онъ, тѣмъ не менѣе, готовили къ жизни, т. е. къ будущей профессии учениковъ? — Вотъ это-то и есть та педагогическая

квадратура круга, надъ рѣшеніемъ которой современное общество бьется съ такимъ же успѣхомъ, какъ раньше надъ знаменитой, геометрической.

Укажу вамъ нѣкоторые изъ путей къ ея рѣшенію, представляющиx уму неподготовленного человѣка.

Первый путь. Требуется школа, которая готовила бы будущихъ юристовъ, медиковъ, натуралистовъ, математиковъ, техниковъ, филологовъ и т. д. Прекрасно; пусть же въ ея программу войдутъ тѣ предметы, которые являются общими для всѣхъ этихъ областей дѣятельности.—Неправильность этого рѣшенія очевидна: вѣдь въ томъ-то и дѣло, что такихъ предметовъ нѣтъ или почти нѣтъ. Сравните обозрѣніе преподаванія на юридическомъ и на естественномъ факультетахъ, въ историко-филологическомъ и въ технологическомъ институтахъ—и вы въ этомъ убѣдитесь.

Второй путь. Возьмите по равной порціи изъ числа юридическихъ, медицинскихъ, физико-математическихъ, историко-филологическихъ и другихъ предметовъ и составьте изъ нихъ программу средней школы. Нѣкоторые, дѣйствительно, такъ полагаютъ; тѣмъ не менѣе, это явная несообразность. Во-первыхъ, получится ошеломляющая и притупляющая многопредметность; а во-вторыхъ, принципъ утилитаризма все-таки не будетъ соблюденъ, такъ какъ каждому ученику въ отдельности такая школа дастъ не болѣе $\frac{1}{10}$ того, что ему нужно. Теперь спрашивается: какая же это школа, которая на $\frac{1}{10}$ полезнаго учебного материала содержитъ $\frac{9}{10}$ балласта?

Третій путь. Въ виду несостоительности первыхъ двухъ рѣшеній предлагается оставить въ сторонѣ будущую дѣятельность питомцевъ средней школы и требовать отъ послѣдней только того, чтобы она выпускала образованныхъ людей. Это значитъ: устраивается профессионально-утилитарный принципъ, вводится принципъ образовательный. Прекрасно; но что же это такое: образованный человѣкъ? Опредѣлить это можно: вѣдь есть же образованные люди. Итакъ, что нужно знать для того, чтобы быть образованнымъ человѣкомъ? Одинъ изъ публицистовъ, подвизающихся на педагогическомъ поприщѣ, предложилъ для рѣшенія этого вопроса радикальную мѣру. А именно: путемъ опроса (т. е. экзамена) образованныхъ людей установить уровень знаний, необходимый для образованного человѣка, и эти-то знанія сдѣлать предметомъ школьнаго преподаванія. Этую мѣру стоило бы осуществить: выводъ получился бы утѣшительный. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, если бы оказалось, что иной чудакъ можетъ назвать 30 пата-

гоянскихъ деревень, то это его личное дѣло; въ программу мы включили бы только то, что все образованное общество, или его большинство знаетъ о Патагоніи—т. е. ничего. И такъ по всѣмъ предметамъ; въ результатѣ бы вышло: по арифметикѣ—четыре дѣйствія надъ цѣлыми числами съ общимъ понятіемъ о дробяхъ, по геометріи—общія представлениія о фигурахъ и тѣлахъ, по алгебрѣ—ничего и т. д.; въ общей сложности—программа, для прохожденія которой вполнѣ достаточно одного или двухъ гимназическихъ классовъ.

Очевидно, и этотъ путь не ведеть къ цѣли. Въ чемъ же заключается наша ошибка? Въ томъ, что мы образование ставимъ въ зависимость отъ наличности знаній. Знанія забываются, но образованность не утрачивается—образованный человѣкъ, даже забывъ все, чemu онъ учился, остается образованнымъ человѣкомъ. Этимъ я во все не намѣренъ уменьшить значеніе знаній; совершенно напротивъ—человѣкъ постольку годенъ, поскольку онъ что-нибудь знаетъ. Но, господа, различнымъ людямъ нужны различные знанія; это и теперь такъ и подавно будетъ такъ въ будущемъ—знанія, вѣдь, чѣмъ дальше, тѣмъ больше специализируются. Объемъ одинаково нужныхъ всѣмъ людямъ, или даже всѣмъ интеллигентнымъ людямъ знаній и теперь уже очень невеликъ, и будетъ еще уменьшаться съ каждымъ поколѣніемъ, соответственно росту и, стало быть, специализаціи самихъ знаній; на немъ, значитъ, строить программу средней школы нельзя. А между тѣмъ, средняя школа для всѣхъ будущихъ интеллигентовъ должна дать именно то, что одинаково пригодится имъ всѣмъ; въ этомъ весь ея смыслъ. Что же это будетъ? Это будетъ, разумѣется, такая подготовка ума, которая приспособитъ его съ наименьшей затратой силъ и времени и съ наибольшей пользой воспринимать тѣ знанія, которыя ему понадобятся впослѣдствіи. Истина старая, избогтая, если хотите, но никѣмъ не опровергнутая и неопровергимая.

Если бы моей задачей было составлять программу средней школы, то я, на основаніи сказанного, сталъ бы вамъ доказывать, что она должна обнимать: 1) предметы общаго знанія и 2) предметы общаго образования, съ преобладаніемъ, разумѣется, послѣдней группы, и что къ этой группѣ должны принадлежать науки математическія, физическія и филологическія—соответственно тремъ методамъ человѣческаго мышенія: дедуктивному, индуктивно-экспериментальному и индуктивно-наблюдательному. Но, какъ я сказаль вначалѣ, моя задача єще: я намѣренъ говорить объ образовательномъ значеніи только моего предмета, т. е. античности. Впрочемъ, и тутъ я дол-

жень принять мѣры къ тому, чтобы вы не взвалили на меня большей ответственности, чѣмъ какую я хочу и могу взять на себя. Я знаю, многие ораторы и публицисты доказываютъ вамъ, что вы совершенно напрасно потеряли то время, которое у васъ пошло на изученіе древнихъ языковъ, и вы имъ рукоплещете; я, со своей стороны, намѣренъ вамъ доказать, что вы этого времени не потеряли даромъ, даже рискуя сказать вамъ это чѣмъ непрѣятное. Но, господа, довольно съ меня одного этого риска; за весь тотъ кругъ представлений и чувствъ, который вы, вѣроятно, соединяете съ понятіями „классицизмъ“ и „классическая школа“, я ответственности на себя брать не хочу. Я прекрасно знаю, что наша классическая школа страдаетъ многими недостатками — эти недостатки мѣстами больше, мѣстами меньше, въ зависимости отъ состава учащихъ и учащихся (а этотъ элементъ гораздо важнѣе всякихъ программъ и инструкцій); но я знаю также, что если въ Турціи санитарное дѣло плохо поставлено, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы медицина никуда не годилась. Итакъ, моя задача выяснить вамъ не превосходство той или другой гимназіи, а, согласно сказанному, образовательное значеніе античности при такой постановкѣ ея преподаванія, которую я считаю желательной и, на основаніи собственного и чужого опыта, возможной. Къ решенію этой задачи я и приступаю теперь; все сказанное до сихъ порь имѣло цѣлью лишь выясненіе ея смысла и расчистку почвы. Возможно, что я на это употребилъ слишкомъ много времени, слишкомъ мало полагался на ваше собственное вниманіе, сообразительность и беспристрастіе. Въ этомъ случаѣ прошу меня простить; я проученъ горькимъ опытомъ, притомъ на людяхъ, отъ которыхъ съ гораздо большимъ правомъ можно было требовать всѣхъ этихъ прекрасныхъ качествъ, чѣмъ отъ васъ.

Лекція друга.

Первый антитеза: продолжение.—Составь школьной античности.—Древние языки какъ таковые.—Ассоциационный и апперцепционный методы усвоения языковъ.—Относительная цѣнность чужого языка какъ дополненія къ родному.—Абсолютная его цѣнность какъ пищи для ума.—Прозрачность правописанія.—Прозрачность флексій.—Исключения.—Закономѣрность лингвистическихъ явленій.

Древній міръ—какъ показываетъ самое слово—представляетъ изъ себя въ высшей степени широкую, богатую и разнообразную область знаний; это дѣйствительно своеобразный и законченный въ себѣ «міръ»,

но притомъ такой, съ которымъ нашъ современный міръ соединенъ тысячью, большою частью несознаваемыемъ, нитей. Изслѣдованіе этого мира, использование его идей для обогащенія умственной и нравственной культуры современности—а первое безъ послѣдняго бесполезно,—составляетъ завидную задачу той семьи ученыхъ, къ которой я имѣю честь и счастье принадлежать; ученикамъ гимназій онъ лѣтается извѣстнымъ лишь въ очень небольшой своей части, путемъ тѣхъ своихъ элементовъ, которые входятъ въ составъ такъ называемаго классического образования. Эти элементы суть слѣдующіе: во-первыхъ, система обоихъ древнихъ языковъ съ ея тремя составными частями, этимологіей, семасіологіей (*vulgo „слова“*) и синтаксисомъ; во-вторыхъ, избранныя части лучшихъ произведений древнихъ литературъ, читаемыя и толкуемыя въ подлинникахъ; въ-третьихъ, ознакомленіе съ различными сторонами античности путемъ прохожденія древней исторіи, а также и чтенія образцовъ въ переводѣ, рассказовъ о жизни древнихъ, маленькихъ вступительныхъ лекцій о древней философіи, литературѣ, государственномъ и уголовномъ правѣ, объясненія памятниковъ искусства, рекомендаций хорошихъ новыхъ романовъ изъ жизни древнихъ, а гдѣ возможно—и курсорного чтенія цѣлыхъ произведеній на дому и т. д. Съ этихъ трехъ элементовъ мы и должны начать.

Итакъ, во-первыхъ: въ чёмъ состоится образовательное значеніе древнихъ языковъ какъ таковыхъ?

Прежде всего, въ методѣ ихъ усвоенія. Есть, вообще говоря, два метода усвоенія языка, и эти два метода соответствуютъ обѣимъ кореннымъ функциямъ нашего ума... я вѣдь предупреждалъ, господа, въ прошлой лекціи, что наука объ умственномъ, такъ сказать, пищевареніи, которая одна только и можетъ иамъ отвѣтить на вопросъ объ образовательномъ значеніи того или другого предмета, называется психологіей; естественно, поэтому, что теперь мы прибѣгаемъ къ ея услугамъ. Тѣ двѣ коренные функции, о которыхъ я говорю, называются въ современной психологіи, одна—ассоціаціей, другая—аперцепціей; обѣ имѣютъ цѣлью восприниманіе и воспроизведеніе умственнымъ организмомъ предлагаемой ему пищи, но одна сопровождается большими, другая меньшими участіемъ вниманія. Если какое-нибудь слово, невольно услышанное мною при извѣстной обстановкѣ, само собою возникаетъ въ моей памяти при повтореніи самой обстановки, то мы приписываемъ это дѣйствію ассоціаціи; если же въ обоихъ случаяхъ—и при запоминаніи, и при воспроизведеніи—потребовалось усиліе вниманія, то мы соответственную функцию нашего ума называемъ аперцепціей.

шій. Теперь приложимъ сказанное къ изученію языковъ. Ассоціаціоннымъ путемъ, т. е. при пассивномъ состояніи вниманія, усвоивается прежде всего родной языкъ; достигается этимъ чисто ремесленная, такъ сказать, споровка, въ силу которой человѣкъ легко владѣеть и распоряжается всѣми этимологическими, семасиологическими и синтаксическими сокровищами языка, не будучи, однако, въ состояніи отдать себѣ отчетъ въ причинѣ, почему онъ ими распоряжается именно такъ,—не зная организма своего языка. Всѣ новые языки усваиваются ассоціаціоннымъ путемъ тѣмъ, для которыхъ они—родные; а въ виду легкости и пригодности этого метода для быстраго овладѣванія языками, ему слѣдуютъ по возможности и иностранцы. Въ послѣднее время ассоціаціонный методъ преподаванія иностранныхъ языковъ проникаетъ и въ школу, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ, подъ какимъ бы то ни было именемъ, овладѣть ею со временемъ вполнѣ—за вычетомъ, конечно, тѣхъ увлечений, которыми онъ пока еще грѣшилъ.

Противоположность къ ассоціаціонному методу составляетъ апперцепціонный. Тутъ мы первымъ дѣломъ изучаемъ организмъ языка, вполнѣ сознательно усваивая его этимологію, семасиологію, синтаксисъ, шагъ за шагомъ учась понимать и образовывать сначала простыя предложения, затѣмъ все болѣе и болѣе сложныя, наконецъ, періоды и соединенія таковыхъ. Достигается этимъ путемъ не ремесленная споровка, а научное пониманіе языка: человѣкъ раньше усвоить, напримѣръ, правило о чередованіи временъ, чѣмъ станетъ бѣгло и безошибочно употреблять въ каждомъ данномъ случаѣ требуемое время. А если такъ, то понятно, что все, что намъ говорять о пользѣ изученія языка, относится только къ апперцепціонному методу: наглядными примѣромъ безполезности (для умственнаго развитія) ассоціаціонного метода являются кельнера иностранныхъ отелей, бѣгло говорящіе на нѣсколькихъ языкахъ, которые они усвоили именно ассоціаціоннымъ путемъ.—Теперь мы видѣли, что родной языкъ усваивается исключительно путемъ ассоціаціи—для него апперцепціонный методъ прямо невозможенъ, такъ какъ онъ усваивается въ такомъ возрастѣ, когда умъ еще не способенъ къ апперцепціонному изученію чего бы то ни было. Мы видѣли, далѣе, что новые иностранные языки, для которыхъ апперцепціонный методъ самъ по себѣ возможенъ, тѣмъ не менѣе чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе отходить въ область ассоціаціонного метода, которому они со временемъ подпадутъ цѣликомъ. Этого движенія намъ никакимъ образомъ не задержать, такъ какъ главная цѣль изученія новыхъ иностранныхъ языковъ, умѣніе бѣгло говорить или хоть чи-

тать на нихъ, несомнѣнно быстрѣе и легче достигается при помощи ассоціаціоннаго метода. Такимъ образомъ все, что нами говорится о пользѣ изученія языковъ, относится исключительно къ изученію языковъ древнихъ.

Прежде чѣмъ идти дальше, установимъ объемъ того, что пока доказано. Доказана польза, для умственнаго развитія, изученія древнихъ языковъ вообще; не доказано, что этими языками должны быть именно греческій и латинскій; не доказано, что оба они, а не какой-нибудь одинъ. Но первое возраженіе не заслуживаетъ вниманія, хоть слышать его приходится, къ сожалѣнію, нерѣдко: кто рекомендуется для введенія въ гимназіи вмѣсто греческаго и латинскаго языка древнееврѣйскій или санскритскій, тогдѣ доказываетъ этимъ, во-первыхъ, что онъ ни о томъ, ни о другомъ не имѣть никакого представленія, а во-вторыхъ—слабость такого рода суррогатовъ состоитъ именно въ томъ, что каждый изъ нихъ оказывается до извѣстной степени пригоднымъ лишь по одному изъ тѣхъ пунктовъ, по которымъ мы рассматриваемъ пользу античныхъ языковъ, такъ что если все суррогаты сложить вмѣстѣ, чтобы создать эквивалентъ по всѣмъ пунктамъ, то эта сумма окажется и много труднѣе, чѣмъ античные языки, и дающей, вмѣсто гармоничнаго цѣлаго, беспорядочный хаосъ разрозненныхъ, не служащихъ поддержкой другъ другу знаній.—Второе возраженіе, что сказаннымъ пока не доказана необходимость изученія обоихъ древнихъ языковъ, справедливо, но именно только пока.

Теперь идемъ дальше. Само собою разумѣется, что наиболѣе плодотворными и благодарными для апперцепціоннаго усвоенія должны считаться тѣ языки, которые 1) въ своемъ организмѣ даютъ наиболѣе пищи уму, и 2) по своимъ психологическимъ свойствамъ являются наиболѣе желательнымъ дополненіемъ къ родному языку. Начнемъ со второй стороны....

Опять-таки повторяю, господа, вы предупреждены: физіология въ области умственности соответствуетъ психологія, органической же химії то, что я назвать выше психологическимъ науковѣдѣніемъ; съ помощью этихъ двухъ наукъ намъ удастся когда нибудь анализировать вполнѣ точно то, что я непоэтично, но правильно называлъ умственнымъ пищевареніемъ. Образчикъ психологіи въ примѣненіи къ нашей темѣ я привѣль вамъ выше, говоря вамъ объ ассоціаціи и апперцепції; теперь я долженъ привести образчикъ психологическаго науковѣдѣнія въ примѣненіи къ лингвистикѣ. Мы различаемъ въ языкахъ двоякаго рода элементы: во-первыхъ, элементы, выражающіе

видимость и вообще предметы непосредственныхъ ощущений; во-вторыхъ, элементы, выражаютшіе результаты рефлексіи. Первые мы называемъ сенсуалистическими, вторые—интеллектуалистическими элементами; эта дистинкція, какъ вы увидите, соприкасается съ различіемъ между вещественными и отвлечеными элементами, но не вполнѣ съ ними совпадаетъ. Смотря по преобладанію тѣхъ или другихъ элементовъ въ языкахъ мы и языки разбиваемъ на тѣ же группы, т. е. одни языки называемъ сенсуалистическими, а другие интеллектуалистическими. Если теперь, сообразуясь съ этой точкой зренія, составить табель близкихъ намъ языковъ въ видѣ прогрессіи, въ которой первымъ членомъ былъ бы языкъ наиболѣе интеллектуалистический и наименѣе сенсуалистический, а послѣднимъ—языкъ наименѣе интеллектуалистический и наиболѣе сенсуалистический, то на обоихъ концахъ этой прогрессіи оказались бы — языки латинскій на одномъ и русскій на другомъ. Особенно разительно это различіе сказалось на системѣ спряженія. Дѣйствительно, наиболѣе яркимъ выразителемъ сенсуалистического характера языка является, такъ называемый, видъ глагола, передающій непосредственное впечатлѣніе, воспринимаемое органами внѣшнихъ чувствъ; напротивъ, выразителями интеллектуалистического характера языка будутъ съ одной стороны времена, съ другой — наклоненія. Времена — порожденія сортирующей памяти и рефлексіи; память хранить образы событий въ ихъ правильной исторической перспективѣ, процируя ихъ не на одинъ общий фонъ, а на разные, въ соответствии съ ихъ послѣдовательностью; рефлексія создаетъ такія же, такъ сказать, кулисы и для ожидаемыхъ событий въ будущемъ. Вспомните, если кому приходилось переводить по латыни предложенія въ родѣ слѣдующаго: „когда ты ко мнѣ придешь, мы погуляемъ“: вѣдь „придешь“ по латыни „venies“ — такъ и хочется русскому человѣку поставить „cum ad me venies, ambulabimus“, а это будетъ неправильно. Приходъ, вѣдь, предшествуетъ прогулкѣ, это два различныхъ фона въ будущемъ; вы должны, беря futurum exactum, сказать: „cum ad me veneris, ambulabimus“. Это различіе — порожденіе рефлексіи; русский языкъ его не выражаетъ, сливая всѣ фоны послѣдовательности на общемъ экранѣ будущности, латинскій же языкъ ихъ выражаетъ и требуетъ отъ васъ, чтобы вы, пользуясь имъ, прибѣгали къ этой рефлексіи.—Еще замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи наклоненія. Они — порожденія той же рефлексіи, не довольствующейся установлениемъ одной только дѣйствительности, засвидѣтельствованной органами внѣшнихъ чувствъ, а тщательно отличающей различные углы

„наклона“ къ дѣйствительности данного дѣйствія, начиная съ его полного совпаденія съ ней, продолжая ожидаемостью, затѣмъ простой возможностью и кончая недѣйствительностью. Времена и наклоненія особенно развиты въ древнихъ языкахъ, притомъ времена въ латинскомъ, наклоненія въ греческомъ—напротивъ, виды въ нихъ слабѣе представлены, особенно въ латинскомъ. Въ русскомъ языкѣ, наоборотъ, времена едва намѣчены, наклоненія вполнѣ отсутствуютъ,—напротивъ, виды получили такое развитіе, какого они не имѣютъ ни въ одномъ другомъ языке. Итакъ, древніе языки—языки преимущественно интеллектуалистические; въ качествѣ таковыхъ они являются наиболѣе желательнымъ дополненіемъ къ преимущественно сенсуалистическому русскому языку.

Тутъ интереснѣе всего то, что наши противники, получивъ нѣкоторое представлѣніе объ указанномъ здѣсь различіи, эксплуатируютъ его въ свою пользу: „латинский языкъ“, говорятъ они, „по своему строю совершенно различенъ отъ русскаго; стало быть, онъ намъ русскимъ и не нуженъ“. Неосновательность этого силлогизма станетъ очевидна, если перенести его на болѣе материальную почву. Представьте себѣ экономиста, который сталъ бы разсуждать такъ: „Россія—преимущественно земледѣльческая страна; стало быть, ввозить въ нее продукты промышленности нечего, слѣдуетъ ввозить хлѣбъ; напротивъ, Англія—страна преимущественно промышленная: она нуждается, поэтому, во ввозѣ мануфактурныхъ изделий, а хлѣба ей не нужно“. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, исторія приходитъ на помощь теоріи, подтверждала ея выводъ: для всѣхъ новыхъ языковъ латинский языкъ былъ языкомъ-воспитателемъ, съ помощью которого они были интеллектуализованы; съ его же помощью они, къ слову сказать, послѣ этой первой школы интеллектуализациіи, прошли, какъ мы видѣли, и вторую, доставившую имъ художественность. Творцомъ нѣмецкой художественной прозы былъ Лессингъ, французской—скорѣе всего Бальзакъ старшій, итальянской—Боккачо; всѣ трое вполнѣ сознательно подражали латинскимъ образцамъ, особенно Цицерону.

Перейдемъ, однако, къ первой сторонѣ интересующаго насъ здѣсь пункта. Я утверждаю, что древніе языки потому должны считаться наиболѣе плодотворными и благодарными материаломъ для апперцепціоннаго усвоенія, что они въ своеі организмы даютъ наиболѣе пиши уму.

Чтобы доказать это, намъ нужно взглянуть нѣсколько внимательнѣе на эту „безплодную степь древнихъ языковъ“, какъ ее называютъ

наши противники. Начинаемъ съ начала. Съ первого же урока ученикъ испытываетъ то удовольствіе, что чтеніе не представляетъ ему никакихъ затрудненій, благодаря строгому, почти полному соотвѣтствію произношенія начертанію, звуковъ буквамъ. Ни въ одномъ новомъ языкѣ это соотвѣтствіе не бываетъ столь полнымъ: уже съ этой одной точки зрѣнія латинскій языкъ заслуживаетъ быть первымъ иностраннымъ языкомъ, преподносимымъ мальчику. Вѣдь гораздо естественнѣе, полагаю я, слово *est* сначала произносить „эсть“, а затѣмъ уже, при прохожденіи французскаго языка, усвоить позднѣйшее, истерпшееся произношеніе „э“,—чѣмъ съ самаго начала учить, что одно и то же слово произносится „э“, но пишется, по непонятнымъ для ученика причинамъ, *est*.

Прежде, однако, чѣмъ идти дальше, спросимъ себя, какую пользу намъ принесла эта прозрачность латинскаго языка, сказывающаяся въ соотвѣтствіи произношенія начертанію. Ту ли только, что на усвоеніе произношенія не потребовалось никакого труда? Нѣть. Я еще намѣренъ въ одной изъ слѣдующихъ лекцій побесѣдовать съ вами о модномъ нынѣ вопросѣ „облегченія“ школьнаго труда и указать вамъ на тѣ серьезныя опасности соціального характера—да, господа, соціального—которыя принесетъ съ собой это облегченіе. Но школьній трудъ бываетъ двухъ родовъ—трудъ образовательный и трудъ необразовательный. Подъ образовательнымъ трудомъ я разумѣю такой, который заставляетъ васъ пускать въ ходъ свою сообразительность, подводя частный случай подъ общее правило; такой трудъ будеть въ то же время и нравственнымъ, такъ какъ онъ учить вѣстъ чувствовать надъ собой власть закона, а не произвола, и ничего не принимать на вѣру безъ достаточнаго основанія. Теперь вспомните тотъ трудъ, котораго вамъ стоило заучиваніе французскаго правописанія въ отличіе отъ произношенія; можно ли его назвать образовательнымъ и нравственнымъ? Почему слово, произносимое какъ „э“, пишется то *et*, то *est*, то *ait* и т. д.? Съ какой стати въ *doigt* „палецъ“ появилась эта непроизносимая и ненужная буква *g*? Отчего *bonneur*, *labeur* пишутся безъ *e* послѣ *r*, а *demeure*, *heure* черезъ *e*? На все это отвѣта нѣть; единственное достаточное основаніе, которое ученикъ можетъ всему этому привести, это: „такъ сказаль учитель“ или „такъ стоитъ въ учебникѣ“. Положимъ, на дѣль всему этому достаточное основаніе есть—но, господа, это основаніе заключается именно въ латинскомъ языкѣ: правописаніе *et*, *est* и *ait* вполнѣ понятно тому, кто знаетъ, что эти слова восходятъ къ латинскимъ

et, est, habeat; сверхтитанная согласная *g* въ *doigt* не смутить того, кто знаетъ, что это слово произошло отъ *digimus*; въ правописаніи перечисленныхъ словъ на *eum(e)* не ошибется тотъ, кто знаетъ, что и въ латинскомъ языкѣ первая категорія имѣть основы на согласную (*honor, labor*), а вторая—на гласную (*mora, hora*). Все это такъ, и я вовсе не имѣть въ виду принизить сказаннымъ французский языкъ. Но вѣдь мы имѣть въ виду ученика, который учится по французски, не зная латинскаго; такой, разумѣется, никакого закона надъ собой не чувствуетъ, чувствовать одинъ только произволъ. И мнѣ жаль каждого часа, потраченаго на такое ученіе: оно не развиваетъ, не освобождаетъ духа, а напротивъ, закрѣпощаетъ его, заглушаетъ въ немъ исконное стремленіе доискаваться въ каждомъ случаѣ заона и разумнаго основанія. И вотъ почему я ставлю латинскому языку—а равно и греческому—въ великую заслугу то, что онъ съ первыхъ же уроковъ освобождаетъ учениковъ отъ этого крѣпостного труда.

Ту же прозрачность строя, облегчающую столь важное для развитія ума установленіе причинности, мы встрѣчаемъ и въ дальнѣйшемъ, начиная съ этимологіи. Проходится пять склоненій; почему ихъ именно пять? Я предлагаю ученику образовать во всѣхъ пяти родительные падежи множественнаго числа: *mensarum, hortorum, turrium, statuum, dierum*; затѣмъ творительные падежи единственнаго: *mensa, horto, turri, statu, die*—вездѣ тѣ же пять гласныхъ, по одной на каждое склоненіе. Теперь ему ясно, почему въ латинскомъ языкѣ пять склоненій: потому, что и гласныхъ пять. Но кромѣ гласныхъ, бываютъ еще и согласные; дѣйствительно, мы имѣемъ родительные падежи *reg-um, capit-um, dolor-um*; оказывается, склоненіе такихъ словъ совпадаетъ со склоненіями словъ на *i*, образуя съ ними вмѣстѣ такъ называемое третье склоненіе. Теперь ему понятно, почему въ этомъ третьемъ склоненіи иныхъ слова имѣютъ въ извѣстныхъ падежахъ *i, ium, ia*, а другія—*e, um, a*.—Затѣмъ естественный вопросъ: „а у насъ какъ?“ Учитель скажетъ: и у насъ, въ сущности, то же самое; только вы этого не замѣчаете, потому что у насъ окончанія поистерлись. А когда будете учиться церковно-славянскому языку, то вы увидите, что и у насъ склоненія зависятъ отъ заключительной гласной основы, что и у насъ есть основы на *a, o, i, u* (только на *e* нѣтъ), что и у насъ основы на согласныхъ отчасти соединились съ основами на *i*.

Въ системѣ спряженій то же явленіе: *amare, docete, statuere, firme*; согласныя примкнули къ основамъ на *u*: *reg-e-re, scrib-e-re* спря-

гаются такъ же, какъ и *statuere*. Но почему нѣть основъ на *o*? Потому что рядомъ съ основами на *a* онъ излишни: глаголь *firmare* общий и для *firmus* и для *firmata*.—Все это еще не научная историческая грамматика, а только осмысленная школьная; путемъ этого осмысленія я внушаю ученику убѣжденіе, что языкъ есть царство законности, а не произвола, что каждое явленіе въ языке имѣть свое разумное основаніе. Попробуйте теперь добиться тѣхъ же результатовъ съ помощью нѣмецкой системы склоненій, этихъ безсмысlenныхъ *starke*, *schwache* und *gemischte Declination*, или французской системы спряженій съ ихъ не менѣе безсмысlenными и произвольными окончаніями *er*, *ir*, *oir*, и *re!* Вѣдь для того, чтобы внести нѣкоторый смыслъ въ французский языкъ, я долженъ опять-таки воспользоваться помощью того же латинскаго, долженъ свести французские глаголы, *aimer*, *finir*, *devoir* и *vendre* къ ихъ латинскимъ первообразамъ *amare*, *finire*, *debere* и *vendere!* Не даромъ же глубокой знатокъ французского языка и французской литературы, *Vinet*, сказалъ, что *le latin c'est la raison du franÃ§ais*: этимъ самымъ онъ призналъ, что французский языкъ самъ по себѣ *raison* не имѣть и, какъ языкъ, пиши уму дать не можетъ. Вотъ почему вдвойне хорошо, что французский языкъ, какъ и вообще новые языки, усвоивается ассоціаціоннымъ путемъ, апперцепціоннымъ же путемъ только тѣ, которые по своему организму этого стоять.

А исключенія? спросите вы. Да, конечно; имѣй мы латинскій языкъ въ своей власти, мы бы его устроили такъ, чтобы исключений въ немъ не было; но такъ какъ это не въ нашей власти, то будемъ же радоваться хотя тому, что ихъ такъ немнога. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ, что въ самомъ легкомъ изъ русскихъ склоненій (женскихъ на *a*) совершенно схожія по формѣ и ударенію слова *толна*, *зѣзды*, *воды* представляютъ изъ себя, однако, три различныхъ, различно склоняемыхъ типа (I. *толнá*, *толнú*, *толны*; II. *зѣздá*, *зѣздú*, —*зѣзды*; III. *водá*, —*воду*, *воды*), что въ тоже нетрудномъ склоненіи мужскіхъ на *o* односложные слова распадаются даже на четыре типа (I. *споръ*, *спора*, *споры*, *спровъ*; II. *зубъ*, *зуба*, *зубы*, —*зубовъ*; III. *полъ*, *пола*, —*полы*, *половъ*; IV. *столъ*, —*стола*, *столы*, *столовъ*); возведемъ, какъ это при апперцепціонномъ усвоеніи необходимо, одинъ изъ этихъ типовъ въ правило—и мы увидимъ, какія у насъ получатся безконечныя вереницы исключений. Вспомнимъ, затѣмъ, объ опредѣленіи рода французскихъ и особенно нѣмеckихъ существительныхъ—и мы легко согласимся, что въ латинскомъ языкѣ исключений, сравнительно, очень немнога.

Но при всемъ томъ они есть и, поскольку они есть, затрудняютъ апперцепционное усвоеніе языка; что же дѣлаетъ съ ними классическая школа? Какъ школа серьезная, она требуетъ отъ своихъ питомцевъ умственной работы — но лишь постольку, поскольку эта работа образовательна и плодотворна; считая усвоеніе исключений необходимымъ въ виду своихъ дальнѣйшихъ цѣлей, но не плодотворнымъ въ смыслѣ развитія ума, она облегчила его до послѣдней возможности. Книга знаменитаго экономиста Bicher'a „Arbeit und Rhythmus“, въ которой авторъ развиваетъ экономическое значение ритма, какъ облегчающаго работу средства, и узнаетъ въ первоначально безсмысленной и только ритмической рабочей пѣсеньѣ одинъ изъ главныхъ корней (онъ говоритъ даже: единственный корень) поэзіи — эта книга въ ту эпоху, о которой я говорю, еще не была написана; все же фактъ, который Бюхеромъ впервые былъ тщательно изслѣдованъ, сознавался уже тогда. Затѣмъ, школа понимала, что имѣть дѣло не съ взрослыми, а съ 9—11-лѣтними мальчиками, для которыхъ заучиваніе безсмысленного, по ритмическому набора словъ составляетъ физическую потребность: достаточно, вѣдь, вспомнить, что это — тѣль самой возрастъ, когда дѣти при своихъ играхъ такъ любятъ „считаться“, какъ они это называютъ, при чемъ они пользуются какой нибудь тарабарщиной, лишенной всякаго смысла, но въ ритмической формѣ. Опираясь на указанные психологические факты — 1) облегчающую, специально мнемоническую силу ритма и 2) склонность дѣтей къ заучиванію ритмического набора словъ — классическая школа нашла выходъ изъ затруднительного положенія, въ которое она была поставлена наличностью исключений: желая по возможности облегчить своимъ питомцамъ ихъ усвоеніе, она составила тѣ знаменитыя стихотворныя правила, которыми нась постоянно попрекаютъ наши противники. Послѣдующія времена, измѣнивъ цѣли преподаванія, дали возможность значительно сократить эти стишкі; но въ этой сокращеній формѣ они являются и понынѣ лучшимъ средствомъ для усвоенія требуемаго материала. Я самъ ими пользовался, когда былъ преподавателемъ въ первомъ классѣ: помню, какъ вычурныя сочетанія мудреныхъ словъ и потѣшныя риены вызывали здоровый дѣтскій смѣхъ моихъ учениковъ, особенно когда я заставлялъ ихъ, къ концу урока, хоромъ повторять риевоманныя правила; а такъ какъ я признавалъ здоровый юморъ очень полезнымъ „вегикуломъ“ (какъ говорятъ врачи) при преподаваніи въ младшихъ классахъ, то эти финалы уроковъ обращались въ своего рода веселую

игру; и если бы послѣ такихъ уроковъ школьній врачъ соблаговолилъ циркулемъ измѣрить притупленность нервовъ у моихъ мальчиковъ, то онъ остался бы, полагаю я, вполнѣ доволенъ.

Такова латинская этимология; скажу теперь иѣсколько словъ и о греческой. Она довершаетъ лингвистическое зданіе прибавленіемъ къ нему важнаго отдѣла—фонетики. Только греческій языкъ даетъ достаточно полную систему звуковъ; только на немъ можно ознакомиться съ такими важными лингвистическими явленіями, какъ стяженія гласныхъ и комбинаціи согласныхъ, благодаря чему организмъ языка дѣлается еще прозрачнѣе и понятнѣе. Настоящимъ торжествомъ такого освѣщенія языка представляется система спряженія, которую только въ греческомъ языкѣ и можно пройти синтетически. Я даю ученику не формы, а ихъ составные элементы: говорю ему, что корень вообще не измѣняется, но что къ нему прибавляются разнаго рода частицы, выражаящія время (такъ называемая „примѣта времени“), наклоненіе (такъ называемая „тематическая гласная“), лицо и число („окончаніе“); учу его обращаться съ этими элементами, предупреждаю его, что принадлежность дѣйствія прошлому подчеркивается прибавленіемъ такъ называемаго приращенія, а его совершенность выражается удвоеніемъ—и мой ученикъ уже самъ, рѣдко прибѣгая къ моей помощи, образуетъ мнѣ всю систему глагола. И разумѣется, не одинъ только греческій языкъ сталъ ему понятенъ этимъ путемъ—такое разложеніе формъ на ихъ элементы освѣщаетъ заодно и строй каждого языка, строй языка вообще. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что латинская этимология раскрыла ученику анатомію, а греческая — химію языка вообще; вмѣстѣ взятыхъ они выясняютъ ему происхожденіе и образованіе языка, который теперь уже не будетъ ему казаться наборомъ чисто условныхъ и произвольныхъ правилъ, а напротивъ — закономѣрнымъ и величественнымъ въ своей закономѣрности явленіемъ природы. А насколько важенъ такой взглядъ, въ этомъ легко убѣдится всякий. Вспомнимъ, что языкъ — та природа, которой мы дѣйствительно окружены вездѣ и всегда; выясняя ученику закономѣрность этой природы, пріучая его къ наблюденіямъ въ этой области, мы поддерживаемъ въ немъ тотъ духъ научности, который приспособляетъ человѣка ко всякаго рода научному труду. Не могу останавливаться здѣсь на этой мысли; сошлюсь, однако, на „Введеніе въ философію“ Фр. Паульсена, который доказываетъ, что даже эволюціонная теорія, которой такъ гордится естествознаніе нашихъ временъ, была, прежде всего, установлена на

латинскомъ языкѣ В. Гумбольдтомъ, а затѣмъ уже перенесена на явленія материальной природы. Эта книга, къ слову сказать, можетъ быть горячо рекомендована тѣмъ, которые раздѣляютъ неправильное мнѣніе, будто методъ научного изслѣдованія неразрывно связанъ со своимъ материаломъ; впрочемъ, неправильность этого мнѣнія ясна всѣмъ, кто когда либо изучалъ исторію какой-нибудь науки, или самъ не чуждъ научного творчества.

Довольно, однако, на сегодня. Область, со значеніемъ которой я успѣлъ васъ познакомить, занимаетъ небольшое мѣсто не только въ античности вообще, т.-е. въ системѣ наукъ о древнемъ мірѣ, но даже и въ томъ, что можно назвать школьнай античностью. Но съ одной стороны, это — первая область, съ которой имѣть дѣло человѣкъ, вступающій въ предѣлы античности; здѣсь, поэтому, настѣнно встрѣтила масса принципіальныхъ вопросовъ, которые пришлось, такъ или иначе, выяснить. А съ другой стороны — это въ то же время наиболѣе поруганная область: всѣ противники классического образования попрекаютъ насъ главнымъ образомъ грамматикой обоихъ древнихъ языковъ, этой „бездѣлной степенью“, какъ они ее называютъ. Я старался вамъ показать, что эта мнимая степень приносить свои плоды, при томъ плоды, если не всегда сладкіе, то зато здоровые и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи. На этомъ я сегодня заканчиваю; на слѣдующихъ чтеніяхъ предполагаю иѣсколько ускорить темпъ — это можно будетъ сдѣлать безъ ущерба для дѣла, такъ какъ онъ будутъ посвящены болѣе привлекательнымъ также и съ вѣнчаніей стороны частямъ античности.

Лекція третья.

Первая антитеза: продолженіе. — Лексический составъ древнихъ языковъ. — „Языкъ — исповѣдь народа“. — Отраженіе народной души въ словахъ языка. — Отраженіе въ нихъ народного быта. — Синтаксисъ. — Эманципація мысли. — Сравнительная неграмматичность русского языка. — Стилистическая цѣнность языковъ. — Античный „періодъ“ какъ школа стиля. — Опасность оскудѣнія и борьба съ ней.

Начиная свою третью лекцію объ образовательномъ значеніи античности, считаю полезнымъ напомнить вамъ въ немногихъ словахъ содержание первыхъ двухъ, которыхъ вы прослушали двѣ недѣли назадъ. Мы видѣли, прежде всего, что враждебное отношеніе къ античности значительной части общества не должно имѣть для насъ рѣшающаго

значенія, такъ какъ этотъ сознательный, неблагопріятный вердиктъ, плодъ заблужденія и обмана, не можетъ идти въ сравненіе съ безсознательнымъ благопріятнымъ вердиктомъ того же общества, которое бережеть классическое образованіе вотъ "уже 15—20 вѣковъ"—"большое" важнѣе "малаго". Мы видѣли, затѣмъ, что образовательное значеніе античности должно быть признано фактомъ на основаніи данныхъ опыта, независимо отъ того, удастся ли намъ удовлетворительно выяснить, въ чёмъ оно состоитъ—точно также какъ питательное значеніе хлѣба считалось фактомъ на основаніи данныхъ того же опыта много раньше, чѣмъ физіология пищеваренія и органическая химія намъ его доказали аналитически. Обсудивъ затѣмъ бѣгло и нѣсколько другихъ принципіальныхъ вопросовъ, мы перешли къ темѣ, т. е. къ посильному выясненію образовательного значенія античности; установивъ, что элементовъ классического образованія въ гимназіи три—а именно система обоихъ древнихъ языковъ, избранныя части лучшихъ произведеній древнихъ литературу и ознакомленіе съ различными сторонами античности путемъ прохожденія древней исторіи и т. д.—мы сосредоточились на первомъ изъ нихъ, на системѣ древнихъ языковъ, съ ея тремя составными частями, этимологіей, семасиологіей и синтаксисомъ. Я старался вамъ доказать, что образовательное значеніе древнихъ языковъ какъ таковыхъ заключается прежде всего въ апперцепціонномъ (а не ассоціаціонномъ) методѣ ихъ усвоенія, притѣдномъ для древнихъ и непригодномъ для новыхъ языковъ; затѣмъ въ томъ, что древніе языки по своимъ психологическимъ свойствамъ, какъ языки интеллектуалистические, являются наиболѣе желательнымъ дополненіемъ къ преимущественно сенсуалистическому русскому языку; наконецъ въ томъ, что они въ своемъ организмѣ даютъ наиболѣе пищи уму. Эту питательность, такъ сказать, древнихъ языковъ мы установили прежде всего на этимології; мы видѣли, что оба языка почти свободны отъ той неудобоваримой и лишь засоряющей память примѣси, которая обуславливается несоответствиемъ правописанія произношенію; что латинская этимологія, благодаря своей сравнительной прозрачности, выясняетъ ученику анатомію языка вообще, пріучая его этимъ смотрѣть на языкъ какъ на закономѣрное явленіе природы—между тѣмъ какъ вносящія пертурбацию въ дѣтской умъ "исключения" въ латинской этимологіи сравнительно немногочисленны, и усвоеніе ихъ можетъ быть облегчено до послѣдней степени; что, равнымъ образомъ, греческая этимологія, благодаря своей еще большей прозрачности, даетъ возможность расчленить языкъ на его простѣйшіе составные элементы—это то, что

я называлъ „лингвистической химіей“. Здѣсь мы остановились; характеристику обѣихъ остальныхъ частей системы древнихъ языковъ, семасиологии и синтаксиса, пришлось за недостаткомъ времени отложить до слѣдующей лекціи, т. е. до сегодняшней.

Но, господа, прежде чѣмъ перейти къ ея темѣ, считаю умѣстнымъ подѣлиться съ вами иѣкоторыми соображеніями, вызванными отношеніемъ иѣкоторыхъ моихъ слушателей къ моимъ первымъ лекціямъ. Моей задачей была и есть характеристика античности въ ея образовательномъ значеніи—именно характеристика, а не защита: апологетического элемента я отъ себя вносить не хотѣлъ. Таковой, однако, получился и получается самъ собой въ силу естественныхъ условій: тамъ, где какое нибудь общественное явленіе подвергается чесправедливымъ нападеніямъ, всякая правильная его характеристика неизвѣсно принимаетъ видъ апологіи. Отсюда дальнѣйшее неудобство: обидчикъ склоненъ считать всякий протестъ противъ его обиды—обидой, нанесенной ему. Возьму примѣръ: натуралисти (т. е. разумѣется одинъ изъ натуралистовъ) говорить, что античность никуда не годится; я ему возражаю и доказываю, что античность годится на то-то и то-то. Стало быть, говорить мой противникъ, по вашему естественные науки никуда не годятся? Нѣть, г. натуралистъ, это будеть вовсе не по моему, совершенно напротивъ: разница между вами и мною состоять именно въ томъ, что я и понимаю, и уважаю вашу науку, между тѣмъ какъ вы, повидимому, не въ состояніи уважать, т. е. понимать мою. Повторяю, я въ своихъ лекціяхъ стараюсь только характеризовать мою область; иногда я, въ силу необходимости, защищаю ее и себя, но никогда ни на кого и ни на что не нападаю. Выражусь яснѣе: я не только не имѣль въ виду обидѣть кого бы то ни было—я никого не обидѣль; это заявленіе я въ правѣ сдѣлать, такъ какъ каждое слово моихъ лекцій было мною обдумано именно этой точки зренія. Если же кто тѣмъ не менѣе считаетъ себя обижденнымъ, то я позволю себѣ ему замѣтить, что эта его обижденность—плодъ его неправильного толкованія моихъ словъ, въ которомъ я неповиненъ. Предусмотрѣть такое неправильное толкованіе не было въ моихъ силахъ—пусть истины, повторяю, одинъ, но путей заблужденія безчисленное множество.—А затѣмъ перехожу къ темѣ.

Объ образовательномъ значеніи этимологіи обоихъ языковъ было сказано въ прошлой лекціи—конечно, очень бѣгло, но вѣдь недостатокъ времени не позволяетъ намъ идти дальше самыхъ общихъ контурныхъ эскизовъ; теперь на очереди семасиология, сводящаяся въ

гимназии къ заучиванию „словъ“ того или другого языка. Это заучивание тянется черезъ весь гимназический курсъ, такъ какъ оно сопровождаетъ чтеніе каждого автора; спрашивается, какая отъ него польза? Отвѣчаю: польза очень большая и разнообразная; но такъ какъ я здѣсь имѣю въ виду только общеобразовательное значеніе античныхъ языковъ, то я не буду говорить о важности знанія лексического ихъ состава для сознательного отношенія къ живущимъ понимъ въ новыхъ языкахъ латинскимъ и греческимъ словамъ, особенно для научной терминологии, а равно и о важности этого знанія для облегченія и осмысленія изученія романскихъ языковъ, особенно французского. Между тѣмъ, то ойщеобразовательное значеніе болѣе всего оспаривается. Что за польза, говорять, въ томъ, что я могу назвать собаку по-латыни *canis*, а по гречески *κυνός*? Развѣ мое представлѣніе о собакѣ благодаря этому обогащается хоть на одну черту?—Когда я слышу подобного рода разсужденія—а слышалъ я ихъ часто—я испытываю такое же чувство, какое испытываетъ химикъ, когда ему въ числѣ элементовъ называютъ воду, или астрономъ, когда ему говорятъ о вращеніи солнца вокругъ земли: на меня вѣтъ чѣмъ то затхлымъ и старымъ, я убѣждаюсь, что вся новѣйшая эволюція лингвистической науки прошла для разсуждающаго безслѣдно. Еще В. Гумбольдтъ вполнѣ справедливо сказалъ: die Sprache ist durchaus kein bloses Verstndigungsmittel, sondern der Abdruck des Geistes und der Weltanschauung des Redenden; и ту же мысль выразилъ у насъ кн. Вяземскій въ своихъ стихахъ:

Языкъ есть исповѣдь народа:
Въ немъ слышится его природа,
Его душа и быть родной.

Возьмемъ примѣръ: то слово, которое люди говорятъ другъ другу при прощаніи: *χαῖρε*, *vale*, *adieu*, *farewell*, *leb wohl* — тутъ, что ни языкъ, то новое представлѣніе, новая частица народной исповѣди. Но, возразить, чѣмъ же тутъ древніе языки лучше новыхъ? Отвѣчаю: *во-первыхъ*, тѣмъ, что они усваиваются апперцепціонно, согласно сказанному раньше, такъ что тутъ семасиологическое различіе проникаетъ въ сознаніе, между тѣмъ какъ въ новыхъ языкахъ при ассоціаціонномъ усвоеніи оно въ сознаніе не проникаетъ. Говорящій по-французски русскій такъ же мало задумывается надъ тысячу разъ произносимымъ: *adieu*, какъ и надъ своимъ русскимъ „прощай“; напротивъ, по-гречески онъ обязательно учитъ: *χαῖρε*—соб-

ствено „радуйся“, затѣмъ „прощай“, по-латыни обязательно: *vale*—самостоянно „будь здоровъ“, затѣмъ „прощай“—и тутъ-то повѣтъ на него хоть слегка жизнерадостныи духомъ Греціи, трезвымъ и бодрымъ—Рима; и самъ собою, точно рикошетомъ, явится вопросъ: „а у насъ какъ?“ И онъ призадумается надъ тѣмъ, что это значитъ, когда мы, разставаясь, говоримъ другъ другу: „прости“, „прощай“, и этотъ клочокъ народной исповѣди пробудить въ немъ сознаніе, что его родной языкъ—языкъ дѣйствительно прекрасный и полный чувства и души. Это—разъ, или вѣрнѣе, разъ и *deus*, такъ какъ постоянно вызываемую охоту въ сравненію съ роднымъ языкомъ я тоже считаю достоинствомъ изученія античной семасиологии; но это не все. Третье достоинство—это прозрачность. Среди вокабуловъ третьего склоненія встрѣчается сог *cordis* „сердце“. „Было у насъ“, спрашиваю, „слово того же корня“? Да, было: *concordia*.—„Итакъ, что значитъ, *concordia* собственно“? Совмѣстность сердецъ (ученикъ скажетъ, конечно: „когда сердца вмѣстъ“, и это, пожалуй, даже лучше).—Итакъ, происхожденіе отвлеченныхъ понятий изъ конкретныхъ выяснено на примѣрѣ; но вслѣдъ затѣмъ рикошетомъ является вопросъ: „а у насъ какъ?“ И ученикъ въ первый разъ задумается надъ словомъ „согласіе“ и скоро рѣшилъ, что оно означаетъ, собственно, „совмѣстность голосовъ“—причемъ ему придется въ голову и то, что въ данномъ случаѣ латинскій языкъ, пожалуй, обнаружилъ больше глубины и чувства. Попробуйте достигнуть тѣхъ же результатовъ съ французскимъ *concorde*, въ которомъ ученикъ и не узнаетъ слова *соeig*, или съ нѣмецкимъ *Eintracht*, которого онъ никогда не пойметъ, даже если ему объяснить, что *-tracht* происходит отъ *tragen*.—Четвертое достоинство заключается въ томъ, что слова князя Вяземскаго о языкахъ дѣйствительно больше всего примѣнны къ древнимъ языкамъ, больше всего потому, что они—особенно греческий—выросли самобытно, не испытавъ влияния другихъ языковъ. Подчеркиваю этотъ пунктъ: греческий языкъ для насъ незамѣнныи именно какъ языкъ-самородокъ. Это не значитъ, разумѣется, чтобы въ немъ не было вовсе негреческихъ словъ: таковыя, особенно финикийскаго происхожденія, имѣются, но ихъ не только очень немного,—они касаются только вѣнчанаго міра и ничуть не затрагиваютъ его души. Да я здѣсь и не говорю вовсе объ иностраннѣхъ словахъ, а о словахъ, переведенныхъ съ иностраннаго языка и, стало быть, вѣнчанныхъ образомъ проникшихъ въ языкъ, а не выработанныхъ народной совѣтостью; вы легко поймете, что чѣмъ больше процентъ такихъ словъ, тѣмъ менѣе языкъ народа служить

выразителемъ народной совѣсти. Такъ вотъ именно такихъ „переводныхъ“ словъ въ греческомъ языкѣ нѣтъ; благодаря этому онъ весь, какъ онъ есть, явился отпечаткомъ греческой народной души, такъ что мы, даже если бы вся греческая литература погибла, на основаніи одного греческаго словаря могли бы восстановить эту душу. Напротивъ, новые языки, и въ томъ числѣ русскій, вамъ этой возможности не даютъ; специально въ русскомъ языкѣ такихъ „переводныхъ“ словъ такъ много, что безъ нихъ не только мы, люди культурные, но даже самые неграмотные крестьяне не были бы въ состояніи поговорить другъ съ другомъ „по совѣсти“. Для примѣра, возьмемъ то самое слово, которое занимаетъ настѣнѣ теперь—слово „совѣсть“; можемъ ли мы, можетъ ли народъ безъ него обойтись? Нѣтъ, очевидно. А между тѣмъ, можно ли сказать, что это слово—плодъ русской народной совѣсти, частица исповѣди русского народа? Нѣтъ, господа: въ русскомъ народномъ сознаніи это слово корней не имѣеть. Что такое „совѣсть“? Расчленимъ его: „вѣсть“ отъ „вѣдаю“, „совѣсть“ отъ „со-вѣдаю“...., у насъ такого слова или оборота нѣтъ; мы говоримъ: „я не вѣдаю грѣха за собой“, а не „съ собой“. Какъ же появилось у насъ это слово? Чисто книжнымъ путемъ, посредствомъ перевода греческаго συνείδησις (лат. con-scientia), не разъ встрѣчающагося въ Новомъ Завѣтѣ. А συνείδησις—чисто греческое слово и понятіе; по гречески дѣйствительно говорять συνοιда єµаутѣ какоу тѣ ποιησανти, „я знаю вмѣстѣ съ собою, совершившимъ дурное дѣло“. Понимаете ли вы, что это значитъ? Это значитъ вотъ что. Ты совершилъ дурное дѣло, со всѣми предосторожностями, тайно отъ всѣхъ людей, и даже, быть можетъ, отъ боговъ. Тѣмъ не менѣе не утыпалъ себя мыслью, что у тебя нѣть свидѣтелей. Есть нѣкто, „знающій это дѣло вмѣстѣ съ тобой“, и этотъ нѣкто—ты самъ, божественное начало твоей души, и отъ этого свидѣтеля тебѣ никогда не отдѣляться, пока ты живъ. И вотъ—продолжаю словами Эсхила—„ночью вмѣсто сна памятливая забота стучится въ окно твоего сердца, и противъ твоей воли ты учишься быть добродѣтельнымъ“. Итакъ, душа человѣка двоится: одна часть, земная, оскверняетъ себя грѣхомъ, другая, божественная, становится строгой свидѣтельницей и судьей первой; эта вторая часть, „вѣдающая вмѣстѣ съ нами“—наша совѣсть. Вотъ вамъ опять частица народной исповѣди; да, но эта исповѣдь—исповѣдь греческаго народа, составляющая одно цѣлое съ ученіемъ Эсхила и Платона, а не русскаго, который пріобрѣшилъ наше слово путемъ буквального, не понятаго перевода съ греческаго. И такихъ „перевод-

ныхъ» словъ у насъ много, и знать ихъ нужно для того, чтобы не приписывать русской народной душѣ того, что ей чуждо. Выводъ отсюда ясенъ: какъ это ни звучить парадоксально, но знать по-гречески нужно, чтобы знать русскій языкъ. Кто требуетъ упраздненія греческаго языка и усиленія на его счетъ русскаго, тотъ этимъ требованіемъ доказываетъ, что онъ самъ не знаетъ русскаго языка, его прошлаго, его души.

Впрочемъ, эта важность греческаго языка для пониманія языка русскаго получилась у насъ лишь въ видѣ попутнаго результата; наша тема здѣсь другая—исключительное значеніе античныхъ языковъ какъ полныхъ и цѣльныхъ отпечатковъ народной души. Но ки. Вяземскій говорилъ не только о душѣ: „его душа и быть родной“, гласить послѣдній изъ приведенныхъ мною стиховъ. Вы могли спросить: при чемъ тутъ быть родной? Выясню и это на примѣрѣ.

Вамъ всѣмъ извѣстно слово *rivalis*, перешедшее также и во французскій языкъ; его значеніе—„соперникъ“. Но задумывались ли вы надъ его происхожденіемъ? Указать его можетъ любой гимназистъ даже младшихъ классовъ: *socius* отъ *socius*, *rivalis* отъ *rivus*. Да, конечно; но *rivus* означаетъ „ручей“—какимъ же образомъ его производное *rivalis* получило значеніе „соперникъ“? А вотъ какимъ образомъ. Въ Италии, гдѣ дожди въ жаркое время рѣдкость, уже въ древности практиковалась система искусственныхъ орошений: вода отъ рѣки или ключа отводилась съ помощью канала, *rivus*; къ этому каналу примыкали канавы, прорѣзывавшія подлежащіе орошенню поля и луга. Посредствомъ поднятія шлюза вода въ нихъ вводилась изъ главнаго канала; если земля была достаточно пропитана влагой, шлюзъ опускался—*claudite jam rivos, pueri, sat prata biberunt*, говорить у Вергилия пастухъ. Теперь вы легко поймете, что въ засуху эта вода каналовъ цѣнилась очень дорого: при слишкомъ обильномъ орошеніи у верхняго сосѣда—нижній сосѣдъ могъ остаться безъ воды. Отсюда частые споры между „сосѣдями по каналу“, между *rivaes*—таково первоначальное значеніе нашего слова; въ этомъ значеніи оно употребляется римскими юристами. Не всегда, однако, эти споры, это соперничество между *rivaes* оставалось на почвѣ гражданско-правовыхъ сношений; бывали случаи много серьезнѣе. Отъ обильныхъ дождей питаемый горными ключами каналъ вздулся и разsvирѣгъ; бурной струей текуть его волны между сдерживающими ихъ плотинами, еще немного—и онъ поравняются съ краемъ плотины нашего крестьянина или прорвутъ ее, зальютъ его поля, разрушать его хижину, ра-

зорять его..., если только онъ не прорвутся раньше въ поля его съда по ту сторону канала и не погубить его. Тua mors—mea vita. И воть онъ ночью, вооруженный заступомъ, прокрадывается къ плотинѣ сосѣда, чтобы ее раскопать и направить разрушительный потокъ на его луга, сады, строенія. Но и сосѣдъ не дремлетъ: едва раздались первые удары заступа, какъ сбѣгается челядь, пускается въ ходъ дубье, камни, ножи, происходит кровопролитная драка... между кѣмъ? Между rivales. Понятенъ вамъ теперь переходъ значенія въ этомъ словѣ? Такъ на лексической сокровищницѣ языка отражается „быть родной“ создавшаго его народа.

Вернемся, однако, къ его душѣ; затронутый здѣсь вопросъ настолько интересенъ и важенъ, что мнѣ хотѣлось бы пояснить его еще иѣсколькими примѣрами. Что такое *potens*?—„мощный“; а *impotens*?—изрѣдка „немощный“, но чаще „страстный“—воть вамъ исповѣдь народа, который въ разумѣ видѣлъ силу, неразумную же страсть отожествлялъ съ безсиліемъ. Далѣе: *trässö*—„поступаю“; єй *trässö*—„поступаю хорошо“, а затѣмъ „я счастливъ“. Воть та ячейка народнаго сознанія эллиновъ, изъ которой потомъ органически выросла нравственная философія Сократа, видѣвшая въ добродѣтели, т. е. въ хорошихъ поступкахъ, необходимое условіе счастья, а затѣмъ—сторническая этика, учившая, что добродѣтель сама по себѣ дѣлаетъ человѣка счастливымъ. Далѣе: *γιγνώσκω*—„познаю, понимаю“; *συγγιγώσκω*—собственно „понимаю вмѣстѣ“, затѣмъ „прощаю“; что это значитъ? Это значитъ—*tout comprendre c'est tout pardonner*: гуманное правило, которымъ прославилась г-жа de Stael, давно уже имѣлось въ исповѣди греческаго народа,—да, въ сущности, и римскаго, такъ какъ *nosco-ignosco* сводится къ тому же. Но если христіаніе молить Бога о прощеніи ему грѣховъ, то онъ не можетъ сказать Ему: „пойми ихъ вмѣстѣ со мной“; въ молитвѣ Господней сказано поэтому не *συγγιγώσθι*, а *ἀφες*, *dimitte nobis peccata nostra*—„отпусти“; *dimitte* не удержалось, но его замѣнило равнозначающее *perdona*, „подари мнѣ сверхъ заслуги“, которое и понынѣ живетъ въ романскихъ языкахъ. Я привелъ это послѣднее обстоятельство въ виду пятою достоинства древней семасиологии: оно состоять въ томъ, что, благодаря ей, мы получаемъ возможность на небольшихъ областяхъ проводить историческія перспективы, которые и сами по себѣ интересны и цѣнны, и поддерживаютъ въ учащихся духъ историзма—эту сигнатуру современной науки, давшую истекшему XIX вѣку название *saeculum historicum*. Вмѣстѣ же взятыя указанныя достоинства таковы, что bla-

годаря имъ съ лихвой окупается затрачиваемое на усвоение античной семасиологии время; я, по крайней мѣрѣ, знаю по собственному опыту, что этимъ путемъ можно произвести на учащихся самое глубокое впечатлѣніе, пробуждая въ нихъ не только мысли, но и чувства.

Теперь два района „безднодной степи древнихъ языковъ“ благополучно пройдены; остался третій—сintаксисъ. Это вмѣстъ съ тѣмъ для многихъ самый страшный районъ; къ нему преимущественно относится выраженіе „гимнастика ума“, которое наши противники избрали главною мишенью для своихъ насмѣшкъ, замѣняющихъ у нихъ доказательства. Позвольте противопоставить имъ сужденіе человѣка, который, какъ мыслитель, имѣть представленіе о процессѣ мышленія, и вмѣстъ съ тѣмъ какъ отецъ современной психологіи не можетъ не имѣть авторитета въ интересующихъ насъ здѣсь психологическихъ вопросахъ—именно Шопенгауера. „При переводѣ на латинскій языкъ“, говорить онъ въ своемъ сочиненіи *über Sprache und Worte* § 299, „приходится совершенно освобождать мысль отъ тѣхъ словъ, которыя въ подлиннике ее выражаютъ, чтобы она стояла въ нашемъ сознаніи нагой, какъ духъ безъ тѣла; а затѣмъ слѣдуетъ дать ей совершенно другое, новое тѣло при помощи латинскихъ словъ, которыя передаютъ ее въ совершенно другой формѣ, такъ что, напр., существительныя подлинника теперь выражены глаголами и т. д. Производство подобной метемпсихозы развиваетъ настоящее мышленіе. Здѣсь мы имѣемъ то же явленіе, которое въ химіи называется *status nascens*: простая матерія (*Stoff*), оставляющая одно соединеніе, чтобы вступить въ другое, обнаруживаетъ, во время своего перехода, особую и исключительную силу и дѣйствительность. То же самое относится и къ обнаженной отъ словъ мысли при ея переходѣ изъ одного языка въ другой. Вотъ, стало быть, почему древніе языки непосредственно развиваются и укрѣпляютъ духъ“. И вотъ, прибавлю, почему Фулье могъ справедливо сказать: *chaque leçon de latin est une leçon de logique*; разумѣль онъ при этомъ, преимущественно, урокъ латинскаго синтаксиса, къ которому онъ смѣло могъ прибавить и греческій.

Къ положенію Шопенгауера мы еще вернемся; здѣсь пока отмѣтимъ, что оно касается лишь одной стороны дѣла; вторая, тоже важная, состоять въ томъ, что каждый урокъ латинскаго или греческаго синтаксиса есть въ то же время и урокъ русскаго языка. Возьмемъ примѣръ: проходя съ учениками греческій синтаксисъ, я предлагаю имъ для перевода по-гречески слѣдующія двѣ фразы: „чтобы его счи-

тали благочестивымъ, онъ часто молился", и „чтобъ сердце гиѣвнай матери Господь смягчиль, молюсь“. Конструкція вполнѣ одинаркова—два очевидныхъ предложения цѣли, „молиться, чтобы“. Тѣмъ не менѣе по-гречески онъ переводится различно: въ первомъ случаѣ слѣдуетъ взять союзъ *τι* съ сослагательнымъ наклонениемъ, во второмъ—простое неопределѣленное наклоненіе. Почему такое различіе? Потому, что его требуетъ также и логика: вѣдь въ первомъ случаѣ „чтобы его считали благочестивымъ“ есть только цѣль молитвы, во второмъ же случаѣ „чтобъ сердце гиѣвнай матери Господь смягчиль“—не только цѣль, но и содержаніе; некрасовскій крестьянинъ дѣйствительно молился: „Господи, смягчи сердце гиѣвнай матери“, между тѣмъ какъ содержаніе молитвы того ханжи неизвѣстно, да и не важно. Какъ же вамъ кажется: одному ли только греческому синтаксису научиль я своихъ учениковъ, или же заставилъ ихъ относиться сознательно и къ синтаксическимъ явленіямъ русскаго языка? Но, возразить намъ, той же цѣли можно достигнуть и безъ греческаго синтаксиса: проходите съ нами русскій синтаксисъ систематически, выясняйте на удачно подобранныхъ примѣрахъ различные логическія категоріи, совмѣщаemыя въ одинаковыхъ категоріяхъ грамматическихъ—и дѣло будетъ сдѣлано. Отвѣчу: нѣть, этимъ путемъ дѣло не будетъ сдѣлано. Ученiku нѣть надобности знать такія тонкости русскаго синтаксиса, чтобы понимать Некрасова, который и самъ врядъ ли ихъ зналъ; но ему необходимо ихъ знать для правильного перевода такого рода фразъ по-латыни или по-гречески. Между тѣмъ, самый дѣйствительный педагогический пріемъ состоить въ слѣдующемъ: если цѣль, которую вы поставили ученикамъ, не самоинтересна, то вы достигнете ея не иначе, какъ превращая ее въ средство къ достижению другой цѣли. Вообще синтаксисъ, да и прошую грамматику, слѣдуетъ проходить именно на древнихъ языкахъ, а не на русскомъ, и потому сидѣть на русскомъ языке точно краденое пальто. Какъ удобопримѣнны грамматическая категоріи *ъ* латинской фразѣ *mihi pecunia deest*, и какъ не примѣнны онъ къ равнозначущей русской фразѣ „у меня нѣть денегъ“! Какъ объясните вы мальчику, гдѣ здѣсь подлежащее и гдѣ сказуемое? У римлянина *grando laedit segetem*, у русскаго „градомъ побиваетъ (кто)? по-свѣтъ“; римлянинъ хочетъ спать, русскому хочется спать; вездѣ видна разница между интеллектуалистическимъ характеромъ древнихъ язы-

Первая причина та, что она развилаась и выросла именно на древнихъ языкахъ, а не на русскомъ, и потому сидѣть на русскомъ языке точно краденое пальто. Какъ удобопримѣнны грамматическая категоріи *ъ* латинской фразѣ *mihi pecunia deest*, и какъ не примѣнны онъ къ равнозначущей русской фразѣ „у меня нѣть денегъ“! Какъ объясните вы мальчику, гдѣ здѣсь подлежащее и гдѣ сказуемое? У римлянина *grando laedit segetem*, у русскаго „градомъ побиваетъ (кто)? по-свѣтъ“; римлянинъ хочетъ спать, русскому хочется спать; вездѣ видна разница между интеллектуалистическимъ характеромъ древнихъ язы-

ковъ и сенсуалистическимъ—русскаго. Да и всякий, полагаю я, знаетъ, что за безплодное занятіе эти синтаксические разборы (или анализы) русскихъ предложенийъ вслѣдствіе постоянныхъ уклоненій живой рѣчи отъ грамматическихъ схемъ, которые заставили мальчиковъ заучить.

Да, господа, русскій языкъ сравнительно весьма неграмматиченъ; не будь древнихъ языковъ, изъ которыхъ была заимствована русская грамматика—онъ такъ и остался бы безъ нея. Быть можетъ, многіе изъ васъ не увидѣли бы въ этомъ большого ущерба: грамматика не пользуется особыми симпатіями молодежи. Но дѣло не въ симпатіяхъ: никто не можетъ отрицать, что грамматика—первый опытъ логики, примѣненной къ явленіямъ языка, и что въ этомъ заключается ея образовательность. Дѣйствительно, русскій языкъ въ своемъ синтаксисѣ гораздо менѣе логиченъ, чѣмъ древніе, по той же причинѣ, по какой онъ въ своей этимологической части гораздо менѣе интеллектуалистиченъ: его легче оцѣнить съ психологической, чѣмъ съ логической точки зрѣнія. Кто знаетъ, будь русскій языкъ предоставленъ самому себѣ,—мы имѣли бы, вместо нынѣшней логической—психологическую его грамматику, и при синтактическихъ разборахъ, вместо терминовъ „подлежащее, сказуемое, главное предложеніе и т. д.“, употребляли бы термины: „господствующее представление—отступающее представление—замкнутая конструкція—открытая конструкція—ассоціативный элементъ и т. д.“... Понятно, что въ частностяхъ это себѣ представить трудно, такъ какъ психологія синтаксиса только нарождается. Она обещаетъ быть интересной наукой, но по образовательному значенію она все-таки не можетъ сравняться съ испытаннымъ логическимъ синтаксисомъ, и школа имѣть полное основаніе дорожитъ этой своей не очень вкусной, но очень здоровой пищей,—а стало быть и древними языками, изъ которыхъ она, согласно сказанію, естественнѣе всего добывается.

Итакъ, преимущественная грамматичность древнихъ языковъ—вотъ первая причина, почему проходитъ грамматику, и въ частности синтаксисъ, слѣдуетъ именно на нихъ.

Вторая и, пожалуй, главная причина—это полная безцѣльность грамматики при ассоціационномъ усвоеніи языка. Ученый вѣдь прекрасно сознаетъ, что, производя этимологический или синтактический разборъ заданного отрывка, онъ ни на іоту не понимаетъ его лучше, чѣмъ понималъ раньше; а потому эти упражненія и не оставлять съда въ его умственномъ развитіи. Напротивъ, при переводе каждой почти

Фразы древняго языка на русскій приходится спрашивать себя, гдѣ здѣсь подлежащее, гдѣ сказуемое, что здѣсь выражаетъ ит., слѣдствіе или цѣль, и т. д.; здѣсь грамматическій анализъ является дѣйствительно средствомъ къ пониманію текста, а не цѣлью самъ по себѣ,— здѣсь онъ, поэтому, и разуменъ, и плодотворенъ.

А затѣмъ, прежде чѣмъ покончить съ синтаксисомъ и грамматикой вообще, я долженъ заявить, что, по моему мнѣнію, наши руководства грамматики обоихъ древнихъ языковъ нуждаются въ реформѣ. Объ этой реформѣ говорить здѣсь не мѣсто; ограничусь, поэтому, замѣчаніемъ, что цѣлью этой реформы должно быть не столько ихъ сокращеніе, ихъ освобожденіе отъ такъ называемаго балласта, сколько ихъ приспособленіе къ образовательной цѣли изученія древнихъ языковъ. Слѣдуетъ выдвинуть и развить ту часть грамматического материала, которая цѣна въ логическомъ и психологическомъ отношеніяхъ; слѣдуетъ по возможности облегчить усвоеніе той части, которая, не имѣя цѣнности сама по себѣ, тѣмъ не менѣе необходима для пониманія греческихъ и латинскихъ текстовъ; и слѣдуетъ пропустить ту, которая ни съ той, ни съ другой точки зрѣнія не нужна.

Теперь продолжаю.

Къ синтаксису примыкаетъ стилистика; не являясь сама по себѣ предметомъ преподаванія, она тѣмъ не менѣе косвенно проходитъся, хотя и не систематически, при переводахъ съ древнихъ языковъ на русскій и наоборотъ; она стоитъ, такимъ образомъ, на рубежѣ между грамматикой и чтеніемъ авторовъ. Что сказать о ней? Вышеприведенное слово Шопенгауера примѣнено къ ней въ такой же мѣрѣ, если не въ большей еще, чѣмъ къ синтаксису. Когда я латинскую фразу *Hannibalem conspecta moenia ab oppugnanda Neapoli deterruerunt* перевожу по-русски „видѣ стѣнъ удержаль Аннибала отъ осады Неаполя“ и называю этотъ переводъ „литературнымъ“ въ противоположность буквальному, но невозможному по-русски переводу „увиидѣнныи стѣны удержали Аннибала отъ имѣющаю быть осажденнымъ Неаполя“—то я, во-первыхъ, убѣждаюсь, что выше существительныхъ и глаголовъ стоять понятія, которые сами по себѣ не являются ни тѣми, ни другими, и лишь вслѣдствіе стилистическихъ условій языка, на которомъ мы говоримъ, выражаются либо тѣми, либо другими; говоря иначе, я учусь эманципировать понятія отъ словъ, которыми они выражаются, а это—необходимая подготовка къ философскому мышленію, къ разсужденію, такъ какъ, по мѣткому выражению Фр. Ницше, „всякое слово есть предразсудокъ“. Во-вторыхъ же, я на такихъ примѣрахъ изу-

чаю именно тѣ стилистические условия, о которыхъ было упомянуто только что, узнаю на опыте, что свойственно и что несвойственно и латинской, и русской рѣчи. А что латинский языкъ въ этомъ отношеніи дѣйствительно незамѣнимъ — въ этомъ можетъ убѣдиться всякий, если онъ потрудится перевести предложенный мною примѣръ на любой изъ новыхъ языковъ: *l'aspect des murs—der Anblick der Mauern* — вездѣ существительный, какъ и по-русски, латинский языкъ со своими глаголами стоять особнякомъ; даже грекъ скажетъ тѣсно *τοιχίας* вмѣсто *ορρυγνάδα*. И не думайте, что это странное предпочтеніе, отдаваемое глаголамъ, есть свойство одной только грамматики латинского языка — оно стоять въ связи съ самимъ процессомъ римского мышленія, которое было именно актуальнымъ, а не субстанціальнымъ, и нашло себѣ высшее выраженіе въ римской религії: римская религія, поскольку она была римской, основывалась на обоготовленіи актовъ, — и она была религіей актуальной, а не субстанціальной. Кто бы могъ думать, что существуетъ такая интимная связь между столь разнородными предметами, какъ грамматика — и религія? А между тѣмъ она есть, и своимъ существованіемъ лишний разъ доказываетъ правильность много разъ приведенного слова: „языкъ есть исповѣдь народа“.

Это разъ. Но если въ этомъ отношеніи латинский языкъ (съ греческимъ) является средствомъ для теоретического познаванія языка и языковъ, то въ другомъ отношеніи онъ справедливо можетъ быть названъ школой для практическаго усовершенствованія стиля. Я долженъ подчеркнуть фактъ, что мы стоимъ здѣсь на вполнѣ твердой почвѣ исторического опыта; какъ я уже замѣтилъ выше, народы запада выработали свою художественную прозу именно на латинскомъ языкѣ, путемъ старателынаго его изученія и сознательного подражанія ему. Да и у насъ художественная проза, поскольку мы ею обладаемъ, результатъ той строгой школы, которую нашъ языкъ прошелъ въ такъ называемый ложно-классический періодъ; обладаемъ же мы ею еще только въ слабой степени, и можно по праву утверждать, что русский языкъ еще далеко не вполнѣ развернулся, не нашелъ той художественной формы, которая бы соотвѣтствовала его природной силѣ и гибкости. Но вы можете меня спросить, благодаря какимъ же своимъ качествамъ латинский языкъ былъ и еще можетъ быть воспитателемъ стиля для нась; постараюсь дать и здѣсь по возможности ясный и краткій отвѣтъ, а для этого выберу изъ многихъ сюда относящихся сторонъ латинской стилистики одну, особенно яркую — *pe-*

ріодъ. Прошу тутъ прежде всего оставить въ сторонѣ одинъ предразсудокъ: если вы думаете, что періодъ выражаетъ собой лишь пышность стиля, что это какой-то торжественный треозвонь, громкій для слуха и безсодержательный для мысли, то вы глубоко заблуждаетесь. Для мыслителя, вслѣдствіе сложности взаимнаго тяготѣнія частей и частицъ занимающей его въ каждомъ даниомъ случаѣ мысли, *періодъ*—этотъ живой организмъ съ его столь опредѣленно выраженнымъ подчиненiemъ второстепенныхъ предложенийъ главнымъ, а третьестепенныхъ — второстепеннымъ, — является необходимой крупной единицей разсужденія, безъ которой построеніе доказательства было бы такъ же затруднено, какъ сложная алгебраическая вычисленія безъ заключенныхъ въ скобки полиномовъ; но для того, чтобы служить этой цѣли, періодъ долженъ быть вполнѣ удобообразимъ; удобообразимость же достигается разнообразiemъ подчиненности. Степеней подчиненности три: есть предложения главныя, придаточныя полныя и придаточныя сокращенныя. Первые двѣ общи всѣмъ культурнымъ языкамъ; совершенство языка въ смыслѣ періодизаціи зависитъ отъ наличности и распространенія въ немъ третьей степени—сокращенного придаточного предложения. Въ этомъ отношеніи изъ близкихъ къ намъ языковъ ниже всѣхъ стоять языкъ нѣмецкій; это—языкъ двустепенный, сокращеніе придаточныхъ предложенийъ въ немъ почти не допускается. „Человѣкъ, никогда не учившійся“ вы не можете передать сокращеннымъ относительнымъ предложениемъ: „ein Mensch nie gelernt habender“—вы должны взять полное относительное предложение: „ein Mensch, der nie gelernt hat“. Выше стоять романскіе языки; они допускаютъ сокращеніе нѣкоторыхъ обстоятельственныхъ предложенийъ путемъ главнымъ образомъ дѣепричастныхъ конструкцій (*ayant appris...* и т. д.), но не относительныхъ и не дополнительныхъ. Еще выше стоять языкъ русский: въ немъ возможны сокращенія и нѣкоторыхъ обстоятельственныхъ предложенийъ путемъ дѣепричастныхъ, и относительныхъ путемъ причастныхъ конструкцій, хотя и съ ограничениями; сокращеніе дополнительныхъ предложенийъ, однако, невозможно и здѣсь. Наибольшей степени совершенства достигли языки древніе: они сокращаютъ и обстоятельственные предложения (при томъ греческій — всѣ, латинскій — лишь нѣкоторыя), и относительные (притомъ не только при тѣхъ же подлежащихъ, но, благодаря такъ называемымъ *ablativus* или *genitivus absolutus*, и при различныхъ), и дополнительные (благодаря *accusativus cum infinitivo*). Итакъ, древніе языки, какъ вполнѣ трехстепенные, наиболѣе совершенны въ смыслѣ

періодизаціи; изъ новыхъ же языковъ къ нимъ наиболѣе приближается языкъ русскій. Но тѣ достоинства, которыми сама природа надѣлила русскій языкъ, остаются большою частью втунѣ. Къ сожалѣнію, непосредственно воспитательной роли древніе языки по отношенію къ русскому въ *ночыя времена* не играли; въ древнія времена русской исторіи греческій языкъ дѣйствительно, какъ мы видѣли, былъ воспитателемъ русскаго, и за это спасибо ему: тогда именно и сложились природныя стилистические силы этого послѣдняго. Нѣть, я говорю о новыхъ временахъ, когда вырабатывалась наша художественная проза, вплоть до нашихъ дней. Посмотрите, какой огромный процентъ въ нашей литературѣ (въ широкомъ смыслѣ) составляетъ литература переводная; можете ли вы допустить, что эта литература остается безъ вліянія на языкъ? А между тѣмъ переводять у насъ почти исключительно съ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, т.-е. съ такихъ языковъ, которые какъ двустепенные, въ стилистическомъ отношеніи стоять ниже русскаго (въ другихъ отношеніяхъ они выше, но это насъ здѣсь не касается). Переводчики, а съ ними и ихъ читатели, пріучаются не пускать въ ходъ всѣхъ стилистическихъ силъ роднаго языка, низводить его до уровня тѣхъ, съ которыхъ они переводятъ; результатъ — оскудѣніе русскаго языка. Въ одномъ направленіи съ этими переводами дѣйствуетъ и другая разрушительная сила: нездоровое стремленіе приблизить литературный языкъ къ естественно небрежной разговорной рѣчи; а съ тѣхъ поръ, какъ литературная русская рѣчь изъ рукъ писателей перешла въ руки публицистовъ, опасность оскудѣнія стала еще сильнѣе.

Я прошу васъ, господа, серьезно взглянуть тѣ соображенія, которыя я привожу вамъ здѣсь — не сомнѣваюсь, что многие изъ васъ слышатъ впервые — и не брать на вѣру утѣшений моихъ противниковъ, которые то, что я называю здѣсь оскудѣніемъ, выдаютъ за естественность и говорять вамъ о прелести простоты. Что касается естественности, то мы давно отказались отъ плодотворнаго въ свое время заблужденія Руссо, который естественность смѣшивалъ съ примитивностью, и вернулись къ опредѣленію Аристотеля, что естественность заключается въ совершенствѣ, а не въ зародышѣ: для русскаго языка, трехстепенного по своей природѣ, естественѣй богатый періодъ, а не убогая стилизациѣ западныхъ языковъ и разговорной рѣчи. Что же касается прелести простоты, то если вы ею такъ увлекаетесь, — что же, отбросьте въ музыку хроматику, вернитесь къ семиструнной, а то и къ четырехструнной лирѣ; отбросьте и аккорды, объявите вер-

хомъ музыкальной прелести исполняемаго однимъ пальцемъ „чижика“. Отбросьте, равнымъ образомъ, роскошную палитру Рафаэлей и Рубенсовъ, или нашихъ Рѣпиныхъ и Васнецовыхъ, вернитесь — какъ это впрочемъ, и дѣлаютъ нѣкоторые художники-декаденты — къ живописи четырьмя красками безъ отѣниковъ; все это — прелесть простоты. Нѣть, господа: въ рукахъ вашихъ и вашихъ сверстниковъ будущее вашего родного языка. Помните, что въ Аениахъ считалось долгомъ чести каждого гражданина, чтобы онъ унаследованное отъ отцовъ достояніе передалъ сыну въ не уменьшенномъ, а скорѣе въ увеличенномъ размѣрѣ; кто этого не дѣлалъ, про того говорили, на картины языки тѣхъ временъ, что онъ „сѣѣль отцовское добро“, тѣ патрия хатебѣдочеи и подвергали его атими. Вспомните строгій судъ теперешней Франціи въ лицѣ Тэна надъ французской академіей въ XVII в. за то, что она, увлекаясь стремленіемъ къ простотѣ, допустила (лекціческое) осуждѣніе роскошнаго языка Рабелэ; берегитесь, какъ бы и про васть потомки не сказали, что вы въ области языка „сѣѣли отцовское добро“. — Конечно, вы изъ моихъ словъ не выведете заключенія, что я приглашаю васъ вездѣ и всегда говорить и писать трехстепенными periodами; вѣдь если я совсѣту вамъ развивать свои физическая силы, то это не значитъ, что вы, чтобы передать сосѣду чашку кофе, должны пускать въ ходъ обѣ руки и упираться вѣмъ корпусомъ. Нѣть: мое утвержденіе сводится къ тому, что образованный русскій долженъ умѣть строить сложные и въ то же время удобо-обозримые periodы тамъ, гдѣ этого требуетъ мысль, гдѣ это нужно для логической или психологической полноты разсужденія или изложенія.

И вотъ въ этомъ отношеніи классическая школа при руководствѣ знающихъ свое дѣло преподавателей можетъ оказать русскому языку существенную услугу. Нѣмецкая и французская проза, вслѣдствіе своего еще меньшаго совершенства, для насъ вполнѣ бесполезны; только античная проза, принуждая насъ при переводѣ пускать въ ходъ всѣ стилистическія достоинства нашего языка, можетъ служить школой для нашихъ стилистовъ и спасти русскую рѣчь отъ угрожающихъ ей серьезныхъ и невозвратимыхъ утратъ.

Тутъ я предвижу, однако, слѣдующаго рода возраженіе: можно ли ожидать пользы для русскаго языка отъ классической прозы, когда вы сами, господа классики, портите его своими стилистическими перлами? Не вами ли изобрѣтено „онъ нанесъ войну“, „онъ былъ отѣченъ относительно головы“ и т. п.?

Возражение это въ значительной степени устарѣло: конечно, въ тѣ времена, когда преподаваніе классическихъ языковъ было поручаемо лицамъ, плохо знавшимъ русскій языкъ, другого и ожидать нельзя было. За вычетомъ же этихъ ненормальностей остается въ силѣ вотъ что: мы, классики, дѣйствительно иногда, съ педагогической цѣлью, прибѣгаемъ къ переводу дословному, который я называю „рабочимъ переводомъ“ (по аналогіи термина „рабочая гипотеза“); таѣ, напримѣръ, я не могу выяснить ученику, учащемуся только по латыни, а не вполнѣ владѣющему ею, стилистическое различіе между Hannibalem *conspecta moenia ab oppugnanda Neapoli deterruerunt* и „Аннибала видѣлъ стѣнъ удержаль отъ осады Неаполя“—иначе какъ со-поставляя съ этимъ послѣднимъ „литературнымъ переводомъ“ также и рабочий переводъ „Аннибала увидѣнныя стѣны удержали отъ имъю-щаю быть осажденнымъ Неаполя“ (иногда учитель потребуетъ отъ ученика рабочаго перевода для того, чтобы убѣдиться, что онъ ра-боталъ самостоятельно: но это уже скорѣе педагогически-полицей-ская, чѣмъ педагогически-образовательная мѣра). Но во всѣхъ та-кихъ случаяхъ рабочий переводъ—не болѣе какъ переходная ступень, соотвѣтствующая такой же переходной ступени въ работѣ самой мы-сли; бываетъ, что человѣкъ останавливается на немъ, но это—плодъ лѣнности или небрежности, который терпимъ быть не долженъ. Рабо-чий переводъ—то же, что негативъ для фотографа: онъ такъ же необхо-димъ, какъ переходная ступень, и такъ же недопустимъ, какъ оконча-тельная цѣль и окончательный результатъ нашего труда.

Довольно, однако, о стилистикѣ и о языкахъ вообще. Все ли я вамъ высказалъ и развилъ? Нѣть, далеко не все. Я не говорилъ вамъ о томъ важномъ фактѣ, что мы только изъ древніхъ языкахъ можемъ прослѣдить, такъ сказать, исторію воплощенія мысли въ словахъ; пере-ходя отъ Гомера къ Геродоту, далѣе въ Фукидиду, Ксенофонту, Пла-тону, отъ нихъ къ Демосѳену и заканчивая Цицерономъ, мы видимъ, какъ духъ борется съ матеріей рѣчи, какъ онъ путемъ послѣдователь-ныхъ интеграцій разрозненныхъ ея частей вводить въ нее порядокъ и градацию подчиненія и изъ самостоятельныхъ предложеній такъ называе-маго „нанизывающаго стиля“ (*λέξις εἰρομένη*) создаетъ объединенный и централизованный періодъ, приблизительно такъ же, какъ изъ са-мостоятельныхъ и самодовѣрѣющихъ общинъ создается объединен-ное и централизованное государство. Это, да и много другого, я долженъ пропустить; я и такъ боюсь, что утомилъ ваше вниманіе, такъ долго останавливаясь на языкѣ. Но, господа, эта обстоятель-

ность не была несоразмѣрной: также вѣдь, и вы, ученики гимназій, употребили много времени на усвоеніе обоихъ древнихъ языковъ, и тоже, можетъ быть, склонны думать, что этого времени было слишкомъ много. Я же ваялся доказать вамъ, вопреки мнѣнію многихъ, что время, употребленное вами на изученіе античности, не было истрачено безъ пользы; не могъ я вѣ виду этого не остановиться на той пользѣ, которую вамъ принесло изученіе системы древнихъ языковъ, какъ таковыхъ. Но, разумѣется, не ради этой только пользы заставляли васъ учиться по-латыни и по-гречески: главное значеніе древнихъ языковъ—то, что они открываютъ намъ непосредственно доступъ къ античной литературѣ и, косвенно, къ античной культурѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Моя ближайшая тема поэтому—выяснить вамъ образовательное значеніе античной литературы; ее я намѣтилъ для слѣдующей же, второй сегодняшней лекціи.

Ф. Зѣльинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОВРЕМЕННАЯ ЛІТОПИСЬ.

РЕФОРМА СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ВЪ ПРУССІИ.

1. Краткій исторіческій обзоръ¹⁾.

Въ половинѣ XVIII столѣтія въ Пруссіи было около 80-ти пяти (и больше) классныхъ и нѣсколько сотъ трехклассныхъ латинскихъ школъ. Въ устройство ихъ государство почти совсѣмъ не вмѣшивалось. Въ трехклассныхъ латинскихъ школахъ половина всѣхъ уроковъ приходилась на латинскій языкъ; кроме того, серьезно поставлены были Законъ Божій и пѣніе; преподавались исторія и географія; родной языкъ былъ поставленъ очень неудовлетворительно; математика и естествовѣдѣніе очень часто совсѣмъ отсутствовали; иногда урока два посвящалось греческому языку для чтенія Нового Завѣта. Несмотря на такую далеко несовершенную постановку дѣла, эти училища имѣли претензію готовить своихъ питомцевъ къ университету.

Остальные латинскія школы съ болѣе продолжительнымъ курсомъ имѣли въ виду главнымъ образомъ будущихъ богослововъ и юристовъ. Языкомъ преподаванія былъ латинскій языкъ, и все усилия школы были направлены къ тому, чтобы ученики въ совершенствѣ овладѣли этимъ языкомъ. Греческій языкъ проходился лишь настолько, сколько нужно было для пониманія Нового Завѣта и позднѣйшихъ моралистовъ, классические же древніе авторы вовсе не читались. Уроки Закона Божіяго были скорѣе уроками богословія и сопровождались даже

¹⁾ Die Reform des hoheren Schulwesens in Preussen herausgegeben von W. Lexis. Geschichtlicher Rückschluss von C. Rethwisch. S. 1—34.

диспутами. Конспективный курсъ всеобщей истории, немецкой географии, математика, естественная история и физика — вотъ предметы этихъ школъ. Изъ философскихъ наукъ — логика и этика, иногда даже метафизика, проходились въ большинствѣ этихъ училищъ, а въ нѣкоторыхъ попадалась юридическая пропедевтика.

Такъ какъ городское сословіе желало лучшей подготовки своихъ дѣтей къ практической жизни, а высшіе классы находили, что существующія школы оставляютъ большие пробѣлы въ образованіи юноши, которому предстояло жить въ свѣтѣ, то возникли Realschulen, Ritterakademieen, Pädagogien, старавшіяся такъ или иначе удовлетворить этимъ потребностямъ общества. Серьезной реформѣ со стороны государства школы подверглись лишь послѣ Семилѣтней войны. Руководитель реформой тогдашній министръ Фридриха Великаго фонъ Зедлitzъ. Онъ прежде всего настаивалъ на томъ, что средняя школа должна не готовить къ отдѣльнымъ специальностямъ, а заботиться объ общемъ развитіи духовныхъ силъ и характера учениковъ.

Латинскій языкъ сохранилъ свое преобладающее положеніе; греческий языкъ сдѣлался обязательнымъ предметомъ, число уроковъ по этому предмету удвоилось. Французскому отводилось подобающее мѣсто, нѣмецкій языкъ и литература были поставлены значительно лучше. Указывалось на то, что уроки Закона Божія должны преслѣдоваться воспитательное значеніе, а не богословскія цѣли; особенно важное значеніе придавалось исторіи и географіи; требовался известный наборъ въ счетъ (отношеніе къ чистой математикѣ было враждебное); въ число школьніхъ предметовъ были приняты физика, естествовѣдіе, рисование и чистописаніе, преподавались, кроме того, логика и исторія философіи. Этотъ курсъ вводился только въ меньшинствѣ школъ, которыхъ должны были готовить питомцевъ своихъ къ высшимъ ступенямъ въ общественной жизни, большинство же, по мысли руководящихъ сферъ, могло ограничиться прохожденіемъ Bürgerschule и Volkschule. При Зедлitzъ же создано особое управление школами, которыхъ до того времени подчинены были министру юстиціи. Въ 1787 г. вступило въ дѣятельность такъ называемое Oberschulkollegium, которому подчинены были всѣ учебныя заведенія, начиная съ университета ¹⁾ и до сельской школы включительно ²⁾. Предсѣдатель Oberschulkollegiumа былъ министръ, членами его — известныя духовныя

¹⁾ Университеты въ 1801 г. были непосредственно подчинены министру.

²⁾ На дѣлѣ было много отступлений.

лица, администраторы, школьные дѣятели и университетскіе профессора. Свидѣтельство этого учрежденія, дѣла котораго рѣшались большинствомъ голосовъ, было необходимымъ условіемъ для полученія мѣста учителя. Такія же коллегіи были образованы въ провинціяхъ, въ нихъ входили школьніе дѣятели и духовныя лица. Oberschulkollegium прежде всего озабочилось объ учрежденії семинарій для подготовки учителей среднихъ школъ и ввело выпускной экзаменъ, который впервые состоялся весною 1789 г. Выпускные экзамены подняли нѣсколько уровень знаній въ среднихъ школахъ и заставили многія латинскія школы отказаться отъ приготовленія своихъ учениковъ къ университету.

Послѣ Тильзитскаго мира Oberschulkollegium перестало существовать, а функции его перешли ко второму отдѣленію третьей секціи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Во главѣ его былъ поставленъ Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ. Въ это время былъ составленъ примѣрный учебный планъ, по которому латинскому языку отводилось 76 уроковъ, греческому 50, нѣмецкому 44; математикѣ 60, исторіи и географіи 30 уроковъ. Въ каждомъ классѣ были 32 недѣльныхъ урока и курсъ былъ десятилѣтній. Знаніе древнихъ языковъ, особенно греческаго, служило главнымъ мѣриломъ успѣха въ наукахъ. На выпускномъ экзаменѣ требовался письменный переводъ на греческій и съ греческаго языка, на устномъ предлагались мѣста изъ Софокла и Еврипида. Въ году читали даже Эсхила и Пиндара. Нужно было въ классѣ и дома прочесть всю Иліаду и Одиссею, нѣсколько трагедій Эсхила, Софокла и Еврипида, четыре книги Геродота, двѣ книги Фукидида, Аналасистъ, нѣсколько жизнеописаній Плутарха, рѣчь Демосѳена о вѣнѣ, діалогъ Платона Федонъ.

Въ послѣднемъ классѣ греческіе авторы объяснялись по гречески или по латыни. Римскіе историки переводились на греческій языкъ. Писались рѣчи, сочиненія, стихотворенія на древнихъ языкахъ.

Такое преобладаніе греческаго языка скоро вызвало въ обществѣ неудовольствіе, и уже въ 1828 году рамки преподаванія этого языка были значительно сужены. Затѣмъ выработанныя въ 1834 году при первомъ министрѣ народного просвѣщенія¹⁾ фонъ Альтенстейнѣ правила испытанія учениковъ, перѣходящихъ въ университетъ, стараются возстановить равновѣсие между отдѣльными предметами средней школы, нарушенное преобладаніемъ двухъ древнихъ языковъ. Однако не пре-

¹⁾ Kultusminister.

крапавшіся жалобы на излишнее обременение учениковъ заставили въ 1837 году министерство преобразовать десятилѣтній курсъ въ девятилѣтній съ уменьшениемъ прежняго числа уроковъ 320 до 270. По этому, въ сущности первому официально опубликованному, плану греческий языкъ потерялъ 8 уроковъ, нѣмецкій 22 (!) ¹⁾, математика 27, число же латинскихъ уроковъ увеличилось на 10. Съ этого же времени правительство начинаетъ больше заботиться о реальныхъ училищахъ, которыхъ до того были въ яѣкоторомъ загонѣ.

Послѣ 1837 г., почти вплоть до 1873 г., въ жизни школъ замѣтны такія ничтожныя измѣненія, что ихъ безъ ущерба русскій читатель можетъ оставить безъ вниманія.

Образованіе единой германской имперіи и связанные съ этимъ перемѣны въ общественной жизни оказали свое вліяніе и на школьнное дѣло. Въ октябрѣ 1873 года созвана была конференція, которой предложены были слѣдующіе два характерныхъ вопроса:

1) „Не полезно ли съ національной точки зрѣнія въ интересахъ большаго единства образованія устранить существующее раздѣленіе на гимназическое и реальное образование и слить оба направлѣнія въ одномъ учебномъ заведеніи?“

2) „Въ послѣднее время школамъ дѣлали упрекъ, будто онъ мало заботится о выработкѣ національного самосознанія. Что можно къ тому, что уже дѣлается въ этомъ направленіи, прибавить еще путемъ особыхъ распоряженій?“

Совѣщаніе это практическихъ результатовъ не имѣло, такъ какъ вниманіе правительства вскорѣ всецѣло было поглощено пресловутымъ „культуркампфомъ“.

Въ 1875 году въ министерство былъ призванъ известный ученый Германъ Бонитцъ, на которого общественное мнѣніе возлагало особыя надежды, какъ на человѣка, умѣющаго по достоинству оцѣнить значеніе древнихъ языковъ и не закрывающаго глаза на требованія жизнѣвой дѣйствительности. Выработанные имъ учебные планы для среднихъ школъ и правила выпускныхъ экзаменовъ вышли въ свѣтъ въ 1882 году за подписью министра фонъ Госслера. Эти планы сохранили въ силѣ коренную разницу между гимназіями и реальными училищами и отнеслись отрицательно къ проекту единой школы. Гимназія сохранила свои 268 уроковъ, но при этомъ латинский языкъ потерялъ 9, греческій 2 урока, французскому языку прибавлено 4, исторіи и географіи

¹⁾ Эта потеря возмѣщалась отчасти тѣмъ, что языкъ преподаванія былъ нѣмецкій.

фі 3, математикъ 2, естественной исторіи 4 урока. Твердое знаніе грамматики и достаточный запасъ словъ признаны необходимыми условиями плодотворного чтенія древнихъ классиковъ; сохранены латинское сочиненіе и упражненіе въ разговорѣ на латинскомъ языке.

Конечною цѣлью уроковъ исторіи должно служить и подготовленіе къ самостоятельному чтенію историческихъ сочиненій. Обращается вниманіе на то, чтобы на урокахъ Закона Божіяго и географіи не слишкомъ утруждалась память учениковъ. Два лишнихъ урока математики должны содѣйствовать углубленію знаній, а не увеличенію курса. Уроки природовѣдѣнія должны вестись нагляднымъ, физики экспериментальнымъ путями. Всѣ обязательные предметы курса фактически признаны одинаково важными тѣмъ, что неудовлетворительная отмѣтка по одному обязательному предмету на выпускномъ экзаменѣ могла быть заглажена хорошею по другому.

Это явленіе, т. е. возможность замѣнить одну неудовлетворительную отмѣтку хорошею по другому, характерно для прусской школьнай практики и заслуживаетъ быть подчеркнутымъ!

Къ гимназіи близко подходило Realgymnasium съ однимъ латинскимъ языкомъ и тоже съ девятилѣтнимъ курсомъ, но права этого типа школъ остались очень ограниченными: абитуріенты Realgymnasium'овъ могли въ университетѣ изучать лишь новые языки, математику и естественные науки, да и то быть преподавателями этихъ предметовъ лишь въ реальныхъ училищахъ.

Третьимъ типомъ средней школы служили девятиклассныя реальные училища безъ латинскаго языка, такъ называемыя Oberrealschulen. Права этихъ школъ были еще ограниченнѣ, и абитуріенты ихъ имѣли доступъ далеко не ко всѣмъ даже техническимъ карьерамъ.

Существовали еще семилѣтныя реальные училища, исполнявшія роль прогимназій къ Oberrealschulen.

Въ связи съ реформой 1882 года были въ 1887 году изданы правила для испытанія лицъ, желающихъ занять мѣсто преподавателей средней школы. Тутъ различаются Oberlehrer и Lehrer. Кроме специально выбранныхъ предметовъ,—выборъ этотъ могъ быть очень разнобразенъ—кандидатовъ подвергали испытанію по философіи, педагогикѣ и иѣменному языку.

Рѣзко и ясно разграниченные типы среднихъ школъ, какъ они нашли себѣ выраженіе въ учебныхъ планахъ 1882 года, не внесли успокоенія въ заинтересованные круги: сторонники старой строгого классической гимназіи были крайне недовольны сокращеніемъ числа

латинскихъ уроковъ; нѣкоторые, болѣе умѣренные представители этой же партіи, наоборотъ, склонны были примириться съ положеніемъ дѣлъ, находя, что классики еще довольно дешево отдалились; были и такие, которые желали сліянія *Realgymnasien* и *Gymnasien*; другіе ратовали за школу съ единымъ для всѣхъ училищъ низшимъ концентромъ. Но, главнымъ образомъ, бросалась всѣмъ въ глаза неравносправность среднихъ школъ, и это вызвало самую ярую агитацию въ пользу уравненія всѣхъ школъ. Всѣ желали новой реформы. Желанія реформаторовъ сводились къ слѣдующимъ четыремъ пунктамъ: 1) создать общий для всѣхъ среднихъ школъ низшій и, гдѣ можно, даже средній концентръ; 2) выдвинуть на первый планъ нѣмецкій языкъ и литературу и исторію; 3) удѣлить больше вниманія физическому развитію; 4) измѣнить права среднихъ школъ.

Тогдашній министръ фонъ-Госслеръ отчасти, вѣроятно, подъ вліяніемъ этихъ течений высказался публично, что озабоченъ слѣдующими задачами: установить болѣе правильное соотношеніе между средними школами и числомъ жителей; гдѣ надо—уменьшить число учебныхъ заведеній, отдавать предпочтеніе школамъ съ короткимъ курсомъ передъ школами съ латинскимъ языкомъ, особенно гимназіями; заняться болѣе детальною разработкою учебныхъ плановъ и лучшею подготовкою учителей; наконецъ, обратить самое серьезное вниманіе на физическое развитіе учениковъ. Въ послѣдней области министръ этотъ оказалъ неоцѣненные услуги прусскимъ школамъ, и распоряженія его отъ 27-го октября 1882 г. положили начало всѣмъ дальнѣйшимъ мѣропріятіямъ въ этомъ направленіи.

Въ 1890 г. законъ ввелъ для преподавателей средней школы передъ пробнымъ годомъ еще годовыя занятія въ семинаріи. Наконецъ въ декабрѣ того же 1890 г. созвана была, по почину самого Вильгельма II, новая комиссія для обсужденія реформы средней школы¹⁾. Въ рѣчи императора, открывавшей совѣщаніе, обращалось вниманіе на то, что между школою и жизнью утратилась, повидимому, живая связь. По мнѣнию императора, краeutогольнымъ камнемъ въ гимназіи долженъ быть нѣмецкій языкъ и нѣмецкое сочиненіе, число уроковъ по научнымъ предметамъ должно быть уменьшено, нужно больше вниманія обращать на здоровье и физическое развитіе учениковъ; разви-

¹⁾ См. *Verhandlungen über Fragen des höheren Unterrichts*. Berlin, 4—17 Dezember 1890. Im Auftrage des Ministers der geistlichen Angelegenheiten. Berlin, W. Hertz 1891.

тие нравственныхъ началъ, доброй воли и характера ученика должно считаться такою же серьезною задачею, какъ и развитіе ума; въ гимназіяхъ наблюдается иенормальный наплывъ, результатомъ котораго является перепроизводство людей съ узко научнымъ образованіемъ и недоучекъ; нужно реальная училища сдѣлать болѣе притягательными; послѣ шестого года ученія создать въ среднихъ школахъ экзаменъ съ извѣстными правами для сдавшихъ его. Таковы были руководящія мысли императора. Само министерство хотѣло создать для гимназіи и Realgymnasium общий шестиклассный низшій концентръ, съ тѣмъ, чтобы съ четвертаго года начиналась бифуркація (греческій—англійскій) и трехклассный высшій концентръ съ раздѣленіемъ на гимназію и Oberrealschule. Но члены комиссіи отнеслись совершенно отрицательно къ этому проекту, выказавшись за сохраненіе двухъ строго различныхъ типовъ школъ: гимназіи (университетъ) и Oberrealschule (высшая технич. школы). Экзаменъ, вводимый послѣ шестого года, долженъ быть давать извѣстныя льготы по воинской повинности и иѣсколько сократить число выпускныхъ экзаменовъ. Большинство членовъ комиссіи, кромѣ того, выразилося за равноправность всѣхъ среднихъ школъ и за сокращеніе числа недѣльныхъ уроковъ съ тѣмъ, однако, чтобы это сокращеніе отозвалось бы не исключительно на древнихъ языкахъ. На выпускномъ экзаменѣ не требовалось больше сочиненія и разговора на латинскомъ языкѣ. Особенно знаменательнымъ комиссія признала рѣшеніе министра допускать устройство школъ съ болѣе или менѣе значительными отступленіями отъ обычныхъ типовъ, смотря по индивидуальнымъ потребностямъ и мѣстнымъ условіямъ.

Распоряженіемъ отъ 17-го декабря 1890 г. императоръ назначилъ организаціонную комиссию для подготовки новыхъ учебныхъ плановъ и обѣщалъ учителямъ улучшеніе въ ихъ соціальномъ положеніи и увеличеніе жалованья.

6-го января 1892 г. опубликованы были министромъ Зедлитцомъ-Трютцлеромъ учебные планы, порядокъ выпускныхъ и промежуточныхъ экзаменовъ (послѣ 6-го класса). Число уроковъ гимназіи съ 268 было понижено до 252; Realgymnasium съ 280 до 259 (типъ этотъ сохраненъ министерствомъ); Oberrealschule съ 276 до 258. Латинскій языкъ потерялъ въ гимназіи 15, въ Realgymnasium 11 уроковъ; греческій языкъ—4; остальные предметы понесли сравнительно незначительные потери. Разрѣшено было безпрепятственно устраивать школы по системѣ, принятой въ Альтонѣ [три низшихъ класса общихъ, за-

тѣмъ бифуркація: Realschule¹⁾ и Realgymnasium²⁾] и въ Франкфуртѣ [три класса общихъ, затѣмъ бифуркація: Realgymnasium³⁾ и Gymnasium²⁾]. Впрочемъ, и отъ этихъ схемъ встрѣчаются отступленія.

Въ этомъ же году положеніе преподавателей, какъ въ служебномъ, такъ и материальномъ отношеніи было значительно улучшено.

2. Послѣдняя реформа 1900 года³⁾.

Планы 1892 г. опять не удовлетворили ни общества, ни педагогическихъ сферъ. Причинъ на то было достаточно. Классики стараго закала считали результаты послѣдней реформы тяжкимъ для себя пораженіемъ. „Pugna magna victi sumus“, сказалъ ветеранъ этой партіи Oskar Jäger (29-te Versammlung Rheinischer Schultmänner in Köln 1892). Образовался влиятельный Gymnasial-Verein съ собственнымъ органомъ „Humanistisches Gymnasium“, который изъ всѣхъ силь боролся за классическую гимназію. Гуманисты по большей части были противъ равноправности среднихъ школъ; это обстоятельство сплотило сторонниковъ Realgymnasien и Oberrealschulen. Realschulmänner-Verein сталь добиваться именно этой равноправности. Любопытно прослѣдить по слѣдующей таблицѣ, какіе эта борьба имѣла практическіе результаты.

Въ Пруссіи было: а) Гимназій и прогимназій: въ 1890 г.—312 съ 83.256 учениками; въ 1900 г.—354—96.354 уч.

б) Realgymnasien и Realprogymnasien: въ 1890 г.—173—35.130 уч.; въ 1900 г.—97—23.248 уч.

с) Oberrealschulen и Realschulen: въ 1890 г.—29—11.117 уч.; въ 1900 г.—175—45.283 уч.

Кромѣ того, существовало 47 Reformanstalten.

Классики особенно опасались роста и успѣха этихъ новыхъ школъ по Франкфуртской и Альтонской системамъ, боясь, что, въ концѣ концовъ, всѣ гимназіи будутъ преобразованы по этому модному образцу. Были въ учебныхъ планахъ и мелкія несообразности, требовавшія пересмотра. Такъ, программы требовали усиленіаго чтенія авторовъ по латинскому языку, а на выпускномъ экзаменѣ давалась письмен-

¹⁾ Три класса.

²⁾ Шесть классовъ.

³⁾ Verhandlungen über Fragen des höheren Unterrichts. Berlin, 6 bis 8 Juni 1900. Nebst einem Anhange von Gutachten herausgegeben im Auftrage des Ministers der geistlichen Unterrichts- und Medizinal-Angelegenheiten. Zweite, unveränderte Auflage, Halle a. S. 1902.

ная работа на латинскомъ языке. На такую двойную работу не хватало времени, и уже въ 1895 г. былъ прибавленъ 7-ой латинский урокъ въ послѣднемъ классѣ.

Когда сдѣлалось известнымъ, что будетъ создана комиссія, враждебные партіи сдѣлали подсчетъ своимъ силамъ. Реформаторы требовали общаго трехкласснаго концентра безъ латинскаго языка и равноправности всѣхъ среднихъ школъ, классики стояли за сохраненіе гимназій въ неприкосновенности, но не противились равноправности. Число сторонниковъ обѣихъ партій оказалось почти равнымъ. Комиссія собралась 6-го юля 1900 г. и насчитывала, кромѣ правительственныхъ чиновниковъ, 34 человѣка. Тутъ были профессора, директора среднихъ школъ, юристы, крупные помѣщики, военные, директоръ фабрики и т. п., встрѣчались такія имена, какъ Вирховъ, Моммзенъ, Виламовитцъ, Іегерь и т. д. Предсѣдательствовалъ министръ Dr. Studt.

Вотъ главнѣйшиe вопросы, предложенные комиссіи, и отвѣты на нихъ:

1. Вопросъ. Въ какомъ направленіи желательны измѣненія въ правахъ разныхъ школъ?

Отвѣтъ: Всякий, выдержавшій выпускной экзаменъ девятиклассной средней школы, этимъ самыемъ приобрѣтаетъ право изучать любую специальность въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и впослѣдствіи занимать соотвѣтствующее мѣсто. Но такъ какъ существующіе три типа среднихъ школъ, какъ по специальнымъ своимъ предметамъ, такъ и по свойству своего общаго образования, различно подготавливаютъ къ разнымъ специальностямъ, то слѣдуетъ ясно указать наиболѣе подходящую школу для каждой специальности. Если же избрана другая школа, то могутъ оказаться пробѣлы слѣдуетъ пополнить въ высшемъ учебномъ заведеніи, путемъ особыхъ курсовъ или другимъ способомъ. Для каждого предмета должны быть выработаны особенные указанія.

2. Вопросъ. Рекомендуется ли создать общую основу для двухъ или трехъ низшихъ классовъ среднихъ школъ по образцу французской гимназіи въ Берлинѣ или Realgymnasium въ Альтонѣ, такъ, чтобы начинать изученіе чужихъ языковъ съ французскаго, а латынь начинать съ третьего или четвертаго года?

Отвѣтъ. Въ настоящее время устройство общаго низшаго концентра для всѣхъ трехъ типовъ среднихъ школъ, такъ, чтобы начинать съ французскаго, а латынь отодвинуть выше, нежелательно. Однако не слѣдуетъ препятствовать начавшимся въ этомъ направ-

лени опыта—необходимо пойти на встречу дальнѣйшей, болѣе широкой, постановкѣ этого дѣла.

3. Вопросъ. Можно ли рекомендовать, или, во всякомъ случаѣ, считать безопаснѣмъ, перенесеніе греческаго языка на пятый, шестой или даже седьмой годъ и можно ли вмѣсто греческаго языка предложить на выборъ англійскій языкъ?

Отвѣтъ. Разрѣшать вмѣсто греческаго языка выбирать англійскій невозможно, такъ какъ это уничтожило бы гимназію. Начинать греческій языкъ позже, чѣмъ на четвертый годъ, нежелательно, исключая школы по франкфуртской системѣ.

4. Вопросъ. Нужно ли усиленіе латинскаго языка въ Realgymnasien и въ какомъ размѣрѣ?

Отвѣтъ. Усиленіе латинскаго языка въ Realgymnasien не должно послѣдовать путемъ увеличенія числа уроковъ.

7. Вопросъ. Какъ можно еще болѣе способствовать развитію физическихъ упражненій въ среднихъ школахъ (гимнастики, игръ, водяного спорта и т. п.).

Отвѣтъ 1. Для развитія физическихъ упражненій рекомендуется:

а) заботиться объ играхъ и насаждать ихъ посредствомъ введенія особыхъ часовъ и мѣстъ для игръ;

б) особенное вниманіе и впредь удѣлять спорту, особенно водяному;

с) существующія правила объ урокахъ гимнастики провести въ жизнь путемъ устройства гимнастическихъ залъ и площадокъ, привлечения достаточнаго числа специалистовъ-учителей и оживленія интереса, какъ въ преподавателяхъ, такъ и въ ученикахъ.

2. Рекомендуется въ среднихъ школахъ ввести ученіе о подачѣ первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ.

8. Вопросъ. Основательны ли возраженія, дѣлаемыя противъ промежуточныхъ¹⁾ экзаменовъ въ девятиклассныхъ школахъ, и что можно сдѣлать для устраненія замѣченныхъ недостатковъ?

Отвѣтъ. Слѣдуетъ принять мѣры къ скорѣйшему уничтоженію этихъ экзаменовъ. Въ связи съ этимъ должны быть уничтожены и выпускные экзамены въ шестиклассныхъ училищахъ и пересмотрѣны правила для испытаній въ девятиклассныхъ школахъ.

9. Вопросъ. Какія мѣропріятія, кроме подвергнутыхъ выше об-

¹⁾ Послѣ шестого класса.

суждению, нужны еще въ интересахъ учебнаго дѣла въ среднихъ школахъ?

Отвѣтъ 1. Слѣдуетъ принять мѣры къ тому, чтобы учителя средней школы были по содержанію по возможности сравнены съ судьями, хотя механическое уравненіе и не является необходимымъ. Во всякомъ случаѣ, нѣть серьезныхъ причинъ для того, чтобы между содержаніемъ судей и учителей среднихъ школъ существовала коренная разница.

2. Комиссія высказываетъ пожеланіе, чтобы учителямъ среднихъ школъ представлялась возможность продолжать свое научное образованіе и чтобы научной работы не дѣлали для нихъ невозможна посредствомъ обремененія служебными обязанностями.

3. Рекомендуется позаботиться о томъ, чтобы учителя, пребываніе которыхъ въ должностіи опасно для здоровья вѣтренихъ имъ учениковъ, даже если они въ другихъ отношеніяхъ способны нести свою службу, получали бы отпускъ или отставку безъ всякаго для нихъ незаслуженного материальнаго ущерба.

4. Напоминаются рѣшенія декабрской комиссіи 1890 г. обь ограниченій максимальной цифры учениковъ въ каждомъ классѣ.

5. Правительству рекомендуется принять мѣры къ тому, чтобы въ среднихъ школахъ преподавалась гигіена съ привлечениемъ подходящаго учебнаго матеріала.

6. Чтобы содѣстствовать изученію англійскаго языка въ гимназіяхъ, кажется полезнымъ предоставить абитуріентамъ на выборъ экзаменоваться по французски или по англійски.

7. Въ интересахъ плодотворного развитія школъ, существенно необходимо, чтобы надзоръ за школами быть значительно усиленъ путемъ болѣе частыхъ и основательныхъ ревизій.

8. Для изученія химіи въ высшемъ учебномъ заведеніи слѣдуетъ требовать аттестата зрѣлости, какъ для изученія всѣхъ прочихъ специальностей.

Результаты, къ которымъ пришла комиссія, всепѣло были одобрены и приняты въ основаніе реескрипта¹⁾ императора отъ 26-го ноября того же года.

Весною 1901 года были опубликованы новые учебные планы. Число уроковъ въ гимназии съ 252 поднялось до 259, въ Realgymnasium съ 259 до 262, въ Oberrealschule съ 258 до 262. Латинскій

¹⁾ См. Reform des hõheren Schulwesens etc. Allerhõchster Erlass p. VII—X.

языкъ, вмѣсто 62, получилъ 68 уроковъ. Допускается въ среднихъ классахъ замѣна греческаго языка англійскимъ и создается, такимъ путемъ, возможность перехода изъ гимназіи въ Realgymnasium. Въ этомъ послѣднемъ латинскому языку прибавлено шесть уроковъ (49), французскій и естествознаніе нѣсколько потеряли. Въ Oberrealschule выиграли исторія и географія. На устройство школъ по франкфуртской или альтонской системѣ требуется особое разрѣшеніе министра.

При прохожденіи древнихъ языковъ опять настаивается на твердомъ знаніи грамматики и переводѣ на древніе языки.

Изъ класса въ классъ ученики переводятся по одѣнію преподавателей, только послѣ шестого класса остался устный и письменный экзаменъ.

Весною текущаго года вступаютъ въ силу новые правила для выпускныхъ испытаний.

Въ гимназіи къ устнымъ экзаменамъ прибавлено испытаніе по французскому или англійскому языкамъ, въ Oberrealschule введенъ экзаменъ по физикѣ и химії, между тѣмъ какъ раньше довольноствовались однимъ изъ этихъ двухъ предметовъ. И въ этихъ правилахъ сохраненъ принципъ, указанный нами уже выше: неудовлетворительная отмѣтка по одному предмету можетъ быть заглажена хорошею по другому!

Распоряженіемъ отъ 26-го февраля 1901 г. абитуріентамъ всѣхъ трехъ школъ открыть доступъ къ учительской службѣ; опредѣленіемъ отъ 28-го мая 1901 г. абитуріенты гимназій и Realgymnasien сравниены въ правахъ по отношенію къ медицинской карьерѣ. Окончившіе же Oberrealschule должны сдать дополнительныя испытанія. 1-го февраля 1902 г. абитуріентамъ всѣхъ трехъ школъ дано право изучать юридическія науки. Сравнены абитуріенты и по отношенію къ военной и морской службѣ.

Такимъ образомъ, упорная работа педагоговъ разныхъ направлений, особенно интенсивно проявившаяся за послѣднее десятилѣтіе, полная свобода обсужденія и гласность въ школьномъ дѣлѣ дали возможность прусскому правительству провести знаменательную реформу 1900 г., столь чреватую послѣдствіями, и создать такое положеніе вещей, которое позволяетъ всѣмъ тремъ типамъ средней школы въ мирномъ соревнованіи успешно работать и развиваться.

Г. Зоргенфрей.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Іюль 1903 г.

Я вамъ часто писалъ за послѣдніе годы объ упадкѣ гуманитарныхъ занятій во Франціи. Казалось, что все-таки они должны были найти себѣ заповѣдное убѣжище, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Однако, и тамъ ихъ покидаютъ или суживаются ихъ область. Такъ, до настоящаго времени, для пріобрѣтенія степени доктора словесныхъ наукъ (*docteur ès lettres*) нужно было представить въ факультетъ двѣ диссертаций: одну, написанную по-французски, другую—по-латыни. Уже давно кандидаты на научную степень протестовали противъ обязательства писать по-латыни на темы философскія, географическія, художественные, экономическія, неизвѣстныя древнимъ римлянамъ. Нѣкоторые изъ этихъ кандидатовъ писали свои работы просто по-французски, и за тѣмъ отдавали перевести какому-нибудь профессиональному латинисту.

Министръ народного просвѣщенія запросилъ мнѣнія разныхъ лицъ и предложилъ словеснымъ факультетамъ высказаться по вопросу о сохраненіи или упраздненіи латинскихъ диссертаций: значительное большинство высказалось противъ нихъ. Въ Сорбонѣ изъ 24 голосовавшихъ 18 лицъ подало за признаніе латинской диссертаций не обязательной, а по желанію (факультативной), что равносильно ея упраздненію. Почти во всѣхъ провинціальныхъ факультетахъ результаты выборовъ были тождественны, за исключеніемъ Безансона, где 5 голосовъ противъ 4 отстояли латинскую диссертацию. Затѣмъ поставленъ былъ вопросъ—чѣмъ замѣнить ее? Нѣкоторые факультеты предложили вторую диссертaciю писать на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, преподаваемыхъ на данномъ факультетѣ, но было бы слишкомъ легко

выполнять такія работы при содѣйствіи иностраницъ. Сорбенія предложила замѣнить вторую диссертацио— сочиненіемъ на тему, указанную факультетомъ. Какъ бы то ни было, отнынѣ можно считать латинскія диссертациія присужденными къ смерти. *Lugete musae!*

За послѣднее время вниманіе общества было направлено на археологический споръ, поглотившій немало черниль; онъ отразился и въ повременной печати и даже попалъ на сцену маленькихъ театровъ. Дѣло въ томъ, что музей въ Луврѣ пріобрѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ за довольно значительную сумму драгоцѣнность, открытую въ Россіи, какъ увѣряли продавцы,— золотую тіару, поднесенную жителями города Ольвіи одному лицу, по имени Сайтафернъ; съ точки зрењія художественной эта вещь казалась очень интересной. Однако, ея подлинность была съ самого начала подвергнута сомнѣнію нѣкоторыми учеными и прежде всего нѣмецкимъ археологомъ Фуртвентлеромъ; французскимъ же ученымъ тіара казалась подлинною. Наши лучшіе археологи гг. Коллинсонъ, Соломонъ Рейнакъ посвятили ей восторженныя статьи въ научныхъ журналахъ по археологіи. Выставленная въ Луврѣ тіара вызывала восхищеніе публики, когда произошелъ инцидентъ, подорвавшій ея кредитъ и приведшій археологовъ въ отчаяніе. Одинъ русскій еврей, Эллина, продавецъ художественныхъ предметовъ, былъ уличенъ въ продажѣ картинъ и рисунковъ съ подложными подписями. Чтобы оправдаться и вмѣстѣ съ тѣмъ отомстить, онъ заявилъ, что даже музеи пріобрѣтаютъ поддѣлки, и что тіара, называемая Сайтаферновской, за которую было уплачено 200 т. франковъ, изготовлена однимъ изъ его единовѣрцевъ, по имени Рахумовскому. На этотъ разъ общественное мнѣніе взволновалось. Министръ народного просвѣщенія приказалъ изъять пресловутую тіару изъ витрины, въ которой она дерзновенно красовалась, и поручилъ знаменитому археологу г. Клермону Ганно произвести официальное дознаніе. Г. Клермонъ Ганно, долго жившій на востокѣ,— выдающійся археологъ. Онъ не только открылъ весьма замѣчательные памятники, но обличить съ поразительнымъ чутьюемъ фальсификаціи, жертвами которыхъ хотѣли сдѣлать берлинскій и лондонскій музеи. Г. Клермонъ Ганно отнесся очень серьезно къ данному ему порученію. Онъ вызвалъ изъ Одессы еврея, золотыхъ дѣлъ мастера, Рахумовскаго, заставилъ его сознаться въ произведенной поддѣлкѣ, заставилъ работать въ своемъ присутствіи въ мастерской на монетномъ дворѣ, куда тіара была перенесена. Отнынѣ вопросъ рѣшенъ: завѣдующіе Луврскимъ музеемъ были недостойнымъ образомъ обмануты не самимъ Ра-

хумовскимъ, но фальсификаторомъ, который доставилъ ему исторические и художественные материалы для его издѣлія. Это страшное разочарование. Высокопочтенные археологи, консерваторы въ Луврскомъ музѣѣ, члены Парижской академіи повѣрили подлинности тиары и придавали ей значение научной догмы. Нынѣ приходится отказаться отъ всѣхъ этихъ иллюзій. Чтобы спасти себѣ отступление, пытаются доказать, что, по крайней мѣрѣ, часть названной тиары должна быть признана подлинной, если бы только она не обошлась такъ дорого! Это разочарование со всѣхъ точекъ зрења похоже на настоящій погромъ!

Французская школа въ Римѣ только что отпраздновала тридцатую годовщину своего основанія какъ разъ въ то время, когда академія художествъ, учрежденная въ томъ же городѣ, праздновала двухсотлѣтіе своего существованія. По этому случаю республиканское правительство сочло долгомъ выказать свое сочувствіе учрежденіямъ и самой исторической наукѣ. Около тридцати орденовъ почетного легіона или дипломовъ на право ношения этого национального ордена было роздано бывшимъ ученикамъ школъ въ Римѣ и въ Аеннахъ, или же выдающимся ученымъ въ области историческихъ и филологическихъ наукъ. Министръ народнаго просвѣщенія, г. Шомье, поѣхалъ въ Римъ и въ Аенины. Онъ былъ очень радушно принятъ итальянскими властями, и его присутствіе способствовало укрѣплению связей между двумя латинскими народностями, которыхъ уже нѣсколько лѣтъ старались сблизиться. Съ другой стороны, состоявшій въ то же время конгрессъ историковъ въ Римѣ далъ многочисленные случаи къ братскому сближенію ученымъ обѣихъ странъ. Въ „вѣчный городѣ“ съѣхалось очень много французскихъ ученыхъ.

Изъ Рима министръ поѣхалъ въ Аенины. Греки оказали ему не менѣе радушный приемъ, чѣмъ итальянцы. По случаю его прїѣзда состоялось открытие музея въ Дельфахъ, наполненнаго почти исключительно предметами, добытыми въ раскопкахъ нашихъ археологовъ. Министръ въ своей рѣчи остроумно напомнилъ, что нѣкогда галлы явились въ Дельфы, чтобы ограбить знаменитый храмъ, но, испугавшись божества, они внезапно обратились въ бѣгство. Теперь потомки галловъ пришли загладить воспоминаніе объ этомъ кощунствѣ своихъ предковъ. Послѣ французского министра народнаго просвѣщенія говорилъ директоръ школы въ Аеннахъ, г. Гомоль; онъ пояснялъ происхожденіе и значеніе предметовъ, выставленныхъ въ музѣѣ. Празднество закончилось открытиемъ памятника г. Сингросу, греческому

меценату, благодаря щедрости которого оказалось возможнымъ предпринять раскопки въ Дельфахъ.

Послѣ г. Сингроса нашелся другой меценатъ, поддерживающій нашу школу въ Аениахъ и доставляющій ей средства, чтобы работать на пользу науки. Это—герцогъ де-Лубэ (de-Loubet), богатый американецъ, по происхождению французъ, предоставившій огромное состояніе для научныхъ цѣлей. Герцогъ де-Лубэ, которому Франція уже обязана учрежденіемъ каѳедры „американизма“ въ Collège de France, пожертвовалъ 300 тыс. франковъ школѣ въ Аениахъ для предполагающихся раскопокъ. Это дастъ возможность переворотить не малое число кубическихъ метровъ земли и, вѣроятно, сдѣлать интересныя находки.

Я недавно сообщалъ вамъ, по поводу смерти знаменитаго эзилиста, Жюля Жирара, объ учрежденіи имени Тьера (*la Fondation Thiers*): это учрежденіе, задуманное великодушно, имѣть цѣлью дать возможность молодымъ людямъ, не обладающимъ личными средствами, подготовляться къ самымъ различнымъ родамъ дѣятельности, предоставляемъ имъ полную свободу организовать свои занятія по личному усмотрѣнію. Новый директоръ названного учрежденія, г. Бутру, только что издалъ свой отчетъ о положеніи дѣла, въ октябрѣ 1902 года. Кажется, я вамъ уже сообщалъ, что воспитанники заведенія могутъ въ немъ оставаться въ теченіе трехъ лѣтъ. Они работаютъ, какъ они хотятъ, и имъ гарантируютъ лишь — *otium cum dignitate*. Чтобы дать понятіе о разнообразіи занятій въ этомъ учрежденіи, сообщу, что въ 1900 г. изъ семи воспитанниковъ—одинъ былъ историкомъ, одинъ географомъ, одинъ юристомъ, одинъ классикомъ, двое германистовъ и одинъ физикъ; въ 1901 г.—два историка, два философа, одинъ германистъ, одинъ юристъ и одинъ математикъ; въ 1902 году принято лишь три воспитанника—историкъ, классикъ и математикъ. Эти молодые люди со столь различными наклонностями, при совиѣтской жизни, принуждены постоянно обмѣниваться мыслями и образуютъ какъ бы нѣкотораго рода университетъ въ миниатюрѣ. Любопытно будеть прослѣдить ихъ дальнѣйшую судьбу, когда они вступятъ въ жизнь, чтобы узнать, сохранить ли они энциклопедический характеръ своего образа мыслей. Совѣтъ учрежденія имени Тьера только что постановилъ издать серію трудовъ, которые появятся подъ общимъ заглавиемъ: *Bibliothèque de la Fondation Thiers*, и дадуть возможность составить себѣ понятіе о разнообразіи трудовъ воспитанниковъ этого заведенія. Первый томъ этой серіи—докторская диссертација на словесномъ фа-

культетѣ въ Парижскомъ университѣтѣ. Ея заглавіе— „Les Justices seigneuriales en Bretagne“; она принадлежитъ г-ну Жиффару (Giffard).

Рамки высшаго образованія во Франціи все расширяются. Такъ, недавно въ Collège de France учреждены три новыя каѳедры: по географіи колоній, по „американизму“ и по нумизматику. Двѣ послѣднія каѳедры, въ которыхъ ощущался серьезный недостатокъ, возникли изъ частныхъ средствъ. И каѳедра по географіи колоній учреждена не по бюджету министерства народнаго просвѣщенія, а изъ суммы изъ бюджета колоніального управления. Отмѣчу новшество и въ Сорбоннѣ: нѣмецкій докторъ читаетъ по-нѣмецки курсъ о современной нѣмецкой литературѣ. Такія нововведенія сдѣланы были на словесномъ факультетѣ въ Дижонѣ, гдѣ иностранцы читаютъ лекціи по-англійски и по-нѣмецки. Нельзя не пожелать, чтобы этому примѣру послѣдовали и въ другихъ провинциальныхъ факультетахъ, такъ какъ французы, мало знакомые практически съ иностранными языками, имѣли бы, такимъ образомъ, случай усовершенствоваться въ нихъ. Повидимому, новые курсы нашли весьма внимательныхъ слушателей.

Я замѣтилъ нѣсколько разъ писать объ усилияхъ нашихъ провинциальныхъ университетовъ привлечь иностранныхъ студентовъ, чтобы развить во Франціи интересъ къ иностраннымъ языкамъ и возможность упражняться въ нихъ. Ежедневно наблюдаются новые успѣхи въ этомъ направлѣніи. Иностранные лекторы преподаютъ по-англійски и по-нѣмецки въ Нанси, въ Дижонѣ, въ Гренобль и въ Бордо. Въ Нанси только-что возникло общество изученія иностранныхъ языковъ. Тамъ около сотни иностранныхъ студентовъ. И вотъ явилась счастливая мысль соединить вмѣстѣ иностранцевъ, жаждущихъ выучиться по-французски, и французовъ, желающихъ изучить иностранные языки: такъ образовалось общество— „Société nancienne pour l'étude des langues étrangères“. Въ немъ въ настоящее время до 400 членовъ. Общество сняло обширное помѣщеніе для своихъ собраний; тамъ имѣются и прѣмная комната (салонъ), и курительная, и залъ для чтеній, контора. Выписывается довольно значительное число журналовъ и газетъ на иностранныхъ языкахъ и предположено основать „многоязычную“ библіотеку (*une bibliothèque polyglotte*).

Общество распадается на шесть отдѣловъ: 1) нѣмецкій отдѣлъ (одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ, насчитывающій до 200 членовъ), 2) англійскій, 3) испанскій, 4) итальянскій, 5) русскій и 6) французскій. Эти различныя группы членовъ собираются разъ въ недѣлю по вечерамъ. Происходятъ чтенія, бесѣды, даже игры (*jeux de société*),

при чёмъ пользуются языкомъ данной группы. Съ другой стороны, управление общества занято пріискиваниемъ способовъ облегчить французамъ путешествія или побывки за границей, аи иностранцамъ — давать всѣ нужные свѣдѣнія на время ихъ пребыванія во Франціи. Членскій взносъ изъ самыхъ скромныхъ, всего по 5 франковъ въ мѣсяцъ. Пожелаемъ, чтобы примѣръ общества въ Нансі вызвалъ соотвѣтственныя учрежденія и въ другихъ университетскихъ городахъ. Наибольшій приливъ иностранцевъ, на ряду съ университетомъ въ Нансі, устмтривается въ Гренобль. Общий итогъ студенческихъ взносовъ за право слушанія лекцій за годъ возвысился съ 5.900 франковъ до 11.230 франковъ. Насчитываются до 50 нѣмецкихъ студентовъ, которые изъ года въ годъ матрикулируются на юридическомъ факультетѣ. На каникулярныхъ курсахъ новыхъ языковъ для иностранцевъ прошлымъ лѣтомъ было 302 слушателя, изъ нихъ 182 — нѣмцы. Факультетъ въ Гренобль, еще недавно считавшійся на пятомъ мѣстѣ среди нашихъ провинціальныхъ факультетовъ, сразу занялъ второе мѣсто.

Въ Берлинѣ только что возникло общество бывшихъ студентовъ словеснаго факультета въ Гренобль. Это очень любопытные результаты. Я усердно рекомендую читателямъ эти каникулярные курсы, основанные либо обществомъ — Alliance Française, либо различными факультетами. Упомяну еще о такихъ курсахъ въ Дижонѣ: они отличаются тѣмъ, что продолжаются съ юля по октябрь. На нихъ предлагаются практическія занятія и слушаніе лекцій. Практическія занятія происходятъ по утрамъ, ежедневно, кроме субботъ и воскресеній, и имѣютъ цѣлью дать возможность усовершенствоваться въ знаніи языка, тогда какъ теоретическіе курсы посвящены литературѣ, искусствамъ, исторіи, обозрѣнію учрежденій, состоянія наукъ и экономической жизни Франціи, со специальной задачей выставить значеніе Дижона, какъ бывшей столицы Бургундіи, какъ города, богатаго памятниками художественными и историческими, наконецъ, какъ одного изъ важнѣйшихъ центровъ винного производства во Франціи. У меня передъ глазами лежатъ программы предполагаемыхъ курсовъ, которые обѣщаются быть очень интересными и будутъ прочитаны видными мѣстными дѣятелями. Плата за шесть недѣль практическихъ занятій и лекцій — 30 фр., а за всѣ четыре мѣсяца 50 фр. Предприняты будутъ экскурсіи по окрестностямъ, при чёмъ, должно замѣтить, Бургундія одна изъ самыхъ интересныхъ областей Франціи съ точки зреѣнія древнихъ памятниковъ, а въ Дижонѣ жизнь очень дешева. Въ

студенческомъ кооперативномъ ресторанѣ можно столоваться за 45 франковъ въ мѣсяцъ, включая вино. Какъ видите, наши университетскіе города соревнуютъ въ чести принимать у себя иностранцевъ и за дешевую плату обучать ихъ.

Я уже писалъ вамъ объ открытии французской школы на крайнемъ востокѣ, въ Ганои. Эта школа заняла почетное мѣсто среди нашихъ лучшихъ научныхъ учрежденій, на ряду со школами въ Римѣ, въ Аѳинахъ и въ Каирѣ. Отчетъ, который она печатаетъ, заканчиваетъ вторымъ годомъ существованія школы и даетъ весьма цѣнное собраніе документовъ по изученію Индіи, Индо-Китая и Китая. Кроме отчета, школа издала отдельно уже пять томовъ по нумизматикѣ, составленныхъ г. Дезарс Лакруа, „новыя розысканія о Хамахѣ“ г. Кабатона, „Аннамскую фонетику“ миссіонера отца Кадьера, „Археологический атласъ Индо-Китая“ капитана Люнэ де Лажукимъ, „Школьные элементы санскрита“ профессора Парижского университета г. Виктора Генри. Послѣдняя книжка предназначена замѣнить учебникъ покойнаго Бергэня, который былъ полезенъ въ свое время, но чрезвычайно систематично составленъ. Г. Викторъ Генри, будучи прекраснымъ педагогомъ, сумѣлъ составить такой учебникъ, съ которымъ действительно можно заняться безъ руководителя. Всѣ эти изданія „Школы крайняго востока“ имѣются въ Парижѣ, у Leroix (28, rue Bonaparte). Въ настоящее время въ школѣ пять учениковъ казенно-коштныхъ. Она сыграла видную роль при устройствѣ первого международного конгресса по востоковѣдѣнию на дальнемъ востокѣ, состоявшагося 3 — 8 декабря въ Ганои: шесть правительствъ и 35 ученыхъ обществъ отправили туда своихъ представителей. Европейские восточники не могли туда лѣтѣть и, тѣмъ не менѣе, на конгрессѣ присутствовало до 88 членовъ. Прочитано было около 50 сообщеній. Подробный отчетъ будетъ напечатанъ въ слѣдующемъ бюллетеѣ французской школы. Сообщу теперь же, что конгрессъ постановилъ издать учебникъ по индо-китайской филологии, который влесеть иѣ-который порядокъ и ясность въ беспорядочную массу трудовъ, изданныхъ по настоящее время на полуостровѣ. Французское правительство и Академія Надписей, подъ чьимъ покровительствомъ находится новая школа, могутъ лишь порадоваться ея дѣятельности.

Л. Л-ръ.

запась людей младшаго возраста быль бы исчерпанъ даже сверхъ силь, такъ какъ всадническія центури оставались бы при неполномъ комплектѣ. Такое чрезмѣрное напряженіе, въ смыслѣ нормальнаю положенія дѣла, немыслимо.

Если же Сервіемъ Тулліемъ учреждено было всего только 6 центурий всадниковъ (600 человѣкъ) и 70 пѣшихъ центурий iuniorum (7.000 человѣкъ), то получается только 7.600 воиновъ, а со включеніемъ 2 центурий техниковъ ⁷⁾ всего 7.800 человѣкъ изъ 9.000—10.000 наличнаго мужскаго населенія младшаго возраста. Правда, и эта цифра обнаруживаетъ значительное напряженіе силъ, но все же уже не такое крайнее.

Примѣнія къ этой цифрѣ соображенія Дельбрюка о древнѣйшемъ устройствѣ римскаго войска, мы получимъ слѣдующее видоизмѣненіе представленной имъ схемы. Въ составъ фаланги, по даннымъ, вытекающимъ изъ различія вооруженія сервіевыхъ классовъ, могли входить только центурии первыхъ трехъ классовъ ⁸⁾, въ то время какъ центурии 4-го класса представляютъ собой особый разрядъ, подобный афинскимъ філоі. Такимъ образомъ для фаланги голлитовъ получается 6.000 человѣкъ (40 центурий iuniorum 1-го класса и по 10 центурий отъ 2 и 3 классовъ). Это количество тяжеловооруженныхъ любопытно въ томъ отношеніи, что оно находится въ точномъ соотвѣтствіи съ количествомъ 6 трибуновъ легіона. Оба эти числа находятся, очевидно, въ причинной связи: въ легіонѣ до позднѣйшихъ временъ числилось по 6 tribuni militum, потому что сервіева армія тяжеловооруженныхъ состояла именно изъ 6 тысячъ, изъ которыхъ каждая находилась подъ начальствомъ особаго трибуна ⁹⁾). Воспоминаніе о первоначальномъ назначеніи трибуновъ отражается еще въ позднѣйшемъ ихъ наименованіи греческимъ словомъ *χιλιαρχος*, „начальникъ тысячи“. Основное дѣленіе римскаго войска на тысячи подтверждается и словомъ miles „тысячникъ“ въ смыслѣ „одинъ изъ тысячи“ ¹⁰⁾.

⁷⁾ Центурии музыкантовъ также устроены, повидимому, только впослѣдствіи, какъ видно изъ ихъ мѣста при пятомъ классѣ. Быть можетъ, въ связи съ этимъ находится известная демонстрація музыкантовъ, удалившихся изъ Рима.

⁸⁾ *Delbrück*, I. c. 223.

⁹⁾ Такъ и *Madvig* (*Verf. und Verw. des röm. Staates*, II, 503), на основаніи количества легіонныхъ трибуновъ, выводить заключеніе, что первоначальная римская legio состояла изъ 6.000 воиновъ.

¹⁰⁾ Присвоеніе начальникамъ этихъ тысячъ называвія tribulus можетъ быть объяснено тѣмъ, что это название въ подобномъ значеніи древнѣе конституціи Сервія Туллія.

Кромъ арміи гоплитовъ существовала еще отдельная тысяча легковооруженныхъ (10 центурій 4-го класса).

Подобное дѣление примѣнено было и къ конницѣ. Так же и здѣсь одна часть (*priores*) была снаряжена лучше другой (*posteriores*), такъ какъ получала по двѣ лошади¹¹). Во всякомъ случаѣ конница изъ 600 всадниковъ при пѣхотной арміи въ 7000 человѣкъ была даже сильнѣе, чѣмъ это полагалось въ позднѣйшее время, когда при легионѣ въ 4200 человѣкъ состояло всего только 300 всадниковъ.

Такимъ образомъ вся дѣйствующая армія римского народа, по основной формѣ организаціи Сервія Туллія, состояла изъ 6000 тяжеловооруженныхъ, 1000 легкovoоруженныхъ и 600 всадниковъ, при 6 *tribuni militum*. Армія, конечно, небольшая. Однако, нужно принять во вниманіе, что во время возникновенія сервіевой конституціи римская община составляла часть церито-этрусско-государства Тарквииніевъ и что, следовательно, римский легіонъ являлся тогда лишь однимъ изъ отрядовъ общей арміи этого государства, на подобіе отрядовъ союзниковъ въ позднѣйшемъ римскомъ войскѣ.

Государственный строй этрусковъ основывался на федеративныхъ началахъ, примѣнявшихся по этому образцу позднѣе и самими римлянами. Но въ военномъ дѣлѣ у этрусковъ проводился принципъ единовластія: если была рѣшена общая война, то назначался одинъ общий военачальникъ, которому должны были подчиняться отряды всѣхъ союзныхъ общинъ. Тотъ же принципъ нужно предполагать и въ предѣлахъ этихъ отдельныхъ отрядовъ. Соответственно этому и во главѣ сервіеваго легіона римлянъ могъ стоять только одинъ „предводитель“ (*praetor* отъ *prae iug*). Но такъ какъ невозможно думать, что римское войско, участвовавшее въ изверженіи этрусскаго ига и, вслѣдствіе этого, захватившее въ свои руки управлѣніе дѣлами римской республики, само придумало учрежденіе двухъ преторскихъ должностей, вместо прежней одной, по какимъ-либо теоретическимъ причинамъ, то изъ этого слѣдуетъ, что также и второй преторъ унаследованъ республикой отъ предшествующаго периода Тарквииніевъ. Въ такомъ случаѣ также и центуріи *seniorum* имѣли такую же организацію, какъ и центуріи *iuniorum*¹²), хотя и легіонъ *seniorum* долженъ былъ состоять изъ меньшаго количества людей. Учрежденіе республиканскихъ порядковъ собственно и состояло только въ томъ, что для

¹¹) См. въ гл. I прим. 4.

¹²) *H. Delbrück*, I. с. 227 оспариваетъ это.

избрания обоихъ преторовъ, назначавшихся прежде, конечно, властью Тарквиніевъ, само войско теперь объявило себя компетентнымъ, чѣмъ и положено начало центуріатскимъ комиціямъ¹³⁾). Другихъ перемѣнъ въ государственномъ строѣ римской общины, повидимому, на первыхъ порахъ совсѣмъ не было. Даже и одинъ изъ обоихъ преторовъ по прежнему еще считался сперва главнымъ; по крайней мѣрѣ надпись на Капитолійскомъ храмѣ и договоръ Кассія съ латинами указываютъ на единоличный принципъ управления въ первое время республики.

Организованная Тарквиніями римская армія въ періодъ послѣдней войны съ веентянами оказывалась недостаточной для подавленія такого сильного соперника¹⁴⁾). Съ другой стороны и численность регулярной арміи уже не соотвѣтствовала увеличившемуся количеству населенія вслѣдствіе расширенія римской области, въ составъ которой прочно вошли двѣ новыя трибы за Апеніномъ, а также и земля общины Labici (ager Labicanus). Это и давало возможность осуществить оказавшееся необходимымъ усиленіе состава войска¹⁵⁾). Если же пѣхота увеличена была съ 140 центурій до 170, а конница съ 6 центурій до 18, то это указываетъ на наличность тогдашняго населенія римской территории до 100.000, если не болѣе. Въ томъ числѣ количество всѣхъ iuniores могло доходить до 15.000 и болѣе. А такъ какъ для 18 всадническихъ центурій и 85 пѣшихъ центурій iuniorum требовалось лишь 10.300 человѣкъ, то все же оставалась въ запасѣ еще пѣлая треть наличности, могшая идти на усиленіе пѣхоты.

Увеличеніе пѣшихъ центурій iuniorum до 85 представляло возможность преобразовать впослѣдствіи дѣйствующую армію iuniorum изъ одного легіона въ составѣ 6.000 человѣкъ въ два легіона по 4.250 человѣкъ въ каждомъ, по одному легіону для обоихъ преторовъ. Если же составъ легіона опредѣленъ быть круглымъ числомъ въ 4200 человѣкъ, то причину этого можно искать въ томъ, что это число дѣлится на шесть, по числу 6 трибуновъ. Въ такомъ случаѣ легіонъ

¹³⁾ Стѣдовъ основного воинаго характера этихъ комицій очень много, какъ въ самой обстановкѣ (въ томъ числѣ, напр., въ допущеніи къ участію только гражданъ военно-способнаго возраста: *sexagennarii de ponte*), такъ и въ томъ, что populus этихъ комицій обозначался также терминомъ *exercitus*.

¹⁴⁾ Территорія веентянъ не уступала территоріи римской общины, а также и городъ Vei занималъ почти такую же площадь, какъ и городъ Римъ. См. Nissen, Ital. Landeskunde II.

¹⁵⁾ Въ виду недостаточности регулярной арміи въ началь республика римляне вернулись отчасти снова къ до-сервіевой системѣ гентилійскихъ дружинъ. Ср. разсказъ о Фабіяхъ изъ Кремерѣ.

продолжалъ по прежнему дѣлиться на „тысячи“, хотя и въ уменьшенному видѣ. Такъ какъ различие вооруженія по классамъ сохранялось и послѣ этого, то легіонъ состоялъ теперь изъ 3000 тяжело-вооруженныхъ (первыхъ трехъ классовъ) и 1200 легковооруженныхъ¹⁶), но такъ что воины 5-го класса, *accensi*, должны были замѣщать выбывавшихъ изъ строя гоплитовъ¹⁷), получая въ такомъ случаѣ, какъ впослѣдствіи пролетаріи, казенное вооруженіе¹⁸.

Для службы въ пѣхотѣ¹⁹) оставалась въ запасѣ цѣлая треть людей. Нѣчто подобное установлено и для всаднической службы. Для дѣйствительной службы въ конніцѣ назначалось теперь по 300 всадниковъ при каждомъ легіонѣ, а всего 600, какъ и прежде. Изъ этого слѣдуетъ, что въ запасѣ оставалось 1200 всадниковъ, т. е. двѣ трети. Это означало, что въ то время какъ пѣхотинцы могли освобождаться отъ службы только разъ въ три года, всадники, наоборотъ, могли являться на службу только каждый третій годъ. У пѣхотинцевъ чередовались два года службы съ однимъ свободнымъ годомъ, у всадниковъ два свободные года съ однимъ годомъ службы. Нельзя не видѣть въ этомъ преднамѣренной системы съ цѣлью облегченія воинской повинности для наиболѣе богатой части гражданъ. Слѣдовательно патриціи, согласившись на устройство новыхъ 12 всадническихъ центурій и допустивъ въ нихъ также плебеевъ, извлекли изъ этого нововведенія значительную выгоду и для себя.

Что касается начальниковъ конніцы, то и здѣсь можно предполагать тотъ же самый консерватизмъ древнихъ порядковъ, какой замѣчается въ пѣхотѣ, въ которой неизмѣнно сохранялись *tribuni militum* въ количествѣ шести человѣкъ, даже тогда, когда въ этомъ не было уже никакой надобности²⁰). Въ отличіе отъ пѣхоты, въ кон-

¹⁶) *Mommsen*, St.-R. III, 103. *Delbrück*, I. c. 234. Ср. *Polyb.* VI, 20, 8.

¹⁷) *Fest.* p. 18: *accensi dicebantur*, qui in locum mortuorum militum subito subrogabantur: *ib.* p. 369.

¹⁸) *ENN. ap. Gell.* XVI, 10, 1: *proletarius publicitus scutisque feroque ornatus ferro.*

¹⁹) О томъ, что дѣйствующая армія состояла изъ *iuniores* ср. *Liv.* VI, 6, 14: *tertius exercitus ex causariis senioribusque scribatur*, qui urbi moenibusque praesidio sit; III, 41, 7: *iuniores exercitibus*.

²⁰) Замѣни консулата, въ 445 году, консулярными трибунатами съ максимальнымъ количествомъ 6 мѣстъ (см. *Mommsen*, *Hermes*, 1903, 118) показываетъ, что въ то время былъ еще только одинъ легіонъ *iuniorum* съ 6 трибуналами. Возстановленіе въ 366 году консулата находится въ какой-либо связи съ преобразованіемъ дѣйствующей арміи въ два легіона.

нищъ впослѣдствіи не было никакихъ трибуновъ, и такъ это было, вѣроятно, съ самаго начала. Сакральныи tribunus celerum не имѣть никакого отношенія къ сервіевой конніцѣ Тарквиніевъ²¹).

3. Увеличеніе состава конніцы при Тарквиніи Старшемъ.

Результатами предшествующаго изслѣдованія до извѣстной степени уже предрѣшены и вопросъ объ увеличеніи конніцы при Тарквиніи Старшемъ. Если Сервій Туллій ввелъ всего только 6 всадническихъ центурій, то само собою очевидно, что при Тарквиніи Старшемъ не могло быть болѣе 600 всадниковъ, и Тарквиній Старший могъ увеличить количество конніцы только до этихъ размѣровъ. Всякія цифры, которая выше этой нормы, тѣмъ самымъ оказываются невозможными. Впрочемъ Цицеронъ и Ливій даютъ для Тарквинія Старшаго одну и ту же цифру 1800, между тѣмъ какъ въ новѣйшія времена принималась еще и цифра 1200.

Ливій¹⁾ сообщаетъ объ этомъ слѣдующее: neque tum Tarquinius de equitum centuriis quidquam mutavit; numero alterum tantum adiecit, ut mille et octingenti equites²⁾ in tribus centuriis essent... quas nunc, quia geminatae sunt, sex vocant centurias.

Также точно излагаетъ это дѣло и Цицеронъ³⁾: L. Tarquinius equitatum ad hunc morem constituit, qui usque adhuc est retentus, sed tamen prioribus equitum partibus secundis additis MDCCC fecit equites numerumque duplearit⁴⁾.

²¹⁾ См. „Очеркъ“, 767.—Еще древніе толковали слово celeres въ смыслѣ equites и на этомъ основаніи придумали даже Целера во главѣ конніцы Ромула и Юния Брута въ званіи трибуна целеровъ Тарквинія Гордаго. Такое толкованіе слова celeres, можетъ быть, правильно. Однако принадлежность сакрального трибуна целеровъ къ штату жреческаго царя, наравнѣ съ понтификами, показываетъ, что это только переносъ старинной должности при жреческѣ царяхъ римской общины; если въ самомъ дѣлѣ celeres=equites, то это званіе является остаткомъ отъ старой, до-тарквиніевской, организациіи коннаго отряда, отличного отъ сервіевыхъ sex suffragia. Но, впрочемъ, слово celeres могло обозначать и нечто совершенно другое, напр. „скороходы“, „курьеры“, „быстрые исполнители царскихъ приказаний“ и т. п. Основное значеніе слова celeres могло оказаться утраченнымъ такъ же точно, какъ и значение слова pontifices. Также и Діонісій говоритъ сперва о всадникахъ (II, 2), а потомъ о celeres (II, 13) и Ливій отличаетъ 300 celeres (I, 15, 7) отъ трехъ центурій equites (I, 13, 8).

¹⁾ Liv. I, 38, 7.

²⁾ Таково чтеніе лучшихъ рукописей. Но чаще читается: mille et trecenti, чтобъ объяснялся искаженіемъ цифры MDCCC, въ которой D прописто было за et.

³⁾ Cic. g. r. II, 20, 36.

⁴⁾ Нібуръ (I⁴, 377, прим. 892) предлагалъ читать здесь Masss въ смыслѣ M ac

Оба автора говорять не объ увеличениі конницы вообще, а въ частности именно о ея *удвоеніи*. Оба также указываютъ, что дѣло касается собственно только сервievыхъ sex suffragia, раздѣлявшихся поровну на двѣ части и являющихся въ видѣ удвоенныхъ трехъ центурій. Слѣдовательно суть дѣла въ томъ, что эти центуріи удвоены были впервые Тарквиніемъ Старшимъ и въ этой формѣ перешли и въ организацію Сервія Туллія. Все это вполнѣ ясно. Однако разъ идетъ дѣло объ удвоенныхъ трехъ центуріяхъ, называвшихся sex suffragia, то слѣдовало бы ожидать для временъ Тарквинія Старшаго цифру 600, а для предшествующаго времени цифру 300, какъ основу этого удвоенія.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что такъ это и было въ первоначальной формѣ этого разсказа. Цифра 1800 внесена въ него только путемъ археологической теоріи, предполагавшей до временъ Тарквинія Старшаго существование всадническаго отряда въ 900 человѣкъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Авторъ этой теоріи принимать первоначальный составъ римской конницы при Ромулѣ въ количествѣ 300 всадниковъ⁵); къ этимъ 300 всадниковъ, послѣ присоединенія сабинянъ, прибавились новые 300⁶), а затѣмъ постѣ завоеванія Албанонгі еще 300⁷), чтѣ и дало общую цифру 900, какъ основу для удвоенія числа всадниковъ до 1800.

Однако эта теорія не была общепринята. Діонісій совсѣмъ игнорируетъ ее, а въ разсказѣ о Тарквиніи (III, 51) не указываетъ никакого числа, ограничиваясь только общимъ замѣчаніемъ: *βουλομένῳ τότε τῷ Ταρκυνίῳ τρεῖς φύλάς ἀποδεῖσαι νέας.* Мало того, какъ бы въ оппозиціи къ этой теоріи, онъ утверждаетъ, что во времѧ основанія города у Ромула было менѣе 300 всадниковъ, а къ концу его жизни это число доказано было почти до 1000⁸).

Кромѣ того съ этой теоріей скрепчилась еще другая, установленная Энніемъ, о томъ, что изъ трехъ всадническихъ центурій Ромула одна отъ его имени получила прозваніе *Ramnes*, а другая—*Ti-*

CC, т. е. 1200. Эту конJECTУРУ принадл. и *Bellot* (I, 386). Однако она невозможна въ грамматическомъ отношеніи, такъ какъ частица *as* въ этомъ сочетаніи не встрѣчается. Поэтому еще *Швейцеръ* (I, 689^a) вернулся къ чтенію MDCCC.

⁵) *Liv.* I, 13, 8: *εοδεις tempore et centuriae tres equitum conscriptae sunt.* *Dion.* II, 2. *Plut.* Rom. 13.

⁶) *Plut.* Rom. 20: *διπλασιαθείσης τῆς πόλεως οἱ λεγεώνες ἐγένοντο πεντῶν μὲν ἑξακολιών, ἕπτέων δὲ ἑξακοσίων.*

⁷) *Liv.* I, 30, 3: *equitum decem turmas ex Albanis legit* (*Tullus Hostilius*).

⁸) *Dion.* II, 16.

tienses по имени сабинского царя Т. Тація. Стало быть, тѣ, кто принимали эту послѣднюю теорію ⁹), должны были отказаться отъ прибавленія новыхъ трехъ центурій изъ сабинянъ, такъ какъ по теоріи о прозваніяхъ основныхъ трехъ центурій требовалось, чтобы и самое возникновеніе ихъ помѣщено было уже послѣ соединенія сабинянъ съ римлянами. Такъ поступалъ и Ливій ¹⁰), причемъ подчёркиваемое имъ указаніе на время (*eodem tempore*, т. е. послѣ заключенія мира съ сабинянами) выглядитъ какъ бы полемикой противъ тѣхъ, кто въ это время предполагалъ прибавленіе новыхъ 300 всадниковъ къ прежде уже существовавшимъ тремъ центуріямъ Рамновъ, Тиціевъ и Луцеровъ. Вслѣдствіе этого у него, однако, получилась ариометрическая ошибка. Принявъ для времени Ромула всего только 300 всадниковъ, а затѣмъ прибавивъ къ нимъ другія 300 при Туллі Гостилии, такъ что оказывается всего только 600 всадниковъ, онъ все-таки утверждаетъ, что Тарквіній Старшій, путемъ удвоенія, довѣль число всадниковъ до 1800, въ то время какъ слѣдовало ожидать у него цифры 1200. Подобную ариометрическую ошибку Ливій допустилъ также и въ счетѣ центурій Сервія Туллія и притомъ опять-таки подъ вліяніемъ археологической теоріи обѣ акцензахъ, какъ обѣ особой центуріи, въ то время какъ это было, по всей вѣроятности, первоначальное названіе всѣхъ 30 центурій пятаго класса. Въ виду этого нѣть никакой необходимости исправлять въ текстѣ Ливія число 1800 на 1200, какъ это предлагалъ Нібуръ ¹¹), и строить на этомъ соотвѣтственные гипотезы, какъ это дѣлаетъ Bellot.

Комбинаціи римскихъ ученыхъ о количествѣ всадниковъ при первыхъ царяхъ до Тарквінія Старшаго отличались, повидимому, болѣшімъ разнообразіемъ. По отношенію къ основному числу 300 принималась частью связь съ трибами, частью съ куріями ¹²). На тѣхъ же основаніяхъ также и первоначальная пѣхота Ромула исчислялась въ количествѣ 3600 человѣкъ ¹³).

⁹) Дионісій игнорируетъ эту теорію, и даже въ разу не приводить и самыхъ прозваний центурій *ses Suffragia*.

¹⁰) Liv. I, 13, 8: *eodem tempore et centuria tres equitum conscriptae sunt: Ramnenses ab Romulo, ab T. Tatio Titientes appellati.*

¹¹) См. выше, прим. 4.

¹²) Fest. ep. p. 55: *celeres antiqui dixerunt, quos nunc equites dicimus, & Celere, interfectore Remi, qui initio iis praepositus fuit; qui primi electi fuerunt ex singulis curiis deni ideoque omnino trecenti fuere.*

¹³) Varro I, I, V, 89: *milites, quod trium milium primo legio siebat ac singulae tribus Titientes Ramnum Lacerum milia militum mittebant.*

По примѣру древнихъ археологовъ также и въ новѣйшія времена считалось почти несомнѣннымъ историческимъ фактамъ, что древнѣйшая римская армія въ самомъ дѣлѣ состояла изъ 3000 пѣхоты и 300 всадниковъ, по 1000 и по 100 оть каждой изъ трехъ основныхъ трибъ¹⁴⁾. А между тѣмъ нельзя, конечно, полагать, что свѣдѣнія древнихъ авторовъ по этому вопросу основываются на какой-либо достовѣрной традиціи, сохранившейся еще оть временъ первыхъ царей. На противъ, источники всѣхъ этихъ свѣдѣній нужно искать въ ученыхъ догадкахъ римскихъ историковъ и прочихъ изслѣдователей родной старины. Въ этомъ видѣ освѣщенъ этотъ вопросъ Борманномъ¹⁵⁾. Услуга, оказанная имъ исторической наукѣ, не умаляется чрезмѣрныхъ радикализмомъ, простирающимся до отрицанія также и трибъ Рамновъ, Тиціевъ и Луцеровъ, а также и излишнею односторонностью, тѣмъ что все эти свѣдѣнія приписываются исключительно авторству Баррона. Кромѣ того, въ этихъ комбинаціяхъ древнихъ ученыхъ многое обставлено настолько удачно, что, какъ замѣчаетъ Э. Мейеръ¹⁶⁾, намъ оставались бы самимъ сдѣлать эти выводы, если бы они не были сделаны еще самими римлянами.

Во всякомъ случаѣ свѣдѣнія о численности римскихъ военныхъ отрядовъ изъ временъ римскихъ царей до Тарквинія Старшаго включительно не могутъ имѣть силы историческихъ свидѣтельствъ, ни даже значенія старой традиціи, какъ это принимается еще Моммзенъ¹⁷⁾. Однако въ разсказѣ о Тарквиніи къ числу ученыхъ догадокъ принадлежитъ только число 1800. Все остальное взято изъ несомнѣнно древней легенды этиологического типа, связанной съ именемъ авгура Атта Навія и имѣвшей цѣлью объяснить странную форму двойныхъ центурій Тиціевъ, Рамновъ и Луцеровъ, отличную отъ всего остального строя сервіевой *discriptio classium*.

4. Легенда обѣ Аттѣ Навіи.

Ливій¹⁾ передаетъ эту легенду въ слѣдующемъ видѣ. Тарквиній, желая увеличить составъ римской конницы²⁾, вздумалъ было къ прежнимъ тремъ центуріямъ Рамновъ, Тиціевъ и Луцеровъ, устроен-

¹⁴⁾ Такъ это дѣло изложено, напр., у Моммзена, St.-R. III, 104 сл.

¹⁵⁾ Bormann. Die älteste Gliederung Roms (*Eranos Vindobonensis*, 1893, 345 сл.).

¹⁶⁾ E. Meyer, Geschichte des Altertums. II, 830.

¹⁷⁾ Mommsen, St.-R. III, 1703.

¹⁾ Liv. I, 36.

²⁾ L. c. § 2: *equitem maxime suis deesse viribus ratus*.

ныхъ еще Ромуломъ, прибавить новые центурии и назвать ихъ по своему имени (т. е. Тарквиниевскими). Но такъ какъ Ромулъ учредилъ свои центурии при помощи авспицій (*inaugurato*), то знаменитый чѣмъ то время авгуръ *Attus Navius* заявилъ Тарквинію, что безъ авспицій нельзя ничего ни измѣнить, ни добавлять³⁾). Разг҃иѣваний этими заявленіемъ Тарквиній, издѣваясь надъ авгурскимъ дѣломъ⁴⁾), вѣль Навію угадать путемъ авспицій, можетъ ли совершаться то, о чѣмъ онъ въ эту минуту думаетъ. А когда Навій, на основаніи результатовъ авспицій (*in augurio rem expertus*), далъ Тарквинію утвердительный отвѣтъ, то царь сказалъ: „А я задумалъ, что ты сумѣешь разрѣзать бритвой точильный камень“, и потребовалъ отъ него исполненія. И, дѣйствительно, Навій немедленно разрѣзаль камень бритвой. На томъ мѣстѣ, где совершилось это чудо, поставлена была статуя авгура Навія, съ покрытой головой (какъ это полагалось при совершенніи священнодѣйствій), и тамъ же сохранялся и разрѣзанный Навіемъ оселокъ, въ память объ этомъ чудесномъ событіи. Съ тѣхъ порь авгуры стали пользоваться большимъ почетомъ. На Тарквинія же совершенное Навіемъ чудо подѣйствовало такъ, что онъ отказался отъ своего намѣренія: онъ оставилъ старыя три центурии всадниковъ безъ всякаго измѣненія, но только удвоилъ ихъ составъ⁵⁾), такъ что онѣ оказались двойными (*geminatae*), съ подраздѣленіемъ на *priores* и *posteriores*, но подъ тѣми же названіями Рамновъ, Тициевъ и Луцеровъ, вслѣдствіе чего онѣ считаются за шесть центурий⁶⁾.

То же самое содержаніе легенды, но въ сильно сокращенной формѣ, воспроизведено и у Цицерона⁷⁾: *nec potuit Titienium et Ramnensium et Lucerum mutare, cum superet, nomina, quod auctor ei summa augur gloria Attus Navius non erat... sed tamen prioribus equitum partibus secundis additis... numerum duplicavit.*

Валерій Максимъ⁸⁾ повторяетъ, по Ливію, только ту часть легенды, которая касается чудеснаго разсѣченія оселка, согласно пре-

³⁾ Ib. § 3: *negare Attus Navius, inclitus ea temestate augur, neque mutari neque novum constitui, nisi aves addixissent.*

⁴⁾ Ib. § 4: *ex eo ira regi mota eludensque artem inquit.*

⁵⁾ Ib. § 7: *neque tum Tarquinii de equitum centuriis quidquam mutavit, numero alterum adiecit, ut [mille et octingent] equites in tribus centuriis essent.*

⁶⁾ Ib. *posteriores modo sub isdem nominibus, qui additi erant, appellati sunt, quas (centurias) nunc, quia geminatae suat, sex vocant centuriias.*

⁷⁾ Cic. r. p. II, 20. 36.

⁸⁾ Val. Maxim. I. 4. 1.

елѣдуюемой имъ въ этомъ мѣстѣ цѣли (глава трактуетъ специально de auspiciis).

Также и Фестъ ограничивается преимущественно этой частью легенды съ цѣлью объясненія названія *ficus Navia*⁹⁾. Изъ второй, фрагментарной, части объясненія Феста видно, что кромѣ оселка сохранилась тамъ и бритва (*novacula*), и притомъ подъ землей (*defodi*), и что это бытъ *locus consecratus*.

Очень пространно, но въ общемъ согласно съ Ливіемъ, изложена легенда у Діонисія¹⁰⁾. Отступленія отъ Ливія несущественны. По Ливію, Тарквиній намѣревался назвать новыя центуриі по своему имени, Діонисій же предназначаетъ для этого только одну центурию, въ то время какъ остальные двѣ должны быть названы по именамъ приближенныхъ царя. У Ливія камень разрѣзается авгуромъ, у Діонисія самимъ царемъ. Ливій сообщаетъ только фактъ существованія статуи авгура Навія, Діонисій же приписываетъ сооруженіе ея самому Тарквинію, который пожелалъ такимъ образомъ вознаградить авгура за понесенные имъ обиды. А сцена издѣвательства надъ авгуромъ и его дисциплиной, для вящшаго эффекта, развита Діонисіемъ очень обстоятельно, въ то время какъ Ливій ограничивается только двумя словами: *eludens artem*. Кромѣ того, Діонисій сообщаетъ еще иѣкоторыя фактическія свѣдѣнія, отсутствующія у Ливія: кромѣ камня сохранилась и бритва (какъ и по Фесту), а именно въ землѣ подъ какимъ-то жертвеникомъ, и мѣсто это называлось *puteal*; фигура статуи была немного меныше средняго человѣческаго роста; она находилась подъ смоковницы передъ куріей, что у Ливія¹¹⁾ опредѣлено точнѣ словами: *in comitio in gradibus ipsis ad laevam curiae*¹²⁾. Суть разсказа у обоихъ авторовъ тождественна. Также по Діонисію Тарквиній захотѣлъ сперва устроить три новыя центурии (*Յօլօւցէնք տէ տի Տարկվինի թրէ; չոլահ էտէրահ ձոգեհէսի նէշ;*) подъ новыми назва-

⁹⁾ Fest. p. 169: *Ficus quoque in comitio appellatur Navia ab Atto Navio augure. Nam cum Tarquinius Priscus institutas tribus a Romulo mutare vellet determinereturque ab Atto per augurium, ut eluderet eius prudentiam, interrogavit eum, an fieri possit id, quod animo proposuisset suo. Cui ille permittente augurio cum respondisset effici posse, iussit rex cotem ac novaculam proficeri...*

¹⁰⁾ Dion. III, 71.

¹¹⁾ Liv. I, 36, 5.

¹²⁾ Изъ формы взложенія Ливія (*suit*) и Діонисія (*η και εις ημεις γη ετι*) видно, что въ то время, когда они писали объ этомъ, статуи Навія уже не было на этомъ мѣстѣ. Она была, следовательно, устранина по поводу постройки новой *curia Iulia*. Ср. Філол. Обозр. XVI, 2, 190.

ними, но затѣмъ, сконфуженный чудомъ Навія, отказался отъ своего плана (τῶν περὶ τὰς φυλὰς ἐγγειρμάτων ἀπέστη); однако о томъ, какъ Тарквиній поступилъ съ старыми центуріями, Діонисій совершенно умалчиваетъ.

Эта легенда обнаруживаетъ явные слѣды сравнительно глубокой древности.

Во-первыхъ. Чрезвычайно любопытно, что блюстителемъ римской религіи въ легендѣ обь Аттѣ Навіи является именно авгуръ. Съ точки зрѣнія позднѣйшаго богослужебнаго дѣла римской республики въ такой роли слѣдовало бы ожидать скорѣе верховнаго понтифика. Это можетъ быть объяснено только тѣмъ, что, когда слагалась эта легенда, коллегія понтификовъ не занимала еще того положенія, которое было ей присуще впослѣдствіи. Уже одно название *pontifices*¹³⁾ показываетъ, что первоначальное назначеніе понтификовъ было иное, а именно, какъ нужно полагать, по преимуществу свѣтское. Въ жреческую коллегію они превратились только со временемъ Нуны Помпілія, т. е. сакрального царя начальныхъ временъ республики¹⁴⁾. Наоборотъ, относительно авгуровъ имѣются опредѣленныя данные, свидѣтельствующія о томъ, что позднѣйшая дѣятельность коллегіи, вращавшейся, главнымъ образомъ, въ области авспицій, нѣкогда составляла только одну, хотя и наиболѣе характеристическую, часть ихъ функций. Судя по всему, раньше возвышенія понтификовъ главную жреческую коллегію съ общей компетенціей представляли собою именно авгуры¹⁵⁾, наряду съ узко-специальной компетенціей фламиновъ. Позднѣйшее положеніе авгуровъ въ дѣлѣ авспицій было уже только служебное и ограниченное опредѣленными случаями. Напротивъ, Навій дѣйствуетъ еще, какъ верховный и главный жрецъ римскаго народа.

Во-вторыхъ. Вся соль разсказа обь Аттѣ Навіи заключается въ томъ, что безъ авспицій не допускается никакое начинаніе. Правда, въ легендѣ это требованіе не формулировано въ такомъ элементарномъ видѣ. Но это было само собою понятно для всякаго римлянина. Однако суть дѣла не въ этой элементарной истинѣ, а въ слѣдующемъ: когда Навій заявилъ свой протестъ противъ замысла Тарквинія указаниемъ на то, что Ромуль устроилъ свои центуріи *inaugurato* и что

¹³⁾ Фіалол. Обозр. XV, 2, 105 сл.

¹⁴⁾ См. „Очеркъ“, 694 сл.

¹⁵⁾ „Очеркъ“, 738 сл.

по этой причинѣ нельзя вводить перемѣнѣ (mutare), Тарквиній сильно разгневался и даже издѣвался надъ авгурской дисциплиной. Перемѣна же должна была состоять въ устройствѣ новыхъ центурій, сверхъ тѣхъ трехъ, которые были устроены Ромуломъ при помощи авспицій. Естественный выводъ отсюда тотъ, что подобнымъ образомъ, какъ Ромуль устроилъ свои центуріи *inaugurato*, также и Тарквиній долженъ бы примѣнить авспиціи, прежде чѣмъ приступить къ устройству новыхъ трехъ центурій.

Почему же, однако, Тарквиній такъ разсердился? Почему онъ не принялъ во вниманіе ссылку авгура на примѣръ Ромула и почему не устроилъ авспицій по этому образцу для осуществленія своего плана? Да какъ это римскій царь, верховный представитель такого глубоко религіознаго народа, какъ римляне, могъ издѣваться надъ авгуромъ и авспиціями? Но допустимъ, что въ семѣ не безъ урода и что и среди римлянъ издавна встречались кощунственные поругатели своей религіи и что однимъ изъ нихъ былъ именно Тарквиній Старшій. Какъ же, однако, въ такомъ случаѣ объяснить, что послѣ того, какъ Аттъ Навій чудеснымъ образомъ доказалъ правдивость авспицій, Тарквиній подчинился протесту авгура только въ отрицательномъ смыслѣ, тѣмъ что согласился ничего не измѣнять въ освященномъ авспиціями Ромула количествѣ и наименованіи центурій? Почему онъ не подчинился и въ положительному смыслѣ и не устроилъ новыхъ авспицій ради освященія также и задуманныхъ имъ добавочныхъ трехъ центурій? Почему онъ ограничился полумѣрою, когда безъ труда можно было осуществить все мѣропріятіе въ подлинномъ видѣ при помощи новыхъ авспицій?

На всѣ эти недоумѣнія возможенъ только одинъ отвѣтъ. Тарквиній отказался отъ освященія авспиціями проектированныхъ имъ новыхъ центурій по той причинѣ, что въ этомъ отношеніи онъ не могъ подражать Ромулу. Онъ не могъ устроить авспицій, потому что *не имѣлъ права на авспиціи*, въ качествѣ иновѣрца. Въ этомъ дѣлѣ Тарквиній оказывался на томъ же положенії, какъ и плебеи во время борьбы съ патриціями, которые неизмѣнно указывали на отсутствіе у плебеевъ права на авспиціи, какъ на одинъ изъ главныхъ аргументовъ противъ предоставлечія имъ одинаковыхъ съ патриціямимагистратскихъ правъ. Не имѣли же они права на авспиціи потому, что религія плебеевъ, признававшая только *auspicio oblativa*, въ этомъ дѣлѣ существенно отличалась отъ патриціанской религіи. Авгурская *auspicio impetrativa* не были доступны и для Тарквинія, потому что

онъ не быть римляниномъ; онъ былъ этрускъ и его религія была этрусскаѧ. Въ иновѣріи Тарквинія и заключается разгадка его страннаго поведенія.

Въ самой легендѣ объ Аттѣ Навіи не упоминается особо о национальности и религіи Тарквинія. Это просто предполагается, какъ всѣмъ извѣстный и самъ собой понятный фактъ. Ясно, что въ такой редакціи эта легенда могла возникнуть только въ такое время, когда иновѣрческий типъ религіи Тарквииніевъ, отличный отъ типа римской патриціанской религіи, былъ еще въ свѣжей памяти населенія. Легенда объ Аттѣ Навіи могла сложиться только въ періодъ времени, достаточно еще близкій къ эпохѣ Тарквииніевъ. Къ тому же и самый мотивъ объ авспиціяхъ указываетъ на возникновеніе легенды объ Аттѣ Навіи въ такое время, когда вопросъ объ авспиціяхъ занималъ еще умы народа, когда религіозная борьба патриціевъ и плебеевъ постоянно вращалась вокругъ этого вопроса. Наконецъ, легенда принимаетъ во вниманіе одинъ только *sex suffragia*, какъ будто, кроме нихъ, и вовсе не существовало другихъ всадническихъ центурий. Стало быть, возникновеніе легенды объ Аттѣ Навіи принадлежитъ такому времени, когда еще не было XII centuriae equitum или когда, по крайней мѣрѣ, еще не успѣла изгладиться память о ихъ недавнемъ происхожденіи. Все это, взятое вмѣстѣ, указываетъ на начальныя времена республики.

Такимъ образомъ разсказъ объ удвоеніи состава всадниковъ въ старыхъ трехъ центуріяхъ представляетъ собою древнее сказаніе, но только не преемственно историческое, а, напротивъ, основанное на народно-поэтическомъ творчествѣ, создавшемъ легенду объ авгурѣ Аттѣ Навіи.

Мало того, этой же легендѣ, а слѣдовательно, и народному творчеству обязана своимъ существованіемъ, повидимому, и самая фигура Тарквинія Старшаго или, точнѣе, „прежняго“ Тарквинія (*Tarquinius priscus*), названного такъ въ отличие отъ послѣдняго, исторического, Тарквинія. За время болѣе чѣмъ стolѣтия го владычества этрусовъ надъ Лациемъ у Тарквинія Гордаго могъ быть цѣлый рядъ предшественниковъ изъ церитской династіи Тарквииніевъ; могло быть, выражаясь терминомъ легенды, много „прежнихъ“ Тарквииніевъ. Но составитель легенды объ Аттѣ Навіи уже не зналъ ничего объ этихъ Тарквииніяхъ, какъ объ отдѣльныхъ, индивидуальныхъ, личностяхъ. Ему только былъ извѣстенъ фактъ, что и до Тарквинія Гордаго существовали другіе, „прежніе“, Тарквииніи и что удвоеніе всадническихъ

центурій произошло не при Тарквинії Гордомъ, а, напротивъ, при одномъ изъ Тарквиніевъ прежняго времени. Имя Тарквинія „прежняго“, созданное легендой обь Аттѣ Навіи, послужило ячейкой, вокругъ которой въ позднѣйшій анналистической хронологіи царскаго періода кристаллизовалась личность пятаго царя Л. Тарквинія. Изъ приписываемыхъ ему дѣяній свѣдѣнія о его строительной дѣятельности основываются на несомнѣнно историческомъ преданіи о томъ, что въ этомъ направлениі Тарквиніи начали дѣйствовать еще раньше времени Тарквинія Гордаго. Что же касается войнъ Тарквинія Старшаго, то имя Тарквиніевъ могло упоминаться и въ эпическихъ сказаніяхъ о борьбѣ съ сабинянами и веентянами. Индивидуальные черты въ биографіи пятаго царя составляютъ уже продуктъ литературы ¹⁶⁾.

Легенда обь Аттѣ Навіи представляетъ собою чрезвычайно цѣнное историческое сказаніе. Однако и она сложилась уже въ примѣненіи къ сервіевой формѣ всадническихъ sex suffragia, а потому, независимо отъ гадательныхъ чиселъ, также и самая суть разсказа сомнительна, насколько она приписывается дѣятельности царя, предшественника Сервія Туллія.

5. *Tities Ramnes Luceres priores—postiores.*

Всадническія sex suffragia состояли изъ трехъ центурій, но счи-
тались за шесть вслѣдствіе того, что каждая изъ нихъ распадалась
на двѣ части, имѣвшія, однако, одинаковыя названія.

По обыкновенному и, несомнѣнно, подлинному порядку перечисленія
названій этихъ центурій и ихъ трибъ во главѣ списка значатся Тиціи:
Tities, Ramnes, Luceres ¹⁾). Вмѣсто этого встрѣчается и другой поря-
докъ, съ Рамнами во главѣ: *Ramnes, Tities, Luceres* ²⁾). Постановка
Рамновъ на первомъ мѣстѣ зависѣла отъ того, что еще со временемъ
Эннія название *Ramnes* производилось отъ имени Ромула и, парал-

¹⁶⁾ По этруссской легенѣ, одинъ изъ римскихъ Тарквиніевъ былъ убитъ. Римская анналистика пріурочила это къ имени Тарквинія Старшаго. Напротивъ, *de-Sanktius* (*Beiträge zur alten Geschichte*, I, 1) относитъ это къ Тарквинію Гордому. Однако, и этруssкая легенда могла основываться на какомъ-либо литературномъ источнике, въ родѣ трагедій Вольтія.

¹⁾ Varro I. I. V, 55 (по Эннію). 89, 91. Cic. g. r. II, 20, 36. Fest. p. 344. 355. Ov. fast. III, 131. Prop. V, 1, 30: *hinc Tities Ramnesque viri Luceresque coloni* (для стиха годился бы здесь и порядокъ: *hinc Ramnes Titiesque viri*).

²⁾ Liv. I, 13, 18, 36, 2; X, 6, 7. Plut. Rom. 20. Совсѣмъ произвольный по-
рядокъ данъ у Варрона I. I. V, 81: *Ramnes, Luceres, Tities*.

дельно съ этимъ, также и название Tities отъ имени сабинскаго царя Т. Татія. И хотя Варронъ не признавалъ этихъ толкований, а, на-противъ, считалъ названія отрусскими, чѣмъ не менѣе, въ вѣкъ Ав-густа, порядокъ съ Рамнами на первомъ мѣстѣ принять бытъ, пови-димому, и въ комиціяхъ при объявленіи результатовъ голосованія. По крайней мѣрѣ, Гораций называетъ Рамновъ, какъ представителей центурій ішпюгум вообще ³⁾, равно какъ и Ливій помѣщаетъ это на-званіе неизмѣнно во главѣ списка, въ то время какъ Овидій и Про-перцій придерживаются еще порядка своихъ источниковъ изъ республи-канскаго периода.

Вмѣсто существительныхъ: Tities, Ramnes, Luceres употребляются и прилагательныя: Titienses, Raminenses, Luciferenses. Однако возмож-ное предположеніе, что первыя формы означаютъ самыя трибы, а вторыя—приналежащія къ нимъ центуріи всадниковъ, не оправдывается фактическимъ употребленіемъ у древнихъ авторовъ. Тѣ и другія формы примѣняются въ обоихъ значеніяхъ, и притомъ нерѣдко даже въ смѣшанномъ видѣ ⁴⁾. Въ частности форма Tities встрѣчается гор-аздо рѣже, чѣмъ Titienses ⁵⁾, и, наоборотъ, Luciferenses рѣже, чѣмъ Luciferes ⁶⁾. Если при прилагательныхъ по отношенію къ центуріямъ можно подразумѣвать equites, то также въ примѣненіи къ трибамъ возможно дополнять tribules или cives ⁷⁾.

³⁾ Hor. a. p. 342: celsi praetereunt austera poemata Ramnes.

⁴⁾ О центуріяхъ: Liv. I, 13, 8: centuriae tres equitum conscriptae sunt, Raminenses a Romulo, ab T. Tatio Titienses, Luciferum nominis et originis causa in in- certo est. 36, 2: Ramnes, Titienses, Luciferes, quas centurias Romulus scripserat.

О трибахъ: Liv. X, 6, 7: tres antiquae tribus, Ramnes, Titienses, Luciferes, suum quaeque augurem habeat. Varro l. I. V, 55: a quo tribus appellata Titiensium Ramnium Luciferum; ib. § 91: tribubus Titiensium Ramnium Luciferum; ib. § 89: singulae tribus Titiensium Ramnium Luciferum. Fest. p. 314: quia civitas Romana in sex est distributa partes, in primos secundosque Titienses Ramnes Luciferes; ib. p. 355: ex tribus tribubus Titiensium Ramnium Luciferum. Ov. fast. III, 131: quin etiam partes totidem Titiensibus ille, quosque vocant Ramnes, Luciferibusque dedit. У Варрона (§ 81) и Проперція (V, 1, 30) имются все три формы существительныхъ; наоборотъ, у Платона (Rom. 20) одни только прилагательные.

⁵⁾ Tities только у Варрона l. I. V. 81 и Проперція V, 1, 30.

⁶⁾ Luciferenses только у Fest. ep. p. 119: Luciferenses et Luciferes, quae pars tertia populi Romani est distributa a Tatio et Romulo et Plut. Rom. 20: φυλὲς δὲ τρεῖς κα-ταστήσαντες ὑπόμεναν τοῖς μὲν ἀπὸ Ρωμαίου Ραμνίηστος, τοῖς δὲ ἀπὸ Τατιου Τατιήστος, τρίτοις δὲ Λουκερίγνητος.

⁷⁾ Ср. Fest. ep. p. 366: Titiensis tribus a praeonomine Tatii regis appellata esse videtur.

Объ составных части каждой изъ трехъ центурій различались прибавкою къ ихъ названіямъ словъ: *priores* и *postiores* или *primi* и *secundi*⁸⁾.

Это удвоеніе трехъ центурій всадниковъ подъ тремя названіями въ древности объяснялось, согласно легендѣ обь Аттѣ Навіи, тѣмъ, что Тарквіній Старшій оказался вынужденнымъ не трогать числа старыхъ центурій и ихъ наименованій. Но наряду съ этимъ существовало мнѣніе, что такимъ же точно образомъ, какъ всадническая центурія, распредѣленъ былъ вообще весь римскій народъ, раздѣлившійся на три трибы съ двумя частями въ каждой, такъ что получалось собственно шесть группъ населенія⁹⁾). Подтвержденіе этого находили и въ числѣ весталокъ¹⁰⁾.

Послѣднее мнѣніе является общепринятымъ и въ настоящее время. Такъ, напримѣръ, Моммзенъ¹¹⁾ представляетъ это дѣло въ слѣдующемъ видѣ: „Первоначально римскій народъ, дѣлившися на три части (*dreieinige Gemeinde*), имѣлъ три *centuriae equitum* въ количествѣ 300 человѣкъ. Вслѣдствіе удвоенія общины, которое съ некоторою правдоподобностью можетъ быть пріурочено къ спленю палатинскаго города съ квиринальскимъ, также и прежнія три центуріи всадниковъ удвоены до шести (*sex centuriae, sex suffragia*), но съ удержаніемъ старыхъ трехъ наименованій“¹²⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Моммзенъ¹³⁾ находитъ дѣленіе всадническихъ центурій на *priores* и *postiores* однороднымъ явленіемъ съ дѣленіемъ сената на *patres maiorum* и *minorum gentium*. Также и это сопоставленіе дѣжалось еще въ древности, какъ видно изъ Цицерона¹⁴⁾: (*L. Tarquinius*) *duplicavit illum pristinum patrum numerum et antiquos patres maiorum gentium appellavit, quos priores sententiam rogabat.*

⁸⁾ Liv. I, 36, 8: *postiores modo sub isdem nominibus, qui additi erant, appellati sunt. Cic. r. II, 20, 36: prioribus equitum partibus secundis additis. Fest. p. 344: in primos secundosque Titenses R  mnes Luceres.*

⁹⁾ Fest. p. 344: *quia civitas Romana in sex est distributa partes, in primos secundosque Titenses R  mnes Luceres. Ov. fast. III, 131.*

¹⁰⁾ I. c.: *sex Vestae sacerdotes constitutae sunt, ut populus pro sua quaque parte haberet ministram sacerorum.*

¹¹⁾ Mommsen, St.-R. III, 107.

¹²⁾ Такъ уже Шеелеръ (I, 689): *beide Einrichtungen standen in urs  chlichen Zusammenhang.*

¹³⁾ Mommsen, I. c. 845^a, ср. тамъ же, 30.

¹⁴⁾ Cic. r. II, 20, 35, 39.

Deinde... prioribus equitum partibus secundis additis... numerum duplicavit.

Однако вся эта аналогія между всадническими центуріями и сенатомъ исчерпывается исключительно только сходствомъ словъ *maiores* и *priores*, *minores* и *posteriores*. Полного же тожества не имѣется въ этихъ словахъ, даже взятыхъ сами по себѣ. Если же рассматривать ихъ во всемъ фразеологическомъ составѣ, то также и частичное сходство является очень сомнительнымъ: всадники называются *Ramnes priores* и т. д., а сенаторы обозначаются фразой: *patres maiorum gentium* и *patres minorum gentium*. Въ сенатѣ принималась во вниманіе большая или меньшая знатность патриціанскаго рода; это, по свидѣтельству Цицерона¹⁶⁾, выражалось въ томъ, что болѣе знатныхъ (*maiorum gentium*) опрашивали раньше менѣе знатныхъ или, иначе говоря, во время составленія цензорскаго списка сенаторовъ первые (конечно, *ceteris paribus*) помѣщались выше вторыхъ. Возможно, что это различие достоинства могло зависѣть отъ историческихъ причинъ и что „младшія“ *gentes*, въ самомъ дѣлѣ, могли образоваться путемъ позднѣйшаго присоединенія къ „старшимъ“. Возможно также, что это присоединеніе обусловливалось обстоятельствами вѣнѣшней, международной, политики, каковыми является слияніе патлатинской и квиринальской общинъ. Но столь же возможно допускать и причины внутренней политики, либо соціальныхъ (ср. „великий князь“ и просто „князь“), либо экономическихъ (степень богатства и зависящее отъ этого большее или меньшее количество клиентовъ). Однимъ словомъ, возможны самые разнообразныя толкованія; но для того или иного решенія этого вопроса не имѣется решительно никакого материала. Нѣтъ даже данныхъ для того, чтобы судить, какой изъ обоихъ разрядовъ быть многочисленнѣе. Нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на распределеніе тѣхъ и другихъ *gentes* по основнымъ тремъ трибамъ. Названія Тиціевъ Рамновъ и Луднеровъ оказываются совершенно забытыми въ сенатѣ.

Напротивъ, во всадническихъ центуріяхъ эти названія удержались навсегда. Но зато здѣсь опять нигдѣ не засвидѣтельствовано, что *priores* составлялись только изъ тѣхъ патриціевъ, которые принадлежали къ *gentes maiores*, а *posteriores* изъ *gentes minores*. Мало того, сохранилось указаніе на то, что *названія priores* и *posteriores* не имѣли никакого отношенія къ большей или меньшей знатности рода,

¹⁶⁾ Cic. l. c.

Отд. классич. филол.

а что они, напротивъ, обусловливались условиями военного дѣла. Въ отрывкѣ изъ XXVI книги Гранія Лициніана¹⁶⁾ читается слѣдующее: *De equitibus non omittam, quos Tарquinius duplicavit*¹⁷⁾ [ita], ut priores binos equos in proelium ducerent. Если это такъ, т. е. если оба разряда всадниковъ различались по роду ихъ службы, такъ что priores должны были являться на службу съ двумя лошадьми, posteriores же только съ одной, вслѣдствіе чего первые получали aes pararium¹⁸⁾, а вторые только простое aes equestre, то, конечно, дѣленіе на priores и posteriores не имѣло ничего общаго съ различіемъ между patres maiorum gentium и minorum gentium.

Предполагаемая аналогія между сенатомъ и всадническими центуріями опровергается уже однимъ количественнымъ различіемъ. Всадниковъ въ трехъ центуріяхъ, послѣ ихъ удвоенія, оказалось 600 человѣкъ. Напротивъ, сенаторовъ, послѣ „удвоенія“ сената вслѣдствіе присоединенія patres minorum gentium, такъ и осталось всего лишь 300, вслѣдствіе чего древніе авторы и придумывали разныя комбинаціи для того, чтобы получить если не удвоеніе, то, по крайней мѣрѣ, увеличеніе состава сената¹⁹⁾.

Различие количества сенаторовъ и всадниковъ свидѣтельствуетъ, что оба числа составились при разныхъ условіяхъ, независимо одно отъ другого. Если, какъ это само собою правдоподобно, числа 300 въ сенатѣ и 30 въ куріяхъ обусловлены древнімъ тройственнымъ дѣленіемъ римскаго народа, аналогично дѣленію всадниковъ на 3 центуріи Тиціевъ, Раміновъ и Луцеровъ, то изъ этого слѣдуетъ, что удвоеніе коснулось исключительно этихъ центурій, вѣтъ всякой зависимости отъ удвоенія народа и сената. Напротивъ, то обстоятельство, что всадническія центуріи еще и въ удвоенномъ составѣ сохранили безъ измѣненія именно тройственное дѣление съ удержаніемъ названій трехъ трабъ, свидѣтельствуетъ, какою жизненою силою обладало это тройственное дѣление народа въ моментъ созданія двойныхъ центурій

¹⁶⁾ Сохранились отрывки изъ книгъ XXVI, XXVIII и XXXVI, найденные въ видѣ нижнаго слоя письма въ одномъ codex ter scriptus. Сочиненіе Гранія Лициніана представляло собою анналістическое изложеніе римской исторіи до Августа.

¹⁷⁾ Wölflein (*Rh. Mus.* 1902, 318: Die Reitercenturien des Tarquinius Priscus) предлагаєтъ читать multiplicavit (въ рукописи имѣются неясныя буквы приближительно такого вида: CVITPACIPLT); но традиція, основанная на легендахъ объ Аттѣ Навіи, говорить въ пользу чтенія duplicavit. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что и первыя буквы слова priores не совсѣмъ ясны.

¹⁸⁾ См. гл. I, прим. 39.

¹⁹⁾ Такъ, напр., по Ливію (I, 35), Тарквіній прибавилъ только 100 сенаторовъ.

всадниковъ. Удвоеніе ихъ не отразилось ни на куріяхъ, ни на сенатѣ, а потому могло состояться только при какихъ-либо исключительныхъ обстоятельствахъ. Вдобавокъ, и *легенда объ Аттѣ Нави* знаетъ только удвоеніе центурій всадниковъ, но вовсе не знаетъ удвоенія гражданскихъ трибъ.

Въ пользу мнѣнія, что, подобно всадническимъ центуріямъ, также и остальной народъ дѣлился на шесть частей, вслѣдствіе удвоенія трибъ, указываютъ, кромѣ этихъ центурій, также и на число 6 военныхъ трибуновъ и на такое же число весталокъ. О послѣднихъ будеть рѣчь ниже ²⁰⁾). По отношенію къ остальнымъ двумъ случаямъ замѣчательно, что оба они касаются военной организаціи. Притомъ относительно трибуновъ выше ²¹⁾ было указано, что ихъ число обусловливалось составомъ фаланги гоплитовъ въ 6.000 человѣкъ преимущественно къ *discriptio classium* Сервія Туллія. А если въ основной формѣ конституції Сервія не было другихъ всадниковъ, кромѣ 600 въ двойныхъ трибахъ Тиціевъ, Рамновъ и Луцеровъ, и если дѣленіе ихъ на *priores* и *posteriores* основывалось на различіи рода ихъ военной службы, то, въ виду отсутствія связи ихъ числа съ прочей организацией общественныхъ учрежденій (за исключеніемъ однѣхъ лишь весталокъ), является правдоподобнымъ, что, подобно количеству военныхъ трибуновъ, также и *удвоеніе всадническихъ центурій принадлежитъ Сервію Туллію*, какъ организатору римскихъ военныхъ силъ. Въ данномъ видѣ, въ формѣ трехъ двойныхъ центурій, онъ организованы, очевидно, потому, что реформатору приходилось считаться въ этомъ дѣлѣ съ дѣленіемъ римского народа на три трибы. *Общаю же дѣленія всего народа на шесть частей никогда не было.*

При этомъ чрезвычайно любопытно, что учрежденіе двойныхъ центурій всадниковъ въ легендѣ объ Аттѣ Нави приписывается не Сервію Туллію, а, напротивъ, Тарквинію Приску, т. е. одному изъ „предникъ“ Тарквиніевъ, бывшихъ раньше послѣдняго Тарквинія („Гордаго“). Периодъ Тарквиніевъ представляеть собою время владычества этрусковъ надъ Лациемъ, окончившееся въ частности для римлянъ только битвою при Ариціи ²²⁾, благодаря вмѣшательству Аристодема.

²⁰⁾ Въ гл. 7.

²¹⁾ См. гл. 2.

²²⁾ Сравнительно болѣе позднимъ выходомъ Рима изъ-подъ владычества этрусковъ можно объяснять и отсутствіе римлянъ въ латинскомъ союзѣ, имѣвшемъ свой религіозный центръ въ арицинскомъ храмѣ Діаны. См. Ж. М. Н. Пр. 1902, юль, отд. класс. филол. 306 сл.

А разъ это было, въ самомъ дѣлѣ, этрусскою господство, то для того времени необходимо предполагать и для Лация ту же политическую организацію, которая вообще свойственна была государственному строю этрусковъ. Это та система, которую впослѣдствіи проводили и сами римляне, именно система вассальныхъ городскихъ общинъ, сохранившихъ внутреннюю автономію, но въ военному отношеніи и во вѣнчайшей политикѣ всесѣло зависѣвшихъ отъ главенствующаго города. Поэтому церито-этрусское государство Тарквиніевъ въ Лации должно было распадаться на иѣкоторое количество общинъ съ опредѣленной территоріей и съ мѣстной автономіей каждой общиной въ предѣлахъ своей территоріи, но въ военномъ дѣлѣ и во вѣнчайшей политикѣ всесѣло зависѣвшихъ отъ своихъ этрусскихъ сувереновъ—Тарквиніевъ. Стало быть, и сервіева организація военнаго дѣла римлянъ не могла осуществиться безъ участія этрусскихъ владыкъ. А что это участіе было сильно активное, это видно изъ привлечения къ воинской повинности также и плебеевъ, несогласного съ политикой патриціевъ по отношенію къ этому сословію, но зато вполнѣ соотвѣтствующаго этрусскимъ порядкамъ²³⁾). Такимъ образомъ сервіеву организацію, а, съдовательно, и учрежденіе двойныхъ всадническихъ центурий можно было соединять столько же съ именемъ мыслью царя римской общини Сервія Туллія, сколько и съ именемъ этрусского суверена Тарквинія.

Сила всякой гипотезы заключается въ томъ, чтобы, при помощи ея, поддавалось объясненію возможно большее количество загадочныхъ или, по крайней мѣрѣ, неясныхъ фактовъ, приводимыхъ путемъ этой гипотезы къ одному общему знаменателю. Наше предположеніе о существованіи мѣстного самоуправленія римской общини, съ мѣстнымъ царемъ, зависѣвшимъ отъ этрусского суверена, выдерживаетъ эту пробу. Этимъ предположеніемъ устраивается прежде всего главное возраженіе противъ этрусского владычества надъ Римомъ, заключающееся въ указаніи на непрерывность римского государственного быта²⁴⁾). Имъ объясняется удивительное появленіе въ римской республикѣ загадочнаго гех sacrogut съ еще болѣе загадочными понтификами, какъ преемственное явление, примыкающее къ старинной мѣстной царской власти и къ находившимся въ связи съ нею столь же стариннымъ учрежде-

²³⁾ I. c. 308; „Очеркъ“, 596.

²⁴⁾ См. напр. *Herzog (Gesch. und System der röm. Staatsverfassung I, 32 врим.):* Keine noch so scharfsinnige Deutung (владычества Тарквиніевъ) kann den aus den Einrichtungen sich ergebenden Beweis von der Kontinuität des lateinischen Wesens im römischen Staat umstossen.

ніамъ²⁵). Получаетъ надлежащее освѣщеніе трудный иначе вопросъ объ основной территоріи римской общины²⁶). Поддается объясненію указаніе (у Ливія и Діонісія) на двоякую категорію всадниковъ въ царскій періодъ, однихъ подъ названіемъ equites съ старинными наименованіями Рамновъ, Тиціевъ и Луцеровъ, а другихъ—подъ названіемъ celeres съ особымъ tribunus celerum во главѣ²⁷). Наконецъ, этою же гипотезою уясняется и приписываемое легендою Тарквинію Старшему учрежденіе двойныхъ всадническихъ центурій, въ дѣйствительности могущее принадлежать и Сервію Туллію, какъ, впрочемъ, утверждаетъ самъ Ливій²⁸.

Легенда объ Аттѣ Навіи говорить о „прежнемъ“ Тарквинії. Слѣдовательно, въ народной памяти, во время создания этой легенды, держалось еще сознаніе того, что удвоеніе всадническихъ центурій, наравнѣ съ остальной организаціей Сервія Туллія, произошло не при послѣднемъ Тарквинії, а при одномъ изъ „прежнихъ“ Тарквиніевъ и что инициаторомъ этого дѣла быть не мѣстный царь римской общины, а, напротивъ, этрускій „суверень“. Въ позднѣйшей антической схемѣ царствование Тарквинія Приска отдѣлено отъ царствованія Сервія Туллія, такъ что первый сдѣлался предшественникомъ второго, и такимъ образомъ появился дублетъ одного и того же факта. Раздѣленіе Сервіемъ Тулліемъ римскихъ гражданъ на классы и центуріи является древнѣйшимъ, документально засвидѣтельствованнымъ, событиемъ римской исторіи, а легенда объ Аттѣ Навіи даетъ высоко цѣнныій, по своей надежности, материалъ для освѣщенія исторической обстановки этого события.

И. Шегунова.

(Продолженіе следуетъ).

²⁵) „Очеркъ“, 55 сл.

²⁶) Ж. М. Н. Пр., 1902, юль, отд. класс. филол.

²⁷) См. выше, гл. 2, прим. 20.

²⁸) Liv. I, 43, 9: sex item alias centurias, tribus ab Romulo institutis, sub isdem. quibus inaugurate erant, nominibus fecit.

ТРАГИЧЕСКАЯ МЕДЕЯ¹⁾.

I.

Женщина жестоко оскорблена мужемъ, который кругомъ обязанъ ей, ея любви, энергіи и несчастіямъ. Мужъ оставилъ ее съ двумя малолѣтками на шеѣ, на узинѣ мало знакомаго города, а себѣ устроилъ выгодную женитьбу. Чтобы отомстить ему, эта женщина убиваетъ сперва свою молодую соперницу, а потомъ и своихъ дѣтей отъ этого человѣка.

Вотъ фабула старой греческой „Медеи“ въ тѣхъ бытовыхъ очеркахъ, которая придалъ ей Евріпидъ, можетъ быть, ея первый авторъ²⁾.

„Медея“ открывала тетралогію, дальше шель Філоктетъ, кажется, очень запутанная пьеса, Диктій и блестящее „скердо симфоніи“³⁾, драма сатировъ „Жнецы“.

Тетралогія Евріпіда не имѣла никакого успѣха—суды поставили ее на послѣдніемъ мѣстѣ. Но едавали у греческаго театра было дѣтище болѣе благодарное, чѣмъ „Медея“. Трагедія Евріпіда вызвала

¹⁾ Постсклоніе къ переводу „Медеи“ Евріпіда. См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1903, отд. класс. филол., май-июнь-июль.

²⁾ Оставляю въ сторонѣ вопросъ о Неофронѣ сіакіонскомъ и о томъ, былъ ли Евріпидъ только діаскевастомъ „Медеи“, несмотря на свидѣтельство гипотезы и ея разъясненіе у Эзымли и позднѣйшихъ вплоть до Т. Берика (Griech. Literaturgesch. III, 1884, 505^{на}), хотя не нахожу возможнымъ и стать на сторону Криста и Віламовида. Вопросъ о пріоритетѣ въ данномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ для изучающихъ Евріпіда, не имѣть того значенія, которое ему придаютъ историки литературы.

³⁾ Метафора принадлежитъ Геннерту, Ueber die Aufführung d. Medea des Euripides zu Athen, Leipzig 1843, 10.

рядъ подражаній, и „Медей“ постоянно играли на греческихъ, а позже и на итальянскихъ сценахъ. Нападки комиковъ краснорѣчиво говорять объ успѣхѣ первоисточника „Медей“. Пьесой Еврипида зачитывались философы, притомъ такие, какъ Хрисиппъ, глава стоиковъ, и Менедеъ. Преданіе заставляетъ Брута за нѣсколько минутъ до смерти цитировать Медею и забрасываетъ экземпляръ трагедіи на носилки убитаго Цицерона. Схолі къ „Медеѣ“ полны указаний на тщательное изученіе пьесы грамматиками. Рельефы саркофаговъ, расписные вазы и картины говорять, если не всегда о глубокомъ впечатлѣніи отъ поэзіи Еврипида, то, по крайней мѣрѣ, о популярности трагедій на сюжетъ „Медеи“. Семь восторженныхъ эпиграммъ посвящено картинѣ византійскаго живописца Тимомаха. Цезарь пріобрѣлъ его „Медею“ и Энта за 80 талантовъ и украсилъ ими римскій храмъ Венеры-Матери. До насъ дошли подражанія этой картины (въ одной помпеянской и одной геркуланской фрескѣ), и мы можемъ судить по нимъ о глубинѣ драматизма въ концепціи Тимомаха. Картина изображала Медею, прячущую мечъ, а во злѣ дѣтей и ихъ педагога. Вниманіе художника, повидимому, было направлено на передачу лица Медеи, особенно выраженія ея глазъ¹⁾.

Своеобразнымъ отраженіемъ „Медеи“ была и мелодрама южнокрита (II) „Чаровницы“²⁾, одно изъ самыхъ совершенныхъ созданій древности. Медея вдохновила даже Овидія³⁾ и была чуть ли не первымъ его поэтическимъ произведеніемъ. Римляне имѣли и переводъ еврипидовской пьесы, довольно близкій, Эннія. Намъ мало известны латинская „Медея“. Сохранилась только одна, Сенеки (но объ этой пьесѣ ниже). Въ новые вѣка, вплоть до XIX-го „Медея“ Рима совершенно заслоняетъ свой тонкій греческій прототипъ. Даже леди Макбетъ, въ которой есть черты Медеи, болѣе римлянка, чѣмъ женщина Еврипида. Пьеръ Корнель опредѣленно подражалъ Сенекѣ, а Вольтеръ, въ свою очередь, комментаріи на эту пьесу, осуждаетъ трагедію Еврипида за

¹⁾ С. Th. Pyl, De Medeae fabula, Berolini 1850, II. Baumeister, Denkmäler, s. v. W. Roscher, Ausf. Lex. s. v. Vogel, Scenen Eurip. Trag. 67, 79, 105, 133, 146 bis, 150. Wecklein, Ausgew. Trag. I. Medea³, Leipzig 1891, 18 сл. Апп.

²⁾ Есть русскій переводъ Мая.

³⁾ Слѣдующіе отрывки отъ нея, всего два, въ свидѣтельства древнихъ заставляютъ насъ особенно жалѣть объ утратѣ „Медеи“ Овидія: libenter enim Ovidii Medea novem Senecae tragœdias venderemus, говоритъ тотъ Fr. Leo, который связалъ въ филологіи свое имя съ описи Senecanum. L. Annaei Senecæ tragœdiae recensuit et emendavit Fredericus Leo. Vol. I, Berolini 1878, 149.

одно съ ся римской передѣлкой и при этомъ, кажется, знаетъ ее только по заглавию ¹⁾). Только въ XIX-мъ вѣкѣ сначала Грілльпарцеръ, потомъ Легуве ²⁾ (итальянскій переводъ его трагедіи далъ возможность Ристори проявить всю силу своего драматического таланта) обращаются къ источнику Медеи. Медея не перестаетъ и до нашихъ дней вдохновлять драматурговъ (П. Гейзе, Высиянскій); между коллекціей ужасовъ Вирца есть новая Медея. Кое-гдѣ и на страницахъ романовъ они зажигаютъ еще свои жаровни, но это геронни уже не романтической, а соціальной драмы. Къ нимъ примыкаютъ и отравительницы—Медеи, порожденныя инстинктомъ женской самообороны. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ ученый анатомъ и большой любитель художественной литературы сдѣлалъ попытку освѣтить „Медею“ біологически ³⁾). У него Медея мстить безсознательно за нарушеніе равновѣсія въ нормальному, т. е. моногамическомъ спариваніи бракоспособныхъ особей.

Временами театральная Медея рикошетомъ попадала и въ жизнь. У Раубера ⁴⁾ читаемъ, что какая-то девушка, брошенная отпомъ своего трехлѣтняго ребенка, въ два пріема покончила съ малюткой и умерла въ сумасшедшемъ домѣ ⁵⁾.

II.

Первое впечатлѣніе отъ „Медеи“—тяжелое. Иные историки литературы (напримѣръ Магаффи) даже нѣсколько огорчены необычнымъ успѣхомъ еврипидовской трагедіи, называя эту пьесу „дикой“ ⁶⁾.

Дѣйствительно, убийство дѣтей соизмѣримо въ нашемъ сознаніи только съ такимъ состояніемъ души человѣка, когда для него уже не существуетъ возмездія, а самъ онъ безвозвратно потерянъ для поэзіи.

¹⁾ H. Patin, Etudes sur les trag. gr. Euripide. I^e, 170 сл.

²⁾ Въ 20-хъ и 50-хъ годахъ.

³⁾ Dr. A. Rauber, Die Medea des Euripides im Lichte biolog. Forschung. Leipzig 1899.

⁴⁾ Rauber, ук. соч. 6—7.

⁵⁾ О „Медеяхъ“ см. H. Patin, ук. соч. 148 сл. L. Schiller, Medea im Drama alt. u. neuer Zeit, Ansbach 1865. H. F. Müller, Euripides Medea u. das goldene Vliess v. Grillparzer, Blankenburg am Harz I (1895), II (1896).

⁶⁾ Магаффи считаетъ выше „Медею“ Легуве (sic!) (Ист. класс. периода греч. лит., переводъ А. Васаловской, 304).

Но упрекъ Магаффи тѣмъ болѣе несправедливъ по отношенію къ Еврипиду.

Смягченіе нравовъ Медеи могло сдѣлать ея преступленіе только или болѣе гнуснымъ, или болѣе патологическимъ, т. е. менѣе вмѣняемымъ. Когда подражатели Еврипода заставляютъ дѣтей безсознательно отворачиваться отъ матери и жаться къ ея соперницѣ, давая зрителямъ прозрѣвать въ этомъ явленіи зерна ея болѣзнишаго гибѣва, они безмѣрно усугубляютъ вину Медеи. Будто убить дѣтей нелюбимыхъ не гораздо отвратительнѣе, чѣмъ убить дѣтей, которыхъ горячо любишь. Наоборотъ, Еврипидъ съ тонкимъ и еще неоцѣненнымъ тактомъ художника подчеркнулъ всю несоизмѣримость преступленія Медеи съ тѣмъ, что ему предшествовало. Пьеса обрывается на многоточіи, въ ней нѣтъ завтра. За палевымъ сіяніемъ своихъ крылатыхъ драконовъ Медея является намъ только въ апоѳеосѣ, недоступной вліянію окружающихъ и равнодушной къ своей горести пророчицей. Еврипидъ могъ бы намъ дать патетическій разсказъ вѣстника обѣ убийствѣ дѣтей Медеи—его нѣть. У Медеи апоѳеоса нѣть ни тѣни раскаянія, ни одной дрожащей нотки въ голосѣ, когда она говорить обѣ убитыхъ ею, лежащихъ на ея колѣнахъ дѣтяхъ. Можетъ быть, около того же времени, какъ писалась Медея, Еврипидомъ была задумана „Андромаха“, гдѣ поэтъ съ такою силой изобразилъ на сценѣ паѳосъ полусознательной, полной недоумѣній муки маленькаго Молосса. Но ничего подобнаго не нашлось у него для „Медеи“. Руководимый высшимъ смысломъ, поэтъ далъ намъ въ этой трагедіи *minitum* непосредственнаго ужаса и грязи дѣйствія, чтобы тѣмъ сильнѣе заставить насъ почувствовать всю его страшную цѣну. И только тотъ можетъ понять трагедію Медеи, кого не смущаетъ черная бездна, прерывающая послѣдній шагъ Медеи на сценѣ. Искать логической мотивировкіи для дѣтубийства, какъ это дѣлаютъ даже Шлегель и Бернгарди, и находить, что мотивы недостаточны, или думать, какъ Г. Германъ, что сыновья Ясона могли бы попасть въ колесницу солнца живыми, и пожалуй съ игрушками и педагогомъ, все это доктринерство или прекраснодушіе совершенно несовмѣстимо съ творчествомъ эллинскаго трагика. Надо хоть вообразить себя немножко поэтомъ, когда говоришь о поэзіи. Пружины этого искусства тонки, и за грудью облака смѣшно искать реберъ.

Едва ли можно спорить, что въ удовольствіи, которое намъ доставляетъ трагедія, есть немалая доля жестокости. Намъ бываетъ прѣятно не только переживать *очуждѣе страданіе*, но даже заста-

влять его испытывать въ мысляхъ. Если мы невольно ставимъ себя на мѣсто человѣка, съ которымъ случается что-нибудь пріятное, то, съ другой стороны, при событияхъ нежелательныхъ (оно бенно если они касаются фиктивныхъ лицъ и проходять на сценѣ) мы, страдая за страдающаго, испытываемъ успокоятельное сознаніе отъ того, что это случилось не съ нами. Искусство поэта заключается въ томъ, чтобы соблости мѣру въ дозѣ страданія, которое онъ заставляетъ насъ испытывать, такъ какъ оно не можетъ безъ ущерба для эстетического воздействиа производить слишкомъ рѣзкаго сокращенія первовъ¹⁾.

Если мы посмотримъ съ этой стороны на фабулу „Медеи“, то намъ понятіе станетъ ея успѣхъ.

То двойное страданіе, которое проходитъ передъ зрителемъ этой трагедіи, одно, проектируемое Медеей, другое, нереживаемое ею, дасть зрителю цѣлую гамму ощущеній, изъ которыхъ иѣкоторыя, напримѣръ связанныя съ ревностью, зрителю совершенно понятны, а другія возбуждаютъ въ немъ ужасъ своей несознѣмѣримостью съ тѣмъ, что онъ когда-нибудь испытывалъ, и эта таинственность придаетъ имъ особо притягательную силу: въ концѣ концовъ поэту удается заставить зрителя почти пожелать, хотя онъ и не сознается въ этомъ желаніи, чтобы Медея убила своихъ дѣтей. Мы далеко ушли отъ миссии и его обязательной развязки, но попробуйте представить себѣ трагедію Медеи, гдѣ героиня кончила бы щесу побѣдою надъ своей страстью, надъ своимъ преступнымъ желаніемъ, обнимая дѣтей. Я увѣренъ, что читатель захлопнулъ бы книгу или вышелъ изъ театра не безъ досады. Добродѣтель, видите-ли, не всегда интересна... въ поэзіи, а страданіе безусловно занимательнѣе счастья. Такъ, глядя на замысловатыя упражненія эквилибриста, мы невольно желаемъ, чтобы онъ свалился, хотя и боимся или стыдимся дать себѣ отчетъ въ этомъ желаніи. *L'homme a du gorille féroce, справедливо замѣчаетъ современный французский мыслитель.*

Этотъ фактъ своеобразнаго самоуслажденія несчастіемъ другихъ въ искусственномъ подобіи жизни нисколько не противорѣчитъ аристотелевскому опредѣленію трагедіи. Оно остается, по прежнему, единственнымъ по своей глубинѣ и точности.

Уже давно доказано, что Аристотель въ 6-й главѣ „Поэтики“ го-

¹⁾ Объ этомъ подробнѣе *Wilhelm Scherer, Poetik, Berlin 1888, 104, сл. Emile Auguet, Drame ancien drame moderne, Paris 1898, 12 et passim d. l'Avant-propos.*

ворить вовсе не объ очищениі страстей, а о постепенномъ удаленіи аффектовъ, которое, по его мнѣнію, совершается ихъ искусственнымъ возбужденіемъ (*Solicitations-theorie*). При этомъ, конечно, не было рѣчи объ исчезновеніи аффектовъ на какое-нибудь опредѣленное время, и трагедія не должна была влечь за собою апатію; тѣмъ менѣе можно заподозрить философа въ желаніи смѣшать врачебное дѣйствіе трагедіи съ моральнымъ — сущность „трагической“ вовсе не заключается въ облагораживаніи души и исправлениіи людей: искусство и этика строго разграничивались Аристотелемъ, и уже одно это составляеть большую заслугу „отца поэтики“¹⁾.

Теорія освобожденія души изъ-подъ власти аффектовъ, какъ нельзя лучше гармонируетъ съ характеромъ той жизни, которую искусственно возбуждаетъ въ насъ сценическое представление трагедіи. Какъ въ оргіяхъ и экстатическихъ культуахъ находили себѣ таинственно оберегаемый исходъ живущіе въ людяхъ инстинкты животнаго, такъ и мы въ театрѣ минутами заглушаемъ въ себѣ грубые или суевѣрно-трусливые пережитки старой души, насытивъ ихъ „игрою въ чужое страданіе“, и вслѣдствіе этого наше просвѣтленное сознаніе можетъ свободно, хотя урывками, созерцать идеальный міръ, т.-е. ту таинственную комбинацію искусства и дѣйствительности, въ которой заключается весь смыслъ человѣческаго существованія. При этомъ я отнюдь не смѣшиваю, однако, „аскетического“ освобожденія души экстазомъ отъ „эстетического“ ея освобожденія участіемъ въ зрѣлищѣ. Характерный признакъ второго — оно только нась теперь и занимаетъ — состоить въ томъ, что *сознаніе* зрителя въ театрѣ не ус пляется, а, напротивъ, возбуждается, обостряется, по мѣрѣ того, какъ засыпаютъ въ немъ инстинкты, — иначе сказать, въ томъ, что сценическая игра должна давать зрителю не только пищу для его болѣзнико вспыхивающихъ аффектовъ, но и опредѣленный *умственныи интересъ*. Благодаря этому элементу, совершается и эволюція трагедіи, т.-е. въ нее могутъ проникать и наука, и общественная жизнь, и этическія probléмы, благодаря этому элементу, традиція мало-по-

¹⁾) *Jac. Bernays*, *Grundzüge der verlorenen Abhandlung des Aristot. über die Wirkung der Tragödie*, Breslau 1857. *H. Weil*, *Etudes sur le drame antique*, 161 сл. со ссылкой на его ранній мемуаръ. Переводъ Постника, сдѣланный Гомперцемъ (въ Вѣнѣ), съ приложеніемъ. *Lehnert*, *Zur Aristotelischen Kätharsis*. *Rhein. Mus.* LV, 112 сл. Можетъ быть, какъ думаетъ, *Byvatier* (*The Journal of Philology*, 1901, 267 сл.), у Бернайса были очень давно предшественники: итальянскіе теоретики XVI и XVII вѣковъ.

малу уступаетъ въ ней мѣсто свободному творчеству, тоньше становится игра, разнообразнѣе ритмы дѣйствія и одухотвореннѣе красоты.

Фабула Медеи оказалась очень благодарной и своей эмоциональной стороной, и загадочностью своихъ очертаній, подстрекающей умственную интересъ: зритель любить безвольно и безопасно отлавливаться волнѣ трепета, испытывая при этомъ рѣдкое 'ощущеніе человѣка, которому стали ненавистны самые близкіе и котораго дразнить и мучить мысль о томъ, что ему надо убить этихъ людей. Ему сладокъ и его ужасъ, потому что онъ сознаетъ при этомъ, что передъ нимъ только яркий сонъ, но еще слаще зрителю жалость, потому что въ страдающемъ преступникѣ сцены онъ жалѣть资料 самого себя, а кто не знаетъ, что это одна изъ самыхъ интенсивныхъ формъ жалости.

Но и уму зрителя фабула Медеи обѣщаетъ не мало привлекательнаго. Онъ будетъ наблюдать перипетіи необычной и страстной борьбы, въ спорахъ предугадывать возраженія, аплодировать находчивости, слѣдить, какъ несчастія то подавляются волю Медеи, то, наоборотъ, ободряютъ ея энергию. Еще болѣе заманчивой останется психологическая проблема Медеи для поэта, для художника,— тѣмъ болѣе, что души зрителя и читателя безконечно видоизмѣняются, особенно во времени. Если бы Боттичелли написалъ Медею, она, вѣроятно, оказалась бы похожей на его Аенну съ Кентавромъ, въ ея расшитомъ листьями платьѣ, съ листьями въ мягкихъ волнахъ золотистыхъ волосъ, тонкую, задумчивую, томную,— а не на ту пестро-одѣтую, страстную и подвижную женщину въ митрѣ, которая на большой мюнхенской вазѣ заносить ножъ на своего ребенка¹).

III.

Имя Медеи въ репертуарѣ аѳинской сцены встрѣчалось и до 431 г. Помимо тѣхъ двѣнадцати трагедій Эсхила и Софокла, которыхъ черпали содержаніе изъ цикла легендъ объ Аргонавтахъ, и гдѣ Медея могла появляться²), намъ извѣстны двѣ трагедіи Софокла „Колхианки“ и „Выкалыванье кореньевъ“, гдѣ она, наѣрно, имѣла роль. Въ первой у нея была сцена съ Ясономъ, который пересказывалъ ей свой бой съ огнедышащими быками³), а во второй Медея мѣднымъ

¹⁾ Baumeister, Denkmäler, s. v. (II, рис. 490).

²⁾ Welcker, Die gr. Trag. (1839), 493.

³⁾ Cp. Eur. Med. 478.

серпомъ (?) вырѣзала ядовитыя кореня, собирая ихъ вмѣстѣ съ со-
комъ въ мѣдные сосуды и дѣлала это отвернувшись, чтобы не нады-
шаться вредныхъ испареній ¹⁾.

Хронология этихъ пьесъ неизвѣстна. Но мы знаемъ, что за 24 года
до постановки „Медеи“ самъ Еврипидъ написалъ „Пеліадъ“—драму,
гдѣ Медея играла главную роль; въ театрѣ онъ дебютировалъ этой
пьесой. Вотъ ея фабула ²⁾: Медея, прибывъ изъ Скиѳии въ Фессалию,
рѣшила чарами извести тамошняго царя—указаляемъ на его старость
и отсутствие мужскаго потомства она склонила дочерей воспользовать-
ваться помощью чародѣйства для возвращенія отцу ихъ молодости.
Для доказательства правдивости своего обѣщанія Медея взяла барана
и, разрѣзая его на куски, бросила въ котель, а подъ котломъ раз-
вела огонь. Вода кипѣла, куски шевелились, и Медеѣ удалось увѣ-
ритъ Пеліадъ, что баранъ живъ ³⁾). Тогда дочери царя Пеліи, по на-
ущенію Медеи, сварили своего отца въ мѣдномъ котлѣ (или, можетъ-
быть, зарѣзали его). Но увидѣвъ, что онъ обмануты, онъ бѣжалъ изъ
отеческаго города. Повидимому, Медея проявляла въ этой трагедіи
большое коварство. Поселясь во дворцѣ Пеліадъ, куда она проникла
прямо съ корабля, подъ видомъ жрицы Артемиды, волшебница вхо-
дила въ роль старшей сестры ⁴⁾ для Пеліадъ и внушала имъ пре-
красныя вещи, чтобы утвердить свой авторитетъ и тѣмъ легче по-
томъ погубить дѣвушекъ. Въ „Медеѣ“ есть указанія на легенду
„Пеліадъ“, но содержаніе нашей трагедіи примыкаетъ собственно къ
другому циклу мифовъ „о Медеѣ въ Коринѣ“. Такъ какъ толчокъ
творчеству Еврипida не разъ давали мѣстныя легенды ⁵⁾, то нѣть
ничего удивительнаго, что и въ „Медеѣ“ его фантазія вдохновилась
тѣмъ культомъ и преданіемъ, которые жили въ его время въ Коринѣ.
Въ рощѣ Геры особое почитаніе окружало гробницы дѣтей Медеи,
а легенда говорила, что Медея сама убила ихъ въ несчастной увѣ-
ренности, что этимъ сдѣлаетъ ихъ безсмертными ⁶⁾. Мотивъ же убий-

¹⁾ Welcker, ук. соч. I, 340 сл. A. Nauck, TGF². 249. Macrob. Sat. V, 19, 9:
in qua Medeiam describit maleficas herbas secantem sed aversam, ne vi noxiis odoris
ipsa interficeretur, et succum quidem herbarum in cados aeneos refundentem, ipsas
autem herbas aeneis falcibus exsecantem. Неточно у Векслейна, ук. и. 12.

²⁾ A. Nauck, TGF². 550 сл.

³⁾ Иначе у Овидія, Метам. VII, 297 сл., гдѣ баранъ дѣйствительно оживаетъ,
обращаясь при этомъ въ ягненка. Конецъ исторіи у римскаго поэта тоже не тотъ.

⁴⁾ Welcker, ук. соч. 625 сл.

⁵⁾ Напр. въ „Ифигеніи-жрицѣ“, въ „Ипполитѣ“.

⁶⁾ Объ этомъ подробнѣ: W. Roscher, Ausf. Lex. II, 2492 сл. Medeia in Ko-

ства дѣтей, который мы находимъ у Еврипида, и установление связи между Медею въ Коринѳомъ и Медею изъ цикла Аргонавтовъ, кажется, принадлежать Еврипиду.

Когда величие шли смотрѣть еврипидовскую „Медею“, героиня была для нихъ старая знакомая. Это была чародѣйка божественного происхожденія, но съ подмѣсью варварской крови, съ прошлымъ тяжелымъ и преступнымъ. Когда въ прологѣ изъ-за сцены звучала ея страшная мечта увидѣть „въ кускахъ“ (*διακυπερέους*) ст. 163 сл.¹⁾ и Ясона, и его невѣсту, и ихъ дворецъ, то присутствующіе вспоминали, какъ, по преданію, чтобы уѣхать съ Ясономъ изъ Колхиды, Медея изрѣзала въ куски своего родного брата и, бросивъ часть этихъ кусковъ въ море, разбросала другую по берегу; старый отецъ Медеи, Эста, долженъ быть, занявшись разысканіемъ останковъ сына, дать ей возможность скрыться. Я говорилъ уже о другой легенды,—Пеліи, изрѣзанномъ дочерьми: зрители могли знать и эту легенду по одной изъ двухъ драмъ, Еврипида или Софокла. Но Еврипидъ упоминаетъ объ этомъ прошломъ Медеи и въ драмѣ ея имени. Только здѣсь онъ окрашиваетъ его въ нѣсколько романтическіе цвета: Медея такъ безумно полюбила Ясона, что для него она измѣнила родину. Измѣна же эта заключалась въ слѣдующемъ: усыпивъ страшного дракона, она лишила свою землю золотого руна, которое было для ея отца залогомъ благополучнаго царствованія. Хитростью Медея помогла Ясону исполнить нѣсколько трудныхъ задачъ, вродѣ запряжки быковъ, которые дышали огнемъ (обычный мотивъ сказокъ о царевнахъ-чародѣйкахъ), хитростью и преступленіемъ обставила она и свой побѣгъ. Самая расправа съ Пеліей была устроена для Ясона изъ любви къ нему и изъ обиды за него.

Каково бы ни было въ деталяхъ то представление о Медеѣ, съ которымъ зрители шли на спектакль 431 года, но Медея, несомнѣнно, рисовалась имъ хитрой колдуньей, которая не остановится передъ тѣмъ, чтобы зарѣзать человѣка, стоящаго на ея пути. Это представление совершенно затушевывало въ памяти эллиновъ старый образъ доброй Медеи—циълительницы Агамедѣ, этотъ контрастъ Кирки, злой сестры ея, тоже дочери Гелія^{2).}

rinth. Ср. тамъ же разсказъ Павсаніи и вариантъ объ убийствѣ дѣтей Медеи коринѳянами.

¹⁾ Ссылки по изданию Веккелейна.

²⁾ Объ этомъ подробнѣе у W. H. Roscher, Ausf. Iex.

Романтическая отрасль двойствий Медеи, усиленная Европидомъ, не была, однако, новостью для зрителей: о бракѣ Ясона и Медеи то въ Колхидѣ, то въ Эфирѣ (Коринеѣ) говорили не только предания, но и поэмы; онъ изображался и въ искусствѣ¹⁾.

И. Ашенемій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ W. H. Roscher, Ausf. Lex. II, 2489. 3, 2501. C. Th. Pyl, De Medeae fabula, Berlin 1850, 20, 28 и pass.

V A R I A¹⁾.

XXXVI.

Нъ вопросу о codex Paezianus Константиновскихъ извлеченій пері прѣо-
бещу и его прямыхъ и косвенныхъ копіяхъ,—съ критическими замѣча-
ніями по поводу новѣйшаго сочиненія Карла де Бора²⁾.

Разъясненія въ концѣ предыдущей главы нашихъ *Varia* невѣрно
рѣшенный де Боромъ вопросъ о причинѣ довольно рѣзкаго кон-
траста между (относительнымъ) обиліемъ совпаденій ошибочныхъ ва-
риантовъ неаполитанской (*N*) и ватикано-палатинской (*P*) рукописей
извлеченій пері прѣо-бещу єѹихъ прѣ; Ρωμаіоу; въ предѣлахъ *Я* (из-
влеченія изъ Аппіана + начало извлеченій изъ Аппіана) и спорадич-
ностью подобныхъ совпаденій въ остальныхъ частяхъ тѣхъ же руко-
писей (*NP*), мы попутно опровергли³⁾ и другое заблужденіе
де Бора,—полагающаго, что неаполитанская рукопись цѣликомъ
была списана съ агустиновской (codd. Escorialenses IV. N. 6 и 7),—
и доказали⁴⁾, что конецъ неаполитанской рукописи (*n*—извлеченія
изъ Аппіана за исключеніемъ лишь четырехъ или, самое большое,
восьми первыхъ отрывковъ) былъ списанъ съ амброзіанской руко-
писи (*A*).

¹⁾ Продолженіе. См. декабрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1902 г.,
отд. класс. филол.

²⁾ C. de Boor, Zweiter Bericht über eine Studienreise nach Italien zum Zwecke handschriftlicher Studien über byzantinische Chronisten — въ *Sitzungsber. der Berliner Akademie der Wiss.*, 1902, 146—164.

³⁾ Ж. М. Н. Пр. 1902, декабрь, 575 сл.

⁴⁾ Ibid., 583 сл.

Въ подтверждение правильности нашего мнѣнія о существованіи непосредственной связи и именно съ *A* мы тогда же сослались на три слѣдующихъ примѣра¹⁾.

1) Appian. *Sicil.* fr. 2, 3 р. 59, 5 sq. Mend. ες (ex pr.) λιβύην *A* (менко принять за ἐκ λιβύην) — ἐκ λιβύης *n.*

2) Ibid. fr. 6 р. 61, 6 ἐπιτρέπειν *A* pr., ἐπιτρέψειν *A* corr. (что однако менко принять за ἐπιτρέπειν) — ἐπιτρέπειν *n.*

3) Appian. *Rus.* 87 р. 273, 21 ἀπὸ τοῦδε *A* (тоуде менко принять за тѣде) — ἀπὸ τάδε *n.*

Къ этичъ тремъ примѣрамъ можно присоединить еще слѣдующій — весьма любопытный, какъ покажемъ въ своемъ мѣстѣ ниже, въ нѣкоторыхъ и другихъ отношеніяхъ.

4) Appian. *Rus.* 81 р. 267, 6 sqq. πολλὰ τε καὶ δυσχερῆ κατὰ Ρωμαίουν ἐβλασφήμουν ἢ θανατῶντες; ἢ ἔχφρονες ὄντες ἢ τοὺς Ρωμαίους εἰς μόσος πρέσβεων διερεθίζοντες — въ этомъ мѣстѣ въ амброзіанской рукописи (*A*) находимъ довольно большую диттографію (кстати сказать, не упомянутую Мендельсономъ въ критическомъ аппаратѣ къ его изданію), а именно вся фраза, отмѣченная въ нашей выпискѣ разрядкой (Ρωμαίουν — ἢ τοὺς), въ *A* написана дважды: κατὰ ρωμαίουν ἐβλασφήμουν ἢ θανατῶντες; ἢ ἔχφρονες ὄντες ἢ τοὺς ρωμαίους ἐβλασφήμουν ἢ θανατῶντες ἢ ἔχφρονες ὄντες ἢ τοὺς ρωμαίους εἰς μόσος κтл.

Въ эскориальской рукописи (*E*) находится точно такая же диттографія, которая такимъ образомъ, — наряду съ другими фактами²⁾, краснорѣчиво подтверждаетъ совершенную правильность мнѣнія, высказанного нами уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ³⁾, — что *E* является непосредственною копіей *A*.

Напротивъ, въ *P*, а потому, естественно, и въ обѣихъ непосредственныхъ копіяхъ (*BM*) этой рукописи, упомянутой диттографіи нѣть, что допускаетъ нѣсколько различныхъ объясненій, а именно: если *p* (начало первого тома рукописи *P*) списано со второго тома агустиновской рукописи (cod. Escorialensis. IV. H. 7)⁴⁾, то, на нашъ по крайней мѣрѣ взглядъ, всего естественнѣе думать, что эта большая исправность текста *p* была обусловлена тѣмъ, что уже Дармарій, списывая IV. H. 7 съ *A*, своевременно замѣтилъ диттографію въ *A*,

¹⁾ Ibid., 584—585.

²⁾ Ср. *de Boor* I. c., 157—160.

³⁾ *Визант.* Временникъ, V (1898), 476.

⁴⁾ Ср. по этому поводу *Ж. М. Н. Пр.* 1902, декабрь, 581—583.

а потому и избавить агустиновскую рукопись (IV. Н. 7) отъ этой ошибки. Если же эта диттографія по невнимательности Дармарія изъ *A* перешла и въ агустиновскую рукопись, то при вышеупомянутомъ условіи необходимо допустить, что именно писецъ ватикано-палатинской рукописи (*p*), своевременно замѣтивъ въ оригиналѣ (IV. Н. 7) диттографію, естественно, воздержался отъ излишняго повторенія этой ошибки въ текстѣ *r* или же явился чисто случайнымъ виновникомъ исправности текста *r* въ данномъ мѣстѣ, если не просто по разбѣнности, то подъ влияниемъ *homoeoteleuton* или, лучше сказать, *tautoteleuton* (η ἔχφρονες ὄντες η τοὺς), пропустивъ излишне повторенные въ оригиналѣ (IV. Н. 7) слова *ῥωμαίων..... η τοὺς*.

Съ другой стороны, если допустить, что вся рукопись *P* была списана съ амброзіанской ¹⁾, то слѣдуетъ думать, что тотъ же самыи писецъ намѣренно или случайно пропустилъ въ *P* диттографію, находящуюся въ оригиналѣ (*A*).

Что касается, паконецъ, неаполитанской рукописи (*n*), то въ ней разбираемое мѣсто читается слѣдующимъ образомъ ²⁾: πολλά τε καὶ διῆχερη κατὰ ρωμαίων ἐβλασφήμουν η θανατῶντες η ἔχφρονες ὄντες η τοὺς ρωμαίων | ἐβλασφήμουν ³⁾ η τοὺς ρωμαίους εἰς μύσος ⁴⁾ πρέσβεων διερεθίσοντες, причемъ второе *ἐβλασφήμουν* подчеркнуто, т. е. атетировано, самимъ писцомъ (Дармаріемъ).

Зная, что *n* списано съ *A*, мы имѣемъ возможность весьма просто и естественно объяснить возникновеніе вышеизведенного чтенія *n*: Дармарій замѣтилъ диттографію въ *A* лишь послѣ того, какъ написалъ въ *n* два первыхъ слова этой диттографіи (*ῥωμαίων* | *ἐβλασφήμουν*), атетировалъ *ἐβλασφήμουν*, но, повидимому, забыть сдѣлать то же самое съ непосредственно предшествующимъ словомъ *ῥωμαίων* ⁵⁾, а да-

¹⁾ Ср. Ж. М. Н. Пр. 1902, декабрь, 577—581 и 583.

²⁾ Считаемъ долгомъ съ благодарностью упомянуть, что сличеніемъ этого и некоторыхъ другихъ мѣстъ неаполитанской рукописи мы обязаны любезности профессора Эмідіо Мартини, директора Неаполитанской Biblioteca Nazionale.

³⁾ Именно такъ (*ἐβλασφήμουν*) читается въ этой рукописи, а не *βλασφημῶντες*, какъ сообщаетъ изъ нея де Бооръ (*Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 162).

⁴⁾ На полѣ находимъ конъктуру *μύσος*, приписанную, вѣроятно, не Дармаріемъ, но либо Орсии, либо Агустиномъ.

⁵⁾ Говоримъ: *повидимому*, такъ какъ лишь *ex silentio* г. Мартини приходится заключить, что это *ῥωμαίων* (и предшествующее η τοὺς) осталось въ *n* не подчеркнутымъ. Во всякомъ случаѣ, однако, при общеизвѣстной неброжности Дармарія легко могло случиться, что эти слова η τοὺς *ῥωμαίων*, находившіяся на другой строкѣ, были оставлены имъ безъ атетезы.

лье, естественно, минуя ошибочно повторенные слова ἡ θανατῶντες ἡ ἔκφρονες ὄντες, — стала писать ἡ τοὺς ρωμαίους κτλ., опять-таки упомянув изъ виду, что слова ἡ τοὺς уже написаны выше.

Теперь, возвращаясь къ де Боору, мы можемъ отмѣтить новую ошибку его: не подозрѣвая, что конецъ неаполитанской рукописи (*n*) списанъ не съ агустиновской, но съ амброзіанской рукописи, почтенный ученый приводитъ¹⁾ въ четыре вышеуказанныхъ примѣра въ подтверждение тою, что агустиновская рукопись извлеченій перві префразен вѣнчан прѣс. ρωμαίους (codd. Escorialenses IV. N. 6 и 7), за исключеніемъ незначительной части (*A*), списана съ амброзіанской рукописи (*A*).

Мало того, приведеніе и интерпретація 4-го примѣра сопровождается у де Бора цѣлой серіей разнообразныхъ ошибокъ, которыхъ мы тутъ же и опровергнемъ.

Почтенный изслѣдователь говорить слѣдующее: „Sehr eigenthümlich ist die Stelle App. Lib. 81 p. 267, 6. Sie lautet in A: κατὰ ρωμαίων ἐβλασφήμουν ἡ θανατῶντες ἡ ἔκφρονες ὄντες ἡ τοὺς ρωμαίων ἐβλασφήμουν ἡ θανατῶντες ἡ ἔκφρονες ὄντες ἡ τοὺς ρωμαίους; es müsste præfrazent διερεθῶντες, d. h. die Worte ρωμαίων — ἡ τοὺς sind in Folge der Ähnlichkeit von ρωμαίων und ρωμαίους doppelt geschrieben. Im Scorialensis ist die Dittographie wiederholt, der Schreiber der Vorlage von BMP²⁾ bemerkte sie rechtzeitig und liess sie aus. In N steht: κατὰ ρωμαίων ἐβλασφήμουν ἡ θαν. ἡ ἔκφρ. ὄντες ἡ τοὺς ρωμαίων βλασφημοῦντες ἡ τοὺς ρωμαίους; es μ. t. pr. διερεθῶντες. Diese Lesung ist kaum erklärlich, wenn nicht auch N die Dittographie vor sich hatte, sie bemerkte, als er schon die ersten Worte geschrieben hatte und diese, statt sie zu athetiren, durch Conjectur wohl oder übel in den Zusammenhang brachte“³⁾.

Приступая къ разбору только что приведенного мѣста, мы прежде всего должны замѣтить, что предложенное де Боромъ объясненіе причины, обусловившей возникновеніе диттографіи въ *A*, по ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается совершенно нестыднымъ.

¹⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 162 сл.

²⁾ Не мѣшааетъ пояснить, что подъ этой „Vorlage von BMP“ подразумѣвается (одиничная самимъ де Боромъ) рукопись, которую мы обозначаемъ буквой *u*, и которая (по ничѣмъ не мотивированному) мнѣнію почтенного изслѣдователя послужила посредствующимъ звеномъ между *A* и *P*. Объ этомъ продукты собственныхъ изслѣдований де Бора мы уже достаточно говорили выше, ср. *J. M. H. Pr.* 1902, декабрь, 567 сл.

³⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 162.

„Сходство словъ *ρωμαίου* и *ρωμαίους*“ въ данномъ случаѣ ровно не при чёмъ, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что разбираемая диттографія возникла по совсѣмъ иной причинѣ, а именно потому, что въ паззовскомъ кодексѣ слова *ρωμαίου* *εβλασφήμου* Ѳ *θανατῶντες* Ѳ *έκφρονες* Ѳ *τοὺς* занимали ровно строку, и что Дармарій, списавъ эту строку и переходя къ слѣдующей, случайно началъ снять на ту же самую, которую только-что списалъ передъ этимъ. Само собою разумѣется, что суть нашего объясненія ни мало не измѣнится, если также и предположить, что слова *ρωμαίου* — Ѳ *τοὺς* занимали въ паззовскомъ кодексѣ не отдѣльную строку, но пространство въ двухъ строкахъ приблизительно равное цѣлой строкѣ, — т. е. если предположить, что въ этомъ кодексѣ разбираемое мѣсто было написано примерно слѣдующимъ образомъ:

πολλά τε καὶ δισχερῆ κατὰ ρωμαίου εβλασφήμου η̄ θανατῶντες η̄ έκφρονες ούτε; η̄ τοὺς ρωμαίους ες μύσος κτλ.

Не мѣшаетъ также упомянуть, что если бы въ разбираемомъ мѣстѣ возникновенія диттографіи было, какъ это думаетъ де Борръ, обусловлено сходствомъ словъ *ρωμαίου* и *ρωμαίους*, то она, несомнѣнно, начиналась бы не съ *ρωμαίου*, съ *εβλασφήμου*, и кончалась бы словомъ *ρωμαίους*, а не словами Ѳ *τούς*.

Достаточно краснорѣчивыми аргументами въ пользу именно нашего объясненія, помимо только что указанного соображенія, говорящаго противъ догадки де Бора, являются — съ одной стороны, цѣлый рядъ примѣровъ аналогичныхъ промаховъ того же Дармарія, а равно и иѣкоторыхъ другихъ переписчиковъ, съ другой — несомнѣнная легкость и естественность возникновенія подобныхъ ошибокъ, обусловленныхъ не столько небрежностью самихъ переписчиковъ, сколько именно длиною строкъ списываемыхъ оригиналовъ. Откладывая приведеніе аналогичныхъ примѣровъ до соответствующаго мѣста ниже, мы позволимъ себѣ здѣсь отмѣтить, что вышеуказанная диттографія *A* является однимъ изъ наиболѣе убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу нашего мнѣнія, что паззовскій кодексъ былъ писанъ *ες* *полную строку*, а вовсе не въ два столбца, какъ это думалъ Бютнеръ-Вобстъ и до селѣ думаетъ де Борръ.

Второю ошибкой де Бора въ вышеприведенномъ мѣстѣ его сочиненія оказывается предложенное имъ объясненіе причины отсутствія разбираемой диттографіи въ *P* (и *BM*): писать рукописи *у* (т. е.

„der Vorlage von BMP“, какъ представляетъ себѣ эту „Vorlage“ почтенный ученый на основаніи *собственныхъ изслѣдований*) уже потому не могъ „своевременно замѣтить и выпустить“ дигитографію *A*, что какъ самъ онъ, такъ и рукопись у относятся къ области фантазіи, будучи совершенно иносказательно сочинены самимъ де Бораомъ¹⁾.

Третью ошибку де Бора мы уже отмѣтили выше: ею является *одинакъ непрѣрвное сообщеніе* почтеннаго ученаго, будто въ неаполитанской рукописи послѣ словъ *тойс ƒωραίου* читается *βλασφημοῦτες* (безъ атетезы), тогда какъ на самомъ дѣлѣ тамъ читается (подчеркнутое) *εβλασφημον*.

Въ концѣ той же цитаты де Бора изъ *N* читаемъ *εις μ. τ. τρ.,* т. е., очевидно, *εις μύσος τρ[ῶν] πρ[έσβεων]*, но и это *непрѣрвно*: въ неаполитанской рукописи читается точно такъ же, какъ и въ другихъ, *εις μύσος πρέσβεων* (безъ *τῶν*). Не будемъ однако ставить всякое лыко въ строку и сочтемъ это *τ[ῶν]* за опишу, — тѣмъ болѣе, что весь этотъ „Zweiter Bericht“ де Бора, видимо, былъ писанъ имъ впопыхахъ.

Четвертая ошибка де Бора является естественнымъ результатомъ третьей и состоять въ непрѣрвомъ объясненіи соответственнаго варианта неаполитанской рукописи. При этомъ не откажемъ себѣ въ удовольствіи подчеркнуть явную натянутость и даже несообразность де-бооровскаго объясненія — независимо отъ его фактической непрѣренности. Въ самомъ дѣлѣ, если бы даже допустить, что въ неаполитанской рукописи читается *ηι τοὺς ƒωραίου βλασφημοῦτες ηι τοὺς ƒωραίους εις μύσος πρέσβεων διερεψθαις*, и что Дармарій вздумалъ „вместо того, чтобы атетировать уже написанныя первыя слова дигитографіи, посредствомъ конъктуры такъ или иначе привести ихъ въ связь“ съ прочими текстомъ, то какимъ же образомъ онъ оставилъ безъ поправки сочетаніе *τοὺς ƒωραίου?* Позволяемъ себѣ думать, что въ данномъ случаѣ конъктура *самою Дармаріем* была бы несравненно доброкачественнѣе де-бооровской.

Остается добавить, что если присоединить къ четыремъ только что перечисленнымъ ошибкамъ де Бора еще ту, которая, какъ мы упомянули выше, распространяется на всѣ четыре примѣра изъ Ашшана, подтверждающіе непосредственную зависимость *n* отъ *A*, — то оказывается, что въ вышеприведенныхъ разсужденіяхъ де Бора

¹⁾ Ср. *Ж. М. Н. Пр.* 1902, декабрь, 567 сл.

(12½ строкъ въ *Sitzungsberichte*) таятся пять ошибокъ почтеннаго изслѣдователя — не считая его же ошибки (*excusez du peu!*).

Подводя итоги тому, что было нами изложено и разсмотрѣно въ концѣ предыдущей главы нашихъ *Varia*¹⁾ и въ началѣ настоящей, мы приходимъ къ естественному заключенію, что предложенное де Боромъ²⁾ рѣшеніе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ амброзіанской (*A*), агустиновской (*e*), неаполитанской (*N*) и ватикано-палатинской (*P*) рукописей въ области Й (извлечения изъ Аппіана и начало извлечений изъ Аппіана) оказывается безусловно неудачнымъ. Этотъ безусловно неудачный результатъ собственныхъ изысканій де Бора можно графически изобразить посредствомъ слѣдующей стеммы:

и, какъ мы уже доказали, эта де-бооровская стемма подлежитъ полному упраздненію, — не только вслѣдствіе мнѣнности рукописи *y*, совершенно произвольно сочиненной самимъ де Боромъ, но и вслѣдствіе абсолютной излишности ея, такъ какъ мы уже видѣли, что данный вопросъ допускаетъ двоякое рѣшеніе, ни мало не нуждающееся въ какомъ-либо содѣйствіи де-бооровскаго „игрека“³⁾.

Ради курьеза не мѣшаТЬ упомянуть, что единственная условно правильная часть этой де-бооровской стеммы⁴⁾, а именно

оказывается уже давнѣмъ давно (въ 1866 году) предвосхищеною Эристомъ Шульце⁵⁾.

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1902, декабрь, 569—585.

²⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 161.

³⁾ Ср. Ж. М. Н. Пр. 1902, декабрь, 577 и 581.

⁴⁾ Условно правильной мы называемъ эту часть потому, что она оказывается правильной лишь при условіи познаго выヂыченія ея изъ означенной стеммы.

⁵⁾ Ср. Ж. М. Н. Пр., 1902, декабрь, 569^г.

Неудачное рѣшеніе вышеуказанного вопроса въ значительной степени отражается и на непосредственно слѣдующихъ изысканіяхъ почтенного изслѣдователя.

„Es fragt sich nun noch“, — говорить онъ — „ob fir den weitaus grössten Theil der Handschrift des Augustinus der alte Archetypus als Vorlage gedient hat, so dass wir die Ursini'schen Codices selbständig neben A verwerthen können, oder ob auch hier A die Quelle war. Die Verhältnisse liegen hier gerade wie beim Scor. III R 21¹⁾). Eine verhältnissmässig geringe Anzahl von Corruptelen erklärt sich am besten durch die Annahme, dass A der Archetypus von NV war, dem gegenüber haben wir eine ebenfalls geringe Anzahl von Stellen, in denen NV einen besseren Text bieten als A, aber keine einzige dieser Varianten ist so erheblich, dass sie unbedingt aus einer anderen als der durch A vermittelten Ueberlieferung stammen müsste²⁾); ähnliche bessere Lesarten finden sich auch in B und M und P, wo sie unbedingt auf bewusster oder unbewusster Conjectur des Schreibers beruhen müssen, und auch in einzelnen Fällen in NV lässt sich der Beweis erbringen, dass Conjectur des Copisten vorliegt. Somit ist es in hohem Grade wahrscheinlich, dass die Abschrift fir Augustinus nicht aus dem alten Codex, sondern aus A gemacht worden ist³⁾). Да же приводится илько примѣровъ — „um das Gesagte zu erläutern und nachzuweisen“, — о которыхъ у насъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ ниже.

Обращаясь къ критическому разбору только что приведенного мѣста, нельзя не подчеркнуть довольно странной неполноты и не менѣе странной поверхности и легковѣсности разсужденій де Бора, отмѣченныхъ у насъ курсивомъ и въ сущности ни мало не оправдывающихъ его заключительного вывода.

Въ самомъ дѣлѣ, почтенный ученый почему-то заблагоразсудилъ ограничиться указаниемъ только двухъ возможныхъ въ дальнѣмъ случаѣ предположеній, а именно, что агустиновская рукопись была списана либо съ паззоловскаго кодекса, либо съ амброзіанской рукописи (*A*), тогда какъ ему не мѣшало бы отмѣтить и другія возможныя предположенія, напримѣръ, догадку, что агустиновская рукопись или, по крайней мѣрѣ, какая-либо часть ея была списана съ эскоріальской рукописи (*E*).

¹⁾ Объ этой рукописи у насъ будетъ рѣчь ниже.

²⁾ Курсивъ принадлежитъ намъ.

³⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 162.

Мало того, почтенный изслѣдователь почему-то заблагоразсудилъ съузить и первоначальная рамка своего изслѣдованія, таъль какъ ограничился разсмотрѣніемъ только одного изъ двухъ вышеупомянутыхъ, отмѣченныхъ имъ же самимъ, возможныхъ предположеній. Едва ли нужно пояснить, что въ разбираемомъ нами мѣстѣ его разсужденій (курсивъ въ выпискѣ) де Бооръ считается только со *стороной* предположеніемъ, совершиенно игнорируя первое, вслѣдствіе чего и разсужденія его оказываются односторонними.

Въ довершеніе всего этого, почтенный изслѣдователь при разсмотрѣніи предположенія, что аугустиновская рукопись (якобы за исключеніемъ извлеченій изъ Ариана и начала извлеченій изъ Апіана) списана съ амброзіанской рукописи, приводить въ пользу этого предположенія столь легковѣсные аргументы, что они, какъ мы уже сказали, ни мало не оправдываютъ общаго вывода почтенаго изслѣдователя, — будто оказывается „въ высокой степени вѣроятнымъ, что аугустиновская рукопись была списана не съ древняго [паззовскаго] кодекса, но съ A“. Остается добавить, что *нѣкоторые изъ приведенныхъ де Боромъ аргументовъ не имютъ рѣшительного никакого отношенія къ разбираемому вопросу.*

Для того, чтобы наша критика не показалась чисто голословнымъ обвиненіемъ почтенаго ученаго въ столь крупныхъ промахахъ въ области аргументацій, считаемъ необходимымъ подвергнуть тщательному разбору *всѧ безъ исключенія* доказательства, приведенные де Боромъ, или, точнѣе сказать, все то, что сказано имъ по поводу разбираемаго вопроса.

„Eine verhältnissmässig geringe Anzahl von Corruptelen erklärt sich am besten durch die Annahme, dass A der Archetypus von NV war“.... *Возражаемъ:* фактъ сравнительно незначительной порчи текста въ NV, на нашъ взглядъ, еще лучше (стало быть, — *am allerbesten!*) — или, по меньшей мѣрѣ, столь же хорошо, какъ и при де-бооровской „Annahme“, — объясняется предположеніемъ, что общий источникъ NV, т. е. аугустиновская рукопись, былъ непосредственною *копией именно паззовскаго кодекса, а не рукописи A.* Ergo, послѣднее предположеніе или предпочтительнѣе, или, въ крайнемъ случаѣ, нисколько не менѣе правдоподобно, чѣмъ де-бооровская „Annahme“.

... „dem gegenüber haben wir eine ebenfalls geringe Anzahl von Stellen, in denen NV einen besseren Text bieten als A, aber keine einzige dieser Varianten ist so erheblich, dass sie unbedingt aus einer an-

deren als der durch A vermittelten Ueberlieferung stammen müsste¹⁾; ähnliche bessere Lesarten finden sich auch in B und M und P, wo sie unbedingt auf bewusster oder unbewusster Conjectur des Schreibers beruhen müssen, und auch in einzelnen Fällen in NV lässt sich der Beweis erbringen, dass Conjectur des Copisten vorliegt“.

Этот второй аргумент²⁾ въ пользу де-бооровской „Анналии“ имѣть лишь относительное значение, что, естади сказать, очень ясно видно и изъ словъ самого де Боора³⁾, — а потому, естественно, и не можетъ претендовать на рѣшающее значение для разыгрываемою вопроса. Во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть, что при помощи другого предположенія, адвокатомъ которого въ данномъ случаѣ являемся мы — только для того, чтобы наглядно доказать всю поверхность разсужденій де Боора и всю шаткость его заключительного вывода, — тольк же самый фактъ (наличность въ агустиновской рукописи нѣкоторыхъ варіантовъ, заслуживающихъ предпочтенія предъ варіантами A) объясняется несравненно проще и естественнѣе: если агустиновская рукопись была списана, подобно A, непосредственно съ паззоловскаго кодекса, то въ ней, само собою разумѣется, нѣкоторыя мѣста оригинала могли быть переданы въ болѣе исправномъ видѣ, нежели въ A. Остается добавить, что и при этомъ предположеніи не исключается возможность объяснять „въ отдельныхъ случаяхъ“ большую исправность варіантовъ NV тѣмъ, что нѣкоторыя ошибки, находившіяся въ текстѣ агустиновской рукописи, были „сознательно или безсознательно“ исправлены писцомъ NV

„Somit ist es in hohem Grade wahrscheinlich, dass die Abschrift für Augustinus nicht aus dem alten Codex, sondern aus A gemacht worden ist“.

Полагаемъ, что послѣ только что сдѣланнаго разбора обоихъ аргументовъ де Боора, намъ нѣть уже ни малѣйшей необходимости доказывать крайнюю шаткость этого вывода почтеннаго изслѣдователя. Равнымъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что, если руководиться только тѣми двумя фактами, на которыхъ основываются оба аргумента де Боора, то діаметрально противоположное этому де-бооровскому выводу заключеніе, что агустиновская рукопись была списана

¹⁾ Курсивъ здѣсь и ниже принадлежать намъ.

²⁾ Аргументомъ собственно является лишь первая половина приведенной фразы („dem gegenüber ... stammen müssste“), а остальные слова служатъ лишь подтверждениемъ возможности данного аргумента.

³⁾ Ср. въ особенности первый курсивъ со вторымъ, а также и третій.

не съ *A*, но именно съ паззовского кодекса, придется признать и въ болѣе вѣроятныиъ, чѣмъ де-бооровскій выводъ, ибо же, по менышии жѣрь, въ столь же „высокой степени вѣроятныиъ“.

Впрочемъ не мѣшаетъ замѣтить, что, по крайней мѣрѣ, судя по тому, что непосредственно вслѣдъ за вышеупомянутымъ выводомъ де Бооръ приводить рядъ примѣровъ „um das Gesagte zu erlautern und nachzuweisen“ ¹⁾), — не исключается возможность предположенія, что и самъ почтенный изслѣдователь до извѣстной степени сознавалъ шаткость собственнаго вывода.

Теперь перейдемъ къ критическому разбору примѣровъ, приводимыхъ де Бооромъ съ только что упомянутую цѣлью.

1) „Appian Celt. Frg. 15 p. 53, 21 steht in A rodav und am Rande osw. rodanov, was richtig ist. Der Archetypus bot also, abgekurzt und falsch accentuiert, rodanov. rodanov haben richtig BM, rodav und am Rande pr. rodanov P, und so auch N rodav aber ohne Randbemerkung“ ²⁾.

Нетрудно доказать, что этотъ примѣръ ни мало не подтверждаетъ „высокой вѣроятности“ вышеприведенного де-бооровскаго заключенія. Дѣло въ томъ, что съ не менышии правомъ его можно привести въ качествѣ иллюстраціи „высокой вѣроятности“ и того предположенія, которое, какъ мы уже замѣтили, диаметрально противоположно отстаиваемому де Бооромъ. Въ самомъ дѣлѣ, — если въ архетипѣ, т. е. въ паззовскомъ кодексѣ, было написано rodanov съ сокращеннымъ обозначеніемъ окончанія ov, то Дармарій и при списываніи аугустиновской рукописи непосредственно съ паззовскаго кодекса легко могъ принять это архетипное rodav за rodan, т. е. не обратить вниманія на черту, обозначавшую ov. Съ другой стороны, можно также думать, что Дармарій — опять-таки списывая аугустиновскую рукопись непосредственно съ паззовскаго кодекса — принялъ, какъ и при списываніи *A*, это архетипное rodav за rodav, а впослѣдствіи — при списываніи *N* съ аугустиновской рукописи — „сознательно или безсознательно“ исправилъ это rodav въ rodav (*N*) — совершенно такъ же, какъ писецъ *P*, списывая эту рукопись съ *A*, написалъ въ текстѣ ея rodav вмѣсто rodav, читающагося въ *A*.

Не говоримъ уже о возможности предположенія, что разбираемое мѣсто Аппіана относится къ той части (*n*) неаполитанской рукописи, которая была списана не въ аугустиновской рукописи, но непосред-

¹⁾ Курсивъ принадлежитъ намъ.

²⁾ Sitzungsber. der Berliner Akad. 1902, 162.

ественно съ *A*. Это послѣднее предположеніе, которое, кстати сказать, мы лично склонны признать и фактически вѣрнымъ, естественно, влѣчеть за собою полный разгромъ разбираемаго аргумента де Бора, такъ какъ переводить данный примѣръ въ ту же самую категорію, къ которой относятся и *четыре*, приводимыхъ почтенымъ изслѣдователемъ непосредственно вслѣдъ за этимъ первымъ.

2—5). Съ только что упомянутыми *четырымя примѣрами* изъ того же Аппіана, которые указываетъ де Боръ далѣе¹⁾), читатели уже достаточно знакомы. Это — тѣ самые примѣры (*Appian. Sicil. fr. 2,3 p. 59,5 sq. — ibid. fr. 6 p. 61,6 — Pun. 81 p. 267,6 sq. — ibid. 87 p. 273,21*), съ которыми намъ пришлось имѣть дѣло въ концѣ предшествующей главы нашихъ *Variä* и въ началѣ настоящей. Всѣ они относятся, какъ мы уже видѣли, къ той части (*n*) неаполитанской рукописи, которая была непосредственно списана съ амброзіанской рукописи (*A*), а не съ агустиновской, и потому *никакимъ образомъ не могутъ служить „пояснениемъ“ или „доказательствами“ въ пользу разбираемаго де-бооровскаго вывода.*

6) „Diodor Lib. XXXIII cap. 5 in dem Satze: οἱ δὲ Μαραθηνοὶ τὸν μεχιρωμένον καθ' αὐτῶν ὀλεθρὸν ἀγνοοῦντες steht in A παραθηναὶ, d. h. παραθηναὶ [читай: παραθηναῖ] ist richtig in μαραθηνοὶ corrigirt, wie in dem von Darmarius selbst geschriebenen Scor. III R 21 steht; N hat die Correctur missverstanden und schreibt μαραθηναῖοι“²⁾.

По поводу этого примѣра мы должны замѣтить, что онъ могъ бы служить прекрасною иллюстраціей непосредственной зависимости агустиновской рукописи именно отъ *A*, если бы эта зависимость уже была достаточно установлена почтеннымъ изслѣдователемъ, — но пока де-бооровскій выводъ продолжаетъ, какъ мы видѣли, *auf so schwachen Füßen stehen*, ничто не мѣшаетъ намъ признать совершенно бездоказательнымъ даже и этотъ примѣръ, — разсуждал, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: въ паззовскомъ кодексѣ слово Μαραθηνοὶ было

написано сокращено, а именно μαρα — подобно тому, какъ въ кодексе Peirescianus извлечений περὶ ἀρετῆς καὶ κακίας, — который, кстати сказать, (тоже вопреки мнѣнію де-Бора) входилъ въ составъ того же самаго экземпляра (полнаго) собрания Константиновскихъ историческихъ извлечений и былъ писанъ тѣмъ же самимъ писцомъ, что и

¹⁾ Ibid., 162 сл.

²⁾ Ibid., 163.

пазовскій кодексъ¹⁾), — находимъ въ извлеченіяхъ изъ того же Діодора
каль разъ такое сокращенное написаніе того же самаго имени и при-

томъ неоднократно, а именно *μαρχ* вмѣсто *Μαραθηῶν* (Diodor. XXXIII,
5 р. 69, 18 и 20 ed. Dind., Lips.), вмѣсто *Μαραθηούς*; (*ibid.* р. 69, 29),

вмѣсто *Μαραθηοῖς* (*ibid.* р. 70, 1; здѣсь въ cod. Peirescianus написано

μαρχ); ср. также *μαρχ* (явная описка вмѣсто того же *μαρχ*) = *Μα-*

ρα[ν]θηῶν (*ibid.* р. 69, 14; затѣмъ *Σαχαν* — вмѣсто *Ζαχανθαῖος* (Appian.

Hisp. 10 р. 68, 24 Mend.), *α* — вмѣсто *Αθηναῖοι* (Diodor. XI, 77, 5 р.
332, 6 Vog.; вмѣсто *Αθηναῖοι* — XIV, 2, 1 р. 184, 6) и т. д., — и вотъ
Дармарій, списывая агустиновскую рукопись непосредственно съ паз-

зовскою кодекса и неправильно понявъ сокращеніе, превратилъ *μαρχ*
въ *μαραθηαῖοι*, чтѣ перешло затѣмъ и въ *N*.

7) „Auch in den Polybius-Excerpten hat N mehrfach an Stellen, die
in A corrigirt sind, Verlesungen, darunter an mehreren der oben er-
wähnten, in denen auch andere Abschreiber in Missverständnis ver-
fallen sind“²⁾.

Едва ли нужно пояснить, что, ии мало не сомнѣваясь въ факти-
ческой вѣрности только что приведенной замѣтки де Боора, мы тѣмъ
не менѣе никоимъ образомъ не можемъ признать за нею значенія
мало-мальски надежнаго аргумента въ пользу „высокой вѣроятности“
разбираемаго де-бооровскаго вывода. Въ самомъ дѣлѣ, было бы въ
высокой степени рискованно полагаться въ данномъ отношеніи на
такое *юлословное* сообщеніе де Боора уже въ виду того курьезнаго
обстоятельства, что даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда почтенный ученый
не скучится на приведеніе примѣровъ, эти послѣдніе весьма не-
рѣдко оказываются — по ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи — ии мало не

¹⁾ Въ имѣющемъ вскорѣ появиться въ Визант. Временникъ продолженія на-
шего изслѣдованія: „О рукописномъ преданіи Константиновскихъ извлечений о
послахъ“, читатели найдутъ подробныя и всестороннія доказательства въ пользу того,
что все четыре досехъ известныхъ архетипа Константиновскихъ историческихъ из-
влечений, а именно: cod. Peirescianus, ватиканскій палимпсестъ извлечений *τερι γυ-
μῶν* (cod. Vaticanus gr. 73), пазовскій кодексъ и тотъ архетипъ извлечений *τερι επιβολῶν*, кошими котораго являются cod. Escorialensis Q. I. 11 и cod. Parisinus gr.
1668, — вѣдь эти четыре архетипа входили въ составъ одного и того же экземпляра
(полнаго) собранія Константиновскихъ историческихъ извлечений.

²⁾ *Sitzungsber.*, 1902, 163.

склонными подтверждать умозаключений почтеннаго исследователя — вопреки его желаниямъ и расчетамъ, какъ намъ уже неоднократно приходилось констатировать въ предшествующемъ изложениі и какъ еще не одинъ разъ придется констатировать въ дальнѣйшей критикѣ его сочиненія.

8—10) „Dagegen beschränken sich die Lesarten, die N allein richtig bietet, z. B. in den gesammten umfangreichen Excerpten aus Appian, abgesehen von orthographischen Dingen wie συμπεμφέντες für συμπεφθέντες¹⁾, δημητριάδι für δημιτριάδι, σαλπικτῷ für σαλπιγκτῷ²⁾), auf folgende Fälle, die auch zum Theil mehr auf orthographicchem Gebiete liegen³⁾: Libyc. cap. 33, p. 220, 14 τῶν χαλουμένων ἀρεαχίδων für τ. χαλ. υαρεαχίδων, Lib. cap. 62, p. 246, 19 καὶ ἐν αὐτῷ τῷ λιβύῃ, wo καὶ in den anderen Handschriften fehlt, Maced. Frig. 11 p. 339, 6 βοιωτοῖς für βιωτοῖς“⁴⁾.

По поводу этихъ (столь странно классифицированныхъ де Бооромъ) примѣровъ, очевидно, приведенныхъ почтеннымъ ученымъ съ цѣлью пояснить его второй „аргументъ“ въ пользу „высокой вѣроятности“ вывода, что агустиновская рукопись была списана не съ паззованскаго кодекса, но съ А, — мы должны сказать, что все безъ исключения тѣ изъ нихъ, съ которыми намъ приходится въ данномъ случаѣ считаться, а именно *всѣ три послѣднихъ примѣра оказываются совершенно не причастными къ рѣшенію вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ агустиновской и амброзіанской (A) рукописей*, такъ какъ все они, подобно вышеразсмотрѣнныиимъ пл. 2—5 (а, по всей вѣроятности, и п. 1), относятся къ той части извлечений изъ Аппіана, которая въ неаполитанской рукописи (n) оказывается списанною не съ агустиновской рукописи, но съ А, и потому никакого отношенія къ агустиновской рукописи не имѣть.

¹⁾ Нельзя не упомянуть, что отвесеніе этого примѣра къ „orthographischen Dingen“ намъ представляется по меньшей мѣрѣ страннымъ.

²⁾ Замѣтимъ, что, на нашъ по крайней мѣрѣ взглядъ, де Бооръ поступалъ бы благоразумнѣе, если бы воздержался отъ приведенія и этого примѣра въ данномъ контекстѣ: отнесеніе такого примѣра къ „orthographischen Dingen“ намъ представляется не менѣе страннымъ, чѣмъ и причисленіе варианта σαλπικτῷ къ „Lesarten, die N allein richtig bietet“.

³⁾ Нельзя не отытывать, что и по отношенію къ этимъ примѣрамъ де-бооровская квалификація оказывается довольно странною: едва ли нужно пояснить, что изъ трехъ непосредственно сѣдущихъ примѣровъ одинъ (βοιωτοῖς) *всесчѣло относится къ ореографической области*, а два остальныхъ не имѣютъ съ отою областью ничего общаго.

⁴⁾ *Sitzungsber.*, 163.

Что же касается трехъ „orthographische Dinge“, оставляемыхъ въ сторонѣ и самимъ де Боромъ, то съ ними, какъ съ нехарактерными вариантами, считаться нѣтъ никакой необходимости и намъ. Не мѣшаетъ, однако, отмѣтить, что *второй* изъ этихъ вариантовъ (Δημѣтрапій Appian. Maced. fr. 8 р. 330, 23) относится къ той же самой категории, чѣмъ и четыре вышеупомянутыхъ (вмѣстѣ съ пп. 1—5). Возможно, что и оба остальныхъ „orthographische Dinge“ относятся къ этой же категоріи (примѣровъ, такъ сказать, „изъ другой оперы“), но не беремся утверждать этого, такъ какъ за недостаткомъ свободнаго времени мы не успѣли опредѣлить, въ какихъ именно мѣстахъ среди извлечений изъ Аппіана находятся слова *συμπειρυθέντες* и *σαλπікти*.

11) „Libyc. cap. 76, p. 261, 19 steht συνηγεγμένον in N, wie nach Bekker's Conjectur im Text, aber gerade der Umstand, dass das συνηγεγμένον des Vaticanus des Appian in A steht, giebt die Gewähr, dass der Excerptor so schrieb und die Lesung in N auf Conjectur des Schreibers beruht; denn der Text der Excerpte ist dem jenes Vaticanus überall sehr ähnlich“ ¹⁾.

Этот примѣръ, очевидно, тоже приведенъ де Бооромъ ради поясненія его второго „аргумента“, и о немъ слѣдуетъ сказать то же самое, что и объ непосредственно предшествующихъ: относясь къ области конца неаполитанской рукописи (*n*), списанного непосредственно съ *A*, онъ является, подобно вышеупомянутымъ, — примѣромъ „изъ другой оперы“.

Поупутно отмѣтимъ *девять детали* въ только что приведенныхъ разсужденіяхъ де Бора по поводу варіантовъ *синглетоновъ* и *дублетоновъ*, являющіяся характерными иллюстраціями столь свойственнойй почтенному ученому (по крайней мѣрѣ, въ разбираемомъ нами его сочиненіи) неосмотрительности и односторонности.

Ссылаясь на то, что „текстъ извлечений [περὶ πρέօψεων] вездѣ очень сходенъ съ текстомъ ватиканской рукописи Апіана“, почтенный изслѣдователь безъ всякаго колебанія утверждаетъ, что тожество вариантовъ этой рукописи и *A* (*συντριψμένου*) служитъ ручательствомъ, что это чтеніе *συντριψμένου* находилось и въ подлинномъ текстѣ извлечений περὶ πρέօψεων („der Excerptor so schrieb“), и что вариантъ *N* *συντριψμένου* является конъкстурой переписчика.

Для того чтобы дать читателямъ возможность оцѣнить по достоинству односторонность обоихъ этихъ суждений де Бобра, высказываемыхъ:

*) Sitzungsber., 163.

имъ съ такою увѣренностью, мы должны обратить ихъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства и соображенія.

1. Взаимныя отношенія кодекса самого эксцептора (ω), паззовскаго кодекса (II) и амброзіанской рукописи (A) можно графически изобразить посредствомъ такой стеммы:

По мнѣнію де Бора, тожество вариантовъ A и апіановскаго кодекса (cod. Vaticanus gr. 141) служить ручательствомъ того, что и въ кодексѣ ω читалось *συντηγμένον*, но на самомъ—то дѣлѣ *вышеупомянутое тожество ничуть не гарантируетъ правильности даже и болѣе скромнаго, чѣмъ де-бооровское, предположенія*, — что въ паззовскомъ кодексѣ (II) читалось *συντηγμένον*, *a не συνεντηγμένον*. Дѣло въ томъ, что текстъ апіановскаго кодекса хотя и „вездѣ очень сходенъ“, но далеко не вездѣ тожествененъ съ текстомъ II (resp. A), и, напр., всего лишь нѣсколькими строками выше въ началѣ той же самой главы (Pun. 76, p. 261, 13) въ A читается *προέπεσεν*, а въ апіановскомъ кодексѣ *προέπεσε μὲν*, или, напр., Pun. 75, p. 260, 23 *προστενομένης ἐξέφηντα*: *γενομένης ἐξέφαινε* тѣ апіановскій кодексъ.— Въ виду этого ничто и не мѣшаетъ намъ признать весьма возможнымъ предположеніе (*но не категорически утверждать это à la de Boor!*), что въ паззовскомъ кодексѣ читалось *правильно — συνεντηγμένον*, и что вариантъ A *συντηγμένον* является просто опиской Дармарія.

Если же такимъ образомъ оказывается, что и въ II могло находиться правильное чтеніе *συνεντηγμένον*, то уже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что и въ пра-архетипѣ (ω) эксцепторомъ тѣмъ болѣе могло быть написано тоже *συνεντηγμένον*, а не непремѣнно читалось *συντηгмёнов*, какъ это столь же увѣренно сколь и неосмотрительно утверждаетъ де Боръ.

Откладывая болѣе подробное разясненіе вопроса о томъ, какъ именно читалось это мѣсто въ вышеупомянутомъ пра-архетипѣ (ω) извлеченій пэрі *πρόθεσω*, мы ограничимся здѣсь предварительнымъ замѣчаніемъ, что, на нашъ взглядъ, всего естественнѣе высказаться за правильное чтеніе (*συνεντηгмёнов*), — пріурочивая именно къ разбираемому апіановскому мѣсту цитату *Саиды: συνεντηгмёнов συνελ-*

Во́утес (читай сиуе́лобутес; вмѣстѣ съ cod. Leidensis Vossianus F 2; вѣроятно, сиуе́лобутес читается и въ cod. Vaticanus gr. 1296).

2. Вариантъ *N* сиуе́нтигуме́новъ де Боръ безъ дальнѣйшихъ разсужденій объявляетъ контекстуру переписчика, — повидимому, и не подозрѣвалъ, что съ ничуть не меньшамъ правомъ можно было бы предположить, что этотъ вариантъ является результатомъ *просто описки* (диграфического свойства). Намъ лично такое объясненіе кажется даже болѣе правдоподобнымъ, нежели де-бооровское, такъ какъ намъ представляется не слишкомъ вѣроятнымъ, чтобы грамматическая неисправность формы сиуе́нтигуме́новъ могла привлечь къ себѣ внимание Дармарія, — тѣмъ болѣе, что неаполитанская рукопись, въ особенности же конецъ ея (*n*), — какъ кажется, была имъ писана съ яриданою поспѣшностью.

Остается упомянуть, что такъ какъ де Боръ не сумѣлъ определить, что конецъ неаполитанской рукописи списанъ не съ агустиновской, но съ *A*, то ему представлялась возможность еще и третьего объясненія причины, обусловливавшей появление варианта сиуе́нтигуме́новъ въ *N*, а именно онъ могъ бы предположить, что въ агустиновской рукописи читалось сиуе́нтигуме́новъ — съ подчеркнутымъ вторымъ слогомъ, — т. е. первоначальная описка сиуе́нтигуме́новъ¹⁾ была посредствомъ атетезы второго слога исправлена въ сиуе́нтигуме́новъ, — и что при списываніи *N* съ упомянутой рукописи переписчикъ не обратилъ вниманія на атетезу.

Подводя итоги своему разбору всѣхъ примѣровъ, приведенныхъ де Боромъ съ цѣлью „пояснить и доказать сказанное“ имъ выше, мы видимъ, что въ *восьми* или даже *девяти* случаяхъ (пп. 2 — 5, 8 — 11, а, по всей вѣроятности, и п. 1) изъ *десяти* эти де-бооровские примѣры оказываются совершенно нейдущими къ дѣлу, а въ остальныхъ случаяхъ (въ сущности только п. 6) допускаютъ вполнѣ естественное объясненіе, говорящее въ пользу вывода, діаметрально противоположного де-бооровскому.

Такимъ образомъ ясно, что и эти примѣры ни мало не упрочиваютъ того вывода („Somit ist es in hohem Grade wahrscheinlich, dass die Abschrift für Augustinus nicht aus dem alten Codex, sondern aus

¹⁾ Ср. напр. вариантъ мюнхенской рукописи (*M*) сиуе́нтигуме́новъ.

Содержание

ТРИСТА-СОРОКЪ-ВОСЬМОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

(июль и августъ 1903 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

Высочайший реэкріптъ, данный на имя министра народного просвѣщенія, тайного советника Зенгера. 3

Высочайшія повелѣнія.

1. (18-го февраля 1903 года). О правахъ по отбыванію воинской повинности учениковъ училища при римско-католической церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ 4

2. (18-го февраля 1903 года). Объ усиленіи инспекціи въ Варшавскомъ и Юрьевскомъ университетахъ и въ Казанскомъ и Харьковскомъ ветеринарныхъ институтахъ . . . . .

3. (18-го февраля 1903 года). О преобразованіи Клинцовскаго ремесленного училища въ среднее семиклассное техническое училище съ назышиемъ ремесленной при немъ школой . . . . .

4. (18-го февраля 1903 года). Объ учрежденіи при Томскомъ ремесленномъ училищѣ дополнительного четвертаго класса . . . . .

4

5

9

5. (3-го марта 1903 года). Объ утверждениі штата терапевтической и первной клиникъ Императорскаго Казанскаго университета .	10
6. (3-го марта 1903 года). Объ измѣненіи дѣйствующихъ узаконеній о пенсіонной кассѣ народныхъ учителей и учительницъ и о дополнительномъ кредитѣ на содержаніе управлениія означенной кассы	13
7. (3-го марта 1903 года). Объ отмѣнѣ статей 2640 и 2649 и измѣненіи статьи 2611 устава учебныхъ заведеній (св. зап., т. XI ч. 1)	20
8. (14-го марта 1903 года). Объ измѣненіи положенія о студенческихъ общежитіяхъ при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ и о комитетѣ для содѣйствія устройству сихъ общежитій	69
9. (21-го апрѣля 1903 года). Объ условіяхъ причисленія къ потомственному почетному гражданству лицъ, окончившихъ курсъ Императорскаго Московскаго техническаго училища при дѣйствіи устава 1-го июня 1868 года и курсъ бывшаго Рижскаго политехническаго училища .	71
10. (21-го апрѣля 1903 года). Объ утверждениіи нормъ расходовъ на содержаніе при городскихъ училищахъ классовъ ручного труда и ремесленныхъ отдѣленій .	72
11. (5-го мая 1903 года). О служебныхъ и пенсіонныхъ правахъ русскихъ учителей русско-туземныхъ училищъ Семирѣчинской области и о пенсіонныхъ правахъ русскихъ учительницъ таковыхъ же училищъ въ областяхъ Семирѣчинской, Сырь-Даринской, Ферганской и Самаркандской	73
12. (12-го мая 1903 года). О предоставлениі лицамъ, занимающимъ должности библиотекарей и ученаго хранителя рукописей Императорской Академіи Наукъ, права на производство двумя чинами выше класса занимаемыхъ или должностей	74
13. (19-го мая 1903 года). Объ учрежденіи въ городѣ Харьковѣ училищного совѣта для завѣдыванія городскими начальными училищами	75
14. (19-го мая 1903 года). Объ учрежденіи должностей учителей новыхъ языковъ въ Холмскому Маріинскому женскому училищѣ	76
15. (19-го мая 1903 года). О преобразованіи Закатальскаго женскаго начального училища въ Маріинское женское училище	77
16. (19-го мая 1903 года). Объ измѣненіяхъ въ составѣ должностей по инородческимъ школамъ Оренбургскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ .	78
17. (16-го мая 1903 года). Объ учрежденіи второй должности окружного инспектора въ Варшавскомъ учебномъ округѣ	79

Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

(2-го марта 1903 года, № 35) .	20
(12-го мая 1903 года, № 37)	23

(15-го мая 1903 года, № 39)	24
(24-го мая 1903 года, № 42)	26
(6-го июня 1903 года, № 48)	80
(13-го июня 1903 года, № 50)	84
(20-го июня 1903 года, № 51)	85
(26-го июня 1903 года, № 52)	90

Высочайшие награды по ведомству министерства народного просвещения.

27

Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія.

1. (28-го июня 1903 года, № 19744). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о дисциплине въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и отчасти въ городскихъ училищахъ	91
--	----

Правила и положенія, утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія.

1. (10-го марта 1903 года). Положеніе о стипендіяхъ имени статского советника Василия Феодосиевича Кучкова при Кишиневскомъ 2-мъ городскомъ трехклассномъ училищѣ	41
---	----

2. (11-го марта 1903 года). Положеніе о стипендіи имени поэта Александра Сергеевича Пушкина при С.-Петербургскому женскому медицинскому институту .	42
---	----

3. (17-го марта 1903 года). Положеніе о стипендіяхъ Имени Ея Императорскаго Высочества въ Богъ почившей Великой Княгини Ольги Феодоровны при С.-Петербургскому женскому медицинскому институту .	43
--	----

4. (18-го марта 1903 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго управляющаго Казанской казеннюю палатою и предсѣдателя попечительного совѣта Казанской Маринской женской гимназіи, дѣйствительнаго статского советника Игнатія Феликсовича Гриневецкаго при означенной гимназіи	44
--	----

5. (22-го марта 1903 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго первой гильдіи купца Михаила Григорьевича Трегубова при Маріупольской Маринской женской гимназіи	45
---	----

6. (22-го марта 1903 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго учителя, завѣдывающаго 2-мъ Брянскимъ городскимъ, по положенію 1872 года, училищемъ Іосифа Козьмича Логинова при названномъ училищѣ	46
---	----

7. (22-го марта 1903 года). Положеніе о капиталѣ имени умершаго отставнаго унтер-офицера Кондрата Корниловича Кады при	
--	--

Кашинскомъ городскомъ трехклассномъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ

47

8. (23-го марта 1903 года). Положеніе о четырехъ стипендіахъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Игнатія Ефимовича Ефруссі при 6-ти-классномъ городскомъ училищѣ „Ефруссі“

48

9. (27-го марта 1903 года). Положеніе о стипендіахъ имени умершей вдовы маюра Маріи Адамовны Пужацкой при Винницкомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ

49

10. (27-го марта 1903 года). Положеніе о двухъ стипендіахъ имени Николая Васильевича Гоголя при Ставропольскомъ, Самарской губерніи, городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ

50

11. (1-го апреля 1903 года). Положеніе о стипендіи имени умершей вдовы статскаго советника Маріи Феодоровны Ушаковой при Казанской Ксенофонтовской женской гимназіи .

51

12. (30-го января 1902 года). Положеніе о стипендіи имени Николая Васильевича Гоголя при С.-Петербургской 6-й гимназіи .

52

13. (31-го января 1902 года). Положеніе о стипендіи имени поселянина Василия Федоровича Боджі при Комратскомъ реальному училищѣ .

53

14. (16-го марта 1902 года). Положеніе о стипендіи Уфимскаго губернскаго земства при Уфимскомъ реальному училищѣ „въ память сорокалѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“

101

15. (22-го апреля 1902 года). Положеніе о стипендіахъ имени вдовы коллежскаго ассесора Анны Карповны Авдѣевой при Севастопольскомъ Константиновскомъ реальному училищѣ

102

16. (15-го июня 1902 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы полковника Елены Александровны Александровой при Московской 1-й гимназіи

103

17. (28-го июня 1902 года). Положеніе о стипендіахъ ротмистра Франца Контрыма при Ковенской мужской гимназіи

104

18. (26-го июля 1902 года). Положеніе о стипендіахъ при Николаевской (Херсонской губерніи) Александровской гимназіи имени Абраама и Беніамина Семеновичей Агніныхъ, бывшихъ учениковъ названной гимназіи . . . . .

105

19. (8-го августа 1902 года). Положеніе о стипендіи имени дѣятельного статскаго советника Константина Петровича Шерцова при Пензенской 2-й мужской гимназіи . . . . .

106

20. (17-го сентября 1903 года). Положеніе о стипендіи имени управляющаго Киевской конторой государственного банка, доктора исторіи Георгія Емельяновича Афанасьева при Киевскомъ реальному училищѣ .

108

21. (12-го октября 1903 года). Положеніе о стипендіи имени Ревельского гражданина Николая Александра Карла Майера при училищахъ, состоящихъ при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ . . . . .

110

22. (29-го октября 1902 года). Положеніе о стипендіи при обще-

111

житії братства святихъ Кирилла и Меодія для бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи	112
23. (29-го октября 1902 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго директора Нижегородской гимназіи статского советника Николая Яковлевича Самойловича при общежитіи братства святихъ Кирилла и Меодія для бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи	—
24. (29-го октября 1902 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго министра народного просвѣщенія графа Ивана Давидовича Делянова при Пензенской 2-й мужской гимназіи	113
25. (31-го октября 1902 года). Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени военнаго министра генераль-адъютанта Алексѣя Николаевича Куропаткина при Маргеланской мужской прогимназіи	114
26. (31-го октября 1902 года). Положеніе о стипендіи имени виленскаго вице-губернатора, камергера Высочайшаго двора статского советника Ивана Сергеевича Леонтьева при Виленской 2-й гимназіи	116
27. (5-го ноября 1902 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго почетнаго попечителя Юрьевинскаго реальнаго училища Степана Никифоровича Ежова	117
28. (7-го ноября 1902 года). Положеніе о стипендіи имени дворянина Андрея Ивановича Вишневича при Роменскомъ реальному училищѣ	118
29. (13-го ноября 1902 года). Положеніе о стипендіи имени поэтическаго почетнаго гражданина города Курска, тайного советника Даниила Григорьевича Жаворонкова при Курской мужской гимназіи	—
30. (30-го ноября 1902 года). Положеніе о стипендіи имени астраханскаго мытчика изъ армянъ Сергея Васильевича Тамазова при Астраханскомъ реальному училищѣ	120
31. (3-го декабря 1902 года). Положеніе о стипендіи Лодзинскаго городового магистрата въ память 50-ти лѣтія со дня кончины поэта Николая Васильевича Гоголя, при Лодзинской мужской гимназіи	121
32. (10-го декабря 1902 года). Положеніе о стипендіяхъ имени бывшаго почетнаго попечителя Корочанской Александровской гимназіи Ioасафа Федоровича Шетохина и умершаго гласного Корочанскаго земскаго собрания Петра Николаевича Авдѣева при Корочанской Александровской гимназіи	122
33. (13-го декабря 1902 года). Положеніе о стипендіи имени дворянина Тверской губерніи, отставнаго поручика Андрея Кирилловича Михайлова, при обществѣ вс помошествованія нуждающимся ученикамъ Витебской гимназіи	123
34. (15-го декабря 1902 года). Положеніе о стипендіи имени Михаила Павловича Щивейского, бывшаго ученика Ярославской гимназіи, при Ярославской гимназіи .	125
35. (15-го декабря 1902 года). Положеніе о стипендіи имени покойнаго ученика IV класса Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища Николая Бегена при Иваново-Вознесенскомъ реальному училищѣ	126
36. (17-го декабря 1902 года). Положеніе о стипендіальномъ капи-	

тагъ имені искенда Франца Крупинскаго при Варшавской IV мужской гимназии

37. (17-го декабря 1902 года). Положение о стипендіи имени Урбана Рафаиловича Богуша при Луцкой прогимназии

128

38. (20-го декабря 1902 года). Положение о двухъ стипендіяхъ имени Харьковскаго 1-й гильдіи купца Михаила Григорьевича Трегубова при Мариупольской Александровской гимназии

129

39. (4-го января 1903 года). Положение о стипендіи имени гласного Нижегородской думы статского советника Александра Васильевича Баулина при Нижегородскомъ Владимиrскомъ реальному училищѣ

130

40. (14-го января 1903 года). Правила о назначении прибавочныхъ окладовъ учащимъ въ начальныхъ училищахъ Варшавского учебного округа

41. (31-го января 1903 года). Положение о стипендіи имени статского советника Петра Даниловича Деревянкина при Корочанской Александровской мужской гимназии

132

42. (8-го февраля 1903 года). Положение о стипендіи имени бывшаго Сувалского губернатора действительного статского советника Эммануила Александровича Ватаци при Сувалской мужской гимназии

—

43. (8-го февраля 1903 года). Положение о стипендіи имени коллежскаго советника Андрея Петровича Интеллигаторова при Саратовской первой мужской гимназии

134

44. (15-го февраля 1903 года). Положение о капиталѣ имени почетного опекуна тайного советника Владимира Николаевича Алинфова при Симбирской гимназии

—

45. (23-го февраля 1903 года). Положение о стипендіяхъ имени Николая Алексеевича Некрасова при Ярославской мужской гимназии

135

46. (28-го февраля 1903 года). Положение о стипендіи имени генераль-лейтенанта Александра Федоровича Карпова при Семипалатинской мужской гимназии

136

47. (8-го марта 1903 года). Положение о единовременномъ пособіи имени тульского купца Михаила Ивановича Владимирова при Тульской мужской гимназии

137

48. (13-го марта 1903 года). Положение о стипендіяхъ имени покойнаго прилукскаго предводителя дворянства тайного советника Григорія Павловича Галагана при Прилукской мужской гимназии.

138

49. (13-го марта 1903 года). Положение о стипендіи имени поэта Александра Сергеевича Пушкина при Немировской гимназии.

139

50. (23-го марта 1903 года). Положение о двухъ стипендіяхъ имени писателей Николая Васильевича Гоголя и Василия Андреевича Жуковскаго при Литовской мужской гимназии

140

51. (1-го апреля 1903 года). Положение о стипендіи имени умершой вдовы статского советника Марии Федоровны Ушаковой при Казанской Марининской женской гимназии

141

52. (3-го апреля 1903 года). Положение о стипендіи имени Антонины Ивановны Ловейко при Смоленской мужской гимназии

—

53. (3-го апрѣля 1903 года). Положение о стипендиї имени бывшаго Виленского губернатора, действительного статского советника Ивана Ильича Чепелевского при Лидскомъ городскомъ училищѣ	142
54. (4-го апрѣля 1903 года). Положение о стипендиї имени „Собрания служащихъ въ кредитныхъ учрежденияхъ въ С.-Петербурге“ при пѣменскомъ училищѣ Св. Петра въ С.-Петербурге .	143
55. (4-го апрѣля 1903 года). Положение о стипендиї имени вдовы титулярного советника Вѣры Логиновой Назарко при Конотопской женской прогимназіи	144
56. (12-го апрѣля 1903 года). Положение о стипендиї имени команда 3-го Уральского казачьего полка, полковника Гаврила Павловича Любавина при Уральскомъ реальному училищѣ	145
57. (12-го апрѣля 1903 года). Положение о стипендиї имени дорого-бужского купца Василия Аверьяновича Смирнова при Дорогобужскомъ городскомъ, по положению 31-го мая 1872 г., училищѣ	146
58. (14-го апрѣля 1903 года). Положение о стипендиї имени вдовы статского советника Эмиліи Осиповны Красинской при Херсонской Маріинской 1-й женской гимназіи	147
59. (14-го апрѣля 1903 года). Положение о стипендиї имени надворного советника Артемія Афанасьевича Полубинского при Могилевской мужской гимназіи	148
60. (14-го апрѣля 1903 года). Положение о стипендиї бывшаго учителя Ставропольского, Самарской губерніи, городского, по положению 31-го мая 1872 г., училища Николая Павловича Воротникова при названномъ училищѣ	149
61. (15-го апрѣля 1903 года). Положение о стипендіяхъ имени писателей Николая Васильевича Гоголя и Василия Андреевича Жуковскаго при Латинской женской гимназіи	150
62. (15-го апрѣля 1903 года). Положение о стипендіяхъ имени писателей Николая Васильевича Гоголя и Василия Андреевича Жуковскаго при Латинскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ	151
63. (15-го апрѣля 1903 года). Положение о стипендиї имени умершей дочери полковника Антонины Ивановны Ловейко при Смоленской Маріинской женской гимназіи	152
64. (16-го апрѣля 1903 года). Положение о стипендиї имени умершей дочери полковника Антонины Ивановны Ловейко при Смоленскомъ 1-мъ городскомъ училищѣ	153
65. (17-го апрѣля 1903 года). Положение о стипендиї при С.-Петербургской Ларинской гимназіи имени бывшихъ учениковъ ея Алексѣя и Сергея Острогорскихъ	154
66. (17-го апрѣля 1903 года). Положение о стипендиї имени супруги сенатора, гофмейстера Высочайшаго Двора Зинаиды Семеновны Тобизенъ при Харьковской Маріинской женской гимназіи	155
67. (17-го апрѣля 1903 года). Положение о стипендиї имени супруги сенатора, гофмейстера Высочайшаго Двора Зинаиды Семеновны Тобизенъ, при Харьковской 2-й женской гимназіи	—

68. (17-го апреля 1903 года). Положение о стипендии имени умершаго председателя Пензенской губернской земской управы Алексея Николаевича Бекетова при общежитии Пензенской 1-й женской гимназии 156
69. (21-го апреля 1903 года). Положение о стипендии имени умершаго жиздринского городского головы, потомственного почетного гражданина Владимира Ивановича Корсаковского при Жиздринском Михайловском городскомъ училищѣ 157
70. (21-го апреля 1903 года). Положение о капиталѣ имени умершаго Тульского купца Михаила Ивановича Владимирова при 2-й Тульской женской гимназии 158
71. (26-го апреля 1903 года). Положение о стипендии имени жены Кяхтинского 2-й гильдии купца Анны Ивановны Бабкиной при Трониковской женской гимназии 159
72. (29-го апреля 1903 года). Положение о стипендии имени протоирея Павла Александровича Иваньшина при Коротоякскомъ городскомъ, по положению 31-го мая 1872 г., училищѣ 160
73. (30-го апреля 1903 года). Положение о стипендии имени потомственного почетного гражданина Леона Филипповича Гольдштейна при Киевской 3-й гимназии 161
74. (1-го мая 1903 года). Положение о стипендіахъ имени умершей начальницы Щёлозерской женской прогимназии Маріи Алексѣевны Михайловской при означеннай прогимназии 162
75. (2-го мая 1903 года). Положение о стипендии имени профессора Императорской С.-Петербургской Военно-Медицинской Академіи тайного советника Венцесла Грубера и жены его Августы Груберь, при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ 163
76. (3-го мая 1903 года). Положение о двухъ стипендіяхъ имени Сарапульской купчихи Александры Лукиничны Башениной при Сарапульскомъ реальному училищѣ 164
77. (3-го мая 1903 года). Положение о стипендіяхъ бывшаго ученика Харьковской 4-й гимназии Григорія Кандыбы при той же гимназии 165
78. (3-го мая 1903 года). Положение о стипендии имени тайного советника Евгения Константиновича Андреевскаго при Черниговской мужской гимназии 166
79. (3-го мая 1903 года). Положение о стипендии имени действительного тайного советника Константина Петровича Побѣдоносцева при общежитии братства святыхъ Кирилла и Меѳодія для бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназии 167
80. (6-го мая 1903 года). Положение о стипендии имени надворного советника Михаила Емельяновича и жены его Евфросиніи Фаддеевны Буяновскихъ при Минской мужской гимназии 168
81. (8-го мая 1903 года). Положение о стипендии умершій Ярославской изъпакки Ксении Ивановны Купріановой при Ярославской женской гимназіи въ Екатерининскомъ домѣ призрѣнія ближняго 169

82. (11-го мая 1903 года). Положение о стипендіи имени потомствен- ного почетного гражданина Николая Никитича Киселева при интер- натѣ Вологодской гимназіи	168
83. (13-го мая 1903 года). Правила о пользованіи капиталомъ, завѣ- щаннымъ на нужды и украсшеніе церкви при Киевской 1-й гимназіи тайнымъ совѣтникомъ Н. А. Терещенко	169
84. (13-го мая 1903 года). Правила о порядке выдачи пособій ну- ждающимся ученикамъ Киевской 1-й гимназіи изъ процентовъ съ ка- питала, завѣщанного сей гимназіи тайнымъ совѣтникомъ Н. А. Тे- решенко	170
85. (14-го мая 1902 года). Положеніе о стипендіи имени покойнаго помощника классныхъ наставниковъ Петра Ильича Овсанкина при Двинскомъ реальному училищѣ	
86. (16-го мая 1903 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго войскового старшины Оренбургскаго казачьяго войска Михаила Пар- феновича Слотова при Оренбургскомъ 1-мъ городскомъ училищѣ	171
87. (22-го мая 1903 года). Положеніе о стипендіи имени въ Бозѣ почившаго Императора Николая I, при Ново-Александровскомъ город- скомъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищѣ	172
88. (22-го мая 1903 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго статского совѣтника Павла Степановича Богданова при Острогожскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ	173
Отъ управления пенсионной кассы народныхъ учителей и учительницъ	52
Определенія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.	53 и 174
Определенія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.	59 и 180
Определенія отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональ- ному образованію.	65 и 192
Открытие и преобразование училищъ	66 и 193

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

М. И. Каринскій. Разногласіе въ школѣ новаго эмпіризма по вопросу объ истинахъ самоочевидныхъ (<i>продолженіе</i>)	1 и 415
І. Э. Мандельштамъ. Объ уменьшительныхъ суффиксахъ въ русскомъ языке со стороны ихъ значенія	34 и 317
Д. Н. Егоровъ. Этюды о Карлѣ Великомъ (<i>окончаніе</i>)	67
Н. А. Рожковъ. Книги записные вотчинныя помѣстнаго приказа .	113
А. Л. Погодинъ. Гельсингфорская школа филологовъ и лингвистовъ	128
А. М. Ону. Наказы третьаго сословія во Франціи въ 1789 году. IV (<i>продолженіе</i>)	157
В. И. Модестовъ. Этрускій вопросъ .	354
В. М. Истринъ. Изъ области древне-русской литературы. I	381

Критика и библіографія.

Ф. В. Тарановскій. Maurice Deslandres, <i>La crise de la science politique et le problème de la méthode</i> . Paris. 1902	229
А. И. Яцимирскій. <i>Полихроній Сирку.</i> Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній болгаръ и сербовъ въ XIV—XVII вѣкахъ. Житіе св. Николая нового Софійскаго, по единственной рукописи XVI вѣка. С.-Пб. 1901	249
Н. С. Суворовъ. <i>Е. Голубинскій.</i> Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Москва. 1903	263
П. М. Майковъ. Продолженіе свода законовъ Россійской Имперіи 1902 года, въ 2-хъ частяхъ. С.-Пб. 1902	436
К. Х. „ <i>Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII</i> “, zbiór materiałów do historii stosunków polsko-rossyjskich za Zygmunta III, wydał Aleksander Hirschberg. Lwow. 1901	445
Л. М. Диоргскія сказанія по записямъ диорцевъ И. Т. Собіева, К. С. Гарданова и С. А. Тукакева. Москва. 1902	452
Р. Р. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Monografje w Zakresie dziejów Nowożytnych, wydawca Szymon Askenazy, T. I. Rządy tymczasowe w Królestwie polskiem. Maj-Grudzień 1815 г. Przez J. Bojańskiego. Warszawa. 1902	457
Р. Р. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Monografje do Dziejów Nowożytnych. T. II. Między Jeną a Tylzą. 1806—1807. Przez Macieja Loretę. Warszawa. 1902	460
Г. К — чъ. С. Н. Брамовскій. Одинъ изъ пестрыхъ XVII столѣтия. Историко-литературное изслѣдовавіе въ двухъ частяхъ съ приложеніями. С.-Пб. 1902	466
С. А. Жебелевъ. Введеніе въ исторію Греціи. Лекціи проф. В. Бузескула. Харьковъ. 1903	479
С. Ф. Глинка. „Къ вопросу о поглощении свѣта кристаллами и	

о плеохроизвѣ въ ультрафиолетовой части спектра". Исследование В. К.

Агафонова

494

— Книжные новости

. 308 и 510

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Ф. Ф. Зѣлинскій. Древній міръ и мы

1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Ю. А. Кулаковскій. Международный конгрессъ историческихъ
наукъ въ Римѣ

1

Г. Г. Зоргенфрей. Реформа средней школы въ Пруссіи

25

Л. Л — ръ. Письмо изъ Парижа

37

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

А. В. Никитскій. Въ защиту „Сицили“ у Исея VI, 1

289

И. Ф. Аниенскій. Медея, трагедія Еврипида, сына Мнесарха
(окончаніе)

302

И. В. Нетушилъ. Римскія три трибы

317 и 337

И. Ф. Аниенскій. Трагическая Медея.

358

М. Н. Крашениниковъ. Varia (продолженіе)

368

Объявленія.

1—4

НОВАЯ КНИГА

Н. В. МУРАВЬЕВЪ.

Послѣднія рѣчи. 1900—1902 гг. Спб. 1903 г.

Цѣна 1 руб.

Складъ въ Сенатской типографіи.

Въ Сенатской типографіи отпечатаны и поступили въ продажу:

О преобразованіи С.-Петербургскаго городскаго общественнаго управления, обѣ отмѣнѣ взысканія съ паспортныхъ документовъ сборовъ въ доходъ г. С.-Петербурга подъ наименованіемъ адреснаго и прописочнаго и о порядкѣ ревизіи денежнѣхъ отчетовъ С.-Петербургскаго общественнаго управления.

Цѣна 30 коп.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ

22 МАРТА 1903 ГОДА

УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНИЕ.

Цѣна 50 коп.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ

13 ЯНВАРЯ 1903 ГОДА

ОБЩІЙ ТАМОЖЕННІЙ ТАРИФЪ

ПО ЕВРОПЕЙСКОЙ ТОРГОВЛѦ.

Цѣна 50 коп.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ

10 Июля 1900 года.

У С Т А ВЪ О Г Е Р Б О В О МЪ С Б ѡ Р Ъ

СЪ О Т Н О С ЯЩИМ СЯ КЪ О Н О МУ Р А С П О Р Я Ж Е Н И Й М И

М И Н И С Т РА Ф И Н АН С О ВЪ.

Издание второе, дополненное. Цѣна 25 коп.

А Л Ф А В И Т Н Ы Й П Е Р Е Ч Е Н Ь

бумагъ, актовъ и документовъ, подлежащихъ гербовому сбору и
изъятыхъ отъ него, составленный на основавіи ст. 10 Высочайше
утвержденного 10 Июля 1900 г. Устава о гербовомъ сборѣ.

Цѣна 50 коп., въ переплѣтѣ 65 коп.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ

27 мая 1902 года

У С Т А ВЪ О В Е К С Е Л Я ХЪ.

Цѣна 25 коп.

П Р А В И Л А

О БЪ У ЛУЧШЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХЪ ДѢТЕЙ.

Цѣна 25 коп.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныя правила, а также распоряжение
Министра Финансовъ о пріемѣ товаровъ въ вѣдѣніе таможен-
ныхъ учрежденій, досмотрѣ, оплатѣ пошлиною и выпускѣ.

Цѣна 50 коп.

I. Именной Высочайший указъ объ отмѣнѣ ссылки на житѣе и огра-
ниченіи ссылки на поселеніе по суду и по приговорамъ обществен-
нымъ. — II. Высочайшее утвержденное мнѣніе Государственного Со-
вета объ отмѣнѣ ссылки и утверждение временныхъ правилъ о
замѣнѣ ссылки на поселеніе и житѣе другими наказаніями.

Цѣна 25 коп.

Высочайше утвержденное положение Комитета Министровъ объ измѣненіи и дополненіи дѣйствующихъ узаконеній относительно общихъ собраний и ревизіонной части акціонерныхъ компаний, а равно состава правленій оныхъ.

Цѣна 20 коп.

ПОЛОЖЕНИЕ О РИЖСКОМЪ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТѢ.

Цѣна 20 коп.

ЗАКОНЪ О ПРЕОБРАЗОВАНИИ ВЗИМАЕМЫХЪ ВЪ ИМПЕРИИ ПОРТОВЫХЪ СБОРОВЪ И ПОЛОЖЕНИЕ О МѢСТНОМЪ УПРАВЛЕНИИ ПРИМОРСКИМИ ТОРГОВЫМИ ПОРТАМИ.

Цѣна 75 коп.

Высочайше утвержденныя правила и Инструкція Министра Финансовъ о фруктово-и виноградоводочномъ и коньячномъ производствѣ.

Цѣна 75 коп.

ПРАВИЛА ДЛЯ ФОНДОВАГО ОТДѢЛА
ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ БИРЖѢ.

Цѣна 15 коп.

ОБЪ ОТВОДѢ ЧАСТНЫМЪ ЛИЦАМЪ КАЗЕННЫХЪ ЗЕМЕЛЬ ВЪ СИБИРИ.

Цѣна 50 коп.

З А К О НЪ

ОБЪ УТВЕРЖДЕНИИ ВРЕМЕННЫХЪ ПРАВИЛЪ ПО ОБЕЗПЕЧЕНИЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХЪ ПОТРЕБНОСТЕЙ СЕЛЬСКИХЪ ОБЫВАТЕЛЕЙ.

Цѣна 50 коп.

Цѣны обозначены съ пересылкою.

**УРОЧИСЕ ПОЛОЖЕНИЕ
ДЛЯ СТРОИТЕЛЬНЫХЪ РАБОТЪ.**

(Высочайше утверждено 17-го Апрѣля 1869 года).

Цѣна 1 руб.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

РѢШЕНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА,

по вопросамъ овъ отвѣтственности должностныхъ лицъ администра-
тивнаго вѣдомства за преступления должностн.

(1868—1896 г.).

Составлен: Членъ Консультации, при Министерстве Юстиціи учрежденной, вск. обиз. товарища
Овѣрь-Прокурора 1-го Департамента Правительствующаго Сената В. И. Тимобесовскаго и вышней
Овѣрь-Прокуроръ того-же Департамента С. П. Кузнецова.

Печатано съ разрешенія Г. Министра Юстиціи.

Цѣна 4 руб., съ пересыпкою—4 руб. 50 коп.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ВОПРОСОВЪ,

РАЗРѢШЕННЫХЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯМИ ОВѢЩАГО СОВРАНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ И
СЪ УЧАСТИЕМЪ I И II ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА,

съ 1866 по 1 Января 1900 г.

Составленъ Овѣрь-Секретарь Овѣщаго Собрания Кассаціонныхъ Департаментовъ
Правительствующаго Сената В. И. Быстроевъ.

Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

*Съ требованіями просятъ обращаться въ г. С.-Петербургѣ, въ Сенатскую
типографію.*

Сенатская типографія не высылаетъ изданий съ наложенными платежемъ, а лишь
по полученіи ю наличныхъ денегъ или квантансіи Казначейства о взносѣ тако-
выхъ въ § 12 специальныхъ средствъ Министерства Юстиціи.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

С. Ф. Глинка. „Къ вопросу о поглощении света кристаллами и о цветохромизѣ въ ультрафиолетовой части спектра“. Исследо- вание В. К. Агафонова	494
— Книжные новости .	510

Ф. Ф. Зыбинский. Древній міръ и мы	1
---	---

СОВРЕМЕННАЯ ЛІТОПИСЬ.

Г. Г. Зоргенфрей. Реформа средней школы въ Пруссії .	25
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	37

Отдѣлъ классической филологии.

И. В. Нетушаль. Римскія три трибы	337
И. Ф. Анненскій. Трагическая Медея .	358
М. Н. Крашениниковъ. Varia (<i>продолженіе</i>)	368

За редактора **Н. Д. Чечулинъ.**

(Вышла 1-го августа).

— — —

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кроме правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и науکъ, критики и бібліографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кроме дней неприсутственныхъ, отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ **исключительно** въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать пять копѣекъ, за границу—шестнадцать руб. Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую, съ пересылкою въ другіе города. **Полные экземпляры** имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900 и 1902 годы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ.

